

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

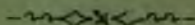
СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧВЕНІЕ

ИВАНА ЗАБѢЛИНА.

297

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

—
1876.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Завелин, И. И.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЖИЗНИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ЗАВЕЛИНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И С., У ПРЯСМЕНСКИХЪ В., Д. МИЛОВОЙ.

1876.

DK71

22

RMOTON

1150

35

Предлежащая книга составляет одну часть труда, который, как дальнейшее развитие изысканий автора по истории русского домашнего быта: предполагается предпринять, благодаря живому участию въ этомъ дѣлѣ Василия Андреевича Дашкова, предложившаго этотъ трудъ автору еще въ 1871 г. съ необходимыми матеріальными средствами для исполненія работы и для ея напечатанія въ свѣтъ.

Заглавіе книги вполне обозначаетъ цѣли и задачи настоящаго труда. Но исполненіе этихъ задачъ, конечно, требуетъ не только силъ, какими обладаетъ авторъ. Его работа во всякомъ случаѣ будетъ только попыткою уяснить себѣ эти самыя цѣли и задачи, ибо легко ставить вопросъ и вовсе не легко самыя изысканіемъ опредѣлить пространство и качество разработки этого вопроса. Понятіе о жизни чрезвычайно обширно и чрезвычайно неопредѣленно, поэтому не малый трудъ для изыскателя заключается уже въ одномъ только раскрытіи основныхъ положеній, способныхъ пролить какой либо свѣтъ на необъятный матеріалъ, оставленный прошитою жизнью.

Жизнь народа въ своемъ постепенномъ развитіи всегда и неизмѣнно руководится своими идеями, которыя даютъ народному тѣлу извѣстный образъ и извѣстное устройство. Разработка исторіи стремится найти такія идеи въ общей жизни народа, въ его политическомъ или государственномъ и обще-

ственномъ устройствѣ. Но мелочной повседневный частный бытъ точно также всегда складывается въ извѣстные круги, необходимо имѣющіе свои средоточія, которыя иначе можно также именовать идеями. Если подобныя мелкіе круги народнаго быта не могутъ составлять предмета исторіи въ собственномъ смыслѣ, то для исторіи народной жизни они суть прямое и необходимое ея содержаніе. Раскрыть эти частныя мелкія жизненныя идеи—вотъ по нашему мнѣнію прямая задача для изслѣдователя народной жизни. Но само собою разумѣется, что допытаться до этихъ идей возможно только посредствомъ равнородныхъ и разнообразныхъ свидѣтельствъ самой же исчезнувшей жизни. Здѣсь и представляется безпредѣльное необъятное поле для изысканій, на которое въ добавокъ не все то воздвигно, чего требуетъ именно исторія жизни.

Взвѣста съ гдѣ ишкатель русскои бытовои древности на первыхъ же порахъ изумляетъ то обстоятельство, что Русскій Человѣкъ, относительно своей культуры, или исторической и бытовои выработки, и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и въ соціалн образованнаго общества представляется въ сущности пустымъ мѣстомъ, чистымъ листомъ бумаги, на которомъ воле историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ всякихъ обстоятельствъ всякія народности вписывали свои порядки и уставы, обычаи и нравы, ремесла и искусства, даже народныя эпическія пѣсни и т. д., то есть всякія народности, какъ бы не было незначительно ихъ собственное развитіе, являлись однако образователями и воздвигателями всего того, чѣмъ живетъ русское племя до сихъ поръ. Такъ все это представляется простому читателю, приходящему въ пантеонъ нашей изслѣдовательности, такъ сказать, съ свѣжаго воздуха, отъ простаго здраваго смысла.

Въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ достоверно и безъ боязни никто не можетъ сказать, находится ли что въ русскомъ быту собственно русское, самостоятельное и самобытное. Въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ о томъ, откуда что взялось въ русской старинѣ и древности, оказывается, что русскій своего ничего не имѣетъ: все у него чужое, заимствованное у Финновъ, у Норманновъ, у Татаръ, у Нѣмцевъ, Францу-

зовъ и т. д. Русская страна, для русскаго, какъ свидѣтельствуемъ исторіи, чужая страна. Онъ откуда-то пришелъ въ нее сравнительно въ очень позднее время, чуть не накануне призванія Варяговъ, ибо до прихода Рюрика нигдѣ не видать, даже и въ курганахъ, никакого слѣда русской древности. Да и въ Рюриковъ вѣкъ видѣются все одни Норманскіе или Финскіе, или другіе какіе слѣды, но отнюдь не Русскіе въ смыслѣ Русскаго Славянства. А между тѣмъ, благодаря всемірной выставкѣ въ Парижѣ, на которой боязливо было представлено на общій европейскій судъ такъ называемое русское древнее искусство (орнаментъ), разсудительные и знающіе еврепейцы съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ отнеслись къ своеобразію и самобытности этого искусства и засвидѣтельствовали, что до тѣхъ поръ ничего подобного они не примѣчали нигдѣ. Съ того времени мало по малу въ Европѣ стала расти мысль, что въ ряду самобытной выработки искусства у разныхъ народовъ есть, существуютъ признаки и самобытнаго русскаго искусства. Очень можетъ случиться, что объ этомъ впервые со всеміи подробностями и со всеми доказательствами мы узнаемъ отъ Французовъ или Нѣмцевъ, ибо собственными изслѣдованіями до такой не предубѣжденной истины дойти намъ очень трудно. Нашъ учебный историческій и археологическій кругозоръ стѣсненъ до крайности. Дальше Варяговъ и кромѣ Варяговъ мы ничего не можемъ разсмотрѣть. Между тѣмъ Варяги-Норманны, сколько бы ихъ ни изучали, въ сущности объясняютъ весьма не многое и въ нашей исторіи, и въ нашей археологій. Въ этомъ очень скоро и легко убѣждается каждый изыскатель, доходящій въ своихъ изысканіяхъ до этого знаменитаго тупика нашей изслѣдовательности. Вотъ непосредственная и первая причина такого множества мнѣній о происхожденіи Русей. Естественно, что та же причина заставила и автора настоящей книги отдать этому вопросу не послѣднее мѣсто. Быть можетъ, увлекшись, онъ погрѣшилъ по этому поводу на многихъ страницахъ своей книги. Но этому Варяжекому вопросу онъ придаетъ большое культурное значеніе, какъ первому участнику въ постройкѣ на извѣстный ладъ не толь-

ко ученаго, но и общественнаго воззрѣнія на Русскую древность и даже на Русскую народность вообще.

Этотъ Варяжскій вопросъ, стороною своего Норманскаго рѣшенія, яснѣе и достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ, что Русскій Человѣкъ въ своей исторіи и культурѣ въ действительности есть пустое мѣсто. Одно такое рѣшеніе необходимо заставляетъ снова пересмотрѣть все то, на чемъ утверждается эта истина, ибо какъ-то невѣрится, чтобы здѣсь именно находилась вся правда нашей Русской исторической жизни*. Вотъ почему вслѣдъ за объясненіемъ, „Откуда идетъ Русское имя“, авторъ долженъ былъ представить, соответственно своимъ силамъ, короткій очеркъ „Исторіи Русской страны съ самыхъ древнихъ временъ“. Такое именно введеніе въ исторію Русской жизни онъ почиталъ рѣшительно необходимымъ и неизбѣжнымъ, руководясь тою простою истиною, что корни всякой исторической жизни всегда скрываются очень глубоко въ отдаленныхъ вѣкахъ.

Вступая въ эту древнѣйшую область съ целью уяснить себѣ только Русскую до-историческую старину, автора, конечно, не успѣлъ, да и не могъ воспользоваться многими, что даже прямо относилось къ его задачамъ. Онъ можетъ только желать, чтобы на этотъ предметъ обратилъ надлежащее вниманіе издатель, болѣе сильный познаніями въ этой области и болѣе знакомый съ источниками. Исторія Русской страны до Варяговъ въ настоящую минуту необходимѣйшая книга, если обратить должное вниманіе на тѣ требованія, какія день за днемъ ставятъ науки антропологическія.

„Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства. Дѣло это уже не

* Приступивъ къ печатанію своего труда еще въ Октябрѣ прошлаго года, авторъ отослалъ теперь въ покойнику уже М. И. Погодину пожеланіе, чтобы въ изданіи, которое онъ надеждою видѣлъ издать о Варягахъ рѣшительное слово, тѣмъ болѣе, что окончательныя мнѣнія достоявшаго ученаго склонились отчасти въ ту же сторону, гдѣ и авторъ этой книги предполагаетъ найти истину.

рестало быть народнымъ: оно дѣлается общечеловѣческимъ“.

Эти золотыя слова сказаны достоуважаемыми нашими академиками, Баромъ и Шифнеромъ, еще въ 1861 году * по тому поводу, что, „у насъ, какъ они замѣтили, со временъ Карамзина ревностно занимаются тою частью отечественной исторіи, которая основывается на письменныхъ памятникахъ (и которая, необходимо прибавить, идетъ только отъ Варяговъ); но колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности“, именно курганныя древности, оставляютъ въ сыромъ видѣ безъ надлежащей разработки.

Дѣйствительно, разсыпанныя по нашей землѣ курганныя древности скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной жизни. Но они такъ разнообразны и разнообразны и относятся къ столькимъ вѣкамъ и племенамъ, что сколько нибудь разсудительная обработка ихъ не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же самыхъ курганахъ, то есть о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались. Какимъ образомъ мы станемъ объяснять курганныя древности, когда вовсе не знаемъ или знаемъ очень поверхностно и невѣрно письменную исторію нашей колыбели? Естественное дѣло, что прежде всего необходимо выслушать всѣ рассказы, какіе оставили намъ о нашей колыбели античныя Греки и писатели Римскаго и Византійскаго вѣка. Это откроетъ намъ глаза, способные съ бѣльшимъ вниманіемъ видѣть и цѣнить нѣмыя памятники нашей колыбели; это же откроетъ новыя двери и къ разъясненію не только древнѣйшей нашей исторіи, но и многихъ позднихъ ея явленій и обстоятельствъ.

По общему плану своего труда авторъ не имѣетъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученныя изслѣдованія по всѣмъ тѣмъ вопросамъ, какіе могутъ возникать и нараждаться изъ самаго заглавія его книги. Онъ предполагаетъ ограничиваться только наиболѣе существенными сторонами Русской

* Сѣверныя Древности г. Ворсо, Спб. 1861.

жизни, дабы по возможности провести свое обозрѣніе Русской Исторіи до ближайшихъ къ намъ временъ. Онъ достигнетъ своей цѣли, если, хотя и въ короткихъ очеркахъ, успѣетъ обозначить главнѣйшіе корни и истоки Русскаго развитія, политическаго, общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ.

Не загадывая о будущемъ, авторъ надѣется продолжать свои работы неизмѣнно, тѣмъ болѣе, что изданіе ихъ въ свѣтъ обезпечено многоуважаемымъ В. А. Дашковымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Природа Русской Страны: Понятія древнихъ о нашей странѣ, стр. 1. Ея различіе отъ остальнаго материка Европы 3. Грудь нашей Равнины 5. Русскій видъ-ландшафтъ 7. Русскій морозъ 9. Лѣсъ и Поле-Степь 12. Свойства жизни въ Полѣ и въ Лѣсу 17. Народные пути-дороги изъ нашей равнины въ приморскія и заморскія страны юга, сѣвера и востока 23. Значеніе рѣчнаго угла Оки и Волги 31. Кама-Волга 33.

Глава II. Откуда идетъ русское имя? Норманство и Славянство Руси 37. Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Скандинавовъ 46. Исторія этого мнѣнія 51. Въ какомъ видѣ оно представляетъ себя начало Русской Исторіи и историческія свойства Русской народности 57. Русскіе академики въ борьбѣ съ мнѣніями нѣмецкими 65. Сомнѣнія нѣмецкихъ ученыхъ 89. Карамзинское время 92. Торжество ученія о Норманствѣ Руси 97. Его основа—отрицаніе 131.

Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Славянъ 133. Кого разумѣть первая Лѣтопись подъ именемъ Варяговъ 137. Истое варяжество при-балтійскихъ Славянъ 149. Гдѣ, по лѣтописи, находилась Варяжская Русь 167. Древнѣйшіе слѣды Варяговъ-Славянъ въ нашей странѣ 176. Заключение 193.

Глава III. Исторія Русской страны съ древнѣйшихъ временъ. Ветупленіе 202. Геродотовы Скиевы и ея обитатели 217. Скиены-земледѣльцы и Скиены-кочевники 219 Ихъ западные, сѣверные и восточные сосѣди 231. Происхожденіе Скиеновъ 238. Бытъ кочевниковъ 243. Прикѣты древнихъ жилищъ Славянства 250. Торговый путь отъ Днѣпра къ Уралу 253. Войны со Скиевыи Великихъ древняго міра 255. Сарматы Римскаго вѣка и ея обитатели 261. По Страбону * и Тациту 268. По

* Объясненія этнографическія показанія Страбона о нашей странѣ, стр. 268 и слѣд., мы пользовались переводомъ соотвѣствующихъ мѣстъ изъ VII и XI книгъ Страбоновой географіи, обязательно сообщеннымъ намъ профессоромъ Московскаго Университета Э. Е. Коршемъ, которому и приносимъ искреннюю признательность.

Птоломею 273. Известія Ам. Марцелина 284. Исторія Роксоланъ 288. Бастарновъ 300. Готовъ 305. Уиновъ 318. Славянство Уиновъ 337. Аттила 342. Его жилище и бытъ 348. Сыновья Аттилы 368. Уины-Булгары 369. Уины-Савиры 371. Славяне-Анты 379. Уины Котригурм и Утигурм 383. Авары 385. Хозары 401. Черты древнѣйшаго Славянскаго быта 407. Заключеніе 415.

Глава IV. Первые слухи о Русской Руси. Первый набѣгъ Руси на Царьградъ 421. Проповѣди патріарха Фотія по этому случаю 425. Причина набѣга и его послѣдствія 433. Темные слухи о Руси на Западъ Европы 440. Слухи объ ней на Востокъ 443. Сказанія арабскихъ писателей о странѣ и народѣ Русь 445.

Глава V. Русская Лѣтопись и ея сказанія одревнѣхъ временахъ. Происхожденіе и первые начатки Русскаго Лѣтописанья 472. Основной его характеръ 478. Повѣсть Временныхъ Лѣтъ 482. Общественныя причины ея появленія 484. Лѣтописанье составляется людьми городскими, самимъ обществомъ 485. Печерскій монастырь, какъ святилище народнаго просвѣщенія 490. Послѣдующая исторія Русскаго Лѣтописанья 496. Лѣтописныя преданія о разселеніи Славянъ 506. Круговая европейская дорога мимо Кіева 507. Основатели Кіева 509. Первоначальная жизнь родомъ 512. Различіе быта патріархальнаго и родового 518. Родъ—колѣно братьевъ 520. Мнѣз Трояна 521. Составъ рода 523. Городокъ, какъ первоначальное родовое-волостное гнѣздо 528. Происхожденіе города, какъ дружины 549. Первоначальный городской промыслъ 560. Богатырскія бытныя воспѣванья древнѣйшій городской бытъ 575. Стольно-Кіевскій князь Владиміръ есть эпическій образъ стольнаго города. 576—586.

Приложенія: I. Ругія-Руссія 589. — II. Поморская земля 596. — III. Карта Помераніи XVII ст. 597. — IV. Древняя Скандія въ своѣхъ мѣстахъ.

Поправка. На стр. 203 въ 17—18 строкъ напечатано: «по лѣтописнымъ годамъ не прошло и трехъ лѣтъ»—слѣдуетъ читать: «не прошло и одного года, какъ по другимъ показаніямъ и трехъ лѣтъ.»

ГЛАВА I.

ПРИРОДА РУССКОЙ СТРАНЫ.

Понятія древнихъ о нашей странѣ. Ея различіе отъ остальнаго материка Европы. Грудь нашей равнины. Русскій видъ - ландшафтъ. Русскій морозъ. Лѣсъ и Поле - Стѣпь. Свойства жизни въ Поляхъ и въ Лѣсу. Народные пути - дороги изъ нашей равнины въ приморскія и заморскія страны юга, сѣвера и востока. Значеніе рѣчнаго угла Оки и Волги.

Обширный востокъ Европы—Русская Страна уже въ глубокой древности отдѣлялась отъ остальныхъ европейскихъ земель, какъ особый своеобразный, совсѣмъ иной міръ. Это была Скиѣія и Сарматія, безмѣрная и безпредѣльная пустыня, уходившая далеко къ сѣверу, гдѣ скрывался ужасный вѣютъ холода, гдѣ вѣчно шелъ хлопьями снѣгъ и страшно вили ледяныя пещеры бурныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Тамъ, въ верху этой пустыни, по общему мнѣнію древности, покоились крѣпки-замычки міра и оканчивался кругъ, по которому вращались небесныя свѣтила. Тамъ солнце восходило только разъ въ годъ и день продолжался шесть мѣсяцевъ; затѣмъ солнце заходило и наступала одна ночь, продолжавшаяся столько же времени. Счастливые обитатели той страны, Гиперборейцы, какъ рассказывали, сѣяли хлѣбъ обыкновенно утромъ, жали въ полдень, убирали плоды при закатѣ солнца, а ночь проводили въ пещерахъ. У этихъ Гиперборейцевъ, на концѣ знаемаго міра, древніе помѣщали свои радужныя мечты о счастливой и блаженной жизни и рисовали ихъ страну и ихъ бытъ тѣми блаженными свойствами, какихъ

всегда себя желаетъ и отыскиваетъ человѣческое воображеніе. Гиперборейцы обитали въ пріятнѣйшемъ климатѣ, въ странѣ изобильной всякими древами, цвѣтами, плодами; жили въ священныхъ дубравахъ, не вѣдали ни скуки, ни скорби, ни болѣзни, ни раздоровъ; вѣчно веселились и радовались и умирали добровольно, лишь тогда, какъ вполне пресыщались жизнью: отъ роскошнаго стола, покрытаго яствами и благовоніями, пресыщенные старцы уходили на скалу и бросались въ море.

Поэтамъ и стихотворцамъ вся наша страна представлялась покрытою вѣчнымъ туманомъ, парами и облаками, сквозь которые никогда не проглядывало солнце и царствовала повсюду одна „гибельная“ ночь. Свои понятія о свойствахъ природы на глубокомъ сѣверѣ они распространяли на всю страну и утверждали басню о киммерійскомъ мракѣ, покрывъ этимъ мракомъ даже свѣтлую область черноморья, гдѣ собственно и жили древніе Киммеріане.

Несмотря на поэзію, древніе однако достоверно знали, что далекій сѣверъ нашей страны представлялъ въ сущности мерзлую пустыню, покрытую ледяными скалами, что въ средней полосѣ находились безмѣрные болота и лѣса, а южный край разстилался безпредѣльною степью, въ которой обитали Скиѣны, народъ славный, мудрый, непобѣдимый, обладавшій чуднымъ искусствомъ въ войнѣ, ибо догнать и найти его въ степи было невозможно, равно какъ не возможно было и уйти отъ него. Въ этомъ короткомъ очеркѣ Скиѣнской войны вполне и очень наглядно выразилось, такъ сказать, военное существо нашихъ степей да и всей нашей страны, откуда не могли выбраться со славою ни Дарій Персидскій, воевавшій со Скиѣнами, ни Наполеонъ, предводитель Галловъ, воевавшій съ Русскими.

Древніе хорошо также знали, что страна наша очень богата такими дарами природы, какихъ всегда недоставало образованному и промышленному югу. Въ ихъ время отсюда, отъ Уральскихъ горъ, приходило къ нимъ даже золото. Они знали, что Днѣпровскія и другія окрестныя мѣста славилась чрезвычайнымъ плодородіемъ своей почвы и служили для нихъ всегдашнею житницею; что въ устьяхъ большихъ рѣкъ и особенно въ Азовскомъ морѣ ловилось невѣроятное множество рыбы, которая также составляла важ-

дѣйствіи прибытокъ греческой торговли; что подалше на сѣверѣ въ іасахъ водилось столько пчелъ, что, по разсказамъ, они заграждали пути къ дальнѣйшимъ краямъ сѣвера; а отъ пчелъ приносилось новое изобиліе меда и воска, доставлявшее точно также великіе прибытки южной торговлѣ. Дальній сѣверъ больше всего славился мѣхами пушныхъ звѣрей, которыхъ тамъ водилось такое же множество, какъ и пчелъ, и мѣха которыхъ роскошными людьми цѣнились очень дорого, ибо употреблялись не только для богатой теплой одежды, но и для украшенія одеждъ опушкою наравнѣ съ золотомъ. Отъ устьевъ Дуная и до устья Дона наши берега были можно сказать усыпаны греческими поселками и городами, которые всѣ и существовали и богатыли только торговлею съ нашимъ же краемъ. Словомъ сказать, съ незапамятной древности природныя богатства нашей страны не только привлекали къ ней торговую промышленность образованнаго юга, но и служили красками для невѣроятныхъ разсказовъ, рисовавшихъ особымъ, незнаемымъ въ другихъ странахъ свойства нашего климата и нашей природы. Склоны были особый міръ, имѣвшій свой особый людской нравъ, свое особое небо, свой воздухъ, свои земные дары, свой особый нравъ природы.

Точно также и новѣйшая наука признаетъ, что Русская Страна, въ своей географіи, есть особое существо, не только не похожее на остальную Европу, а вмѣстѣ съ тѣмъ не похожее и на Азію. Это глубокое различіе раскрывается уже при первомъ взглядѣ на географическую карту Европы. Мы видимъ, что весь европейскій материкъ очень явственно распадается на два отдѣла или на двѣ половины. Западная половина, можно сказать, вся состоитъ изъ морскихъ береговъ, изъ полуострововъ и острововъ, да изъ горныхъ цѣдей, которыя служатъ какъ бы костями этого полуостровья, настоящими крѣпками для всѣхъ этихъ раздѣльныхъ и самостоятельныхъ тѣлъ материка. При этомъ берега каждого полуострова и острова названы моремъ тоже на каждой отдѣльной части и раздѣлены между собою заливами, морями, проливами. Горные крѣпкіе точно также отдѣлены другъ отъ друга и малыми и великими долинами и низменностями. Все это вмѣстѣ образуетъ такую раздѣльность, особость и дробность частей, какой не встрѣчаемъ нигдѣ

въ другихъ странахъ земнаго шара. Здѣсь повсюду самую природою устроены самыя прелестныя и уютныя помѣщенія, какъ бы особыя комнаты, въ отдаленности для наждаго народа и племени, и во всемъ характерѣ страны господствуетъ линия точныхъ естественныхъ границъ или со стороны суши, или со стороны моря.

Эта географическая особенность въ распредѣленіи европейскихъ народностей несомнѣнно имѣла прямое влияние и на историческія начала западной жизни, особенно на широкое развитіе начала индивидуальности и начала самобытности, не только для каждаго народа, но и для каждаго человѣка. Какъ легко было найдти между этихъ морей и заливовъ, посреди этихъ горъ и долинъ, посреди всѣхъ этихъ отчетливыхъ, ясныхъ, рѣзкихъ и крѣпкихъ изгородей природы, уютное мѣстечко или для неприступнаго замка, или для свободнаго города и зажить особою и независимою ни отъ кого жизнью. Какъ легко было создавать здѣсь государство, сосредоточивать, прикрѣплять къ мѣсту, объединять жизнь человѣка и тѣмъ увеличивать, возвышать и распространять всяческія силы его развитія. Вотъ главная причина почему на западѣ Европы существуетъ столько государствъ, сильныхъ и могущественныхъ всѣми дарами человеческого развитія.

Къ этому присоединилось и еще великое счастье. Природа, разгородивши для западнаго европейскаго человечества прелестныя, покойныя, уютныя помѣщенія, какъ добрый хозяинъ, позаботилась и о томъ, чтобы эти помѣщенія были надѣлены на большую часть года свѣтлымъ небомъ и теплою погодою. Она не заморозила своего любимца лютымъ холодомъ и не сожгла его яркимъ азіатскаго или африканскаго солнца; она наградила его климатомъ умереннымъ и благо-раствореннымъ, который давалъ столько облегченій для жизни человѣка, что его свобода ни одного часу не оставалась въ темномъ порабощеніи отъ простыхъ значительныхъ препонъ существованія. Западный человѣкъ нигде не былъ угнетенъ непрестанною работою круглый годъ лишь для того, чтобы быть только сытымъ, одѣтымъ, обутымъ, спастись отъ непогоды, устроиться въ жилищѣ такъ, чтобы не задержануть отъ стужи, чтобы не поочувствовать въ грязи; чтобы зима не была погребеннымъ въ сугробахъ снѣга. Западный

человѣкъ не зналъ и половины тѣхъ заботъ и трудовъ, какіе порабощаютъ и почти ступаютъ челоуѣка въ борьбѣ съ порядками природы, болѣе скупой и суровой.

Все это, конечно, служило первою причиною, почему западный отдѣлъ Европы, этотъ сильно-разчлененный вѣтвистый полуостровъ, сдѣлался съ древнѣйшаго времени средоточіемъ и гнѣздомъ культурной жизни всего челоуѣчества.

Совсѣмъ другое строеніе, другой складъ материка и другой характеръ климата представляетъ восточная половина Европы, служащая основаніемъ и какъ бы корнемъ для всего европейскаго полуостровья. Этотъ востокъ Европы заключаетъ въ себѣ обширную, почти круглую равнину, у которой горныя цѣпи, Карпаты, Кавказъ, Уралъ, какъ и морскіе берега у морей Балтійскаго, Каспійскаго, Бѣлаго, Азовскаго и Чернаго существуютъ только на далекіихъ окраинахъ, такъ что все существо этой равнины уже географически представляетъ вѣчто весьма однородное, однообразное и нераздѣльное.

Равнина со всѣхъ сторонъ, особенно отъ береговъ морей постепенно возвышается къ своей срединѣ. Здѣсь она образуетъ какъ бы широкую грудь, обширную, однако вовсе незамѣтную высоту, съ которой во всѣ стороны изливаются большія и малыя рѣки. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это наши Альпы, которые точно такъ же какъ и въ гористой Европѣ, дѣлятъ всю страну на четыре довольно отличныя другъ отъ друга части, упадающія по странамъ свѣта, на Сѣверъ и Югъ, на Востокъ и Западъ. По справедливости эту возвышенность называютъ теперь Волжскою, имелемъ самой большой рѣки, берущей отсюда свое начало, величайшей рѣки не только въ нашей странѣ, но и въ цѣлой Европѣ.

Въ древности эта возвышенность была извѣстна подъ именемъ Алаунскихъ горъ, гдѣ жилъ народъ Алауны, а по нашей лѣтописи она прозывалась Оковскимъ, Воковскимъ, иначе Волковскимъ¹ Лѣсомъ. Можно толковать, что это былъ

¹ Окодекой, но чаще Воковской и Волковской, потомъ Вльковской и Волоковской. П. С. Р. Л. I, 3; V, 83; VII, 262. Подлнзе Волковской. Сравн. записку Шлецера (Несторъ 1, 69), что «Олкъсъ у Фукидида называется оудѣ для перетаскиванія кораблей по сухому пути».

лѣсь Волоковъ или переваловъ изъ одной рѣчной области въ другую, такъ какъ, при сообщеніяхъ, суда и лодки обыкновенно волоклись, перевозились здѣсь сухимъ путемъ, на колесахъ или на плечахъ.

Волга съ своимъ безчисленнымъ семействомъ большихъ и малыхъ рѣкъ и рѣчекъ, служащихъ ей притоками, опускаетъ равнину на востокъ къ предѣламъ Азіи, къ Каспійскому морю; Западная Двина—на западъ—къ Балтійскому морю; Днѣпръ, а рядомъ съ нимъ Донъ опускаютъ равнину въ южныя степи, къ Черному и Азовскому морю; Сѣверная Двина, текущая изъ сѣверныхъ озеръ, за верхнюю Волгу, опускаетъ весь сѣверный край въ сѣверныя степи или въ моховыя тундры, уходящія къ Бѣлому морю и Ледовитому Океану.

Равнина сходитъ отъ этой высокой средины во все стороны незамѣтными пологими скатами, отчасти увалами, холмами, грядами, нигдѣ не встрѣчая горныхъ краевъ или вообще гористыхъ мѣстъ, съ которыхъ по большей части несутся рѣки и рѣчки западной Европы. Въ этомъ также существуетъ рѣзкое различіе нашего востока отъ сѣвернаго запада. Тамешніи рѣки по большей части нисвергаются, ибо текутъ съ высотъ въ пять и въ десять разъ выше нашей высочайшей площади; наши рѣки, напротивъ того, текутъ плавно. Оттого онѣ многоводны и судоходны чуть не отъ самаго истока и до устья, между тѣмъ, какъ рѣки запада бывають судоходны только начиная съ средняго своего теченія.

Необычайная равнинность страны много способствуетъ также и тому важному обстоятельству, что потоки рѣкъ, равномаеясь по всемъ направленіямъ, образуютъ тѣсную связку и густую сеть естественныхъ путей сообщенія, въ которой всегда очень легко найти перевозку въ ближайшую рѣчную область и изъ непроходимаго лѣснаго или болотнаго глухаго мѣста выбраться на Божій свѣтъ, на большую и торную дорогу какой либо величавой и многоводной большой рѣки.

Это великое, неисчислимое множество потоковъ, доставляя почвъ изобильное орошеніе, придаетъ и всей равнинѣ особую физиономію. Потоками она вся изрыта по всемъ направленіямъ и потому если, за исключеніемъ обыкновенныхъ

уваловъ, она и не имѣетъ горныхъ краевъ, зато повсюду, по русламъ рѣкъ и рѣчекъ образуетъ въ увалахъ береговныя высоты, замѣняющія горы и у населенія обыкновенно такъ и прозываемыя горами. Типомъ подобныхъ Русскихъ горъ могутъ служить Киевскія горы и даже въ Москвѣ Воробьевы горы. На такихъ горахъ построены почти все наши старые города, большіе и малые. Показываются эти горы высокими горами особенно потому, что передъ ними всегда разстилаются необозримыя луговныя низменности или настоящее широкое раздолье, чистое поле, уходящее за горизонтъ, такъ какъ вообще теченіе всехъ рѣкъ и рѣчекъ, по большей части, сопровождается нагорнымъ и луговымъ берегомъ, отдѣляющимъ увалистое пространство материка отъ обширныхъ его долинъ и луговинъ. Такая черта русской топографіи доставляетъ и особую типическую черту русскому ландшафту, котораго основная красота и прелесть заключается именно въ этомъ сочетаніи высокаго нагорнаго берега рѣки и широкаго раздолья разстилающейся предъ нимъ луговины. Въ своихъ существенныхъ чертахъ этотъ ландшафтъ по всей собственно русской равнинѣ одинаковъ. Тоже самое встрѣчаемъ на сѣверѣ, какъ и на югѣ, и особенно въ средней полосѣ; одинаково, въ самомъ маломъ объемѣ, на какой-либо малой рѣчкѣ, какъ и въ величественныхъ размѣрахъ береговаго пространства на самыхъ большихъ рѣкахъ, на Днѣпрѣ или на Волгѣ. Различіе заключается лишь въ обстановкѣ этихъ коренныхъ линий ландшафта. На Сѣверѣ его окружаетъ дѣсь, на дальнемъ Югѣ степная безконечная даль, а отъ величавости и ширины рѣчнаго потока зависитъ большая или меньшая высота берега и большая или меньшая, широта луговой низменности. Ландшафтъ родной природы такой же воспитатель народнаго чувства, какъ и вся эстетическая обстановка этой природы. Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ очертаніями онъ сильно дѣйствуетъ и на нравственное существо человѣка, а потому чувство этого простора, чувство равнинное бытіе можетъ составлять въ известномъ смыслѣ тоже типическую черту въ нашемъ народномъ сознаніи и характерѣ. Быть можетъ оно-то въ теченіи всей исторіи заставляло нашъ народъ искать простора во все стороны, даже и за предѣлами своей равнины. Рядомъ съ этимъ чувствомъ русскій человѣкъ раздвинулъ въ нѣсколь-

ко въковъ свое жилище отъ Бѣва и до Тихаго Океана и притомъ не столько завоеваніями, сколько силою своихъ промышленныхъ потребностей и силою своего неутомимаго рабочаго плеча.

Вообще физономія страны всегда въ точности опредѣляется своимъ ландшафтомъ. Если намъ изобразить воды большой рѣки, пальму на берегу и вдали пирамиду,—кто не узнаетъ въ этомъ маломъ обликѣ древняго Египта, который нарисованъ здѣсь весь полный и съ своею физическою природой и даже съ своею исторіею, ибо пирамида есть выразитель всей исторіи Египта. Кто по верблюду или по оленю не угадаетъ и не представитъ себѣ пустыню юга или пустыню глубокаго сѣвера, какъ и при видѣ осѣдланнаго слона съ бесѣдкою на его хребтѣ и посреди изумительно роскошныхъ, разнообразныхъ и чудныхъ формъ растительности, кто не укажетъ, что это—Индія. Такъ точно, увидавши воды рѣки или озера и тутъ же гдѣ либо на высокой обрывистой горѣ каменный замокъ, группу каменныхъ построекъ съ торчащими башнями, зубчатыми стѣнами, подъемнымъ мостомъ,—кто не угадаетъ, что это рыцарская Европа, Франція, Германія, Англія и т. д.

Нашъ руссій видъ точно также вполне выражается тою топографіею, о которой мы сейчасъ говорили и которая обыкновенно оживляется если не городомъ, или усадьбою, стоящими на крутомъ рѣчномъ берегу, то порядкомъ сѣрыхъ деревянныхъ избъ съ ихъ плетневыми постройками, раститутыхъ гдѣ либо по косогору или на привольномъ лугу и осѣненныхъ Божьимъ храмомъ съ золотистымъ крестомъ и высокой колокольни. Если только переменяемъ порядокъ сѣрыхъ избъ на мазанья и свѣтло-выбѣленные хаты, разбросанныя въ зеленой густотѣ вербъ и тополей, то они тотчасъ перенесутъ наше воображеніе тоже въ родной край, въ Малороссію, въ южную Русь. Прибавивъ къ этимъ двумъ основнымъ обликамъ нашего жилья обстановку окружающей его природы или собственно его горизонты, кругозоры: въ избамъ — косогоры и синѣющіе вдали лѣса, къ хатамъ безпредѣльное чистое поле, покрытое растущими хлѣбами, и мы получимъ въ общихъ чертахъ весьма существенную характеристику нашего роднаго землевѣда.

Но что особенно поражаетъ въ нашемъ равнинномъ земновидѣ такъ это окружающая его невозмутимая тишина и спокойствіе во всемъ, во всѣхъ линіяхъ: въ воздухѣ и въ рѣчномъ потокѣ, въ линіяхъ лѣса и поля, въ формахъ каждой деревенской постройки, во всѣхъ краскахъ и тонахъ, одѣвающихъ все существо нашей страны. Какъ будто все здѣсь притаялось въ ожиданіи чего-то или все спитъ непробуднымъ сномъ. Само собою разумѣется, что такой характеръ страны получается главнымъ образомъ отъ ея неизмѣримаго простора, отъ ея безпредѣльной равнинности, молчаливого однообразіе которой ничѣмъ не нарушено ни въ природѣ, ни въ характерѣ населенныхъ мѣстъ. Къ тому же именно въ отношеніи жалаго, рѣдкаго населенія наша страна всегда походила больше всего на пустыню. Людскіе поселки въ лѣсныхъ краяхъ всегда скрываются гдѣ-то за лѣсами; въ степныхъ же, они, тѣсняясь ближе къ водѣ, лежатъ въ глубинахъ балкахъ, невидимые со степнаго уровня. Оттого путешникъ, переѣзжая вдоль и поперекъ эту равнину, въ безлѣсной степи или въ безконечномъ лѣсу, повсюду неизменно чувствуетъ, что этотъ великій просторъ, въ сущности есть великая пустыня. Вотъ почему рядомъ съ чувствомъ простора и широты русскому человеку такъ знакомо и чувство пустынности, которое негдѣ всего изображается въ заунывномъ звукѣ нашихъ родныхъ пѣсенъ.

Господиномъ нашей страны и полнымъ ея хозяиномъ въ отношеніи климата было конечно свѣтлое и теплое солнце; дававшее всему жизнь и движеніе. Но свое благодатное господство оно дѣлило потоламъ съ другимъ еще болѣе могущественнымъ хозяиномъ нашей страны, которому въ добавокъ отдавало большую половину годоваго времени: Ини этому другому хозяину было морозъ. Это было такое существо, о которомъ рассказывали чудеса еще древніе Греки. Ихъ изумляло, напр.; то обстоятельство, что если во время зимы въ нашей Сибири прольешь на землю воду, то грязь не схлѣпаетъ, вода застынетъ; а вотъ если разведешь на землѣ огонь, то земля превратится въ грязь. Отъ воды земля крѣпнетъ, отъ огня становится грязью — вещи непонятныя и необъяснимыя для обитателя мѣстъ, гдѣ зимы

вовсе не бываетъ. Во всей странѣ, говоритъ отецъ исторіи Геродотъ, описывая только наши южные края, бываетъ такая жестокая зима, что восемь мѣсяцевъ продолжаются нестерпимые морозы. Даже море (Азовское) замерзаетъ и черезъ морской проливъ (Керченскій) зимою ѣздить на тотъ берегъ невозможна, а посреди пролива на льду происходятъ сраженія. По причинѣ лютой стужи въ Скиѣи и скотъ рождается безъ родовъ, а лошади были малы ростомъ. Отъ морозу ломались даже мѣдные сосуды. Во времена Эратосеена въ городѣ Пантикашеѣ (теперешняя Керчь) въ храмѣ Асклепія находился мѣдный, треснувшій отъ мороза кувшинъ, съ надписью, что онъ поставленъ не въ даръ божеству, а только показатъ на увѣреніе людямъ, какія бываютъ зимы въ этой странѣ. Геродоту сами Скиѣи рассказывали, что на сѣверѣ за ихъ страну воздухъ наполненъ летающимъ перьемъ, отчего нельзя ничего видѣть, ни пройти дальше. По моему мнѣнію, замѣчаетъ Геродотъ, Скиѣи называютъ перьемъ густой снѣгъ, потому что снѣгъ походитъ на перье. Другіе, позднѣйшіе описатели нашей страны точно также съ изумленіемъ рассказывали многія басни о чудесахъ нашего мороза. По ихъ словамъ уже не сосуды, а самая земля отъ морозу трескалась широкими разсѣдинами; деревья разщеплялись отъ вершины до корня и т. п., такъ что самое имя Русской Страны прежде всего поселяло въ тогдашнихъ умахъ понятіе о единственномъ ея владителѣ и хозяинѣ, о лютомъ морозѣ.

Дѣйствительно, морозъ, когда распространялъ свое владычество, превращалъ эту равнину и безъ того очень пустынную, въ совершенное подобіе всеобщей смерти. Самое имя морозъ означаетъ существо смерти. Но если при его владычествѣ помирала природа, зато во многихъ углахъ нашей страны и особенно ближе къ сѣверу оживали новонадѣлательностію люди. При морозѣ открывалась самая прямая дорога въ такія мѣста, которыя до того времени бывали вовсе недоступны. Именно въ Новгородской области нельзя было съ успѣхомъ воевать, какъ только во время крѣпкихъ морозовъ, въ глубокую осень или въ теченіи зимы. Самый сборъ даней съ подвластныхъ племенъ начинался съ Ноября и продолжался во всю зиму. Естественно, что тогда же открывались и прямые ближайшіе торговые пути, особенно

въ сѣверные глухіе утлы. Зима ставила путь повсюду; лѣтѣмъ всякій путь шелъ только по рѣкамъ и конечно былъ труднѣе во всѣхъ отношеніяхъ. По лѣтнему сухому пути ѣздили развѣ въ ближайшія мѣста, ибо лѣса, болота, весенніе разливы безчисленныхъ рѣкъ дѣлали такой путь въ далекія мѣста совсѣмъ невозможнымъ. Цѣлая война, шедшая другъ противъ друга воевать, иной разъ расходилась въ лѣсахъ по разнымъ направленіямъ и не встрѣчались на битву. Вообще въ лѣсной сѣверной сторонѣ, весенніе разливы рѣкъ чуть не на все лѣто покрывали поля, луга, лѣса сплошными безконечными озерами, по которымъ нельзя было проложить себѣ дорогу ни на лодкѣ, ни въ повозкѣ и которыя въ лѣтнюю уже сухую пору превращались только въ безконечныя же болота. Только одинъ батюшка - морозъ предлагалъ пути и дороги по всюду и возбуждалъ предприимчиваго человѣка къ дѣятельности, какая совсѣмъ была невозможна въ другое время, кромѣ зимы.

Иное дѣло было въ южной половинѣ страны, въ чистомъ полѣ, въ широкихъ степяхъ. Здѣсь всякіе походы открывались только весной и совершались по сухому пути верхомъ на коняхъ. Только весной широкая и далекая степь являлась, какъ поемные луга и представляла обильное пастбище для коней, какъ и для всякаго скота, ибо горячее лѣто обыкновенно высушивало траву и устанавливало полную безкормицу. Въ зимнее время почва замерзала и оставляла подъ снѣгомъ студный и тощій подножный кормъ, который еще не совсѣмъ легко было отыскать въ степномъ пространствѣ. Стало быть, только весной въ степи съ особенною силою ощущалась дѣятельность человѣка, направленная впрочемъ больше всего на водные набѣги и походы. Весною же по рѣкамъ поднимались и торговые караваны, сплавлявшіе свое добро въ Черное, и Азовское море. Такимъ образомъ торговое и военное сердце древней Руси, Кіевъ, справивши въ зимнюю пору все свои дѣла на сѣверѣ, съ весной открывалъ ворота на дальній югъ и уходилъ или по Днѣпру на лодкахъ въ столицу тогдашней образованности и культуры, въ богатый Царьградъ, или по чистому полю къ сѣверному Дону, гонимый издавна печалью, Печенѣговъ и Половцевъ. Къ заморюшкамъ все давне уже были дома и снова сбивались въ походъ на дальній сѣверъ. Такого было круже-

обращение южной, собственно Киевской жизни съ древнѣйшаго времени, съ той поры, когда Киевъ сталъ матерью Русскихъ городовъ. Но таковъ былъ неуемимый переливъ русской жизни и вообще съ незапамятныхъ временъ. Лѣсъ и поле дѣлили ее пополамъ и непрестанно тинули въ свои стороны. То она раздвигалась широко и далеко до самыхъ морей и до горъ Кавказскихъ и Карпатскихъ, по полю; то уходила глубоко въ сѣверные лѣса, пролагая тѣсныя и трудныя пути тоже къ морямъ. И долгое время совсѣмъ неизвѣстно было, гдѣ она сложится въ живое, сильное и могущественное единство.

Собственно древне-русское жилие въ нашей равнинѣ, по своему географическому характеру, въ дѣйствительности еще нашими предками дѣлилось на лѣсъ и поле.

Именемъ Лѣса въ особенности обозначались сплошные лѣса, покрывавшіе сѣверную сторону отъ Киева и Курска; но и все пространство на западъ отъ Киева, не говоря о дальнемъ отвѣрѣ, а также и на востокъ, къ Волгѣ; тоже было покрыто лѣсами. Поле начиналось въ полосѣ чернозема, еще съ береговъ верхней Оки и верхняго Дона, и особенно распространялось въ полосѣ Киева, Курска, Карькова, Воронжа. Хотя полямъ обозначались вообще степныя пространства, однако въ русскомъ смыслѣ такія, гдѣ по мѣстамъ росли тоже лѣса, ибо поле, какъ покое мѣсто, по начальной своему значенію, всегда указывало, что гдѣ либо въ окрестности существуетъ и лѣсъ. Такое именно поле въ перемежку съ лѣсами разстилалось отъ верховьевъ Дона, дальше къ югу, до той полосы гдѣ лѣсная растительность совсѣмъ прекращалась и рѣкъ начиналась уже настоящая совсѣмъ безлѣсная степь. Черта этого степнаго пространства проходить по нижнему теченію вѣсѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное, Азовское и въ Каспійское море. Отсюда степи тянутся еще дальше на востокъ и теряются въ безконечномъ пространствѣ азіатскихъ равнинъ.

Въ степи совсѣмъ безлѣсной лѣсная растительность держится только по руслу ривъ и рѣчекъ и вообще по низменной долині ихъ потоковъ, вбѣгая иногда въ видѣ дустарника въ близлежащія глубокіе овраги или балки. Чѣмъ дальше къ сѣ-

веру, тѣмъ эти луговые низины, овраги и балки почти занимаютъ кустарничкомъ, который, еще дальше на сѣверъ, принимаетъ уже силу настоящаго лѣса. И въ полосѣ поля всѣ лѣса обыкновенно держатся на такихъ низинахъ и оврагахъ, ибо только по нимъ распространяется изъ рѣкъ необходимая влага. Въ самой степи за недостаткомъ этой влаги лѣсу вовсе не было; но зато по дикимъ мѣстамъ росли непроходимые терны и другіе подобные кустарники и всю степь покрывала густая и высокая трава, разнаго рода бурьянъ, которая въ глухихъ и непроходимыхъ мѣстахъ удоблялась лѣсу, такъ что всадникъ могъ въ ней скрываться и съ конемъ.

Для овецъ и рогатаго скота, какъ и для всякаго мѣстаго и хищнаго звѣря здѣсь было полное раздолье. Оттого степью и владѣли по преимуществу кочевыя племена, переходившія на привольи съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своими стадами. Какъ скоро весь кормъ былъ выѣденъ, стадо само отыскивало лучшей пищи и уходило дальше, за нимъ дальше переходилъ и пастырь-кочевникъ.

Въ отдаленіи отъ большихъ рѣкъ степь обыкновенно такъ ровна и открыта, какъ ладонь; приближаясь къ рѣкамъ она бороздитъ свою поверхность множествомъ широкихъ, глубокихъ и отлогихъ овраговъ или балокъ, поросшихъ тоже густою травою, которая расходясь въ разныхъ направленіяхъ все-таки подъ конецъ соединяются въ одно общее русло и падаютъ въ рѣку.

Ясно, что такое устройство при-рѣчной степной поверхности зависѣло отъ весеннихъ и дождевыхъ потоковъ, направлявшихъ свое теченіе въ рѣку. Въ степи линей развѣтвляется цѣлая система такихъ, широкихъ и отлогихъ овраговъ, по которымъ тайно и невидимо съ уровня степи можно проходить изъ одной далекой мѣстности въ другую, чѣмъ и пользовались кочевники и потомъ казаки, появляясь въ иныхъ случаяхъ внезапно предъ лицомъ непріятеля. Многообразное развѣтвленіе степныхъ балокъ очень похоже на развѣтвленіе рѣчныхъ потоковъ на сѣверѣ страны, съ тѣмъ различіемъ, что тамъ повсюду встрѣчаются свѣжо-прорытые обрывистые берега не только при рѣкахъ, но и при малыхъ ручьяхъ и оврагахъ, между тѣмъ, какъ степныя балки, какъ мы упоминали, по большей части ши-

роко-равножисты, походятъ больше на долины и всегда покрыты, жаль и самая степь, густою травою.

Прешли тысячелѣтїя, но и до сего времени степь помнитъ своихъ первыхъ обитателей: По ея широкому раздолью путникъ безпрестанно встрѣчаетъ тамъ и здѣсь раскинутыя группами или стоящїя одинокими, такъ называемыя въ народѣ, Могилы или курганы, иногда поражающїе своею огромною величиною, которая въ иныхъ курганахъ доходитъ слишкомъ до 10 сажень и болѣе отвѣсной высоты и до 50 сажень и болѣе въ поперечникѣ по подошвѣ насыпи. Эти громадныя могилы служатъ какъ бы маяками въ безпредѣльной пустынѣ, оживляютъ ея ландшафтъ и будто живыя существа что-то разсказываютъ и что-то думаютъ о незнакомой исторїи своихъ строителей. Народъ очень давно подвѣтилъ впечатлѣнїе, производимое на путника этия гигантами степной равнины и воспѣлъ его въ своихъ пѣсняхъ¹.

По большей части и особенно громадныя могилы, какъ и цѣлыя группы среднихъ и малыхъ кургановъ стоятъ на такихъ высотахъ, откуда во всѣ стороны расходятся безчисленныя балки, то есть стоятъ такъ сказать на степныхъ горахъ или холмахъ, называемыхъ въ нашей лѣтописи и въ Словѣ о Полку Игоревомъ шеломянемъ отъ слова шлемъ, шеломъ, а также и прямо горю въ смыслѣ высокаго мѣста. Надо полагать, что такія горы были родовыя и на ихъ высотѣ погребались родичи и вожди племени, которое занимало своимъ кочевьемъ близлежащїя окрестности. Естественно также, что для степныхъ обывателей курганы служили маяками, верстовыми столбами, по которымъ степняки распредѣляли и узнавали свои пути—дороги и свои жилаыя границы.

{ Вѣсть съ тѣмъ и позднѣйшіе кочевники всегда выбирали высокую могилу для расположенїя вокругъ нея сво-

Ой у поля кодыда азъ вятремъ говорю:
 Повій, вятре буйдесенькій, щобъ я не чорнила!
 Щобъ я не чорнила, щобъ я не марнила;
 Щобъ на мени трава росла, та ще й зеленила...
 И вятерь не віє, и сонце не тріє,
 Такии въ степу прищоромъ трава зеленила...

его коша или временной стоянки. Тутъ они разбивали свои повозки и палатки, строили даже каты, а сверху кургана наблюдали за стадами. Съ большого кургана по прямой линіи привычныхъ глазомъ степняка можно ясно видѣть очень на далекое разстояніе.

Для кочевника во внутренней стени всего труднѣе было добывать себѣ водопой. Колодцы, копани, или же родники, криницы, существовали на днѣ глубокихъ и далекихъ балокъ; поэтому и самое мѣсто коша обыкновенно выбиралось вблизи рѣкъ и рѣчекъ или такихъ мѣстъ, гдѣ надревле существовали копаные колодцы и родники — криницы. Это было единственное недвижимое, не перевозимое и не переносимое имущество степняковъ, которымъ обыкновенно пользовался каждый родъ особо, и изъ-за котораго вѣроятно много происходило у нихъ браней, ссоръ и междоусобій.

Существенная сила степной жизни для человека, заключалась однако не въ стадѣ, но въ быстромъ конѣ. Это благородное животное для степняка являлось вторымъ его существомъ. Безъ коня онъ не могъ ухаживать за своими стадами, пасты ихъ и защищать отъ воровъ людей и отъ воровъ звѣрей. Притомъ степь, безпредѣльно ровное и открытое пространство, нигдѣ не представляетъ никакой защиты. Эту защиту возможно находить только въ быстротѣ передвиженія, ибо спрятаться отъ врага некуда и должно искать спасенія только въ быстромъ бѣгѣ коня.

Въ лѣсу каждое дерево каждый кустъ способствуютъ къ оборонѣ и могутъ укрыть всякій слѣдъ. Но въ степи все открыто и всякое движеніе на ладони. Ни высадки, ни обороны устраивать негдѣ и приходится бѣжать, уноситься на конѣ, что для кочевниковъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ служило единственнымъ способомъ всякой обороны. Зато кочевникъ такъ любилъ и уважалъ коня, что считалъ незаконнымъ и безчестнымъ запрягать въ повозку даже и негоднаго; на это некои были опредѣлены волю.

По самой срединѣ нашихъ южныхъ безлѣсныхъ приморскихъ степей, существовало одно мѣсто, которое все было покрыто лѣсомъ и у древнихъ грековъ такъ и являлось Илея, Лѣсъ, а по русски Олешье. Это мѣсто находилось въ

устья Днѣпра, на лѣвѣмъ, восточномъ ея берегу, гдѣ и теперь существуетъ на мѣстѣ древняго, новый городъ Адешки¹. Лѣсъ отсюда простирался по Днѣпру и дальше къ сѣверу, особенно по теченію р. Конки, отъ самаго ея впаденія въ Днѣпръ и по всемъ рукавамъ Днѣпра, образующимъ многочисленныя широкія поемныя дуга, называемыя и давнями. Затѣмъ, всѣ острова нижняго Днѣпра тоже были покрыты лѣсомъ, такъ что, особенно въ глубокой древности, этотъ лѣсъ начинался почти отъ самыхъ пороговъ и при устьѣ обнималъ всѣ близлежащія заливы, озера и Перекопскія болота. Въ средніе вѣка здѣсь гнѣздился какой-то безпокойный народъ, заставлявшій много говорить о немъ и о такъ называемыхъ Меотійскихъ, то есть здѣшнихъ болотахъ, которыя по тогдашнимъ понятіямъ были одно и тоже съ Азовскимъ моремъ. Кочевники приходили въ эти луговныя и лѣсныя мѣста на зиму, ибо здѣсь, въ низменныхъ мѣстахъ, близъ моря и въ лѣсу было теплѣе и представлялось больше защиты отъ зимнихъ вьюговъ и вѣтровъ, какъ для скота, такъ и для людей. Хозяева близлежащихъ степей и теперь пергоняютъ сюда на зиму стада овецъ для болѣе привольнаго корма и защиты отъ стужи.

Надо замѣтить, что въ южной Русской рѣчи такія поемныя, покрытыя сплошнымъ лѣсомъ низины носятъ собственное названіе луговъ. Внизу Днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ нѣкогда существовала Запорожская Сѣчь, все низменное пространство Днѣпровскихъ разливовъ, еще и теперь покрытое густымъ лѣсомъ, такъ и называлось: Великій Лугъ. Въ южномъ ярыгѣ лугъ стало быть значить лѣсъ, совсѣмъ противоположно сѣверному понятію о лугѣ, какъ о покомѣ, безлѣсномъ чистомъ мѣстѣ. Въ такомъ различіи смысла для одного и того же слова выразились только различныя свойства степной и лѣсной природы. Въ южныхъ полесѣхъ

¹ У Прокопія, претела VI в.; вся эта страна именуется Элиссією, Элиссією. По другимъ писателямъ здѣсь существовалъ городъ Элиссозъ, обозначаемый на итальянскихъ картахъ елесе, елесе, егесе, егесе (Древности Геродотовой Скиѣи, Выпускъ II, Спб. 1872, статья г. Бруна, стр. XXVII), что все вмѣстѣ, отъ VI до XIV вѣка, только огречиваетъ и оглатываетъ тоже самое коренное славянское имя Олѣшь. Олѣшка, Олѣшка въ старинномъ топографическомъ языкѣ означало болото, видное, поемное мѣсто, покрытое кустарникомъ и мелколѣвьями.

и степныхъ краяхъ гѣсная растительность, какъ мы говорили, держится по преимуществу только въ низменныхъ, сравнительно съ другими наиболее влажныхъ мѣстахъ; оттого прямое понятіе о лугѣ, какъ о поемной низменности, перешло въ исключительное понятіе о всякомъ лѣсѣ¹.

Жизнь въ чистомъ полѣ и живнь въ лѣсу воспитывали и самыхъ людей весьма различно. Наше Русское Поле отличалось своею плодородною черноземною почвою, вознаграждавшею всегда съ избыткомъ даже самый легкій трудъ земледѣльца. Оно лежало въ климатѣ болѣе тепломъ, чѣмъ лѣсная сторона и потому представляло множество облегченій и удобствъ для жизни, въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ устранявшихъ особенную заботу о завтрашнемъ днѣ. Часто случалось, что сжиная свой хлѣбъ, земледѣлецъ не заботился о будущемъ посѣвѣ, такъ какъ для такого посѣва бывало достаточно одной падалицы, то есть упавшаго зерна при уборкѣ, которое, вспаханное потомъ деревяннымъ ралою, приносило на будущее лѣто тоже не малый плодъ. Такъ точно и всѣ другія хозяйственныя произрастенія въ изобиліи давали плодъ каждому доброму и старательному и даже нестарательному хозяину. Для скота всегда было прѣвѣлье и кормъ на тучныхъ лугахъ широкаго поля. Устройство самаго жилища вовсе не требовало отъ поселенина столькихъ трудовъ, заботъ и хлопотъ. Изъ хвороста и глины, перемѣшанной для связи съ навозомъ, онъ лепилъ себѣ на нѣсколькихъ столбахъ хату, покрывая ее пшеничною соломой или тростникомъ. На южномъ солнцѣ, чѣмъ дольше хата стояла, тѣмъ становилась крѣпче и суше и никакіе дожди ей не были опасны, ибо тоже солнце тотчасъ все высушивало. На сѣверѣ такая хата отъ вѣчной продолжительной мокроты раздѣлалась бы и развалилась бы по составамъ. Постоянное возобновленіе обмазки глиной, а для чистоты мѣломъ, такъ легко, что этимъ дѣломъ издревле занимаются только женщины; онѣ же на половину строятъ и самую хату, ибо смазка изъ глины ея стѣнъ есть какъ бы наследственная ихъ обязанность. Затѣмъ и извѣстная чи-

¹ Максимовичъ: Откуда идетъ Русская Земля, стр. 134 (примѣч. 60).

этою южныи крестьянении жилищи вполнѣ также зави- сятъ отъ неизбежнаго возобновленія ихъ обмази глиню и особенно мѣломъ. Простой мѣлъ играетъ здѣсь роль пре- мукраго воспитателя, распространителя и охранителя крестьянскои чистоты и опрятности, ибо выбѣленная хата сама уже указываетъ, что всяческая грязь, какъ въ сѣверныхъ избахъ, въ ней непозволительна.

И всему этому главнымъ образомъ способствуетъ болѣе теплый климатъ и болѣе яркое и горячее солнце.

Какъ для степняка-кочевника его основную силу и вто- рое его существо представлялъ конь, такъ и для степнаго земледѣльца, жившаго въ полѣ, истинною его силою и вто- рымъ его существомъ былъ сивый волъ.

Безъ вола южный поселенинъ, какъ безъ рукъ, совсѣмъ пропалъ и погибъ. Никакая лошадь въ грязную погоду не вывезетъ по чернозему и самое себя; а волъ ступаетъ себѣ тихо и мѣрно и перевозитъ такія тяжести, какихъ и цѣлый табунъ коней не сможетъ съ мѣста тронуть, не говоря о томъ, что поднимать подъ пашню плугомъ черноземную новину, только и возможно въ нѣскольکو паръ воловъ.

Но волъ, какъ второе существо южнаго человѣка, по не- обходимости вселялъ въ своего ховнина и свои обычаи и нравы: свое упрямство, неповоротливость, медлительность, не только въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и понятіяхъ. Ни что вокругъ не устремляло южнаго поселени- на къ быстрому соображенію, къ быстротѣ пониманія, къ быстрой догадкѣ и смѣлкѣ, чѣмъ въ особенности отличает- ся сѣверный поселенинъ. Хозяйство южнаго человѣка все проходило на волахъ, тихо, спокойно и медленно. Онъ ни- когда не испытывалъ особенно горячей поры въ своихъ работахъ и заботахъ; его существованіе вполнѣ было обе- печено его мягкою, доброю, нѣжною природою. Оттого и са- мая его пѣсня звучитъ больше радостью, любовью, беззабот- нымъ весельемъ, чѣмъ тяжелымъ трудомъ и тяжелымъ го- ремъ жизни, оскорбленной самою природою.

Но и на югѣ среди чистаго поля и широкаго раздолья, по- среди благодатной природы, долгое время существовало свое горе, хотя и не такое обидное, какое дается со стороны при- роды, которое побороть нельзя, которое безвыходно и при-

водитъ человека въ отчаяніе. Не югъ съ этими поремъ можно было бороться, можно было его побѣдить. И однако цѣлые вѣка его побѣдить было невозможно; цѣлые вѣка оно отравляло и развращало южную жизнь и не давало ей собираться въ живое, могущественное единство.

Южнее Русское Славянство своими широкими полями прилегало, какъ мы говорили, къ безводной степи, гдѣ нельзя было заниматься земледѣліемъ и гдѣ по этому странствовали только одни кочевники. Эти-то кочевники, это идолище, чудище поганое, никогда не давало покоя обитателю нашего поля.

Выждавъ время и удобный случай, оно внезапно набрасывалось на полянина-земледѣльца, грабило его, сожигало его хаты, угоняло скотъ, вводило въ плѣнъ людей. Въ этихъ обстоятельствахъ не помогали иногда и крѣпкіе города. Очень естественно, что южный земледѣлецъ долженъ былъ жить всегда на-готовѣ для встрѣчи врага, для защиты своего паханого поля и своей родной земли. Важнѣйшее зло для освѣдлой жизни заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было прочертить сколько нибудь точную и безопасную границу отъ сосѣдей степняковъ. Эта граница ежеминутно перекатывалась съ мѣста на мѣсто, какъ та степная растительность, которую такъ и называютъ Перекати-Полеми. Нынче пришелъ кочевникъ и подогналъ свои стада или раскинулъ свои палатки подъ самый край паханой нивы; завтра люди, собравшись съ силами, прогнали его, или дарами и обѣщаніемъ дадутъ подать удовлетворили его жадности. Но кто могъ ручаться, что послѣ завтра онъ снова не придетъ и снова не раскинетъ свои палатки у самыхъ земледѣльческихъ хатъ. Поле, какъ и море—вездѣ дорога и невозможно въ немъ положить границу, особенно такихъ, которыя защищали бы такъ сказать сами себя. Въ такихъ обстоятельствахъ очень естественно, что население въ иныхъ, наиболѣе бойкихъ мѣстахъ, выставляло живую границу изъ людей, всю жизнь отдававшихъ полевою войнѣ. Естественно, что въ иныхъ мѣстахъ население по необходимости становилось козакомъ, почти такимъ же разбойникомъ-степнякомъ, отъ котораго должно было защищаться. Такимъ образомъ на полевой нашей окраинѣ съ незапамятной древности должны были существовать дружины удалцевъ, на при-

надлежащихъ ни въ земледѣльцѣхъ, ни къ кочевникамъ, а составлявшихъ особый народъ, даже безъ названій, отъ чего и въ нашей исторіи есть только слабыя намекы на его существованіе. Свое названіе эти дружины получали больше всего отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они скоплялись, и откуда особенно распространялась ихъ удалая воинственная сила. На памяти нашей исторіи они назывались бродниками, быть можетъ отъ слова бродить, то же что и кочевать, или отъ сброда, отъ собранія всякихъ людей. Потомъ они стали прозываться Чернасами, отъ мѣста ли или отъ свойства своей жизни, неизвѣстно. Наконецъ эти удалыцы получили имя Козаковъ, то же не совсѣмъ объяснимое, что оно первоначально означало. По всему только видно, что этотъ народъ ни сколько не заботился о своемъ имени. Живя за Днѣпровскими порогами, онъ назывался Запорожцемъ; живя на Дону, онъ назывался Донцемъ. Но любопытно, что еще при Геродотѣ, за 450 лѣтъ до Р. Х., на нижнемъ Днѣпрѣ, который тогда назывался Борисееномъ, жили Борисеениты-Днѣпровцы; а при Птоломѣе, въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х., на поворотѣ Дона жили Донцы-Танайты. Отчего тѣ и другіе прозывались исключительно по имени рѣкъ, когда рядомъ съ ними существовали обитатели, называвшіеся своими именами? Не существовало ли и въ тѣ времена той же самой причины, что это были люди, не принадлежавшіе ни къ какому племени, составлявшіе собственно сбродъ людей отъ всякихъ племенъ?

Какъ бы ни было, но происхожденіе нашего козачества должно уходить въ глубокую древность, ибо оно, козачество, есть такъ сказать неизбежное фیزیологическое явленіе древнѣйшей жизни нашихъ украинцевъ, вызванное на Божій свѣтъ ихъ географическимъ положеніемъ и ходомъ самой исторіи. Круглая беззащитность широкаго чистаго поля создавала по необходимости своего рода защитника; страхъ отъ внезапнаго набѣга враговъ создавалъ изъ украинца всегдѣшняго воина, который по необходимости промышлялъ тѣмъ же, чѣмъ промышляли настоящіе степняки-кочевники. Такимъ образомъ жизнь въ чистомъ полѣ, подвергаясь всегдѣшней опасности, была похожа на азартную игру. „Либо панъ, либо пропалъ“ — равнялась тамъ въ народѣ пословица, вполне выражавшая состояніе тамошнихъ дѣлъ.

Лѣнное мѣсто вблизи устья Днѣпра, о которомъ мы говорили, было постояннымъ и какъ бы природнымъ козачиимъ гнѣздомъ, съ незапамятныхъ временъ. Козачество здѣсь нарождалось, непрерывно возобновлялось само собою, постояннымъ приливомъ всякихъ людей отъ разныхъ сторонъ, или прямо искавшихъ новаго счастья, или убѣгавшихъ отъ домашняго несчастья, отъ уголовной бѣды, отъ отцовской или властелинской гровы и отъ множества подобныхъ причинъ.

Не то было въ нашей сѣверной лѣсной сторонѣ. Она тоже жила рядомъ съ дикимъ варварскимъ населеніемъ, иногда бокомъ о бокомъ съ какимъ-либо Соловьемъ-Разбойникомъ, сидѣвшимъ на двѣнадцати дубахъ и не пропускавшимъ мимо себя ни коннаго, ни пѣшаго. Но въ лѣсу не то, что въ чистомъ полѣ: здѣсь вездѣ можно устроить засаду и вездѣ можно спрятаться. Здѣсь, забравшись въ какую-либо трущобу, можно такъ ее укрѣпить и защитить, что она не убоится никакого врага. Здѣсь вообще работою и трудомъ неуклонно можно подвигаться впередъ и впередъ, можно распространять свои границы, хотя исподволь, шагъ за шагомъ, но зато твердо, опредѣленно и точно, потому что здѣшнія границы, не такъ какъ полевныя, менѣ подвижны и переходчивы отъ завоеваній врага. Въ лѣсу, что бывало сдѣлано въ смыслѣ осѣдлости и устройства прочнаго жилья, то пускало глубокіе корни и вырвать ихъ было не легко. Въ немъ конечно нельзя съ такимъ раздольемъ, какъ въ степи, въ полѣ, зайти очень далеко, унести въ любую сторону и потерять даже собственный слѣдъ. Въ немъ, напротивъ, только по проложенному широко и глубоко слѣду и возможно какое либо движеніе. Зато однажды, хотя и съ трудомъ, проложенный путь въ лѣсу становился на долгое время неизмѣнною и прямою дорогою ко всякимъ выгодамъ и облегченіямъ жизни.

Лѣсъ, во самой своей природѣ, недопускалъ дѣятельности слѣплаго отважнаго или вспыльчиваго. Онъ требовалъ ежеминутнаго размышленія, внимательнаго соображенія и точнаго взвѣшиванія всѣхъ встрѣчныхъ обстоятельствъ. Въ лѣсу, главнѣе всего, требовалась широкая осмобирательность, ибо кругомъ существовало не одно идеальное поганое, а слыш-

номъ много предметовъ, которые столько же, какъ и подобное чудище, прешитетвовали движенію впередъ. Отъ этого у лѣснаго человѣка развивается совсѣмъ другой характеръ жизни и поведенія, во многомъ противоположный характеру кореннаго Полянина. Правиломъ Лѣсной жизни было: десять разъ примѣръ и одинъ разъ отрѣжь. Правило Полевой жизни, какъ мы упомянули, заключалось въ словахъ: либо панъ, либо пропалъ. Полевая жизнь требовала простора дѣйствій; она прямо вызывала на удачу, на удачу, прямо бросала человѣка во всѣ роды опасностей, развивала въ немъ беззабѣтную отвагу и прыткость жизни. Но за это самое она же дѣлала изъ него игральное всякихъ случайностей. Вообще можно сказать, что Лѣсная жизнь, воспитывала осторожнаго промышленнаго политическаго хозяина, между тѣмъ какъ Полевая жизнь создавала удалаго воина и богатыря, безработнаго къ устройству политическаго хозяйства.

Къ тому же для полянина, жившаго въ довольствѣ со стороны природной благодати, не особенно требовалась помощь сосѣдей. Онъ къ ней прибѣгалъ только въ военныхъ случаяхъ, но въ мирной повседневной жизни онъ и на маломъ пространствѣ легко могъ завести такое сильное и обширное хозяйство, что оно вполне его обезпечивало. Оттого въ его сознаниіи не большую цѣну имѣла мысль устроить свою землю по плану одного общаго хозяйства, по плану одного государства, государства. Въ полѣ каждое даже мелкое хозяйство могло, спустя рукава, существовать особнякомъ, ни въ чемъ независимо отъ другихъ. Въ лѣсу и это обстоятельство дѣйствовало иначе. Тамъ и люди во многомъ вполне зависѣли другъ отъ друга. Природа ихъ тѣснила со всѣхъ сторонъ. Необходимый просторъ для дѣйствій жизни добывался даже и въ малыхъ дѣлахъ, только при помощи общаго союза и соединенія, по той причинѣ, что ни одно хозяйство тамъ не было полно: всегда чего-либо не доставало и что необходимо было доставать у сосѣда. Въ одномъ мѣстѣ было много лѣснаго зверя или рыбы въ водахъ, за тѣмъ не было хлеба; въ другомъ былъ хлебъ, за тѣмъ не доставало матеріаловъ для одежды и т. д. Поле въ этомъ случаѣ представляло больше полноты и круглоты, даже и для малаго хозяйства. Потребности и нужды его обитателей удовлетворялись легче и независимо отъ сосѣдей и потому каждая отдѣль-

ная Земля тамъ въ полной мѣрѣ была самостоятельнымъ государствомъ.

Къ этому присоединялась еще едвали не самая важная причина, почему южные Славяне испокон жили въ раздѣльности и сохранили навсегда стремленіе жить особнякомъ. Всѣ рѣчныя области въ полость Поля по природѣ были раздѣльны между собою, всѣ главныя рѣки текли отсюда въ море, каждая особо. По этому Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ и Донъ очень рано собираютъ на своихъ берегахъ вполнѣ независимыя поселенія, которыя нисколько не нуждаются другъ въ другъ и дѣйствуютъ всегда особнякомъ. Днѣстръ нисколько не зависѣлъ отъ Днѣпра, а Днѣпръ отъ Дона.

Между тѣмъ всѣ рѣки сѣверной страны постоянно находились въ зависимости отъ сосѣдей и посредствомъ устьевъ и перволоковъ всѣ сплетались въ одну связаную и плотную сеть, что необходимо должно было выразиться и въ характеръ населенія. Не смотря на природную отдѣльность Новгородской рѣчной области, она въ своихъ границахъ тѣсно связывалась со всею Волжскою областью, а на Волгѣ господствующее положеніе было занято Окою, такъ какъ по ней шло къ Волгѣ древнѣйшее населеніе восточныхъ Славянъ, первыхъ колонизаторовъ адъшняго края, удалившихся сюда добывать себѣ хлѣбъ не войною, а земледѣльческою работою. На притокахъ Оки естественно и возникла хозяйственная сила всего сѣвернаго Славянства, очень легко собравшая потомъ всѣ раздѣльныя Земли въ одно общее хозяйство—господарство.

Мы уже обозначили, что Алаудская или Волжская возвышенность распределяетъ всю страну въ общемъ географическомъ смыслѣ на четыре главные доли, соотвѣтственно сторонамъ свѣта, но точнѣе на нѣсколько рѣчныхъ областей, спускающихся съ этой высоты въ весьма различныхъ направленіяхъ. Притомъ этою одною высотой еще не вполнѣ определяется распаденіе рѣчныхъ областей въ разныя стороны. Нѣсколько южнѣе и восточнѣ Волжской возвышенности существуетъ другая возвышенность, которую можно обозначить Донскою, такъ какъ съ нея на югъ течетъ Донъ съ своими притоками, а на сѣверъ Ока также со мно-

гии притоками. Эта самая возвышенность, проходя отъ запада къ востоку, отъ Орла до Самары, бокъ-о-бокъ съ теченіемъ верхней Волги до Камы, заканчивается на Волгѣ Самарскою Лукою. Съ нею на сѣверъ и на югъ, кромѣ Оки и Дона, текутъ многія другія значительныя рѣки, притоки Оки, Волги и Дона.

Такимъ образомъ по направленію этой возвышенности Русская Страна дѣлится собственно на двѣ почти равныя половины: сѣверную и южную. Отъ этого водораздѣла къ югу и начинается Поле, а къ сѣверу идутъ сплошныя Лѣса.

Въ южной половинѣ всѣ важнѣйшія рѣки, начиная отъ Днѣстра и даже самая Волга, текутъ на югъ, хотя и поворачиваютъ къ востоку, оглябая каменную гряду южныхъ степей. Въ сѣверной половинѣ большая часть главныхъ рѣкъ течетъ на сѣверъ и только одна Волга течетъ прямо на востокъ, направляя за собою и всѣ свои притоки.

Рѣки—земныя жилы, артеріи, но еще правдивѣе онѣ могутъ такъ называться въ этнографическомъ и историческомъ смыслѣ. Въ какую сторону онѣ текутъ, въ ту сторону течетъ и народная жизнь. Поэтому весь нашъ югъ, протекая своими рѣками въ моря Черное, Азовское и Каспійское, уноситъ туда и всѣ стремленія южнаго народа. Съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, какъ увидимъ, еще отъ временъ Киммеріанъ, южное населеніе постоянно отливало болѣе или менѣе сильными потоками во всѣ окрестныя мѣста Чернаго и даже Каспійскаго моря, не говоря о ближайшемъ Азовскомъ, которое для этого населенія искони было внутреннимъ озеромъ.

Вотъ по какой причинѣ древность очень хорошо знала гдѣ находится Скивія, а средній вѣкъ очень твердо помнилъ, что въ этомъ углу существуютъ Меотійскія болота, Азовское море съ близлежащими заливами Гнилаго моря и Днѣпровскимъ Лиманомъ, откуда поднимаются не только туманы, но и страшныя силы варварскихъ набѣговъ. Съ другой стороны и варвары, населявшіе наши южныя рѣки, очень хорошо знали, что на томъ берегу Чернаго моря существуютъ богатые города, что за Кавказомъ къ Каспійскому морю прилегаютъ очень богатые торговыя и промышленныя, счастливныя области, въ которыхъ рѣки текутъ медомъ въ молочныхъ берегахъ.

Само собою разумѣется, что нашимъ варваражъ не пришло бы въ голову, что существуютъ на свѣтѣ такія страны, еслибъ не рассказали имъ объ этомъ греческіе же города, сидѣвшіе по нашимъ же морскимъ побережьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти торговые города изъ зависти, изъ соревнованія, изъ-за какой либо обиды, указывали не только пути, какъ туда проникать, но основательно объясняли и всѣ обстоятельства, въ какое время выгоднѣе сдѣлать нападеніе.

Какъ бы ни было, но нашъ Полевой и Степной прирѣчный югъ очень хорошо зналъ не только плаваніе на тотъ берегъ Чернаго моря, но и всѣ тѣсныя ущелья кавказскихъ проходовъ, когда набѣгъ предпринимался сухимъ путемъ. Онъ вообще смотрѣлъ на эти южныя загорскія и заморскія страны, какъ мы теперь смотримъ на Западъ Европы. Тамъ живетъ образованность, высшая культура, т. е. живетъ богатство, довольство жизни, даже роскошь. Мы теперь уносимся въ Европу для пріобрѣтенія этой образованности, для пріобрѣтенія познанія, просвѣщенія и всякихъ плодовъ цивилизаціи. Древній нашъ варваръ уносился на Черноморскій и Закавказскій югъ тоже для пріобрѣтенія плодовъ развитія, но однихъ только матеріальныхъ, и пріобрѣталъ онъ ихъ не уплатою собственныхъ денегъ, а мечемъ и грабежемъ. Конечно, и его вызывала къ походу таже сила, какая двигаетъ и нами—бѣдность, недостатокъ потребныхъ вещей.

Такимъ образомъ народныя стремленія нашего юга, кому бы они не принадлежали, Славянамъ или другимъ народамъ, постоянно были направлены къ югу же. Естественно что они должны были окончиться водвореніемъ у насъ южной цивилизаціи, какъ и случилось уже на памяти нашихъ предковъ, когда наконецъ всецѣлородно была принесена къ намъ Христова Вѣра.

Какъ увидимъ, вся исторія нашего юга, то есть вся его жизнь дѣйствовала именно въ этомъ направленіи. Коренной силой этой исторіи съ незапамятныхъ временъ былъ Днѣпръ. Его правой рукою былъ Днѣстръ, а лѣвою Донъ. Съ Днѣстра шла дорога за Дунай, туда главнымъ образомъ и тѣнились избытокъ нашего населенія; съ Дона пролегла дорога и на Волгу въ Каспій, и въ Кавказскіе

горамъ, куда тоже постоянно тѣснилось Донское население.

Южная наша исторія однако сильно тянула также и на Западъ Европы, не смотря на то, что въ эту сторону отсюда не было рѣчной большой дороги, а лежалъ здѣсь сплошной и высокой материкъ, съ котораго всѣ рѣки текли въ нашу же равнину, одни въ область Днѣпра, другія въ Дунай и въ Черное моря. Но по верховьямъ этихъ рѣкъ существовала на Западъ сухопутная дорога, которая въ сущности была переваломъ, переволокомъ изъ нашихъ рѣчныхъ областей въ рѣчныя области западнаго Славянства.

Этотъ перевалъ протягивался по предгорьямъ и по направленію Карпатскаго хребта, срединнаго мѣста для всѣхъ Славянскихъ племенъ. Съ него, какъ изъ одного узла, рѣки направляются и въ нашу сторону, и далеко на сѣверо-западъ, въ сторону Балтійскаго моря. Здѣсь вершина Черноморскаго Днѣстра очень близко подходитъ къ вершинѣ Сана, верхняго притока Балтійской Вислы, и къ вершинѣ Западнаго Буга, средняго притока той же Вислы. Отсюда же нѣсколько дальше беретъ начало сама Висла и рядомъ съ нею Одра (Одеръ) важнѣйшія Славянскія рѣки Балтійскаго Поморья, отдѣляющія полуостровный Западъ Европы отъ Восточной ея равнины. Такимъ образомъ, на этомъ перевалѣ самою природою связанъ узелъ Славянской жизни, направлявшій свои вѣтви къ двумъ вѣтвищимъ морямъ. Вотъ почему на этомъ самомъ перевалѣ или вообще вблизи его начинается и древнѣйшая исторія Славянъ.

Карпатскія горы въ нѣкоторомъ отношеніи были въ свое время Славянскимъ Кавказомъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ крѣпко держался корень всего Славянства; отсюда онъ отдѣлялъ стволы и вѣтви по всѣмъ направленіямъ. По крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ преданіяхъ Славянства о своемъ происхожденіи сѣверныя племена указываютъ обыкновенно на Югъ, южныя—на Сѣверъ; и тѣ и другія, какъ на свое родоточіе, на прикарпатскую страну. Самое имя Карпатъ одатчнено, изъ Славянскаго Горбъ-Гора. Для Славянства, Карпатскія горы всегда были природною твердынею, крѣпкою и надежною опорою въ борьбѣ съ иноплемениками.

Карпатскій перевалъ служилъ, какъ мы сказали, сухопутною дорогою изъ нашей страны въ собственную Европу. Онъ въ восточной половинѣ поюна заселенъ былъ русскими племенемъ и посредствомъ двухъ большихъ рѣчныхъ путей въ Балтійскому морю, по Вислѣ и Одрѣ, связывалъ интересы Черноморья съ Варяжскими моремъ. По многимъ намекамъ исторія видимо, что на Балтійскомъ Поморьѣ, въ иныхъ случаяхъ, хорошо знали, что происходило на Черномъ, и на Черномъ морѣ тоже хорошо знали, что и на Балтійскомъ Поморьѣ живутъ родные же люди. Вообще, владѣи Карпатскихъ переваломъ, русскій Днѣстровскій и Днѣпровскій югъ должны были имѣть хорошія свѣдѣнія объ этомъ Славянскомъ Поморьѣ, а Поморье съ своей стороны не могло не знать Балтійской дороги въ нашу Русскому сѣверу:

Славянская жизнь, такимъ образомъ, особенно во времена великаго переселенія народовъ; много ли, мало ли, но двигалась вокругъ и по нашей равнинѣ, отъ Карпатъ Вислою и Одрю въ Балтійское море, оттуда въ Нѣмецъ, въ Двину, въ Неву на Волховъ и Ильмень, а съ Ильменя въ Двинь на Черное море и къ тому же Карпатскому хребту.

Озерная половина Русской Страны по теченію рѣкъ распадается собственно на двѣ области. Въ западной ея углу все рѣки текутъ къ сѣверу, отчасти въ Балтійское море, отчасти въ Финскій заливъ и Ладожское озеро и на дальнемъ сѣверѣ—въ Бѣлое море. Это область большихъ озеръ и морскихъ заливовъ. Здѣсь Славянское населеніе сосредоточивалось въ особую силу на озеръ Ильмень; въ срединномъ мѣстѣ всего края, если отдѣлить отъ него Вѣдоморскую сторону, которая составляла только его промышленный придатокъ, какъ бы откожную пустошь. Озеро Ильмень, по южному Лиань, служитъ въ дѣйствительности Лианькомъ или широкимъ устьемъ для множества рѣкъ. Одному западному старому люду слызывали, что въ Ильмень течетъ 300 рѣкъ. Естественно, что все эти рѣки, протекавшія къ одному устью, связали и самое населеніе въ одно цѣлое, которое, такъ племя, носило собственное имя Славянъ. А сами имя Славяне, какъ очень вѣроятно, прежде всего появились на западѣ вместе съ именемъ Нѣмецъ-Германецъ,

въ той странѣ, гдѣ Славяне, гранича съ Нѣмцами, хотѣли себя обозначить Словесными, въ противоположность Нѣмымъ-Нѣмцамъ, то это обстоятельство можетъ называться, если не въ полной мѣрѣ, то весьма значительною долею на западное происхожденіе Новгородскаго Славянства, именно съ Венедскаго Птоломеева залива, отъ устьевъ Одрин и Вислы, отчего сосѣдніе Чудь-Эстонцы и до сихъ поръ называютъ Русскихъ Виндлаиновъ, Венелайновъ. Поморскихъ Славянъ конечно занесла въ нашу страну торговля мѣховымъ товаромъ. Несомнѣнно, что они первые, при помощи нашего Славянства, открыли путь изъ Варягъ въ Греки. Когда это случилось, исторія не помнитъ, но вѣроятное соображеніе всегда останется на сторонѣ того предположенія, что одноплеменникамъ пролагать путь по своей же землѣ было естественнѣе, чѣмъ пускаться по немъ чужой народъ, Готы или Норманновъ. Во всякомъ случаѣ это совершилось еще за долго до извѣстнаго начала нашей исторіи.

Итакъ Ильменская область вѣстѣ съ областью Бривичей, жившихъ на верху Западной Двины, тянула больше всего въ Балтійское море и стало бытъ на западъ, въ Европу. Однако этотъ путь въ Европу былъ такъ кривъ и обходистъ, что никакъ не могъ принести намъ той пользы, какую слѣдовало бы ожидать. Вѣрнѣе сказать, это было изъ нашей страны волоковое окно въ европейскую сторону, сквозь которое стѣсненными путемъ и проходили наши связи съ европейскимъ міромъ. Въ послѣдствіи это окно было закрыто европейскими врагами.

Но надо сказать, что это окно потому и существовало, потому и возродилось на этомъ мѣстѣ, что въ немъ было нужду больше всего европейское же побережье Балтійскаго и Нѣмецкаго моря. Ильменскіе Славяне въ этомъ случаѣ были только посредниками торговли между европейскими северомъ и внутренними областями нашей страны. Прямою въ Старой Ладогѣ, древнѣйшемъ поселеніи нашихъ Славянъ у входа въ Балтійское море, и въ Новгородѣ, который бытъ можетъ былъ только Новомъ Ладогомъ, европейцы, северной мѣрѣ Скандинавы, получали не одни мѣха: сюда привозились и греческіе, и восточные товары, особенно дорогіе цѣнные ткани, шелковыя, золотныя, шерстяныя, и различныя издѣлія пряности, которыя на дальнемъ европейскомъ сѣ-

веръ представляли вообще большую рѣдкость. Въ Новгородѣ такіе товары могли появляться только посредствомъ его сношеній по Волгѣ съ далекими востоками, а по Днѣпру съ греческими породами, крайнейшей мѣрѣ съ Византіей.

Поэтому открытіе пути изъ Варягъ въ Греки по Днѣпру должно относить къ очень давнему времени, ибо въ 6-мъ в. не видимъ признаковъ онъ несомнѣнно уже существовалъ. Отсюда становится очень понятною необыкновенная тѣсная связь Новгорода съ Кіевомъ, которою прямо открывается нѣкая исторія еще при Рюрикѣ. Отстранявши ученые предразсудки о томъ, что не только торговля, но и всему насъ научили Варяги-Скандинавы, мы, на основаніи разнородныхъ свидѣтельствъ древности, легко можемъ сообразить, что этотъ путь впервые былъ проложенъ и наторенъ, какъ привычная тропа, нитѣмъ другимъ, какъ исключительно славянами, жившими по сторонамъ этого пути. Они первые повезли и свои, и греческіе, и восточные товары на потребу бѣдному Скандинавскому сѣверу и конечно первые же рассказали Варягамъ-Норманнамъ, куда явившимся, что пройти здѣсь можно и очень легко.

Греческій путь по нижнему Днѣпру извѣстенъ былъ еще Геродоту, писавшему свою исторію за 450 лѣтъ до Р. X. Можемъ полагать, что и тогда уже существовало на Днѣпрѣ, въ Кіевской сторонѣ, какое либо средоточіе для обмена греческихъ произведеній на туземные товары, такъ какъ Геродотъ прямо и точно поворитъ, что здѣшніе туземцы торговали хлѣбомъ. Былъ ли то Кіевъ или другой какой городъ, это все равно. Но Кіевъ, находясь тамъ сказать на устьѣ множества рѣкъ впадающихъ передъ нимъ въ Днѣпръ, составляя узелъ для всего Днѣпровскаго семейства рѣкъ, долженъ былъ возникнуть самъ собою, но однимъ естественнымъ причиною, какъ складочное мѣсто для Днѣпровскаго сѣвера, смѣрившаго отсюда прямо на Греческій югъ, ибо здѣсь Днѣпръ дѣлился какъ бы по поламъ между сѣверомъ и югомъ. Кіевъ такимъ образомъ создавъ былъ потребностями и нуждами стварной стороны, которая, кромѣ другихъ предметовъ, прежде всего нуждалась въ хлѣбѣ, такъ какъ въ хлѣбѣ же нуждалась и греческіе, черноморскіе города. Кіевъ возродился на границѣ Лѣса и Поля и потому всегда служилъ сердцемъ для сношеній славянскаго сѣвера и греческаго

юта. Когда въ этомъ сердцѣ затрещала народная жизнь, то естественно, что къ нему потянулись и Ильменскій край, и дорога изъ Чернаго моря въ Балтійское проложила сама собою безъ всякой указки со стороны какого-бы то ни было чужаго народа. Прямѣ всего дорога лежала по Западной Двинѣ въ Березину и оттуда уже въ Двѣпръ. Тамъ и было въ самомъ началѣ, когда Березина почиталась верхнимъ Двѣпромъ и давала всему Двѣпру имя Бериссена. Это было во времена Геродота. Но во времена Птоломея, въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х., то есть спустя 600 лѣтъ послѣ Геродота открывається и настоящій Двѣпръ, текущій съ Волжской возвышенности. Это означало, что по крайней мѣрѣ съ этого уже времени открылся и самый путь изъ Варягъ въ Греки, то есть путь отъ Ильменской стороны, который послѣ, не смотря на кривизну и дальнѣй обходъ черезъ Березинскіи путь, получаетъ преобладающее значеніе. А это съ своей стороны можетъ свидѣтельствовать, что Ильменская Страна, была способнѣ вести мирное дѣло торговыхъ оборотовъ, по той конечно причинѣ, что ее стали населять промышленный Славянскій народъ, пришедшій на озера и въ непроходимыя болота разумѣется не столько для земледѣлія, сколько именно для торговаго и всякаго другаго промысла. Этотъ народъ могъ двигаться сюда не иначе какъ съ Двѣпровскихъ же притомовъ, но, судя по имени Славянъ, онъ могъ получить значительное приращеніе, какъ мы сказали, и изъ-за моря, съ Славянскаго Поморья между Лабой, Одрой и Вислой.

Новгородъ, подобно Кіеву, также стоитъ на устьѣ многихъ рѣкъ и является такимъ же узломъ для этихъ рѣкъ, текущихъ отъ Двѣпровской стороны къ сѣверу. Эти двѣ рѣчныя области отдѣляются другъ отъ друга только Волоковскимъ лѣсомъ, Алаунскою возвышенностію, на которой и господствовало отъ древнѣйшихъ временъ наше Северное Славянство.

Отсюда ему открывалась новая дорога прямо на Востокъ, по руслу Волги. Естественно, что и по этой дорогѣ Русское Славянство начало свои пути тоже въ очень отдаленное время. Оно двигалось по этому пути и съ верху, изъ Лѣса Волховъ или Волоковъ, и съ южнаго бока отъ Двѣпровской Десны прямо по Овѣ, стало быть прямо къ средней Волгѣ.

Теченіе Оки до ея впаденія въ Волгу равняется теченію до того же мѣста самой Волги. Въ этомъ углу между двухъ потоковъ Оки и Волги очень рано образовалась область Ростовская, которая своимъ именемъ Ростовъ показываетъ однако, большое родство съ Дибровскою Россію и ея притокомъ Ростовицею, почему можно заключить, что и самое имя Россъ, Ресса въ древнее время тоже произносилось, какъ Ростъ. Можно гадать, что Ростовъ приволжскій получилъ начало еще въ то время, когда по всей нашей странѣ господствовало имя Роксоланъ, которые, если хаживали на сѣвѣ Рима за Дунай, то очень могли ходить и на сѣверъ къ Ростовской Волгѣ.

Какъ бы ни было, но русло Волги и русло Оки съ незапамятныхъ временъ сдѣлались неприщемъ для Славянской предприимчивости, пробивавшейся на этой широкой дорогѣ дальше къ Востоку. Въ началѣ нашей исторіи Руссы были уже свои люди въ Волжской Болгаріи, близъ устья Камы; были свои люди и въ далекой Астрахани, въ устьяхъ Волги, на Каспійскомъ морѣ.

Есть соображенія, какъ увидимъ, что дорога въ Каспійское море съ глубокаго сѣвера существовала еще при Александрѣ Македонскомъ. Тогда было известно, что къ Каспійскаго моря можно проплыть узкимъ проливомъ въ Сѣверный Океанъ, который по тогдашнимъ понятіямъ начинался отъ Балтійскаго побережья. Это была географическая ошибка, возникшая однако не безъ причины, а именно потому, что такимъ путемъ по Волгѣ по всему вѣрнѣю не самомъ дѣлѣ проходили въ сѣверныя моря.

Стоить только побывать на Волгѣ чтобы увидѣть, что промышленныя силы народа нигдѣ не могли найти лучшаго и способнѣйшаго мѣста для своихъ дѣйствій. Природа здѣсь, хотя и не столько богатая, какъ на Дибровскомъ, Дибровскомъ и Донскомъ югѣ, но вполне обезпечивающая всякій трудъ частію даже и земледѣльческой особенно промысловой. Естественныя богатства всего края, весьма разнообразныя, начиная отъ льна и оканчивая жемчужно, а при этомъ открытые во всѣ стороны пути сообщенія по безчисленнымъ рѣчнымъ системамъ, доставлявшіе скорую возможность сбыта, ожидали только рабочихъ

и смѣтливыхъ рукъ, которыя и явились здѣсь со стороны Оки и со стороны верхней Волги.

Такимъ образомъ въ очень давнюю пору здѣсь произошло смѣшеніе племенъ Русскаго Славянства самихъ по себѣ, а также съ Финскими племенами Веси, Мери, Муромъ, Мещеры, въ одно новое племя, которое въ послѣдствіи стало именоваться Велинорусскимъ. Пришедшіе сюда Вятичи съ Оки и Радимичи отъ Сожа, Кривичи съ верхняго Днѣпра и Славяне-Новгородцы отъ Ильменской стороны слились въ одинъ народъ, превратившій мало по малу все Финское населеніе страны въ чистое Славянство. Они пришли сюда кормиться работою. А такъ какъ и въ здѣшнихъ мѣстахъ на земледѣліе надежда была не великая, не то, что на югѣ, въ полѣ, то весь ихъ смыслъ устремился на разнообразную обработку всякихъ другихъ земныхъ даровъ и всего того, что только было потребно населенію близкаго и далекаго по-Волжья. По этой причинѣ съ незапамятнаго времени здѣсь явились цѣлыми деревнями и даже цѣлыми городами плотники, каменщики, кузнецы, кожевники, ткачи, лапотники, сапожники, мельники, коробейники или сундучники, огородники, садовники и т. д. Словомъ сказать, здѣсь для Русскаго Славянства образовалась сама собою какъ бы особая ремесленная и промышленная школа, гдѣ были бы способныя руки, а выучиться было можно всему на свѣтѣ. Естественно что накопленный товаръ, какъ и накопленное знаніе всякаго мастерства и ремесла требовали разноси и распространенія ихъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ что надобилось. Отсюда сама собою возникала торговая предпримчивость и странствованіе за работою рабочихъ артелей и за товаромъ и съ товаромъ купецкихъ артелей, такъ что населеніе становилось по необходимости кочевымъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ постоянного ухода на промыселъ, на торгъ, на работу.

Особая подвижность и предпримчивость жизни на мирномъ поприщѣ промысла и работы развивала въ здѣшнемъ народѣ не только особую ловкость и смѣтливость во всякихъ дѣлахъ, но и особую потребность въ житейскомъ порядкѣ и въ правильномъ устройствѣ хозяйства, безъ чего и на самомъ дѣлѣ ни торгъ, ни промыслъ и никакая работа идти не могли.

Вотъ по навѣннѣ причинамъ далекая Суздальская сторона въ нашей землѣ и въ нашей исторіи очень рано безъ всякихъ воинственныхъ походовъ и завоеваній становится очень сильною, господствуетъ надъ остальными княжествами, а потомъ втягиваетъ въ свое русло и всю исторію Русской Страны. Сила Суздальской земли была сила промысла и работы, а стало быть и сила устроеннаго хозяйства. Ея побѣды надъ остальными силами земли были побѣдами рабочаго, промышленнаго и торговаго плеча надъ владычествомъ исключительно военно-дружинныхъ порядковъ, установленныхъ больше всего силою одного меча и мало заботившихся объ устройствѣ прочнаго хозяйства, не для себя только, но и для всего народа.

Такимъ образомъ этотъ, сравнительно не великій, уголъ между Окою и Волгою самъ собою возродился въ великую земскую и государственную силу всей Русской земли, сталъ ея настоящимъ сердцемъ, отъ котораго естественно сдѣлались зависимыми и всѣ другіе близкіе и далекіе края Руси. Всѣ политическія побѣды этого угла совершились только потому, что была велика его промышленная способность и сила.

Рядомъ съ Суздальскою странною, въ незапамятное тоже время, образовалось народное Славянское средоточіе на перевалѣ изъ средней Оки къ верхнему Дону. Это была Земля Рязанская, очень плодородная и богатая всѣми тѣми дарами природы, какихъ искони требовалъ въ древнее время Воспорскій греческій югъ, а въ послѣдствіи Генуэзская торговля, почему мы можемъ гадать, что существованіе въ этомъ краѣ всякаго промысла принадлежитъ къ самымъ давнимъ временамъ, о которыхъ исторія оставила намъ одни только намеки.

Отъ впаденія Оки Волга продолжаетъ свое теченіе дальше на Востокъ до самаго впаденія Камы. Тамъ она круто поворачиваетъ къ югу, отдаваясь направленію Камы, которая течетъ прямо отъ сѣвера. Кама такая рѣка, что во многомъ поспоритъ съ Волгою. Она гораздо полноводнѣе Волги, течетъ быстрѣе Волги, вода въ ней чище и лучше Волжской, оттого и ея рыба предпочитается Волжской.

Все это приводит къ тому, что неизвѣстно, Волга ли течетъ дальше впаденія Камы или это сама Кама, текущая по собственному направленію отъ сѣвера на югъ, въ которую Волга впадаетъ почти подъ прямымъ угломъ съ запада. Это тѣмъ болѣе сомнительно, что отсюда начинается совсѣмъ иной міръ жизни, болѣе соответствующій Камской области, чѣмъ Волжской, отъ ея истоковъ. Въ древнія времена, особенно Каспійскіе жители на самомъ дѣлѣ нижнюю Волгу почитали продолженіемъ теченія Камы. У нихъ на это были еще и тѣ причины, что въ верху Камы, вообще по близости Урала, тогда существовала страна весьма богатая и промышленная извѣстная въ послѣдствіи, въ 9-мъ в., подъ именемъ Біарміи, Перми, которая вела съ прикаспійскими восточными землями весьма дѣятельный торгъ. Еще Геродотъ за 450 лѣтъ до Р. Х. рассказывалъ объ этой странѣ чудеса. Въ то время сюда направлялся греческій торговый путь за золотомъ. Геродотъ прямо говоритъ, что золото получалось съ сѣвера, отсюда. Здѣсь гдѣ-то чудовища Грифы стерегли это золото. Конечно это былъ только главный товаръ, съ которымъ рядомъ вывозились и другіе металлы, а также дорогіе камни и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогіе мѣха. Вотъ предметы, привлекавшіе сюда еще античный міръ. И естественно, что съ того времени должно считать и начало здѣшней промышленности, именно горной, оставшей въ Уральскихъ горахъ очень замѣтные памятники своихъ работъ при добываніи металловъ, такъ же какъ и многочисленныя памятники своихъ жилищъ по теченію Камы и по Уральскимъ ея притокамъ. Геродотъ зналъ здѣшній народъ Исидоновъ; имя этого народа по всему вѣроятію сохраняется доселѣ въ имени рѣки Исети, текущей съ Уральскихъ горъ къ востоку въ р. Тоболъ отъ того самаго мѣста, въ горахъ, гдѣ беретъ начало р. Чусовая, текущая на западъ и впадающая въ Каму повыше теперешней Перми. Здѣсь по этимъ обѣимъ рѣкамъ и существовало промышленное сообщеніе Европы съ Азією. Царство здѣшняго промысла распространялось на все теченіе Камы и несомнѣнно притягивало къ себѣ и верхнюю Волгу, отчего вблизи впаденія Камы съ давняго же времени устроилось то же очень промышленное населеніе, въ послѣдствіи царство Болгарское, явившееся по всему вѣроятію наслѣдникомъ древ-

нѣйшаго при-Уральскаго промысла. Можно полагать, что при Геродотѣ греческій путь къ Уралу отъ греческаго города Ольвии, въ устьѣ Днѣпра, пролегалъ по Днѣпру на Кіевъ, потомъ по Деснѣ и по Окѣ на Волгу и до устья Камы. Геродотъ вообще, какъ купецъ, не сказываетъ, по какимъ мѣстамъ въ нашей странѣ шла эта дорога, но говоритъ, что ходившіе по ней Скиѣы и Греки употребляли семь переводчиковъ для семи языковъ, жившихъ по дорогѣ. Этотъ Днѣпровскій путь могъ существовать независимо отъ греческой же дороги изъ Воспора Киммерійскаго по Дону до Царицынскаго перевала въ Волгу, гдѣ по Геродоту существовалъ богатый деревянный городъ Гелонъ. Геродотъ не даромъ же зналъ народъ Чернокафтанниковъ, жившій въ полосѣ Чернигова, Курска и Воронежа, слѣдовательно и въ Рязанской области. Эти знакомые Геродоту Чернокафтанники могутъ также указывать, что существовалъ и еще путь вверхъ по теченію Дона на перевалъ черезъ Рязанскую область въ Рязанскую и Муромскую Оку. Что этотъ путь существовалъ по крайней мѣрѣ въ половинѣ втораго вѣка по Р. Х., на это, какъ увидимъ, есть довольно ясныя показанія.

Если все это было такъ, то верхніе земледѣльческіе Скиѣы—Днѣпровскіе Славяне еще тогда начали заселять область Оки и двигаться къ Нижегородской Волгѣ. Мы увидимъ, что въ подтвержденіе этому у Геродота существуетъ особое, весьма важное свидѣтельство.

Такъ было или иначе, но достоверно только одно, что почти за пять вѣковъ до Р. Х. по нашей странѣ отъ Днѣпра и Дона проходила торговая дорога къ Уральскимъ горнымъ богатствамъ, которая по естественнымъ причинамъ должна была многому научить здѣшнее населеніе и вызвать въ немъ хотя въ малой мѣрѣ тотъ же предпріимчивый и торговый духъ, какой проносился здѣсь караванами изъ греческихъ Черноморскихъ городовъ.

Исторія Камской при-Уральской торговой и промышленной области совсѣмъ неизвѣстна. Ничего не знаемъ, какъ она существовала, когда была у ней самая цвѣтущая пора и какимъ образомъ она опустѣла, передавши повидимому свое промышленное наслѣдство Волжскимъ Болгарамъ. Должно полагать, что древній Уральскій горный промыселъ, а

съ живъ и промышленная жизнь при-Уральской страны умала еще въ то время. Какъ прекратились тутъ древне торжественныя пути съ береговъ Черноморья. Нѣтъ сомнѣнія, что вытѣсненіе этихъ путей повлекло уже наводны на востокъ Александра Македонскаго, растворившаго для Европы широкія двери въ Азію не къ одному золоту.

Съ той поры Персидская страна должна была держаться только сношеніями съ прикаспійскими областями, гдѣ около Р. X. господствовали какіе-то Аорсы, а съ 7-го ст. Хозары, были можетъ тѣже Аорсы, принявшіе только имя своихъ замѣстителей. Отсюда только могли идти къ ней надобныя южныя товары, на которые она вынѣживала уже не золото, а большае мѣсто свои мѣха, такъ какъ у Каспійскаго моря было съ того времени довольно и своего золота. Затѣмъ расширить зажиточность и богатство Персидской страны могли были же Славяне отъ Новгорода, а также и отъ Волги, если въ этомъ ихъ не предупредили Каспійскіе Болгары.

Отъ виденія Камы, поворотивши круто на югъ, Волга уморила промышленную и торговую жизнь съвера прямо въ Каспійское море, гдѣ, на ея устьи, искони вѣковъ существовала узелъ, связывавшій интересы европейскаго съвера и азіатскаго востока. Мы упомянули, что около Р. X. здѣсь господствовали Аорсы, которые жили именно при устьи Волги, простираясь своими жилищами до самаго Дона. Кто такіе были эти Аорсы, неизвѣстно, но они и тогда уже торговали съ Мидією и Вавилонією, получая оттуда товары на верблюдахъ. Эта торговля началась по всему фронтію горндо раньше; она существовала еще при владычествіи древнихъ Персовъ, ибо Геродотъ зналъ Каспійское море лучше всѣхъ географовъ древности и оставилъ даже очень нѣрное его изображеніе, а это свидѣтельствуетъ, что тогда уже торговые люди ходили по этому морю вдоль и поперекъ. Точно также и спустя многія столѣтія послѣ Аорсовъ эта торговля дѣйствительно велась при владычествіи Арабовъ особенно въ 8-9 столѣтіяхъ, когда устьемъ Волги владѣли Хозары. Такимъ образомъ, въ продолженіи по крайней мѣрѣ цѣлаго тысячелѣтія до начала нашей исторіи, устье Волги необходимо ганеть къ себѣ носъ нашъ съверъ и югъ, требуя отъ нихъ надобнаго товара и отпускаая имъ въ промѣнъ товары азіатскихъ странъ.

ГЛАВА II.

ОТКУДА ИДЕТЬ РУССОЕ ИМЯ?

Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Скандинавовъ. Исторія этого мнѣнія. Въ какомъ видѣ оно представляетъ себя начало Русской Исторіи и историческія свойства Русской народности. Его основа—отрицаніе. Имя Руси идетъ отъ Варяговъ-Славянъ. Кого разуметь первая лѣтопись подъ именемъ Варяговъ. Истое Варяжество прибалтійскихъ Славянъ. Гдѣ, по лѣтописи, находилась Варяжская Русь. Древнѣйшіе слѣды Варяговъ-Славянъ въ нашей странѣ.

Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ одинъ изъ даровитѣйшихъ изслѣдователей Русской и Славянской Древности, Карпато-Россъ Венелинъ, писалъ между прочимъ:

„И доселѣ не знаютъ, съ какой Руси начинать Русскую Исторію“.

Съ тѣхъ поръ прошло чуть не полстолѣтіе, но эти слова Венелина не совсѣмъ потеряли свой правдивый смыслъ и въ настоящее время. Не смотря на господствующее теперь мнѣніе, что Русь происходитъ отъ Норманновъ, время отъ времени появляются новыя рѣшенія этого спорнаго вопроса и каждый изыскатель, входящій въ подробности дѣла, всегда выноситъ, если и не вполне новую мысль, то крайней мѣрѣ, какое либо свое особое, новое толкованіе хотя бы и очень старыхъ сужденій о томъ же предметѣ. Трудно перечислить всѣ оттѣнки такихъ сужденій и толкованій. Большинство изслѣдователей и самыхъ дѣятельныхъ, всегда, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, становится на сторону Норманскаго происхожденія Руси. Норман-

ское мнѣніе основано, утверждено и распространено нѣмецкими учеными, которыхъ славные авторитеты сами собою способны придать высокую цѣну каждому ихъ мнѣнію. Большинство, естественно, принимаетъ на вѣру послѣднее слово науки; а наука и притомъ въ нѣмецкой обработкѣ твердить это слово уже слишкомъ сто лѣтъ: есть ли разсудительная причина и возможность не вѣрить ему?

На этомъ основаніи мнѣніе о Норманствѣ Руси поступило даже посредствомъ учебниковъ въ общій оборотъ народнаго образованія. Мы давно уже заучиваемъ наизусть эту истину, какъ непогрѣшимый догматъ.

И не смотря на то, все-таки являются сомнѣнія. Въ теченіи тѣхъ же почти полусторасти лѣтъ проходятъ, рядомъ съ принятою истиною, противорѣчія ей, возникаютъ споры, поднимаются опроверженія этого непогрѣшимаго вывода науки, показывающія вообще, что основанія его слабы и что нѣтъ въ немъ настоящей истины. Эти споры то угасаютъ, то поднимаются снова, съ большимъ или меньшимъ оживленіемъ, и каждый разъ съ новыми видоизмѣненіями завѣтнаго вопроса.

При всемъ разнообразіи мнѣній, спорящіе распадаются собственно на два лагеря. Одни, по преимуществу нѣмецкіе ученые утверждаютъ, что Русь пришла отъ Норманновъ и затѣмъ въ разногласіяхъ между собою отыскиваютъ ее всюду, только не у Славянъ. Другіе утверждаютъ, что Русь Славянское племя, туземное, искони жившее на своемъ Русскомъ мѣстѣ, или отыскиваютъ ее все-таки у Славянъ же на Балтійскомъ Поморьѣ. Руководителемъ перваго мнѣнія можно признать Шлецера, достославнаго европейскаго историческаго критика, установившаго правильный способъ для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ и указавшаго истинный путь къ ученой обработкѣ исторіи вообще. Очень понятно, что изслѣдованія этой стороны въ общемъ характеръ отличаются всѣми качествами Шлецероваго способа изысканій: строгою и разностороннею критикою источниковъ, обширною начитанностію, большимъ знакомствомъ съ литературою предмета. Однимъ словомъ на этой сторонѣ господствуетъ полная ученость, по справедливости вполне и сознающая свою ученую высоту. По этимъ свойствамъ изыскательности, какъ и по существу воззрѣній на предметъ, эту

школу вѣрнѣе всего можно именовать не норманскою, а чисто Нѣмецкою.

На другой сторонѣ, если не примымъ руководителемъ, то политѣйшимъ выразителемъ всѣхъ ея достоинствъ и недостатковъ можетъ почитаться незабвенный Венелинъ. На это даетъ ему право самый объемъ его трудовъ (хотя по большей части только черновыхъ), а главное — множество ватрунутыхъ имъ вопросовъ, возбужденныхъ именно только Славянскою точкою зрѣнія на предметъ. Въ изслѣдованіяхъ Венелина примыкаютъ съ одной стороны чрезмѣрное сомнѣніе въ лицѣ такъ называемой Скептической школы Каченовскаго, родственной по отрицательному направленію своихъ воззрѣній съ Нѣмецкою школою; а съ другой стороны чрезмѣрное легковѣріе гг. Морощкина, Вельмана и др., достигающее уже полного баснословія. Но все писатели этого Венелинскаго круга согласны въ одномъ, что Русь самобытна, что Варяги были Балтійскіе Славяне. На этомъ основаніи мы можемъ справедливо именовать эту школу по преимуществу Славянскою.

Достоинства критики Венелина заключаются въ простомъ здоровомъ смыслѣ, который онъ всюду ставитъ, какъ надежнаго противника всякимъ, особенно застарѣлымъ ученымъ предразсудкамъ. Но это основное начало его изслѣдовательности такъ увлекало его, что онъ вовсе забывалъ въ учебномъ разсужденіи цѣну точныхъ и полныхъ доказательствъ, цѣну свидѣтельскихъ показаній, критически разобранныхъ и осмотрѣнныхъ со всѣхъ сторонъ. Въ то время, какъ Шлецеровская критика, проводя впереди всего точные свидѣтельства и тексты, отдавала дѣло какъ бы на судъ самому читателю, — Венелинская критика несколько не заботилась о точныхъ текстахъ и на основаніи только здоровыхъ разсужденій впереди всего ставила свои рѣшенія. Естественно, что читатель въ большинствѣ случаевъ долженъ вѣрить этой критикѣ только на слово и принимать какъ бы свидѣтелемъ дѣла самого автора, чего, конечно, никакое изслѣдованіе допустить не можетъ. За не многими исключеніями тѣмъ же характеромъ изслѣдовательности отличаются труды и всѣхъ другихъ писателей Славянской школы. Вотъ главнѣйшая причина, почему даже и весьма здоровыя и очень вѣрныя заключенія такой критики не предлагали въ науку ни-

какого слѣда, не производили никакого вліянія на разрѣшкіе частныхъ вопросовъ и оставались вовсе не замѣченными ученою изыскательностію.

Къ тому же, пренебреженіе къ ученой обработкѣ свидѣтельствъ открывало широкій и вольный просторъ для фантазіи, которая здѣсь самоуправно господствовала въ замѣтъ строгой и осторожной мысли, какою по преимуществу отличалась работа въ Нѣмецкой школѣ. Само собою разумѣется, что и полное вооруженіе нѣмецкой учености не спасало и Нѣмецкою школу отъ набѣговъ той же фантазіи, а въ иныхъ случаяхъ приводило даже къ такимъ выводамъ, гдѣ, по выраженію Шафарика, заходилъ умъ за разумъ. Но во всякомъ случаѣ очень замѣтное отсутствіе не однихъ внѣшнихъ приѣмовъ надлежащей учености, а именно ихъ внутренняго содержанія, т. е. отсутствіе критической обработки источниковъ, низводило всякій трудъ этой Славянской школы на уровеньъ праздныхъ и ни къ чему не ведущихъ разсужденій, любопытныхъ только по игрѣ различныхъ фантастическихъ соображеній.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ характеръ изслѣдованій Славянской школы или по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ онъ представляется ея противникамъ.

Дѣйствительно, ссылаясь еще со временъ Ломоносова на древнихъ Роксоланъ, какъ на предковъ повдѣйшихъ Русовъ, Славянская школа даже и до настоящихъ дней, говоря тоже самое о Роксоланахъ, не позаботилась обследовать этотъ вопросъ въ надлежащей полнотѣ и съ тою строгостію въ критикѣ, какой требуетъ уже не Норманство Руси, а самое время. Въ другихъ случаяхъ, доказывая, также со временъ Ломоносова, что Варяги-Русь были Балтійскіе Славяне и оттуда же приваны и первые наши князья, Славянская школа, точно также ни сколько не позаботилась подтвердить свои соображенія подробнымъ и полнымъ изслѣдованіемъ исторіи Балтійскихъ Славянъ исключительно съ этой точки зрѣнія, въ уровеньъ Скандинавству.

Не говоримъ о другихъ, не менѣе важныхъ вопросахъ, обработка которыхъ могла бы служить твердымъ основаніемъ для Славянскихъ воззрѣній на Русскую Исторію и могла бы въ дѣйствительности поколебать и совсѣмъ упразднить дѣйствіе Норманскихъ или Нѣмецкихъ воззрѣній.

Оказывается такимъ образомъ, что у Славянской школы нѣтъ подъ ногами ученой почвы. Она до сихъ поръ должна носиться въ облакахъ, въ области однихъ только здравыхъ разсужденій и соображеній, чѣмъ она особенно и сильна. Но извѣстно, что всякое здравое разсужденіе утверждается тою на свидѣльствахъ и вполне зависитъ отъ ихъ количества и качества. Можно очень здраво судить, опираясь на двухъ первыхъ свидѣтелей, но приходитъ третій, четвертый и т. д. и дѣло получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе; здравый разсудокъ невольно переходитъ на другую, иной разъ совсѣмъ на противоположную сторону. Такъ часто бываетъ въ житейскихъ дѣлахъ, такъ описывается истина и въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Отсутствие ученой почвы ставитъ Славянскую школу въ очень невыгодное положеніе предъ ученымъ Норманствомъ, которое поэтому имѣетъ полнѣйшее основаніе говорить, что „Антинормалисты до сихъ поръ чуть ли не всѣ безъ исключенія слишкомъ легко принимались за дѣло. У однихъ не доставало знакомства съ современною лингвистикою, безъ которой нельзя здѣсь пріобрѣсти твердой точки отправленія. Другіе, стольже мало знакомые съ методою исторической критики, развивали субъективные мнѣнія, не заботясь о времени и мѣстности источниковъ и о положеніи, въ какомъ старинные писатели заносили въ ихъ свѣдѣніи свои мнѣнія и свидѣльства. Мы уже не придаемъ особеннаго вѣса тому, что нередко брались за дѣло люди, или не знавшіе и половины всѣхъ относящихся сюда источниковъ или не имѣвшіе никакого понятія о сравнительномъ изученіи средневѣковыхъ народовъ...“¹

Въ недавнее время норманское мнѣніе потерпѣло однако весьма сильное измѣненіе со стороны изслѣдованій г. Гедесона². Не то чтобы авторъ внесилъ въ науку что либо совсѣмъ новое, небывалое и оригинальное, — въ существенныхъ чертахъ онъ утверждаетъ старыя мнѣнія, которыя давно уже высказывались. Онъ утверждаетъ, что Варяги были при-

¹ Г. Куникъ въ предисловіи къ Отрывкамъ изъ изслѣдованій о Варянскомъ вопросѣ С. Гедесона. Спб. 1863, стр. IV.

² Отрывки изъ изслѣдованій о Варянскомъ вопросѣ. С. Гедесона. Приложенія къ I, II и III томамъ Записокъ Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1862—1863.

балтійскіе Славяне, что Русь была „искони-особымъ восточно-славянскимъ народомъ“. Какъ извѣстно, эти мнѣнія очень не новы. Но въ изслѣдованіяхъ г. Гедеонова очень ново и соврѣмъ, неожиданно для защитниковъ Норманства, Руси явилось то обстоятельство, что авторъ предсталъ предъ нѣмецкою школою во всеоружіи здравой и вполне ученой критики, съ такою обработкою вопроса, которая своею ученостью затмѣиваетъ даже и многіе труды его противниковъ. До сихъ поръ мнѣніе о Норманствѣ, какъ мы говорили, тѣмъ особенно и вышло, что всегда было устанавливаемо и защищаемо только на твердомъ основаніи вполне ученыхъ изысканій. Въ его рунахъ находилась наука въ собственномъ смыслѣ. Теперь изслѣдованія г. Гедеонова впервые кладутъ прочное и во всѣхъ отношеніяхъ очень вѣрное основаніе и для стариннаго мнѣнія о Славянствѣ Руси.

Въ добавокъ это только еще „Отрывки“ изслѣдованій изъ того ихъ отдѣла, который носитъ заглавіе: Русь и который менѣе обработанъ. Другой отдѣлъ: Варяги, представляетъ изслѣдованія о Западномъ Славянствѣ. Русская историческая наука должна ожидать съ великимъ нетерпѣніемъ обнаруженія этихъ изслѣдованій; вполне. Мы увѣрены, что они прольютъ много свѣта на темный и вполне затемненный Норманскимъ ученіемъ вопросъ о нашей Древности, установить правильное понятіе о нашихъ древнѣйшихъ отношеніяхъ къ Скандинавамъ и неизменно поколеблютъ въ самомъ основаніи Скандинавское ученіе, господствующее только по причинѣ совершенного устраненія изъ нашей исторіи свѣдѣній о Балтійскомъ Славянствѣ.

По направленію г. Гедеонова, хотя и по другой дорогѣ, идетъ г. Иловайскій, излагающій свои заключенія въ болѣе популярной, а потому и менѣе ученой формѣ. Онъ утверждаетъ также, что Русь была туземное Славянское племя, но Варяги были племя иноземное, Норманское. Существенная черта его изысканій и возраженій Норманству—это рѣшительный, догматическій ихъ характеръ, который, устраняетъ, какъ излишнее бремя, точныя и полныя доказательства, то есть критику источниковъ и постановку на свои мѣста подлинныхъ свидѣтельствъ.¹

¹ Тѣмъ самѣмъ важнѣйшее, но очень темное и двусмысленное свидѣтельство византійскаго летописца Θεοφάνη о мѣстожительствѣ древнихъ

Но, во всякомъ случаѣ, если не силою льстиво-рошской критики, то силою очень множишь, весьма основательныхъ соображеній и заключеній, изслѣдованія г. Иловайскаго точно также достаточно колеблютъ состарѣвшееся нѣмецкое мнѣніе о происхожденіи Руси изъ Скандинавіи.

Такимъ образомъ и въ наше время снова пробудились тѣ же самыя споры и даже тѣ же сужденія, какими была богата наше историческая литература въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Это добрый знакъ, свидѣтельствующій, что наполненныя наукою и разсудкомъ сомнѣнія въ Норманскомъ ученіи требуютъ своего похода и новаго болѣе вѣрнѣшаго и правдиваго рѣшенія этой задачи.

Само собою разумѣется, что изыскатель русской древности, желая объяснить себѣ начало Руси, то есть собственно начало русской исторической жизни, и пускаясь въ открытое море столькихъ разнородныхъ мнѣній объ этомъ началѣ, самъ по необходимости долженъ помнить, такъ сказать, не забывая, наблюдая больше всего береговныя примѣты, какія на его взглядъ правдивѣе выдвигаются изъ неиспаго материала исторической истины. Позвону и наши мнѣнія о происхожденіи Руси, которыя здѣсь предложимъ, будутъ направлены въ ту сторону, гдѣ намъ видится—въ этой области дѣревяннй, дождевъ и предвѣщеній—наиболѣе правдивая и прямая дорога къ истинѣ.

Вовсе не обладавъ необходимою ученостію для изслѣдованія этого вопроса со стороны подлинныхъ свидѣтельствъ и всякаго рода непосредственныхъ источниковъ, мы по самой задачѣ нашего труда можемъ только представить общій, наглядный для насъ вѣроятный выводъ изъ всего того, что въ

Булгаръ, по которому, именно, что Волга сливается съ Дону и изъ этого сліянія образуется рѣка Кубань, и на которомъ главнымъ образомъ авторъ основываетъ свое мнѣніе о древней родинѣ Славянъ-Булгаръ Черныхъ Булгаръ Дунайскихъ, приводится имъ безъ особаго критическаго объясненія, только съ замѣткою, что въ немъ географическія свѣдѣнія очень сбивчивы (Русскій Архивъ 1874 г. № 7, стр. 80). Намъ кажется, что это рѣдкѣе замѣчаніе, или въ моментъ другикъ, на историкъ отирается въ своихъ спорахъ противника Норддальска, графодо бы всесторонней критики и подлаго утвержданія, какою несомнѣнную правду должно въ немъ понимать, ибо его можно толковать совсѣмъ иначе, нежели какъ объясняетъ уважаемый авторъ, о чемъ мы будемъ говорить въ своей частѣ.

равное время было говорено объ этомъ предметѣ въ русской исторической изслѣдовательности.

Казалось бы, что вопросъ о происхожденіи Руси есть вопросъ одного любопытства, чисто этимологическій и антикварный, то есть на столько частный и мелочной, что имъ ничего собственно историческаго разрѣшено быть не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все-ли равно, откуда бы не пришла къ намъ эта прославляемая Русь, если весь ея подвигъ ограничился принесеніемъ одного имени; если она съ самыхъ первыхъ временъ не обнаруживала живаго особаго самобытнаго вліянія на нашу жизнь и распустилась въ этой жизни, какъ капля въ морѣ; если наконецъ принесенное ею вліяніе было такъ незначительно, что не можетъ равняться ни съ какимъ другимъ иноземнымъ вліяніемъ, какія всегда бываютъ у всякой народности.

Но дѣло вотъ въ чемъ: иноплеменная Русь представляется первоначальнымъ организаторомъ нашей жизни, представляется именно въ смыслѣ этого организаторства племенемъ господствующимъ, второе дало первое движеніе нашей исторіи, первое устройство будущему государству, и словомъ сказать вдохнуло въ насъ духъ историческаго развитія. Если исторически это еще сомнительно, то логически должно быть такъ непременно. Кого призвали для установленія въ Землѣ порядка, тотъ конечно и долженъ былъ устроить этотъ порядокъ. Поэтому и самый вопросъ о происхожденіи Руси очень справедливо поставляется на мѣстѣ вопроса „объ основной, начальной организаціи Русскаго Государства“. Очень естественно, что въ этомъ случаѣ споры идутъ вовсе не о словахъ и не объ антикварныхъ „положеніяхъ“, прозвалась ли Русь отъ шведскихъ лодочныхъ гребцовъ Родсовъ, или отъ греческаго слова русый, рыжій, или отъ древняго народнаго имени Родсолане и т. д. Здѣсь на противъ того сталкиваются другъ съ другомъ дѣлами системы историческихъ понятій или ученыхъ и даже національных убѣжденій и предубѣжденій.

Съ одной стороны еще господствуютъ взгляды, по которымъ начало и ходъ народнаго развитія обыкновенно приписываются механическому дѣйствию случая, промавду судъ-

бы и вообще причинамъ, падающимъ прямо съ неба. Для этихъ взглядовъ норманское предположеніе Руси ясно: какъ Божій день; оно не только оправдываетъ, но и вполне подтверждаетъ такую систему историческихъ воззрѣній. Съ другой стороны эти же самые взгляды легко и вполне удовлетворяются разборомъ и разслѣдованіемъ однихъ только словъ и именъ. Они утверждаютъ, что главное дѣло въ разрѣшеніи этого вопроса—лингвистика, „безъ которой здѣсь нельзя пріобрѣсти твердой точки отправленія“. Стало быть они сами сознаютъ, что весь вопросъ въ словахъ, въ именахъ, что самое дѣло, т. е. бытовая почва исторической жизни здѣсь предметъ сторонній, употребляемый только при случаѣ на подпору словъ, даже однихъ буквъ.

Однако надо согласиться, что какъ ни велика сила лингвистики, но въ историческихъ изслѣдованіяхъ она не единственная сила. Въ исторіи необходимо прежде всего и главнѣе всего стоять твердо и крѣпко на землѣ, то есть на бытовой почвѣ. Для обработки этой почвы лингвистика, конечно, важнѣйшее орудіе. Но поставленное на первое мѣсто предъ всеми другими средствами добывать историческую истину, это великое орудіе становится великимъ препятствіемъ къ познанію истины, ибо оно по самымъ свойствамъ своей изслѣдовательности всегда очень способно унести нашу мысль въ облака, переселить ее въ область фантазматорій. Притомъ, если мы и самымъ строгимъ путемъ лингвистики съ полнѣйшею достовѣрностію докажемъ, что Русь-Варяги по имени были Шведы, то все еще останется самое главное: надо будетъ доказать, по какимъ причинамъ на Руси отъ этихъ Шведовъ-Норманновъ не сохранилось никакого прямаго наследства.

Такое явленіе, какъ пришествіе къ народу чужаго племени съ значеніемъ организаторства, въ добавокъ, по добровольному призыву, есть прежде всего великое дѣло исторіи того народа, дѣло всей его жизни. Необходимо стало бытъ разсмотрѣть его, не какъ, слово, а какъ дѣло, съ тѣми зародышами, откуда оно выдѣлось, и съ тѣми послѣдствіями, какія отъ него народились тоже подъ видомъ вѣчныхъ дѣлъ.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что ивменская школа представляетъ себѣ Руссаго Славянство пустымъ мѣстомъ, гдѣ лишь съ той минуты, какъ пришли Норманны, и только съ

этого самого времени стало появляться все такое, чѣмъ обозначается зарожденіе народной исторіи. Вероятно ли это? Не указываетъ ли самый призывъ Варяговъ, что исторія народа совершила уже извѣстный кругъ развитія, извѣстное колѣно своего роста и перешла къ другому? Намъ кажется, что чудная мысль о пустомъ мѣстѣ Славянства можетъ крѣпко держаться лишь въ то время, когда наука занимается только критикою словъ и вовсе не обращаетъ вниманія на критику дѣлъ.

Намъ говорятъ, что Русь получила свое имя отъ Варяговъ. Это говоритъ прежде всего первый нашъ лѣтописецъ, пытавшійся объяснить себѣ именно тотъ вопросъ, откуда пошла Русская Земля, такъ точно, какъ онъ пыталъ объяснить себѣ, откуда и какъ появился на Руси городъ Кіевъ. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ ни о происхожденіи Руси, ни о происхожденіи Кіева, и записывалъ въ свою лѣтопись или преданія, или соображенія, ходившія въ тогдашнихъ умныхъ и пытливыхъ головахъ. Важнѣе всего то, что онъ свои объясненія о первомъ началѣ города и народнаго имени начинаетъ съ пустаго мѣста, то есть слѣдуетъ тому историческому приѣму, какой носился у него передъ глазами по случаю его короткаго знакомства съ библейскою исторіею.

Земля была неустроена, каждый жилъ по себѣ, особо, на своихъ мѣстахъ, иные въ лѣсахъ, какъ всякій звѣрь. Земля платитъ дань, на сѣверъ Варягамъ, на югъ Козарамъ, т. е. находится въ зависимости у этихъ двухъ народовъ. Наконецъ сѣверные люди Варяговъ прогоняютъ за море и устройство земли обнаруживается въ полной силѣ.

Однако народный земскій умъ добирается до того, что опять зоветъ къ себѣ Варяговъ и отдаетъ имъ въ руки свое земское устройство. Варяги приходятъ и начинается историческое творчество. Прежде всего они приносятъ имя Земли. Откуда же оно могло взяться, когда Земля до того времени была неустроена, разбита на особыя части, не была народомъ и потому, конечно, не могла имѣть одного народнаго имени. Ее соединяютъ въ одно дѣло Варяги, ясно, что отъ нихъ она приобретаетъ и одно общее имя.

Такъ представлялось это дѣло умамъ, которые еще по живымъ слѣдамъ хорошо помнили заслуги Варяговъ въ событіяхъ первыхъ двухсотъ лѣтъ нашей исторіи. Тогда по справедливости могло казаться, что все зависѣло отъ Варяговъ, что все сдѣлали Варяги, какъ намъ и теперь кажется, что со времени Петровскаго преобразованія все у насъ дѣлали иностранцы и все зависѣло отъ иностранцевъ.

Особенно такъ это казалось потомкамъ тѣхъ Варяговъ, которые въ лицѣ 90-лѣтняго старца Яна, участвовали даже въ составленіи нашей первоначальной лѣтописи. Они были народъ грамотный или по крайней мѣрѣ знающій, опытный, помнившій старину и соображавшій, какъ могло быть дѣло.

Если начались вопросы о томъ, откуда что пошло, откуда пошла Русь, кто сталъ первый княжить и т. д., то это показывало, что общество стало мыслить, разсуждать, разбирать, допытываться, заниматься, такъ сказать, наукою. Оно и объяснило всѣ эти вопросы сообразно своимъ преданіямъ и познаніямъ или догадкамъ, какія были тогда въ ходу и какія было естественнѣе тогда соображать.

Еще Шлецеръ своею критикою достаточно раскрылъ, а теперь г. Геденовъ вполне подтвердилъ, что нашъ Несторъ былъ не простой наивный изобразитель лѣтъ своего времени, а именно писатель усвоившій себѣ по византійскимъ образцамъ нѣкоторые научные, критическіе приемы, дававшій себѣ критическій отчетъ въ своихъ сказаніяхъ и вообще показавшій въ своемъ лѣтописномъ трудѣ нѣкотораго рода ученую работу. Одно уже то, что первыя страницы своей лѣтописи онъ обработалъ по византійскимъ источникамъ, выводитъ его изъ ряда простыхъ доморощенныхъ сказателей о томъ, что какъ было, и какъ что произошло и случилось. Въ этихъ страницахъ онъ является прямымъ изыскателемъ, а не простымъ описателемъ лѣтъ.

Имя Руси онъ съ величайшею радостью, о чемъ засвидѣтельствовалъ даже самъ Шлецеръ, въ первый разъ открываетъ въ греческомъ лѣтописаніи и на этомъ основаніи довольно ученымъ способомъ распредѣляетъ свои первые года, о которыхъ Шлецеръ прямо такъ и отзывался, что они есть ничто иное, какъ ученое время. Никакихъ варяжскихъ свидѣтельствъ Несторъ подъ рукою не имѣетъ, а меж-

ду тѣмъ прямо говорить, что это имя принесли съ собою Варяги.

Очевидно, что онъ говоритъ или одну догадку, сочиненную видными умниками того вѣка, или записываетъ ходячее преданіе, которое изстари носилось во всѣхъ умахъ.

Онъ съ радостію восклицаетъ: Началь Михаилъ въ Царьградѣ царствовать и начала прозываться Русская Земля, и говорить, что отсюда-то начнетъ и года положить; а потомъ говорить, что Русь прозвалась отъ Варяговъ. Откуда же почерпнулъ онъ это новое свѣдѣніе, котораго прежде не зналъ. Можно думать, что изъ главнаго своего источника, изъ того же греческаго лѣтописанья. Въ византійской хронографіи, онъ прочелъ о походѣ на Царьградъ Игоря, въ 941 г., гдѣ сказано: „Идутъ Русь—глаголеміи отъ рода Варяжска“. Очень ясно, говоритъ Шлецеръ, что это занято изъ Продолжателя Амартоловой хроники, который толкуетъ, что Русь называлась Дромитами¹ и происходитъ отъ Франковъ.

При этомъ Шлецеръ дѣлаетъ весьма примѣчательную замѣтку. „Смѣшно, что Руссъ (Несторъ) узнаетъ отъ византійца о происхожденіи собственнаго своего народа. Съ Дромитами онъ не зналъ, что дѣлать, потому и выпустилъ ихъ (въ своей лѣтописи), а Франка и Варяга по единозвучію счелъ за одно“.

Но откуда же Руссъ могъ узнать о происхожденіи своего народа, когда и первыя свѣдѣнія о Руси онъ взялъ у византійца же. Руссу оставалось только слить въ одно эти два свидѣтельства и онъ, быть можетъ хорошо понимая въ чемъ дѣло, сообразилъ, что это будутъ Варяги-Русь. Вотъ начальный источникъ настойчивыхъ увѣреній Нестора, что отъ Варяговъ прозвались мы Русью, а прежде были Славяне. Великая правдивость и первобытная наивность Нестора замѣчается въ томъ, что онъ не умѣетъ связать концы съ концами, и по просту собираетъ и соображаетъ все, что почитаетъ любопытнымъ и достойнымъ памяти. Главнѣйшая его система одна: сказать правду.

¹ Вролѣтѣе всего отъ дромосъ—бѣгъ (Ахиллеса) какъ, вблизи устья Днѣпра, называлась въ древности песчаная коса, нынѣ Теандра. Дромити значитъ собственно обитателя Днѣпровскаго устья. Они назывались и Тавросянами.

Преданіе, дѣдка или соображеніе о томъ, что имя Руси должно быть принесено Варягами, явились отвѣтомъ на тѣ самые вопросы, какими лѣтописецъ начинаетъ свой трудъ. Кто первый сталъ княжить въ Русской Землѣ, тотъ конечно принесъ ей и имя, такъ точно какъ и имя Кіеву далъ первый кіевскій человекъ, Кій, жившій тутъ, когда еще не было города. И всѣ эти соображенія съ другой стороны вытекаютъ прямо изъ общаго тогдашняго воззрѣнія на историческія дѣла, изъ того убѣжденія, что всякому дѣлу, или порядку дѣлъ, или городу, или цѣлой землѣ предшествовалъ личный дѣятель и творецъ, отъ котораго все и пошло. Тогдашній умъ не понималъ и не представлялъ себѣ никакого дѣла безъ его художина и творца. Съ этой точки зрѣнія онъ объяснялъ себѣ не только историческія, не говоря о повседневныхъ, но и физическія явленія природы, не только явленія матеріальныя, вещественныя, но и всѣ явленія своихъ духовныхъ наблюденій и созерцаній. Всякому дѣлу, всякому дѣянію и событію былъ художникъ, извѣстная личность, рука создающая, строящая, управляющая. Тѣхъ понятій о начальномъ дѣяніи самой жизни, которыя и по настоящее время не сдѣлались еще господствующими, тѣхъ понятій объ органической и физиологической постепенности и послѣдовательности всякаго развитія тогдашній умъ еще не осеивалъ и потому представлялъ себѣ исторію, какъ чудную механику, создаваемую исключительно художествомъ частной личной воли.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что наука въ своемъ младенчествѣ иначе и не могла растолковать себѣ законы историческаго творчества въ жизни людей. Надо больше удивляться тому, что такой взглядъ на исторію сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ.

Когда древній лѣтописецъ восходилъ своимъ пытливымъ умомъ къ началу вещей, хотя бы въ началу Руси, то онъ не задумываясь ни надъ какими обстоятельствами начиналъ свою повѣсть отъ пустаго мѣста или вообще отъ такого положенія вещей, какое въ самомъ дѣлѣ показывалось пустоту предъ дѣлами и дѣяніями, какія онъ начиналъ описывать. То, чего онъ не зналъ, не помнилъ, онъ отодвигалъ въ пустое пространство небытія. Онъ не зналъ, что основа исторіи есть жизнь; а жизнь имѣетъ семя, зачатокъ и въ ней

вѣстныхъ смыслахъ указываетъ даже на саморазвитіе и на самоначатіе, то есть на такое дѣйствіе жизни, въ которомъ никакъ не откроешь личнаго художника. Положимъ, что призванный Рюрикъ - Руссъ съ своими Варягами - Русью былъ основнымъ началомъ организаціи Русскаго Государства. Но вѣдь были люди и даже были города, которые его призвали, и которые этимъ дѣяніемъ показали, чего недоставало въ ихъ жизни. Они призвали весьма потребную новую силу. Какимъ же путемъ они дошли до такого сознанія? Несомнѣнно, путемъ долгихъ и очень прискорбныхъ опытовъ, которые привели къ одной жизненной, живой истинѣ, что безъ устройства жить нельзя. Но на пустомъ мѣстѣ, куда пришелъ Рюрикъ, такого сознанія выработать было невозможно. Стало быть еще до Рюрика былъ прожитъ длинный путь развитія, на которомъ изъ дикихъ инстинктовъ успѣлъ выработаться смыслъ, если не о государственномъ, то о простомъ житейскомъ порядкѣ. Это одно. А другое—самый городъ, который призвалъ Варяговъ. Чтобы доработаться до созданія города въ средѣ какого либо дикаго племени сколько потребно вѣковъ? Древняя Русь не была цивилизованною Америкою, гдѣ города создаются въ два-три года, людьми, которые сами приходятъ изъ городовъ. На Руси люди шли создавать себѣ городъ изъ степей, болотъ и лѣсовъ. Въ ней городъ долженъ былъ народиться путемъ долгаго органическаго развитія, путемъ долгой постепенности и послѣдовательности, путемъ великаго множества племенныхъ и другихъ связей и отношеній. Словомъ сказать, еще за долго до Рюрика въ Русской Землѣ должно было существовать все то, къ чему онъ былъ призванъ, какъ къ готовому. Такимъ образомъ сѣмена и зародыши русскаго развитія скрываются гдѣ-то очень далеко отъ эпохи призванія Варяговъ. Въ этомъ на первый разъ убѣждаетъ та истина, что исторія идетъ путемъ живой растительной организаціи, а не путемъ произвольной махинаціи; что самое призваніе Варяговъ, если и было началомъ нашей исторіи, то оно же было концомъ другой нашей исторіи, а которой мы ничего не знаемъ.

Понятія и соображенія Нестора о происхожденіи имени Русь не пошли дальше одной этой статьи. Онъ настаиваетъ, что отъ Варяговъ мы прозвались Русью, но не говоритъ ни слова, что Варяги такъ сказать создали изъ насъ настоя-

щихъ людей. Онъ говоритъ, что и до Владиміра. тѣхъ Варяговъ много было христіанъ, но ни слова не говоритъ, что они же были и нашими епископами. Ни слова не говоритъ, что Варяги составляли особое дворянское племя, говорили особымъ языкомъ, научили насъ воевать, торговать, плавать по морю и по рѣкамъ и пр., и пр.

Не то мы узнаемъ отъ толкователей и объяснителей Нестора, которые, напротивъ, все отняли у Руси-Славянъ и все отдали Руси-Скандинавамъ.

И Нестора, и начальную Русскую исторію, какъ извѣстно, первые стали объяснять критически нѣмецкіе ученые. Первый изъ первыхъ Байеръ, великій знатокъ языковъ (не исключая и китайскаго), великій латинистъ и эллинистъ, въ 12 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи не научился однако, да и никогда не хотѣлъ учиться языку Русскому. Миллеръ точно также на первыхъ порахъ, бывши уже семь лѣтъ профессоромъ Академіи Наукъ, не могъ все-таки безъ переводчика читать русскія книги и усвоилъ себѣ знаніе языка уже въ послѣдствіи. Естественно ожидать, что не зная ни русскаго языка, ни русской страны, и объясняя древнѣйшую русскую исторію, эти ученые останавливались лишь на тѣхъ соображеніяхъ, какія были особенно свойственны ихъ германской учености. Имъ естественно было смотрѣть на все нѣмецкими глазами и находить повсюду свое родное германское, скандинавское. По этой причинѣ Байеръ самое имя Олгославъ толковалъ изъ норманскаго Свенъ, Свендо и догадывался, что оно только испорчено напримѣръ, отъ Свеноттона, Свендоболда и т. п. Для нѣмецкаго уха всякое сомнительное слово, конечно, скорее всего звучало по германски; для нѣмецкихъ національныхъ идей о великомъ историческомъ призваніи Германскаго племени, какъ всеобщаго цивилизатора для всѣхъ странъ и народовъ, всякій намекъ о такомъ цивилизаторствѣ представлялся уже неоспоримой истиною.

Кругъ нѣмецкихъ познаній, хотя и отличался великою ученостью, но эта ученость больше всего знала свою вѣдущую нѣмецкую исторію, и сдѣлать не знала да и не желала знать исторію Славянскую. Зная одну римскую, греческую нѣмецкую исторію, можемъ ли мы съ успѣхомъ объяснять исторію другаго какаго либо народа и потому: начавши ее объяснять, не должны ли мы построить ее по тѣмъ выучен-

ныиъ идеяиъ и по тѣмъ заученнымъ истинамъ, какія въ слѣдствіе нашей односторонней учености всегда носятя передъ нашими глазами. Зная очень хорошо, что такое были въ исторіи Скандинавы и вовсе не желая знать, упоминаетъ ли исторія о Славянахъ, можешь ли мы иначе растолковать начало Русской исторіи, какъ не Скандинавскимъ происхожденіемъ самой Руси.

Вотъ естественныя и такъ сказать физиологическія причины, почему нѣмецкіе ученые, начиная свою повѣсть о происхожденіи Руси, безъ дальнѣйшаго обезужденія растолковали Несторовыхъ Варяговъ Скандинавами.

Это толкованіе вскорѣ сдѣлалось какъ бы священнымъ догматомъ нѣмецкой учености.

„Что Скандинавы или Норманны, въ пространномъ смыслѣ, основали Русскую державу, въ этомъ никто не сомнѣвается“, говорилъ шведъ по происхожденію, Тунманъ. „Ни одинъ ученый историкъ въ этомъ не сомнѣвается“, повторялъ и подтверждалъ уже Шлецеръ, строгій и суровый критикъ, рѣшившій выйтъ съ тѣмъ разъ навсегда, что всякое другое мнѣніе объ этомъ предметѣ есть мнѣніе не-ученое. Онъ очень сомнѣлся, что неученые русскіе историки, Татищевъ, Ломоносовъ, Щербатовъ единственно по своей неучености все еще выдавали Варяговъ за Славянъ, Пруссковъ или Финновъ, несмотря на диссертацию Байера, который будто бы такъ опровергъ подобныя мнѣнія, что „никто могущій познать ученое историческое доказательство, не будетъ болѣе въ томъ сомнѣваться“.

Къ сожалѣнію Байеръ этого не сдѣлалъ: Онъ только не весьма основательно доказывалъ Скандинавство Варяговъ и поставилъ на первый планъ для размышленій объ этомъ предметѣ лишь одни скандинавеніе источники. Между тѣмъ, какъ Варяги нашихъ тѣтонисей, какъ и вообще балтійскіе Поморцы требовали для своего объясненія болѣе ученаго и болѣе широкаго взгляда на источники.

Байеръ очень хорошо зналъ, что весь южный берегъ Балтійскаго моря съ древнѣйшихъ временъ принадлежалъ Славянамъ, что тамъ существовали тоже Варяги, подъ именемъ Вятровъ. Но видимо, что Славянское происхожденіе Руси ему не нравилось и онъ безъ малѣйшей критики, а прямо только по прихоти ученаго, отвергаетъ и Адама Бременскаго

и Гельмольда, писателей болѣе древнихъ, довольно говорившихъ о Варяжскомъ Славянствѣ, и беретъ себѣ въ свидѣтели позднѣйшаго Саксона Грамматика, говорившаго подходящую истину, что всѣ Славяне на Балтійскомъ берегу педно начали разбойничать, то есть прославлять себя Варягами.

Байеръ такимъ образомъ, вовсе устранилъ изъ своего изслѣдованія о Варягахъ цѣлый и весьма значительный отдѣлъ свидѣтельствъ объ исторіи Балтійскихъ Славянъ, чего истинная и не пристрастная ученость не могла бы допустить. Незная, что дѣлать съ Славянскими Ваграми, онъ ихъ обошелъ отмѣткою, что они, явившись Варягами разбойниками позже Скандинавовъ, не могутъ имѣть особаго значенія въ вопросѣ о происхожденіи Руси. Такъ точно и Шлецеръ, не зная, что дѣлать съ Оскольдовыми Руссами, очень помѣшавшими его возвращенію на скандинавство Руси, совсѣмъ ихъ исключилъ изъ Русской Исторіи и строго приказалъ впередъ никогда объ нихъ не упоминать¹.

¹ Несторъ II, 107—116. Горячо доказывая, что Руссы, осаждавшіе въ 865 г. Константинополь, никакъ не могутъ быть Кіевскими Руссами, Шлецеръ превосходно очертилъ известный способъ историческихъ выводовъ и заключеній отъ сходства именъ.

«Престое сходство въ названіи Русъ и Русь, говоритъ онъ, обмануло в мысленнаго Нестора, и ввело его въ заблужденіе, которое потерялъ за нимъ 700 лѣтъ сразу, безъ всякаго разсмотрѣнія! Следствие въ именихъ, страсть къ словопроизводству, два плодотворнѣйшія матери догадокъ, системъ и глупостей; это относится ко всѣмъ лѣтописателямъ греческимъ и римскимъ, начиная съ древнѣйшаго; потому въ особенности отличалось этимъ 13-е столѣтіе, и этимъ же до сего еще дня отменно наполнена сѣверная исторія. На Диваръ находить слово, несколько похожее на другое, употребленное въ Арабіи; другъ составляетъ оба вмѣстѣ, объясняютъ одно другимъ, и впадаютъ дѣла, какъхъ нѣтъ ни въ одной современной книгѣ. Если же слово это не имѣетъ за нѣтъ съ другимъ совзвучности, то его поднимаютъ на этимологическую дѣбу и мучатъ до тѣхъ поръ, пока оно, какъ будто отъ боли, не закричитъ и не дастъ такого звука, какого ищетъа местному словопроизводителю. Дали ли Караманію, что въ Персіи, связывали съ Германією. Дегналь, Сунъ, какіе почтенныя имена въ наукѣ исторіи! Однако же первый говоритъ, что Слэвы (въ Намедіа) происходятъ отъ Сінъ, разрушителей бактріанскаго царства за Каспійскимъ моремъ и т. д.

Такъ строго осудилъ великій нашъ учитель не ученою догадку, а правое лѣтописное свидѣтельство, что: *Возникли Руссы 866 года близи иже рече Русскіи; между тѣмъ этой сѣверной критикой онъ никакъ не хо-*

Но слѣдамъ Байера Шледеръ пошелъ еще дальше. Онъ совсѣмъ отвергъ и жалѣйшее значеніе для Русской исторіи всѣхъ Атиковъ, какъ говаривалъ Ломоносовъ, то есть писателей древности греческой и римской, показавъ что сообщаемыя ими свѣдѣнія о нашемъ Сѣверѣ обнаруживаютъ только совершенное ихъ невѣдѣніе этой страны. „И я также, говорить знаменитый критикъ, потерялъ въ сихъ изысканіяхъ много времени и труда; однако же не жалѣю о сей потерѣ: ибо теперь вѣрно знаю то, что ничего не знаю, и что изъ сихъ изысканій никто не можетъ извлечь ничего вѣрнаго.“ (Несторъ I, 39).

Атическія свидѣтельства конечно заключали въ себѣ по большей части или одни имена, или отрывочныя показанія объ исторіи и этнографіи нашихъ краевъ. Изъ этихъ отрывковъ разумеется невозможно собрать исторію въ собственномъ смыслѣ и особенно въ шледеровскомъ смыслѣ, какъ исторію Государства; за то въ ихъ массѣ сама собою возникаетъ покрайней мѣрѣ та истина, что до пришествія къ намъ Скандинавовъ на нашей землѣ жили люди и не только кочевники, но и земледѣльцы и торговцы и даже отважные мореплаватели. Неужели для критической исторіи такая истина была маловажна. Она несомнѣнно указывала на начала, на стикіи и корни нашего доисторическаго бытія, которое естественно было началомъ и нашей исторіи. Истинная, не предубѣжденная критика никакъ не могла бы отвергнуть свидѣтельствъ атической древности, тѣмъ больше, что самыя свидѣтельства о Скандинавствѣ Руси содержали въ себѣ тоже одни имена и весьма отрывочныя показанія, вполнѣ сходныя по своей темнотѣ съ латинскими и греческими. Основной краеугольный камень, на которомъ Байеръ утвердилъ свое заключеніе о томъ, что Руссы были Шведы, именно сказаніе Бертинскихъ лѣтописей о послахъ Росссахъ отъ царя Хавана, оказавшихся будто бы Шведами, развѣ это свидѣтельство не столько же темно и двусмысленно, какъ и всѣ подобныя отрывочныя свидѣтельства древности?

тѣмъ приложить къ немецкому домыслу, что Руссы происходятъ отъ Шведскихъ Редовъ изъ Ревлагана (Несторъ I, 317), въ домыслу, который односторонне и утверждается только на слободѣ имени и по своей силѣ равняется предположенію Германія отъ Нордической Карашивы,

Если на аттикахъ нельзя основывать ничего вѣрнаго, то не вѣдой же причинѣ это нѣмецкое свидѣтельство оказывается вполне достовернымъ?

Но изученіе до-Норманской древности неизбѣжно привело бы къ твердому заключенію, что Славяне такой же древній народъ въ Европѣ, какъ и Германцы, что ихъ исторія также значить кое что во Всемирной Исторіи, что поэтому, имя Русь пожалуй прямыми дорогами подойдетъ къ древнимъ Роксоланамъ, и т. д.

Все это страшно противорѣчило именно Нѣмецкимъ ученымъ и патріотическимъ предубѣжденіямъ и предрассудкамъ. Нѣмецкая ученость искони вѣковъ почитала Славянъ племенемъ исторически очень молодымъ, дикимъ, ничтожнымъ и во всемъ зависимымъ отъ Нѣмцовъ. Еще болѣшими варварами казались ей Русскіе.

Надо согласиться, что по свойству человѣческой природы и особенно по свойству всякаго личнаго развитія и образованія, историку и историческому изслѣдователю бываетъ очень трудно и почти совсѣмъ невозможно освободить свои взгляды и изысканія отъ равныхъ ученыхъ или же національных и даже модныхъ убѣжденій и предубѣжденій. Намъ кажется, что иные ученые критики-изслѣдователи отводятъ только глаза у неопытныхъ читателей или у самихъ себя, тогда съ видомъ величайшей добросовѣстности и якобы полнѣйшаго безпристрастія стараются ихъ увѣрить, что ведутъ свои изслѣдованія чистѣйшимъ путемъ науки и во все не увлекаются какими либо патріотическими, какъ обыкновенно говорятъ, или субъективными идеями и побужденіями. Читатель напередъ долженъ знать, что въ обработкѣ исторіи—это дѣло рѣшительно невозможное. Исторія наука не точная, не математика. Она подвижна и измѣнчива, какъ сама жизнь. Основанія ея познаній сбивчивы отъ множества противорѣчивыхъ свидѣтельствъ; неустойчивы по невозможности отыскать въ нихъ точную, рѣшительную, несомнѣнную истину: Исторія трудится надъ такимъ матеріаломъ; который весь состоитъ только изъ дѣлъ и идей человѣческой жизни. А жизнь, и тѣмъ болѣе прожитая, — существо неуловимое. Ее понимать и объяснять возможно только положеніями и отношеніями той же самой жизни. Очень естественно, что постоянно имѣя дѣло только съ жизнью, раз-

работывая и объясняя только жизнь человечества или народа, исторія по необходимости охватываетъ вопросы жизни и самого писателя. Будетъ ли онъ критикъ-ислѣдователь или художникъ повѣствователь—это все одинаково: въ его трудъ неизмѣнно будутъ трепетать идеи и побужденія самой жизни, всегда руководящія каждымъ живымъ человекомъ. Поэтому личные вкусы, личные пристрастія, весь образъ убѣжденій и извѣстныхъ взглядовъ писателя, какъ и его времени, всегда неизмѣнно отразятся и въ его писаніи, какъ бы ни казалось это писаніе ученымъ, то есть совсѣмъ отвлеченнымъ отъ дѣлъ и вопросовъ живаго міра. Вообще, исторія есть дѣло сколько науки, столько же и самой жизни, дѣло мысли и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло чувства, а потому прямое дѣло политическихъ, общественныхъ, гражданскихъ, религіозныхъ и всякихъ другихъ идей и понятій, которыми управляется не только общее, всенародное, но и каждое личное сознаніе и созерцаніе. Никакой даже самый мелочной вопросъ исторической изыскательности не можетъ не выразить, такъ или иначе, какого либо увлеченія любимыми идеями, привязанностями и пристрастіями и никакъ не можетъ стоять на почвѣ въ полномъ смыслѣ научной или математически точной и безпристрастной. Высота ученаго безпристрастія у историческаго писателя можетъ выразиться только въ его строгой правдивости, то есть въ такомъ качествѣ, которое принадлежитъ не обвинителю и не защитнику, а одному нелицемѣрному правдивому суду. Какъ извѣстно, историческіе изслѣдователи бывають чаще всего или прокурорами-обвинителями, или бойкими защитниками и очень рѣдко справедливыми и правдивыми судьями. Вотъ по какой причинѣ исторія не почитается даже и наукою и въ ея области въ иныхъ случаяхъ каждый разсудительный читатель можетъ понимать дѣло вѣрнѣе, чѣмъ даже многосторонній ученый изыскатель.

И вотъ по какой причинѣ вопросъ о происхожденіи Руси, какъ вопросъ о происхожденіи династій, объ основаніи государства, о началѣ политической жизни народа, въ свое время прямо уносилъ всѣ умы въ область политики и заставлялъ ихъ рѣшать его по тому плану, какой бывалъ начерченъ прежде всего въ политическомъ сознаніи изыскателя.

Очень естественно, что и нѣмецкая ученость при разрѣшеніи этого вопроса во многомъ руководилась чисто нѣмецкими идеями, которыя въ добавокъ дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ограниченнѣе были познанія изслѣдователей въ Русской и Славянской Древности.

Исходная точка нѣмецкихъ мнѣній по этому предмету яснѣе всего выражена главнымъ вождемъ исторической критики, самимъ Шлецеромъ. Его историческое убѣжденіе въ разсмотрѣніи этого дѣла было таково:

„Германцы по сую сторону Рейна, а особливо Франки, съ 5-го столѣтія, еще же болѣе со временъ Карла Великаго, слѣдственно, ровно за 1000 лѣтъ до сего, назначены были судьбою разсѣять въ обширномъ сѣверозападномъ мірѣ первые сѣмена просвѣщенія. Они выполнили это предопредѣленіе, держа въ одной рукѣ франкскую военную сѣкиру, а въ другой Евангеліе; и самые даже жители верхняго сѣвера, по ту сторону Балтійскаго моря, или Скандинавы, къ которымъ никогда не заходилъ ни одинъ нѣмецкій завоеватель, съ помощію Германцевъ начали мало по малу дѣлаться людьми“.

„Но все еще оставалась большая треть нашей части земли, суровый сѣверовосточный сѣверъ, по сую сторону Балтійскаго моря до Ледовитаго и Урала, о существованіи котораго не вѣдали ни Греки, ни Римляне, куда за величайшею отдаленностію не проходилъ еще ни одинъ Германецъ. И тутъ за 1000 лѣтъ до сего, чрезъ соединеніе многихъ совсѣмъ различныхъ ордъ, составился народъ, называемый Руссами, долженствовавшій со временемъ распространить человѣчество въ такихъ странахъ, которыя кажутся до тѣхъ поръ были забыты отъ Отца человѣчества.... Люди тутъ были можетъ быть уже за нѣсколько тысячъ лѣтъ, но очень въ маломъ числѣ; они жили разсѣянно на безмѣрномъ пространствѣ земли, безъ всякаго сношенія между собою, которое затруднялось различіемъ языковъ и нравовъ... Кто знаетъ, сколько долго пробыли бы они еще въ этомъ состояніи, въ этой блаженной для получеловѣка безчувственности, ежели бы не были возбуждены“.

Чѣмъ же? Нападеніемъ Норманновъ и затѣмъ призваніемъ Норманновъ, объясняетъ авторъ, хотя и дѣлаетъ большую уступку, которая легко могла бы пережестить его рассужденіе

совсѣмъ на иную точку воззрѣній. Онъ говоритъ: „Просвѣщеніе, занесенное въ сіи пустыни Норманами было не лучше того, которое европейскіе (т. е. Русскіе) козакі принесли къ Камчадаламъ“. Значитъ Славяне половины 9-го вѣка стояли по развитію на степени Камчадаловъ, имѣя уже большіе города, изъ которыхъ одинъ, сѣверный, дошелъ даже до рѣшенія устроить у себя лучшей порядокъ, призвавши властителей изъ заморя. „Но тутъ Олегъ перешелъ въ Кіевъ, продолжаетъ знаменитый критикъ, и подвинулся къ пріятному югу. Тутъ сильныя побужденія къ просвѣщенію возникли отъ Царя-града, сильнѣйшее было введеніе Христіанской Вѣры“.

Ясно, что Днѣпровское населеніе, которое по словамъ самого автора могло тутъ жить за нѣсколько тысячъ лѣтъ, (и жило дѣйствительно по близости къ Грекамъ) узнало даже и о существованіи Царя-града, благодаря пришедшимъ изъ далекой Скандинавіи Норманнамъ.

Шлецеръ очень часто повторяетъ эту свою заученую и любимѣйшую мысль, что „въ ужасномъ разстояніи отъ Новгорода до Кіева на право и на лѣво до прихода Варяговъ все еще было пусто и дико“. „Удивляюсь я ужасной дикой и пустой обширности всей этой сѣверовосточной трети Европы до основанія Русскаго царства“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

„Конечно, люди тутъ были, Богъ знаетъ съ которыхъ поръ и откуда зашли, но (какіе люди!) люди безъ правленія, жившіе подобно звѣрямъ и птицамъ, которые наполняли ихъ лѣса, (люди) не отличавшіеся ничѣмъ, не имѣвшіе ни какого сношенія съ южными народами, почему и не могли быть замѣчены и описаны ни однимъ просвѣщеннымъ южнымъ европейцемъ.... Конечно, и здѣсь, подобно, какъ у всѣхъ народовъ, есть вступленіе въ исторію, основанное на разсудкѣ“.

Задавшись такими мыслями, Шлецеръ рисуеъ состояніе нашего населенія, сравнивая его съ Ирокезами и другими дикарями американскихъ лѣсовъ и всю страну по меньшей мѣрѣ почитаетъ Сибирью и Калифорніею своего времени, т. е. какъ они были сто лѣтъ назадъ. Поэтому мысль Шторха о древней Россіи, что въ ней шла торговое движеніе между Востокомъ и Западомъ еще въ 8-мъ стол. (теперь эта

ноль уже доказано безчисленными находками Арабских войск), онъ именуется не только неученою, но и уродливою. По случаю своего разсужденія о даянхъ и деньгахъ древней Руси онъ отиѣчаетъ между прочимъ: „Здѣсь въ восточномъ сѣверѣ ничего не встрѣчаемъ мы, кромѣ бѣлокъ и гуницъ, дѣло удивительное!“ и затѣмъ рѣшаетъ, что здѣшнія племена „не знали большаго звѣроловства, даже и скотоводства у нихъ долго еще послѣ того не было, если вѣрить Константину Багрянородному, который говорить, что быковъ, лошадей и овецъ совсѣмъ у Руссовъ нѣтъ: они начали покупать ихъ у Печенѣговъ и съ тѣхъ поръ зажили получше“.

Такъ, смыслъ одной общей идеи способствуетъ читать и понимать по своему даже и самые тексты.

Но главнымъ образомъ Шлецеръ удивляется, что не было у нашихъ Славянъ большаго звѣроловства. „Неужели говорить онъ, были они слишкомъ робки или слишкомъ слабы тѣломъ. Ни того, ни другаго нельзя сказать о сѣверныхъ людяхъ; и вѣрно тогда еще страна ихъ до самаго Кіева была и въ разсужденіи климата очень сурова. Почему я и думаю, что у нихъ не было снастей и такого оружія, безъ котораго, господинъ творенія не дерзаетъ нападать на сильныхъ звѣрей. Древніе Германцы большею частію звѣроловству обязаны были своею тѣлесною силою, храбростію, даже первымъ образованіемъ ума своего. Напротивъ того, въ Оттайти, какъ прежде въ Перу и въ Мексикѣ, люди стояли на очень низкой степени просвѣщенія вѣрно отъ того, что не занимались большимъ звѣроловствомъ. Летты и Ливы, до прихода Нѣмцевъ, кажутся по той же причинѣ оставались въ томъ же состояніи униженія, какъ Древляне и пр. Славяне. Съ какою гордостію напротивъ того показывается Нуссе между народами верхняго сѣвера! Уже послѣ 1000 г. побилъ онъ конницею напавшихъ на него неприятелей“.

Очень естественно, что на этомъ дикомъ и пустомъ фонѣ, какой былъ начерченъ Шлецеромъ для изображенія нашей страны и нашихъ людей до прихода Нѣмцевъ, фигура этихъ самыхъ Нѣмцевъ, Норманновъ и Варяговъ сама собою выходила очень красивою и сильною. Это былъ народъ владѣтельствующій во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ. Все достойное во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ происхо-

дять отъ Варяговъ-Норманновъ-Нѣмцевъ. Даже „сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто оказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія“. Это впрочемъ доказываетъ и нашъ лѣтописецъ, говоря, что Новгородцы были отъ рода Варяжска. Но какъ понимать его слова?

Само собою разумѣется, что Варяги же, Норманны посѣяли на Руси и первыя сѣмена христіанства. Они построили и первую церковь въ Кіевѣ Св. Ильи и т. д. Въ новомъ обширномъ, но пустомъ и дикомъ своемъ владѣніи Олегъ сталъ заводить мѣстечки и села. Но Ольга все-таки еще жила среди дикихъ народовъ.

Таковы были общія ученія и конечно, больше всего національныя убѣжденія и предъубѣжденія Шлецера. Все это, кромѣ того очень крѣпко вязалось съ тогдашнимъ ученымъ чисто нѣмецкимъ выводомъ, что Славяне появились въ исторіи не прежде 6-го и отнюдь не прежде 5-го вѣка по Р. Х. А появиться въ исторіи, въ тогдашней наукѣ, значило почти тоже, что внезапно упасть въ человѣчскій міръ, на землю, прямо съ неба.

Великій знатокъ исторіи и великій критикъ, Шлецеръ, раскрывая начальный ходъ Русской исторіи, въ сущности однако, послѣ нашего Нестора, не сказалъ ничего новаго. Онъ только ученымъ способомъ и строгою критикою очистилъ, укрѣпилъ, утвердилъ тѣже первобытныя историческія воззрѣнія первобытнаго нашего Нестора. Точно также и самъ Шлецеръ начинаетъ нашу исторію съ пустаго мѣста:—Земля была неустроена и духъ Божій ношахуся поверхъ воды. Но у нашего Нестора это вытекало изъ общихъ его историческихъ созерцаній и изъ той системы, какую онъ положилъ въ началѣ своего труда, отырывъ путь своей Русской исторіи отъ самаго Потопа. Его мыслени руководила библейская идея о мировомъ твореніи, которую онъ почерпалъ изъ чтенія византійскихъ хронографовъ, или еще ближе, идея Христіанства, предъ которымъ явическое варварство въ дѣйствительности представлялось пустымъ и вполне дикимъ мѣстомъ.

Казалось бы ученѣйшему критику очень было возможно совсѣмъ миновать эту идею. Но здѣсь лучше всего объ-

кажется то обстоятельство, что разработка каждой отдельной науки, какъ и каждый отдельнаго вопроса въ наукѣ вполнѣ зависятъ отъ общихъ философическихъ началъ человѣческаго знанія, какія господствуютъ въ то или другое время. Въ 18-мъ столѣтїи, не смотря на его безпощадную критику всего существующаго въ жизни и въ наукѣ, историческое знаніе очень крѣпко еще держалось своей первобытной почвы и всякое явленіе въ своей области объяснено тѣмъ ходомъ дѣлъ, какой былъ начертанъ первобытною исторіею міроваго творчества. Оно вообще очень много и даже все присвоивало личному дѣянію и вовсе не замѣчало, даже не подозрѣвало, что въ человѣческой исторіи существуетъ и другой дѣятель, неуловимый, незримый, но еще болѣе сильный, чѣмъ дѣяніе лица или отдельныхъ лицъ, которыя остаются наиболѣе памятны лишь потому, что случайно выдвигаются впередъ. Этотъ другой дѣятель, какъ мы замѣтили, есть сама жизнь, тотъ образъ народнаго бытія, который носитъ въ себѣ всѣ признаки живаго естественно-историческаго организма и который мы пока еще очень смутно рисуемъ себѣ въ имени народа, націи.

Въ человѣческой исторіи первый творецъ своего быта и своей жизни—самъ народъ. Онъ зарождаетъ себя также незримо и неуловимо, какъ и все зарождающееся въ живомъ мірѣ. Тѣ начальныя точки, съ которыхъ мы начинаемъ его исторію, есть уже значительно возрастные его шаги, дѣйствія уже соарѣвшаго; воспитаннаго его сознанія, каково напр. было и въ нашей исторіи сначала Изгнаніе, а потомъ Призваніе Варяговъ. Это важное по своимъ послѣдствіямъ событіе представляетъ лишь новое колѣно въ общемъ ростѣ народнаго развитія.

Нашъ Несторъ этого не подозрѣвалъ и начитавшись византийцевъ, объяснилъ, что до прихода Варяговъ все было пусто и дико, земля была неустроена и люди жили какъ всякій звѣрь¹. Съ идеями Шлецера о великомъ историческомъ призваніи Германскаго племени эта истина совпадала какъ нельзя лучше и онъ развилъ ее и критически обрабо-

¹ Только объ однихъ Полянѣхъ - Киевлянахъ онъ говоритъ, что они отъ всѣхъ другихъ отличались лучшими правами, на что исторіи должны бы обратять особое вниманіе и объяснить почему же это такъ было?

талъ до конца. Но такъ какъ подобная система или теорія тотчасъ приводитъ къ противорѣчямъ, а потому непремѣнно требуетъ для ихъ объясненія чудеса, то и по системѣ самого Шлецера мало по малу стали обнаруживаться чудеса или такія явленія, которыхъ онъ никакъ не могъ себѣ объяснить и торопливо проходилъ ихъ мимо, обозначая въ короткихъ словахъ только свое удивленіе.

„Замѣчанія достойно, говоритъ онъ, по поводу занятія Олегомъ Кіева, какъ 5 тутошнихъ народцевъ, которые призывали Варяговъ, которые, какъ по всему видно до того времени небольшіе были охотники до войны, подъ Норманскою дисциплиною, въ такое короткое время научились бытъ завоевателями“, и заключаетъ, что если Кіевъ и Аскольдъ были невинны, то надобно утѣшаться тѣмъ, что „разширеніе новаго Русскаго царства на югъ, предположено было высочайшимъ и благодѣтельнымъ промысломъ... Древніе Ханаанскіе жители не только покорены, но даже истреблены были чужеземнымъ кочующимъ народомъ; Всевышній не токмо попустилъ это, но и повелѣлъ“.

Кіевъ вдругъ пришелъ въ цвѣтущее состояніе, которому изумлялись иноземцы, и которое и для Шлецера кажется необыкновеннымъ. Удивляется онъ и Олегову договору съ Греками, гдѣ дикіе Норманны-язычники говорятъ „не только кротко, но даже по христіански“. По этой причинѣ онъ не вѣритъ даже въ подлинность договора. Далѣе, онъ почитаетъ очень страннымъ, что „Руссы, мореходныя названія (судовъ), которыми такъ богатъ Норманскій языкъ, заимли отъ Грековъ“.

Но самое существенное чудо, котораго Шлецеръ никакъ не могъ себѣ объяснить, заключалось въ томъ обстоятельстве, что не смотря на владычество Варяговъ, въ недалгомъ времени на Руси все сдѣлалось славянскимъ. Славяне сдѣлались главнымъ народомъ новаго государства и поглотили не токмо 4 прочіе народа, но даже и своихъ побѣдителей. „Явленіе котораго и теперь еще совершенно объяснить нельзя!“ замѣчаетъ критикъ.

„Даже отъ самихъ Варяговъ чрезъ 200 лѣтъ не осталось болѣе ни малѣйшаго слѣда, продолжаетъ онъ туже мысль: даже скандинавскіе собственные имена уже послѣ Игоря истребляются изъ царствующаго дома и замѣняются славянскими.“

Славянскій языкъ ни мало не повреждается норманскимъ, которымъ говорятъ повелители¹. Какъ иначе, напротивъ того шло въ Италиі, Галліи, Испаніи и прочихъ земляхъ? Сколько германскихъ словъ занесено Франками въ Латинскій языкъ Галловъ и пр. Новое доказательство, заключаетъ критикъ, что Варяги поселившіеся въ Новой Землѣ, не слишкомъ были многочисленны“.

Но тремя страницами прежде онъ самъ же старается разъяснить, что и полудикіе народы, къ которымъ пришли Варяги, были тоже не многочисленны.

„По всему кажется, что 5 первыхъ народовъ были очень малочисленны и полудики. До нашествія Варяговъ жили они между собою безъ связи; каждая орда отдѣльно отъ другой по патріаршески (особь) съ своимъ родомъ; а до сего еще менѣе имѣли они сношенія съ чужестранцами.... Всѣ они жили постоянно и кочевать уже перестали: только объ огороженныхъ селеніяхъ ихъ, городами называемыхъ, не надобно думать слишкомъ много.... Если бы, судя по великому пространству земли, ими занимаемой, были они многочисленны; то какъ можно повѣрить, чтобы горсть Варяговъ осмѣлилась такъ далеко зайти въ неизвѣстную имъ землю и нѣсколько лѣтъ сряду собирать дань съ ордъ, отдѣленныхъ одна отъ другой на сто миль и болѣе?“

Такимъ образомъ отношеніе числа остается одинаковымъ: Если было мало Варяговъ, то немного было и дикарей, которые ихъ призвали, и непостижимый фактъ, что все скоро ославянилось, остается по прежнему чудомъ.

„Это замѣчательно! восклицаетъ критикъ. Трое первыхъ вел. князей явно имѣютъ норманскіе имена, а четвертый уже болѣе нѣтъ. Германскіе завоеватели Италиі, Галліи, Испаніи, Бургундіи, Картагена и пр. всегда въ родѣ своемъ удерживали германскіе имена, означавшіе ихъ происхожденіе. Здѣсь же это прекращается очень рано, и изъ этого можно вывести новое доказательство, что побѣдители и побѣжденные скоро смѣшались другъ съ другомъ, и Славяне въ

¹Тотъ самое сдѣлалось прежде и въ Булгаріи, прибавляетъ Шлегель, гдѣ Славянскіе жители принудили также новыхъ своихъ повелителей забыть совершенно принесенный ими съ Волги языкъ. Испанскіе Китайцы не довели до этого своихъ Манджуровъ.

особенности, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, равно сдѣлались главнымъ народомъ¹.

Вотъ эти-то самыя неизвѣстныя причины, почему Славяне на Руси сдѣлались главнымъ народомъ, т. е. владычествующимъ (чего Шлецеръ ни какъ не хотѣлъ помянуть), должны были представить самый существенный предметъ для разысканій, именно по случаю ни на чемъ не основаннаго рѣшительнаго утвержденія, что Варяги были въ извѣстномъ смыслѣ просвѣтителями и организаторами существовавшихъ здѣсь полудикихъ славянскихъ ордъ.

Таково было созерцаніе нѣмецкой науки о нашей Русской древности. У Шлецера оно выразилось въ видѣ научныхъ неоспоримыхъ истинъ. Но Шлецеръ только научнымъ способомъ утвердилъ уже старыя идеи. Эти самыя или въ томъ же родѣ неоспоримыя истины господствовали въ умахъ всѣхъ нѣмцевъ и всѣхъ иностранцевъ, приходившихъ со временъ Петра, просвѣщать и образовывать варварскую Русь. Положеніе русскихъ дѣлъ въ первой половинѣ 18-го вѣка во многомъ напоминало положеніе славянскихъ дѣлъ во второй половинѣ 9-го вѣка.

Призваніе Нѣмцевъ въ петровское время для устройства въ дикой странѣ образованности и порядка, лучше всего объясняло до послѣдней очевидности, что не иначе могло случиться и во времена призванія Рюрика. Кого другаго могли призывать Новгородцы, какъ не Германцевъ же? Для чего бы они призвали къ себѣ своихъ родичей, такихъ же дикихъ Славянъ? Это была такая очевидная и естественная истина, выходившая изъ самой природы тогдашнихъ вещей, что и ученые, и образованные умы того времени иначе не могли и мыслить. Тогда никому и въ голову не могло придти, чтобы Германцы въ какое либо время были также дики, были такими же варварами, какими были и Славяне, призывавшіе къ себѣ этихъ образованныхъ Варяговъ-визазей. Вотъ почему достаточно было одной вѣроятности, что Русси могли быть Скандинавы, провозглашенной при томъ ученымъ человекомъ и ученымъ способомъ, чтобы эта вѣроят-

¹ Несторъ I, 343, 389, 419, 420, 469. II, 168, 169, 171, 172, 175, 181, 204, 259, 261, 265, 268, 289, 651, 703, 708. III, 152, 190, 364, 476, 477, и др.

ность явилась самою простою истиною, въ которой и сомнѣваться уже невозможно. Надо замѣтить, что ученіе о Скандинавствѣ Руси провозгласило свою проповѣдь въ то время, когда по русскимъ понятіямъ слово Нѣмецъ значило ученость, какъ и слово Французъ значило образованность. Отсюда полнѣйшее довѣріе ко всемъ показаніямъ учености и образованности. Само русское образованное общество, воспитанное на безпощадномъ отрицаніи русскаго варварства, и потому окончательно утратившее всякое понятіе о самостоятельности и самобытности русскаго народнаго развитія, точно также не могло себя представить, чтобы начало Русской Исторіи произошло какъ либо иначе, то есть безъ содѣйствія германскаго и вообще иноземнаго племени. Если у нѣмецкихъ ученыхъ и неученыхъ людей въ глубинѣ ихъ національнаго сознанія лежало неотразимое убѣжденіе, что все хорошее у иностранцевъ взято или принесено отъ германскаго племени, то и у русскихъ образованныхъ людей въ глубинѣ ихъ національнаго сознанія тоже лежало неотразимое рѣшеніе, что все хорошее русское непременно заимствовано гдѣ либо у иностранцевъ. Намъ кажется, что эти два полюса національныхъ убѣжденій, нѣмецкій—положительный и русскій—отрицательный, послужили самою воспріимчивою почвою для водворенія и воспитанія мнѣній о происхожденіи Руси отъ Нѣмцевъ, со всеми послѣдствіями, какія сами собою логически выводились изъ этого догмата.

Надо припомнить однако, какъ встрѣчены были нѣмецкія мнѣнія о скандинавствѣ Руси первыми русскими учеными, т. е. первыми русскими людьми, которые наукою возвысились до степени академикомъ и могли, независимо отъ Нѣмцевъ, сами кое что читать и понимать по этому вопросу.

Послѣ Байера о скандинавствѣ Варяговъ заговорилъ академикъ и государственный императорскій историографъ Миллеръ, досточтимый ученый, который оказалъ русской исторической наукѣ многочисленныя пользы. Въ 1749 г. по порученію Академіи къ торжественному ея собранію онъ написалъ Рѣчь, предметомъ которой избралъ темный вопросъ:

О происхожденіи народа и имени россійскаго, гдѣ по Байеру доказывалъ, что Варяги были Скандинавы, т. е. Шведы. что имя Русь взято у Чухонцевъ (Финновъ), которые Шведовъ называютъ Россалейна. Въ то самое время у насъ существовали очень враждебныя отношенія къ Швеціи. Вопросъ, такимъ образомъ, относительно своего скандинавскаго ршенія, по естественной причинѣ, принималъ нѣкоторый политическій отбнокъ и сами же нѣмецкіе ученые (Шумахеръ) сознавали, что предметъ разсужденія былъ скользкій. Но не предметъ, а именно его ршеніе, по тогдашнимъ обстоятельствамъ переносило науку въ область политики и заставило самое начальство Академіи отдать Рѣчь Миллера на разсмотрѣніе всего ученаго академическаго собранія съ особливимъ требованіемъ, не отыщется ли въ ней чего либо предосудительнаго для Россіи. Къ этому еще присоединились личныя вражды между академиками. Большинство голосовъ Рѣчь была осуждена „какъ предосудительная Россіи“.

„Уже напечатанная рѣчь была истреблена, по наущенію Ломоносова“, пишетъ въ своихъ Запискахъ Шлецеръ. Въ своемъ Несторѣ (1, рив.) онъ къ этому прибавляетъ: Одинъ человекъ (Ломоносовъ) донесъ Двору, что это мнѣніе оскорбляетъ честь государства. Миллеру запретили говорить рѣчь и пр. — „Нынѣ трудно повѣрить гоненію претерпѣнному авторомъ за сію диссертацию“, пишетъ Карамзинъ. Академики по указу судили ее: на всякую страничку дѣлали возраженія. Исторія кончилась тѣмъ, что Миллеръ занемогъ отъ безпокойства, и диссертацию, уже напечатанную, запретили“. — „Рѣчь не была читана. Грустно подумать, что причиною тому былъ извѣтъ Ломоносова“, повторяетъ Надеждинъ¹. Такія недостойныя обвиненія съ легкой руки Шлецера повторялись съ разными видоизмѣненіями до послѣдняго времени.

Теперь достовѣрно открылось, что всему этому дѣлу руководителемъ былъ секретарь „совѣтникъ“ Академіи, Шумахеръ. Охраняя честь и достоинство Академіи, то есть ака-

¹ Сборникъ Академіи Наукъ т. XIII, стр. 48. — И. Г. Р. Карамзинъ I, кн. 111. — Объ историческихъ трудахъ въ Россіи, Надеждинъ. Библиотека для Читенія т. XX.

денической корпорации, онъ первый указалъ начальству на сомнительныя достоинства Миллера труда и даже самъ называлъ этотъ трудъ „гажиматьею“.

Не смотря на то, до сихъ поръ это дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ, будто Русскіе Академики изъ одного красиваго и недостойнаго патріотизма, изъ одного „національнаго пристрастія и нетерпимости“ напали на ученый трудъ ученѣйшаго нѣмца и постарались устранить его съ поля науки, между тѣмъ, какъ этотъ трудъ будто-бы являлся „одною изъ первыхъ попытокъ ввести научныя приемы при разработкѣ русской исторіи и (ввести) историческую критику, безъ которой де исторія не мыслима, какъ наука“.¹ Представляется вообще, что нѣмецкій ученый раздраз-

¹ Въ новомъ академическомъ изданіи «Каспій» все это дѣло именуется «инквизиціоннымъ судомъ, наряженнымъ по доносу (уже Теллова для обсуждения препустой рѣчи Миллера.» При этомъ предъ доносомъ Теллова ставится два вопросительныхъ знака, которые все-таки даютъ надлежащій намекъ на дѣйствія Теллова, между тѣмъ, какъ, изъ писемъ къ Теллову Шумахера весьма достоверно и очевидно открывается, съ какой стороны шелъ этотъ пресловутый доносъ, представляющій собственно весьма простое домашнее канцелярское и секретарское дѣйствіе самого Шумахера, какъ охранителя интересовъ академической корпорации. Каспій, Спб. 1875, стр. 641, 689.

Вотъ письма Шумахера къ Теллову:

7 Августа 1749 г. Г. Миллеръ представилъ мнѣ свою рѣчь на латинскомъ языкѣ, чтобы переслать ее въ Москву (гдѣ тогда находилась президентъ академіи гр. Е. Разумовскій). Вотъ она... Прошу васъ, прочтите ее внимательно. Онъ излагаетъ предметъ съ большою эрудиціею, но по моему мнѣнію съ малымъ благоразуміемъ, ибо, во имя Господа, зачѣмъ разрушать, при помощи шведскихъ и датскихъ писателей, мнѣніе, столько стоившее сочинителямъ, работавшимъ для прославленія націй? Я не говорю болѣе. По крайней мѣрѣ прежде напечатанія ея, не забудьте, м. г., напомнить его сіятельству, чтобы онъ приказалъ прочесть эту рѣчь *in pleno*, потому что академики, тамъ какъ и профессора, принимаютъ въ томъ участіе, почему я желалъ бы, чтобы тамъ не упоминалось о совѣтникахъ...

10 Августа. Г. президентъ приказалъ Миллеру четыре мѣсяца тому назадъ приготовить рѣчь для торжественнаго собранія, предоставивъ на его волю избрать какой угодно ему предметъ. До сихъ поръ онъ ее не кончилъ и выбралъ предметъ самый оскорбительный (*scabreux*), который не принесетъ чести академіи, напротивъ же причинитъ намъ на нее упреки и породитъ ей непріятелей. Всею причиною тутъ гордость. Такъ какъ эта рѣчь академическая, то автору ее очень

видъ гусей и что, промѣ патриотизма, русскіе ученые въ этомъ спорѣ руководились еще крайнимъ невѣжествомъ, ибо говорятъ, что Ломоносовъ защищалъ будтобы противъ учености Миллера сказки Кіевскаго Синописа (о Славянствѣ Варяговъ, о происхожденіи Москвы отъ Мосоха и т. п.); говорить даже, что Ломоносовъ упрекалъ Миллера. „зачѣмъ онъ

хорошо извѣство, что ее необходимо прочесть въ конференціи и рассмотреть профессорамъ; но онъ также знаетъ, что многіе неодобряютъ его разглагольствій и потому-то онъ такъ долго медлитъ съ своею рѣчью, чтобы не оставалось времени на разсмотрѣніе ея. Пусть только его сіятельство прикажетъ прочесть ее въ конференціи и напечатать послѣ разсмотрѣнія ея тамъ....»

17 Августа. Такъ какъ времени очень мало, чтобы разжевывать заключающееся въ ней содержаніе, то была бы хорошо, когда бы его сіятельство соблаговолило приказать Миллеру высказаться гадательно, чтобы не обижать никого. Но истинъ это самый взрѣный и пріятный способъ, потому что тогда рѣшеніе предоставляется публикѣ, которая желаетъ быть главою, а не смотря на то авторъ, если онъ искусенъ, силою своихъ доказательствъ, нечувствительно увлечетъ на сторону своихъ возвращій. И самое главное въ этомъ случаѣ есть то, что президентъ не рискуетъ ничемъ своимъ одобреніемъ, а профессора могутъ быть такъ только довольны....»

21 Августа. Его сіятельство прекрасно поступило, передавъ диссертацию г. Миллера на судъ гг. профессоровъ. Они уже работаютъ надъ нею и сдѣлаютъ такъ, что всѣ останутся тѣмъ довольны, какъ равно и г. Миллеръ. Если бы напечатать его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, то всѣ профессора согласны, что это было бы уничиженіемъ для академіи....»

24 Августа. Г. Миллеръ не хочетъ уступить, а другіе профессора не хотятъ принять ни его мнѣнія, ни его способа изложенія....»

28 Августа. Фишеръ смазывалъ мнѣ, что г. Ломоносовъ имѣетъ по Латинѣ несравненно лучше Миллера. Такъ какъ рѣчь послѣдняя была наполнена ошибками противъ грамматики и исторіи и выраженіями грубыми и обидными, то это все откинулъ, на сколько позволили время и уступчивость г. Миллера.... Я говорю вамъ, и г., какъ передъ Богомъ, что Миллеръ только тогда сказалъ мнѣ о своей рѣчи, когда представилъ ее въ канцелярію для отсылки въ Москву. Правда, что прочесть ее, я ему сказала въ лицо, что не думаю, что бы его сіятельство одобрилъ когданибудь его рѣчь въ томъ видѣ, какъ она есть, и что было бы лучше маложить этотъ предметъ съ большимъ осторожностію, чтобы не обидѣть никого....»

По случаю разсмотрѣнія рѣчи, назначенное на 6 Сентября торжественное собраніе Академіи было отложено, почему Шумахеръ писалъ:

пропустилъ лучший случай къ похвалѣ Славянскаго народа и не сдѣлалъ Скифовъ Славянами“. Это уже прямая напраслина.

Вообще утверждаютъ, что за исключеніемъ Тредьяковскаго, русскіе академики, разбиравшіе диссертацию Миллера, Ломоносовъ, Крашенинниковъ, Поповъ, осуждали его выводы „не съ научной точки зрѣнія, но во имя патриотизма и національности“ и что „на почвѣ научнаго рѣшенія вопроса“ остался только Тредьяковскій.

6 Сентября. Весь городъ въ волненіи отъ внезапной перемены касательно торжественнаго собранія и каждый занятъ отъисканіемъ причинъ тому. Некоторые даже предполагаютъ, что собраніе отиѣнено по представленію комиссара Брекшина, котораго мнѣніи противны Миллеровскимъ относительно происхожденія господъ Русскихъ. (Такъ думалъ и самъ Миллеръ).

7 Сентября. Вы угадали: нѣтъ ни одного профессора, который бы вѣрилъ, что не вѣстостная рѣчь г. Миллера была причиною разстройства торжественнаго собранія. Гг. профессора Струбе, Ломоносовъ, Тредьяковскій, Фишеръ и два адъюнкта Крашенинниковъ и Поповъ, думаютъ, что въ состояніи судить о предметѣ....

11 Сентября. Гг. профессора и адъюнкты трудятся надъ рѣчью г. Миллера и вы, м. г., увидите, что мнѣніе каждаго изъ нихъ, поданное особливо, будетъ весьма различествовать отъ того, которое онъ подавалъ съ товарищами, будучи въ засѣданіи. Гг. ученые, изъ опасенія же, изъ зависти ли, очень рѣдко высказываются о томъ, о чемъ ихъ спрашиваютъ. Когда хочешь знать истину о предметѣ, надобно непремѣнно говорить съ каждымъ отдѣльно. Такъ я и сдѣлалъ.

16 Сентября. Съ самаго начала диссертациа г. Миллера не имѣла чести мнѣ понравиться, но я не находилъ ее столь ошибочною, какъ описываютъ гг. профессора и адъюнкты... Любезный мой другъ и собратъ по невгодамъ! не найдете ли вы удобнымъ предложить его сіятельству приказать лучше на этотъ разъ выбрать предметъ изъ оцѣнки по математическому классу и отложить рѣчь г. Миллера до другаго времени, потому что невозможно согласить мнѣнія гг. профессоровъ съ авторскими, да еслибы и возможно было, то надобно былобы переводить снова....

Предложеніе Шумахера было принято и къ предстоящему собранію сталъ готовить рѣчь профессоръ математикъ Рихманъ.

19 Октября. Гг. профессора и адъюнкты теперь трудятся надъ диссертациею г. Миллера и въ понедѣльникъ начнутъ битву. Я предвижу, что она будетъ очень жестока, такъ какъ ни тотъ, ни другіе не захотятъ отступиться отъ своего мнѣнія. Не знаю, помните ли вы еще, м. г., то, что я имѣлъ честь писать къ вамъ о диссертациа г. Миллера.

Само собою разумеется, что если бы все это прилебно-испытанное глго было напечатано, оно объяснило бы вполне, кто въ немъ правъ, кто виноватъ. Впрочемъ, благодаря нововведенію уже матеріаламъ¹ можно и теперь составить достаточно правильное понятіе о ходѣ этого ученаго спора, въ основаніяхъ своихъ и даже въ подробностяхъ нисколько не устарѣвшаго и до настоящей минуты.

Надо сказать, что заслужившій похвалу потонства за научную почву Трельяковскій полагъ нѣтъ дельно уклончивое, говоря, что „сочинитель по своей системѣ съ нарочитою вѣроуверностію доказываетъ свое нѣтъіе...“ Когда я говорю, писалъ онъ: съ нарочитою вѣроуверностію, то разумею, что авторъ доказываетъ только вѣроувертно, а не достоверно...“ Затѣмъ онъ представляетъ, что матерія слишкомъ трудна, что и нѣтъія автора, и тѣ нѣтъія, которыя онъ отвергаетъ, всѣ утверждаются только на вѣроуверности и никогда не получаютъ себѣ научнаго достоверности.“ Вообще достоинство новой диссертациі онъ равнялъ съ до-

Монни, что я утверждалъ, что она написана съ большою ученостію, но съ нѣтъіемъ благородствіемъ. Это оправдывается. Г. Байеръ, который писалъ о томъ же предметѣ въ академическихъ конментаріахъ, излагалъ свои нѣтъія съ большіимъ благородствіемъ, потому что употреблялъ всѣ возможные старанія отыскать для русскаго народа благородное и блестящее происхожденіе (по Байеру Варяги-династія была люди дворянскаго оангліи, изъ Скандинавіи и Давіи); тогда какъ г. Миллеръ, по увѣренію русскіихъ профессоровъ, старается только объ униженіи русскаго народа. И они правы. Если бы я былъ на мѣстѣ автора, то далъ бы совсѣмъ другой оборотъ своей рѣчи, (Шумахеръ чертить левую программу, какъ бы онъ, польстивши народному самолюбію, все-таки провелъ бы свою мысль), но онъ (Миллеръ) хотѣлъ унижать. *Neveat sibi*—дорого онъ заплатитъ за свое тщесловіе!

30 Октября. Профессоръ Миллеръ теперь выдаетъ, что промахнулся съ своею диссертациею, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и нѣтъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать... Теперь онъ скрывается большіимъ и не хочетъ болѣе ходить въ конференцію. Мѣсто на страницахъ 18 и 19 диссертациі Рихмана приносятъ болѣе чести академіи, чѣмъ вся газетная г. Миллера, которому онъ хочетъ разрушить все, что другіе создали съ такимъ трудомъ. См. дополнительныя вѣвѣстія для біографіи Ломоносова академіи П. Печарскаго. Сиб. 1865. стр. 46—53.

¹ Исторія И. Академіи Наукъ, П. Печарскаго, томы 1 и 11. Сиб. 1870—1873. Матеріалы для біографіи Ломоносова, Вязрскаго, Сиб. 1865.

стоинствомъ предшествовавшихъ ей писаній, не исключая и Синописа, и прибавляя впрочемъ, что однакоже система Миллера кажется вѣроятнѣе всѣхъ другихъ, долѣ извѣстныхъ; что по этимъ причинамъ во всемъ авторовомъ доказательствѣ онъ не видитъ ничего предосудительнаго для Россіи. „Развѣ только сіе одно можетъ быть, какъ мнѣ кажется, предосудительно, говорилъ онъ, что въ Россіи, о Россіи, по Россійски, предъ Россіянами, говорить будетъ чужестранный и научитъ ихъ такъ, какъ будто они ничего того, понынѣ не знали; но о семъ разсуждать не мое дѣло“.

Одобряя диссертацию къ выпуску въ свѣтъ, Тредьяковскій, во всякомъ случаѣ, предлагалъ ее исправить, иное отмѣнить, иное умягчить, иное выпѣтвить, причемъ ссылаясь, что объ этихъ отмѣнахъ, исправленіяхъ, умягченіяхъ довольно предлагали автору всѣ вообще разбиравшіе диссертацию. Стало быть и онъ съ научной почвы показывалъ, что диссертациа была неудобна во многихъ отношеніяхъ. Онъ только не обозначилъ явно въ чемъ заключалось это неудобство; но въ заключеніе все-таки сказалъ, что отнюдь спорить не будетъ съ мнѣніемъ и разсужденіемъ объ этомъ предметѣ искуснѣйшихъ и остроумнѣйшихъ людей (своихъ товарищей), и что, напротивъ того, признаетъ ихъ мнѣніе, „какъ основательнѣйшее можетъ быть лучшимъ“. Какъ профессоръ краснорѣчія, Тредьяковскій составлялъ свою рѣчь очень хитро и поэтому вовсе неизвѣстно, куда прямо относится это можетъ быть, и что прямо хотѣлъ сказать краснорѣчивый профессоръ. Ясно одно, что онъ былъ согласенъ съ своими товарищами, знавшими предметъ лучше и обладавшими бѣльшимъ искусствомъ въ спорѣ. По всему видно, что его уклончивость происходила собственно отъ недостатка учености, отъ малаго знакомства съ источниками и литературою предмета, что вполне раскрывается въ подавнѣ имъ запискѣ. И тѣмъ не меньше это уклончивое мнѣніе Тредьяковскаго заслужило похвалу, что будто бы „по своему без(при)страстію оно представляетъ отрадное исключеніе“¹. Такая похвала бросаетъ сильную тѣнь на его товарищей. Стало быть мнѣнія другихъ русскихъ

¹ Биларскій: Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 758, 768.

ученыхъ о диссертациі Миллера были пристрастны, не от-
рады по своему нравственному качеству? Однако тотъ-
же Тредьяковскій въ своемъ особомъ разсужденіи о Варя-
гахъ Руссахъ, написанномъ гораздо послѣ, касаясь достоин-
ства Миллеровой рѣчи, пишетъ между прочимъ, что „на-
печатанная, она въ дѣло не произведена: ибо освидѣтель-
ствованная всѣми членами академическими, нашла, что
какъ исполнена неправости въ разумѣ, такъ и ни
къ чему годности въ слогѣ“.

И никто другой, какъ именно Тредьяковскій сводитъ этотъ
ученый споръ прямо на почву патріотическихъ возрѣній.
Въ упомянутомъ своемъ разсужденіи о Варягахъ Руссахъ,
въ самомъ началѣ, онъ жалуется, что происхожденіе этихъ
Варяговъ приведено подъ немалое сомнѣніе въ нашихъ мы-
сляхъ, такъ что понынѣ (въ 1757 г.) еще нѣтъ довольнаго
удовольствія, изъ какого народа были сіи Варяги; что
виною тому чужестранные писатели, которые, производя
Варяговъ отъ инородныхъ намъ племенъ, врѣваютъ насъ
въ это сомнительное безъизвѣстіе о названіи, родѣ и языкѣ
Варяговъ.

„Хотя нѣтъ ни одного изъ истинныхъ Россіянъ, говорятъ
авторъ дальше, который не желалъ бы всѣмъ сердцемъ,
чтобъ знаменитые Варяги-Руссы, прибывшіе къ намъ
государствовать, и бывшіе предками нашихъ самодержцевъ,
были точно такими же нынѣшними и всегдашними Россія-
нами; однако утвержденія иностранныхъ, и еще не безслав-
ныхъ писателей, не токмо дѣлаютъ наши желанія тщетны-
ми, но еще и всѣхъ намъ путей едва не пресѣкаютъ... Одни
объявляютъ, что Варяги были предки Шведовъ, другіе пи-
шутъ, что произошли они отъ Датчанъ; эти пространно до-
казываютъ, что наши Варяги прибыли къ намъ изъ Сканди-
навіи или изъ Даніи, и что Россіяне называютъ Варяга-
ми всѣхъ вообще Свѣевъ, Готландянъ, Норвежанъ и Данянъ;
а тѣ надежно и высокоумно велерѣчатъ, что они суть точ-
ные Норвежцы; нѣкоторые производятъ ихъ отъ Пруссовъ,
а иные называютъ ихъ народомъ германскимъ. Всѣ, нако-
нецъ, хотя и признаютъ, что Варяги были Руссы, однако не
отъ Руссовъ, т. е. теперешнихъ Русскихъ. Какъ ни лест-
но для насъ это твердое предразсужденіе о достоинствѣ на-
шихъ первоначальныхъ государей, которыхъ писатели на-

перерывъ другъ предъ другомъ присвояютъ къ разнымъ главнымъ и храбрымъ народамъ, однако намъ это нѣсколько предосудительно, ибо они отнимаютъ у насъ собственное наше и дражайшее добро и чрезъ то лишаютъ насъ природной нашей славы. Они, какъ думается, по единому молюбію токмо изобрѣли за должное повѣствовать о выславныхъ Варягахъ и водя своихъ читателей по степени вѣроятности, удостовѣрять, что будто эти Варяги намъ меродны и отъ насъ разноязычны. По этому не ободримъ ли мы изобрѣсть за должнѣйшее, чтобъ утверждаясь на этой достовѣрности, описать нашихъ началобитныхъ сдержцевъ какъ единойязычными, такъ и тождеродными съ нами“.

По мыслямъ Тредьяковскаго прямо выходитъ что иностранцы отнимали у насъ нашихъ самодержцевъ, отдѣляли ихъ отъ народа, какъ полныхъ чужеродцевъ. Онъ чувствуетъ, что иностранцы, собственно Германцы, тѣмъ хвалятся, что дали намъ царей изъ своего рода. И едвали онъ не правъ; что эта патріотическая нѣмецкая мысль въ действительности, хотя неосознано и неуловимо, руководила нами слишкомъ усердными разсужденіями о происхожденіи Варяговъ-Руси.

Возможноль, говоря, откровенно, и достойно ли, въ виду славящаго усилія чужихъ, оставаться въ бездѣйствіи и стремиться къ исторженію отъемлемаго у насъ не по праву восклицаетъ за тѣмъ Тредьяковскій.

тому насъ обязываетъ высота, свѣтлость, превосходныхъ нашихъ великихъ князей, а честь цвѣтущая всегда и нынѣ, Россійскаго народа, не умолкая возглаголюетъ. Должно, должно было давно намъ препоясаться не токмо къ воспрепятствованію не весьма стоящихъ заключеній объ этомъ предметъ, но и къ утвержденію какъ будто ко вкореняемому насажденію свѣтозарныя истины и непоколебимыя правды“¹.

Мысли Тредьяковскаго очень ясны. По этимъ мыслямъ также ясно, о какихъ собственно Варягахъ думали первые иноземцы, производя ихъ изъ разныхъ только германскихъ, но не славянскихъ мѣстъ. Тредьяковскій какъ

¹ Меченія Тредьяковскаго, Спб. 1849. т. III, 475—480.

самъ говорить. почиталъ всѣ эти чужія мнѣнія не весьма стовѣщими: сознавалъ, что истины и правды въ нихъ нѣтъ. Во время спора онъ не былъ настолько знакомъ съ вопросомъ, чтобы подавать рѣшительный голосъ, но видно, что и самъ онъ такъ былъ затронутъ этими спорами, что написалъ три особыя разсужденія: 1) о нервенствѣ Славянскаго языка предъ Тевтоническимъ; 2) о первоначалѣ Россіи; 3) о Варягахъ Руссахъ Славянскаго званія, рода и языка*, гдѣ и выводилъ Варяго-Руссовъ съ бѣльшими противъ Доносова основаніемъ отъ Славянъ Руговъ изъ Помераніи. Эти разсужденія были уже готовы въ 1757 году, следовательно начаты вѣроятно скорѣе послѣ осужденія Миллеровой диссертациі¹.

Очень подробно разобрали диссертацию другіе Русскіе академики: профессоръ химіи Доносовъ, адъютантъ ботаники Крашенинниковъ, адъютантъ астрономіи Поновъ. Справедливо, что они отчасти руководились патристическимъ чувствомъ. Но еще бы русскіе люди не выразить любви къ своей отчизнѣ тамъ, гдѣ наука, не математика, а исторія, прямо касалась политическихъ воззрѣній и убѣжденій, и гдѣ она, къ тому же вся была построена на однихъ вѣроятіяхъ и догадкахъ, которыя по ихъ мнѣнію нисколько не были лучше вѣроятій и догадокъ Сиониса и нѣкоторыхъ лѣтописцевъ и которыми въ противоположность легко было выставить новыя догадки и вѣроятія, имѣющія равнозначительныя по ученому достоинству.

Мы уже говорили, что личныя чувства, воззрѣнія, убѣжденія въ обработкѣ исторіи значатъ очень много и всегда во всякомъ историческомъ трудѣ непременно оставляютъ свой зачатый слѣдъ.

¹ Точно также не могъ оставить безъ вниманія этого вопроса и другой противникъ Миллера, профессоръ Струбе, издавшій уже на старости, въ 1755 г. «Разсужденіе о древнихъ Россіянахъ», М. 1791 г., написанное однако еще въ 1753 г., гдѣ, осудивъ диссертацию Миллера, производилъ Русь изъ Ризландіи отъ Готтовъ, съ восточной стороны Ботническаго залива, откуда потомъ выводилъ Русь г. Бутговъ.

Русские академики находили, что Миллеръ въ своей диссертациі „старается только объ униженіи Русскаго народа.“ И они были правы, замѣчаетъ самъ Шумахеръ. Здѣсь слѣдовательно была затронута народная гордость, чувство природное, свойственное не только каждому народу и государству, но и каждой деревнѣ, и особенно свойственное нѣмецкимъ ученымъ людямъ.

Это не болѣе какъ чувство народнаго достоинства, которое можетъ быть мнимымъ, но можетъ также выражать и дѣйствительныя народныя преимущества. Въ иныхъ случаяхъ оно бываетъ смѣшно и нелѣпо, когда основывается на одномъ пустомъ тщеславіи, но въ немъ же очень часто скрываются благородныя и справедливыя понятія объ истинныхъ заслугахъ своей народности.

О Миллеровой диссертациі Шумахеръ говорилъ что „она написана съ большою ученостью, но съ малымъ благородіемъ“, что Миллеръ вообще „хотѣлъ умничать и потому дорого заплатитъ за свое тщеславіе.“ Сами нѣмецкіе ученые стало-быть сознавали, что неблагообразная сторона диссертациі заключалась отчасти и въ тщеславіи, которое подмѣтилъ уже Тредьяковскій, говоря что чужестранецъ научитъ Русскихъ такъ, какъ будто они ничего того поняти не знали.

Такимъ образомъ тщеславіе нѣмецкаго ученаго, императорскаго исторіографа, хотя бы только одною новостью ученой мысли, естественно должно было встрѣтить сильный отпоръ со стороны русскихъ притязаній. Новая ученая мысль Миллера требовала себѣ мѣста посреди старыхъ Русскихъ басенъ о происхожденіи Русскаго народа и потому явилась строгимъ критикомъ этихъ басенъ, этой старой ветоши, нанесенной въ Русскую исторію не раньше 16-го вѣка и то подъ вліяніемъ Польскихъ писаній. Миллеръ прямо и называлъ эти сказки бабьими баснями. Но рядомъ онъ отвергалъ и такія заключенія, которыя имѣли вполне научное основаніе, и притомъ отвергалъ ихъ только въ пользу Скандинавства Руси, а это уже прямо всѣмъ Русскимъ ученымъ казалось даже нестерпимою баснею, проводимою лишь изъ одного нѣмецкаго тщеславія.

Русскіе ученые, не бывши спеціалистами по этому предмету, поставили, однако, весьма ученые возраженія про-

тивъ выводовъ Миллера и если статья его была одною изъ первыхъ попытокъ критически обследовать начало Русской исторіи, то замѣчанія и разборъ его сочиненія Русскими учеными представили тоже первую и еще болѣе основательную попытку критически рассмотреть самую эту нѣмецкую критику. Мы никакъ не съумѣемъ себя объяснить, почему ученая молва оставляетъ ученость и критику за однимъ только Миллеромъ и удаляетъ въ полную темноту такую же ученость и критику Русскихъ ученыхъ, притомъ совсѣмъ не специалистовъ Русской исторіи.

Этотъ достопамятный споръ происходилъ открыто въ присутствіи всего собранія Академіи; всѣ возраженія записывались или переводились по латынѣ, на языкъ науки, такъ какъ Миллеръ отвѣчалъ только на латинскомъ ¹.

Еще въ началѣ споровъ, 30 Окт. 1749 г., Шумахеръ писалъ къ Теплову, „профессоръ Миллеръ теперь видитъ, что промахнулся съ своею диссертациею, потому что одинъ Поповъ задалъ ей шахъ и матъ, указавъ на столько грубыхъ ошибокъ, которыхъ онъ рѣшительно не могъ оправдать.“ При этомъ Шумахеръ прибавляетъ что „одно мѣсто въ диссертациі (профессора) Рихмана (изъ физическаго отдѣла) приноситъ болѣе чести Академіи, чѣмъ вся галатѣя г. Миллера, которую онъ хочетъ разрушить все, что другіе создали съ такимъ трудомъ.“

Намъ неизвѣстно, сколько научнаго содержали въ себѣ возраженія Попова, но подробная записка Ломоносова напечатана. Въ ней авторъ прежде всего говоритъ вотъ что: „Слѣдующія разсужденія предлагаю обстоятельнѣе для того, чтобы видны были причины, для которыхъ упомянутая

¹ Начальство Академіи въ началѣ дѣла назначило для рассмотрѣнія диссертациі недѣлю. Русскіе ученые объяснили потомъ, что окончить исследование въ теченіи недѣли они не могли и просили три недѣли. Но и этого времени не достало, между прочимъ потому, что Миллеръ сказанъ болшимъ и не только не явился въ засѣданія, но и не присылалъ отвѣтовъ. Споры длились съ перерывами съ небольшими перерывами въ теченіи 29 засѣданій, отъ 23 Октября 1749 по 8 Марта 1750 года. Всѣ возраженія сохранились и выстѣ съ краткими протоколами составляютъ около 400 страницъ въ листъ довольно крупнаго писма. Особенно многочисленны возраженія Попова и Ломоносова. Матеріалы Виларснаго, стр. 767.

диссертация и прежде сего мною не одобрена и чтобы ясно показать, что я не по пристрастию и не [взирая на лицо, но какъ вѣрному сыну отечества надлежитъ, по присяжной должности, поступаю. А чтобы все изобразить короче, для того, пропуская мелкія погрѣшности, только главные предлагаю.“

Въ тогдашней европейской наукѣ признавалось за рѣшеное дѣло, что имя и народъ Россіане суть наследники Роксоланъ, древнихъ обитателей южной Руси. Русскіе ученые естественно почитали это заключеніе западной науки тоже несомнѣннымъ. Миллеръ отвергалъ это мнѣніе „ученыхъ людей“. Ломоносовъ весьма основательно выставилъ ему рядъ доказательствъ, утверждавшихъ эту истину, и раскрылъ всю несостоятельность его собственныхъ разсужденій, указавши, что чувствуя эту несостоятельность, онъ „Страбоновы, Тацитовы и Спартіановы свидѣтельства о Роксоланѣхъ пропустилъ вовсе, чего ему учинить отнюдь было не должно, ибо хотя онъ происхожденіе Россіанъ отъ Роксоланъ и отвергаетъ, однако, ежели онъ прямымъ путемъ идетъ, то должно ему всѣ противной стороны доводы на среду поставить и потомъ опровергнуть“. Требованіе ни сколько не патріотическое; а вполне ученое.

Въ отиѣну Роксоланъ Миллеръ доказывалъ, что Варяги были Скандинавы, то есть Шведы. Въ этомъ онъ прежде всего ссылался на Байера. Ломоносовъ представилъ критическую оцѣнку Байеровскихъ разысканій, особенно объ именахъ первыхъ князей, сказавши, что его толкованій „не только принять за правду, но и читать безъ досады не возможно“, что „ежели Бейеровы перевертки признать можно за доказательства, то и сіе подобнымъ образомъ заключить можно, что имя Бейеръ происходитъ отъ Россійскаго Бурлакъ.“ Здѣсь дѣйствительно выразилась полная характеристика Байеровскихъ толкованій Русскихъ именъ изъ Скандинавскаго языка. Затѣмъ Ломоносовъ говоритъ, что вообще догадки Байера, которыя Миллеръ взялъ въ свою диссертацию, отнюдь не доказываютъ, чтобы Варяги, изъ которыхъ пришелъ Рюрикъ, были Скандинавы ¹.

¹ Изъ диссертации Байера о Варягахъ слишкомъ замѣтно, какъ онъ всѣми итрами старался натянуть на истину Скандинавство Руси. Гово-

Онъ развиваетъ собственную мысль о происхожденіи Варяговъ-Руси, доказывая что они были Славянскаго колѣна и жили на берегахъ Варяжскаго моря, между Вислою и Двиною, гдѣ въ море впадаетъ Нѣманъ, въ устью своему называемый Руса. Это мнѣніе, народившееся во время самыхъ споровъ, конечно не выдерживаетъ критики, но шаткія его основанія были не хуже тѣхъ основаній, на которыхъ укрѣпилась мысль о Скандинавскомъ происхожденіи Руси.

Противъ этого Скандинавства Ломоносовъ доказывалъ, что еслибъ Варяги-Русь были Скандинавы, то оставили бы очень замѣтный слѣдъ въ русскомъ языкѣ, а въ немъ напротивъ больше осталось словъ отъ Татаръ, владычество которыхъ было несравненно отдаленнѣе Скандинавскаго. При томъ и объ особомъ варяжскомъ языкѣ нигдѣ не упоминается, въ то время какъ лѣтописецъ всегда ясно отличаетъ, какой не Славянской народъ имѣетъ свой языкъ.

Но нелипѣе всего Ломоносову казалось утвержденіе Миллера, что имя Русь заимствовано у Чухонцевъ (Финновъ). Миллеръ, говоритъ онъ, производитъ имя Россійскаго народа отъ Чухонцевъ слѣдующимъ образомъ: „Чухонцы-де Шведовъ называютъ Россалейна, то, услышавъ сіе, Новгородцы стали называть Русью всѣхъ народовъ отъ запада происходящихъ. Рюрикъ съ родомъ своимъ услышавъ, что Новгородцы ихъ называютъ Русью, назвали и сами Русью, а послѣ того и весь народъ Славянской назвалъ Русью. Здѣсь всякъ видитъ, сколько тутъ нескладныхъ вымысловъ: 1) полагаетъ здѣсь г. Миллеръ, что Новгородцы сами о имени западныхъ народовъ ничего не знали, а между тѣмъ всякъ вѣдаетъ, что они ихъ Варягами называли. 2) Что Рюрикъ съ родомъ своимъ, покинувъ старое имя,

ри о Славянскомъ племени Вагровъ и вовсе не желая, чтобы они служили для его намеканій совершителямъ Скандинавамъ, какъ такіе же морскіе разбойники, онъ произвольно отвергаетъ болѣе древнія свидѣтельства Адама Бременскаго и Гельмольда и беретъ себя въ свидѣтели Саксона Грамматика, писавшаго въ то время, когда Балтійское Славянство было обездолено Датчанами, и говорившаго, что всѣ Славяне на ономъ берегу позднѣе начали разбойничать. Точно такъ и Шлецеръ для Скандинавовъ Руссовъ безъ особаго затрудненія устранилъ изъ Русской исторіи Ослоадовыхъ Руссовъ, Кіевскихъ.

стали зваться такъ, какъ ихъ называли Новгородцы. 3) Новгородцы, зная, что сіе имя Русь, ни имъ, ни Варягамъ не собственное, но отъ Чухонцовъ взятое, сами назвались онымъ, оставя свое прежнее; такъ что по мнѣнію г. Миллера два народа, Славяне и Варяги, бросивъ свои прежнія имена, назвались новымъ, не отъ ихъ происшедшимъ, но взятымъ отъ Чухонцовъ. Гдѣ теперь строгость г. Миллера, которой онъ въ доказательствахъ требуетъ у тѣхъ, которые россійское имя отъ Роксоланъ производятъ? Не явно ли показалъ онъ здѣсь пристрастіе къ своимъ неосновательнымъ догадкамъ, полагая за основаніе оныхъ такіе вымыслы, которые чуть могутъ кому во снѣ привидѣться? Примѣръ Англичанъ и Франковъ, отъ него здѣсь присоветуемой, не въ подтвержденіе его вымысла, но въ опроверженіе служить: ибо тамъ побѣжденные отъ побѣдителей имя себѣ получили. А здѣсь ни побѣдители отъ побѣжденныхъ, ни побѣжденные отъ побѣдителей, но всѣ отъ Чухонцовъ“.

До сихъ поръ, въ главномъ дѣлѣ, въ возраженіяхъ Ломоносова не примѣчается никакого особаго патріотизма. Онъ самымъ ученымъ образомъ разсматриваетъ тезисы Миллера и раскрываетъ ихъ несостоятельность или несообразность, раскрываетъ ихъ посредственную ученость. Затѣмъ онъ переходитъ къ частностямъ и останавливается на фразѣ: „Правды наши, почтенные слушатели, отъ славныхъ дѣлъ своихъ Славянами назывались, которыхъ отъ Дуная Волохи выгнали.“ Здѣсь, замѣчаетъ Ломоносовъ, весьма явныя противныя вещи, слава и изгнаніе, которыя въ такой диссертациі (какъ публичная рѣчь) мѣста имѣть не могутъ. Но какъ нашъ сочинитель славныя дѣла пращуровъ нашихъ начинаетъ изгнаніемъ, такъ и всю ихъ жизнь въ раззореніяхъ и порабощеніяхъ представляетъ. „И хотябы то была правда, что Славяне для Римлянъ Дунай оставили, однако сіе можно бы было изобразить инако. Напримѣръ Словенскій народъ, любя свою вольность и не хотя носить римскаго ига, переселился къ сѣверу“.

Ссылаясь на Прокопія, Иорнанда, Григорія Великаго, говорившихъ о великихъ нашествіяхъ Славянъ на римскія области, Русскій ученый даетъ знать, что „Славяне отъ Римлянъ не

такъ выгнаны были, какъ г. Миллеръ пишетъ. И сіе бы должно было ему упомянуть для чести Славянскаго народа ¹.

Требованіе сколько патриотическое, столько же и справедливое въ научномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что Миллеръ „слишкомъ 20 страницъ изъ 56 наполнилъ Скандинавскими баснями“ и, по признанію самого автора, нелѣпыми сказками о богатыряхъ и о колдунахъ, которыя однако служили къ славу Скандинавцевъ или Шведовъ „и, какъ самъ Миллеръ говорилъ, для того внесены, дабы показать, что Скандинавцы противъ Россіянъ воюя, славу себѣ получали.“ „Весьма чудно, замѣчаетъ Ломоносовъ, что г. Миллеръ, самъ признавъ эти саги за сказки, потомъ какъ правду толкуеть.. ². Все оное, продолжаетъ онъ, къ изъясненію нашей исторіи почти ничего не служитъ и могло бы быть безъ утраты пропущено, какъ то и самъ авторъ на 23 и 24 стр. объявляетъ“.

Естественно послѣ того, что Ломоносовъ защищалъ басни позднѣйшаго новгородскаго лѣтописца о братьяхъ Славенѣ, Русѣ, Болгарѣ и пр., прибавляя, что „по его мнѣнію. сего древняго о Словенскѣхъ преданія ничѣмъ опровергнуть нельзя.“

Точно также онъ имѣлъ полнѣйшее основаніе защищать приходъ къ Славянамъ Апостола Андрея Первозваннаго, ибо понималъ, что проповѣдуя въ Понтѣ и Скиѣи, св. Апостолъ необходимо проповѣдывалъ Славянамъ и Руссамъ. „Правда

¹ Покойный академикъ Певарскій, такъ преждевременно похищенный у русской науки, въ своей Исторіи Академіи Наукъ. II. стр. 430, говоритъ по этому поводу, что здѣсь Ломоносовъ подѣлилъ довольно справедливо какое-то особенное довольство, съ которымъ Миллеръ указываетъ всѣ неудачи и неуспѣхи Славянъ. Хотѣлъ ли Миллеръ писавши такъ, показать свое безпристрастіе (!) во времена, когда считалось чуть не святотатствомъ сомнѣваться въ истинѣ баснословія Синопсиса, или же онъ, какъ иноземецъ, пыталъ загасить чувство противъ Россіи и русскихъ, что нерядкость между иноземцами, даже навсегда поселившимися въ Россіи, только въ рѣчи его есть не мало непріятнаго для самолюбія Русскихъ.»

² „И заслужили ли сіи глупости, говорятъ Шлегель, того, чтобы Байеръ, Миллеръ, Щербатовъ внесли ихъ въ Русскую исторію и рассказывали объ нихъ съ такою важностію, какъ будто объ истинныхъ происшествіяхъ: все это есть не иное что, какъ глухими выдумки. Несторъ, I. 52.

что и въ назвяхъ іѣтописакъ не безъ вымысловъ между правдою... замѣчалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, однако правды съ баснями вмѣстѣ выбрасывать не должно, утверждаюсь только на однѣхъ догадкахъ.“

Особенное пристрастіе Миллера къ своимъ догадкамъ, Ломоносовъ выставилъ по поводу толкованія имени Осгольдъ и Диръ, которыя Миллеръ объяснялъ, что это было собственно одно имя одного человѣка, ибо Діаръ только чинъ, по Готски значить судья. Ломоносовъ говоритъ: „Одного сходства имени и мѣста (намекая о Роксоланахъ), Миллеръ за доказательство не принимаетъ. Сія его строгость была бы весьма похвальна, ежелибы г. Миллеръ, не только для отверженія противныхъ, но и для доказательства своихъ мнѣній поступалъ по оной; но здѣсь выводитъ онъ изъ одного сходства имени Диръ и Діаръ, что Осгольдъ и Диръ не двое, но одинъ былъ князь...“ Далѣе на толкованіе имени города Холмогоръ, что оно происходитъ отъ сканд. Голмгардіи, Ломоносовъ замѣчаетъ: „Ежели бы я хотѣлъ по примѣру Бейеро - Миллеровскому перебрасывать литеры, какъ зернь, то бы я право (правильно) сказалъ Шведамъ, что они свою столицу несправедливо Стокгольмъ называютъ, но должно имъ звать оную Стіокольной для того, что она такъ слыветъ у Русскихъ“¹.

Ломоносовъ вовсе не защищалъ басенъ о происхожденіи имени Москвы отъ Мосоха и т. п., а замѣтилъ только, что мнѣнія Миллера объ этомъ предметѣ, десять разъ прочитавъ, едва разпознать можно, спорить ли онъ, или согласуется; и что наконецъ уже онъ (Ломоносовъ) узналъ, что это опроверженія, которыя однако ни какой силы не имѣютъ и притомъ переплетены непорядочнымъ расположеніемъ и подобны темной ночи.“ Точно также Ломоносовъ во-

¹ После этого очень вѣроятно объясненіе Венелина, что Тредьяковскій въ своемъ сочиненіи «о Первенствѣ Славянскаго языка предъ Теотоискии», гдѣ всѣ иностранныя имена объясняетъ изъ Славянскаго, напр. Hispania—Выспанія, Celtae—желтые, Saxonia—Сажонія, Italia—Италія, выдавшаяся земля, и т. п., писалъ собственно «веселую и остроумную пародію на Байеровы словопроизводства, который все выводилъ изъ Скандинавскаго». Нѣтъ сомнѣнія, что Тредьяковскій только собралъ въ одно мѣсто ходившія въ то время между остроумными обличеніями иностранныхъ словъ съ Славянскими.

все не требовалъ, чтобы Славянами сдѣлать^а, а называлъ, что въ этомъ случаѣ пропущенъ самый лучшій случай къ похвалѣ Славянскаго народа, ибо Славяны побѣдили Персовъ, Грековъ, Римлянъ и все таки уступили съ земли Славянамъ, чего безъ великихъ сраженій и знатныхъ побѣдъ учинить нельзя было; слѣд. народъ Славянской бы весьма храбрый, который преодолѣлъ даже мужественнымъ Славяномъ.

Повторяютъ заученное, что Ломоносовъ, „въ отъѣздѣ рѣчи своего личнаго врага преимущественно руководствовался патріотическимъ воззрѣніемъ^а, даже національнымъ пристрастіемъ и нетерпимостью. Но чѣмъ руководствовался самъ Миллеръ, излагая такъ, а не иначе свои разсужденія о Славянахъ и о началѣ Русскаго народа? Послѣ тако не совсѣмъ отраднаго, обозначенія русскихъ побужденій въ спорѣ, представляется, что самъ Миллеръ стоялъ на высотѣ идеальнаго ученаго безпристрастія, а мнѣтвѣ русскіе ученые о томъ только ему и твердили, что онъ очень пристрастенъ къ своимъ догадкамъ, что въ и утвержденіе ихъ или совсѣмъ опускаетъ неподходящіе сдѣлкія или наклоняетъ при случаѣ на свою сторону тѣ научныя приемы, которые самъ же отрицаетъ и т. д. На кажется, что если русскими учеными руководилъ русскій патріотизмъ, то нѣмецкими учеными руководилъ нѣмецкій патріотизмъ. Здѣсь встрѣтились двѣ народныя или ученныя гордости, изъ которыхъ нѣмецкая не желала поставить свое мѣсто историческія достоинства русской народности на что и указывала оскорбленная русская гордость, но не требуя себѣ ничего лишняго, тщеславнаго, а требовала только справедливаго, и раскрывая при этомъ, что истинное ученое безпристрастіе поступило бы иначе. Въ самомъ дѣлѣ, каждый ученый если и не руководится народнымъ патріотизмомъ, за то всегда крѣпко любитъ и уважаетъ такъ сказать, свое ученое отечество, которое для него представляють не только его ученныя мнѣнія, но и источники познаній, его особый кругъ приобретенныхъ свѣдѣній воззрѣній. Обыкновенно любовь къ такому отечеству вергаетъ все ему несвойственное и несродное; обыкновенно и границы такого отечества рѣдко бываютъ очень обширными, такъ что, напр. въ предѣлахъ ученаго отечества тѣ

вѣщевъ, которые такъ усердно на первыхъ порахъ стали обрабатывать русскую исторію, вовсе не существовало славянской народности и всѣхъ сказаній, какія оставила объ ней греческая и латинская древность. Въ этомъ отечествѣ существовали только одни Германцы, которые и забрали въ свои руки всю средневѣковую исторію и конечно должны были распространить свои владѣнія и въ наши земли. Русское ученое отечество, какъ извѣстный кругъ познаній о своей исторіи, напротивъ, считало свою землю исключительнымъ своимъ достояніемъ, о чемъ, по его мнѣнію, говорила вся историческая древность. Ясно, что соперники стояли на различныхъ почвахъ и никакъ не могли понять другъ друга, особенно еще по причинѣ различныхъ политическихъ взглядовъ и воззрѣній.

Русскіе патриоты въ трудѣ Миллера видѣли существенное только одно, что онъ, отвергая и критикуя русскія басни, вводилъ на ихъ мѣсто готическія басни, и сверхъ того свои неосновательныя догадки. За этими основными недостатками ни какой другой учености у исторіографа они не находили.

Отдѣливши въ диссертациі Миллера все то, что въ действительности могло оскорблять русское патриотическое чувство, въ ней все таки оставались ни на чемъ не основанныя и собственно нѣмецкія мнѣнія, напр., что Славяне въ нынѣшней Россіи явились только въ 6 в. по Р. Х. Русскіе ученые, знавшіе не хуже Миллера древнихъ писателей, конечно, никакъ не могли этого понять и чувствовали только, что здѣсь говорить не наука, а политика, такое же, патриотическое чувство нѣмца, взирающаго съ высоба на Славянскій народъ.

Естественно, что съ этой точки зрѣнія имъ казалось еще больше нелѣпнымъ мнѣніе о происхожденіи имени Русь отъ чуконскаго Россалайна, по ихъ понятіямъ еще меньше основательное, но которое для нихъ хотѣло выразить въ сущности такое же невыгодное понятіе о русской народности.

Да и въ самомъ дѣлѣ, даже и на теперешній взглядъ, послѣ столѣтнихъ доказательствъ въ пользу этого мнѣнія, все таки оно является меньше вѣроятнымъ, чѣмъ Россалаиново древней Руси.

За тѣмъ диссертація осуждена главнымъ образомъ за то, что вся она основана на вымыслѣ и „на дожио приведенномъ во свидѣтельство Несторовомъ текстѣ (о Варягахъ) и что многія явныя между собою борющіяся прекословныя мнѣнія и нескладныя затѣи Академіи беззавѣе създать могутъ“.

„А мнѣніе о происхожденіи Русскихъ князей отъ безымянныхъ Скандинавовъ, о происхожденіи Русскаго племени отъ Чухонцовъ, частыя надъ Россіянами победы Скандинавовъ съ досадительными изображеніями, не токмо въ такой рѣчи быть недостойны, но и всей Россіи предъ другими государствами предосудительны быть должны“. Само собою разувѣется, что таже патріотическая сторона для необходимо должна была выразиться и въ некоторой занальчивости и особой рѣзкости ннхъ сужденій, тѣмъ болѣе, что Миллеръ, по свидѣтельству Шлецера, въ спорахъ съ своими противниками, отличался не столько уступчивостію, сколько живительностію. Приведемъ, что 1750 году, когда такъ разсуждали, былъ несравненно ближе къ 17-му столѣтію, чѣмъ къ 19-му, то есть ближе къ тому времени, когда и ученое, и литературное простое слово еще не отдѣлилось отъ молитвы и дипломатіи, какъ оно еще не совсѣмъ отдѣляется и въ наше просвѣщенное время.

Чего же однако требовалъ Русскій патріотизмъ въ лицѣ профессора хивіи Ломоносова, адъюкта ботаники Крашенинникова, адъюкта астрономіи Полова? Судя по возраженіямъ Ломоносова, они требовали только исторической истины, то есть болѣе древности Славянскаго и Русскаго народа, которая для нихъ была ясна, какъ день и что теперь вполнѣ доказано Шафарикомъ: они вовсе не требовали налегучка этой древности, а только истиннаго изображенія того, что Славяне были такой же храбрый народъ, каковы у Миллера выставлены только Скандинавы. Они вообще требовали для Славянскаго народа только той исторической чести и славы, какая была заложена у древнихъ писателей. Они доказывали, что Баряги-Русь были Славяне, ибо были только основаніе такъ, а не иначе понимать слова Нестора. Эти естественныя критеріи вовсе не такъ были просты, чтобы сослаться на Кіевскій Сказаніе, какъ на единственное основаніе своихъ извѣстій: тутъ хорошо было извѣстно, что писали о Россіи и о Славянахъ писатели Восточ-

тійсліе. Они умѣли доказать свои слова точными осылками на этихъ писателей.

Словомъ сказать, передъ историческою диссертациею нѣмецкаго ученаго они стояли на такомъ уровнѣ историческаго повнанія и исторической критики, который не только дѣлалъ честь Академіи, но и равнялъ ихъ историческую ученость съ ученостью самого историографа, отчего собственно онъ и потерпѣлъ поражение. Они видѣли и несколько не сомнѣвались въ томъ (ибо дѣло находилось у всѣхъ передъ глазами), что нѣмецкій ученый приносилъ не простую критику Русскаго историческаго баснословія, но приносилъ на мѣсто старыхъ новыя неосновательныя басни и догадки, и критику поднималъ только съ цѣлью очистить мѣсто для новыхъ вымысловъ. Притомъ, они еще не подчинялись господству тѣхъ модныхъ идей, по которымъ естественное патріотическое чувство къ достоинствамъ родной исторіи почитается признакомъ крайняго невѣжества или недостойнымъ побужденіемъ восхвалять въ народѣ варварскіе инстинкты. Они никакъ не могли себѣ представить, что критика русской исторіи значить не только очищеніе ея отъ басенъ и всякой лжи, но и заботливое устраненіе въ ней истинныхъ неотъемлемыхъ историческихъ достоинствъ народа съ прибавками только новыхъ басенъ и новой лжи въ отрицаніе этихъ достоинствъ.

Такъ было встрѣчено на первыхъ же порахъ русскими учеными мнѣніе о Скандинавствѣ Руси и о томъ, что пришедшіе къ намъ Варяги были Шведы. Оно было отвергнуто, какъ мнѣніе смѣшное и недѣльное, не имѣвшее никакихъ ученыхъ основаній, и только досаждавшее понятіямъ Русскихъ о своей древности.

Въ научномъ отношеніи мнѣніе Ломоносова о Славянствѣ Руси, о ея происхожденіи съ береговъ Русы-Нѣмана въ связи съ мнѣніемъ Тредьяковскаго о происхожденіи Руси съ острова Рюгена, имѣло по крайней мѣрѣ равнозначительное достоинство съ Россалейнами Миллера и еслибъ оно развивалось и видоизмѣнялось съ тою же столѣтнею настойчивостью и ученостью, то быть можетъ мы давно уже шре-стали бы спорить о происхожденіи Руси.

Но именно нѣмецкое мнѣніе о Скандинавствѣ нѣмецкая ученость взяла подъ свое особое покровительство. Оно сдѣлалось академическимъ, значитъ вполне и исключительно ученымъ и какъ бы параднымъ. Кто смотрѣлъ на Академію, какъ на святилище науки, а иначе смотрѣть было не возможно; кто хотѣлъ носить мундиръ изслѣдователя европейски-ученаго, тотъ необходимо долженъ былъ раздѣлять это мнѣніе. Всякое пререканіе даже со стороны нѣмецкихъ ученыхъ почиталось ересью, а русскихъ пререкателей норманисты прямо обзывали журнальною неучью и ихъ сочиненія именовали бреднями. Вотъ между прочимъ по какимъ причинамъ со временъ Байера, почти полтора ста лѣтъ, это мнѣніе господствуетъ въ Русской исторической наукѣ и до сихъ поръ. Его господству особенно помогъ, какъ мы говорили, авторитетъ Шлецера и еще больше авторитетъ Карамзина, какъ выразителя Русскаго европейски-образованнаго большинства, вообще мало вѣровавшаго въ какія либо самобытныя историческія достоинства Русскаго народа. И великій Нѣмецкій ученый и великій Русскій историкъ смотрѣли одинаково и вообще на Славянскій и въ особенности на Русскій міръ. И тотъ и другой почитали этотъ міръ въ исторіи пустымъ мѣстомъ, на которомъ Варяги-Скандинавы построили и устроили все, чѣмъ мы живемъ до сихъ поръ.

Само собою разумѣется, что Шлецерь, не смотря на свой нѣмецкій патріотизмъ, какъ ученый въ самомъ благородномъ значеніи этого слова, для котораго чистая истина была дороже всего, при дальнѣйшихъ своихъ изслѣдованіяхъ во многомъ отказался бы отъ своихъ голословныхъ рѣшеній о дикости славянскихъ ордъ, и тогда его просвѣтители Варяги помѣстились бы въ нашей исторіи на принадлежащемъ имъ мѣстѣ. Для этого требовалось только распространить на разработку упомянутыхъ неизвѣстныхъ причинъ, почему славянская дикость образовала даже и Варяговъ, способы и приемы его высшей критики, критики дѣлъ, т. е. употребить къ тому здравый разумъ и примѣры или законы всеобщей исторіи человѣка.

Но такъ какъ въ своемъ трудѣ о Русскихъ лѣтописяхъ онъ главнымъ образомъ отдавался малой критикѣ, т. е. раз-

бирательству словъ, именъ, текстовъ, то правильная оценка жизненныхъ отношеній древняго времени осталась у него повади, на второмъ планѣ, и онъ почиталъ даже не совсѣмъ умѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе этого собственно историческаго вопроса. Можно навѣрное сказать, что дальнѣйшая обработка нашей исторіи даже и посредствомъ только малой критики привела бы знаменитаго ученаго совсѣмъ къ инымъ выводамъ и рѣшеніямъ.

Это мы отчасти видимъ на трудахъ тѣхъ нѣмецкихъ ученыхъ, которые продолжали дѣло Шлецера.

Какъ скоро какое либо изслѣдованіе касалось разъясненія не однихъ словъ и текстовъ, а именно жизненныхъ отношеній нашей исторіи, то сами собою являлись выводы и опредѣлялись истины, проливавшіе весьма достаточный свѣтъ на эти темныя неизвѣстныя причины Шлецера. Нѣмецкій же ученый Ф. Кругъ въ своихъ Разысканіяхъ о древнихъ Русскихъ монетахъ тотчасъ почувствовалъ неосновательность Шлецевскаго взгляда и отиѣтилъ въ самомъ началѣ своего труда, что еще задолго до Святослава, на примѣръ, Русь „находилась въ благосостояніи и вообще была на нѣсколько высшей степени просвѣщенія, нежели какъ обыкновенно себя представляютъ“; что суровая кочевая жизнь Святослава, какъ описалъ ее Несторъ, несправедливо по мнѣнію автора ставилась „всеобщимъ примѣромъ обыкновеннаго образа жизни Руссовъ“. „Мы представляемъ себя Россію въ 9 и 10 стол. весьма съ невыгодной стороны“, замѣчаетъ ученый изыскатель, и раскрываетъ рядъ обстоятельствъ, которые, еслибы были приняты во вниманіе тогдашнею наукою, могли бы скоро показать всю несостоятельность этого ученаго предубѣжденія. Но сила общаго мнѣнія была такъ велика, что Кругъ почелъ необходимымъ сдѣлать слѣд. замѣтку: „Признаюсь, что я самъ считаю весьма смѣлыми нѣкоторыя изъ предложенныхъ мною мнѣній“. Онъ вообще съ большою осторожностію и не говоря ничего рѣшительнаго выводилъ изъ словъ того же Нестора, что Новгородъ и Кіевъ еще до прихода Варяговъ пользовались всеми выгодами своихъ сношеній съ Греціею и стояли на той степени народнаго развитія, которую никакъ нельзя обывать дикою ордою.

Онъ говоритъ между прочимъ, что Новгородцы, въ соединеніи съ Чудью и другими Славянскими племенами „въ по-

Историческое
руководство
к оному

и немецкое мнение
яла под свое осог
девическимъ, зв
какъ бы пара
вятиице на
го хотѣль и
ого, тотъ
Всякое п
бчитал
прямо
менот
ива
аіе
т

... и
... поръ.

... исторіи древняго Русс.

... внутренней исторіи Русс.

... другой достойнѣйшій сотрудникъ Шл.

... позволилъ оставить его воззрѣнію на ист.

... предположилахъ подобнаго рода. Онъ першій началъ

... картину первобытнаго родоваго состоян.

... стараясь такъ снмать источникъ живо

... послужилъ разъясненіемъ очень многихъ стар

... жизни и въ послѣдующей исторіи.

Но вѣсть о вѣсти Эверсъ вынесъ изъ своихъ к

... ній совсемъ иное убѣжденіе и о происхожденіи Рус

... сости Русскаго имени. Онъ усумнился въ ея Норман

... происхожденіи. Онъ рѣшился, какъ самъ говоритъ, н

... нгъ, съ которымъ и приступить было страшно, у

... подвергнуть испытанію блистательна Шленеромъ

... тельства о томъ, что первые обладатели сѣвернаго Сл

... ннаго государства происходятъ изъ Скандинавіи, изъ Б

... ции, рѣшился обвинить свое сомнѣніе въ ихъ прочес

... представить мнѣніе, которое всеобщимъ историческимъ

... мѣтамъ строгически противорѣчитъ".

Точно блистательно, съ тою же логикою и послѣдвате

... ностію, Эверсъ доказалъ, что Руссы не были Скандина

... что это было не сѣверное, а южное племя. Онъ только

... договорился до ближайшаго объясненія, что это было

... древнее Славянское, именно Кіевское племя, и слѣдуя устан

... жившемуся ученому повѣрью и обычаю, сталъ отыскиват

... слонялъ Руссовъ въ Козарахъ и даже на Волгѣ, утверждалъ

... что они же жили и на Черномъ морѣ. Такое мнѣніе конечно

... было опровергнуто преемниками Шленера. Но

ская е
не
то

такими деятелями, которымъ
араминъ впрочемъ огра-
только, основныя доложе-

государствъ, монар-
и; Олега правителемъ
рипостныхъ идей и
или иначе и думать
давалъ уже пра-
равнивая власть
либы большой
не могли вѣ-
тъ болѣе, что
въ не очень
показывалъ

Привзванные
мы форму оно ни
орманновъ не есть и

дѣхъ племени, такъ ка
одѣ не есть исключитель.
древніе Славяне,
писателей, отъ природы имѣли
и Новгородцы, не былъ
Славяне“.

ибо видѣть той причины которой
говорить авторъ, то я думаю, что любовь
роддевъ питаема была вліаніемъ нѣмецкой
торговли, стихія которой заключается въ сво
самъ замѣтка Эверса вполне обнаруживала
силу того ученаго догмата, что корни и начала
Русской исторіи, Русскаго развитія, Русскихъ
правовъ, законовъ, искусства и всего, чѣмъ жила
и живетъ даже новая Русь, необходимо отыскивать
не дома, что Русское Славянство въ исто-
представляетъ пустое мѣсто².

и Шлецеръ (Исторія, II. 294), говори,
Новгородцы составили демократію по образцу нѣмецкихъ ганзей-
городовъ и советъ забывал, что прежда (I, введене 54) оль
доказывалъ о существованіи у Новгородцевъ доморощенной демо-
до призванія Варяговъ.
По направленію Эверса слѣдовалъ Нейманъ, который пришелъ въ
обозначеніи, что «Славяне пришли въ нашу сторону въ незапамятныя
времена, что на нѣхъ нашей Земли была страна, которая называлась
Русью еще до пришествія Варяговъ; и что важнѣйшія даже основанія
Скандинавскаго мифа не выдерживаютъ критики.

Точно также ближе знакомый съ Русскою древностью по изученію одного изъ важнѣйшихъ ея памятниковъ, Коричей Книги, и ближе понимая истинную задачу исторіи, баронъ Розенкампофъ подвергъ весьма основательнымъ сомнѣніямъ происхожденіе Руси отъ Шведскихъ Ротсовъ изъ Рослагена. Онъ заявилъ, что Русская Земля и до Варяговъ не была безъ имени, что Руссы и прежде жили на своемъ мѣстѣ и подъ этимъ именемъ были извѣстны другимъ народамъ; что Рослагенъ и Ротсы, гребцы, суть имена военного ремесла, а не имя народа и что эти слова нисколько не доказываютъ ни происхожденія, ни отечества Руссовъ; что извѣстіе о Руссахъ 839 г., названныхъ Шведами, не представляетъ полнаго историческаго доказательства о происхожденіи Руссовъ изъ Швеціи; что вообще надо въ точности показать гдѣ жили Русь-Норманны и изъ какихъ мѣстъ они пришли въ Россію, ибо подъ общимъ именемъ Норманновъ ихъ необходимо отыскивать, начиная съ береговъ Шведскихъ до Прусскихъ и отъ оныхъ далѣе до областей Датскихъ; что сходство Правды Русской съ Скандинавскими законами также ничто не доказываетъ и также заставляетъ отыскивать отечество Руси по всему Балтійскому Поморью¹.

Но ученый догматъ, въ который вѣрили столь важные писатели, какъ Шлецеръ и Карамзинъ, одинъ—слава исторической критики, другой—слава литературнаго таланта, уже не могъ допускать никакихъ здравыхъ разсужденій и сомнѣній. Рядовой учености, неспособной къ самостоятельному разбирательству дѣла, оставалось только вѣрить и всѣми мѣрами повторять и доказывать одни и тѣ же заученныя рѣшенія столь важныхъ авторитетовъ.

Первобытныя воззрѣнія на начало Руси нашего древняго Нестора, доказанныя и утвержденныя ученою критикою Шлецера, какъ рѣшеное дѣло, были вполне усвоены и Карамзиннымъ. Несторова идея о пустомъ мѣстѣ, отъ котораго необходимо должна начинаться всякая исторія, а стало быть и Русская, въ увлекательномъ разсказѣ исторіографа получила еще больше силы и путемъ литературнаго слова распространилась въ обществѣ, какъ несомнѣнная и ничѣмъ не опровержимая истина. На пустомъ мѣстѣ Варя-

¹ Труды Общ. Истор. и Древн., М. 1828, ч. IV, стр. 139 и сл.

и-Норманны стали казаться уже такими дѣятелями, которымъ удивился бы и самъ Шлецеръ. Карамзинъ, впрочемъ, ограничился не многими и повторилъ только основныя додженія Шлецера.

Рюрика, по Шлецеру, онъ представилъ государемъ, монархомъ, основателемъ Россійской Монархїи; Олега правителемъ Государства. Тогда при господствѣ ирѣвостныхъ идей и ирѣвостныхъ понятій о власти трудно было иначе и думать объ этихъ лицахъ. Однако Арцыбышевъ давалъ уже правильное понятіе о государствѣ Рюрика, сравнивая власть этого государя съ властью старосты въ какой либо большой вотчинѣ. Но подобныя соображенія никакъ не могли вѣститься въ тогдашній общественный умъ, тѣмъ болѣе, что въ остальныхъ своихъ заключеніяхъ Арцыбышевъ не очень удалялся отъ принятой истины и въ сущности доказывалъ тоже самое, что и Шлецеръ.

Карамзинъ утвердительно говорилъ, что „Варяги или Норманны должныствовали быть образованнѣе Славянъ и Финновъ, заключенныхъ въ дикихъ предѣлахъ Сѣвера“; могли сообщить имъ нѣкоторыя выгоды новой промышленности и торговли, благотѣльные для народа“.

„Варяги принесли съ собою общіе гражданскіе законы въ Россію... Варяги были наставниками нашихъ предковъ и въ искусствѣ войны... Отъ Варяговъ наши предки заимствовали искусство мореплаванія... Новгородъ, покоренный смѣлыми Варягами, заимствовалъ отъ нихъ духъ купечества, предприимчивость и мореплаваніе и т. д.“

Но на тѣхъ же страницахъ Карамзинъ говоритъ, что „Народы изъ коихъ составилось государство Россійское и до пришествія Варяговъ имѣли уже нѣкоторую степень образованія, ибо самыя грубые Древляне жили отчасти въ городахъ, самыя Вятичи и Радимичи издревле занимались хлѣбопашествомъ. Вѣроятно, что они пользовались и выгодами торговли, какъ внутренней, такъ и внѣшней; но мы не имѣемъ никакого историческаго объ ней свѣдѣнія,“ заключаетъ историографъ.

! Хотя еще Волгинъ въ примечаніяхъ на Леккера, Сиб. 1788, II, 109—112, доказывалъ обратное.

Образны свидѣтельства о Славянскомъ древнѣмъ бытѣ, которыя и въ общемъ смыслѣ и въ частностяхъ достаточно противорѣчили его словамъ объ образовательномъ значеніи для Руси Варяговъ, онъ все таки оставилъ эти фразы на своемъ мѣстѣ и тѣмъ показалъ, что онѣ были имъ приняты, какъ установленное мнѣніе нѣмецкой учености, съ которою спорить ученикамъ было не почитательно.

Болѣе правильный и трезвый взглядъ на все это дѣло высказалъ польскій ученый Делевель, вполне самостоятельный ислѣдователь, который при обширной учености, обладалъ такимъ свѣтлымъ пониманіемъ исторіи, какое не многимъ дается и въ настоящее время.

„Я сомнѣваюсь въ высшей образованности Варяговъ, говорить онъ въ своемъ „Разсмотрѣніи Исторіи Государства Россійскаго“ и затѣмъ, приступая къ разсмотрѣнію этого вопроса съ полнымъ вниманіемъ и осторожностію, описываетъ состояніе Норманновъ въ 9-мъ и въ началѣ 10-го вѣка, когда они напали на имперію Франковъ. По его изображенію это были такъ сказать нищіе бродяги, иславшіе грабежа и добычи, которые одѣвались, вооружались, устраивали себѣ конницу, только грабежемъ мѣстнаго населенія, и которые точно также оставшіеся хозяевами въ странѣ, не имѣя сами ничего похожаго на какую либо образованность, тотчасъ принимали вѣру, языкъ, порядокъ жизни, весь обычай у туземцевъ. „Итакъ можно ли полагать и вѣрить, заключаетъ авторъ, чтобы Варяги, пришедшіе къ Славянамъ, были образованнѣе своихъ единоземцевъ, устремившихся во Францію“.

Дальше онъ очень основательно объясняетъ, что самая поэзія и мифологія Скандинавовъ, на которой такъ много основываютъ послѣдующіе защитники Норманства Руси, стала развиваться съ той поры, когда сами Норманны сдѣлались особенно славными въ своихъ набѣгахъ на чужія земли. Ихъ знаменитыя саги есть уже послѣдствія ихъ славныхъ подвиговъ. „Скандинавская поэзія, говоритъ авторъ, возростала по мѣрѣ распространенія круга дѣйствій Скандинавовъ, приобрѣтеніемъ новыхъ понятій и вліаніемъ познаваемого ими христіанства. Она усовершенствовалась во время ихъ набѣговъ и разбоевъ, по мѣрѣ приобрѣтенія образованности и просвѣщенія сими дикими завоевателями.“ Такимъ обра-

зомъ выходить на оборотъ, что не Норманны разнесли образованность, а сами они образовывались у тѣхъ народовъ, на которыхъ нападали, и у которыхъ оставались на житье. Это уже потому вѣрно, что вообще европейское развитіе искони распространялось съ юга Европы отъ Грековъ и Римлянъ, а не изъ сѣверныхъ диннихъ угловъ материка.

„Итакъ неудивительно, продолжаетъ авторъ, что Скандинавы не произвели никакого впечатлѣнія на Славянъ Новгородскихъ и Днѣпровскихъ въ отношеніи къ образованности и просвѣщенію. Они преклонили колѣна предъ Перуномъ и покорились существующему порядку вещей“, по той причинѣ, что по своему развитію стояли несравненно ниже туземцевъ и овладѣли полемъ дѣйствія потому, что представляли дикую военную и разбойную силу, съ которою вообще бываетъ трудно бороться даже и высоко-образованнымъ народностямъ.

„Славяне разсѣянные на обширномъ пространствѣ земли, имѣвъ сосѣдями различные народы, были сами неравной образованности. Несторъ упоминаетъ о семъ различіи, находившемся на двухъ противоположныхъ берегахъ Днѣпра; изъ словъ его можно заключить, что одни Славяне терпѣли нужду, а другіе жили въ совершенномъ довольствѣ. Они по большей части были земледѣльцы, люди домовитые, достаточные; имѣли свои города, изъ коихъ нѣкоторые были обширны, занимались торговлею и знали уже употребленіе денегъ... Однимъ словомъ въ землѣ Славянской мы видимъ множество обширныхъ городовъ, а изъ сего слѣдуетъ, что вѣроятно вѣсть съ оными существовалъ уже у Славянъ въ высокой степени гражданскій порядокъ, образовавшій политическій характеръ народа. Нельзя съ точностію опредѣлить, какаго рода было у нихъ правленіе, семейственное ли, въ которомъ многія семьи составляли одно сословіе, или областные законы существовали въ каждой странѣ? Однако, не встрѣчая никакого слѣда семейственнаго правленія между Славянами, должно заключать, что ихъ соединяли общіе законы, сильнѣйшіе, нежели семейственное правленіе, и вѣсть съ тѣмъ доказывающіе политическую образованность... Напротивъ того, прибывшіе Варяги ничего не принесли съ собою; не видно, чтобы они пришли съ имуществомъ или съ деньгами, въ одеждѣ и вооруженіи лучше Славянскихъ.

Мы видимъ Варяговъ, пришедшихъ пѣшкомъ и уже въ землѣ Славянской устроившихъ свою ковицу. Тѣ, которые прожили нѣкоторое время между Славянами, являются хорошо вооруженными, имѣютъ панцыри, шлемы, щиты: новые же пришельцы приходятъ всегда полунагіе. Доказательствомъ тому служатъ жалобы въ 945 г. новоприбывшихъ Варяговъ на богатство дружины Свенельда... Здѣсь я вижу въ пришельцахъ не только менѣе образованности въ нравахъ, и утонченности въ жизненныхъ потребностяхъ, но даже и въ самой гражданственности⁴...

„Набѣги Норманновъ и завоеванія ихъ долгое время подобно молніи блистали и исчезали, пока наконецъ составились изъ оныхъ государства. Но даже во время существованія сихъ государствъ, спрашиваю, былъ ли хотя одинъ городъ въ Скандинавіи около 1000 года, который бы могъ сравниться съ Кіевомъ? Въ самую блестящую эпоху ихъ завоеваній, когда скалды воспѣвали знаменитые подвиги своихъ соотчичей, въ Скандинавіи почти не было городовъ. Владѣнія Скандинавовъ были рѣки, холмы, равнины: а собственность Славянъ составляли грады, города (civitates). Земли Славянская изобиловавшая всѣми жизненными потребностями, населенная многими городами, была для Варяговъ всегдашней цѣлью набѣговъ, потому, что они находили въ оной столько же добычи, богатства и городовъ, какъ въ сосѣдней странѣ Бірніи. Изъ всего этого я заключаю, что Славяне были на высшей степени образованности, нежели Варяги во время пришествія ихъ въ землю Славянскую. Это не гипотеза, не предположеніе, извлеченное изъ сравненія или подобія Варяговъ и Славянъ, съ Греками, Римлянами, Козаками или Татарами, но очевидная истина, основанная на современныхъ происшествіяхъ и описаніяхъ⁴ 1.

Множество доказательствъ такому заключенію Делевели находится въ самой исторіи Карамзина, котораго авторъ справедливо упрекалъ, что „онъ слишкомъ мало обратилъ вниманія на сей важный предметъ, служащій къ объясненію многихъ темныхъ мѣстъ въ исторіи, предметъ, который должно считать за одинъ изъ красугольныхъ камней цѣлаго основанія Русской исторіи, и который однако исторіо-

⁴ Словенскій Архивъ 1824. № 3 стр. 164—169, № 15, стр. 135—140.

графомъ былъ разрѣшенъ нѣсколькими словами безъ надлежащихъ доказательствъ.“ Русскіе ученые—ученики Шлецера придавали этому предмету очень важное значеніе только въ томъ смыслѣ, чтобы наперекоръ здравому смыслу доказывать одно Норманство Руси и развивать на этомъ основаніи широкую образовательную роль Варяговъ. Замѣчаній Лелевеля въ отношеніи общей главной его мысли даже никто и не оспаривалъ: они остались безъ отзыва, какъ нѣчто совсѣмъ чуждое нашимъ историческимъ соображеніямъ.

Какъ нѣчто совсѣмъ чуждое обработкѣ Русской исторіи были приняты и труды Венелина. Нѣкоторые ихъ встрѣтили очень радушно и радовались, какъ новому открытію, его смѣлымъ рѣшеніямъ о старобытности въ Европѣ Славянства, о старобытности на своемъ мѣстѣ Руси, о несуществованіи такъ называемаго великаго переселенія народовъ и т. д. Впрочемъ ихъ оцѣнили по достоинству, замѣтивъ важные недостатки въ самомъ методѣ его изслѣдованій, не обращавшемъ особаго вниманія на обработку подлинныхъ свидѣтельствъ или источниковъ, о чемъ мы говорили. Общій голосъ ученыхъ остановился однако на томъ, что въ сущности это—бредни, что это говорить одно невѣжество, ибо истинная, Шлецеровская ученость свидѣтельствуетъ совсѣмъ другое. Вѣрныя мысли Славянской школы конечно не угасали; они нарождались сами собой; но къ сожалѣнію не на ихъ сторонѣ была наука или лучше сказать общее мнѣніе ученыхъ людей, которымъ конечно гораздо легче было повторять шлецеровскіе зады, чѣмъ копаться въ новыхъ источникахъ. Для утвержденій о Норманствѣ Руси и о великомъ вліяніи на нашу жизнь Варяговъ, не требовалось никакого самостоятельнаго знанія и труда. Достаточно было только крѣпче держаться за Шлецера и приводить уже обработанные, готовые доказательства изъ его же сочиненій.

Писалъ ли кто исторію, какъ Полевой, Устряловъ, всѣ съ разными варіаціями, въ болѣе или менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ повторяли одно и то же.

„Нельзя предполагать въ древнихъ Славянахъ, говорилъ Полевой, болѣе противъ Варяговъ образованности. Было только различіе народныхъ элементовъ; одного (славянскаго), коснѣвшаго въ азіатской неизмѣнности нравовъ; друга-

го, создавшего себя новую жизнь подъ хладными небомъ Скандинавіи и жившаго измѣненіями.“

„Все удостовѣряеть, говоритъ Устряловъ, что Русь возникла въ племени Славянъ, подъ вліяніемъ Норманновъ, что господство Норманновъ, въ землѣ Славянской завязало первый узелъ общественный.“ „Въ смыслѣ гражданскомъ Славяне вѣроятно не уступали Норманнамъ, продолжаетъ авторъ, дѣлая уступку мнѣніямъ Лелевеля и стараясь помирить эти мнѣнія съ варяжскимъ призракомъ, который однако беретъ свое и заставляетъ историка вѣровать, что напр. удѣльная система была произведеніемъ Норманновъ, что Норманны для Славянъ были вообще поколѣніемъ благороднымъ, господствующимъ, что они все свое норманское хотя и отдали Славянамъ, то есть превратились въ Славянъ, но удержали за собою именно право господства. Идея чисто нѣмецкая.

Обращался ли кто къ „разысканіямъ о финансахъ древней Россіи“ какъ Гагемейстеръ, опять являлись тѣже избитыя мысли и фразы о великомъ организаторскомъ значеніи Варяговъ.

Гагемейстеръ не говоритъ уже о призваніи, а прямо описываетъ, что всѣ наши земли были покорены Норманнами, что Рюрикъ соединилъ только подъ свою державу „нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ государствъ, основанныхъ прежде него Норманнами же, и что въ скоромъ времени послѣ того „Сѣверная Россія и въ особенности Новгородъ, болѣе походили на землю Норманскую, чѣмъ на Славянскую; ибо законы, обычаи, торговля, перешли туда изъ за моря“. Олегъ за тѣмъ покорилъ югъ Россіи, утвердившись въ Кіевѣ, гдѣ, только „отдаленность этого города отъ Скандинавіи сохранила народность Славянъ“.

„Народная самобытность Славянъ взяла верхъ надъ пришельцами Норманнами по той причинѣ, что была принята изъ Греціи Христіанская вѣра, сдѣлавшая Россію какъ будто принадлежностью Греціи“.

„Владычество Варяговъ имѣло весьма благое вліяніе на промышленность въ Россіи“. Оно строило города, раздѣляло жителей по погостамъ и сотнямъ, соединяло ихъ болѣе и искореняло послѣдніе слѣды кочевой жизни, привязало население къ землѣ, придавало болѣе цѣнности почвѣ.

„Небыло народа, который бы более Норманцовъ умѣлъ воспользоваться многочисленными водными путями Россіи“.

„Норманцы были основателями торговли въ Россіи, о чемъ свидѣтельствуютъ перешедшіе въ Русскій языкъ слова: купецъ, гость, товаръ, торгъ“.

„Сословіе купцовъ сначала, кажется, состояло только изъ Норманцевъ“.

„Въ 9, 10 и 11 ст. вся торговля находилась въ рукахъ Норманцевъ“.

Все это говорится рядомъ съ такимъ заключеніемъ автора: „Начало Русскаго Государства скрывается въ первомъ соединеніи въ гражданскія общества Славянскихъ племенъ; общества сіи достигли уже нѣкоторой степени образованности до прибытія варяжскихъ князей“, которые сдѣлавшись извѣстными Грекамъ, сообщили имя свое всей подвластной странѣ. Посему нельзя опредѣлить древности разныхъ установленій въ Россійскомъ Государствѣ относительно начала общественныхъ въ ономъ связей“.

Открываются свидѣтельства Арабовъ о дерзкихъ походахъ Руссовъ на Востокъ—ислѣдователь, начиная свою повѣсть объ этихъ походахъ, не спрашиваетъ, какіе это были Руссы, а прямо, впереди всего чертитъ живую характеристику Норманновъ, поставяетъ ихъ единственнымъ народомъ въ исторіи, съ которымъ никто не могъ сравняться въ безпредѣльной, дикой отвагѣ и пр., и пр. и доказываетъ, что этотъ буйный духъ Норманства лучше всего выражается именно въ Русскихъ походахъ на Каспій¹.

Само собою разумѣется, что разысканія въ Скандинавскихъ Сагахъ, произведенныя подъ обаяніемъ норманскаго призрака, должны были довести дѣло до послѣдняго конца. За это дѣло взялся Сенковский. По поводу изданія Эймундовой саги, онъ написалъ о Скандинавскихъ Сагахъ особую статью, гдѣ съ необыкновенною горячностью доказалъ, что Русь въ сущности была только новой Скандинавіей.

¹ Ж. М. Н. пр. 1835. Февраль. В. Григорьева: О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ.

Искренно ли онъ вѣрилъ своимъ заключеніямъ, или это было одно только его журнальное остроуміе — неизвѣстно. Но очень многія и самыя существенныя его соображенія и рѣшенія были приняты ученостью весьма привѣтливо и дружелюбно. Они не были новы; они повторяли одно и тоже старое; но они были доказаны новымъ способомъ.

Вообужденный распространявшимися въ то время новыми идеями о задачахъ исторіи, Сенковскій потребовалъ и отъ нашихъ историковъ уже не мертвыхъ подлинныхъ документовъ, на чемъ стояла критика Шлецера, а запросилъ подлиннаго живаго человѣка, котораго по его мнѣнію возможно изобразить только при помощи народныхъ сагъ, преданій, басенъ, совсѣмъ отринутыхъ и позабытыхъ историческою ученостью. Съ этой точки онъ прежде всего осудилъ теорію исторической критики, упрекая ее въ ложномъ направленіи, что „слишкомъ она доискивалась истины, достовѣрности, чистоты фактовъ.“

Онъ отдавалъ преимущество картинѣ общественнаго человѣка и на этомъ основаніи очень заступался за басни, предпочитая ихъ всякой достовѣрности.

Вмѣстѣ съ критикою, конечно, онъ осудилъ и Шлецера, котораго называетъ „однимъ изъ ужаснѣйшихъ мучителей“ въ смыслѣ неутомимаго преслѣдователя всякихъ басенъ.

Можно было ожидать въ самомъ дѣлѣ чего либо новаго, несогласнаго съ историческою критикою этого ужаснѣйшаго мучителя, а вышло напротивъ все одно и тоже, о чемъ давнымъ давно говорилъ Шлецеръ. Его осторожныя во всякомъ случаѣ мысли безъ всякой осторожности были доведены только до полной неаппости.

„Не трудно видѣть, говоритъ Сенковскій о приходѣ къ намъ Варяговъ, что не горстка солдатъ вторглась въ политическій бытъ и нравы Славянъ, но что вся нравственная, политическая и гражданская Скандинавія со всеми своими учрежденіями, нравами и преданіями поселилась въ нашей землѣ; что эпоха Варяговъ есть настоящій періодъ Славянской Скандинавіи; ибо хотя они скоро забыли свой языкъ, подобно Манжурамъ, завоевавшимъ Китай, но очевидно оставались Норманнами почти до временъ Монгольскихъ“.

Славяне „неминуемо должны были утратить свою народность и вмѣстѣ съ пріятіемъ имени Руссовъ, сдѣлаться Руссами, Скандинавами, въ образѣ мыслей, правахъ и даже занятіяхъ“.

Варяги, какъ грозное сословіе Скандинавскихъ морскихъ князей, своими романтическими, истинно живописными нравами, внезапнымъ своимъ паденіемъ среди земледѣльческихъ племенъ непрежѣнно потрясли всѣ нравы Славянъ. „Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что спустя нѣкоторое время тихіе, смиренныя, угнетенныя челоѡвки (такъ Сенковскій называетъ Славянъ), которыхъ Хазары запрягали въ свои кибитки, уже смѣло стали раздѣлять съ Руссами опасности моря и пускаться вмѣстѣ съ ними почти на баснословныя подвиги. Скоро все народонаселеніе сдѣлалось воинственнымъ и оживилось героическимъ духомъ Скандинавіи. Такая перемѣна въ характеръ заставляетъ предполагать общее преобразование духа, понятій, вооруженія, одежды и обычаевъ страны“.

Вообще авторъ убѣжденъ, что „если нравственное и политическое состояніе Россіи въ первой эпохѣ ея исторіи не было вѣрнымъ оттискомъ Скандинавіи, то безъ всякаго сомнѣнія было оно полнымъ и яркимъ ея отраженіемъ“. „Настоящій характеръ эпохи былъ Русскій, или Скандинавскій, а не Славянскій“.

„Однимъ словомъ, Россія варяжскихъ временъ была, съ нѣкоторыми оттѣнками, Финно - Славянская Скандинавія. Безпристрастный историкъ Россіи не долженъ исключительно объявлять себя славяниномъ, ибо тогдашнее ея народонаселеніе состояло въ равномъ почти вѣдичествѣ изъ Славянъ и Финновъ, подъ управленіемъ третьяго германскаго поколѣнія: Изъ слиянія этихъ трехъ племенъ возсталъ Россійскій народъ.... Исторія Россіи начинается въ Скандинавіи и на водахъ Балтійскаго моря. Нравственный и политическій бытъ норманскаго сѣвера, есть первая картина, первая страница нашего бытописанія. Саги столько же принадлежатъ намъ, какъ и прочимъ народамъ, происшедшимъ отъ Скандинавовъ или ими созданнымъ“.

Всѣ эти заключенія, развивающія только главные положенія Шлецера, утверждающія на изученіи скандинавскихъ сагъ, то есть скандинавской народной поэзіи, въ родѣ на-

щихъ богатырскихъ былинь, сильно потерпѣвшей только отъ ученой руки ихъ первыхъ собирателей. Такимъ образомъ: первое—это повѣя, второе это—повѣя, искаженная не устами самого народа, а перомъ сочинителя исторій.

Но все-таки въ ней живѣе, чѣмъ гдѣ-либо обрисовывается древній общій скандинавскій человѣкъ съ своими, нравами, обычаями, уставами жизни и т. д. Изъ сравненія этого человѣка съ Русскимъ древнимъ человѣкомъ оказывается сходство, но только сходство общечеловѣческое, сходство одинакихъ условій жизни, одинакихъ ея положеній и направленій, какія можно открыть повсюду въ человѣческой природѣ. Однако на этомъ самомъ основаніи норманисты рѣшаютъ, что на Руси въ первые вѣка ея исторіи ничего не было своего, а все было норманское, обозначая такимъ образомъ своенародную жизнь Руси пустымъ мѣстомъ.

Статья Сенювскаго въ сущности была горячимъ журнальнымъ фельетономъ въ защиту полнаго и всесторонняго норманства Руси. Осуждая историковъ и самого Карамзина за ихъ невниманіе къ Сагамъ, онъ бѣгло и живо рисуетъ характеристику норманскаго сѣвера и заключаетъ:— „все это ускользнуло отъ вниманія и проникательности нашихъ историковъ, все изсякло въ туманѣ неумѣстнаго славянства и сдуто съ историческихъ страницъ Руси ледовитымъ дыханіемъ Старой Критики“. „Чтобъ создать настоящую исторію того времени, продолжаетъ авторъ, надобно вновь переисследовать всѣ ея матеріалы въ духѣ новѣйшей критики, которая не боится басенъ и умѣетъ отыскивать и въ нихъ человѣка и его общественное состояніе; надобно учиться языку Руссовъ и стараться изъ подлинныхъ сказаній сѣвера узнать, что такое былъ тогдашній сѣверъ“. „Утѣшився пріятною надеждою, заключаетъ авторъ, что скоро кто-нибудь изъ нашей молодой Россіи, посвятитъ себя одной этой эпохѣ, и изучивъ ее во всѣхъ отношеніяхъ, сочинитъ первую ея монографію и первую исторію. Трудъ огромный, многосложный, требующій большого терпѣнія, постоянства и даже равнородныхъ свѣдѣній, но обещающій вознаградить неустрашимаго труженика обильною жатвою любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ“.

Такой трудъ давно уже былъ предпринятъ г. Погодичнымъ. Никто, конечно, съ такимъ здравомысліемъ и такъ основ-

тельно не могъ бы разсвѣтъ этотъ норманскій призракъ, какъ авторъ „Изслѣдованій, Записокъ и Лекцій о Русской Исторіи“.

Но къ сожалѣнію многоуважаемый ученый пришелъ къ разработкѣ этого вопроса уже съ готовымъ его рѣшеніемъ, съ готовою и притомъ неоспоримою истиною, что Варяги-Русь суть Норманны. Въ самомъ началѣ своего труда, онъ приводитъ такъ называемое имъ классическое мѣсто Несторовой лѣтописи, гдѣ говорится о призваніи Варяговъ и гдѣ они сливаются съ Русью въ одно имя, въ одно племя. Авторъ полагаетъ это мѣсто краеугольнымъ камнемъ для своихъ разсужденій. По видимому, онъ называетъ его классическимъ въ смыслѣ его непреложной достовѣрности, и сопровождаетъ слѣдующимъ разсужденіемъ: „Мы должны разсмотрѣть внимательно это важное мѣсто. Разберемъ всѣ слова, объяснимъ всѣ выраженія, сообразимъ всѣ обстоятельства, современныя и слѣдующія, поищемъ комментарія въ исторіи древнихъ государствъ, единоплеменныхъ и иноплеменныхъ, отвлечемся отъ всѣхъ понятій настоящихъ. Помня безпрестанно всю важность и великость нашего дѣла, нашей задачи (то есть разрѣшеніе вопроса, какъ началось Русское государство) станемъ останавливаться на всякомъ шагѣ: все для насъ важно, дорого, нужно; стоятъ труда подумать о всякой бездѣлицѣ; подобно рудокопамъ, которые просѣиваютъ кучи песка, черезъ сито, чтобъ извлечь нѣсколько крупинокъ золота, проведемъ всякое слово, всякую букву черезъ чистилище строгой критики“.

Можно думать, что чистилищу строгой критики подвергнется прежде всего слово Русь: какъ, въ какомъ смыслѣ оно имя норманское, а не Русское; откуда взялъ лѣтописецъ, что это имя явилось только со времени призванія Варяговъ и принесено ими, какъ ихъ собственное туземное имя; какъ онъ могъ узнать объ этомъ, въ какомъ видѣ онъ передаетъ это свѣдѣніе, въ образѣ ли преданія или подъ видомъ событія; гдѣ именно жила эта Русь? и т. д.

Авторъ не задаетъ никакихъ вопросовъ по этому поводу и вполнѣ, безъ малѣйшихъ оговорокъ толкуетъ слова Нестора въ пользу предвзятой идеи о Норманствѣ Руси, называя свое толкованіе наяснѣйшимъ. Онъ главнымъ образомъ доказываетъ только, что Варяги—были Норманны,

что Русь, повтому, тоже Норманны, — это для него истинна наяснѣйшая, не требующая никакихъ доказательствъ.

Первое показаніе лѣтописца о Руси, что онъ впервые нашелъ это имя у Грековъ, показаніе, заслуживающее самаго внимательнаго разсмотрѣнія именно въ сличеніи съ варяжскимъ происхожденіемъ этого слова, остается здѣсь безъ всякаго отзыва и какъ бы не существуетъ. Точно также остается безъ отзыва и послѣднее показаніе лѣтописи, что съ приходомъ Олега въ Кіевъ всѣ пришедшіе, въ томъ числѣ и Варяги, прозвались Русью.

Кромѣ того въ высшей степени значительное замѣчаніе покойнаго Максимовича, что Несторъ входилъ уже въ соображенія о началѣ прозванія Русской земли и что лѣтопись Русская въ этомъ отношеніи представляетъ не простое сказаніе о событіяхъ, но мнѣнія историческія¹, — это осталось также безъ обслѣдованія.

Вообще намѣреніе автора провести вопросъ чистилищемъ строгой критики надъ каждымъ словомъ и надъ каждою буйвою ограничилось только одною стороною дѣла: всестороннимъ и подробнѣйшимъ защищеніемъ предвзятаго рѣшенія отъ возраженій, какія въ то время существовали и нараждались въ наукѣ:

Впрочемъ авторъ за имя особенно не стоитъ. Онъ говоритъ даже, что не въ имени дѣло. Норманны могли принести имя, могли сами принять имя отъ туземцевъ: „Основателями государства въ томъ и другомъ случаѣ остаются Норманны! Вотъ въ чемъ главное!“

Но какъ это понимать? Что значитъ быть основателемъ государства, особенно, если этотъ вопросъ будетъ относиться къ нашимъ Варягамъ? Что собственно они принесли къ намъ такого, почему должно ихъ почитать основателями государства? Тѣ, что приписывается Варягамъ, не развилось ли въ теченіи лѣтъ само собою изъ собственныхъ Славянскихъ обстоятельствъ и началъ жизни?

Съ ними пришелъ князь, но князь вѣдь доморощенное славянское пронаведеніе жизни; повтому необходимо знать, чѣмъ варяжскій князь отличался отъ прежнихъ славянскихъ князей? Князь принесъ княжескій судъ, но чѣмъ этотъ судъ от-

¹ Откуда идетъ Русская Земля, 14, 57.

личался отъ прежняго славянскаго суда? Что касается са-
мой идеи объ общей справедливой власти, то мы видимъ,
что понятія объ ней были выработаны сознаниемъ самихъ
Славянъ, для этого и призвавшихъ варяжскаго князя. Князь
принесъ порядокъ, нарядъ; но какой, и чѣмъ онъ отличал-
ся отъ прежняго порядка или безпорядка? По видимому вся
роль Варяговъ заключалась въ защитѣ отъ обидъ, сторон-
нихъ и домашнихъ—это ли мы должны именовать основа-
ниемъ государства? И почему основателями государства не
почитать съ большею справедливостью тѣхъ самыхъ людей,
которые именно для основанія своей независимости и само-
стоятельности призывали весьма потребное для этого орудіе—
храбрую и отважную варяжскую дружину? Люди, измучив-
шись домашнимъ раздоромъ, согласились отдаться въ защи-
ту, пошли на судъ и на призду третьяго старейшаго лица.
Ясно, что основаніе государства устроилось тремя силами
и Варяги въ этомъ случаѣ составляютъ не болѣе, какъ толь-
ко третью долю, а двѣ доли необходимо должны принадле-
жать все таки старымъ хозяевамъ этого новаго государства.
Другое дѣло, еслибъ случилось варяжское завоеваніе. Но
ни гѣтошнѣ, ни послѣдующая исторія объ этомъ даже не
дѣлаютъ и намековъ. Варяжскій князь въ лицѣ даже очень
позднихъ potentatovъ все еще не думаетъ отнимать осталь-
ныхъ двухъ долей у народа и все живетъ одною своею
третьею долею, которую владѣлъ по призванію. То есть,
князь долгое время все остается не болѣе какъ защитни-
комъ и судьей людей, не помышляя ни о чемъ другомъ. Не
есть ли это чисто славянская старозавѣтная обработка
княжескихъ понятій и всего того смысла княжеской роли, съ
какимъ варяжскій князь цѣлыя столѣтія живетъ между
Славянами?

Трудъ г. Погодина въ сущности представляетъ, какъ онъ
заявляетъ самъ, только систематическій сводъ всѣхъ преж-
нихъ работъ по этому предмету и опроверженіе всѣхъ воз-
раженій и мнѣній, несогласныхъ съ ученіемъ Скандинавства.
Поэтому, естественно, какъ у него находимъ повтореніе тѣхъ
же идей Шмидера только обставленныхъ и развитыхъ съ боль-
шими подробностями: Шмидеру идею о Рюрикѣ-князѣ,
какъ основателѣ Русскаго Государства, г. Погодинъ развива-
етъ тѣмъ же образомъ: „Призванному княжескому роду гово-

риту онъ, предназначено было великое дѣло — преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патриархальный міръ, сообщить исподоволь гражданскую форму всемъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія и составить величайшее государство въ мірѣ... Начало династіи — это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала“. Убѣжденіе совершенно библейское. Пустое мѣсто и династія, какъ личный творецъ всего, чѣмъ живетъ нашъ народъ!

Но такъ ли было въ Русской исторіи? Не самъ ли народъ двигалъ династіей, требуя и настаивая, хотя бы однимъ путемъ отрицанія, чтобы она не отставала въ гражданскихъ преобразованіяхъ, или вообще въ устройствѣ земли. Тѣ, что можно сказать обо всемъ ходѣ Русской Исторіи, развѣ возможно приписать дѣянію одной династіи. Она во всякомъ случаѣ и всегда остается, какъ мы замѣтили выше, при одной третей долѣ въ своей дѣятельности и заботливости объ общемъ благѣ. На остальныхъ двухъ доляхъ опять-таки работаетъ народъ.

Невозможно также присвоивать династіи значеніе начала самаго начала въ государственномъ и особенно въ гражданскомъ развитіи народа. Начало начала заключается именно въ томъ присвоиваніи рѣшенія Новгородцами Славянъ поискать князя, который бы владѣлъ и судилъ по праву, въ правду, и рядилъ по ряду, т. е. по уговору съ Землею.

Вотъ истинное начало самаго начала, для котораго династія послужила только живымъ выраженіемъ, живою формой, не бога. Самъ авторъ говоритъ, хотя и мимоходомъ, въ одномъ изъ примѣчаній къ своимъ изслѣдованіямъ: „Новгородцы увидѣли, что народа въ ихъ землѣ нѣтъ и могли искать себѣ князя — это и показываетъ развитіе или начало гражданского смысла, какого у другихъ нашихъ племенъ славянскихъ мы не видимъ“. Изсл., III, стр. 444.

Въ этомъ то самомъ рѣшеніи и заключается основаніе государства. Сужденіе автора о значеніи династіи въ собственномъ смыслѣ есть старинная историческая фраза, посредствомъ которой старинная исторія очень многое объясняетъ на своихъ страницахъ. Этой фразы невозможно миновать, когда историческое воззрѣніе исполнено полноты, что исторія повсюду начинается съ пустого мѣста и доздается ин-

ною волею призваннаго или пришедшаго завоевателемъ творца.

Личный нашъ творецъ, то есть Норманны, изображены г. Погодинымъ по рисунку, который начерченъ критикою Шледера. Это были разбойники, морскіе разбойники и грабители, дерзкіе забіяки, но „въ тогдашнее время морской разбой былъ почетнымъ ремесломъ“, замѣтилъ при этомъ Шлецеръ, повторяя слова Байера.

Все это въ большей подробности утвердилъ своими изъясненіями г. Погодинъ. Оказывается, что и наши Норманны не могли провести и одного года въ покой и дѣлали постоянные набѣги, то на Славянъ сосѣдей, то на Царь-градъ и т. д.

„Для Норманновъ ничего не было невозможнаго. Только они одни могли рѣшиться съ малыми силами напасть на столицу Восточной имперіи (при Оскольдѣ).“

Г. Погодинъ безпрестанно приводитъ примеры и тексты изъ западныхъ писателей, подробно объясняя, какъ эти разбойники-Норманны производили свои набѣги и вовсе забывалъ, что это явленіе не исключительно норманское, а общее для всѣхъ приморскихъ обитателей, которые промышляютъ разбоемъ. По Черному морю наши казаки, также Черкесы дѣлали тоже самое. И почемужъ бы не пробовать на грабежъ и древнѣйшимъ Кіевлянамъ? Но во всякомъ случаѣ, по тому облику, какой выведенъ здѣсь для норманскихъ набѣговъ и вообще для характеристики Норманства, никакъ нельзя повѣрить, что бы въ нашей странѣ ихъ набѣги могли окончиться привазиемъ. Весь запасъ приведенныхъ доказательствъ о разбойничествѣ Норманновъ служитъ какъ бы подтвержденіемъ только тому, что и наша страна была завоевана. Однако тутъ по необходимости является чудо. Разбойные Варяги на нашей землѣ поступаютъ иначе.

„Впрочемъ характеръ народовъ варяжскихъ былъ у насъ иной, нежели въ прочей Европѣ, говоритъ почтенный преемникъ: они не являются грабителями и опустошителями.“

Почему же? „Это было безъ всякаго сомнѣнія по той причинѣ, что славянскія племена, тихія, смиренныя, не раздражали ихъ, не представляли имъ никакого сопротивленія (напр. Поляне, Радичичи); но такъ какъ на западѣ; или представляли малое (Древляне, Оураване), или оказали тотъ

часъ ихъ требованія, — вромѣ Тиверцовъ, Вятичей, вси кажутся пытались было воспользоваться своею отдаленностію. Варяги довольствовались только собираніемъ дани съ племенъ славянскихъ и даже покупали у нихъ суда, — то есть не отнимали ихъ грабежемъ, хотѣлъ вѣроятно сказать авторъ.

Это заключеніе, что Варяги дѣйствовали у насъ иначе, чѣмъ въ западной Европѣ, такъ значительно и важно для разъясненія начальной нашей исторіи, что на немъ — то и слѣдовало бы остановить всю изыскательную ученость. Между тѣмъ авторъ обходитъ его голымъ соображеніемъ, что Славяне были тихи, смиренны, были вообще ничто передъ Варягами, творцами нашей исторической жизни.

По этой идеѣ, все дѣятельное, всякій починъ, всякое достоинство принадлежитъ Варягамъ; все слабое, ничтожное, тихое, смиренное, всякая неподвижность принадлежитъ Славянамъ, о чемъ уже говорилъ даже и Полевой. Если Ольга въ царскихъ палатахъ Константинополя ведетъ себя съ достоинствомъ, единственно изъ той мысли, что она не простая придворная женщина тѣхъ палатъ, а княгиня цѣлой народности, то это непремѣнно величавая Норманка, въ родѣ Сигриды и Гиды, не уступавшихъ въ гордости своимъ соотечественникамъ Норманнамъ. Авторъ прибавляетъ: „Вспомнимъ о Рогнѣдѣ, которая говоритъ о Владимірѣ: не хочу разуть робичича и послѣ даже хочетъ убить Владиміра. Припомнимъ о женщинахъ въ войскѣ Свѣтослава, которыхъ нашли убитыми наряду съ прочими воинами. Все это черты норманскія, духъ болѣе норманскій, нежели славянскій... Славянскія жены отличались добродѣтелями болѣе мирными, тихими, восточными“. Самая мать Ольги Древлянскія тоже норманское дѣло.

Если народъ, уже въ 11 в., не выносилъ тягостей или безчеловѣкаго управленія со стороны князей, т. е. своихъ организаторовъ, Варяговъ, поднимается, бунтуетъ, то авторъ никакъ не желаетъ признать въ этихъ бунтовщикахъ Славянъ — это не Славяне, это непремѣнно Варяги. Въ 1065 г. люди Кіевскіе возмущались противъ Изяслава, укоряя его въ неумѣнн или въ нежеланіи защитить ихъ отъ Поляковъ. — Неужели это тикіе Поляне? вопрошаетъ авторъ. Въ 1077 г. люди Кіевскіе стали грозить князю, что если онъ не помирится, не пре-

прятать войны, то они уйдутъ въ Грецію. „Неужели это тихіе Поляне, которые платили дань Козарамъ, безпрекословно покорились Осколду и Диру, потомъ Олегу? Неужели это тихіе Поляне, которыхъ такъ прославляетъ Несторъ?“ повторяетъ свои вопросы авторъ и отвѣчаетъ: „Нѣтъ, это Варяги, ходяки въ Грецію. Мысль уйдти въ Грецію не могла придти и въ голову Полянамъ.“ Конечно всему племени не могла придти въ голову, но горожанамъ Киева она естественно приходила.

„Новгородцы были гораздо вольнѣе и образованнѣе въ гражданскомъ отношеніи предъ другими нашими Славянами.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ (свободный) духъ развился наиболѣе вслѣдствіе значительнаго поселенія Варяговъ между ними.“

„И Кругъ думаетъ что напр. Святославъ былъ воспитанъ тамъ (въ Новгородѣ) для сохраненія въ немъ норманскаго духа.“

Норманскій духъ представлялъ основную силу, которая господствовала и все устроивала въ Русской Землѣ!

Задавшись готовымъ положеніемъ, что Русь были Норманны, авторъ приводитъ свои заключенія къ такимъ крайностямъ, которымъ подвинулся бы самъ Шлецеръ. Имя Русскій въ первыя двѣсти лѣтъ нашей исторіи вездѣ у него значитъ норманскій. Отъ этого естественно онъ приходитъ къ убѣжденію, что Русь-Норманны жили и господствовали у насъ въ то время цѣлымъ особымъ племенемъ, которое раседелось по всѣмъ городамъ и составляло исключительно военную силу, такъ что по его разсужденію даже и всѣ вольные землевладѣльцы (помѣщики по теперешнему), изъ которыхъ составлялась рать, были, разумѣется (авторъ очень часто употребляетъ это слово), Варяги-Русь, то есть Норманны. Туземцы совершенно не употреблялись (на войну), обреченные на любезное свое земледѣліе.

Языкъ русскій—это значитъ языкъ норманскій. „Языкъ говоритъ авторъ, употреблялся русскій, то есть варяг-русскій, норманскій, скандинавскій, которымъ говорили первые князья, ихъ бояре, дружина и всѣ прочіе выходцы. Этотъ языкъ впоследствии, можетъ быть, въ 5 или 6 столѣтій (при дѣтяхъ Ярослава), когда сообщеніе съ скандинавскимъ сѣверомъ прервалось, и Русь со всѣмъ ославянилась, выцѣлъ изъ употребленія, подобно норманскому на сѣверѣ

Франціи, уступивъ мѣсто туземнымъ нарѣчіямъ, оставивъ въ нихъ послѣ себя только слабыя слѣды. Имя его перешло на туземныя нарѣчія... и языкъ славянскій со всѣми его нарѣчіями началъ называться по имени господствующаго племени Русскимъ“.

Русское язычество, мифологія, со всѣми своими богами, было варяго-русское, скандинавское, а не славянское. Почему? По одной только причинѣ, что всѣ мѣста лѣтописи, гдѣ объ этомъ говорится, относятся къ Варяго-Руссамъ, то есть упоминаютъ собственно Русь, а не Варяговъ, но не упоминаютъ Славянъ. Ясно, что всѣ эти вѣрованія русскія, то есть скандинавскія, „и съ этой точки должны быть объясняемы. Такъ требуетъ здравый разумъ и историческая послѣдовательность...“ Мы находимъ даже и положительное подтвержденіе нашей мысли, доказываетъ авторъ: „Олега Греки водиша на роту и мужій его, по Рускому закону, клясаясь оружіемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, свотымъ богомъ. Можесть-ли быть наное сомнѣніе, что это боги норманскіе, а не наши славянскіе. Олегъ и мужи его, чистые Норманны, не могли бы клясться чужими богами, которымъ не вѣрили: всякой клянется своею клятвою.“ Продолжая свои разсужденія объ этихъ богахъ, авторъ изумляется только; какъ въ Русскую (скандинавскую) мифологію попали Отрибогъ и Дажбогъ—имена славянскія!

Само собою разумѣется, что и „христіанствомъ мы обязаны Варягамъ также, какъ и гражданскимъ устройствомъ“. „Варяги-Русь воевали и торговали безпрестанно съ Константинополемъ. Тамъ узнали они Христіанскую Вѣру, начали принимать ее, и потомъ сообщили ее нашимъ славянскимъ племенамъ“.

Затѣмъ торговля, законы, обычаи, все безъ исключенія дѣятельное и положительное авторъ приписываетъ тѣмъ же однимъ Руссамъ, то есть Скандинавамъ. „Варяги-Русь говоритъ авторъ пришли къ намъ, разумѣется, съ своими законами и обычаями, точно какъ съ своими именами, вѣрованіями, своимъ языкомъ, образомъ дѣйствій...“

„Законы и обычаи Русскіе-Норманскіе-Скандинавскіе-Варяжскіе сохранились между нами, какъ вѣрованія, какъ имена, какъ языкъ, какъ духъ, подвергаясь мало по малу вѣ-

ствъ съ нами вліянію туземному, потому христіанства...
Обозрѣвая эти законы, обычаи, должности и ихъ названія,
мы видимъ ясно, что всѣ они принадлежать племени при-
шлому, Норманскому-Нѣмецкому.“

Всѣ эти мысли, послѣ увѣреній Сенновскаго, конечно, не
новы; но мы повторяемъ ихъ, дабы показать съ какою си-
лою они господствовали въ каждомъ ученѣ трудѣ и въ
каждомъ образованномъ умѣ.

На чемъ же однако построены всѣ эти выводы рѣшитель-
ные, разительные и неумолимо-своеравные (навъ самъ же
Погодинъ отзывался о Шлецерѣ), съ которыми несогласіе
тотчасъ съ горячію авторъ обзываетъ невѣжествомъ,
легкомысліемъ, и крѣпко убѣжденный, что истина у него
въ рукахъ, не допускаетъ даже никакого сомнѣнія и спора?
Самымъ основательнымъ и полномѣснымъ возраженіямъ онъ
отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: „Охотники спорить, охот-
ники искать, не истины, а предлоговъ къ несогласію, мо-
гутъ сдѣлать слѣдующее частное возраженіе, составленное
изъ легкихъ общихъ и вѣсть: такое-то постановленіе (напр.
месть) принадлежитъ всѣмъ народамъ, — такое-то имя (напр.
князь) есть чисто славянское, слѣд. норманскими ихъ назы-
вать нельзя. Отвѣчаю: 1) если онъ общій, то нельзя отнять
ихъ и у Норманновъ. 2) Онѣ являютъ не однѣ, а въ сово-
купности со множествомъ другихъ обычаевъ или именъ,
чисто норманскихъ, слѣд. должны быть принесены
Норманнами же, которые встрѣтили у туземцевъ случай-
ное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало-ли есть
такихъ (случайныхъ) сходствъ и теперь между племенами,
при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою“.

Последняя замѣтка вполне обовначаетъ, какъ искренно
авторъ врѣуетъ въ пустое мѣсто Славянства, въ это слав-
янское ничто, которое было наполнено по милости Норман-
новъ. Выходитъ, что вся основа и такъ сказать вся мате-
рія нашей жизни — норманская, а если и было кое что своего,
славянского, такъ и оно весьма сомнительно, ибо случай-
ное сходство съ норманствомъ еще не доказываетъ, чтобы
это свое было непременно славянское. Сказать больше объ
историческомъ значеніи Славянства невозможно.

И все это утверждено только на собранныхъ чертахъ ар-
стаго человеческого естественнаго сходства въ нѣкоторыхъ

обычаяхъ, нравахъ, положеніяхъ жизни у нашихъ Славянъ съ Норманнами.

Авторъ съ великою тщательностію подыскалъ эти сходства и съ великою горячію почти на каждой страницѣ своихъ изволгованій утверждаетъ, что стало-быть наша Русь=Варяги-Норманны-Скандинавы-Нѣмцы.

Дѣти Ярослава дополняютъ отцовскую Русскую Правду— „Такъ точно происходило и вездѣ у Норманновъ“ подтверждаетъ авторъ. Какъ будто въ подобныхъ случаяхъ вездѣ происходило и происходитъ иначе?

„Руссы при Олегѣ вытаскиваютъ суда на берегъ и идутъ на нихъ по суху“,— Норманны поступали такъ часто, отмѣчаетъ авторъ.

Любимое пристанище у Норманновъ въ ихъ походахъ по водѣ было на островахъ,—тоже дѣлаютъ Руссы, см. Ибнъ-Фоцлана и пр.

Русскіе любили париться въ баняхъ, какъ говоритъ Несторъ, относя это ко временамъ Апостольскимъ—баню очень любили Норманны, которые обыкновенно ходили въ она въ субботахъ, примѣчаетъ авторъ.

Конское мясо, которымъ питался Святославъ, разумѣется было любимымъ кушаньемъ у Норманновъ, слѣд. Святославъ уже повтому чистѣйшій Норманнъ со всеми Сивсами, Печенѣгами, Половцами, Татарами и всякими степняками!

Руссы уважали красоту женщинъ, — известно, какъ Норманны уважали красоту. Многоженство допускалось, — норманскіе обычаи были совершенно тѣже. Дѣти отдавались на воспитаніе дядькамъ, пѣстунамъ, — пѣстуны были въ обычаѣ у Норманновъ, и пр., и пр.

Все это было бы ничего: такіа сходства безъ особаго труда можно найти у всѣхъ народовъ и они въ сущности объясняютъ только, что люди вездѣ люди. Но для г. Помодива всякое малѣйшее сходство норманства съ нашими бытомъ очень значительно и важно, ибо непреложно доказываетъ, что Русь были Норманны. Желая со всѣхъ сторонъ доказать эту предвзятую истину, онъ однимъ норманствомъ и ограничиваетъ свои безчисленныя параллели, и когда С. Строевъ, разсматривая статью Семюковскаго о Скандинавскихъ Сагахъ, указалъ, что сходства можно найти вездѣ: въ Индіи, у Евреевъ, у Грековъ, у Французовъ, то

г. Погодинъ замѣтилъ, что такой способъ критики „относится къ журнальнымъ фокусъ-цонусамъ“.

Славянъ авторъ вообще рисуетъ такими чертами, которыми въ сущности сводить бытовое и историческое значеніе ихъ народнаго характера къ нулю.

Говоря по Карамзину и по Шафаркичу, что главныя ихъ добродѣтели: кротость и терпѣніе, а пороки: сварливость между собою (слѣд: страсть къ войнѣ), пристрастіе къ инеплеменникамъ и подражательность, г. Погодинъ продолжаетъ:

„Славяне были и есть народъ тихій, спокойный, терпѣливый. Въ древніе писатели утверждаютъ это о своихъ Словенахъ, то есть Западныхъ. Наши имѣли и имѣютъ эти качества еще въ высшей степени. Потому они и приняли чуждыхъ господъ безъ всякаго сопротивленія (да вѣдь они призвали ихъ добровольно!), исполняли всякое требованіе ихъ съ готовностію, не раздражали ничѣмъ, — и всегда были довольны своею участію. Поляне платили дань Козарамъ, пришелъ Аскольдъ, стали платить ему, пришелъ Олегъ — точно также. Кому вы даете дань спрашиваетъ Олегъ Сѣверяны? — Козарамъ. — Не давайте Козарамъ, а давайте мнѣ, — и Сѣверяне начали давать ему....“

Не станемъ доказывать, что все это невѣрно, не по отношенію къ Сѣверянамъ или къ какому либо данному случаю, какой всегда можно отыскать, а по отношенію ко всей дѣйствительности, описанной лѣтописцами и изображенной въ своихъ мѣстахъ самимъ же авторомъ. Здѣсь, эпическій складъ лѣтописнаго разсказа авторъ страннымъ образомъ толкуетъ какъ текстъ точной реляціи.

Замѣтимъ вообще, что такая характеристика Славянства конечно должна была явиться по необходимости, какъ выраженіе историческихъ возрѣній, начинающихъ исторію вообще съ пустаго мѣста.

Но съ другой стороны нельзя забывать и того обстоятельства, что въ подобныхъ сужденіяхъ не мало участвуютъ и нѣкоторыя предубѣжденія, какъ ученые, такъ и общественныя или національныя.

Если, какъ мы уже говорили, нѣмецкій ученый убѣжденъ, что германское племя повсюду въ исторіи являлось и является основателемъ, строителемъ и проводникомъ цивили-

защиты, культуры; то руссий ученый, основательно или не основательно, никакъ не можетъ въ своемъ сознаниіи миновать той мысли, что славянское племя, и русское въ частности никогда въ культурномъ отношеніи ничего не значило и въ сущности представляетъ историческую пустоту. Для воспитанія такого сознанія существовало множество причинъ, ученыхъ и не ученыхъ, о которыхъ мы отчасти говорили и въ числѣ которыхъ весьма немаловажною была та причина, что свои ученые познанія мы получали отъ той исторической науки, гдѣ эта истина утверждалась почти ежедневно.

Весь скептицизмъ Каченовскаго и его учениковъ, противъ котораго съ такою горячію ратовалъ г. Погодинъ, происходилъ изъ того же сознанія, что Русская исторія не можетъ представлять что либо значительное въ сравненіи съ исторіею западныхъ народовъ.

Этотъ скептицизмъ построился главнымъ образомъ именно на сравненіи нашей Исторіи прямо со Всеобщюю Исторіею, то есть на повѣркѣ нашей Исторіи фактами и положеніями всего міра. Очень мало зная и меньше всего понимая свою Исторію, мы въ то время достаточно знали Исторію Всемирную и къ ея-то великимъ образцамъ приравнивали свою Русскую бѣдность. Параллель выходила изумительная!

Извѣстно, что Карамзинъ въ своей Исторіи слишкомъ государственно и потому очень невѣрно изобразилъ первыхъ князей и первое время Руси. Это подало весьма основательный поводъ опровергать историка.

Сомнѣнія и отрицанія Каченовскаго въ этомъ случаѣ отправлялись отъ готовой и непреложной истины. Онъ вървалъ, что это первое время Руси было временемъ глубокаго и всесторонняго варварства, котораго не могло быть ни въ какое сравненіе съ варварствомъ европейскимъ. Онъ отвергалъ наши договоры съ Греками, потому что „они заключаютъ въ себѣ понятія совершенно несообразныя съ существовавшимъ ходомъ дѣлъ, не только у полудикихъ кочевыхъ племенъ Руссовъ, но даже и во всей Европѣ“.

Не меньшую несообразность съ общимъ духомъ времени представляетъ, по его понятію, и Ярославова Русская Правда, на томъ основаніи, что въ началѣ 11-го столѣтія, въ странахъ

западной Европы, въ Богеміи, въ Польшѣ, въ Даніи, Швеціи, не видно ничего подобнаго.

„Откуда Ярославъ взялъ примѣръ для сочиненія своихъ законовъ“ — спрашиваетъ Каченовскій, и высказываетъ этимъ вопросомъ только непреломное убѣжденіе всей русской образованности, или по крайней мѣрѣ передовыхъ ея умовъ, что на Руси, что ни есть, — все откуда либо заимствовано, что сама по себѣ Русь — пустое мѣсто, чистый листъ бумаги, никогда не была способна что либо создать и вырастить самостоятельно. Это убѣжденіе Каченовскій постоянно утверждалъ ученою посылкою: чего не было въ Европѣ, того никакъ не могло быть и на Руси. Иначе это противорѣчило „всеобщему ходу гражданской и политической образованности народовъ“. Его очень смущала наша лѣтопись, о которой доказывали, что она писана тоже въ 11-мъ вѣкѣ; между тѣмъ, какъ въ сосѣднихъ европейскіхъ странахъ въ этотъ вѣкъ лѣтописанье или вовсе не начиналось или едва начиналось. Ясно, что наша лѣтопись подложна, недостоверна. Къ тому же въ своемъ началѣ она имѣетъ даже нѣкоторую систему, является систематическимъ сочиненіемъ. „Какъ это могло случиться посреди всеобщей безграмотности — явленіе безпримѣрное въ исторіи! восклицаетъ скептикъ, — и особливо въ исторіи нашего Сѣвера, оно суть исключеніе изъ всеобщаго хода образованности народовъ“.

По этому поводу Каченовскій дѣлаетъ упрекъ даже Шлегелю за излишнюю довѣренность и энтузіазмъ къ нашей лѣтописи и показываетъ, что она могла быть составлена только въ 13-мъ и даже въ 14-мъ столѣтіи съ неслыханными заимствованиями изъ западныхъ лѣтописцевъ и вообще составлена по ихъ образцамъ¹.

Мысль о чемъ либо Русскомъ, самостоятельномъ и самобытномъ въ этомъ отношеніи, даже послѣ убѣдительныхъ исследованийъ Шлегеля, такая мысль не могла и вѣститься въ эти отрицающіе умы. Простой разсказъ Новгородца Гюрия Рубовича о Печерѣ и Югрѣ, они сопровождаютъ такимъ заключеніемъ: „Никкимъ образомъ не можно даже пред-

¹А Шлегель, напротивъ того, очень хорошо зналъ и доказывалъ, что она составлена по византийскимъ образцамъ.

положить, не только доказать, чтобы въ 11 ст. такъ далеко простирались открытія Новгородцевъ“.

Что же въ сущности говорить это отрицаніе? Не лежитъ ли въ немъ тоже самое сознаніе о русскомъ человѣкѣ, какъ о пустомъ мѣстѣ въ человѣческой исторіи, которое руководило и г. Погодинымъ въ его изображеніи народнаго характера нашихъ Славянъ. Во всякомъ случаѣ подобныя идеи не вырастаютъ на почвѣ науки; они приносятся въ ученые разсужденія изъ области общественныхъ воззрѣній и созерцаній, отъ которыхъ, какъ мы говорили, историческая наука никогда не бываетъ свободна. Оттого, обыкновенно, построенныя на такихъ идеяхъ ученые соображенія не выдерживаютъ и малѣйшей критики, а изслѣдованія при всѣхъ своихъ достоинствахъ наполняются вопіющими противорѣчіями.

И г. Погодинъ, и противникъ его Каченовскій, выходя изъ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, пришли однако къ одному концу и въ основѣ своихъ воззрѣній выразили одну и ту же мысль, то есть мысль объ историческомъ ничтожествѣ русскаго бытія.

Здѣсь общественныя мысли и убѣжденія покорили своей волѣ мысли ученые, и сами собою, не слушая противорѣчій, высказались именно тамъ, гдѣ слѣдовало произнести послѣднее заключительное слово, то есть на ученой каедрѣ.

Это произошло тѣмъ легче, что уважаемые ученые, кидый въ своемъ кругу изслѣдованій, строили эти изслѣдованія на простомъ логическомъ развитіи предвзятыхъ ими истинъ или посылокъ. Каченовскій, какъ мы говорили, шелъ отъ той взятой истины, что въ началѣ русской исторіи Руссы были полудикимъ кочевымъ племенемъ, слѣд. никакъ не могли сколько нибудь равняться по своему развитію даже съ соседними, стольже дикими странами западной Европы, не говоря объ отдаленныхъ. „Выступаютъ на сцену необразованные и полудикіе Норманны, владычествуютъ надъ необразованными и полудикими Финно-Славянскими племенами — что изъ этого могло производти въ смыслѣ цивилизаціи! И какъ скоро могла такая народность дойти до сознанія о правильныхъ договорахъ съ Греками, объ изданіи писанаго закона, о сочиненіи даже летописи“?

„Мы можемъ судить по Финнамъ нашего времени, замѣчать скептикъ, въ какомъ состояніи, находился народъ сей въ 11-мъ вѣкѣ.... Знаемъ также, изъ самыхъ нашихъ лѣтописей, въ столь необразованномъ, именно полудинномъ состояніи жили въ то время Славяне“....

Отсюда логически-вѣрно и нѣсколько невѣрно дѣйствительности были выведены и всѣ дальнѣйшія заключенія скептиковъ и отрицателей.

Г. Погодинъ взялъ за истину, что имя Русь означаетъ Норманновъ и также логически-вѣрно все Русское, о чемъ гдѣ либо свидѣтельствовалъ лѣтописецъ и другіе источники, отнесъ къ Норманнамъ. Настоящимъ Русскимъ, то есть Славянамъ, именно Кіевскимъ, не осталось ничего. Неумолимая логика заставила автора населить Славянскіе города и земли цѣлымъ норманскимъ племенемъ и этому одному племени отдать все: явнѣ, вѣру, мореплаваніе, торговлю, войну и все—все, чѣмъ жила Русская Русь первыхъ двухъ вѣковъ.

И все это говорилось на виду обширныхъ и достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ совсѣмъ другаго качества, приводимыхъ самимъ авторомъ, которыя, еслибъ поведены были съ тою же неумолимою логикою, привели бы совсѣмъ къ другимъ выводамъ и заключеніямъ.

Самъ же авторъ, слѣдуя Шафарыгу, пишетъ: „Древніе Славяне и мы, нынѣ такъ называемые Русскіе, составляемъ одинъ и тотъ же народъ, непрерывно живущій, если можно такъ выразиться, съ осьмаго, а можетъ быть и далѣе, передъ Р. X. вѣка,—слѣдовательно все, что принадлежало древнимъ Славянамъ, то досталось и намъ, въ лицѣ нашихъ предковъ девятаго столѣтія. Въ чемъ же состояло это наследство? Что они получили отъ Славянъ? Каковы они были въ эпоху норманскаго водворенія между ними? Во-первыхъ, они имѣли древность, старшинство... „Народъ нашъ жилъ уже какъ особый народъ или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или отдѣльно, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика...“

„Во вторыхъ—языкъ... Далѣе религіозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ — всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ

первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни.... Вѣрно не находились они на той степени дикости, на которую поставилъ ихъ неумолимый Шлецера, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи до Шафарика. И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ и прочіе города представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ“.

Самъ же авторъ, слѣдуя Герену, пишетъ, что по Русской землѣ еще со временъ Геродота, изъ греческихъ черноморскихъ колоній, шла торговля между Европою и Азією, и прибавляетъ къ этому свою очень вѣрную замѣтку, что Восторское царство и городъ Корсунъ не были ли наследниками этой Геродотовской торговли? Самъ же авторъ защищаетъ Шторха отъ незаслуженной насмѣлки со стороны неумолимо-своеправнаго Шлецера надъ тѣмъ, что „съ 8-го вѣка по Р. Х. Россія была торговымъ путемъ, по которому провозились индѣйскіе и восточные товары изъ внутренней Азіи, чрезъ Каспійское и Черное море, къ Балтійскому морю и такъ далѣе въ сѣверозападную Европу“. Неумолимо-своеправный Шлецера никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы „Рюрикъ, при основаніи Русскаго царства, нашелъ, что народъ его имѣлъ уже въ рукахъ своихъ сей важный и прибыльный торгъ...“ А это самое подробно доназываетъ г. Погодинъ, пользуясь трудами Френа, Григорьева, Сенковскаго, основанными главнымъ образомъ на изученіи памятниковъ вещественныхъ, вполне несомнѣнныхъ, именно на безчисленныхъ кладахъ восточныхъ монетъ, отъ 8-го до 11-го вѣка включительно, гдѣ попадаются также и монеты 7-го и даже 6-го вѣка.

„Греческая торговля должна быть очень древна, если въ 906 г. была она главнымъ предметомъ договора Олега“, замѣчаетъ г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ о торговлѣ Русовъ съ Византіей.

Казалось бы достаточно этихъ соображеній и ученыхъ выводовъ Шафарина и Герена, чтобы пойти инымъ путемъ къ отысканію истины. Повидимому г. Погодинъ сомневался, что именно здѣсь видится этотъ другой путь. Къ концу собранныхъ свидѣтельствъ и разсужденій о торговлѣ онъ присовокупляетъ слѣдующую замѣтку: „можетъ быть и я самъ увлекаюсь норманскимъ элементомъ, который

разыскиваю 25 лѣтъ (въ 1846 г.) и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи...“¹.

Въ самомъ дѣлѣ, если русскіе Славяне искони жили, занимаясь земледѣліемъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ застаешь ихъ исторія 6-го и 9-го вѣка; если мимо этихъ мѣстъ происходило съ незапамятныхъ временъ торговое движеніе, какое бы ни было; изъ Европы въ Азію и обратно, то здравый разумъ повелѣваетъ заключить, что и они, такъ или иначе, живя на перекресткѣ, подвергались этому движенію, что перекрестное ихъ положеніе отъ С. къ Ю. и отъ З. къ В., какъ большая дорога для всякихъ народныхъ движеній, военныхъ и торговыхъ, необходимо должно было способствовать развитію у нихъ большей гражданственности, чѣмъ въ дикомъ углу скандинавскаго сѣвера, куда по словамъ Шлецера, даже и Нѣмцы не заходили.

„Объ образованности Славянъ я совершенно согласенъ“—говоритъ г. Погодинъ, разбирая извѣстную статью Сенков-

¹ Въ то самое время, какъ изслѣдованія и лекціи г. Погодина (Москва 1846 г.) утверждали и распространяли въ наукѣ норманство Руси и съ особою горячію выставили на видъ великую образовательную роль Норманновъ въ первоначальной постройкѣ Русской жизни, въ далекой Казани было написано сочиненіе совсѣмъ противоположное этому ученію. Это была диссертація покойнаго А. Артемьева подъ заглавіемъ: „Имѣли ли Варяги вліяніе на Славянъ, и если имѣли, то въ чемъ оно состояло? Казань. 1845“. Доброжеланный и весьма осторожный и скромный авторъ не отрицалъ Норманскаго происхожденія Руси—это былъ догматъ, не подверженный спору. Но онъ со всѣхъ сторонъ осмотрѣлъ вопросъ о принесенномъ въ Русь Скандинавскомъ просвѣщеніи и съ полною основательностію раскрылъ, что такого просвѣщенія не существовало и не могло существовать. Поставивъ на первое мѣсто въ своемъ изслѣдованіи гражданскій бытъ древней Руси, то есть культурную сторону вопроса, онъ естественно пришелъ къ тѣмъ же заключеніямъ, какія уже давно высказывались писателями славянскихъ воззрѣній, конечно, болѣе знакомыми съ Славянскою и Русскою древностію. Поэтому его диссертація въ сущности представляетъ весьма обстоятельный и самостоятельный сводъ наиболѣе правдивыхъ и разсудительныхъ мнѣній по поводу заданнаго вопроса. Къ великому сожалѣнію превосходное сочиненіе Артемьева въ свое время вовсе не было замѣчено наукою, а потому и не поступило въ общій оборотъ нашихъ познаній о Русской исторіи. Полемика ученія въ то время сподна владѣла норманская школа, не принимавшая ни какихъ разсудительныхъ взглядовъ и мнѣній.

скаго. А Сенковскій говорилъ слѣдующее: „Славяне, имѣвшіе два великіе торговые города, Новгородъ и Кіевъ, извѣстные уже въ Азіи своимъ богатствомъ, находились безъ сомнѣнія на гораздо высшей степени гражданской образованности, чѣмъ хищные войны Скандинавіи, которые не знали другой торговли, кромѣ продажи заграбленной добычи, ни другой промышленности, кромѣ непрерывной войны“....

„У Славянъ гражданственности было несравненно болѣе, чѣмъ у Норманновъ, повторяетъ утвердительно авторъ и продолжаетъ: „Ихъ (Славянъ) смиренное повиновеніе на югъ слабымъ тогда Хозарамъ, ихъ склонность на сѣверѣ поручить защиту своего города и отечества иностранной дружинѣ, ясно показываютъ въ нихъ народъ, уже обладающій значительною собственностію, уже въ известной степени развращенный торговыми правами. Тоже самое явленіе повторилось скоро потомъ въ торговой Италіи. Люди, которымъ нечего потерять, всегда дерутся сами, на свой собственный счетъ, ибо въ войнѣ находятъ они средство къ грабительству и обогащенію“.

Однако, „слову гражданственности, замѣчаетъ г. Погодинъ, здѣсь надо давать значеніе не политическое, а семейное. домашнее, патріархальное, или употребить другое“. Положимъ такъ, но все же надо разрѣшить недоразумѣніе, кто выше въ своемъ быту по развитію, народъ земледѣлецъ и осѣдлый торговецъ или народъ разбойникъ, кочующій изъ страны въ страну? И какое же имъ той гражданственности, которую разбойникъ приноситъ земледѣльцу?

Впрочемъ ни г. Погодинъ, ни Сенковскій не помышляли о противорѣчіяхъ, какъ и о томъ, что приведенная характеристика Славянъ совсѣмъ разрушаетъ въ основаніи ихъ общій выводъ, что настоящій характеръ первой эпохи въ „Русской Исторіи былъ Русскій, или Скандинавскій, а не Славянскій“¹.

„Исторія или историческая критика, говорилъ Сенковскій, суть, такъ сказать, умственные шахматы; искусная иг-

¹ Исследования г. Погодина т. II, стр. 1—5, 22, 279, 318. т. III, 27, 31, 70, 71, 109, 124, 125, 132, 133, 138, 187—189, 227, 232—233, 242, 263, 273, 298, 301—310, 325, 354—360, 379, 383, 397, 416—420, 454—474, 515 и др. Сенковского: Скандинавскія Саги, Библиотека для Чтенія, т. I.

ра въ факты, въ которой проигрывающіе, то есть, читатели, за всякій сдѣланный имъ ловкою діалектикою шагъ и мать, должны платить наличнымъ довѣріемъ⁴. Въ этихъ словахъ выразилось самое вѣрное и лучшее объясненіе, въ чемъ именно заключается сила подобныхъ изслѣдованій и разсужденій.

Таково въ своихъ качествахъ ученіе о Скандинавскомъ происхожденіи Руси. Можетъ быть иной читатель скажетъ, что приведенныя нами (съ возможною краткостью) рѣшенія этого ученія уже достаточно устарѣли и имъ уже не вѣрятъ и сами норманисты. Дѣйствительно, мы думали, что излагая исторію этого ученія, говоримъ уже о забытой старинѣ. Но оказывается, что въ своихъ существенныхъ основаніяхъ это ученіе нисколько не старѣетъ и повторяетъ себя съ точностью.

Во время печатанія этихъ строкъ мы должны были прочесть весьма почтенную въ ученомъ отношеніи и объемистую книгу: Касмій (О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ, Б. Дорна), изданную, какъ приложение къ XXVI тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ (Спб. 1875).

Въ ней ученѣйшій представитель Скандинавства, достоуважаемый академикъ г. Куникъ, говоря о мореходцахъ Норманнахъ и о томъ, какъ они впервые плавали по нашимъ рѣкамъ, изображаетъ слѣдующее: „Какой другой народъ въ Европѣ подражалъ Норманнамъ въ то время въ этомъ отношеніи? Гдѣ можно было найти тогда другой мореходный народъ, который, подобно Норманнамъ, въ теченіи одного столѣтія, успѣлъ бы сплотить въ большое единое государство множество финскихъ, литовско-летскихъ и славянскихъ племенъ, разбросанныхъ по такимъ обширнымъ равнинамъ, и жившихъ по старинной, чудной привычкѣ, совершенно сами по себѣ, да могъ не только сдерживать сопротивлявшихся посредствомъ рѣчныхъ походовъ, но и приучить ихъ къ государственному порядку?“. Это былъ „хорошо знакомый съ моремъ династическій родъ“, „норманская династія Рюа, объявшая своимъ именемъ восточно-славянскія племена“.

„Варяго Русскій вопросъ, продолжаетъ авторъ, составляеть одинъ изъ краеугольныхъ камней исторической этнографіи Россіи и можетъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно только при помощи лингвистики. Но кромѣ лингвистической критики большая часть варягоборцевъ страдаетъ незнаніемъ основаній этнологической критики. Какъ отдѣльныя личности одарены различными способностями, такъ и цѣлыя племена и народныя индивидуумы призваны природою не къ одинаковой дѣятельности не говоря, уже о томъ, что иной, самъ по себѣ даровитый народъ, вслѣдствіе неблагопріятныхъ географическихъ или историческихъ условій лишь впослѣдствіи можетъ приняться за выполнение извѣстныхъ задачъ. Кто не имѣетъ яснаго понятія о различныхъ причинахъ, почему даже народы бѣлой расы развились совершенно различно, почему нѣкоторые изъ нихъ являлись только пастушескими народами, другіе же сдѣлались кочевниками, почему одна нація преобразилась въ отважныхъ наѣзdnиковъ, а другая стала храброю пѣшею ратью—тотъ и не въ состояніи понять, почему именно восточныя Славяне до Рюриковыхъ временъ не сдѣлались мореходцами. Указаніе на знакомство съ моремъ хорватско-сербскихъ Славянъ, переселившихся изъ Карпатовъ въ Далмацію и на предпріятія (Хороши предпріятія по Адаму Бременскому и Гельмольду!) померанскихъ, рюгенскихъ и южныхъ Славянъ, не даетъ намъ права предполагать, что и восточныя Славяне добровольно пошли по тому же пути. (Конечно, ихъ заставили Норманны!) Напротивъ того, при не предвзятомъ разсмотрѣніи означенныхъ фактовъ, мы только еще болѣе убѣдимся въ томъ, что древняя Россія стала морскою державою въ смыслѣ того времени лишь тогда, когда господство водобоязливыхъ хозарскихъ степныхъ наѣзdnиковъ было уничтожено въ Кіевѣ и далѣе знакомыми съ морскимъ дѣломъ Варягами, Аскольдомъ и Диромъ. Но и древне-русскій торговый флотъ просуществовалъ не долго, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. Одинъ этотъ фактъ уже наводитъ на разныя размышленія. (Слѣдуетъ указаніе на Печенѣговъ и Половцевъ, заградившихъ дорогу къ морю). Почти въ то же время, хотя и не такъ быстро, исчезъ сѣверный Русскій торговый флотъ. Столь предпримчивая новгородская республика, самовластно утверждавшая и свер-

гавшая князей, мало по малу предоставила вывозъ и привозъ товаровъ варяжскимъ (т. е. въ 12-мъ столѣтїи глѣбнымъ образомъ готландскимъ) купцамъ, которые за тѣмъ сами должны были уступить мѣсто хитрой торговой политикѣ ганзы. Но и тогда, когда послѣдняя была вытѣснена, все таки еще не явился національный торговый флотъ, хотя до Столбовскаго мира (1617) цари московскіе владѣли побережьями Финскаго залива отъ устья Систербека до устья Невы, и оттуда до Наровы. Петръ Великій создалъ почтенный военный флотъ, но создать торговый флотъ—на это не хватило даже его желѣзной воли и власти. Лишь въ настоящее время, когда начатыя сверху реформы стали приносить свои плоды, возможно было уразумѣть рѣзкую противоположность, существующую въ этомъ отношенїи между имперїей и даже небольшою Финляндіей, и вмѣстѣ съ тѣмъ подумать о средствахъ къ образованію національно-русскаго торговаго флота⁴.

Не смотря на то, что г. академикъ Дорнъ свидѣтельствуетъ, что эти изслѣдованія г. Куника „могутъ особенно служить къ правильному разрѣшенію еще мало изслѣдованнаго доселѣ вопроса о способности нѣкоторыхъ средневѣковыхъ народовъ къ морскому дѣлу и о „водобоязни“ другихъ“ (вѣроятно русскіихъ Славянъ? стр. LV), мы все таки должны замѣтить, что здѣсь этнологическая критика сопоставляетъ въ сравненіе вещи, не имѣющія ни какихъ отношеній другъ къ другу. Причины, почему и до сихъ поръ у насъ нѣтъ торговаго флота, такъ многоразличны и такъ тѣсно связаны со всею системою внутренней политики, что мало объ нихъ говорить невозможно. И здѣсь, какъ во всѣхъ ученыхъ дѣлахъ, надо допросить всѣхъ свидѣтелей¹.

Почтенному автору извѣстно, что значительность и многочисленность именно торговаго флота вполне зависитъ отъ растяженія и сильнаго разчлененія береговой линїи, отъ положенія этой линїи прямо на морѣ или же въ морскомъ за-

¹ Въ томъ числѣ въ настоящее время надо допросить, напр., на Черномъ морѣ нашихъ бѣдныхъ каботажниковъ, какъ ихъ тѣснятъ и со всѣмъ истребляютъ монополїи Русскаго (?) Общества Пароходства и Торговли, и къ тому надо припомнить привилегированное положеніе въ Имперїи ея небольшою Финляндію, какъ и всего Остзейскаго приморскаго края.

холусть, откуда и выбраться не совсемъ легко. Люди, живущіе лицомъ къ лицу съ моремъ, окружаемъ моремъ своими берегами, или живя совсемъ посреди моря, неизменно должны имѣть значительный торговый и всякій другой флотъ. Люди, по своему мѣстожителству смотрящіе на море изъ закоулковъ, никогда не могутъ имѣть знатнаго торговаго флота, и какъ бы ни хлопотали объ этомъ, никогда не сравняются въ этомъ отношеніи съ жителями собственно морскими. Растяжение и разчлененіе нашей приморской береговой линіи на Бѣломъ морѣ и на Черномъ морѣ очень хорошо извѣстны. И тамъ и здѣсь собственно морскихъ флотовъ создавать было невозможно; и тамъ и здѣсь являются только флоты рѣчные, прилаженные и къ морскому ходу. Вотъ этииъ прилаживаніемъ рѣчной лодки къ морскому ходу населеніе нашей равнины отличалось на всѣхъ рѣкахъ, которыя протекали прямо въ море. Такіе флоты у насъ существовали всегда, еще со временъ античныхъ Грековъ. Почти гдѣтъ за сто до Р. Х. Скифы дрались съ полководцами Великаго Митридата на морѣ, въ Керченскомъ проливѣ, и были разбиты, о чемъ ясно говоритъ Страбонъ.

Торговый морской флотъ является выразителемъ торговыхъ морскихъ же сношеній народа. Онъ же для людей, живущихъ такъ снзатъ въ морѣ, служитъ незаменимымъ средствомъ сообщенія даже между собою, не говоря о чужихъ странахъ. Наша равнина едва касается морей, поэтому морское дѣло для нея никогда не могло составлять существеннаго качества ея жизни. Но тѣмъ не менѣе она не выпустила изъ рукъ и далекихъ морей. Напротивъ, въ теченіи всей своей исторіи она только одного и добивалась, чтобы овладѣть морскими берегами. Ей неизменно указывали путь къ морю ея рѣки. На всѣхъ тѣхъ рѣкахъ, гдѣ можно было выплыть въ море, она всегда держала флоты, которые при надобности и выплывали въ море и которые съ незапамятныхъ временъ служили и для торговли и для разбоя. Исторія, какъ извѣстно, говоритъ больше всего о разбояхъ и совсемъ почти молчитъ о ежедневныхъ плаваніяхъ для торговли. На основаніи ея свидѣтельствъ показывается, что будто народы въ то время строили лодки и плавали только для разбоевъ. Но за недостаткомъ историческихъ свидѣтельствъ, здравый разумъ заставляетъ полагать, что лодка впер-

вые успешна не для разбоя, а для жирнаго промысла на рыбю, за звѣромъ, съ цѣлю перевозкы для промысла на другой берегъ, перевозки пудрика, съезди на продажу какой либо товаръ и т. д. Поэтому мирныя лодки даже и до пера плавали прежде, чѣмъ стали плавать лодки разбойныя; поэтому и строить лодку научила сама вода, а соби- раться лодками въ цѣлый флотъ научила торговая или про- мышленная нужда, но вовсе не Норманны. Они могли на- учить развѣ только разбойничать; но и въ этомъ случаѣ прямыя и безопасныя дороги по рѣкамъ и по морю они долж- ны были узнавать только при помощи туземцевъ.

Норманны учили насъ плавать двѣсти лѣтъ, двѣсти лѣтъ мы говорили ихъ языкомъ и конечно должны были заимъ у нихъ же всѣ морскія названія, а Шлецеръ изумляется: „Странно, говорить, что Руссы, мореходныя названія, кото- рыми такъ богатъ норманскій языкъ, заняли отъ Грековъ!“ Это очень чудно и странно только по случаю навязыванья намъ въ учителя мореходству любезныхъ Норманновъ. Но это явится дѣломъ очень простымъ и естественнымъ, если припомнимъ, что мореходству должны были насъ выучить еще древніе Греки.

Русская равнина уже по одному своему физическому об- лыку не была способна сдѣлаться морскою державою въ смыслѣ торговаго флота. Ея флоты и въ настоящее время есть только ея морскія стѣны, одна защита. Но ея внутрен- ніе рѣчныя флоты, какъ средства перевоза, всегда были мно- гочисленны. Изъ этихъ флотовъ создавались и тѣ флоты, ко- торые хаживали на Царьградъ и на Каспій, въ Закавказье.

Флотъ Оскольда и Дира, Олега и Игоря, былъ разбойный, а не торговый, а такіе флоты въ устьяхъ Днѣпра и Дона существовали искони вѣковъ до 18 столѣтія. Объ этомъ хо- рошо знаютъ Турки, а въ глубокой древности хорошо зна- ли всѣ Черноморскіе обитатели. На такихъ разбойныхъ флотахъ въ мирное и дружелюбное время всегда перевози- лись и товары и потому они дѣлались на это время торго- выми флотами. Новгородскій флотъ пересталъ ѣздить за мо- ре съ той поры, какъ его стали притѣснять Нѣмцы, то есть со времени конечнаго истребленія Нѣмцами и Датчанами балтійскихъ Славянъ. Вообще, какъ въ древности, такъ и нынѣ, Русская равнина является на столько морскою держа-

вою, на сколько ей способствують въ этомъ ея морскіе берега. Въ этомъ отношеніи она не выпустила изъ своихъ рукъ ни одного зерна. Средняя ея исторія отбила ее отъ морскихъ береговъ. Государство само ушло отъ враговъ въ лѣса суздальской области. Но народъ не покидалъ своего древняго обычая и время отъ времени все-таки спускался по рѣкамъ за своимъ дѣломъ и въ Каспійское, и въ Черное море, доплывая до Персія и до Турціи. Уназывать на тѣсное подожженіе нашей исторіи относительно морей отъ 12 до 18 вѣка въ доказательство Русской водобоязни возможно лишь въ томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что за это время и на рѣкахъ не плавало ни одного судна.

Намъ кажется, что этнологическая критика требуетъ для объясненія каждаго отдѣльнаго случая и факта, полного и всесторонняго осмотра всей бытвой исторіи народа, всѣхъ жизненныхъ причинъ, какія породили такой фактъ.

Появилось слово или имя Русь, появились и моржи, а до того ихъ не было: это критика лингвистическая, критика словъ. Но этнологическая критика, или критика дѣлъ будетъ всегда доказывать, что на каждой большой рѣкѣ, впадающей въ море, если живутъ люди, промышленящіе къ тому-же разбоямъ, то неизмѣнно заведутъ у себя флотъ, хотя бы лодочный, и неизмѣнно будутъ плавать по морю съ незапамятныхъ временъ. И потому весьма достаточно даже одиночнаго отрывочнаго лѣтописнаго свидѣтельства, о вывѣдѣ такого народа въ море на лодкахъ, чтобы утвердить этнологическую посылку о его давней способности къ морскому плаванію.

Лѣтописцы вѣдь не писали дневниковъ жизни того или другаго народа, а упоминали о его плаваніяхъ только при случаѣ. Въ этнологической критикѣ очень многое само собою разумѣется, ибо въ своихъ разсужденіяхъ она отправляется отъ неизмѣнныхъ законовъ человеческой жизни вообще. Если въ странѣ существуетъ суровая зима, то и безъ лѣтописныхъ показаній этнологія скажетъ твердо и рѣшительно, что народъ этой страны неизмѣнно носилъ шубы, хотя бы и несшитыя звѣринныя шкуры.

„До Аскольда, продолжаетъ г. Куникъ, не встрѣчается никакихъ слѣдовъ русскихъ торговцевъ и морскихъ разбойниковъ ни на Черномъ, ни на Каспійскомъ морѣ.

Для насъ норманистовъ такое молчаніе всѣхъ греческихъ и восточныхъ источниковъ можетъ только служить подтвержденіемъ выработаннаго другимъ путемъ убѣжденія, что въ то время еще не было русскаго флота, служившаго для торговыхъ сношеній или грабительскихъ набѣговъ“...

„Такіе кровожадные моряки, отваживающіеся въ невѣдомыя имъ воды, никакъ не могли освоиться съ моремъ внешнею, въ особенности среди такихъ внутреннихъ материковыхъ странъ, какъ среднее Приднѣпровье или сѣверное Приволжье. Нужно было народиться нѣсколькимъ поколѣніямъ и даже столѣтіямъ, прежде нежели языческій народъ, отрѣзанный отъ средоточій тогдашней культуры до такой степени успѣлъ ознакомиться съ моремъ, а это уже никакъ не могло случиться на Черномъ морѣ“.

Почему же не могло этого случиться именно на Черномъ морѣ, когда это море было прямою и ближайшею дорогою къ главному средоточію тогдашней европейской культуры, къ Византіи? Впрочемъ со всѣми подобными идеями мы уже достаточно знакомы изъ приведенныхъ выше разсужденій Шлецера и его послѣдователей.

Особенно не жалуется уважаемый авторъ мнѣній, которыя производятъ Русь отъ Балтійскаго Славянства. „Въ Западной Европѣ, говоритъ онъ, со временъ Герберштейна до Лейбница забавлялись только грубымъ отождествленіемъ Варяговъ и славянскихъ Вагріевъ“. Мысль г. Котляревскаго о томъ, что естественнѣе всего Варяги могли быть призваны отъ Поморскихъ Славянъ, авторъ, называетъ отчаянною мыслью и вообще мыслью о сношеніяхъ Поморскихъ Славянъ съ Новгородскими именуется мыслью не историческою, на томъ основаніи, что въ землѣ Поморья находки арабскихъ монетъ 8-го—10-го стол. менѣе значительны, чѣмъ въ Скандинавіи. „Гораздо естественнѣе предполагать, заключаетъ авторъ, что въ 8-мъ и 9-мъ столѣтіяхъ на Финскомъ заливѣ могъ хозяйничать только старинный морской народъ жившій по близости (въ Готландіи на Аландскихъ островахъ и въ Швеціи), чѣмъ передавать тогдашнюю торговлю съ Россіей въ руки Лютичей“¹.

¹ См. Каспій, стр. 55, 378, 393, 396, 398, 452—454, 461, 692 и др.

Само собою разумеется, что, изучая больше всего Скандинавскіе источники, естественно же повсюду видѣть и находить однихъ Шредовъ. Такъ точно, какъ, изучая славянскую Балтійскую исторію, правдоподобнѣе заключать, что не откуда, какъ только изъ этой Славянской Земли и были призваны наши достопамятные Варяги. Г. Котляревскій, положившій весьма прочное основаніе для изученія этой исторіи, не могъ иначе заключать, ибо видѣлъ тамошнихъ Славянъ такъ сказать лицомъ къ лицу¹. Къ такой мысли прежде всего приводитъ именно этнологическая критика, то есть критика бытовыхъ положеній и отношеній.

Мы говорили, что какъ Скандинавство, такъ и Славянство предаются въ иныхъ случаяхъ фантазіямъ, которыя по необходимости сами собою рождаются отъ недостатка точныхъ свидѣтельствъ. Тамъ, гдѣ фактовъ не хватаетъ, само собою разыгрывается воображеніе, строящее гипотезы, парадоксы, воздушные замки. Недостатокъ фактовъ можетъ зависѣть или отъ малаго знакомства съ предметомъ изслѣдованія или отъ настоящей скудости источниковъ. И то, и другое можно показать и на той, и на другой сторонѣ. Стало быть и тамъ, и здѣсь неосновательныя объясненія, фантазіи неизбѣжны.

Намъ должно остановиться только на основныхъ послышкахъ, отъ которыхъ расходятся во всѣ стороны изслѣдовательные круги того и другаго ученія.

Основная истина ученія о Славянствѣ Руси на столько вѣрна въ самой себѣ, что безъ малѣйшихъ противорѣчій способна объяснить всякое историческое дѣло нашей древности.

Основная истина Славянскаго ученія заключается въ томъ, что Русь старобытна на своемъ мѣстѣ, и народомъ, и самымъ именованіемъ. Этою истиною въ познаніе Русской Древности вносится основа широкая и положительная и потому всѣ явленія древняго русскаго быта и древней русскаго исторіи объясняются легко, безъ малѣйшихъ натяжекъ. Самое дѣло призванія князей становится не только понятнымъ, но и

¹ См. Древности Права Балтійскихъ Славянъ и Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ. Прага. 1874.

явленіемъ такъ сказать прирожденнымъ Русской Древности.

Естественное развитіе торговыхъ сношеній съ древнѣйшаго незапамятнаго времени, возникновеніе городовъ еще до прихода Варяговъ и всѣ тѣ признаки самостоятельной и могущественной народной силы, съ которою Русь вдругъ выходитъ на сцену исторіи, объясняются просто и вѣрно, однимъ только здравымъ предположеніемъ, что источники или корни этой силы находятся далеко за предѣлами варяжскаго девятаго столѣтія.

Словомъ сказать, ученіе о Славянствѣ Руси, опираясь на естественный ходъ нашей исторіи, выросшей такъ сказать изъ самой земли, принимая ея началомъ простое, такъ сказать, растительное естество жизни, уже тѣмъ самымъ вносить въ свою изслѣдовательность одни положительные, созидающія свойства и вполне согласуется съ законами не чудодѣйственнаго, а самаго обыкновеннаго хода всякой первоначальной исторіи.

Напротивъ того, каждый читатель легко замѣтитъ, что ученіе о Скандинавствѣ Руси все держится только на отрицаніи и руководится однимъ отрицаніемъ. Какъ ученіе нѣмецкое, оно и родилось въ мнуну всесторонняго отрицанія русской народной древности. Главный вождь этого ученія, Шлецеръ, самъ по себѣ, былъ великою критическою силою отрицанія и сомнѣнія. Для него положительный вѣсъ имѣла одна государственная Исторія и то въ нѣмецкомъ смыслѣ. Предъ лицомъ такой Исторіи онъ отрицалъ все, что съ нею не согласовалось, то есть всякія народныя стихіи, въ которыхъ не замѣчалось его государственности. Съ этой точки зрѣнія онъ не нашелъ ничего достойнаго вниманія даже въ исторіи древней Греціи, такъ какъ государства ея были слабы и безсильны, религія была глупа и т. д.¹

Духъ шлецероваго отрицанія и сомнѣнія поселился и на той нивѣ, на которой происходила обработка первоначальной Русской Исторіи. Здѣсь, Скандинавство Руси, какъ прочная и твердая основа, само собою явилось краеугольнымъ камнемъ этого отрицающаго направленія.

¹ См. Шлецеръ—разсужденіе о Русской исторіографіи, А. Попова, въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ.

Что и какъ оно отрицаетъ, мы видѣли въ разсужденіяхъ самого Шлецера и г. Погодина. Другіе повторяютъ то же.

Оно отрицаетъ всякое значеніе для древнѣйшей русской исторіи свидѣтельство греческой и римской древности;

Отрицаетъ старобытность русскаго племени и имени;

Отрицаетъ варяжество Балтійскихъ Славянъ, то есть отнимаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя принадлежатъ имъ, какъ предприимчивымъ и воинственнымъ морякамъ, наравнѣ съ Скандинавами;

Отрицаетъ у старобытнаго русскаго Славянства предприимчивость торговую, мореплавательную, воинственную и т. д.;

Отрицаетъ вообще всѣ тѣ простыя и естественныя качества древнѣйшей русской народной жизни, которыя создаются самою природою страны, создаются простыми естественными условіями мѣсто-жительства.

Самыя даже фантазмагоріи нѣмецкаго ученія о Скандинавствѣ Руси наполняются взглядами и мечтами только о совершенномъ историческомъ ничтожествѣ русскаго племени, наполняются одними только отрицаніями его обыкновенной природы, человѣческой и исторической, и все только для того, чтобы поставить на видномъ мѣстѣ въ начальной нашей исторіи однихъ Норманновъ.

Это ученіе рисуетъ русское Славянство тихимъ и смиреннымъ, что въ сущности есть самое полное отрицаніе въ народѣ его историчности, если можно такъ выразиться, ибо тихость и смиреніе, какъ великія добродѣтели для личной жизни, становятся великими, безконечно зловредными пороками для народной самостоятельности и независимости, и вся Русская Исторія вполнѣ доказываетъ, что эти пороки, особенно въ древнее время, нисколько не принадлежали русскому Славянству, показавшему еще со временъ изгнанія Варяговъ, что оно ни одной минуты не оставалось тихимъ и смиреннымъ, то есть ни одной минуты не выпускало изъ рукъ своей народной независимости и самостоятельности и сзумѣло отстоять свою Землю отъ всевозможныхъ напастей, какия приходили на эту Землю не только отъ Татаръ, но и отъ цѣлой Европы.

Стремясь весь свой вѣкъ съ незапамятной древности къ политической независимости и самостоятельности, Русское Славянство успѣло наконецъ создать обширное и крепкое государство. Весь матеріалъ для этого государства, выработанный мудростію самого народа, былъ уже вполнѣ собранъ къ приходу Рюрика и только въ послѣдствіи междоусобія призванной власти замедлили на цѣдые вѣка дальнѣйшую правильную постройку этого государства.

Намъ кажется, что вся отрицающая сила ученія о Скандинавствѣ Руси утверждается лишь на отсутствіи въ его изслѣдовательности именно этнологической критики, безъ которой, конечно, никогда и ничего нельзя объяснить ни въ одной Исторіи какого бы то ни было народа, особенно въ первоначальной Исторіи.

Оканчивая эту исторію возникновенія и распространенія мнѣній о норманскомъ происхожденіи Руси, мы должны припомнить извѣстную истину, что писатели, какъ и ученые изслѣдователи, и особенно въ обработкѣ Исторіи, всегда служатъ выразителями, болѣе или менѣе полными и всесторонними, тѣхъ идей, какія въ извѣстный кругъ времени господствуютъ въ сознаніи самого общества.

Всѣмъ извѣстно, какъ наша образованность богата отрицающими идеями относительно именно русскаго человѣка во всей его исторіи и во всемъ его быту. Поэтому нѣтъ ничего естественнѣе, какъ встрѣчать присутствіе тѣхъ же идей повсюду, и въ художественныхъ созданіяхъ, и въ ученѣйшихъ изслѣдованіяхъ, какъ и въ простыхъ разговорахъ. Исторія мнѣній о Норманствѣ Руси въ сущности изображаетъ только отрицающее созерцаніе нашей образованности о собственной ея — Русской Исторіи. Вотъ по какой причинѣ крайнія увлеченія нѣкоторыхъ изслѣдованій могутъ объясняться только непреодолимымъ общимъ потокомъ общественныхъ воззрѣній и должны дѣлать съ ними пополамъ всякую вину въ несообразностяхъ и противорѣчіяхъ, ибо изслѣдователь, какъ мы сказали, есть только полный или неполный выразитель живущихъ идей своего времени. На долю науки всегда остается не малый трудъ отдѣлывать истинныя ея приобрѣтенія отъ великаго множества соображеній

и утверждений, выражающих не болѣе, какъ одно жизненное движеніе тѣхъ или другихъ общественныхъ убѣжденій.

Если справедливо, что ученіе о Норманствѣ Руси приобрѣтало свои силы болѣе всего отъ направленія отрицающихъ идей нашей образованности, то, можно надѣяться, оно существуетъ еще долго, до тѣхъ поръ, пока Русское общество не износитъ въ себѣ всѣхъ началъ своего отрицанія и своего сомнѣнія въ достоинствахъ собственной своей природы.

Теперь, какъ всѣмъ извѣстно, никто не сомнѣвается, что Варяги суть Скандинавы, и потому всѣ мы, произнося имя Варягъ, въ точности разумѣемъ, что это никто иной, какъ Норманнъ, Скандинавъ.

Наяснѣйшимъ мѣстомъ у Нестора, показывающимъ, что Варяги были несомнѣнные Скандинавы, г. Погодинъ называетъ тѣ строки, въ которыхъ говорится о призваніи князей:

„Идоша ва море къ Варягамъ къ Руси. Такъ проывались эдѣ Варяги Русью, какъ вотъ другіе зовутся Шведами, другіе же Норманнами, Англичанами, другіе Готами, такъ и эти зовутся Русью“.

Почему это мѣсто такъ ясно свидѣтельствуетъ, что имя Варяги означало однихъ Скандинавовъ? По слѣдующей логикѣ:

Если изъ пяти собесѣдниковъ четверо Нѣмцы, то слѣдовательно и пятый собесѣдникъ непременно долженъ быть Нѣмецъ же; слѣдовательно и самое слово собесѣдникъ непременно должно означать Нѣмцевъ же. Европейцами называются Шведы, Норвежцы, Датчане, Англичане. Известно, что это племена германскія. Слѣдовательно и европейцы Россіянѣ, не говоря о другихъ, суть тоже Германцы.

„Варягами Несторъ ясно называетъ Шведовъ, Норвежцевъ, Англичанъ, Готовъ, говоритъ г. Погодинъ, не упоминая однако о Руси, — всѣ эти племена у другихъ народовъ назывались Норманнами, Скандинавами. Слѣдовательно Варяги Несторовы суть Скандинавы.... Это математически ясно“, заключаетъ достоуважаемый авторъ. „Кому придетъ въ голову, прибавляетъ онъ, что Варяги здѣсь въ

смыслъ Европейцевъ?" Намъ кажется, это придетъ въ голову тому изъ читателей, который полюбозытствуетъ спросить: куда же дѣвалась Русь при этомъ исчисленіи норманскихъ племенъ? Вѣдь въ ней все дѣло. Она тоже Варяги, но гдѣ показаніе лѣтописи, что она тоже Норманны, Скандинавы? Несторъ объ этомъ крѣпко молчитъ, но отдѣляетъ Русь отъ прочихъ Варяговъ, какъ особое самостоятельное племя, въ родѣ Шведовъ, Норвежцевъ, Готовъ, Англичанъ. Онъ говоритъ только, что Русь также называлась Виригами, какъ и другія указанная племена. По его же словамъ Варяги есть имя общее для всѣхъ обитателей Балтійскаго поморья. Кто жилъ на этомъ морѣ, тотъ былъ Варягъ въ общемъ смыслѣ; а въ частности каждый Варягъ принадлежалъ къ особому племени. Начиная съ Байера и оманчивая г. Погодинымъ, всѣ Норманисты убѣждены, что о Руси здѣсь и говорить нечего, ибо Варяги суть Норманны, стало быть само собою уже разумѣется, что Русь-Варяги значитъ Норманны.

Откуда же мы можемъ узнать, какое это было племя Русь? Конечно изъ географіи и этнографіи Балтійскаго моря, которое у Нестора, какъ мы сазали, вообще называется Варяжскимъ, и на которомъ однако жили не одни Скандинавы.

Весь южный берегъ этого моря принадлежалъ не Скандинавамъ. Еще Гельмольдъ, почти современникъ Нестора, говорилъ, что сѣверный берегъ моря занимаютъ Даны и Шведы, называемые Норманнами, а южный населяютъ Славянскіе народы. Отъ русскихъ предѣловъ по этому берегу жили Чудъ, Прусь, Ляхове, о которыхъ прямо поминаетъ Несторъ, что они присѣдаютъ къ морю Варяжскому. Дальше Ляховъ къ западу жили другія славянскія племена, Лютичи, Рюгенцы, Оботриты, и въ самомъ юго-западномъ углу, въ нынѣшней Голштиніи, Вагры. Отъ нихъ берегъ поворачивалъ къ сѣверу по берегамъ Ютландскаго полуострова, гдѣ жили Юты—Готы. Отсюда и начинались скандинавскія жилища, продолжавшіяся по сѣверу Урманями-Норвежцами и потомъ Шведами. Такимъ образомъ Скандинавы занимали только сѣверные и западные берега моря а не-Скандинавы южные и восточные.

Послѣ такого распредѣленія жителей Балтійскаго поморья имѣемъ ли основаніе говорить, что подъ именемъ Варяговъ

Несторъ разумѣтъ однихъ Скандинавовъ? Правда, что ни Ляховъ, ни Прусовъ, ни Чудъ, онъ не называетъ Варягами. Правда, что именемъ Ляховъ онъ называетъ вѣсть съ Мазовшанами и Полянами, и Лютичей, и Поморьянъ. Но все-таки еще остается довольное пространство южнаго Балтійскаго поморья за землею Лютичей, которое тоже было заселено Славянами и о которомъ Несторъ, указывая на славянскія племена, не даетъ ни какого понятія. Нѣтъ никакихъ основаній толковать, что онъ всю эту сторону обозначаетъ общимъ именемъ Поморьянъ. У него Поморьяне имѣютъ опредѣленный, частный смыслъ, какъ и Лютичи, и Поляне, и Мазовшане. Поморьяне жили собственно между устьями Одры и Вислы. Впрочемъ летописцы подъ 1300 годомъ и землю Кашубовъ, вблизи Вислы, называютъ Варяжскимъ Поморьямъ. Если и этотъ берегъ назывался Варяжскимъ, то почему же его обитатели не должны называться Варягами?

Посмотримъ теперь, какъ Несторъ распредѣляетъ по Балтійскому морю своихъ Варяговъ. Два раза перечисляя ихъ племена по порядку, онъ идетъ отъ Востока, отъ Новгородской земли и начинается отъ Шведовъ, какъ ближайшихъ сосѣдей. За Шведами онъ ставитъ Урманъ (Норвегцевъ), послѣ нихъ Готовъ (Ютовъ, Датчанъ), потомъ Русь, потомъ Англянъ. Въ другой разъ, отдѣляя отъ прочихъ свою Русь, за Урманами онъ показываетъ не Готовъ, а Англянъ, и потомъ уже Готовъ. Англяне, по его словамъ, жили на предѣлахъ Варяжнаго моря, ибо Варяги, говоритъ онъ, изъ западу сѣдять до земли Агдланской и до Волошской, т. е. до Англіи и Франціи. Такимъ образомъ мѣсто для Руси онъ указываетъ гдѣ-то между Готами и Англянами, или гдѣ-то за Готами, вблизи Готовъ и Англянъ, вообще на западномъ концѣ Варяжскаго моря. Въ этомъ уже никто не можетъ сомнѣваться. Лѣтописецъ, какъ видѣли, идетъ по порядку населенія отъ В. къ З., но по сѣверу. Дошедши до Готовъ, которые означаютъ Датчанъ или Ютландскій полуостровъ, слѣд. уже западный берегъ моря, онъ тотчасъ указываетъ Русь, т. е. необходимо послѣ запада попадаетъ на южный берегъ Варяжскаго моря, въ самый его уголъ или въ страну Славянскихъ Вагровъ, Оботритовъ, Рюгенцовъ, Велетовъ — Лютичей. Затѣмъ онъ

указываетъ Англянъ, которые въ этомъ случаѣ могутъ и должны обозначать не Британію, а страну Англо-Саксовъ, сидѣвшихъ позади славянскихъ племенъ, въ устьи Эльбы; по этой причинѣ, въ словахъ о призваніи князей, отдѣлившіи Русь отъ прочихъ, Несторъ прежде указываетъ Англянъ, а потомъ Готовъ, т. е. измѣняетъ прежній порядокъ и идетъ отъ Руси къ Западу (Англяне) и затѣмъ къ сѣверу (Готы—Датчане). Изъ всего этого выходитъ, что указанія Нестора очень точны, что они до очевидности точно опредѣляютъ мѣсто до сихъ поръ неизвѣстной Руси.

По смыслу лѣтописнаго текста нѣтъ ни малѣйшаго основанія почитать эту Русь какою либо малою долею Шведовъ, Урманъ, Готовъ, Англянъ, въ родѣ какихъ либо шведскихъ лодочниковъ Родсовъ и т. п. Лѣтописецъ назначаетъ ей мѣсто равное съ четырьмя другими племенами. По его понятію Русь такое же цѣлое особое племя, какъ и другіе поименованные Варяги. Онъ ясно и точно отдѣляетъ ее отъ этихъ другихъ Варяговъ и никакая ученая изслѣдовательность въ этомъ случаѣ не имѣетъ ни малѣйшаго основанія отыскивать Русь у Шведовъ, Урмановъ, Готовъ, Англянъ. Русь, по точному указанію лѣтописца, сидѣла на своемъ особомъ этнографическомъ мѣстѣ, никакъ не въ Швеціи; ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, ни въ странѣ Англовъ. Она сидѣла только по сосѣдству съ двумя послѣдними, съ Данією и древнею Англією. Положимъ даже, какъ и толкуютъ, что Англією у Нестора именуются уже Британскіе острова; но это ни сколько не служитъ помѣхою, что Англією же именовалась страна при устьи Эльбы, едвали не простиравшая это названіе до самаго Рейна. Около 900 г. Британія все еще именуется Британією, а материковая Англія—Англією¹.

По Нестору Варяги простирались на западъ до земли Англианской и (вмѣстѣ съ Варягами Англианами) до земли Волошской, т. е. до Галліи или до Рейна.

Такимъ образомъ „математически ясно“, что земля Руси, по точному перечисленію у Нестора варяжскихъ племенъ, должна падать на славянское поморье Вагировъ, Оботри-

¹ Шлецера Несторъ I, 115—116.

товъ, Рюгенцевъ, Литтчей, то есть на славянскую область между Лабомъ—Эльбою и Одеромъ—Одромъ.

Несторъ, какъ видѣли, только въ двухъ случаяхъ перечисляетъ особия племена Варяговъ, а затѣмъ вездѣ въ лѣтописи мы встрѣчаемъ одно слово: Варяги, безъ всякаго обозначенія, какого они племени. На этомъ основаніи Байеръ весьма произвольно растолковалъ, что это Скандинавы, что лѣтописецъ разумѣетъ здѣсь однихъ Скандинавовъ. Г. Погодинъ въ подтвержденіе собралъ всѣ тексты, гдѣ упоминается слово Варягъ. Но въ текстахъ все-таки не нашлось ни одной строки, сколько нибудь подтверждающей это мнѣніе. Только въ позднее время, въ 13-мъ и въ 16-мъ столѣтіяхъ, когда требовалось прямо упоминать Шведовъ, лѣтописцы объясняютъ, что прежде они назывались Варягами: Зловѣрные и поганые Варяги, которые Шведами нарицаются, говорятъ напр. Сказаніе объ осадѣ Шведами Тихвина монастыря въ 1613 г. Въ свидѣтельствахъ же о 10—12 вѣкахъ вездѣ стоитъ безъ объясненій одно: Варяги.

Это глухое и слишкомъ общее показаніе лѣтописцемъ заставляетъ даже предполагать, не разумѣетъ ли лѣтописецъ въ имени Варяги исключительно одно какое либо ихъ племя, наиболѣе знакомое и наиболѣе извѣстное древней Руси, съ которымъ Русь находилась въ безпрестанныхъ сношеніяхъ, и знала его такъ, что имя Варягъ не требовало уже дальнѣйшихъ поясненій, какіе и откуда были эти Варяги. Повидимому иначе и быть не могло. Нельзя же представить, что и Шведы, и Норвежцы, и Датчане, и Англичане, всѣ какъ одно племя, жили въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ древнею Русью; что всѣмъ имъ, какъ одному племени, Русь платила дань для мира; что всѣхъ ихъ, какъ одно племя, признавалъ на Грековъ Игорь; что ко всѣмъ ихъ, какъ къ одному племени, уходили Владиміръ, Ярославъ и т. п. Очевидно, что для правильнаго объясненія лѣтописныхъ показаній необходимо остановиться не на Скандинавахъ вообще, а на одномъ какомъ либо племени. Исследователи, по близости, остановились на Шведахъ. Вотъ почему такъ вѣроятнымъ кажется, что Русь—князья были призваны изъ Рослагена. Но все основаніе для этого рѣшенія, заключается лишь въ одной вѣроятности, вытекающей притомъ безчисленныя противорѣчія

въ разгадывать объясненіяхъ древней русской исторіи. Летопись не полагаетъ и малѣйшаго намека на Швецію, когда говоритъ о Варагахъ. Правда изъ Исмаиловскихъ Сагъ мы знаемъ, что у первыхъ нашихъ князей находились въ службѣ Шведы, а по указанію Титмара и Дани—Датчане. Но гдѣздили служили и Печеняги и вообще храбрые люди великихъ народовъ. Это еще ни столько не объясняетъ того обстоятельства, каковы Варагамъ платили ни дань ю смерти Ярослава: съ каими Варагами, Новгородцы вели постоянный торгъ: каіе именно Вараги были для Руси въ собственномъ смыслѣ Вараги, то есть домашніе люди, въ землю которыхъ также можно было ходить, какъ юной, или спасаться отъ внутреннихъ усобицъ, или принимая на помощь варяжское войско.

Въ нашей летописи нѣтъ ни прямыхъ, ни косвенныхъ показаній, чтобы таковы были наши отношенія къ ближайшимъ соседямъ, Шведомъ. Напротивъ того, въ теченіи 11-го вѣка, когда летопись становится обстоятельнѣе, она раскрываетъ, что наши связи глупѣе больше всего не къ Швеціи, а къ западу къ ильменскимъ землямъ и къ нашимъ сѣверо-западнымъ, ильменскимъ ильмамъ Нѣмковъ. Мы полагаемъ, что эти связи были тѣсны и основывались на давнихъ нашихъ сношеніяхъ преимущественно съ Балтійскими Славянами, черезъ которые ильменная Европа была намъ гораздо известнѣе, чѣмъ скандинавскія земли Шведовъ и Норвежцевъ. Мы полагаемъ что погѣ именемъ Вараговъ въ собственномъ смыслѣ нашему первому летописцу были известны исключительно Вараги - Славяне, обитатели богатой торговою и коневодною приморскою страной между Одромъ и Эльбой.

Это были такъ сказать основные наши Вараги, всегда жившіе въ Новгородѣ и оставившіе такъ о себѣ память такъ въ изданіи ульма, каковы не одна Варяжская, но и Шетиница или Шетиница, несомнѣнно ведущая свое начало изъ Швеціи, такъ какъ Прусская отъ Прусовъ, равно какъ и другія, о которыхъ будемъ говорить послѣ. О другихъ Варагахъ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ, могущихъ показать давнишнія связи и крѣпкія сношенія съ ними. Въ Новгородѣ объ нихъ не встрѣчается ни малѣйшей памяти. Навъ ни Шведскаго, ни Урманскаго, ни Дат-

скаго, ни Английскаго подворья, ни улицы. Позднѣе въ 13 вѣкѣ, какъ видно изъ Устава о мостовыхъ, живутъ въ немъ Нѣмцы и Готы, но они точно отдѣляются своими именами отъ Веряжанъ, если считать этихъ послѣднихъ или Варягами или жителями прежней Варяжской улицы. Нѣмцы и Готы появляются въ Новгородѣ безъ имени Варяговъ въ то время, когда наши настоящіе, основные Варяги были окончательно можно сказать истреблены тѣми же Нѣмцами и Датчанами. Это случилось къ концу 12-го или въ началѣ 13-го вѣка. Съ тѣхъ поръ и въ нашихъ лѣтописяхъ Варяжское имя совсѣмъ исчезаетъ и остается только украшеніемъ вѣтущаго слога, особенно у писателей витиеватыхъ¹.

Въ первой половинѣ 13-го вѣка, въ 1240 г., Свей, Мурмане, такъ только и называются, безъ имени Варяговъ. Но и въ предыдущее время, лѣтописи, говоря о Варягахъ, всегда разумѣютъ въ этомъ имени какъ бы особый извѣстный имъ народъ, отнюдь не Скандинавовъ, которыхъ они прямо обозначаютъ племенными именами: Готы, Доня (Данія) въ 1130 и 1134 г., Свейскій (а не Варяжскій) князь въ 1142 г.².

¹ Исследования г. Погодина II, 36, 37. Одни эти риторическіе тексты Скандинавомамъ и приводятъ между прочимъ въ доказательство Скандинавства Варяговъ.

² Есть одно для толкованія весьма трудное мѣсто въ Новгородской Лѣтописи подъ годомъ 1188, гдѣ сказано: «Рубоша Новгородцѣ Варязи, на Гѣтѣхъ Нѣмцѣ, въ Хоружьку и въ Новотръщцѣ; а на весну на пустыни изъ Новогорода своихъ ни одного мужа за море, ни съда въдеша Варягомъ, изъ пустыни и всего мира».

Г. Погодинъ разтолковалъ, что живущіе на Голландіи Варяги заточили Новгородцевъ и пр., что Нѣмцы поставлены здѣсь для доисцѣнія Варяговъ. Но можно читать такимъ образомъ: заточили въ тюрьму, въ порубъ, Новгородцевъ Варяги, а въ Готіи (тоже заточили) Нѣмцевъ, въ Хоружку и въ Новотръщцѣ... «Форма Нѣмцѣ есть томѣ вниятельный падежъ, какъ и форма Новгородцѣ. Еще яснѣе въ томъ же смыслѣ это читается въ Академическомъ спискѣ Новгородской лѣтописи, гдѣ о Новгородцахъ не поминается, а только о Нѣмцахъ: «Рубоша Варязи на Хѣтѣхъ Нѣмцѣ въ Хоружьку и в Новотръщцѣ...»

Это мѣсто во всякомъ случаѣ очень важно для объясненія, кто такіе были Варяги. Имена городовъ славянскіа, стало быть, по крайней мѣрѣ Хоружекъ надо искать гдѣ либо въ Славянскомъ поморьѣ.

Вообще всѣ свидѣтельства, собранныя не объ однихъ Варягахъ, а вмѣстѣ и обо всѣхъ сношеніяхъ Новгорода съ Варяжскимъ поморьемъ, очень явственно раскрываютъ, что именемъ Варяговъ въ собственномъ смыслѣ древнѣйшія лѣтописи обозначаютъ особое отъ Скандинавовъ племя, съ которымъ Русь жила, какъ съ своимъ братомъ, въ безпрестанныхъ и тѣсныхъ сношеніяхъ, никогда не вела съ ними войны ополченіемъ, а ссорилась съ ними въ торговыхъ дѣлахъ и называла ихъ тѣмъ, что не пускала въ нихъ своихъ пословъ и гостей. Для этихъ Варяговъ такіе поступки Новгородцевъ бывали хуже всякаго побойща и они обыкновенно прихаживали просить мира и снова устанавливали старыя сношенія, иногда на всей волѣ Новгородской. Такъ случилось въ 1201 г., когда слава Варяговъ уже истреблялась, и когда они приходили въ Новгородъ просить мира даже сухимъ путемъ, горюю, какъ говоритъ лѣтопись. А извѣстно, что въ Новгородъ и Псковъ черезъ Литву издревле ѣзжали купцы изъ Любека, Ростока, Стральзунда, Грисвальда, Штетина и съ Готланда ¹.

Послѣ этого имя Варяговъ въ Новгородѣ смѣняется именемъ Нѣнца, овладѣвшаго, какъ извѣстно, всѣми торговыми оборотами Поморскаго Славянства и изъ его развалинъ создавшаго потомъ Ганзейскій Союзъ. Отчего же имя Варягъ не смѣнилось именемъ Шведа? Оттого, конечно, что съ Швеціею съ древнѣйшаго времени никогда не было особенно тѣсныхъ торговыхъ связей. Въ этомъ случаѣ она стояла на ряду, если еще не на заднемъ планѣ съ другими Скандинавами. Новгородцы ѣзжали торговать и въ Готамъ, и въ Донию — Данію; но не видно, чтобы они таиничъ же образомъ ѣзжали въ Швецію. Изъ всѣхъ свидѣтельствъ, собранныхъ г. Погодинымъ (Ислѣд. 111, 269—271) о торговлѣ съ Скандинавами, выходитъ, что только Скандинавы отправлялись въ Русь за покупками, а сами Русскіе къ нимъ не ѣздили. И это очень понятно и естественно. Новгородъ нисколько не нуждался въ шведскихъ товарахъ, ибо самъ имѣлъ такіе же и еще лучше. Напротивъ Швеція и весь сѣверъ очень нуждались въ товарахъ Новгорода, потому что черезъ него шли товары византійскіе и

¹ Карана. IV, пр. 279. Грамота Гединана 1323 года.

азиатскіе, которыхъ сѣверъ ближе и сѣвѣ: дешевле нигдѣ не моръ достать.

Въ латонскихъ сохранилось только одно извѣстіе о древнѣйшихъ нашихъ отношеніяхъ къ Швеціи. Въ 1142 г. шведскій князь, еще епископомъ, въ 60 лодкахъ напалъ на Новгородскихъ гостей шедшихъ „изъ за моря“ въ трехъ ладьяхъ. Однако послѣ битвы онъ ничего не успѣлъ, и только потерялъ своихъ полтораста человекъ. Все это опять очень естественно, ибо богатство всегда оставалось на сторонѣ Новгорода, а промыслъ разбойный на сторонѣ Скандинавовъ.

Съ Шведами, и Мурманами, какъ съ ближайшими соседями, точно также, какъ потомъ съ Ливонскими Нѣмцами у Новгородцевъ всегда существовало больше вражды, чѣмъ мира. Вражда безпрестанно поднималась изъ за границъ, изъ-за владычества надъ Чудскими, Корельскими и другими Финскими племенами, которыя обитали такъ сказать между двухъ огней, между Русью и Скандинавіей. Известно, что и въ позднее время добрые и простодушные Корелы и Лапонцы платили дань и Мурманамъ и Русскимъ. Изъ за этой дани несомнѣнно еще съ глубокой древности шла борьба между Новгородомъ и заморскими Свееми и Мурманами. Очевидно, что Славянскія сношенія съ ихъ краемъ никогда не могли быть искренни и особенно дружески-любны. Не въ этой сторонѣ, слѣдовательно, жили тѣ Варяги, которые бывали въ Новгородѣ домашними людьми.

Вообще изъ тѣхъ же самыхъ доказательствъ о Скандинавствѣ Варяговъ, собранныхъ во множествѣ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, несколько не выясняется, чтобы Варяги были Скандинавы. На основаніи тѣхъ же свидѣтельствъ ихъ можно и должно признать Славянами, такъ какъ имя Варягъ, обозначая всѣхъ обитателей Балтійскаго моря, необходимо должно обозначать какое либо одно изъ племя. Такимъ племенемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, были Балтійскіе Славяне, жившіе въ той странѣ, гдѣ Несторъ прямо указываетъ и мѣсто нашей Руси, которую онъ весьма точно отдѣляетъ отъ всѣхъ Скандинавовъ.

Это лучше всего подтверждается показаніями самого Нестора, гдѣ онъ говоритъ о разселеніи въ Европѣ Асегова племени. Переходя къ нашей странѣ, онъ пишетъ: „Въ Асе-

товъ же части сдѣять: Русь, Чудь и вси языцы“, т. е. Чудскіе, которыхъ перечисляетъ по именамъ и оканчива-етъ Литвою и прибалтійскими чудскими племенами. Дойдя до моря, онъ именуетъ Поморьевъ, говоря: Ляхове, Прусь и Чудь присвѣять къ морю Варяжскому. Здѣсь въ первый разъ онъ упоминаетъ это море, и продолжаетъ, какъ бы поясняя сво имя: „По сему же морю сдѣять, присвѣять Варязи, сюда, къ востоку, до предѣла Сямова (то есть до предѣла Азіи, до Дона, Волги и Каспійскаго моря). По тому же Варяжскому морю сдѣять Варяги къ западу до земли Агнянски (Англосакской) и до Волошьски, т. е. до Галліи - Франціи“. Ясно что Несторъ, указывая мѣсто жительства Варяговъ, разумѣетъ южное балтійское Поморье, гдѣ сдѣять Чудь, Прусь, Ляхове, Варяги до Англіи (материковой) и до Франціи, все также по матеріку.

Послѣ того, идя по порядку, онъ перечисляетъ всѣхъ другихъ европейцевъ, начиная съ извѣстныхъ уже ему Варяговъ, на которыхъ остановился, и говоря: „Аѳетово бо и то крѣпко: Варязи“. Потомъ, указавъ именемъ Варяговъ конецъ балтійскаго южнаго берега, онъ обращается къ восточному концу сѣвернаго берега и продолжаетъ исчисленіе: „Свеп, Урмане, Готъ, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва, Римляне, Нѣмци, Корязи, Венъдици, Фрягове и прочіе, которые присвѣять отъ запада къ полудню, къ югу“, и сосѣдять съ племенемъ Хамовымъ (въ Африкѣ).

Норманисты имя Варяги ставятъ лишь объясненіемъ Шведовъ, Урманъ, Готовъ и пр. Но это чистый произволъ и наклоненіе лѣтописнаго свидѣтельства на сторону своего пристрастія. Несторъ селенія Варяговъ распространяетъ на востокъ до Азіи, и на западъ до Англосаксоніи. Возможно ли такъ распространить на востокъ Скандинавское племя? Пусть укажутъ, въ какомъ мѣстѣ скандинавскія селенія доходили до Азіи. Между тѣмъ Славянское племя занимало именѣ всю линію, указанную лѣтописцемъ; изъ чего можетъ сдѣлать одинъ выводъ, что Варяги Нестора прежде всего были племя Славянское, что Варяжское море значило Славянское море, что Скандинавы назывались у насъ Варягами только потому, что жили на томъ же Варяжскомъ морѣ; что собственная страна Варяговъ по прямому разумѣнію лѣтописца находилась на южномъ побережьи моря,

въ западу за Лихани, и протягивалась по матерку до Англосаксонской земли и до Франціи.

Если на переводъ простому смыслу; летописи, будемъ толковать ея показанія иначе, то встрѣтимъ, какъ и встрѣчаютъ норманисты, непреодолимыя противорѣчія, заставляющія раздвинуть Варяжское море до Испаніи, а на востокъ до Волжской Болгаріи и даже до Китая¹; заставляющія почитать Варягами всѣхъ европейскихъ Поморцевъ до Адриатики; заставляющія почитать точныя свидѣтельства Нестора на равнѣ съ фантастическими неувѣрными свидѣтельствами нѣкоторыхъ арабскихъ, да и то позднѣйшихъ писателей.

Такииъ способомъ это замѣчательно-точное и ясное мѣсто летописи норманисты затемнили своимъ пристрастнымъ толкованіемъ.

Почему Несторъ не рассказываетъ еще съ большею точностью о странѣ Славянъ-Варяговъ, не указываетъ ея мѣсть и городовъ по имени и ограничивается только однимъ словомъ: Варяги, это можно объяснить только очень близкимъ его знакомствомъ съ Славянами-Варягами, по которому ни въ одномъ случаѣ онъ не почиталъ надобнымъ входить въ подробности, въ свое время всѣмъ извѣстныя. При словѣ Варягъ, и онъ, и вся тогдашняя знающая Русь, очень хорошо понимали, какой это народъ и въ какой странѣ онъ живетъ, такъ какъ и мы теперь при словѣ Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, не почитаемъ надобнымъ объяснять подробно, что это за народы и въ какихъ странахъ они живутъ. Мы видѣли, что не слишкомъ извѣстныхъ Шведовъ, Датчанъ летопись прямо объясняетъ ихъ же именами; не прибавляя имени Варягъ. Напротивъ того, при имени Варягъ, она ни въ одномъ случаѣ не дѣлаетъ никакого поясненія.

Еще въ первой половинѣ 16-го вѣка австрійскій посолъ въ Москву, Герберштейнъ, въ своихъ Запискахъ о Московіи предложилъ слѣдующее рѣшеніе мудренаго вопроса, откуда бы могла производти наша Русь? Не узнавши ни-

¹ Г. Погодинъ. Исследования II, стр. 7, 10.

чего ни въ нашихъ летописей, ни изъ разговоровъ съ тогдашними знающими Русскими людьми, кто были славяне Варяги, приванные къ намъ на княженіе, онъ говорить: „Основываясь на томъ, что Балтійское море называется у русскихъ Варяжскимъ моремъ, думалъ я, что и князья ихъ, не сосѣдству, были или изъ Швеціи, или изъ Даніи, или наконецъ изъ Пруссіи. Но такъ какъ, смежная съ Любичемъ (Любеномъ) и герцогствомъ Голцацкимъ (Голштейнъ) Вагрія была некогда у Вандаловъ однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ городовъ и областей, такъ что и Балтійское море, по мнѣнію некоторыхъ, отъ ней получило свое названіе, а это море и донынѣ у Русскихъ сохранило названіе Варяжскаго моря,—и какъ, сверхъ сего, Вандалы въ то время были сильны и считались Русскимъ въ родствѣ (по славянству) и по языку, и повѣрѣ, и по обычаямъ; то мнѣ кажется вѣроятнѣйшимъ, что Русскіе призывали къ себѣ князей изъ Вагровъ или Варяговъ, а не изъ иноземцевъ, несходныхъ съ ними ни вѣрою, ни нравами, ни языкомъ“.

Такъ разсуждаетъ Герберштейнъ въ своей книгѣ, изданной уже гораздо послѣ его возвращенія изъ Россіи. Но онъ самъ же пишетъ, что, разсуждалъ объ этомъ, когда былъ въ Москвѣ, съ тогдашними Москвичами, и въ первое время, стало быть еще въ Москвѣ, думалъ, что наши князья могли придти изъ Швеціи, Даніи или изъ Пруссіи.

Такимъ образомъ толки о происхожденіи Руси, послѣ Кіевскихъ толковъ при Несторѣ, чрезъ нѣсколько столѣтій, возникли снова уже въ Москвѣ. Точно также и въ это время они не остались безъ слѣда въ нашей письменности. По всему вѣроятію, на основаніи этихъ разсужденій и толковъ, тогдаже сочинена басня о призваніи Рюрика отъ племени Пруссова, и что этотъ Прусь былъ братъ римскаго кесаря Августа, что отъ него прозвалась Прусская земля и т. д. Тогда, какъ извѣстно, сочинялась въ Москвѣ въ замѣнъ летописей, Русская Исторія. По мыслямъ и потребностямъ времени она сочинялась съ цѣлью возвысить и прославить царскій родъ и по этому была обработана по степенямъ царскаго родословія, отчего и получила названіе Степенной Книги.

Въ этой первой Русской Исторіи заняла свое мѣсто и упомянутая басня, вполне удовлетворившая своимъ сказаніемъ перваго нашего царя Ивана Васил. Грознаго, крѣпко вѣровавшаго, что онъ не мужичій родъ, каковымъ по его мнѣнію былъ современнѣйшій ему шведскій король, а происходитъ онъ по прямой линіи отъ крови римскихъ кесарей, то есть отъ царской крови.

Повидимому, Герберштейнъ, оставивши на Руси догадку о происхожденіи нашихъ князей изъ Пруссіи, послѣ уже, когда воротился домой, додумался, что вѣроятнѣе всего они могли происходить изъ Вагріи. Въ началѣ 18-го столѣтія, при Петрѣ, эта догадка была довольно обстоятельно развита неизвѣстнымъ изслѣдователемъ, который свои соображенія, быть можетъ по изысканіямъ Лейбница, опиралъ главнымъ образомъ на сказанія Гельмольда и, что еще важнѣе, на географическихъ именахъ земель и водъ; раскрывавшихъ полное славянство всего южнаго Балтійскаго Поморья. Какъ видѣли, въ этомъ же направленіи разсуждали, и Тредьяковскій, и Ломоносовъ, который весьма здраво и очень вѣрно объяснивши, что такое были Варяги, развиваетъ однако мысль той же Степенной Книги и доказываетъ только, что ея Пруссы были Славяне, такъ какъ все это Поморье до самой Вагріи (Голштиніи) населено было Славянами. Байеръ, конечно, отвергъ славянскую догадку Герберштейна, какъ не подходящую къ нѣмецкимъ воззрѣніямъ.

Однако, не смотря на нѣмецкую ученость, совѣтъ затмившую всѣ противоположныя ей мнѣнія, не ученая, а простая разсудительная мысль о славянскомъ происхожденіи Руси не угасала. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда нѣмецкое байеровское ученіе о Скандинавствѣ торжествовало въ полной мѣрѣ и при горячей помощи г. Погодина не пропускало безъ опроверженія ни одного противнаго слова, славянское ученіе въ лицѣ Каченовскаго, Венедина, Максимовича и другихъ, невольно склонялось къ мнѣнію Герберштейна и приводило по временамъ новыя соображенія и подтвержденія въ пользу славянства Руси. Къ сожалѣнію, никто изъ названныхъ писателей и ихъ продолжателей не посвятилъ этому вопросу особаго изслѣдованія, хотя бы въ совмѣстность съ изслѣдованіемъ „о про-

исхожденіи Руси“ г. Погодина. Преждевременная кончина Венедина остановила критику его „Скандинавомані“, на самой важной и любопытной строкѣ.

Надо сказать, что самъ г. Погодинъ нѣсколько времени находился подъ вліяніемъ мнѣнія о славянствѣ Руси выстъ съ Вагирствомъ Каченовскаго. „Но лишь только оборотился вновь къ источникамъ, то и утвердился въ прежнихъ своихъ мысляхъ“¹. Значитъ славянская мысль была мечта, не имѣвшая никакой почвы въ источникахъ. Г. Погодинъ такъ-таки прямо и называетъ ее пустословіемъ. Къ сожалѣнію, досточтимый ученый оборотился только къ однимъ скандинавскимъ источникамъ и оставилъ безъ разсмотрѣнія и безъ надлежащаго вниманія источникъ, въ которыхъ очень многое наравнѣ съ Скандинавами говорилось и о Славянствѣ.

Изъ темнаго лѣса скандинавскихъ источниковъ, конечно, ничего нельзя было вѣрно разсмотрѣть и въ нашей лѣтописи. Еще Максимовичъ, весьма просто и ясно читавшій лѣтопись, настаивалъ, что Несторъ, назвавши въ числѣ Варяговъ Русь, вовсе не даетъ ни малѣйшаго свидѣтельства, чтобы всѣ Варяги были непременно Скандинавы и что повтому изъ словъ Нестора вовсе не слѣдуетъ, что его Русь были Скандинавы. „Нѣтъ, очень слѣдуетъ, отвѣчаетъ г. Погодинъ, ибо Несторъ не говоритъ только, что Русь была Варяги, но что Русь была такіе же Варяги, какъ Шведы, Англичане, Норвежцы“. Мы уже видѣли, какаѣ сила логики заключается въ этомъ объясненіи.

„Допускаемъ, продолжаетъ г. Погодинъ, что Русь-Рюгенъ. Варяги-Вагиры и все, что вамъ угодно. Гдѣ же доказательство, что оттуда призваны были князья? Утвержденіе ваше совершенно произвольно“. Но гдѣ же доказательство, что князья были призваны изъ Скандинавіи, изъ Швеціи? Это усердное, вѣнковое отыскиваніе тамъ Руси и утвержденіе, что она именно тамъ находилась, еще больше произвольно, потому что не имѣетъ ни малѣйшей опоры въ словахъ лѣтописи и опирается только частію на исландскія сказки, частію на произвольномъ толкованіи однимъ скандинавскимъ

¹ Исследования II, 184, 213.

языкомъ очень перенорменныхъ Русскихъ или Славянскихъ именъ.

„Неужели, настаиваетъ г. Погодинъ, (какъ только) имена были призваны, то съ страдою ихъ уничтожилось живое сношение? Съ чѣмъ это сообразно? А у насъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминованія ни о Рюгенѣ, ни о Вагиряхъ-Славянахъ, никакого слѣда сношеній, знакомства. Точно такъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминованія о насъ въ памятникахъ Рюгенцевъ, Вагировъ, хотя они въ то время получили уже лѣтописателей, напр. Гельмольда“. Но неужели все это правда? Кое что о нашей странѣ упоминаетъ Гельмольдъ и другіе западные писатели средняго вѣка. О нашихъ сношеніяхъ съ Варягами довольно упоминаетъ Несторъ, называя ихъ только однимъ именемъ Варяги и не обозначая ихъ городовъ. Попробуйте въ этомъ имени разумѣть однихъ Славянъ, но отнюдь не Скандинавовъ, и тогда все объяснится какъ нельзя лучше и не встрѣтится ни одного противорѣчія именно такому, а не иному пониманію, кто были для нашего лѣтописца настоящіе Варяги. Рюгенцы и Вагиры къ несчастію не оставили ни лѣтописей, ни сагъ въ родѣ Исландскихъ. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: развѣ были направлены на Рюгенъ и Вагировъ такіе же старательныя и внимательныя до самыхъ мелочей изслѣдованія, какія были направлены на Русь шведскую, и вообще скандинавскую; развѣ самъ г. Погодинъ разслѣдовалъ этотъ вопросъ въ настоящей мѣрѣ, параллельно съ скандинавствомъ? О важнѣйшемъ предметѣ, напр., о Русской торговлѣ съ Балтійскими Славянами, онъ говоритъ мимоходомъ въ нѣсколькихъ строкахъ; и если въ спорахъ доказываетъ, что „Славяне тамъшіе, сосѣди Датчанъ, были во многихъ смыслахъ Норманнами“, то это доказательство призоидитъ только въ подтвержденіе, что всѣ Варяги были Скандинавы¹.

„Всѣ вы раздѣляете Варяговъ и Русь, оканчиваетъ г. Погодинъ, между тѣмъ какъ ихъ раздѣлять ни можно, образовать нельзя: Русь была видъ, а Варяги родъ. Войной русской былъ Варягъ, какъ всякій Саксонецъ есть Нѣмецъ, или Цигарецъ—Французъ“. Но какимъ же образомъ мы ведемъ

¹ Изсл. Ш. 268. Рус. Истор. Сборникъ 1, кн. 3, стр. 114.

нимъ икъ раздѣлить, когда первый ихъ раздѣлилъ Несторъ, и раздѣлилъ именно для того, чтобы отдѣлить отъ прочихъ Варяговъ свою родную Русь. Эт ихъ однихъ Варяговъ онъ называлъ Русскими Варягами; быть можетъ въ томъ именно смыслѣ, что они были Славяне! Повторяемъ, что признавать Варяговъ за однихъ Скандинавовъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ разсудительно говорить, что всякій европеецъ есть Нѣмецъ. Имя Варяги было общее географическое имя Балтійскому Поморью, гдѣ по южному берегу жили одни Славяне, да Пруссы, да Чудь. Въ самой дѣйствительности это было такое же имя, какъ Европа, Европеецъ; какъ въ древности Скиѣ, Сарматы, даже Германецъ, ибо страна отъ запада до Вислы все была Германія, хотя въ ней жило множество Славянъ.

Какъ только поплыли Новгородцы за море къ Варягамъ привывать князей, такъ летописецъ и почитаетъ необходимымъ въ точности указать то племя, къ которому направлялся ихъ путь.

Намъ кажется, что въ этомъ незамѣтномъ на взглядъ указаніи Нестора о раздѣленіи Варяговъ на племена находится истинный ключъ къ правильному уразумѣнію всѣхъ его свидѣтельствъ о Варягахъ-Руси, тѣхъ свидѣтельствъ, которые нѣмецкая школа усиленно и съ большими натяжками старается растолковать по нѣмецкимъ воззрѣніямъ. „Но для чего нужно подобное предположеніе (о славянствѣ Варяговъ) въ наукѣ?“ спрашиваетъ г. Соловьевъ. „Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ“, заключаетъ уважаемый историкъ¹.

Именно такое предположеніе вырастаетъ само собою, какъ скоро изыскатель освобождается отъ норманскаго призрака. Такое предположеніе нужно для восстановленія правды въ первоначальной Русской исторіи. При свѣтѣ этой правды исчезаютъ, какъ дымъ, всѣ безвыходныя противорѣчія, нанесенныя въ нашу исторію только ученіемъ о скандинавствѣ Руси, и вполнѣ объясняются всѣ послѣдующія явленія Русской жизни, которыхъ никакъ нельзя объяснить прославленнымъ скандинавствомъ. Уважаемый авторъ, говоря о

¹ Исторія Россіи I, 84, пр. 143, 147, перваго издавія.

скандинавскомъ мѣстѣ, что оно основывается на очевидности, самъ же объясняетъ, что изъ остальныхъ летописныхъ свидѣтельствъ никакъ не видно, чтобы Варяги были одни Скандинавы. Вся его очевидность основывается только на толкованіи въ скандинавскую сторону всѣхъ и всякихъ свидѣтельствъ.

Нѣмецкая школа, толкуя безпрестанно объ однихъ только Варягахъ-Скандинавахъ, успѣла вселить въ умы, что на Балтійскомъ морѣ, какъ будто никто и никогда не жилъ, кромѣ Скандинавовъ. Она же убѣдила всѣхъ, что по этому Варяжскому морю плавали и хозяйничали только одни Норманны-Скандинавы и никто другой; что Славяне вообще всѣ безъ исключенія и всегда были народомъ сухопутнымъ, тихимъ, смиреннымъ, чуть не боязливымъ, такъ что и по морямъ не плавали. Все это мы крѣпко затвердили еще на школьныхъ скамьяхъ и потому никакъ не рѣшаемся даже подумать о томъ, чтобы Славяне, живя при моряхъ, могли тоже плавать въ корабляхъ по морю. Однако западные же летописцы рассказываютъ совсѣмъ другое. На основаніи ихъ свидѣтельствъ, г. Геденовъ очень справедливо заключаетъ, что „какъ на берегахъ Адріатики и Средиземнаго моря, Славяне адріатическіе, такъ на берегахъ Сѣвернаго и Балтійскаго, Славяне вейдскіе отличались непрерывными походами и морскими предпріятіями. Имя Норманновъ“, прибавляетъ г. Геденовъ въ другомъ мѣстѣ, „еще не проникало въ Европейскую исторію, когда Русскіе и Дунайскіе Славяне ходили моремъ въ Византію, Хорутанскіе или Хорваты опустошали своими набѣгами берега Адріатики. О морскихъ войнахъ балтійскихъ Славянъ съ Норманнами, говоритъ г. Геденовъ, находимъ безчисленные свидѣтельства въ Скандинавскихъ Сагахъ, у Адама Бременскаго, Гельмольда, у біографовъ св. Оттона, Саксона Грамматика“ и т. д., которые вообще о Славянахъ рассказываютъ тоже самое, что мы привыкли приписывать исключительно однимъ Норманнамъ.

Тѣже свидѣтельства сверхъ того объясняютъ, что почти во всѣхъ норманскихъ набѣгахъ участвовали и Славяне, чего и слѣдовало ожидать, по сожитію на одномъ морѣ; и

особенно, если походы предпринимались противъ какой либо слабой и богатой страны: тогда сосѣды моряки конечно даже по необходимости вступали въ союзъ, чтобы уравнять свои силы съ силами врага и раздѣлить вѣсть добычу.

Всѣ подобныя заключенія, вовсе непринятые въ соображеніе при изслѣдованіи, что такое были Варяги, вполне подтверждаетъ именно Исторія Балтійскихъ Славянъ, раскрываемая единственно только свидѣтельствами западныхъ средневѣковыхъ писаній, по большой части даже враждебныхъ къ Славянамъ, какъ къ язычникамъ¹.

Изъ этой исторіи мы узнаемъ, что самое крайнее на западъ славянское племя въ тоже время было и самымъ передовымъ въ борьбѣ съ Германцами. Это племя жило въ углу Балтійскаго моря, гдѣ и теперь остаются его старыя онемеченныя города, Ольденбургъ, прежній Старградъ, Висмаръ-Все-міръ, Любекъ. Оно называлось Ваграми, Вагирами. Вотъ что говоритъ о Ваграхъ Гельмольдъ, писатель 12 вѣка: „Городъ Альденбургъ, тотъ самый, который по славянски называется Стары-градъ, т. е. Старый городъ, лежитъ въ странѣ Вагровъ, на западномъ берегу Балтійскаго моря, и составляетъ крайній предѣлъ Славіи (славянской земли). Этотъ городъ и вся страна Вагрская въ старину населены были самыми храбрыми людьми, потому что, стоя впереди всѣхъ славянскихъ народовъ и гранича съ Датчанами и Саксами, Вагры всегда первые и направляли военное движеніе на сосѣдей, и принимали на себя ихъ удары“. Гельмольду рассказывали, что „Вагры нѣкогда господствовали надъ многими даже отдаленными Славянскими народами“. Ихъ сосѣди Нѣмцы, Англо-Саксы, хотя и были уже христіане, но предавались также грабежу и разбою: кто не умѣлъ у нихъ ходить на разбой, тотъ почитался глупымъ и безславнымъ. Такое сосѣдство конечно держало и Вагровъ въ тѣхъ же самыхъ нравахъ. Кромѣ того другіе сосѣди, Датчане, разбойничали по морю, въ чемъ нисколько не уступали имъ и Вагры. Въ этомъ разбойномъ углу Балтійскаго моря трудно было указать, кто былъ первый разбойникъ.

¹ Собраніе сочиненій А. Гельбердинга, т. IV, Исторія Балтійскихъ Славянъ.—Позабвеніе Славяне А. Павнискаго.

Вагры обладали островомъ Фемброу, и отсюда распространяя свои набѣги, такъ что ихъ приморская область называлась Славянскою Морскою областю. Гельмольдъ такъ описываетъ разбойниковъ Славянъ: „Данія, состоя по большей части изъ острововъ и окруженная водами, не легко можетъ уберечься отъ нападений морскихъ разбойниковъ, потому что въ изгибахъ ея береговъ необыкновенно удобно скрываться Славянамъ: выходя тайкомъ изъ засады, они наносятъ ей внезапные удары. Вообще же Славяне въ войнѣ успеваютъ наиболѣе своими засадами. И оттого даже въ недавнее время разбойническая жизнь между ними такъ усилилась, что, пренебрегая всѣми выгодами хлѣбопашества, они вѣчно были готовы къ морскимъ походамъ и набѣдамъ, надѣясь на свои корабли, какъ на единственное средство къ обогащенію.... На нападенія Датчанъ они не обращаютъ вниманія и даже считаютъ особеннымъ наслажденіемъ съ ними биться“.

Таковы были Вагры, иначе Варги, занимавшіе ту страну, гдѣ древніе географы помѣщаютъ Варновъ, Вариновъ, Врановъ, отъ которыхъ, какъ еще думали во времена Герберштейна, въ самомъ дѣлѣ Балтійское море могло прозываться Варяжскимъ. Въ Скандинавскомъ языкѣ *vatgr* значитъ волкъ, разбойникъ, бѣглець, воръ, хищникъ; поэтому можно заключить, что страна Вагровъ, вмѣсто Варновъ, была такъ прозвана самими Скандинавами и что этотъ славянскій балтійскій уголъ уже въ глубокой древности почитался у Скандинавовъ разбойнымъ гнѣздомъ. Вагры особенно гнѣздились, какъ сказано, на островѣ Фембрѣ, теперь Фемерь.

Другое разбойничье славянское гнѣздо находилось на островѣ Рюгенѣ. Адамъ Бременскій объ этихъ двухъ островахъ Фембрѣ и Рюгенѣ пишетъ, между прочимъ, что они наполнены пиратами и кровавыми разбойниками, не дающими никому проѣзду, ни пощады. Пльнныхъ, которыхъ другіе продаютъ, они убиваютъ. Однако есть указанія, что Славяне вообще такъ поступали только съ иноплеменниками и щадяли своихъ родичей.

Затѣмъ славялись тѣми же предпріятіями и жители острововъ въ устьѣ Одера, Велеты или Лютичи, имя которыхъ по славянски означало тѣхъ же Вагровъ, лютыхъ волковъ, разбойниковъ. Имя Велетовъ больше всего звучало, говорить

Шафарики, въ теченіи четырехъ столѣтій, съ 798 г. по 1157 г. Даже Балтійское море называлось иногда по ихъ имени Велетскимъ.

Вотъ тѣ острова океана, о которыхъ носились темные слухи у писателей первыхъ шести вѣковъ нашего лѣтосчисленія. Острова конечно лучше всего способствовали для устройства исключительно мереходной жизни и потому естественно, что они всегда были такъ сказать гнѣздами морскихъ вѣтраей. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ другихъ береговыхъ мѣстахъ, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, существовало тоже, что и на островахъ. Такъ о Поморьяхъ, собственно жившихъ между Одрю и Вислою, одинъ писатель говоритъ, что это были „люди опытные въ войнѣ на сушѣ и на морѣ, привыкшіе жить грабежомъ и добычею, неукротимые по врожденной свирѣпости“. Гельмольдъ, говоря вообще о балтійскихъ Славянахъ, заключаетъ, что „все это народъ, преданный служенію идоловъ, всегда буйный и безпокойный, ищущій добычи въ морскомъ разбоѣ, вѣчный врагъ Датчанамъ и Саксамъ (Нѣмцамъ)“.

Вообще изъ всѣхъ западныхъ свидѣтельствъ выясняется одно, что балтійскіе Славяне были воинственны, храбры, свирѣпы, люты, и что въ этихъ качествахъ первое мѣсто между ними принадлежало Велетамъ—Лютичамъ, о которыхъ даже Англичане въ 11-мъ вѣкѣ знали, „какъ о народѣ самомъ воинственномъ на сушѣ и на морѣ“, а Итальянцы говорили, что они „изъ всѣхъ народовъ Германіи самый жестокой, который свирѣпѣе всякой свирѣпости“.

„Славянамъ, говоритъ Гельмольдъ, была врожденна свирѣпость, ненасытная, неукротимая, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ, на сушѣ и на морѣ“.

Однако всѣ эти свирѣпыя краски, которыми западные писатели изображали балтійскихъ Славянъ, рисуютъ вовсе не то, что Славяне были свирѣпы въ самомъ дѣлѣ изъ одной природной свирѣпости. Здѣсь попросту выясняется только настоящее качество ихъ характера. Видно, что они никакой обиды не прощали и умѣли себя защитить во всѣхъ углахъ своего моря. Главный промыселъ всего Славянскаго населенія состоялъ вовсе не въ разбоѣ и не въ грабежѣ. Они усердно занимались земледѣіемъ и еще болѣе торговлею. Вести торговлю посреди скандинавскихъ разбойниковъ ко-

нечто небыло возможности безъ того, чтобы самому не сдѣлаться такимъ же свирѣпымъ грабителемъ, и тѣмъ болѣе, что вообще тогдашній купецъ иначе ничего не могъ ни продать, ни купить, какъ держа въ одной рукѣ товаръ, а въ другой мечъ.

И мы видимъ, что эти же самые лютые Лютичи—Велеты, свирѣпѣйшіе всякой свирѣпости, составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ средоточіе всей балтійской торговли.

Дѣйствительно, отличные, отважные и неустрашимые мореходцы, прибалтійскіе Славяне еще больше славились своею торговлею и земледѣльческимъ богатствомъ своей страны.

Въ этомъ они стояли несравненно выше Норманновъ—Скандинавовъ, владѣвшихъ скудною природою, которая, собственно, и вытѣсняла ихъ на морской разбой.

О славянской же землѣ современные свидѣтели говорятъ, что въ сѣверной нѣмецкой Европѣ это была земля обтраванная, въ которой недоставало развѣ только винограду, яблони и маслинъ. Всего въ ней было вдвоѣ. Но довольство заключалось не въ однихъ природныхъ богатствахъ страны, въ родѣ рыбы, звѣря и т. п., а главнымъ образомъ оно заключалось въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя прямо показывали, что земля находится въ рукахъ хозяйскихъ и обрабатывается въ сильной степени¹.

Въ самомъ дѣлѣ, изысканія о древностяхъ балтійскихъ Славянъ, приводятъ къ тому рѣшенію, что въ 9 и 10 вв. не было страны на сѣверѣ Европы болѣе населенной и лучше воздѣланной именно относительно обработки полей. Такимъ образомъ главная сила славянскаго балтійскаго Поморья заключалась въ земледѣліи, какъ и вездѣ, во всѣхъ краяхъ, населенныхъ Славянами.

„Здѣсь, говоритъ Кледенъ, существовала дружная благотворная связь между большимъ скотоводствомъ, обработкою полей и содержаніемъ луговъ, такъ что, по крайней мѣрѣ, по извѣстіямъ позднѣйшихъ спутниковъ поморскаго проповѣдника Оттона, въ открытыхъ поляхъ находились овощи всѣхъ родовъ“.

¹ Истор. и Стат. Сборникъ Валуева М. 1845. Розысканія Кледена о Славянахъ въ бранденбургской области.—Сочиненія Гильебердинга, IV. А. Котляревскаго: Древности права и Книга о древностяхъ и исторіи Балтійскихъ Славянъ, Прага, 1874.

„Повсюду въ то время носилась молва о плодородіи земель славянскихъ, о всеобщемъ тамъ изобиліи и избыткѣ. Священники, прошедшіе Вендскую землю, не находятъ словъ для ея прославленія. Въ жизнеописаніи св. Оттона очевидцы рассказываютъ слѣдующее:

„Въ морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ невѣроятное множество рыбы: цѣлый возъ сельдей можно купить на пѣенингъ; всѣ области населены дичью, буйволами, оленями, дикими и домашними свиньями, медвѣдями и великимъ числомъ дикихъ звѣрей всякаго рода; великое вездѣ обиліе коровьяго масла, овечьяго молока, бараньяго жира, огромное количество меда, пшеницы, проса, мака, наконецъ овощей всякаго рода. Рабочихъ лошадей было множество. По изобилію всякихъ плодовъ можно было бы принять эту землю за обѣтованную, нѣтъ только вина, оливноваго масла и финиковъ“.

Съ другой стороны Вендская земля, находясь въ самой срединѣ европейскаго материка у сѣвернаго моря, занимала чрезвычайно выгодное положеніе для торговли на всѣ стороны. Море открывало свободный путь на сѣверъ, на востокъ и западъ; рѣка Одра протягивала сообщенія къ Дунаю и стало быть къ Адриатическому и къ Черному морямъ.

Естественно, что на этомъ славянскомъ Поморьѣ очень рано должна была сложиться предприимчивая торговая жизнь, которая устроила здѣсь много значительныхъ городовъ. Морская торговля отсюда направлялась и въ Скандинавію, и на нашъ сѣверъ, какъ и на западъ и югъ, вокругъ материка, поэтому и торговое развитіе шведскаго угла еще съ самаго начала во многомъ должно было зависѣть отъ этого славянскаго Поморья. Сѣверныхъ людей сюда особенно могло привлекать хлѣбное довольство страны, несомненно служившей кормилицею для всего Варяжскаго моря, такъ точно, какъ нашъ русскій югъ былъ кормилицею для древнихъ Грековъ. Даже и во время Ганзы, Норвегія и Швеція получали отсюда хлѣбъ въ зернѣ и печеный, муку, пиво, вино.

До Крестовыхъ походовъ вся торговля средней Европы съ Востокомъ шла черезъ славянское Поморье, если не была исключительно въ его рукахъ. То, что въ послѣдствіи стало извѣстнымъ подъ именемъ Ганзейскаго Союза было только

продолженіемъ стараче и по преимуществу славянскаго торговаго движенія на Балтійскомъ морѣ.

Центральнымъ мѣстомъ славянской торговли еще въ 11 вѣкѣ былъ Воллинъ, о которомъ Адамъ Временскій разсказываетъ, что это былъ „знаменитѣйшій городъ, славная торговая пристань варваровъ (язычниковъ) и Грековъ“, то есть Русскихъ—христіанъ греческаго исповѣданія. Онъ дальше говоритъ, что Воллинъ—величайшій изъ городовъ Европы, что въ немъ живутъ Славяне и другія племена греческія (Русскія) и варварскія; что и Нѣмцямъ—Саксамъ дано право жить въ этомъ городѣ, но съ условіемъ не объявлять себя христіанами, почему можно заключить, что западное, не греческое христіанство, преслѣдовалось въ этомъ явчскомъ городѣ, и что онъ допускалъ у себя христіанство только греческое, по братству съ Русскими. Это было во второй половинѣ 11 вѣка, и это одно свидѣтельство вполнѣ раскрываетъ, въ какихъ тѣсныхъ братскихъ связяхъ находились западные Поморяне съ восточными Руссами.

О городѣ разносились большая и почти невѣроятная молва. Онъ былъ богатъ всякими товарами сѣверныхъ народовъ и чего ни пожелаешь рѣдкаго или пріятнаго, въ немъ все можно было найти. Тамъ есть, говоритъ Адамъ, Вулкановъ горшокъ, который жители называютъ греческимъ огнемъ. Ученые объясняли, что это говорится о вулканахъ острова Исландіи. Если это такъ, то въ разсказахъ о Воллинѣ соединились стало быть всѣ чудеса сѣвера вообще.

О самомъ морѣ Адамъ разсказываетъ, что въ предѣлахъ Воллина оно обнаруживало тройственныя свойства Нептуна, ибо островъ, на которомъ стоялъ Воллинъ, былъ окруженъ тремя морями, одно было сѣвсѣмъ зеленое, другое бѣловато, третье свирѣствовало въ непрерывныхъ буряхъ и страшно волновалось. Въ этой троицѣ нельзя не узнать тѣхъ предѣловъ плаванія Воллинцевъ, о которыхъ вѣроятно они много разсказывали людямъ небывалымъ. Это были Балтійское море и Атлантическій океанъ, бурный вдоль береговъ Норвегіи и зеленый вдоль береговъ Франціи и Испаніи.

Изъ Воллина, говоритъ Адамъ, суда ходили по Одрѣ къ устью Пены и къ Ругамъ; отъ нихъ суда плавали къ востоку на Прусскій берегъ; на западъ—въ Шлезвигъ и Аденбургъ; а на дальній востокъ въ 14 дней отъ Волли-

на они достигали Русскаго Острограда-Новгорода. Сухимъ путемъ на седьмой день ходили до Эльбы, въ Гамбургъ.

Ко всему этому Адамъ прибавляетъ о жителяхъ Воллина, что хотя они были язычники, но не было племени болѣе честнаго, кроткаго и гостепріимнаго. Что сказано, о Воллинѣ, то должно разумѣть вообще о городахъ, лежащихъ въ устьяхъ Одры, изъ которыхъ не Воллинъ, а Шетинъ былъ древнѣйшимъ и сильнѣйшимъ, и почитался матерью всѣхъ другихъ городовъ.

Само собою разумѣется, что такое важное и всесвѣтное на Балтійскомъ Поморьѣ значеніе этимъ славянскимъ городамъ узвано уже самымъ географическимъ ихъ положеніемъ въ устьяхъ р. Одры, самой знатной рѣки тамошняго славянскаго населенія.

Для насъ важно одно, что балтійскіе Славяне, находясь въ срединѣ тогдашняго промышленнаго и торговаго движенія на сѣверѣ Европы, воспользовались этимъ положеніемъ и возвели его до степени такого процвѣтанія, до котораго на сѣверѣ не доходилъ ни одинъ языческій народъ. Если весь балтійскій торгъ и не находился въ рукахъ славянскаго Поморья, зато на его берегахъ находилось его средоточіе, которое съ паденіемъ славянской силы въ 12—13 вѣкахъ легко было унаслѣдовано знаменитою Ганзой, отчего и во время владычества Ганзы славянскіе же старыя города сдѣлались цвѣтущими и сильнѣйшими ея городами и составили первое, основное ея ядро.

Такимъ образомъ балтійскіе Славяне, по свидѣтельству ихъ же современниковъ, были не только настоящими Варягами, какъ эти Варяги нарисованы норманскою школою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они же были на балтійскомъ Поморьѣ первыми земледѣльцами и главными проводниками и посредниками торговаго движенія съ материка Европы на ея скандинавскій и финскій сѣверъ и на русскій востокъ.

Естественно, что начало торговаго промысла балтійскихъ Славянъ должно относиться къ тѣмъ вѣкамъ, когда еще Балтійское море славилось только добываніемъ янтаря, именно на прусскомъ его берегу, на Венедскомъ заливѣ, по сосѣдству съ славянскими землями. По всему вѣроятію янтарная торговля и была первымъ основаніемъ для здѣшней торговой предприимчивости. Очень также естественно, что

Скандинавскій полуостровъ выступилъ на торговое поприще гораздо послѣ: Да притомъ его жители даже и во время процвѣтанія Гавны не особенно были склонны къ торговлѣ дѣламъ и надвѣлись больше всего на свои мечи. По этой причинѣ въ отношеніи своего продовольствія они всегда находились въ зависимости отъ южныхъ славянскихъ береговъ. Руководствуясь такими соображеніями, можно предложить вопросъ:

Кто изъ обитателей Балтійскаго моря первый открылъ путь въ нашу страну, кто первый, хотя бы по указанію туземцевъ, проѣхалъ по Днѣпру въ Черное море и по Волгѣ въ Каспійское море? Кому было ближе, податнѣе и гораздо нужнѣе открыть этотъ путь? Норманская школа въ слѣдъ за выводами нѣмецкой науки, повсюду слѣдившей только за одними Нѣмцами и вовсе не желавшей или не умѣвшей знать Славянъ, конечно, утвердительно и съ видомъ великой непогрѣшимости свидѣтельствуетъ, что этотъ путь положенъ впервые Норманнами - Скандинавами. Норманская школа это рѣшеніе почитаетъ до того непогрѣшимымъ и отнюдь неоспоримымъ, что не находитъ надобнымъ даже упомянуть о Славянствѣ, хотя бы какъ о составной силѣ норманскихъ предпріятій.

Если же г. Гофдинъ и приводитъ свидѣтельства о союзныхъ походахъ Славянъ съ Скандинавами, то нисколько не въ подтвержденіе, что предпримчивость, отвага, неустрашимость Скандинавовъ въ равной мѣрѣ принадлежала и Славянамъ, а въ подтвержденіе только того, что и Славяне могли понимать языкъ Норманновъ и могли съ ними какъ либо объясняться, живя рядомъ, въ сосѣдствѣ.

Мы уже говорили, что все храброе, отважное, неустрашимое въ этомъ случаѣ отъ Норманновъ, все кроткое, смиренное, приписано Славянамъ, народу исключительно будто бы сидячему, сухопутному. Мореходные подвиги Норманновъ, по словамъ самой Норманской школы, становятся особенно замѣтными только съ 9-го вѣка. Въ концѣ 8-го они только начинаются. Между тѣмъ, не говоря о дальнихъ вѣнахъ, мы достоверно также знаемъ, что славянское племя уже въ 6-мъ вѣкѣ занимало безмѣрную страну отъ Балтійскаго Поморья до Дона, глубоко на нашъ сѣверъ и далеко на Дунайскій югъ. Было ли естественнѣе для Балтійскаго

Славянства знать, что Славяне же обитаютъ и на Ильмень, и на Днѣпрѣ; что ихъ страна тоже изобильна потребными товаромъ, особенно мѣхами, и что къ нимъ легко проехать отъ вершины Одры и Вислы подлѣ Карпатскихъ горъ и на морю черезъ любую рѣку, начиная отъ Вислы, а особенно по Западной Двинѣ?

Такимъ образомъ первыя торговыя колоніи на нашемъ сѣверѣ со стороны Балтійскихъ Славянъ должны были появиться очень рано, никакъ не позже сношеній съ этою странюю другихъ обитателей Балтійскаго Поморья. Если же мы примемъ во вниманіе народный характеръ Скандинавовъ, по преимуществу воинственный, и народный характеръ Славянъ, по преимуществу земледѣльческій и торгово-промышленный, то не затруднимся отдать преимущество въ открытіи и первомъ заселеніи нашего сѣвера Славянамъ. Норманскихъ поселеній, ни завоевательныхъ, ни торговыхъ, до самаго призванія князей мы въ ней не находимъ.

Должно также замѣтить, что если Славянское Поморье въ свое время, которое уходитъ очень далеко, представляло средоточіе для сѣверной европейской торговли и въ изобиліи было богато всеми земными плодами, то въ отношеніи къ его торговому богатству нашъ Ильменскій сѣверъ и Скандинавскій берегъ стояли одинаково. И тотъ и другой одинаково нуждались въ связяхъ съ Балтійскими Славянами, съ тѣю разницею, что самимъ Балтійскимъ Славянамъ такія связи по ихъ выгодамъ представлялись весьма различными. Съ Скандинавскаго берега они никогда не могли получить столько же, сколько отъ Ильменской стороны. Одно это заставляло ихъ не только проложить прямую, собственную дорогу къ нашимъ сѣвернымъ богатствамъ, но и держать въ нашей странѣ свои колоніи, заселять ее своими торговыми дружинами, открывать въ ней дальнѣйшіе пути къ прибыткамъ, и по свойству всякой торговой промышленности держать весь нашъ торгъ исключительно въ своихъ рукахъ.

Допустить же то обстоятельство, что Балтійскіе Славяне сносились съ Ильменемъ не иначе, какъ чрезъ посредство Скандинавовъ будетъ очень уже недѣло. Славяне съ Славянами, жившіе не только на морѣ, но и на сушѣ по со-

сѣдству другъ съ другомъ, сносятся черезъ дальнихъ за-
морскихъ сосѣдей Скандинавовъ и для этого передвигаютъ
самую пучину моря!

Правда, что еще въ 6-мъ вѣкѣ готскій историкъ Йор-
нандъ (гл. III) говоритъ, что жители острова Скандіа, ка-
кіе то Светане, имѣвшіе превосходныхъ лошадей, перевози-
ли къ Римлянамъ, сквозъ безчисленные народы, соболями
иъха; что прекрасный черный цвѣтъ этихъ иъховъ просла-
вилъ даже и имя самаго народа. Обыкновенно толкуютъ
по сходству имени, что это были Шведы. Но надо знать,
что такое былъ островъ Скандіа по разумѣнію Йорнанда.
Уже покойный Гильфердингъ замѣтилъ, что Готскій исто-
рикъ, очерчивая этнографическую картину острова Скандіа,
собралъ въ нее всѣ извѣстныя ему имена народовъ,
которые жили вокругъ Балтійскаго моря, такъ что нѣтъ
никакой возможности разобрать, какіе именно народы на-
селяли собственно Скандинавскій Полуостровъ.

Приступая къ описанію этого острова, Йорнандъ ссы-
лается прямо на Птоломея и тѣмъ объясняетъ, что это
былъ первый его источникъ. Онъ говоритъ, что островъ
лежитъ противъ устья Вислы, что на востокъ внутри ост-
рова находится очень обширное озеро, изъ котораго, какъ
изъ чрева, выходитъ рѣка Вагъ (Vage) и катится стреми-
тельно къ Океану. Это показаніе должно относиться къ
озеру Венеру и текущей изъ него въ Каттегатъ р. Готъ.
Но на востокъ отъ Скандинавіи находимъ самое большое
озеро Ладогу, изъ котораго, дѣйствительно, какъ изъ чрева,
катитъ свои воды въ Океанъ, то есть въ Финскій заливъ,
рѣка Нева. Кромъ того озеро Ладога соединяется съ Онеж-
скимъ р. Свирью, а отъ Онежскаго недалеко течетъ рѣка
Выгъ впадающая въ немалое также озеро Выгъ и изъ не-
го, какъ изъ чрева, снова протекающая въ Бѣлое море,
въ Океанъ. И Нева, и рѣка Выгъ, сходная даже по име-
ни, вполне также уясняютъ его картину. Затѣмъ онъ име-
нуетъ народы: Въ сѣверной части острова живетъ народъ
Адогитъ, у котораго солнце не заходитъ дѣтѣмъ и не
восходитъ зимою въ продолженіи 40 дней. Адогитъ созвуч-
но нашей Ладогѣ и Ладожанамъ арабскихъ писателей. Это
народъ самый сѣверный, какой только былъ извѣстенъ Йор-

ванду. На томъ же островѣ, говоритъ онъ, есть другіе народы: Крефены, числомъ три, они не занимаются земледѣіемъ. Тамъ живутъ также Светане (Suethans, иначе пишется: Suehans, Subveans=Suobeni, Славяне?), о которыхъ мы упомянули, и которые безъ сомнѣнія есть Птоломеевы Ставане. За ними идетъ множество различныхъ народовъ Theusthes - Чудь, Ваготы, Бергіо (Борнгольмъ), Галлинъ (Эландъ, Аландъ), Лиотида-Лютичи и т. д. Здѣсь слышатся и Вагры, и Юты, и Руги, и Винды-Велеты и снова Светиды (Suethidi), которыхъ и естественно наконецъ принять за Шведовъ, ибо такъ ихъ имя писали въ послѣдствіи. Во всякомъ случаѣ Светане и Светиды—два различные народа и напрасно соединяютъ ихъ въ одно имя Шведовъ. Вообще знаменитый островъ Скандія Юрнанда долженъ по его указаніямъ обнимать пространство отъ предѣловъ Датскаго полуострова и почти до Бѣлаго моря, причемъ устье Вислы придется въ дѣйствительности противъ середины такого острова. По этой причинѣ Юрнандъ очень справедливо называетъ свой островъ Скандію «фабрикой племенъ и резервуаромъ народовъ», откуда вышли и его знаменитые Готы, какъ и всѣ другіе знаменитые народы.

Видимо что историкъ не имѣлъ прямыхъ свѣдѣній объ этомъ сѣверѣ и описалъ его частію по книгамъ, частію по рассказамъ изъ десятыхъ рукъ, отчего у него явилась смѣшанная этнографическая толпа, въ которой не разберешь, гдѣ кто стоитъ. Для насъ въ этомъ описаніи ясно одно, что Скандинавы въ то время не занимали важной роли, мало были извѣстны, и что извѣстность ильменскихъ Славянъ, какъ торговцевъ мѣхами, существовала уже тогда вмѣстѣ съ свѣдѣніями о пути черезъ ихъ страну можетъ быть и въ Бѣлое море, на что впрочемъ указываетъ еще Маркіанъ Гераклейскій, писатель 4-го вѣка. Въ высшей степени важно для насъ показаніе Юрнанда, что Светане посредствомъ торговли доставляли свои мѣха въ Римлянамъ. Какимъ путемъ шли эти мѣха? Несомнѣнно или черезъ Вислу или черезъ Одеръ и слѣдов. черезъ землю Венедовъ, балтійскихъ Славянъ. О множествѣ хорошихъ лошадей въ странѣ Вендовъ упоминается въ житіяхъ св. Оттона, а Кледенъ говоритъ, что Турингскія лошади прославились необыкновенною красотою, быстротою и крѣпо-

стию, потому что Венды старались улучшить свои породы породами восточными.

Во всякомъ случаѣ свидѣтельство Торнанда уже тѣмъ драгоценно, что указываетъ на мѣховую торговлю съ вера съ римскими жюгомъ, которая идетъ черезъ руки Славянъ. Это вполне и утверждаетъ наше предположеніе, что не Скандинавы, а Балтійскіе Славяне были первыми колонизаторами нашей страны. Впрочемъ лучше всего эта древнѣйшая колонизація раскрывается въ именахъ самыхъ колоній, въ именахъ мѣсть и рѣкъ.

Затѣмъ является очень примѣчательнымъ и то обстоятельство, что арабскіе писатели, рассказывая о западныхъ странахъ, очень хорошо знаютъ именно западныхъ Славянъ и вовсе не знаютъ Скандинавовъ-Норманновъ. Это точно также наводитъ на мысль, что извѣстная Арабамъ Русь и Славяне нашей страны, передававшіе имъ свѣдѣнія о Варягахъ, тоже больше всего знали только Варяговъ-Славянъ, которыхъ даже называли Славянами Славянъ, то есть знаменитѣйшими изъ всѣхъ Славянъ, противъ чего вѣмецкая школа, всегда понимая Варяговъ, какъ только однихъ Норманновъ, въ лицѣ Френа, замѣчаетъ: „невозможно чтобы авторъ (этого показанія — Димешки) хотѣлъ это сказать и почиталъ Варяговъ славянскимъ племенемъ“. Но г. Геденовъ очень ясно доказалъ, что это очень возможно¹.

Если балтійскій Славянинъ не оставилъ для исторіи никакихъ сагъ и сказаній о своихъ сношеніяхъ съ нашею страню, то развѣ это обстоятельство даетъ намъ право заключать, что такихъ сношеній никогда не было. Несторъ не оставилъ намъ никакихъ свѣдѣній о нашихъ отношеніяхъ къ Востоку. Онъ не заблагоразсудилъ даже упомянуть, что есть на свѣтѣ рѣка Донъ. Но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія отыскались у сосѣдей, у Арабовъ, такъ какъ и въ настоящемъ случаѣ они могутъ еще въ болѣе полнотѣ отыскаются въ западныхъ свидѣтельствахъ. Стоитъ только направить туда болѣе внимательные поиски. Другое дѣло, еслибъ балтійскіе Славяне оставили намъ свои саги и въ нихъ мы не

¹ Отривки, стр. 149.

нашли бы никаких намековъ на такія сношенія, тогда только вполне было бы разумно наше сомнѣніе о существованіи этихъ сношеній.

Если и въ нашихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ особенно въ первое время ничего не говорится о нашихъ связяхъ съ балтійскими Славянами, то въ нихъ точно также ничего не говорится и о связяхъ съ Варягами-Скандинавами. Лѣтописи говорятъ только о Варягахъ, а съ какими по племенамъ Варягами наши Славяне держали связи, объ этомъ они крѣпко молчатъ.

Намъ остается допросить самую землю въ ея древнихъ именахъ.

Первые колонизаторы въ чужой землѣ всегда оставляютъ свои слѣды въ названіяхъ населенныхъ мѣстъ, въ именахъ своихъ колоній, ибо безъ колоній торговля, какъ и владѣтельство надъ нею, не держится ни въ одной странѣ. Поэтому имена мѣстъ есть важнѣйшій и самый достовѣрнѣйшій свидѣтель тѣхъ историческихъ отношеній между народами, какія въ извѣстное время происходили въ той или другой странѣ. При томъ, очень справедливо говорить Макс-Миллеръ, что „названія земель, городовъ, рѣкъ, горъ, имѣютъ необыкновенную жизненную силу и сохраняются даже тогда, когда исчезаютъ самые города, государства и націи“. Это мы видимъ на каждомъ шагѣ, изучая древнюю географію и этнографію. Тоже самое необходимо должно раскрытаться и на нашей землѣ, по всемъ ея украинамъ. Если было время, когда господствовали въ нашей странѣ Норманы-Скандинавы, они должны оставить по себѣ память хотя бы въ именахъ городовъ, которые, по словамъ же лѣтописца были заселены Варягами. Мы знаемъ, что первые Варяги усердно рубили, строили города: гдѣ же Скандинавскія имена этихъ городовъ? Тѣмъ болѣе необходимъ такой вопросъ, что норманская школа, какъ видѣли, утвердительно говоритъ, что и самый русскій языкъ въ первые 200 лѣтъ былъ языкъ Скандинавскій.

Такъ и самое отечество призванной къ намъ Руси, до сихъ поръ не отысканное, необходимо должно открыться въ той странѣ, гдѣ имя Русь, было роднымъ туземнымъ именемъ. Вотъ по какой причинѣ и норманская школа твердо держится за землю и твердо стоитъ на шведскомъ Рос-

лагенъ, на шведскихъ гребцахъ Руотсахъ и Родсахъ. Не будь этихъ созвучныхъ Родсовъ и Рослагена, конечно, никому бы и въ голову не пришло производить Русь изъ Швеции. Но такъ какъ имя Рослагенъ, Родлагенъ вовсе не обозначаетъ ни племени, ни народа, а называется такъ мѣстность въ окрестностяхъ Стокгольма, населенная общинами гребцовъ (матросами), по шведски именуемыхъ Ротси, Родсы, то, естественно, что производить отсюда Русь-земля не совсѣмъ основательно.

Норманская школа не удовлетворяясь Рослагеномъ, отыскала (Струбе, Бутковъ) возлѣ Швеціи же другую страну, Руссалагндъ. Затѣмъ, поиски были перенесены въ противоположный уголъ балтійскаго Поморья, въ Ольденбургъ, Шлезвигъ и Голштинію. Тамъ сначала Гольманъ нашелъ родину Рюрика въ Рустрингиі. Рустринги по его словамъ было нѣмецкое племя, владѣвшее еще въ 900 годахъ приморскою страной отъ Ейдера до Мааса и Шельды. Дабы связать это имя съ обстоятельствами Русской Исторіи, Гольманъ переселяетъ своихъ Рустринговъ въ тотъ же зачатный Рослагенъ. Они будто бы напали на Славянъ, были прогнаны, ушли и поселились въ Рослагенъ, откуда уже и были призваны на княженіе. Потомъ Дерптскій профессоръ Крузе встрѣтилъ въ Голштиніи мѣстность Rosengau, существовавшую еще при Карлѣ Великому. Послѣ доказательства, что обитатели ея, живя на берегу моря, имѣли всѣ средства образовать изъ себя дѣятельныхъ мореходцевъ, онъ рѣшаетъ, что отсюда и были призваны первые наши князья. Распространяя свои доказательства, Крузе приводитъ еще довольно именъ съ звукомъ Ros-Rus, находимыхъ въ теперешнихъ Шлезвигѣ и Голштейнѣ: Rosogau, Rosee, Rosenfelde, Rusdolf, Riesburg и т. п. Надо замѣтить, что во времена Карла Великаго эта самая страна принадлежала Славянамъ Ваграмъ, отчего и до сихъ поръ въ ней уцѣлѣли даже славянскія имена городовъ, каковы напр. Любекъ, рѣка Травна и т. д. На это обстоятельство Крузе не могъ обратить ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ заученное понятіе, что Руссы и Россы необходимо должны быть Норманны, заставляло отыскивать въ этихъ Рузахъ, Розахъ и Розенахъ однихъ только Норманновъ.

Крузе однако нашель своихъ особыхъ Норманновъ, замѣтивъ, что это имя не должно придавать безразличія всѣмъ сѣвернымъ народамъ. Это Норманны вначалѣ заняли только Ютландію и южную часть Норвегіи и потомъ уже распространили это имя на Британскіе острова. Въ южной Норманніи, въ югозападномъ углу Балтійскаго моря, гдѣ жили Англы, находилась земля Руссовъ или Руси, отчего Руссы говорили языкомъ Англо-Норманскимъ и Несторовы Мурманы, Готы, Англы и Русь обозначаютъ обитателей Ютландіи. Отъ этихъ Англо-Руссовъ получили свое названіе и Ольденбургская Рустрингія, и шведскій Рослагенъ. Съ поселеніемъ этихъ Руссовъ на шведскихъ берегахъ, говоритъ авторъ, „система торговли этого воинственнаго народа могла уже получить надлежащее развитіе, обнимая не только Востокъ и Западъ Европы, но даже Азію и Африку. Сердце испанскаго норманскаго тѣла было въ Шлезвигъ, гдѣ вѣроятно находилась столица государей“. Правая рука колосса находилась на Рейнѣ и распространяла предметы обширной торговли во Франціи и Германіи. Лѣвую руку составлялъ Рослагенъ и Бирка, гдѣ, по словамъ лѣтописцевъ, „было множество богатыхъ торговцевъ и изобиліе всѣхъ благъ міра и денежныхъ сокровищъ“. Въ послѣдствіи, по основаніи Новгорода и Кіева, соперника Царяграда, эти берега, столь способные для торговли, были потеряны; но они сдѣлались для Норманновъ уже тогда менѣе важными ибо ихъ мѣсто (съ призваніемъ къ намъ князей), заступили Новгородъ, Изборскъ, Бѣлоозеро и Кіевъ“. Таковы нѣмецкія фантазіи о Руссахъ-Норманнахъ ¹.

И такъ, отыскивая повсюду мѣсто жительство Руси, исследователи вообще очень дорожили именами странъ и мѣстъ, которые сколько нибудь указывали на заколдованный звукъ Руси. По открытому указанію такого мѣста они развивали свои соображенія, сочиняли цѣлыя довольно связныя исторіи о томъ, какъ могла, хотя бы и далекая, Русь попасть къ намъ въ Новгородъ. Надо полагать, что съ этой точки зрѣнія были тщательно осмотрѣны всѣ берега Балтійскаго моря. Отнюдь только не позволялось отыскивать Русь въ странѣ балтійскихъ Славянъ, да и вообще у Славянъ. Какъ

¹ Ж. М. Н. П. 1839. Генварь. Статя Крузе о предѣлахъ Норманніи и пр.

въ самомъ дѣлѣ могли посреди Славянъ жить Руссы, то есть Норманны? Это норманство Руси, основанное на пескѣ всеобщаго балтійскаго имени Варигъ, такъ утвердилось въ умахъ, что каждый изслѣдователь съ какою то особою ревностью преслѣдовалъ и всячески отвергалъ малѣйшее поозвоженіе забраться въ страну Славянъ. „Имена Росъ, Русъ, и пр. встрѣчаются почти во всёхъ земляхъ Европы, равно какъ и во многихъ странахъ Азии, и каждое мѣстечко, носящее это имя, не можетъ же быть разсматриваемо, какъ древняя отчизна Русскаго народа“, справедливо заиъчаетъ Крузе, не объясняя однако, почему всѣмъ мѣстамъ предпочитается именно Рослагенъ или его Розенгау. Впрочемъ рѣшительному изгнанію всего Славянства изъ области изысканій о происхожденіи Русскаго имени особенно помогъ славянскій же опытъ о Руссахъ Славянскихъ г. Морощкина, который въ самомъ дѣлѣ, наравнѣ съ нѣкоторыми дѣльными указаніями, представилъ такую фантастическую путаницу именъ и соображеній, что вопросъ о Славянствѣ Руси на долго былъ заглушенъ общимъ смѣхомъ.

Въ существѣ своихъ изысканій Морощкинъ стоялъ на мнѣніи Герберштейна, почитая Варяговъ Славянами Ваграмъ, а Русь тѣми же Славянами, съ Одера, съ Рюгена. Онъ также указывалъ на родственное сходство прибалтійскихъ Славянскихъ мѣстныхъ именъ съ нашими. Это обстоятельство во всякомъ случаѣ заслуживало полнаго вниманія и ближайшаго разсмотрѣнія, тѣмъ болѣе, что томе доказывалъ такой осторожный и ясномыслящій изслѣдователь, каковъ былъ Максимовичъ.

Главный вопросъ состоялъ въ томъ, именовался ли также Русью славянскій островъ Рюгенъ, означенный въ древняго Ругія?

По Тациту, какъ его толкуютъ, сѣверная страна древней Германіи и именно берега Балтійскаго моря принадлежали германскому племени Свевамъ, отчего и море прозывалось моремъ Свевскимъ. По тѣмъ же берегамъ жили Свевскія племена Ругія (Rugii) и Лемовіи (Lemovii). Птоломей указываетъ здѣсь городъ Роугіонъ и народъ Роутикліи¹.

¹ У Шаеврика, слав. Древности т. I, кн. II, стр. 268, тождество этихъ Руговъ кратко и весьма произвольно.

Кромѣ того по его же словамъ здѣсь же обитали Сидины, Сидены (въ 12 вѣкѣ: Земля Sitene), имя которыхъ несомнѣнно осталось въ городѣ Штетинѣ, или Щетинѣ.

Все это, однако, была Германія и слѣдовательно всѣ названные племена были Нѣмцы. Во время великаго переселенія народовъ Нѣмцы по какому то чудному случаю всѣ ушли изъ этой страны и ихъ мѣста заняли Славяне. Какъ и когда именно это случилось, исторія ничего не знаетъ, но утверждаетъ, что Славяне заняли земли послѣ Нѣмцевъ.

Такъ обыкновенно говоритъ большинство нѣмецкихъ ученыхъ. Имъ вторилъ Шафарикъ, доказывая невозможные переходы и переселенія цѣлыхъ племенъ больше всего разсужденіями, какъ и по какимъ причинамъ это могло случиться. Весьма шаткія заключенія Шафарика повторяютъ до сихъ поръ и наши Слависты¹.

Всѣ однако соглашаются, что имя Германія есть имя географическое, а не этнографическое. По своему смыслу оно тоже значить, что и Сарматія, то есть означаетъ страну, населенную многими разноплеменными народами. Къ этому надо припомнить слова Страбона, почти современника Тациту, который говорилъ, что Римляне не имѣли почти никакихъ свѣдѣній о народахъ, жившихъ на востокъ отъ Эльбы по Балтійскому морю. Тацитъ въ своемъ описаніи Германіи тоже мимоходомъ поясняетъ, что онъ не совсѣмъ твердо знаетъ тотъ или другой народъ. Затѣмъ его показанія мѣстъ для народовъ Балтійскаго сѣвера неопредѣленны и совсѣмъ темны. Такимъ образомъ всѣ основанія нашихъ познаній объ этомъ краѣ не прочны и походятъ на сыпучій песокъ. Вотъ почему и всѣ ученые рѣшенія и выводы, сооружаемые на этомъ пескѣ, суть только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки, которыя могутъ получить прочное основаніе и утвердиться въ истинѣ только при помощи позднѣйшей исторической этнографіи края. А эта самая этнографія вполне и уже несомнѣнно удостовѣряетъ, что какъ только появляются болѣе точныя свѣдѣнія о странѣ, то оказы-

¹ Славянскія Древности т. II, кн. 1. стр. 8—13. Кн. III, стр. 1—16 и др. Глязердингъ въ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, Сочиненія IV, 15. Г. Ламанскій въ критикѣ на сочиненія г. Ботларевскаго о Древностяхъ и Исторіи Балтійскаго Славянства. Ж. М. Н. Пр. 1875. Январь, стр. 217—220.

зается, что въ ней живутъ и дѣйствуютъ одни Славяне. Такое обстоятельство заставляетъ даже предполагать, что Тацитовское имя Suevi, сходное съ итолемеевскими, прямо Славянами, Suoueni, есть только олатыненное имя Славяне, Slavi, какъ писали въ средніе вѣка.

Не обладая необходимою ученостью, мы не имѣемъ возможности останавливаться на этомъ спорномъ вопросѣ и во всякомъ случаѣ склоняемся на сторону знаменитѣйшаго изъ критиковъ, Шлепера, который никакъ не меньше другихъ изучалъ свидѣтельства древнихъ писателей о сѣверѣ Европы и вынесъ изъ этихъ свидѣтельствъ слѣдующее заключеніе:

„Восточная часть Германіи съ давнѣйшихъ временъ, т. е. сколько извѣстно намъ изъ исторіи, была населена Славянами. Великіе успѣхи, дѣлаемые теперь изученіемъ Славянской исторіи, скоро совсѣмъ истребятъ старинное всеобщее мнѣніе, будто сіи германскіе Славяне пришли только тогда, когда вышли настоящіе Нѣмцы, жившіе до того въ ихъ земляхъ. Въ Мекленбургѣ, Помераніи, Лаузицѣ и пр. никогда не было Нѣмцевъ прежде Оботритовъ, Поморянъ, Сорбовъ, тамъ жившихъ: они суть старожилы своихъ земель въ разсудительномъ значеніи“¹.

Дѣйствительно, на основаніи показаній исторической этнографіи, разсудокъ требуетъ такого заключенія, что въ числѣ Тацитовыхъ Свевовъ, которыхъ Тацитъ, отдѣляя отъ другихъ чисто германскихъ племенъ, поселяетъ на самомъ сѣверѣ Германіи, было больше славянскихъ, чѣмъ германскихъ племенъ, и что напр. Руги соответвуютъ позднѣйшимъ Ругенцамъ, а Лемовіи—Ляхамъ. Но нѣмецкіе патріоты разселили германское племя отъ Балтійскаго моря даже до подножія Кавказа и отнюдь не допускаютъ, чтобы до прихода Гунновъ на этомъ пространствѣ жили гдѣ либо Славяне.

¹ Несторъ, II 423. Другой нѣмецкій ученый Вистеръ «слѣдовалъ мнѣнію Шлепера, точнѣе разсмотрѣлъ и опровергнулъ тѣ мнѣнія, которыя представляютъ древніе писатели о существованіи надревнѣ въ этихъ земляхъ племенъ Нѣмцевъ.» Исторія Пруссіи Пеллица, М. 1849. стр. 19.

Такимъ образомъ, только послѣ Гунновъ заявивши будто-бы нѣмецкія земли, Славяне сохранили за ними прежнія нѣмецкія имена. Въ половинѣ 6-го вѣка Руги по прежнему называются Ругами и обозначаются племенемъ Готовъ. Византиецъ Прокопій вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ ихъ Рогами.

Въ 10 и 11 вѣкахъ по латыни ихъ именуютъ по древнему: Ругіане, Руги, Ругіакскіе Славяне; а островъ Ругіакскимъ, также Ругія, Ругіяна; и вмѣстѣ съ тѣмъ пишется, народъ: Руяне, также Раны, Руны, Рены; а островъ Руя, Руяна, и Рана. Одиць аббатъ (1149 года) прямо говоритъ, что страна и островъ у Нѣмцовъ назывались Руяна, а у Славянъ Рана ¹.

Ясно, что послѣднія имена, которыя употребляются, чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще, есть только сокращеніе Руги, Ругіане и Ругія. Относительно же имени Рана можно и то полагать, что оно образовалось изъ другаго имени Славянъ Варны, Варины, Вераны, Враны.

Но это правописаніе тѣмъ не оканчивается. Въ тѣхъ же свидѣтельствахъ находимъ имена острову и народу: Руты, Руссы, Рудци, Рутены, Руція, Рутенія, Веранія, Риванія и т. д.

Изъ всего этого выясняется одно, что имя Ругія въ средніе вѣка писалось различно. Шлецеръ прямо говоритъ, что это происходило отъ известной всѣмъ глупости пиеателей временниковъ средняго вѣка. Каченовскій объяснялъ эту вольностію грамотѣевъ и слово Руссія, поставленное въ житіи Оттона вмѣсто Ругія, относилъ къ искаженію схваченному съ воздуха.

Казалось бы, что тутъ дѣло простое: древнѣйшее имя страны и народа, Руги, подверглось въ позднѣйшее время порчѣ, которую букву за буквой легко прослѣдить и въ концѣ концовъ все-таки придти къ заключенію, что коренная и правильная форма имени суть Руги; что въ первомъ столѣтіи по Р. Х. такъ называлось одно изъ Германскихъ, Свевскихъ племенъ, а послѣ то же самое имя принадлежало Славянскому племени, которое точно также имено-

¹ Шаевскій: Славянскія Древности т. II, кн. III, стр. 124—126.

валось Ругами, оставивши и до сихъ поръ это имя въ островъ Рюгенъ; что, наконецъ, въ числѣ измѣненій имени Ругія употреблялось и Русія, Русь. Но нѣмецкія мнѣнія, которыми въ этомъ случаѣ слѣдовалъ и Шаарикъ, стараются доказать, что если Руги и могли именоваться Русью, то это была Русь ложная, ошибочная, сочиненная только невѣжествомъ средневѣковыхъ монаховъ или средневѣковыхъ канцеляристовъ. Самъ Шаарикъ объяснилъ, что здѣшнее Славянское племя называлось Раны, а островъ: Рана, то есть взялъ за истину одинъ вариантъ, оставивъ другіе безъ объясненія.

Повидимому, намѣреніе противниковъ Рюгенской Руси заключается въ томъ, чтобы имя Руговъ оставить навсегда Нѣмецкому племени, какъ его вѣковую собственность, и съ этою цѣлью превратить Славянъ-Руговъ въ отдѣльное племя Рановъ, съ именемъ которыхъ уже никакъ невозможно связывать имя Руси. Такъ это теперь и утвердилось въ наукѣ: оказалось, что Славянъ-Руговъ никогда не существовало, а существовали только Раны.

Въ разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ весьма не мало важны именно географическія показанія, въ которыхъ мы и обратимся.

Изъ всего Славянскаго побережья между Одрою и Травною островъ Рюгенъ выдается далеко въ море и въ топографическомъ очертаніи своего сѣвернаго полуострова представляетъ весьма замѣтное сходство съ рогомъ. Впрочемъ, по своему положенію относительно береговаго материка весь островъ въ дѣйствительности представляетъ Рогъ, то есть часть далеко выдавшуюся въ море. Въ древнѣйшихъ народныхъ представленіяхъ словомъ Рогъ обозначался вообще всякій уголъ, даже сторона, крыло, бокъ войска, а вмѣстѣ этимъ же словомъ выражалось понятіе о крѣпости, силѣ, преимуществѣ.

Обозначая уголъ матерой земли, выдающійся по берегамъ рѣкъ и моря, слово Рогъ въ Славянствѣ принадлежитъ особенно топографическому языку южнаго края Россіи, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, именно того края, гдѣ существовали древнѣйшія поселенія восточнаго Славянства. На Днѣпрѣ Никитинъ Рогъ (мѣстечко Никиполь) противъ Запорожскаго Великаго Луга; Мишуринъ Рогъ вблизи устья

Ворсклы, Кривой Рогъ на Ингульцъ при впаденіи Саксагана; на Днѣстрѣ Роги, Рогая, вблизи Новыхъ Дубассаръ. Укажемъ еще Липовый Рогъ вблизи Ржищева; урочища: Соколій, Синій, Острый, Плетеной Рогъ и мн. др.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что точно также и Балтійское Славянство наименовало приморскій уголъ своей земли Рогомъ, который по западному славянскому произношенію¹ или по латинскому написанію прежде всего явился въ формѣ Ругъ, какъ слово богъ-бугъ. Рѣку Бугъ Запорожцы именовали Бокгъ и Богъ. Византіецъ Прокопій, получавшій свѣдѣнія отъ южныхъ Славянъ, написалъ имя Роги вѣроятно по ихъ же выговору.

На сѣверномъ морѣ не одни Славяне такъ именовали морской уголъ своей земли. Французскій полуостровъ Бретань, западный уголъ Галліи, подобнымъ же образомъ прозывался Галльскимъ Рогомъ (Cornu Galliae), какъ и близлежащій противоположный ему полуостровъ Британіи тоже именуется и до сихъ поръ Корнуаллисомъ, Рогомъ Валліи².

Припомнимъ въ этому, что Рогъ у древнихъ Славянъ вообще имѣлъ значеніе религиозно-символическое, почему у Балтійскихъ же Славянъ храмъ Радегаста въ городѣ Ретрѣ былъ воздвигнутъ на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Рога служили украшеніемъ храмовъ, служили священными сосудами. Рюгенскій истуканъ Святотида держалъ въ рукъ рогъ-сосудъ. Въ его храмѣ въ числѣ разныхъ другихъ священныхъ предметовъ находились и рога звѣрей, удивительные сами по себѣ и по своей обдѣлкѣ³.

Все это объясняетъ, что древнѣйшее названіе острова, страны и народа Ругъ-Рогъ несомнѣнно Славянское. Естественно полагать, что и Тацитовы Руги были Славяне и произведены въ Нѣщевъ только по случаю ихъ мѣстожителства въ Германіи, имя которой, повторимъ, вовсе не было этнографическимъ, а чисто географическимъ, подобно Сарматіи или Скиѣи.

¹ У Древлянъ и въ Верхнихъ Луницахъ вѣроятно употребляется у: дворъ-дворъ, полъ-пулъ.

² О. Тьерри: Исторія завоеванія Англіи Норманнами, I, 32.

³ Г. Срезневскій. Исследования о языческомъ богослуженіи древнихъ Славянъ. Сиб. 1848, стр. 40, 41, 46.

Изъ слова Ругъ, Ругія латинскіе и нѣмецкіе писатели составили свое Руяна и быть можетъ сокращенно Рана, Руяни, Руи, Раны, Рены. Вотъ эти прозванія по всей справедливости и должно почитать ложными или въ сущности сокращенными, онѣмеченными, олатыненными изъ коренныхъ звуковъ Ругъ, Руги, Ругія, Ругіане, Ругины.

Что же касается формъ, составленныхъ изъ того же корня и употреблявшихся также для обозначенія Рюгенской страны, каковы для народа: Рузи, Русси, Рутены, Рудены; и для страны Рудія, Русція, Руссія, то эти формы идутъ уже отъ Славянскаго измѣненія корня Рогъ. Видимо, что народъ Руги именовалъ себя также и Рузи-Рози (Варягъ-Варязи, Фрягъ-Фрязи и т. д.) и уже отъ этого измѣненія произошло болѣе умягченное Руси, Русси и Русь, въ собирательномъ смыслѣ, такъ какъ по другому произношенію Розы, Роси, Росси, Россъ. Латинское письмо вмѣсто того нерѣдко употребляло Rutia, Ruthos, Ruthenos, Ruzen, Rutzen и т. под., такъ что Птоломеевы Рутиніи необходимо указываютъ на олатыненную форму Руси и обозначаютъ время (второй вѣкъ по Р. Х.), когда это имя было уже въ употребленіи.

Все это достаточно подтверждается именами мѣсть во всемъ Балтійскомъ Славянскомъ Поморьѣ и особенно на островѣ Рюгенѣ и въ Помераніи.

Хотя прошло уже цѣлыхъ семь вѣковъ съ той поры, какъ Балтійское Славянство совсѣмъ было систематически по нѣмцки истреблено и изведено германствомъ, однако имена мѣсть и доселѣ сохраняютъ о немъ весьма широкую память и конечно останутся вѣчными свидѣтелями, что вся эта страна принадлежала Славянамъ съ самыхъ древнихъ временъ.

Вотъ что рассказываетъ карта Помераніи, гравированная Николаемъ Гейлькеркіусомъ, вѣроятно, въ первой половинѣ 17-го столѣтія¹.

На этой картѣ островъ Рюгенъ именуется по древнему Rugia. Какъ извѣстно онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ полуострововъ и острововъ. Съверный полуостровъ называется Виттовымъ (Wittow).

¹ См. Приложение III.

На этомъ Виттовомъ полуостровѣ протяженіе сѣвернаго берега выдается къ востоку мысомъ, на которомъ показана Аркона. Отъ нея къ западу въ разстояніи подняли на сѣверномъ берегу полуострова находится селеніе Russevase, самое крайнее мѣсто къ сѣверу; въ равномъ же разстояніи отъ Арконы на южномъ берегу находится Grote Vitte и также въ равномъ разстояніи отъ Арконы между этими двумя селеніями посрединѣ стоитъ Putgarten. Дальше къ западу отъ Russevase вблизи сѣвернаго берега находятся Swarb и Varnkevitz, Tresser vitte, Minnevit, Darwitz, Granlitz, Csepitz и пр. Затѣмъ полуостровъ образуетъ какъ бы носу (рогъ) въ направленіи къ югу, которая обозначена именемъ Derbueg, а ея конецъ именемъ Bugcrt. Въ числѣ селеній ближайшихъ къ Арконѣ упомянемъ: Wollin, Svitz, Drewolck и далье: Gronowervitz, Guselitz, Sudderitz, Lubkevitz, Woldenitz, Starrewitz, Lutkevitz, Bowhof, Kolehoff, Veievitz и пр.

Проливъ называется Wittowitsche Fehr. Острова Devarnow, de Lubbe, Rassower srtrom. Въ самой срединѣ полуострова показана Alten kirche.

На полуостровѣ Ясмунтѣ, который лежитъ южнѣ Виттова и еще дальше выдвигается на востокъ, почти въ самой его срединѣ находимъ опять селеніе Russevase, а выше его Boistrin, потомъ Slubbenitz, Chlove (сравни. кievскій Кловъ) Ruskevitz, Sallesitz, Valckzitz, Ratnevitz, Dubbitz, Strachevitz, Vitte. Lubtitz, Rochenberg, Babbın и т. д. Заливъ съ востока наименованъ Propergwysk.

На самомъ островѣ встрѣчаемъ подобныя же имена и между ними: Verei, Grubno, Resse, Rugarten, Lubcow, Delaa, Bliscow, Swatsin, Medow, Necla, Virevitz, Stolpe, Strowe, Lavenitz, Konitz, Liscow, Unrow, Ralow, Rugehoff, Bitegast, Suine, Ruse, Suantow, Siggelow, Sadow, Weltzin, Pьka Duvenbeke.

На материкѣ точно также имена по большей части Славянскія и въ числѣ ихъ Wolthoff, Woltckow, Woltkow.

Потомъ (мы будемъ идти по алаавиту): Resin, Resse, Risow, Risnow, Ristow, Rochow, Rocow, Roggatz, Roggezow, Roggow (6 мѣстъ), Roglow, Rogsow, Rosarn, Roschitz, Roscow, Rosegar, Rosengard, Rosemazow, Rosenfeld (4), Rosenhagen, Rosenow (3), Rosenthal, Roslasin, Rosow (2), Ros-

seatin, Rossin, Rossow, Roatin, Restock, Rotten, Rottow, Rotanow, Rugarten, Rugehoff, Rugenwalde, Rubertow, Ruschemolen, Ruschende, Ruse, Rushagen, Ruskevitz, Ruspornow, Russenfeld, Ruatke, Rustorholtz, Bustow, Rutzenhagen (2), Butznow, Rutzow. Фамилія: Rusken, Ruste, Rustoken, Rosten, Ristoven, Roggenpane, Roggenbuke¹.

Затѣмъ встрѣчается множество родныхъ или знакомыхъ до лѣтописи именъ, въ числѣ которыхъ нѣкоторыя могутъ объяснить имена Олеговыхъ и Игоревыхъ пословъ, какъ и нѣкоторыя другія задачи и преткновенія нашей изыскательности².

Такимъ образомъ, въ отношеніи имени Рус и Рос, мы находимъ, что оно господствуетъ въ Померанской странѣ и составляетъ ея родное земское имя. Встрѣчается Руг и Руи, но несравненно рѣже.

Этотъ географическій именованіе можетъ также доказывать, что вопреки ученымъ изслѣдователямъ, писатели средняго вѣка вовсе не были такъ глупы и безграмотны и вовсе не ошибались, когда именовали такъ различно Рюгенскую страну и народъ. Это могло зависѣть лишь отъ мѣстожителства каждаго писателя, или отъ того обстоятельства, съ какой стороны онъ получалъ свои свѣдѣнія объ островѣ. Разные сосѣди, по различію языка, различно и обозначали имя известной имъ страны. Пусть Нѣмцы и западные люди писали и произносили это имя Руяна и Рана, но на востокѣ, у насъ на Руси, оно могло быть известнымъ только въ формѣ Руси.

Изъ тѣхъ же средневѣковыхъ писаній 11 и 12 вѣка становится весьма очевиднымъ, что именемъ Руси они нѣредко обозначали островъ Рюгенъ и тѣмъ вводили въ заблужденіе послѣдующихъ хронистовъ и изыскателей, кото-

¹ Имя: Ра ны, Рены, Руны, указываются только слѣдующими названіями: Ranefeld, Rankevitz, Rantzow, Reinberg, Reineberg, Reineckshagen, Reinefeld, Reinekendorp, Reinewater, Reinnickendorp, Renekendorp, Renschow, Rentzin, Rentz, Rentzin, Ronnekendorp, Runow (5), Runtz.

Имя: Вар ны: Varnkevitz, Varenkamp, Varenhold, Varenhop, Warmin, Warnckow, Warnin, Warnitz, Warnow.

Варги: Varchland, Varchmin, Vargitz, Vargow, Warsin, Warsaw, Warzin. Варгы—Wagrun.

² См. Приложение III, имена всѣхъ мѣстъ Помераніи.

рые иныя свидѣтельства, принадлежащія Рюгенской Руси, относили къ нашей Восточной Руси. Таково весьма сомнительное свидѣтельство о посольствѣ Ольги къ императору Оттону I въ 959 г., съ просьбою о присылкѣ проповѣдниковъ для водворенія римской вѣры въ Россіи: здѣсь Руги и Руссы смѣшаны.

Таковы же свидѣтельства о нѣкоторыхъ брагахъ нашихъ князей на нѣмецкихъ княжнахъ, напр. бракъ Оды, родившей Вартеслава, и жившей по смерти мужа въ Саксоніи, откуда Вартеславъ былъ призванъ въ Россію на княженіе¹.

Не въ Россіи, а у Поморянъ были князья Вратиславы и княжескія жены Иды.

Точно также и въ Исландскихъ сагахъ, по всему вѣроятію, существуетъ большое смѣшеніе историческихъ обстоятельствъ и лицъ Рюгена и нашей Руси. Тамъ самыя древнѣйшія сказанія, относимыя къ первымъ вѣкамъ христіанства, упоминаютъ уже о Русской Землѣ и о Русскихъ князьяхъ. Положимъ, что ихъ должно относить къ болѣе позднему времени: но по близости связей и отношеній Рюгена съ Скандинавами должно также заключить, что Саги, покрайней мѣрѣ древнѣйшія, именуя въ своихъ повѣстяхъ Русь, скорѣе всего описываютъ дѣла Рюгенской Руси. Этотъ вопросъ требуетъ еще внимательнаго разслѣдованія.

Но вообще изъ всѣхъ показаній средневѣковыхъ писателей все-таки становится яснымъ одно, что Рюгенская страна именовалась также и Русью въ то самое время, какъ наша Русь прозывалась Греціею по той причинѣ, что Христова Вѣра была принята ею изъ Греціи, а не изъ Рима.

Въ географическихъ сочиненіяхъ конца 16 вѣка островъ Рюгенъ прямо именуется Русію. Покрайней мѣрѣ такъ означено въ большой Космографіи, написанной въ городѣ Идубургѣ и переведенной на русскій языкъ въ 17 столѣтіи. Въ географическомъ описаніи островъ называется княжествомъ Ругицкимъ и Ругійскимъ, а народъ—Ренани и Рутенани².

Эта Космографія составлена по старымъ писателямъ, начная съ Плинія и Страбона и оканчивая Гельмольдомъ.

¹ Карамзинъ. И. Г. Р. II, стр. 48.

² См. Приложение I.

Слѣдовательно въ ней необходимо сохранились отголоски средняго вѣка вмѣстѣ съ тогдашними географическими именами. По ея свидѣтельству Ругійское княжество существовало особою областью отъ временъ князя Крива до смерти послѣдняго князя Вратислава (1352 г.) и потомъ перешло во владѣніе князей Померанскихъ.

Итакъ намъ теперь извѣстно, что сами же нѣмецкіе писатели средняго вѣка весьма точно говорятъ о весьма значительномъ торговомъ и промышленномъ развитіи всего балтійскаго Славянскаго побережья и особенно страны лежавшей въ устьяхъ Одры, вблизи острова Рюгена. Они же говорятъ, что въ Винетъ-Воллинъ постоянно, какъ свои люди, жили Греки, то есть Русскіе. Это было во второй половинѣ одиннадцатаго вѣка и, конечно, тоже было и въ 10 и въ 9 вѣкахъ, такъ какъ торги и промыслы Поморянъ естественно должны были получить свое начало гораздо раньше. Тѣ же писатели говорятъ, что обитатели острова Рюгена, какъ и другихъ сосѣднихъ острововъ, отличались всѣми качествами истинныхъ Варяговъ, ни въ чемъ не уступая Норманнамъ-Скандинавамъ.

Дальше: разнорѣчивыя показанія тѣхъ же писателей именую Рюгенскую страну по своему Руною и Раною, прозываютъ ее и Русью, то есть поминаютъ настоящее Славянское ея названіе. Эта страна въ числѣ другихъ Славянскихъ балтійскихъ областей всегда составляла, такъ сказать, особое существо, независимое и самостоятельное, и славилась между всѣми Поморьями древностію своего языческаго храма, первенствомъ своего бога, которому давала дань вся Славянская земля.

По словамъ Адама Бременскаго, Руги были храбрѣйшими изъ всѣхъ Славянъ. Они могущественны и страшны, говорить летописецъ, по любви къ нимъ боговъ, которыхъ они почитаютъ съ большимъ усердіемъ предъ другими. Вотъ почему и остальные Славяне почитали для себя закономъ ничего въ общихъ дѣлахъ не предпринимать безъ воли Руговъ. Все это свидѣтельствуетъ, что Руги были сильнѣйшимъ и почетнѣйшимъ племенемъ между Поморьями. Можно полагать, что въ сущности это была военная и необходимо морская сила всего Поморья, подобно нашимъ Запорожцамъ

относительно всего Русскаго юга. Вотъ по какой причинѣ объ нихъ упоминаетъ Плиній, Тацитъ, Птоломей и другіе позднѣйшіе писатели, говорившіе о здѣшнихъ балтійскихъ берегахъ. По той же причинѣ и наша лѣтопись знаетъ въ числѣ своихъ Варяговъ особое племя Русь, откуда, по ея словамъ и были призваны наши первые князья.

Къ этимъ балтійскимъ Русс, Росс, Руст, Рост, Рош, Руш, припомнимъ Кіевскую область рѣки Роси, Россы съ ея притоками Ростовица, Рошокъ, Росова, Роска и мѣстами Росава, Ростовка, Росоша, Росошки, изъ числа которыхъ два послѣднія хотя и могутъ происходить отъ Росоши или рѣчной развилины, но находясь вблизи теченія р. Роски и по сторонамъ селенія Ростовки, вѣрнѣе всего происходятъ отъ того же корня Рос. Присоединимъ сюда и Ружинъ, древній городокъ при р. Растволицѣ, отъ котораго пошла польская фамилія Ружинскихъ.

Какимъ образомъ и въ какое время Русь балтійская могла поселиться на берегахъ Днѣпра, объ этомъ наши соображенія будутъ впереди. Но по именамъ мѣстъ мы можемъ прослѣдить даже ея дороги въ нашу сторону, останавливаясь только на ея коренныхъ звукахъ Руг, Рог, Рус, Рос и на именахъ ея родичей Велетовъ-Волотовъ-Лютичей съ ихъ священными словами Вить, Радъ и различными другими именами Балтійскаго Славянства.

Начнемъ отъ устья Вислы.

Въ заливѣ Фрицъ - Гафъ, гдѣ стоитъ Кенигсбергъ, находимъ, помимо Росъ-Гартена, Розенорта, Розенберга, Росбенъ, Руененбергъ, затѣмъ Волигту, Волигникенъ. Дальше, по морскому берегу, Ротенецъ, Варникенъ, Росененъ, Варгенау. По географіи Бишинга: Растенбургъ, Рессель, Резицъ—старо-Прусская земля съ городомъ Ризенбургомъ.

Заливъ Куришъ - Гафъ, куда течетъ Нѣманъ, назывался Руеною. На его косѣ существуетъ древняя крѣпость Росситенъ. Въ самомъ заливѣ на южномъ берегу Варгіененъ, Вилкамъ. На восточномъ берегу: Ругилль, Варусъ, Руссъ, мѣсто и рукавъ Нѣмана, который въ старину по всему теченію тоже назывался Русъ. На Нѣманѣ

вблизи Тильзита Рагнитъ (сравни. Рогнитъ, Рожитъ). Внутри страны древнѣйшій городъ Россіемъ на р. тогоже имени, по Нѣмецкимъ лѣтописямъ Rossigen, Ruschigen, по литовски Rosejnej. Далеко вверхъ по Неману, за Гродно есть болото и рѣка Росса, Росъ, текущая рядомъ съ рѣкою Сельвянкою; отъ нея переваль въ Ясельду, и въ область Припяти, и въ Зап. Бугъ, въ область Вислы. На Росѣ примѣтимъ города Россу и на ея притокъ Волковискъ и Ружану при р. Сельвянкѣ.

Возвращаемся къ морю, гдѣ по берегу находимъ Виндикъ, Рюценъ, Рутцау, Рицве р., Ротенъ, Рунцишкенъ, Виндаву городъ и рѣку, иначе Вента, Ротгофъ; Варвенъ, Варвикенъ, озеро Девинъ, р. Рооге.

Затѣмъ р. Двина Западная, имя которой прямо напоминаетъ морской притокъ Одера Дивина, Дивеновъ и рѣку на островъ Рюгенъ Divenbeke. Въ устьѣ Двины стоятъ городъ Рига. По берегу Двинскаго залива Рутернъ, и внутри страны Руенъ, Руе озеро и рѣчка, Рутенгофъ, Руйкелнъ, Рунге; островъ Руно. Дальше вблизи Ревеля острова Роге, сел. Рогонемъ, не говоря о Розенахъ, Венденахъ и Ваннахъ, Рестахъ и т. п. По Двинѣ, не смотря на совершенное отмеченіе этого края, все еще попадаются имена, напоминающія Русь и Ругъ, каковы: Рушонъ, Рушендорфъ, Ружелишка, Ругелишка, или Резица-Rositen, Резентово, древн. Ружборъ (Рудборхъ или Брудборхъ - Крейдбургъ). Возлѣ Двины къ сѣверу отъ Друи отмѣтимъ озеро Роспу.

Надъ Чудскимъ озеромъ на морскомъ берегу — Варгелъ. Затѣмъ входимъ въ рѣку Нарову, которая при устьѣ же соединяется съ р. Лугю посредствомъ рѣки Расонъ или Росонъ. Потомъ встрѣчаемъ городъ Ругодивъ (Нарва). Дальше по теченію сел. Роснедай, островъ Русни. Къ западу отъ выхода Наровы изъ озера сел. Русвой, Рясенецъ. Ростаи. Къ сѣверу отъ города Луги р. Рошакъ.

Нарова открывала путь черезъ Чудское озеро въ устьѣ р. Великой къ Пскову, а такъ же и къ Изборску. Въ верховьяхъ Великой есть озеро Ресса.

Луга открывала путь къ озеру Ильмену подъ самый Новгородъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это былъ первый и ближайшій путь въ Новгородскую область изъ Ва-

ряжскаго моря. Тутъ въ началѣ ны встрѣчаемъ рѣчку Вильку, ручей Верашской.

Въ верху Луги на перевалѣ въ Ильмень встрѣчается р. Видогощъ, которая и течетъ въ Ильмень, рядомъ съ р. Веряждою и Веряжею. На самомъ верху Луги сел. Велегощъ и около р. Роговка, сел. Веряжино, Рогойцы, Радгощи Радовики. У впаденія Мсты въ Ильмень р. Русская. На р. Мстѣ одинъ изъ значительныхъ пороговъ носятъ имя Витды. Въ Тихвинскомъ уездѣ: Ругуй, Ругійскій Мохъ—болото; р. Рагуша.

Само собою разумѣется, что еще важнѣе былъ путь черезъ Неву и Ладожское озеро въ Волховъ. Весь этотъ путь до верховьевъ Днѣпра и Двины звучитъ именами, которыя не оставляютъ никакого сомнѣнiя о присутствiи здѣсь Балтійскихъ Велетовъ. Первое имя Волховъ, сопровождаемое по мѣстамъ селенiями Вельсы, Вельць, Велья, Валмиъ, Витка, Дымна, Варзино и вблизи Новгорода Валитова, Волныя, Волотово и т. п.

Дальше дорога изъ Ильменя къ Днѣпру именуется Ловотью, что переначено тоже изъ слова Волоть, какъ и обозначается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, удерживающихъ даже форму Ловолоть. Притоки Ловати: Верготъ или Пола, Полить, у слиянiя которой съ Порусью стоитъ городъ старая Русь, Руса. Самый лѣсъ Волковскiй, Волконскiй, Воковскiй сохраняетъ тоже память о Волховѣ и Волотѣ, хотя по близкому сходству звуковъ, а еще болѣе по своему положенiю, и даетъ основанiе называть его лѣсомъ Волковъ.

Верхъ Ловати близко подходитъ къ озеру Усвятъ гдѣ стоитъ и древнiй городъ Усвятъ, Вьсвятъ. Изъ озера течетъ въ Двину рѣка Усвачъ и противъ нея въ Двину течетъ Каспля, подходящая своимъ верхомъ къ самому Днѣпру вблизи Смоленска, сомнѣннаго многими мѣстамъ въ землѣ Оботритовъ и Лютичей. Отъ Усвята и Ловати недалеко течетъ рѣка Лютиница, есть большое озеро Двино-влинское, и съ востока въ Двину впадаетъ р. Велеса. У Смоленска: Рясно, Волутина гора, Волино, а выше и дальше къ северу за Касплею—Словени.

Другой перевалъ изъ Двины въ Днѣпръ лежалъ у Вятбска. На приближенiи обѣихъ этихъ рѣкъ, вблизи устья Ду-

чеса, текущей съ юга и верхъ которой, называемый Верхитою, подходитъ почти къ самому Днѣпру, стоитъ древній городъ Витебскъ, Витвескъ, на рѣчкѣ Витбѣ. Это имя сходно съ Видбеновымъ озеромъ на самомъ верху Двины, близъ котораго есть озеро и р. Волкита, Волкота, откуда и течетъ Двина.

Витебъ есть племенное названіе, такое же, какъ Дулебъ, Серебъ, Кашебъ, Гаребъ. Очевидно, что это первое имя Витичей. Оно напоминаетъ Рюгенскаго Вита.

Къ сѣверу отъ Витебска, вблизи р. Дриссы, р. Варужа. Рѣка Лучеса вытекаетъ изъ озера Бабиновичи, гдѣ стоитъ и городъ Бабиновичи, имя очень любимое у Поморскихъ Славянъ, часто повторяемое и въ здѣшнихъ мѣстахъ. Переваливши на Днѣпръ по Верхитѣ, тотчасъ встрѣчаемъ по ту сторону Днѣпра Росасну или Росану, мѣсто и рѣку, а ниже по Днѣпру городъ Оршу, по древнему Ръша. слѣдовательно измѣненіе того же звука Росъ. Отъ Орши къ югу течетъ р. Проня, въ нее впадаетъ съ запада отъ стороны Днѣпра Реста; къ востоку отъ Прони, течетъ Волчеса, обѣ впадаютъ въ Сожъ. Проня напоминаетъ Поморскаго Проне-Перуна. Вблизи: Славное, Рясна, Радомля, Вельчицы, Любежъ, Славяня (у Шклова). По Сожу: Волосовичи, Ветка, Радога, Волоотово и пр.

Ниже по Днѣпру встрѣчаемъ городъ Рогачевъ, вблизи впаденіи Березины озеро Словенское, р. Вердичъ, селеніе Драгощи, Мыслий Рогъ. Потомъ на устьѣ Сожа—Лоевъ, потомъ Радуль, Любечъ, р. Тетеревъ, соименный Teterow-у Мекленбургскому, р. Болгачъ, Дымеръ, Лютежъ, Сваромье, Любка на Ирпени; Ветова Могила, Вѣтичи, при устьѣ Десны.

У Кіева упомянемъ Кловъ, Выдубичи, которое сходно съ Видбскомъ — Витебскомъ и съ озеромъ Видбеновымъ; ниже Кіева рѣка Вета. Затѣмъ между Кіевомъ и р. Росью находится Витичевъ Холмъ, который несомнѣнно правнравнукъ Вита (Вит-ич-евъ), столь часто поминаемаго въ Поморьѣ и особенно на островѣ Рюгенѣ.

Съ верхняго Днѣпра существуетъ переваль въ Оку по Угрю, гдѣ у Днѣпра стоитъ городъ Дорогобужъ. Отъ Дорогобужа, направляясь вверхъ по р. Осмѣ; попадаешь въ р. Рославль, текущую въ Городсту, а съ нею въ Угрю. Здѣсь между Рославлемъ и Угрю замѣтныя селеніе Вергово, но

другую сторону погостъ Бабинскій. Въ верхъ Угры падаетъ р. Демина, а отъ верха Осми впадетъ Волста, текущая въ Угру.

На перевалѣ изъ верхней Десны, отъ Брянска въ Оку течетъ Редета (сравни Россителъ на Куришь-Гафѣ), а рядомъ съ нею Вытебета, обѣ впадаютъ въ Жыздру, а эта въ Оку. Въ Ресету между прочимъ текутъ, Велъя, Ловать, а у Вытебети есть селеніе Волосово и въ нее текутъ притоки Лютня, Серебетъ.

Въ этихъ же мѣстахъ къ сѣверу отъ Жыздры течетъ въ Угру р. Рѣса; на западъ отъ Жыздры въ Десну впадаетъ Ветьма — Витьма, а въ нее Волынъ; и на одномъ изъ ея притоковъ стоитъ селеніе Любегощъ.

Нѣсколько южнѣ существовалъ другой перевалъ изъ Десны въ Оку отъ города Трубчевска. Въ этомъ мѣстѣ къ западу отъ Трубчевска на р. Судости стоялъ древній городъ Радогостъ (нынѣ Погарь), отъ котораго неподалеку встрѣчаемъ рр. Рогъ, Бабинецъ, впадающія въ Судость; селенія Рогово, Витовка, у Десны Любець; вблизи тѣхъ же мѣстъ Росль, Расуха. Переволокъ въ Оку шелъ изъ Десны вверхъ по рѣкѣ Не-Русь, подходящей прямо къ р. Кромъ, впадающей въ Оку выше Орла. На пути по Не-Русь встрѣчаемъ у озера селеніе Радогощъ, также Бабинецъ, Волоновское.

Изъ Десны, впадающая въ нее рѣка Сеймъ также отрывала путь и къ верхней Окѣ, и къ верхнему Дону и Донцу; не потому ли дано ей и это имя, означающее союзъ, соединеніе. Изъ Сейма къ самому верховью Оки можно было пройти Свапою, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ которой стоитъ селеніе Расторогъ. Пониже Свапы въ Сеймъ впадаетъ Волынка, а еще ниже Руса. Ниже впаденія Сейма въ Десну, на притокъ Десны, называемомъ Пулка, замѣтимъ древнее селеніе Влѣстовитъ, или Блѣстовитъ, иначе Блестовитъе, а сѣвернѣе—Волосковцы.

На перевалѣ изъ Оки въ верхній Донъ обращаетъ на себя особое вниманіе имя Рясъ, которое распространяется на здѣшнее поле-степь (Рясское поле) и на многія небольшія рѣчки, называемыя Рясами, и даетъ также названіе городамъ Рязани и Рязску; или собственно Рясани, Рясску.

Здѣшняя переволока изъ Оки въ Донъ существовала еще въ 1502 г., когда Московскою государь Иванъ Васильевичъ, отпуская изъ Москвы Турецкаго посла, приказывалъ Рязанскою княгинѣ Аннѣ проводить посла по своей землѣ: „Отпустилъ я судномъ, писалъ онъ, посла Турецкаго до Старой Рязани; а отъ Старой Рязани ѣхать ему Пронею вверхъ, а изъ Прони къ Пранову (нынѣ р. Ранова), а изъ Прановой Хуптою вверхъ до Переволоки, до Ряскаго поля... Переволокою Рясскимъ полемъ до рѣки до Рясы“, текущей въ Воронежъ¹.

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что этотъ переволокъ существовалъ отъ глубочайшей древности, которая и на этомъ мѣстѣ поминаетъ уже знакомыя намъ Велетскiя имена, Проню и Пранову, указывающiя несомнѣнно Велетское имя Перуна.

Рѣка Проня и впадающая въ нее Пранова подходятъ своими истоками къ истокамъ Дона, гдѣ встрѣчаемъ селенiе Валшуту у озера Ивановскаго. Замѣтимъ также нѣкоторые притоки Прони, лѣвые: Вилинка, Катагощъ, Ерополь, Лютикъ; правые: Асинець, Ясменка, Виленка, Роговая, Волосовка, Келець, Калузевка, Литогощъ, Лютикъ.

Вблизи впаденiя Прони въ Оку встрѣчаемъ селенiе Пернино, а дальше внизъ по Окѣ Старую Рязань, древнѣйшую столицу Рязанскаго края. Неподалеку еще ниже въ Оку впадаетъ р. Пара, вытекающая съ той же вершины, которая именовалась Рясенинъ полемъ, откуда къ Дону текутъ Воронежъ и Рясы, а въ Оку Проня, Пранова, Пара. На этой вершинѣ, на верху Пары и ея притока Верды, находимъ селенiе Витищи, а также Троицкiе Расляи, довольно точно наменяющiе, откуда образовалось и самое слово Рязь, соответствующее Расу и Росу, какъ и рожденная отъ него Расань - Рязань, соответствующая Расони или Росони, соединяющей на сѣверѣ Нарову и Лугу, и Росани Дзѣпронской, текущей съ одной вершины съ Пронею же, притокомъ Сожа.

Къ востоку отъ этой Рязанской мѣстности за рѣкою Цною жили уже Буртасы, какъ на это указываетъ и текущая тамъ р. Буртась. Замѣтимъ, что въ озерной области къ сѣверу отъ Рязани сохраняется память объ Ильменѣ, какъ теперь

¹ Карамзинъ, И. Г. Р. VI, пр. 563.

называется одно небольшое озеро, находящееся подлѣ Великаго, и отъ котораго далѣе на востокъ лежитъ озеро Орс-Ариса-Ираса, напоминающее здѣсь же обитавшихъ древнихъ Аорсовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имя Русь. По этой Озерной области протекаетъ рѣка Пра, а въ нее на истокахъ впадаетъ р. Варна. Ниже мы увидимъ, что эти озера, въ качествѣ одного большаго озера, были извѣстны еще Геродоту.

Замѣчательно, что и подлѣ Муромъ течетъ въ Оку и впадаетъ нѣсколько ниже города р. Велетьма, отъ верха которой начинается верхъ Варяны, текущей въ противоположную сторону въ Мокшу, такъ что и самый городъ Елатьма, Елатомъ, стоящій въ этихъ же мѣстахъ, на Окѣ, выше Мурома и пониже впаденія Мокши, быть можетъ, только испорченный по-мордовски Вельтъ, Волоть.

Возвращаясь къ сѣверу, нельзя забыть, что въ Новгородской Деревской Пятинѣ существовалъ городъ Дѣмань, Демень, стоявшій на прямомъ пути отъ Новгорода къ верхней Волгѣ, соименный Померанскому Демину, на что указывалъ еще Каченовскій.

На сѣверной сторонѣ Ладожнаго озера существуетъ р. Рускога, Рускіала и мѣсто Рускоерве. Помянемъ: Росо-Мокъ, болото въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, Олонецкой губ.; Росляково на мѣстѣ древняго Бѣлозерска, Рослякову Губу въ Коляскомъ заливѣ; Ругозерскую Губу въ Бѣломъ морѣ на Корельскомъ берегу.

Сѣверная Двина, подобно Западной, несомнѣнно также приняла свое имя отъ промышленныхъ и предприимчивыхъ Велетовъ, которые ходили какъ видно въ устьѣ Печоры, ибо за Святымъ Носомъ, на Тиманскомъ берегу, не доходя Печоры, въ море впадала рѣка Вентъ иначе Велтъ, между рѣчкою Горностаемъ и рѣчкою Колоконковою; откуда, пройдя мысъ Русскій Заворотъ, входили въ Губу Печорскаго устья.

Это на востокъ къ Печорскому краю; а на западной сторонѣ Ледовитаго Поморья существуетъ даже Волятово городище въ заливѣ, который именуется Варангскимъ, Варенгскимъ. Объ этомъ городищѣ въ 1601 г. нашъ посланникъ Ржевскій рассказывалъ Датскому королю Христіану IV, по пре-

данію Лапландскихъ старцевъ, слѣдующую повѣсть; „Быль нѣкогда въ Корелѣ и во всей Корельской землѣ большой владѣтель, именемъ Валитъ, Варентъ тожь, а послушна была Корела къ В. Новгороду съ Двинскою землею и посаженникъ былъ тотъ Валитъ на Корельское владѣнье отъ Новгородскихъ посадниковъ... Онъ самъ собою былъ дородень, ратный человекъ и къ рати необычный охотникъ: то у него былъ большой промыслъ, что рать... и побивалъ Нѣмецъ. Мурманскую землю (Мурманскій берегъ) Нѣмцы отстоять не могли, онъ привелъ ее подъ свою власть... А въ Варенгѣ, на побоящѣ Нѣмецкомъ, гдѣ Варенгской лѣтній погостъ, на славу свою, принесши съ берегу, своими руками положилъ камень, въ вышину отъ земли есть и нынѣ больше косой сажени; а около его подалъ выкладено каменемъ. кабы городской окладъ въ 12 стѣвъ; а названъ былъ у него тотъ окладъ Вавилономъ; а тотъ камень и по сейчасъ слыветъ Валитовъ камень. Такой же городъ въ 12 стѣвъ былъ у него и въ Колѣ, но разоренъ, какъ острогъ дѣлали. А межъ Печенги и Пазь-рѣки есть губа морская, вышла въ берегъ кругла; а середь ее островъ камень высокъ, кругомъ сверху ровень: тутъ у него для крѣпости и покоя вмѣсто города было¹. Это и есть Волитово городище¹.

Память объ этихъ исполинахъ Волотахъ сохраняется въ урочищныхъ названіяхъ по преимуществу въ сѣверной половинѣ нашей страны, на сѣверозападъ отъ верхней Оки и верхняго Дона. Такъ и на соединеніи Ладожскаго озера съ Сѣвernoю Двиною и стало быть съ Ледовитымъ моремъ, посредствомъ Сухоны, существовало преданіе, что около Вологды и Кубенскаго озера и около текущихъ тамъ рѣкъ обиталъ нѣкогда народъ Волоты-исполины, отъ которыхъ получила имя и самая Вологда².

¹ И. Г. Р. Карамзина, XI, пр. 56.

² По народнымъ преданіямъ (въ Сибири) племя Волотовъ живо ушло въ землю. Его остатки народъ видѣтъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ. Большіе могилы-курганы на верховьяхъ Западной Двины народъ называетъ Волотовками, относитъ ихъ къ тѣмъ же великанамъ. Волотами и теперь называютъ очень рослыхъ людей. Въ южномъ горѣ Волотъ встрѣчается въ Велетѣ, Велетенѣ, то есть сохрываетъ свою западную сторону.

А въ самомъ Новгородѣ, въ его улицахъ и другихъ мѣстностяхъ, мы находимъ имена довольно вѣрно указывающія, отъ какой стороны, если не возродилась, то во многомъ зависѣла его промышленная и торговая жизнь. Самое старое Новгородское мѣсто называется Славно. Это былъ Славянской конецъ города, гдѣ находилась улица Варяжская, Щетиница отъ Штетина, Рогатида, ручей Витковъ. Этотъ конецъ рядомъ съ Плотничкиимъ концомъ лежалъ на правомъ берегу Волхова, т. е. на нашей восточной Русской сторонѣ.

На западномъ лѣвомъ берегу, гдѣ находится Кремль, ближе къ Ильмену жили Прусы въ Прусской улицѣ, заселявшіе свое мѣсто, приѣдя отъ запада рѣкою Лугою. Здѣсь же, вѣроятно, жили и Деигуницы—Латыши съ рѣки Двины, которая по ихъ выговору—Daugawa. Потомъ упомянемъ Росткину улицу, указывающую на Ростку, какъ на селеніе отъ балтійскаго Ростока. Съ конца города отъ Ладожскаго пути по Волхову находилось урочище Звѣринецъ, которое по всему вѣроятію ведетъ свое имя отъ Звѣрина, ибо трудно себѣ представить, чтобы здѣсь находился въ половинѣ 11-го в. зоологическій садъ. Скорѣе всего это былъ малый Звѣринъ-Звѣринецъ, по подобію: Дѣтинъ-Дѣтинецъ. Такъ точно по всему вѣроятію образовалось имя Чудинцевой улицы отъ Чудинца, отдѣльнаго поселка Чуди, находившагося на томъ же краю города. Припомнимъ еще урочища Витославичи, Перынь, Волосово и Ракомъ или Рокомъ, напоминающей Рюгенскую Аркону, имя которой дошло до насъ въ ея латинско-нѣмецкой передѣлкѣ. Теперь есть сел. Ракомо верстахъ въ 12-ти отъ Новгорода между озеромъ и рѣкою Веряжею, на ея протокъ въ озеро, который быть можетъ именовался Ракомо. Древнее Ракомо, гдѣ сѣлъ во дворѣ Ярославъ и избилъ созванныхъ сюда Новгородцевъ, находилось, по свидѣтельству лѣтописи, надъ Волховомъ, въ 3 верстахъ отъ города, къ озеру Ильмену, что приближается къ упомянутому протоку.

Представивъ этотъ краткій и бѣглый очеркъ географическихъ и топографическихъ именъ нашей страны, которыя содержатъ въ себѣ указанія на слѣды очень древняго пребыванія въ нашей странѣ людей поклонявшихся Виту, Радегосту, Перуну подъ именемъ Прона или Прана, носившихъ имя Волотовъ, Велетовъ, Вендовъ, Руговъ-Роговъ, Русовъ-Росовъ и т. п., мы однако вовсе не настаиваемъ, что всѣ

приведенныя имена непременно обозначаютъ только слѣды этихъ Волотовъ. Мы впередъ соглашаемся, что иныя изъ этихъ именъ принадлежатъ общимъ основамъ топографическаго языка у всѣхъ Славянскихъ племенъ, какъ и у другихъ родственныхъ съ ними народовъ; иныя образовались уже въ слѣдствіе преданій о давнемъ господствѣ Волотовъ, въ слѣдствіе перенесенія именъ на новыя селитьбы и т. д. Но мы не можемъ оставить безъ вниманія того обстоятельства, что приведенныя имена, сходныя съ именами далекаго Балтійскаго Поморья, разсыяны преимущественно въ такихъ мѣстахъ, которыя служили тоже преимущественно торговыми и промышленными дорогами и какъ бы узлами, связывавшими разнородное населеніе страны. Мы видѣли, что важнѣйшіе перевалы отъ Ладоги къ Києву, отъ верхней Двины и верхняго Днѣпра къ верхней Окѣ, отъ средней Оки къ верхнему Дону, — больше, чѣмъ другія мѣстности, служатъ свидѣтелями, что здѣсь нѣкогда, задолго до нашей исторіи, проходила другая исторія, о которой нѣтъ книжныхъ извѣстій и есть только извѣстія извлекаемыя отъ именъ земли и воды.

Для историка въ этихъ именахъ, обнаруживается какой то особый геологическій слой особаго историческаго періода, заслуживающаго во всякомъ случаѣ подробнѣйшаго изслѣдованія. Наша лѣтопись очень помнитъ, что Радимичи и Вятичи, распространившіеся по Сожу, по Деснѣ и Окѣ, пришли отъ Ляховъ. Но когда это случилось и отъ какихъ Ляховъ они пришли, объ этомъ она не говоритъ ни слова, называя Лягами и Повислянъ, и особенно Поморянъ и Лутичей-Велетовъ. Мы знаемъ еще, что Радимичи и Вятичи платили первымъ князьямъ дань щягами, т. е. монетою Англосаксонскаго происхожденія, тою монетою, которая въ свое время ходила вѣроятно по всему Балтійскому Поморью.

Вотъ историческія свидѣтельства, открывающія, что наши связи съ этимъ Поморьемъ могли и должны были существовать и безъ помощи Скандинавовъ, ибо пришедшіе къ намъ Радимичи и Вятичи, вѣроятно поклонники Рад-Госта и Свѣто-Вита, необходимо сами собою тянули эти связи изъ стараго въ новое свое отечество.

Затѣмъ самый ихъ приходъ никакъ не могъ быть наше- ствіемъ въ родѣ татарскаго и вообще кочевническаго. Ско- рѣе всего ихъ приходъ совершался тѣмъ же порядкомъ и подобными же путями, какъ совершался Русскій приходъ въ Сибирь. Тенерешній Монгольскій или Китайскій лѣто- писецъ очень вѣрно скажетъ, что Сибирское населеніе при- шло отъ Россіянъ, но въ какое время, въ какомъ году, — на это Сибирскій лѣтописецъ ничего не отвѣтитъ. Русскій народъ шелъ въ Сибирь до сего дня почти 300 лѣтъ, сколько ох- тою и еще больше по указамъ правительства.

Сколько же вѣковъ шли Радимичи и Вятичи не по ука- замъ правительства, а по своей доброй волѣ, быть можетъ въ слѣдствіе домашнихъ междоусобій или вслѣдствіе про- стой тѣсноты населенія и почему сюда же не шли ближай- шіе Скандинавы? Правда Готы попытались было идти, но на югъ, къ Черному морю, и были скоро выгнаны Гун- нами.

Въ наши сѣверныя мѣста шли одни Славяне, конечно, по той причинѣ, что весь югозападный край нашей страны искони былъ занятъ Славянствомъ же, и что весь Финскій сѣверовостокъ почитался для Славянскаго населенія, какъ бы собственною дорогою, проложенною съ незапамятныхъ временъ, по которой, какъ видно, это населеніе не пропу- скало ни кого, никакихъ Скандинавовъ, всегда защищая этотъ уголъ, какъ собственную родную землю.

Переселеніе сюда Славянства и если Славянства не уго- но, то вообще чужихъ людей, засвидѣтельствовано, какъ увидимъ, еще Геродотомъ и началось по его словамъ лѣтъ за 30 до похода на Скиѳовъ Персидскаго Дарія, то есть въ половинѣ шестаго столѣтія до Р. Х. Такимъ образомъ преданія о заселеніи нашей страны пришельцами уходятъ въ древность глубже, чѣмъ преданія о начальной исторіи Германскихъ племенъ.

На основаніи этихъ преданій можно вполне вѣровать, что наши связи съ Балтійскимъ Славянствомъ отъ самой глубокой древности не прекращались ни на одну минуту и къ 9-му вѣку потому сдѣлались больше и прямѣе извест- ными, что съ этого времени исторія стала передвигаться на сѣверъ и лѣтописцы стали больше писать о дѣлахъ сѣ- вера.

Кромѣ преданій, о томъ же свидѣлствуютъ и географическія показанія древнихъ. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. по словамъ Плинія и Тацита на сѣверѣ Европы подлѣ Англовъ живеть народъ: Варины, мѣсто котораго обозначается именемъ рѣки Варновы, на которой стоитъ теперешній нѣмецкій Ростокъ, сохранившей досель память о своихъ древнѣйшихъ обитателяхъ.

Въ концѣ втораго вѣка географъ Птоломей подтверждаетъ это. Въ половинѣ шестаго вѣка Готскій историкъ Иорнадъ говоритъ, что на берегу Океана, тамъ гдѣ тремя устьями впадаетъ въ него р. Висла, живутъ Видіоаріи—Види-Варіи—смѣсь людей разныхъ племенъ. А въ промежуткѣ этого времени, въ половинѣ третьяго вѣка, получаемъ извѣстіе отъ историка Зосима, что въ нашемъ Черноморскомъ краю существуетъ народъ Вораны, который по соглашенію съ Воспорцами руководитъ морскими набѣгами на Римскія Черноморскія области.

Если въ это же время на Черномъ морѣ дѣйствовали и Готы, пришедшіе въ нашу страну съ Балтійскаго моря, то почему бы не придти къ намъ съ Балтійскаго же моря Варинамъ (Вирунамъ, Варнамъ, Веринамъ, Веранамъ) названнымъ теперь Воранами. Очевидно, что эти имена отъ перваго до шестаго вѣка включительно обозначаютъ въ олатыненной и огреченной формѣ тоже самое имя, которое у нашихъ Славянъ произносилось: Варягъ. Такимъ образомъ странствованіе Варяговъ по нашей землѣ заявлено уже исторіею въ половинѣ третьяго вѣка по Р. Х.

Исслѣдователи-норманисты, которымъ конечно не понравится такая древность нашихъ Славянскихъ Варяговъ, потребуютъ иныхъ свидѣтельствъ, самыхъ всестороннихъ и полныхъ, такъ чтобы прямо и подробно было рассказано какъ, откуда именно, когда пришли въ нашу страну эти Варины—Вораны. Безъ того они ничему не повѣрятъ. Но на какихъ же подробностяхъ держится все ихъ утвержденіе, что призванные Варяги были Скандинавы?

Впрочемъ истина и въ густомъ лѣсу предубѣжденій непремѣнно сверкнетъ своимъ непобѣдимымъ свѣтомъ и хотя на минуту озаритъ темный и трудный извилистый путь, направленный къ ея же познанію. Г. Погодинъ, рассуждая о томъ, какъ Новгородцы объяснялись съ Варягами - Русью,

доказываетъ, что это было очень просто, ибо „Норманны и Славяне искони жили рядомъ, въ сосѣдствѣ по Балтійскому морю и въ незапамятныя еще времена обитѣались многими словами.... Нѣкоторые племена по сосѣдству—даже смѣшались, такъ-что ихъ разобрать трудно. Въ дружинахъ Норманскихъ — всегда было очень много Славянъ. Самъ Гельмольдъ свидѣтельствуетъ, продолжаетъ уважаемый историкъ, что „Маркоманнами называются обыкновенно люди, отовсюду собранные, которые населяютъ Марку. Въ Славянской землѣ много Марокъ, изъ которыхъ не послѣдняя наша Вагирская провинція (это во второй половинѣ 12 столѣтія) имѣющая мужей сильныхъ и опытныхъ въ битвахъ, какъ изъ Датчанъ, такъ и изъ Славянъ“¹.

„Флотъ Норвежскій, продолжаетъ г. Погодинъ, приплывшій во Фризію состоялъ, по свидѣтельствамъ, изъ Датчанъ, Норвежцевъ и даже Оботритовъ. Въ экспедиціи противъ Англіи 857 г. было много Вендовъ“. Но послѣ словъ Гельмольда о Вагирской провинціи, искони населенной Славянами, г. Погодинъ прибавляетъ слѣдующія достопамятныя слова: „Чуть ли не въ этомъ углу Варяжскаго моря, чуть ли не въ этомъ мѣстѣ Гельмольда, заключается ключъ къ тайнѣ происхожденія Варяговъ - Руси: Здѣсь соединяются вмѣстѣ и Славяне и Норманны и Вагры и Датчане, и Варяги, и Ріустри, и Росенгау. Еслибъ, кажется одно слово сорвалось еще съ языка Гельмольда, то все стало бы намъ ясно, но, вѣроятно, этого слова онъ самъ не зналъ!“².

¹ Вотъ почему и Дитмаръ въ 10 вѣкѣ упоминаетъ, что въ Києвѣ во множествѣ жили Данн.

² Исслѣдованія II, стр. 523.

Въ последнее время г. Погодинъ такъ видоизмѣняетъ эту вѣршительную догадку о происхожденіи Руси:

„Не заселены ли были первоначально Датскіе острова Славянами, точно также, какъ сосѣдній островъ Рюгенъ и все Поморье балтійское, Померанія,—а впослѣдствіи уже переселилось въ нихъ изъ Норвегіи племя Славянское или Готское, которое совершенно перекрыло первыя поселенцевъ? Взаимное вліяніе нарѣчій и знакомство Норманновъ и Славянъ между собою облегчаетъ уразумѣніе и сношеній Новгородскихъ Славянъ съ Варягами. Здѣсь могутъ казаться примириться все мнѣнія о происхожденіи Русь.... Не понятно, для какой надобности дѣлать такія предположенія, когда Исторія Балтійскихъ Славянъ несомнѣнно и до

Ничего нѣтъ удивительнаго, что Гельмольдъ, писавшій свою хроникѣ около 1170 г., т. е. спустя слѣшкомъ триста лѣтъ послѣ указанного нашею лѣтописью призванія Руси, никакого слова не зналъ объ этомъ событіи, для насъ очень важномъ, а для тамошней страны весьма обыкновенномъ и рядовомъ. Въ то время и въ тамошнихъ мѣстахъ военныя дружины созывались и призывались чуть не каждый день отовсюду, гдѣ только онѣ славились своею отвагою. Удивительнѣе всего то обстоятельство, что при такой совокупности несомнѣнныхъ западныхъ свидѣтельствъ о коренномъ Варяжествѣ во всѣхъ смыслахъ нашихъ Балтійскихъ Славянъ, мы совсѣмъ отвергли, и совсѣмъ позабыли ясное, точное, прямое свидѣтельство нашей собственной лѣтописи, указывавшей несомнительно, что Варяги - Русь обитали на Балтійскомъ Славянскомъ Поморьѣ, въ углу, по сосѣдству съ Датчанами и Англами, и что оттуда призваны князья.

Если это точное свидѣтельство вполнѣ и также несомнѣнно подтверждается именами населенныхъ мѣстъ, въ которыхъ звуки Рус—Рос являются родными и наиболѣе распространенными именно въ томъ же Славянскомъ углу Варяжскаго Поморья, то спрашивается, какихъ же еще нужно основаній, дабы утвердить простую и вполнѣ вѣро-

очевидности распръмываетъ, что Славяне искони вѣковъ жили на своихъ мѣстахъ по всему южному балтійскому побережью съ островомъ Рюгеномъ включительно, и всегда находились въ постоянныхъ связяхъ, дружескихъ или враждебныхъ, и съ Датчанами и съ Нѣмцами и Норвежцами и со всѣмъ Балтійскимъ Поморьемъ.

Славяне имѣли поселенія на всѣхъ берегахъ Поморья, даже въ Британіи. Точно такъ и Скандинавы имѣли поселенія въ Славянскихъ земляхъ, каковъ напр. былъ Йомсбургъ, вѣрность Воллина-Винеты. Относительно мѣста, гдѣ жили Несторомъ Варяги-Русь, г. Погодинъ, въ томъ же сочиненіи, поддерживаетъ мнѣніе Ломоносова: «Я стою за происхожденіе, говоритъ онъ, а не за обиталище, и оставляя этотъ вопросъ открытымъ... Вопросъ остается таинствъ и теперь (апрѣля 7, 1874 г.), и я думаю только, что Норманскую Варяговъ-Русь вѣроятнѣе искать въ устьяхъ и низовьяхъ Нѣмана, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Балтійскаго Поморья».

Таковы окончательныя соображенія самаго горячаго изъ защитниковъ Норманской теоріи. См. «Ворьба не на животь, а на смерть съ новыми историческими ересьями». М. 1874. стр. 156, 390.

ятную истину, что Варяги - Русь были прямые Славяне съ острова Руги или Руси, что Варяги въ собственномъ смыслѣ, какъ разумѣть ихъ наша первая лѣтопись, были тоже прямые Славяне изъ того Балтійскаго угла, между Одрою и Лабю - Эльбою, гдѣ ихъ имя, Варины, Вары, вмѣстѣ съ именемъ Руги, было извѣстно съ глубокой древности.

Какъ иначе, если не Славянствомъ Руси мы объяснимъ слова лѣтописца: „Тѣ люди Новгородцы отъ рода Варяжска, а прежде были Славяне.“ По тѣмъ городамъ, въ Новгородѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Бѣлозерѣ, Муромѣ, пришельцы суть Варяги, а туземцы были въ Новгородѣ Славяне, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Мери, на Бѣлозерѣ Веси, въ Муромѣ Муромы. Въдѣ и о Ростовѣ, Бѣлозерѣ, Муромѣ, лѣтописецъ тоже разумѣть, что тѣ люди теперь отъ рода Варяжска, а прежде были Мери, Веси, Муромы.

Слѣдуя простой логикѣ, норманская школа населила всѣ эти города Норманнами, отчего само собою образовалось цѣлое племя Норманновъ, которое по этому говорило до конца 12 вѣка своимъ Норманскимъ языкомъ, а потомъ вдругъ исчезло и не оставило никакихъ слѣдовъ, ни въ плени, ни въ языкѣ. Чудеса! Говорятъ, что это скандинавское племя ославянилось. Но положимъ, что такъ случилось въ Славянскихъ городахъ. Отчего же оно ославянилось у Мери, у Веси, у Муромы? Тамъ оно должно было превратиться въ Мордву, если въ Славянскихъ городахъ превратилось въ Славянъ. Очевидная и яркая несообразность, никакъ необъяснимая Норманствомъ Руси и безъ всякаго труда и вполне объяснимая ея Славянствомъ. И Мери, и Веси, и Муромы, и всѣ инопородцы, куда пришли Варяги, заговорили не по Нормански, а по Славянски, и сдѣлались чистыми Славянами безъ примѣси Норманства оттого, что насельники этихъ Финскихъ мѣстъ, Варяги, были сами чистые Славяне.

Вообще смыслъ этого лѣтописнаго свидѣтельства нельзя опредѣлять временемъ призванія Рюрика, какъ оно показано лѣтописью. Это, напротивъ, по всему вѣроятію, очень далекое преданіе о Варяжской Славянской колонизаціи на нашемъ Финскомъ сѣверѣ, проходившей съ особою силою отъ предприимчиваго Славянскаго Балтійскаго Поморья.

На это прямо указывает древнее имя Новгородцевъ, Славяне, упоминаемое на томъ мѣстѣ уже Птоломеемъ во 2 вѣкѣ по Р. Хр. Ставане, Суовене, которое родилось и распространилось только на западѣ, возлѣ Нѣмцевъ, упоминаемыхъ еще раньше Ю. Цезаремъ, Тацитомъ и Плиніемъ. Въ соотвѣтствіе этому и Финны даже до сихъ поръ называютъ Русскихъ Венами, Венелайне, Виндлайне, то есть именемъ, которое искони принадлежало Славянамъ Балтійскимъ.

Такимъ образомъ первый Славянскій поселокъ въ Новгородской странѣ долженъ существовать покрайней мѣрѣ во времена Птолемея, а по здравому разсудку и гораздо раньше, такъ какъ Птоломей пользовался свѣдѣніями болѣе древними, чѣмъ когда писалъ свою географію.

Поселеніе Руси на берегахъ кievскаго Днѣпра точно также должно относиться къ очень далекому времени, къ тому времени когда проторенъ былъ путь по Днѣпру посредствомъ Двины и Невы съ Балтійскаго Поморья къ Черному морю. А потому Роксоланы, защищавшіе Скивовъ противъ Митрида Великаго, быть можетъ, вовсе намъ не чужіе и вовсе не круглые степняки, какъ ихъ представляютъ незнавшіе или очень мало ихъ знавшіе писатели латинскаго вѣка.

Во всякомъ случаѣ эту сѣдую древность действительно требуется осмотрѣть по всѣмъ угламъ, чтобы разъ навсегда окончательно рѣшить, что она совсѣмъ намъ чужая. Необходимо, по завѣщанію Ломоносова, раскрыть, опредѣлить въ нашей исторіи то участіе, какое разные древніе народы, жившіе въ нашей странѣ, принимали „въ составленіи Россіи“. Съ этою цѣлью, „должно приобрѣсти обстоятельное по возможности знаніе этихъ народовъ, дабы увѣдать ихъ древность и сколь-много ихъ дѣла до нашихъ предковъ и до насъ касаются“. Намъ скажутъ, что въ этой области, нельзя приобрѣсти ничего кромѣ вѣроятныхъ догадокъ.

Дѣйствительно, одно это орудіе мы и имѣемъ въ своихъ рукахъ для разьясненія древнихъ отрывочныхъ и смудныхъ показаній о нашей странѣ и о народахъ въ ней обитавшихъ. Но всякія изысканія и изслѣдованія, по недостатку прямыхъ и положительныхъ свѣдѣтельствъ, всегда начинаются съ догадокъ. Такъ начались и изысканія о Скандинавствѣ Руси, доставившія весьма смудный и очень сомнительный

матеріалъ для познанія нашей древности. По приказанію Шлецера, вовсе не желая разбирать наше доисторическое дѣло, мы остановились на первомъ шагу обыкновенной изслѣдовательности и самонадѣянно утверждаемъ, что дальше идти не зачѣмъ, потому что впереди всего тутъ стоитъ не официальный документъ, а догадка. Мы забываемъ, что догадка въ исторіи во многихъ случаяхъ бываетъ основательнѣе и достовѣрнѣе всякихъ „документовъ“. Въ сущности она есть первый приемъ критики. И только посредствомъ строгой и всесторонней критики мы и можемъ возстановить нашу древность во всей ея исторической правдѣ. Доселѣ наша критика была пристрастна и односторонна. Она допрашивала только одного свидѣтеля, Скандинавовъ, не слушая другихъ, или выслушивая этихъ другихъ съ пристрастіемъ въ пользу Скандинавовъ. Очевидно, что такое поведеніе нашей критики никогда не можетъ привести насъ къ правдѣ. Очевидно, что для правдиваго отношенія въ дѣлу необходимо съ одинаковымъ вниманіемъ выслушать всѣхъ свидѣтелей. Напрасно только говорить, что здѣсь всѣ вопросы должна рѣшить одна лингвистика. Она уже потому затруднится рѣшить эти всѣ вопросы, что поле ея изыскательности въ этомъ случаѣ ограничивается почти одними только собственными именами, всегда перепорченными выговоромъ и написаніемъ. Напротивъ, здѣсь еще болѣе необходима критика этнологическая, для которой лингвистика можетъ служить только опорой, иногда вполне надежною, иногда весьма сомнительною.

Общіе законы развитія народной жизни, въ зависимости отъ положенія страны, отъ характера ея природы; всемірно-историческіе законы народныхъ связей и отношеній; логическіе законы самой жизни каждаго народа относительно первыхъ началъ и свойствъ его быта; законы, экономическіе и другіе, по которымъ совершаются расселенія и переселенія племенъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ средневѣковая исторія самовольно или переселяетъ цѣлые народы или истребляетъ ихъ съ лица земли, основывая свои заключенія единственно только на появленіи или на исчезновеніи народнаго имени въ письменныхъ памятникахъ; вообще изслѣдованіе народной жизни, ея основъ, формъ, направленій, стремленій—вотъ какіе предметы необходимо имѣть въ ви-

ду, когда стараемся осмыслить несвязанную, отрывочную, разнородную, загадочную массу свидетельствъ о странѣ и народѣ.

Намъ кажется, что весь вопросъ при такомъ изслѣдованіи не въ имени народа, а въ мѣстности, на которой живетъ народъ, въ его жилищѣ, которое, хотя бы и не видно было въ немъ хозяина, можетъ очень хорошо познакомить съ его житейскими порядками и потребностями. По жилищу, въ связи съ его отношеніями къ сосѣдямъ, можно легко развѣдать, каковъ тотъ человекъ, который его занимаетъ, и какъ далеко то время, съ котораго онъ могъ въ немъ поселиться.

Наконецъ, согласимся что исторія наука не-точная и какъ прагматика вся построена на догадкахъ и вѣроятіяхъ; что полный видъ точности въ ней получаютъ одни только идеи, коими жизнь управляется; что всякое вещественное, реальное воплощеніе этихъ идей подъ видомъ событий или людскихъ характеровъ никакъ и никогда не можетъ быть восстановлено, такъ сказать, въ естественно-исторической точности, въ настоящей матеріальной своей истинѣ; ибо все въ исторіи умираетъ и уноситъ съ собою навсегда свои живые образы, оставляя намъ въ поученіе одни только идеи своихъ дѣлъ и своихъ характеровъ. Мы никогда не можемъ узнать во всей истинѣ даже любое изъ современныхъ событий, проходящихъ по нашимъ головамъ и передъ нашими глазами; какъ не можемъ узнать во всей точной реальной истинѣ и характеръ любого живаго дѣятеля. Объясненія наши, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, всегда будутъ устанавливаться на догадкахъ и вѣроятіяхъ по количеству и качеству собранныхъ свѣдѣній.

Итакъ, размышляя о до-историческомъ времени нашей исторіи включительно до призванія Варяговъ, руководясь при этомъ свидетельствомъ нашей лѣтописи, а равно свидетельствами и намеками болѣе отдаленной древности, мы можемъ остановиться на слѣдующихъ наиболее правдоподобныхъ вѣроятіяхъ:

Варяги нашей первоначальной лѣтописи въ собственномъ смыслѣ суть Балтійскіе Славяне, жившіе между Одеромъ и Травною. Въ обширномъ смыслѣ, по имени Варяжскаго моря,

Варягами летопись называется и всѣхъ сѣверныхъ Поморцевъ, то есть Скандинавовъ.

Имя Варягъ очень древне. Оно идетъ отъ Вариновъ (Вериновъ, Вируновъ, Верановъ, Варновъ), упоминаемыхъ въ первомъ столѣтїи по Р. Х. на тѣхъ же мѣстахъ между Травюю и Одеромъ по сосѣдству съ Англами, упоминаемыхъ подъ именемъ Ворановъ въ половинѣ третьяго вѣка на Черноморьѣ, подъ именемъ Види-Варіевъ въ половинѣ шестаго вѣка въ устьяхъ Вислы. Кромѣ того существуютъ, какъ увидимъ, другія указанія, которыя даютъ новыя подтвержденія той истинѣ, что Балтійское Славянство господствовало въ нашей странѣ подъ другими именами.

Варяги появились въ нашей странѣ въ незапамятное время. Новгородцамъ они оставили въ наслѣдство западное имя Славянъ, исключительно предъ всѣми остальными племенами Славянскаго Востока. Имя Новгородскихъ Славянъ указывается уже во второмъ вѣкѣ по Р. Х. географомъ Птоломеемъ въ формѣ Ставаны, Суовены.

Варяги-Русь по точному указанію летописи жили въ той же странѣ между Травюю и Одеромъ. Несомнѣнно, что это были древніе Руги, получившіе имя отъ острова Ругена въ смыслѣ Руга-Рога Славянской Прибалтійской Земли.

Имя Руси, поэтому, на самомъ дѣлѣ могло быть принесено въ нашу страну этими Варягами-Ругами точно также въ незапамятное время, о чемъ летопись имѣла вѣрное преданіе, такое же, какое она имѣла о приходѣ Радимичей и Вятичей отъ Ляховъ, то есть отъ тѣхъ же Балтійскихъ Поморянъ. Или же утвержденіе летописи, что имя Руси принесено Варягами, есть только соображеніе о томъ, откуда вѣроятнѣе всего могла получить туземная Русь свое Русское имя; ибо нѣтъ также никакихъ разумныхъ основаній отвергать, что Страбоновы Роксоланы суть наша древнѣйшая Славянская Русь. Летописецъ хорошо зналъ, что въ его время, между Варягами-Славянами существовала Рюгенская Русь и могъ этимъ именемъ объяснить происхождение своей Кіевской Руси. Разстановка годовъ, для объясненія, когда случилось это принесеніе имени, остается умышленіемъ составителя летописи.

Славянскіе Варяги, какъ первые и древнѣйшіе колонизаторы нашего сѣвера, задолго до 9-го вѣка сидѣли по горо-

дамъ у Чуди, Веси, Мери, Муромы и всѣ тинули въ Новгороду, какъ въ своей родной матери. Новгородъ, въ свой чередъ, тянулъ за море къ Варягамъ-Славянамъ, которые по Славянству были его отцы и дѣды, почему лѣтописецъ очень справедливо говоритъ, что Новгородцы происходили отъ рода Варяжскаго, а прежде были Славяне. Вотъ почему, по лѣтописи, Варяги занимали земли съю до предѣла Симова, то есть до предѣловъ Азіи, до Волги и Каспійскаго моря.

Непрерывный рядъ историческихъ свидѣтельствъ о нашей странѣ начинается съ того времени, какъ мы выучились грамотѣ, то есть отъ половины 9-го вѣка, отчего съ этого времени начинаютъ и нашу исторію. Но исторія народа не начинается по прихоти случая, оставляющаго о народѣ письменныя свидѣтельства только отъ известнаго года. И до этого года проходила свой путь таже исторія, о которой мы ничего не знаемъ только по случаю недостатка письменныхъ свидѣтельствъ. Это обстоятельство не подаетъ однако намъ ни малѣйшаго права утверждать ходячую плещеровскую истину, что чего мы доселѣ не знаемъ, о чемъ не сохранилось свидѣтельствъ, того вовсе и не существовало. Въ подобныхъ утвержденіяхъ во главу угла своей изслѣдовательности мы ставимъ случай и посредствомъ этого случая стараемся объяснять послѣдующій ходъ событій.

Первый лѣтописецъ состояніе нашихъ до-историческихъ лѣтъ опредѣлялъ коротко, но очень ясно и точно. На сѣверѣ, говоритъ онъ, господствуютъ Варяги и берутъ съ населенія дань; на югѣ точно тоже дѣлаютъ Козары. Исторія можетъ и должна спросить, отчего и какъ это случилось? Господство Варяговъ, какъ мы показали, засвидѣтельствовано прямыми намеками Исторіи, упоминающей это имя Вар отъ 1 до 6 вѣковъ, придающей этому имени тѣже существенныя свойства, что Варяги были смѣльчакъ, вѣселикъ людей и отважные мореплаватели, каковы впоследствии обрисовываются Варяги 9—11 вѣка. Все это даетъ полное основаніе догадываться и заключать, что Варяги въ нашей странѣ промышляли по крайней мѣрѣ съ того времени, какъ существуютъ объ нихъ этнографическія показанія

древнѣйшихъ географовъ. Они, Варяги, по этимъ показаніямъ, идуть въ нашу страну отъ югозападнаго угла Балтійскаго моря, оттуда, гдѣ Несторъ указываетъ свою Русь, идуть до Вислы (Види-Варіи) и до Чернаго моря (Вораны), то есть прямою дорогою по южному Балтійскому Поморью, спускаясь потомъ на Днѣпровскій югъ. Весь этотъ путь населенъ былъ Вендами-Славянами, слѣдовательно именемъ Варяговъ назывались тѣже балтійскіе Венды-Славяне, Види-Варіи по Торнанду.

Поднимая при этомъ древнѣйшій геологическій пластъ географическихъ именъ на нашей землѣ, находимъ, что въ обломкахъ въ немъ сохраняются еще имена, несомнѣнно указывающія на наши незапамятныя связи съ Балтійскимъ Поморьемъ. Имя Перуна - Прона звучитъ еще въ именахъ рѣкъ Проней и Прановой; также звучитъ имя Радегаста и даже Свѣто-Вита. Это показываетъ, что поклоненіе однимъ и тѣмъ же мифамъ различествовало въ ихъ названіяхъ и указывало мѣсто, откуда появились эти названія въ нашей странѣ. Послѣ того очень естественно, что промышленія на Русскомъ сѣверѣ отъ Ледовитаго до Чернаго и Каспійскаго моря, Варяги больше всего крѣпились конечно на сѣверѣ и какъ промышленные хозяева, сидя въ городахъ, держали весь край въ своихъ рукахъ, собирая съ него дань и пошлину, какъ это дѣлалось въ послѣдствіи при Русскомъ владычествѣ надъ Сибирью. Ильменская страна, Новгородъ, Ладога, были центромъ или крѣпкимъ звеномъ этого Варяжскаго промысла въ нашей странѣ.

Изгнаніе Варяговъ есть прямое дѣйствіе этого же гнѣва, достаточно окрѣпшаго въ своей самостоятельности и разсудившаго, что для устройства своей независимости лучше призвать на вѣчное житье храбрую дружину, чѣмъ оставаться подъ владычествомъ заморья, отъ котораго однако и по призваніи дружины оно не могло совсѣмъ освободиться и платило ему дань для мира до смерти Ярослава. Этотъ поворотъ въ самостоятельной жизни Восточныхъ Новгородскихъ Варяговъ, обрусѣвшихъ пришельцевъ съ Балтійскаго Поморья, совпадаетъ съ большими замѣшательствами, междоусобіями и войнами у балтійскихъ Славянъ въ первой половинѣ 9 вѣка. Замѣшательства начались еще отъ войнъ Карла Великаго съ славянскими соседями, Саксонцами, въ

концѣ 8 вѣка. Они поддерживались непримиримомъ враждою двухъ сосѣдей изъ балтійскихъ Славянъ, Оботритовъ, къ которымъ принадлежали Варны и Вагры, съ Велетами или Дютичами. При помощи Оботритовъ Карлъ покорилъ своей власти (789 г.) и Велетовъ. Но вслѣдъ за тѣмъ обезсилены были и Оботриты нашествіемъ Датчанъ, при чемъ раззоренъ былъ и главный ихъ городъ Рернъ—Рарогъ (808 г.). Съ тѣхъ поръ эта Славянская Варяжская область постоянно находилась въ борьбѣ, то съ Нѣмцами, то съ Датчанами, помогая своими племенами другъ противъ друга, то тѣмъ, то другимъ, и тѣмъ самымъ окончательно изнуряя собственныя силы.

Нѣтъ ничего мудренаго и даже очень естественно предполагать, что Варяжскій востокъ, пользуясь раздорами и ослабленіемъ Варяжскаго запада, замыслилъ и самъ совѣстнъ отклониться отъ своихъ старинныхъ хозяевъ. Онъ, быть можетъ, въ слѣдствіе ихъ же междоусобій, изгналъ ихъ, но за тѣмъ скорѣ избралъ въ ихъ же странѣ отважную дружину, именуемую Русь, призваніе которой и выразило самостоятельное начало нашей исторіи.

Такимъ образомъ призваніе князей есть послѣднее, событіе древнѣйшей Варяжской исторіи на нашемъ сѣверѣ и первое событіе собственно русской исторіи. Конечно оно случилось гораздо раньше 862 или 852 года, по крайней мѣрѣ лѣтъ за пятьдесятъ и больше¹.

Задолго передъ этимъ временемъ, то есть вообще въ 8-иѣ вѣкѣ, по свиданіямъ западныхъ лѣтописцевъ, особенно славилась своею воинственностью, Вагры, Вагиры, передовой славянской народъ въ борьбѣ съ Германскимъ племенемъ. Паденіе силы Вагровъ на западъ, не повлекло ли за собою паденіе ихъ силы и на востокъ, выразившееся ихъ изгнаніемъ изъ Новгородской области, что могло случиться еще во второй половинѣ 8 вѣка?

¹ Лѣтописецъ, руководясь найденнымъ въ греческомъ лѣтописании первымъ извѣстіемъ о Руси при царѣ Михаилѣ, поставилъ первый годъ его царствованія начальнымъ годомъ и въ русской лѣтописи и тотъ же умъ по своему усмотрѣнію разставилъ свои года и для первыхъ событій нашей исторіи, отставя изгнаніе Варяговъ къ 850, а призваніе князей къ 862 г.

И вообще борьба на западъ между Оботритами и Лютитами-Велетами, не отозвалась ли борьбою этихъ же соперниковъ и на дальнемъ востока, въ Новгородской области, послѣ чего восторжествовали Лютити и изъ ихъ земли были потомъ призваны Русь - Ругиѣ - Рюгенцы?

Новгородъ въ названіи своихъ мѣстъ сохраняетъ имена городовъ Оботритскихъ: Звѣринъ, Ростокъ, и Велетскаго: Штетинъ; эти мѣста въ добавокъ расположены на противоположныхъ берегахъ Волхова, первыя на Софійской, второе на Торговой сторонѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что разнородность городского населенія въ Новгородѣ не только соединяла въ тѣсный кругъ населеніе каждаго конца, но и поднимала частую вражду этихъ концовъ и улицъ другъ на друга, чѣмъ особенно и отличается внутренняя исторія Новгорода.

Таковы могутъ быть наиболѣе вѣроятныя соображенія о доисторическомъ времени нашей исторіи.

Славянство Варяговъ, Славянское происхождение Руса въ полной мѣрѣ устраняютъ изъ нашей исторіи тотъ рядъ противорѣчій и несообразностей, какой въ ней существуетъ доселѣ по случаю господства мнѣній о Норманствѣ-Скандинавствѣ.

Предположеніе о Славянствѣ Варяговъ основывается прежде всего на правильномъ чтеніи и пониманіи лѣтописнаго текста. Оно подтверждается множествомъ свидѣтельствъ до-норманской древности, подтверждается простымъ естественнымъ ходомъ исторіи, этнологическими законами ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ оно нисколько не устраняетъ преимуществъ въ числѣ Славянскихъ Варяговъ и Скандинавскихъ ихъ товарищей по морю, всегда бывавшихъ на братской службѣ въ Славянскихъ дружинахъ; оно нисколько не устраняетъ возможности даже и для Славянскихъ Варяговъ носить личныя имена Скандинавскія, ибо вообще по однихъ именахъ еще трудно судить о народности людей, и тѣмъ больше, если такія имена на вѣки вѣковъ останутся спорными¹.

¹ Припомнимъ въ случаѣ отысканія Готскаго историка половинами 6-го вѣка Юрнандъ: «Всякому извѣстно, говорить онъ, что народы часто употребляютъ чужія имена: Римляне часто брали имена отъ Македонцевъ, Греки отъ Римлянъ, Сарматы отъ Германцевъ, Готы отъ Гунновъ. Эта въ высокой степени важная замѣтка ставитъ великую правоту

Самые столпы, на которых по выражению исследователей, покоится наука Скандинавства¹, то есть имена князей, послонъ и днѣпровскихъ пороговъ, стоятъ на такой почвѣ, которая является твердою и крѣпкою, только по недостатку этнологической критики и по отсутствію науки о Славянствѣ въ нашей первоначальной исторіи.

Существо вопроса все таки будетъ заключаться въ народности пришедшихъ и призванныхъ людей. Свойства, и качества этой народности, на основаніи этнологической критики, неизмѣнно должны отразиться и оставить по себѣ явные и точные слѣды въ жизни. Но въ Русской жизни первыхъ двухъ вѣковъ съ призванія князей ни Шведскихъ, ни Норвежскихъ, ни Датскихъ, ни Англійскихъ слѣдовъ мы не видимъ. Передъ нами носятъ только какія-то больше всего лингвистическія видѣнія о Скандинавствѣ вообще не представляющія ничего реального, осязаемаго. Бросаются только въ глаза одни невнятные перепорченные и потому очень спорныя имена, которыя, лингвистически, быть можетъ, съ равнымъ успѣхомъ можно растолковать изъ любого языка. Покрайней мѣрѣ не безъ успѣха ихъ толковали уже изъ венгерскаго (г. Юргевичъ, Зап. Одес. Общ. Истор. т. VI).

Казалось бы, что Скандинавство Руси нигдѣ не могло выразить себя такъ осязательно, какъ въ Новгородѣ.

для рѣшительныхъ заключеній, что личныя имена у древнихъ народовъ могутъ непременно объяснять ту или другую народность человека; что напр. Германское имя должно непременно показывать, что это былъ Германецъ, равно, какъ и Славянское, что это былъ Славянинъ. Требуется, стало быть, объяснить каждое имя еще истомъ и народностью, откуда происходилъ человекъ.

¹ Г. Васильевскій: Варяго-Русская и Варяго-англійская дружина въ Константинополь XI и XII вѣковъ. Ж. М. Н. Пр. 1874, ноябрь 1875, февраль, мартъ. Почтенный авторъ весьма основательно доказываетъ, что Варягами въ византійскихъ сказаніяхъ называются Русскіе, что Русь и Варяги по византійскимъ понятіямъ были одно и тоже. О Скандинавствѣ авторъ замѣчаетъ слѣдующее: «Мы думаемъ, что Скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли завѣдомую неудачу. Она покоится главнымъ образомъ на двухъ столпахъ, и пр.

Новгородъ призвалъ Варяговъ - Скандинавовъ. Они тамъ жили и хозяйничали долгое время, такъ что летописецъ могъ справедливо сказать, что люди Новгородскіе отъ рода Варяжскаго, то есть Скандинавскаго-Шведскаго. Въ Новгородъ, стало быть, находилось истинное гнѣздо Скандинавства. Его народныя, даже простонародныя, и политическія нравы должны неизмѣнно дышать, горѣть истымъ Скандинавствомъ, должны оставить это горнило Скандинавской жизни въ наслѣдство не одному поколѣнію Новгородскаго Славянства. Оно будто бы и существовало 200 лѣтъ по утвержденію науки Скандинавства. А между тѣмъ никто въ Русской землѣ, какъ именно Новгородъ, не остался вѣрнымъ сыномъ-наслѣдникомъ того городского и политическаго устройства, какое существовало только въ Славянскихъ городахъ при устьяхъ Одера. Тѣ города уже исчезли; одинъ изъ нихъ по прекрасной легендѣ, живущей въ преданіи и до сихъ поръ, погрузился на дно моря¹; а Новгородъ до конца своихъ дней все тянулъ ту же самую жизнь и ту же исторію, которая трепетала нѣкогда на всемъ Славянскомъ Балтійскомъ Поморьѣ. Какъ объяснить такое чудо!

¹Слава древняго Волина, говоритъ Грановскій, забыта означеннымъ народонаселеніемъ. Но рыбаки Волинскіе и Узедомскіе рассказываютъ чудную повѣсть о царственной Винетѣ, о богатствѣхъ ея и гибели. По ихъ словамъ, море бережно хранитъ поглощенный имъ городъ. Въ ясные дни можно отличать, сквозь прозрачныя волны, развалины величавыхъ зданій, верхи церквей и башенъ, огромныя груды камней, расположенныхъ правильными рядами съ Запада на Востокъ. Иногда со дна морскаго поднимаются странныя звуки: то гудитъ колокола Винетскіе во Славу Бога и Земли Вендской. Эти рассказы Поморскихъ рыбаковъ исполнены поэзіи. Но откуда взялись они? Гдѣ историческая основа прекраснаго преданія?... Сочиненія, т. 1, стр. 244.

Намъ кажется, что въ этомъ мнѣшескомъ образѣ исчезнувшей Винеты, исчезнувшее Славянское населеніе Поморья оставило на память потомству свою поэтическую мысль не о городѣ собственно, а о чуждой народности Славянъ-Варяговъ-Венедовъ, поглощенной моремъ чужой жизни и чужаго владычества. Здѣсь по всему вѣроятію лежитъ и историческая основа преданія. Самое имя Винета, какъ мнѣ, есть только поэтическій образъ всего поморскаго Вендскаго или Венедскаго племени Славянъ.

Вообще Славянство Руси нисколько не устраняетъ Норманства, какъ своего товарища въ боевыхъ и мореходныхъ предпріятіяхъ; но оно устраняетъ Норманство, какъ передовую главную силу въ постройкѣ нашего государства. Оно отнимаетъ у Норманства никогда не принадлежавшую ему роль организатора и перваго строителя нашей исторіи и нашего политическаго и даже промышленнаго быта, ту роль, которую успѣли укрѣпить за нимъ лишь нѣмецкія ученые и патріотическія идеи о германскомъ господственномъ просвѣтительствѣ дикихъ народовъ и дикихъ странъ.

Славянство Руси, оставляя извѣстное мѣсто въ нашей исторіи Норманству (и то только по сказочнымъ увѣреніямъ самого же Норманства), вноситъ въ древнюю Русскую исторію полный свѣтъ, объясняетъ въ точности и безъ противорѣчій всѣ темныя показанія лѣтописи и тѣмъ возвышаетъ еще больше ея правдивыя достоинства, раскрываетъ до очевидности, что древнѣйшій ходъ нашего народнаго развитія укрѣплялся и распространялся собственными силами того же Славянства, наиболѣе всего промысломъ торговли и конечно подѣ защитою меча, какъ необходимаго сопутника, въ то время, всякому товару и всякому торговому предпріятію. Торговые интересы, протягивавшіе свои стремленія отъ моря до моря, засѣвшіе по выгоднымъ мѣстностямъ на пространствѣ всей нашей равнины, были прямыми и непосредственными строителями того могущественнаго единства всей Русской земли, съ которыми она сразу выступаетъ на поприще своей исторіи.

ГЛАВА III.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СТРАНЫ

съ древнѣйшихъ временъ.

Вступленіе. Геродотова Скиѣи и ея обитатели. Скиѣи-земледѣльцы и Скиѣи-кочевники. Ихъ западныя, сѣверныя и восточныя сосѣди. Приняты древнихъ князь Славянства. Торговый путь отъ Днѣпра къ Уралу. Походъ на Скиѣи Персидскаго Дарія.—Сарматія Гриваго вѣка и ея обитатели. Веды. Бастары. Языги. Роксоланы. Скиѣи-Алауны. Гангскіе. — Исторія Роксоланъ, Готовъ, Ульвъ Славяно-Анты. Авары. Булгары. Хозары. Черты древнѣйшаго Славянскаго быта.

Русскую Исторію начинаютъ съ половины девятаго вѣка, именно съ 862 г., почитая первымъ ея событіемъ призваніе трехъ братьевъ Варяговъ. Конечно, такъ начинается Исторія династическая, государственная. Однако первымъ самостоятельнымъ дѣломъ нашего Славянства было не призваніе, а изгнаніе Варяговъ, какъ притѣснителей и поработителей. Если вообще исторія народа должна начинаться съ той минуты, когда въ народѣ пробуждается сознаніе своихъ силъ и своихъ нуждъ, то именно въ нашей Исторіи это самое изгнаніе Варяговъ представляется самымъ начальнымъ и въ истинномъ смыслѣ передовымъ движеніемъ нашей исторической жизни. Изъ него, какъ изъ жизненнаго сѣмени, выросли и расплодился всѣ послѣдующія событія. Это былъ на самомъ дѣлѣ истинный корень Русской жизни, отъ котораго стала расти Русская Земля, и пошло дальнѣйшее развитіе Русской народности. Этотъ корень заключалъ въ се-

бы самый существенный шагъ жизни, именно стремленіе къ политической народнои самостоятельности и свободѣ, къ политической независимости отъ чужаго ига. Призваніе Варяговъ было уже плодомъ этой первоначальной коренной Русской идеи, которая послѣ долгихъ усилій создала наконецъ и Русскую самостоятельность и Русское государство.

Сбросивши съ себя иго чужой притѣснительной власти, наши Славяне стали управляться сами по себѣ. Но домашняя власть оказалась негоднѣе чужеземной. Понятія о братскомъ равенствѣ возбуждали ревность, зависть и ненависть между родами, которые хотѣли владычествовать надъ Землею. Со всѣхъ сторонъ встала обида и неправда, начались несогласія, ссоры и междоусобія. Земля должна была погибнуть. Варяги снова стали бы въ ней господствовать, такъ какъ и первое ихъ господство по всему вѣроятію случилось отъ такихъ же домашнихъ ссоръ и несогласій.

На этотъ разъ народъ образумился скоро. По лѣтописнымъ годамъ не прошло и трехъ лѣтъ, какъ онъ собрался на общую думу и рѣшилъ такъ:

„Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ насъ по правдѣ, ридилъ бы насъ по ряду, по уговору, какъ и уговоримся“.

Князь былъ отысканъ, какъ и слѣдовало, гдѣ-то за моремъ, совсѣмъ чужой домашнимъ владыкамъ Земли, но вѣрно старый знакомый и старый другъ, котораго призвать на княженіе были всѣ согласны.

Такъ однажды случилось посреди европейскихъ рыцарей, въ Иерусалимскомъ королевствѣ, во время крестовыхъ походовъ (1200—1215 г.). Глава этого королевства, раздраннаго внутренними смутами, опустошеннаго голодомъ и моремъ, король Аморій померъ; вскорѣ послѣ него скончались его мажорантный сынъ и супруга. Наслѣдницею королевства осталась только дочь. Между тѣмъ Сирійскіе бароны и вельможи, измученные собственными раздорами, точно такъ же, какъ наши Ильменскіе Славяне, всѣ желали крѣпкой власти, такого государя, который могъ бы ими управлять. Супругомъ дочери умершаго короля могъ быть избранъ каждый изъ нихъ. „Но они страшились, чтобы зависть не породила новыхъ раздоровъ и чтобы духъ совѣстничества и козней не ослабилъ власти избраннаго на царство. Совѣтъ бароновъ

опредѣлили испросить царя отъ Запада и обратиться къ отечеству Годередовъ и Бодунновъ (во Францію), къ нареду родившему столько героевъ для крестовыхъ войнъ и столько знаменитыхъ защитниковъ Св. Земли¹.

Какъ все это сходно съ положеніемъ и направленіемъ дѣлъ на нашемъ дикомъ Сѣверѣ, почти за 400 лѣтъ до этого Рыцарскаго событія. Однѣ и тѣже причины поражаютъ одни и тѣже слѣдствія и очень многое въ исторіи люди во все не заимствуютъ другъ у друга, а приходятъ къ извѣстному рѣшенію или къ извѣстному концу только въ силу однородныхъ положеній и однородныхъ идей жизни. Вотъ почему нельзя думать, что призваніе нашихъ Варяговъ есть сага, легенда, заимствованная изъ одного источника съ связаніемъ Видукинда (писавшаго въ 967 г.) о подобномъ же призваніи Бриттами воинственныхъ Саксовъ².

По самому древнему свидѣтельству, которое не знаетъ Варяговъ-Русь, а знаетъ только обыкновенныхъ Варяговъ, призывать на княженіе этихъ заморскихъ Варяговъ ходили: Русь, Чудь, Словени, Кривичи³. Ходила слѣдовательно сама Русь, южная, Киевская Славянская область и стало быть цѣлый союзъ тѣхъ племенъ, которыя жили по торговому пути отъ Балтійскаго въ Черное море, изъ Варягъ въ Греки. Варяги, владычествуя въ Сѣверной Области, конечно, распространяли свои притѣсненія и на Киевъ, потому что Новгородъ и Киевъ, какъ торговые центры, смотрѣвшіе пристально на Царь-градъ, искони должны были жить одною жизнью: что дѣлалось въ Новгородѣ, то самое скоро обобщалось и въ Киевѣ, и на оборотъ: что дѣлалось съ Русскими въ Царь-градѣ, то есть какое горе и затрудненіе постигало Киевъ, то самое тотчасъ становилось извѣстнымъ и въ далекомъ Новгородѣ. Оба города платили дань чужеземцамъ, Новгородъ—Варягамъ, Киевъ—Хозарамъ. Оба города слѣдовательно могли естественно и по необходимости остановиться на одномъ общемъ рѣшеніи призвать добраго защитника отъ обидъ и насилій чужой власти.

¹ Исторія Крестов. походовъ Мишо, Ч. III, кн. XII, стр. 373.

² Г. Куникъ: Зап. И. А. Н. VI, прилож. № 2, стр. 60.

³ Никеопа патриарха лѣтописецъ векоръ, по списку 13 вѣка. Св. Полн. Собр. Р. Лѣтописей I. стр. 251.

Они рѣшились на очень простое дѣло: вмѣсто чужой, варяжской-хазарской власти они рѣшились установить у себя свою Русскую власть и кѣрнымъ и надежнымъ орудіемъ для этого избрали третье постороннее лицо.

Земскіе послы, придя къ Варягамъ, и зова ихъ на княженье высказали имъ приснопамятную рѣчь:

„Земля наша велика и обильна, говорили они, а наряда (порядка) въ ней нѣтъ. Пойдите къ намъ княжить и владѣть нами“.

Многіе находили и теперь еще находятъ въ этихъ простодушныхъ словахъ великое наивное и невинное дѣтство, свойственное только самымъ первобытнымъ дикарямъ.

Но вѣдь тоже самое говорили предъ Французскимъ королемъ послы отъ Сирійскихъ вельможъ и бароновъ, прося у него, какъ милости, дать имъ въ государя рыцаря или барона способнаго сохранить остатки несчастнаго Іерусалимскаго королевства.

Эти слова потому и кажутся столько дѣтски-невинными, что изображаютъ на самомъ дѣлѣ дѣтское беззащитное положеніе жизни и вполнѣ, примодушно, безъ малѣйшаго лукавства выражаютъ истинное состояніе жизненныхъ отношеній.

Если мы поймемъ, что правильная и правдивая власть для народнаго общества также необходима, какъ насущный хлѣбъ, если до сихъ поръ великіе государства и народы все еще усердно и съ великими жертвами разрабатываютъ и всѣми силами стараются установить у себя такую власть; если мы поймемъ, что въ этомъ заключается главнѣйшая изъ задачъ человѣческаго общенія и развитія,—то наивная рѣчь нашихъ древнихъ пращуровъ, раскроетъ намъ только ихъ великую житейскую мудрость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основную черту Русской жизни.

Дѣды не умѣли выносить чужаго владычества; но они не умѣли также выносить и самовластия своихъ домашнихъ владыкъ, поэтому рано ли, поздно ли, смотря по обстоятельствамъ, обрасывали съ себя и чужеземныя цѣпи и цѣпи доморощенныя, и охотно отдавались во власть владыкъ избранному всенародно, лишь бы соблюдалъ онъ всеобщую правду и порядокъ. Такъ былъ избранъ и Михаилъ Романовъ.

Они искали только одного: народной независимости и земской правды и порядка; а того же самого ищутъ все народы и въ наше время. Стало быть наша Исторія съ самаго начала пошла по такому пути, который и теперь почитается наиболѣе правильнымъ и желаннымъ.

Но чтобы понасть на этотъ прямой путь, нужно было время. Совсѣмъ дикій первобытный народъ такъ не начинаетъ. Исканіе правды и порядка принадлежитъ къ такимъ историческимъ движеніямъ, которыя вырастаютъ не вдругъ; даже и въ жизни отдѣльнаго человѣка оно пробуждается только на извѣстной ступени его возраста. Это исканіе показываетъ, что народъ передъ тѣмъ долго жилъ, что отыскивая для себя лучшаго, онъ, стало быть, успѣлъ опытно извѣдать все худое, отчего жизнь неудается; успѣлъ извѣдать все невыгоды общественнаго неустройства отъ междоусобицъ ссоръ и побойщъ, все бѣдствія отъ неправды и насилія сильныхъ; что такой опытъ могъ продолжаться много-много времени передъ тѣмъ, какъ народъ понялъ наконецъ, въ чемъ дѣло; и что, стало быть, извѣстное Варяжское начало нашей Исторіи есть столько же начало, сколько и конецъ, какой-то другой, предыдущей Исторіи, которая вся, законченная, выразилась въ этомъ всенародномъ рѣшеніи: „Пощенъ себѣ князя“.

Дѣйствительно, въ Исторіи, какъ и вообще въ жизни, каждое событіе съ одной стороны, — скажемъ съ лицевой, съ видной стороны, — всегда служитъ началомъ и какъ бы зародышемъ для другихъ дальнѣйшихъ, послѣдующихъ дѣлъ и событій; а съ другой, — съ оборотной стороны, — которой по большей части мы никогда не видимъ, оно всегда представляетъ конецъ и завершеніе многочисленныхъ дѣлъ и событій, уходящихъ въ безконечную даль прошитыхъ вѣковъ. Человѣческія дѣла, какъ воплощенные мысли и идеи, точно также, какъ и все въ живомъ мірѣ, рождаются отъ предковъ и распадаются свое особое потѣнство.

Въ самомъ дѣлѣ, такое важное и мудрое, и не племенное только, но союзное политическое рѣшеніе — поощрять себѣ князя, то есть, правдивой и правильной власти, прямо указываетъ на весьма значительную крѣпость житейскихъ отнoшеній нашего сѣвера. Союзное рѣшеніе призвать такую власть никакъ не могло быть простымъ минутнымъ рѣше-

нѣмъ перессорившихся между собою дикарей. Оно, какъ совокупность понятій и сужденій о качествахъ власти, есть явленіе весьма сложное, выработанное цѣлымъ рядомъ соевныхъ же отношеній.

Въ сущности, по своему замыслу, оно есть дѣло гражданское, то есть чисто городское, не сельское и не деревенское; дѣло великаго множества самыхъ разнообразныхъ интересовъ, торговыхъ, промышленныхъ, владѣльческихъ и т. п. А если въ то уже время существовалъ городъ, старавшійся водворить у себя порядокъ, то онъ самъ по себѣ представляется явленіемъ тоже весьма сложнымъ и мудреннымъ. Поэтому каждый разсудительный читатель, вмѣсто заученнаго вопроса о происхожденіи Руси, скорѣе всего можетъ поставить такой вопросъ:

Варяговъ призвали Славяне, жившіе на озерѣ Ильменѣ, въ Новъ-городѣ. Оттуда Славяне тамъ взялись и какъ они туда зашли, въ самую середину Финскихъ племенъ? Лѣтописецъ говоритъ, что весь Славянскій родъ издревле жилъ на Дунаѣ и оттуда распространился по Европѣ, что отъ Дуная Славянъ повѣдвинули своимъ нашествіемъ какіе-то Волохи. Но когда же это случилось и сколько времени отъ Дуная Славяне шли до Ильмена - Озера? Говорятъ, что именемъ Волоховъ издревле у Славянъ прозывались Римляне, Галлы, Кельты, вообще Романскія племена, и что знаменитое нашествіе Римлянъ на Дунайскія Славянскія земли случилось при императорѣ Траянѣ во 101 — 105 гг. по Р. Х.; что поэтому будто бы имя Траяна до сихъ поръ сохраняется въ преданіяхъ и даже въ мѣтахъ именно восточной вѣтви Славянъ. Извѣстно, что въ это время Траянъ завоевалъ Дакію, область между нижнимъ Дунаемъ и Днѣстромъ. Отсюда стало быть Славяне: потянули во всѣ стороны и раздѣлились потомъ на самостоятельныя племена.

Впрочемъ знаменитѣйшіе нѣмецкіе ученые утверждали, что Славяне пришли въ Европу слѣдомъ за Гуннами, въ концѣ 4-го вѣка, а въ исторіи появляются только въ 6-мъ вѣкѣ.

Нѣмецкая историческая и географическая наука, вообще не большая охотница до Славянъ, вообще не охотница приписывать имъ какое либо значеніе историческое, быто-

всѣ, политическое, отдѣлила весь нашъ южный край отъ Карпатскихъ горъ и до самаго Кавказа для Германскаго населенія, которое, будто бы, здѣсь господствовало съ глубокой древности и потомъ уже перешло дальше на западъ. Объ этой истинѣ постоянно напоминалъ самъ великій Риттеръ, великій нѣмецкій патріотъ. Но и задолго до него нѣмецкая ученость постоянно тоже утверждала, что „отъ Рейна и до Дона—все Германія.“

По Риттеру „великій галло-германскій миръ Средней Европы простирается отъ Пиринеевъ, чрезъ Альпійскія страны и Гемусъ до Понта и сѣвернаго подножія Кавказа...“ И это было не около времени Потопа, а уже на памяти Исторіи. „Благодаря Митридатскимъ войнамъ (88 — 64 до Р. Х.), говоритъ знаменитый географъ, выступили на свѣтъ и народы Германскаго племени, тамъ, гдѣ, говоря словами Якова Гримма,“ было древнее мѣстопробываніе сѣверныхъ Азіатцевъ, гдѣ былъ царственный родъ Одина, гдѣ жили (тогда) Геты и Готы вмѣстѣ съ Бельтскими племенами, именно, на Кавказѣ“.

И въ такое, даже не очень древнее время Всемирной Исторіи великій географъ не хочетъ поминуть о Славянствѣ. Онъ допускаетъ заселеніе Славянами своихъ мѣстъ только съ 5-го вѣка по Р. Х. Не менѣе знаменитый Геренъ, рассуждая о географіи Геродота, замѣчаетъ между прочимъ, что предки Леттовъ, Финновъ, Турковъ, Германцевъ и Калмыковъ появляются въ первый разъ въ исторіи у Геродота. О Славянахъ ни слова¹. Передъ такимъ рѣшительнымъ утвержденіемъ Русскій ученый (г. Погодинъ) позволилъ себѣ только скромный вопросъ: а предки Славянъ? и не указалъ даже на Мальт-Брюна, давно доказывавшаго, что напр. Геродотовы Геты принадлежали къ поколѣнію Славянъ².

Французская ученость, не жившая никакихъ политическихъ народныхъ счетовъ съ Славянами, относилась къ ихъ исторіи болѣе научно и потому предоставляла ихъ старожитности въ Европѣ болѣе широкій просторъ. По крайней мѣрѣ она не сомнѣвалась, что Славяне тоже древній Европейскій народъ.

¹ Лекція Погодина по Герену стр. 194. М. 1875.

² Исторія Геродота перев. И. Мартынова. Спб. 1828, т. V, стр. 183.

Славянскіе ученые, какъ напр. Добровскій и Лелевель, тоже давно доказывали, первый, что Славяне должны жить въ Европѣ съ того же самаго времени, съ котораго живутъ въ ней Латины, Греки, и Нѣмцы, и что рѣшительно не возможно, чтобы они, какъ обыкновенно воображаютъ нѣкоторые; пришли отъ Меотійскаго Залива только по Р. Х., то есть, до или послѣ Гуновъ. Лелевель писалъ, что „такой великій и многочисленный народъ, какъ Славяне, не приходитъ, но только на мѣстѣ возрастаетъ. Прибытіе его, по всему, слѣдуетъ отнести ко временамъ, близкимъ къ Ноеву Ковчегу. Уже за 2000 лѣтъ (отъ 1830 г.), и гораздо прежде, обиталъ между рѣками Одрой, Вислой, Нѣмнемъ, Вугомъ, Припетью, Двипромъ, Днѣстромъ и Дунаемъ тотъ же самый народъ, который и теперь живетъ, который и теперь называютъ Славянскимъ. Народъ этотъ очень многочисленъ, но тогда носилъ совсѣмъ иныя названія...“ Слѣдуя простому здравому смыслу, нашъ первый ученый историкъ Татищевъ тоже замѣтилъ, что „хотя подлинно о старости званія сего (Славянскаго имени), сколько мнѣ извѣстно, прежде Прокопія не упоминается, но народъ безъ сумнѣнія такъ старъ, какъ всѣ прочіе“.

Одновременно съ Лелевелемъ ту же истину доказывалъ незабвенный Венелинъ. Онъ признавалъ за аксіому, что „Славяне суть старожилы Европы наравнѣ съ Греками и Латинами; что старожилы Руси—суть Россіяне, что „толковать о распространеніи Славянскихъ племенъ съ 6-го вѣка—значить бредить въ просонвахъ“. Въ разговорѣ Венелина особенно и не нравились его слишкомъ правдивыя, простыя и рѣзкія рѣчи. Это обстоятельство навѣяло на весь его трудъ значеніе труда вникуда не пригоднаго въ наукѣ, способнаго „только обратить вниманіе на предметъ, возбудить любопытство, поднять споръ, не болѣе“. Извѣстный нѣмецкій ученый, Кругъ, долго не хотѣлъ простить г. Погодину за напечатаніе книги Венелина: „Древніе и нынѣшніе Болгаре“, гдѣ авторъ съ большою горячію раскрываетъ полную несостоятельность нѣмецкихъ воззрѣній на этотъ предметъ.

Знаменитый и весьма осторожный Шафарикъ, отвергавшій многое изъ Венелинскихъ заключеній, говорилъ о Славянскомъ мирѣ тоже самое и высказывалъ свои мысли съ такою же рѣзкостью и горячію. „Доселѣшніе послѣдо-

ватели сѣверо-европейскихъ древностей, обыкновенно, наполняли эту часть свѣта Скивами, Сарматами, Кельтами, Германцами, Финнами и т. под., кому что нравилось и нужно было; но чтобы Славяне были тамъ старожилами, древнѣйшими обитателями, ни одному изъ нихъ въ голову не приходило. Эти писатели, унижающіе Славянъ, не обращаютъ никакого вниманія на географію и исторію сѣверныхъ земель и Славянскихъ народовъ... Но, пристрастившись къ тому или другому древнему народу... и обложившись множествомъ классиковъ и неклассиковъ, неутомимо ищутъ въ нихъ свидѣтельствъ для своей любимой мысли. Отсюда являются самыя чудовищныя мѣнія, вовсе несогласныя съ здоровымъ разумомъ.... Такого рода сочиненія, особливо, если еще сколько нибудь набиты учеными выписками изъ старыхъ фолиантовъ и подкрѣплены новыми этимологическими догадками, приводятъ въ изумленіе отечественную (нѣмецкую) публику. Ученые и неученые соотчичи... принимаютъ каждое такое произведеніе съ громомъ рукоплесканій, а глашатаи народной славы съ жаромъ начинаютъ превозносить свѣту ученость и основательность своихъ земляковъ. А потому ни мало не удивительно, если множество самыхъ грубыхъ ошибокъ, имѣющихъ цѣлю унижить Славянъ, до того укоренилось въ послѣднія три столѣтія въ исторіи сѣверной Европы, что до сихъ поръ напрасны были всѣ усилія опровергнуть ихъ основательными доводами и силою истины. Вотъ самая вѣрная картина того, какъ доселѣ обрабатывали древности Сѣверной Европы¹.

О томъ же самомъ Венелинъ выражается яснѣе. Онъ говоритъ: „Должно отдать полную справедливость и первенство въ изыскательныхъ трудахъ Тайтовскимъ (германскимъ) племенамъ, какъ Датчанамъ, Шведамъ, Англичанамъ, но преимуществу Нѣмцамъ.... Германія была верховнымъ и почти единственнымъ историческимъ судилищемъ, предъ которое долженъ былъ предстать весь древній Европейскій міръ до Карла Великаго, множество исчезнувшихъ народовъ онаго, отъ которыхъ остались въ лѣтописяхъ только имена и ихъ имущество—слава... Хотѣли узнать, кому принад-

¹ Слав. Древности т. I, кн. II, стр. 386—388. Изсл. г. Погодина, II, 374.

лежитъ сіе наслѣдство, и нашъ Историческій Ареонагъ превратился въ аукціонный торгъ, на коемъ, все почти, знаменитое въ Европейской древности, приписано Нѣмцамъ, безъ всякихъ ясныхъ на то документовъ“..

Осуждая патріотическія увлеченія нѣмецкой исторической науки, славный Шафарикъ предостерегалъ и Славянскихъ писателей и совѣтовалъ имъ научиться благоразумію и судить справедливѣе о нѣкоторыхъ предметахъ своихъ древностей. Именно, онъ совѣтуетъ отказаться „отъ безразсуднаго и нелѣпаго смѣшенія древнихъ Славянъ съ Скивами, Сарматами, Гунами, Булгарами и т. п. и отрешись отъ этихъ и подобныхъ имъ привидѣній, навсегда изгнать ихъ изъ области Славянскаго міра“. Въ этомъ онъ упрекаетъ Венелина, породнившего, какъ извѣстно, Славянъ съ упомянутыми племенами, которыя по Шафарикову были степняки-кочевники и потому не должны были находиться въ родствѣ съ смиренными земледѣльцами—Славянами. Шафарикъ вообще былъ предубѣжденъ противъ этихъ степняковъ и очень не жаловалъ, если гдѣ-либо раскрывалось ихъ родство съ Славянами.

Съ западной Славянской точки зрѣнія такое утвержденіе быть можетъ очень основательно, но восточная, то есть Русская точка зрѣнія не можетъ такъ легко разстаться съ этими мудренными народами. Да и за что же? Древнѣйшая Русская Исторія изъ за нихъ смотритъ и на самый европейскій Западъ. Они, если не настоящая родня Русскимъ, то все-таки большіе товарищи, отъ сожитія съ которыми, быть можетъ, что либо осталось на Руси и до сихъ поръ. А къ тому же, отдавши этимъ народамъ Русскую Страну, мы не найдемъ мѣста для самихъ Русскихъ, и по прежнему останемся въ сомнѣніи, когда же въ самомъ дѣлѣ Русскіе въ первый разъ заселили Россію?

Самъ Шафарикъ по этому вопросу не даетъ опредѣлительнаго отвѣта. Онъ нисколько не противорѣчитъ выводамъ нѣмецкой учености, что восточные Славяне стали распространяться по Русской Странѣ только по случаю нашествія Гунновъ въ концѣ 4-го и въ продолженіи 5-го вѣка, причемъ указываетъ имъ жилище на верхнемъ Днѣпрѣ и далѣе къ Волгѣ и вершинамъ Дона. Отсюда будто бы послѣ Гунновъ они дви-

гались къ Черному морю, но и тутъ въ концѣ 5-го в. (474 г.) встрѣтили препятствіе въ нашествіи Угровъ и Булгарь, заградившихъ имъ дорогу и на востокъ и къ Черноморью, а потому обратились въ Дунайскія стороны.

Вообще появленіе восточныхъ Славянъ на исторической сценѣ Шафарикъ относитъ къ 6-му вѣку, и объясняетъ, что они вышли изъ сѣверо-восточныхъ странъ, вѣроятно по случаю натиска Уральцевъ, именно Гунновъ, Аваровъ, Булгарь, Казаровъ, Угровъ и другихъ.

Помѣщая старожитность восточныхъ Славянъ на верховьяхъ Днѣпра и Дона, Шафарикъ повидимому основывается въ этомъ случаѣ только на свидѣтельствѣ Птолемея, который примѣрно въ этихъ мѣстахъ указываетъ своихъ Ставанъ-Суовенъ. Но неутомимый изыскатель ограничивается только однимъ упоминаніемъ этого свидѣтельства и не дѣлаетъ изъ него никакого приложенія къ изслѣдованію дальнѣйшей исторіи этихъ Ставанъ. Онъ нигдѣ не указываетъ, когда они могли утвердиться напр. въ Кіевской области? Онъ удовлетворенъ только главнымъ своимъ выводомъ что „Славяне съ 5-го вѣка предъ Р. Х. по 5-е столѣтіе по Р. Х. занимали все безмѣрное пространство между Балтійскимъ и Чернымъ морями, между Карпатами, Дономъ и верховьями Волги“.

Славяне, такимъ образомъ, въ это тысячелѣтіе живутъ на тѣхъ же мѣстахъ, на какихъ живутъ и до нынѣ, а между тѣмъ поле дѣйствій принадлежитъ не имъ: ходятъ, воюютъ, становятся извѣстными и потомъ неизвѣстными какія-то другія народности, которыхъ наука не почитаетъ за Славянскія племена; Славяне же безмолвствуютъ до начала 6-го вѣка. Въ этомъ случаѣ надо принять за истину что либо одно: или Славянъ здѣсь вовсе не было, или ихъ дѣйствія и дѣла скрыты отъ исторіи подъ другими именами.

Достославный Шафарикъ вообще не совсѣмъ прочно и точно утвердилъ старожитность восточныхъ Славянъ. Оттого нѣмецкая наука до настоящихъ дней свидѣтельствуетъ, что „Германцы занимали нѣкоторое время среднюю Россію“, что на самомъ дѣлѣ, въ самой дѣйствительности, „Славяне основались въ обитаемыхъ ими нынѣ странахъ, кажется,

только около 6-го вѣка¹. Оттого наши ученые до настоящихъ дней допускаютъ только вѣроятное предположеніе, что Славяне, существовали въ Европѣ и до 6-го вѣка. Оттого г. Погодинъ приводимое у Шафарика свидѣтельство, что самое имя Славянъ, и притомъ нашихъ Новгородскихъ, является еще въ Географіи Птоломея, встрѣтилъ недовѣріемъ и отиѣтилъ: „Можетъ быть это такъ, можетъ быть нѣтъ“.

Такимъ образомъ весь вопросъ о древности Славянъ въ Европѣ, о старожитности ихъ на своихъ древнихъ мѣстахъ и до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ. Можетъ быть такъ, а можетъ быть нѣтъ. Поэтому лучше всего не распространяться объ этомъ предметѣ: вотъ что думаетъ про себя, каждый изслѣдователь приступающій къ изученію Русской Исторіи. Однако при настоящемъ направленіи исторической разыскательности, когда впереди всего ставятъ изслѣдованіе бытовыхъ началъ народной Исторіи, такой вопросъ оставить безъ отвѣта невозможно. Въ нашей странѣ до призванія Варяговъ, то есть, до начала нашей исторіи существовало нѣсколько значительныхъ городовъ; ограничимся пожалуй хоть двумя, Новгородомъ и Кіевомъ. Городъ, какъ мы упоминали, представляетъ самъ по себѣ такое явленіе народнаго быта, которое объяснить и раскрыть, какъ оно возникло, значить тоже, что рассказать исторію народа, въ самомъ истинномъ ея смыслѣ.

Городъ есть живой узелъ разнообразныхъ народныхъ связей и отношеній; онъ на самомъ дѣлѣ является какъ бы сердцемъ той страны, гдѣ возникаетъ и вырастаетъ. Онъ отъ того и нараждается, что жизнь страны по разнымъ причинамъ и вслѣдствіе разнообразныхъ обстоятельствъ избираетъ себѣ средоточіе, совокупляетъ свои разбросанныя силы въ одну общую силу, и такимъ образомъ становится зародышемъ народнаго общества. Каково бы ни было начало или сѣмя городской жизни, торговое или военное, колонія заѣзжихъ купцовъ, или Запорожская Сечь,—это все равно; во всякомъ случаѣ это сѣмя порождаетъ извѣстный общій строй и порядокъ народной жизни и заслуживаетъ внимательнаго разслѣдованія.

¹ Знаніе 1874, № 9, Сентябрь. Статья Вирхова: Первобытные обитатели Европы, 57, 59.

Намъ кажется, что вопросъ о происхожденіи въ Русской странѣ на сѣверѣ Новгорода, а на югѣ Кіева, есть вопросъ первостепеннаго значенія для Русской исторической науки. Намъ скажутъ, что отвѣтъ на такой вопросъ одинъ: происхожденіе Новгорода покрыто мракомъ неизвѣстности, совсѣмъ потеряно въ дали вѣковъ и потому въ разрѣшеніи его возможны одни только гаданія, на чемъ наука, конечно, основываться не можетъ. Однако до настоящихъ дней мы неутомимо вопрошаемъ, откуда пришли Варяги Русь и исходя въ самую глубину исторической и лингвистической учености въ сущности точно также неутомимо гадаемъ, откуда бы они въ самомъ дѣлѣ могли прійти? Еслибы съ такимъ же напряженіемъ и вниманіемъ мы стали отыскивать указаній и поясненій о происхожденіи нашихъ древнѣйшихъ городовъ, то навѣрное и по этому направленію намсканій открылось бы очень многое, а быть можетъ и самое существенное для начала нашей исторіи.

Нѣтъ сомнѣній, что главнѣйшій узелъ въ которомъ запутаны, затянута и скрыты всѣ свѣдѣнія о древнѣйшемъ существованіи истинной, а не мечтательной Варяжской Русы, находится, выражаясь словами Шафарика, въ Пучинѣ великаго переселенія народовъ. Намъ кажется, что въ ея нѣдрахъ лежатъ и истинныя основанія Русской Исторіи.

Шафарикъ въ своихъ изысканіяхъ оставилъ эту пучину въ томъ историческомъ и географическомъ видѣ, какъ ее разработала и распредѣлила нѣмецкая ученость. Восточному Славянству, то есть Русскому, принять это распредѣленіе за непреломную истину невозможно. Стоя на западѣ, не въ томъ освѣщеніи видишь предметы, какъ они кажутся, когда смотришь на нихъ съ востока. Очень естественно, что и въ Пучинѣ великаго переселенія народовъ западная историческая наука не все могла разсмотрѣть въ надлежащей истинѣ. Многое она объяснила превратно и неосновательно, слѣдуя только патріотическимъ увлеченіямъ. Поэтому самый достойный предметъ для Русской исторической науки: взяться за это дѣло самостоятельно, даже совсѣмъ забывши, что объ немъ писано, и изучить его изъ первыхъ рукъ непосредственно по источникамъ. Здѣсь въ полной мѣрѣ необходимъ тотъ методъ, о которомъ столько заботился г. Погодинъ и которому научилъ насъ незабвен-

ный нашъ учитель Шлецеръ. Надо прежде всего собрать свидетельства о нашей странѣ въ точномъ и полномъ ихъ видѣ, какъ настоящіе лѣтописные тексты. И такъ какъ каждый изслѣдователь каждое свидетельство толкуетъ по своему, то необходимо ихъ по-русски издать рядомъ съ подлиннымъ текстомъ, дабы въ свою очередь каждый читатель могъ свободно повѣрять и свѣрять показанія изслѣдователей. Надо затѣмъ допросить каждаго свидѣтеля, какъ и откуда онъ смотрѣлъ на свой предметъ; какъ, по какому случаю знать его; былъ ли самовидецъ или только пересказываетъ чужія рѣчи? Оцѣня по достоинству показанія свидѣтелей, надо сообразить и объяснить ихъ противорѣчія и разногласія. Быть можетъ, такіа разногласія заключаются только въ различіи словъ, имѣющихъ впрочемъ, одинъ и тотъ же смыслъ. Нѣкоторые уже примѣтили, что вся Пучина великаго переселенія кажется непроходимую пучиною только потому что исполнена не множествомъ народѣвъ, а великимъ множествомъ народныхъ испорченныхъ именъ, обозначающихъ одни и тѣ же народы. Было бы очень желательно, еслибъ свидетельства каждаго греческаго и латинскаго писателя о нашей странѣ, о народахъ, въ ней обитавшихъ или случайно заходившихъ въ нее, обо всѣхъ намекахъ и указаніяхъ, сколько нибудь ея касающихся, заслужили такого же внимательнаго перевода на Русскій языкъ и такой же критической обработки, какъ это посчастливилось пока однимъ Арабамъ въ превосходныхъ трудахъ гг. Дорна, Хвольсона, Гарнави. Еслибъ уважаемые профессора-классики нашихъ университетовъ; каждый по своему выбору, подарили Русской исторической наукѣ подобные же труды, тогда, быть можетъ, совсѣмъ измѣнился бы въ своихъ основаніяхъ нашъ теперешній взглядъ на наше родное и далекое прошлое, которое несомнѣнно было зародышемъ и нашего настоящаго.

Въ Русской исторической наукѣ прошлаго столѣтія этотъ вопросъ стоялъ на настоящемъ своемъ мѣстѣ. Первые Русскіе историки, Татищевъ и Щербатовъ, отделили въ своихъ трудахъ для разъясненія этого вопроса достаточное мѣсто. По новости дѣла многого сдѣлать они не могли. Но и за то имъ великое спасибо, что они лучше насъ понимали задачи древнѣйшей Русской Исторіи. Сама Академія Наукъ озаботилась собраніемъ въ одно мѣсто выписокъ изъ Визан-

тійскихъ писателей, толковавшихъ о разныхъ народахъ великой пучины переселенія, и издала ихъ, не только въ латинскомъ переводѣ, но сокращенно и на русскомъ языкѣ, какъ бы руководясь тѣмъ правиломъ, живущимъ и доселѣ, что для русскаго человѣка всякая наука должна предлагаться въ сокращеніи. Затѣмъ у Поляковъ графъ Потоцкій подобныя же извлеченія изъ средневѣковыхъ писателей объ исторіи Славянъ издалъ на французскомъ языкѣ. Для своего времени оба изданія принесли несомнѣнную пользу. Потомкамъ оставалось только идти по той же правильной и прямой дорогѣ. Но въ это время является великій Шлецеръ и рѣшаетъ разомъ, что подобными вещами наукъ заниматься не слѣдуетъ. Я самъ, въ молодости, говоритъ онъ, занимался этимъ дѣломъ многое время и узналъ только то, что узнать въ этой пучинѣ ничего невозможно.

Не повѣрять нѣ-слово такому великому авторитету, представившему въ доказательство огромный трудъ по исторіи Сѣвера Европы, никто не посмѣлъ, и русскіе историки по его указанію тотчасъ загородили себя и свои изысканія отъ страшной и мрачной пучины великаго переселенія извѣстнымъ скандинавскимъ частоколомъ, за которымъ наша древность скрывается и до настоящаго времени.

Шафарикъ своими „Славянскими Древностями“, хотя и освѣтилъ весь Славянскій міръ, но нашего частокола не разрушилъ, а напротивъ еще тверже его укрѣпилъ, сказавши, что кто несогласенъ съ Скандинавскимъ, племени нѣмецкаго, происхожденіемъ Варяговъ-Руси, тотъ истинный невѣжда или человѣкъ предубѣжденный¹. Это была, какъ извѣстно, самая довазательная орава въ защиту Норманства. Утвержденное великими авторитетами, Норманство Руси, какъ сказочный Соловей Разбойникъ, засѣло такимъ образомъ на двѣнадцати дубахъ и доселѣ не пропускаетъ въ нашей настоящей древности ни коннаго, ни пѣшаго. Исторіи, начинающая съ Карамзина, не имѣя возможности пробраться за эти дремучіе дубы и въ тоже время какъ бы предчувствуя нѣкоторую родственную связь съ упомянутою древностью, ограничиваются поневолѣ весьма сбивчивымъ и короткимъ изложеніемъ ея исторіи, руководясь взглядами и изыскані-

¹ Славянскія Древности т. II, кн. I, стр. 112.

ямъ по преимуществу нѣмецкой исторической науки. Конечно было бы правильнѣе уже совсѣмъ не упоминать о Скивахъ, Сарматахъ, Роксоланахъ, Гуннахъ и т. под. Для нашей государственной исторіи — это пустые ненюнытые звуки, не имѣющіе никакого смысла и значенія.

Однако, необходимо согласиться, что для нашей народной земской исторіи они очень значительны, ибо прямо указываютъ на старинныхъ хозяевъ нашей Земли, которые въ теченіи вѣковъ не могли же не оставить намъ кое-чего въ наслѣдство. Быть можетъ, въ этихъ іероглифахъ скрывается особая лѣтопись. Необходимо же когда-либо ее разобрать и прочесть, такъ какъ она говоритъ все о нашей же родной странѣ.

Вотъ почему мы думаемъ, что никакая отрицающая и сомнѣвающаяся строгая шлецеровская критика не можетъ отнять у Русской Исторіи ея истиннаго сокровища, ея перваго лѣтописца, которымъ является самъ Отецъ Исторіи—Геродотъ.

Отецъ Исторіи описалъ нашу страну за 450 лѣтъ до Р. Х. Онъ самъ тутъ странствовалъ, именно въ устьяхъ Днѣпра, Буга и Днѣстра; многое видѣлъ собственными глазами, еще больше собралъ рассказовъ и слуховъ. Свои записки онъ читалъ потомъ всенародно на Олимпійскихъ празднествахъ и приводилъ въ восторгъ древнихъ Грековъ, которые еще тогда прозвали его Отцемъ Исторіи. Его разсказы дышутъ необыкновенною простотою и правдою и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что все это въ дѣйствительности представляется, какъ будто самъ живешь въ то время и въ той землѣ и съ тѣми самыми людьми.

Къ сожалѣнію Геродотъ вовсе не зналъ нашего далекаго Сѣвера. Онъ рассказываетъ только о южныхъ краяхъ Русской Земли и говоритъ, что въ его время, вся эта страна была населена народами, которые однимъ именемъ прозывались Скивами. У Грековъ это слово значило вообще—варвары. Однако историкъ отдѣляетъ собственную Скивію отъ другихъ стороннихъ земель. По его описанію собственная

Скиѳія была именно та страна, гдѣ въ послѣдствіи сосредоточилось движеніе Русской Исторіи. Онъ представляетъ ее въ видѣ равносторонняго четырехугольника, у котораго нижняя граница направлялась отъ устья Дуная почти до устья Дона, по берегамъ Чернаго и Азовскаго моря.

Середину этого пространства занималъ Днѣпръ, который былъ серединою и нашей Исторіи. Днѣпръ раздѣлялъ Скиѳію на двѣ равныя доли: отъ Дуная до Днѣпра считалось тогда 10 дней пути¹ и столько же отъ Днѣпра до вершины Азовскаго моря, куда впадаетъ Донъ. Вверхъ, къ Сѣверу, Скиѳія простиралась на 20 дней пути, слѣд. слишкомъ на 600 верстѣ, нѣсколько подальше теперешнихъ городовъ Чернигова, Курска и Воронежа, гдѣ обитали Меланхлены или Черныя Кафтаны.

Съ Запада отъ Скиѳіи сперва жили Агаѳирсы на истокахъ Тейса и Мороша, а выше ихъ, отъ истоковъ Днѣстра дальше къ Сѣверу—Невры. На Сѣверѣ по сосѣдству съ Неврами жили Людоѳды, потомъ отъ нихъ къ востоку упомянутые Черныя Кафтаны. На востокъ отъ Скиѳіи за Дономъ обитали Вудины, а къ югу отъ нихъ, между нижнимъ Дономъ и Волгою—Савроматы.

Въ самой срединѣ приморскихъ земель всей Скиѳіи, въ устьяхъ Днѣпра и Буга, находился греческій городъ Ольвія², по гречески значитъ счастливая, благословенная. Это было великое торжище для всей Черноморской страны. Говорятъ, что оно основано Греками изъ Милета лѣтъ за 600 до Р. Х. Но столько же вѣроятно, что самые Греки получили этотъ торгъ по наслѣдству отъ Финикійцевъ.

Какая торговля здѣсь процвѣтала и что особенно привлекало сюда греческихъ, а прежде нихъ еще финикійскихъ купцовъ, объ этомъ свидѣтельствовалъ храмъ матери плодородія, богини Деметры-Цереры, стоявшій прямо на крутомъ мысу, между устьями Днѣпра и Буга, такъ что въ-важавшему въ Днѣпровскій Лиманъ онъ еще издали указы-

¹ Кн. IV, С. Путь дневной у Геродота равняется 200 стадіямъ, что составляетъ, полагая въ верстѣ 6 стадій, 33 $\frac{1}{3}$ версты.

² Городище древней Ольвіи, называемое Сто Могилъ, находится близъ Порутына, Ильинское топь, на правомъ берегу Бугскаго Лимана, верстахъ въ 25-ти сѣвернѣе Очакова.

валъ, что путникъ приближается къ странѣ—благословенной кормилицѣ множества народовъ. Другой столько же важный предметъ здѣшней торговли Ольвія изображала даже на своихъ медаляхъ—подъ видомъ рыбы, которую хватаетъ летящая птица. Это простой символъ богатой рыбной ловли и богатой торговли рыбою.

Описывая различныя племена, которыя жили въ самой Скиѣи и по сосѣдству съ этою страной, Геродотъ прямо и начинаетъ отъ Ольвіи и идетъ вверхъ по Бугу. Начиная отъ этого торжища, говоритъ онъ, первые живутъ Греко-Скиѣи, именуемые Баалипиды, племя смѣшанное изъ Грековъ и Скиѣовъ, какъ и слѣдовало ожидать по близости торговаго греческаго города, который необходимо огречивалъ туземцевъ съ давняго времени. Выше ихъ обитаетъ другой народъ, называемый Алазонами. Тѣ и другіе во всемъ слѣдуютъ обычаямъ Скиѣовъ, кромѣ того, что сѣютъ и вѣдятъ хлѣбъ, также лукъ, чеснокъ, чечевицу и просо. Выше Алазоновъ живутъ Скиѣи-Оратаи, которые сѣютъ хлѣбъ не для снѣди, но на продажу, то есть сѣютъ хлѣбъ не только для снѣди, что разумѣется само собою, но и на продажу. Отмѣтка въ высшей степени важная и любопытная. По точному описанію Геродота жительство этихъ Скиѣовъ-Оратаевъ приходится прямо на Кіевскую область.

Рѣку Бугъ онъ именуетъ Ипанисомъ, Гипанисомъ, и говоритъ, что эта рѣка начинаетъ свое теченіе въ Скиѣи и выходитъ изъ великаго озера, около котораго пасутся бѣлыя дикія лошади, и которое по справедливости называется Матерью Ипаниса. Вытекающая изъ него, рѣка пробирается небольшимъ каналомъ и на пять дней теченія воды ея сладки; потомъ, къ морю, на четыре дня, весьма горьки, ибо здѣсь въ рѣку впадаетъ горькій источникъ, который, хотя и не великъ, но такъ горекъ, что портитъ своимъ вкусомъ всю воду въ рѣкѣ. Этотъ источникъ находится на границахъ земли Скиѣовъ-Оратаевъ и Алазоновъ. Имя источнику и самому мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по Скиѣси Эксампей, что на греческомъ языкѣ значитъ Священные Пути. Быть можетъ, слово Эксампей есть только извращенное огреченное произношеніе тѣхъ же словъ: „Священные Пути“, конечно передѣланное по тѣмъ звукамъ, какими выражала эту рѣчь глубокая славянская древность.

Въ настоящее время Бугъ течетъ изъ обширныхъ болотъ, которыя при Геродотѣ несомнѣнно составляли великое озеро, достойное названія матери Буга. Горькій источникъ и до-сейдъ носитъ соотвѣтствующее имя — Мертвыя воды. Это небольшая рѣка, текущая съ лѣвой стороны отъ СВ и впадающая въ Бугъ у Вознесенска. Мѣстность, по которой она течетъ и отсюда выходитъ ея истокъ, и теперь изобилуетъ на большое пространство ключами минеральной горькой и соленой воды, въ иныхъ мѣстахъ до того горькой, что даже не годится для водопоя¹.

По этому самому пространству, верстѣ на 200 дальше къ востоку, подъ 48 градусомъ широты, между Ольвiоподемъ, Бобринцомъ, Вознесенскомъ и Кривымъ Рогомъ (селеніе на Ингульцѣ), проходитъ каменистая гранитная гряда, края кристаллическихъ породъ, образующій на Бугѣ и по другимъ рѣкамъ высокіе скалистые берега, скалистыя разселины и обрывы, нерѣдко совсѣмъ отвѣсныя, высотой надъ уровнемъ воды въ 40—60 сажень. Этотъ же край заграждаетъ рѣку между Ольвiоподемъ и Вознесенскомъ порогами, которые высовываются изъ воды, то въ видѣ скалъ, острыхъ камней и булыгъ, то въ видѣ цѣлыхъ острововъ, покрытыхъ иногда деревьями и всякою растительностію. Здѣсь повсюду степная ровная площадь страны прорѣзывается такими живописными чудными мѣстностями, которыя естественно должны были питать поэтическое религіозное чувство въ обитателяхъ страны и заставили ихъ прозвать всю эту гранитную высокую площадь Священными Путиами. Отсюда эти Священные Пути тянутся дальше къ востоку, къ Днѣпру, гдѣ тоже образуютъ еще болѣе знаменитые Днѣпровскіе пороги. Отсюда же въ противоположную сторону дальше на Западъ Священные Пути подобными же скалами и порогами загромождаютъ русло Днѣстра. Вотъ что означалъ этотъ Скиѣскій Эксампей.

Геродотъ самъ плавалъ вверхъ по Бугу и собственными глазами видѣлъ въ Эксампей и другое чудо. Онъ говоритъ: „О количествѣ Скиѣскаго народа не могъ я узнать ничего достовѣрнаго; но слышалъ объ этомъ различныя рѣчи. Одни говорятъ, что ихъ весьма много; другіе утвержда-

¹ Шиндтъ, Херсонская Губернія. Сиб. 1863. 1, 187—190, 444 и др.

уть, что ихъ мало, говоря о настоящихъ Скиѣсахъ. Одна-
кожъ вотъ что они представили моему взору: Между Вори-
сееномъ (Днѣпромъ) и Ипанисомъ (Бугомъ) есть мѣсто, на-
зываемое Эксампей, о которомъ уже говорено. Въ этомъ
мѣстѣ лежитъ мѣдный сосудъ величиною въ шестеро больше
Братера¹, посвященнаго Посидону при устьѣ Понта (въ Кон-
стантинопольскомъ проливѣ). Для тѣхъ, кто не видалъ этого
сосуда, я опишу его. Онъ легко вмѣщаетъ въ себѣ шесть
сотъ ведеръ, а въ толщину имѣетъ шесть дюймовъ (болѣе
3 вершковъ). Этотъ сосудъ, какъ называютъ тамошніе жи-
тели, сдѣланъ изъ остроконечій стрѣлъ. Царь ихъ, по имени
Ариантонъ, желая знать число Скиѣскаго народа, велѣлъ,
чтобы каждый Скиѣзъ принесъ по одному остроконечію отъ
своей стрѣлы. Кто не принесетъ, тому грозилъ смертію.
Когда нанесли чрезвычайное множество остроконечій, ему
вздумалось сдѣлать изъ нихъ памятникъ и для того онъ
соорудилъ этотъ мѣдный сосудъ и положилъ въ Эксампей⁴.

Геродотъ, какъ видѣли, прямо и точно говоритъ, что Эксам-
пей, т. е. горькій источникъ—Мертвыя Воды, находится на
границахъ Скиѣовъ-Оратаевъ и Алазоновъ, слѣд. Скиѣы-
Оратаи жили на вершинахъ Ингула и Ингульца и дальше
къ Днѣпру и къ самому Киеву.

Днѣпръ и Бугъ, прибавляетъ историкъ, въ землѣ Алазон-
ской текутъ смежно между собою; но потомъ одинъ отъ
другаго уклоняются и оставляютъ въ середкѣ широкое про-
странство. Днѣпръ и Бугъ дѣйствительно сближаютъ свое
теченіе между Брацлавомъ на Бугѣ и Могилевомъ на Днѣ-
стрѣ; а выше этой Алазонской Земли теперъ находится
Кіевская губернія. Оратаи по Геродоту жили вообще выше
Алазонъ; такимъ образомъ эти Оратаи Геродота суть Поляне-
Кіеве нашего Нестора. За 500 лѣтъ до Р. X. они сѣяли
хлѣбъ не только для сѣбѣ, но и на продажу!

Выше Оратаевъ, продолжаетъ Геродотъ, живутъ Невры
(Неуры, Нуры). Жилище Невровъ приходится стало быть
на рѣчную область Припяти, со всѣми ея притоками. Въ дру-

¹ Братеръ—большой сосудъ, въ которомъ Греки, по окончаніи стола
подавали гостямъ вино для заключительнаго общаго пиршества, такъ
сказать, для круговой чаши. Описанный здѣсь громадный сосудъ быть
можетъ ииѣть форму чаши или чана.

гоиѣ мѣстѣ Геродотъ замѣчаетъ, что Днѣстръ выходитъ изъ великаго озера, которое служить границею между Скиѣю и Невридою. Въ вершинахъ Днѣстра около Лемберга и теперь существуютъ большія озера, которыя быть можетъ и почитались источникомъ Днѣстра. Земля Невровъ стало быть простиралось отъ Лемберга и по западному Бугу, который впадаетъ въ Наревъ, а Наревъ въ Вислу. Въ самый Бугъ, течетъ р. Нурецъ, берущій начало съ той же возвышенности, откуда идетъ Наревъ. Недалеко отъ впаденія Нурца стоитъ городъ Нуръ и вся эта сторона именуется Нурскою. Припомнимъ также, что нашъ Древлянскій Овручъ, Вручій стоитъ на р. Норинѣ. Все это по оставшимся именамъ прямо показываетъ, гдѣ жили Невры и свидѣтельствуется, какъ вѣрно Отецъ Исторіи описывалъ нашу страну, и какія вѣрныя свѣдѣнія онъ получалъ отъ ея обитателей.

Объ этихъ Неврахъ-Нурахъ у Скиѣовъ и Грековъ ходили слухи, будто они волшебники, будто каждый Нуръ ежегодно на нѣсколько дней превращается въ волка и потомъ опять становится человѣкомъ. „Сказывающіе объ этомъ не могутъ меня въ томъ увѣрить, замѣчаетъ правдивый историкъ; однако они это утверждаютъ и даже съ клятвою.“ Это повѣрье и доселѣ живетъ во всей той странѣ.

Невры-Нуры держались установленій Скиѣскихъ, то есть не отличались нравами и обычаями отъ Скиѣовъ, обитавшихъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Въ высшей степени любопытно и очень дорого для нашей исторіи одно событіе, относящееся къ исторіи этихъ Невровъ, о которомъ Геродотъ рассказываетъ слѣдующее: Однимъ поколѣніемъ (около 80 лѣтъ) прежде похода Персидскаго Дарія на Скиѣовъ, Невры принуждены были оставить свою страну по причинѣ чрезвычайнаго множества змѣй, которыя наполнили къ нимъ изъ верхнихъ степеней. Они оставили свою отчизну и поселились между Вудинами, жившими на востокъ отъ четырехугольника Скиѣи. Сказана о змѣяхъ несомнѣнно скрываетъ истинное событіе о нашествіи на Невровъ какихъ либо враговъ-сосѣдей.

Не это ли самое преданіе держится и у перваго нашего лѣтописца, что Радмичи на Сожѣ и Вятичи на Окѣ пришли въ тѣ мѣста отъ Ляховъ, то есть вообще съ запада

отъ Ляшскихъ Славянскихъ племенъ. Мы увидимъ, что Вудинами никого другаго нельзя признать, какъ теперешнія Мордовскія племена, жившія при Несторѣ на Окѣ подъ именемъ Муромы, а при Геродотѣ, по всему вѣроятію занимавшія мѣста еще западнѣе Оки, до самаго верхняго Днѣпра. На это лучше всего указываютъ многія имена рѣкъ, рѣчекъ и мѣстъ по верхней Окѣ, Деснѣ, по Сожу, и по самому Днѣпру, которыя вполне обнаруживаютъ древнее пребываніе здѣсь такой же Мери, Муромы, Мордвы и Веси.

Едва ли встрѣтятся какія либо основанія для опроверженія той истины, что записанное Геродотомъ событіе о переходѣ Нуровъ на восточную сторону Днѣпра по Сожу и по Деснѣ и на Оку не есть прямой источникъ того преданія о переходѣ Радимичей и Вятичей, которое черезъ 1500 лѣтъ еще было памятно въ Кіевѣ во времена Нестора.

По этой причинѣ Русская Исторія имѣетъ полное основаніе почитать своимъ первымъ лѣтописцемъ самого Отца Исторіи Геродота. Онъ первый разсказалъ о важнѣйшемъ ея событіи, о первомъ колонизаторскомъ движеніи Славянскаго племени на Востокъ, о самомъ зародышѣ тѣхъ называемаго теперь Великорусскаго племени, котораго движеніе на востокъ, если въ одномъ углу и остановилось у Ледяныхъ горъ Сѣверной Америки или вообще у береговъ Тихаго Океана, то съ другой стороны оно еще долго будетъ пролагать себѣ неизбѣжный путь къ горамъ Славной Индіи.

Кто обиталъ отъ Невровъ къ Сѣверу, Геродотъ ничего не зналъ, и замѣтилъ только, что тамъ лежитъ земля безлюдная. Описанные народы, говоритъ онъ, живутъ по направленію р. Буга, на Западъ отъ Днѣпра.

Теперь историкъ переходитъ къ описанію самой середины древней Скиѣи, именно тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ по теченію Днѣпра. Русскій кормилецъ—Днѣпръ именуется у него Вориссеюмъ. Это слово не греческое, а безсомнѣнія туземное, скиѣское. Многіе очень согласно толкуютъ, что это имя сохраняется и до сихъ поръ въ названіи рѣки Березины, по старому Березави, впадающей въ верхній Днѣпръ отъ СЗ. Если такое толкованіе достоверно, то стало быть,

рѣка Березина, знаменитая по бѣгству черезъ нее Шипонова Лето, въ Геродотово время почиталась за верхнее теченіе самаго Днѣпра и во ней самый Днѣпръ слылъ Березинскою. Борисовою. Это обстоятельство наводитъ на мысль, что люди, жившіе на верху Березины, плавали по Днѣпрскому устью; или на оборотъ: люди, жившіе на низовьяхъ Днѣпра, плавали до самаго его верха по Березинѣ и спускали ствигъ именовъ весь потокъ рѣки до самаго моря. Какъ бы ни было, но вообще здѣсь скрывается хотя бы и туманный намекъ на сообщеніе по этой рѣкѣ съ Балтійскимъ краемъ черезъ Западную Двину, ибо истокъ Березины очень близко подходитъ къ истокамъ Двины.

Геродотъ однако ничего не зналъ о Сѣверномъ морѣ. „Не смотря на все мое стараніе, говоритъ онъ, я не слышалъ ни отъ одного очевидца, чтобы находилось море за Европою“. Эти его слова показываютъ съ какою осторожностью онъ собиралъ свѣдѣнія. Ему во всякомъ случаѣ необходимъ былъ очевидецъ, иначе онъ не вѣрилъ ничему и почиталъ все баснями. „О послѣднихъ сѣверныхъ земляхъ въ Европѣ ничего не могу сказать достовѣрнаго“ продолжаетъ правдивый историкъ. „Я не вѣрю существованію какой то рѣки, называемой варварами Ириданомъ и впадающей въ Сѣверное море, изъ которой, какъ говорятъ, достаютъ янтари. Неизвѣстны мнѣ и острова, откуда привозится олово. Только ямию, что олово и янтари приходятъ къ намъ заподлинно съ края земли. И вообще кажется справедливо, что страны, лежащія на краяхъ обитаемой земли, производятъ все почитаемое нами прекраснымъ и рѣдчайшимъ“.

Именно янтари почитался древними прекраснымъ и рѣдчайшимъ произведеніемъ природы, которое въ прихотяхъ роскоши цѣнилось выше золота. По свѣдѣтельству Плинія янтарными вещицы цѣнились такъ высоко, что сдѣланное изъ янтара изображеніе человѣка, какъ бы мало оно ни было, превосходило цѣною живаго и здороваго человѣка. О происхожденіи янтара ходило много басенъ; между прочимъ его почитали сономъ солнечныхъ лучей, которые, при закатѣ оставляли будто бы жирный потъ въ водахъ Оксана и потомъ отъ приливовъ выбрасывались на берегъ въ видѣ кусковъ янтара.

Янтарь добывался на Балтийскомъ побережьи въ устьяхъ Вислы и Западной Двины; которая и сохранила за собою имя Бридала, называлась Руданомъ и Роданомъ.

Ночь никакого сомнѣнiя, что торговымъ путемъ чрезъ Двину по Беревинь и по Днѣпру янтарь проходилъ и въ черноморскiя колонiи Грековъ. Очевидцевъ же Балтiйскаго моря въ Ольвиі не являлось по той причинѣ, что разныя товары проходили вѣроятно еще въ верховьяхъ Двины и Днѣпра и по крайней мѣрѣ у Скивовъ Оратаевъ въ кievской области. Да въ тому же купцы не охотно разсказывали о мѣстахъ; откуда добывался дорогой товаръ и свидѣнiя о путяхъ въ такія мѣста держали въ тайнѣ. Впрочемъ древнимъ было известно также, что янтарь суть тѣло ископаемое и добывается изъ земли въ Скивіи въ двухъ мѣстахъ, въ одномъ бѣлый и восковаго цвѣта, а въ другомъ мѣстѣ темнокрасный.

Извѣстно, что янтарь, какъ ископаемое, находится въ самомъ Києвѣ и въ другихъ мѣстахъ по Днѣпру; выше и ниже Києва, въ глубокихъ оврагахъ, также въ самомъ Днѣпрѣ у Малева и въ Неймытицкомъ порогѣ, гдѣ его вытаскиваютъ вмѣстѣ съ рыбомъ сѣтями. Недавно г. Роговичъ открылъ около Києва въ одномъ холму цѣлый пластъ темнокраснаго песка толщиною въ двѣ сажени, съ залежами янтаря; причемъ на различной глубинѣ найдено болѣе 50 кусковъ янтаря; различнаго цвѣта, и некоторые до двухъ фунтовъ весомъ. На поверхности песчанаго слоя оказалось гнѣздо янтаря, состоящее изъ небольшихъ кусковъ, повидимому происшедшихъ отъ раздробленiя большихъ массъ. Эти послѣдніе вѣсятъ болѣе двухъ фунтовъ; небольшіе же куски, отдѣльно найденные вѣсятъ по нѣскольку золотниковъ.

Отъ внимательнаго отысканiя можетъ вѣрнѣе подтверждать, что древніе Греки имѣли вѣрнѣе свидѣнiе о добыванiи янтаря изъ земли, именно въ Скивіи, въ нашеть Києвѣ и его окрестностяхъ. И о кievскомъ янтарѣ могли ходить разсказы, что онъ привозится съ береговъ Севернаго моря Океана.

Какъ бы ни было, но названiе Днѣпра Веретинкою вобщемъ показывало, что вершины самаго Днѣпра въ Геродотово

«Годосъ 1876 № 185»

время, еще не были известны, и что именіа съ Югты происходили только изъ земли Невровъ, иже Березина впадала въ Днѣпръ въ тѣхъ сторонахъ. Память объ имени Воросфеда и теперь сохраняется въ Лимацѣ Днѣпра, въ названіи острова Березань и въ названіи рѣки Березани, впадающей въ Лимацъ противъ того же острова.

Съ особенною любовью Геродотъ описываетъ нашъ славный Днѣпръ. Онъ говоритъ, что послѣ Истра—Дунай это величайшая рѣка, что она способствуетъ плодородію не только больше всѣхъ Скискихъ рѣкъ но и больше всѣхъ другихъ, за исключеніемъ только Нила, съ которыми никакой рѣки сравнить не можно. Изъ всѣхъ другихъ рѣкъ Днѣпръ самая благословенная для продовольствія. Она представляетъ прекраснѣйшія и здоровыя пажити для скота; доставляетъ въ великомъ изобиліи и отличную рыбу. Ея вода чиста и очень пріятна для питья, не смотря на то, что течетъ между мутными рѣками. По ея берегамъ посѣвы бываютъ превосходныя, а гдѣ земля не засѣвается, тамъ трава растетъ чрезвычайно высокая. Вблизи устья рѣки соль сама собою осѣдаетъ въ неизчерпаемомъ изобиліи. Въ рѣкѣ ловятся большія рыбы безъ костей (осетры, бѣлуга), которыхъ солятъ. Историкъ заключаетъ, что Днѣпръ изобилуетъ и многими другими предметами, достойными удивленія.

Переходя на ту сторону Днѣпра, говоритъ историкъ, новая земля отъ моря будетъ Илея, что по гречески значитъ Земля Лѣсная, Лѣсъ. Теперь этого лѣса нѣтъ, но что онъ когда то здѣсь существовалъ, на это указываетъ своею именемъ здѣшній древній русскій городъ Олешья, иныи Алешки, противъ Херсона. Кроме того Днѣпръ въ этихъ мѣстахъ образуетъ въ своемъ теченіи обширнѣйшіе необозримые заливные луга, отъ 6 до 20 верстъ въ ширину, называемые плавнями, по которымъ всегда и до сихъ поръ растутъ густыя лѣса. Особенно примѣчательно въ этомъ отношеніи запорожское урочище Великій Лугъ, на углу Днѣпроваго поворота къ Западу противъ запорожскаго перевоза Ниятинъ Рогъ, нынѣ мѣстечко Нияполь. Такие луга-плавни по преимуществу слѣдуютъ за теченіемъ р. Конки, почему, быть можетъ вся эта сторона отъ впаденія Конки въ Днѣпръ и до его устья называлась вообще лѣсомъ, Илею. Выше этой лѣсной страны обитаютъ Сцием-

Земледельцы, живущихъ Грессе называли Вериссеитакъ, Берсеидакъ. Одинъ изъ нихъ занималъ мѣсто и въ Восточномъ тридцати пути, значитъ версты на ступю простирался къ рецѣ Пашликану, такъ назывался Геродотъ р. Конку, онъ указываетъ этики, что земледельцы жили до верхнему теченію Конки отъ Востова до Днѣпра, что на самомъ дѣлѣ составляетъ 100 версты.

Другіе живутъ вверхъ къ сѣверу по пространству земли на одиннадцатидней плаванія противъ теченія Днѣпра, стало бытъ версты на 300 отъ Конки, или же отъ пероговъ, что во всякомъ случаѣ приходится на Полтавскую и Харьковскую губерніи и выше до Черниговской и Курской.

Выше этихъ земледельцевъ, говоритъ Геродотъ, лежитъ страна большею частію пустая, за которою живутъ Андроеги, людобды, народъ особый; отнюдь не Скифскій. По Геродоту; это былъ послѣдній предѣлъ человѣческаго жилья въ нашей сѣверной странѣ. За людобдами, говоритъ онъ, степь совершенная и нѣтъ никакого народа, сколько намъ извѣстно. Андроеги-людобды изъ всѣхъ народовъ отличаются нравами лютейшими. Они не признаютъ никакой правоты и не имѣютъ никакого закона. Жизнь ведутъ вочевую; одежду носятъ похожую на скифскую; языкъ у нихъ особый и изъ всѣхъ здѣшнихъ народовъ онъ одинъ нѣтъ человѣческимъ мясомъ.

О какомъ племени и народѣ носился такой слухъ на южнѣ Днѣпрѣ; сказать трудно. Но видимо, что этотъ народъ жилъ на вершинахъ Днѣпра-Березины, гдѣ либо близъ Балтійскаго померья, потому что въ этомъ случаѣ показанія Геродота направляются какъ бы только по берегу Днѣпра. Быть можетъ такой слухъ объ этомъ углѣ былъ распространенъ только изъ-за торговыхъ интересовъ, дабы отбить всякое намѣреніе у чужихъ купцовъ странствовать въ извѣстныхъ янтарныхъ берегахъ, ибо степенъ варварства по всему вѣроятію была одинакова на всея тогдашней сѣверь. Уральское золото точно также стерегли чудовищные грены и всѣ подобныя дѣтскія страшилища, конечно, больше всего распространялись корыстолюбивыми торговцами.

Въ семалінію Геродотъ ничего не говоритъ о порогахъ, какъ будто вовсе ихъ не существуетъ. Быть можетъ и на самомъ дѣлѣ въ его время пороги, по неводію рѣки, не

представилъ предъ него, закруживши, то: конромиъ. Онъ свидѣннѣ говорить. Геродотъ поназываетъ какое-то мѣсто Герръ и говоритъ, что изъ этому мѣсту Дибиръ течеть отъ Сѣвера, и что плыть сюда должно сорокъ дней; но откуда плыть, отъ устья рѣки съ Юга, или отъ Озера, объ этомъ онъ не дѣлаетъ даже ни слова. Въ другой разъ онъ говоритъ, что владѣнне скиевыхъ царей находится въ Геррахъ; въ токъ мѣстѣ, до котораго можно плыть по Бориссену, и что тамъ живутъ народы: западный, т. е. крайній изъ подвластныхъ Скиевъ, называемый также Геррами. Герромъ у него именуется также седмая рѣка Скиевъ, выходящая отъ Дибира же, въ томъ углу Скиевъ, гдѣ Дибиръ принимаетъ, т. е. вѣроятно рѣкою, входяюю въ скиевую землю. Эта рѣка, отдѣляясь отъ Дибира, получаетъ имя самой той страны, Герръ, и течеть въ море, разделяя Скиевъ кочующихъ и царскихъ, а впадаетъ между прочимъ въ шестую рѣку, Илларисъ, и съ нею въ Карлиносскій Заливъ Чернаго Моря. Наконецъ историкъ дѣлаетъ еще поназание о рѣкѣ Герръ, по которому выходитъ, что подъ этимъ именемъ онъ разумеетъ нашу Донецъ, называемый у него Гиртанъ и Сиртанъ.

Такимъ образомъ Геродотовы свидѣннѣ объ этомъ любопытномъ Геррѣ были неопредѣленнымъ, обивляли и обозначали какое то неопредѣленное пространство скиевской земли.

Нашъ кажется, что свидѣннѣ Геродота объ этомъ Геррѣ есть только слухи о странѣ, въ которой скрывалось понятіе или представленіе вообще о верхнихъ горныхъ земляхъ Скиевъ, а въ частности быть можетъ они обозначали самую мѣстность торговъ, какъ это видно по указанію на мѣстность царскихъ провинцъ. Что эта мѣстность въ древнихъ русскихъ понятіяхъ обозначалась именемъ Горъ, да это, и называется Слово о полку Игоревомъ, гдѣ Ярославъ обращаясь къ своей дѣвѣ въ Словутичу-Дибирю, восклицаетъ: ты пробилъ еси лапешныя горы сквозъ землю Подолецкую! Сверкъ того горю и на сѣверѣ и на югѣ; у насъ называлось вообще верхнее теченіе рѣки. Въ договорѣ Полоцакъ съ Витомъ 1478 г. сказано между прочимъ: рѣ струма неши Подолецкыи пошыи (по Днѣпру) и а: горру парешныи. Заперожы, поазывави предѣлы своихъ владѣній въ 17-мъ столѣтіи, выражались также: городомъ старинный Заперож-

лей Самарь (на устьи Самари) съ перевозомъ и землями въ гору Днѣпра по рѣкѣ Орѣхъ... а черезъ Днѣпръ; икъ изъ явленъ бывале по Очаковскіе плуки и въ гору рѣчки Бегу по рѣкѣ Смыкоху".

Нѣтъ особыхъ оснований сомнѣваться, что Герръ есть определенное славянское слово гора, горній; означавшее верхнія мѣста, и верхнихъ жителей Скиевъ, разумеется отъ носителя Днѣпровскаго Липкала, откуда Геродотъ смотрѣлъ на Скиевъ и гдѣ слушалъ рассказы о верхнихъ ея земляхъ. Повторимъ, что такой смыслъ этому слову придаетъ уже самая неопредѣленность и сбивчивость показаній Геродота.

Такъ точно и его показаніе о сорока дняхъ плаванія по Днѣпру до мѣста Герръ необходимо принимать въ общемъ смыслѣ, что вообще плаваніе по рѣкѣ простиралось всего на 40 дней пути, какъ это и понимали послѣдующіе географы. Но этому расчету оно могло восходить до устья Березины и вообще до Минской и Могилевской губерній².

Если же мѣсто Герръ почитать вероги и тождество Геродота, что 40 дней плаванія изъ этого мѣста онъ считаетъ не отъ устья, а отъ обвѣра, откуда течетъ Днѣпръ; то въ этомъ случаѣ показаніи мы можемъ разумѣть вообще, что плаваніе достигало самыхъ вершинъ Березины и ея прѣвалъ къ вершинамъ Западной Двины.

Геродотъ однако не знаетъ, гдѣ скрывается источникъ Днѣпра: „Кажется, что въ страну Скиевъ земледѣльцы, говорить онъ, рѣка течетъ черезъ пустыню, ибо эти Скиевы живутъ отъ пустыни на 10 дней плаванія. Одной только этой рѣки, да еще Нила я не могу показывать источникъ, и думаю, что этого не покажетъ и никто другой изъ Грековъ“. Видно, что именовъ пустыни здѣсь обозначается страна, имѣвшая какой либо особый характеръ въ свѣдѣ топографіи, ибо Скиевы считали до ея прѣваловъ 10 дней плаванія, слѣд. это плаваніе проходило по другой странѣ, которую не называли пустынею. Быть можетъ въ этомъ

¹ Акты Арх. Эксп. I, № 108. — Чтен. Общ. Ист. 1846 № 5. Стлбъ 67.

² Изъ Днѣпра мѣстъ плаванія по теченію 56—60 верстъ въ день, простирается отъ 28—30 верстъ. Герръ Словъ Славянск. Мы полагаемъ мѣстъ отъ 28 верстъ къ дѣльнѣ и т. д.

имени Синою разудали вообще Амазонскую возвышенность, Волковедий Дьезъ, горнее место всей нашей равнины.

Къ востоку отъ Диэировскихъ Синоевъ-земледельцевъ, въ рѣчку Пантикапою-Конною обитали Синови-шастьрцъ, не сѣвѣншіе и не наказаніе земли. Въ эту сторону была степь безлѣсная. Жилище степняковъ-Синоевъ простиралось въ восточную на 14-дневной пути до рѣки Герра, куда упадесть къ сѣверному Дону. За Дономъ находились тѣмъ называемыя царскія земли, гдѣ жили благороднѣйшіе и многочислѣннѣйшіе Синоы, цоидавшіе другихъ Синоевъ своими рабами. Значить гдѣ-то жили Синоы-владѣли; надъ всею Синоскою страною. Ихъ земли съ юга простирались къ Тавриѣ, т. е. къ гаврическимъ горамъ; съ востока до рву, отдѣлявшему ихъ отъ Воспарснаго царства, и потомъ протягивались по азовскому побережью до города Крымы, а частію прилегали къ рѣцѣ Дону. Выше этихъ царскихъ Синоевъ къ сѣверу жили Меланхлены, особенный, не Синоскій народъ, державшій однако законы и обычай Синоскіе; они носили персое платье, отсюда и прозывались Черныи Бастанами.

Замѣчательно, что на долѣхъ жилища Меланхленовъ находили съ одного края Черныговъ, съ другого Варежель, имена, которыхъ, тоже даютъ помятѣ о черномъ, и заросло до служатъ выравителями капрѣ, либо реограничешей для этнографической особенности этого края. Выше Меланхленовъ простиралась болота и степи, гдѣ жили необитаемыя.

За рѣкою Тавансомъ-Дономъ находилась уже не синоская земля, а первая страна отъ его устья была страна Савроматовъ, безлѣсная степь, которая простиралась къ сѣверу на 15-дневной пути, т. е. до генеральнаго Царицына или до переклада къ Волгѣ на Донъ. До разсказахъ Савроматы приходили отъ Синоевъ и Амазонекъ, случайно занесенныхъ моремъ въ Синою послѣ войны съ Греками. Эта басня, показывая вообще, что Савроматы были пришельцы въ эту страну, подтверждалась особенно тѣмъ обстоятельствомъ, что Савроматскія женщины ничѣмъ не отличались отъ мужчинъ. Точно также вѣдали на лошадяхъ, носили такое же платье, занимались звѣриною ловлею и ходили на войну. Синоскія женщины, сидя въ саняхъ, довозили, занимались женскими работами и мукла не выходили, а савроматки сидя на лошадяхъ-сѣбѣ работали

только лукомъ и стрѣлами, даже одни, безъ помощи мужей. По крайней мѣрѣ объ нихъ шла такая молва. У нихъ и одна дѣвица не могла выйти замужъ, пока въ битвѣ не убивала кого либо изъ враговъ. Имя, которымъ неудавалось исполнить этотъ савроматскій законъ, состарившись, такъ и умирали безбрачными.

Во второй странѣ, выше Савроматовъ, продолжаетъ Геродотъ, живутъ Вудины, народъ великій и многочисленный. Жилище этихъ Вудиновъ, по ясному и точному указанію Отца Исторіи, начиналось, стало быть, отъ сближенія Дона и Волги у горъ Царицына и простиралось къ сѣверу въ губерніяхъ Саратовской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Сибирской и Рязанской.

Все они, прибавляетъ Геродотъ, темно-голубые и красны. Нѣтъ сомнѣнія, что это обозначеніе относится къ цвѣту глазъ (голубыхъ) и волосъ (рыжихъ). Онъ повѣствуетъ, что Вудины природные тутошніе жители, старожилы, народъ кочевой, то есть не воздвигавшій землю; и одинъ изъ вѣдѣхъ азіатскихъ народовъ высказываетъ, что по прическѣмъ, по ниткамъ вообще обозначало крайнюю нечистоплотность. Страна Вудиновъ была намоленная вѣстаго рода густыми лѣсами; въ одномъ густѣйшемъ лѣсу находилось у нихъ большое и глубокое озеро, окружавное белотами и тростнякомъ; въ немъ ловили выдръ, бобровъ и другихъ звѣрей съ четырехугольными мордами, мѣха которыхъ, примѣчаетъ историкъ, употреблялись на опушку верхняго платья, а бобровая струя была полезна въ истерическихъ припадкахъ.

Какой же это народъ — Вудины? Существуетъ ли онъ и теперь, или онъ исчезъ безъ остатка, какъ исчезли многія племена степныхъ кочевниковъ. Но это былъ народъ великій въ смыслѣ множества; потому—онъ жилъ въ лѣсахъ. Такіе народы не скоро исчезаютъ. Въ той странѣ, гдѣ Геродотъ помѣщаетъ своихъ Вудиновъ, до сихъ поръ существуетъ нѣсколько родственныхъ другъ другу племенъ, каковы Мордва, Черемиса, Чуваши, Вотяки. Къ описанію Геродота ближе подходитъ Мордва и особенно Вотяки, живущіе на Камѣ и Вяткѣ, дальше къ сѣверу, и потому лучше другихъ сохранившіе свой первобытный обликъ. Жилища Мордвы, теперь хотя и разсѣяны, находятся между Волгою верхнюю Двину и течеіемъ Оны. Нѣтъ сомнѣнія,

что эти жилища при Геродотѣ простирались еще южнее напр. до устья Медвѣдицы впадающей въ средній Донъ, и западнѣе, такъ что Ода со всеми ея притоками, отъ самой своей вершины принадлежала несомнѣнно тому же племени Вудиновъ. На это во первыхъ указываютъ имена рѣкъ и мѣстъ въ родѣ Мценска на р. Медвѣ, въ родѣ Мещовска, по древнему Мещерскъ, на р. Мераѣ или Мерѣ и т. п., не говоря о сѣверной Мерѣ и о томъ, что при началѣ нашей исторіи на нижней Огѣ сидѣло еще Мордовское племя Муромъ. Извѣстно также, что подъ Раздѣлю на средней Огѣ жила Мещера, которая конечно простиралась еще дальше упомянутаго Кадужскаго Мещерска. Нельзя нисколько сомнѣваться, что всѣ эти Мордовскія племена Геродоту были извѣстны подъ именемъ Вудиновъ. Корень самого имени Вудицы до сихъ поръ сохраняется у Вотяковъ, которые сами себя называютъ Отъ, Утъ, Удъ, Удъ-Муртъ, Муртъ, откуда и Мордва. Удъ — собственное, народное имя, а Муртъ или Муртъ означаетъ вообще человекъ.

Русскіе въ 16 столѣтіи рассказывали, что эти Отяки или Вотяки — такая же Черемиса; что они были некогда черкы, то есть, народомъ Ростовской области и ушли съ своими жителями къ Камѣ, въ Болгарскую землю, убоявъ отъ русскихъ грабленія; что могло случиться еще въ 14-мъ стол.

Это стало быть наша изтопная Ростовская Мера, или, какъ называютъ себя Черемисы, — Мари. По всему вѣроятію собственное имя Вотяковъ — Удъ, у Черемисовъ — Ода, въ древнее время было общимъ именемъ для всѣхъ этихъ племенъ или по крайней мѣрѣ для племенъ Мордовскихъ. Впрочемъ Мордва и Чувашей называется Вьедене². Вотъ почему и Геродотъ очень правильно передаетъ это перво-бытное прозваніе: Вудины, присовокупляя только свое окончаніе для народнаго имени и ставя впереди потребную для легкаго выговора букву в. Но не одно сходство имени утверждаетъ, что Мордва, Муромъ, Мери, Мокша, Эрза, Мещера, Чуваша, Черемиса, суть Вудины Геродота. Тоже свидѣтельствуетъ и описанная Геродотомъ ихъ наружность:

¹ Исторія Казанск. Соб. 1781, стр. 3.

² Мидларъ: Описание Черемисъ, Чувашъ и Веземовъ. Соб. 1781, стр. 41.

волосы рыжіе, желтые, русые; глаза голубые, сѣтконосыя; у Востяковъ цвѣтъ лица даже смугловато-красный.

Для новаго подтвержденія, что земля древнихъ Вудинцевъ простиралась на Волгѣ между Саратовскихъ и Орломъ и далее за Оку, къ западу, не говоря о сѣверныхъ краяхъ, намъ необходимо обозначить мѣстность того великаго и глубокаго озера, гдѣ дошлись бобры и другіе пушные звѣри, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ. Именъ, слѣды этого озера и теперь можно видѣть, даже по картѣ, нѣсколько сѣвернѣе города Рязани, въ тамошней Мещерской сторонѣ, гдѣ до сихъ поръ остается множество большихъ и малыхъ озеръ и болотъ, окруженныхъ густыми лѣсами, которыми почти сплошь закрыта вся эта сторона. (см. выше стр. 182). Слѣшкомъ за 2000 лѣтъ здѣсь въ дѣйствительности могло существовать великое озеро, ибо вся эта мѣстность есть обширная низменная белотная и озерная котловина; а Рязанская область и особенно ея Мещерская сторона издревле славилась лѣсами бобровыхъ.

Мы уже привели свидѣтельство Геродота, что Невры, имъ-то называемые съ своихъ мѣсть, переселились въ землю Вудинцевъ, и что нашъ первый лѣтописецъ сохраняетъ память объ этомъ событіи, говоря, что Радимичи и Вятичи пришли отъ Дяховъ и сѣли по Сожу и по Олѣ. Если Мещера и Марва, уже на главахъ лѣтописи сѣдѣла на той же Олѣ, Сожѣ и по Сожу, хотя и рѣдко, остаются еще именъ рѣкъ и мѣсть не русскія, а скандинавы съ Моравскими и Маравскими, то очевидно, что Радимичи и Вятичи принадлежали къ племени Геродотовскихъ Невровъ, а Мещерская и Маравская сторона была земля Вудинцевъ.

Вѣсть съ Вудинцами или вѣрнѣе въ землѣ Вудинской жилъ еще народъ, Гелоны, именемъ котораго Греки называли и Вудинцевъ, но неправильно, какъ замѣчаетъ Геродотъ, Гелоны по своему происхожденію были Эллины—Греки, поселившіеся у Вудинцевъ по случаю изгнанія ихъ изъ торговыхъ греческихъ черноморскихъ городовъ. Значить это были вслѣдствіе выходцы отъ Грековъ и Скифовъ, ибо языкъ оныхъ употребляли частію скандинавскій, частію греческій. Они воздвигали

землю или невидящая жабь, занимались садоводством и нимало не походила на Вудиню или Облию, ни на Гелю. Сверх того у нихъ былъ деревянный городъ, единственный во всей странѣ, окруженный высокими стѣнами, каждая сторона которыхъ простиралась на 30 стадій—около 5 верстъ. Стѣны, дома, краны—все было деревянное. Въ этомъ городѣ были храмы эллиновскихъ боговъ, устроенные по эллическому обычаю съ деревянными статуями, жертвенниками и божищами. Черезъ каждые три года Гелюи совершали празднества Вааху и отправляли вакханалии.

Гдѣ, на какомъ именно мѣстѣ былъ этотъ городъ, неизвестно. Но по всему вѣроятію, гдѣ либо близъ Волги, о которой однакожъ Геродотъ не даетъ прямыхъ свѣдѣній. Онъ знаетъ только, что изъ земли Оиссагетовъ, которые жили северовосточнѣе Вудинювъ, вытекали четыре большія рѣки и впадали въ озеро Местійское (въ Азовское море). Имена этихъ рѣкъ были Лия, Оаръ, Тананъ (Донъ) и Сиртасъ (Донецъ). Видимо, что Отцу Исторіи Сѣверная сторона Каспійскаго моря вовсе была неизвестна, что по рассказамъ оныхъ знаетъ только среднее теченіе Волги—Оара и среднее теченіе Урала—Яика—Лия, и полагала, что эти рѣки текутъ, какъ и Донъ въ Азовское море. Такъ онъ думалъ конечно по указанію рассказчиковъ, которые хаживали изъ Уральскимъ горахъ, именно по этому пути, который и описываетъ намъ Геродотъ. Замѣчательно, что имя Волги, Оаръ, слышится въ Мордовскомъ названіи этой рѣки, существующемъ до сихъ поръ—Рау. Такимъ образомъ Геродотъ даетъ Волгѣ, какъ и слѣдуетъ ожидать, Вудинское имя. Онъ повѣствуетъ также, что Персидскій Дарій, преследуя въ себѣ походъ Скивовъ, прошелъ землю Скибскую и Сароматскую и нигдѣ не нашелъ ничего, что можно было бы разорить; но вступивъ въ землю Вудинювъ, встрѣтилъ городъ Гелюю и сжегъ его. Затѣмъ пришелъ въ степную пустыню и поставилъ свои лагери на рѣкѣ Оаръ, построивъ тутъ всеми большихъ крѣпостей, развалины которыхъ оставались еще въ Геродотово время. Все это заставляетъ думать, что Гелюя находилась гдѣ либо вблизи Саратова, ибо это была середина тогдашняго торговаго пути изъ греческихъ черноморскихъ городовъ къ Уральскимъ горахъ. Быть можетъ Гелюя находилась на Волгѣ, пониже Саратова, на мѣстѣ

небольшаго города Увекъ; остатки котораго существовали еще въ 16 столѣтїи. Путешественники того времени говорили, что этотъ Увекъ лежитъ въ плодородной странѣ, гдѣ растутъ во множествѣ ликорнъ, аблонныя и вишневыя деревья. Они прибавляютъ, что на томъ мѣстѣ, на высокомъ холму, была некогда очень красивая замокъ Увекъ и подлѣ него городъ, называемый Русскими Содомъ; этотъ городъ и часть замка провалились по правосудію Божию за грѣхъ народа, здѣсь обитавшаго. Теперь видны только развалины и некоторыя гробницы; на одномъ надгробномъ камнѣ можно различать форму лошади и всадника, сидящаго на ней, съ лукомъ въ рукахъ. На другомъ камнѣ видна надпись арабская.

Имя Увекъ сохраняется и теперь въ названїи замочиникъ селъ. Городъ этотъ указывается на томъ же мѣстѣ, въ 20 дняхъ разстоянїя отъ Астрахани, и Арабскими писателями 9—10 вѣка. Въ то время онъ былъ важнымъ торжищемъ въ сношенїяхъ среднеазиатскихъ и прикаспійскихъ странъ съ страдою нашего по-Воляныя, съ Бурзасами и Болгарами. Очень вѣроятно, что въ Геродотово время тотъ же городъ служилъ торжищемъ для черноморскихъ Гревовъ, съ народами при-Уральскими. Слѣдуетъ замѣтить также, что въ этой же гелонской странѣ, въ губ. Саратовской и Тамбовской, встрѣчается нѣсколько селеній и рѣкъ, съ именами Еланъ, Еланское.

Описывая древнѣйшее разселеніе разныхъ народовъ въ этой землѣ по направленію къ сѣверовостоку, къ Уральскимъ горамъ, Геродотъ, по всему вѣроятію, описываетъ собственно торговый путь, который тогда пролегалъ по этимъ мѣстамъ отъ Чернаго моря. Онъ продолжаетъ: „Повыше Вулдиновъ къ сѣверу сперва простирается степь на семь дней пути. За степью, поворота болѣе къ Востоку, живутъ Эисагеты, народъ многочисленный и особый, питающійся звѣриною пищею. Въ смежности съ этими народами, т. е. Вулдианами и Эисагетами, живутъ Ирии, тоже звѣролюбы. Это наши древнїе Вось Вѣлозерская или Вису“ по арабскимъ писателямъ, которая въ то время могла занимать земли болѣе къ Востоку, и Угра, Югра при-Уральская. Дальше къ востоку жили другіе Скины, отложившіяся отъ Скизовъ царствующихъ (эксархствъ) Ночеванъ).

До страны этихъ Олнеговъ, замѣчаетъ Геродотъ, земля ровная и гувная, а отсюда начинается наименѣе ровная, затѣмъ, дальше у подошвы высокихъ горъ обитаютъ люди отъ рожденія плѣшвые, плоскочелюстные, съ продолговатыми подбородками; языкъ они употребляютъ свой особенный, а одежду ошескую; питаются древесными плодами. Каждый изъ нихъ живетъ подъ деревомъ, зимою окутывая это дерево бѣлымъ войлокомъ. То дерево, которымъ они питаются величюю съ смоковницу, плодъ носитъ подобій на бобъ и имѣетъ ядро. Когда плодъ созреетъ, изъ него вынимаютъ густой и черный сокъ, называемый аши¹, который пьютъ, смѣшавши съ молокомъ, а изъ выжимковъ дѣлаютъ лепешки и ѣдятъ. Этимъ людямъ никто не наноситъ обиды; ибо ихъ почитаютъ священными; да и въ у нихъ и никакого воинскаго оружія; они даже сосѣдей примиряютъ въ ссорахъ и если кто приближается къ нимъ подъ защиту, тому уже никто не смѣетъ нанести обиды.

До страны этихъ плѣшвыхъ людей земля была довольно известна. Досюда кочевали и Олнеги, и Греки изъ Олвий и другихъ черноморскихъ городовъ. Приходившіе сюда Олнеги употребляли семь переводчиковъ для семи языковъ, стало быть на пути жило семь народовъ. Но что находится выше этого плѣшваго народа, о томъ никто ничего яснаго сказать не можетъ. Туда путь пресѣченъ высокими горами, черезъ которыя никто перейти не можетъ. Плѣшвые рассказываютъ, чему впрочемъ я не вѣрю, замѣчаетъ Геро-

¹ Этого сока аши, по всему вѣроятію, есть еще видѣтъ. Въ северной Сибири, говоритъ путешественникъ 17 столѣтія, Коллинсонъ, есть дикая страна, называемая степью юна, достигающая на 800 или 700 верстъ и большей частию состоитъ изъ разннцъ, рѣтъ въ ней надо, но почва невѣроятно плодородная. Тамъ цѣлый день вѣдешь полець, росшннхъ вишневыхъ и деревьевъ... Красныя вишни, растущія на вѣтлѣхъ деревьевъ, очень хороши, но и очень кислы. Онѣ бьются въ кисъ, тогда пересажены. Другой путешественникъ, 18 вѣка, Павелъ Кошъ, рассказывая о томъ, какіе напитки употребляются въ Москвѣ, прибавляетъ: «Некоторые любятъ также сокъ, выжатый изъ сырыхъ вишенъ; онъ имѣетъ свѣтлобагровый цвѣтъ и очень приятенъ вкусомъ. Это слово аши—вишни, выстѣ съ именемъ Югры—Ирковъ достаточно указываютъ, что Олнеги, передававшіе Геродоту эти свѣдѣнія о растеніи и вѣрнѣ, принадлежали къ тѣмъ племенамъ, въ языкѣ которыхъ слово стлѣтія сохранилось какъ Югра и доселѣ сохраняется какъ динца.»

доть, будто на вѣнхъ горахъ живутъ люди съ козыми ногами, а за ними другіе, золотые синтъ въ мѣшцѣхъ.

Впрочемъ изъ Восточу, отъ алдѣнвандъ, страна была тоже хорошо известна. Въ ней жила Иссидоны. Это былъ народъ справедливый, т. е. жившій въ гражданскомъ порядкѣ. И женщины у нихъ имѣли власть равную съ мужчинами. Было у нихъ, между прочимъ въ обычай: когда у кого умираетъ отецъ, то всѣ сродники пригоняли на поминки домашній скотъ, напоили его и изрубали въ куски вместе съ теломъ покойника; потомъ мясо перемѣшивали и предлагали на столъ для трапезы. Оставляли только черепъ отъ головы покойника, оправляли его въ золото (въ видѣ чаши-братилы) и употребляли, какъ священнай сосудъ, при совершеніи великихъ годовыхъ жертвоприношеній. Тамъ сынъ твердилъ память по отцу.

Иссидоны разсказывали, что выше ихъ живутъ люди односторонне и Грѣзы, чудовища, похожія на львовъ съ назвоми и армьями орлиными, которые стерегли золото. Сибирское золото, охраняемое такими страшилищами, по всему вѣроятію и было главнымъ предметомъ, привлекавшимъ въ эту страну торговыхъ людей изъ Скандіи и главное изъ греческіхъ купцовъ, разсказывали эту сказку вѣроятно для того, чтобы показать, съ какою трудностью и опасностями добывается золото. Имя Иссидоновъ сохраняется до сихъ поръ въ имени рѣки Исети, текущей отъ Уральскихъ горъ на Востокъ въ рѣку Тоболъ. Дѣлится Исета одна изъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ мѣстностей за Ураломъ; она богата золотомъ и желѣзомъ рудой; въ ней помѣется мраморъ и другія подобныя породы камней; въ самой рѣкѣ находятъ много дорѣзныхъ камней, горныхъ хрусталей, халцедоновъ, берилловъ и т. под. Горный мѣстородецъ въ Уралѣ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, на что указываетъ мраморное тѣлѣнство (пащель), въ которахъ находятъ человѣческія кости, разныя вещи, посуду, монеты и другія орудія, покрытыя гуще сапфировой корой. Можно сказать, что Иссидоны были самый первобытныи народомъ, который обработывалъ здѣсь руды, добывалъ золото, драгоценныя камни и торговалъ ими съ дикими Грѣзами, большими скотниками

вать: на каменных печатях и различных изображениях своих боговъ. Такимъ образомъ Уральскія горы и въ то далекое время доставляли европейцамъ много драгоценнаго.

Во всей описанной странѣ, говоритъ Геродотъ, бываетъ такая жестокая зима, что 8 мѣсяцевъ продолжаютъ нестерпимые морозы: въ то время, если прольешь воду, граи не сдѣлаешь, а сдѣлаешь ее, зажегши огонь, что для южныхъ жителей, которымъ повѣствовалъ Геродотъ, было, конечно, удивительно. Даже море (Азовское съ проливомъ) замерзаетъ и Скины иногда на льду сражаются и видятъ черезъ проливъ на повозкахъ на азиатскій берегъ. Отъ стужи и скотъ въ Скии не имѣетъ роговъ. Тамъ родится порода волковъ безрогая. Весною тамъ не бываетъ дожди, а лѣтомъ идетъ безпрестанно дождь и бываютъ часто громы. Но если случится громъ зимою, то это почитается чудомъ. За чудо также почитается, когда въ Скии случится землетрясеніе.

Сказываютъ, что дальше къ Сѣверу отъ верхнихъ земель Скии, нельзя ничего видѣть, ни пройти туда по причинѣ вездѣ разсыпаннаго перья, которымъ наполнена земля и воздухъ. Геродотъ объясняетъ, что „это перье должно быть снѣгъ, ибо за Скинскою землею всегда идетъ снѣгъ, впрочемъ лѣтомъ меньше, какъ и слѣдуетъ, чѣмъ зимою, и кто видѣлъ вблизи падающій густой снѣгъ, тотъ видѣлъ то, о чемъ я говорю. Отъ падающаго снѣга и мѣста дальше къ сѣверу необитаемы“, заключаетъ историкъ.

Любопытны разсказы Геродота о происхожденіи Скиновъ. Самы Скины сказывали ему, что народъ ихъ нео мѣхъ народовъ самый младшій и произошелъ такимъ образомъ: въ очень давнее время, когда еще страна эта была пуста, жаль здѣсь, говорили они, одинъ мужъ, называемый Таргитай. Родители его были боги. Онъ родился отъ Зевса и отъ дочери рѣки Днѣпра. Зевсомъ, греческимъ именовъ, Геродотъ называетъ по своему главнаго скинскаго бога. У этого Таргитая было три сына. Когда они царствовали, то на Скинскую землю упали съ неба плугъ (соха), яри (головы заприжка), сѣкира (тепоръ) и чаша. — все золотое. Старшій братъ увидѣлъ это первый и хотѣлъ дорогія вещи забрать себѣ; подошелъ къ нимъ поближе, а золото такъ загорѣлось, что взять было невозможно. Такъ онъ и ушелъ. Послѣ

она дала второму брату: золото, опять загорелось; и ушел
 вонь, и онъ. Когда подошелъ третій братъ, самый младшій,
 золото потухло и остыло, онъ спокойно забралъ сѣбя всю
 вещь. Старшіе братья увидѣли, что некорится надо ему,
 младшему брату, и отдали ему все царство. По рассказу
 Синеовъ это случилось за 1000 лѣтъ до похода на нихъ
 Персидскаго царя Дарія, стало быть слишкомъ за 1500 лѣтъ
 до Р. X.

Съ тѣхъ поръ упавшее съ неба золото Синеовіе цари
 почитали священнымъ, очень бережно охраняли его, и каж-
 дый годъ праздновали ему и приносили жертвы. Овладевшій
 царствомъ младшій братъ учредилъ потомъ въ этой стра-
 нѣ для своихъ дѣтей три царства и одно изъ нихъ, гдѣ
 хранилось золото, сдѣлалъ главнымъ, начальнымъ цар-
 ствомъ.

Очевидно, что это сказаніе принадлежало Синеовъ-пасты-
 рякъ, которые жили по Днѣпру и воздѣлывали землю, сѣ-
 яли хлѣбъ. Плугъ, ярмо, сѣяра - топоръ для этихъ Сине-
 овъ на самомъ дѣлѣ были предметами священными, пото-
 му что составляли главную силу и основу ихъ жизни. Или
 они кормились, или они полагали на землю свое право соб-
 ственности, которое по древнему Русскому выраженію обы-
 чновенно такъ существовало, куда соха, носъ, топоръ мече-
 я ходили. Очень естественно, что въ глубокой древности,
 у земледѣльческаго народа, эти орудія имѣли смыслъ боже-
 ственнаго дара. Ихъ послало само божество; они упали съ
 неба въ образѣ божественнаго золота, которое и выражало,
 что это былъ предметъ самый многоцѣнный и дорогой въ
 земледѣльческомъ быту.

Для Синеовъ-пастырей, для кочелаго народа, эти орудія
 не были такъ дороги. Кочевой народъ не приписалъ бы
 имъ божественнаго происхожденія. Воины, вѣдники всегда
 биваютъ степные вожешники, почитаютъ священными орудія
 битвы, поклоняются мечу, какъ поклонились мечу тѣмъ
 Синеовъ кочевники; въ мечѣ ихъ сила, честь, достоинство и
 слава, въ мечѣ основа ихъ жизни. Такихъ образомъ и плугъ
 и мечъ, какъ иконы, должны необходимо выражать весьма
 различныя основы быта.

Другую сказку о происхожденіи Синеовъ Геродотъ слы-
 шалъ отъ Грековъ, жившихъ по берегамъ Чернаго моря.

Он размышляла, что Гераклесъ, грядши въ эту землю, тогда еще необитаемую и пустынную. Его застигла зима и морозъ; онъ окутался въ альмовую шкуру и шезулъ; между тѣмъ паслися лошади отъ его конюшни вдругъ изчезли. Проснувшись сталъ онъ искать коней и прошелъ всю страну, изъ конца въ конецъ. Наконецъ уже, въ Лысой Землѣ, при устьяхъ Дивыра, въ одной пещерѣ онъ обрѣлъ чудище Ехидну, въ половину женщину, въ половину змѣю, у которой вмѣсто ногъ былъ змѣиный хвостъ. Эта Ехидна одна владела всею этою страной. Она и захватила его коней и не хотѣла ихъ отдать какъ только съ условіемъ, чтобы Гераклесъ женился на ней.

Отъ Ехидны и Гераклеса родились три сына. Уходя изъ страны, Гераклесъ отдалъ Ехиднѣ лукъ со стрѣлами и повѣсть и сказалъ: „Когда сыновья выростутъ, то дай имъ натянуть этотъ лукъ и опомниться этия поюны воть такъ;— онъ показавъ, какъ это должно сдѣлать, именно по геркулесовски, по богатырски. Кто такъ сможетъ и съумѣетъ это сдѣлать, прибавилъ онъ, тому и отдай эту всю страну во владѣнье, а кто не сможетъ натянуть лука и по богатырски подпоркаться поюномъ, того изгони вонъ изъ этой страны“.—Все такъ и было исполнено, какъ говорилъ Гераклесъ. Сильнѣмъ и могучимъ богатыремъ для этого подвига оказался младшій сынъ, именемъ Скионъ. Онъ и владелъ землею. Отъ него произошли Скионъ-цари, то есть Скионы царствующіе, владѣющіе страной. Другіе два брата назывались Агаирсъ и Гелонъ, именами которыхъ обозначаются два сильнѣйшихъ народа, соседнихъ Скионимъ, Агаирсы на западъ и Гелоны къ востоку. Имя, что эти славны вѣдомы живописуется быть кочевникомъ, быть пастухомъ; для которыхъ лукъ со стрѣлами былъ необходимъ орудіемъ къ силѣ и богатырству. Самъ Гераклесъ представляется здѣсь пастухомъ, кочевникомъ, и въ полномъ нарядѣ такого же кочевника. Скионы поклонялись Гераклесу, конечно своему, а не греческому, какъ богу. Они поминали Гераклесу при рѣкѣ Дивырѣ сльдъ Гераклесовой жонки,

1 По Юстину или Геріона томе объяснялось сказаніе въ 5-мъ брѣтѣхъ, упоминающа Гераклеса за расхищеніе коней египетск. царя, гдѣ Агирсы и Гелоны были кочевниками, а Скионы пастухами.

оттиснувшійся на камень, похожій на слѣдъ человѣческій, по величиною въ два локтя.

„Есть еще преданіе, говоритъ Геродотъ, которому я больше всего вѣрю“. Это преданіе было уже не мифъ, а сама исторія. Оно состояло въ томъ, что Скиѣны-пастыри, кочевники, жили нѣкогда въ Азіи, были вытѣснены оттуда, во время войны, другимъ народомъ и пришли сюда, въ землю Киммерійскую, ибо вся эта страна до нихъ принадлежала Киммеріанамъ и называлась Киммерійскою.

Изо всѣхъ этихъ рассказовъ объясняется одно, что Скиѣны-кочевники, обладавшіе въ то время страню, пришли въ нее послѣ всѣхъ, были по заселенію младшіе всѣмъ братья; что Скиѣны-земледѣльцы, напротивъ были братьями старшими, то есть заселили эти мѣста, гораздо раньше Скиѣновъ-пастырей. Затѣмъ преданія смѣшиваютъ нѣкоторые обстоятельства, но очень наглядно объясняютъ, что въ странѣ другъ подлѣ друга существовали два народныхъ быта, двѣ исторіи; быть и преданія земледѣльческіе къ Западу, къ Дунаю, и быть и преданія кочевые, къ Дону, къ Каспійскому морю.

Достовѣрнѣйшее преданіе было таково, что прежде Скиѣновъ страню владѣли Киммеріане, которыхъ зналъ еще Гомеръ. Во времена Гомера, говоритъ Страбонъ, или нѣсколько прежде, Киммеріане совершали набѣги на всю страну отъ Воспора до Іоніи, часто дѣлали набѣги и на южные берега Чернаго моря, врываясь иногда къ Панагонцамъ или къ Фригійцамъ, но потомъ были изгнаны Скиѣнами. Геродотъ сказываетъ, что въ его время въ Скиѣи находились еще укрѣпленія Киммерійскія, переправы Киммерійскія, цѣлая страна Киммерія и Воспоръ-проливъ изъ Азосаго въ Черное море тоже назывался Киммерійскимъ. Киммеріане слѣдовательно оставили глубокую память о своемъ житьѣ-бытьѣ въ этой странѣ. Простирая свои набѣги на греческія побережья къ западу до Іоніи, какъ равно и по Черному морю, они естественно были отличные мореходцы. Вотъ какой глубокой древности принадлежать морскія предпріятія, рѣзавшіяся на нашихъ Черноморскихъ берегахъ и непремѣнно въ устьяхъ нашихъ большихъ рѣкъ, не исключая даже и далекаго Танаиса-Дона.

Когда на эту Киммерійскую землю напали Скиѣны-пастыри, то Киммеріане, говоритъ Геродотъ, держали совѣтъ, что дѣлать и какъ спасать себя? Мнѣнія ихъ раздѣлились на двѣ стороны. Народъ хотѣлъ удалиться изъ своей земли безъ битвы; цари желали битвы, желали лучше умереть, защищая свою землю, чѣмъ бѣжать вмѣстѣ съ народомъ. Споръ окончился междуусобіемъ, на которомъ цари и кто стоялъ на сторонѣ царей были всѣ побиты и погребены народомъ при рѣкѣ Днѣстрѣ, гдѣ и нынѣ видна ихъ могила, заключаетъ Геродотъ. Послѣ того народъ вышелъ изъ своей земли и Скиѣны нашли ее совсѣмъ пустою. Но Отецъ Исторіи дополняетъ, что Скиѣны погнались за Киммеріанами въ Азію и заблудились, преслѣдуя ихъ по восточной сторонѣ Кавказа; въ то время, какъ Киммеріане бѣжали по западной, по берегу Чернаго моря. Они тогда заселили малоазійскій полуостровъ, гдѣ находится городъ Синопа.

Позднѣйшіе писатели, основываясь быть можетъ только на сходствѣ имени, говорятъ, что Киммеріане подъ именемъ Кимвровъ переселились на Балтійское море, гдѣ Датскій полуостровъ въ древности именовался Кимврійскимъ, и гдѣ Кимвры занимали весь берегъ между Вислою и Эльбою и сосѣдніе острова.

Все это очень правдоподобно, по той причинѣ, что нашествіе Скиѣновъ на самомъ дѣлѣ могло сильно потревожить южное населеніе нашей равнины и очень могло выдвинуть изъ его состава нѣкоторые роды и племена, не желавшіе покориться новымъ господамъ. Особенно такое покореніе бываетъ невыносимо для самихъ прежнихъ господъ, какими по видимому и были Киммеріане. Ихъ цари всѣ погибли на мѣстѣ, а народъ разошелся по сторонамъ. О славныхъ Киммеріанцахъ и Страбонъ замѣчаетъ (кн. 1, гл. 3), что можетъ быть это было какое либо одно изъ ихъ племенъ. Но какъ имя Скиѣновъ, такъ и прежде имя Киммеріанъ было общимъ географическимъ именемъ для всей нашей страны. Поэтому преданіе, что Скиѣны нашли страну пустою, должно объяснять только, что въ странѣ не оставалось уже ея владыкъ, которые безъ битвы уступили мѣсто другимъ. Остальное покорное населеніе въ этомъ случаѣ не шло въ расчетъ; это была такъ сказать сама страна, ея коренное Земство.

Что рассказываетъ о мѣстожителѣхъ Кимвровъ Плу-тархъ (въ Маріи), все то очень приложимо къ древѣйшему разселенію въ Европѣ Славянскихъ племенъ. Это былъ народъ, жившій на краю твердой земли, близъ сѣвернаго Океана, достигавшій своими жилищами Понтійской Сивои, занимавшій земли дѣсистыя и мало освѣщаемыя солнцемъ, гдѣ дни бывали равны ночамъ. Хотя Кимвры, нападавшіе на Римлянъ, по частямъ имѣли разныя прозванія, но ихъ войско называлось общимъ именемъ Кельто-Скивовъ, стало быть оно состояло изъ этихъ двухъ племенъ. Скиом-Славяне жили въ перемежку съ Кельтами—Галлами (Влахами), только у Карпатскихъ горъ, откуда за одно хаживали и воевать, и гдѣ на сѣверъ къ Вислѣ нѣкоторые ученые указываютъ и первоначальное жительство Кимвровъ. Такииъ образомъ въ имени Кимвровъ, наравнѣ съ Германскими, могли скрываться и Славянскія племена. И потому переходъ Киммеріянъ отъ Чернаго на Балтійское море не- жеть объяснять переходъ на то же море и Славянскихъ племенъ, сидѣвшихъ въ послѣдствіи между Вислою и Эльбою и бокъ-о-бокъ съ Кимврійскимъ полуостровомъ. Если туда двинулись Киммеріане-Германцы, то рука въ руку съ ними могли туда же перейти и Славяне? Мы помнимъ одно, что появленіе въ исторіи новаго имени, какъ и исчезно- веніе этого имени никакъ не можетъ указывать на появле- ніе и исчезновеніе особыхъ народностей и указываетъ толь- ко на перемѣну народныхъ именъ у писателей Исторіи.

Любопытно также и то обстоятельство, что борьба Ким- меріянъ, владыкъ страны, съ подвластными народами про- исходила въ окрестностяхъ Днѣстра, то есть въ мѣстности, которая искони была населена Славянами.

Съ особеннымъ вниманіемъ Геродотъ останавливается, только на Скивахъ-кочевникахъ, главѣйшемъ народѣ, ко- торый владѣлъ въ то время Югомъ нашей страны. Онъ го- воритъ, что въ Черноморскихъ земляхъ онъ не знаетъ дру- гаго народа, столько извѣстнаго своею мудростію.

Скиескій народъ, по его словамъ, изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ одно важнѣйшее придумалъ—мудренѣе всѣхъ народовъ, какия только были тогда извѣстны. Ничему другому я не-

удивляюсь, прибавляет Геродотъ. Это важнѣйшее придумано у нихъ такъ, что никто, нападающій на нихъ, не можетъ отъ нихъ убѣжать, и если захотятъ, никто не можетъ поймать ихъ. У него нѣтъ ни городовъ, ни вѣрностей, гдѣ каждый носитъ свой домъ съ собою, гдѣ всѣ суть конные стрѣлки, живутъ не отъ плуга, а отъ скота, и свои жилища перевозятъ на телегахъ, — какъ не быть тѣмъ людямъ непобѣдимыми и совсѣмъ неприступными? По понятіямъ Грена въ этомъ особенно и заключалась скисская мудрость, торжеству которой способствовало самое свойство скисской страны, ровной степи, обильной пажитями и водами. Число протекающихъ въ ней рѣкъ не многимъ меньше числа водопроводовъ въ Египтѣ, говоритъ далѣе Геродотъ. Во всей странѣ нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ ея обширности и величайшихъ рѣкъ и ихъ множества.

Скиены всѣхъ племенъ поклонялись главнымъ образомъ Вестѣ (Огню-созидателю), которая называлась у нихъ Тавити. Затѣмъ Зевсу (Небу) и Землѣ, почитая Землю женою Зевса; потомъ Аполлону (Солнцу) и небесной Афродитѣ (Лунѣ), Ираклу и Арю (богу войны). Царствующие Скиены приносили жертвы Посидаону (богу моря). Кумировъ, жертвенниковъ и храмовъ они не строили; а строили только одному Арю. У нихъ было великое множество волхвовъ, гадалокъ, предсказателей, которые гадали прутьями, связывая ихъ въ пучки и раскладывая на землѣ по одному; гадали также посредствомъ липовыхъ лыкъ: разодравъ лыки на три части, перепугивали ими пальцы и потомъ разрывая, произносили свои предсказанія. За то и доставалось волхвамъ, если ихъ гаданья не оправдывались; ихъ ставили на воловью повозку въ пучу хвороста, замигали и пускали воловъ мыкаться съ пожаромъ по степи.

Жертвоприношеніе у всѣхъ совершалось одинакимъ образомъ. Жертва (волъ, корова) стоитъ со спутанными передними ногами. Приносящій жертву, стоя позади ея, потянувъ за конецъ веревки, опрокидываетъ ее, и какъ скоро она падала, взывалъ къ богу, которому жертвовалъ; потомъ навидывалъ на шею петлю, продѣвалъ въ петлю палку, которую перевертывая, удавлялъ животное; затѣмъ разрывалъ на части и принимался варить мясо въ котлѣ. Изъ свареннаго божеству приносили начатки мяса и утробы. Кро-

изъ рогатаго скота приносили въ жертву и другихъ домашнихъ животныхъ и особенно лошадей. Но свиней вовсе не употребляютъ и не хотятъ, чтобы они водились въ ихъ странѣ, отмѣчаетъ Геродотъ.

Арея, богу войны, жертвовали иначе. Для этого въ каждой общинѣ устраивали изъ связокъ хвороста родъ кургана на 3 стадіи (около полверсты?) въ длину и ширину, въ вышину меньше, съ трехъ боковъ утесисто, а съ четвертаго дѣлали всходъ. Каждый годъ на ту же кучу сваливали 150 воевъ новаго хвороста, такъ какъ прежній осѣдалъ отъ непогодъ. На верхней четырехугольной площадкѣ этого кургана водружали старинный желѣзный мечъ, который и означалъ нумиръ Арея. Этому мечу ежегодно приносили въ жертву скотъ и лошадей и гораздо больше, чѣмъ другимъ богамъ. Когда возьмутъ въ плѣнъ непріятелей, то отъ каждой сотни одного приносятъ также въ жертву: возливъ вино на головы людей, зарываваютъ ихъ надъ сосудомъ; потомъ несутъ кровь на курганъ и льютъ ее на мечъ.

Скиѣны вообще были кровожадны. На войнѣ Скиѣны иль кровь перваго убитаго имъ непріятеля. Головы убитыхъ всѣ относились къ царю, по той причинѣ, что принесшій голову врага, получалъ право участвовать въ добычѣ. Кто не приносилъ, тому ничего и не давали. При этомъ самая кожа съ головы почиталась знатнымъ украшеніемъ храбраго человека. Ее искусно снимали съ черепа, очищали отъ мяса, мяти въ рукахъ, и употребляли вмѣсто платка и украшенія, привѣшивая на уздѣ къ коню¹. Тотъ почитался нахрабрѣйшимъ, у кого было много: такихъ полотеицеъ или платковъ. Многіе изъ человѣческихъ содранныхъ кожъ дѣлали себѣ верхнее платье, сшивая его на подобіе бурки. Многіе, содравъ кожу съ правыхъ рукъ убитыхъ враговъ вмѣстѣ съ ногтями, дѣлали изъ нихъ футляры для колчановъ. Человѣческая кожа, примѣчаетъ Геродотъ, и толста и глянцовита и почти всякую кожу превосходить бѣлиацомъ, если съ бѣлаго человека. Многіе сдираютъ кожу и съ цѣ-

¹ Замѣчательно, что въ старинномъ русскомъ богатомъ конскомъ уборѣ существовалъ Наузъ, очень большая шелковая кисть, у которой ворв орка-закрѣпка или узелъ покрывалась серебряною вызолоченною полусеерическою чашкою.

рыхъ людей и растгнувъ ее на палкахъ, возить на лошадяхъ на показъ. Таковы обычаи Скивовъ. А съ головами своихъ знатнѣйшихъ или злѣйшихъ враговъ дѣлають вотъ что: отпиливають черепъ по самое переносье и вычистивши, устрояють изъ него чашу; бѣдный хозяинъ обтягиваетъ эту чашу снаружки только воловьешю кожей и такъ пьетъ изъ нея, вмѣсто стакана; а богатый кромѣ того внутри покрываетъ чашу золотомъ. Это дѣлають Скивы и съ своими одноземцами, когда поссорятся и по суду цареву одинъ отдается совсѣмъ во власть другаго ¹. Когда кто придетъ къ Скиву изъ иноземцовъ, котораго онъ особенно уважаетъ, то при угощеніи онъ наполняетъ эти чаши виномъ и рассказываетъ, что это были его соотечественники или сродники, которые осмѣлились вступить съ нимъ въ войну, что онъ побѣдилъ ихъ и теперь пьетъ изъ ихъ череповъ вино. Такъ превозносится Скивъ своимъ храбрымъ подвигомъ. Одинъ разъ въ годъ бывалъ у нихъ особый праздникъ, на которомъ жители каждой волости собирались пить вмѣстѣ; старшина волости растворялъ чашу вина и предлагалъ всѣмъ храбрѣйшимъ изъ народа, кто наиболѣе отличался въ битвахъ истребленіемъ враговъ. Кому не приходилось прославить себя такимъ подвигомъ, тотъ сидѣлъ на этомъ пиру храбрыхъ особо безъ всякой почести и вина ему не давали. Это было не малое безчестіе. Напротивъ, кто славился боевымъ дѣломъ и убилъ многихъ враговъ, тотъ пилъ даже изъ двухъ стакановъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Братскіе договоры и союзы Скивы заключали такимъ образомъ: наливали вина въ большую глиняную чашу, пускали туда нѣсколько крови отъ обонхъ собесѣдниковъ, которые вступали въ союзъ, для чего прокалывали себѣ тѣло иглою или порѣзывали ножемъ; потомъ погружали въ чашу мечъ, стрѣлы, сѣкиру и копье, съ произнесеніемъ заклятій, и затѣмъ выпивали вино вмѣстѣ съ достойнѣйшими изъ своей дружины.

Вино Скивы пили непомѣрно и притомъ одно, чистое, безъ примѣси воды, что у древнихъ грековъ почиталось от-

¹ Вотъ что въ древнѣйшее время означало известное въ нашемъ Мѣстничествѣ уже символическое дѣйствіе—выдача головою.

чаяннымъ варварствомъ. По мѣнью Грековъ пить одно вино было свойственно только Скивамъ. Съ удивленіемъ они рассказывали о царѣ спартанскомъ Клеоменѣ, который не только много напивался, но въ добавокъ по развращенному скинскому обычаю, пилъ вино одно, безъ воды, и потому сошелъ съ ума¹.

Своихъ царей Скины погребали съ особыми почестями и особымъ образомъ. Тѣло умершаго наполняли благовонными семенами и травами, обмазывали воскомъ, укладывали на колесницу и везли по степи, къ ближайшему подвластному народу, оттуда къ слѣдующему и такъ далѣе, пока съ этимъ торжественнымъ поѣздомъ не объѣзжали всѣхъ подвластныхъ племенъ. „Кто привезенное тѣло приметъ, дѣлаетъ то, что и царскіе Скины: урѣзываютъ себѣ уха, остригаютъ волосы, порѣзываютъ кругомъ мышцы, царапаютъ лобъ и ноздри, и прокалываютъ лѣвую руку стрѣлами“. Каждое племя, встрѣтивъ останки царя, потомъ сопровождало его до мѣста погребенія. Народу такимъ образомъ накоплялось въ шествіи великое множество. Царское кладбище находилось въ странѣ Герры, какъ назывался и народъ, тамъ жившій, въ томъ мѣстѣ, до котораго можно было плыть по Днѣпру, надо полагать, что въ окрестностяхъ Днѣпровскихъ пороговъ. Здѣсь вырывали большую четырехугольную яму, а въ ней отдѣльныя пещеры, какъ бы особыя комнаты, изъ которыхъ въ одной погребали царя на катафалкѣ, водрузивъ по сторонамъ коныя и устроивши на нихъ крышу изъ брусевъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ остальныхъ пещерахъ, сначала удушивъ, погребали одну изъ царскихъ

¹ Самы Спартянцы увѣряютъ, говоритъ Геродотъ (VI, 84), что позавомясь со Скивами, Клеоменъ сдѣлался пьяницею и отъ того впалъ въ бѣшенство. Скины задумали отомстить Персидскому Дарію за походъ въ ихъ страну. Для этого они послали въ Спарту просить вспоможенія и условились такъ, чтобы сами Скины у рѣки Фазиса старались вторгнуться въ Мидію, а Спартянцы, отправивъ изъ Ефеса, пошли бы въ верхнюю Азію и наконецъ сошлись бы въ одномъ мѣстѣ. Когда шли эти переговоры съ Скинскими посланцами, Клеоменъ обращался съ ними больше, чѣмъ слѣдовало, и научился отъ нихъ пьянствовать, отчего и сошелъ съ ума. Съ того времени, если кто хотѣлъ напиться по пьянѣ, употреблялъ выраженіе: Налей по Скински.

женъ, виночерпїя, повара, конюшаго, письмоводца, вѣстносца и царскихъ коней, вмѣстѣ съ золотыми чашами и со всякими драгоценностями изъ одежды и домашняго обихода, большею частію тоже золотыми, потому что серебра и мѣди Скиѣны употребляли мало. Совершивъ похороны, всѣ непрерывъ другъ передъ другомъ, засыпали могилу землею, стараясь сдѣлать насыпь какъ можно выше и сооружали такимъ образомъ иногда огромнѣйшій курганъ, сажень въ 10 вышиною по отвѣсу и шаговъ около 500 по окружности ¹. Черезъ годъ справлялись поминки, причемъ погибало еще 50 человекъ, самыхъ наилучшихъ служителей умершаго царя, и 50 наилучшихъ коней. Ихъ убивали и мертвыхъ всадниковъ на мертвыхъ лошадяхъ ставили на столбахъ и кольяхъ вокругъ кургана.

Простыхъ скизовъ-покойниковъ точно также родственники возили на повозкахъ къ ихъ друзьямъ, которые по обычаю угощали провожатыхъ богатымъ пиромъ, предлагая угощеніе и покойнику. Такіе погребальныя объѣзды продолжались 40 дней и затѣмъ совершалось погребеніе.

Похоронивъ покойника, Скиѣны имѣли обыкновеніе очищаться, для чего устраивали себѣ баню, въ видѣ шатра изъ трехъ жердей, вверху соединенныхъ и обвѣшенныхъ войлоками очень плотно. Посрединѣ этого намета ставилась кадка съ водою, которую нагрѣвали, бросая въ нее раскаленное на огнѣ камень. Для духу они бросали на раскаленное камень конопляное сѣмя и восхищаясь этимъ паромъ, подымали крикъ. Женщины стружили себѣ острымъ камнемъ кипарисное, кедровое и ливанное дерево, разводили эту смѣсь водою и этимъ густымъ составомъ обмывали себѣ лице и все тѣло. Оттого онѣ получали прїятный запахъ, и обобравъ на другой день съ себя эту обмазку, дѣлались чистыми и глянцовитыми.

Изъ другихъ скизскихъ обычаевъ, надѣ упомянуть, что если царь кого казнилъ, то не оставлялъ въ живыхъ и дѣтей казненнаго, именно сыновей; они тоже погибали, но дочери оставались. Это показываетъ, что съ виноватымъ погибалъ и весь его родъ, и что женское племя не почиталось важнымъ.

¹ См. Разсѣдованіе Скизскихъ Кургановъ въ Приложеніяхъ № IV.

Геродотъ говоритъ также, что Скиѣмъ вообще питали сильное отвращеніе отъ иноземныхъ обычаевъ; что каждый ихъ народъ ничего въ обычаяхъ не заимствовалъ одинъ отъ другаго, а тѣмъ болѣе отъ Грековъ. Жили они, стало быть, каждый разнo и берегли крѣпко каждый свой порядокъ жизни. Какъ сюда подходятъ слова нашего перваго летописца: „живяху каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще (управляясь) каждый родомъ своимъ. Имяху обычай свои, законъ отецъ своихъ и преданья, каждый свой нравъ“. У Грековъ однакожъ ходило преданіе объ одномъ Скиѣ Анахарсисѣ, славномъ своею ученостью и мудростью, который любилъ иноземные и именно аллинскіе обычай. Этому Анахарсису приписывали изобрѣтеніе горшечнаго станка. Рассказываютъ, что онъ много путешествовалъ, долго жилъ въ Элладѣ и возвратившись на родину, погибъ за иностранныя установленія и аллинскіе обычай.

Вотъ что рассказывали и что знали о нашей странѣ образованные Греки за 450 лѣтъ до Р. Х.

Очень жаль, что вниманіе Отца Исторіи больше всего привлекали Скиѣмъ владѣющіе, Скиѣмъ-цари или настоящіе Скиѣмъ, какъ онъ обозначаетъ ихъ, разсуждая о числѣ всего Скиѣскаго народа. О земледѣльцахъ онъ говоритъ мало, по той конечно причинѣ, что въ ихъ быту ничего не было замѣчательнаго для любопытнаго Грека. Жили они просто, какъ и всѣ земледѣльцы, а потому и ихъ варварство не представляло въ себѣ ничего грознаго, самобытнаго, царственнаго и могущественнаго, какъ у Скиѣовъ воиновъ. Притомъ, земледѣльцы были рабы, то есть подвластные Скиѣамъ-царямъ, и конечно не заслуживали равнаго вниманія. Вѣроятно по этой же причинѣ Геродотъ не слишкомъ отличаетъ ихъ отъ Скиѣовъ-кочевниковъ и чертитъ въ одной картинѣ быть весьма различныхъ народностей, хотя и отмѣчаетъ мѣстами, что Скиѣскія племена различны и живутъ каждый по своему. По имени владѣтелей онъ называлъ Скиѣами и всѣ другія племена, которыя были подвластны Скиѣамъ. Онъ описывалъ, такъ сказать, Скиѣскую державу и смотрѣлъ на подданныхъ этой державы безразлично, какъ на одинъ Скиѣскій народъ, какимъ на самомъ дѣлѣ были только настоящіе Скиѣы. Оттого Скиѣовъ земледѣльцевъ онъ совсѣмъ отдѣлилъ отъ Невровъ, а тѣ и дру-

гіе несомнѣнно были единоплеменники и несомнѣнно были Славяне.

Если въ Геродотовскихъ именахъ рѣкъ существуютъ Славянскіе звуки¹, то почему же не заключить, что въ числѣ Геродотовскихъ народовъ существовали самые Славяне, именно ихъ восточная вѣтвь, русскіе Славяне.

Французскіе писатели, напр. Мальтъ-Брюнъ, въ этомъ не сомнѣваются, но нѣмецкіе писатели, напр. Риттеръ, населяютъ не только южные, но (Вирховъ) и средніе края нашей страны нѣмцами, между прочимъ по той причинѣ, что на устьѣ Дона существовалъ будто бы сказочный городъ Азгардъ, а у подножія сѣвернаго Кавказа на Кубани существовалъ народъ Шапсухи, который въ древности у Грековъ прозывался Аспургами, отчего появилась мечта о Скандинавскихъ Азахъ, будто бы обитавшихъ нѣкогда въ этихъ самыхъ мѣстахъ. Такъ далеко, за тридцать земель, была отыскана германская прародина. Тѣмъ больше основаній имѣютъ Русскіе Славяне отыскивать свою прародину въ собственной своей землѣ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ и теперь живутъ.

По Геродоту эта Славянская прародина обнимала приморскія земли отъ нижняго Дуная-Истра и до Днѣпра. Рѣка Истръ, носящая Славянское имя и упоминаемая еще Гезіодомъ, современникомъ Гомера, протекала черезъ Скиѳію. Отъ Истра и до Перекопскаго залива въ Черномъ морѣ, гдѣ существовалъ городъ Каркинитъ, т. е. включительно до Днѣпровскаго Лимаца простиралась древняя Скиѳія, говоритъ Отецъ Исторіи. А нашъ первый лѣтописецъ какъ будто читалъ эту строку Геродота. Перечисляя Славянскія племена, обитавшія по Бугу, по Днѣстру и дальше къ Дунаю, онъ говоритъ: „Дулѣби живяху по Бугу... а Улучи (Алазоны), Тиверцы (Тирагеты), сѣяху по Днѣстру, присѣяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣяху бо по Днѣстру,

¹ Таковы: Ворисевъ — Березина-Днѣпръ, Истръ — Дунай, Пората-Прутъ. Самый Тирасъ, Днѣстръ, по всему вѣроятію огречень изъ Стрый, какъ вносится весьма значительный верхній притокъ Днѣстра, и какъ въ древности несомнѣнно прозывался Днѣстръ, ибо первая половина его имени, Днѣ, появилась уже въ средніе вѣка и въ формѣ *Dana-steg* прямо обозначала первоначальный корень древнѣйшаго имени.

по Бугу и по Днѣпру, оди до моря, суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Гремъ Великая Скуоѣ⁴. Великая, по русски значить Старшая, Древняя. Вся эта страна, по разсказу Геродота, принадлежала Скиоамъ земледѣльцамъ, слѣдов. Древняя Скиоія была страна по преимуществу земледѣльческая, чѣмъ и отличалась отъ настоящей, Кочевой Скиоіи, простиравшейся въ южныхъ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ. Но мы видѣли, что древніе Скиомъ, то есть Скиомъ-земледѣльцы обитали уже и на восточной сторонѣ Днѣпра, отъ Лѣсной земли или отъ Олешья къ востоку на три дня пути, и вверхъ къ сѣверу отъ рѣки Конки на 11 дней плаванія по Днѣпру, то есть вплоть до Кіевской области. Одиннадцать дней плаванія мы также не можемъ принимать за крайній предѣлъ жилища этихъ земледѣльцевъ. Несомнѣнно, что этимъ разстояніемъ обозначался лишь известный пунктъ, гдѣ плаваніе останавливалось. Если плыть вверхъ по Днѣпру отъ Конки черезъ пороги, то такимъ пунктомъ явится Кременчугъ, или Ерыловъ; если плыть отъ Пороговъ, т. е. отъ Екатеринослава, то такимъ пунктомъ будетъ устье Роси или городъ Каневъ. Но Геродотъ свидѣтельствуетъ еще, что Скиомъ земледѣльцы, живя на 11 дней плаванія по Днѣпру, или отъ Конки, или отъ Пороговъ, жили съ своей стороны на 10 дней плаванія отъ пустыни, что приходится къ устью Сожа, если не къ устью Березины.

Все это можетъ указывать только на одно, что Земледѣльцы жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра къ сѣверу по крайней мѣрѣ до Кіева. О верхней странѣ Геродотъ ничего не слышалъ и зналъ только, что въ самомъ верху за пустынею живутъ людоѣды. Онъ и объ Нѣврахъ не говоритъ ни слова, что они были такіе же земледѣльцы, но не говоритъ и того, что они были кочевники, какъ онъ засвидѣтельствовалъ это объ ихъ сосѣдахъ Вудинахъ.

Уже одно дорогое свидѣтельство Отца Исторіи, что Скиомъ-земледѣльцы, жившіе выше пороговъ, сѣяли хлѣбъ не для сѣбѣ, но на продажу, вполне можетъ утверждать, что весь Кіевскій край и въ это отдаленное время усердно занимался хлѣбопашествомъ. Здѣсь-то потомъ и вырастаетъ корень нашей Руси, первоначальный корень русской жизни со всѣми ея историческими идеалами и стремленіями.

Рычная долина Роси вполне и уже несомненно доказывает вещественными памятниками, что ее обитатели въ Геродотово время жили въ близкихъ сношеніяхъ съ главнѣйшимъ Греческимъ торжищемъ нашего Черноморскаго берега, съ Ольвіею. Въ Каневскомъ, Таращанскомъ и Сквирскомъ уѣздахъ Кіевской губ., гдѣ именно протекаетъ Рось, а отчасти и южнѣе, въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ, въ могильныхъ курганахъ постоянно были находимы различные предметы греческаго художества, не византійской, а болѣе древней, античной эпохи, прямо указывающіе на сношенія здѣшнихъ мѣстъ съ античнымъ міромъ.

Это въпервыхъ глиняные сосуды, простыя амфоры, небольшіе амфорные же кувшинчики, покрытые черною поливою съ красными травами, одна росписная подобнымъ же образомъ чаша съ мнѣологическими изображеніями. Потомъ трехгубый бронзовый кувшинъ высокой работы, а что всего важнѣе—бронзовый шлемъ и такіе же наголенки изящнаго античнаго рисунка. Въ одномъ изъ кургановъ найдена золотая бляшка съ извѣстнымъ Ольвійскимъ изображеніемъ птицы, хватающей рыбу, не оставляющая ни малѣйшаго сомнѣнія, откуда она попала въ эти мѣста ¹.

Все это, открываемое только случаемъ или исканіемъ кладовъ, раздѣляетъ передъ нами совсѣмъ невѣдомую страницу нашей исторіи, безъ начала и безъ конца, но по содержанію въ высшей степени любопытную. Достовернымъ оказывается только одно, что это памятники той древности, когда процвѣтала Ольвія и обитали здѣсь Скифы-пахари, описанные Геродотомъ.

Предположимъ, что курганы съ этими греческими памятниками принадлежали однимъ жившимъ здѣсь Грекамъ. И въ такомъ случаѣ мы должны заключить, что Кіевское мѣсто было очень важнымъ пунктомъ для торговыхъ оборотовъ и связей Ольвіи. Несомненно, однако, что эти примѣчательныя могилы принадлежатъ туземцамъ.

Почему же именно въ этой сторонѣ, на этихъ Кіевскихъ мѣстахъ свопилось населеніе, которое повидимому имѣло

¹ Обзорніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, И. Фундулен. Кіевъ 1848. Указатель выставки 3-го Археологическаго съѣзда Кіевъ. К. 1874.

большіе достатки, покупало у Грековъ не только изящную посуду, глиняную и бронзовую, казъ и другіе предметы домашняго обихода, но покупало даже прекрасныя бронзовыя шлемы и латы для защиты ногъ и сѣдловат. вооружалось по гречески. На это отивѣтомъ служить сама Кіевская шестность, представляющая узелъ, въ который къ Дѣпру соединяются его западные и восточныя главныя притоки, Припять, Березина, Сожь, Десна, а къ югу, въ Черное море идетъ большая дорога—Дѣпръ.

Мы говорили, что земледѣльческую Скию Геродотъ именуетъ древнею Скиею. Онъ же говоритъ, что отъ старшаго брата Сливскіихъ родоначальниковъ произошли Скиы, называемыя Авхатами, что по гречески значитъ Славныя. Греки, по замѣчанію нашего достойнаго переводчика Геродотовой Исторіи, Мартынова, любили переводить названія народовъ на свой языкъ, а потому Авхаты не есть ли переведенное имя Славянъ? Быть можетъ! И тѣмъ болѣе, что общее имя всѣхъ Скиевъ по проименованію царя, Сколоты, какъ оно обыкновенно искажалось въ греческихъ устахъ: Склавы, Селавы, Аселавы, Ставаны, или у арабовъ Сакальбъ, Сиклабъ, Сакалибъ, Секалибъ, очень напоминаетъ настоящее имя Славянъ, Слоуты¹. Имя царя Сколотъ (по Юстину Склопитъ, 1, IV), могло звучать по славянски Слоутъ, Словутъ, Славъ, Славнъ. Не даромъ Дѣпръ прозывался Словучичемъ, сыномъ Словута. Покрайней мѣрѣ въ этихъ догадкахъ находится столько же правдоподобія, сколько и въ толкованіи Шафарикомъ имени Прокопьевыхъ Споровъ, что оно огречено изъ имени Сербовъ, между тѣмъ какъ (по Геденову) вѣроятнѣе, что оно переводъ славянскаго слова разсѣянныя, живущіе розно, врознь и представляетъ въ сущности этимологическое толкованіе древняго Русскаго кіевскаго имени Росъ-Рознь.

Какъ бы ни было, не достовѣрно одно, что на Кіевскомъ Дѣпрѣ жили хлѣбошщцы, сѣявшіе хлѣбъ для продажи, и что если они торговали хлѣбомъ на югъ, передавая его Грекамъ, то несомнѣнно, что торговали имъ и на сѣверъ, промѣнивая его на янтарь или на пушной товаръ. Описанный Геродотомъ торговый путь къ Ураду шелъ тоже отъ

¹ Слоутъ—село вълѣвѣ Гаухова Чернаговецкой губерніи.

Днѣпра къ городу Гелону. Несомненно и этотъ путь захватывалъ съ собою торговлю Скизовъ земледѣльцевъ. Геродотъ прямо говоритъ, что Скизы ходили къ Уралу и Алтаю и употребляли для этого семь переводчиковъ для семи языковъ, на которыхъ говорили народы, обитавшіе на пути.

Геродотъ ничего не сообщаетъ о движеніи этой торговли къ Каспійскому морю и за море въ закавказскія страны, въ древнюю Мидію и Персію; но онъ лучше всѣхъ даже и послѣдующихъ древнихъ географовъ знаетъ положеніе Каспійскаго моря и оставилъ очень вѣрное измѣреніе его вдоль и поперекъ. Это показываетъ, что во времена Геродота плаваніе по Каспійскому морю было хорошо извѣстно каждому Греку. Нельзя также сомнѣваться, что еще лучше оно было извѣстно обитателямъ обширнаго, хотя и деревяннаго города Гелона, который повидимому для своей окрестной страны былъ торговымъ средоточіемъ между западомъ и востокомъ отъ Днѣпра до Алтая и между сѣверомъ и югомъ отъ нижегородской Волги до Закавказья и Персіи.

Если такъ было, то и Скизамъ очень хорошо были извѣстны богатства южныхъ прикаспійскихъ странъ.

Еще около 633 г. до Р. Х. они ворвались чрезъ Каспійскія (Дербентскія) ворота Кавказа въ Мидію. Геродотъ разсказываетъ, что они вторгнулись въ Азію, изгоняя изъ Европы Киммеріанъ. Но вѣроятно, этотъ набѣгъ имѣлъ простую и прямую цѣль ограбить богатую Мидію, такъ какъ въ это время ея царь Киаксаръ занятъ былъ осадой далекой Ассирійской Ниневіи. Скизы распространили свой набѣгъ до Египта и владѣли всею тамошней страной, всею Азією, какъ говоритъ Геродотъ, 28 лѣтъ, когда наконецъ были изгнаны возставшими Мидянами. Этотъ походъ весьма примѣчателенъ въ исторіи нашей страны тѣмъ, что онъ былъ первымъ изъ длиннаго ряда такихъ же походовъ, поднимавшихъ время отъ времени отважное населеніе Дона и Днѣпра для тѣхъ же цѣлей грабительской войны. Несомненно однако, что знакомство съ этою далекою страной, и главное, знакомство съ извѣстнымъ положеніемъ ея дѣль, когда въ набѣгъ можно было разчитывать на вѣрную удачу, какъ и всѣ другія надобныя свѣдѣнія, приходили къ варварамъ всегда путемъ торговыхъ сношеній, и каждый походъ непременно созрѣвалъ прежде

всего въ тогдашнихъ торговыхъ пунктахъ нашей страны, на устьяхъ Дона или Волги, если не на самомъ Дидьирѣ.

Древніе писатели, (Бтесій, современникъ Геродота), свидѣтельствуютъ также, что въ тѣмъ отдаленныя времена Скивы, какъ бы по завѣщанію Киммеріянъ, частыми набѣгами страшно опустошали и сѣверное побережье Малой Азіи, т. е. Бѣлую Сирію или Каппадокію (Трапезунтъ) и другія близлежащія страны между Кавказомъ и Константинопольскимъ проливомъ. Какъ они туда попадали, на кораблѣхъ или пѣшимъ путемъ, неизвѣстно. Но говорятъ, что по поводу этихъ набѣговъ поднялся на нихъ и Персидскій Дарій около 513 г. до Р. Х. Если это было такъ, то Скивы ходили по слѣдамъ Киммеріянъ, которые еще во времена Гомера или даже и раньше, изъ своего Киммерійскаго Воспора совершали набѣги на всю страну отъ этого Воспора до Іоніи. Геродотъ однако рассказываетъ, что Дарій желалъ отомстить Скивамъ за Мидійское владычество.

Дарій шелъ на Скивію черезъ Константинопольскій проливъ и черезъ Дунай, на которыхъ устроилъ даже мосты. Онъ велъ съ собою 700 тысячъ войска; все подвластныя ему народы участвовали въ этомъ походѣ. Скивы побоялись встрѣтить такую силу съ однимъ своимъ народомъ и разослали пословъ ко всемъ сосѣдямъ, требуя помощи. Любопытно, что эту помощь единодушно предложили только Гелонъ, Вудинъ и Савроматъ, т. е. обитатели приазиатской стороны и въ главѣ всѣхъ Гелонъ. Остальные, сѣверные и западные сосѣди отказались отъ всякаго участія въ войнѣ, говоря, что если Скивы обидѣли Персовъ, то пусть и отвѣчаютъ за это, и что Персъ, конечно, идетъ наказать только тѣхъ, кто самъ нанесъ ему обиды.

По описанію Геродота Дарій погналъ за Скивами именно по тому пути къ Уралу, по которому двигалась тогдашняя Черноморская торговля. Онъ перешелъ за Дою страну Савроматовъ и пошелъ въ страну Вудиновъ. Здѣсь онъ сжегъ деревянный городъ Гелонъ. Затѣмъ онъ поставилъ свои лагери на рѣкѣ Оарѣ, на Волгѣ, и соорудилъ восемь большихъ крѣпостей въ разстояніи одна отъ другой около 10 верстъ. Развалины этихъ крѣпостей оставались еще и въ мое время, говоритъ Геродотъ. Недостроивъ крѣпостей, Дарій повернулъ назадъ, все въ погоню за Скивами.

Отец Исторіи разсказываетъ, что Скиѣи, гонимые Персами, нарочно направили свой путь по тѣмъ землямъ, которыя отказали имъ въ помощи и сначала вторгнулись къ Чернымъ Кастанамъ. Приведя ихъ въ смятеніе, бросились въ области Людофдовъ, потомъ убѣжали въ Невриду и наконецъ явились у Агаирсовъ, у верхняго Днѣстра. Последніе остановили движеніе Скиѣовъ, сказавши, что безъ боя не пустятъ ихъ въ свою землю. Скиѣи черезъ Невриду воротились домой и успѣли еще предупредить Персовъ. Во время этого нашествія Скиѣовъ и Персовъ, Черные Кастаны, Людофды и Невры въ смятеніи безпрестанно бѣжали въ степь все къ Сѣверу, говоритъ Геродотъ. Вотъ въ какую пору случилось передвиженіе населенія нашей равнины дальше на сѣверъ.

Насколько преувеличено это сказаніе Геродота о круговомъ походѣ Дарія по всей нашей южной странѣ, судить трудно. Дарій, устроивая мостъ на Дунаѣ предполагалъ совершить походъ въ 60 дней, но онъ опоздалъ, какъ пишетъ и Геродотъ, а сколько опоздалъ, неизвѣстно. Поэтому нельзя ограничивать этотъ походъ только 60 днями, тѣмъ болѣе, что самъ же Геродотъ свидѣтельствуетъ, что въ преслѣдованіи Скиѣовъ Персами прошло много времени и не видно было конца оному. Дѣло возможное, что Дарій по извѣстной торговой дорогѣ доходилъ до самой Волги между Царицынымъ и Саратовымъ, гдѣ и сегодѣня городъ Гелонъ. По той же дорогѣ онъ и воротился. Обратный обходъ по сѣверу Скиѣи, по широтѣ Саратова, Воронежа, Курска, Кіева и Волыни, невозможный и ненадобный для всей арміи, могъ быть возможенъ и даже необходимъ для легкихъ отрядовъ съ цѣлью добыть продовольствіе. Къ тому же еще въ самомъ началѣ войны Скиѣи для безопасности угнали къ сѣверу свой стада и свои повозки съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, что конечно Персамъ подавало поводъ забираться и на сѣверъ. Не говоримъ о томъ, что подобныя далекіе и великіе походы вообще составляли славу тогдашнихъ владыкъ земли и предпринимались ими охотно для распространенія той же славы.

Геродотъ разсказываетъ, что еще Сесострисъ египетскій (1485 г. до Р. Х.) тѣмъ же порядкомъ, перейдя изъ Азіи въ Европу, покорилъ Скиѣовъ и Фракійцевъ и на возвратъ

ночь пути останавливался даже на р. Фазисъ-Ріонъ, слѣд. проходилъ мимо Кавказа. На память о своемъ походѣ Сестоприсъ ставилъ каменные столпы съ собственнымъ изображеніемъ, и съ надписаніемъ своего имени и имени покореннаго народа. Геродотъ свидѣтельствуетъ, что такіе столбы въ его время были видны во Фрагіи и въ Скиѣи. Вотъ почему, когда Дарій Персидскій, бывши въ Египетскомъ Мемонисѣ, захотѣлъ было предъ храмомъ Иееста, гдѣ столпъ нумиръ Сестоприса, поставить и свой нумиръ, то жрецъ отказалъ ему въ этомъ, сказавши, что слава Сестоприса выше славы Дарія, и ставить памятникъ Дарію не слѣдуетъ, „ибо Сестоприсъ не меньше завоевалъ народовъ, какъ и онъ Дарій, а сверхъ того покорилъ и Скиѣовъ, которыхъ Дарій покорить не могъ“.

Дѣйствительно главнѣйшее достоинство Скиѣовъ заключалось въ томъ, что ихъ покорить было невозможно, не оставивши совсѣмъ на жительство въ ихъ землѣ. Въ виду войскъ Дарія, на одинъ день впередъ, они бѣжали все дальше. Выведенный изъ терпѣнія, Персидскій владыка послалъ къ Скиѣскому царю гонца съ такими словами: „Несчастный! Для чего ты безпрестанно бѣжишь, когда можешь избрать одно изъ двухъ: Если ты силенъ, перестань бродить, остановись и сразись со мною; если сознаешь, что ты слабъ передо мною, то все-таки перестань бѣгать, принеси въ даръ своему владыкѣ свои земли и воды и вступи въ переговоры“.

„Никогда не бѣжалъ я со страху ни отъ кого, ни прежде, ни теперь отъ тебя, отвѣчалъ Дарію царь Скиѣовъ. Ничего небывалаго я не дѣлаю и нынѣ. Я по своему обыкновенію кочую. Остановиться мнѣ негдѣ. У насъ нѣтъ ни городовъ, ни воздѣланной земли и защищать намъ нечего, а потому и сойтиться съ вами на битву нѣтъ случая и причины. Если же непременно хочешь битвы, то у насъ есть отцовскія могилы: отыщите ихъ и отважьтесь ихъ потревожить, тогда узнаете, будемъ ли мы готовы на битву, или нѣтъ. А что ты называлъ себя моимъ владыкою, то да будетъ тебѣ вѣдомо, что я знаю только одного владыку, Зевеса, моего прародителя, и Весту—царицу Скиѣовъ. За дерзкія твои слова ты заплатишь слезами“. „Услышавъ имя рабства цари Скиѣскіе исполнились гнѣва“. Съ этого времени они стали

использовать всю мѣру, чтобы вредить Персамъ, сколько возможно. Преслѣдовали ихъ частыми набѣгами, не давая отдыха, и по ночамъ, и во время обѣденныхъ приваловъ. Скисская конница безпрестанно обращала въ бѣгство конницу персидскую. Слѣды боялись только пѣхоты и тотчасъ отступали, когда съ нею истрачались. Еще не малую помѣху Скиссамъ дѣлали ослы и мулы, которые въ Скиеи не водились, и потому крикъ ослонъ и видъ муловъ наводилъ на скискихъ лошадей такой страхъ, что они повертывали назадъ и бѣжали прочь, наматривъ только уши.

Намереніе Скиссовъ было такое, чтобы истребить все войско Дарія въ Скисской же землѣ. Съ этою цѣлью они вели переговоры съ Іонійскими греками, которые охраняли мостъ черезъ Дунай, и условились съ ними, что мостъ будетъ разведенъ. Еще въ началѣ похода Скиосы засыпали колодцы и родники, истребляя траву и все, что ни производила земля, по всѣмъ путямъ, которыми слѣдовало идти Персамъ; но теперь желая ихъ удержать въ странѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе всѣхъ погубить, нарочно подгоняли имъ стада для захвата на прокормленіе.

Дарій однако скоро понялъ въ чемъ дѣло и спѣшилъ поскорѣе выбраться изъ дикой страны.

На совѣтъ Іонянъ, какъ лучше поступить, сохранить, или разорить Дунайскій мостъ; Скиссовъ послушаться и освободить Іонію, или остаться по прежнему въ рабствѣ,—одинъ только голосъ былъ за свободу, это голосъ Аеннианина Милтиада. Всѣ прочіе властители Грековъ и во главѣ ихъ Милетцы разсудили лучше сохранить за собою царскія милости, а стало быть и свою власть надъ народомъ и подали голосъ сохранить мостъ, чѣмъ и спасли позорное бѣгство Дарія; съ той поры Скиосы всегда смѣялись надъ Іонянами, какъ надъ презрѣнными и развращенными рабами, которые не только не умѣютъ, да и не хотятъ забавиться отъ своихъ господъ.

Итакъ соединенныя силы двухъ великихъ народностей древности, Персовъ и Грековъ, не могли побѣдить Скиссовъ-кочевниковъ. Съ того времени наша Скиея пріобрѣла еще большую славу и самый походъ Дарія тѣмъ особенно замѣчательнъ, что раскрываетъ ея значеніе во всемірно-историческихъ отношеніяхъ древнихъ народностей.

Если въ Египтѣ Севострисъ почитался великимъ предъ вами, потому что побѣдилъ и Скивовъ, то понятно какою славою вообще пользовалось скивское имя. Самые славные люди древности, начиная съ Севостриса, не разъ прославили Скивовъ именно своими походами въ ихъ землю.

Со Скивами-Гетами, обитателями Гетской пустыни или Древней придунайской Скиеи, воевалъ у Чернаго моря около 340 года до Р. Х. и Филиппъ Македонскій, ходившій туда вѣсть съ сыномъ Александромъ, который еще не былъ тогда Великимъ. Тогда владыкою этихъ Скивовъ былъ Атей¹. Тѣснымъ друзьями Скивами, обитателями Дона, онъ просилъ у Филиппа защиты и за это обѣщалъ, послѣ своей смерти, отдать ему свою страну въ наследство. Когда опасность миновалась, онъ отказался отъ своего слова. За это самое Филиппъ и пошелъ на него войною и конечно остался побѣдителемъ. Македоняне ополоудились превеликими табунами лошадей, рогатаго скота, множествомъ женщинъ и малолѣтнихъ дѣтей—другаго взять въ этой странѣ было нечего.

Потомъ около 335 г. самъ Александръ Великій снова ходилъ за Дунай на тѣхъ же Гетовъ. Они встрѣтили его съ 4000 конницы и 10000 пѣхоты, зашли было въ ближайшемъ городѣ, но скоро ушли и оттуда, такъ что безъ битвы Александръ овладѣлъ городомъ и сжегъ его. Въ этомъ и состояла его побѣда, въ память которой онъ соорудилъ на Дунаѣ капища Юпитеру, Геркулесу и самому Дунаю, что благополучно допустилъ переправиться. Судя по числу пѣхотинцевъ, эти Скивы были народъ земледѣльскій. Дальнѣйшія свѣдѣнія о количествѣ скивскаго войска тоже указываютъ, что главною ихъ силою всегда бывала пѣхота.

Это свѣдѣніе очень важно въ томъ отношеніи, что кочевники, если и были господствующимъ народомъ, то вѣроятно жили въ большихъ ладахъ съ земледѣльцами и быть можетъ всегда сообща предпринимали свои военные походы. Такъ и самъ Геродотъ проговаривается, что во время войны съ Даріемъ у Скивовъ была и пѣхота.

Словомъ сказать въ имени Скивовъ необходимо различать двѣ народности, какъ показалъ и Геродотъ, кочевую и зем-

¹ На Днястрѣ выше Бендеръ есть мѣсто и рѣка Тей.

ледьльческую. Первая занимала южную область Дона, вторая Древнюю Скиюю отъ Дуная до Днѣпра. Въ Александрово время народъ Древней Скиѣи сталъ прозываться уже Гетами, а послѣ и вся эта страна именовалась Гетскою пустынею. Ее обыкновенно ограничиваютъ Днѣстромъ, основываясь на показаніи Страбона, а Страбонъ между тѣмъ говоритъ только, что Гетская пустыня простиралась отъ Чернаго моря за Дунаемъ по направленію къ Днѣстру, стало быть могла простираться и дальше Днѣстра. Въ 298 г. до Р. Х. въ этой пустынѣ Скиѣи захватили живьемъ Македонскаго царя Лизимаха со всѣмъ его войскомъ. Въ послѣдствіи эта пустыня является страшною силою, сначала для Римлянъ, потомъ для Византійцевъ, для всего Черноморскаго побережья Малой Азіи и даже для самой Эллады или собственной Греціи.

Бѣдники, здѣсь жившіе, которыхъ нельзя было отыскать въ ихъ землѣ, а отыскавши, нечего у нихъ было взять, кромѣ скота, женщинъ и дѣтей, эти бѣдники въ теченіи двухъ или трехъ тысячелѣтій начиная отъ Киммеріянъ и Геродотовыхъ Скиѣовъ, и оканчивая Запоржцами и Донцами, время отъ времени, наводили ужасъ на всѣ богатыя, плодородныя и просвѣщенныя страны отъ южнаго Каспія и до Средиземнаго моря. Они еще до Геродота проложили свои варварскія дороги и въ богатую Мидію, и въ богатую Сирію (Трапезонтъ), и къ Фракійскому Воспору въ Византію, не говоря о всей странѣ Балканскаго полуострова. Они пустились въ свои походы не только на коняхъ, но также и въ лодкахъ; случалось, что ходили и пѣшими. Имъ очень препятствовали и надолгое время останавливали ихъ варварское движеніе только сильныя кочевники, отнимавшіе у нихъ устья родныхъ рѣкъ, или сильныя государства, которыя основывались на Крымскомъ полуостровѣ и особенно на Киммерійскомъ проливѣ, какимъ въ свое время было, напр., знаменитое Воспорское Царство. Какъ скоро власть въ этихъ мѣстахъ ослабѣвала, тотчасъ открывалась и дорога на всѣ стороны и исторія заносила на свои страницы рассказы объ ужасахъ, которыми сопровождалась нашествіи Скиѣовъ, Готовъ, Гунновъ, Руссовъ и т. п. варваровъ. Такъ называемыя Меотійскія болота, т. е. все морское внутреннее пространство отъ Днѣпровскаго Устья до устья Дона

сдѣлалось притчею во языцѣхъ, мрачнымъ и страшнымъ мѣстомъ, откуда постоянно вылѣтали всѣ воинственныя чудовища средневѣковой исторіи.

Исторія Тавро-Скиеовъ или Руссовъ начинается именно тѣмъ, чѣмъ была славна исторія ихъ предковъ въ этой самой мѣстности, т. е. походами къ Византіи, на Малоазійскій берегъ и къ южному Каспію, въ Мидію. Тавро-Скиеи стало быть продолжали исторію Скиеовъ древнихъ и всѣхъ тѣхъ народовъ, которые славовали по столѣтіямъ за Киммеріанами и Скиеами Геродота.

Одинъ ли и тотъ же народъ производилъ эти далекіе набѣги, при участіи конечно другихъ сосѣднихъ племенъ, или народы, какъ и ихъ имена въ самомъ дѣлѣ смѣнялись здѣсь другъ за другомъ, этого вопроса исторія еще не разрѣшила. Она можетъ достоверно только сказать, что жизнію здѣшняго населенія цѣлые вѣка и тысячелѣтія управляли одни и тѣ же идеи, которыя каждый новый народъ, если таковой дѣйствительно приходилъ, принималъ отъ предшественника, какъ бы по наслѣдству, пока эти же самыя идеи не взошли къ своему концу. уже на главахъ самой исторіи развитіемъ и утвержденіемъ въ этой странѣ русскаго владычества и русскаго государства.

Въ числу этихъ идей принадлежитъ главнымъ образомъ неизмѣнное и неудержимое стремленіе къ морю и дальше за море къ богатымъ и благословеннымъ странамъ, съ одной стороны Мидіи и Арменіи и къ побережью Малой Азіи, а съ другой—къ Византіи и Элладѣ.

Послѣ Геродота географическія познанія о нашей странѣ становятся кратки, отрывочны, неточны, а потомъ и невѣрны. Геродотова точка зрѣнія на наши земли была греческая и притомъ собственно Черноморская, изъ греческихъ Черноморскихъ колоній. Торговые Греки очень хорошо видѣли нашу страну почти до самаго Алтая, а потому имѣли вѣрное понятіе, откуда напр. течетъ Донъ, какъ велико и куда простираетъ свою длину и ширину Каспійское море? Но когда съ паденіемъ Греціи образованность стала сосредоточиваться въ Римѣ, то и наши страны снова покрылись Киммерійскимъ мракомъ. Изъ Рима уже трудно было что-

либо разглядѣть дальше Дунай, а о Днѣпрѣ, Донѣ, Азовскомъ морѣ, особенно же о нашемъ сѣверѣ, тамъ ходили такіе рассказы, что Страбонъ и Тацитъ прямо отказываются отъ описанія этихъ странъ, говоря, что все извѣстное объ нихъ, баснословно. Страбонъ замѣчаетъ между прочимъ, что въ его время (начало 1-го вѣка по Р. Х.) дальше Эльбы на востокъ Римляне не знали ничего и никто туда не ходилъ, ни моремъ, ни по сухому пути. Самъ Геродотъ представляется Страбону баснословцемъ. Новый географъ крѣпко уже вѣритъ, что Каспійское море есть собственно заливъ Сѣвернаго Океана, что изъ Европы, хотя бы отъ Эльбы, по этому Океану можно проплыть въ Каспійское море; а баснословецъ Геродотъ описываетъ Каспій внутреннимъ озеромъ. Другіе утверждали, что Донъ течетъ изъ рѣки Аракса (вѣроятно изъ Волги), говорили даже, что онъ течетъ черезъ Кавказъ; течетъ въ мѣстахъ близкихъ къ Дунаю, течетъ изъ Ризейскихъ (Уральскихъ) горъ и т. п. Эти ошибочныя представленія о нашей странѣ, совсѣмъ измѣнившія понятія древнихъ о теченіи Дона и о Каспійскомъ морѣ, для нашей исторіи весьма важны и любопытны. Направляя теченіе Дона въ равныя стороны, они могутъ указывать, что именно въ этихъ направленіяхъ проходили тогдашнія сношенія Донскихъ обитателей съ другими соседними странами, начиная отъ Истра и до Кавказа, какъ равно и до Урала. Что не кабаются ошибочныхъ представленій о Каспійскомъ морѣ, то они по всему вѣроятію произошли главнымъ образомъ вслѣдствіе открытій, сдѣланныхъ походами на Востокъ Александра Македонскаго. Нѣкто Патроклъ, начальникъ морскихъ силъ Птолемея I и Селевка (312—280 года до Р. Х.), увѣрялъ, что Каспій сообщается съ сѣвернымъ Океаномъ, что по повелѣнію Александра были сдѣланы описи пути изъ этого моря въ Океанъ, что онъ знаетъ объ этихъ описяхъ отъ нѣкоего Ксенокла, и что вообще, сѣвши на корабль въ Каспійскомъ морѣ, очень возможно пройти выше Скиевъ въ Индію и оттуда въ Персію. Онъ однако ни на кого не указывалъ, кто бы совершилъ такой переходъ. Но его утвержденія, которыя безсомнѣнія основывались на показаніяхъ народовъ, жившихъ около Каспія, по видимому были такъ основательны, что имъ повѣрили весьма осторожныя и ученѣйшіе географы древности, Эратосѣенъ (276—190 до Р. Х.),

а за нѣтъ Страбонъ. По этой причинѣ и сказанія правдиваго Геродота были отнесены къ разряду выдумокъ и басенъ. Противомъ въ Сѣверный Океанъ, какъ кажется, читалось устье Волги, ибо этотъ проливъ представлялся узкимъ и длиннымъ каналомъ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что въ сказанiи Патрокла заключалась настоящая истина и невѣренъ былъ только поспѣшный выводъ географовъ, что изъ Каспiйскаго моря возможно проплыть на востокъ въ Индiю. Видимо, что рассказчики Патрокла, прикаспiйскiе обитатели, хорошо знали путь по Волгѣ и по Камъ къ Печерѣ и по Волгѣ въ Балтiйское море, которое тогда почиталось заливомъ Сѣвернаго Океана. А такъ какъ, по мнѣнiю древнихъ, Сѣверный Океанъ близко отсюда обтекалъ вокругъ всю землю, то естественно было заключить, что выйдя изъ Каспiя и поворота на право, можно проѣхать и до Индiи, а изъ Индiи до Персiи. Для насъ это смутное географическое свѣдѣнiе раскрываетъ то обстоятельство, что Балтiйскiй Сѣверъ и въ то уже время велъ сношенiя съ далекою Азiею, по Волгѣ, чрезъ Каспiйское море. Геродотъ ничего не сказалъ объ этихъ сношенiяхъ, но онъ довольно подробно и обстоятельно описалъ нѣсколько народностей, жившихъ въ его время вблизи средней Волги, упомянувъ, между прочимъ Фиссагетовъ, въ имени которыхъ несомнѣнно слышится наша Вѣсь или Вису арабскихъ писателей 9 и 10 вѣковъ. Свѣдѣнiя объ этомъ народѣ конечно получены Волжскимъ путемъ.

Плаванiе до этой Вѣси съ Сѣвера, отъ Балтики, по верхней Волгѣ, или вообще плаванiе изъ Балтiйскаго въ Каспiйское море становится извѣстнымъ стало быть вскорѣ послѣ Геродота, въ вѣкъ Александра Великаго. Очевидно, что въ это время на сѣверѣ завязывался уже торговый узелъ, центромъ котораго, судя по послѣдующему, были конечно Славяне, напиравшiе къ Ильмену-Озеру и отъ Запада по морскому заливу отъ Венедовъ и отъ югозапада отъ Карпатскихъ горъ, по Припяти и по Днѣпру.

Такими и подобными темными свѣдѣнiями географiя нашей страны наполнялась въ теченiи двѣаго тысячелѣтiя. Единственными извѣстiями, извлеченными отрывочно и безъ связи изъ древнихъ писателей, а по большей части изъ Геродота

же, перепутывались съ собственными соображеніями и догадками авторовъ и съ новыми неясными показаніями очевидцевъ. Геродотовскія имена портились, переставлялись съ мѣста на мѣсто, бытовыя черты переносились съ одного народа въ другому. Темно-голубые и красные Вудины Геродота у Помпонія Мелы являются уже Агаирсами, раскрашивающими свое лице и другія части тѣла, смотря по достоинству и старшинству и такъ, что смыть уже не могутъ.

Основнымъ и такъ сказать первичнымъ матеріаломъ для географическихъ познаній Древности служили обыкновенно дорожники, путеуказатели, которые сначала составлялись торговыми людьми для торговыхъ цѣлей, а въ послѣдствіи были употребляемы и для военныхъ походовъ. Такими указателями, повидимому, пользовался уже Геродотъ, описывая нашу Сѣверь. Это были простыя перечисленія мѣстъ или народовъ, въ иныхъ случаяхъ съ показаніемъ разстояній, очень похожія на нашу Книгу Большаго Чертежа, которая по своему составу есть прямой потомокъ подобныхъ древнѣйшихъ дорожниковъ и сама составлена вѣроятно тоже по очень древнимъ записямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и Птолемеевъ Большой Чертежъ всей земли составленъ точно также на основаніи сказанныхъ дорожниковъ и путеуказателей.

Если бы эти дорожники дошли до насъ въ подлинникахъ, то конечно мы имѣли бы въ рукахъ болѣе точныя, опредѣленныя и вѣрныя показанія мѣстъ и народовъ. Теперь же мы должны довольствоваться даже и такими сухими извлеченіями изъ нихъ, какія сдѣланы, напр. Плиніемъ, то есть должны довольствоваться множествомъ именъ, поставленныхъ безъ связи и неизвѣстно въ какомъ порядкѣ.

Историки въ своихъ сказаніяхъ представляютъ столько же, если еще не больше затрудненій. Очень рѣдко они бываютъ очевидцами событій и въ отношеніи отдаленныхъ странъ пишутъ по большей части по слухамъ и по рассказамъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ. Очень понятно, въ какомъ видѣ являются у нихъ этнографическія и географическія показанія и самыя имена далекихъ и малоизвѣстныхъ странъ. Яснѣе всего они сами же рассказываютъ, какъ получили свои историческія и географическія свѣдѣнія. Историкъ

Византій, современникъ нашествію Гунновъ, пишетъ слѣдующее:

„Во времена Эвтропія-евнуха (который тогда заправлялъ всими дѣлами Византіи) нельзя было съ точностію писать о дѣлахъ Запада. По причинѣ великаго разстоянія и долгаго плаванія, извѣстія получались поздно, искаженные временемъ, и какъ будто пораженные хроническою болѣзнію. Люди считавшіеся по западнымъ странамъ и бывшіе тамъ въ походахъ, если то были люди, которые могли что нибудь знать о дѣлахъ общественныхъ, писали объ нихъ въ письмахъ или пристрастно или съ ненавистью, какъ каждому было угодно и пріятно. Если кто изъ нихъ собиралъ трехъ-четырехъ человекъ свидѣтелей, то они говорили одинъ противное другому; происходилъ сильный споръ, доходило до драки, начинавшейся словами, исполненными досады, въ такомъ родѣ: Да какъ ты могъ это узнать?....—Трудно было унимать такія схватки.... Купцы гнали не больше того, сколько было нужно для ихъ интересовъ¹....“

Такъ добывались свѣдѣнія съ Запада, съ которыми у Византіи сношенія были непрерывны и такъ сказать ежедневны. Что же сказать о нашемъ глубокомъ сѣверѣ? Свѣдѣнія о немъ больше всего, конечно, приносили купцы; но достоинство ихъ свѣдѣтельствъ уже обозначено. Кроме того, о далекіихъ странахъ они приносили только рассказы изъ десятыхъ усть, Все это приводило къ тому, что у каждаго писателя напой либо исторіи слагались свои понятія о географіи той страны, являлись свои особыя имена мѣстъ и народовъ, смотря потому, отъ какихъ купцовъ или военныхъ людей и изъ какихъ мѣстъ онъ собиралъ надобныя свѣдѣнія. Одно и тоже самое мѣсто и одинъ и тотъ же народъ, у одного историка называется однимъ именемъ, у другаго другимъ. Такимъ путемъ въ теченіи вѣковъ накопилась необозримая гора географическихъ и этнографическихъ именъ, которыя всѣ представляются только загадками; вѣщаніями древнихъ орაკуловъ, совсѣмъ неразъяснимыми, или подающими легкую возможность толковать ихъ во всѣ стороны. Въ некоторомъ смыслѣ эти имена суть дорогой историческій и археологическій бисеръ, разсыпанный по множеству писаній и исторій.

¹ Византійскіе историки, перев. Смир. Дачуниса. Слб. 1860. I, стр. 156.

Выбирая подходящія зерна, въ ученой книгѣ, изъ него можно составлять безъ особаго труда какіе угодно изображенія и узоры, и очень возможно подтверждать всякія оамы сильныя заключенія самими точными смыслами и текстами.

По этой причинѣ, точно также накопилось великое множество изысканій и изслѣдованій, стремящихся каждое на свой ладъ развяснить загадочныя вѣщанія древности. Но всѣ они главнымъ образомъ стоятъ на почвѣ только однихъ именъ, однихъ словъ, какъ и нашъ вопросъ о происхожденіи Руси. Изученіе самой Земли, на которой эти имена жили и дѣйствовали, остается по большой части въ сторонѣ, ибо такое изученіе по своей сложности и по объему самыхъ мелочныхъ и самыхъ разнообразныхъ изысканій, несравненно затруднительнѣе, чѣмъ объясненія отъ филологів и лингвистики, при посредствѣ которыхъ, любое имя, какъ оказывается, можно вывести изъ любой страны: восточный титулъ Хакана, можно легко растолковать древнесѣвернымъ личнымъ именемъ Ганона и т. д. При этомъ необходимо помнить, что всѣ эти имена достались намъ въ большой или въ меньшей мѣрѣ въ искаженномъ видѣ, смотря по свойствамъ языка и выговора тѣхъ людей, отъ которыхъ писатели узнавали эти имена. Очевидно, что лингвистическія изысканія въ этомъ случаѣ не имѣютъ прочихъ основаній. Они берутъ искаженное выговоромъ и письмомъ слово и развиваютъ на этомъ искаженіи свои выводы. Историческія изысканія въ свою очередь принимаютъ голыя имена за самые народы, а потому народы, появляются и исчезаютъ въ исторіи внезапно, какъ могутъ появляться и исчезать на бумагѣ написанныя и зачеркнутыя имена. Уступая однако здравому смыслу, историки-изслѣдователи, для болѣе здравыхъ объясненій этого передвиженія народовъ, выработали сокращенныя, но почти у всѣхъ одинаковыя рассужденія, въ родѣ слѣдующихъ: „Вѣроятно остатки Скифовъ были вскорѣ потокомъ частію истреблены Сарматами, частію прогнаны назадъ въ Азію, частію же наконецъ совершенно слились съ Сарматами“...¹ Исчезло въ писаніи имя Роксоланъ—„можно догадываться, что однихъ изъ нихъ истребили Готы, а другихъ Гунны; а что осталось отъ того, то

¹ Слав. Древности Шаверина, т. I, кн. II, стр. 30 и др.

пожелало соединиться съ родичами своими Аланами... Аланы сѣверные когда исчезли и куда дѣвались, неизвѣстно, а южные ушли за Гунами или на Кавказъ⁴, и т. д. Такъ всегда оказывается мѣсто для появившагося вновь народнаго имени, когда исчезаетъ изъ Исторіи старое имя. Извѣстно, что въ 16 и 17 столѣтіяхъ Русь въ западной Европѣ стала прозываться Московіею, а Русскіе Московитами. Явился слѣдовательно новый народъ Москвичи и Русь внезапно исчезла, оставивъ небольшой слѣдъ только въ югозападномъ углу страны, у Карпатскихъ горъ. Еслибъ это, произошло за десять вѣковъ назадъ, не въ 16, а въ 6-мъ или въ 5 вѣкѣ, откуда такъ мало сохранилось свидѣтельствъ, то изслѣдователи именъ конечно объяснили бы исчезновеніе Руси тѣми же самыми словами, какъ объяснили исчезновеніе Скифовъ.

Такииъ образомъ, чтобы выбраться изъ этого лабиринта загадочныхъ именъ, темныхъ и отрывочныхъ показаній и разнообразныхъ, и по большей части несообразныхъ толкованій, необходимо держаться крѣпко за землю, т. е. не за исторію имени, а больше всего за исторію страны, по которой время отъ времени проходили эти различные имена.

При владычествѣ Римлянъ вся наша страна была известна подъ именемъ Сарматіи и всѣ народы, проходившіе отсюда за Дунай, по большей части прозывались Сарматами. Скивъ и Сарматъ или, какъ писалъ Геродотъ, Савроматъ, на языкѣ древникъ значило варваръ. Однако эти имена употреблялись больше всего въ таиомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось у насъ въ 18 стол. имя Россія, Россійскій, вмѣсто Русскій, или имя Іоаннъ, вмѣсто простаго Иванъ. Они составляли принадлежность высокаго, благороднаго и личнаго слога. По этой причинѣ хорешіе писатели всегда избѣгали простыхъ народныхъ именъ и всегда писали Скивъ, Сарматъ, тамъ, гдѣ слѣдовало бы сказать Славянинъ, Днѣстровецъ, Днѣпровецъ и т. п. Изъ за этого высокаго слога мы тоже потеряли множество драгоценнѣйшихъ свидѣтельствъ о нашей странѣ. При Грекахъ чаще всего употреблялся Скивъ. При Римлянахъ, какъ извѣстно, Скивы были разсыяны Воспорскимъ царемъ Митридатомъ Великимъ. Сла-

ва ихъ и самое имя исчезли изъ исторiи. Для высокаго слога на лицо оставались одни Сарматы. Вотъ почему римскiе писатели и первый Помпонiй Мела (40 годъ по Р. Х.) стали прозывать уже всю страну восточной Европы, начиная отъ Вислы, Сарматiею. Однако у греческихъ писателей по прежнему употреблялось только имя Скиевъ, отъ котораго совсѣмъ не могли отказаться и Римляне. Они стали прозывать этимъ именемъ народы самые отдаленные и неизвѣстные. Сарматами же въ отличiе отъ Германцевъ у нихъ по большей части именовались племена Славянскiя. По ихъ жилищамъ, не только Балтiйское побережье отъ устья Вислы называлось Сарматiею, но и западный уголъ Карпатскихъ горъ, Татры, именовался то же горами Сарматскими, такъ какъ сюда, по теченiю Дуная и Тейса переселились Сарматы—Языги, прямо и названные переселенцами.

Скиеiя по древнимъ понятiямъ означала кочевую степь; кто жилъ въ Скиеiи, тотъ необходимо былъ кочевникъ. По наслѣдству тѣ же понятiя перешли и на Сарматiю, почему всѣхъ Сарматовъ безъ разбора Римляне почитали исключительно кочевымъ народомъ.

Отъ Дуная по берегу Чернаго моря въ Днѣстру, говоритъ Страбонъ, простирается Гетская пустыня, вся ровная и безводная. Въ ней чуть не погибъ отъ жажды со всѣмъ войскомъ Персидскiй Дарiй, когда перешелъ Днѣстръ для похода на Скиевъ. Дальше живутъ Тирегеты (т. е. Геты-Днѣстровцы, ибо Тиръ—значить Днѣстръ). По Нестору, здѣсь жили вплоть до моря, наши Тиверцы, прозванiе явно унаслѣдованное отъ Тирегетовъ. За ними дальше на востокъ обитали Языги—Сарматы, „какъ тѣ, которые называются Царскими, замѣчаетъ Страбонъ, такъ и Урги,—большую частiю кочевники; немногiе занимаются земледѣлiемъ. Говорятъ, что они живутъ и вдоль Истра, часто по обомъ его берегамъ“. Подунайскiе Языги назывались также Переселенцами и несомнѣнно, какъ доказываютъ, были Славяне, а стало быть и Языги Черноморскiе за-Днѣпровскiе, какъ и Языги-Урги, были то же Славяне¹.

¹ Если имя Языгъ туземное, народное; и если Языги Метавасты-Переселенцы на среднемъ Дунаѣ означаются; по изслѣдованiямъ, чи-

„Внутри страны, то есть дальше на сѣверъ, продолжаетъ Страбонъ, обитаютъ Бастарны, сопредѣльные съ одной стороны Днѣстровцамъ, а съ другой, къ западу, Германцамъ, и сами чуть не Германскаго рода. Они раздѣляются на многія племена; иные называются Атионами, другіе Сидонами¹, а жители острова Певки на устьяхъ Дуная, Певнинами. Самые сѣверные изъ нихъ (изъ Бастарновъ) Роксоланы, занимаютъ равнины между Дономъ и Днѣпромъ, ибо вся эта страна отъ Германіи до Каспійскаго моря представляетъ равнину. Живетъ ли кто выше Роксоланъ, не знаемъ, заключаетъ Страбонъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что выше Борисеена обитаютъ крайніе извѣстные въ то время представители скиѣскаго племени, Роксоланы; что по широтѣ градусовъ они живутъ южнѣ крайнихъ къ сѣверу обитателей области, лежащей выше Британіи, слѣд. живутъ покрайней мѣрѣ до вершинъ Днѣпра и Зап. Двины; что дальнѣйшія страны уже необитаемы по причинѣ холо-

стии Славянами, то вѣтъ никакой причинъ отстранять Славянское значеніе этого имени—Языкъ. Оно означало народъ, племя, а вѣсть съ тѣмъ обнаруживало тотъ же смыслъ, какой находится въ имени Оловенинъ, т. е. Словесный, язычный, говорящій, въ отличіе отъ чувствительнаго, пѣваго, откуда произошелъ славянскій Нѣмецъ. По Тацитѣ (Исторіи кн. III, 5) старшины Сарматовъ—Ямговъ въ 69 году по Р. Х. были приняты въ Римское войско на службу, т. е. на жалованье, дабы умиротворить ихъ и пользоваться ихъ конною силою, въ которой состояла вся ихъ крѣпость.

¹ Птоломей, какъ увидимъ, показываетъ на этихъ мѣстахъ Траномонтановъ и Кисто-воковъ. Траномонтаны, латинское, значитъ Загорцы, Монтаны—Горцы. Весьма вѣроятно, что Атионы испорчено грекомъ изъ латинскаго монтаны—горцы, и что изъ этихъ же Атионовъ писатели 6 вѣка сдѣлали Антовъ, которые были уже несомнѣнные Славяне. Можно полагать, что и Сид—оны, иначе Сит—оны произошли тѣмъ же путемъ отъ Кисто-воковъ, ибо это имя составное изъ Кисто, Кесто и Воки, позднеѣ Волски, Войки, какъ, по Шафаркичу, и теперь въ Галиціи прозываются тамошніе Русскіе. Если мы сообразимъ, какъ вообще искажались имена малоизвѣстныхъ народовъ (напр. Юрландъ изъ Иетанатовъ (Языговъ) дѣластъ Тамазитовъ и т. п.), то легко допустить, что и славяне Атии могли произойти по прямой линіи отъ Атионовъ—Монтановъ, тѣмъ болѣе, что этия имена въ самомъ дѣлѣ обозначались Карпатскіе горы, Горалы. У Страбона же, кн. 7, глава 4, § 4, въ числѣ описокъ есть и такая: имя Воспорскаго царя Сатира написано Сагавръ.

да; что къ югу отъ этого народа обитають Сарматы и Скифы до предѣловъ Скифовъ восточныхъ (Кн. 2, глава V). По ту сторону Дона въ Каспійскому морю и выше по самому Дону Страбонъ помѣщаетъ Аорсовъ, народъ богатый и торговый, владѣвшій сѣверозападными берегами Каспія и торговавшій съ Мидянами и Армянами, перевозя отъ нихъ Индѣйскіе и Вавилонскіе товары на верблюдахъ. Нельзя не подумать, что Аорсы есть только восточное прозваніе тѣхъ же Роксоланъ, какъ и Роксы или Россы—Аланы суть только западное прозваніе тѣхъ же Аорсовъ. Этому предположенію даетъ подтвержденіе Плиній (кн. IV), помѣщая во Фракіи, у Дуная между Мезами, Гетами, Годами, и Аорсовъ, которые явно обозначаютъ тѣхъ же Роксоланъ, какъ будетъ видно изъ ихъ сношеній съ Римлянами на тѣхъ же мѣстахъ во 2 вѣкѣ по Р. Х. Не менѣе примѣчательно и то обстоятельство, что Страбонъ по Западному берегу Каспійскаго моря указываетъ народъ Витіи, а Плиній тамъ же именууетъ Утидорсовъ и Удиновъ. Эти Уты, Виты заставляютъ предполагать о существованіи въ тамошнихъ мѣстахъ поселеній нашихъ же Аорсовъ - Вѣтовъ - Витовъ - Вятичей, или собственно Велетовъ (см. выше, стр. 179).

Такимъ образомъ Роксоланы Страбона заселяютъ весь сѣверъ нашей страны до предѣловъ земли необитаемой. Какъ сблизается это указаніе съ населеніемъ Руси 10 и 11 вѣковъ! Трудно понять, почему при такихъ ясныхъ, точныхъ, неоспоримыхъ свидѣтельствахъ древней географіи отнюдь не допускается почитать этихъ Роксоланъ предками нашей Кіевской Руси? Неизвѣстно, какой это былъ народъ и куда онъ пропалъ совсѣмъ безъ вѣсти? Увѣряютъ, что это были кочевники-азіаты; но развѣ нашъ Святославъ съ своею дружиною, не возившій за собою воровъ, а спавшій подъ открытымъ небомъ на войлокѣ, жарившій мясо прямо на угляхъ или парившій его подъ сѣдломъ, развѣ этотъ герой нашей уже достаточно осѣдлой исторіи не превосходитъ своими кочевыми нравами всѣхъ тѣхъ кочевниковъ, которыми населяютъ нашу страну средневѣковые писатели? Обозначеніе — кочевникъ, для извѣстій о нашей странѣ, въ сущности ничего не объясняетъ; а по Страбону кочевники-Роксоланы кочуютъ даже на предѣлахъ такой страны, гдѣ жизнь, по причинѣ холода, становится уже невозможною.

Дело, что Страбонъ вовсе не думаетъ, что это были оди- ственные ночевидки. Ничего не зная, какіе народы обитаютъ по сѣверу нашей равнины, онъ отмѣчаетъ только, что выше Днѣпра живутъ все Роксоланы, что это самый край- ній сѣверный народъ изъ тѣхъ, которыхъ онъ знаетъ въ Днѣпровской сторонѣ.

Дѣйствительно, Страбонъ, описывая нашу страну, больше всего знаетъ только о тѣхъ народахъ, которые жили на югѣ вблизи Черноморскихъ областей. Но еще меньше знаетъ наши края Тацитъ (89 годъ по Р. Х.), хотя его свѣдѣнія допол- няютъ Страбона, потому что насаются отчасти нашего сѣ- вера. По его словамъ къ Востоку отъ Вислы, между сѣве- ромъ, гдѣ обитали Финны, и югомъ, гдѣ онъ знаетъ Певки- новъ, живутъ Венеды, уже прямые Славяне, — указаніе столь- ко же неопредѣленное въ направленіи къ востоку, сколько неопредѣленно указаніе Страбона о Роксоланахъ по на- правленію къ сѣверу; но очевидное дѣло, что оба указанія сливаются въ одно: что Венеды—Роксоланы самое большее племя Сарматіи. Страбонъ въ западномъ пространствѣ на- шей страны поселяетъ Бастарновъ, говоря, что они живутъ внутри страны и раздѣляются на многія племена, и что самые сѣверные изъ Бастарновъ суть Роксоланы, которыхъ онъ отдѣляетъ отъ Сарматовъ, хотя и называетъ ихъ во- обще Сисескимъ племенемъ. И Тацитъ знаетъ Бастарновъ, но отмѣчаетъ, что такъ иные называютъ Певкиновъ, слѣдо- тельно и это имя, Певкины, по его разумѣнію, было общимъ для всего населенія на югѣ отъ Венедовъ, то есть въ при- карпатскомъ краю, гдѣ и теперь цѣлая сторона прозывается Буковиною.

Однако ни Страбонъ, ни Тацитъ не знаютъ, куда причис- лить эти Бастарнскія племена, къ Германцамъ или къ Сар- матамъ? По Страбону они чуть не Германцы. Тацитъ тоже склоняется признать ихъ Германцами за одно и съ Финна- ми, и между прочимъ упоминаетъ, что хотя Певкины на- рѣчіемъ, одеждою, постоянными жилищами и образомъ ихъ постройки сходятся съ Германцами, но сходятся так- же и съ Сарматами, съ которыми перемѣшались посредствомъ браковъ, и походятъ на нихъ видомъ и безобразіемъ. Однако Венеды (Славяне), говоритъ онъ, также сходные съ Сарма- тами, больше принадлежатъ къ Германцамъ, ибо строятъ

... в то время, когда ...

... в то время, когда ...

... в то время, когда ...

... в то время, когда ...

... в то время, когда ...

... в то время, когда ...

Между тѣмъ всё болѣе древніе писатели единогласно называютъ ихъ Галатами, Галлами, Кельтами, а иные Гетами и Синеами, почему Шафарикъ утвердительно относитъ ихъ къ поколѣнію Галловъ—Кельтовъ. Мы увидимъ, что встрѣчается не меньше основаній причислить ихъ къ племени Славянъ.

Страбоновы и Тацитовы показанія о нашей Сарматіи въ значительной степени пополняются Птоломеемъ¹ съ тою разницею, что этотъ географъ въ своемъ трудѣ чертилъ уже дѣльную ученую географическую систему и собранныя имъ свѣдѣнія, современные и быть можетъ очень древнія, но по преимуществу книжныя, вездѣ старался опредѣлить въ точности мѣрою градусовъ долготы и широты. Очень замѣтно, что въ иныхъ случаяхъ свѣдѣнія объ одномъ и томъ же мѣстѣ или народѣ онъ получалъ изъ разныхъ источниковъ съ различно произносимыми именами и помѣщалъ ихъ на своей картѣ подъ видомъ различныхъ мѣстъ и различныхъ народовъ, и на оборотъ: одно и то же имя помѣщалъ вдвойнѣ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имена самыхъ сѣверныхъ народовъ и мѣстъ Европейской Сарматіи, въ томъ числѣ и имя Славянъ, онъ написалъ и въ Скиѣи, т. е. въ Азій, какъ это весьма основательно доказалъ Шафарикъ.

Нѣтъ сомнѣній, что подобныя ошибки или недосмотры въ большинствѣ случаевъ могутъ принадлежать только его позднѣйшимъ переписчикамъ или „негодному штопанью средне-

кои съ давнихъ временъ составили родъ военной республики, и всегда готовы на войну съ сосѣдами. Они живутъ, прибавляетъ географъ, по Дону и Черному морю, куда переселены были изъ Днѣпровскихъ странъ. Точь въ точь такъ обозначаютъ наше Днѣпровское и Донское населеніе и древніе писатели, не жившіе, конечно и тысячной доли тѣхъ свѣдѣній, какими пользовался первѣйшій по учености географъ нашего вѣка.

¹ Птоломей (160—180 г. по Р. Х.) жилъ въ Александріи, гдѣ хранилась богатѣйшая въ древности бібліотека, и куда стекались со всѣхъ концовъ Европы купцы и мореплаватели. Естественно, что кромѣ книжныхъ свѣдѣній, Птоломей могъ пользоваться и живыми показаніями пріѣзжихъ купцовъ. Впрочемъ главнымъ источникомъ ему служили труды Марина Тирскаго.

вѣковыхъ монаховъ“, какъ выразился неутомимый Шлецеръ обо всемъ трудѣ Птолемея. Вотъ первая причина, почему Птолемеяво описаніе нашей Сарматіи есть въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы Сивиллина книга, очень трудная для прочтенія, какъ говорить и трудолюбивѣйшій Шафарикъ.

Не малый трудъ прежде всего заключается въ томъ, чтобы хорошо понять, какъ географъ составлялъ свои описанія, обозрѣвая географическую сѣть своихъ градусовъ. Наука уже выяснила, что онъ слѣдовалъ такому правилу: называетъ на картѣ какое либо мѣсто на сѣверозападѣ и потомъ по широтѣ этого градуса идетъ по направленію къ востоку до конца карты. Затѣмъ возвращается къ прежней точкѣ, беретъ слѣдующій градусъ, южнѣе, и опять идетъ къ востоку тѣмъ же порядкомъ. Такимъ образомъ онъ писалъ строками отъ лѣвой руки къ правой по всей широтѣ той страны, которую отдѣлялъ для описанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ иногда онъ ставилъ рядъ именъ и по долготѣ градуса, направляясь отъ сѣвера къ югу, что тутъ же и объяснял, оканчивая описаніе на крайней южной точкѣ и возвращаясь снова къ сѣверу. Этими двумя приемами описана Птолемея наша Европейская Сарматія.

Какъ видѣли, Тацитъ очень ясно говоритъ, что между Финнами на сѣверѣ у Балтійскаго моря и Певкинами на югѣ у Дуная, живутъ Венеды. Птоломей же отдѣляетъ для Венедовъ цѣлый заливъ Балтійскаго моря, въ который впадаетъ и Висла, и который онъ такъ и называетъ Венедскимъ. Ясно, что Венедями въ собственномъ смыслѣ онъ называетъ Поморцевъ, Померанію, и отсюда начинается свое описаніе европейской Сарматіи, или собственно ея географической карты. Онъ, согласно Тациту и Страбону, говоритъ, что главнѣйшіе народы живущіе въ Сарматіи суть Венеды по всему Венедскому заливу, Певкины и Бастарны (смотря отъ Дуная) за Дакіей у Карпатскихъ горъ; Языги и Роксоланы по всему Меотійскому поморью, а за ними внутри страны Амаксобы и Алауны-Скионы. Перечисляя за тѣмъ малыя племена, онъ начинаетъ отъ Венедовъ на Венедскомъ заливѣ и проходитъ по картѣ строками по широтѣ градуса, отъ З. къ В. и иногда съ сѣвера на югъ.

Сначала онъ идетъ по Вислѣ отъ устья до истока, къ горамъ Карпатскимъ. Здѣсь (56 градусъ) ниже Венедовъ, то есть восточнѣе, живутъ у него Гитоны (Гданскъ, Данцигъ) или Тацитовы Готины, потомъ Финны, что по Тациту должно обозначать всю страну отъ устья Вислы дальше на Востокъ. Видимо, что и Птоломей получилъ имя Финновъ, какъ общее опредѣленіе дальнѣйшаго края Балтики, но поставилъ его въ ряду другихъ малыхъ племенъ. Далѣе онъ перечисляетъ народы, сидѣвшіе по Вислѣ. Подъ Гитонами Вулавы, по другимъ спискамъ Сулавы, быть можетъ польскіе Поляне; подъ ними Фругунды, послѣ нихъ Аварены, у истоковъ Вислы, подъ которыми поименовано нѣсколько племенъ, обитавшихъ у Карпатскихъ горъ¹.

На востокъ отъ нихъ, продолжаетъ географъ, опять возвращаясь къ сѣверу, подъ Венедами (55 градусъ) живутъ Галинды (на Нѣманъ)², и Судины (Чудь?) и Ставаны до самыхъ Алауновъ (55 град.). Отсутствие въ этой строкѣ выраженій подъ ними, ниже ихъ, показываетъ, что географъ проходитъ здѣсь одну только широту градуса отъ З. къ В., то есть пишетъ имена въ одну строку.

Затѣмъ онъ говоритъ: Ниже (слѣдуетъ другая строка, подъ Галиндами) живутъ Игиліоны, потомъ (третья строка) Кестобоки и Траномонтаны по горы Певкинскія (Буковина).

Отсюда географъ снова возвращается къ сѣверу и говоритъ: Далѣе, остальную часть Венедскаго Залива, на морѣ или по морю, занимаютъ Вельты, Велеты, которые стало быть при Птоломей занимали устье Нѣмана, гдѣ потомъ является имя Руси и вся страна получаетъ названіе Порусіи, Прусіи, несомнѣнно въ смыслѣ обитателей рѣки Русы, какъ прозывался Нѣманъ, и соответственно Кіевскому По-Росью. Выше Вельтовъ живутъ Осіи (Эсты, островъ Эзель), потомъ Карвоны (Куроны, Корсь, по Шафаріку наши Кривичи), которые всѣхъ сѣвернѣе.

Отъ нихъ, отъ Карвоновъ, на востокъ, Кареты (Корета въ обширномъ значеніи) и Салы (Ссолы нашей лѣтописи),

¹ Омброиы, Аваргоеракты, Бургіи, Арсіеты, Собоки, Пянгиты, и Бесы у Карпатъ. Въ Арсіетахъ Шафарикъ видитъ при-карпатскую Русь. Они же несомнѣнно Плиніевы Аорсы (Жн. IV, 18).

² Сравн. Пре-гольдъ, старинное имя Прегеля, Лет-гола, Симе-гола, Голь.

подъ коими Агаирысы (Фиссагеты Геродота, Весь нашей гѣтописи); далѣе къ востоку Аорсы (или Мордовская Эрза, Эрзадь, или вѣроятнѣе Славянская Рязань, сравн. стр. 181) и Пагириты (Башкиры, Паскатиры).

Ниже ихъ (Аорсовъ и Пагиритовъ) живутъ Савары (наша Сѣвера, Сѣверяне) и Боруски (Буртасы) до горъ Рифейскихъ (Уральскихъ).

На древнихъ картахъ Птолемеевой географіи всѣ эти народы, начиная Вельтами и оканчивая Борусками, стянута въ одинъ уголъ Сарматіи къ сѣверовостоку, между 62—64 долготы и 60—63 широты, что вполнѣ указываетъ на произвольную разстановку именъ, которыхъ на картѣ уже некуда было помѣстить. Переложить книжныя или словесныя показанія на карту въ надлежащей точности, но безъ обозначенія разстояній, дѣло вообще очень мудреное, и потому, естественно, что и самъ Птоломей не могъ составить, хотя приблизительно, вѣрную карту, не говоря о позднѣйшихъ издателяхъ его географіи. Такимъ образомъ весь обширный сѣверовосточный уголъ его Сарматіи, отъ Балтійскаго поморья почти до нижняго теченія Волги, умѣстился всего на двухъ градусахъ долготы и градусахъ на трехъ широты. Отстранивши показанія этихъ картъ и руководясь тольکو книжными показаніями самого Птолемея, повѣренными свидѣтельствами послѣдующаго времени, можно легко увидать, что его росписи народовъ весьма достовѣрны.

Такимъ способомъ легко обозначается и мѣстожителство Саваръ и Борусковъ, которое приходится въ точности къ нашей Сѣверъ или Сѣверянамъ, жившимъ по верхнему Дону, и къ Буртасамъ, обитавшимъ восточнѣе, между Дономъ и Волгою, по сторонамъ р. Медвѣдицы, впадающей въ Донъ.

Птоломей затѣмъ опять возвращается на Западъ, къ тому пункту, отъ котораго началъ эту длинную строку восточныхъ народовъ. Онъ началъ отъ Вельтовъ, и теперь продолжаетъ: Потомъ Акивы (Ковно?) и Наски (Минекъ?), ниже Ивіоны или Вивіоны (Вильна?) и Идры (Друя?); а подъ Ивіонами до Алауновъ—Стурны.

Весьма ясно, что эта строка параллельна съ тою, въ которой упомянуты Ставаны, жившіе также до Алауновъ.

По Птолемею же извѣстно, что Алаунскія горы, подъ которыми онъ помѣщаетъ и Скиновъ Алауновъ, суть та воз-

вышенность, откуда текутъ Ока на Сѣверъ и Донъ на Югъ. Нѣсколько западиѣ этихъ горъ на $4\frac{1}{2}$ градуса у Птолемея существуютъ на томъ же градусѣ широты горы Вудинскія, названныя такъ вѣроятно отъ Геродотовыхъ Вудиновъ, именемъ которыхъ Птоломей обозначаетъ только одно малое племя къ Сѣверу отъ Карпатъ (Водины). Съ Вудинскихъ горъ течетъ Днѣпръ, слѣдовательно эти горы соответствуютъ Волжской возвышенности, также называемой Алаунскою, съ которой текутъ Волга, Днѣпръ и Двина.

Въ перечисленіи мѣстностей Сѣвера, онъ не упоминаетъ ни о Вудинскихъ горахъ, ни о народѣ Вудинахъ и доходитъ только до Алауновъ. Очевидно, что Алаунскія горы одно и то же съ Вудинскими, и что имя Вудиновъ досталось географу по наслѣдству отъ Геродота. Однако онъ въ точности указываетъ, что Алауны жили подъ своими горами, слѣд. у истоковъ Оки и Дона.

До этихъ горъ простирались жилища Ставанъ на сѣверѣ подъ Вельтами и Эстами, а на югѣ Стурновъ, подъ Ивионами и Идрами.

Переводя эти имена на позднѣйшую географію, находимъ, что Ставаны живутъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ наши Новгородцы — собственные Славяне нашей лѣтописи, то есть отъ Пскова и Новгорода до Минска и Смоленска, на верху Двины, Ловоти, Волги, Днѣпра и Березины. Это славянское поселеніе по сѣверу окружали Карвоны и Кареоты, Куроны, Корсь и Корелы въ обширномъ значеніи. Въ тѣхъ же именахъ по всему вѣроятію скрывается и имя нашихъ Кривичей, занявшихъ Кривскія, Карвонскія, Корельскія земли¹.

Нѣтъ сомнѣнія, что Стурны обозначаютъ область р. Припяти, въ которую отъ Карпатскихъ горъ, не подалену отъ Львова-Лемберга течетъ рѣка Стырь², по длинѣ потока превосходящая даже верхнюю Припять. Кромѣ того эти мѣста оглашаются именами Туръ озеро, Турновъ городъ, Турія и Турья—рѣки, наконецъ Туровъ — срединный городъ всей страны при началѣ нашей исторіи, отчего все населеніе именовалось Туровцами.

¹ Kirba по литовски гѣль, трясина.

² Готское Stür—Туръ, быкъ. Шлейхеръ. въ Уч. Зап. А. Н. VIII, I.

Выше Стурновъ можно отыскать Ивионовъ или Вивионовъ на рѣкѣ Виліи съ ея притоками того же названія¹, впадающей въ Нѣманъ, и Идровъ въ Дреговичахъ, жившихъ восточнѣе, въ Минской и Могилевской губ., сравн. рѣки: Друя, Дръютъ, Друць, города: Друя, Дрисса. Стурны, следовательно, то племя, которое мы называемъ теперь Бѣлою Русью, и которое у Геродота называлось Неврами.

Всѣ перечисленные здѣсь имена западной Сарматіи до Днѣпра суть Тацитовы Венеды, то есть несомѣнные Славяне.

Ставаны по сѣверу, и Стурны южнѣе, соприкасались своими жилищами съ Алаунами. Алауны, какъ видимо, занимали верхнюю половину теченія Днѣпра. Какой же это народъ Алауны? Птоломей признаетъ Алауновъ главнѣйшимъ народомъ Сѣвера, поставляя рядомъ съ нимъ только Мордовскія племена Амаксобовъ, или Мокшадъ, которая, вѣроятно, въ то время была извѣстнѣе, чѣмъ остальные ея родичи. Финны, Эсты, Куроны и пр. по Балтійскому побережью и теперь живутъ на своихъ мѣстахъ. Естественно, что и Алауны, самый значительный народъ Сѣвера, тоже и теперь живетъ на своихъ мѣстахъ, на своихъ Алаунскихъ горахъ, по всѣмъ рѣкамъ, которыя текутъ съ этихъ горъ во всѣ стороны. Это тѣже Ставаны или Славяне.

Древность очень хорошо знала, что на глубокомъ сѣверо-востокѣ Европы живутъ знатныя племена, которыя вообще называются Скивами-Алаунами, а въ частности различными именами, и въ томъ числѣ Ставанами. По всему вѣроятію свѣдѣнія объ Алаунахъ и Ставанахъ существовали уже гораздо раньше Птолемея, который и въ Азіатской Сарматіи у Гиперборейскихъ горъ тоже помѣщаетъ, на ближайшихъ мѣстахъ отъ Европы, Скивовъ Аланъ, горы Аланъ и народъ Суовены рядомъ съ Агаэирсами. Очевидно, что всѣ эти имена онъ нашелъ въ другомъ какомъ либо источникѣ, отдаленномъ поселенія Славянъ за черту Европы на Сѣверъ Азіи.

Существовали еще Аланы на Кавказѣ, у Каспійскаго моря, которые были собственно Алваны. Существовали Аланы нѣмецкіе на западѣ, именемъ которыхъ прозывались иногда Аламаны, а вѣроятнѣе всего нынѣшніе Албанцы. Во

¹ Напр. Илія, Вильна.

всякомъ случаѣ и тѣ и другіе не имѣють ничего общаго съ Аланами Алаунской возвышенности и береговъ Днѣпра и Дона. А между тѣмъ изслѣдователи, отыскивая повсюду только сходныя имена и описывая только исторію именъ, а не исторію земель, смѣшиваютъ безразлично въ одно цѣлое самыя разнородныя свидѣтельства объ Аланахъ и выходятъ, что Аланы Кавказа и Аланы Алаунской возвышенности кончили свою исторію гдѣ-то вблизи французскаго Алагона и тамъ навсегда исчезли¹.

На сѣверѣ Сармаціи Птоломей знаетъ главныя рѣки Вислу, Хронъ (Нѣманъ), Рудонъ (Западную Двину, древн. Эриданъ)², потомъ Турунтъ и Хезинъ. Послѣднія двѣ рѣки, соображаясь съ показаніемъ Маркіана Гераклейскаго, писателя 300—400 годовъ, можно съ большимъ правдоподобіемъ приурочить, первую, Турунтъ, къ Невѣ; вторую Хезинъ къ Сѣверной Двинѣ съ главнымъ ея притокомъ Сухоною, откуда и испорченное Хезинъ.

Маркіанъ говоритъ, что р. Турунтъ впадаетъ въ рѣку Хезинъ, а за рѣкой Хезиномъ находится Океанъ Гиперборейскій и неизвѣстный, окружающій Гиперборейскую землю. Конечно, это Ледовитое море. На р. Хезинъ, говоритъ онъ, живутъ Агаэирсы (Фиссагеты Геродота или наша Весь на Бѣломъ озерѣ). Эта рѣка, какъ и Турунтъ, падаетъ съ горъ Риеейскихъ, которыя по представленію древнихъ находились тутъ гдѣ-то неподалеку. Все это, довольно темное и перепутанное показаніе можетъ однако раскрывать то обстоятельство, что по Турунту — Невѣ лодки и въ то уже время переваливали въ Сухону и достигали Бѣлаго моря. Путь шелъ черезъ Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро съ переволокою въ озеро Кубенское, изъ котораго течетъ Сухона.

Маркіанъ говоритъ также, что Рудонъ - Западная Двина течетъ съ горы Аланъ, что эта гора и ея область, простирающаяся далеко, населена Аланами; что съ этой же

¹ Слав. Древности I, кн. II, 134.

² Двина у Птолемея пишется также Рубонъ—ния, сохранившееся доселѣ въ ея порогѣ, Тихая Руба, а Рудонъ—ния очень родное на нижней Березинѣ и на Днѣпрѣ, гдѣ села и рѣки Руда, Рудия попадаютъ безпрестанно.

горы течетъ Днѣпръ, что область Днѣпра ниже Аланъ населена Хоанами. Птоломей же свидѣтельствуесть, что между Роксоланами у Днѣпра и Бастернами у верхняго Днѣстра живутъ Хуны.

И такъ писатели географы втораго и четвертаго вѣка единогласно показываютъ на Киевскомъ мѣстѣ народъ Хоановъ и Хуновъ. Имѣемъ полное основаніе угадывать, что здѣсь слышится нашъ древнѣйшій Кыевъ и наши древнѣшіе Кыяне, имя которыхъ у писателей позднѣйшаго времени, 9—11 вѣка, у латинскихъ и арабскихъ, изображается болѣе или менѣе одинаково (Хиве, Хуэ, Хунигардіа, Хіосъ, Кіона, Кіоава, Кіама, Китава, и пр.), очень сходно съ именами Хуновъ и Хоановъ. Звукъ ch, въ средневѣковомъ писаніи, соотвѣтствовалъ часто звуку к.¹

Птоломей знаетъ, что у Днѣпра и Дона есть повороты на востокъ. Уже одно это обстоятельство можетъ доказывать, что онъ пользовался очень вѣрными свѣдѣніями относительно этихъ двухъ главныхъ рѣкъ древней Скиѣи и Сарматіи. Онъ знаетъ также, что Днѣпръ образуется изъ двухъ притоковъ, изъ которыхъ одинъ течетъ отъ запада, а другой—самый сѣверный. Извѣстіе весьма важное и любопытное. При Геродотѣ Днѣпръ прозывался Борисееномъ, по той вѣроятной причинѣ, какъ мы говорили, что настоящимъ его источникомъ въ то время почиталась Березина, указывавшая, что и рѣчной путь съ сѣвера на югъ направлялся по ея потоку и сообщался съ Балтійскимъ Поморьемъ черезъ Западную Двину. Теперь сталъ извѣстнымъ другой путь болѣе сѣверный, по направленію настоящаго источника Днѣпра, отъ области р. Ловати и озера Ильменя, гдѣ жили Птоломеевы Ставаны, по которой сообщеніе съ Балтійскимъ Поморьемъ шло уже черезъ Волховъ, озеро Ладогу и Неву. Отъ начала 4-го вѣка, съ 333 г., и самое имя Борисеена стало исчезать и замѣнилось именемъ Днѣпра².

¹ Шлецера Несторъ, I, 91, 180. Прибавимъ къ этому, что одинъ изъ верхнихъ притоковъ Киевской рѣки Роси именуется Кошино. На Роси жили и Коуи, Куи—особое племя или родъ козаковъ, еще неизвѣстно.

² Въ этомъ имени обозначилась самая характерная черта этой рѣки: пороги, ибо очевидно, что слово Днѣпръ составное изъ Дон или Дан и прагъ, какъ и Днѣстръ: изъ Дон² Стрый.

Новые писатели (Помп. Мела, Скимпъ Хиоселій) повторяютъ съ большою увѣренностію показаніе Геродота, что Днѣпръ судоходенъ на 40 дней пути.

Птоломей перечисляетъ нѣсколько городовъ, лежавшихъ по Днѣпру и по окрестнымъ рѣкамъ, впадающимъ въ Черное и Азовское моря. На Днѣпрѣ онъ называетъ городъ Азагаріонъ, самый сѣверный, которымъ могъ быть или Чигиринъ, на Сулѣ, или Чигринъ, на Тясминѣ. Затѣмъ упоминается: Амадока ¹, Саронъ, быть можетъ, Самарь при устьѣ Самары; Серимонъ—городище на устьѣ Конки, противъ Никиполя, при Запорожцахъ назывался Замыкъ; и гдѣ то въ сторонѣ отъ Днѣпра на западъ — Леінонъ (Волянъ?), Сарваконъ, быть можетъ Червень, Червенцъ, и Хиоссонъ.

Онъ перечисляетъ малыя рѣки, впадающія отчасти въ Черное, отчасти въ Азовское и въ Гнилое море, и здѣсь тоже указываетъ нѣсколько городовъ, находившихся по теченію или при устьяхъ этихъ рѣкъ.

Писатель 4-го вѣка, Маркіанъ Гераклеійскій, во всей Сарматіи, между Вислою и Дономъ, насчитываетъ 53 значительныхъ города. Если изъ этого числа положить хотя пятую долю на города, находившіеся внутри страны, то мы все-таки можемъ съ немалою основательностію допускать, что и въ 4-мъ вѣкѣ существовали уже по крайней мѣрѣ тѣ города, которые по нашей лѣтописи извѣстны, какъ древнѣйшіе.

Все это показываетъ, что въ первыхъ столѣтіяхъ отъ Р. Х. наша Сарматія даже въ ея южной степной Черноморской части не совсѣмъ походила на кочевую варварскую пустыню и если у нѣкоторыхъ писателей обозначалась пустынею, такъ потому только, что они вовсе ее не знали.

Относительное множество городовъ даетъ основаніе полагать, что населеніе, занимаясь больше всего земледѣліемъ, поддерживало и торговныя дѣла, привлекая въ устья своихъ рѣкъ старинныхъ промышленниковъ торговли, Грековъ,

¹ Птоломей (Шафарикъ т. I. кн. II, 348, 349, 376) поставляетъ на трехъ равныхъ мѣстахъ вародъ Амадоки, городъ Амадоку и озеро Амадоку — ясно, что онъ смѣшалъ имя, но не зналъ, гдѣ правильнѣе его помѣстить. Не скрывается ли здѣсь смутное показаніе объ озерѣ, городѣ и народѣ Ладога? Озеро онъ ставитъ вверху западнаго притока Днѣпра, то есть все-таки гдѣ-то вверху.

Армянъ, Евреевъ, которые тѣснились въ устроенныхъ имъ городахъ и наживались подѣ покровительствомъ здѣшнихъ варваровъ.

Замѣчательно, что въ это время, въ первыя три столѣтія по Р. Х., въ этой пустынѣ господствуютъ Роксоланы, получая даже отъ далекаго Рима дань, или, какъ Римъ выражался: дары, субсидіи, стипендіи. Другихъ кочевниковъ, вѣроятно прежнихъ Скивоовъ или позднѣйшихъ Аваровъ и Печенѣговъ, исторія здѣсь за это время не указываетъ. Не той ли самой причинѣ къ концу 4-го вѣка сдѣлались такъ сильны кочевники западные, европейскіе, именно Готы, которые въ эти же вѣка начинаютъ подвигаться все ближе къ Днѣпру. Намъ кажется, что самое движеніе этихъ Готовъ случилось именно по той причинѣ, что здѣсь уже очень давно пролегалла широкая дорога, проторенная Балтійскимъ Славянствомъ въ земли своихъ Черноморскихъ братьевъ, и что Роксоланы, быть можетъ, были тѣже Балтійскіе Ругин-Рогі, овладѣвшіе торговыми промыслами Днѣпра и потому распространившіе свое имя, Роксы-Россы отъ устьевъ Дуная до устья Дона и далѣе подѣ именемъ Аорсовъ, до устья Волги. Множество городовъ, спокойно существовавшихъ здѣсь во 2-мъ вѣкѣ, явно показываетъ, что степняки Роксоланы больше всего заботились о торгахъ и промыслахъ гражданскихъ и къ тому же, какъ увидимъ, вовсе не были знамениты дѣлами военными, или отважными набѣгами.

Говоря о Донѣ, Птоломей на его устьѣ помѣщаетъ извѣстный городъ тоже Донъ или по гречески Танаисъ, и говоритъ между прочимъ, что на поворотѣ рѣки къ востоку живутъ сѣвернѣе Оѣлоны (быть можетъ Донскіе Поляне) и Танаиты—Донцы, то есть тѣ люди, на языкѣ которыхъ имя Донъ было свое родное слово; въ противномъ случаѣ и они назывались бы собственнымъ своимъ именемъ. Такъ назывались и Борисоениты Березинцы у Днѣпра. Подѣ Донцами ближе къ устью жили Осилы (въ 5-мъ вѣкѣ Салы) обитавшіе несомнѣнно, по рѣкѣ Салу, впадающему въ нижній Донъ отъ востока изъ прикаспійскихъ степей, со многими притоками, которые отчасти также именуются Салами.

Птоломей прибавляетъ, что Осилы живутъ вплоть до Роксоланъ, то есть до устья Дона, изъ чего можно заключить,

что Роксоланы владѣли и городомъ Танаисомъ, что онъ стоялъ уже на ихъ землѣ.

Любопытнѣе всего, что при источникахъ Дона Птоломей указываетъ какой-то памятникъ Александра Македонскаго, а нѣсколько ниже—памятникъ Кесаря. Онъ называетъ ихъ жертвенниками. По книгѣ Большаго Чертежа (изд. 1838 г. стр. 42) дѣйствительно значится, что ниже впаденія въ Донъ рѣки Быстрой-Сѣсны, на которой стоитъ теперь городъ Елецъ, на Дону существовала „Донская Бесѣда, каменный столъ и каменные суды (сосуды)“¹. Это любопытное показаніе Птолемея даже по древнимъ градусамъ и картамъ чуть не въ точности согласуется съ показаніемъ Книги Большаго Чертежа¹.

Жертвенники Кесаря можно также приурочить къ другой рѣкѣ Сѣсны, по прозванію Тихой, на которой стоитъ Острогомскъ, и надъ которою при ея устьѣ въ 14-мъ столѣтіи митрополитъ Пименъ, во время своего плаванія внизъ по Дону, видѣлъ „столбы каменные бѣлые, дивно и прекрасно стоятъ, какъ стоги малые, очень бѣлы и свѣтлы“². Несомнѣнно, и тѣ и другіе жертвенники суть игра природы въ каменныхъ и мѣловыхъ скалахъ этихъ двухъ рѣкъ.

Одно это свидѣтельство заслуживало бы особаго изслѣдованія археологовъ. Имена Александра Македонскаго и Кесаря конечно стоятъ здѣсь только потому, что повсюду и всякіе подобныя памятники тогдашніе люди приписывали только этимъ славнымъ героямъ.

Для насъ это показаніе важно во первыхъ потому, что оно даетъ новое доказательство въ вѣрности источниковъ, которыми пользовался Птоломей, а во вторыхъ оно служитъ весьма очевиднымъ свидѣтельствомъ, что плаваніе по Дону до его устья совершалось и въ то уже время съ самой его

¹ У Птолемея градусъ истока Дона 64 д. 58 ш.
Жертвенникъ Александра 63 д. 57 ш.
По теперешней гидрографической картѣ Иванъ-озеро. 56 д. 54 ш.
Впаденіе Сѣсны 56³/₄ д. 52³/₄ ш.

Какъ извѣстно, Птоломеевы градусы рѣдко сходятся съ теперешними; но въ настоящемъ случаѣ очень любопытно показаніе расстоянія жертвенника отъ истока рѣки на одинъ градусъ, что совпадаетъ съ показаніемъ и нашихъ картъ.

² Лѣтопись Никоновская IV, 161.

вершины, что плавали по немъ люди, знавшіе хотя по слуху объ Александрѣ и Кесарѣ, почему, встрѣтивши на пути чудесные памятники, приписали ихъ сооруженіе этимъ любимымъ героямъ всякихъ баснословныхъ разсказовъ. Надо прибавить, что Донъ и теперь вполне судоходенъ отъ устья Быстрой Сѣсны, или отъ жертвенника Александра Македонскаго (сравни. стр. 181).

Для пополненія географическихъ свѣдѣній о древней Сарматіи обратимся теперь къ историку, писавшему въ концѣ 4-го вѣка, современнику нашествія Гунновъ.

Говоря объ этомъ нашествіи, историкъ Ам. Марцеллинъ (около 380 г.) предварительно дѣлаетъ очеркъ той страны, гдѣ они впервые явились и описываетъ нравы Аланъ и другихъ народовъ нашей Русской Стороны. Онъ говоритъ, что „Дунай, принимая въ себя большіе притоки, протекаетъ по землѣ Сарматовъ, которыхъ жилища тянутся до Дона, отдѣляющаго Азію отъ Европы. Далѣе, за Дунаемъ надъ Сарматами ¹ среди безпредѣльныхъ пустынь Скиѳіи, живутъ Аланы, ведущіе свое наименованіе отъ своихъ горъ (Алаунскихъ). Они своими побѣдами, подобно Персамъ, распространили это имя какъ благородное, на всѣхъ сосѣдей“.

¹ Указаніе далѣе нинѣ понимаютъ за Дунаемъ, другіе за Дономъ, далѣе на востокъ, отчего Аланы являются азіатскими кочевниками. Но далѣе Марцеллинъ описываетъ нашъ сѣверъ: Невровъ, Будинговъ, Гелонговъ, Агаепровъ, Меланхленовъ, Андроеаговъ, т. е. всѣ тѣ племена, о которыхъ вычиталъ у Геродота, если не у Помпонія Мелы, и затѣмъ, именно о всемъ юговостокѣ до Китая онъ говоритъ, что эта страна необитаема по случаю людоедства Антропоаговъ, отъ которыхъ всѣ сосѣди удалились.

Марцеллинъ знаетъ и другихъ Алановъ (Кавказскихъ), жившихъ на востокъ отъ Амазонокъ; но онъ отличаетъ азіатскихъ Алановъ отъ европейскихъ. Зато ихъ вовсе не различаютъ ученые, не говорятъ о нѣмецкихъ, но напр. Шафарикъ, говорящій даже, что Аланы на сѣверѣ жили только временно и притомъ азіатскою ордою, и прибавляющій наконецъ, что нельзя навѣрное сказать, когда сѣверные Аланы кочевали и куда дѣвались. Шафарикъ вообще не благоволилъ къ тому, что Славянъ въ древности называли по большой части Сарматами и почитали Сарматовъ кочевниками, никакъ не хотѣлъ допустить, чтобы Сарматы, Аланы и Роксоланы были Славянами. Слав. Древности т. I, кн. II, стр. 130, 133, 141, 143.

Марцеллинъ повиديوу, согласно съ Страбонемъ, отдѣляетъ югъ Русской Страны отъ Дуная до Дона для населенія Сарматовъ, а сѣверъ для Аланъ. „Къ числу сосѣдей Аланъ принадлежать, по его словамъ, Невры, живущіе въ глубинѣ страны, конечно, у высокихъ горъ, неприступныхъ по случаю холода. Невры, какъ намъ уже извѣстно, суть жители нашего Полься, Стурны по Птоломею, Древляне, Дреговичи и Туровцы по Неестору. Марцеллинъ въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ, что изъ страны Невровъ течетъ Днѣпръ.

„Дальше живутъ Будины и Гелоны, продолжаетъ Марцеллинъ, племена свирѣпыя и воинственные, которыя сдираютъ кожу съ побѣжденныхъ враговъ и дѣлаютъ изъ нея себѣ одежды и попоны для лошадей. Ихъ сосѣди, Агаирысы, пачкаютъ себѣ тѣло и даже волосы синей краской. Затѣмъ слѣдуютъ Меланхлены и Людофды, питающіеся человѣческимъ мясомъ, отчего всѣ сосѣди разбѣжались отъ нихъ и вся эта восточная страна до Китая представляетъ только обширную пустыню. Есть тамъ и восточные Аланы, безчисленные племена, жилища которыхъ простираются, говорятъ, до Ганга“.

Изъ этого разсказа видимъ, что латинскіе писатели 4 вѣка совсѣмъ не знали о существованіи географіи Птолемея, хотя и писали спустя 200 лѣтъ послѣ него. Они пользуются только Геродотомъ, да и то не изъ самаго источника, а въ искаженіи, сочиненномъ Помп. Мелюю. Такимъ образомъ, основывать на ихъ показаніяхъ что либо твердое невозможно. У Марцеллина, изъ всѣхъ его повѣствованій вѣрно одно, что онъ много слышалъ о сѣверныхъ Аланахъ.

Иначе не могло и случиться, если Аланы, по его же словамъ въ 4 вѣкѣ были знаменитымъ народомъ, прославившимъ себя завоеваніями и потому распространившимъ свое имя и на всѣ другія сосѣднія племена.

Ромсоляны уже въ половинѣ 1-го вѣка по Р. Х. дерутся въ Мизіи съ Римлянами, а столѣтіемъ прежде вступаются за Сивеоу противъ Митридата Великаго. Марцеллинъ говоритъ о нихъ прямо уже, какъ о господствующемъ народѣ въ своей странѣ. Онъ прибавляетъ также, что, „занимаясь грабежомъ и охотою, они доходятъ до Меотійскихъ болотъ

и Киммерійскаго Босвора и простирають свои набѣги до Арменіи и Мидіи“, стало быть въ Закавказье.

Говоря только о нашемъ сѣверѣ, Марцеллинъ совсѣмъ ничего не знаетъ о за-Донской или Волжской сторонѣ и потому замѣчаетъ, что оттуда до Китая страна необитаема, по причинѣ людоедства Антропофаговъ. Но, какъ мы сказали, онъ знаетъ другихъ Аланъ, живущихъ, отъ Кавказа дальше на востокъ, даже до рѣки Ганга, и замѣчаетъ, что сѣверные европейскіе Аланы хотя и удалены на большое разстояніе отъ азіатскихъ Аланъ, но тѣ и другіе суть кочевники.

По Римскимъ сказкамъ о кочевомъ бытѣ онъ чертитъ за одно, одними и тѣми же красками характеръ Аланъ европейскихъ и азіатскихъ, не говоря ничего по собственному наблюденію, а пользуясь только книжными источниками, вѣчно повторявшими одно и тоже изъ Иппократа, Геродота и изъ другихъ древнихъ сказаній. Наши Аланы представляются такимъ образомъ: „У нихъ вовсе нѣтъ домовъ, нѣтъ хлѣбопашества; кормятся они только мясомъ да въ особенности молокомъ. Съ повозками, крытыми лыкомъ, они безпрестанно перемѣняютъ мѣсто по безконечнымъ равнинамъ. Найдутъ мѣсто, пригодное для корма, разставятъ вокругъ свои повозки и тутъ кормятся, какъ дикіе звѣри. Какъ только истощится пастбище, пускаются въ путь дальше, съ своими передвижными городами повозокъ, въ которыхъ рождаются и воспитываются ихъ дѣти, происходятъ бракосочетанія и, словомъ сказать, совершаются всякія дѣла ихъ жизни. Куда не толкнетъ ихъ судьба, они вездѣ у себя дома, гоня передъ собой стада крупнаго и мелкаго скота и больше всего заботясь о лошадяхъ. Въ тѣхъ странахъ трава вырастаетъ постоянно свѣжая; а поля въ перемежку покрыты плодовыми деревьями, такъ что кочевники на каждой стоянкѣ находятъ пищу и людямъ и скоту. Это происходитъ отъ влажности почвы и множества рѣкъ, орошающихъ пустыню. Слабые по возрасту или болѣе сидятъ въ повозкахъ или около повозокъ и исполняютъ домашнія работы. Люди возрастные и сильные—вѣчно на конѣ. Съ дѣтства привычны къ верховой ѣздѣ, они почитаютъ безчестнымъ для себя ходить пѣшкомъ. Они превосходные воины, потому что военное дѣло у нихъ становится

суровою наукою во всѣхъ мелочахъ. Высшее счастье въ ихъ глазахъ—погибнуть въ битвѣ. Умереть отъ старости или отъ какого случая—это позоръ, унижительное котораго ничего не можетъ быть. Убить человека—геройство, которымъ только и можно хвалиться. Самая славная добыча для такого героя—это кожа съ головы врага, которая и служить покрышкою для лошади побѣдителя. Рабство имъ неизвѣстно и всѣ они рождаются свободными. Вождями избираютъ себѣ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ. У нихъ нѣтъ храмовъ и никакихъ зданій, хотя бы еоломеннаго палаша для поклоненія божеству. Обнаженный мечъ, воткнутый въ землю, становится для нихъ кумиромъ, верховнаго божества (Марса) и святилищемъ ихъ варварскаго благочестія. Въ обычаѣ у нихъ гаданіе на ивовыхъ прутьяхъ, и пр. Аланы вообще красивы и рослы; волосы ихъ отливаютъ въ русый цвѣтъ. Взглядъ у нихъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый. Быстротою нападеній и воинственнымъ духомъ они ни въ чемъ не уступаютъ Гуннамъ“.

Въ сущности въ этомъ разсказѣ изображены не Аланы, а только тѣ свѣдѣнія и фантазіи о кочевомъ бытѣ, какія были въ ходу у начитаннаго римскаго общества. Къ самимъ Аланамъ можетъ только относиться отиѣтка Марцеллина объ ихъ наружности, что они красивы и рослы, что волосы ихъ отливаютъ въ русый цвѣтъ, что взглядъ ихъ скорѣе воинственный, чѣмъ свирѣпый, что нисколько не уступая Гуннамъ въ быстротѣ нападенія и воинственности, они только опрятнѣе въ одеждѣ и разборчивѣе въ пищѣ. Но и эта черта, какъ по всему замѣтно, явилась съ тою цѣлью, дабы чернѣе представить Гунновъ, ибо авторъ главнымъ образомъ описывалъ нашествіе Гунновъ. Какъ бы нибыло, но для насъ ясно одно, что Марцеллинъ здѣсь говоритъ объ Аланахъ, кочевавшихъ по его выраженію въ „безграничномъ пространствѣ“, въ нашей Русской Землѣ, что это былъ народъ знаменитый своими войнами и господствующій въ своей странѣ, что обыкновеннымъ мѣстомъ ихъ набѣговъ и охоты были берега Воспора Киммерійскаго и Азовскаго моря, что ихъ набѣги простирались даже въ Арменію и Мидію, въ Закавказье. Эти знаменитые Аланы по исторіи носили особое имя—Рокс—аланы, о которыхъ Марцеллинъ вовсе не упоминаетъ въ своемъ описаніи Аланъ, а перечисляетъ ихъ

однажды за урядъ съ другими народами: Языги, Роксоланы, Аланы, Меланхлены, Геловы и пр. и потому даетъ право заключить, что все сказанное имъ объ Аланахъ вообще относится столько же и къ Роксоланамъ, и что такимъ образомъ Роксоланы были родственники всѣмъ остальнымъ сѣвернымъ Аланамъ.

Для пополненія и поясненія географическихъ показаній древнихъ писателей обратимся къ исторіи.

Въ исторіи нашей страны очень замѣчательно время Понтийскаго (черноморскаго) царя Митридата Великаго, 121—64 годы до Р. Х. Почти всю жизнь онъ боролся съ Римомъ, ненавидѣлъ Римъ отъ всей души и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы совсѣмъ истребить это волчье гнѣздо, „ненасытное крови и завоеваній, жадное къ богатству и завистливое ко всякой власти, гнѣздо, котораго и основатели, какъ онъ говорилъ, были воспитаны соснами волчицы“. На востокъ большимъ союзникомъ Митридата противъ Римлянъ была общая къ нимъ ненависть по случаю явнаго грабительства ихъ проконсуловъ, несправеднаго ихъ суда въ тяжбахъ, великаго мздоимства ихъ мытарей и всякихъ сборщиковъ пошлинъ. Но Митридатъ замыслилъ поднять весь міръ на это волчье гнѣздо и намѣревался сдѣлать на него нападеніе оттуда, откуда меньше всего можно было его ожидать, именно съ сѣвера Италіи. Съ этою цѣлью онъ завелъ тѣсную дружбу со всѣми варварами отъ Дона и Днѣпра до Адриатическаго и Балтійскаго моря. Онъ разсылалъ къ нимъ послы, прямо просилъ помощи на Римлянъ, привлекалъ различными одолженіями и дарами, и главное обѣщаніями найдти въ Римскихъ областяхъ несмѣтныя сокровища. Его послы странствовали и къ Кимврамъ. Въ нанихъ же мѣстахъ онъ поднялъ въ Крыму Скивовъ и Тавровъ, а отъ Днѣпра до Дуная Сарматовъ-Царей, Сарматовъ-Языговъ, Боралловъ (несомнѣнно Гораловъ на Карпатскихъ горахъ), Бастарновъ, храбрѣйшій изъ всѣхъ придунайскихъ народовъ, и Фракійцевъ, жившихъ на южномъ берегу Дуная до Гемуса и Родопа.

Любопытно, что собранное изъ этихъ странъ войско состояло по преимуществу изъ пѣхоты, 100 тысячъ пѣхоты

и 16 тысячъ конныхъ; въ числѣ конныхъ были вромѣ Скиевъ и нѣкоторые Кавказскіе народы. Одно это можетъ показывать, что здѣсь жили по большей части хлѣбопашцы, и никто другой, какъ Славяне. Сверхъ того этой арміи предшествовали толпы пѣшихъ же людей, которые расчищали дорогу, теребили путь, несли запасы и вели небольшой торгъ¹.

Но собравши сухопутныя силы, Митридатъ не оставилъ безъ вниманія и морскихъ лодочныхъ флотовъ, которыми владѣли приморскіе жители по всѣмъ берегамъ Чернаго моря. Онъ и ихъ поднялъ на Римъ, даже содержалъ морскихъ разбойниковъ на жалованьи и образовалъ изъ нихъ такую морскую разбойничью силу, съ которой Римляне потому едва могли справиться. Быть можетъ и въ это уже время Днѣпровскія лодки также плавали по Черному морю, опустошая побережья римскихъ владѣній. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что во время войны Митридата со Скивами, которымъ на помощь приходили Роксоланы, его полководецъ Неоптолемъ на одной и той же переправѣ (на Воспорѣ Киммерійскомъ) одолѣлъ варваровъ лѣтомъ въ морскомъ сраженіи, а зимою въ конномъ. Стало быть и скиевскіе съверные союзники тоже имѣли флоты.

Какъ бы ни было, но Митридатовы войны съ Римомъ должны были разнести между нашими варварами много новыхъ свѣдѣній о богатыхъ странахъ поморскаго Европейскаго и Азіатскаго юга. Митридатъ въ этомъ отношеніи просвѣтилъ варваровъ и указалъ имъ пути, какъ и откуда было легче всего добывать золото и даже ежегодную подать.

Съ другой стороны, послы Митридата, странствуя по землямъ, необходимо описывали пути, какъ ходить къ варварамъ и гдѣ кто изъ нихъ живетъ. Не изъ такихъ ли записокъ составилась потомъ географія Марина Тирскаго, которая была сокращена Птоломеемъ. Покрайней мѣрѣ Стра-

¹ Известно, что еще почти за два столѣтія до Митридата, во время войны сыновей Воспорскаго царя Перисада I-го, въ 311 г. до Р. Х., вспомогательные Скивы поставили 20 тысячъ пѣхоты и только 10 тысячъ конницы. Діодоръ Сид. ХХ. Все это обнаруживаетъ, что большинство Скиевскаго населенія были земледѣльцы.

бонъ, кн. 1, гл. 2, прямо говоритъ, что дальнѣйшія страны Европы отъ Днѣстра до Кавказа сдѣлали известными Митридатъ и его полководцы.

Еще прежде своей дружбы съ Сарматскими племенами отъ Днѣпра до Дуная и до Балтійскаго и Адриатическаго моря, Митридатъ совсѣмъ разгромилъ старыхъ ночевниковъ Скивовъ и тѣмъ, по всему вѣроятію, обезпечилъ свои сношенія съ сѣверными, по преимуществу земледѣльческими народами. Онъ очень хвалился побѣдами надъ Скивами. „Изъ смертныхъ я одинъ покорилъ Понтъ и всю Скию, говорилъ онъ, ту Скию, мимо которой прежде никто не могъ ни безопасно пройти, ни приблизиться къ ней. Два царя, Дарій Персидскій и Филиппъ Македонскій осмѣлились было, не покорить, а только войти въ Скию, и съ позоромъ бѣжали, бѣжали оттуда, откуда теперь мнѣ прислано великое число войска на Римлянъ“.

Ясно изъ этихъ словъ, что сильное кочевое племя нашихъ южныхъ степей было обезсилено Митридатомъ окончательно. Съ той поры слава Скивовъ умолкла навсегда.

Война со Скивами началась по слѣдующему обстоятельству. Лѣтъ за сто до Р. Х. корсунскіе Греки, тѣсняемые Скивами, призвали Митридата на помощь и отдались совсѣмъ въ его покровительство. Скивы, известно, требовали дани больше прежняго. По этой же причинѣ отдался во власть Митридату и Восторскій князь Перисадъ, такъ что Митридатъ неожиданно сдѣлался властителемъ всего Крымскаго полуострова.

У Скивовъ былъ тогда царь Скилуръ, владѣвшій вѣроятно всю Черноморскою страню, потому что Ольвія печатала его изображеніе и имя на своихъ монетахъ. У него было много сыновей и старшій Палакъ, именемъ котораго и теперь называется Балаклава. Послѣ многихъ битвъ и Митридатова похода въ самую Скию, Скиское владычество во всей странѣ было уничтожено безъ остатка. На помощь Скивамъ въ это время приходили и сѣверные ихъ сосѣди, Роксоланы. Они пришли именно къ Палаку въ числѣ 50 тысячъ подъ предводительствомъ своего воеводы Тасія и считались воинственными, какъ говоритъ Страбонъ, но полководецъ Митридата Диосантъ, воевавшій съ ними около

Дарсуна, разбилъ ихъ съ шестью тысячами своего войска. Большая часть ихъ погибла.

По словамъ Страбона они были вооружены щитами изъ воловьей толстой кожи и такою же броней; щиты носили плетеные изъ дерева; оружіе имѣли копья, или дротики, лукъ и мечъ. Страбонъ не говоритъ, что это было конное войско. Судя по вооруженію, скорѣе всего они приходили пѣшіе.

Такимъ образомъ царство Геродотовскихъ Скивовъ прекратило свое существованіе. Но любопытно, что тотчасъ послѣ Скивовъ, въ этихъ же странахъ возникаетъ слава Роксоланъ, такъ безславно и неудачно начавшихъ свою исторію въ союзъ со Скивами.

Были-ли Роксоланы настоящими кочевниками, объ этомъ до сихъ поръ утвердительно сказать нельзя. Страбонъ, описавши вооруженіе Роксоланъ и сказавши, что съ ними сходствуетъ большая часть остальныхъ (ихъ сосѣдей и соплеменниковъ), дѣлаетъ очеркъ кочеваго быта и ни слова не говоритъ, что именно такъ жили Роксоланы, а говоритъ вообще о степнякахъ, кочевавшихъ лѣтомъ въ равнинахъ, а зимою по болотамъ Меотиды. Этотъ очеркъ стало быть относится или ко всѣмъ упомянутымъ имъ прежде народамъ, или же къ однимъ только Скивамъ, обитавшимъ по близости Крыма. Самымъ сѣвернымъ, передъ другими, Роксоланамъ было очень далеко уходить на зиму къ болотамъ Азовскаго моря, тѣмъ болѣе, что по Страбону же тамъ жили Скивы и Савроматы, см. выше стр. 270. Отъ этого общаго очерка кочеваго быта географъ тотчасъ переходитъ къ общему же очерку климата этихъ странъ.

Такимъ образомъ Страбонъ ясно и точно не говоритъ, что Роксоланы были природные кочевники. У Римлянъ же, какъ мы замѣтили, вся Сарматія заключала въ себя только кочевниковъ, по той причинѣ, что вся наша равнина представлялась имъ не иначе, какъ Скивскою степью.

„Въ послѣдствіи этотъ Сарматскій народъ, говоритъ Шафарикъ, часто является въ Римской исторіи, именно до самаго конца 4-го столѣтія, причемъ жилища ихъ всегда почти показываются на Черноморьѣ, близъ устья Днѣпра“.

Въ 69 году зимою въ своемъ походѣ на Римскія области они изрубили два римскихъ полка и ворвались въ Мизію (теперешняя Сербія). Ихъ было 9 тысячъ конницы. Пока они занимались своею добычею, разсѣявшись по странѣ безъ всякой осторожности, наступило теплое время, пошли дожди и собрались римскія войска. Третій легіонъ при пособіи вспомогательнаго войска напалъ на нихъ въ расплохъ. Обремененные награбленнымъ имуществомъ, въ наставшую отъ дождей распутицу. Роксоланы не могли сопротивляться и были по большей части побиты. Тацитъ при этомъ рассказываетъ, что скользкая дорога лишила быстроты ихъ коней. „Весьма чудно, прибавляетъ онъ, что въ этомъ случаѣ вся храбрость Сарматская совсѣмъ пропала. Они все не способны къ пѣшимъ сраженіямъ; когда же по отряду пускаются въ бой на коняхъ, то едвали какая рать можетъ устоять противъ нихъ. Но теперь не приносили имъ пользы ни копьа, ни предлинныя ихъ мечи, которыми дѣйствуютъ они не иначе какъ ухвата обѣими руками. Лошади ихъ падали и вязли, какъ и люди, въ глубокихъ и мягкихъ снѣгахъ. Кромѣ того начальники и лучшіе воины очень отягчены были своею броней, которая состояла изъ желѣзныхъ дощечекъ или изъ самой жесткой кожи. Храбрецовъ покрытыхъ этою броней, хотя удары и не проникали, но упавши на землю, во время схватки, они не могли подняться и притомъ вязли въ снѣгу. Римляне въ своихъ легкихъ латахъ свободно поражали враговъ метательными стрѣлами или копьями, а когда дѣло доходило до рукопашной битвы, кололи ихъ вблизи легкими римскими мечами, противъ которыхъ Сарматы не привыкли защищать себя даже и щитомъ. Малое число Роксоланъ, спасшихся отъ битвы, попряталось въ болотахъ, гдѣ они всѣ погибли или отъ стужи или отъ ранъ“.

Тацитъ въ этомъ разсказѣ съ особеннымъ намѣреніемъ желаетъ выставить преимущества Римскаго вооруженія и способа войны предъ варварскимъ, рисуя при этомъ Роксоланъ обычными красками, какими всегда описывались кочевники. Но изъ его же повѣствованія видно, что на Роксоланъ, попавшихъ на распутицу съ тяжелымъ бременемъ различной добычи, въ расплохъ напалъ цѣлый легіонъ (болѣе 6000 ч.) свѣжаго войска, при помощи свѣжихъ же вспо-

могательныхъ отрядовъ. Конечно, конница противъ пѣхоты вообще бороться было уже невозможно, а въ распутицу на коняхъ и уйти во свояси также было очень затруднительно. Въ описаніи Тацита Роксоланы походятъ на истыхъ кочевниковъ, по неумѣнью продолжать битву пѣшими, въ глубокихъ и топкихъ снѣгахъ. Но зато предлинныя ихъ мечи, которыми владѣть надо было обѣими руками, прямо выводятъ ихъ изъ разряда кочевыхъ народовъ и прямо указываютъ, что прежде всего это были пѣшіе ратники¹.

Исторія такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что Роксоланы уже во второй разъ были побиты. Ея сожалѣнію она ничего не рассказываетъ о томъ, какимъ образомъ тѣже побитые Роксоланы стали брать съ Рима дань, хотя бы подъ видомъ ежегодныхъ подарковъ, какъ пишутъ римскіе историки, всегда отстраняя нѣсколько постыдное слово дань. Знаемъ только изъ одной надписи, относимой ко времени импер. Веспасіана, 69—79 г., что Римляне возвращаютъ князьямъ Бастарновъ и Роксолановъ ихъ сыновей, по всему вѣроятію бывшихъ у Римлянъ въ таллахъ или въ заложникахъ на случай ссоры и войны. Это показываетъ, что у Роксоланъ съ Римомъ были сношенія постоянныя и притомъ мирныя, союзныя.

Знаемъ еще, что при импер. Адріанѣ (117—138) Сарматы и Роксоланы возмутились противъ Рима именно за неплатежъ дани. Царь Роксоланскій, говоритъ Спартіанъ (гл. 6) жаловался на уменьшеніе обычныхъ даровъ, которые получалъ отъ Рима. Адріанъ, разобравъ причину его неудовольствія, заключилъ съ нимъ миръ, то есть конечно удовлетворилъ его надлежащею прибавкою. Въ римскихъ надписяхъ

¹ Известно по Плутарху (въ Маріѣ), что длинными тяжелыми мечами работали противъ Римлянъ Кимвры. Древніе Кіевскіе мечи, найденные въ разное время въ самомъ городѣ, какъ и въ другихъ Кіевскихъ мѣстахъ, имѣютъ длины около полутора аршина, а недавно открытый мечъ раскопками Московскаго Археологическаго Общества въ курганѣ близъ Смоленска, имѣетъ длины около семи четвертей. Онъ былъ найденъ воткнутымъ въ землю между двумя копьями; вблизи находился глиняный горшокъ съ пепломъ сожженія покойника. Въ Венедскихъ-Славянскихъ курганахъ на Балтійскомъ Поморьѣ, въ Мекленбургѣ, въ землѣ древнихъ Варновъ, находимые мечи тоже длинныя, чѣмъ отличаются самыя могилы, какъ Славянскія. Ж. М. Н. П. 1839, Мартъ.

этого времени упоминается даже имя Роксоланскаго царя: Распарасанъ¹.

При Маркѣ Авреліѣ на Римъ поднялись всѣ пограничныя сѣверные народы. Настала такъ называемая во всемирной исторіи Маркоманская война (166—180), которая, говорятъ страшнѣе была Пунической. Нѣмецкими учеными эта война только и называется Германскою. Между тѣмъ римскіе же древніе писатели называютъ ее особо Германскою, Маркоманскою и "особо Сарматскою, или лучше сказать, говорятъ Капитолинъ, войною многихъ народовъ, по той естественной причинѣ, что Сарматы въ ней участвовали, нисколько не меньше, если еще меньше Германцевъ. Изъ Сарматскихъ народовъ тогда воевали: Сарматы-Языги, Роксоланы, Бастарны, Аланы, Певкины, Костобоки (Капитолинъ гл. 22). Страшнѣе всѣхъ были Языги, которые преимущественно предъ другими прозываются именемъ Сарматовъ. Они продолжали войну и послѣ того, какъ Германскія племена были усмирены, то есть и тогда уже, когда великая Маркоманская или Нѣмецкая война прекратилась. Добрѣйшій Маркъ Аврелій очень жалѣлъ, что не удастся ему совсѣмъ истребить этотъ беспокойный народъ².

¹ Если это имя объяснять изъ туземныхъ звуковъ и предполагать, что оно составное, то въ именахъ нашихъ земель найдемъ: озеро Роспу, рѣки Росонъ или Расонъ, см. стр. 177, 181. Припомнимъ имя острова *Rosphodusa*, находившагося въ Перекопскомъ заливѣ, и личное имя Юриандова вождя Готовъ въ 3-мъ вѣкѣ, Респа. Наконецъ припомнимъ вождя Дунайскихъ Булгаръ, Аспаруха, который переселился на Дунай съ устья Днѣпра. Птоломей упоминаетъ въ верхней Панноніи городъ *Unisria*.

² Нѣмецкія патристическія идеи никакъ не хотѣтъ допустить въ исторію той очевидной истины, что въ разрушеніи Римской имперіи наравнѣ съ Германскими племенами участвовали и Славянскія или вообще народности нашей Сяверіи и Сарматіи; поэтому Маркоманская война у нихъ именуется даже просто Нѣмецкою, хотя въ самомъ имени Маркоманъ скрываются вообще пограничныя обитатели сѣвера Германіи, въ числѣ которыхъ необходимо находились и Славяне отъ Одръ и Вислы. Каждый изслѣдователь, сколько нибудь чуждый Нѣмецкому патристизму и Нѣмецкимъ воззрѣніямъ на исторію, всегда въ своихъ разсужденіяхъ встрѣчается съ этою Нѣмецкою неправдою. Вотъ что замѣтилъ г. Дриновъ о Маркоманской войнѣ: «Читая у Діона Кассія, современника этой войны и единственнаго источника для ея исторіи, какую значительную роль играли въ ней не Нѣмецкіе народы, нельзя не

„Языги, говоритъ Діонъ Кассій, отдѣленные Римлянами (послѣ завоеванія Дакии) отъ своихъ Черноморскихъ братьевъ, до тѣхъ поръ воевали съ импер. М. Аврелиемъ, пока онъ не заключилъ съ ними мира и не согласился на свободное сношеніе ихъ начальниковъ черезъ Дакию съ братьями ихъ, Роксоланами, на Черномъ морѣ“.

По свидѣтельству Иорнанда, гл. 12, этихъ Языговъ отдѣляло отъ Роксоланъ только русло Дуная, ибо Языги жили вверху рѣки, а Роксоланы владычествовали въ устьѣ, посреди же находилась Дакия, южною границею которой было именно только русло Дуная. Нѣтъ сомнѣнія, что самая причина столь упорной войны заключалась въ притѣсненіяхъ со стороны Римлянъ, отнимавшихъ свободный проходъ по Дунаю.

На этомъ основаніи, что Языги и Роксоланы называются Сарматами, знаменитый славистъ Шафарикъ причисляетъ ихъ къ азіатамъ, къ Сарматамъ Мидійскаго происхожденія, т. е. къ Сарматамъ Геродотовскаго времени, вовсе забывая, что въ Римскую эпоху имя Сарматъ сдѣлалось простымъ географическимъ именемъ страны, а не народа, въ родъ нашей Сибири, обозначавшимъ все населеніе восточной Европы, и по преимуществу Славянъ. Вопреки Шафарику многіе и очень знаменитые Нѣмецкіе ученые не сомнѣваются, что Сарматы-Языги, были Славяне¹. Слѣдов. и Роксоланы, по братству съ ними, засвидѣтельствованному Діономъ Кассіемъ, были тоже Славяне².

удивляться односторонности тѣхъ Нѣмецкихъ историковъ, которые (Веберъ), называя эту войну Нѣмецкою войною, присловляютъ всю, такъ сказать, славу ея однимъ Нѣмецкимъ племенамъ... Не Нѣмецкими племенами они пренебрегаютъ совсѣмъ, или раздаютъ имъ какія-то бессмысленныя роли, дѣлая изъ нихъ, если позволено такъ выразиться, прихвостней, такъ называемаго, Маркоманскаго союза. Читенія Общ. Истор. 1872, кн. 4., стр. 50.

¹ Читенія Общ. Истор. 1872 кн. 4, статья г. Дринова, стр. 65.

² Названіе Птоломеемъ по-Дунайскихъ Языговъ переселенцами, точно также, какъ и названіе Скиномъ Хіоскимъ Бастарновъ-Певинновъ на устьяхъ Дуная пришельцами, (Зап. Одес. Общ. III, стр. 136, 137 и т. II, отд. 1, стр. 239) очень хорошо объясняютъ въ своей географіи Страбонъ (Кн. 7, гл. 3. § 17). Онъ говоритъ: «Въ Давстриани въ Давиру живутъ Языги-Сарматы; они живутъ и вдоль Истра, вѣроятно по обѣимъ его берегамъ» (гдѣ нѣтъ зналъ уже Овидій, 7—17 годъ

Итакъ, если, по признанію авторитетныхъ ученыхъ, по Дунайскіе Языги-Сарматы—переселенцы, были Славяне и были братья Роксоланамъ, то надо только удивляться, почему мы никакъ не хотимъ почитать Роксоланъ Славянами же нашей Киевской области, гдѣ по преимуществу отводятъ имъ мѣсто всѣ древніе писатели.

Коренное гнзздо Роксоланъ можетъ прямо указывать область Киевской рѣки Роси (по лѣтописямъ), или Россы (по Щенатову и другимъ старымъ географіямъ и картамъ), долина которой исполнена рѣчками и селеніями, носящими тоже имя (см. выше стр. 176).

По Геродоту на этомъ самомъ мѣстѣ жили Скиены пахаря, оратан, сѣявшіе хлѣбъ для продажи, а слѣдовательно и торговавшіе имъ и на югъ и на сѣверъ, и на востокъ и на западъ, и торговавшіе не только хлѣбомъ, но и всѣми другими предметами, которые они получали въ обмѣнъ хлѣба.

Развитіе нашей страны было конечно прежде всего земледѣльческое, но именно въ Киевской сторонѣ, судя по свидѣтельству Геродота, оно было на половину торговое. И началось оно, по всему вѣроятію, съ той поры, когда по берегамъ Чернаго моря, появились греческія колоніи, за 700 и 600 лѣтъ до Р. Х., не упоминая о Финикіянахъ. Самые Греки переселялись сюда потому, что хорошо знали природное богатство этихъ земель. Ихъ промышленный, торговый нравъ естественно распространялся и внутрь страны и естественно же долженъ былъ завязать торговые узлы въ мѣстностяхъ, гдѣ тому способствовало само природное положеніе земли, какова именно была Киевская мѣстность. Такими торговыми узлами обыкновенно больше всего способствуютъ устья рѣкъ, въ которыхъ всегда и свивается торговое гнзздо. Если греческая Ольвія, не говоря о другихъ греческихъ городахъ нашего юга, находилась въ устьѣ

по Р. Х.). Затѣмъ, говоря о Крымскомъ полуостровѣ и при-Днѣпровъ (глава 4, § 5) Страбонъ замѣчаетъ, что изъ этого края, разореннаго отъ непрерывныхъ войнъ, множество народа переходитъ за Днѣстръ и даже за Дунай и остаются тамъ на житье... Фракіяды, прибавляетъ географъ, давали мѣсто переселенцамъ, гдѣ уступая силѣ, а гдѣ мокая земля не ея пригодность. Нѣтъ сомнѣнія, что Митридатомъ войны со Славянами были одною изъ первыхъ причинъ для подобныхъ переселеній.

двухъ богатыхъ рѣкъ, то и Кіевъ находился тоже въ устьѣ столько же богатыхъ рѣкъ, сливающихся у его границы въ одну еще болѣе богатую и славную рѣку Днѣпръ. Кіевъ или его край лежалъ собственно на Днѣпровомъ внутреннемъ устьѣ. Отсюда къ югу начиналось Поле-Степь-Пустыня, т. е. другой міръ жизни, а къ сѣверу сплошной лѣсъ, тоже иной міръ жизни. Точно такое же положеніе на волжскомъ сѣверовостокѣ занимала Суздальская земля при устьѣ Оки; за нею Болгарская земля, лежавшая при устьѣ Камы, а на Ильменскомъ сѣверѣ Новгородъ и Ладога, лежавшіе при устьѣ Ильменскихъ рѣкъ. Гдѣ сливались въ одно русло многія рѣки, тамъ соединялись и многіе люди въ одну общую жизнь торговаго города. Тамъ вскорѣ являлось и богатство и извѣстная степень образованности.

Въ Русской сторонѣ развитіе города, развитіе первоначальнаго обществѣ, торговли и промысла, а за ними извѣстной степени богатства и образованности, началось въ Кіевской землѣ, въ которой срединное положеніе занимала рѣка Росса или Рось. Было-ли это имя туземнымъ, или, что также могло случиться, оно явилось съ приходомъ въ эти мѣста Балтійскихъ Руговъ-Роговъ—Велетовъ, поселившихся здѣсь тоже съ торговыми цѣлями, во всякомъ случаѣ оно очень давняго происхожденія и должно относиться покрайней мѣрѣ ко времени перваго появленія въ исторіи Роксоланъ, то есть къ первому столѣтію до Р. Х.

Что въ началѣ объ этомъ имени ничего не было слышно—это не удивительно. И о самой Ольвіи немного рассказываетъ Исторія и только упоминаетъ изрѣдка одно ея имя. Не сохранились ея монеты, надписей и другихъ подобныхъ памятниковъ, наши свѣдѣнія объ Ольвіи были бы также скудны, какъ и обо всей нашей странѣ. Ни Ольвія, ни нашъ Россъ не отличались военными нравами и жили больше всего работою и торговлею. Приобрѣсти же себѣ имя въ исторіи возможно было только военнымъ походомъ; вотъ почему о Россахъ подъ именемъ Роксоланъ узнаютъ только тогда, когда Скиѣны позвали ихъ къ себѣ на помощь противъ Митридата Великаго. Да и послѣ, какъ обыкновенно, объ нихъ упоминается только по случаю военныхъ походовъ.

Скиѣны со временъ Геродота жили если не въ особой дружбѣ, то въ большомъ согласіи съ Греками Днѣпровцами въ

Ольви и Херсонцами въ Крыму. Согласіе это укрѣпилось и поддерживалось, конечно, обоюдными выгодами. Скиѣ вѣрно брали съ Ольви хорошую дань и за то берегли ее отъ другихъ степняковъ и различныхъ враговъ, чего одного только и недоставало Грекамъ. Точно также и по такимъ же причинамъ Скиѣ должны были жить въ согласіи и съ сѣверными Днѣпровскими племенами, съ земледѣльцами Славянами, доставлявшими имъ подъ видомъ дани и торговли хлѣбъ, медь, дорогіе шѣха сѣверныхъ звѣрей. Въ такомъ положеніи должны были находится здѣшнія дѣла въ обыкновенную, такъ сказать, повседневную пору здѣшней жизни и здѣшнихъ отношеній.

Страбонъ очень вѣрно обрисовываетъ это повседневное состояніе дѣлъ между властителями и подданными. Онъ говоритъ: „Кочевники занимаются больше войнами, чѣмъ разбоями, а воюють всегда для дани. Предоставивъ землю тѣмъ, которые хотять заниматься земледѣліемъ, они довольствуются собираемъ за нее условленной дани, да и то умеренной, потому что цѣль ея не избытокъ, а удовлетвореніе повседневныхъ житейскихъ потребностей. Если дань не платятъ, они начинаютъ войну. Въ этомъ смыслѣ Гомеръ называетъ ихъ вмѣстѣ и справедливейшими и (бѣдными) живущими Богъ знаетъ чѣмъ, такъ какъ они и не брались бы за оружіе, еслибъ имъ платили дань исправно. Не платятъ тѣ, которые считаютъ себя довольно сильными, чтобы легко отразить ихъ нашествіе или даже и не допустить ихъ до своихъ земель“.

Эта замѣтка Страбона выводитъ насъ, такъ сказать, на Божій свѣтъ изъ тѣхъ мрачныхъ понятій, по которымъ намъ всегда представлялось въ средней исторіи, что кочевники вообще были ненасытные разбойники, что подъ ихъ владичествомъ и вблизи ихъ невозможно было существовать ни одному земледѣльческому народу. Если по берегамъ Чернаго моря греческія колоніи жили покойно и даже процвѣтали, сносясь и торгуя съ тѣми же разбойниками Скиѣми, то и наши сѣверные земледѣльцы точно также должны были, если и не процвѣтать, то жить сытно подъ ихъ покровительствомъ, выплачивая разумѣется условленные дани, а въ иныхъ случаяхъ и запросныя деньги, то есть поборы сверхъ условій.

Послушаемъ лучше всего самихъ Грековъ, какъ они рассказываютъ объ этихъ своихъ отношеніяхъ къ Скивамъ въ эпоху нѣсколько позднѣ Геродотовой. Ихъ рассказы записаны живьемъ не на бумагѣ и не однимъ человекомъ, а на мраморахъ, по опредѣленію всего города, по волѣ совѣта и народа, на память будущимъ родамъ, о достолавныхъ подвигахъ на общую пользу славнаго ихъ гражданина Протогена.

„Во первыхъ, говоритъ эта мраморная лѣтопись, когда царь Сайтафарнъ пришелъ (подъ Ольвію)... и требовалъ подарковъ по случаю своего прибытія (порусски поклонъ, поклонные дары), а въ городской суммѣ былъ недостатокъ, то, призванный народомъ на помощь (Протогенъ) далъ 400 золотыхъ монетъ... (Второе) когда Саи (скиескій народъ) прибыли во множествѣ для полученія подарковъ, и народъ не былъ въ состояніи дать имъ, и хотѣлъ, чтобъ Протогенъ помогъ въ этомъ случаѣ, онъ явился и представилъ 400 золотыхъ монетъ... Потомъ, когда царь Сайтафарнъ прибылъ для принятія почестей на тотъ берегъ и архонты собрали народъ для совѣщанія, гдѣ (на вѣчѣ) извѣщено было о прибытіи царя, равно какъ и о томъ, что въ городской казнѣ ничего не оставалось, предсталъ Протогенъ и предложилъ 900 золотыхъ монетъ. Какъ же скоро послы (царя) получили деньги и Протогенъ съ Аристократомъ вышли на встрѣчу царю, который, хотя и принялъ подарки, но былъ разгнѣванъ и вступилъ въ возвратный путь (конца недостаетъ)¹.

Такъ жила Ольвія уже въ послѣднее время своего существованія, обѣдѣвшая и безсильная. Но въ это же самое время, повидимому, не такъ жили Роксоланы, способные не только защищать себя, но даже и помогать тѣмъ же Скивамъ. Исторія Роксоланъ, однако, не показываетъ, что это былъ народъ очень воинственный, очень сильный и могущественный, въ родѣ древнихъ Скивовъ. Мы видѣли, что исторія знаетъ только ихъ неудачи. Между тѣмъ древняя географія и этнографія ставятъ этотъ народъ господствующимъ въ нашей южной странѣ, а Великій Римъ почему-то находитъ

¹ Протогенову надпись относятъ къ 200-мъ годамъ до Р. Х. или же къ Митридовымъ войнамъ. Славянскія Древности Шафарика т. I, кн. II, стр. 202.

выгоднымъ держать съ ними союзъ и посылать имъ дары, въ родѣ дани, объ уменьшеніи которой жаловался Роксоланскій царь, то есть по просту князь-предводитель. Очевидно, что могущество Роксоланъ заключалось не столько въ ихъ воинственности, сколько въ политической силѣ самой ихъ страны, съ которою дружба быть можетъ уравновѣшивала мирныя отношенія къ другимъ варварамъ — соседямъ придунайскихъ римскихъ провинцій.

Извѣстно, что въ послѣдствіи владычество Роксоланскаго имени простиралось до самыхъ Бастарновъ или до вершинъ Днѣстра и до устьевъ Дуная. Вблизи этихъ мѣстъ Адрианъ и сносился съ Роксоланскимъ царемъ, и потому въ этихъ же мѣстахъ Плиній помѣщаетъ народъ Аорсовъ, а Птоломей—Арсіетовъ. Одинъ изъ тридцати тиранновъ, самозванныхъ императоровъ Рима, Регилліанъ (256—267), во время войны съ Сарматами, погибъ отъ Роксоланъ по заговору римскаго же войска. Это опять указываетъ на связи Римлянъ съ Роксоланами. Императоръ Авреліанъ (270—274), торжествуя свой триумфъ, водилъ въ процессіи съ скованными руками представителей всѣхъ побѣжденныхъ варварскихъ народовъ, и въ томъ числѣ Готовъ, Алановъ, Роксолановъ, Сарматовъ, Франковъ, Свевянъ, Вандаловъ и Германцевъ.

Такъ какъ Роксоланы были сосѣди съ Бастарнами, то ихъ имя нерѣдко поминается рядомъ. Мы видѣли, что Страбонъ отдѣляетъ для Бастарновъ обширный край къ сѣверу отъ Дуная между Германією и устьемъ Днѣстра. Точно также и Птоломей почитаетъ ихъ однимъ изъ главныхъ народовъ Европейской Сарматіи и указываетъ ихъ мѣсто вообще за Дакіей къ сѣверу, не опредѣляя границъ, и упоминая только, что между Певкинами и Бастарнами живутъ Карпіане (въ Карпатскихъ горахъ); что подъ Бастарнами близъ Дакіи живутъ Тагры и подъ ними Тирагиты (Днѣстровцы); что между Бастарнами и Роксоланами (у Днѣпра) живутъ Хуны. Всѣ эти показанія отдѣляютъ для Бастарновъ весь сѣверовосточный край Карпатскихъ горъ. Плиній тоже говоритъ, что противъ Дакіи живутъ Бастарны и „другіе германскіе народы“. При другомъ случаѣ онъ прямо помѣщаетъ ихъ въ числѣ Германскихъ племенъ, конечно на томъ же основаніи, на какомъ и Тацитъ причисляетъ къ

Германцамъ Славянъ-Венековъ, то есть обозначаетъ, что племена Бастарновъ были осѣдлыя, а не кочевыя.

Болѣе древніе историки, какъ мы говорили, называютъ Бастарновъ Галатами, Галлами, Гетами, Скивами; на этомъ основаніи Шафарикъ настаиваетъ, что они были Кельты.

Танимъ образомъ, сбивчивыя показанія источниковъ даютъ полную возможность относить Бастарновъ и Певкиновъ и къ Галламъ и къ Германцамъ, о чемъ ученые спорятъ до сихъ поръ. Историки описываютъ Бастарновъ, что это былъ народъ, отличавшійся огромнымъ ростомъ, страшный по виду и особенно сильный въ конницѣ¹. Бастарны не занимались земледѣліемъ, не плавали по морю, не имѣли стадъ для своего прокормленія. Дѣломъ ихъ жизни было сражаться и побѣждать враговъ. На войнѣ они обладали какимъ-то удивительнымъ искусствомъ устрашать врага и обманывать его необыкновенными хитростями². Ко всему этому присоединялась жадность къ золоту. Когда послѣдній Македонскій царь Персей въ 170 г. до Р. Х. призвалъ ихъ на помощь противъ Римлянъ, они потребовали по 10 золотыхъ на cadaго всадника, по 5 на cadaго пѣшаго и по 1000 на cadaго предводителя. Во времена Митридата за 100 лѣтъ до Р. Х. Бастарны почитались храбрѣйшимъ изъ всѣхъ окрестныхъ народовъ.

Нѣмецкіе ученые, какъ мы сказали, причисляютъ ихъ вмѣстѣ съ Певкинами и даже Карпами къ германскому племени, основываясь главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Плинія, и особенно на томъ обстоятельстве, что Бастарны явились къ Персею хотя и конницею, но съ параватами или пѣхотинцами, которые по одному находились при каждомъ конномъ воинѣ, заступали мѣсто убитыхъ всадниковъ и при всякихъ случаяхъ помогали имъ. Въ известномъ смыслѣ это были паробии. По описанію Юлія Кесаря точно такъ

¹ Въ этомъ случаѣ, по представленію латинскихъ писателей, они должны бы вполне походить на кочевниковъ-Сарматовъ, ибо Роксоланъ потому и причисляетъ къ азіатамъ, что они выходили воевать конницею. Но по нѣмецкимъ мнѣніямъ Бастарны были первымъ по времени нѣмецкимъ народомъ, блестятельно выступившимъ на поприще исторіи и составляли такъ сказать, передовой фронтъ Германства. Вотъ почему здѣсь конница уже не должна обозначать кочевниковъ.

² Плутархъ: Пав. Эмилиѣ.

воевали Германцы (кн. 1, гл. 48). Но нѣтъ сомнѣнія, что точно такъ воевали и Галлы и другіе народы, имѣвшіе у себя пѣшую рать. Это доказательство еще слишкомъ слабо для того, чтобы причислять ихъ къ Германцамъ. Что Тацитъ говоритъ о нарѣчій Бастарновъ, что по нарѣчію, по одеждѣ, по образу постройки жилищъ, они сходятся съ Германцами, то это обстоятельство также ослабляется его недоумѣніемъ, куда отнести это племя, къ Германцамъ, или къ Сарматамъ - кочевникамъ, которое вполне подтверждаетъ только то, что онъ не зналъ хорошо, какой это народъ.

Бастарны и Певкины обитали на восточномъ склонѣ Карпатскихъ горъ до Днѣстра. Ихъ именами прозывались и самыя горы, Альпы Бастарнскія, горы Певкинскія. Подъ нихъ жили и Карпиды—Славяне Хорваты, отъ которыхъ получилъ имя и весь Карпатскій хребетъ. Если Бастарны были Германцы и при томъ по Страбону раздѣлялись на многія племена, то они непременно должны оставить по себѣ память въ именахъ земли и рѣкъ, на которыхъ жили, ибо такая память сохраняется дольше всего. Такъ память о Галатахъ въ этихъ мѣстахъ сохранилась, пожалуй, въ имени Русскаго Галича и Галицкаго княжества. Что Галаты здѣсь жили, на это указываетъ несомнѣнная надпись на одномъ Ольвійскомъ ираморѣ. И очевидно, что эти Галаты суть позднѣйшіе Влахи, съ которыми въ перемежку всегда жили и Славяне.

Впрочемъ посмотримъ, что осталось на тѣхъ самыхъ земляхъ, на которыхъ нѣкогда жили Певкины и Бастарны.

По восточному склону Карпатскихъ горъ теперь существуетъ Буковина — земля по преимуществу Славянская, имя которой несомнѣнно звучитъ въ имени огреченныхъ и олатыненыхъ Певкиновъ. Отъ Буковины прямо къ югу тянется хребетъ, называемый Стерня-гора¹. Отъ Буковины этотъ хребетъ отдѣляется рѣкою Быстрицею, которая прозывается Золотою Быстрицею (Goldene Bistritz, Bisttra) и вытекаетъ изъ подъ горы, называемой Gallatz. Она течетъ отъ запада къ востоку, поворачиваетъ потомъ къ югу и впадаетъ ниже р. Молдавы въ Сереть. Ея именемъ назы-

¹ Пользуемся картами: Подробной Россіи 1815 г.; Европейской Туркіи, Парижъ 1822 г.; Венгріи—Вѣна 1849 г.

вается городъ и угадь. Въ нее впадаетъ также малая Быстрица, по Валашки Beszterce. Не подалеку съ того же хребта къ западу въ р. Самошь течетъ другая Быстрица, на которой стоитъ тоже отмеченный городъ Быстриць, именуемый по Валашки Besztertze, Бестерче.

Это самое мѣсто, по указанію древнихъ географовъ было жилищемъ Бастарновъ, такъ сказать, ихъ гнѣздомъ. Но ихъ славное и чисто Славянское имя распространялось во все стороны Карпатскихъ горъ, ибо вся эта мѣстность безпрестанно оглашается Славянскимъ кореннымъ именемъ Стрый, Быстрый. На верху Днѣстра и почти изъ одной съ нимъ горы беретъ начало р. Стрвѣонъ, текущая западнѣ Днѣстра. Немного ниже текутъ въ Днѣстръ Быстрица и Стрый, а затѣмъ еще двѣ Быстрицы, которыя сливаются потомъ въ одну Быстрицу нѣсколько пониже древняго Галича. Въ этотъ же потокъ течетъ Стримба, впадающая въ рѣку Ворону, и съ нею въ Быстрицу. Все эти рѣки текутъ съ горъ, съ правой стороны Днѣстра, повыше Буковины. Съ лѣвой стороны передъ Буковиною течетъ въ Днѣстръ прямо отъ Сѣвера рѣка Стрипа.

Можно отыскать нѣсколько и другихъ такихъ именъ, но для нашей цѣли и этого довольно. Быстрица по Валашки произносится Бестерче, слѣд. и наше Быстрый въ древнее время Валахами измѣнилось въ Бастаръ и Бестеръ. Намъ кажется, что въ этихъ двухъ именахъ, Быстрый и Бастаръ заключается вся исторія Бастарновъ или Бастерновъ. Это Славянскіе Быстрине, жившіе бокъ о бокъ, только черезъ горный хребетъ съ Галатами или Валахами, древними Дакками и еще древнѣйшими Агаѣирсами, изъ земли которыхъ по Геродоту текла р. Морошь, берущая начало изъ западнаго хребта Стерни-горы, по восточному склону котораго противъ того же мѣста протекаетъ р. Быстрица, впадающая въ Сереть. Точно также и Тейсъ беретъ начало, направляясь къ западу, изъ одной горы съ двумя верхними Быстрицами, впадающими въ Днѣстръ. Здѣсь была граница между Скивами и Агаѣирсами, а изъ этого ясно также, кого Геродотъ называлъ Скивами, да притомъ еще древними, отдѣляя ихъ отъ новыхъ, или, какъ онъ же говоритъ, настоящихъ Скивовъ, собственно кочевниковъ. Ясно также,

стр. 159, какъ была просторна Иорнадова Скандинавія. Во времена Тацита, т. е. гдѣ за сто до Германно-Сарматской войны Готы обитали гдѣ-то вблизи Балтійскаго моря въ сосѣдствѣ съ Славянами-Венедами. Отсюда они стали подвигаться къ Траяновой Дакіи около 215 г. и послѣ многихъ побѣдъ утвердились въ ней въ 271 году.

По этому случаю нѣмецкіе историки уже прямо говорятъ, что Готы овладѣли всею страной отъ Тейса по горамъ Карпатскимъ, по Черному морю и до самаго Дона. Но на повѣрку выходитъ, что они владѣли только западною частью одной Дакіи, т. е. областью Тейса, ибо восточная ея часть по нижнему Дунаю и до Днѣстра искони принадлежала Сарматамъ, т. е. тутошнимъ Славянскимъ племенамъ, обитателямъ Карпатскихъ горъ и Днѣстровской стороны¹. Наши Карпы или собственно Хорваты въ 237—238 г., совсѣмъ независимо отъ Готовъ, напали на Мизию и въ добавокъ почитали себя еще знатнѣе Готовъ.

Еще около 230 года Карпы послали пословъ къ губернатору Мизіи Менофилу и требовали, чтобы Римляне и имъ платили дань, какую платятъ Готамъ. „Почему Готамъ вы даете деньги, а намъ не даете?“ спрашивали Карпы. Менофилъ отвѣтилъ, что у императора много денегъ и онъ даетъ деньги тѣмъ, кто у него проситъ“. „Пусть онъ и насъ считаетъ, въ числѣ такихъ же просителей. Пусть даетъ и намъ деньги. Мы знатнѣе Готовъ“, подтвердили Карпы. Но заручившись союзомъ съ однимъ врагомъ, Римъ по обычаю презиралъ остальныхъ сосѣднихъ варваровъ, очень вѣрно рассчитывая, что союзникъ всегда окажетъ надобное содѣйствіе, дабы укротить сосѣда.

Менофилъ съ должнымъ высокоуміемъ провелъ Хорватовъ обѣщаніемъ донести объ ихъ требованіяхъ императору и объявилъ потомъ, чтобы они сами отправились въ Римъ: „Бросьтесь къ ногамъ императора, просите его, вѣроятно ваша просьба будетъ услышана“ говорилъ онъ, оканчивая свои переговоры съ Хорватами. Черезъ нѣсколько лѣтъ Хорваты дѣйствительно бросились опустошать Мизию, какъ упомянуто.

¹ Читенія въ Общ. Истор. 1872, кн. 4. Статя г. Дривова, стр. 52—53.

Этот анекдот случайно уцѣлѣвшій въ историческихъ отрывкахъ, свидѣтельствуесть покрайней мѣрѣ одно, что въ половинѣ 3-го вѣка Готы вовсе еще не владѣли Карпатскою странюю.

Открывается также, что и завоеваніе Готами Дакии совершилось только по случаю особаго движенія на Римъ Хорватовъ и другихъ сосѣднихъ Черноморскихъ Славянъ. Въ царствованіе Галла, 251—253 г., на сцену являютя вмѣстѣ съ Готами и Карпами, Вораны и Уругунды, которые, какъ говорится порусски, затыкаютъ за поясъ прославленныхъ Готовъ. Повидимому это былъ крѣпкій союзъ всѣхъ южныхъ Славянскихъ племенъ отъ Карпатъ до Днѣпра, работавшихъ за одно съ Готами, и какъ потомъ оказалось, только въ ихъ пользу. Историкъ Зосимъ называетъ этихъ союзниковъ однимъ именемъ: Скиѣами, въ которыхъ западные писатели видятъ однихъ Готовъ. Но историкъ Зосимъ очень часто поясняетъ, что эти Скиѣы были Готы, Вораны, Уругунды, Карпы, Певкины. По его словамъ они опустошили всѣ Дунайскія области имперіи, разрушили всѣ города, и не только господствовали въ Европѣ, но раззоряли все побережье Малой Азіи отъ Кавказа и до Ефеса. При императорѣ Галліенѣ, 259—268 г., никто уже не сопротивлялся этимъ Воранамъ, Готамъ, Карпамъ, Уругундамъ, и никакая сторона Имперіи и верхней Италиіи не была въ безопасности отъ ихъ набѣговъ. Мы уже высказали предположеніе, что въ имени этихъ Ворановъ могутъ въ дѣйствительности скрываться тѣже Балтійскіе, Тацитовскіе Варини, Варны и Види-Варіи 6-го вѣка, по нашей лѣтописи Варяги.

Йорнандъ (гл. 20) рассказываетъ, что во время упомянутыхъ сейчасъ набѣговъ предводителями Готовъ были Респа, Ведуко, Туро и Варо. По обыкновенію древнихъ писателей въ личныхъ именахъ очень часто обозначались имена цѣлыхъ племенъ или самой страны, откуда являлось племя. Поэтому и здѣсь легко могло случиться, что имя Варо означаетъ дружину Ворановъ, какъ имя Туро цѣлое племя нашихъ Туровцевъ или Стурновъ Птоломея. Во всякомъ случаѣ нашъ Туръ, пришедшій отъ Варяговъ, находитъ въ Йорнандовомъ Турѣ прямаго своего предка. Припомнимъ, что у этого писателя не всѣ его Готы были истинными Германскими Готами. У него этимъ именемъ по-

крыты многія войны и движенія варваровъ вовсе не готскаго—германскаго происхожденія. Онъ видѣлъ словъ Готовъ и въ Гетахъ задунайскихъ и во всѣхъ народностяхъ, носившихъ неопредѣленное имя Скивовъ и Сарматовъ.

Замѣтимъ также, что движеніе Готовъ отъ Балтійскаго моря къ Черному мимо Карпатскихъ горъ обозначало въ сущности общее движеніе тамошнихъ племенъ къ Черноморскому югу, болѣе богатому и болѣе промышленному, чѣмъ ихъ Балтійское поморье. Очень также вѣроятно, что это движеніе началось еще по возбужденію Митридата Великаго и съ особою силою должно было распространиться во время Маркоманской и Сарматской войны съ Римомъ. По этому нѣтъ ни малѣйшей причины сомнѣваться, что предпринчивые балтійскіе моряки — Варины явились въ это время хозяевами и на Черноморскомъ югѣ, подъ именемъ Ворановъ. Другіе помянутые народы, кромѣ Готовъ, были тутошніе. Это Карпы-Хорваты, Певкины-Буковинцы, Уругунды—Страбоновскіе Урги и Герулы. Кромѣ Ворановъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ Герулы. При импер. Галліенѣ (267 г.) съ Меотійскихъ болотъ на 500 судахъ они ходили опустошать Архипелагъ, проникли въ самыя Аеныны, и были потомъ отбиты историкомъ Дексиппомъ. Затѣмъ они участвовали въ другихъ общихъ походахъ, о которыхъ говорено выше. Ихъ мѣстожительство довольно точно указываетъ историкъ Иорнадъ. По его словамъ этотъ народъ населялъ топкія мѣста вблизи Меотійскихъ болотъ, называемыя у Грековъ Неле, Илея Геродота, откуда произошло и названіе Геруловъ (другіе историки именуютъ ихъ Елуграми, Ерулами). Они отличались быстротою и дерзостью своихъ набѣговъ, такъ что и самыя ихъ жилища-болота историкъ обозначаетъ вообще коварными, измѣнническими. Во времена Готскаго Эрманарика всѣ народы вербовали у нихъ легкую пѣхоту для войска ¹.

¹ Тоже самое говорить о Давпровской странѣ писатель 16-го вѣка, Михалювъ-Литвинъ. «Кіевская область, пишетъ онъ, знаменита стеченіемъ всякихъ людей.... Изъ нихъ одни, убягая отъ власти отцовской или отъ рабства, работы, наказаній и долговъ, другіе отыскивая себѣ выгоды и лучшаго мѣста, приходятъ сюда, особенно весною.... А познакомившись съ удовольствіями этой страны, они никогда уже не возвращаются къ своимъ; въ короткое время они дѣлаются опытыми охот-

Но святительству Пророкиа Герулы, жившіе уже на Дунае, въ своемъ нравѣ и обычаяхъ очень отличались отъ другихъ варяговъ. Они поклонялись многимъ богамъ и приносили имъ жертвы человеческія. Это приближалось къ нечеловѣческой старости или впадалъ въ тупицу и безмозглую болѣзнь, такъ какъ не крестить или дожить было просить смерти. Тогда родные приносили ему костеръ и на верху костре кланя вселенное тѣло. Въ костеръ съ козель въ руки вслѣдствіе шли къ Геруламъ, не родственники, потому что родственникамъ это воспрещалось, и умерщвляли нечеловѣка для пищи. Родные поджигали огонь и когда выжигали сжигали вместе съ костромъ, собирали его кости в 1. рубли, туловище жъ вѣшали или курганомъ. Точно также, какъ уверяють, если хотѣли показать свою добродѣтель и смириться предъ и славу вдовы, должна была умереть на висѣхъ мужа. Ее убили или удашили. Несчастливѣйшая жена бѣжала бѣла гонима и наказанна родными и родственниками. Герулы вообще были дико нравы, то есть, неспасаясь не уважали власти и съ своимъ взаимной обходились, такъ съ разными, не оказывая ему особаго почета. Поминану это была въ древнѣ смелѣ западна дружина.

Въ 3 вѣкѣ земли Герулы обозначаются на сѣверъ отъ низка Дунае. Тамъ же Герулы, которые жили въ устьи Дунае, или герулы жъ не менѣе прозывается другое уже по Дунаево племя, неизвестно Горазю прежде жъ не упоминается Коразю, а герулы жъ Горазю. За-

изавя, кои въ вѣдѣнъ и динѣ бжтвѣ, а пружини къ стно ошасности, ставится свѣдѣ, в догнѣ жъ въ лесѣ добивать некоество хорезмшхъ солдаты Архивъ с. Камчатъ н. 2, половецъ 2, Н. 1864, стр. 40.

Таке условия и обстоятельство жизни нашего плѣ съ существовали несоизвѣсно съ незаповѣднѣхъ времени и всегда существовали народнои ждѣе тѣхъ волевои дружинѣ, которыя больше жъ имѣе известнѣ ждѣе ввѣнѣе козловѣ. Сила этихъ дружинъ увеличивалась, уважала, советъ казало, казалась сила, дружинѣ, по вызову или во тѣвотѣ, выходили въ други страны, вересалась, во дружинное гвѣдѣ ботовалъ во вренѣну на сасѣе ждѣе и то вренѣну все ену чуждѣе, если тѣмъ ввѣнѣе, бѣлавлявало карсими силами того ко шинѣе казало, ждѣе или въ собственнѣе смелѣ Русскаго племени.

тѣмъ Прокопій разскаиваетъ объ ихъ переселеніи (въ 495 году). Одной ихъ дружинѣ пришлось найти себѣ жилище въ Илирияхъ, другіе, пройдя земли многихъ Славянскихъ народовъ, достигли великими пустынями страны Варновъ и Датчанъ, а потомъ моремъ переплыли въ землю Туле, гдѣ тамошній народъ Гауты, дали имъ мѣсто для поселенія. Земля (островъ) Туле по понятіямъ византийцевъ означала тоже самое, что въ нашей Лѣтописи значило выраженіе: за море, къ Варягамъ, то есть страну неопредѣленную, лежавшую на сѣверѣ за моремъ.

Это переселеніе Геруловъ въ Славянскую Балтійскую укрѣпленію даетъ поводъ предполагать, что они сами были выходцами изъ той же страны и теперь возвращались только домой. Во всякомъ случаѣ ихъ путешествіе показываетъ связи Черноморскихъ народовъ съ Балтійскими, связи, которыя быть можетъ держались преимуществу только одноплеменностью этихъ народовъ. Оставшіеся надъ Дунаемъ Герулы въ послѣдствіи, уже въ 6 вѣкѣ, призывали себѣ князей изъ этой заморской страны Туле, которая, по всему вѣроятію, находилась гдѣ либо на островахъ, въ земляхъ Варновъ и Руговъ. Можно съ большимъ правдоподобіемъ гадать, что Герулы были товарищи Ворановъ и заодно съ ними господствовали въ нашей Днѣпровской странѣ, какъ и на всемъ Черноморьѣ.

Нѣмецкіе ученые, конечно, Геруловъ причисляютъ къ Германскому племени. Но другіе (Лелевель) съ равнымъ успѣхомъ доказываютъ, что это были древніе Литовцы. Очень многое заставляетъ также полагать, что это были Славяне. Имена ихъ вождей звучатъ не мало послavianски, каковы: Навловать (Многовладъ), Охонъ (Огонь, по нѣмцамъ читаютъ Гаконъ), Свартуа, Алоуеъ (Дой, Лоевъ, Улѣбъ), Синдовадь, Синдовадь (Свентовладъ), Аордъ (Радъ), и другія.

Въ 6 вѣкѣ, какъ увидимъ, имя Геруловъ опять поминается, хотя и не ясно, вблизи Меотійскаго озера, въ области нашей древней Тмутаракани, и затѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей.

Что касается морскихъ походовъ, въ Азію и даже въ Средиземное море, то историкъ Зосимъ, прямо говорить, что главными дѣятелями и руководителями въ этомъ пред-

приятія были Вораны ¹. Эти Вораны, говоритъ онъ, старались проникнуть въ Азію. Имъ это удалось при помощи Воспорцевъ, которые изъ страха дали имъ корабли и проводниковъ.

Зосимъ при этомъ поясняетъ, что когда Римъ былъ силенъ и Воспорцы пользовались всѣми выгодами хорошаго союза съ нимъ, они препятствовали этниъ Скиѣмъ (Воранамъ) проходить въ Азію, но теперь, когда Римское правительство находилось въ постоянной смутѣ, когда у Воспорцевъ царскій родъ прекратился и царями являлись уже разныя темныя личности, Воспорцы отложились отъ Рима и сами даже предложили свои корабли Скиѣмъ, сами перевезли ихъ до мѣста.

Вораны опустошили всѣ восточные берега Чернаго моря до Трапезунта, который захватили въ расплохъ, разграбили, разрушили всѣ храмы, захватили множество плѣнныхъ и съ богатою добычею воротились домой. Нѣтъ сомнѣнія, что добыча была раздѣлена съ Воспорцами. Однако добыча такъ была велика, что Скиѣы, сосѣдніе съ Воранами, оставшіеся дома, тотчасъ же вознамѣрились и сами предпринять такой походъ. Но такъ какъ у нихъ не было кораблей, и они не хотѣли идти по тѣмъ же развореннымъ мѣстамъ, то рѣшили совершить зимній походъ сухопутьемъ. Они двинулись берегомъ черезъ Дунай и дошли благополучно до Константинопольскаго пролива. Окрестные жители и рыбаки изъ страха и изъ корысти заключили съ ними договоръ, конечно, о раздѣлѣ добычи, и перевезли ихъ на другой берегъ въ Азію. Скиѣы скоро овладѣли Халкидономъ и забрали все, что можно было унести. Затѣмъ они опустошили весь этотъ край малой Азіи. Разлитіе рѣкъ отъ безпрестанныхъ дождей остановило ихъ дальнѣйшіе подвиги и заставило воротиться по домамъ.

Историкъ Зосимъ продолжаетъ, что эти Скиѣы, ходившіе по морю и по суку, прельщенные успѣхомъ своего похода, на слѣдующій годъ соединились съ Герулами, Певкиннами и Готами, собрались въ окрестностяхъ Днѣстра, построили 6000, по другимъ 2000 кораблей, посадили на нихъ 320 ты-

¹ Именемъ которыхъ въ 10-й вѣкъ еще обозначалось одно мѣсто на Днѣпрѣ—Воріонъ. Левъ Дьяковъ, 193.

сячь войска, слѣд. отъ 50 до 60 человекъ на каждый корабль, и снова отправились на добычу. Теперь они шли въ Геллеспонтъ, намѣреваясь пробраться въ настоящую Грецію. Но въ проливѣ ихъ настигла буря. Многіе корабли погибли. Оставшіеся подались къ Кизикю къ Малой Азіи. Ушедши отъ бури, они продолжали свой путь и собрались у Аѳонской горы. Здѣсь починили суда и потомъ высадились къ городамъ Кассандріи и Фессалоникъ для осады. Въ то время, какъ сухопутные опустошали внутреннія страны, моряки грабили берега Фессалии и Греціи (Элады), опасаясь однако приступать къ городамъ, потому что города были сильно защищены.

И тѣ и другіе потомъ были вытѣснены римскими войсками, которыми предводительствовалъ самъ императоръ Клавдій ¹.

Все это, показываетъ съ одной стороны слабость и беззащитность Римской державы, а съ другой служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ, что въ половинѣ 3-го вѣка, на далекомъ сѣверо-востокѣ отъ Рима, въ Днѣстровской области, образовался народный союзъ, готовый сложиться въ особое государство и стать весьма опаснымъ сосѣдомъ для Рима. Требовалось разрушить эту варварскую силу и вотъ почему импер. Аврелианъ въ 271 г. заключаетъ съ Готами миръ и уступаетъ имъ Дакію, т. е. западную ея часть, которая пока оставалась еще въ рукахъ Рима. Съ этой поры идетъ иная политика въ отношеніи къ варварамъ. Римъ изыскиваетъ всѣ способы ссорить ихъ между собою (272—333 г.).

Готы замолкли, но Карпы, Бастарны и вообще Сарматы-Славяне продолжаютъ свои набѣги. Имперія ведетъ съ ними долгую и ожесточенную борьбу, переселяетъ ихъ десятками и даже сотнями тысячъ въ свои земли. Императоръ Аврелианъ, 270 — 274 г., получившій за свои войны съ Сарматами

¹ Онъ, хвастаясь своими подвигами, писалъ между прочимъ Сенату: «Мы разбили триста двадцать тысячъ Готеовъ, потопили двѣ тысячи судовъ; рѣки покрыты щитами; по всѣмъ берегамъ валяются дровами и копы; поля исполнены костей; чѣтъ ни единой дороги, которая бы чѣмъ завалена не была; великое множество телѣгъ и колесницъ оставлено. Женщинъ столь много въ полонъ взяли, что побѣду одержавшій воинъ, каждый можетъ ихъ имѣть по двѣ или по четыре. (Треbelліи Полліонъ о Клавдіи, гл. 8). По римскимъ понятіямъ Готы были такое же географическое имя, какъ и Скны.

титулъ Сарматскаго, разбилъ въ 273 г. войска Карповъ. Рабочный сенатъ тотчасъ наименовалъ его и Карпикомъ. Императоръ однако считалъ побѣду свою ничтожною и съ насмѣшкою отвѣтилъ сенату: „Теперь, господа, осталось назвать меня Карпискуломъ“. Это было названіе особаго рода башмаковъ. При общемъ титулѣ: Сарматскій, частныя имена конечно уже значили не много. Онъ именовался Готскимъ, Сарматскимъ, Армянскимъ, Паряянскимъ и пр.

Въ 275 г. при импер. Тацитѣ поднялись какіе-то многіе варвары съ Меотиды, т. е. вѣроятно всею отъ Днѣпровской стороны. Они собрались будто еще по призыву Аврелиана въ помощь ему на Персидскую войну. Благоразумными совѣтами, при помощи войска, Тацитъ принудилъ ихъ возвратиться по домамъ. Это отрывочное извѣстіе поясняетъ, почему и прежде далекіе Роксоланы получали отъ Рима годовые подарки, стипендіи, субсидіи. Римъ, стало быть, постоянно поддерживалъ съ ними сношенія и готовилъ ихъ всегда про запасъ на случай войны съ востокомъ.

Особенно много воевалъ съ Сарматами императоръ Пробъ (276—281 г.), титулованный также Сарматскимъ. Еще будучи трибуномъ, онъ отличился гдѣ-то за Дунаемъ, за что всенародно былъ награжденъ 4 копьями, двумя коронами осыпными, одною короною гражданскою, четырьмя знаменами, двумя золотыми ожерельями, золотою цѣпью и жертвенною чашею въ 5 фунтовъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ своими походами навелъ такой страхъ на всѣ по-Дунайскіе Гетическіе народы, что они покорились и просили мира. По этому случаю онъ переселилъ въ Римскія земли сто тысячъ Бастарновъ.

По смерти Проба Сарматы опять поднялись и угрожали нашествіемъ не только на Иллирикъ, но и на Фракію и на Италію. Импер. Каръ (282—283 г.) усмирилъ ихъ, побивши на мѣстѣ гдѣ-то на нижнемъ Дунаѣ 16 тысячъ и взявши въ плѣнъ 20 тысячъ чел. обоюго пола.

Затѣмъ Сарматскія войны по прежнему продолжались при императорахъ Галеріи и Діоклетіанѣ^{на} (284—305 г.). Воюя порознь и вмѣстѣ, императоры успѣли наконецъ совсѣмъ покорить Карповъ и Бастарновъ, изъ которыхъ великое множество плѣнныхъ поселили въ Римскихъ областяхъ.

Съ тѣхъ поръ слава Бастарновъ и самое ихъ имя исчезаютъ изъ Исторіи; но конечно не въ слѣдствіе только этихъ побѣдъ, но главнымъ образомъ при помощи той политики, которую теперь особенно стали распространять императоры между своими задунайскими врагами ¹.

Импер. Діоклетіанъ устроилъ дѣло такъ, что варвары оставили Римъ въ повоѣ и стали съ ожесточеніемъ истреблять другъ друга. Хитрыми происками онъ направлялъ ихъ другъ на друга и особенно поддерживалъ противъ Сарматовъ своихъ друзей Готовъ. Готы въ 290 г. напали на Уругундовъ, жителей по-Днѣстровскаго края, и совсѣмъ бы ихъ истребили, еслибъ не получили отпоръ со стороны пришедшихъ имъ на защиту сосѣднихъ племенъ и Аланъ.

Такъ, вѣроятно, въ союзъ съ Римлянами Готы еще прежде тѣснили Карповъ и Вастарновъ, которые по необходимости отдавались въ руки Римлянъ, прося только земель для поселенія. Сами Римляне, стало быть, прочищали дорогу Готамъ для дальнѣйшихъ завоеваній въ Славянскихъ земляхъ.

Въ царствованіе Константина Великаго, въ 322 г., Сарматы, обитавшіе гдѣ-то вблизи озера Меотиды, подъ предводительствомъ князя Росимода пришли (въ лодкахъ?) на Дунай и осадили какой-то городъ: Самъ императоръ поспѣшилъ на защиту и, какъ говоритъ историкъ Зосимъ, когда Росимодъ снова сѣлъ на корабли и переправился черезъ Дунай, Константинъ пошелъ по его пятамъ, напалъ на его полки, разбилъ ихъ, при чемъ былъ убитъ и Росимодъ. Говорятъ, что эта побѣда ознаменована была учрежденіемъ особыхъ игръ, названныхъ въ ея память Сарматскими.

Спустя нѣсколько лѣтъ, въ 392 г., Сарматы, воюя съ Готами и стѣсненные ими, просили у императора помощи. Кочевники конечно не стали бы просить о помощи. Впереди и позади ихъ была вольная степь, куда они непременно бы ушли съ тѣмъ, чтобы воротиться съ новыми ордами и по новому раздѣлаться съ врагами. Ясно, что о помощи просили тѣ Сарматы, которые жили крѣпкими корнями въ своей

¹ Впрочемъ нѣкоторые писатели 5-го вѣка (Юлій Гонорій) еще упоминаютъ, быть можетъ по книжной памяти, Сарматовъ, Вастарновъ Карповъ, Готовъ, Дуловъ и Гепидовъ. Чтенія И. О. И. и Др. 1847, № 5. Сумъ о Галиціи, стр. 6.

землѣ, и старались при помощи императора удержать напоръ Готовъ. Константинъ воспользовался случаемъ, дабы ослабить сосѣда, который становился очень сильнымъ и опаснымъ. Готы были укрощены и лишены дани, которая съ давнихъ временъ ежегодно имъ платилась. Но заключенный съ ними миръ видно не полюбился Сарматамъ, которые вслѣдъ за тѣмъ стали опустошать Мизію и Фракію. Императоръ однако усмирилъ и ихъ и принудилъ къ миру, какой самъ предписалъ; при чемъ 300 тысячъ Сарматовъ-Языговъ добровольно переселились во Фракію, также за устья Дуная, даже въ Македонію и Италію¹.

Вся предыдущая исторія очень явственно свидѣтельствуешь, что движеніе Готовъ къ Черному морю и дальше на востокъ началось при общемъ возстаніи противъ Рима всѣхъ при-Карпатскихъ и при-Дунайскихъ народовъ; что сначала Готы были рядовыми въ этихъ полчищахъ и походахъ, что потомъ, ловя въ мутной водѣ рыбу, они вошли въ союзъ съ Римомъ, въ слѣдствіе чего и овладѣли западною Дакіей. Утвердившись въ этой землѣ, они пошли дальше, быть можетъ употребляя всѣ мѣры, чтобы ссорить своихъ Сарматскихъ сосѣдей съ Римомъ и тѣмъ вызывать безпрестанныя ихъ войны, которыя и окончились разсіяніемъ прикарпатскаго населенія, его переселеніемъ не только въ Римскія области, но по всему вѣроятію и дальше за Днѣстръ, на востокъ и на сѣверъ. Мы видѣли, что дѣла въ этомъ порядкѣ тянулись цѣлое столѣтіе. Карпы, Бастарны и другіе ихъ сосѣди постепенно ослабѣвали. Тѣмъ крѣпче и сильнѣе становились Готы. Однако послѣднія событія при импер. Константинѣ тоже очень явственно свидѣлствуютъ, что въ первой половинѣ 4-го вѣка владычество Готовъ все-таки не простиралось еще до Чернаго моря, и что они дѣйствительно въ это время стремились покорить себѣ Славянскія Черноморскія племена, съ какою цѣлью постоянно съ ними и воевали. Вотъ почему тѣснота отъ Готовъ заставила 300 тысячъ Сарматовъ-Языговъ покинуть свою родину.

Видимо, что новая Римская политика, старавшаяся обезсилить враговъ, защищая и поддерживая того, кто былъ

¹ Чтен. Общ. М. и Др. 1873 г., Статя г. Дринова, стр. 56.

менѣе опасенъ или въ извѣстныхъ обстоятельствахъ наиболѣе полевенъ, особенно была выгодна только для однихъ Готовъ. Это очень хорошо объясняется тѣмъ, что Готы жили съ Имперіей въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, чѣмъ наши разсѣянные и болѣе удаленные Сарматы. Готы и въ Римѣ всегда были свои люди, служили въ Римскомъ войскѣ и умѣли направлять варварскія дѣла лишь на пользу себѣ.

Неизвѣстно, что происходило въ нашихъ краяхъ послѣ смерти Константина Великаго, но спустя лѣтъ 40 послѣ его счастливой войны съ Готами, а потомъ съ Сарматами, мы видимъ, что этихъ Готовъ гонить изъ Сарматіи отъ Днѣпра новый, до тѣхъ поръ невиданный и неслыханный народъ,— Унны.

Къ этому темному промежутку времени относится и широкая слава Готскаго героя-завоевателя Эрманарика (332—350), описанная готскимъ историкомъ-патріотомъ Іорнандомъ.

Іорнандъ, „единственный и драгоцѣнный источникъ для эпохи переселенія народовъ“, писавшій въ половинѣ 6-го вѣка о дѣлахъ Готскихъ 4-го вѣка, слѣдов. послѣ того спустя 200 лѣтъ, изобразилъ исторію Готовъ такими чертами, что передъ Готами поблѣднѣли всѣ другія народности и самые Скиѣы. По его рассказамъ Готы были эти самые Скиѣы. Они воевали даже съ Персидскимъ Киромъ и конечно уничтожили его.

Все славное, что у древнихъ отнесено къ Скиѣамъ и обозначено ихъ именемъ, у Іорнанда является дѣлами Готовъ; или, какъ справедливо замѣчаетъ Вельтманъ: „Тамъ, гдѣ дѣло шло о славныхъ дѣлахъ Скиѣовъ, тамъ Скиѣы, по Іорнанду, были собственно Готы; тамъ, гдѣ собственно Готамъ, за грѣхи ихъ, приходилось терпѣть бѣды и бѣжать отъ Скиѣовъ, тамъ Скиѣы обращались въ невѣдомыхъ Гунновъ, въ нечистую силу, съ которою человѣческимъ силамъ невозможно было бороться“. Такова въ сущности характеристика Готской Исторіи Іорнанда. Здѣсь невольно припомнишь ту древнюю истину, что великіе люди, какъ и великіе народы, получаютъ себѣ историческое величіе не столько отъ своихъ дѣлъ, сколько отъ искусства историковъ, умѣющихъ хорошо и достославно изобразить эти дѣла. Понятное дѣло, что и всякое безславіе чловѣка и цѣлаго народа тоже вполне зави-

сить отъ писателей, умѣющихъ хорошо и достойно выставить на видъ только одно безславіе своихъ героевъ.

Какъ бы ни было, но историкъ Иорнандъ во многихъ случаяхъ одинъ свидѣтель и мы по необходимости должны вѣрить—ему одному.

Еслибъ нашъ Несторъ былъ столько же знакомъ съ латинскою, а кромѣ византійской и съ древнею греческою письменностью, еслибы онъ былъ такой же хвастливый патриотъ и точно также пользовался бы народными пѣснями и сказками, то несомнѣнно и мы имѣли бы хорошую, полную и славную исторію о тѣхъ же знаменитыхъ Скивахъ подъ именемъ Славянъ. Въ добавокъ, эта исторія была бы несравненно ближе къ правдоподобию, такъ какъ славные Скны жили въ нашей странѣ, бокъ-о-бокъ съ нашими Славянами.

Объ Эрманарикѣ Иорнандъ повѣствуетъ, что это былъ Готическій Александръ Македонскій. Онъ покорилъ множество сѣверныхъ народовъ, всю Скию и Германію. Скию значить наша сторона. Историкъ приводитъ имена покоренныхъ народовъ. Нѣмецкіе ученые Тунманъ, Шлецеръ и другіе, а за ними Русскіе стараются прочесть, а теперь по заученному всё положительно читаютъ въ этой этнографіи тѣ именно названія различныхъ сѣверныхъ племенъ, какія сообщаетъ нашъ Несторъ, писавшій свою лѣтопись спустя 700 лѣтъ послѣ смерти Эрманарика. Выходитъ, что Эрманарикъ владѣлъ Чудью, Корсю, Весью, Мерею, Мордвою, даже Черемисою, а въ томъ числѣ и Роксоланами, о чемъ прямо говоритъ самъ Иорнандъ, и о чемъ изслѣдователи никакъ не желаютъ упомянуть, ни подъ какимъ видомъ не желая пропустить Роксоланъ въ ихъ же Русскую исторію.

Выходитъ вообще, что Эрманарикъ владѣлъ такимъ странствомъ Европейской Россіи, какимъ не владѣла и Славная Русь 11-го вѣка. Историкъ сверхъ того говоритъ, что Эрманарикъ покорилъ еще Геруловъ, жившихъ у Меотійскихъ болотъ, а потомъ Венетовъ (Славянъ), которые были очень многочисленны, но неопытны въ военномъ дѣлѣ. Однако, „никакая многочисленность людей невоинственныхъ. прибавляетъ онъ, не можетъ устоять противъ вооруженной силы, особенно, если и Богъ поможетъ“. Такимъ же образомъ Эрманарикъ покорилъ и сѣверный народъ Эстовъ.

И вотъ по этому сказанію Царство Эрманарика простира-лось отъ Чернаго моря до Балтійскаго и даже до Бѣлаго моря, потомъ отъ Тейса до Волги и устьевъ Дона.

Шаеврикъ, принимая безъ оговорки толкованіе Шлецера о племенахъ Иорнанда по Нестору и прибавляя къ нему новыя поясненія, замѣчаетъ однако: „Впрочемъ, навѣрное мож-но сказать, что Иорнандъ, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, преувеличилъ подвиги Готовъ, особенно короля Эрманарика, и что все его извѣстіе о безмѣрной огромности Эрманари-кова царства основывается или на ошибкѣ или просто, на обманѣ“.

Справедливѣе сказать: оно очень естественно основывается на патріотическомъ чистосердечномъ хвастовствѣ готскаго историка. При этомъ, его имена сѣверныхъ племенъ такъ испорчены, что съ такими же основаніями и конечно съ большимъ правдоподобіемъ ихъ можно объяснить именами народностей, жившихъ вблизи Вислы, Эльбы, Карпатскихъ горъ, то есть по сосѣдству съ самими Готами, съ ихъ на-стоящимъ отечествомъ.

И во всякомъ случаѣ, если принимать (а мы принимаемъ это съ охотою), что этнографія Нестора существовала уже и при Эрманарикѣ, въ половинѣ 4-го вѣка, то необходимо же принять, что въ ряду Мери, Веси, Мордвы, тогда же существовала и Кіевская Русь въ имени Роксолановъ или Россомоновъ Иорнанда. Но именно объ этой Руси никто и слышать не хочетъ. При словѣ Мери, Веси, Мордва и пр. мы долгомъ почитаемъ сослаться на Иорнанда и сѣбшимъ засвидѣтельствовать, что это имя было уже извѣстно, если не въ 4-мъ, то покрайней мѣрѣ въ 6-мъ вѣкѣ, когда писалъ Иорнандъ. Но о словѣ Русь, подъ видомъ Роксоланъ, въ такое отдаленное время, мы ничего не смѣемъ соображать, хотя тотъ же Иорнандъ знаетъ Роксоланъ лучше Мери и Мордвы, весьма точно указываетъ ихъ мѣсто-жительство на востокъ отъ Днѣстра и устьевъ Дуная, и рассказываетъ даже, какъ погибъ отъ руки Роксоланъ его знаменитый Эрманарикъ. Уже рѣшено, что это были кочевники и потому какъ же можно ихъ имя присвоивать нашей осѣдой Кіев-ской Руси, представлявшей въ то время еще пустое мѣсто, которое впервые должно было огласиться именемъ Руси только при появленіи Руссовъ-Шведовъ-Норманновъ!

Но какъ и были славны завоеванія Эрманарика и какъ ни было велико и обширно основанное имъ въ нашей Русской Землѣ Готское царство, оно мгновенно разрушилось, какъ только появились Унны. Естественно заключить, что стало быть эти Унны были чудовища, тѣ сказочныя чудовища, передъ которыми никакая человѣческая сила стоять не можетъ. Такъ, въ самомъ дѣлѣ, и изображаетъ Унновъ Готскій историкъ, а за нимъ точно также изображаетъ ихъ основанная уже на критикѣ и Всемирная Исторія. Поставивъ на безмѣрную высоту Готовъ, она вмѣстѣ съ Юрианомъ необходимо должна была выставить въ особой ярости и чудовищности и ихъ побѣдителей Унновъ, и потому простые варвары, такіе же варвары, какими были сами Готы, сдѣлались типомъ какого-то историческаго Лышаго.

Послушаемъ, что рассказываютъ объ этихъ Уннахъ писатели-современники ихъ нашествія.

„Гдѣ находились Унны, откуда они вышли, какъ пробѣжали всю Европу и оттиснули Скиѣскій (Готскій) народъ. о томъ никто не сказалъ ничего яснаго“, замѣчаетъ историкъ Эвнпій, жившій въ 347—414 г.

Онъ очень старался узнать исторію Унновъ и написалъ сочиненіе, которое къ сожалѣнію не сохранилось. Въ оставшемся отрывкѣ онъ говоритъ, что собралъ объ Уннахъ все то, что казалось ему правдоподобнымъ; заимствовалъ свѣдѣнія у древнихъ писателей, разобралъ ихъ извѣстія съ точностію, чтобъ не составить сочиненія, наполненнаго одними вѣроятностями, и чтобъ оно не уклонилось отъ истины. Не довольствуясь древностію, онъ собиралъ и новыя свидѣтельства объ этомъ народѣ, которыя, какъ видно изъ его словъ, противорѣчили прежнимъ его изысканіямъ; но желая одной истины онъ оставилъ въ своемъ трудѣ и эти прежнія изысканія, какъ историческое мнѣніе¹.

Такимъ образомъ въ трудѣ Эвнпія мы имѣли бы очень обстоятельную исторію Унновъ. Но Эвнпій былъ азычанинъ, восхвалявшій Юліана отступника и „всякими средствами и безпощадно порицавшій и унижавшій тѣхъ царей, которые украшали престолъ благочестіемъ, въ особенности же

¹ Византийскіе историки, перев. С. Дестуниса. Спб. 1868, стр. 114.

Великаго Константина“—очевидно, что его сочиненія не могли быть уважаемы въ Византійскомъ царствѣ, а напротивъ преслѣдовались, истреблялись и потому не сохранились. Здѣсь случилось совсѣмъ не то, что въ Римѣ съ сочиненіями Тацита. Императоръ Тацитъ (275 г.) за то, что историкъ Тацитъ назвалъ его въ своемъ трудѣ сродникомъ Августа, приказалъ раздать его сочиненія во всѣ библіотеки, и чтобъ они не пропали какимъ либо образомъ по нерадѣнію читателей, приказалъ каждый годъ переписывать ихъ по десяти экземпляровъ и хранить въ библіотекахъ для запаса. (Вопискъ, гл. 10).

Другой современникъ Унновъ, историкъ Зосимъ, жившій въ концѣ 5-го вѣка, только сократилъ сочиненіе Эвнапія и сказалъ объ Уннахъ очень немного. Онъ точно также ничего вѣрнаго не знаетъ объ этомъ народѣ. „Неизвѣстно, говоритъ онъ, слѣдуетъ ли называть ихъ (по Геродоту) Скиѣами царскими или они тѣ люди, про которыхъ Геродотъ говоритъ, что живутъ вдоль Дуная, курносые и не слишкомъ храбрые? ¹ Пришли ли они въ Европу изъ Азіи, потому что въ нѣкоторыхъ исторіяхъ есть сказаніе, будто Воспоръ Киммерійскій такъ занесенъ былъ тиною изъ рѣки Дона, что стало возможнымъ перейти по немъ, какъ по суху: Унны этимъ воспользовались и перешли. Вѣрно только одно, что они напали на Скиѣовъ (Готовъ), живущихъ за Дунаемъ. Живя вѣчно верхомъ на лошадяхъ, они едва могли ходить по землѣ и потому вовсе не умѣли биться пѣшими, стоя твердо на ногахъ“.

¹ Летописецъ Θεοφανъ, о смерти императора Валентиніана въ 367 г., разсказываетъ слѣдующее: «Савроматы, народъ малорослый и жалкій, возстали было противъ царя, но, побѣжденные, прислали просить мира. Валентиніанъ спросилъ ихъ пословъ: «Ужели всѣ Савроматы такого жалкаго роста?»—«Ты видишь разъ нихъ самыхъ лучшихъ», отвѣтали послы. Тогда царь всплеснулъ руками и громко воскликнулъ: «Ужасное положеніе Римскаго царства, кончающаго свои дни Валентиніаномъ! И Савроматы, столько презрѣнные, возстаютъ противъ Римлянъ! Отъ напряженія и сильнаго всплеска руками разорвалась у него жила в оуъ, истекшая кровью, померъ». Не объ этомъ ли народѣ говорить и историкъ Зосимъ. Именемъ Сарматовъ въ 3 и 4 вв. прозывались обыкновенно придунайскія Славянскія племена. Ссылка на Геродота сдѣлана, кажется, наобумъ.

Это говорят греческіе писатели. Вотъ что рассказываетъ современникъ же Унновъ латинскій писатель, Аммианъ Марцелинъ.

„Объ Уннахъ летописи едва упоминаютъ и то только какъ о дикомъ и невообразимо свирѣбомъ племени, распространенномъ за Меотійскими болотами на берегахъ Ледовитаго моря. Когда родятся у нихъ дѣти мужскаго пола, то они изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волоса, поэтому всѣ Унны растутъ и старѣются безбородыми, отвратительные и безобразные на видъ, какъ евнухи. Однако у всѣхъ у нихъ коренастый станъ, члены сильные. шея толстая, голова огромная; спина такъ сутоловата, что придаетъ строенію ихъ тѣла что-то сверхъ-естественное. Я сказалъ бы скорѣе, что это двуногія животныя, а не люди. или каменные столбы, грубо вытесанные въ образъ человѣка. которые выставдуются на мостахъ. Этой отвратительной внѣшности соотвѣтствуютъ ихъ повадки, свойственныя скоту: пищу они ѣдятъ не вареную и ничѣмъ не приправленную: взаимнъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ, они довольствуются дикими кореньями и мясомъ перваго попавшагося животнаго, которое кладутъ себѣ подъ сидѣнье на лошади и такъ его размягчаютъ. У нихъ нѣтъ домовъ, хотя бы тростниковыхъ шалашей, и никакая кровля ихъ не укрываетъ. Они живутъ, кочуя среди лѣсовъ и горъ, закаленные отъ холода, голода и жажды. Даже на пути, встрѣтивъ жилье, они, безъ крайней необходимости, не переступаютъ за его порогъ: въ жильѣ Гуннъ никогда не почитаетъ себя безопаснымъ. Они носятъ одежду въ родѣ туники изъ холста или изъ мѣха, и разъ продѣвши въ нее голову, неслускаютъ ее съ плечъ, пока сама не свалится лохмотьями. Голову покрываютъ мѣховыми шапками съ опушкою, а свои волосистыя ноги обертываютъ козлиною шкурою. Такая обувь конечно затрудняетъ ходьбу, отчего они вообще не способны сражаться на ногахъ пѣшими. За то на своихъ лошадяхъ, нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы; исправляютъ на ихъ спинѣ всякаго рода дѣла, иногда сидя по женски. День и ночь они живутъ на лошади. на ней продаютъ и покупаютъ, не слѣзая ни напиться, ни поѣсть; такъ и спятъ, прилегши только къ сухопарой шеѣ своего коня и греютъ тамъ преспокойно. На лошадяхъ же

они разсуждаютъ сообща о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ.

„Начиная битву, они раздѣляются на отряды и поднимая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсыпавшись или соединившись, съ быстротою молніи они и нападаютъ и обращаются въ бѣгство. Однако при своей подвижности они безсильны противъ земляной насыпи или противъ укрѣпленнаго лагеря.

„Но вотъ что особенно дѣлаетъ ихъ напуганнѣйшими воинами на свѣтѣ: это-во первыхъ ихъ меткіе удары стрѣлами, хотя бы и на далекомъ разстояніи, у которыхъ вмѣсто желѣза прикрѣплены очень искусно заостренныя кости; во вторыхъ, когда въ схваткѣ, одинъ на одинъ, дерутся мечами, они съ необыкновенною ловкостью въ одно мгновеніе накидываютъ на врага ремень (арканъ), и тѣмъ лишаютъ его всякаго движенія.

„Хлѣбопашествомъ Унны не занимаются и никто изъ нихъ не дотрогивается до плуга. Всѣ они, безъ крова, безъ отчизны, безъ всякой привычки къ осѣдлому быту, блуждаютъ въ пространствѣ, какъ будто все бѣгутъ дальше, перевозятъ за собою свои повозки, гдѣ ихъ жены работаютъ имъ одежду, родятъ и воспитываютъ ихъ дѣтей. Если спросить Унна, гдѣ ты родился? онъ затруднится дать отвѣтъ, потому что перекочевывая съ мѣста на мѣсто, не помнитъ своей настоящей родины, какъ и мѣста своего воспитанія.

„Непостоянные и вѣроломные въ договорахъ, Унны тотчасъ переменяютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро почувствуютъ гдѣ прибыль. Они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Никакая религія не связываетъ ихъ ни чѣмъ; они ни во что не вѣрятъ и поклоняются только одному золоту. Правы ихъ такъ непостоянны и сварливы, что въ одинъ и тотъ же день они безъ всякаго повода и ссорятся и мирятся“.

По всему видно, что этотъ портретъ Унновъ не списанъ съ природы, а сочиненъ воображеніемъ при помощи книжныхъ источниковъ и ходячихъ разсказовъ, отчасти быть можетъ объ Уннахъ, а вообще о кочевомъ бытѣ тогдашнихъ

варваровъ. Естественно, что разнообразныя свидѣтельства автора во многомъ противорѣчатъ другъ другу.

Въ общемъ очеркъ Уныны являются коренными степняками, кочевниками; живутъ вѣчно на нонѣ (ходячая фраза), вѣчно будто все бѣгутъ дальше, перемѣняя одно мѣсто на другое; въ дома даже и входить почитаютъ не безопаснымъ. И въ тоже время живутъ—кочуютъ среди лѣсовъ и горъ, а главное живутъ гдѣ-то вблизи Ледовитаго моря, за Меотійскими болотами.

Еслибъ Уныны пришли съ Волги или изъ-за Волги, какъ все теперь убѣждены, то Марцеллинъ долженъ былъ что либо сказать объ этомъ, потому что онъ зналъ Волгу подъ именемъ Ра, и даже зналъ корень, растущій на ея берегахъ и употребляемый для лекарства, прованный ея именемъ, Ревень (Марц. гл. 22). Въ ходичихъ слухахъ объ Уннахъ какими пользовался этотъ историкъ, скорее всего былобы упомянуто о Волгѣ-Ра. Напротивъ того, видимо, что слухи были другіе. Они указывали Ледовитое море, т. е. глубокой сѣверъ нашей страны.

Затѣмъ и самая мѣстность Меотійскихъ болотъ по тогдашнимъ представленіямъ была очень неопредѣленна. По большой части выраженіе: „за Меотійскими болотами“ для древней науки, смотрѣвшей съ юга, означало сѣверъ, а не востокъ, какъ обыкновенно толкуеть это указаніе теперешняя наука, смотрящая съ Запада. Слова Марцеллина: за Меотійскими болотами, у Ледовитаго моря, вполне обозначаютъ съ какой точки зрѣнія смотрѣла древность на эти болота. Даже Константинъ Багрянородный на сѣверъ отъ Меотійскаго озера (Азовскаго моря) помѣщаетъ Дибирь. Еъ тому же подъ именемъ болотъ разумѣлось не столько Азовское море, сколько Гнилое озеро Сивашъ, которое по описанію Страбона, было очень болотисто, въ немъ вѣтры легко обнажали, а потомъ снова заливали топкія мѣли, въ слѣдствіе чего оно не было судоходно; и плоты по немъ едва проходили. По болотамъ, говоритъ Страбонъ, есть охота за оленями и кабанями.

Послушаемъ, что рассказываютъ объ Уннахъ болѣе поздніе писатели, которые конечно пользовались свидѣтельствами и такихъ современниковъ Уннскаго нашествія, которыхъ сказанія до насъ не дошли.

„Въ преданіяхъ древности вотъ что я узналъ о происхожденіи Унновъ, говоритъ Иорнандъ. Филимеръ, король Готовъ, пятый со времени ихъ выхода съ острова Скандіи (Скандинавіи), когда вступилъ въ земли Скиеовъ, то узналъ, что среди его народа водятся нѣкія вѣдмы, которыхъ на языкъ своихъ отцовъ онъ самъ называлъ аліорумнами (не русалки ли?). Изъ опасенія, чтобъ не случилось чего, онъ велѣлъ ихъ прогнать изъ своего войска и онѣ были загнаны далеко въ пустыню. Нечистые духи, блуждавшіе въ пустынѣ, увидѣли этихъ вѣдмъ, совокупились съ ними и произвели на свѣтъ это самое племя Унновъ, свирѣпѣйшее изъ всѣхъ. Оно держалось сначала посреди болотъ. Малорослое, грязное, гнусное, оно едва похоже было на людей и языкъ его едва напоминалъ человѣческой языкъ. Таково было происхожденіе этихъ Унновъ, которые напали на Готовъ. Ихъ свирѣпое племя, какъ рассказываетъ историкъ Прискъ, жило сначала на томъ берегу Меотійскихъ болотъ и занималось только охотою и ничѣмъ другимъ. Размножившись въ цѣлый народъ, оно стало беспокоить сосѣдей своими грабежами и обманами“.

„Однажды эти охотники, по своему обыкновенію отыскивая добычи, вдругъ увидѣли передъ собою лань. Они пустились за ней въ болото. Лань, то прыгала впередъ, то останавливалась и, какъ бы указывая путь, вела ихъ дальше. Охотники долго гнались за ней и наконецъ перешли Меотійскія болота, какъ по суху, вовсе не воображая, что можно ихъ перейти, потому что почитали ихъ все равно какъ море, непроходимыми. Какъ только увидѣли они невѣдомую для нихъ Скиескую землю, лань вдругъ исчезла. Я думаю, продолжаетъ Иорнандъ, что такую штуку изъ ненависти къ Скиеамъ подвели нечистые духи, отъ которыхъ произошли Унны. Ни какъ не подозрѣвая, чтобы за болотами существовала другая земля, Унны изумились и увидѣли въ открытіи этого, прежде невѣдомаго пути, какъ бы сверхъестественное покровительство. Возвратившись къ своимъ родичамъ, они рассказали, что случилось, очень расхвалили Скиею и тѣмъ подняли весь свой народъ. Они все отправились въ Скиею по дорогѣ указанной ланью. Всѣхъ Скиеовъ они или истребили или поработили. Какъ вихрь, они увлекли за собою Ализуровъ, Алцидзуровъ, Итимаровъ, Тункарсовъ и Боисковъ, жившихъ на

этомъ берегу Скиѣи. Они покорили также Алановъ, равныхъ имъ въ бою, но имѣвшихъ больше кротости въ поступкахъ и въ образъ жизни. Столько же храбрые и воинственные, Аланы не могли однако устоять при видѣ ужасныхъ Уннскихъ лицъ и бѣжали отъ нихъ, охваченные смертельнымъ страхомъ. Дѣйствительно эти лица были ужающей черноты. Если можно такъ сказать, лицо Унна представляло скорѣе всего безобразный комъ мяса, на которомъ были не глаза, а дыры⁴. Послѣ того Юрнандъ повторяетъ, слова Марцелина о рваніи щекъ у дѣтей, чтобъ не росли волосы и т. д.

Портретъ Унновъ, начертанный Ам. Марцелиномъ и его послѣдователемъ Юрнандомъ, представляетъ нѣсколько очень любопытныхъ и существенныхъ очертаній, по которымъ видимо, что Унны жили за Меотійскими болотами, и по Юрнанду именно въ болотахъ; что они брили бороды; что особенно были страшны меткою стрѣльбою изъ лука и ловлею враговъ на арканъ. Къ этому надо прибавить, что Юрнандъ (гл. 5) очень хорошо также зналъ, что въ устьяхъ Днѣпра и Буга существуетъ страна, покрытая лѣсами и измѣническими болотами.

Все это черты, рисующія бытъ праднѣйшихъ нашихъ Запорожцевъ и Донцовъ, которые, нѣтъ сомнѣнія, унаслѣдовали свои порядки жизни отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Въ 1668 г. нашему послу въ Царь-градъ Турецкій Каймаканъ жаловался на набѣги и грабежи Запорожцевъ и обозначилъ ихъ мѣсто жительства такими словами: „Запорожскіе Черкасы живутъ на Днѣпрѣ рѣкѣ, близъ Чернаго моря и около озеръ, живутъ въ камышахъ и болотахъ“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти понятія Турокъ о Запорожскомъ гнѣздѣ точно также унаслѣдованы отъ древнѣйшаго времени, ибо въ такихъ же чертахъ описывается, какъ видѣли, жилище Унновъ, а въ послѣдствіи описывалось жилище Руссовъ-Тавроскиевовъ.

Обычай Запорожцевъ брить бороды и даже головы, оставляя только завитую чупрыну, видимъ еще на портретѣ Святослава и узнаемъ, что Булгары до перехода ихъ вождя Аспаруха за Дунай тоже жили у себя съ остриженными головами¹. Мы увидимъ вскорѣ, что по свидѣтельству самого

¹ Обзоръ хронографовъ Русской редакціи А. Попова. I, стр. 26.

же Иорнанда, эти самые Булгары были настоящіе, истинные Унны. Такимъ образомъ Ам. Марцеллинъ говорилъ правду, что Унны были бритые, безбородые: такимъ образомъ и наши Запорожцы суть прямые потомки этихъ Унновъ, если не по крови, то по обычаю и праву. Кто, не смотря на нашествіа степняковъ, успѣлъ отъ 10-го вѣка сохранить родныя имена родныхъ пороговъ, тотъ могъ сохранить и обычай отцовъ, хотя бы они шли отъ самыхъ Скивовъ Геродота.

Сказаніе Иорнанда во многомъ поясняетъ его современникъ Византіецъ Прокопій. Онъ говоритъ, что въ прежнее время Унны прѣзывались Киммеріанами (слѣдовательно были туземцы этой страны), что они жили по другую сторону Меотійскихъ болотъ. Здѣсь очень важно опредѣлить, откуда смотрѣлъ Прокопій на эти болота, и что въ его мысляхъ значило по другую сторону. Судя по его разсказу о географіи нашей страны, онъ смотритъ съ юга, именно изъ Закавказья и оттуда ведетъ описаніе здѣшнихъ земель, такъ что по другую сторону Меотійскихъ болотъ будетъ значить на сѣверныхъ берегахъ Гнилаго озера и Азовскаго моря. Это подтверждается еще и тѣмъ, что въ другомъ мѣстѣ Прокопій говоритъ: отъ города Воспора (Киммерійскаго) до города Херсона (Таврическаго) по всему этому промежутку живутъ варвары, народы Уннскіе. Эту страну онъ называетъ также Эвлисією (по Геродоту Илея, гдѣ, какъ видѣли, см. стр. 307, жили Елуры или Герулы), и говоритъ, что въ его время ее населяли Унны Утургуры, прежніе Киммеріане, а далѣе на сѣверѣ обиталъ очень многочисленный народъ Анты, то есть, какъ извѣстно, наши Славяне. Если, какъ толкуютъ, Утургуры жили на востокъ отъ Азовскаго моря, въ направленіи къ Каспійскому морю, то жилища Антовъ, обитавшихъ сѣвернѣе Утургуровъ, должны приходиться на страну между Дономъ и Волгою, начиная отъ Царицына и пожалуй до Казани. А между тѣмъ Анты по Иорнанду простирались отъ Днѣстра до Днѣпра, и ясно, что Прокопій, указывая на жилище Антовъ, разумѣетъ Днѣпровскую и Донскую сторону, или сѣверное побережье Гнилаго и Азовскаго моря. Видимо также, что Утургуровъ онъ помѣщаетъ ближе къ Дону.

...должнасть Прокопій, гдѣ начинается Киммерійскій, между Чернымъ и Азовскимъ моремъ, прозванные Тетракситами. Ихъ немногочисленныя жилища на Танаисе-Дона не только проливу, но и вѣетъ съ той стороны, то есть отъ Дона, отъ которой Киммеріи прежде называли Киммеріями, сваясь вѣстью одного государя. У этого государя былъ одинъ сынъ назывался Утургуръ, другой Кутургуръ. Когда сыновья раздѣлили царство и ихъ подданные стали называться по ихъ именамъ, Утургуры и Кутургуры. Народъ жила вѣсть, сохраняли одни и тѣже обычай. Киммеріи того берега Меотійскихъ болотъ они не считали и не вели торговлю, думая, что перейти болота невозможно. Говорятъ, если только это правда, что однажды Киммеріане, охотясь за ланью, которая бросилась въ болота, стали ее преслѣдовать по этимъ болотамъ, и достигли съ ней другаго берега, гдѣ лань мгновенно исчезла. Я думаю, прибавляетъ Прокопій, что она показана только на несчастье народовъ, жившихъ на этомъ другомъ берегу. Молодые люди, ожесточившись отъ неудачи, обратились въ свою страну съ вѣстью, что болота перейти легко. Уны тотчасъ повели свои войска и Кутургуры заняли земли Вандаловъ и Готовъ, а Утургуры встрѣтились съ Готами Тетракситами, которые вооружились и старались остановить нашествіе враговъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ это случилось, болота Меотійскія образуютъ заливъ, оставляющій только очень узкій проходъ (Перекопскій перешеекъ или же Арабатская стрѣлка). Готы, не чувствуя достаточно силы, чтобы выдержать напоръ врага и зная, что Уны не остановятся, согласились лучше пойти на миръ. Было рѣшено, что оба народа перейдутъ вѣсть Меотиду, и что Готы останутся жить тамъ, гдѣ жили, у пролива, вѣроятно въ городъ Воспоръ, нынѣшней Керчи. Такимъ образомъ эти Готы (Таврическіе) сдѣлались друзьями и союзниками Утургуровъ“.

Вообще изъ повѣствованія Прокопія, основаннаго, какъ по всему видно, на Готскихъ преданіяхъ, очень трудно извлечь что-либо похожее на свидѣтельство очевидца, или современника этимъ событіямъ. Здѣсь надъ географіей и надъ исторіей господствуетъ сказка, неимѣющая нужды точно

указывать мѣста и ходъ событій. Ясно одно, что въ нѣкоторое время, вѣроятно въ 4-мъ столѣтїи, Киммерійскія, то есть Донскія и Днѣпровскія племена, напали на Таврическихъ Готовъ, переправившись черезъ Азовское море. Еслибъ они переправились съ востока черезъ проливъ, то преданіе упомяло бы это скорѣе всего, потому что проливъ, Воспоръ Киммерійскій, былъ отъ самыхъ древнѣйшихъ временъ извѣстенъ всему Черноморскому міру. Къ тому же, всѣ знали, что зимою онъ замерзаетъ, и что тогда его можно перейти и по суху. Но преданіе настойчиво упоминаетъ только о Меотійскихъ болотахъ, прибавляя, какъ у Зосима, что ихъ затянуло иломъ изъ рѣки Дона и вообще представляя дѣло такъ, что Унны совсѣмъ не думавши, что переправа возможна, перешли черезъ болота чуть не по суху. Зачѣмъ было переходить море, когда легче было перейти рѣку, то есть Донъ?

Можно навѣрное полагать, что Унны - Утургуры напали на Воспорскихъ Готовъ или переплывъ Азовское морѣ изъ устья въ Дона, или направившись къ нимъ черезъ Перекопъ и черезъ Гнилое озеро. По договору они оставили Готовъ на своемъ мѣстѣ въ Воспорѣ, а гдѣ утвердились сами, неизвѣстно, но видимо, что съ той поры они владычествовали надъ всею Воспорскою страной, на европейскомъ и азіатскомъ берегу. Проконій говоритъ, что Унны-Утургуры, овладѣвшіе Воспоромъ, отдѣлялись отъ Кузургуровъ, Меотійскими болотами, слѣдов. ихъ гнѣздо должно было находиться на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, между устьями Дона и Кубани. Оно вѣроятно же всего и находилось въ древнемъ Танаисѣ, въ устьѣ Дона, а также и на Таманскомъ полуостровѣ, въ древней Фанагорїи. Только изъ этихъ двухъ гнѣздъ они и могли владычествовать надъ страной. Далѣе Проконій говоритъ, что Утургуры, управляли своею страной мирно, а это обнаруживаетъ, что они покровительствовали торговлѣ и охраняли ея интересы. Въ Воспорѣ и въ послѣдующее время происходила у Грековъ значительная торговля именно съ Уннами.

Въ Исторїи войнъ Римлянъ съ Персами Проконій также упоминаетъ объ Уннахъ, которые владѣли странами между Азовскимъ и Каспійскимъ моремъ до сѣверныхъ вершинъ Кавказа. Онъ говоритъ, что далѣе за Каспійскими воро-

тами (Дербентъ) растиляются поля ровными и гладкія, орошаемыя обильными водами, удобныя къ содержанію коней. Здѣсь поселились почти всѣ Унскія племена и простираются до озера Меотиды.

Изъ числа этихъ Унновъ у Прокопія названо особымъ именемъ одно племя, Савиры, которое онъ помѣщаетъ за Зихами на вершинахъ Терека, въ странѣ Пятигоръ. Это былъ народъ самый воинственный. Онъ служилъ и Грекамъ и Персамъ, смотря по обстоятельствамъ.

Общій отзывъ Прокопія объ Уннахъ таковъ, что они были кочевники и жили по скотски, были черны тѣломъ и безобразны лицомъ. Все это онъ говоритъ по сравненію ихъ съ Уннами Бѣлыми, Фталитами, которыхъ однако никто изъ историковъ не называетъ Уннами, а это можетъ объяснять, что и самъ Прокопій о племенахъ Унновъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній.

Однако изъ приведенныхъ его свидѣтельствъ объ Уннахъ при-Кавказскихъ, жившихъ между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, должно заключить, что это были въ дѣйствительности кочевыя племена какихъ-либо азіатовъ. Можно было бы и утвердительно говорить, слѣдуя общему мнѣнію, что здѣсь-то и находилась настоящая родина извѣстныхъ историческихъ Унновъ, еслибъ самъ же Прокопій не указывалъ довольно точно эту родину въ Донской и Днѣпровской сторонѣ, между Воспоромъ (Керчью) и Херсономъ¹. И при этомъ онъ ни слова не говоритъ, что эти Унны, жившіе вблизи Кавказа и Каспійскаго моря, нѣкогда перешли на тотъ берегъ Азовскаго моря и прозвались Утургурами и Кутургурами, что здѣсь было коренное гнѣздо извѣстныхъ страшныхъ Унновъ. На этомъ основаніи можно съ большою вѣроятностію полагать, что Прокопій, называя весь этотъ край Унскимъ, обозначаетъ въ сущности только то, что Унны здѣсь владычествовали, и что повтому всѣ здѣшніе кочев-

¹ Императоръ Юстинъ (518—526), желая защитить Ивировъ отъ Персовъ, послалъ въ Воспоръ посла съ большими деньгами, чтобы склонить Унское войско идти на помощь къ Ивирамъ. По словамъ Прокопія Унны обитали между Херсономъ и Воспоромъ. Но любопытно, что уадемъ сношеній съ Уннами является городъ Воспоръ, то есть нѣчто по преимуществу торговое—ярмарка, гдѣ стало-быть скорѣе всего можно было найти Унновъ и завести съ ними переговоры.

ники носили господствующее имя Унновъ. Унны - Утургуры господствовали въ древнемъ Воспорскомъ царствѣ. Унны, называемые Савирами, господствовали на Терекѣ.

Итакъ о происхожденіи Унновъ, объ ихъ первомъ появленіи, отъ ихъ же современниковъ, мы знаемъ только одни басни, догадки и темные слухи. Положимъ, что въ самомъ началѣ ихъ появленія трудно было узнать, откуда они пришли? Но послѣ сношеній съ Уннами Византіи и Рима, послѣ многихъ мировъ, договоровъ и войнъ, продолжавшихся цѣлое столѣтіе, развѣ нельзя было услышать отъ самихъ же Унновъ обстоятельнаго разсказа объ ихъ коренномъ отечествѣ. Но именно историкъ Зосимъ, писавшій спустя сто лѣтъ отъ появленія Унновъ, все-таки не знаетъ откуда они пришли и передаетъ тѣже первоначальныя басни и свои догадки. Спустя еще сто лѣтъ, историкъ Прокопій, повторяя старыя басни, описываетъ Унновъ туземнымъ народомъ, Киммеріанами. По свидѣтельству Иорнанда, историкъ Прискъ говорилъ будто бы, что Унны первоначально жили на другомъ берегу Меотійскихъ Болотъ. Самъ Прискъ, въ оставшихся отрывкахъ его труда, называетъ Унновъ Скивами Царскими, конечно пользуясь словами Геродота и тѣмъ указывая настоящее жилище Унновъ отъ Дуная до Дона, т. е. надъ Черноморьемъ и надъ Меотійскими Болотами, въ той именно странѣ, гдѣ послѣ Скивовъ владычествовали Роксоланы, вѣроятно пропавшіе изъ исторіи при появленіи Унновъ. Что значить другой берегъ Меотійскихъ болотъ, объ этомъ мы уже говорили. Со стороны Воспорскихъ Готовъ, первыхъ разскащиковъ о нашествіи Унновъ, и вообще съ точки зрѣнія древнихъ писателей это значить вообще сѣверъ, но не востокъ.

По словамъ Амм. Марцеллина Унны прежде всего напали на Европейскихъ Аланъ-Таванитовъ, т. е. Донцовъ, сосѣдей Готовъ-Грутунговъ. А эти Грутунги обитали не слишкомъ далеко отъ Днѣстра, гдѣ Марцеллинъ упоминаетъ Грутунгскій Лѣсъ. Побѣдивъ этихъ Аланъ, Унны утвердили съ ними союзъ.

Иорнандъ разсказываетъ, что, перейдя обширное Меотійское Болото, Унны покорили Алпизуровъ, Алцидзуровъ, Итима-

ровъ, Тункарсовъ и Воисковъ, цѣлый рой народовъ, населявшихъ тотъ берегъ Скиѳіи. Затѣмъ они завоевали Алабъ.

Эти имена Іорнандъ взялъ у Приска, у котораго читаются только Амилзуры, Итимары, Тоносурси (иначе: Тонорусы) Воиски. Въ Амилзурахъ мы не сомнѣваемся видѣть нашихъ Уличей, обитателей нижняго Днѣпра, такъ, какъ въ Воискахъ видимъ древнихъ Кестовоковъ и позднѣйшихъ Воиковъ, обитавшихъ надъ верхнимъ Днѣстромъ. Тоносурсы или Тонорусы могутъ обозначать настоящую Русь Днѣпра и Дона (Рязань), или вообще Танаитовъ-Донцовъ Марцеллина и нашихъ Сѣверянъ. Итимары — несомнѣнно переименованное изъ Маритимы, Приморскіе или Поморды.

Но важнѣе всего географическія показанія Іорнанда. Онъ пишетъ, что по берегу Океана (на востокъ отъ Вислы) живутъ Эсты, совсѣмъ миролюбивое племя. На югъ отъ нихъ и близъ нихъ живутъ Акатциры, очень храбрый народъ. Подъ Акатцирами растягиваются надъ Чернымъ моремъ Булгары, сдѣлавшіеся къ несчастію слишкомъ извѣстными за наши грѣхи, прибавляетъ историкъ. Тутъ (между Булгарами). воинственные народы Унновъ плѣдились нѣкогда, какъ густая трава, чтобъ распространить двойственное и яростное нашествіе на народы, ибо Унны распадаются на двѣ вѣтви и живутъ въ различныхъ странахъ: это Кутціагиры и Савиры. Кутціагиры по другимъ спискамъ пишутся Алтціагиры. Алтціагиры, Аулціагиры, Аулціагры, что равняется тѣмъ же Уличамъ. Савиры же несомнѣнно наша Сѣвера, Сѣверяне, восточное племя нашихъ Славянъ, они же и Танаиты или Донцы. Притокъ Дона — Донецъ и доселѣ прозывается Сѣверскимъ.

Эти Аулціагры, по словамъ Іорнанда, часто ходили въ окрестности города Херсона, гдѣ жадный купецъ торговалъ богатыми произведеніями Азіи. Что же касается Хунугуровъ (иначе Хунугары), прибавляетъ Іорнандъ, то они извѣстны какъ торговцы кунными мѣхами. „Тамъ-то живутъ тѣ Унны, которые стали страшны для людей однако весьма неустрашимыхъ“.

Ничего яснѣе и понятнѣе нельзя разсказать о коренномъ мѣстожительствѣ знаменитыхъ Унновъ, объ ихъ раздѣленіи на двѣ вѣтви, Днѣпровскую и Донскую, Западную и Восточ-

ную, на Кутургуровъ и Утургуровъ Прокопія, какъ и объ ихъ отношеніяхъ къ Херсону и вообще къ древнему Воспору.

Два свидѣтеля, современники, писавшіе одинъ по латынѣ на западъ, другой по гречески на востокъ, говорятъ одно и то же, что Унны были коренные туземцы нашей Русской страны, Киммеріане, то есть такіе старожилы этихъ мѣстъ, исторія которыхъ скрывается въ Киммерійскомъ мракѣ всей человѣческой древности.

Хунны, Хуннугары-гуры Иорнанда стало быть жили тамъ же, гдѣ отдѣляетъ для нихъ мѣсто во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Птоломей, а въ четвертомъ Маркіанъ Гераклеійскій. Въ то время это имя еще не было въ ходу, не было знаменито. Оно заслонялось славнымъ именемъ Роксоланъ, тотчасъ, какъ мы говорили, пропавшихъ съ лица земли, какъ только произнесено было имя Унновъ.

Историческая критика однако не хочетъ даже опровергнуть приведенныхъ свидѣтельствъ, а всѣми мѣрами, на перекоръ здравому смыслу, держится за сказочное готское свѣдѣніе, что Унны пришли съ того берега Азовскаго моря. Она даже не хотѣла ограничиться и этимъ короткимъ указаніемъ и распространила тотъ берегъ до предѣловъ Китая и до сѣвернаго Урала.

Сочиненіе Дегиня, доказавшаго по Китайскимъ лѣтописямъ, что Унны пришли отъ Китайскихъ границъ, основано вѣдь только на сходствѣ именъ Хюнг-ну, Хіунгну, Хіуніу и Хунны, которому нисколько не противорѣчитъ и самое имя Битая—Хина. Но что же значить сходство именъ и вся этимологія при полнѣйшемъ различіи свидѣтельствъ исторіи и географіи? Надо только удивляться, какимъ образомъ несообразная догадка Дегиня утвердилась въ наукѣ, какъ непреложная истина¹. Съ его легкой руки всѣ стали твердить, что Унны были истинные Калмыки и всѣ старались при всякомъ случаѣ только доказывать и распространять это поверхностное заключеніе. Затѣмъ Клапротъ доказалъ, а Шафарикъ подтвердилъ, что Унны были Уральскаго происхож-

¹ Тейлоръ въ своей Первобытной Культурѣ говоритъ между прочимъ, что у древнихъ Мексиканцевъ, мѣсяць, назывался Мацтли. Слѣдуетъ ли изъ этого, что нашъ мѣсяць прибылъ къ намъ изъ Америки?

денія, родственники Башкировъ и предки Венгровъ. Теперь этой новой истинѣ уже никто не противорѣчить.

Мнѣніе, что они могли быть Славянами, по Венелину Булгарами, новые изслѣдователи почитаютъ „заброшеннымъ“. Но намъ кажется, что въ такой темной и вовсе еще неразработанной области, каково время великаго переселенія народовъ, никакое мнѣніе нельзя почитать заброшеннымъ, ибо до сихъ поръ здѣсь все изслѣдованія, самыя ученныя, какъ и самыя фантастичныя, основаны только на догадкахъ и соображеніяхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, но подобранныхъ каждымъ изслѣдователемъ всегда какъ бы на заданную тему. При такомъ положеніи дѣла весь вопросъ долженъ заключаться въ качествѣ и количествѣ древнихъ свидѣтельствъ: историческихъ, географическихъ, этнографическихъ, которыя, при всемъ разноличіи и разнообразіи источниковъ, говорили бы одно.

Мы полагаемъ, что каждый читатель, не заучившій множества изслѣдованій, если прямо обратится къ первымъ источникамъ и послѣдуетъ золотому правилу Гроберга, что „въ исторіи, равно какъ и въ географіи, чувствуя себя сколько-нибудь способнымъ судить здраво, смѣло должно полагаться болѣе всего на свои собственные свѣдѣнія, нежели на чужія“, каждый читатель въ Уннахъ скорѣе увидитъ Славянъ, чѣмъ другую какую либо народность.

Прежде всего на эту простую мысль наводитъ сама исторія Унновъ. Невѣдомый народъ, Унны, необходимо долженъ раскрыть себя и свое происхожденіе своею исторіею. О чемъ же и что говорить эта исторія?

„Гунны, самый свирѣпый изъ всѣхъ варварскихъ народовъ, напали на Готовъ“, говорятъ готскій патріотъ и историкъ Йорнандъ (гл. 24).

Когда Готы услышали о движеніи Унновъ, объ ихъ завоеваніяхъ, то пришли въ ужасъ и стали держать совѣтъ съ своимъ королемъ, что слѣдуетъ предпринять и какъ предохранить себя отъ такого опаснаго врага? Королемъ Готовъ въ то время былъ знаменитый Эрманарихъ, Готическій Александръ Македонскій.

До сихъ поръ онъ оставался побѣдителемъ въ борьбѣ со многими народами; до сихъ поръ его владычество простиралось на всю Скандинавію и Германію. Но теперь онъ самъ

былъ весьма озабоченъ, услышавши о приближеніи Унновъ, а главное увидѣвши, что ему измѣнилъ подвластный, но вѣроломный народъ Россомоны или Роксоланы. А это произошло вотъ по какому случаю: одинъ изъ Россомоновъ, вѣроятно знатный человекъ, вѣроломно покинулъ короля и, нѣтъ сомнѣнія, ушелъ къ Уннамъ. Но во власти короля осталась жена бѣглеца, именемъ Саниелхъ (Sanielh, иначе: Сонильда, Сванигильда). Разсвирѣпѣвшій Эрманарикъ, за бѣгство мужа, приказалъ казнить жену, которую привязали къ дикимъ лошадямъ и она была растерзана на части. Ея родственники, братья мужа, мстя за смерть неповинной женщины, поразили Эрманарика мечемъ въ бокъ. Послѣ того король, изнуренный раню, влачилъ печальную жизнь, чѣмъ воспользовался король Унновъ Баламберъ-Валамиръ и напалъ на восточныхъ Готовъ, занявши ихъ земли. Къ тому еще и западные Готы отдѣлились и оставили Эрманарика одного воевать съ Уннами. И отъ раны, еще больше отъ горя, что не можетъ совладать съ Уннами, онъ померъ однако въ глубокой старости, 110 лѣтъ.

Ами. Марцеллинъ говоритъ, что Эрманарикъ, захваченный въ распахъ, послѣ долгой борьбы съ Уннами, въ отчаяніи и страхѣ отъ неминуемой гибели, самъ лишилъ себя жизни.

Послѣ него, по свидѣтельству Марцеллина, былъ избранъ королемъ Витимиръ, который, продолжая борьбу, въ подкрѣпленіе себя, нанялъ какихъ то другихъ Унновъ и долго воевалъ противъ Аланъ (почему противъ Аланъ, когда нападали Унны, неизвѣстно), но послѣ многихъ пораженій, совсѣмъ подавленный превосходствомъ врага, въ одной битвѣ онъ погибъ. У него остался малолѣтний сынъ Видерикъ на попеченіи двухъ старшихъ воеводъ его отца, Алатея и Сафракса. Когда опекуны увидѣли, что дальнѣйшая борьба (съ Уннами или съ Аланами?) не возможна, они благоразумно отступили съ своимъ питомцемъ къ берегамъ Днѣстра. Это разсказываетъ Марцеллинъ.

Иорнандъ повѣствуетъ, что по смерти Эрманарика, восточные и западные Готы раздѣлились; первые остались подданными Унновъ и продолжали жить въ той же странѣ. Однако ихъ государь, Винитаръ, сохранилъ свою власть. Такой же храбрый, какъ и его предки, но менѣе счастли-

вый, онъ вѣтерпѣливо сносилъ господство Унновъ и старался всячески отъ нихъ освободиться.

Онъ храбро напалъ на Автовъ (несомнѣнные Славяне и Аланы Марцеллина); сначала былъ побѣжденъ, но потомъ во-сторжествовалъ надъ ними и чтобы навести ужасъ на врага и предупредить дальнѣйшія возстанія, захватилъ Антскаго князя Богша (Вох, Богшь, Богошь) съ его сыновьями и семидесятью старѣйшинами и велѣлъ ихъ всѣхъ повѣсить. Послѣ этого Винитаръ спокойно государствовалъ почти цѣлый годъ. Но король Унновъ, Валамиръ призвалъ къ себѣ Сягизмунда (сына великаго Гуннимунда), который, вѣрныи своимъ клятвамъ или договорамъ съ Уннами, оставался на ихъ сторонѣ съ большою частію Готовъ и возобновилъ съ Валамиромъ старый союзъ. Они оба пошли противъ Винитара. Война была долгая. Двѣ битвы Винитаръ выигралъ и невозможно себѣ представить ту ужасную рѣзню, какую онъ произвелъ въ войскѣ Унновъ. Въ третій разъ полки сошлись на р. Еракъ (Прутъ). Здѣсь Винитаръ погибъ отъ стрѣлы, которую пустилъ ему въ голову самъ Валамиръ. Послѣ того Валамиръ взялъ себѣ въ жены Валадамарку (Володимерковну?) племянницу Винитара. Съ тѣхъ поръ Готскій народъ безъ сопротивленія покорился Валамиру.

Такимъ образомъ были покорены тѣ Готы, которые хотя и управлялись собственными князьями, но оставались во власти Унновъ до смерти Аттилы и ходили въ Уннскихъ полкахъ даже противъ своихъ родичей, Западныхъ Готовъ.

О погонѣ Унновъ за Западными Готами Марцеллинъ рассказываетъ слѣдующее: „Предводитель Тервинговъ, Атанарикъ, приготовился было защищать свою страну и расположилъ войска вдоль береговъ Днѣстра и Грутунгскаго лѣса. Унны перехитрили его, обошли и прогнали къ горамъ. Желая однако удержать напоръ враговъ, Атанарикъ, насыпалъ высокій земляной валъ между Днѣстромъ и Прутомъ и вдоль береговъ Прута къ Дунаю¹. Онъ не успѣлъ окончить этой работы, какъ Унны быстро прогнали его и отсюда.

•По всѣмъ готскимъ областямъ разнесся слухъ о появленіи невѣдомаго диковиннаго народа, который то какъ вихрь

¹ Остатки этого вала, называемаго Траяновымъ, существуютъ и до-сейд. Вельтмана: Начерт. Древн. Исторіи Бессарабіи съ картою. М. 1828.

спускался съ высокихъ горъ, то будто выросталъ изъ земли и все, что ни попадалось на пути, опрокидывалъ и разрушалъ. Готы разсудили совсѣмъ переселиться за Дунай во Фракію. „Скифы, говоритъ историкъ Эвнаний, побѣжденные, были истребляемы Уннами. Множество ихъ погибло совершенно. Однихъ ловили и побивали на мѣстѣ съ женами и дѣтьми и жестокости при убіеніи ихъ не было мѣры. Толпа же собравшихся и устремившихся къ бѣгству, не многимъ не доходила до двухъ сотъ тысячъ человекъ, самыхъ способныхъ къ войнѣ. Двинувшись и ставъ на берегу рѣки Дуная, они издали простирали руки съ рыданіемъ и воплемъ и умоляли о позволеніи переправиться черезъ рѣку. Они оплакивали свои бѣдствія и обѣщали отдаться Римлянамъ, какъ союзники“.

Таковы въ существенныхъ чертахъ рассказы Иорнанда и Марцеллина о первомъ нашествіи Унновъ.

Видимы ли здѣсь Калмыки, Монголы, Уральскія орды, полчища азіатскихъ степняковъ? Есть ли здѣсь что-либо похожее на нашествіе хотя бы нашего Батыя, Чингисхана или новѣйшаго Наполеона?

Дѣло очень простое. Столѣтнее движеніе Готовъ съ запада на востокъ къ Черному морю и къ Днѣпру, завоеванія Эрманарика, который, повидимому овладѣлъ уже страной между Днѣстромъ и Днѣпромъ, все это получаетъ наконецъ отпоръ со стороны туземнаго населенія. Покорившіеся Россоны измѣняютъ, находятъ случай порѣшить съ самимъ Эрманарикомъ, конечно по той причинѣ, что явились на защиту Унны. Эти Унны, жившіе близъ Ледовитаго моря, хотя и за Меотійскими Болотами, покоряютъ, а вѣрнѣе соединяютъ въ крѣпкій союзъ все населеніе страны, отъ Дона, гдѣ жили Аланы-Таванты, и до Днѣстра, гдѣ жили Анты. Они одолеваятъ восточныхъ Готовъ, то есть отнимаютъ у нихъ власть надъ страной. Но все это дѣлается не вдругъ, какъ бы распорядился Батый или даже Наполеонъ. Напротивъ, борьба идетъ шагъ за шагомъ, какъ обыкновенно она ведется между осѣдлыми племенами. Готы падаютъ не столько отъ силы Унновъ, сколько отъ собственной распри. Западныя оставляютъ восточныхъ, отдѣляются отъ нихъ. Эрманарикъ погибаетъ и только тогда Валамиръ, король Унновъ, овладѣваетъ его обширнымъ царствомъ. Наслѣдникъ

Эрманарика, продолжая борьбу, нанимаетъ тѣхъ же Унновъ и воюетъ съ Аланами, изъ чего видно, что и Аланы были такіе же Унны и также гнали Готовъ вонъ изъ своей земли. Если Витимиръ Марцеллина и Винитаръ Горнанда одно и тоже лице, то и Аланы Марцеллина суть Анты Горнанда, какъ и быть надлежитъ по точнымъ указаніямъ древнихъ историковъ и географовъ. Продолжая борьбу съ Уннами, Винитаръ казнить Антовъ, которые стало-быть тѣже Унны. Послѣ того, около года онъ спокойно господствуетъ въ своей землѣ. Какъ же это могло случиться, въ виду безчисленныхъ Калмыцкихъ полчищъ Валамира? Наконецъ этотъ Калмыцкій ханъ, чтобы совладать съ врагомъ, вступаетъ въ союзъ съ остальными Готами и тогда только чувствуетъ себя сильнымъ и подымается на Винитара. По смерти Винитара онъ овладѣваетъ всею страню восточныхъ Готовъ, но оставляетъ имъ для управленія ихъ родныхъ князей. Вотъ начало Уннскаго господства. Западныхъ Готовъ Унны выпроваживаютъ за Дунай, а надъ восточными владеваютъ до смерти Аттилы.

Такимъ образомъ простыя и очень рядовыя дѣйствія Валамира нисколько не оправдываютъ тѣхъ заученныхъ историческихъ фразъ, какими обыкновенно историки начинаютъ повѣствованіе о нашествіи Унновъ, раздѣчивая это нашествіе по баснямъ Горнанда слѣдующими словами:

„Въ безчисленномъ множествѣ они перешли Меотійскія болота и погнали передъ собою народъ за народомъ... Народы стремглавъ упали другъ на друга, тѣснили другъ друга все дальше къ западу... Побѣдивъ Готовъ, они разлились словно потопъ по южной Руси, Польшѣ, Угріи“. и т. д. Все это въ сущности ни начемъ не основанная риторика. Все это пожалуй могло такъ казаться западнымъ народамъ, когда воеводою Унновъ явился Аттила. Но и этотъ воевода велъ на западъ европейскія же силы, среди которыхъ Унны занимали мѣсто не весьма многолюдное. Величавая сила Аттилы утверждалась съ одной стороны: на безсиліи Западной и Восточной имперіи, а главнымъ образомъ на враждѣ и ненависти между собою европейскаго населенія. На западъ онъ никогда бы и не пошелъ, еслибъ его не водили туда сами же западные народы, искавшіе владычества другъ надъ другомъ и надъ Западною Имперією.

Кто же на самомъ дѣлѣ были эти Унны? Судя по указанію Марцеллина, что ихъ жилища находились вблизи Ледовитаго моря и по свидѣтельству римскаго посла къ Аттигѣ; Коинта Ромула, что владычество Аттигы распространилось на острова, лежавшіе въ океанѣ, и хотя бы эти свидѣтельства были только слухи, всетаки видно, что это былъ народъ сѣверный. Островами океана писатели среднихъ вѣковъ почитали не только Скандинавію, но также Курляндію; Эстонию и побережье Балтійское и Финскаго залива¹.

Можно гадать, что имя Унновъ получила сѣверная дружина Славянскихъ племенъ, призванная на помощь южными племенами, при низложеніи владычества Готовъ, и собравшаяся въ Кіевѣ, такъ какъ можетъ быть, что имя Кыева звучитъ въ имени Хуновъ или Унновъ. Мы видѣли и изъ рассказовъ Іорнанда и Марцеллина, что Унны гонятъ Готовъ отъ Кіевской стороны къ Днѣстру и Пруту, по тому самому пространству, гдѣ по Птоломеею обитали тѣже Хуны, по Марціану Хоаны, гдѣ по Іорнанду обитали Гуннугары, торговавшіе кунными мѣхами, гдѣ находился Гунниваръ, въ который ушли потомъ сыновья Аттилы, гдѣ былъ Хунигардъ Гельмольда и т. д.

Лѣтописецъ Беда Достопочтенный († 735) называетъ Гуннами Балтійскихъ Славянъ, именно тѣхъ, которые жили подлѣ Датчанъ и Саксовъ, то есть Вагировъ. Его показанія объ этихъ Гуннахъ относятся къ концу 7-го вѣка. Такъ называютъ Балтійскихъ Славянъ и другіе писатели, Саксонскіе, Датскіе, Скандинавскіе. Иные именуютъ Гунновъ Сарматами. Все это открываетъ новую связь Кіевскихъ Унновъ съ своими родичами Гуннами балтійскими. Невольно рождается предположеніе, не были ли и тогда уже призваны на помощь Балтійскіе Варяги. Не означаетъ ли имя Уннъ въ греческой формѣ тѣхъ Вановъ, которыхъ область прозывалась Ваннома, Ваніана у Плинія, Вантаибъ² у Павла Дьякона, и которые иначе назывались Венетами, Виндами, Веннами, даже Унинадами и т. д.³ и жили съ давнихъ временъ по Балтійскому Поморью. Олатыненное имя Гунны перешло

¹ Кругъ о Федератахъ въ Чтеніяхъ И. А. Н. Кн. I. Спб. 1831.

² Быть можетъ Вантебъ, какъ наши Витебъ, Дулебъ, Серебъ и пр.

³ Слав. Древности Шафарика, Томъ I, Кн. I.

къ писателямъ уже отъ Грековъ, а Греки свое Уины получили не иначе, какъ отъ Готовъ и по всему вѣроятію въ формѣ Вановъ. Такимъ образомъ, звучитъ ли въ имени Уиновъ имя Ыева, или имя Вановъ—это будетъ все равно. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Уины должны обозначать сѣверное Славянство, и туземное, и призванное на помощь съ Балтійскаго моря. Вотъ причина и объясненіе, почему Атила жилъ вблизи области Вановъ и держалъ всегда крѣпкую дружбу съ Вандальскимъ королемъ Гезерихомъ. Оба они были чистые Славяне и водили въ своихъ полкахъ истое Славянство.

Невиданный, неслыханный, диковинный, чудовищный народъ, страшилище всѣхъ народовъ—все это рвчи Готовъ, которые, прибѣжавъ къ Дунаю въ числѣ двухъ сотъ тысячъ человекъ, самыхъ способныхъ къ войнѣ, и съ рыданіемъ и воплемъ, какъ пишетъ Евнапій, простирая руки, прося Грековъ о дозволеніи переправиться на другой берегъ, конечно не могли же рассказывать, что ихъ прогнали, не только обыкновенные люди, но свои же подвластные люди, напр. Роксоланы. Сколько велика была мѣра позора и приниженія для храбрыхъ людей, на столько выросла и чудовищность ихъ врага, разумѣется и невиданнаго и неслыханнаго, и происходившаго отъ вѣдьмъ и чертей. Такъ Готы прославили Уиновъ не только во всей Европѣ, но и во всей исторіи и успѣли вселить свои басни объ Уинахъ въ самыя ученѣйшія сочиненія даже и нашего времени.

Этотъ калмыцкій, монгольскій, уразо-чудскій вихрь, ураганъ, потопъ, безпримѣрное въ исторіи нашествіе, все это было ничто иное, какъ самое простое и обыкновенное дѣло. Это было простое движеніе восточнаго Славянства противъ наступавшаго германства въ лицѣ Готовъ, завладѣвшихъ было старинными жилищами Славянъ-Тверцовъ древнахъ Тиригетовъ на Днѣстрѣ, а потомъ Уличей на Бугѣ и Днѣпрѣ, носившихъ въ то время имя Кутургуровъ, Котціагировъ, Аульціагровъ и т. под., отчего быть можетъ и сами Готы прозвались Тервингами, западные, и Грутунгами, восточные, или Остроготы.

Если дѣйствительно въ Кіевѣ собралась дружина Сѣвернаго, Балтійскаго или Русскаго Славянства, подобно тому, какъ спустя 500 лѣтъ она собралась при Олгѣ, то ея си-

ла, какъ и въ началѣ нашей исторіи, развилась и распространилась не въ тотъ годъ, когда было отнято владычество у Эрманарика и когда были прогнаны западные Готы изъ земли Тиверцовъ. Мы видимъ большую постепенность въ развитіи этой силы, что вполне зависѣло отъ крѣпости союза родственныхъ племенъ, а главное отъ талантовъ руководителей и отъ хорошаго умнаго нрава и обычая самой дружины. Князь Валамиръ, первоначальный вождь Унновъ, повелъ дѣла съ достойною твердостью и большимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами. Раздѣливши силу Готовъ, онъ съ восточными Готами, покрайней мѣрѣ съ тѣми, которые ему покорились, остался другомъ и вмѣстѣ ходилъ опустошать Византійскія земли. Точно такъ, какъ и Олегъ не тотчасъ, а собравшись съ силами, пригрозилъ Константинополю и вырвалъ у него необходимый для русской торговли договоръ. Сила Унновъ возрастала столько же времени, какъ и сила Руссовъ въ 10-мъ вѣкѣ. Потребовалось около 70 лѣтъ, т. е. два поколѣнія, чтобы явился на Руси Святославъ, или въ средѣ Унновъ — Аттила.

Исторія Уннскаго князя Валамира извѣстна больше всего военными вспоможеніями, какія онъ дѣлалъ Θεодосію въ войнѣ съ Максимомъ въ 388 г. и Руфину противъ Аркадія въ 395 г., когда они ходили на востокъ и опустошили страну до Антиохіи.

Въ 401 г. Уннскій князь Улдъ (Владъ) точно также помогаетъ Аркадію противъ Готовъ. Въ 405 г. Аркадій заключилъ съ нимъ союзъ и снова взялъ Унновъ въ римскую службу. Но въ 408 г. Владъ ходилъ опустошать Мизію и Фракію и приходилъ въ добавокъ вмѣстѣ съ Сивирами. Предложенный миръ не былъ имъ принятъ, а между его полками произошла какая-то смута, такъ что и самъ онъ съ позоромъ побѣжалъ обратно за Дунай.

Послѣ Улда-Влада надъ Уннами царствовалъ Донатъ, къ которому въ 412 г. плавалъ черезъ море посломъ историкъ Олимпіодоръ. Донатъ, слѣдовательно, жилъ еще гдѣ либо въ при-Днѣпровьѣ.

Послѣ Доната царствовалъ Ругъ, Рогъ (Роа, Руа, Роила, Ругила)¹, заставившій восточныхъ Римлянъ платить ему

¹ Припомнимъ, какъ измѣнялось имя Славянъ Руговъ, см. стр. 168.

ежегодную дань, 350 фунтовъ золота, конечно для того, чтобы жить съ ними въ мирѣ и помогать своими войсками.

Въ 424 г. Аэцій, знаменитый римскій полководецъ и самъ сынъ Сивы, родившійся въ Доростоль-Доростень, на Дунай, призываетъ 6000 Унновъ для поддержки западнаго императора Іоанна и вообще такъ дружится съ Уннами, что въ 430 г. убѣгаетъ подъ покровительство къ ихъ царю Роггу, а потомъ, начальствуя въ Итали и Галліи, содержитъ у себя Унскіе конные полки, съ которыми поражаетъ Германцевъ, Франковъ и Бургундовъ. Для исторіи Унновъ эта личность особенно замѣчательна. Можно съ достовѣрностію сказать, что еслибъ не было Аэція, никогда бы не случилось и нашествія Унновъ на Европу. Сколько знаменитый полководецъ, столько же и знаменитый придворный, Аэцій, будучи самъ не былъ Унномъ или Остроготомъ, по крайней мѣрѣ ничѣмъ инымъ невозможно объяснить его чуть не родственной связи съ Уннами. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ онъ постоянно опирался на эту силу и постоянно привыкалъ ее къ участию въ тогдашнихъ европейскихъ смутахъ. При его руководствѣ Унны заходили очень далеко въ западную Европу и хорошо ознакомились съ людьми и отношеніями западныхъ государствъ. Въ этой школѣ по всемъ признакамъ воспитанъ былъ и Аттила¹, вступившій на царство послѣ Рогга, своего дяди, и знавшій западныя отношенія какъ свои пять пальцевъ. Словомъ сказать, Унны въ полной мѣрѣ обязаны Аэцію, что онъ втолкнулъ ихъ въ исторію средневѣковой Европы и сдѣлалъ вождями разгромленія Западной Имперіи. По мѣрѣ того, какъ усиливался Аэцій, выросталъ въ своемъ могуществѣ

¹ Если Роггъ-Руггъ именовался также и Ругидой, то очевидно, что и имя Аттилы составлено по тому же складу. Быть можетъ корень его—Тата, Тяти,—отецъ. Въ числѣ посольскихъ людей отъ Аэція къ Аттилѣ встрѣчаемъ Татула. Въ послѣдствіи встрѣчаемъ короля у восточныхъ Готовъ Тотилу (542 г.) и въ службѣ у Византійцевъ нѣкоего Татимера (Татоміра, 593 г.), участвовавшаго въ войнѣ съ Славянами. Известно, что Готы брали имена у Унновъ. Такъ имя перваго Уннскаго князя Валамира стали носить и Готскіе короли. А Уннъ—Рагнаръ былъ вождемъ восточныхъ Готовъ, когда уже оканчивалась ихъ слава. Имена, стало быть, передавались взаимно между Уннами и Готами. Все это ожидаетъ вниманія со стороны Русскихъ лингвистовъ.

и Аттила, и это были два человека, некоторое время управлявшие судьбами всей Европы,—одинъ какъ придворная сила Римской Европы, другой какъ военная сила Европы варварской. Но естественно, что эти двѣ силы не могли долго дѣйствовать въ одномъ направленіи. Они разошлись въ своихъ интересахъ и встрѣтились потомъ на страшномъ Баталаунскомъ побоищѣ, гдѣ въ сущности восторжествовало придворное коварство Аэція, такъ что изъ воюющихъ никто не могъ навѣрное сказать, остался ли онъ побѣдителемъ или побѣжденнымъ. Аэцій защищалъ Европу и на его сторонѣ были Вестготы, которыхъ Аттила отъ души ненавидѣлъ и постоянно преслѣдовалъ. Но Аэцій, дружа Вестготамъ, боялся, чтобы съ побѣдою надъ Унами не выросло могущество этихъ, не менѣе опасныхъ завоевателей. Въ виду ослабленія такого могущества, онъ поберегъ Аттилу. Судя по ходу исторіи самъ Аэцій былъ силенъ и страшенъ только могуществомъ Аттилы, и какъ скоро погибъ коварнымъ путемъ Аттила, въ 453 г., тѣмъ же путемъ погибъ и Аэцій, въ 454 г. Аттила померъ на своей свадьбѣ, будто бы много выпивши, но вѣроятнѣе всего выпивши яду. Аэція предательски и собственноручно закололъ западный императоръ Валентіанъ III, не отыскавшій другаго средства, чтобы избавиться отъ ума и опеки этого замѣчательнаго человека.

Такимъ образомъ настоящая сила Унновъ заключалась не въ ихъ Калмыцкой будто бы безчисленной ордѣ, а въ смутахъ и интригахъ западной Европы, которыми руководилъ Аэцій, и которыми очень пользовался гениальный варваръ Аттила. А знаменитое прославленное великое нашествіе Унновъ было въ сущности походомъ однихъ европейскихъ народностей противъ другихъ, восточныхъ противъ западныхъ. Сами же историки того времени единогласно свидѣтельствуютъ, что Аттила не начиналъ войны безъ надобности, для одного грабежа и добычи, какъ бы подобало степному кочевнику и какъ обыкновенно разрисовываетъ его походы 'ученая исторія. Онъ только не пропускалъ случая, дабы пользоваться слабостію обвѣхъ имперій и всегда зналъ впередъ, когда и какъ начать свое дѣло, да и то, по большей части ограничивался одними угрозами.

Его политика, которая собрала подъ его знамена столько народовъ западной Европы, не говоря о востокѣ, была очень проста. Кто прибѣгалъ подъ его защиту и становился ему другомъ, того онъ умѣлъ защитить во всѣхъ случаяхъ. Но его власть была снисходительна и благосклонна и никогда не вмѣшивалась въ домашнія дѣла покоренныхъ народовъ, которыхъ князья оставались вполне самостоятельными владыками въ своей землѣ и помощью Аттилы только больше укрѣпляли свое владычество. Зато, кто разъ покорившись или сдѣлавшись его другомъ, измѣнялъ ему, того онъ умѣлъ найти, куда бы ни скрылся, и умѣлъ наказать, конечно, по варварски.

Послушаемъ очевидца, который самъ ѣздилъ къ страшнымъ Уннамъ, самъ видѣлъ Аттилу, объѣзжалъ у него и наблюдалъ и примѣчалъ, какъ живетъ этотъ могучій человекъ. Очевидецъ этотъ—Прискъ, секретарь византійскаго посольства къ Аттилѣ въ 448 г. Къ сожалѣнію изъ его сочиненія, которое вѣроятно вполне познакомило бы насъ съ исторіею Унновъ Аттилы, сохранились только отрывки. Но и въ этихъ отрывкахъ, въ отношеніи бытовой стороны Унновъ, мы находимъ многое, что заслуживаетъ русской памяти по родству и сходству съ нашими древними обычаями и нравами, и во всякомъ случаѣ по той причинѣ, что Унны, хотя бы они были и Калмыки, очень долго жили въ дружбѣ съ Славянами и вѣрно многими изъ своихъ обычаевъ съ ними подѣлились.

Отъ Приска мы узнаемъ, что въ 433 г. надъ Уннами царствовалъ Руа-Рогъ. Онъ рѣшился вести войну съ народами, поселившимися на Дунаѣ и прибѣгавшими въ союзу съ Римлянами, т. е. рѣшился воевать противъ своихъ же бѣглецовъ. Требуя этихъ бѣглецовъ онъ отправлялъ въ Византію посломъ Ислу (Славя?). Въ этотъ годъ Руа умеръ и сталъ царствовать Аттила съ братомъ Влидой. Новые посольства съ обѣихъ сторонъ съѣхались у города Марга на Дунаѣ, на устьѣ Моравы. „Съѣздъ происходилъ внѣ города; Скины сидѣли верхомъ на лошадяхъ и хотѣли вести переговоры, не слѣзая съ нихъ. Византійскіе посланники, заботясь о своемъ достоинствѣ, имѣли съ ними свиданіе также верхомъ. Они не считали приличнымъ вести переговоры пѣшіе съ людьми, сидѣвшими на коняхъ“. По видимому тутъ ничего

особеннаго нѣтъ. Унны не хотѣли вѣхаться въ чужой городъ и не хотѣли унижаться предъ Римлянами-Греками, а потому и не слѣзли съ коней. Византійцы поступили точно такжѣ. Но заученая мысль о Калмычествѣ Унновъ находитъ и здѣсь явный признакъ ихъ Монгольскаго происхожденія. Русскій переводчикъ Приска, г. Дестунисъ, толкуеть по этому случаю, что здѣсь мимоходомъ задѣвается обычай Унновъ вѣчно жить на конѣ, подробнѣе описанный Амм. Марцеллиномъ и т. д.

Послы утвердили договоръ, чтобъ Уннамъ были выдаваемы бѣгущіе изъ Скиеи люди; чтобъ плѣнные Римляне, безъ выкупа бѣжавшіе къ своимъ, были тоже возвращены или же платить за нихъ по 8 золотыхъ за каждаго; чтобъ Римляне не помогали никакому варварскому народу, съ которымъ Унны вели войну; чтобъ торжища между Римлянами и Уннами происходили на равныхъ правахъ и безъ всякаго опасенія⁴. Этотъ важный пунктъ характеристики Унновъ ихъ новый историкъ Амедей Тьерри совсѣмъ выпустилъ въ своемъ сочиненіи¹, по той вѣроятно причинѣ, что онъ не совсѣмъ согласуется съ общею картиною Уннскаго варварства. Наконецъ за сохраненіе договора Скиеи требовали ежегодной дани по 750 литръ золота. Прежде они получали по 350 литръ.

.Варварамъ были выданы искавшіе убѣжища у Римлянъ Унны. Въ числѣ ихъ были дѣти Мамы и Атакама, происходящіе изъ царскаго рода. Въ наказаніе за ихъ бѣгство Унны ихъ распяли въ крѣпости Карсѣ (нынѣ Гиршовъ въ Добруджѣ).

По заключеніи мира съ Римлянами полководцы Аттилы и Влиды обратились къ покоренію другихъ народовъ Скиеи и завели войну съ Соросгами, можетъ быть, съ Кіевскою Русью или Русью, которая за дальнимъ разстояніемъ могла искать независимости, или предавалась обычнымъ смутамъ и междоусобіямъ.

Аттила постоянно обращался къ Византіи, все требуя переметчиковъ или требуя невысланной дани и начиналъ войну беспощадную, когда его требованія не исполнялись. За это

¹ Сказанія Приска, перев. г. Дестуниса, стр. 21, примѣчаніе переводчика. Ученыя Записки II Отд. И. А. Н. Кн. VII, вып. I.

самое въ 442 г. онъ опустошилъ Иллирію и Фракію. Въ 447 г. онъ снова воюетъ по тому же поводу, опустошаетъ не менѣе 70 городовъ и принуждаетъ Византію къ миру на слѣдующихъ условіяхъ: „выдать переметчиковъ, выплатить дань за прежнее время 6000 литръ золота, платить вновь ежегодно по 2100 литръ; за бѣжавшаго безъ выкупа плѣнника платить по 12 золотыхъ или выдавать лицомъ; не принимать къ себѣ никакого варвара“. Уплата такой дани была такъ тяжела для Византійцевъ, что, по словамъ Приска, даже богатые люди выставляли на продажу уборы женъ и свои пожитки, весь городъ былъ обобранъ до конца. Въ числѣ выданныхъ переметчиковъ опять было нѣсколько человѣкъ изъ царскаго рода, перебѣжавшихъ къ Римлянамъ, не хотя служить Аттилѣ.

Требуя постоянно выдачи переметчиковъ, Атила пользовался этимъ случаемъ и очень часто посылалъ къ Римлянамъ пословъ. „Кому изъ своихъ любимцевъ хотѣлъ сдѣлать добро, того и отправлялъ къ Римлянамъ, придумывая къ тому разные пустые причины и предлоги“. Пословъ вѣдь по обычаю дарили, а угнетенные Римляне были щедры на подарки. Они теперь повиновались всякому его требованію, на всякое съ его стороны понужденіе смотрѣли, какъ на приказъ повелителя. Не съ нимъ однимъ боялись они завести войну, но страшались и Паряевъ, и Вандаловъ, и многихъ азіатскихъ и африканскихъ сосѣдей, уже воевавшихъ или готовившихся воевать. Вотъ по какимъ причинамъ особенно сильнымъ казался Атила. „Уничужденные Римляне ласкали Аттилу, дабы имѣть возможность приготовить отпоръ другимъ многочисленнымъ врагамъ“.

Въ 448 г. „въ Византію опять прибылъ посланникъ Аттилы“. То былъ Эдиконъ, Скиевъ, отличавшійся великими военными подвигами. Атила прислалъ къ царю грамоты, въ которыхъ жаловался, что не выдаютъ бѣглыхъ; грозилъ войною, если ихъ не выдадутъ, и если Римляне не перестанутъ обрабатывать завоеванную имъ землю, по правому берегу Дуная, отъ устья Савы до теперешняго Рушуга. Притомъ требовалъ, чтобы торгъ въ Иллирикѣ происходилъ не по прежнему на берегу Истра, но въ городѣ Наисѣ (Нисса), который онъ опредѣлялъ границею Скиевской и Римской земли, какъ городъ имъ разоренный. Требовалъ, чтобы пословъ

къ нему посылали людей знатныхъ, консульскаго достоинства, и что если Римляне опасаются такихъ посылать, то онъ самъ перейдетъ черезъ Дунай, въ Сардику для ихъ приѣма.

На этотъ разъ Греки ухитрились войти въ тайныя сношенія съ посломъ Эдикомъ и предложили, что осыпать его золотомъ, если онъ тайно изведетъ Аттилу. Эдиконъ согласился и для этого дѣла съ нимъ же было отправлено отъ императора посольство, въ которомъ находился и Прискъ, хотя ни самъ посолъ, ни Прискъ ничего не знали о заговорѣ.

Отсюда и начинается дневникъ Прискаго посольства. Прибывъ въ Сардику (нынѣ Софія), послы пригласили къ себѣ на обѣдъ сопутствовавшихъ имъ варваровъ. „За обѣдомъ, во время питья, варвары перевозносили Аттилу, а мы, говоритъ Прискъ, своего государя. При этомъ одинъ со стороны грековъ замѣтилъ, что неприлично сравнивать божество съ человѣкомъ; что Аттила человѣкъ, а Θεодосій божество. Уныи пришли въ ярость отъ такихъ словъ. Послы по немногу обратили рѣчь къ другимъ предметамъ и всячески старались ихъ успокоить ласковымъ обхожденіемъ, а послѣ обѣда задобрили ихъ подарками—шелковыми одеждами и драгоценными каменьями“. Продолжая путь, послы доѣхали до Дуная, гдѣ ихъ встрѣтили перевозчики изъ варваровъ, приняли посольство на свои однодеревки и перевезли черезъ рѣку. Передъ тѣмъ эти однодеревки перевозили Унновъ, собиравшихся въ этомъ мѣстѣ для назначенной Аттилою охоты.

Послы однако уразумѣли, что это былъ только предлогъ, а на самомъ дѣлѣ Аттила готовился воевать за то, что не всѣ бѣглецы были ему выданы.

На другой день они прибыли къ шатрамъ Аттилы: ихъ было у него много. Послы тоже хотѣли разбить шатры на одномъ изъ холмовъ; но Скионы имъ воспретили, говоря, что шатеръ Аттилы стоитъ на низменномъ мѣстѣ въ равнинѣ, и что слѣд. неприлично посламъ становится передъ нимъ на горѣ. Послы остановились тамъ, гдѣ имъ было указано ¹.

¹ По случаю этого, весьма простаго обстоятельства въ посольскихъ приѣмахъ, какъ и по случаю упомянутого выѣзда Аттилы на охоту, писатели стараются найти здѣсь характеристику именно азіатскихъ

Аттила уже зналъ о заговорѣ на его жизнь; послы же этого не знали, отчего произошло замѣшательство въ начальныхъ переговорахъ, и имъ было велѣно тотчасъ же убираться домой, если они не скажутъ главной цѣли своего посольства.

„Уже мы выючили скотину, говорить Прискъ, и хотѣли по необходимости пуститься въ путь ночью, какъ пришли къ намъ Скионы и объявили, что Аттила, по случаю ночного времени, приказываетъ остановиться. Пришли другіе Скионы съ посланными отъ Аттилы запасами на ужинъ — рѣчными рыбами и быкомъ“. На другой день однако самъ уже Прискъ чрезъ сношеніе съ приближенными въ Аттилѣ устроилъ дѣло такъ, что посольство было принято. Помогъ Скотта, братъ Онигизія (Оногоста).

„Мы вошли въ шатеръ Аттилы, охраняемый многочисленною толпою варваровъ, продолжаетъ Прискъ. Аттила сидѣлъ на деревянной скамьѣ. Мы стали нѣсколько поодаль, а посолъ, подойдя къ варвару, привѣтствовалъ его. Онъ вручилъ ему царскія грамоты и сказалъ, что царь желаетъ здоровья ему и всѣмъ его домашнимъ. Аттила отвѣчалъ: „Пусть съ Римлянами будетъ то, чего они мнѣ желаютъ“.

Затѣмъ Аттила вдругъ обратилъ рѣчь къ Вигилѣ, который былъ одною изъ пружинъ заговора. Онъ называлъ его безстыднымъ животнымъ, зато, что рѣшился пріѣхать къ нему, тогда какъ постановлено, чтобъ Римскіе посланники не являлись, пока всѣ бѣглецы не будутъ выданы Уннамъ. Вигила отвѣчалъ, что нѣтъ у нихъ ни одного бѣглаго изъ Скионскаго народа, всѣ выданы. Аттила утверждалъ, что ихъ у Римлянъ множество; что за наглость его словъ онъ посадилъ бы его на колъ и отдалъ бы на сѣдленіе птицамъ, еслибъ не уважалъ права посольства.

Послѣ такого приѣма Вигила съ Ислою былъ отправленъ къ царю въ Византію, будто бы собирать бѣглыхъ, а на самомъ дѣлѣ за тѣмъ золотомъ, которое было обѣщано Эдикону. Послы же отправились слѣдомъ за Аттилою дальше къ сѣверу. На дорогѣ Аттила своротилъ въ одно селеніе, въ которомъ намѣревался сочетаться бракомъ съ дочерью Эска-

кочевническихъ обычаевъ, противъ чего возражаетъ даже и г. Дестунисъ: Сказанія Приска, 36—37.

мы. Онъ имѣлъ много женъ, но хотѣлъ теперь жениться и на этой дѣвицѣ, согласно съ закономъ Скиѣскимъ ¹.

Послы на своемъ пути переѣхали нѣсколько значительныхъ рѣкъ, Дриконъ (Марозъ), Тигу и Тиѣисъ-Тибискусъ-Тейсъ. Явно, что они двигались ближе къ Карпатамъ, къ Токаю. Черезъ рѣки ихъ перевозили береговые жители на однодеревкахъ и на плотахъ. Въ селеніяхъ отпускали имъ въ пищу, вмѣсто пшеницы — просо, вмѣсто вина, такъ называемый у туземцевъ медосъ — медъ, извѣстное Славянское питье. Служители пословъ получали тоже просо и питье добываемое изъ ячменя, которое варвары называютъ камосъ ².

Въ одномъ мѣстѣ, близъ какого-то озера, пословъ застигла буря, такъ что среди наставшаго мрака подъ ливнемъ люди разбрелись, кто-куда, отыскивая съ крикомъ другъ друга. Всѣ однако сошлись въ селеніи. Изъ хижинъ выбѣжали Скиѣы и стали зажигать камыши (лучину), которые они употребляютъ для разведенія огня. При свѣтѣ камышей объяснилось въ чемъ дѣло. Жители звали посольскихъ людей къ себѣ, приняли въ свои дома и подкладывая много камышу, согрѣли путниковъ. Оказалось, что владѣтельницею селенія была одна изъ женъ Влиды, брата Аттилы. Она прислала посламъ кушанье съ красивыми женщинами. Это по Скиѣски знакъ уваженія. Послы поблагодарили женщинъ за кушанье, но отказались отъ дальнѣйшаго съ ними обхожденія. Они провели ночь въ хижинахъ; на утро собрали свои вещи и весь день прожили въ селеніи, обсушивая пожитки. Отправляясь въ путь, послы пошли къ царицѣ, привѣтствовали ее и въ благодарность за гостепрѣимство принесли ей взаимно въ подарокъ три серебряныя чаши, нѣсколько красныхъ кожъ, перцу изъ Индіи, финиковыхъ пло-

¹ Для утвержденія, что Уныи были Монголы, писатели объясняютъ здѣсь, что Аттила женился на своей дочери. Между тѣмъ ния Эскамъ по гречески не склоняемо и еще неизвестно, какъ должно понимать: на дочери Эскамъ, или на дочери Эскамы. Дестунисъ стр. 45.

² Само собою разумѣется, что это невнятное слово, прямо указывающее на Славянскій квасъ, изслѣдователи все еще толкуютъ кумысомъ, вовсе устраняя обстоятельство, что этотъ кумысъ дѣлался изъ ячменя. По греческому выговору варварскихъ словъ очень часто вѣсто въ употреблялось ж.

довъ и другихъ сластей (овощеве разнообразныя), которыя очень цѣнятся варварами, потому что тамъ ихъ не водится.

Послы ѣхали дальше и повстрѣчали другое посольство къ Аттилѣ отъ Азціи и царя Западныхъ Римлянъ, посланное для укрощенія его гнѣва за какіе-то золотые священныя сосуды, которые Аттила почиталъ своею собственностію, такъ какъ они составляли принадлежность завоеваннаго имъ города. Оба посольства остановились въ этомъ мѣстѣ и ожидали, пока Аттила, проѣдетъ впередъ, а потомъ продолжали путь за нимъ вмѣстѣ со множествомъ народа.

„Переѣхавъ, черезъ нѣкоторыя рѣки, продолжаетъ Прискъ, мы прибыли въ одно огромное селеніе, въ которомъ былъ дворецъ Аттилы. Этотъ дворецъ, какъ увѣряли насъ, былъ великолѣпнѣе всѣхъ дворцовъ, какіе имѣлъ Аттила въ другихъ мѣстахъ. Онъ былъ построенъ изъ бревенъ и досокъ, искусно вытесанныхъ и обнесенъ деревянною оградю, болѣе служащею къ украшенію, нежели къ защитѣ. Послѣ дома царскаго, самый отличный былъ домъ Онигисіевъ, также съ деревянною оградю; но ограда эта не была украшена башнями, какъ Аттилина. Недалеко отъ ограды была большая баня, построенная Онигисіемъ, имѣвшимъ послѣ Аттилы величайшую силу между Скиѣами. Онъ перевезъ для этой постройки камень изъ земли Пеонской (отъ Савы и Дравы), ибо у варваровъ, населяющихъ здѣшнюю страну, нѣтъ ни камня, ни дѣса; этотъ матеріалъ употребляется у нихъ привозный.

„При въѣздѣ въ селеніе, Аттила былъ встрѣченъ двумя (быть можетъ по случаю его брака), которыя шли рядами подъ тонкими бѣлыми покрывалами. Подъ каждымъ изъ этихъ длинныхъ покрывалъ, поддерживаемыхъ руками стоящихъ по обѣимъ сторонамъ женщинъ, было до семи и болѣе дѣвъ; а такихъ рядовъ было очень много. Сія дѣвы, предшествуя Аттилѣ, пѣли Скиѣскія пѣсни. Когда Аттила былъ подлѣ дома Онигисія, мимо котораго пролегалъ дорога, ведущая къ царскому дворцу, — супруга Онигисія вышла изъ дому со многими служителями, изъ которыхъ одни несли кушанье, а другіе вино. Это у Скиѣовъ знакъ отличнѣйшаго уваженія. Она привѣтствовала Аттилу и просила его вкусить того, что ему подносила, въ изъявленіе своего почтенія. Въ угодность жены своего любимца, Аттила, си-

дя на конѣ, въ кушанья съ серебрянаго блюда, высоко поднятаго служителями. Вкусивъ вина изъ поднесенной ему чаши, онъ поѣхалъ въ царскій домъ, который былъ выше другихъ и построенъ на возвышеніи⁴.

Послы по назначенію остановились въ домѣ Онигисія, были приняты его женою и отличнѣйшими изъ его сродниковъ и обѣдали у него. Самъ Онигисій, бывши у Аттилы, не имѣлъ времени съ ними обѣдать. Онъ только что возвратился изъ похода къ Аватирамъ, гдѣ посадилъ на царство старшаго сына Аттилы и доносилъ государю о своемъ порученіи, а равно и о случившемся несчастіи: царица упала съ коня и переломилъ себѣ правую руку.

Нообѣдавши, послы однако раскинули свои шатры близъ дворца Аттилы, для того, чтобы быть поближе отъ посольскихъ совѣщаній. По этимъ шатрамъ можно доказывать, что и они были Калмыки.

На разсвѣтъ Прискъ отправился къ Онигисію съ дарами и главное, чтобы узнать, какъ онъ хочетъ вести переговоры. Сопровождаемый служителями, несшими подарки, Прискъ подошелъ къ воротамъ, но ворота были заперты и посланникъ сталъ дожидаться, не выйдетъ ли кто, чтобы сказать о его приходѣ.

Между тѣмъ, какъ онъ прохаживался передъ оградою дома, къ нему подошелъ человекъ, судя по Скиескому платью, варваръ. Но онъ привѣтствовалъ Приска на эллинскомъ языкѣ. Это очень удивило посланника. „Скиены, будучи сборищемъ разныхъ народовъ, говоритъ онъ, сверхъ собственного своего варварскаго языка, охотно употребляютъ языкъ Унновъ, Готеовъ или латинскій въ сношеніяхъ съ Римлянами. Но не легко найти между ними человека, знающаго эллинскій языкъ, исключая людей уведенныхъ изъ Фракіи или изъ приморской Иллиріи. Однако такихъ людей, впавшихъ въ несчастіе, легко узнать по изодранному платью и по нечесанной головѣ; а этотъ человекъ казался Скиеомъ, живущимъ въ роскоши; онъ одѣтъ былъ очень хорошо, а голова была острижена въ кружокъ⁴. Отвѣтствуя на его привѣтствіе, Прискъ спросилъ его, кто онъ таковъ, откуда пришелъ въ варварскую страну и почему предпочелъ скиескій образъ жизни прежнему? Оказалось, что это былъ Грекъ изъ Дунайскаго города Вимиакіи; былъ богатъ и при взя-

тіи города Скиеами, попалъ въ плѣнъ, а за богатство достался при раздѣлѣ плѣнныхъ Онигисію, потому что богатые люди, доставались, послѣ Аттилы, на долю его вельможамъ. „Послѣ я отличался въ сраженіяхъ противъ Римлянъ и Акатировъ, говорилъ Грекъ, отдалъ своему господину по закону скиескому, все, добытое мною на войнѣ; получилъ свободу, женился на варваркѣ, прижилъ дѣтей и теперь благоденствую. Онигисій сажаетъ меня за свой столъ и я предпочитаю настоящую свою жизнь прежней, ибо иноземцы, находящіеся у Скиеовъ, послѣ войны ведутъ жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, ничѣмъ нетревожимый“. Грекъ сталъ выхвалять скиеское жите передъ греческимъ и, подобно нашему Котошихину, описалъ состояніе дѣлъ въ Византіи очень не привлекательными красками. „Жестокое взиманіе налоговъ, притѣсненія несправедливаго, подкупнаго и безконечнаго суда, наглое и непомерное взяточничество; при множествѣ законовъ полнѣйше беззаконіе и тому подобныя обычаи просвѣщеннаго народа, говорилъ онъ, дѣлають жизнь въ Византіи невыносимою“. Представитель Византіи конечно сталъ ему возражать и доказывать, что онъ ошибается; что законы греческіе для всѣхъ равны, что самъ царь имъ повинуется... Подъ конецъ разговора Грекъ заплакалъ и сказалъ: „Законы хороши и Римское общество прекрасно устроено; но правители портятъ и разстраиваютъ его, не поступая такъ, какъ поступали древніе“.

Пока такимъ образомъ у воротъ Скиеа Греки разсуждали о бѣдствіяхъ своей земли, или лучше сказать о бѣдствіяхъ гражданскаго быта, остающихся и до сихъ поръ живыми, ворота были отперты и Прискъ, подбѣжавъ къ домачадцу, спросилъ: когда можетъ видѣть господина? „Подожди немного, онъ самъ выйдетъ“, отвѣчалъ привратникъ. Въ самомъ дѣлѣ, не много погодя, Онигисій вышелъ. Прискъ привѣтствовалъ его отъ имени посла, представилъ подарки и золото, присланное отъ царя (должно быть особо Онигисію) и спросилъ, когда и гдѣ посолъ можетъ съ нимъ говорить? Онигисій далъ приближеннымъ приказаніе принять подарки и золото и велѣлъ сказать послу, что онъ самъ придетъ къ нему сейчасъ. Такъ дѣйствительно и случилось. Не успѣвъ Прискъ воротиться къ своимъ шатрамъ, какъ явился

и Онигисій. Переговоры со стороны Грековъ касались того, чтобы Скиѣвъ пріѣхалъ къ царю въ Византію и разрѣшилъ всѣ недоразумѣнія. Видимо они приманивали Скиѣва на дѣвѣну Аттилѣ. Но Скиѣвъ объяснилъ, что онъ будетъ имъ несравненно полезнѣе, оставаясь при Аттилѣ, ибо, когда случится, можетъ угрожать его гнѣвъ на Римлянъ. Видимо, что Скиѣвъ тоже хитрилъ въ виду подарковъ и золота.

„На другой день, продолжаетъ Прискъ, я пошелъ ко двору Аттилы съ подарками для его супруги. Имя ея Крека. Аттила имѣлъ отъ нея трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ владѣтелемъ Авапировъ и другихъ народовъ, занимавшихъ припонтійскую Скиѣю“, то есть стало быть старшій стоить всей Скиѣской земли¹.

„Внутри ограды (Аттилина двора) было много домовъ; одни выстроены изъ досокъ, красиво соединенныхъ, съ рѣзною работою; другіе изъ тесаныхъ и выровненныхъ бревенъ, вставленныхъ въ брусъ, образующіе круги; начинаясь съ пола, они поднимались до нѣкоторой высоты².

„Здѣсь жила супруга Аттилы. Я впущенъ былъ стоявшими у дверей варварами и засталъ Креку, лежащую на мягкой постелѣ. Полъ былъ устланъ шерстяными коврами, по которымъ ходили. Вокругъ царицы стояло множество рабовъ; рабыни, сидя на полу, противъ нея, испещряли разными красками полотняныя покрывала, носимыя варварами поверхъ одежды для красоты. Подошедъ къ Крекѣ, я привѣтствовалъ ее, подалъ ей подарки и вышелъ. Я пошелъ къ другимъ палатамъ, гдѣ имѣлъ пребываніе Аттила. Я ожидалъ, когда выйдетъ Онигисій, который уже находился внутри дворца. Я стоялъ среди множества людей, и никто мнѣ

¹ По Юрнанду Авапиръ жили въ Кіевской области, а подъ ними по сѣверному берегу Чернаго моря Булгары, называемые иногда Уннами-Котригурами. См. выше, стр. 330.

² Образъ постройки дома Креки, говоритъ Русскій переводчикъ Дестунисъ, и въ текстѣ и въ переводахъ мнѣ неясенъ. Первоначальный текстъ не давалъ ни какого смысла. Исправленный на угадъ Контокарюмъ и Беккерюмъ онъ сталъ потолковѣе, но все таки неясенъ. По всему вѣроятію затруднительные для пониманія круги, обозначаютъ тѣ формы древнѣхъ Русскихъ построекъ, которыя технически именуется бочками, или въ наменномъ зодствѣ закомарами.

не мѣшалъ, потому что я былъ извѣстенъ страхамъ Аттилы и окружающимъ его варварамъ. Я увидѣлъ, что идетъ толпа; на томъ мѣстѣ произошелъ шумъ и тревога, въ ожиданіи выхода Аттилы. Онъ выступилъ изъ дому, шелъ важно, озираясь въ разные стороны“.

Здѣсь Прискъ въ первый разъ увидалъ Аттилу лицомъ къ лицу. Онъ не описываетъ его наружности, зато спустя сто лѣтъ ее описываетъ Готъ Юрнандъ. „Это мужъ, рожденный на свѣтъ для всколебанія своего народа, всѣмъ странамъ на ужасъ, говоритъ онъ. По какой то волѣ рока распространилась о немъ страшная молва и онъ все привелъ въ трепеть. Гордо выступая, озирается онъ на всѣ стороны, такъ что въ самыхъ движеніяхъ его видно было могущество лица властнаго. Любитель браней, но самъ въ бою воздержный, онъ былъ силенъ въ совѣщаніяхъ, доступенъ мольбамъ, благосклоненъ къ людямъ, ему отдавшимся. Онъ былъ малъ ростомъ: грудь широкая, голова большая, маленькіе глаза, борода рѣдкая, волосы съ просѣдью, черезъ и курносъ, какъ вся его порода“. Ясно, что портретъ написанъ по сказаніямъ объ Унахъ Ам. Марцеллина и Зосима.

„Когда, вышедъ съ Онигисіемъ, продолжаетъ Прискъ, Аттила остановился на крыльцѣ дома, многіе просители, имѣвшіе между собою тяжбы, подходили къ нему и слушали его рѣшенія. Онъ возвратился потомъ въ свой домъ, гдѣ принималъ пріѣхавшихъ къ нему варварскихъ посланниковъ.“

Между тѣмъ, ожидая Онигисія и оставаясь поэтому случаю въ оградѣ Аттилина дворца, Прискъ встрѣтилъ здѣсь и посланниковъ западныхъ Римлянъ. Начались разговоры, конечно все объ Аттилѣ. Западные Римляне жаловались на непреклонность требованій варвара. „Великое счастье Аттилы, говорилъ посолъ Ромулъ, и происходящее отъ этого счастья могущество до того увлекаютъ его, что онъ не терпитъ никакихъ представленій, какъ бы они ни были справедливы, если они не клонятся къ его пользѣ. Никто изъ тѣхъ, которые когда либо царствовали надъ Скиѣіею и надъ другими странами, не произвелъ столько великихъ дѣлъ, какъ Аттила, и въ такое короткое время. Его владычество простирается надъ островами, находящимися на Океанѣ, и не только всѣхъ Скиѣовъ, но и Римлянъ заставляеть онъ платить себѣ дань.“ Недовольствуясь настоящимъ

владѣніемъ, онъ жаждетъ большаго, хочетъ распространить свою державу и идти на Персовъ⁴.

Когда кто-то изъ присутствующихъ спросилъ, по какой дорогѣ Аттила можетъ пройти въ Персію? то Ромулъ объяснилъ, что Мидія не очень далека отъ Скиѳіи; что Уннамъ извѣстна туда дорога; что они давно вторгались въ Мидію, въ то время, когда у нихъ свирѣпствовалъ голодъ; что въ Мидію ходили Васихъ и Курсихъ, тѣ самые, которые послѣ прїѣзжали въ Римъ для заключенія союза, мужи царскаго рода и начальники многочисленнаго войска. По ихъ рассказамъ они проѣхали степной край, переправились черезъ какое-то озеро, Меотиду, какъ полагалъ Ромулъ, и по простествіи пятнадцати дней, перейдя какія-то горы, вступили въ Мидію. Персы потѣснили ихъ назадъ; тогда Скиѳы, боясь преслѣдованія, поворотили по другой дорогѣ (черезъ Дербентъ), гдѣ пламя поднимается изъ скалы подводной (въ Баку), и возвратились въ свою страну¹.

Вообще посланники заботливо разсуждали о великомъ могуществѣ Аттилы. „Военная сила у него такая, говорили они, что ни одинъ народъ не устоитъ противъ него; можетъ случиться, что онъ завоюетъ и самый Римъ. Онъ уже сказалъ, прибавилъ одинъ, что полководцы Римлянъ его рабы; а его полководцы равны царямъ Рима; что настоящее его могущество распространится въ скоромъ времени еще больше; что это знаменуетъ ему Богъ, явившій мечъ Марсовъ, который у Скиѳскихъ царей почитается священнымъ. Этотъ мечъ уважается ими, какъ посвященный Богу войны; въ древнія времена онъ исчезъ, а теперь былъ случайно открытъ быкомъ“².

¹ Общій очеркъ этого пути необходимо даетъ понятіе, что Унны ходили въ Мидію или отъ Дона или отъ Днѣпра черезъ Воспоръ (зимомъ по льду), и во всякомъ случаѣ изъ Кіевской или Сѣверной страны, ибо прежде всего проходили степной край.

² По Юрнанду Прискъ разсказывалъ объ этомъ мечѣ слѣдующее: Какой-то пастухъ, замѣтивъ, что одна корова у него хромала отъ раны, сталъ отыскивать причину; онъ направился по ея кровавымъ слѣдамъ и дошелъ до меча, торчавшаго изъ земли. Мечъ былъ выкопанъ и тотчасъ отнесенъ къ Аттилѣ. Ясно, что это сказочный мечъ - владыкенецъ.

Въ тотъ же день послы и восточные и западные были приглашены Аттилою на пиршество, которое назначалось въ 9 часовъ дня (съ восхожденія солнца).

„Въ назначенное время, говоритъ Прискъ, пришли мы и посланники Западныхъ Римлянъ и стали на порогъ комнаты, противъ Аттилы. Виночерпцы, по обычаю страны своей, подали чашу, дабы и мы помогились, прежде нежели съестъ. Съѣлавъ это и вкусивъ изъ чаши, мы пошли къ сѣдалищамъ, на которыя надлежало намъ съестъ и объѣдать“. Скамьи стояли у стѣнъ комнаты по обѣ стороны; въ самой срединѣ сидѣлъ на ложѣ Аттила; позади его было другое ложе, за которымъ нѣсколько ступеней вели къ его постели. Она была закрыта тонкими и пестрыми занавѣсами, для красы, подобными тѣмъ, какіе въ употребленіи у Римлянъ и Эллиновъ для новобрачныхъ.

„Первымъ мѣстомъ для объѣдающихъ почиталась правая сторона отъ Аттилы; вторымъ—лѣвая, на которой сидѣли мы. Впереди насъ сидѣлъ Верихъ, Скиѣвъ знатнаго рода. Онигисій сидѣлъ на скамьѣ, ¹¹на право отъ ложа царскаго. Противъ Онигисія на скамьѣ сидѣло двое изъ сыновей Аттилы; старшій же сынъ его сидѣлъ на краю его ложа, не близко къ нему, изъ уваженія къ отцу потупивъ глаза въ землю.

„Когда всѣ разсѣлись по порядку, виночерпецъ, подошедъ къ Аттилѣ, поднесъ ему чашу съ виномъ. Аттила взялъ ее и привѣтствовалъ того, кто былъ первый въ ряду. Тотъ, кому была оказана честь привѣтствія, вставалъ; ему не было позволено съестъ прежде, чѣмъ Аттила возвратитъ виночерпцу чашу, выпивъ вино, или отвѣдавъ его. Когда онъ садился, то присутствующіе читли его такимъ же образомъ: принимали чаши и привѣтствовали, вкушали изъ нихъ вино. При каждомъ изъ гостей находилось по одному виночерпцу, который долженъ былъ входить въ очередь по выходѣ виночерпца Аттилы. По оказаніи такой же почести второму гостю и слѣдующимъ за нимъ гостямъ, Аттила привѣтствовалъ и насъ наравнѣ съ другими по порядку сидѣнія на скамьяхъ. Послѣ того, какъ всѣмъ была оказана честь такого привѣтствія, виночерпцы вышли. Подлѣ стола Аттилы поставлены были столы на трехъ, четырехъ или болѣе гостей, такъ, чтобъ каждый могъ брать изъ положеннаго на

блюды кушанья, не выходя изъ ряда съдалицъ. Съ кушаньемъ первый вошелъ служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясомъ. За нимъ прислуживающіе другимъ гостямъ ставили на столы кушанье и хлѣбъ. Для другихъ варваровъ и для насъ были приготовлены отличныя яства, подаваемыя на серебряныхъ блюдахъ; а передъ Аттилою ничего болѣе не было, кромѣ мяса на деревянной тарелкѣ. И во всецѣ прочемъ онъ показывалъ умѣренность. Пирующимъ подносились чарки золотыя и серебряныя, а его чаша была деревянная. Одежда на немъ была также простая, и ничѣмъ не отличалась, кромѣ опрятности. Ни висящій при немъ мечъ, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотомъ, камнями или чѣмъ либо драгоценнымъ, какъ водится у другихъ Скиновъ.

„Послѣ того, какъ наложенныя на первыхъ блюдахъ кушанья были съдены, мы всѣ встали, и всякій изъ насъ не прежде пришелъ къ своей скамьѣ, какъ выпивъ прежнимъ порядкомъ поднесенную ему полную чару вина и пожелавъ Аттилѣ здравія. Изъявивъ ему такимъ образомъ почтеніе, мы сѣли, а на каждый столъ поставлено было второе блюдо, съ другими кушаньями. Всѣ брали съ блюда, вставали по прежнему, потомъ, выпивъ вино, сѣли.

„Съ наступленіемъ вечера зажжены были факелы. Два варвара, выступивъ противъ Аттилы, пѣли пѣсни, въ которыхъ превозносили его побѣды и оказанную въ бояхъ доблесть. Собесѣдники смотрѣли на нихъ: одни тѣшились стихотвореніями, другіе воспламенялись, вспоминая о битвахъ, а тѣ, которые отъ старости тѣломъ были слабы, а духомъ спокойны, проливали слезы.

„Послѣ пѣсней, какой-то Скивъ юродивый (шутъ), выступивъ впередъ, говорилъ рѣчи странныя, вздорныя, неизвѣстнаго смысла и разсмѣшилъ всѣхъ.

„За нимъ предсталъ собранію горбунъ Зеркомъ Маврусій.... Видомъ своимъ, одеждою, голосомъ и смѣшенно-произносимыми словами, ибо онъ смѣшивалъ языкъ Латинскій съ Унскимъ и Готскимъ, онъ развеселилъ присутствующихъ и во всѣхъ нихъ, кромѣ Аттилы возбудилъ неугасимый смѣхъ. Аттила одинъ оставался неизмѣннымъ и непреклоннымъ, и не обнаружилъ никакого расположенія къ смѣху. Онъ только потягивалъ за щеку младшаго изъ своихъ сыновей, Ирну, во-

шедшаго и ставшаго возлѣ него, и глядѣлъ на него веселыми глазами. Я дивился тому, что Аттила не обращалъ вниманія на другихъ дѣтей своихъ и только ласкалъ одного Ирну. Сидѣвшій возлѣ меня варваръ, знающій Латинскій языкъ, попросилъ меня напередъ никому не говорить того, что онъ мнѣ сообщитъ, и сказалъ, что прорицатели предсказали Аттилѣ, что его родъ падеть, но будетъ возстановленъ этимъ сыномъ. Такъ какъ пированье продолжалось и ночью, то мы вышли, не желая долге бравничать⁴.

На другой день послы стали просить объ отпускѣ. Онигисій сказалъ имъ, что и Аттила хочетъ ихъ отпустить. Потомъ онъ держалъ совѣтъ съ другими сановниками и сочинялъ письма, которыя надлежало отправить въ Византію. При Онигисіи были писцы и между прочимъ одинъ шлѣнный изъ Мизіи, котораго по отличному образованію Аттила употреблялъ для писемъ.

„Между тѣмъ Реканъ (Крека), супруга Аттилы, пригласила насъ къ обѣду, продолжаетъ Прискъ, у Адамія, управлявшаго ея дѣлами. Мы пришли къ нему вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатными Скиеами, удостоены были благосклоннаго и привѣтливаго приѣма и угощены столомъ. Каждый изъ предстоявшихъ, по Скиеской учтивости, привставъ, подавалъ намъ полную чашу, потомъ обнималъ и цѣловалъ видившаго и принималъ отъ него чашу. Послѣ обѣда мы пошли въ свой шатеръ и легли спать⁴.

„На другой день Аттила опять пригласилъ насъ на пиръ. Мы пришли къ нему и пировали по прежнему. На ложѣ подлѣ Аттилы, сидѣлъ уже не старшій его сынъ, а Оиварсій. дядя его по отцу. Во все время пиршества Аттила обращалъ къ намъ ласковыя слова. . . . Мы вышли изъ пиршества ночью⁴.

По прошествіи трехъ дней послы были отпущены.

На возвратномъ пути они остановились въ одномъ селеніи. „Тутъ былъ пойманъ Скиеъ, пришедшій изъ Римской земли въ варварскую лазутчикомъ. Аттила велѣлъ посадить его на колъ. „На другой день, когда мы, говоритъ Прискъ, ѣхали другими селеніями, два человѣка, бывшіе у Скиеовъ въ неволѣ, были приведены со связанными назади руками за то, что убили своихъ господъ, владѣвшихъ ими по праву

войны. Обоихъ распяли, положивъ голову на два бруса, съ перекладинами“.

Послѣ того посламъ встрѣтился Вигила, участникъ заговора на жизнь Аттилы, везшій теперь золото, назначенное для подкупа Эдикона. Аттила заставилъ Вигилу все рассказать, какъ было дѣло, взялъ золото (100 литръ) и велѣлъ привести еще 50 литръ для выкупа самого Вигилы.

Затѣмъ Аттила послалъ въ Константинополь своего посла Ислу и Ореста, домошадца и писца (дьяка). Оресту было приказано повѣсить себя на шею мошну, въ которой Вигила привезъ золото для передачи Эдикону; въ такомъ видѣ предстать предъ царя, показать мошну ему и евиуху Хрисафію, первому заводчику заговора, и спросить ихъ: узнаютъ ли они мошну? Послу Ислѣ велѣно было сказать царю изустно: „ты Феодосій рожденъ отъ благороднаго родителя, и я самъ Аттила хорошаго происхожденія, и наследовавъ отцу своему Мундіуху, сохранилъ благородство во всей чистотѣ. А ты Феодосій, напротивъ того, лишившись благородства, поработился Аттилѣ тѣмъ, что обязался платить ему дань. Итакъ ты не хорошо дѣлаешь, что тайными кознями, подобно дурному рабу, посягаешь на того, кто лучше тебя, кого судьба сдѣлала твоимъ господиномъ“.

Таковы рассказы Приска, свидѣтеля-очевидца, свидѣтеля несомнѣннаго, достовѣрнаго. Насколько въ этихъ рассказахъ обрисовывается кочевой бытъ Уиновъ, надо объ этомъ вопросить здравый смыслъ.

Всѣ Уины-Скионы, какъ и самъ ихъ царь Аттила живутъ въ селеніяхъ. Дворецъ царя, лучшій, находится въ огромномъ, многолюдномъ селеніи, другіе находятся въ другихъ селеніяхъ. Дворецъ этотъ искусно и красиво построенъ изъ дерева, въ странѣ, гдѣ ни камня, ни дерева нѣтъ и все это должно привозить. Дворецъ имѣетъ ограду съ башнями, ограду, которая служитъ больше для украшенія, чѣмъ для защиты. Это даже и не Московскій Кремль, а простая усадьба богатаго помѣщика. Дворецъ царицы на томъ же дворѣ, но построенный съ большими затѣями, съ какими-то кругами, которые несомнѣнно были кровли, сведенныя въ форму бочекъ, или тѣхъ намъ всѣмъ извѣстныхъ полукружій, которыя повсюду встрѣчаются на кровляхъ и подъ главами нашихъ старинныхъ церквей.

Выходя на охоту, Аттила въ полѣ останавливается въ шатрахъ—вотъ единственный признакъ кочеваго быта. Но и греческіе послы возлѣ двора Аттилы, возлѣ его хороми раскидываютъ для удобства сношеній тоже свои шатры, слѣд. и они были кочевники.

Описаніе пира, столовыхъ обрядовъ, порядка, въ какомъ гости сѣдѣли, переносить насъ цѣликомъ въ Московскій дворецъ 16-го столѣтія, то есть черезъ пространство времени на 1100 лѣтъ и показываетъ, что формы быта живутъ несравненно дольше племенъ и народовъ.

Положимъ, что никогда не будетъ доказано, что Унны были Славяне. Но точно также никогда не будетъ доказано, что Унны были Монголы, Маджары или другой какой народъ. ибо основанія для подобныхъ доказательствъ одни и тѣже, не точныя, сбивчивыя, неясныя показанія древнихъ писателей. Одно всегда будетъ справедливо, что ихъ обычая, въ оное время, господствовали въ Славянской землѣ и именно въ землѣ Славянъ Восточныхъ, что чьи бы ни были эти обычаи, но они принадлежатъ такъ сказать самой землѣ, гдѣ уже тысячу лѣтъ живутъ одни Славяне восточной отрасли.

Эти обычаи суть отношенія къ военно-плѣннымъ рабамъ, о которыхъ такъ подробно рассказываетъ Прискъ и о которыхъ тоже самое говорятъ Прокопій и Маврикій, спустя сто лѣтъ.

Многоченство, которое изображено Несторомъ въ лицѣ Владиміра, даже съ тѣмъ указаніемъ, что жены жили въ отдельныхъ селахъ, какъ и здѣсь жена Влиды, угостившая пословъ, случайно попавшихъ къ ней во время бури.

На Руси дороже почета не было, когда жена хозяина выйдетъ и поднесетъ гостю чарку вина съ обычными поцѣлуйми. Здѣсь мы видимъ, что жена перваго человѣка у Аттилы выходитъ и подноситъ ему вино и ѣству. Затѣмъ гости на обѣдѣ у царицы, выпивши, принимаютъ объятія и поцѣлуи скивовъ-хозяевъ.

Языкъ, которымъ говорили приближенные Аттилы, Прискъ называетъ Скиескимъ. Медъ и квасъ обличаютъ въ этомъ языкѣ Славянство. Но въ другомъ мѣстѣ Прискъ отличаетъ Скиескій языкъ отъ Унскаго, говоря, что „Скионы, будучи сборищемъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго своего языка охотно употребляютъ языкъ Унновъ, Готтовъ,

Латинъ". Во всемъ своемъ сочиненіи онъ однако безразлично употребляетъ имена Скиѣвъ и Уннѣвъ и чаще всего Скиѣвъ. Стало быть, если и существовало различіе въ языкѣ, то оно было не велико, быть можетъ такое, какое и доселѣ существуетъ между различными племенами Славянъ, между Велико и Мало-русскимъ. Унны, какъ восточная или при-Балтійская Славянская вѣтвь, конечно говорили нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ прикарпатскіе братья. Вотъ почему Прискъ обозначилъ этотъ языкъ общимъ именемъ: Скиѣскій, говоря, что одинъ изъ плѣнныхъ иностранцевъ, писець или дьякъ Аттилы, Рустикій, зналъ Скиѣскій языкъ, почему онъ и обратился къ нему, какъ къ переводчику, дабы на этомъ Скиѣскомъ, а не Уннскомъ, языкѣ вести переговоры съ приближеннымъ Аттилы, Скоттою, братомъ Онигисіа. Многія личныя имена точно также указываютъ Славянство этого языка.

Унны пришли отъ Дона и Ледовитаго моря. Аттила владелъ даже и островами, лежащими на Океанѣ. Старшій сынъ его царствовалъ надъ Акатирами, которыхъ Иорнадъ прямо помѣщаетъ въ Кіевской странѣ. Унны по ихъ же разсказамъ нападали на Мидію, пройдя сначала степной край, потомъ переправлялись черезъ лиманъ—Меотійскія болота или Азовское море. Стало быть, они шли не изъ степнаго края, который по указанію этого пути долженъ находиться все-таки гдѣ-либо вблизи Кіева. Аттила имѣетъ у себя писцовъ, дьяковъ, очень умныхъ и образованныхъ людей изъ Итальянцевъ, Римлянъ и Грековъ. Аттила очень хорошо знаетъ, что дѣлаютъ и даже что говорятъ въ Римѣ и въ Константинополѣ. Во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ онъ принимаетъ живое участіе: заставляетъ Θεодосіа выдать богатую невѣсту за нѣкоего Констанція, отыскиваетъ въ Римѣ, какъ свою собственность, какіе то сѣалы — священные сосуды и т. п. Все это показываетъ, что Аттила живетъ съ европейскимъ міромъ одною мыслью, тѣми же интересами, что его отношенія къ Римскому и Византійскому дворамъ таковы же, какими бывали отношенія каждаго могущественнаго европейскаго властителя.

Аттила даритъ византійскихъ пословъ конями, звѣряными мѣхами, которыми украшаются Царскіе Скиѣвы, говоритъ Прискъ. Положимъ, что конь—подарокъ степной, но мѣха—подарокъ сѣверный.

Аттила въ договорахъ съ Греками особенно хлопочеть о переметчикахъ, настаиваетъ, чтобы не принимали бѣгущихъ отъ него людей, и въ 449 г. говоритъ, чтобы покрайней мѣрѣ впередъ не принимали этихъ бѣгущихъ. Но столько же онъ хлопочеть и о торгахъ, чтобъ торгъ былъ свободный и безпрепятственный. Объ этомъ очень хлопочуть и его дѣти.

„Въ это время (послѣ 466 г.), пишетъ Прискъ, прибыло къ царю Леонту посольство отъ сыновей Аттилы, съ предложеніемъ о прекращеніи прежнихъ несогласій, и о заключеніи міра. Они желали по древнему обычаю сѣзжаться съ Римлянами на берегу Истра, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, продавать тамъ свои товары и взаимно получать отъ нихъ тѣ, въ которыхъ имѣли нужду. Ихъ посольство, прибывши съ такими предложеніями, возвратилось безъ успѣха. Царь не хотѣлъ, чтобъ Унны, нанесшіе столько вреда его землѣ, имѣли участіе въ Римской торговлѣ. Получивъ отказъ, сыновья Аттилы были между собою въ несогласіи. Одинъ изъ нихъ Денгизихъ, послѣ безуспѣшнаго возвращенія посланниковъ, хотѣлъ идти войною на Римлянъ; но другой, Ирпахъ, противился этому намѣренію, потому что домашняя война отвлекала его отъ войны съ Римлянами“.

Со смертію Аттилы яркая слава Унновъ на Западѣ Европы мгновенно рушилась. Это показываетъ, что составъ его многочисленнаго войска былъ по преимуществу разноплеменный, хотя и однородный только въ племенахъ Уннскихъ, которыя по всѣмъ признакамъ были племена Славянскія. Въ виду темныхъ сказаній древности и поверхностныхъ изслѣдованій ближайшаго къ намъ времени, мы пока не сомнѣваемся, что именемъ Унновъ въ средневѣковой исторіи обозначилось движеніе восточнаго Славянства противъ наступавшихъ Готовъ и занятіе имъ всей той страны или тѣхъ Славянскихъ земель, которыми успѣли завладѣть и надъ которыми владычествовали Готы.

Съ своимъ героемъ Эрманарикомъ Готы сильно забирались къ востоку и дошли быть можетъ до гнѣзда Роксоланъ до нижняго Днѣпра, направляясь, безсомнѣнія, къ Києву. Здѣсь поставленъ былъ предѣлъ ихъ наступленію. Отсюда Кіевскіе сѣверные Славяне потѣснили ихъ обратно назадъ, приди на помощь къ своимъ южнымъ братьямъ и принесли

вѣсть съ своими племенами самое имя Унновъ - Кманъ, если это имя идетъ отъ Птоломеевыхъ Хунновъ и Хоановъ, или Унновъ-Венедовъ, Балтійскихъ Славянъ, если это имя можетъ идти отъ Вановъ, Веновъ, Влиновъ, Униновъ, какъ именовались Венеды на языкѣ Скандинавовъ и Готовъ.

Первый царь, то есть князь Унновъ, Валамиръ, явился представителемъ Славянскаго единства въ этой странѣ и очистилъ Славянскія земли отъ власти Готовъ, прогнавши со всѣмъ за Дунай непокорныхъ, именно Западныхъ Готовъ. Не съ безчисленными Калмыцкими или Урало-Чудскими племенами онъ выступалъ въ походъ, а дѣйствовалъ обычнымъ порядкомъ національной борьбы, также, какъ дѣйствовали и Готы, пользуясь больше всего междоусобными расприями своихъ враговъ.

Дальнѣйшая погоня за Готами привела Славянскихъ князей на старыя жилища Готовъ, въ сѣверную Дакію, а потомъ и за Дунай, поближе къ Латинской и къ Греческой имперіямъ. Аттила, какъ видѣли, жилъ гдѣ-то вверху Тейсы, подъ Карпатскими горами, въ нынѣшней восточной Венгріи, которая по нашей лѣтописи издревле была населена Славянами. Аттила, стало быть, ничего больше не сдѣлалъ, какъ овладѣлъ старыми Славянскими землями, гдѣ и въ его время населеніе пило медъ и калмыцкій кумысъ, приготовляемый однако изъ ячменя, то есть по просту квасъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ Аттила явился первообразомъ нашего Святослава, почему-то говорившаго, что Переяславецъ на Дунаѣ (гдѣ-то въ его устьяхъ) есть середка его земли, и для котораго вообще тамъ было отечество, гдѣ было хорошо и гдѣ открывалось обширное поле для воинственныхъ честолюбивыхъ замысловъ.

Кочевникъ, Тавроскиецъ, Святославъ во многомъ напоминаетъ кочевника Уйна Аттилу. Только не тѣ были времена и историческія обстоятельства, и другъ Святослава, Греть Калокиръ, призвавшій его на Дунай, вовсе не былъ похожъ на друга Аттилы, знаменитаго Аэція, точно также по своимъ замысламъ водившаго Унновъ воевать на далекій западъ.

Какъ Святославъ, въ отношеніи къ Византіи, такъ и Аттила, въ отношеніи къ Латинской и Греческой имперіямъ, становится сильнымъ не столько отъ собственной силы,

сколько отъ смуть, происходившихъ между народностями запада и въ самыхъ имперіяхъ. Быть можетъ въ полкахъ Аттилы находились и чистые кочевники, чистѣйшіе степняки, но по всѣмъ сказаніямъ нигдѣ нельзя замѣтить, чтобы ядро его войска, главную его силу составляли орды Монголовъ или тѣхъ Калмыцкихъ чудищъ, которыхъ такъ разукрасили на показъ читателямъ Ам. Марцелинъ и Юрнандъ.

Надо согласиться, что въ своихъ изслѣдованіяхъ объ Унахъ западная наука ни сколько не отошла отъ тѣхъ заученныхъ и баснословныхъ основаній, какія были положены въ исторію Унновъ упомянутыми двумя историками. Поэтому, читая и новѣйшія сказанія объ Унахъ Амед. Тьерри, невольно думаешь, что читаешь Марцеллина или Юрнанда: такъ разительно сходство въ приемахъ изложенія и повѣствованія ꙗ во взглядахъ на предметъ.

Пока здравая и всесторонняя критика еще не коснулась этого любопытнаго вопроса, пока обстоятельной исторіи Унновъ можно сказать еще вовсе не существуетъ, до тѣхъ поръ позволительно каждому, сколько нибудь виноватому въ эту исторію, сомнѣваться въ достовѣрности заученныхъ выводовъ и рѣшеній.

Намъ кажется, что Славянство Унновъ, руководителей варварскаго и, главное, языческаго движенія Европы, которымъ ознаменовано такъ называемое великое переселеніе народовъ, раскрывается не только въ начальной исторіи этого движенія, но особенно въ тѣхъ отношеніяхъ, какія Унны имѣли къ разнымъ племенамъ европейскаго населенія и къ тому же Славянству. Не будемъ говорить о крѣпкомъ союзѣ Аттилы съ восточными Готами и Вандалами, о томъ что храбрые Германскіе народы, Квады, Маркоманны, Свевы-Швабы, Франки, Туринги, Бургунды съ охотою становились подъ его знамена, — все это, еслибъ мы признали Унновъ за Калмыковъ и настоящихъ степняковъ, какими ихъ описываютъ древніе и новые историки, никакъ не можетъ быть объяснено простымъ здравымъ смысломъ, простыми здравыми понятіями, не только о народныхъ, но и о повседневныхъ людскихъ отношеніяхъ.

Есть ли какая либо сообразность съ истиною, что въ нѣлой почти Европѣ, среди просвѣщеннаго юга и храбраго и отважнаго запада и сѣвера, господствовалъ глѣтъ двадцать

народъ, „не имѣвшій понятій ни о чести, ни о правосудіи, не имѣвшій никакой вѣры, питавшійся дикимъ кореньемъ и сырымъ мясомъ, всегда жившій въ полѣ, убѣгавшій домовъ, какъ гробовъ; днемъ вѣдлившій, а ночью спавшій верхомъ на лошадахъ; привыкшій между собою драться и потомъ мириться безъ всякой другой причины, какъ только по природному звѣрству и непостоянству“, и т. д., не говоря уже объ отвратительномъ наружномъ его видѣ, объ этихъ изрѣзанныхъ лицахъ, похожихъ на безобразный комъ мяса, съ двумя дырами вмѣсто глазъ и т. д. Есть ли какая либо сообразность, что предводитель такого народа, дикарь Аттила, былъ не только страшнымъ воиномъ, но еще болѣе страшнѣйшимъ политикомъ, и не посреди Калмыцкихъ ордъ, а по среди образованныхъ Грековъ и Римлянъ, искусившихся съ незапамятныхъ временъ въ устройствѣ самыхъ хитрыхъ и тонкихъ политическихъ замысловъ, и все-таки не успѣвавшихъ побѣждать политическую хитрость, проницаемость и прозорливость дикаря Аттилы¹.

Есть ли какая либо сообразность съ истинною, что восточные Готы, напр., не только долгое время живутъ вмѣстѣ съ этимъ свирѣпымъ и дикимъ народомъ, но даже и заимствуютъ у него личныя имена и сами прозываются Унскими именами? Объ этомъ прямо говоритъ Готскій же древній историкъ Иорнадъ, Гл. 9. И намъ кажется, что для доказательства Калмыцкаго и Урало-Чудскаго происхожденія Унновъ, прежде всего должно побороться съ этимъ свидѣтельствомъ Иорнанда и раскрыть, какія Калмыцкія и Урало-Чудскія личныя имена были въ употребленіи у Готовъ?

¹ Припомнимъ здѣсь отрывокъ г. Погодина, сдѣланную имъ въ 1830 г. по поводу разбора книги Венелина: Древніе и нынѣшніе Болгаре. «Смотря на многообразныя наполеоновскія дѣйствія Аттилы на всѣхъ концахъ Европы, съ Восточною и Западною Имперіями, съ Вандалами въ Африкѣ, его союзы, переговоры, сношенія, говоритъ авторъ, — невольно отвращаешься отъ мысли, будто онъ былъ вождемъ какого-то дикаго, кочеваго азіатскаго племени, какъ историки утверждаютъ обыкновенно, описывая намъ только его кровопролитныя войны языкомъ пристрастныхъ лѣтописателей среднихъ временъ; такія политическія соображенія не получаютъ вдохновеніемъ, а бывають только плодомъ долговѣчной гражданской жизни». Моск. Вѣстникъ на 1829 годъ, ч. VI, стр. 141.

Мы слышали, какъ звенять имена первыхъ Унновъ. Это Валамиръ (если не Владиміръ, то Велимиръ, Волимиръ) первый князь Унновъ, по имени котораго прозывались въ послѣдствіи и Готскіе князья. Потомъ Рогъ, Ругъ, Рогила, Ругила; Улдъ, несомнѣнный Владъ; Вльда, быть можетъ тотъ же Владъ или Блвдъ; Исла-Эсла-Славнъ (сравни городъ Исласъ на Дунаѣ, при впаденіи Алуты; р. Ославу текущую съ Карпатъ въ Галиціи); Скотта; Мама; Брека или Рева (сравни въ Крайнѣ и Далмаціи имена мѣстъ и рѣкъ Керка, Река, Кокра, и самый Краковъ; у Балтійскихъ Славянъ-Крековъ и т. п. имена по всему Славянству); Еллагъ — въ Донскихъ надписяхъ есть имя Велигъ¹. Уптаръ, Оптаръ, быть можетъ Торопъ или Топоръ, и т. п. Ученые слависты вообще соглашаются, что „Уннскій именовсловъ стоитъ въ непосредственной связи съ Славянскимъ“, какъ и многіе Уннскіе обычаи вполне объясняются обычаями Славянъ.

Должно еще замѣтить, что вообще мы имѣемъ дѣло съ именами переиорченными произношеніемъ и написаніемъ. Стоитъ только припомнить, какъ напр. на Западѣ искажали имя Святополка, изъ котораго выходилъ Сверопилъ, Сватеконій и т. п., или у Византійцевъ Любечь — Телючи, Смоленскъ — Милиниска, Новгородъ — Ункрать — Хоровіонъ и т. д. Всякій конечно скажетъ, что напр. имя Ахмилъ звучитъ по-татарски и напоминаетъ татарскаго посла Ахмыла (14-го вѣка), между тѣмъ, какъ этимъ именемъ величается Богданъ Хмельницкій у Алеппскаго архидьякона Павла, родомъ Араба. Такимъ образомъ въ каждомъ испорченномъ имени остается всегда еще свойство или народность того языка,

¹ Открытыя въ городищѣ древняго Танаиса мраморныя греческія надписи представляютъ высокій интересъ для исторіи нашего пред-Донскаго юга. Онѣ изданы Имп. Археологическою Коммиссіею (см. ея Отчетъ за 1870 — 1871 годы) и ожидаютъ вниманія нашихъ уважаемыхъ лингвистовъ. Надписи принадлежатъ какому-то религиознымъ общинамъ Танаиса и относятся къ концу втораго и началу третьяго вѣка по Р. Х. Во множествѣ варварскихъ именъ, нѣкоторыя звучатъ по-Славянски, таковы: Валодисъ, Ліагасъ Валодиоу, Великосъ, Дадасъ Ходіакіоу, Ходонакоу, Симикосъ и др. Очень часто употребляется имя Самватіонъ, Самвіонъ, указывающее на извѣстное имя Кіева, Самватасъ. Имя Вануноваросъ напоминаетъ и Вановъ и Унновъ, и Гуниваръ Юрнанда, и т. д.

на которомъ имя испортилось. Грекъ, Латинянинъ, Германецъ и т. д. каждый иноземецъ, прозявша чужое имя, присвоиваетъ ему обликъ своего роднаго языка, а потому; отыскивая народность того или другаго имени, нельзя ограничиваться какими-либо однимъ избраннымъ языкомъ, но необходимо провѣрять выводимыя заключенія и тѣми языками, какіе по исторіи движенія народовъ могли въ извѣстное время существовать на томъ мѣстѣ, объ именахъ котораго производится изслѣдованіе. Уннамъ присвоиваютъ Калмыцкую и Венгерскую народность, но они жили долго въ земляхъ Славянъ и Готовъ; естественно, что каждое Уннское имя должно быть объясняемо изъ этихъ четырехъ языковъ. Тоже самое должно замѣтить о Булгарахъ, о Руссахъ и т. д. Знатокъ одного какого-либо языка, какъ оказывается, всякое имя легко объясняетъ изъ этого самаго языка; но такая односторонность изслѣдованія ведетъ только къ безконечнымъ спорамъ и пререканіямъ, не доставляя наукъ твердой опоры.

Когда умеръ Аттила, на его могилѣ, по обычаю Унновъ, совершенъ былъ великій пиръ (помятки), называемый у нихъ говоритъ Юрнадъ, страва (покормъ). Унны „воспѣвали славу и подвиги умершаго“, и конечно много пили. Они „предавались попеременно противоположнымъ чувствамъ и въ печальный обрядъ вѣшивали разгулъ общаго пиршества“. Подобнымъ образомъ Ольга справляла тризну надъ убитымъ Игоремъ. Слово страва явно обличаетъ Славянство и во всемъ обрядѣ. Для Русскаго оно вполне родное и очень понятное слово; но для Германской изслѣдовательности оно звучитъ больше всего по-готски, а потому и объясняется готскими обычаями, именно тѣмъ, что оно будто бы означаетъ костеръ сожженія, хотя Юрнадъ о такомъ кострѣ не говоритъ ни слова¹. Точно такимъ путемъ обыкновенно объясняютъ и народность древнихъ собственныхъ именъ, особенно тѣхъ, которыя не выражаютъ слишкомъ явственно звуки своего роднаго языка.

Объ отношеніяхъ Унновъ къ Славянскимъ племенамъ, между которыми по всей видимости они жили и дѣйствовали,

¹ Г. Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ, стр. 38—41.

ученые не мало спорили. Вопросъ состоялъ въ томъ, были ли покорены этии варварами Славяне и ходили ли они въ ихъ полкахъ на Римлянъ и Грековъ? Исторія объ этомъ крайне нечетка и потому остается одинъ вѣроятный догадки, къ которымъ и прибываетъ Шафарикъ, вѣруя, что Унны были племя Урало-Чудское. и доказывая, что „Славяне всѣ или по крайности большая часть ихъ были покорены Унами и платили имъ дань, и потому несомнѣнно ходили и воевать въ ихъ полкахъ“. Затѣмъ, упоминая о медѣ и о токѣ, что тризну по Атилѣ Юрианъ обозначилъ именемъ стравы, а Прокопій вообще говоритъ, что Славяне походили на Унновъ и нравами и даже приготовленіемъ нищи, знаменитый Славистъ оканчиваетъ свои разысканія такою заіткою: „Нельзя не замѣтить какихъ-то дружескихъ отношеній между Гуннами и Славянами, кои были разумѣется слѣдствіемъ стариннаго товарищества и продолжительныхъ взаимныхъ связей. Слова Прокопія, прибавляетъ онъ, мы принимаемъ въ томъ смыслѣ, что не Славяне отъ Гунновъ, но Гунны отъ Славянъ, какъ грубѣйшіе отъ образованнѣйшихъ, подобно послѣдующимъ Аварамъ, Булгарамъ, Варягамъ и др., заимствовали языкъ, нравы и обычаи¹. Этотъ объясняется, продолжаетъ Шафарикъ, почему не только византійскіе писатели, но и западные и въ томъ числѣ Беда Достопочтенный называютъ Славянъ Гуннами. Это же наконецъ показываетъ, отчего Нѣмцы такъ часто называютъ Гуннами Славянъ въ своихъ народныхъ сказаніяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ (приводятся доказательства)². Эти и многія другія свидѣтельства, заключаетъ Шафарикъ, опускаемые нами здѣсь для краткости, ясно показываютъ, что иноплеменные народы, потому только называли Славянъ Гуннами, что они долго сосѣдили и имѣли связи съ Гуннами⁴. Однако эти связи продолжались не болѣе ста лѣтъ (370—470). Около ста лѣтъ продолжались Славянскія связи и съ Готами (270 — 370), а потомъ, послѣ Унновъ,

¹ Слав. Древности т. I, кн. II, стр. 93, 95, 98. Тоже самое повторяетъ Гильердинъ, Соч. I, 26.

² Сравни также Венелина: Др. Болгаре, II, 339, гдѣ приводятся выписки изъ Еглицгарда и Анонима Салисбургскаго, называющихъ Паннонскихъ Славянъ 8 и 9 вв. Гуннами.

также сто лѣтъ (570 — 670) съ Аварами; но непостижимое дружелюбие обнаруживается только съ свирѣпыми чудищами Уннами!

Въ Исторіи Готовъ и Аваровъ упоминаются битвы, борьба этихъ народовъ съ Славянами, между тѣмъ, когда наступаютъ Унны, они гонятъ только Готовъ, тѣснившихъ Славянъ-Антовъ. Утвердившись на Дунаѣ, они громятъ Римлянъ и Грековъ и воюютъ съ подунайскими народами (на вѣрное съ Славянами) за то, что они, поселившись на Дунаѣ, передались Грекамъ. По той же причинѣ Аттила воюетъ противъ Акатировъ ¹, несомнѣнныхъ Днѣпровскихъ Славянъ. „У Акатировъ, говоритъ Прискъ, было много князей и родоначальниковъ, которымъ царь Θεодосій посылалъ дары съ тѣмъ, чтобы они отложились отъ союза съ Аттилою (слѣдов. прежде жили въ союзѣ) и держались бы союза съ Византіею. Дары были розданы не по достоинству. Начальный князь Куридахъ получилъ меньше, чѣмъ слѣдовало, противъ другихъ, и позвалъ на помощь Аттилу. Одни князья были истреблены, другіе покорились. Куридахъ остался въ своемъ владѣніи, а у остальнаго народа Аттила посадилъ своего старшаго сына“. Аттила, какъ видѣли, точно царь Иванъ Васильевичъ, очень заботился о бѣглецахъ, объ измѣнникахъ своему имени или своей землѣ и постоянно требовалъ ихъ у Грековъ. Стало быть его войны съ племенами Славянъ возникали только по случаю ихъ измѣны Славянскому единству, которое онъ такъ крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ.

Но вотъ Унны исчезли, какъ дымъ, какъ грозное привидѣніе. Покрайней мѣрѣ такъ представляется въ Исторіи. На тѣхъ самыхъ мѣстахъ вырастаютъ, какъ грибы, одни Славяне и имя Унновъ очень часто передается Славянамъ же.

¹ Только по одному сходству имени изслѣдователи видятъ въ этихъ Акатирахъ извѣстныхъ въ послѣдствіи Хозарь. Прискъ не указываетъ ихъ мѣстожительства; но Иорнандъ (см. выше, стр. 330) поселяетъ ихъ сейчасъ подъ Эстами, то есть гдѣ либо на верхнемъ Днѣпрѣ или вообще къ сѣверу отъ Черноморья, надъ Булгарами. Очевидно, что эти Акатирсы суть Кутургурсы и быть можетъ Катгары Геродотова времени, если не Агаирсы Птоломея и другихъ географовъ, что одинаково будетъ показывать ихъ жительство на сѣверъ отъ Чернаго моря вблизи Днѣпра.

По смерти Аттилы между его сыновьями возникли распри, чего и слѣдовало ожидать. Уинская держава распалась; подвластные народы Германскаго племени остались независимыми. Но куда разошлись „многочисленныя орды“ Уиновъ? Они были прогнаны вмѣстѣ съ сыновьями Аттилы къ берегамъ Понта (Чернаго моря), гдѣ прежде жили Готы, говоритъ Иорнадъ. Онъ повѣствуетъ, что число сыновей у Аттилы представляло цѣлый народъ, но самъ же именуется только нѣсколькихъ, въ томъ числѣ младшаго Ирнаха, который съ своимъ народомъ занялъ самыя отдаленныя части Малой Скиѣи, такъ называлась страна, лежавшая около нижняго Днѣпра. Другіе расселились на нижнемъ Дунаѣ¹. Затѣмъ Иорнадъ прибавляетъ, что вскорѣ на Остроготовъ, поселившихся въ Панноніи, напали было сыновья Аттилы но были ими прогнаны въ тѣ части Скиѣи, которыя орошаются Днѣпромъ и на Уинскомъ языкѣ называются Гуниваромъ. Это и были вѣроятно самыя отдаленныя части Малой Скиѣи, которая, какъ извѣстно, простиралась надъ Меотійскими Болотами, и Малою называлась въ отличіе отъ Большой Азіатской Скиѣи.

Чтобы вполне уразумѣть, куда разошлись многочисленныя орды Уиновъ стоитъ только сравнить нашествіе Аттилы на Европу съ нашествіемъ Наполеона на Россію. Куда разошлись Наполеоновы дванадцать языкъ?

Они точно также расселились каждый по своимъ мѣстамъ, каждый возвратился туда, откуда пришелъ. Полки Аттилы, собранные изъ разныхъ земель, ушли обратно въ свои мѣста, на свою родину.

Сыновья Аттилы, то есть настоящіе Уины, какъ мы видѣли, ушли на Днѣпръ. Здѣсь было отечество Уиновъ. Отсюда впервые вышла руководящая дружина съ этимъ именемъ, которое потомъ, какъ всегда случалось въ тѣ времена, распространилось на всѣ военныя дружины одного п

¹ Емнедзаръ и Уиндуръ въ прибрежной Дакии; Уто (рѣка Утъ, Утамъ, нынѣ Видъ), Искамъ (рѣка Эскъ, Эсамъ, нынѣ Искеръ), долго блуждая, также поселились въ имперіи, судя по имени рѣкъ вблизи города Никополя, на правомъ берегу Дуная. Можно догадываться, что и первыя два имени суть названія мѣстъ или рѣкъ. Емнедзаръ—рѣка Яломница, Уиндуръ—рѣка Ардгисъ (Ardeiscus), впадающія въ Дунай съ лѣвой стороны, ниже по теченію, въ той же Булгаріи.

того же племени, одной страны или одного и того же оружия. Здесь для Историк Уинновъ очень важнымъ показаніемъ становится Роспись Булгарскихъ князей; открытая А. Н. Половизъ въ древнѣйшей редакціи хронографа¹. Она начинается Авитохоломъ, который былъ изъ рода Дуло и жилъ 300 лѣтъ. Это мнѣшеское показаніе наводитъ на мысль, не опредѣляется ли именемъ Авитохоль вообще Автохтонъ, старожиль, вообще время старожитности. Но затѣмъ преемникомъ Авитохолоа является Ирникъ, который прямо указываетъ на Ирнаха, любимаго сына. Алтилы, о которомъ было предсказано, что онъ возстановитъ царское колѣно. По росписи Ирникъ жилъ 108 лѣтъ. Въ 448 г. Ирникъ былъ еще мальчикомъ, слѣд. онъ могъ жить до 540 года. За нимъ по порядку слѣдовали Гостунъ, намѣстникъ, изъ рода Ерми; Куртъ опять изъ рода Дуло; Безмѣръ; и наконецъ Иснерикъ-Аспарухъ тоже изъ рода Дуло, перешедшій съ своею дружиною въ 678 г. на житье за Дунай и основавшій такимъ образомъ Булгарское царство. Роспись прибавляетъ, что эти пять князей держали княженъ 515 лѣтъ по ту сторону Дуная съ остриженными главами. Дальше слѣдуетъ: Тервелъ-Дуло, потомъ пропускъ имени, потомъ Севаръ-Дуло, Коржисошь-Вониль, перемѣнившій родъ Дуловъ; затѣмъ опять пропускъ имени; Телець-Угаиль, Уморъ-Угиль.

Уморъ или Умаръ упоминается у византійцевъ въ 764—765 г. И вообще почти всѣ имена также упоминаются въ византійской исторіи, соотвѣтственно даже хронологическимъ показаніямъ, отчего роспись получаетъ значеніе весьма достовѣрнаго свидѣтельства². По этому свидѣтельству мы узнаемъ, что древніе Булгары въ дѣйствительности были

¹ Обзоръ Хронографа въ Русской редакціи. Вып. I, стр. 25.

² При обозначеніи каждаго княженія роспись употребляетъ какой то особый языкъ, повидимому Валашскій, что очень естественно, если сообразимъ въ какомъ тѣсномъ сожителствѣ съ Валахами пребывали всегда Булгарскіе Славяне. Но такою силою научныхъ предубѣжденій и предразсудковъ: для объясненія этихъ темныхъ рѣчей изслѣдователи прежде всего обратились не къ Булгарскимъ сожителямъ Валахамъ, а къ Остякамъ, Вогулямъ и разнымъ Уральскимъ народностямъ, все толкуя происхожденіе древнихъ Булгаръ съ Урала и Волги. (Соч. Тильбердинга, т. I).

тѣ самые Унны, у которыхъ первымъ княземъ былъ любимый сынъ Аттилы, Ирва или Ирникъ.

Мы видѣли, что сыновья Аттилы посылали въ Царь-градъ посольство, прося устроить миръ и установить на Дунаѣ старинные торги между Греками и Уннами; мы видѣли, что имъ было отказано, что одинъ хотѣлъ за это воевать, но другой не согласился, потому что занять былъ домашнею войною. Въ Царь-градъ навѣрное очень хорошо знали эти домашнія дѣла Унновъ, впередъ знали, что братья на одномъ не порѣшатъ и потому отказывали въ самой простой и даже очень выгодной просьбѣ.

Года за три до этого посольства, въ 463 г., въ Царь-градъ приходили „другіе послы“ отъ Сарагуровъ, Уроговъ и Оногуровъ, народовъ, оставившихъ свою страну, по случаю тѣсноты и войны отъ Савировъ, которыхъ въ свою очередь тѣснили Авары, прогнанные съ своихъ мѣстъ также какими-то народами, жившими на берегахъ Океана. Историкъ Прискъ, передавая это свѣдѣніе, не указываетъ мѣста, гдѣ передвигались эти народы. Но упоминаніе о берегахъ Океана и дальше объ Уннахъ-Акатирахъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что все это происходило въ нашей Донской и Днѣпровской странѣ. Такимъ образомъ въ странѣ Унновъ происходила усобица, передвиженіе, если не племенъ, то военныхъ дружинъ. Тѣснимые Сарагуры пришли къ Уннамъ-Акатирамъ и требовали у нихъ земли. Тѣ не давали. Сарагуры много дрались, одолѣли враговъ и просили къ Грекамъ, желая вести съ ними дружбу. Посланники этихъ народовъ были приняты благосклонно, получили подарки отъ царя и отъ приближенныхъ и были отпущены. Заручившись этой дружбой, Греки могли уже смѣло отказывать сыновьямъ Аттилы.

Около этого времени тѣ же Сарагуры, соединясь съ Акатирами и другими народами предприняли походъ въ Персію. Они сперва пришли къ Каспійскимъ вратамъ (Дербентъ), но узнавъ, что здѣсь стоитъ персидская стража, пустились по другой дорогѣ, по которой прошли къ Ивирамъ (въ Грузію), опустошали ихъ страну и дѣлали набѣги на Армянскія селенія. Это былъ одинъ изъ обычныхъ набѣговъ Днѣпровскаго и Донскаго населенія на Закавказскія богатые страны.

Упомянутые выше Савиры, потѣснившіе Сарагуровъ, есть несомнѣнно Савары Птоломея, жившіе на востокъ отъ Днѣпра и Савиры Горнада, составлявшіе вторую, восточную, Донскую дѣль коренныхъ Уиновъ, а сѣдовательно, наша Сѣвера или Сѣверяне. У Прокопія они зовутся Утургурами. Овладевъ, по словамъ Прокопія, Воспороиъ, Утургуры, кажется, овладѣли всѣми степными землями древняго Воспорскаго царства, то есть всею азовскою страной отъ устьевъ Дона до Кавказа¹. Вотъ почему въ это время мы находимъ Уиновъ-Савировъ господствующими на Терекѣ, начиная отъ его верховья, у Патигоръ. Нѣтъ ничего мудренаго, что потѣсненные Аvaraми, дружины Савиръ удалились изъ Донскихъ земель къ Тереку, въ свою же страну, куда еще въ прежнее время, съ конца 4-го вѣка, простиралось ихъ владычество отъ Дона и отъ Воспора.

По этой же причинѣ историкъ Прокопій, описывая Кавказъ, говоритъ, что къ сѣверу отъ этихъ горъ поселились почти всѣ Уинскія племена. Онъ описываетъ и тѣ ущелья, сквозь которыя Уины дѣлали свои набѣги на Закавказскія области.

„Перешедъ предѣлы Иверійскіе (Грузинскіе), говоритъ историкъ, путникъ находитъ посреди тѣсинъ тропу, простирающуюся на 50 стадій (около 8 верствъ). Эта тропа оканчивается мѣстомъ утесистымъ и совершенно неприступнымъ: тутъ не видно никакого прохода; только сама природа образовала дверь, сдѣланную какъ будто руками. Это отверстіе издревле названо вратами Каспійскими. Затѣмъ далѣе разстилаются поля ровныя и гладкія, орошаемыя обильными водами, удобныя къ содержанію коней. Здѣсь поселились почти всѣ Уинскія племена и простираются до озера Меотиды. Когда эти Уины нападаютъ на земли Персидскія или Римскія, черезъ упомянутое выше отверстіе, то они отправляются на свѣжихъ коняхъ, не дѣлая никакихъ объездовъ, и до предѣловъ Иверіи не встрѣчаютъ никакихъ крутыхъ мѣстъ, кромѣ тѣхъ, которыя простираются на 50 стадій. Но когда они обращаются къ другимъ проходамъ, то должны преодолевать большія трудности и уже не

¹ Чѣмъ впоследствии овладѣлъ Святославъ и гдѣ княжилъ потомъ Мстиславъ Тмутороканскій.

могутъ употреблять тѣмъ же лошадей; ибо имъ приходится объезжать дадекими и притомъ крутыми мѣстами. Александръ, сынъ Филипповъ (Македонскій), которому это было извѣстно, построилъ на сказанномъ мѣстѣ ворота и укрѣпленіе, которое въ разные времена занимаемо было многими. между прочимъ и Унновъ Амвазукомъ, другомъ Римлянъ и дара Анастасія. По смерти Амвазука вратами овладѣлъ Персидскій царь Кавадъ.“

Объ этихъ Савирахъ въ лѣтописи Θεοφана находимъ слѣдующія извѣстія. Въ 508 г. они проникли за Каспійскія врата, вторглись въ Арменію, опустошили Каппадокію (Бѣлую Сирію), Галатію и Понтъ, то есть почти все Черноморское побережье Малой Азіи:

Въ 513 г. по случаю войны Грековъ съ Персами императоръ Юстинъ отправилъ пословъ съ большими дарами къ царю Унновъ Силигду, и звалъ его воевать на Персовъ. Силигдъ принялъ предложеніе и по обычаю отцовъ далъ клятвенное обѣщаніе. Персидскій царь Кавадъ съ своей стороны также отправилъ посольство къ Силигду и также звалъ воевать на Грековъ. Силигдъ согласился и съ нимъ, и отправилъ въ помощь Персамъ 20 тысячъ войска. Юстинъ однако открылъ Каваду коварство Гунна. Персидскій царь на единъ спросилъ Силигда: такъ ли это, взялъ ли онъ съ Грековъ подарки, чтобы воевать противъ Персовъ? „Это такъ, я взялъ у Грековъ подарки, отвѣчалъ простодушный царь Унновъ“. Кавадъ, быть можетъ, не разобравши въ чемъ дѣло, разсвирѣпѣлъ, убилъ Унна и велѣлъ истребить все его войско. Кто успѣлъ бѣжать, тотъ только и воротился на свою родину.

Въ 520 г. Уннами Савирами, по смерти ихъ князя Вадаха или Мадаха, управляла его вдова, по прозванію Воариксъ. Подъ ея властью находилось 100.000 Унновъ. Вѣроятно, это было число всего населенія Савировъ. Она присоединилась къ сторонѣ Грековъ и завязала съ ними тѣсную дружбу, что конечно было очень естественно послѣ исторіи съ Сидигдомъ. Между тѣмъ Персидскій Кавадъ склонилъ на свою сторону двухъ царей другихъ Унскихъ племенъ, жившихъ даде, то внутреннихъ краяхъ, по имени Стиравса и Глониса или Глов. Когда эти союзники Кавада съ двадцатью тысячами войска проходили въ Персію черезъ владѣнія царицы Воариксъ, она начала на нихъ

одного, Стиракса, полонила и отослала въ оковахъ въ Царьградъ, а другой погибъ въ битвѣ¹.

Всѣ эти свидѣтельства указываютъ, что Уины-Савиры, живя по Тереку, занимали очень важный пунктъ относительно Персіи и Закавказскихъ областей Византіи. Они жили, такъ сказать, у Кавказскихъ воротъ, открывавшихъ проходъ въ богатые азіатскіе края для предприимчивыхъ и отважныхъ набѣговъ нашего Черноморскаго населенія. По этой причинѣ и Греки и Персы очень дорожили дружбою съ Савирами и очень дорого покупали эту дружбу. Савиры служили и тѣмъ и другимъ, смотря по тому, гдѣ было выгоднѣе, или гдѣ того требовала собственная политика мести и злобы за какія-либо обиды.

Въ 530 г. три тысячи Уиновъ-Савировъ служатъ въ войскѣ Персидскаго Кавада, причеиъ Прокопій отмѣчаетъ, что это былъ народъ самый воинственный. Изъ рассказовъ историка видно также, что Савиры исполняли при войскѣ службу нашихъ казаковъ, рыская по всѣмъ угламъ для добыванія вѣстей, и лазутчиковъ.

Имя Уиновъ Савировъ, сходное съ нашими Сѣверянами, какъ подтверждаютъ свидѣтельства Юрианда и даже Птоломея, останавливаетъ наше вниманіе особенно по той причинѣ, что въ позднѣйшія времена ихъ мѣстожителство было занято тоже Русскимъ племенемъ. Покрайней мѣрѣ въ 16-мъ вѣкѣ еще было живо преданіе, что „Кабардинскіе Черкасы—исконивѣчные холопы государевы, а бѣжали съ Рязанскихъ предѣловъ, изъ прародительской государя нашего вотчины изъ Рязанской земли и въ горы вселилися“; что „Изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальскій были холопы наши Рязанскихъ предѣловъ и отъ насъ сбѣжали съ Рязани и вселилися въ горы“².

Это преданіе сохранялось не только у насъ, но и у сосѣдей тѣхъ земель, напр. у Ногайцевъ, мурза которыхъ писалъ въ 1552 г. въ Москву, еще до подданства Горскихъ

¹ Историкъ Прокопій въ Перс. Войн. I, 13, говоря, кажется, о той же войнѣ Кавада, упоминаетъ, что Кавадъ послалъ противъ Ивировъ значительное войско подъ предводительствомъ Перса Воя, по достоинству уариза, что въ совокупности равняется имени Воарикса.

² Карамзинъ, X, пр. 298.

Черкасы Россіи, что тѣ Черкасы „Бѣлова князя Русскаго царя бѣглые холопы были.“ Вотъ что рассказываетъ о Пятигорскихъ Черкасахъ Герберштейнъ, писавшій въ началѣ 16-го вѣка: „Въ надеждѣ на неприступность своихъ горъ, они не признають власти ни Турокъ, ни Татаръ. По свидѣтельству Русскихъ, они христіане, управляются своими законами, въ исповѣданіи и обрядахъ сходствуютъ съ Греками, богослуженіе отправляютъ на языкъ Славянскомъ, на немъ же и говорятъ. Они самыя смѣлые пираты: на корабляхъ спускаются въ море по теченію рѣкъ, берущихъ начало изъ ихъ горъ, и грабятъ, кого только могутъ, преимущественно же тѣхъ, которые ѣздятъ изъ Кафы въ Константинополь“.

Нѣтъ сомнѣнія, что и самое это подданство Черкасскихъ князей совершилось по памяти о существовавшемъ нѣкогда родствѣ съ Русскою землею. Если къ этому припомнимъ походы Святослава на Ясовъ и Касоговъ и внезапно затѣмъ появившееся Тмутороканское княжество со Мстиславомъ во главѣ, бравшимъ дань съ Касоговъ, то восходя дальше въ глубь древности, отъ Святослава всего на 400 лѣтъ, можемъ съ немалою вѣроятностью заключить, что Уны Савиры дѣйствительно явились на Терекъ изъ Рязанской земли, то есть изъ той же области нашихъ Свверянъ, занимавшихъ тогда вершины Дона и Донца ¹.

Стало быть, походъ Святослава, разгромившій державу Хазаръ, возстановлялъ только древнѣйшія границы Русскаго владычества въ при-Азовскомъ краѣ ².

¹ Они назывались также Савиноры, Савинугоры, что еще ближе къ Свверянамъ.

² Очень любопытенъ рассказъ Московскаго гостя-купчины Федота Аванасьева Котова, который въ 1623 г. ходилъ въ Персидское царство и въ Индію и въ Урмузъ, и описалъ свое странствованіе съ показаніемъ путей.

«Отъ города Дербеня (Дербентъ — Желѣзные ворота), говоритъ онъ, подлѣ моря въ верхъ огорожено стоящими плитами каменными и тутъ лежатъ 40 человекъ; а Бусурманы сказываютъ и Арменья, что тѣ русскіе 40 мученикъ святые: и русскіе люди, кто не ѣздитъ мимо, ходять къ нимъ прощаться, а иные и молебны поютъ 40 мученикамъ; а лежатъ по своимъ гробницамъ, и на нихъ по великому камню бѣлому, а рѣзана подпись и никто тоѣ подписи прочесть не умѣютъ, ни Бусурманы,

Путемъ такихъ свидѣтельствъ легко объясняется и происхожденіе нашего до сихъ поръ загадочнаго Тшутороканскаго княжества. По всѣмъ примѣтамъ видно, что оно началось въ то еще время, какъ Унны завладѣли Воспоромъ и по договору съ Готами оставили ихъ въ Воспорѣ или Керчи, а сами поселились на Таманскомъ полуостровѣ въ древнѣйшихъ городахъ, въ Фанагоріи и въ Кипахъ или Садахъ, въ нынѣшней Тамани. Вотъ что разсказываютъ греческіе лѣтописцы:

Въ 520—527 г. царь Унновъ, обитавшихъ близъ Воспора, Гордасъ (Гордый, откуда наше Гордята) прибылъ въ Византію къ императору Юстиніану и принялъ св. крещеніе. Онъ совсѣмъ покорился Грекамъ, обѣщавъ охранять на Воспорѣ греческое владычество и доставлять положенную дань съ Унновъ быками. Императоръ щедро его наградилъ и, отпуская домой, послалъ съ нимъ вмѣстѣ трибуновъ для охраненія города и собиранія дани. Возвратившись въ свою страну ревностнымъ христіаниномъ, Гордый разсказалъ обо всемъ своему брату Муагеру, выхваляя любовь и щедрость императора, Затѣмъ, ревнуя по вѣрѣ, онъ собралъ истуканы, которымъ поклонялись Унны, и перелилъ ихъ, ибо они были серебряныя и электровыя (смѣсь золота съ серебромъ). Унны воспламенились на него яростію и, въ разговорѣ съ его братомъ, убили его, а брата посадили на мѣсто его на княженіе. Потомъ они овладѣли городомъ Воспоромъ, избивъ тамъ греческое войско, умертвивъ и трибуна. Императоръ, услышавъ объ этомъ, собралъ многочисленное вспомогательное войско изъ Скивовъ и отправилъ его частію даже по сухому пути, именно отъ Одиссоса-Варны. Однако до войны кажется не дошло, ибо Унны бѣжали и исчезли. На Воспорѣ водворился миръ и съ той поры Греки владычествовали тамъ уже безъ всякой опасности¹.

ни Арменья, ни Турки. а подпись рѣзь велика: и тутъ надъ ними выросло три деревца. Да къ той же оградѣ пригорожено также каменемъ Бусурманское кладбище, а около того великіе кладбища старыя и на нихъ гробницы и подписи; а сказываютъ, что де подпись греческая. Временникъ О. И. и Др. Кн. 15.

¹ Въ 540 г. Армяне, жалуясь вообще на завоеванія Юстиніана, между прочимъ говорили, что онъ покорилъ Воспоритовъ, подвластныхъ Уннамъ, не имѣя на то никакого права. Прокопій, Персид. Войн. II, 3.

Рядомъ съ этимъ сказаніемъ у византійцевъ стоитъ другое, весьма похожее. Въ томъ же году царь Елуровъ, по имени Гретисъ пришелъ въ Царь-градъ съ большою свитою и просилъ Юстиніана крестить его. Въ день Богоявленія императоръ крестилъ его и самъ былъ воспріемникомъ. Съ нимъ вмѣстѣ крестились его бояре и 12 родственниковъ. Съ радостію онъ отправился въ свою землю, обѣщавши царю дружбу и помощь, какой бы отъ него ни потребовали.

Намъ кажется, что это одно и тоже событіе, заимствованное лѣтописцами только изъ двухъ различныхъ источниковъ. Оно проливаетъ свѣтъ и на исторію Елуровъ, которые по Іорнанду населяли топкія мѣста вблизи Меотійскихъ болотъ, см. выше стр. 307. По мѣстожительству, Елуры, оказываются тоже Унами и немудрено, что одинъ писатель разумѣлъ ихъ подъ именемъ Елуровъ, а другой подъ именемъ Унновъ; одинъ ихъ князя называлъ Гретъ, другой—Гордъ. Занимаясь политикою, одинъ указалъ теперешнее ихъ мѣсто жительства, другой не сказалъ объ этомъ ничего, потому что интересовался только ихъ крещеніемъ. Несомнѣнно, что эти самые Елуры, живя въ 3-мъ вѣкѣ въ топкихъ мѣстахъ у Меотійскихъ болотъ, то есть въ Олешьѣ, на нижнемъ Днѣпрѣ, въ 4-мъ вѣкѣ подъ именемъ Унновъ-Утургуровъ изгнали съ нашего юга Готовъ и овладѣли всѣми землями древняго Воспорскаго царства, основавши свое пребываніе на Таманскомъ полуостровѣ. При Юстиніанѣ отъ собственныхъ междоусобій они потеряли владычество надъ Воспорскою страню. Часть ихъ, преданная Грекамъ, переселилась на Дунай, гдѣ императоръ отвелъ имъ земли.

Другіе Уны бѣжали и исчезли. Но они, какъ увидимъ, скоро появятся у стѣнъ самого Царь-града и тѣмъ безъ сомнѣнія засвидѣтельствуютъ, что изгнаніе ихъ изъ Воспора было одною изъ причинъ ужаснѣйшихъ бѣдствій для восточной имперіи.

Вслѣдъ за бѣгствомъ Воспорскихъ Унновъ стали ослабѣвать и Савиры. Въ 576 г. греческіе полководцы напали на Алванію, взяли заложниковъ отъ Савировъ и другихъ народовъ, и воротились въ Царь-градъ, думая, что тѣмъ обуздали этихъ варваровъ. Но Савиры немедленно же сбросили съ себя греческое господство, такъ что воротившіеся воеводы должны были переселить ихъ дружины еще юнѣе за рѣку

Бурь, въ собственную область имперіи. Къ концу 8-го вѣка ихъ славное имя совсѣмъ исчезло въ Кавказской странѣ¹. Но къ этому времени и всѣ другія племена Унновъ были тоже окончательно ослаблены и укрощены.

Таковъ былъ ходъ Уннской исторіи въ восточныхъ краяхъ. Теперь посмотримъ, что дѣлалось послѣ Аттилы вблизи Дуная. На западѣ яркая слава Унновъ исчезла вслѣдъ за смертію Аттилы. Смыслилось поколѣніе и объ Уннахъ ничто уже не помнилъ.

Новые писатели, при нашествіи варваровъ изъ за устьевъ Дуная, припоминаютъ теперь о Скивахъ и Гетахъ, повторяя разумѣется имена заученныя въ книгахъ; на школьной скамьѣ. Однако рядомъ съ этими классическими именами они приводятъ и этнографическія имена, начинавшія свою славу только съ этого времени.

Такъ въ 493 г. и въ 517 г. византійскія земли по снаванію историковъ опустошаютъ Геты, которыми императоръ Анастасій посылаетъ 1000 ф. золота для выкупа плѣнныхъ. На эту сумму Геты отпустили столько плѣнныхъ, сколько слѣдовало по ихъ расчету; остальныхъ всѣхъ умертвили.

Въ то же время (въ 487, 493 и 499 г.) упоминается другой народъ, раззорявшій Фракію, это Булгары, которые еще

¹ Въ высшей степени любопытно то обстоятельство, что въ курганахъ, находящихся въ Пятигорской сторонѣ, въ верховьяхъ Кумы и Терека, находятъ во множествѣ точно такія же погребальныя вещи какими изобилуютъ курганы и внутренней Россіи, относимыя по арабскимъ монетамъ къ 8—11 вѣкамъ. Вещи эти бронзовыя. Нѣкоторыя изъ нихъ изображены въ Запискахъ Имп. Археолог. Общества, т. IX, вып. 1, Спб. 1856, съ замѣтками покойнаго Савельева. «Сходство этихъ Кавказскихъ вещей съ вещами сѣверной Россіи, не случайное, говоритъ Савельевъ; оно проявляется не только въ формѣ, но и въ стилѣ вещей». Все это, по его словамъ, наводитъ на мысль, что была эпоха (отъ 8 до 11 столѣтій), когда, отъ Вологодской губерніи до подошвы Кавказа и отъ Нижегородской до Балтійскаго побережья, господствовали болѣе или менѣе общій стиль иудѣйскій, частью мѣстной работы, частью византійской или восточной, или поддѣлки подъ послѣднія... Принадлежа, по стилю, къ одному разряду съ находимыми въ Великороссіи, эти кавказскія находки могутъ быть впрочемъ по времени нѣсколькими столѣтіями древнѣе ихъ. И это даже можно бы утверждать положительнo, если бы было доказано, что между ними никогда не находили желѣзныхъ вещей. Такія же вещи находятъ и въ области Кура.

въ 462 г. помогали императору Зинону противъ Готъ, причемъ были побѣждены Готскимъ Теодорихомъ Великимъ, а дотолѣ, говорить его панегиристъ Еннодій, считались непобѣдимыми, незнавшими никакого сопротивленія¹.

Очевидно, что эти Геты, приходили изъ Гетской Пустыни и потому, по книжному, названы Гетами. Очевидно также что Булгары не задолго передъ тѣмъ носили имя Унновъ, потому что только недавней памяти объ Уннахъ можно было сказать что они дотолѣ считались, непобѣдимыми и не знали никакого сопротивленія, ибо Булгары только что явились на сцену исторіи и дотолѣ объ нихъ ничего не было слышно.

По другимъ, хотя и позднѣйшимъ писателямъ, эти Геты прямо обозначаются Булгарами, а вѣсть съ тѣмъ и Славянами, при чемъ отмѣчается, что Геты есть древнѣйшее имя Славянъ: а въ географическомъ смыслѣ это можно толковать, что Гетская Пустыня есть древнѣйшее обиталище Славянъ.

Въ царствованіе Анастасія (491 — 518 г.) орда Булгаръ, какъ выражаются изслѣдователи, сильно беспокоила Восточную Имперію. Императоръ для защиты Царграда отъ этихъ варваровъ построилъ даже стѣну отъ Мраморнаго до Чернаго моря, названную потомъ Долгой.

Если Булгары были Унны, какъ ихъ и называютъ современные имъ писатели, то они должны были приходиться изъ своей древней родины, отъ Днѣпра. Историкъ Агаеій называетъ ихъ прямо Уннами Котригурами. По Иорнанду Котригуры, или его Акатиры, Котціагиры жили на Днѣпрѣ же, только съвернѣе Булгаръ, слѣд. въ Киевской сторонѣ. Унны-Булгары, по его же сказанію, распадалась на двѣ вѣтви, Аульціагровъ и Савировъ (по нашей лѣтописи, Уличи и

¹ Очень любопытно, что Армянскій историкъ 5-го вѣка Моисей Хоренскій поминаетъ о Булгарахъ въ событіяхъ, случившихся за 120 лѣтъ до Р. Х. По его словамъ, Булгаръ, именовъ Вендъ, Вентъ, въ это время переселился въ Арменію, занявши земли къ сѣверу отъ Аракса. Эта дружина переселенцевъ называлась Вехендуръ, что можетъ соответствовать имени Утургуровъ. Страна ихъ названа потомъ Ванандомъ. Такимъ образомъ, встрѣчаемъ одно и тоже имя вблизи Печорскаго устья на сѣверѣ (см. стр. 182) и вблизи Аракса на югѣ. Исторія Арменіи Моисея Хоренскаго, перев. Эмман. М. 1858, стр. 81, 87, 383.

Сѣвера). Такимъ образомъ Бугары не одно и тоже съ Гетами. Первые были жители Днѣпра, вторые жители Днѣстра. Но очевидно, что и тѣ и другіе были Славяне, какъ ихъ и не различаютъ Византійскіе историки, ибо одинъ (Агаѳій) говоритъ: это Уины Котригуры, другой (Викторъ Туннуненскій) говоритъ, что это Булгары; третій (Ѳеофанъ) свидѣтельствуетъ, что это Уины и Славяне; а четвертый (Кедринъ) увѣряетъ, что это были все Славяне ¹.

Въ это самое время, въ концѣ 5-го и въ началѣ 6-го в., историки впервые произносятъ и имя Славянъ. Имя это, какъ собственное у нихъ обозначаетъ только западную вѣтвь Славянства до верхняго Днѣстра. Иорнадъ говоритъ, что восточную отрасль тѣхъ же Венедовъ составляли Анты, храбрѣйшіе изъ всѣхъ, жившіе между Днѣстромъ и Днѣпромъ. Историкъ Прокопій къ этому прибавляетъ, что надъ Уинами Утургурами, обитавшими на Азовскомъ морѣ, дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Антовъ. Иорнадъ, какъ видѣли, въ этихъ краяхъ помѣщаетъ своихъ Акацировъ, Кутціагировъ, которые по Приску были Уины Апатиры. Такимъ образомъ селенія Антовъ и сѣверныхъ Уиновъ совпадаютъ. Но быть можетъ имя Антовъ книжнымъ путемъ испорчено изъ Страбоновыхъ Атмоновъ и означаетъ Монтоновъ — Горцевъ или по славянски Гораловъ, къ которымъ принадлежали древніе Карпы-Хорваты, Певкины-Буковинцы и Бастарны, то есть все населеніе Карпатскихъ горъ. За Карпатами, по Птоломею, обитали Траномонтаны, или Загорцы. Съ другой стороны можно гадать, что имя Антовъ, обозначаетъ тѣхъ же книжныхъ Гетовъ. Объясняютъ ихъ (Гильфердангъ) и именемъ Венетовъ. Шафарикъ даетъ имъ корень Утъ, отъ котораго, конечно, по прямой линіи ведутъ свой родъ настоящіе Уины Ут-ургуры, Вят-ичи.

Ни Прокопій, ни Иорнадъ не причисляютъ Уиновъ къ Славянамъ, что конечно можетъ служить утвержденіемъ, что Уины были особое, не славянское племя. Прокопій говоритъ только, что Славяне и Анты въ простотѣ нравовъ много походили на Уиновъ. Намъ кажется, что оба писателя объ

¹ Чтенія Общ. Истор. 1872 г. Кн. IV. Изслѣд. г. Дрянова: Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. стр. 91, 92, 101.

Уннахъ знали очень мало, да и то по слухамъ; а эти слухи рассказывали только о войнахъ и не касались этнографіи. Славяне и Анты были ближайшіе сосѣди Византіи и свѣдѣнія о нихъ собрать было легче. О далекихъ Уннахъ только и можно было сказать, что на нихъ много походятъ и Славяне и Анты.

Теперь эти три имени оглашаются въ Исторіи вмѣсто прежнихъ Скивовъ, Сарматовъ, Бастарновъ, Роксолановъ, вмѣсто Гетовъ, Карповъ, Готовъ, Уругундовъ, Ворановъ и т. д.

Въ царствованіе Юстиніана I, 527—562 г., не проходило почти ни одного года, въ который не случилось бы набѣга на земли имперіи Уиновъ, Славянъ и Антовъ. Они постоянно опустошали Иллирикъ, всю Фракію, Грецію-Элладу, Херсонесъ (Византійскій), всѣ страны отъ Ионическаго моря и до самыхъ стѣнъ столицы. По словамъ Прокопія, всѣ эти земли пришли въ конечное запустѣніе, потому что при каждомъ такомъ нашествіи Византія теряла до 200 тысячъ жителей, или избиваемыхъ, или уведимыхъ въ плѣнъ. Цифра очень преувеличенная; но она показываетъ, какой страхъ и какія бѣдствія распространяли эти варварскіе набѣги Славянъ.

Въ первый же годъ царствованія Юстиніана Анты переправились было черезъ Дунай, но были такъ разбиты ерархійскимъ воеводою Германомъ, что послѣ и другіе Славяне очень боялись одного его имени. Однако это нисколько не остановило ихъ набѣговъ. Преемникъ Германа Хильвудъ, самъ родомъ Антъ, крѣпко удерживалъ эти набѣги и самъ не разъ ходилъ за Дунай въ Славянскія земли. Въ одномъ такомъ походѣ онъ и погибъ съ большею частью своего войска. Это случилось въ 534 г. Послѣ того Византія оставалась совсѣмъ беззащитною со стороны Дуная и варвары трехъ именъ: Унны, Славяне, Анты, свободно переходили, гдѣ хотѣли, эту живую границу и производили свои опустошенія по всѣмъ угламъ греческаго царства. „Въ это время, говоритъ Прокопій, никакая мѣстность, никакая гора, ни пещера, ни одинъ уголокъ Римской (Византійской) Земли не остался въ безопасности. Многимъ странамъ случалось быть опустошенными и по пяти разъ“. Это говорится вообще о царствованіи Юстиніана. Обратимся къ нѣкоторымъ

частнымъ событіямъ. Но прежде замѣтимъ, что всѣ нашествія обозначаемыя историками именемъ Славянъ не должно смѣшивать съ нашествіями Унновъ и Антовъ. Славянскіе походы принадлежали собственно обитателямъ западной стороны Карпатскихъ горъ и средняго Дуная. Набѣги Антовъ разносились съ восточной стороны тѣхъ же горъ и изъ за нижняго Дуная. Нашествія Унновъ совершались отъ Днѣпровской стороны. Не видимо, что на временахъ всѣ эти три имени Славянъ дѣйствовали союзомъ, за одно, хотя, быть можетъ, и обозначались однимъ именемъ главныхъ предводителей. Замѣтимъ также, что открывшаяся для исторіи своя воля Славянъ и опять таки по преимуществу восточныхъ, эта своя воля не дававшая покою Византійской имперіи, показывала, что позади ихъ, въ ихъ тылу въ эту пору не существовало никакого сильнаго степняка, въ родѣ Геродотовыхъ Скиновъ, которыхъ, какъ видѣли, совсѣмъ доконалъ еще Митридатъ. Послѣ Митридатова Скинскаго погрома на сцену исторіи вышли Роксоланы, державшіе всю эту страну до нашествия Готовъ. При Готахъ Роксоланы исчезли, зато явились Унны, а теперь, послѣ Аттилы, эти самые Унны, воюютъ Византію рядомъ, шагъ въ шагъ, съ Славянами и Антами, слѣд. они не господа Славянъ, а ихъ товарищи. Другихъ страшныхъ степняковъ, покорителей и поработителей, подлѣ Славянъ не существуетъ.

Для нашей исторіи болѣе важны набѣги Унновъ. „Въ это время (въ 540 г.), говоритъ историкъ Прокопій, явилась звѣзда, комета, которая сперва казалась величиною съ рослаго человѣка, въ послѣдствіи еще больше. Ея конецъ обращенъ былъ къ западу, начало къ востоку; она слѣдовала за теченіемъ солнца. Когда солнце было у козерога, комета была у стрѣльца. Одни называли ее мечемъ—ибо она была продолговатая и съ одного конца весьма острая; другіе—бородатою. Она была видима болѣе сорока дней. Свѣдущіе въ этихъ дѣлахъ люди въ мнѣніяхъ объ ней были несогласны и говорили различно о томъ, что эта звѣзда предзнаменовала. Что касается до меня, то я, описывая событія, предоставляю каждому на волю судить по самымъ событіямъ.“

„Немедленно за появленіемъ этой кометы, Уннское войско, перешедъ рѣку Истръ, наводнило всю Европу. Это самое случалось уже много разъ прежде; но столь многія, столь ужасныя бѣдствія, какъ теперь, никогда не постигали людей того края. Вся страна, отъ залива Іонійскаго до самыхъ предмѣстій Византіи, была опустошена варварами; въ Иллиріи взяли они тридцать два замка; городомъ Кассандріею, который въ древности, сколько намъ извѣстно, назывался Потидея, овладѣли силою, хотя до того времени не умѣли они дѣлать приступовъ къ укрѣпленнымъ городамъ. Съ захваченною добычею и со ста двадцатью тысячами плѣнныхъ, они пошли обратно въ свою страну, не встрѣтивъ нигдѣ никакого сопротивленія. Въ послѣдствіи много разъ вторгались они въ эти мѣста, нанося Римлянамъ неисправимыя бѣдствія. Они напали на Херсонисъ, сбили защищавшихъ укрѣпленія, и обошедъ моремъ стѣну, простирающуюся до такъ называемаго залива Мелана, ворвались внутрь длинныхъ стѣнъ, напали внезапно на находившихся внутри Херсониса Римлянъ, многихъ убили, другихъ почти всѣхъ полонили. Нѣкоторые изъ непріятелей въ незначительномъ числѣ, переправились черезъ проливъ, находящійся между Систомъ и Авидомъ, ограбили селенія въ Азіи и потомъ, возвратившись въ Херсонисъ, отправились восвояси съ остальнымъ войскомъ и съ забранною добычей. При другомъ вторженіи, они ограбили Иллиріянъ и Фессаловъ, хотѣли напасть на Фермопилы; но какъ войско защищало крѣпость съ великою твердостью, то они, осмотрѣвъ окрестныя проходы, нашли противъ чаянія тропинку, ведущую на гору, которая возвышается надъ Фермопилами. Затѣмъ, истребивъ почти всѣхъ Эллиновъ, кромѣ жителей Пелопониса, они ушли назадъ.“

Въ 558 г. несмѣтная сила варваровъ заплонила Фракію, потомъ раздѣлилась на три полка, изъ которыхъ одинъ направился черезъ Македонію въ Эгладу и прошелъ до Фермопилъ, другіе два опустошали земли на пути къ Царюграду. Этихъ варваровъ одни называютъ Уннами Котригурами, другіе Булгарами, иные говорятъ, что полчища состояли изъ Унновъ и Славянъ, иные, болѣе поздніе писатели, свидѣтельствуютъ, что все это были Славяне, которые также и Уннами назывались (Кедринъ). Предводителемъ то-

го полчища, которое грозило разорить самый Царьградъ, былъ Заверганъ или Замерганъ ¹.

Въ это время при защитѣ Царяграда были поставлены на ноги всѣ, не только войско, но и мѣщане и окрестные крестьяне. Старый Велисарій самъ принялъ начальство и успѣлъ одолѣть непріятеля одною только хитростію, причѣмъ Заверганъ получилъ за выкупъ плѣнныхъ огромную сумму денегъ и отошелъ дальше къ Дунаю.

Но въ то же время „Юстиніанъ, полагая, что Котригуры опять придутъ опустошать Фракію, не давалъ отдыха вождю Утигуровъ, Сандилху, подстрекая его частыми посольствами и другими способами, во что бы то ни стало, воевать противъ Завергана. Къ увѣщаніямъ императоръ присоединилъ и обѣщаніе, что передастъ Сандилху то жалованье, какое отъ Римской державы назначено было Завергану, если только Сандилхъ одолѣетъ Котригуровъ. „Сандилхъ хотя и желалъ быть въ дружескихъ сношеніяхъ съ Римлянами, однакожъ такъ писалъ къ царю: „Былобы неприлично и притомъ незаконно въ конецъ истребить нашихъ единоплеменниковъ, не только говорящихъ однимъ языкомъ съ нами, ведущихъ одинакій образъ жизни, носящихъ одну съ нами одежду, но притомъ и родственниковъ нашихъ, хотя и подвластныхъ другимъ вождямъ. При всемъ томъ (такъ какъ того требуетъ Юстиніанъ!), я отниму у Котригуровъ коней и присвою ихъ себѣ, чтобъ имъ не на чемъ было ѣздить, и невозможно было вредить Римлянамъ“.

Однако посольства и переговоры имѣли полный успѣхъ. Вождь Утургуровъ вторгнулся въ Кутургурскія земли, напалъ на Завергана, только что воротившагося отъ Дуная, и отнялъ у него всю добычу. По другимъ свидѣтельствамъ, почти тоже самое случилось еще прежде въ 551 г., когда Сандилхъ въ союзѣ съ 2000 таврическихъ Готовъ тоже напалъ на Кутургуровъ, захватилъ множество плѣнныхъ и тоже съ богатою добычею возвратился во-свояси. Тогда Кутургурсы заключили съ Греками миръ, обѣщавшись, что

¹ Не онъ ли Безхъръ, по росписи древнихъ болгарскихъ князей, которому предшествовалъ Куртъ, быть можетъ давшій имя Котригурамъ. И тотъ и другой по хронологіи этой росписи совпадаютъ и въ указанный годъ.

теперь никогда не будутъ нападать на греческія земли. При этомъ нѣсколько тысячъ ихъ совсѣмъ ушло изъ отечества. Юстиніанъ поселилъ ихъ въ Фракію¹.

По видимому, это разсказъ объ одномъ и томъ же событіи. Греки такимъ образомъ достигли своей цѣли: для собственнаго спокойствія перессорили враговъ. Съ тѣхъ поръ, говорятъ историки, началась долговременная война между этими двумя племенами, которая привела ихъ обоихъ въ полное безсиліе и окончилась тѣмъ, что ими овладѣли Авары.

Но надо замѣтить, что Грековъ такъ дѣйствовать надумили Крымскіе Готы. Эти Готы, называемые Тетракситами, какъ говорено выше, стр. 326, еще въ концѣ 4 вѣка, при завоеваніи Уннами Воспорскаго царства, остались на своихъ мѣстахъ по уговору съ своими побѣдителями, Уннами Утургурами. Теперь они были уже христіанами и потому очень дружили съ Греками. Мы видѣли выше, стр. 375, что въ 520-хъ годахъ Воспорскіе Унны тоже принимаютъ Христіанство, изъ-за чего у нихъ происходитъ междоусобіе и Воспоромъ овладѣваютъ Греки, а Унны исчезаютъ, направляя свои силы прямо на Византію. Но по видимому, они не забывали, что Тмутороканская страна—ихъ старое владѣніе. Поэтому Готы, испытывая быть можетъ частые набѣги со стороны Унновъ и вообще опасаясь ихъ силы, стали изыскивать способы совсѣмъ избавиться отъ нихъ. Съ этою цѣлью, въ 547 г. они отправили въ Константинополь пословъ, которые на публичномъ представленіи императору Юстиніану просили только дать имъ епископа, на мѣсто прежняго умершаго; но, изъ опасенія передъ Уннами, въ тайныхъ переговорахъ объясняли, что великая была бы

¹ Имя Сандилха съ его борьбою противъ Котригуровъ напоминаетъ Свинвальда, Свенгельда; Свиндела нашихъ лѣтописей, который выѣзжалъ Улицей съ нижняго Днѣпра къ Днѣстру, стоявши три года подъ ихъ Двѣпровскимъ городомъ Пересѣченомъ. Свидѣтельство о Свинделѣ находимъ въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборникахъ, которые, судя по ихъ извѣстіямъ объ Оскольдѣ, по видимому, пользовались весьма древними записками и могли, даже по преданію, приставать къ годамъ Игоря сроднѣе 6 вѣка о Сандилхѣ. Могло случиться также, что Свиндель Игоря носилъ имя древняго Сандилха.

польза, еслибъ императоръ употребилъ стараніе всячески поддерживать вражду и ненависть между Уннами Утургурами и Кутургурами, то есть собственно между Днѣпромъ и Дономъ, такъ какъ Днѣпровскіе Кутургуры очень беспокоили Византію, а Донскіе и Воспорскіе, Тмутороканскіе Утургуры, не мало беспокоили самихъ Готовъ. Въ этомъ случаѣ очень примѣчательнымъ является и то обстоятельство, что Готы опасались публично объявлять свои коварныя намѣренія противъ Унновъ. Это обнаруживаетъ, что при византійскомъ Дворѣ находились сторонники, или друзья Унновъ, которые могли сообщать имъ надобныя свѣдѣнія. Императоръ Юстиніанъ по происхожденію самъ былъ Славянинъ и при его Дворѣ, конечно, находилось не мало Славянъ. Посольство, какъ видѣли, имѣло полный успѣхъ и 2000 Готовъ уже помогали Утургурамъ въ войнѣ противъ ихъ родичей.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для обузданія Славянъ и особенно этихъ Унновъ, Юстиніанъ очень старался найти имъ общаго врага, который могъ бы не только поплѣнить ихъ землю, но и постоянно держать ихъ подъ своимъ игомъ. Съ этою цѣлью на далекомъ востокѣ, гдѣ то у Каспійскаго моря, заведены были переговоры съ однимъ изъ турецкихъ кочевыхъ племенъ, Аварами. Современникъ событія, Менаандръ рассказываетъ объ этомъ довольно обстоятельно, хотя по обычаю Византійцевъ и вѣроятно въ виду императорской и общественной цензуры не совсѣмъ прямо. Онъ пишетъ слѣдующее: „Авары (558 г.), послѣ долгаго скитанія, пришли къ Аланамъ, и просили ихъ вождя Саросія, чтобъ онъ познакомилъ ихъ съ Римлянами. Саросій черезъ ближайшаго греческаго воеводу извѣстилъ объ этомъ императора, который и позвалъ аварскихъ пословъ къ себѣ въ Византію. Первымъ посломъ былъ нѣкто Кандихъ. Представъ предъ императора, онъ сказалъ: „Къ тебѣ приходитъ самый великій и сильный изъ народовъ. Племя аварское неодолимо. Оно способно легко отразить и истребить противниковъ. И потому полезно будетъ тебѣ принять Аваровъ, въ союзники и приобрести себѣ въ нихъ отличныхъ защитниковъ; но они только въ такомъ случаѣ будутъ въ дружескихъ связяхъ съ римскою державою, если будутъ полу-

чать отъ тебя драгоценныя подарки и деньги ежегодно, и будутъ поселены тобою на плодоносной землѣ“.

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ не о войнѣ противъ Византіи, а о предложеніи ей услугъ воевать противъ ея враговъ. Между прочимъ Менаандръ объясняетъ, что Императоръ по старости лѣтъ желая больше всего спокойствія, рѣшился отразить непріятельскую силу другимъ способомъ, не войною: „бывъ рѣшительно не въ силахъ справиться съ Аварами, пошелъ другими путями, то есть рѣшился на обманъ. „Царь говорилъ рѣчь въ собраніи, продолжаетъ Менаандръ. Священный совѣтъ хвалилъ его проникательность. Вскорѣ посланы были въ подарокъ Аварамъ цѣпочки, украшенныя золотомъ, и ложа (сѣдалища), и шелковыя одежды, и множество другихъ вещей, которыя моглибы смягчить души, исполненныя надменности. Притомъ отправленъ былъ къ Аварамъ посланникомъ Валентинъ, одинъ изъ царскихъ мечниковъ. Ему предписано было ввести то племя въ союзъ съ Римлянами и заставить ихъ дѣйствовать противъ Римскихъ враговъ. Такія мѣры, по моему мнѣнію, были придуманы царемъ весьма разумно, потому что, побѣдятъ ли Авары, или будутъ побѣждены, и въ томъ и въ другомъ случаѣ выгода будетъ на сторонѣ Римлянъ. Валентинъ по прибытіи къ Аварамъ отдалъ подарки и передалъ имъ все то, что было ему предписано царемъ. Авары скорѣ завели войну съ Утигурами, потомъ съ Залами, которые Уинскаго племени, и сокрушили силы Савировъ“.

Судя по указанію Птолемея при поворотѣ р. Дона жили Осилы, которые вѣроятно теперь называются Залы; западнѣе и выше ихъ обитали Савиры, несомнѣнно наши Сѣверяне. Утигуры занимали мѣсто Птолемеевыхъ Роксоланъ. Все это были Унны. Такимъ образомъ походъ Аваровъ направлялся отъ Дона къ Кіевскому Днѣпру.

Укротивъ восточное Уинское племя, называемое Утигурами, Авары покорили своему игу и западныхъ ихъ родичей, Котригуровъ, которыхъ, какъ выше упомянуто, вполнѣ можно признавать за Славянъ Булгаръ, жившихъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ.

О борьбѣ Аваровъ съ Днѣстровскими Славянами одинъ отрывокъ изъ исторіи Менаандра рассказываетъ слѣдующее:

„Владытели антскіе приведены были въ бѣдственное положеніе и утратили свои надежды. Авары грабили и опустошали ихъ землю. Угнетаемые набѣгами непріятелей, Анты отправили къ Аварамъ посланникомъ Мезамира, сына Идаризіева, брата Келлагастова, и просили допустить ихъ выкупить нѣкоторыхъ плѣнниковъ изъ своего народа. Посланникъ Мезамиръ, пустословъ и хвастунъ, по прибытіи къ Аварамъ, закидалъ ихъ надменными и даже дерзкими рѣчами. Тогда Котрагигъ, который былъ связанъ родствомъ съ Аварами и подавалъ противъ Антовъ самыя непріязненные совѣты, слыша что Мезамиръ говоритъ надменнѣе, нежели какъ прилично посланнику, сказалъ Хагану: „Этотъ человекъ имѣетъ великое вліяніе между Антами и можетъ сильно дѣйствовать противъ тѣхъ, которые сколько нибудь его непріятели. Нужно убить его, а потомъ безъ всякаго страха напасть на непріятельскую землю“. Авары, убѣжденные словами Котрагига, уклонились отъ должнаго къ лицу посланника уваженія, пренебрегли правами, и убили Мезамира. Съ тѣхъ поръ пуще прежняго стали Авары разорять землю Антовъ, не переставали грабить ее, и поработать жителей.“

Объ этомъ времени сохранилось преданіе и въ нашей лѣтописи. Она рассказываетъ, что Обры нѣкогда воевали Славянъ и примучили Дулебовъ-Бужанъ, творя большое насилье ихъ женамъ. Когда случалось Обрину куда либо поѣхать, онъ не запрягалъ въ телегу лошадей или воловъ, а впрягалъ Дулебскихъ женщинъ тройкою, четверкою или и пятерикомъ, такъ и ѣздилъ, куда было надо: такъ мучили Авары Дулебовъ ¹.

Однако послѣ, въ спорахъ и переговорахъ съ Греками, Аварскій Хаганъ (Ваянъ, въ 568 г.) ни разу не хвасталъ, что онъ поработилъ Антовъ или Славянъ. Онъ напротивъ того хвастаетъ, что поработилъ Кутригуровъ и Утигуровъ, и долгое время требуетъ отъ Византіи тѣхъ обычныхъ де-

¹ Имя Дулѣбовъ было извѣстно еще въ V в. Писатель того времени Юлій Гонорій, перечисляя народы отъ Дуная до Балтійскаго моря, называетъ Сарматовъ, Бастарновъ, Карповъ, Готовъ, Дуловъ и Гепидовъ. См. Чтен. О. Ш. в Др. 1847. № 5, статья Суна о Голціи стр. 6. Припоминиъ также, что изъ рода Дуло были Богареніе князья.

негъ, которыя при Юстиніанѣ она ежегодно платила этимъ двумъ народамъ. Онъ требовалъ этихъ денегъ за всѣ предыдущіе годы, такъ какъ вѣроятно, что Греки прекратили эту дань тотчасъ же, какъ начали свое дѣло Авары. Хаганъ, покоривши Унновъ, конечно, почиталъ своею собственностью всѣ дани и пошлины, какія принадлежали побѣжденнымъ.

Побѣда надъ Утигурами по видимому была такъ славна, что ею же хвасталъ передъ греческими послами на далекомъ Востокѣ властитель Турковъ, почитавшій Аваровъ своими рабами, а ихъ завоеванія своими побѣдами. Это было въ 576 году. Надо замѣтить, что Авары, турское племя, находились въ зависимости отъ своего корня, кочевавшаго гдѣ-то у Золотой горы, т. е. у Алтая. Ихъ переходъ въ Европу, по приглашенію Грековъ, освободилъ ихъ отъ этой зависимости. Однако турскіе властители по прежнему почитали ихъ своими рабами, присвоивали себѣ и всѣ ихъ завоеванія. Вотъ почему союзъ Грековъ съ Аварами очень не нравился Туркамъ, тѣмъ болѣе, что имп. Юстинъ далъ было слово не принимать Аваровъ, а Тиверій напротивъ въ 570 г. заключилъ съ ними миръ и отвелъ имъ земли для поселенія.

Когда греческіе послы явились къ турскому властителю Турксанфу, онъ встрѣтилъ ихъ слѣдующею достопамятною рѣчью, которая вполне обличаетъ обычную политику византійцевъ: „Не вы ли тѣ самые Римляне, употребляющіе десять языковъ и одинъ обманъ?“ произнесъ Турксанъ. Выговоривъ эти слова, онъ заткнулъ себѣ ротъ десятью пальцами, потомъ продолжалъ: „Какъ у меня теперь во рту десять пальцевъ, такъ и у васъ, у Римлянъ, множество языковъ. Однимъ вы обманываете меня, другимъ моихъ рабовъ Вархонитовъ. Просто сказать, лаская всѣ народы и обольщая ихъ искусствомъ рѣчей и коварствомъ души, вы пренебрегаете ими, когда они ввергнутся въ бѣду головой, а пользу отъ того получаете сами. И вы, посланники, пріѣзжаете ко мнѣ облеченные ложью, да и самъ пославшій васъ обманщикъ. Я васъ убью, безъ малѣйшаго отлагательства, сейчасъ же. Чуждо и несвойственно турскому человеку лгать. Вашъ же царь въ надлежащее время получитъ наказаніе за то, что онъ со мною ведетъ рѣчи дружественныя,

а съ Вархонитами (онъ разумѣлъ Аваровъ), рабами моими, бѣжавшими отъ господъ своихъ, заключилъ договоръ. Но Вархониты, какъ подданные Турковъ, придуть ко мнѣ, когда я захочу; и только увидятъ посланную къ нимъ лошадиную плеть мою, убѣгутъ въ преисподнюю. Коли осмѣлятся взглянуть на насъ, такъ не мечами будутъ убиты: они будутъ растоптаны копытами нашихъ коней и раздавлены, какъ муравьи. Такъ знайте же это навѣрное, вразсужденіи Вархонитовъ. Зачѣмъ вы, Римляне, отправляющихся въ Византію посланниковъ моихъ ведете черезъ Кавказъ, увѣряя меня, что нѣтъ другой дороги, по которой бы имъ ѣхать? Вы для того это дѣлаете, чтобъ я по трудности этой дороги отказался отъ нападенія на римскія области. Однако мнѣ въ точности извѣстно, гдѣ рѣка Данапръ, куда впадаетъ Истръ, гдѣ течетъ Эвръ, и какими путями мои рабы Вархониты прошли въ Римскую землю. Не безызвѣстна мнѣ и сила ваша. Мнѣ же преклоняется вся земля, начиная отъ первыхъ лучей солнца и оканчиваясь предѣлами Запада. Посмотрите, несчастные, на Аланскіе народы, да еще на племена Утигуровъ, которые были одушевлены безмѣрною бодростью, полагались на свои силы и осмѣлились противустать непобѣдимому народу турецкому; но они были обмануты въ своихъ надеждахъ. Зато они и въ подданствѣ у насъ, стали нашими рабами“!

Такимъ образомъ нашествіе Аваровъ на земли Утигуровъ и Котригуровъ положило конецъ стремленію восточнаго Славянства на Византію, а равно и на Кавказъ. Теперь безпощадными ея врагами оставались только западныя вѣтви Славянъ, жившія вблизи Дуная. Съ ними не со всѣми могла сдѣлать орда Аваровъ, зашедшая такъ далеко отъ своего роднаго корня и едвали получавшая отъ него новыя подкрѣпленія. Какъ видѣли, она и не особенно слушалась своихъ восточныхъ повелителей и вѣроятно дѣйствовала только собственными силами. Вотъ почему ея владычество не особенно было внушительно и для Славянъ. Утвердившись въ Панионіи, Аварскій Хаганъ послалъ къ Славянскому князю Добритю и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ, чтобъ покорились и платили ежегодную дань. Славяне такъ отвѣтили Аварскимъ посламъ: „Еще не родился на свѣтъ и не ходитъ подъ солнцемъ тотъ человекъ, который бы могъ одолѣть

нашу силу. Нашъ обычай отвоевывать чужія земли, а своей не отдадимъ въ неволю никому, пока есть на свѣтѣ мечъ и война“.

Такой надменный отвѣтъ могли дать только извѣстные уже намъ Карпиды-Хорваты, обитатели Карпатскихъ горъ. Не менѣе хвастливо говорили и Авары. Затѣмъ послѣдовали ругательства и взаимныя оскорбленія и дѣло окончилось тѣмъ, что Аварскіе послы были убиты. Хаганъ въ ту пору такъ и оставилъ хробрцевъ въ покоѣ. Намѣреваясь пойти на нихъ войною и ведя объ этомъ переговоры съ Греками, онъ объяснялъ между прочимъ, что хочетъ напасть на этихъ Славянъ еще и потому, что ихъ земля изобилуетъ деньгами, что они издавна грабили Грецію, а ихъ земля не была разорена никакимъ другимъ народомъ.

Это показываетъ, что далеко не всѣ Славянскія племена подчинялись игу Аваръ, и что вообще знаменитое Аварское Царство и даже Имперія, какъ его называютъ нѣкоторые историки, распространялось только вдоль по сѣверному берегу Дуная, который Авары и почитали своею границею между Византійскими и своими землями. Но эта граница нисколько не останавливала обычныхъ Славянскихъ набѣговъ. Они по прежнему въ свое время переходили ее свободно и разгуливали во Фракіи, какъ у себя дома, простирая свои походы до самой Эллады. Въ то самое время, какъ владычествовали Авары, столько же владычествовали надъ Византіею своими набѣгами и Славяне. Они дѣйствовали самостоятельно и ни отъ кого не зависимо, по этому не одинъ разъ воевали за одно съ Греками противъ Аваровъ. за одно съ Аварами противъ Грековъ, такъ точно, какъ и Авары ходили съ Славянами противъ Грековъ и съ Греками противъ Славянъ.

Одинъ изъ историковъ, Іоаннъ Ефесскій, писавшій въ 584 г., рисуетъ тогдашнее могущество по-Дунайскаго Славянства слѣдующими словами: „И до нынѣшняго дня Славяне живутъ, сидятъ и покоятся въ Римскихъ областяхъ безъ заботы и страха, грабя ихъ и разоряя огнемъ и мечемъ. Они разбогатѣли, приобрѣли золото, серебро, табуны коней и множество оружія, которымъ научились владѣть, лучше чѣмъ Римляне“.

Всѣ эти Славянскія грозы пронеслись главнымъ образомъ изъ древней Дакии, съ Карпатскихъ горъ, изъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ обитали Карпиды, Бастарны, Певкины, а потомъ Унны. Особенно страшень былъ восточный уголъ Карпата, гдѣ по преимуществу владычествовали нѣкогда одни Бастарны. Въ нашей исторіи вся эта сторона отъ истоковъ Вислы до верхняго Днѣстра и Буга прозывалась Хорватією, Галицією, и искони была населена одними Славянами.

Никакихъ Нѣмцевъ, кромѣ Дакийскихъ Готовъ, здѣсь исторія не помнитъ и ничего не говоритъ о томъ, куда вдругъ исчезли Нѣмцы-Бастарны и Нѣмцы-Певкины. Все, напротивъ, убѣждаетъ, что этотъ край съ незапамятныхъ временъ всегда былъ Славянскимъ, что если и проходили по немъ чуждыя народности, если въ иныхъ случаяхъ онъ и ослаблялъ народною силою, то все таки, въ другое, болѣе благоприятное время, опять вставалъ и подъ другими именами прославлялъ свою Славянскую мощь и силу. Въ сущности весь этотъ Карпатскій край всегда служилъ очень надежною точкою опоры для Славянскаго разлива въ греческія земли, какъ по западной сторонѣ, такъ и по восточной.

Въ этомъ восточномъ углу, за нижнимъ Дунаемъ, по Страбону, тотчасъ начиналась Гетская пустыня. И теперь, въ концѣ 6 вѣка Греки здѣшнихъ Славянъ точно также называютъ Гетами. Теперь ими руководитъ воевода Радагастъ (584—594), а княземъ ихъ является Мусокій, Мусукъ, Мусакій, что по Славянски можетъ означать Мужскій или мужественный. По указанію мѣста,¹ столица этого князя находилась гдѣ-то на верху Серета, быть можетъ на устьѣ Быстрицы, впадающей въ Сереть съ западной стороны, съ Карпатскихъ горъ, то есть тамъ, гдѣ жили Бастарны или Быстриане. Въ 593 г. Греки, разбивши Радагаста, пошли дальше на этого Мусокія, и напали на него гдѣ-то въ близирѣки Паспирія (Быстрица?), въ полночь, въ распахъ, когда Мусокій, отправляя по своему обычаю поминки по умершемъ братѣ, былъ очень пьянъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со всею своею дружиною. Однако такой случай былъ устроенъ по-

¹ Въ 50 парасагахъ (250 верстъ) отъ рѣки Еливакии, которую можно признать въ нынѣшней Яломницѣ, текущей отъ Карпата въ Дунай.

средствомъ измѣны одного христіанина-Гепида, жившаго у Славянъ, и очень хорошо знавшаго всѣ обстоятельства, какъ надо было устроить засаду. При этомъ историки рассказываютъ, что передъ тѣмъ Греки захватили въ плѣнъ нѣсколькихъ Славянъ, которыхъ самыми жесточайшими муками не могли заставить, чтобъ они сказали, кто они таковы? Историки объясняютъ также, что Мусокій, желая дать помощь Радагасту, отрядилъ съ измѣнникомъ Гепидомъ 30 судовъ и 150 человекъ гребцовъ, дабы перевезти остатокъ Радагастовой дружины черезъ рѣку Паспирій. Свидѣтельство очень важное, въ виду норманскихъ притязаній, по которому можно весьма основательно заключать, что Славяне вообще на всѣхъ рѣкахъ, впадающихъ въ Дунай и въ Черное море, имѣли по естественной необходимости свои флоты изъ рѣчныхъ судовъ; что только при помощи этихъ то судовъ они и могли совершать свои внезапныя и быстрыя нашествія на греческую землю; что такіе флоты существовали еще со временъ Митридата Великаго и въ 3-мъ вѣкѣ могли выставлять по шести тысячъ или по двѣ тысячи военныхъ лодокъ, перевоза на нихъ примѣрно по 50 человекъ военной дружины. Послѣ Радагаста воевалъ съ Греками въ этихъ мѣстахъ другой воевода именемъ Пирагастъ.

Само собою разумѣется, что во время большихъ, такъ сказать, общихъ Славянскихъ нашествій на Грецію, какія случались не рѣдко, и по числу войска доходили иногда до 100 тысячъ, во время такихъ нашествій дружины собирались не изъ одного при-Карпатскаго угла, но со всѣхъ ближайшихъ къ нему мѣстъ, а особенно съ восточной стороны, съ береговъ Днѣстра, Буга и самаго Днѣпра. Поэтому необходимо предположить, что если конные шли сухимъ путемъ, то пѣшіе изъ тѣхъ же рѣкъ всегда отправлялись въ лодкахъ. Вотъ почему на Дунаѣ и, выросла внезапно несмѣтная рать.

Нѣтъ сомнѣнія, что Авары въ своихъ войнахъ съ Греками, призывали себѣ на помощь и подчиненныхъ имъ Славянъ, которые, какъ хорошіе плотники, очень помогали имъ при переправахъ черезъ рѣки постройкою судовъ и мостовъ. Есть свидѣтельство, что Авары будто бы посылали за помощью и къ далекимъ сѣвернымъ Славянскимъ племенамъ. Въ 591 г. импер. Маврикій, предупреждая новый набѣгъ Аваровъ, самъ

вышелъ во Фракію собирать войско. Тутъ попались его тѣлохранителямъ трое Славянъ, безъ всякаго оружія и только съ одними гуслими. Ихъ схватили и стали допрашивать, какіе они люди, откуда и зачѣмъ пришли въ Греческую землю? „Мы Славяне, отвѣчали гуслеры. Живемъ на самомъ краю западнаго Океана. Хаганъ Аварскій прислалъ къ нашимъ князьямъ богатые дары, и просилъ помощи на Грековъ. Наши князья дары-то взяли, но помощи прислать не хотятъ. Очень труденъ и очень далекъ путь изъ нашей земли. Князья послали насъ сказать объ этомъ хагану. Мы сами шли сюда 15 мѣсяцевъ. А хаганъ нарушивъ посольскіе обычаи, задержалъ насъ и домой не отпускаетъ. Услыхали мы о безмѣрномъ богатствѣ и человѣколюбіи Грековъ и нашли случай уйдти отъ хагана къ вамъ. Гусли съ собою носимъ потому, что не привыкли ходить съ оружіемъ. Да и край нашъ тихій и мирный; въ нашей сторонѣ нѣтъ и желѣза. Не умѣя играть на трубахъ (по военному), играемъ на гуслихъ, и совсѣмъ не зная войны, любимъ музыку и почитаемъ ее лучшимъ занятіемъ“. Императору очень понравились эти гуслеры. Онъ угостилъ ихъ на славу, много дивился ихъ дородству и крѣпости тѣла и однако отослалъ ихъ подъ охрану въ какой-то городъ. Были ли это настоящіе послы или только соглядатаи сосѣднихъ съ Греціею Славянъ, неизвѣстно. Последнее кажется вѣроятнѣе. Подъ такими предлогами въ качествѣ гуслеровъ, Славяне могли для своихъ цѣлей осматривать греческую землю, чтобы знать, въ какое время безопасно сдѣлать набѣгъ.

Какъ бы ни было, но въ 626 году Аварскій хаганъ съ помощью Славянъ-моряковъ осаждалъ даже самый Царьградъ. Это было извѣстное нашествіе на Царьградъ персидскаго царя Хозроя вмѣстѣ съ Аварами и Славянами. По уговору съ хаганомъ, одна часть Славянскаго войска, въ латахъ, дѣйствовала съ сухаго пути, другая же, на многочисленныхъ моносилахъ, или лодкахъ однодеревкахъ, должна была по данному знаку напасть на столицу съ моря. Она наполнила своими однодеревками всю Гератскую Пазуху, или заливъ Золотой Рогъ. Но Греки вовремя узнали объ этомъ замыслѣ, предупредили враговъ, и выведя свой флотъ разгромили всѣ Славянскія однодеревки, причемъ между убитыми и потопшими найдены были и трупы женщинъ. Пи-

шуть также, что много помогла и наставшая въ это время буря. Кое-какъ спасшійся остатокъ вѣлѣвъ пустился къ берегу и собрался въ станъ Аварскаго хагана. Но хаганъ въ негодованіи на неудачу, или быть можетъ подозрѣвая измѣну, приказалъ ихъ всѣхъ переказнить. Тогда сухопутныя Славянскія дружины, узнавъ объ этомъ звѣрствѣ, оставили хаганово войско и пошли по домамъ, отъ чего и хаганъ принужденъ былъ тоже пойти прочь отъ города.

Это событіе и именно то важнѣйшее обстоятельство, что безчисленный флотъ однодеревокъ былъ уничтоженъ въ виду Цареградскаго храма Влахернской Богородицы, занесено тогда же въ церковныя лѣтописи, какъ святое и чудное дѣло заступленія Богоматери, причѣмъ установлена была и особая въ честь ея церковная служба, которую совершаютъ церковнымъ пѣніемъ во всю ночь, стоя. Эта служба именуется Акаѳистъ, что значитъ несѣдаленъ.

Намъ любопытно знать, какіе это были Славяне и откуда собралось столько моносилъ-однодеревокъ? Лѣтописцы не говорятъ точно, откуда прибылъ этотъ Славянскій флотъ. Одни называютъ весь этотъ походъ Скиѣскимъ, другіе говорятъ, что съ Аварами приходили Булгары, третьи упоминаютъ только однихъ Аваровъ, наконецъ позднѣйшіе, Манассія, именуютъ Скиѣовъ, Аваровъ и Тавроскиѣовъ. Тавроскиѣами въ 10—12 вѣкахъ прозывались по преимуществу только Русскіе Славяне. Стало быть въ этомъ имени дается по крайней мѣрѣ свѣдѣніе, что однодеревки принадлежали между прочимъ и Днѣпровскимъ Славянамъ. И это было очень естественно, такъ какъ восточный Славянскій край въ началѣ 7-го вѣка находился въ зависимости у Аваровъ, ибо, какъ видѣли, былъ ими покоренъ окончательно. Во всякомъ случаѣ, въ зависимости ли отъ Аваровъ, или по ихъ призыву и приглашенію подѣлать вѣсть добычу войны, Днѣпровскіе мореходы необходимо участвовали въ этомъ походѣ уже по той причинѣ, что Авары, замышляя нападеніе на Царьградъ, конечно, воспользовались всеми наличными средствами, находившимися у нихъ въ рукахъ или подъ рукой. Лѣтописецъ Манассія повѣствуетъ между прочимъ, что „въ это время на Грековъ возбуждены были всѣ народы, обитающіе вокругъ Тавра (Крыма)... Князья нечестовыхъ Тавроскиѣовъ, собравъ корабли съ безсѣтнымъ

числомъ воиновъ, покрыли все море ладіями однодеревными. Персъ былъ подобенъ колючему скорпію, злобный Скиѣ (Славяне Дунайскіе)—ядовитому змію, Тавроскиѣ—саранчѣ, что ходитъ и летаетъ“, то есть плаваеетъ на корабляхъ.

Этотъ Аварскій походъ на Византію былъ послѣдній. Съ той поры и самое имя Аваровъ мало по малу совсѣмъ исчезаетъ изъ исторіи. На послѣдяхъ, этимъ именемъ иногда прозываютъ въ разныхъ мѣстахъ тѣхъ же Славянъ.

Византійскіе историки рассказываютъ въ слѣдъ затѣмъ, что Авары были прогнаны вновь появившимся народомъ, Булгарами, пришедшимъ конечно оттуда же, откуда приходили и гдѣ нарождались всѣ сѣверные варвары, именно съ Меотійскихъ Болотъ.

Дѣло было такъ. Кувратъ, иначе Кроватъ, князь Унногундурскій, возсталъ противъ Аваровъ и выгналъ ихъ изъ своей земли съ великимъ стыдомъ и поношеніемъ. Затѣмъ онъ заключаетъ миръ съ императоромъ Иракліемъ. Это случилось въ 634 году, слѣд. спустя только 8 лѣтъ послѣ осады Царьграда и ссоры Славянъ съ Аварами за звѣрскую казнь ихъ соплеменниковъ.

У Кровата, государя Булгарскаго, было пять сыновей, пять Хрватовъ. Умирая, онъ завѣщалъ имъ жить въ союзѣ нераздѣльно, грозя въ противномъ случаѣ, что если раздѣлятся, то обезсилѣютъ и не въ состояніи будутъ защищать свою землю отъ враговъ. Но прошло не много времени, сыновья отдѣлились другъ отъ друга. Только старшій братъ Ватвай остался въ прежнемъ своемъ жилищѣ за рѣкою Дономъ.

Другой братъ Котрагъ (сравни. Котрагигъ, который дѣйствовалъ съ Аварами противъ Антовъ) поселился насупротивъ, на западномъ берегу Дона, четвертый и пятый, которымъ именъ нѣтъ, пошли дальше, на западъ,—четвертый поселился въ Панноніи, покорился Аварамъ; пятый ушелъ въ Италію и получилъ себѣ жилище въ окрестности Равенской, подъ христіанскимъ владычествомъ.

Третій братъ Аспарухъ поселился между рѣками Днѣпромъ, Онгломъ и Днѣстромъ. Этотъ Аспарухъ вскорѣ является особенно безпокойнымъ сосѣдомъ Византіи. Онъ часто воевалъ по Дунаю, а потомъ въ 678 г. совсѣмъ переехалъ черезъ рѣку и поселился на южномъ ея берегу, въ близи

устье въ, а на югъ до Варны. Эту страну населяли уже семь Славянскихъ племенъ, надъ которыми Аспарухъ сталъ владычествовать. Съ Цареградомъ онъ заключилъ выгодный для себя миръ, причеиъ Греки обещали ему платить ежегодную дань. Такъ основалось Булгарское царство.

Очень явственно, что этотъ рассказъ записанъ въ византийскую лѣтопись изъ народныхъ Булгарскихъ преданій и есть отголосокъ той исторіи, которая нѣкогда происходила въ восточныхъ Славянскихъ земляхъ, между Днѣпромъ и Карпатами. Преданіе это соотвѣтственно нашимъ преданіямъ о Кіѣ, Шекѣ и Хоривѣ; о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ; о пяти братьяхъ и двухъ сестрахъ Хорватскихъ и т. п.

Это преданіе очень важно и любопытно для нашей исторіи. Оно во первыхъ показываетъ, что вся область южной или Черноморской Руси, отъ Карпатъ до Днѣпра и Дона, искони, съ незапамятныхъ временъ сознавала свое кровное родство или такъ сказать однородность своего происхожденія; что въ тоже время она сознавала и коренной недугъ своей жизни, племенную раздѣльность и вражду другъ къ другу, а стало быть и всѣ выгоды дружнаго братства и единства.

Кровать называется братомъ Органы, тоже князя Унногундуrowъ, который принялъ крещеніе. И Кровать и Аспарухъ упоминаются также въ росписи древнихъ Булгарскихъ князей, первый подъ именемъ Курта, второй подъ именемъ Исперика. Но можно также полагать, что ихъ имена суть имена племенъ, которыми эти лица руководили. Можно полагать, что Кровать есть просто Хорватъ, древній Карпъ-Бастаръ - Певкинъ, истинный отецъ всей страны, мужественно державшій ея независимость въ теченіи многихъ столѣтій. Онъ же, по извѣстію Константина Багрянороднаго, выгналъ Аваровъ изъ той земли, въ которой потомъ самъ поселился, изъ Далмаціи. Хорваты, по его словамъ, частію совсѣмъ истребили Аваровъ, а остальныхъ поработили, т. е. въ дѣйствительности уничтожили ихъ господство по всей Славянской землѣ. Имя Хорватовъ, говоритъ Багрянородный, означаетъ на Славянскомъ языкѣ людей, великое пространство земли населяющихъ. Такимъ образомъ, отецъ Кровать можетъ означать все восточное племя Славянъ до самаго Днѣпра или всю южную Русскую народность, какъ особое племя.

Четвертый и Пятый сынъ Бровата, общаго Хорватскаго оца, ушедшіе изъ отечества въ чужія земли, есть въ самой дѣйствительности переселившіеся съ своихъ мѣстъ въ 7 вѣкѣ Хорваты и Сербы.

Старшій сынъ, самый восточный изъ братьевъ, называется Ватвай. Это имя можетъ быть тоже племенное или мѣстное, географическое. Оно родственно Ут-ургурамъ, и Вятичамъ, даже Витичеву холму, очень важному мѣсту на Днѣпрѣ, которое въ 10 вѣкѣ служило сборнымъ пунктомъ для всѣхъ Днѣпровскихъ судовъ при отправленіи ихъ въ Царьградъ. Нѣтъ сомнѣній, что здѣсь могло существовать весьма значительное Днѣпровское поселеніе. Кромѣ того вблизи Кіева находимъ рѣку Вѣту, Вѣтову могилу, селеніе Увѣтичи. Самое прозваніе Кіева Самватъ тоже по звукамъ на половину родственно этому Вату, Вату, Вѣту. Все это заставляетъ полагать, что имя Ватвай есть родное въ указанныхъ мѣстахъ, а въ глубокой древности оно могло распространяться, какъ мы говорили, на все восточное заднѣпровье, и вся сѣверская область по теченью сѣверскаго Донца могла носить тоже самое имя Вятичей или Ватвая, какъ приносили Греки.

Противъ Ватвая, съ западной стороны Дона, собственно Днѣпра, жилъ Котрагъ. Съ западной же стороны этой рѣки поселился и третій братъ Аспарухъ. Но Котрагъ видимо жилъ сѣвернѣе Аспаруха. Имя Котрагъ, напоминаетъ Бутургуровъ, Котригуровъ, да и Булгары прямо называются Котрарами. По Птоломею въ той же сторонѣ, выше нижняго Днѣстра, обитали Тагры. Выше, стр. 379, мы обозначили сходство Котригуровъ съ именемъ Акатировъ, Авацировъ, Котпагировъ, отъ которыхъ, по всему вѣроятію, осталось имя селенія Кочіеръ, вблизи города Новыя Дубоссары, гдѣ находятся Роги — монастырь и гора, вся изрытая пещерами, и гдѣ вообще Днѣстровскій берегъ представляетъ много замѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи и показываетъ, что необходимо здѣсь существовали значительныя поселенія съ самой глубокой древности.

Третій братъ Аспарухъ, жилъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ на Онгль, т. е. на Ингуль. Въ его имени Аспарухъ, Спарухъ, слышится общеславянское имя, о которомъ

говорить Прокопій, Споры. Оно же очень родственно древнему Роксоланскому царю Распарасану и вождю Готовъ Респу. Всѣ эти видоизмѣненія имени встрѣчаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, гдѣ обиталъ Булгарскій Аспарухъ.

Мнѣніе, объ Уральскомъ происхожденіи древнихъ Дунайскихъ Булгаръ опирается на одномъ этомъ же сказочномъ свидѣтельствѣ византійскихъ историковъ о Кроватѣ и расселеніи его сыновей, а главнымъ образомъ, на смѣшеніи свѣдѣній и понятій о Булгарахъ Волги и о Булгарахъ Дуная. Въ сказкѣ о расселеніи Дунайскихъ Булгаръ историки сообщаютъ, что въ старину Булгары жили въ сѣверныхъ странахъ, выше Чернаго моря и при Меотисѣ, въ который впадаетъ великая рѣка, текущая отъ сѣвернаго Океана по Сарматской землѣ, называемая Атель (Итиль, Волга). Въ нее впадаетъ Донъ рѣка, текущая съ Кавказа, отъ Иверскихъ (Грузинскихъ) воротъ-ущелій. Атель, соединившись съ Дономъ, протекаетъ дальше въ Меотиду. Изъ той же области, или изъ соединенія этихъ рѣкъ, такъ какъ онѣ выше Меотиса текутъ каждая особо и представляютъ какъ-бы вилы, течетъ рѣка Куфисъ и впадаетъ въ Понть, въ Черное море, позади Некропилъ, подъ мысомъ, который именуется Бараньиъ Лбомъ (на южномъ берегу Крыма мысъ Аюдагъ).

Объ этой георгафіи еще Байеръ замѣтилъ, что „великое есть бѣдствіе, когда попадаемъ на авторовъ сему подобныхъ“. Въ сущности это описаніе похоже на то, еслибъ кто рассказалъ, что въ Черное море течетъ великая рѣка Нева, въ которую впадаетъ р. Москва, текущая съ Кавказскихъ горъ и т. д. Вообще древнюю, Великую Булгарію помѣщали около Меотійскаго озера, подлѣ рѣки Куфиса; отъ Меотійскаго залива до рѣки Куфиса; при Меотійскомъ заливѣ по ту сторону рѣки Кофинуса.

Куфисомъ въ то время прозывалась р. Кубань, впадавшая дѣйствительно въ Азовское море. Она же именовалась прежде Ипанисомъ, а Ипанисомъ по Геродоту назывался также и Бугъ, впадающій въ Днѣпровскій Лиманъ. Уже Страбонъ замѣтилъ, что эти объ рѣки именовались Ипанисомъ, а Плиній отнесъ къ большому заблужденію, что Ипанисъ помѣщаются въ Азіи. Но въ странѣ, гдѣ протекалъ нашъ Ипанисъ-Бугъ, по свидѣтельству Константина

Багрянороднаго, протекала и рѣка Куѣисъ, слѣд. это имя существовало и подлѣ Буга, и именно рядомъ, какъ указываетъ Багрянородный. Если принять р. Атель за Днѣпръ, а р. Донъ за Бугъ, то теченіе обѣихъ рѣкъ будетъ очень понятно. Онѣ, соединяясь, вливаются Днѣпровскимъ Лиманомъ въ Черное море, именно у Некропилъ, греческаго города, находившагося здѣсь неподалеку, въ 4 миляхъ отъ Днѣпра. При сліяніи Буга и Днѣпра находился также и Мысъ Ипполаевъ, на которомъ въ древности стоялъ храмъ Деметры, и который, въ показаніи Θεοφανα, является уже мысомъ южнаго Крымскаго берега. Константинъ Багрянородный говоритъ также, что заливъ Меотиды достигаетъ Некропилъ и соединяется съ ними каналомъ, что теперь называется Перекопъ. Его Куѣисъ, или Коѣинусъ, по всему вѣроятію, обозначаетъ Геродотовскую рѣку Пантикапу, теперешнюю Конку, теченіе которой перемежается съ самымъ Днѣпромъ. Такимъ образомъ этотъ наборъ географическихъ именъ въ сущности имѣетъ весьма правильную сѣть, по которой выходитъ, что древняя Булгарія находилась въ устьяхъ Днѣпра, Ингульда и Буга, и занимала все Олешье, или Геродотову Илею, то есть вообще ту мѣстность, которую ей указываетъ въ 6 вѣкѣ Иорнадъ, см. стр. 330.

Послѣ всего сказаннаго гораздо правдоподобнѣе и естественнѣе заключить, что ни въ какое время Булгары съ Волги не приходили, что повѣсть объ ихъ далекомъ походѣ сочинена книжнымъ человекомъ, который зналъ имена значительныхъ рѣкъ восточной Европы, но не зналъ гдѣ и какъ онѣ текутъ.

Въ всякомъ случаѣ на этой повѣсти, на половину сказочной, на половину ученой, основывать ничего нельзя, особенно въ виду ясныхъ свидѣтельствъ, что Булгары искони обитали между Днѣстромъ и Днѣпромъ, именно на Бугѣ, Ингулѣ и Ингульцѣ. Мы видѣли, что по Страбону въ этой сторонѣ жили Языги-Урги; Прискъ упоминаетъ здѣсь же Уроговъ; Зосимъ 5 вѣка Уругундовъ, Агаѣй 6 вѣка Вуругундовъ; Павелъ Дьяконъ 8 вѣка Вургунтаибъ. Согласно этому произношенію и нынѣшніе Греки называютъ Булгаръ Вургерами, Вургарами. Естественно, что отсюда же происходитъ умягченное имя Улгары, Вулгары, какъ вообще писали византійцы. Такимъ образомъ это имя

образовалось само собою въ теченіи столѣтій изъ древнѣйшаго имени Урговъ и не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Болгарь Волжскихъ. Только позднѣйшіе писатели, основываясь на сходствѣ именъ, стали объяснять и происхожденіе народа съ Волги же. И до сихъ поръ исторія Волжскихъ Болгарь постоянно смѣшивается безъ малѣйшаго различія съ исторією Дунайскихъ Булгарь.

Передвиженіе этихъ Булгарь въ концѣ 7 вѣка съ устья Днѣпра на Дунай можетъ быть объяснено тѣмъ, что къ этому времени стало распространяться владычество Хозарь, которые, какъ говоритъ повѣсть о разселеніи сыновей Кривата, подчинили себѣ старшаго изъ нихъ Ватвая, то-есть племя Вятичей съ Полянами и Сѣверянами, иначе все жилище прежнихъ Утургуровъ по восточной сторонѣ Днѣпра. Историкъ Теофанъ, писавшій это и писавшій въ началѣ 9 вѣка, говоритъ, что племя Ватвая съ того времени платило дань Хозарамъ и до его дней, и что Хозары овладѣли страной до Чернаго моря. Аспарухъ, жившій на нижнемъ Днѣпрѣ, повидимому не захотѣлъ работать новому врагу, и можетъ быть, опасаясь новаго нашествія въ родѣ Аварскаго, удалился съ своею дружиною поближе къ Византіи, на Дунай, въ земли своихъ же родичей, поселившихся тамъ еще по распаденіи владычества Аттилы (см. выше стр. 368). Нѣтъ сомнѣнія, что это переселеніе было даже устроено по призыву Дунайскихъ Славянъ, пожелавшихъ охранить свою независимость и отъ Грековъ и отъ сосѣднихъ Славянъ и Валаховъ.

Аспарухъ нашелъ здѣсь семь Славянскихъ племенъ, а въ томъ числѣ и Сѣверянъ. Онъ соединилъ ихъ въ одно государство, которое вскорѣ становится страшною силою для Византіи. Эти семь племенъ приводятъ на память одно обстоятельство изъ исторіи Унновъ. Въ 433 г. царь Унновъ Ругъ велъ войну противъ Амилзуровъ (Уличей), Итимаровъ (приморцевъ), Тоносуровъ (Танайты—Савиры—Сѣверяне), Воисковъ (изъ Галиціи) и другихъ народовъ, поселившихся на Истрѣ и прибывавшихъ къ союзу съ Греками. Вотъ начальная исторія упомянутыхъ семи племенъ. Видимо, что это были бѣглецы изъ русской страны, удалившіеся сюда отъ домашнихъ усобицъ еще быть можетъ во время борьбы Унновъ съ Готами. Когда теперь они передались на сторону

Грековъ, владыка Унновъ, почитавшій ихъ своими родичами или покрайней мѣрѣ подданными, подвигъ на нихъ войну и у Грековъ постоянно требовалъ выдачи бѣглецовъ, въ числѣ которыхъ бывали люди царскаго рода. Припомнимъ, что именно въ этихъ мѣстахъ, на нижнемъ Дунаѣ, и въ странѣ, которую занялъ Аспарухъ, поселились съ своими дружинами дѣти Аттилы (см. выше стр. 368). Аспарухъ таимъ образомъ занялъ только достояніе своихъ отцовъ, отчего такъ скоро и создалъ сильное государство.

Итакъ въ половинѣ 6 вѣка политикою воспорскихъ Готовъ и византійскаго императора Юстиніана Днѣпровскія и Донскія племена Унновъ, т. е. древнихъ Ронсоланъ, вступила другъ съ другомъ въ междуусобную войну и въ конецъ истребили свои дружины. На обезсиленныхъ собственно враждою, на нихъ были призваны еще Авары, которые въ это время конечно уже очень легко могли завладѣть всѣмъ краемъ, отъ Дона до Дуная. Однако покореніе этихъ Унновъ было достигнуто послѣ долгой и упорной борьбы, особенно со стороны Днѣстровскихъ Антовъ. Турецкій властитель хвалился, передъ византійскимъ посломъ, что укротилъ и поработилъ племена Утигуровъ и народы Алановъ, то есть всю страну вокругъ Азовскаго моря до Днѣпра. Можемъ изъ этого заключить, что нашествіе Аваровъ было поддержано и другими племенами этихъ Алтайскихъ Турокъ и что завоеванная Аварами наша страна тогда-же подчинилась далекому Алтайскому Хагану между тѣмъ, какъ сами Авары прошли за Днѣпръ дальше къ Западу, гдѣ по Дунаю и утвердили свое особое владычество. Въ то же время, въ 576 г., былъ завоеванъ Турками у Грековъ и городъ Воспоръ, а слѣдов. и вся Воспорская страна. Турки таимъ образомъ овладѣли всѣми землями, гдѣ лѣтъ за 50 передъ тѣмъ господствовали одни Унны.

Неизвѣстно, были ли эти Турки тѣ самые Хозары, тоже Турецкое племя, которые вслѣдъ за тѣмъ распространяютъ свое владычество и имя въ тѣхъ же мѣстахъ. По всему вѣроятію, перемѣнилось только имя, но завоеватель, державшій въ своихъ рукахъ страну, былъ тотъ же самый.

По словамъ самихъ же Турокъ они раздѣлялись на четыре вѣтви. Повидимому, та вѣтвь, которая утвердилась по сѣверозападнымъ берегамъ Каспійскаго моря и въ устьяхъ

Волги, прозывалась Хозарами быть может по имени владыкъ всей этой страны. Припомнимъ, что Персидскій царь Хозрой Великій (532—580 г.) строилъ здѣсь много городовъ и въ томъ числѣ построилъ самую столицу Хозаръ на Волгѣ, Балаггалъ. Такимъ образомъ имя Хозаръ могло распространиться отъ владыки Хозроя. По свидѣтельству Плинія (VI, 19) Скионы Персовъ называли Хорсарами.

Надо вообще замѣтить, что въ устьяхъ Волги съ незапамятныхъ временъ существовало торговое гнѣздо, созданное конечно живыми силами народныхъ потребностей и связей по всей окрестности Каспійскаго моря, гдѣ Персы господствовали съ древнѣйшаго времени. Могущество Персовъ колебалось; по временамъ приходили новые господа; но Каспійская торговля была непобѣдима. Она мало по малу во всѣхъ бойкихъ перекрестныхъ мѣстахъ по берегамъ моря должна была создать свое особое племя, особый народъ, не принадлежавшій ни къ Персамъ, ни къ Туркамъ и ни къ какимъ подобнымъ народностямъ, а состоявшій изъ промышленниковъ и торговцевъ всѣхъ окрестныхъ племенъ и государствъ. Особенно такая смѣсь всякихъ народностей съ большими выгодами и удобствами для независимости могла легко гнѣздиться въ устьяхъ нашей Волги. Вотъ почему это Волжское торговое гнѣздо никогда не могли одолѣть и окончательно раззорить никакія варварскія нашествія и никакія военныя дружины. Въ этомъ мѣстѣ завоеватель естественно уступалъ силѣ вещей и самъ подчинялся живеннымъ цѣлямъ завоеванной страны, т. е. цѣлямъ торговыхъ связей и сношеній.

Но зато, хотя бы и варварская, военная дружина, попадавшая въ среду купцовъ и промышленниковъ, тотчасъ пріобрѣтала значеніе и силу, какими никогда не могла пользоваться въ своихъ степныхъ обиталищахъ. Становясь охранителемъ торговаго и промысловаго, поддерживаемая довольствомъ и богатствомъ, она скоро выросла въ могущественное государство, способнымъ держать въ своихъ рукахъ страну не однимъ военнымъ поработченіемъ, но и выгодами торговаго и промысловаго.

Точно такое же гнѣздо существовало на Воспорѣ Киммерійскомъ, гдѣ военная власть смѣнялась много разъ, раззоряла и опустошала города, но ни въ одномъ случаѣ не

могла совсѣмъ истребить тамошняго торговаго могущества, которое снова становилось господствующимъ и всегда приводило эту власть себѣ же на службу. Въ такомъ порядкѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ проходила исторія и на устьяхъ Волги. Завоеватель и тамъ скоро становился первымъ слугою не военнаго, а по преимуществу торговаго могущества, и потому варвары-Турки, овладѣвшіе страной, скоро сдѣлались Хозарами—Аорсами, народомъ ярмарки, состоявшимъ изъ смѣси различныхъ племенъ и народностей.

Должно полагать, что самымъ умнымъ, дѣльнымъ и сильнымъ изъ всѣхъ разноплеменныхъ промышленниковъ, владѣвшихъ устьями Волги, были Евреи. Покрайней мѣрѣ Арабы свидѣтельствуютъ, что династія Хозарскихъ владыкъ была изъ Еврейскаго племени и что всѣ знатные начальныя люди были тоже Евреи.

Къ концу 7 столѣтія Хозары владѣютъ уже всею страной отъ Западныхъ береговъ Каспійскаго моря и до Днѣпра, владѣютъ при-Кавказскою страной Кубани и Терека и Крымскимъ полуостровомъ, такъ что Азовское море составляетъ внутреннее озеро ихъ владѣній. Теперь вся эта страна именуется уже Хозаріею. Самое Каспійское море тоже прозывается моремъ Хозарскимъ. Теперь въ имени Хозарія исчезаютъ всѣ имена при-Азовскихъ и при-Днѣпровскихъ народностей, въ слѣдствіе чего они исчезаютъ и изъ Исторіи.

До половины 7 столѣтія столицею Хозаріи былъ городъ Семендеръ, нынѣ Тарху, откуда Хозарскіе хаганы были вытѣснены нашествіемъ Арабовъ и перенесли свое мѣсто-пребываніе на устье Волги, въ городъ Итилъ или Атель, городище котораго находится нѣсколько ниже Астрахани.

По всему видимо, что главная сила Хозарскаго Государства находилась въ рукахъ промышленныхъ Евреевъ и вообще въ рукахъ торговаго сословія, которое, живя посреди кочевниковъ и подъ вліяніемъ восточнаго деспотизма, не могло образовать изъ себя сильной общины въ европейской формѣ, но устроилось тоже по-Турецки, съ деспотомъ-хаганомъ во главѣ, который назывался Хозаръ-Хаканъ, и власть котораго однако была во всемъ ограничена царемъ. По арабскимъ сказаніямъ 9 и 10 вѣка, этотъ Хозаръ-Ха-

ханъ представлялъ изъ себя какую-ту правительственную святую. Онъ жилъ особо съ своимъ дворомъ и военной свитою и очень рѣдко показывался передъ народомъ. Когда онъ выѣзжалъ, а это случалось въ четыре мѣсяца одинъ разъ, встрѣчавшійся народъ падалъ ницъ и поднимался только по проѣздѣ своего владыки. Доступъ къ хагану, кромѣ нѣсколькихъ ближайшихъ чиновниковъ, никому не былъ возможенъ, развѣ только въ случаѣ величайшей необходимости. Явившійся предъ его лице, повергался также на землю и потомъ уже вставалъ и ожидалъ повелѣній. Самъ царь-намѣстникъ входилъ къ хагану съ босыми ногами и по какому то обряду держа въ рукахъ лучину какого то дерева, которую тутъ же зажигалъ. Такое поклоненіе держащей власти принадлежало къ обычаямъ древней Персіи. Могущество хагана было таково, что если онъ кому изъ знатныхъ приказывалъ: поди, умри, тотъ неизмѣнно исполнялъ его волю и убивалъ себя.

Арабы говорятъ, что достоинство хагана принадлежало одному роду, несильному и небогатому, но который находился въ общемъ уваженіи. Наслѣдникомъ умиравшаго хагана избирали даже очень бѣдныхъ людей, лишь бы они были изъ царскаго рода.

Главнымъ дѣйствителемъ управленія и всей власти оставался намѣстникъ-царь. Онъ судилъ народъ съ семью судьями, изъ которыхъ двое были для Мусульманъ, двое для Евреевъ, двое для Христіанъ, и одинъ для Славянъ и Русовъ и для другихъ идолопоклонниковъ. Можно предполагать, что эти судьи были выборные каждымъ въ роисповѣданіемъ особо.

Онъ предводительствовалъ войсками, начиналъ войну, заключалъ миры, повелѣвалъ подвластными странами, рѣшалъ всѣ дѣла и былъ въ настоящемъ смыслѣ полнымъ государемъ. Къ сожалѣнію, неизвѣстно какого достоинства и какъ изъ какихъ лицъ избирался этотъ дѣйствующій царь? Но можно полагать, что онъ былъ представителемъ той гороской и по преимуществу еврейской аристократіи, которая въ его лицѣ управляла государствомъ. Поэтому лице самого хагана носило только обликъ собственно Турецкаго владычества, которое напоминало всемъ зависимымъ народамъ прежняго Алтайскаго владыку. Вообще въ устройствѣ

Хозарскаго правительства очень примѣтно сліяніе этихъ двухъ началъ государственной власти: одного, воспитаннаго степными кочевыми нравами, и другаго, возникшаго отъ городской промысловой торговой жизни. Первое поддерживало въ странѣ страхъ восточнаго деспотизма, второе открывало терпимость и свободу вѣры для всѣхъ ея обитателей. Царь Хозарскій, самъ бывши Иудеемъ, не давалъ въ обиду никакой вѣры: случилось однажды, что магометане раззорили христіанскую церковь, онъ тотчасъ повелѣлъ разрушить минаретъ магометанскаго храма и казнить ретивыхъ проповѣдниковъ своей вѣры. Такая справедливость въ отношеніи чужой вѣры обнаруживаетъ, что составъ Хозарской народности былъ не племенной, а гражданскій, смѣшанный, какъ мы сказали, изъ многихъ чуждыхъ другъ другу народностей. По этому и самая народность Хозаръ, какъ особаго племени, едвали когда будетъ опредѣлена съ надлежащею точностью. Они были Турки, потому что большинство населенія ихъ страны и военная сила принадлежали къ Турецкому племени. Они были Евреи, потому что это племя, хотя и составляло меньшинство, но всегда господствовало въ управленіи страной. Можно относить ихъ къ Финскому, Татарскому и къ другимъ приволжскимъ племенамъ, потому что въ устьяхъ Волги съ незапамятныхъ временъ тѣснилось промышленное населеніе отъ Финскаго Сѣвера.

Столица Хозарин, городъ Итилъ, былъ расположенъ на обоихъ берегахъ Волги. На западномъ берегу жилъ Хаканъ Великій, то есть Хозаръ-Хаканъ, Хаканъ-Бегъ (князь) и всѣ власти; на восточномъ жили только купцы разныхъ племенъ и различныхъ исповѣданій, и находились амбары съ товарами. Эта торговая сторона города прозывалась Хазераномъ, что быть можетъ опредѣляло и самое имя Хозаръ, какъ вообще торговаго сборнаго народа изъ всякихъ мѣстъ и племенъ.

Народъ жилъ въ войлочныхъ палаткахъ, подобно кочевникамъ, и въ лѣтнюю пору дѣйствительно переселился въ степь. Достаточные люди строили себѣ хаты-мазанки изъ глины и только одинъ царь жилъ въ кирпичныхъ палатахъ. Городъ охранялся постояннымъ войскомъ, въ родѣ царской гвардіи, называемой Ларсія, число которой неизмѣнно со-

стояло изъ 12 или 10 тысячъ способныхъ воиновъ. Хозарское войско уже потому было храбро, что по уставу, каждый ратникъ, побѣдившій съ битвы, лишался жизни. Сверхъ постоянного войска, находившагося на жалованьи самого царя, всѣ зажиточные и богатые обязаны были поставлять и содержать всадниковъ, сколько могутъ, по количеству своего имущества и по успѣху своихъ промысловъ. Войско выступало въ походъ въ полномъ вооруженіи, съ знаменами и копьями и въ хорошихъ броняхъ. Военную добычу собирали въ лагерь: царь выбиралъ себѣ, что любо, а остальное дѣлили между собою воины.

Могущество Хозаръ въ нашихъ южныхъ краяхъ основывалось повидимому на томъ обстоятельстве, что отъ конца 7 до половины 9 вѣка обезсиленная страна не была способна выставить имъ хорошаго противника. Лучшія военныя дружины ушли отъ нижняго Днѣпра и основали на Дунаѣ Булгарское царство. Оставшійся Ватвай, то есть все земледѣльческое населеніе принуждено было платить дань Хозарамъ. Греки съ Хозарами постоянно держали тѣсную дружбу. Греческіе цари вступали съ ихъ хаганами въ родство, рѣшались отдавать имъ въ замужство своихъ дочерей или сами женились на Хозаркахъ (Юстиніанъ II-й, Константинъ Копронимъ). Мы видѣли, что въ 6-мъ вѣкѣ Греки употребляли всѣ усилія, чтобы обуздать и по возможности совсѣмъ истребить всегда опасныя для нихъ военныя дружины Днѣпра и Дона. Для этого были призваны Авары; для этого же поддерживалась и тѣсная дружба съ Хозарами, которые послѣ Турокъ сдѣлались господами Каспійскаго приволжскаго угла. Съ другой стороны могущество Хозаръ въ этой странѣ очень было надобно и для обузданія Персовъ, всегда тоже опасныхъ сосѣдей для Закавказскихъ земель Византіи. Особенная дружба съ Хозарами и началась по случаю войны Ираклія съ Персидскимъ Хозроемъ (626 г.), когда Авары за одно съ Славянами осаждали самый Царьградъ, и когда имя Хозаръ впервые появилось въ греческихъ лѣтописяхъ.

Естественно предполагать, что съ той поры сами же Греки способствовали распространенію и утверженію Хозарской силы не только въ Каспійскомъ углу, но и на Киммерійскомъ Воспорѣ. Съ той поры нашествія Уиновъ отъ Мео-

тійскихъ Болотъ совсѣмъ умоли и Византія жила покойно до перваго набѣга Руссовъ. Она цѣлыя сто лѣтъ (731—834 г.) не упоминаетъ въ своихъ писаніяхъ даже самое имя Хозаръ и потомъ упоминаетъ объ нихъ только по случаю постройки для ихъ же защиты крѣпости Саркела на среднемъ Дону (вѣроятно у впаденія р. Иловли).

Такимъ образомъ наставшая тишина вокругъ Меотійскихъ Болотъ, страшныхъ нѣкогда и коварныхъ, какъ говорилъ Готскій историкъ Иорнандъ, была приобрѣтена коварною же, но очень успѣшною политикою Византіи, всегда натравлявшей однихъ своихъ враговъ на другихъ, а теперь въ торговыхъ Хозарахъ нашедшей себѣ самыхъ лучшихъ друзей и охранителей ея спокойствія.

Прошло двѣсти лѣтъ, пока Днѣпровскія и Донскія племена могли взойти въ прежнюю силу и по прежнему стали работать на Черномъ морѣ не одною торговлею, но и грозною войною.

Когда такимъ ходомъ дѣлъ темная исторія нашего Днѣпровскаго и Донскаго юга приближалась къ появленію Руссовъ, во множествѣ народныхъ именъ провозгласилось наконецъ и собственное имя Славянъ. Это случилось еще въ началѣ 6-го вѣка. Безпрерывные набѣги Славянъ на Греческія земли заставили Византійскихъ писателей обратить на нихъ особое вниманіе, заставили Исторію говорить объ этомъ народѣ и сохранить нѣсколько свѣдѣній о Славянскомъ бытѣ, о Славянскихъ нравахъ, порядкахъ жизни, и о разныхъ случаяхъ, въ которыхъ болѣе или менѣе объясняется характеръ Славянства вообще. Нѣтъ сомнѣнія, что и о Славянахъ существовали значительно подробныя сказанія, какъ можно судить, напр., по отрывкамъ Исторіи Менаандра, но къ сожалѣнію они утрачены навсегда. Точно также навсегда утрачены и тѣ книжные матеріалы, изъ которыхъ Птоломей составлялъ свое описаніе Европейской Сарматіи, и въ которыхъ, конечно, находилось много подробностей даже о нашемъ Сѣверномъ Славянствѣ, объ этихъ Ставанахъ и Алаунахъ. Но будемъ благодарны и тому, что записали Византійцы 6 вѣка.

Византийцы, хотя и называли себя Римлянами, но это и были уже те Римляне, среди которых являлись Тациты. По этому в ихъ сказаніяхъ мы не встрѣтимъ такой полной и прочувствованной картины варварскаго быта, кака написана Тацитомъ о Германцахъ. Въ виду широко разившагося Цесарскаго деспотизма и его непреклонныхъ послѣдствій, всеобщаго развращенія и семейныхъ и гражданскихъ нравовъ, Тацитова гражданская и человѣчная скорбь нашла себѣ въ этой картинѣ сердечную отраду и потому изобразила ее съ тѣмъ увлеченіемъ, какое мы испытываемъ, читая Американскіе романы Купера. Тацитъ, подобно Куперу, поэтическимъ чувствомъ позналъ сущность Германскаго варварства — эту простую первобытную, можно сказать, еще дѣтственную природу чловѣка-варвара, то есть дикаго въ глазахъ Римской цивилизаціи.

Мы отчасти видѣли, что и утомленные своею цивилизаціею античные Греки точно также, хотя и не полной картиной, идеализировали бытъ Черноморскихъ Скифовъ, страну блаженныхъ Гипербореевъ. Нельзя не замѣтить, что въ самой Германской картинѣ Тацита многое принадлежитъ не исключительно однимъ Германцамъ, но общимъ идеаламъ, или, такъ сказать общимъ мѣстамъ литературныхъ мнѣній, какими греческая и римская древность украшала вообще варварскій бытъ малозвѣстныхъ ей народовъ. И о Черноморскихъ Скивахъ она не безъ скорби писала, что это былъ народъ, въ своемъ природномъ варварствѣ во многомъ стоявшій выше просвѣщенныхъ Грековъ, что напр. „Правосудіе у него напечатлѣно было въ умахъ, а не въ законахъ, что воровство у него было рѣдко и считалось важнѣе всѣхъ преступленій, что золото и серебро Скивы столько же презирали, сколько прочіе смертные желали онаго. Въ пищу и одежду были умѣренны, не знали дорогихъ тканей, а покрывались только шкурами звѣрей и полевыхъ мышей. Ихъ воздержность сохраняла правоту ихъ нравовъ, потому что ничего чужаго они не домогались. Они ничего не пріобрѣтали, что можно было бы потерять: въ побѣдахъ не гнади ничего, кромѣ одной славы. — Вообще философская древность очень завидовала Скивской бѣдности и ставила ее корнемъ всѣхъ варварскихъ добродѣтелей, какихъ именно и не доставало образованнымъ Грекамъ. „Весьма удивитель-

но, говоритъ Юстинъ, что природа снабдила Скивоуъ, всѣмъ тѣмъ, чего Греки не могли достигнуть долговременнымъ ученіемъ мудрецовъ и наставленіями философовъ, и при сравненіи образованныхъ нравовъ съ дикимъ ихъ варварствомъ нельзя не видѣть преимущества въ этомъ послѣднемъ. Въ Скивахъ гораздо больше дѣйствовала неизвѣстность пороковъ, чѣмъ въ Грекахъ знаніе добродѣтели.“

Такии разсужденіями и подобными замѣтками древность очень часто сопровождала свои сказанія о варварахъ. Помпоній Мела разсказываетъ объ Ансіакахъ, какъ назывались жители Днѣстра или Буга, что они не знаютъ воровства, а потому своего не стерегутъ и до чужаго не касаются. Мы видѣли изъ сказанія Приска, (выше стр. 350), сколько похвалы заслужили обычаи Унновъ.

Византийская литература впрочемъ стояла уже на другихъ основаніяхъ и въ ней меньше всего должно искать и поэтическаго чувства и кудожественнаго образа.

Однако и здѣсь такіе писатели, какъ Прокопій и импер. Маврикій, въ своихъ по преимуществу дѣловыхъ сочиненіяхъ, очерчивая бытъ Славянскаго варварства, не безъ сочувствія отмѣчаютъ нѣкоторыя черты, слишкомъ разительныя для ихъ современниковъ.

Надо замѣтить, что Прокопій и Маврикій описываютъ бытъ Славянъ при-дунайскихъ и при-карпатскихъ, ближайшихъ и самыхъ безпокойныхъ своихъ сосѣдей. Они, какъ упомянуто, распредѣляютъ ихъ на двѣ вѣтви, или на два племени, изъ которыхъ западное было имъ извѣстно подъ собственнымъ именемъ Славянъ, а восточное они называютъ Антами. Маврикій собственно говоритъ объ этой восточной вѣтви. Прокопію, по мѣсту его пребыванія въ Италіи, извѣстнѣе были западные Славяне, но онъ обобщаетъ свои показанія и рисуетъ одними чертами и то и другое племя.

Первое, что обратило его особое вниманіе, и что вообще для императорскаго Грека бросалось въ глаза, это политическое устройство славянскихъ племенъ. „Славяне и Анты, говоритъ Прокопій, не повинуются единодержавной власти, а наравле держатъ управленіе народное и о своихъ пользахъ и нуждахъ разсуждаютъ и совѣщаются сообща, всенародно, общественно. Такъ и во всемъ остальномъ эти на-

роды сходны между собою и живутъ по уставамъ, какіе у нихъ существуютъ изстари.“

„Племена Славянъ и Автовъ, пишетъ Маврикій, ведутъ образъ жизни одинаковый, имѣютъ одинакіе нравы, любятъ свободу и не выносятъ ига рабства и повиновенія. Они особенно храбры и мужественны въ своей странѣ и способны ко всякимъ трудамъ и лишеніямъ. Они легко переносятъ и жаръ и холодъ, и наготу тѣла, и всевозможныя неудобства и недостатки. Очень ласковы къ чужестранцамъ, о безопасности которыхъ заботятся больше всего: провожаютъ ихъ отъ мѣста до мѣста и поставляютъ себѣ священнымъ закономъ, что сосѣдъ долженъ мстить сосѣду и идти на него войною, если тотъ, по своей безпечности, вмѣсто охраны, допустить какой либо случай, гдѣ чужеземецъ потерпитъ несчастіе“. Стало быть гость, приходящій въ страну Славянъ, почитался у нихъ святынею; но здѣсь должно разумѣть прежде всего не простаго гостя-странника, или вообще чужаго человѣка, а того гостя, съ именемъ котораго соединены были сношенія промышленныя и торговыя. Такой гость для земледѣльческаго племени былъ всегда особенно дорогимъ и надобнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что Маврикій говоритъ здѣсь о тѣхъ Грекахъ, которые съ торговыми цѣлями безопасно ходили по Славянской странѣ. Другимъ гостямъ очень трудно было проникать въ Славянскую глушь, какъ объ этомъ засвидѣтельствовалъ тотъ же писатель.

„Плѣнники у Славянъ, продолжаетъ Маврикій, не такъ какъ у прочихъ народовъ, не навсегда остаются въ рабствѣ, но опредѣляется имъ известное время, послѣ котораго, внеся выкупъ, вольны или возвратиться въ отечество, или остаться у нихъ друзьями и свободными“.

„Соблюдаютъ цѣломудріе, продолжаетъ Маврикій, и жены ихъ чрезвычайно привязаны къ своимъ мужьямъ, такъ что многія изъ нихъ, лишась мужей, ищутъ утѣшенія въ смерти и сами себя убиваютъ, не желая влечь вдовьей жизни“.

Прокопій присовокупляетъ, что Славяне и Анты совсѣмъ были незлобны и нелукавы и въ простотѣ нравовъ много походили на Унновъ.

„Они вѣровали въ творца молніи, и почитали его богомъ единымъ и господомъ міра. Въ жертву ему приносили воловъ и всякихъ другихъ животныхъ. Судьбы (въ греческомъ языческомъ смыслѣ) совсѣмъ не признавали и не приписывали ей никакой власти надъ людьми. Если въ болѣзни или на войнѣ предвидѣли близкую смерть, то давали обѣтъ богу принести за спасеніе жертву, которую потомъ приносили и вѣрили, что сохранили жизнь этою жертвою. Поклонялись также рѣкамъ, нимфамъ (берегинямъ, русалкамъ) и нѣкоторымъ другимъ духамъ (демонамъ), которымъ точно также жертвовали и притомъ гадали о будущемъ“.

„Оба народа, говоритъ Прокопій, живутъ въ худыхъ (конечно въ сравненіи съ греческими домами) порознь разсѣянныхъ хижинахъ (хатахъ) и часто переселяются“. „Живутъ продолжаетъ Маврикій въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ, въ мѣстахъ неприступныхъ. Въ жилищахъ устраиваютъ многіе выходы для разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ. Необходимыя вещи зарываютъ въ землю, ничего излишняго не оставляютъ наружи и живутъ, какъ разбойники. Такъ какъ селенія Славянъ, замѣчаетъ Маврикій, всегда лежатъ при рѣкахъ, которыя такъ часты (особенно по восточному берегу Днѣстра), что между ними не остается никакого значительнаго промежутка, и къ тому же вся ихъ страна покрыта лѣсами, болотами и тростникомъ, то обыкновенно бываетъ, что предпринимающіе противъ нихъ войну, принуждены останавливаться у самаго предѣла ихъ страны, имѣя передъ собою одни лѣса густые и неоглядныя поля, между тѣмъ, какъ Славяне чувуютъ приближеніе непріятеля и мгновенно укрываются отъ ихъ нападенія. Для сраженія съ непріятелемъ избираютъ они мѣста неприступныя, тѣсныя и обильныя засадами (ущельями, яругами, оврагами). Часто дѣлаютъ набѣги, нечаянныя нападенія и различныя хитрости, днемъ и ночью, и такъ сказать, играютъ войною“. Припомнимъ здѣсь, что говорилъ Плутархъ о Бастарнахъ, см. выше стр. 301.

„Величайшее ихъ искусство состоитъ въ томъ, что они умѣютъ прятаться въ рѣкахъ подъ водою. Никто другой не можетъ оставаться такъ долго въ водѣ, какъ они. Часто, застигнутые непріятелемъ, они лежатъ очень долго на днѣ и дышатъ помощію длинныхъ тростниковыхъ трубокъ, ко-

ихъ одно отверзтіе берутъ въ ротъ, а другое высовываютъ на поверхность воды и такимъ образомъ укрываются не примѣтно въ глубинѣ. Кто даже запримѣтитъ эти трости, тотъ, не зная такой хитрости, сочтетъ ихъ самородными. Опытные узнаютъ ихъ по отрѣзу или по положенію и тогда или придавливаютъ ихъ ко рту, или выдергиваютъ и тѣмъ заставляютъ хитреца всплыть наверхъ“.

„Въ бой ходятъ по большей части пѣши и латы никогда не носятъ, замѣчаетъ Прокопій. Иные безъ рубахъ и не имѣя другаго одѣянія въ однихъ штанахъ вступаютъ въ сраженіе. Каждый вооружается двумя копьями-дротиками; иногда носятъ щиты весьма крѣпкіе, но очень тяжелые, которые трудно переносить. Употребляютъ также деревянные луки и легкія стрѣлы, напитанныя очень сильнымъ ядомъ. Если раненый не приметъ ееріака или другихъ лекарствъ, доставляемыхъ искусными врачами, то умираетъ. Иногда вырѣзывается вся рана, чтобы ядъ не разлился далѣе и не заразилъ бы всего тѣла“.

„Никакой власти не терпятъ и другъ къ другу питаютъ ненависть, продолжаетъ Маврикій. Оттого „незнаютъ порядка, не сражаются соединенными силами, и не смѣютъ показываться на мѣстахъ открытыхъ и ровныхъ“. Вообще Маврикій говоритъ, что у Славянъ и Антовъ господствовали постоянныя несогласія: чего хотѣли одни, на то несогласались другіе, и никто не хотѣлъ повиноваться чужой власти. Руководителями ихъ были князья (царіи), которыхъ было много и они-то по видимому, были первою причиною раздоровъ и несогласій, чѣмъ особенно и пользовались греки, привлекая иныхъ на свою сторону. Это мы видѣли еще при Аттілѣ, когда импер. Θεодосій, желая разстроить его силу, посылалъ дары къ Анатирамъ, жителямъ Днѣпровской стороны, и приманивалъ ихъ къ союзу съ Византіею, см. стр. 367.

„Оба народа, по замѣчанію Прокопія, говорили однимъ языкомъ, который весьма страненъ былъ (греческому) слуху, и въ наружныхъ тѣлесныхъ качествахъ не имѣли и малѣйшаго различія, всѣ были дородны и членами безмѣрно крѣпки. Тѣломъ не очень бѣды, волосомъ ни свѣтлы, ни

черны, но всё русоваты. Питались какъ и Массагеты¹ одною сухою и простою пищею (вѣроятно въ походѣ больше всего сухарями и толокномъ) и сходствовали съ ними же всегдашнею нечистотою“.

Однако Маврикій свидѣтельствуеть, что въ странѣ этихъ Славянъ (онъ разумѣеть больше всего восточныхъ, Антовъ) множество всякаго скота и земныхъ произрастеній, особливо пшеницы и проса, которыя для сохраненія они ссыпають въ ямы.

По другимъ свидѣнїямъ открывається, что Славяне и восточные ихъ роды, Анты и Унны, не рѣдко служатъ въ Греческихъ войскахъ особыми дружинами и воюють даже въ Италїи противъ Готовъ, подъ предводительствомъ Велисарїя; что такія дружины бывали даже конныя. Однажды, въ 540 г., именно во время войны съ Готами, Велисарїй пожелалъ поймать живаго Гота и поручилъ это дѣло никому другому, какъ одному изъ Славянъ, которые, говоритъ Прокопій, обладали особымъ искусствомъ ловить непрїятелей, спрятавшись за кустами или въ травѣ. Живя по Дунаю, они часто употребляли это искусство противъ Грековъ и другихъ своихъ сосѣдей. Случалось, что Славяне появлялись на битву и въ броняхъ. Они вообще славились повсюду въ Греческой землѣ, какъ искусные стрѣлки изъ лука: противъ меткости ихъ ударовъ ничто не могло стоять.

Само собою разумѣется, что въ своихъ отважныхъ набѣгахъ, они производили величайшія жестокости, которыя однако не составляли какую либо особую черту Славянскаго характера, а принадлежали больше всего характеру вѣка, потому что образованные христіане-Греки не только не уступали въ этомъ всѣмъ сосѣднимъ варварамъ, но по большей части и превосходили ихъ. Варвары выучивались у тѣхъ же Грековъ нѣкоторымъ тонкостямъ и великой изобрѣтательности ихъ искусства казнить и терзать своего врага разнообразнѣйшими мученїями. Варвары Славяне тоже вырѣзывали изъ спины ремни, сажали на колъ, иныхъ привязывали за руки и за ноги къ четыремъ воткнутымъ въ

¹ Массагетовъ Прокопій совсѣмъ не различаетъ отъ Унновъ и почитаетъ ихъ кочевыми степняками. Уннами же онъ обыкновенно называетъ и Бугарь, т. е. восточныхъ Славянъ.

землю деревянными снастями и били ихъ до смерти дубинами по головамъ, или заперши въ сарай вмѣстѣ со скотомъ, если, ополонившись, его уже невозможно было увести съ собою, сожигали и людей и скотину.

Вообще же свойство Славянской войны было таково, что Греки ни при Юстиніанѣ, ни при Маврикіѣ, не могли придумать никакихъ средствъ, дабы защитить отъ варваровъ свои границы. Юстиніанъ строилъ много крѣпостей по Дунаю, Маврикіѣ намѣренъ былъ за Дунаемъ основать всегдашнюю военную стоянку для наблюденія за варварами. Но этотъ самый замыселъ Маврикія показывалъ, что юстиніановы укрѣпленія не помогали, а Маврикіево дѣло погибло отъ своеволія греческаго войска въ соединеніи съ придворными интригами, жертвою которыхъ былъ самъ императоръ. Укротить Славянъ очень трудно было по той причинѣ, что государства у нихъ небыло, жили они особыми племенами и дружинами, каждый самъ по себѣ; ни союзовъ, ни договоровъ заключать было не съ кѣмъ; никто за другаго не отвѣчалъ, а всякій, выждавъ случай и собравшись съ силами, дѣйствовалъ по своему разсужденію и безъ малѣйшаго повода, какъ говорятъ Греки, не объявляя о войнѣ, бросался на греческія земли и добывалъ себѣ, что было нужно. О переговорахъ, о перемиріи и вообще о какомъ либо разговорѣ съ непріателемъ во время такого нападенія нельзя было и думать. Такъ, въ 551 г. Славяне произвели большой погромъ въ Имперіи, вторгнувшись дружиною только въ числѣ 3000 человекъ. Эта дружина, раздѣлившись на двое, въ 1800 и 1200 человекъ, достигла въ своемъ походѣ въ одну сторону, на югъ, до Эгейскаго моря, въ другую, на западъ, до Иллиріи. Разбивая на пути греческія войска, захватывая въ свои руки цѣлые города, она съ безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ, особенно женъ и дѣтей, благополучно возвратилась по домамъ. Очень вѣроятно, что всѣ такіе набѣги совершались даже при помощи и тѣхъ Славянъ, которые въ это время густо уже населяли греческія земли. Все это показывало, что въ при-карпатскомъ Славянскомъ населеніи византійскіе Греки имѣли своего рода нашъ Кавказъ, съ которымъ совладать даже и мирными договорами не представлялось никакой возможности, именно по отсутствію въ немъ общей единой власти. Это не были Авары,

которыми руководилъ въ лицѣ Хагана восточный деспотизмъ, съ которыми по этому, какъ съ особымъ государствомъ, всегда возможны были всякіе уговоры и переговоры.

Таковы были коренныя начала здѣшней жизни. Они явно обозначали, что здѣсь существовало множество особыхъ союзовъ, которые управлялись сами собою и дѣйствовали каждый самъ по себѣ. Едвали можно сомнѣваться, что въ началѣ эти союзы были на самомъ дѣлѣ только особые роды, жившіе на своихъ особыхъ мѣстахъ и владѣвшіе у себя каждый независимо отъ другихъ. На это указываетъ и роспись древнихъ Булгарскихъ князей, тщательно обозначающая къ какому роду принадлежалъ тотъ или другой князь. Родство было естественною связью первыхъ людей.

Но при-Карпатское населеніе, по видимому очень рано сложилось уже въ дружины, которыя по бытовому началу во многомъ походили на позднѣйшихъ козаковъ. Само собою разумѣется, что такому складу жизни во многомъ содѣйствовала сама природа страны. Горы не были способны наморщить челоуѣка дѣ-сыта и потому онъ по необходимости искалъ кормленія по сторонамъ: Наиболее прибыльный промыселъ въ этомъ случаѣ представляла только война, которая и была первою основою для развитія дружиннаго козацкаго быта. Въ концѣ 2 столѣтія до Р. Х. здѣсь живутъ Бастарны, по описанію Плутарха, истые козаки. Допустимъ, что Бастарны были Германское племя, или, какъ доказываетъ Шафарикъ, Кельты, но они, какъ одно имя, подобно многимъ именамъ народовъ, исчезли безъ слѣда, и на ихъ мѣстѣ въ 6 ст. по Р. Х. живутъ одни Анты, чистые Славяне, и живутъ по описанію Маврикія точно также, какъ Бастарны. Стало быть образъ жизни здѣсь не перемѣнялся; проходили долгіе вѣка, поколѣнія вырастали и смѣнялись другими, а положеніе дѣлъ и обстоятельства жизни оставались одни и тѣже. Исторія нисколько не имѣла ни своего хода, ни своего облика, и только въ иное время выдвигала очень впередъ какого либо героя-предводителя, даровитаго, сильнаго, отважнаго и храбраго, котораго Римляне и Греки по своимъ понятіямъ обыкновенно называли царемъ, а онъ въ сущности, въ кругу своего положенія и своихъ дѣйствій, бывалъ только Богданомъ Хмельницкимъ или Сагайдачнымъ.

И по Черноморскому нашему югу отъ Днѣстра до Дона, а особенно въ устьѣ Днѣпра, гдѣ находилась родина чудовищныхъ для Европы Уиновъ, точно также съ незапамятныхъ временъ и постоянно скоплялись козацкія дружины, по рѣшительной невозможности существовать иначе, какъ только военнымъ же промысломъ. Если въ горахъ хорошаго кормленія не давала сама земля, то здѣсь, въ обширныхъ степяхъ, спокойно кормиться было невозможно отъ бойкости и беззащитности самого мѣста. Здѣсь прочно и крѣпко сидѣть возможно было только въ извѣстныхъ Меотійскихъ болотахъ, то есть именно тамъ, гдѣ и въ послѣдствіи всегда устраивались Запорожскія Сѣчи, или Осѣки.

Здѣшнія дружины, по пребыванію въ степяхъ, являются предъ глазами исторіи по большей части въ обликѣ азіатовъ-кочевниковъ. Но этому вѣрить вполне невозможно. Надо помнить, что и по нижнему теченію здѣшнихъ рѣкъ, а тѣмъ болѣе дальше къ сѣверу искони жили земледѣльческія племена, въ послѣдствіи оказавшіяся истыми Славянами. Уже отъ одного приплода въ собственномъ населеніи эти племена должны были выдѣлять извѣстный избытокъ, который необходимо искалъ дѣла и корма гдѣ либо внѣ домашняго крова и спускался ближе къ морю въ широкія неоглядныя степи, или охотиться за звѣремъ, или воевать съ степнымъ врагомъ, чистымъ кочевникомъ, отнимавшимъ дороги къ рыбной ловлѣ и къ запасамъ соли въ приморскихъ мѣстахъ.

Черноморская и Азовская рыбная ловля, еще со временъ античныхъ Грековъ должна была неизмѣнно и неудержимо привлекать въ эту поморскую страну всѣхъ отважныхъ рыболововъ, жившихъ выше по Бугу, по Днѣпру и по Дону, должна была отдѣлять отъ сѣвернаго населенія особья рыболовныя охотничьи станицы, которыя для собственной же защиты необходимо становились козаками и необходимо устроивали военныя козацкія дружины, какъ защиту своихъ промысловъ. Быть можетъ такія промышленныя цѣли послужили первою основою для сбора сюда всякихъ людей и для развитія дружиннаго быта. Время отъ времени эти козацкія дружины могли выростать въ могущественныя сильные союзы, которые, какъ особая народность, дѣлались страшными не только для сосѣдей, но и для далекой Визан-

тія. Промыслъ рыболовнѣй и охотничій, связавши людей, выводилъ ихъ потомъ на промыслъ войны, на промыслъ хитраго и внезапнаго набѣга въ богатѣя заморскія страны, гдѣ можно было добывать не только зипуны, но и золото; можно было забирать въ плѣнъ не только женъ и дѣтей, но и такихъ людей, для выкупа которыхъ золота давалось очень много. Охота за рыбою и звѣремъ сама собою перераждалась въ охоту на Грековъ и Римлянъ, какъ и вообще на всякихъ иноземцевъ, которыми вѣдь можно было также торговать, какъ соленою и сушеною рыбою.

Исторіи извѣстенъ былъ только этотъ одинъ промыслъ нашихъ южныхъ дружинъ. Она вовсе не поминаетъ о томъ, что эти дружины необходимо должны были покровительствовать всѣмъ другимъ, такъ сказать, ежедневнымъ и мирнымъ Черноморскимъ промысламъ, каковы были и земледѣліе, и рыболовство и добываніе соли въ Меотійскихъ же болотахъ; должны были необходимо защищать такіе промыслы и конечно собирать съ нихъ свою долю. Можно навѣрное полагать, что и многіе походы на Византію, какъ и въ другія Черноморскія земли Малой Азіи, начинались изъ за обидъ и притѣсненій самихъ же Грековъ, о чемъ Греки обыкновенно умалчиваютъ, но что съ ясностію выступаетъ, когда дѣло разбирается подробнѣе.

Какъ бы ни было, но отъ начала историческихъ вѣковъ военный промыслъ составлялъ задачу жизни всей нашей южной, приморской Украйны. Пусть исторія рассказываетъ, что здѣсь обитали одни кочевники; но мы по многимъ соображеніямъ и по ея же указаніямъ за достовѣрное можемъ полагать, что здѣсь же жили Славянскія дружины козацкаго устройства, которыя по этому самому въ Греческихъ глазахъ всегда представлялись кочевниками и тѣмъ болѣе, что древнимъ и вся наша страна представлялась безпредѣльною степью. Хитрости и опасности войны воспитывали въ этой Украйнѣ свои добродѣтели и конечно свои пороки, или свои особые нравы, которые налагали на все здѣшнее племя особый обликъ, во многомъ очень различный отъ остальнаго славянскаго населенія. Беззавѣтная храбрость и отвага, уносящая этихъ Славянъ далеко за предѣлы ихъ страны, хитрая и коварная засада врагу, славное искусство ловить людей живьемъ, спрятавшись гдѣ либо за кустомъ,

или въ травѣ, умѣнье спрятаться отъ врага даже въ водѣ—все это обнаруживало такую бойкость и изворотливость жизни, какую мы напрасно стали бы искать въ другихъ Славянскихъ странахъ, особенно въ лѣсахъ и болотахъ далекаго сѣвера.

Военный промыслъ, способствовалъ и той славѣ, которую прикарпатскіе Славяне подъ собственнымъ именемъ завоевали наконецъ у историковъ 6 вѣка. Не будь этотъ вѣкъ такъ близокъ къ намъ и не разскажи историки, что Анты и Славяне одинъ и тотъ же родъ, то мы непременно почитали бы этихъ Антовъ, Агмоновъ Страбона, Нѣциани, тѣмъ больше, что Анты выросли, какъ грибы, на землѣ Бастарновъ, а Бастарны, какъ увѣряютъ, неизмѣнно были Германцы.

Отъ конца 5 и до конца 7 вѣка прикарпатское и Черноморское племя Славянъ подъ именами Славянъ, Антовъ и Унновъ сильно беспокоитъ Византію и наконецъ отдѣляется отъ себя дружину за дружиною, переходя дальше на югъ, за Дунай, даже къ Адриатическому морю. Въ концѣ 7 вѣка оно садится въ Греческихъ земляхъ на постоянное житье и образуетъ нѣсколько особыхъ государствъ, Булгарское, Хорватское, Сербское, у которыхъ подданными являются Славяне же, давно уже занявшіе эти земли.

Само собою рождается очень вѣроятное предположеніе, что основатели этихъ Славянскихъ государствъ, дружины Булгаръ, Хорватовъ, Сербовъ, были по просту призваны Славянскимъ населеніемъ Византійской имперіи для защиты и охраны отъ ея же императорскаго правительства, что Славянское населеніе имперіи, призывая къ себѣ военныя дружины, искало только своей самостоятельности и независимости отъ сосѣдей—Грековъ. Историки объ этомъ ничего не знаютъ и пишутъ, что Хорватовъ и Сербовъ пригласилъ на житье импер. Ираклій, а Булгары сами пришли, произвели, такъ сказать, нашествіе, почему они и изображаются дикимъ племенемъ кочевниковъ. Но историки никакъ не могли знать ежедневныхъ сношеній и отношеній Славянъ, между собою. Тѣже Хорваты, Сербы, Булгары, подъ именемъ Славянъ, Антовъ и Унновъ, нападая безпрестанно на Греческія земли, по всему вѣроятію во многихъ случаяхъ дѣйствовали за одно съ своими родичами, которые съ да-

вняго времени, или уже подъ властью Греческаго закона, въ Греческой странѣ¹.

Съ другой стороны переселеніе этихъ дружинъ на помощь къ своимъ родичамъ можетъ указывать, что Славянство Греческой земли искони находило постоянную точку опоры въ тѣхъ же дружинахъ, то есть вообще въ Славянскомъ населеніи При-Карпатскомъ и Черноморскомъ, откуда оно само приходило селиться на Греческой землѣ и куда безсомнѣнія убѣгло, если случались обстоятельства, что жить между Гречами было невозможно.

Въ Черноморской области Днѣстра, Буга и Днѣпра Русская исторія изъ числа древнихъ кочевниковъ застаётъ еще неукротимыхъ Уличей, которые въ 6 вѣкѣ называются Уннами Аулицяграми, Ултинцурами и т. под. Они живутъ внизу Днѣпра. Въ 10 вѣкѣ, кромѣ другихъ городовъ, у нихъ существуетъ городъ Пересвченъ, напоминающій своимъ именемъ позднѣйшую Свчу. Подъ этимъ городомъ Русскій воевода Свентелдъ сидѣлъ три года и едва могъ его взять, слѣдов. въ дѣйствительности это могла быть Свча, подобная Запорожской. Послѣ того Уличи переселились въ мѣстность между Бугомъ и Днѣстромъ, то-есть отъ Днѣпра передвинулись къ Западу за Бугъ. Исторію Уличей, по ихъ мѣстожительству на низу Днѣпра, можно начать, какъ мы упоминали, отъ Геродотовой Илеи, или Скиѣской Лѣсной земли, имя которой звучитъ и въ самомъ имени Уличей, какъ оно звучало въ имени Елуровъ Горнанда, въ имени Улгарь или Булгарь Аспаруха и т. п.

На Днѣстрѣ Русская исторія застаётъ Тиверцовъ, по древнему Тиригетовъ, которыхъ Лѣтопись прозываетъ Толковинами. Слово о Полку Игоревомъ тоже упоминаетъ о Толковинахъ, обозначая ихъ погаными, то есть язычниками, степняками, и повидимому разумѣи въ этомъ имени

¹ Все это весьма основательно раскрыто въ сочиненіи г. Дринова: «Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами» (Чтенія О. И. и Др. 1872 г., кн. 4.). Почтенный авторъ, слѣдуя установившемуся мнѣнію, отрицаетъ только славянство Унновъ, почитая такое мнѣніе заброшеннымъ. Но указанное сочиненіе автора нѣкоторыми общими своими выводами и соображеніями даетъ новыя подтвержденія именно тому мнѣнію, что Унны вообще были Славянское племя.

Ковуевъ, которые первые побывали въ Игоревомъ Полку, отчего проиграна была и битва. Не обозначался ли этнически именемъ Толковинъ вообще воеводъ дружины, каковы по всей вѣроятности были Бродники, Коун, Беренден, Черные Клобуки, превратившіеся потомъ въ Черкасвъ.

Все это сбродное, смѣшанное изъ разныхъ племенъ и народностей должно было существовать въ нашихъ степныхъ приморскихъ мѣстахъ съ незапамятныхъ временъ. Но видимо, что господствующимъ народомъ въ этомъ сбродѣ было Славянство, приходившее сюда отъ разныхъ Славянскихъ сторонъ, которое послѣ всѣхъ превратностей исторіи, претворивъ въ собственное существо все инородное, чужое, по необходимости осталось владѣтелемъ своихъ древнихъ мѣстъ и сдѣлалось известнымъ уже подъ именемъ Запорожцевъ и Донцовъ, такихъ же Уинновъ Кутургуровъ и Утургуровъ, такихъ же Роксоланъ съ береговъ рѣки Роси, гдѣ по большей части обитали и упомянутыя дружины Черныхъ Клобуковъ, а потомъ Черкасъ.

ГЛАВА IV.

ПЕРВЫЕ СЛУХИ О РУССКОЙ РУСИ.

Первый набѣгъ Руси на Царьградъ. Проповѣди Патріарха Фотія по этому случаю. Причина набѣга и его послѣдствія. Темныя слухи о Руси на Западъ Европы. Слухи объ ней на Востокъ. Сказанія Арабскихъ писателей о странѣ и народѣ Русь.

„Началъ царствовать въ Царьградѣ царь Михаилъ и стала прозываться Русская земля“. Такъ съ большою радостью написалъ эти слова въ своей лѣтописи нашъ первый Лѣтописецъ, съ трудомъ отыскавши въ Греческихъ хроникографехъ первое писаное свидѣтельство о родной Русской землѣ.

Императоръ Михаилъ началъ царствовать въ 842 г. малолѣтнимъ (3-хъ лѣтъ), подобно нашему царю Ивану Грозному, сначала подъ опекою своей матери, царицы Феодоры, которая оставила по себѣ вѣчную память въ православномъ христіанскомъ мірѣ усмиреніемъ иконоборной ереси и торжественнымъ возстановленіемъ почитанія св. иконъ. Съ того времени и теперь церковь празднуетъ это событіе въ недѣлю Православія, въ первое Воскресеніе Великаго Поста, называемое соборнымъ, восхваляя всѣхъ Православныхъ и произнося анафему всѣмъ отступникамъ отъ Православія. Годъ за годомъ выросъ малолѣтній царь Михаилъ. Начались интриги и происки правителей, губившихъ другъ друга, захватывая въ свои руки вліяніе и власть надъ молодымъ царемъ. Царица Феодора, послѣ первыхъ же совершенныхъ убійствъ и понявъ, что ея положеніе

ніе не прочно, сама добровольно удалась отъ престола. Это случилось въ 856 году. Михаилу было всего 17 лѣтъ. Онъ сталъ царствовать одинъ, какъ полный самодержецъ. Объ обязанностяхъ государя онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Всѣ его помыслы и всѣ желанія были устремлены къ знаменитому Ипподрому, конному ристалищу, на которомъ въ толпѣ придворныхъ, подобранныхъ по своимъ нравамъ и мыслямъ, онъ, самъ управляя лошадьми, очень старательно добывалъ себѣ славу перваго лихаго наѣздника. Такая слава для него была дороже всего на свѣтѣ. Поэтому Ипподромъ былъ для него своего рода государствомъ. Тамошніе порядки, уставы, правила становились для него предметами глубокихъ размышленій и самыхъ сердобольныхъ попеченій. Однажды, въ самый разгаръ этихъ игръ, приходитъ извѣстіе, что Аравитяне вторглись въ предѣлы имперіи, разоряютъ Азію, что тамошній воевода требуетъ немедленной помощи. Михаилъ разсвѣрщилъ и съ яростію набросился на сановника, который принесъ эту вѣсть. „Какъ ты смѣешь въ такое время говорить мнѣ о такихъ пустякахъ?“ закричалъ онъ неистово. „Развѣ не видишь, что мнѣ не время, а занятъ, и долженъ совершить въ глазахъ у всѣхъ зрителей самый отважный подвигъ“. Ему предстояло на ристалищѣ побѣдить встречника-наѣздника, быстротою своей скачки сбить его коней въ сторону съ побѣдоноснаго срединнаго пути, на которомъ обыкновенно держались состязатели этихъ игръ.

При другомъ случаѣ онъ показалъ себя еще лучше. Въ виду безпрестанныхъ нападений на имперію со стороны Сарацинъ, прежніе цари, для безопасности населенія, устроили на высокихъ холмахъ маяки, родъ телеграфа, на которыхъ отъ самой границы и до Царьграда, въ случаѣ непріятельскаго набѣга, сторожа зажигали огни и тѣмъ давали знать о предстоявшей опасности. Въ такихъ случаяхъ населеніе собирало свои семьи, имущество, скотъ и уходило въ крѣпкія мѣста, или въ города. Однажды, въ то самое время, какъ Михаилъ, собирався бѣгать на ристалищѣ, вдругъ на близлежащемъ холмѣ загорѣлся вѣстовой огонь. Императоръ пришелъ въ негодованіе. Зрѣлище могло разстроиться, потому что горожане въ страхѣ отъ непріятеля разбѣжались бы по домамъ, оставивъ Ипподромъ.

ромъ безъ толпы безчисленныхъ звѣвъ, передъ которою царь и старался всегда показать свое искусство. Чтобы избѣжать такой помѣхи и на будущее время онъ совѣмъ запретилъ зажигать эти спасательные огни вблизи столицы. Герой Ипподрома, онъ конечно больше любилъ добрыхъ коней, добрыхъ конюховъ, чѣмъ добрыхъ поселянъ, и всѣхъ своихъ подданныхъ.

Для своихъ лошадей онъ построилъ великолѣпные дворцы изъ мрамора и порфира и у всѣхъ конюховъ и вѣдкомовъ всегда крестилъ дѣтей, давая имъ на зубокъ по 100, по 80 и не меньше какъ по 50 литръ золота.

Его безпутная жизнь и вѣщестіе доходили до полного безумія. Онъ собралъ около себя компанію шутовъ и всякихъ весельчаковъ, назначилъ имъ въ начальники, нѣкогого Грилла, назвавши его патріархомъ, а прочихъ, въ числѣ 12, митрополитами, и самъ въ томъ числѣ именовалъ себя епископомъ одной области, Колонія. Съ этимъ сонмищемъ онъ совершалъ вѣщестивыя службы, причемъ вмѣсто пѣнія употреблялись гусли, а золотые сосуды, украшенные драгоценными каменьями, наполнялись уксусомъ и горчицею. Не ему ли подражалъ нашъ Петръ, провожая своимъ Всесвятѣйшимъ Соборомъ дальше въ древность идеи и преданія безгранично-самовольнаго византійскаго цесаризма. Однажды шествовалъ по городу крестный ходъ въ присутствіи патріарха. Царь тоже вышелъ ему навстрѣчу въ особой чудовищной скоморошеской процессіи, на ослахъ, въ особыхъ скоморошскихъ нарядахъ, представлявшихъ священныя одежды духовенства, съ пѣніемъ, кривляньемъ и всякими дурачествами. Въ другой разъ царь почтительно попросилъ къ себѣ въ палату свою мать, царицу Феодору, дабы приняла благословеніе отъ патріарха Игнатія, который будто бы ожидалъ ее. Между тѣмъ лицо патріарха изображалъ наряженный шутъ Гриллъ. Царица, вошедши, привѣтствовала Патріарха благочестивымъ земнымъ поклономъ, прося благословенія и молитвы. Гриллъ поднялся съ своего мѣста съ непоозвительной шутовской выходкой и произнесъ недостойныя слова. Общій веселый смѣхъ придворныхъ изобличилъ шутовство. Тогда оскорбленная царица прокляла вѣщестиваго сына и предсказала ему скорую гибель.

Неимѣя понятія объ обязанностяхъ государя, царь Михаилъ однако очень твердо зналъ свои царскія права и по произволу осуждалъ людей на казнь, не только безъ вины, но и безъ всякаго предлога къ обвиненію. Инымъ отрѣзывалъ уши, у другихъ рѣзалъ носы, и т. п.

Но само собою разумѣется, что государство не оставалось безъ правителя и руководителя и за Михаила всѣми государственнымими дѣлами распорядился его воспитатель и дядя, державшій его въ безпутной жизни именно съ тою цѣлью, чтобы самому безпрекословно царствовать на самомъ дѣлѣ.

При такомъ порядкѣ внутреннихъ дѣлъ знаменитая имперія уронила свой политическій вѣсъ и значеніе. Замѣтнѣе всего это отразилось на дѣлахъ церковныхъ.

Хорошо зная что дѣлается въ Царьградѣ, Римскій Папа Николай, задумалъ распространить свое Римское владычество и на восточную церковь и сталъ посылать къ ней уже не совѣты, а прямыя повелѣнія, и прямо выставлялъ себя судьей вселенной. Къ счастью для православнаго Востока въ это время на Константинопольскій патріаршій престолъ возведенъ былъ знаменитый Фотій.

По своимъ дарованіямъ, образованности и обширной учености, это былъ первый и единственный человекъ своего времени, о которомъ даже враги отзывались, что его ученость можетъ равняться только древнимъ. Но важнѣйшею заслугою Фотія было его крѣпкое охраненіе Православія, которое онъ вполне умѣлъ защитить отъ своеволія западныхъ мудрованій. Окружнымъ посланіемъ противъ Папы Николая онъ всенародно изобличилъ западныя неправды, вслѣдствіе чего для всѣхъ стало яснымъ, на сколько Западная Церковь отдѣлилась отъ древняго преданія и отъ Церкви Восточной.

При царѣ Михаилѣ Фотій занималъ патріаршій престолъ 10 лѣтъ, съ 858 по 868. Это было самое достопамятное время въ исторіи всего Славянства. Тогда заботами и стараніями Фотія распространилась у Славянъ Христова вѣра и Славянская грамота. Славянскій первоучитель св. Кириллъ-философъ, родной братъ св. Меодія, былъ не только ученикомъ, но искреннимъ другомъ самого Фотія.

Патріарху Фотію принадлежит и первая повѣсть о Руси, когда эта Русь, еще языческая и варварская, приходила

впервые громить самый Царьградъ. Это случилось въ шестидесятыхъ годахъ девятаго столѣтїа, наши лѣтописи говорятъ, что это было въ 866 г. Но другія свидѣтельства относятъ это событіе даже къ 860 г., а ближайшія изслѣдованія раскрываютъ, что оно могло случиться вѣрнѣ всего въ 864 г., такъ какъ въ 866 г. самъ Фотій писалъ уже о крещеніи этой Руси, говоря, что не задолго до того она нападала на Царьградъ¹.

Въ этомъ 864 году Царь Михаилъ отправился было въ походъ противъ Агарянъ или Сарацынъ. Царствующій Городъ остался хотя и подъ охраненіемъ воеводы, вѣроятно съ небольшимъ гарнизономъ, но безъ войска и безъ флота, безъ котораго городъ, выдвинутый съ трехъ сторонъ въ море, конечно не могъ себя защитить.

Но горожане были покойны, потому что въ самомъ дѣлѣ не предвидѣлось никакой опасности, иначе разные телеграфы, въ родѣ описанныхъ маяковъ, а также гонцы всегда вѣремя дали бы знать о грозящей бѣдѣ. Городъ стоялъ въ серединѣ царства и только съ моря открывалась Божья свободная дорога на востокъ и западъ. Но на западѣ находился съ войскомъ самъ царь, а на востокъ по Черному морю дѣла давно были очень тихи. Съ Хозарами, владѣвшими при-Азовскими и при-Кубанскими странами, былъ постоянный миръ; съ Болгарами, что жили по Дунаю, тоже было мирно: они только что въ 860 году окрестились въ Православную Вѣру.

Самъ Фотій рассказываетъ, что русскій набѣгъ случился въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ дней подъ вечеръ, когда „море, утихнувъ, трепетно разстило хребетъ свой“, доставляя варварамъ прїятное и тихое плаваніе, а Грекамъ готова шумящія волны брани. Извѣстно, что Царьградъ стоитъ, какъ говорили наши старые путешественники, на три угла, двѣ стѣны отъ моря, а третья отъ запада прилегаетъ къ полю. Городъ расположенъ на семи отлогихъ холмахъ амфитеатромъ, такъ что отовсюду представляются чудные виды на море и на противоположные берега. Острый уголъ города наклоняется нѣсколько къ сѣверу и упирается въ проливъ съ Чернаго моря, откуда

¹ Четыре бѣды Фотія, перев. Арх. Порфирія Успенскаго, Спб. 1864.

пришли Руссы. На этомъ углу и теперь находится Султанскій Серакъ; и при Грекахъ здѣсь же возвышались царскіе дворцы и палаты. Греки очень любили море и потому ихъ дома располагались по холмамъ въ такомъ порядкѣ, чтобы у каждаго оставался какой либо прозоръ на море, который сосѣдямъ воспрещалось даже закономъ застроивать и какъ бы то ни было загораживать. Очень естественно, что въ хорошій лѣтній вечеръ (въ Маѣ 864 года) горожане любовались красотами своего любимаго моря, не только изъ великолѣпныхъ палатъ, но и изъ бѣдныхъ хижинокъ, съ своихъ улицъ и площадей, изъ безчисленныхъ садовъ, и даже со стѣнъ самаго города, которые опоясывали его со всѣхъ сторонъ именно по берегу моря.

„Вспомните, говорилъ народу святитель послѣ, когда гроза уже миновала,—вспомните тотъ часъ несносный и горькій, когда передъ нашими глазами плыли варварскіе корабли, навѣвавшіе что-то свирѣпое и дикое и убійственное; когда они проходили передъ городомъ и угрожали ему, простерши свои мечи; когда вся человѣческая надежда отлетѣла отъ человѣковъ, и единственное убѣжище оставалось только у Бога“.

Спокойный и безпечный городъ вовсе не ожидалъ ничего чрезвычайнаго, какъ вдругъ въ проливѣ изъ Чернаго моря на отдаленномъ горизонтѣ обозначилось что-то невѣдомое, которое скоро обнаружило цѣлую тучу варварскихъ кораблей. Порусски эти корабли назывались морскими ладьями и на самомъ дѣлѣ были большія лодки, прилаженные къ морскому ходу, съ мачтами и парусами. На каждой изъ нихъ помѣщалось народу человѣкъ по 40, по 50 и даже по 60. Пишутъ, что этихъ кораблей было двѣсти — число достаточное для того, чтобы помрачить свѣтлый горизонтъ моря въ виду безпечнаго Цареграда. Весь городъ обезумѣлъ отъ страха. Всѣ въ одинъ голосъ съ ужасомъ воскликнули: „Что это! Что это!“

Тѣмъ самымъ восклицаніемъ, какъ общимъ выраженіемъ народнаго изумленія и ужаса, святитель Фотій начинаетъ и первую свою бесѣду къ гражданамъ по случаю нашествія Россовъ, которую онъ въ ту же ночь сказывалъ собравшемуся въ храмъ народу.

Дня тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминаетъ Фотій въ своихъ двухъ бесѣдахъ, видно, что Русь рассчитала такъ свое нападеніе на византійскую столицу, чтобы не можно было и опомниться. Она пришла къ ночи, вполнѣ надѣясь, что ночь прикроетъ все, что необходимо скрыть отъ врага, какъ напр. собственную недостаточную силу для нападенія на такой городъ; ночь же въ нѣсколько разъ увеличитъ ужасъ нашествія, поспособствуетъ общему безпорядку, какой непременно долженъ случиться отъ самой внезапности набѣга. Все это удалось, какъ нельзя лучше.

Мракъ объялъ трепетные умы, говоритъ Фотій, слезы и рыданія распространились во всемъ городѣ; крайнее отчаяніе обуяло всѣхъ; со всѣхъ сторонъ разносилось одна вѣсть, одинъ крикъ: „Варвары перелезли черезъ стѣны! Городъ взятъ непріателями!“ Неожиданность бѣдствія и печальность набѣга заставили всѣхъ воображать и слышать только это одно.

По свидѣтельству Фотія, Русь изъ за самыхъ Прописевъ, загородныхъ воротъ, напала на красивыя предмѣстія города и опустошила ихъ огнемъ и мечемъ до самой вѣрности или Цареградскаго Кремля, стоявшаго на выдающемся въ море высокомъ холмѣ. Она огнемъ и мечемъ опустошила и морскія пристани, распредѣливъ ихъ между собою для разгрома по жребію, какъ было въ обычаѣ у варваровъ, отмѣчаетъ Фотій. Это показываетъ, что наши варвары вели свое дѣло съ большимъ расчетомъ и въ большомъ порядкѣ. Затѣмъ Русь быстро окружила городскія стѣны и стала валить къ нимъ земляную присыпь, намѣреваясь скорѣе перелѣзть въ самый городъ. „Трусость дрожью пробѣжала по всему тѣлу и обезвредила даже и тѣхъ, которымъ предоставлено распоряжаться въ опасное время,“ то есть конечно оставшихся начальниковъ города.

Народъ, лишенный всякой помощи и защиты, теперь помышлялъ только о молитвѣ и наполнялъ всѣ храмы. Повсюду, во всю ночь совершалась служба: съ воздѣтыми руками возсылались усердные и слезныя моленія о помилованіи. Общее несчастіе заставило раскатыться въ грѣхахъ, образумиться и приняться за добрыя дѣла.

Не встрѣчалось благодатиѣ минуты для проповѣди и поученія къ народу о грѣхахъ, о всеобщемъ покаяніи, объ исправленіи своей жизни добрыми дѣлами.

Первую бесѣду, какъ мы упомянули, святитель началъ словами всеобщаго ужаса: „Что это! Откуда поразеніе, столь губительное! Откуда гнѣвъ, столь тяжкій! Откуда ужалъ на насъ этотъ дальностьверный и страшный перуны! Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море? Не за грѣхи ли наши все это ниспослано на насъ. Не обличеніе ли это нашихъ беззаконой, и не общественный ли это памятникъ имъ. Не доказываетъ ли эта кара, что будетъ судъ страшный и неумолимый. Не должно ли всѣмъ намъ ожидать, что никто не избѣжитъ будущей огненной муки, когда теперь на яву никто не оставляется въ живыхъ“.

Однако обличеніе въ грѣхахъ, за которые послѣдовалъ этотъ Божій гнѣвъ, святитель сосредоточиваетъ главнымъ образомъ на причинахъ Русскаго набѣга. Онъ впрочемъ говоритъ намеками, для всѣхъ тогда понятными и не совсемъ ясными только теперь; но эти иносказанія вполне свидѣлствуютъ, въ чемъ было дѣло и насколько святитель былъ правдивъ и безпристрастенъ даже къ варварской Руси.

Онъ нигдѣ не сказалъ, что Русь явилась для простаго разбойничьяго грабежа, хотя въ такой постановкѣ дѣла онъ могъ бы еще съ болѣею силою выразить ту мысль своей проповѣди, что наказанье обрушилось надъ Цареградомъ, какъ Божья кара, безъ всякой естественной причины, лишь по одному промыслу Господа, не потерпѣвшаго больше грѣховъ народа. Напротивъ того, онъ правдиво раскрываетъ передъ всѣми настоящія житейскія причины этого страшнаго событія, и въ самомъ началѣ своей рѣчи обличаетъ жестокой и безразсудной нравъ цареградецвъ.

„Мы были избавляемы отъ бѣдъ, говоритъ святитель, и не благодарили; были спасаемы, и лѣнились; были хранимы и презирали тѣхъ, которые могли дать намъ острастку наказаніемъ“. „И какъ не терпѣть намъ страшныхъ бѣдъ, когда мы убійственно разчитались съ тѣми, которые должны были намъ что-то малое, ничтожное.... Мы получали прощеніе и не миловали ближнихъ: напротивъ, какъ только избавлялись отъ тяготѣвшихъ надъ нами утрашеній и опасностей, поступали съ ними гораздо суровѣе, не помышляя ни о множествѣ и тяжести собственныхъ долговъ, ни о прощеніи ихъ Спаси-

тедемъ, и не оставляя сорабамъ малѣйшаго долга, котораго и сравнить нельзя съ нашими долгами. Многие и великіе изъ насъ получали свободу (изъ плѣна) по челоулюбію: а мы *милостиво молотыльничеемъ* (пробѣвальщикоу зерна) *безчеловѣчно сдѣлали своихъ рабами*. Сами обрадованные, всѣхъ огорчали; сами прославленные, всѣхъ безчестяли; сами сильные и всѣмъ довольные — всѣхъ обижали, безумствовали, утопствали, расширили расширились⁴. Здѣсь, хотя и идетъ бесѣда какъ бы объ общихъ грѣхахъ, но ея основная мысль прямо направлена къ какимъ-то частнымъ случаямъ, которые съ довольною ясностью раскрываютъ причины Русскаго набѣга.

„Вы теперь плачете, продолжаетъ святитель, и я съ вами плачу. Но слезы наши напрасны. Кого они могутъ утѣшить теперь, когда передъ нашими глазами мечи враговъ обогрются кровью нашихъ согражданъ и когда мы, видя это, вмѣсто помощи имъ, бездѣйствуемъ, потому что не знаемъ, что и дѣлать и только ударились въ слезы“.

„Не теперь бы надобно оплакивать себя, а всегда бы слѣдовало жить поумнѣе. Не теперь бы раздавать богатство; а пораньше бы удерживать себя отъ лихоимства. Не теперь бы править всенощныя и ходить на литіи, бить перси и стонать тяжко, поднимать руки и утруждать колѣна, плакать заунывно и смотрѣть угрюмо, не теперь, когда противъ насъ устремлены отточенные жала смерти, — прежде надлежало все это дѣлать.“

„Почему ты плачущій теперь, теперь только сталъ добръ для всѣхъ и во всемъ, а прежде никому ни въ чемъ не снисходилъ, но величался какъ нечистый на-руки сазовникъ... Почему ты острое копье твоихъ друзей презиралъ, какъ бы мало крѣпкое, а на естественное средство (средство вообще ближнихъ, всѣхъ людей) плевалъ и вспомогательные союзы разторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ и безчеловѣчный челоуѣкъ. Часто внушалъ я вамъ: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божію мечу и натянуться Его луку... не дѣлайте съ честными людьми“.

„Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій; отъ того, что мы сдѣлались помещеніемъ соудей нашихъ... отъ того, что походъ нашихъ варваровъ смитренъ былъ такъ;

что и молва не успѣла предупредить насъ, дабы мы не подумали о безопасности. Мы услышали объ нихъ уже тогда, когда ихъ увидѣли, хотя и отдѣляли насъ отъ нихъ стѣнныя страны и народоначальства, судоходныя рѣки и приставищныя моря. Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокой и борзой, смѣло охватывающій нашъ городъ и расширяющій его предѣлы. Онъ разоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражая мечемъ, никого не щадя, ничего не щадя. Погибель всеобщая! Какъ саранча на нивѣ... или, страшнѣе, какъ ягучій зной, тифозъ, наводненіе, или не знаю что и сказать, этотъ народъ явился въ страны нашей и сгубилъ ея жителей. Ублажаю погибшихъ отъ вражьей варварской руки, ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно....

„Гдѣ теперь царь христомлюбивый, продолжаетъ святитель. Гдѣ военныя станы? Гдѣ оружія, машины, военныя совѣты? Все это отодвинуто отъ насъ и отвлечено нашествіемъ другихъ варваровъ. Государь давно трудится за границею и съ нимъ бѣдствуетъ его воинство... Кто же за насъ выйдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ? Нѣтъ никого у насъ защитниковъ и отовсюду мы стѣснены.

„Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ (Іеремія) и оплачь со мною Іерусалимъ! Не тотъ древній материградъ одного народа, но градъ всей вселенной, какою только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный и роскошный! Оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ гибели и разбитываемый подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣвъ, но у которой уже глѣвна надежда спасенія.

„О Городъ-царь! Какія бѣды столпились вдругъ тебя! О Городъ, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабомъ—необученное и набранное изъ рабовъ. О Городъ, украшенный добычами многихъ народовъ! Что за народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О Городъ, воздавшій многіе побѣдные памятники послѣ пераженія ратей Евреямъ, Азіи и Ливіи! Какъ это устремила на тебя копье рука варварская и черная и

поднялась, чтобы поставить памятникъ побѣды надъ тобою? И слабый, и ничтожный непріятель смотритъ на тебѣ сурово, пытается на тебѣ крѣпость своей руки и хочетъ нажать себѣ славное имя! О царица городовъ царствующихъ!..... О красота и велезѣніе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество и художественное убранство!... О храмъ мой, святилище Божіе, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дочери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Пропливайте слезы и дѣти.... Плачьте о томъ, что умножились наши несчастія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника“.

Святитель оканчиваетъ эту бесѣду, сказанную имъ въ самый разгаръ общаго несчастія, воззваніемъ, что „наконецъ настало время прибѣгнуть къ Матери Слова, къ Ней—Единой Надеждѣ и Прибѣжищу. Къ Ней возопіемъ, восклицаетъ онъ: „Досточтимая спаси градъ твой, какъ вѣдаешь, Госпоже“!

Вторую бесѣду по поводу нашествія Россовъ Фотій говорилъ спустя нѣкоторое время, когда гроза миновала. Онъ воспользовался этимъ событіемъ, какъ великимъ урокомъ для назиданія своей Паствы. Особенное значеніе онъ придалъ тому обстоятельству, что бѣдный ничтожный народъ принесъ такое горе народу великому, высокому, славному во всемъ мірѣ.

„Разразилася у насъ внезапная бѣда, какъ явное обличеніе насъ въ нашихъ грѣхахъ, сказалъ святитель. Она совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ: напротивъ, и нечаянность нашествія и чрезвычайная быстрота его, и безчеловѣчность варварскаго народа; и жестокость его дѣйствій, и свирѣпость нрава, доказываютъ, что пораженіе, какъ громовая стрѣла, было низпослано съ неба.

„По истинѣ, гнѣвъ Божій бываетъ за грѣхи; гроза скопляется изъ дѣлъ грѣшниковъ... И вотъ тѣ, которыхъ усмирля саман молва о Роменхъ (Новоримлянахъ), тѣ подняли оружіе противъ ихъ державы и ударили въ ладоши, борзаясь и надѣясь взять Царствующій градъ, какъ птичье гнѣздо; раззорили окрестности его, истребили все до самой его крѣпости, жестоко умертвили всѣхъ захваченныхъ и смѣло окружили городъ, сдѣлавшись отважными, такъ что мы не смѣ-

ли и посмотрѣть на нихъ прямо и не робко, напротивъ разслабѣли и упали духомъ отъ того самаго, отъ чего имъ понадно было восвать мужественно. Ибо эти варвары справедливо разсвирѣпѣли за умерщвленіе соплеменниковъ ихъ, и справедливо требовали и ожидали кары, равной злодѣянію. Да и кто бы отважился одолѣть враговъ, когда у себя дома питаетъ разрушительные раздоры и вражды, когда его собственная неразумная ярость помрачаетъ его умъ и склоняетъ убить ближняго, который быть можетъ не сдѣлалъ никакой неправды“.

„Народъ, до нападенія на насъ, ничѣмъ не давшій себя знать, народъ не почетный, народъ, считаемый наравнѣ съ рабами, не именитый, но пріобрѣтшій славу со времени похода къ намъ, незначительный, но получившій значеніе, смиренный и бѣдный, но достигшій высоты блистательной и нажившій богатство несмѣтное, народъ, гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочевой, гордый оружіемъ, неимѣющій гражданскаго устройства, ни военнаго искусства,—такъ грозно, такъ мгновенно, какъ морская волна, нахлынулъ на предѣлы наши и какъ дикій вепрь истребилъ живущихъ здѣсь, словно траву.... И какія зрѣлища скопились предъ нами!... Младенцы были разможжаемы о камни... матери, зарѣзываемыя или разрываемыя, умирали подлѣ своихъ малютокъ... Лютость губила не однихъ людей, но и бессловесныхъ животныхъ, воловъ, коней, куръ и другихъ, какія только попадались варварамъ.... А что дѣлалось надъ мертвыми тѣлами!... Рѣчными струи превращались въ кровь. Колодезей и водоемовъ нельзя было и отыскать, потому что они черезъ верхъ наполнены были тѣлами.... Мертвыя тѣла загромили нивы и завалили дороги. Роши сдѣлались непроходимы отъ труповъ... Пещеры были наполнены мертвецамъ. Горы и холмы, лощины и долины ничѣмъ не отличались отъ городскихъ кладбищъ. Такъ велико было пораженіе. Въ добавокъ, губительная язва, зарожденная отъ войны, перелетала съ мѣста на мѣсто, и заражала смертоноснымъ ядомъ все, что ни попадалось ей... Тогдашняго нашего злополучія никто не могъ бы описать стихами Илиады“....

Но извѣстно, что внезапное бѣдствіе было внезапно же остановлено заступленіемъ Пресвятой Богородицы. Патриархъ изъ Влахерскаго храма поднималъ Ея ризу и съ крест-

нимъ ходомъ при степеніи всего народа обнесъ святыню вокругъ стѣнъ города. „Тогда помиловала Госнодь достоиніе свое. По истинѣ эта досточтимая одежда есть риза Богоматери“, говоритъ свититель. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ и неприятели, непостижимо какъ, обращали тылъ свой. Покрывала она городъ и насыпь ихъ разсыпалась, какъ по данному знаку. Приосѣняла она осажденныхъ и осада неприятелей не удавалась сверхъ чаянія... Ибо. какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по оной стѣнѣ, варвары тотчасъ сняли осаду города и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія“....

„Неожиданно было нашествіе враговъ, но нечаянно и удаленіе ихъ; чрезмѣрно негодованіе, но неизрѣченна и милость; невыразимо утрашеніе ихъ, но посрамительно и бѣгство. Ихъ привелъ къ намъ ихъ гнѣвъ (мечь); но за ними, слѣдовала Божія милость и отвратила ихъ набѣгъ.... Пораженіе остановлено покаяніемъ.... Отточенный на насъ мечъ остановленъ литіями и моленіями“.....¹.

Краснорѣчіе Фотіевыхъ бесѣдъ, хотя и направленное со-всѣмъ къ другимъ, общимъ цѣлямъ, съ достаточною ясностію обнаруживаетъ, что Русскіе въ Царьградѣ жили постоянно, вѣроятно, въ качествѣ торговыхъ людей, а суда по упоминанію о молотильщикахъ, даже въ качествѣ рабочихъ; они дѣлали долги и вѣроятно за эти долги Греки безчеловѣчно, какъ говоритъ свититель, оборотили ихъ себѣ въ рабство. Вообще Русскихъ Греки не уважали, презирали, какъ варваровъ, обижали, какъ народъ неимѣвшій силы и значенія, какъ мало-крѣпкое копье, и не замедлили разсчитаться съ ними даже убійствомъ за какой-то малый и ничтожный долгъ. Между

¹ Другой современникъ событія, Никита, въ 878 г. епископъ Палагонскій, въ житіи патр. Игнатія, пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Въ то время (860 г. Шлед. II, 47) жестокий народъ Скыаскаго племени, по имени Россы, пришедши отъ Евксинскаго моря въ Стевось, опустошивши на пути всѣ страны и всѣ монастыри, и взявши съ нихъ богатую добычу, стали чинить набѣги и на острова, лежащіе около Византіи, грабя имущество жителей и убивая людей полоненныхъ. Кромѣ того, со всѣмъ неустовствомъ варваровъ вторгся онъ въ монастыри патріаршіе, разграбилъ все имущество, тамъ найденное, и взявши насильственно 22 человека правотверныхъ, всѣмъ безъ исключенія отрубилъ топорами головы на палубѣ судна».

тѣмъ Русскіе жили тѣмъ друзьями и держались повидному крѣпко какихъ либо уговоровъ и договоровъ касательно своего пребыванія въ чужой землѣ, которые святитель обозначаетъ выраженіемъ: вси омогательные союзы, говоря, что Грекъ эти союзы разторгалъ, какъ бѣшеный, какъ озорникъ, какъ безчеловѣчный человѣкъ.

Такимъ образомъ остается въ ясности одно прямое дѣло, что Русскіе были обижены, оскорблены неправдами Грековъ и наконецъ убійствомъ своихъ земляковъ; что за все за это, а особенно за умерщвление земляковъ они справедливо, какъ говоритъ самъ святитель, разсвирѣплы и внезапно явились отомстить свою кровь; что именно не другой поводъ, а только ихъ гнѣвъ, ихъ месть были ихъ вождемъ въ этомъ внезапномъ набѣгѣ: и слѣдоват. историки напрасно пишутъ, что это былъ набѣгъ разбойничій, для одного грабежа; что, наконецъ, этотъ набѣгъ былъ заранее хорошо обдуманъ, изхитренъ, такъ что объ немъ не могла предупредить никакая молва. А это все показываетъ не только хорошее знакомство съ порядками Цареградской жизни, но и съ состояніемъ домашнихъ дѣлъ Цареграда, знакомство, которое могло существовать только при постоянныхъ сношеніяхъ съ городомъ, при постоянныхъ связяхъ съ его жителями, въ числѣ которыхъ конечно не мало было и нашихъ Дѣвровскихъ Славянъ.

Мщенье за родную кровь составляло религію русскихъ язычниковъ и они, избравши удобное время, съ малыми силами рѣшились переплыть море и успѣли совершить кару достойную злодѣянью, какъ выражается самъ патріархъ. Съ тою же внезапностью они и ушли, ибо хорошо знали, что долго оставаться съ 200 ладьями у города, который владѣлъ огромнымъ флотомъ, было невозможно. Сдѣлавши все, чего требовало мщенье, и захвативъ несмѣтную добычу, они поспѣшили уплыть домой. Позднѣйшіе греческіе историки, а за ними по ихъ словамъ и добрые наши лѣтописцы рассказываютъ, что риза Богородицы была погружена патріархомъ Фотіемъ въ море, отчего сдѣлалась великая буря и потопила Русскіе корабли, такъ что они возвратились въ маломъ остаткѣ и съ большимъ горемъ, что по возвращеніи въ Кіевъ былъ общій плачь.

Но мы видѣли, что самъ Фотій ничего объ этомъ обстоятельстве не упоминаетъ, говоря только, что св. Ризу носили по городу и по его стѣнамъ самъ онъ и съ книжъ всѣ до одного изъ жителей. О чудѣ на морѣ точно также ни слова не говорятъ и другіе не менѣе достовѣрные историки, а судя по изображенному самимъ Фотіемъ ходу дѣла, въ то время никто бы не рѣшился выйти къ морю, и тѣмъ болѣе съ крестнымъ ходомъ.

Фотій, словами пророка Іереміи говорилъ народу: не выходите на поле и не ѣздите по дорогамъ, ибо тамъ вездѣ кругомъ мечи враговъ.

Такимъ образомъ разсказъ о бурѣ и гибели русеныхъ людей, о чемъ самъ Фотій не говоритъ ни слова, есть повдняя греческая легенда, составленная не безъ мысли о томъ; что побѣдоносные Руссы въ свою очередь воротились домой побѣжденными „и во свояси съ побѣженіемъ возвратишася“, какъ свидѣтельствуетъ хронографъ, хотя и приписываемый Георгію Амартолу, но въ этомъ мѣстѣ принадлежащій повднему составителю, именно Симеону Логовету, писавшему около 950 г. Это позднее сочиненіе дополнявшее Амартола служило однимъ изъ главныхъ источниковъ для нашихъ лѣтописцевъ, чистосердечно и добродушно вѣровавшихъ во всякое писаное слово и потому цѣлкомъ выписавшихъ это извѣстіе изъ сказаній Симеона Логовета.

Всѣ обстоятельства дѣла, обозначенныя самимъ участникомъ въ событіи, патр. Фотіемъ, напротивъ того заставляютъ вѣрить одному, что Руссы, въ виду возвращенія царя съ войскомъ и флотомъ, поспѣшили убраться по домамъ, и возвратились въ свою родную землю безъ всякой помѣхи, доставивъ себѣ славное имя и великое богатство. Вскорѣ, черезъ годъ, черезъ два, они прислали въ Царьградъ пословъ просить о мирѣ, т. е. объ уговорѣ, какъ жить въ городѣ и какъ вести съ нимъ дѣло, особенно торговое, о которомъ они заботились больше всего, а вмѣстѣ съ тѣмъ, говорятъ лѣтописцы, просили просвѣтить ихъ умъ Христовою Вѣрою. Однако по свидѣтельству Константина Багрянороднаго видно, что склонить Руссовъ къ миру заботились сами греки. Онъ повѣствуетъ: Василій при соцарствіи съ Михаиломъ, значить въ 866—867 г., щедро одаривъ Руссовъ златомъ, серебромъ и шелковыми тканями, склонилъ къ миру сей народъ, не-

укротивши. чуждый Бога и благочестія, и, послѣ разныхъ переговоровъ, заключивши прочный миръ, убили его преступить. Руссы согласились даже принять отъ него востановленнаго патріархонъ архіепископа.

Все это подтверждаетъ самъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи. Онъ пишетъ между прочнаго: „Не только Болгарскій народъ верснѣннлъ преее нечестіе на вѣру во Христа, но и тотъ народъ, о которонъ многіе многое рассказываютъ, и которій въ жестокости и кровопролитіи всѣ народы превосходятъ. оный глаголемый Росъ, который, поработивъ живущихъ окрестъ него и возгордись своими побѣдами, водвннъ руки и на Римскую (Византійскую) Имперію: и сей однако имѣ верснѣннлъ азыческое и безбожное ученіе, которое прежде содержалъ, на чистую и правую Христіанскую вѣру, и вѣсто недавняго враждебнаго на насъ нашествія и велиаго насилія. съ любовію и покорностію вступилъ въ союзъ съ нами. И столько воспламенила ихъ любовь и ревность къ вѣрѣ, что и епископа и пастыря и Христіанское богослуженіе съ великимъ усердіемъ и тщаніемъ пріяли¹“.

Для Русской Исторіи изъ этого приснопамятнаго событія привлекаются весьма любопытныя соображенія. Фотій ни слова не говоритъ о времени, когда Руссы потерпѣли страшную обиду въ Цареградѣ именно по случаю убійства своихъ земляковъ, какъ равно и о томъ, когда они совершили свой внезапный набѣгъ. Мы не знаемъ сколько времени прошло отъ этого убійства и до набѣга, который по нслѣдованіямъ долженъ былъ случиться въ 864 г., какъ опредѣлено даже и въ хроникѣ Амартола. Если Руссы были народъ слабый, презираемый, незначительный, неизмѣнный, ни чѣмъ до того времени себя не овнаменовавшій, то по всѣмъ этимъ причинамъ они не могли совершить свое ищеніе тотчасъ же, т. е. въ тотъ же годъ или по крайней мѣрѣ на другой годъ. Необходимо было собрать хорошую дружину, ибо на 200 ладьякъ должно было помѣститься по крайней мѣрѣ 8000 человекъ, а главное надо было выждать и увидѣть въ самомъ Цареградѣ благоприятный случай для набѣга. Число

¹ Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи. М. 1833, стр. 175.

ладой прямо показываетъ, что Русем вовсе не желали встрѣтиться съ греческимъ флотомъ. Потомъ, самая вѣсть объ убійствѣ земляковъ никакъ не могла придти на Русь скоро; не скоро эта вѣсть распространилась и по волостямъ для сбора дружины. Словомъ сказать, отъ времени, когда произошло цареградское убійство, и до исполненія мести могъ пройти не одинъ годъ. Спусти около ста лѣтъ послѣ этого событія, Игорь собиралъ мщеніе на грековъ дѣлалъ три года и особенно манилъ къ тому Варяговъ, безъ помощи которыхъ, включительно до самаго Ярослава, не происходило ни одного сколько нибудь значительнаго дѣла на Русь.

Мы знаемъ, что родная связь Кіева съ Новгородомъ открывается съ первыхъ же шаговъ нашей исторіи и можемъ вѣрить, что не одни кіевляне, но и новгородцы часто проживали въ Цареградѣ по своимъ дѣламъ. Между Новгородомъ и Кіевомъ лежала большая дорога въ Грецію, Греческій путь, по которому ходили туда не только Новгородцы, но и сами Варяги. Когда въ Кіевѣ получена была вѣсть о Цареградскомъ злодѣяніи, то мысль о помощи могла остановиться и на сѣверныхъ людяхъ, на Новгородцахъ, и на Варягахъ, которые, однако, по лѣтописи только что были изгнаны изъ Новгорода. Случилось то же, что послѣ случилось въ Новгородѣ же съ Ярославомъ. Вчера дружина была изгублена, а нынче она очень бы понадобилась. Кіевская причина для призванія Варяговъ, подоспѣла къ Новгородской, гдѣ безъ Варяговъ возникла вражда и несогласіе, всталъ родъ на родъ. Обѣ причины могли естественно образовать общее желаніе призвать опять Варяговъ, и уже на иныхъ условіяхъ, призвать ихъ себѣ въ родство, какъ родныхъ защитниковъ земли, призвать ихъ княжить и владѣть землею.

Какъ бы ни было, но совпаденіе двухъ такихъ событій, Кіевского и Новгородскаго, къ одному почти году, заставляетъ предполагать, что во всякомъ случаѣ Варяги были призваны не безъ участія Кіевлянъ, этой настоящей исконной Руси, ибо эта Русь тотчасъ же воспользовалась призванными силами. Какъ оказывается, для Кіева Варяги были нужнѣе, чѣмъ даже для Новгорода.

Наши лѣтописцы, ничего уже не помнившіе объ этомъ времени, конечно не могли рассказать никакихъ подробно-

стей о главныхъ причинахъ призваніи и выставили лѣтнюю причину, какаѣ жила по землѣ и въ ихъ время, и спустя нѣсколько столѣтій послѣ, т. е. внутренней раздоръ правившихъ землею родовъ, всегда призывавшихъ себя для расправы третью, властительное лице. Основное сѣдѣніе объ этомъ времени, именно о набѣгѣ Руси на Царьградъ, они почерпнули изъ Греческихъ хроникъ уже 10 и 11 вѣка, и на этомъ основаніи разставили даже годы для домашнихъ преданій, весьма скудныхъ и голыхъ и отчасти весьма похожихъ на простыя соображенія о томъ, какъ вообще должно было что случиться.

Если Греки разсуждали о Руси, что это народъ безсильный, ничтожный, если въ Царьградѣ Русь испытывала на самомъ дѣлѣ всѣ невыгоды такого мнѣнія о себѣ, то естественно, что и въ Кіевѣ умные люди давно о томъ же разсуждали и заботились, какъ бы укрѣпить свою силу, да охранить свои торговыя и другія сношенія съ Царьградомъ; какъ бы заставить Грека, чтобы онъ уважалъ народныя права незамѣтной, незнатной и неименитой Руси. Подчиняясь до того времени и платя дань Хозарскому Кагану. Русь видно ничего не пріобрѣтала отъ этого подчиненія, тѣмъ болѣе, что Хозары въ это время все больше слабѣли и не были уже способны защищать выгоды своихъ данниковъ.

Хозарская власть надъ Кіевомъ въ теперешнее время переходила на Татарскую власть надъ Москвою въ концѣ 15 вѣка. Между тѣмъ для Руси особенно дороги были отношенія къ Греціи, очень важенъ былъ вопросъ о томъ, какъ устроиться съ Царьградомъ, чтобы жить у него не изъ милости только, какъ живутъ нищіе, а на твердыхъ и нерушимыхъ основаніяхъ народнаго права. Грекъ, какъ видѣли, презиралъ Русскаго, допускалъ его къ себѣ, какъ нищаго, и при первомъ случаѣ какой либо ссоры и неудовольствій, не только прогонялъ его, но даже почиталъ своимъ неотъемлемымъ правомъ раздѣлаться съ нимъ, какъ съ недостойнымъ рабомъ, посредствомъ убійства, ибо по греческому закону убійство раба за дѣло не считалось ни чѣмъ. Русскій вовсе не думалъ о себѣ, что онъ рабъ лѣстивому Греку, и изыскивалъ способы, какъ бы это доказать ему. Своими силами, по преимуществу земледѣльческими, по пре-

ниущество торговыми и промышленными, ибо военных дружинъ давно уже не было, онъ этого достигнуть не могъ. Требовалось добыть силу, свойственную такому дѣлу. Такая сила находилась въ то время только у Варяговъ; на Балтійскомъ Цюморьѣ. Кого собственно разумѣли наши лѣтописи подъ именемъ Варяговъ, мы уже объ этомъ говорили выше стр. 137. Въ числѣ ихъ могли быть и Скандинавы, но не они составляли корень того Варяжства, которое съ давнихъ временъ было извѣстно всей Русской странѣ, какъ свой братъ. Когда, сильно оскорбленные Греками, Кіевляне сильно заговорили о томъ, какъ быть, то, осматриваясь кругомъ, они ни на комъ другомъ и не могли остановить своихъ мыслей, какъ только на этихъ Варягахъ, на старыхъ знакомцахъ и на старыхъ владыкахъ сѣвернаго Русскаго края, которые и сами, для собственной торговли, тоже должны были не мало заботиться объ устройствѣ правильныхъ и независимыхъ сношеній съ Царегородомъ. И для самихъ Варяговъ очень требовалось прочистить Греческій Двѣпровскій путь отъ Греческой тѣсноты.

При ихъ помощи мщеніе надъ Царегородомъ было совершено блистательно. Оно-то и повело къ устройству лучшихъ отношеній съ Греками. Греки увидѣли, что Русью презирать болѣе невозможно и постарались привлечь ее къ прочному миру, водворивъ даже Христіанство въ Кіевѣ. Стало быть, произошло то, чего Русь добивалась. Она желала народныхъ правъ, желала признавѣя за нею той народной самостоятельности, безъ которой невозможны были ея сношенія съ Царегородомъ. Своимъ набѣгомъ она нажила себѣ у Грековъ славное имя, т. е. доказала имъ, что съ этой поры она независимая и самостоятельная народность, способная восстановить свои нарушенныя права надлежащимъ возмездіемъ.

Однако набѣгъ если и былъ началомъ новыхъ связей съ Греками, то онъ точно также былъ концомъ многихъ предшествовавшихъ событій. Въ исторіи съ неба ничего не падаетъ. Очень вѣроятно, что Русь съ давнихъ временъ добивалась свободнаго торговаго въ Цареградѣ, т. е. свободнаго въ томъ смыслѣ, чтобы Греки принимали ее, какъ и всѣхъ другихъ, доставляли бы ей необходимыя средства и удобства для тамошняго пребыванія, безъ которыхъ нельзя быть.

Мы видѣли, что о правильномъ торгѣ очень хлопоталъ еще въ 5 вѣкѣ Аттила и его дѣти, которые въ этомъ отношеніи, по всемъ видимостямъ, были дѣды и прадѣды и нашихъ Кіевлянъ и Балтійскихъ Славянъ-Варяговъ.

Весьма важное свидѣтельство, намекающее на подобныя старанія Руси устроить свои Цареградскія дѣла еще въ началѣ 9 вѣка, встрѣчается въ Западныхъ Лѣтописяхъ.

Въ 839 г. Греческій императоръ Теофілъ, отецъ известнаго намъ Михаила, послалъ посольство къ Германскому императору Людовику Благочестивому, въ Ингельгеймъ (на Рейнѣ, недалеко отъ Майнца), прося о помощи противъ Агарянъ-Сарацыновъ. Въстѣ съ послами онъ отправилъ нѣкихъ мужей, называвшихъ себя Россъ, которые пріѣзжали въ Царьградъ отъ своего царя Хакана для заключенія съ Греками дружбы. Теофілъ просилъ Людовика, чтобы этимъ людямъ была оказана всякая помощь и возможность возвратиться домой, черезъ Германію, такъ какъ путь, по которому они пришли въ Царьградъ, лежитъ между варварами, людьми самыми жестокими, и ѣхать по немъ очень опасно. Людовикъ, прилежно испытывая настоящую причину прихода этихъ людей, узналъ что они изъ народа Свеоновъ и заподозрилъ нашихъ Россовъ въ шпионствѣ. Онъ велѣлъ ихъ задержать, пока точно не откроется, съ какими намѣреніемъ они пришли, и увѣдомилъ объ этомъ Теофіла, написавши, что изъ дружбы къ нему, онъ охотно дастъ имъ пособіе и отправить ихъ безопасно въ ихъ землю, если только найдется къ тому возможность и не окажутся они измѣнниками, соглядатаями. Въ противномъ случаѣ, онъ хотѣлъ снова доставить ихъ въ Царьградъ.

Извѣстно, что норманисты въ этомъ неясномъ свидѣтельствѣ находятъ весьма твердое основаніе для доказательства о шведскомъ происхожденіи нашей Руси.

Но почему Россы были заподозрѣны фальшивыми людьми? Объ нихъ узнали, что они Свеоны-Шведы. Но какимъ образомъ узнали, кто объ этомъ сказалъ? И почему не узнали объ этомъ съ разу, какъ только Россы пришли въ Ингельгеймъ? Со Шведами Людовикъ былъ уже хорошо знакомъ. Въ 823 г. онъ посылалъ въ Швецію нарочныхъ пословъ „для точнаго изслѣдованія этого края“. Шведы въ 829 г. прислали къ Людовику пословъ, желая принять Христову вѣру, и

по этому случаю къ нимъ былъ отправленъ учитель. Ясно, что Россы-Шведы должны быть узнаны тотчасъ, какъ только явились къ Людовику. Между тѣмъ возникаетъ странное подозрѣнiе, начинается разысканiе, при которомъ могло случиться, что эти Россы, поясняя свое мѣстожителство, сказали, что они Славяне и живутъ по сосѣдству съ Свеноми; что чиновникамъ Людовика изъ этихъ двухъ именъ болѣе подходящимъ и болѣе знакомымъ показалось одно — Свены.

Допустимъ, что въ самомъ дѣлѣ это были Шведы, съ собственнымъ своимъ именемъ Росъ, какъ того хотѣлъ Шлецеръ, доказывая, что и царь ихъ Хаканъ есть собственное Шведское имя Гаконъ. Но если, существовала Русь въ Швеціи съ своимъ королемъ Гакономъ, отъ котораго не осталось никакой памяти, то въ тоже время въ Кіевѣ въ самомъ народѣ существовало наименованіе тамошняго владыки каганомъ, вѣроятно для болѣе сильнаго выраженія и опредѣленія преобладающей власти. Объ этомъ имени каганъ сохранялась большая память еще въ 11 вѣкѣ, когда каганомъ именуется св. Владиміра и никто другой, какъ Русскій же митрополитъ, который тѣмъ же титуломъ именуется и Ярославъ. Значитъ Каганъ еще и въ это время былъ родной титулъ для Руси, обозначавшій понятіе о царѣ, и оставшійся въ народной памяти отъ владычества Аваръ, а въ 9 вѣкѣ существовавшій по случаю владычества Хозаръ, державшихъ надъ собою того же Великаго Хакана. Очень вѣроятно, что отъ этого Хозарскаго Хакана, если не отъ своего собственного, ходили и наши Россы послами къ Теофилу. Они вѣдь въ то время платили дань Хозарамъ, слѣд. могли дѣйствовать отъ имени своего повелителя или отъ его намѣстника, жившаго въ Кіевѣ, и по естественнымъ причинамъ устраивавшаго домашнія, мѣстныя, чисто Кіевскія выгоды. Если они ходили или остались въ Царьградѣ въ малой дружинѣ, которая безсомнѣнія вся состояла лишь изъ купцовъ, ибо купецъ и посолъ въ то время было одно и тоже, то существовала и причина, почему они опасались возвращаться тою же дорогою. Въ степяхъ Днѣпровскихъ тогда странствовали уже Печенѣги, такъ что Хозарскій Хаканъ при помощи Грековъ, еще прежде въ 834 г., дол-

женъ былъ для собственной защиты выстроить на Дону каменную крѣпость Саркель.

Все это заставляетъ полагать, что Россы, попавшіе въ гости къ Людовику Благочестивому, были Кіевскіе Руссы, и что въ ихъ числѣ могли быть и Варяги—Балтійскіе Славяне, если Кіевъ и въ то время, какъ нельзя сомнѣваться, былъ торговымъ средоточіемъ для Сѣвера и Юга. И Олегъ и Игорь посылали послами къ Грекамъ тѣхъ же Варяговъ.

И такъ еще почти за 30 лѣтъ до Оскольдова набѣга на Царьградъ Русь хлопотала о прочномъ дружескомъ союзѣ съ Греками. Она тогда дѣйствовала именемъ Кагана Хозарскаго, ибо находилась подъ его владычествомъ. Въ Кіевѣ, какъ жили въ немъ Хозары, а слѣд. и Жидаы, также точно могли жить и Варяги, и самый составъ его дружины необходимо былъ всенародный, гдѣ Варяги по своему ратному ремеслу должны были, хотя бы и въ маломъ числѣ, стоять впереди другихъ.

Россы отпросились въ Царьградъ идти съ послами во Франкскую землю, дабы оттуда возвратиться домой. Они стало быть очень хорошо знали, что и такую обольную дорогою все-таки можно попасть въ Кіевъ. Все равно, кто бы ни были эти Россы, Шведы или Кіевляне, или Балтійскіе Славяне, они знали круговой путь въ Царьградъ, знали, что если, идя по западу доберешься до Варяжскаго моря, то оттуда легко пойти къ востоку и по восточной сторонѣ легко опять попасть въ Черное море. Но однимъ ли Шведамъ, однимъ ли Норманнамъ былъ знакомъ этотъ круговой путь? Однимъ ли Шведамъ были отворены ворота въ нашу страну? Одни ли Шведы, одни ли Норманны существовали на Балтійскомъ морѣ въ первой половинѣ 9 вѣка? Гдѣ же находилось въ то время Варяжское Славянское Поморье, знаменитое и войскою и торговь?

Мы видѣли, что съ Нѣмецкой точки зрѣнія Герульское имя Оховъ, стр. 309, значитъ Гаконъ. Аваро - Хозарскій титулъ Хаканъ тоже значитъ Гаконъ. Но, толкуя это свидѣтельство Бертинскихъ Лѣтописей въ пользу Шведскаго происхожденія Руси, Норманисты, какъ замѣтилъ г. Геденовъ, заставляютъ Греческаго импер. Θεοφιλα безъ всякой нужды обманывать Франкскаго императора, увѣряя его,

что посланные имъ Шведы не есть Шведы, а нѣкіе Россы, у которыхъ Кенунгъ именуется Хаганомъ. Отчего Теофилъ не приставилъ въ своемъ письмѣ поясненіи, что эти Россы называютъ себя также и Свеонами? Конечно, отъ того, что они такъ себя никогда не называли, а только въ Германіи, при дворѣ Людовика, его чиновники сообразили, что это должно быть Шведы, ибо несомнѣнно, что Россы рассказывали же, какъ имъ должно вѣхать на свою родину, то есть по Балтійскому морю въ восточный его уголь.

Впрочемъ, послѣ изслѣдованій г. Геденова не можетъ оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія, что Теофилъ писалъ къ Людовику только объ однихъ Кіевскихъ Россахъ, которые хорошо знали, гдѣ лежитъ Варяжское Поморье и направлялись къ нему, чтобы безопасно и вѣрнѣе попасть черезъ Новгородъ въ свой родной Кіевъ.

Таковы были первые неясные слухи о Руси на Западѣ Европы. Лѣтъ черезъ 20 ея имя блистательно прошумѣло въ самомъ Цареградѣ. Послушаемъ теперь, что рассказывали о Руси на Востокѣ, или вѣрнѣе сказать по всему Арабскому Югу отъ Каспійскаго моря до Испаніи включительно.

Въ половинѣ 7 столѣтія въ Закавказскихъ краяхъ, въ древней Мидіи, Арменіи и Персіи утвердили свое владычество Арабы, просвѣщеннѣйшій народъ Среднихъ Вѣковъ, для котораго торговая промышленность повсюду была главною статьею его процвѣтанія и могущества, а потому и главнымъ предметомъ его покровительства. Каспійское море для Арабовъ стало внутреннимъ озеромъ и изъ всѣхъ мѣстъ отворило свои ворота для сношеній съ подвластными имъ странами. Естественно, что такой порядокъ дѣлъ на далекомъ Каспійѣ не замедлилъ отзываться большими выгодами и по всей Русской равнинѣ. Устье Волги сдѣлалось притягательною силою для всякой предприимчивости всего Поволжья. Вотъ, между прочимъ, важнѣйшая причина, почему съ того же времени покрайней мѣрѣ для нашихъ южныхъ краевъ все могущественнѣе становились и самые Хозары: въ ихъ рукахъ сосредоточивались связи всего сѣвера съ Закаспійскимъ югомъ.

Столицею славныхъ арабскихъ Халифовъ (Аббасидовъ) былъ Багдадъ — древній Вавилонъ. Если припомнить, что

предъ началомъ нашей исторіи (786—808 гг.) правовѣрными Арабами повелѣвалъ изъ Багдада знаменитый покровитель наукъ Гарунъ-эль-Решидъ, то мы поймемъ, что Арабская наука не могла пройти молчаніемъ и нашей незнаемой страны¹.

Древнѣйшее изъ арабскихъ свѣдѣній о нашемъ сѣверѣ восходитъ къ 60-мъ или 70-мъ годамъ девятаго вѣка, то есть къ тому самому времени, когда исторически впервые имя Руся было зарублено на стѣнахъ самага Цареграда. Это свѣдѣніе вмѣстѣ съ тѣмъ и самое замѣчательное для нашей исторіи изъ всѣхъ, какія только оставили намъ Арабы. Оно рассказываетъ, что „Русскіе купцы—они же суть племя изъ Славянъ—вывозятъ мѣха бобровые, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Черному морю (въ Византію), за что царь Ромейскій (византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (рѣкою Славянъ называется у Арабовъ Волга), проходятъ по заливу Хозарской столицы (имя теперешняго Тарху), гдѣ ея владѣтель беретъ съ нихъ тоже десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (къ юговосточнымъ берегамъ Каспія) и выходятъ на любой изъ береговъ... Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ.“ Тотъ же Арабскій географъ (Ибнъ-Хордадбе) сообщаетъ при этомъ, что купцы (вообще) ходили также къ Хозарской столицѣ съ Запада другимъ путемъ, повидимому Азовскимъ моремъ, проходя страню Славянъ, и достигая чрезъ Каспійское море по Средней Азіи даже до Китая, то есть вообще указываетъ извѣстный въ то время путь Индійской торговли чрезъ Воспоръ Киммерійскій. Это, по его свѣдѣніямъ, была страна Славянъ. Вообще и другіе Арабы, отъ конца 8 и до конца 10 вѣка, почитаютъ народъ Саклабъ, большіиъ европейскіиъ народомъ, наравнѣ съ Грекоримлянами и Франками.

¹ См. Гаркави: Сказанія Мусульм. писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб. 1870. — Хвольсона: Извѣстія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста, Сиб. 1869. — Савельева: Мухаммед. Нунизматика, Спб. 1847. — Котляревскаго: О погребальныхъ обычаяхъ измч. Славянъ. М. 1868.

Итакъ Русскіе купцы, въ половинѣ 9 вѣка, въ самое погущественное время Хозарскаго и Арабскаго владычества на Каспійскомъ морѣ, какъ добрые гости, могли свободно высаживаться, гдѣ имъ было любо, на самомъ торговомъ юго-восточномъ его берегу, и кромѣ того, вѣроятно съ этого же берега, возили свои товары въ самый Багдадъ. Тоже самое въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Страбонъ говоритъ объ Аорсахъ, которые также на верблюдахъ торговали съ Мидією и Вавилонією (Багдадомъ), и занимали земли между Волгою и Дономъ, простираясь по Дону далеко къ сѣверу. Аорсы конечно былъ не тотъ народъ, что Руссы, да и Руссы совсѣмъ былъ другой народъ, чѣмъ Славяне, хотя арабскій географъ прямо говоритъ, что Руссы суть племя изъ Славянъ. Какъ возможно допустить, чтобы тихіе, смиренные Славяне были когда либо такъ предприимчивы, что осмѣливались нускаться не только на корабляхъ въ Каспійское море, но даже и на верблюдахъ въ древнюю Вавилонію! А между тѣмъ въ Русской землѣ память о богатой Индіи никогда не угасала и сношенія съ нею не прекращались, хотя и оставались только въ рукахъ отважныхъ людей изъ торговаго народа.

Въ 15 вѣкѣ русскій человекъ, Аванасій Никитинъ, съ верхней Волги, изъ Твери, отправляется странствовать въ Индію, конечно руководясь тѣми преданіями объ Индійскомъ пути, какія искони вѣковъ существовали у обитателей всѣхъ главныхъ городовъ по теченію Волги. Кромѣ того и перевалъ изъ Дона въ Волгу съ незапамятныхъ временъ былъ такъ извѣстенъ, что Арабы почитали Донъ рукавомъ Волги, посредствомъ котораго воды Чернаго моря соединялись будто бы съ Каспіемъ. Ясно, что это была самая торная торговая дорога изъ Черноморья въ Каспійскія области и дальше въ Индію.

Арабы на Волгѣ прежде всего знали Хозаръ и оставили намъ достаточно свѣдѣній объ устройствѣ ихъ жизни, о чемъ мы говорили выше. Хозарская земля, по ихъ словамъ, страна обширная, одною стороною прилегающая къ великимъ герамъ (Кавказскимъ). Она суха и неплодородна. Много въ ней овецъ, меду и Евреевъ. Эти Евреи и были несомнѣнно руководителями всякаго торговаго

Изъ города въ Волгѣ отъ Хазарской земли сейчасъ начиналась страна Бургасова. Въ 15 или 20 миль расстоянія отъ Хазарской Итиль гдѣ-то на Волгѣ же находилась городъ Бургасъ, который не прикидывалъ малость занимать часть Геркулотовскаго Калана и по весну вѣроятно есть городъ Умкъ, теперь Умкинво Геранино, вблизи Саратова, что нынѣ развѣ кружится въ 30 миль пути отъ Астрахани. Тамъ еще въ 16 миль находили памятники съ арабскими надписями. см. стр. 235. Бургасская земля простиралась по Волгѣ въ длину и въ ширину на 17 миль. Она занимала севернѣйшія губерніи Саратовскую, Тамбовскую, Пензенскую, Сибирскую. Это страна Геркулотовскихъ Вудинговъ, Ганаксовъ Страхова. Анаксобесъ Пталомеи или нашей Морвы—Молкии, страна ровная и изобильная лѣсностии и стами, жители которой занимались земледѣльствомъ и потому были особенно богаты конями и всякими другими дорожными вѣщами, а также и медомъ. По всей имперіи Арабскихъ Халифовъ славилась и очень дорого цѣнились Бургасскіе нѣха чернобурныхъ лѣсокъ.

У Бургасовъ не было верховнаго главы, который бы одинъ управлялъ ими, то есть не было того, что называется государствомъ: а были у нихъ только старшины въ каждомъ селеніи по одному или по два, къ которымъ они и ходили за судомъ въ своихъ расправахъ. Настоящимъ образомъ они подчинялись царю Хозаръ и выставляли ему въ поле 10 тысячъ всадниковъ. Они были сильны и храбры, а собою стройны, красивы и дорожны. Всякая обида у нихъ отплачивалась мстью. Одни изъ Бургасовъ сожигали покойниковъ, другіе хоронили. Нѣтъ сомнѣнія, что все это говорится больше всего о жителяхъ города Бургаса, чѣмъ объ остальномъ населеніи. Въ этомъ городѣ было до 10 тысячъ жителей, часть которыхъ были мусульмане и имѣли двѣ мечети. Городъ наполнялся жителями только зимою, а лѣтомъ уходилъ въ поле кочевать. Населеніе его было сѣшанное, какъ и въ Хозарскомъ Итиль, по этому тѣ Бургасы, которые сожигали покойниковъ, повсему вѣроятію были Русскіе Славяне.

Дальше къ сѣверу въ трехъ дняхъ пути за страню Бургасовъ, по Волгѣ же, находилась страна Болгарская, покрытая мѣстностями болотистыми и дремучими лѣсами, посре-

ди которыхъ и жили Болгары. Это былъ народъ земледѣльческій. Онъ воздѣлывалъ всякаго рода зерновой хлѣбъ, пше- ницу, ямень, просо и другіе. Однако главное ихъ богат- ство точно также заключалось въ кунныхъ мѣхахъ, кото- рые у нихъ замѣняли даже монету. Каждый мѣхъ шелъ за 2½ диргема¹.

Мѣховая торговля и составляла главный промыселъ Бол- гаріи. Принимая мѣха отъ Руссовъ, которые жили по обо- нимъ берегамъ верхней Волги, Болгары переправляли ихъ къ Хозарамъ на устьѣ Волги, и прямо у себя же продава- ли арабскимъ купцамъ, если Арабы сами поднимались до Болгаріи.

Вблизи теперешнихъ Тетюшъ, на небольшомъ волжскомъ притоцѣ, съ азіатской стороны, находился главный городъ, такъ и называемый Болгаръ, нынѣ село Болгары.

Населеніе города простиралось до 10 тысячъ жителей. Дома были построены изъ бревенъ, скрѣпленныхъ деревян- ными же шипами.

Болгарскою странюю управлялъ царь, власть котораго однако не была обставлена тѣмъ чрезвычайнымъ почетомъ, какой былъ въ обычаѣ на востокѣ. Болгарскій царь выѣз- жалъ одинъ, какъ простой человекъ, безъ мальчика и безъ другаго проводника. Когда онъ появлялся на рынокѣ, то каждый изъ народа вставалъ передъ нимъ, снималъ шапку и держалъ ее подъ мышкой. Точно также всѣ, кто входилъ къ царю, малый и большой, даже его дѣти и братья, завидѣвъ его, тотчасъ снимали шапку, клали ее подъ мышку и садлись, по обычаю на козлы, потомъ вставали и уже не садлись, пока не повелитъ. Шапки надѣвали уже по вы- ходѣ.

Ибнъ-Фадланъ, арабскій посланникъ къ царю Болгаръ, которыхъ онъ называетъ также Славянами, рассказываетъ между прочимъ, что когда онъ прибылъ въ Болгарію и на- ходился отъ города въ разстояніи дня и ночи, то царь выслалъ ему на встрѣчу четырехъ подчиненныхъ царей и своихъ братьевъ и дѣтей. Они встрѣтили пословъ съ хлѣ- бомъ, мясомъ и просомъ. Потомъ на разстояніи двухъ фарсанговъ (10 верстъ) самъ царь вышелъ ихъ встрѣтить и

¹ Диргеми равнялся бывшему 30-ти копѣешнику.

лишь только увидѣлъ насъ, говоритъ путешественникъ. слѣзъ съ воля и упалъ ницъ, благодаря Бога. При этомъ онъ осыпалъ насъ деньгами. Такая слишкомъ почетная встрѣча, произошла по той причинѣ, что царь былъ уже мусульманинъ, а посольство было отъ повелителя вѣрныхъ. отъ самого халифа, посылавшаго царю по его же просьбѣ учителя вѣры и наставника въ законахъ Ислама.

На представленіи пословъ, во время чтенія посольскихъ писемъ, царь стоялъ, а его свита бросала на пословъ дрегены. Затѣмъ послы надѣли почетную одежду на супругу царя, сидѣвшую обокъ съ нимъ, какъ былъ у нихъ обычай и нравъ. Представленіе происходило въ шатрѣ. Точно также въ шатрѣ царь угощалъ пословъ обѣдомъ. Онъ сидѣлъ одинъ на престолѣ, покрытомъ греческою золотною тканью. Подчиненные цари сидѣли возлѣ него по правой сторонѣ, дѣти его сидѣли передъ нимъ, а посламъ онъ указалъ мѣсто отъ себя по лѣвой сторонѣ. Принесли ему столъ, на которомъ было жареное мясо. Онъ взялъ ножъ, отрѣзалъ кусокъ и съѣлъ его, затѣмъ другой, третій; потомъ отрѣзалъ кусокъ и подалъ посланнику, которому служители тотчасъ принесли маленькій столикъ и поставили передъ нимъ. (Гостю первый кусокъ). Таковъ у нихъ обычай, говоритъ Ибнъ-Фадланъ. Никто не дотрогивается до кушанья, пока царь не подастъ ему, и когда царь подаетъ, то приносятъ ему столъ. Затѣмъ отрѣзалъ онъ кусокъ и подалъ царю, сидѣвшему по правой его сторонѣ, и ему принесли столъ; послѣ подалъ онъ второму царю, и ему принесли столъ. Такимъ образомъ принесли каждому изъ сидѣвшихъ передъ нимъ столъ, и каждый ѣлъ особо на своемъ столѣ. Никто не ѣлъ вмѣстѣ съ царемъ и никто не беретъ съ чужаго стола. Когда кончили ѣду, каждый унесъ оставшееся на его столѣ домой. Послѣ стола царь велѣлъ принести напитокъ изъ меду, называемый у нихъ саджу, сиджу — сыта, который и онъ и всѣ пили. При этомъ, какъ кажется, произносилась молитва за царя, потому что Ибнъ-Фадланъ тотчасъ послѣ сыты упоминаетъ объ этой молитвѣ. Она заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „Боже благоволити царя Балтавара (такъ онъ именовался), царя Булгаръ“. Арабъ замѣтилъ, что такъ не слѣдуетъ произносить, что только Богъ есть царь и никому не приличествуетъ

такое названіе, особенно же въ торжественномъ случаѣ. — „Какъ же слѣдуетъ, чтобъ зывали“? спросилъ царь. Правовѣрный мусульманинъ научилъ его, что надо упомянуть его имя и имя его отца. „Но отецъ мой былъ невѣрный, отвѣтилъ царь, и я тебе не желаю, чтобы упоминали мое имя, навимъ наименовалъ меня невѣрный“. Царь пожелалъ носить имя Халифа и переименовалъ на арабское и имя своего отца. Составилось такое возгласеніе: „Боме благослови твоего раба Джагара Ибнъ - Абдаллахъ, властителя Болгаръ, влиента повелителя вѣрныхъ“. Это было въ 922 году. Такъ мусульманство уже давно пролагало себѣ торную дорогу по Волгѣ на нашъ далекій сѣверъ.

У Болгарскаго царя и портной былъ изъ Багдада. Этотъ портной зашелъ однажды къ Ибнъ - Фадлану и они стали бесѣдовать, ожидая мусульманскаго призыва къ ночной молитвѣ. Услышавши призывъ, они вышли изъ палатки, а на горизонтѣ уже появилась утренняя заря.

„Къ какой молитвѣ ты зывалъ“, спросилъ Арабъ муэззина. „Къ утренней“, отвѣтилъ муэззинъ. „А гдѣ же послѣдняя ночная молитва?“ — „Мы ее произносимъ вмѣстѣ съ молитвой при закатѣ солнца“. — „А какъ же ночь“? допрашивалъ Арабъ. „Какъ видишь, ночи нѣтъ, отвѣчалъ муэззинъ. Бываютъ ночи еще короче этой; теперь онѣ начинаютъ уже увеличиваться“. Это было вѣроятно въ половинѣ Іюня, ибо послы прибыли въ Болгаръ 11 Маи. Муэззинъ при этомъ разсказалъ, что онъ уже съ мѣсяцъ, какъ не спалъ по ночамъ изъ боязни опоздать утреннюю молитвою, ибо здѣсь, когда человекъ ставитъ на огонь горшокъ во время вечерней молитвы, то не успѣваетъ изготавиться кушанье, какъ уже совершается утренняя молитва.

Все это очень удивляло Арабовъ. Они съ изумленіемъ примѣтили, что ночью на небѣ очень мало звѣздъ, что луна свѣтитъ короткое время, а потомъ исчезаетъ въ утренней зарѣ; что ночью можно узнать другаго человека на разстояніе дальше, чѣмъ на полетъ стрѣлы изъ лука. Царь разсказалъ Арабамъ, что за его странюю, на разстояніи трехъ мѣсяцевъ, живетъ народъ Вису (Весь), у котораго ночь меньше часа. Очень изумились и даже испугались Арабы, когда случилось сѣверное сіяніе или что либо подобное передъ вечернею зарею. Они стали молиться. Араб-

ская фантазія разгорѣлась и имъ представилось, что на небѣ въ облакахъ, красныхъ, какъ огонь, видны войска, люди и кони, въ рукахъ у нихъ луки, копья, мечи; что войска сходились на битву, смѣшивались, потомъ опять раздѣлялись, при чемъ слышались громкіе голоса и глухой шумъ и т. д. Такъ продолжалось до часа ночи и потомъ все исчезло. Жители страны, не понимая ужаса иноземцевъ, издѣвались надъ ними. Когда Арабы спросили объ этомъ явленіи Болгарскаго царя, тотъ отвѣтилъ, что старые люди ему сказывали, будто это сражаются поклонники демоновъ и тѣ, которые ихъ отвергаютъ.

Арабы примѣтили также, что жители по лаю собакъ гадаютъ объ урожаѣ, что въ странѣ бываетъ часто гроза, и если молнія ударяетъ въ чей либо домъ, то послѣ того уже никто къ нему не приближается: его оставляютъ, пока отъ времени онъ не развалится и не истлѣетъ. Говорили, что на этомъ мѣстѣ почиетъ гнѣвъ Божій.

Главную пищу Болгаръ составляли просо и лошадиное мясо, не смотря на то, что въ ихъ странѣ много было пшеницы и ячменя. Въмѣсто масла, они употребляли рыбій жиръ (?), ибо другаго масла у нихъ небыло. Между тѣмъ Арабы удивлялись обилію въ странѣ орѣховыхъ лѣсовъ и извѣстно, что въ Средней Азіи наши орѣхи и до сихъ поръ удерживаютъ названіе Болгарскихъ, слѣдов. можно полагать, что Болгары и въ древнее время уже торговали ими и только не придумали добывать изъ нихъ орѣховое масло. У Болгаръ росло еще дерево, неизвѣстное Арабамъ, очень высокое, по вершинѣ похожее на пальму съ тонкими, но собранными вмѣстѣ листьями, вѣроятно береза. Въ этомъ деревѣ туземцы пробурывали дыру, подставляли сосудъ, въ который и текла изъ дерева жидкость, превосходившая медъ; если кто много ее пилъ, то пьянѣлъ, какъ отъ вина. До сихъ поръ крестьяне добываютъ такой сокъ изъ березы (березовица), и пьяную березовицу навеселяютъ хмѣлемъ.

Мужчины и женщины, не зная стыда, купались въ рѣкѣ вмѣстѣ, но съ большимъ цѣломудріемъ. Блудника, а также и вора казнили смертною и ужасною казнью. Такихъ злодѣевъ распинали за руки и за ноги на четырехъ шестахъ на вѣсу и разсѣкали свякрою вдоль тѣла по поламъ. „Я

старался, говорить Ибнъ - Фадланъ, чтобъ женщины прикрывали себя отъ мужчинъ при купаніи, но это мнѣ не удалось“.

Болгары платили своему царю подать по бычачьей шкурѣ отъ дома, также лошадьми и другими предметами. Кто изъ нихъ женился, тотъ долженъ отдать царю верховую лошадь. Ихъ войско было конное, носило кольчуги и имѣло полное вооруженіе.

Большая часть населенія уже во второй половинѣ 9 вѣка исповѣдывала Исламъ, въ селеніяхъ находились мечети и начальныя училища съ муэззинами и имами.

Изъ обычаевъ язычниковъ Арабы примѣтили, что предъ каждымъ знакомымъ, съ которымъ встрѣчались, они повергались ницъ, т. е. клали земный поклонъ.

Одежда Болгаръ походила на Мусульманскую: кафтаны и халаты ихъ были полные, то есть длинныя.

Съ приважихъ вущовъ - мусульманъ они брали пошлину, десятую часть товаровъ.

Ибнъ - Фадланъ называетъ Болгаръ Славянами. Такъ широко Арабы распространяли свои географическія понятія о Славянствѣ. Другіе писатели свидѣтельствуютъ, что сами Болгары, въ Багдадѣ, на вопросъ, что такое Болгаръ? отвѣчали, что они народъ смѣшанный изъ Турокъ и Славянъ. Вѣроятно Болгары такъ говорили о населеніи своего города. Однако тоже самое иные Арабы говорятъ и о Хозарахъ. Все это показываетъ, что Русское Славянство съ давнихъ временъ сидѣло крѣпкимъ населеніемъ во всѣхъ торговыхъ гнздахъ на Волгѣ и на прилегающихъ моряхъ.

Болгаріей на Волгѣ оканчивалось вліяніе мусульманства, а съ этимъ вмѣстѣ оканчивались и точныя, или сколько нибудь опредѣленныя свѣдѣнія о нашей странѣ. Арабы знали только, что страна на Западъ отъ Болгаріи населена Руссами и Славянами. Волга—рѣка Славянская и Русская, Донъ—рѣка Славянская и Русская. Черное море—Русское море, потому что только одни Руссы плаваютъ по немъ. Они и живутъ на одномъ изъ его береговъ. О Славянствѣ Арабы хорошо знали, что это большая народность Европейскаго материка. Они знали раздѣленіе этой народности на многія племена. Они называютъ эти племена по именамъ, называютъ имена Славянскихъ царей и нѣкоторые города; но все

это обозначается такъ смутно и такъ неясно относительно именъ, что изъ всѣхъ Арабскихъ показаній остается лишь общее понятіе, что въ 9 и 10 вѣкахъ въ Европѣ существовало много Славянскихъ племенъ, жившихъ частію самостоятельно и независимо ни отъ кого.

Русское Славянство на всемъ пространствѣ нашей равнины у Арабовъ именовалось Русью, а также и Славяніею. Волга течетъ изъ Руса и Болгара. Масуди говоритъ, что Руссы великій народъ, не покоряющійся ни царю, ни закону (религіи), что Руссы составляютъ многіе народы, раздѣляющіеся на разрозненные племена. Между ними есть племя, называемое Лудана или Лудайя (быть можетъ Лютичи Балтійскіе), которое есть многочислѣннѣйшее изъ нихъ; они путешествуютъ съ товарами въ страну Андалусь-Испанію, Румію-Италію, Кустантинію-Византію и Хазарь. Если, по объясненію Френа здѣсь говорится о нашей Ладогѣ и Ладожанахъ, то этимъ вполнѣ утверждаются извѣстія о постоянныхъ сношеніяхъ нашей Новгородской страны съ Балтійскими Поморцами Славянскаго племени.

Вообще какъ о Руси, такъ и о Славянахъ изъ Арабскихъ писателей извлекаются только тѣ понятія, какія существуютъ въ нашей первой лѣтописи. О Руси извлекаются именно несомнѣмъ опредѣленные показанія, вся ли страна именовалась Русью или только одна Кіевская область носила это имя исключительно передъ другими.

Въ половинѣ 10 вѣка Арабы пишутъ, что Русы состоятъ изъ трехъ племенъ, изъ которыхъ одно ближе къ Болгару и царь его живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба (Кіевъ), который больше Болгара. Кіевъ вовсе не ближе къ Болгарамъ Волжскимъ, а ближе вдвое отъ Волги къ Булгарамъ Дунайскимъ; ясно что географъ путаетъ имя обоихъ народовъ. Но говоря о Кіевѣ, что онъ больше Болгара, географъ показываетъ, что свои свѣдѣнія о Кіевѣ онъ получилъ съ Волги.

Другое племя, живущее выше перваго, называется Славія—это несомнѣнно Славяне-Новгородцы. Еще племя называется Артсанія и царь его живетъ въ городѣ Артсъ. Бушцы торговать съ Руссами отправляются только въ Кіевъ. Но никто не рассказывалъ, чтобы иностранные купцы ѣздили въ Артсану. Тамъ убиваютъ всякаго иностран-

на, который вступаетъ въ ту землю. Сами же они спускаются по водѣ и ведутъ торговлю, но ничего не рассказываютъ про свои дѣла и товары, и не допускаютъ никого провожать ихъ и вступать въ ихъ страну. По другимъ свидѣніямъ это племя вело торговые сношенія съ Киевомъ и даже проводило туда иноземныхъ купцовъ¹. Изъ Арсы вывозятся черные соболи, черныя лисицы и свинець-олово.

Какая это была Русская сторона Арса, толкователи не согласны между собою. Имя Арса, Арта, какъ и многія другія имена, написанныя по Арабски, читается различно на всякіе лады. Изъ нея выходитъ и Арба, и Арса, и Арна, Арма, Арка, Арса, Абарка, Абарма, Утаня, Аутаній и т. д. Ученый Френъ растолковалъ, что это Мордовское племя Эрза, основываясь прежде всего, конечно, на сходствѣ звуковъ, Эрза-Арса. Но странно: никогда въ исторіи неизвестное Мордовское имя Эрза, означающее отдѣлъ Мокшанскаго племени, было предпочтено очень известному съ 11 вѣка Русскому имени Рязань, область которой находилась въ той же сторонѣ, по границамъ этой Мокши и Эрсы. Это странно тѣмъ болѣе, что Арабы прямо навываютъ Арсу племенемъ Русскимъ. Френъ, а за нимъ Савельевъ, объясняли, что толкуютъ такъ по той причинѣ, что Эрза была подчинена Русамъ. Но этого было уже вполне достаточно, чтобы во главу угла поставить Русскую Рязань, и ею объяснить Арабскую Арсу, тѣмъ болѣе, что населеніе Мокши и Эрсы Арабы обозначили подъ именемъ Буртасовъ, говоря, что сейчасъ за Буртасами начинается земля Волгаровъ. И здѣсь, такимъ образомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, невольно обнаружилось заученное понятіе о Русахъ, какъ о пустомъ мѣстѣ, даже въ своей этнографіи. Другіе изслѣдователи толкуютъ, что эту Арсу, Артсанію, должно читать Арбой, Арманіей или Біарманіей, которая прямо будетъ указывать на Біармію или Пермь. Въ Перми, слѣд. обитало третье Русское племя. Намъ кажется, что въ этихъ случаяхъ изслѣдователи вовсе забываютъ о Ростовѣ, который, судя по названію Великій, то есть старшій, древній, несомнѣнно былъ старшимъ городомъ, въ своей странѣ съ незапамятнаго времени и покрайней мѣрѣ

¹ Савельевъ: Мухом. Нумизматика, стр. СКVIII.

съ 9 вѣка, ибо онъ упоминается уже при Рюригѣ. Черезъ Ростовъ, черезъ эту Артсанію, Болгары на Волгѣ и получали мѣхъ и свинець-олово, товаръ западный, приходившій въ Ростовъ изъ Новгорода, а туда съ Балтійскаго моря изъ Британіи и Испаніи. Въ Ростовскую область никто не ходилъ изъ Арабовъ, оттого, по справедливому объясненію изслѣдователей, что Болгары для своихъ монопольныхъ выгодъ рассказывали объ этой землѣ Арабамъ разныя страхи, пугали ихъ, какъ дѣтей. Ростовское, Суздальское Славянское племя дѣйствительно составляло особую народность или особое владычество. По значенію такого владычества Арабы вѣроятно и распредѣляли Русскія племена на три доли.

Затѣмъ Арабъ Истахри спутываетъ всѣ предположенія, говоря, что „Арта находится между Хозаромъ и великимъ Булгаромъ“ (Дунайскимъ), такъ что здѣсь подъ именемъ Арты повидимому онъ понимаетъ всю южную Кіевскую Русь. Если же признать въ этомъ великомъ Булгарѣ Булгаръ Волжскихъ, которыхъ Арабы всегда смѣшивали съ Дунайскими, тогда Арта можетъ обозначиться нашею Рязанскою областью, и во всякомъ случаѣ это будетъ или Гязань или Ростовъ.

Точно также весьма загадочно сказаніе Арабовъ о томъ, что Руссы жили на островѣ. Какіе это были Руссы и гдѣ находился этотъ островъ, мы можемъ только гадать.

Островъ, на которомъ они жили, былъ окруженъ озеромъ и служилъ имъ укрѣпленнымъ мѣстомъ для защиты отъ враговъ. Онъ занималъ пространство трехъ дней пути, около 100 верстъ, былъ покрытъ лѣсами и болотами, отчего былъ нездоровъ и сыръ до того, что стоитъ наступить ногою на землю и она уже трясется по причинѣ обилія въ ней воды. Количество Руссовъ простиралось до 100 тысячъ. У нихъ былъ царь, который назывался Хаканъ-Русь. Пашнею Руссы не занимались, а питались лишь тѣмъ, что привозили изъ земли Славянъ. Они дѣлали набѣги на Славянъ; подѣзжали къ нимъ на корабляхъ, высаживались, забирали Славянъ въ плѣнъ, отвозили въ Хаверанъ, то есть въ Итилъ въ Хозарамъ, и въ Булгаръ, и тамъ ихъ продавали.

Норманисты находили этотъ неизвѣстный островъ въ Давіи, основываясь на его имени Вабія, которое послѣ одна-

же оназалося простымъ словомъ: сырой, нездоровый. Ближе подходитъ къ нему островъ Рюгенъ. Еще ближе—островъ Тмутороканскій, гдѣ въ 10 вѣкѣ существовало уже Тмутороканское Русское княжество. Но можетъ быть, что Арабскій географъ думаетъ здѣсь о прославленныхъ Меотійскихъ Болотахъ и Меотійскомъ озерѣ, о которыхъ онъ несомнѣнно имѣлъ понятіе изъ византійскихъ источниковъ.

Дальнѣйшее повѣствованіе о Руси этого географа (Ибнъ-Даста) больше всего рисуеъ уже Русь Кіевскую, которая представляется ему и военною дружиною, какою она была въ дѣйствительности, и торговымъ народомъ.

„Русь, говоритъ онъ, не имѣетъ недвижимаго имущества, ни деревень, ни пашень; единственный промыслъ ихъ — торговля собольими, бѣличьими и другими мѣхами, которые они и продаютъ желающимъ, а получаемыя деньги завязываютъ на-крѣпко въ свои пояса“. Потомъ, черезъ строку ниже, географъ свидѣтельствуетъ, что „городовъ у нихъ большое число и живутъ въ довольствѣ, на просторѣ. Любятъ опрятность въ одеждѣ, даже мужчины носятъ золотыя браслеты. Объ одеждѣ своей заботятся потому, что занимаются торговлею. Съ рабами обращаются хорошо.“ Но тѣже самыя рѣчи другой переводчикъ г. Гаркави передаетъ такъ: „Одѣваются они неопратно; мужчины у нихъ носятъ золотыя браслеты. Съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что даютъ имъ занятія при торговлѣ.“ Читателю остается уже самому соображать, какой переводъ ближе къ истинѣ. Объ одеждѣ Руссовъ Арабы замѣтили вообще, что она была короткая, а не длиннополая. Они особенно замѣтили, что Руссы носили очень широкія шалвары: сто локтей матеріи идетъ на каждыя. Надѣвая такія шалвары Руссы собираютъ ихъ въ сборки у коленъ, въ которыхъ ихъ и привязываютъ. Нѣкоторые изъ Руссовъ брѣвютъ бороду, другіе свиваютъ ее на подобіе лошадиной гривы и окрашиваютъ желтой (или черной) краской“. До сихъ поръ малороссы носятъ шаравары неповѣрной ширины и связываютъ ихъ у лодыжекъ при башмакахъ или у коленъ при сапогахъ.

„Гостямъ Руссы оназываютъ почеть и обращаются хорошо съ чужеземцами, которые ищутъ у нихъ покровительства, да и солданы, кто часто бываетъ у нихъ, не позво-

для никому из своих обижать или притѣснять такихъ людей. Въ случаѣ же, если кто изъ нихъ обидитъ или притѣснитъ чужеземца, помогаютъ послѣднему и защищаютъ его.“ Все это утверждаютъ византийскіе писатели 6 вѣка, стр. 410, и наша Русская Правда 11 и 12 вѣка.

„Когда у кого изъ Руси родится сынъ, то отецъ новорожденнаго кладетъ передъ дитятею обнаженный мечъ и говоритъ: „Не оставлю въ наслѣдство тебѣ никакого имущества. Будешь имѣть только то, что пріобрѣтешь себѣ этимъ мечемъ.“ Мечи у нихъ Соломоновы. По мусульманскимъ понятіямъ это значило, что мечи были отличные, кованые самими геніями для царя Соломона. Вообще должно понимать, что эти мечи были хорошаго склада и хорошей работы. Ибнъ-Фадланъ говоритъ, что они были франкской работы.

„Всѣ постоянно носятъ при себѣ мечи, потому что мало довѣряютъ они другъ другу, и коварство между ними дѣло обыкновенное: если кому удастся пріобрѣсть хотя малое имущество, то ужъ родной братъ или товарищъ тотчасъ же начинаютъ завидовать и домогаться, какъ бы убить его и ограбить. Когда кто изъ нихъ имѣетъ дѣло противъ другаго, то воветъ его на судъ къ царю, передъ которымъ и препираются; когда царь произнесетъ приговоръ, исполняется то, что онъ велитъ; если же обѣ стороны приговоромъ царя недовольны, то, по его приказанію, они рѣшаютъ дѣло оружіемъ: чей мечъ острѣе, тотъ и одерживаетъ верхъ. На борьбу эту приходятъ и становятся родственники обидныхъ тяжущихся сторонъ. Тогда соперники вступаютъ въ бой и побѣдитель можетъ требовать отъ побѣжденнаго, чего хочетъ.“

„Когда, который либо изъ родовъ проситъ о помощи, то выступаютъ въ поле всѣ и не раздѣляются на отдѣльные отряды, а борются со врагомъ сомкнутымъ строемъ, пока не побѣдятъ его.“

„Русь мужественны и храбры. Когда нападаютъ на другой народъ, то не отстаютъ, пока не уничтожатъ его всего. Женщинами побѣжденныхъ сами пользуются, а мужчинъ обращаютъ въ рабство. Ростомъ они высоки, красивы собою и смѣлы въ нападеніяхъ. Но снѣжости этой не коня не обнаруживаютъ: всѣ свои наѣзги и походы производятъ

они на корабляхъ." Арабы больше всего Руссовъ встрѣчали на водѣ, въ устьяхъ Волги, почему и сложилось ихъ понятіе, что это былъ народъ исключительно мореходный.

„Есть у нихъ врачи-волхвы, имѣющіе такое вліяніе на ихъ царя, какъ будто они начальники ему. Случается, что приказываютъ они приносить въ жертву ихъ творцу что ни вздумается имъ: женщинъ, мужчинъ и лошадей; а ужъ когда прикажетъ волхвъ, не исполнить его приказанія нельзя никакимъ образомъ. Взявъ человека или животное, волхвъ накидываетъ ему петлю на шею, повѣситъ жертву на бревно и ждетъ, пока она задохнется. Тогда говоритъ: Вотъ это—жертва Богу.“

„Когда умираетъ у нихъ кто либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большого дома, кладутъ его туда и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ въ ту же могилу какъ одежду его, такъ и браслеты золотые, которые онъ носилъ; далѣе, опускаютъ туда множество съѣстныхъ припасовъ, сосуды съ напитками и чеканеную монету. Наконецъ кладутъ въ могилу живую и любимую жену покойника. Затѣмъ отверстіе могилы закладывается и жена умираетъ въ заключеніи“. Здѣсь арабъ ничего не говоритъ о сожженіи покойника.

Древнѣйшій Русскій погребальный обрядъ лучше всего описываетъ очевидецъ Ибнъ-Фадланъ. Онъ говоритъ: „Я видѣлъ Руссовъ, когда они пришли съ своими товарами и расположились по рѣкѣ Волгѣ.“ Онъ не сказываетъ, въ какомъ это было мѣстѣ, въ Хозарскомъ городѣ Итилѣ, въ устьяхъ Волги, или же у Волжскихъ Болгаръ, въ ихъ городѣ Болгарѣ, который однако отстоялъ отъ Волги верстъ на десять. Вѣроятно же, что дѣло было у Хозаръ.

„Я видѣлъ Руссовъ, продолжаетъ путешественникъ, и я не видалъ людей болѣе совершенныхъ (великихъ) членами, какъ были они. Какъ будто они пальмовыя деревья. Они рыжи, не носятъ ни куртокъ, ни кафтаноу; но у нихъ мужчина надѣваетъ плащъ, которымъ онъ обвиваетъ одинъ боу, и одну руку выпускаетъ изъ подъ него. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ неразлучно мечъ, ножъ и сакуру; мечи ихъ широкіе, волнообразные, илинки франкской работы. Начиная отъ конца ногтя каждаго изъ нихъ до

его шеи видны зеленыя деревья, изображенія и другія вещи¹.

Женщины Руссовъ, каждая также носила на груди ножъ, который висѣлъ на кольцѣ у какой то коробочки, висѣвшей также на груди и сдѣланной изъ желѣза или мѣди, или изъ серебра и золота, смотря по достатку мужа. На шеѣ женщины носили цѣпи, ожерелья, золотыя и серебряныя. Арабъ рассказываетъ, что когда мужъ имѣлъ 10 тысячъ диргемовъ, то дѣлалъ женѣ одну цѣпь, когда имѣлъ 20 тысячъ, то дѣлалъ двѣ цѣпи и такимъ порядкомъ число цѣпей увеличивалось, смотря по добычамъ мужа, такъ что инныя жены носили много такихъ цѣпей. Однако лучшимъ украшеніемъ они почитали ожерелья изъ зеленыхъ бусъ и старались всѣми силами доставать такія бусы, покупая одну бусу за диргемъ.

Они, Руссы, приходятъ изъ своей страны и бросаютъ якорь на Волгѣ. На берегу у якорнаго мѣста строятъ большіе деревянные дома и живутъ въ нихъ человекъ по 10, по 20, или больше или меньше. У каждаго изъ нихъ есть скамья, лавка, на которой онъ спитъ вмѣстѣ съ привезенными для продажи красивыми дѣвушками. Это и была торговая лавка, сохранившая и до сихъ поръ свое первобытное имя для всякаго мелочнаго торговаго помѣщенія. Во время прибытія судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, неся хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и пьяный напитокъ, и идетъ къ своимъ кумирамъ. Это были деревянные болваны, одинъ въ срединѣ, высокій, съ изображеніемъ лица похожаго на человѣческое, другіе малые, стояли вокругъ главнаго. Позади изображеній боговъ поставлены были также высокіе столбы.

Руссъ подходитъ къ большому изображенію, простирается передъ нимъ, кладетъ принесенное и говоритъ: „О господине! Я пришелъ издалека, со мною дѣвушекъ — столько и столько-то головъ, соболей — столько и столько

¹ Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ украшеніяхъ или на лезвѣ меча или на его ножнахъ. Франкскіе мечи бывали и съ острымъ зубатымъ, волнообразнымъ. Но слово волнообразный можетъ обозначать и булатную наводку всего лезвья.

-ко-то шкуръ“, пока не поименовываетъ всего, что ни привезъ изъ своего товара. Затѣмъ продолжаетъ: „Этотъ подарокъ принесть я тебѣ, желаю, чтобъ ты послалъ мнѣ купца съ диварами (золотыми) и дергемами (серебряная монета), который купилъ бы у меня все, что желаю продать и не торговался бы, не прекословилъ бы ни въ чемъ“. Послѣ того Руссъ уходилъ. Если продажа бывала затруднительна и долго затягивалась, то Руссъ снова во второй и въ третій разъ приносилъ жертву большому кумиру, а потомъ обращался и къ малымъ, все прося о ходатайствѣ, не пропускавая ни одного изображения и кланяясь каждому униженно. Малые кумиры представляли женъ и дочерей главнаго бога. Часто продажа бывала легка, торгъ шелъ удачно, тогда за исполненіе своихъ желаній молещикъ не жалѣлъ и богатой жертвы. Онъ приводилъ къ кумирамъ нѣсколько головъ рогатаго скота и овецъ, жертвовалъ ихъ, т. е. убивалъ, часть мяса раздавалъ бѣднымъ, остальное покладалъ передъ кумирами, а головы развѣшивалъ на оградные задніе столбы. Наставала ночь, говоритъ Ибнъ-Фадланъ, являлись собаки и съѣдали все мясо, а жертвователю говорилъ: Владыка благоволитъ ко мнѣ, онъ принялъ (сожралъ) мою жертву.

„Мнѣ сказывали, пишетъ Ибнъ-Фадланъ, что Руссы съ своими начальными людьми дѣлаютъ при ихъ смерти такія вещи, изъ которыхъ малѣйшая есть сожженіе. Я очень желалъ присутствовать при этомъ и вотъ я узналъ, что одинъ знатный человекъ у нихъ умеръ. Они положили его въ могилу въ томъ плащѣ, въ которомъ онъ умеръ, поставили съ нимъ пьяный напитокъ, положили плоды и лютию или балалайку. Могилу накрыли крышкой, засыпали землей, и она такъ оставалась въ продолженіи десяти дней, пока кроили и шили покойнику одежду. Это дѣлается такъ: бѣдному человекъ дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, ладью, кладутъ его туда и сожигаютъ его. У богатаго же они собираютъ его имущество и раздѣляютъ его на три части: одну даютъ семьѣ, а на другую изготовляютъ платье, а на третью долю покупаютъ пьяный напитокъ, который пьютъ въ тотъ день, когда его дѣвушка убиваетъ себя и сожигается вмѣстѣ съ своимъ господиномъ. Они очень преданы вину, мѣютъ днемъ и ночью, такъ что иной отъ пьянства и умираетъ съ кружкой въ рукѣ“.

„Когда у нихъ умираетъ начальныи человекъ, то его семья говоритъ дѣвушкамъ и мальчикамъ (вообще подчиненнымъ или слугамъ, по древне-русскому названію отрокамъ): „Кто изъ васъ умретъ съ нимъ“? Ктонибудь скажетъ: „Я!“ Когда такъ сказалъ, то умерѣло конечно, это уже обязательно для пожелавшаго умереть; обратиться вспять уже нельзя; еслибы такой и захотѣлъ избавиться отъ смерти, то этого недонустать. По большей части соглашаются на смерть дѣвушки. Такъ точно произошло и въ настоящемъ случаѣ. Когда умеръ вышеупомянутый человекъ, то сказали его дѣвушкамъ: „Кто умретъ съ нимъ?“ И одна изъ нихъ отвѣтила: „Я!“ По этому назначили двухъ дѣвушекъ, которыя бы стерегли, охраняли ее, предостерегали бы ей и были бы всегда съ ней, куда ни поидеть. Иногда онъ даже иоютъ ей ноги своими руками. Затѣмъ взялись кроить одежду для покойника и готовить все нужное. Между тѣмъ дѣвушка плала каждый день и пѣла, веселась и радуясь“.

„Когда наступилъ день, назначенный для сожженія, я пошелъ къ рѣкѣ, гдѣ стояло судно (лодка) для умершаго. И вотъ оно было уже вытаснено на берегъ; сдѣлали для него четыре деревянныя подпоры, а вокругъ поставили деревянныя изображенія, подобныя великанамъ (кумиры). Лодку притѣшили и поставили на столбы-подпоры. Люди начали ходить взадъ и впередъ и говорили слова мнѣ непонятныя. А мертвецъ еще былъ въ своей могилѣ, она его еще не вывукли. Затѣмъ принесли скамью (ложе) и поставили ее въ лодку. Послѣ того пришла старая женщина, которую называютъ ангеломъ смерти. Она постлала скамью коврами, а по нимъ греческою золотною тканью и положила подушки изъ такой же ткани. Она управляетъ шитьемъ и его приготовленіемъ, она же принимаетъ (убиваетъ) дѣвушку. Я видѣлъ ее: она черная (темно-красная), толстая, блестящая, съ лютымъ видомъ“.

„Когда постель была изготовлена, Руссы пошли за покойникомъ къ его могилѣ, сняли землю и дышу, вывукли мертвеца, какъ онъ былъ, со всеми предметами, которые съ нимъ были положены. Я видѣлъ его почеркѣвшимъ отъ холода этой страны, а впрочемъ онъ ни въ чемъ не перемѣнился. Ему надѣли шаравары, носки или чулки, сапоги, куртку и кастанъ изъ золотной ткани съ золотными пу-

говяцами; надѣли ему на голову шапку изъ золотной ткани съ фоболью, опушкою; понесли его въ палатку, которая была устроена въ упомянутой лодкѣ, посадили на постель и подперли его подушками. За тѣмъ принесли пьяный напитокъ, плоды, благовонныя растенія и положили къ нему; принесли также хлѣбъ, мясо, лукъ и положили передъ нимъ; принесли собаку, раздѣлили ее на двѣ части и положили въ лодку. Принесли все оружіе покойника и положили о-бокъ ему. Послѣ того привели двухъ лошадей, гоняли ихъ, пока не испотѣли, затѣмъ разрубили ихъ мечами и мясо положили въ лодку. Привели двухъ быковъ (или двухъ коровъ), разрубили ихъ и положили въ лодку. Принесли пѣтуха и курицу, зарѣзали ихъ и положили туда же“.

„А дѣвушка, которая должна была умереть, ходила повсюду, заходила въ каждую палатку Руссовъ..... прощалась съ ихъ хозяевами“.

„Въ пятницу, между полуднемъ и закатомъ, Руссы повели дѣвушку къ чему-то сдѣланному на подобіе навѣса или выступа у дверей. Она стала на ладони мужчинъ и поднялась (или посмотрѣла) на этотъ навѣсъ, сказала что-то на своемъ языкѣ и была спущена. Она сказала: „вотъ вижу отца моего и мать мою!“ За тѣмъ ее подняли во второй разъ. Она сдѣлала тоже самое и сказала: „вотъ вижу всѣхъ родителей, умершихъ родственниковъ, сидятъ!“ Подняли ее въ третій разъ и она сказала: „вотъ вижу моего господина, сидитъ въ саду, въ раю, а рай прекрасенъ, зеленъ; съ нимъ сидитъ его дружина и отроки (слуги); онъ зоветъ меня! Ведите меня къ нему!“ Ее повели къ лодкѣ. Она сняла свои записки (браслеты) и подала ихъ ангелу смерти—старой женщинѣ. Она сняла обручи-кольца съ своихъ ногъ и отдала ихъ двумъ дѣвушкамъ, которыя ей прислуживали; онѣ прозываются дочерьми этой старухи, т. е. дочерьми ангела смерти. Потомъ ее подняли на лодку, но не ввели въ палатку, гдѣ лежалъ мертвецъ, Пришли мужчины со щитами и палками и подали ей кружку съ пьянымъ напиткомъ. Она взяла ее, пѣла надъ нею пѣсню и выпила ее. Это она прощалась съ своими подругами. Послѣ того ей подали другую кружку. Она взяла и заѣла длинную пѣсню... Старуха торопила ее выпивать кружку скорѣе и идти въ палатку, гдѣ ее господинъ. Я видѣлъ ее въ вершинно-

сти, замѣчаетъ Ибнъ-Фадляъ: она измѣнилась. Незвѣстно, желала ли она войти въ палатку. Она просунула туда голову. Старуха взяла ее за голову, ввела ее въ палатку и сама вошла съ ней. Мужчины начали стучать по щитамъ палицами, для того (вѣроятно), чтобъ не слышно было ея криковъ, чтобъ это не устрашало другихъ дѣвушекъ, готовыхъ также умирать съ своими господами“.

„Въ палатку вошли шесть человѣкъ... и простерли дѣвушку о-бокъ съ жертвенномъ — ея господиномъ; двое схватили ее за ноги и двое за руки, а старуха—ангелъ смерти обвила ей вокругъ шеи веревку, за концы которой взялись остальные двое мужчинъ. Старуха—вѣдма, ангелъ смерти, подошла съ большимъ ширококлиннымъ ножомъ и начала вонзять его между реберъ жертвы, а двое мужчинъ тянули за концы веревку и душили ее, пока не умерла. Послѣ того подъ лодку наложили дровъ, и ближайшій родственникъ покойника взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и, держа въ рукѣ, пошелъ къ лодкѣ задомъ. Онъ первый зажегъ костеръ: за нимъ стали подходить остальные люди съ лучинами и дровами; каждый бросалъ въ костеръ зажженную лучину и дрова. Вскорѣ огонь охватилъ дрова, затѣмъ лодку, потомъ палатку съ мертвыми и со всѣмъ въ ней находящимся. При этомъ подулъ сильный, грозный вѣтеръ, пламя усилилось и все больше распространяло свое могущество“.

„Подлѣ меня стоялъ человѣкъ изъ Руссовъ, говоритъ путешественникъ, и я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ съ толмачомъ. Я спросилъ толмача, о чемъ онъ велъ съ нимъ рѣчь? Онъ отвѣтилъ, что Руссъ сказалъ ему: „Вы арабы народъ глупый. Вы берете любимаго и почтеннѣйшаго для васъ человѣка и бросаете его въ землю, гдѣ его поѣдаютъ гады и черви. Мы въ одно мгновеніе сжигаемъ его въ огонь и онъ въ тотъ же часъ входитъ въ рай“. Затѣмъ этотъ человѣкъ засмѣялся чрезмѣрнымъ смѣхомъ и проговорилъ: „Владыка (богъ) любитъ покойника: послалъ сильный вѣтеръ и огонь унесъ его въ одночасье“. И дѣйствительно, замѣчаетъ арабъ, не прошло и часа какъ лодка, дрова и оба жертвенца превратились въ пепелъ. На этомъ огнищѣ Руссы устроили что-то подобное круглому холму, вставили въ средину большое дерево, написали на немъ имя умершаго человѣка и имя Русскаго царя, и удалились.

Какъ сходно это арабское свидѣтельство очевидно съ разсказомъ историка Прокопія о соженіи покойника и съ его женою у Геруловъ, обитавшихъ въ устьѣ Днѣпра и потомъ у Дуная см. выше стр. 308. Другой писатель, Масуди, о такихъ похоронахъ говоритъ коротко, что Руссы „сожигаютъ своихъ мертвецовъ съ ихъ вьючнымъ скотомъ, оружіемъ и украшеніями. Когда умираетъ мужчина, то сожигается съ нимъ жена его живую; если же умираетъ женщина, то мужъ не сожигается; а если умираетъ у нихъ холостой, то его женятъ по смерти. Женщины ихъ желаютъ своего соженія для того, чтобы войти съ мужьями въ рай“. Г. Котляревскій очень основательно объясняетъ, что описанные похороны у Ибнъ-Фадлана могли быть въ то же время и свадьбою покойника, который по видимому былъ холостой.

Когда у Руссовъ кто заболѣвалъ, они заботливо отдѣляли его отъ помѣщенія здоровыхъ, устраивали ему вдали особую палатку, оставляли ему нѣсколько хлѣба и воды и больше не приближались къ нему, особенно если онъ былъ бѣдный или рабъ. По другому разсказу, напротивъ, они посѣщали больного во все время. И то, и другое могло быть правдой, смотря по свойству болѣзни, да къ тому еще въ чужой сторонѣ, напр. у Хозаръ, на устьяхъ Волги. Ясно одно, что опытные въ своихъ походахъ Руссы берегли себя отъ заразы. Рабовъ они не сожигали и оставляли безъ погребенія, но по другимъ извѣстіямъ вообще у Славянъ сожигали всѣхъ.

Правовѣрному мусульманину, какимъ былъ Ибнъ-Фадланъ, очень показалось дикимъ, что Руссы вовсе не исполняли мусульманскихъ уставовъ относительно безпрестанныхъ омовеній и очищеній. Поэтому онъ называетъ Руссовъ наигрязнѣйшими тварями божіими: они, говоритъ, не очищаются и не омываются ни въ какомъ случаѣ, какъ будто блуждающіе дикіе ослы. А затѣмъ самъ же разсказываетъ, хотя и съ видомъ нѣкотораго омерзенія, что каждый день утромъ они умываются всѣ въ одной и той же лохани. Дѣвушка приходитъ съ большою лоханью, наполненною водою, и ставитъ ее передъ своимъ хозяиномъ, который моетъ въ ней лице, руки, волосы, моетъ и чешетъ ихъ гребнемъ въ лохань, туда же сморкается и плюетъ и оставляетъ въ лохани всякую нечистоту. Когда одинъ окончитъ умыванье, дѣвушка несетъ лохань къ другому, къ третьему и такъ далѣе, пока

не обойдетъ кругомъ всѣхъ, живущихъ въ домѣ, и каждый моется также, какъ и первый. Въ арабскомъ разсказѣ представляется такъ, что будто всѣ мылись одинъ послѣ другаго тоюже грязною водою; но по смыслу рѣчи можно съ вѣроятностію заключить, что мусульманину не нравилось собственнo умыванье всѣхъ изъ одной локани. Это самое онъ и почиталъ нечистою и грязною. Затѣмъ мусульманское воображеніе повсюду въ дѣйствіяхъ Руссовъ усматривало попятности къ сладострастію, что также не совсѣмъ правдоподобно, хотя въ иныхъ случаяхъ нарисованные арабами нравы Руссовъ въ отношеніи къ ихъ рабамъ и женамъ, въ обществѣ съ которыми они не знали срама и стыда, могли существовать, какъ явленія первобытной младенческой простоты отношеній, незнавшей никакой застычивости, и имѣвшей свои религіозныя понятія о грѣховности человѣческихъ поступковъ. Свидѣтельство нашего Нестора о безстыдныхъ нравахъ остальныхъ славянскихъ племенъ, кромѣ излюбленныхъ имъ Полянъ-Кіевлянъ, вполне подтверждаетъ разказы арабовъ.

Съ ворами и разбойниками Руссы поступали также по первобытнымъ законамъ: таковаго челоуѣка они вздергивали на дерево на крѣпкой веревкѣ, и такъ оставляли его, пока отъ вѣтровъ и дождей не распадется на куски.

Объ обычаяхъ русскаго князя Ибнъ-Фадланъ разсказываетъ не совсѣмъ понятныя вещи, и это бытъ можетъ объясняется склонностію арабовъ выражаться иносказательно и аллегорически.

У Русскаго князя во дворцѣ съ нимъ живутъ 400 челоуѣвъ храбрыхъ его сподвижниковъ. Это вѣрные ему люди, всегда готовые идти за него на смерть; иные умираютъ при его смерти, то есть подобно женщинамъ соглашаются слѣдовать за нимъ на костеръ сожженія. Каждый изъ нихъ имѣетъ при себѣ двухъ дѣвушекъ, одна его жена, другая прислуживаетъ ему, моетъ ему голову, приготовляетъ, что ѣсть и пить. Эти 400 челоуѣкъ сидятъ подъ престоломъ князя, (явное иносказаніе); престолъ же его великъ и украшенъ драгоценными камнями. На престолѣ съ нимъ сидятъ сорокъ дѣвушекъ—всѣ его жены... У него есть намѣстникъ, главный воевода, который водить войска и заступаетъ мѣсто князя у подданныхъ, то есть въ управленіи странною..

По объясненію Арабовъ Руссы и Славяне, жившіе въ Хозарской странѣ, находились въ зависимости отъ Хозарскаго Кагага, населяли его столицу Итилъ и составляли его войско и прислугу. Все это, относительно постояннаго пребыванія Руси въ устьяхъ Волги, должно было существовать не только при Хозарскомъ Каганѣ, но и съ незапамятныхъ временъ, по естественной этнологической причинѣ, что къ устью рѣкъ неизмѣнно всегда уносится и отважное населеніе отъ ихъ верховьевъ. Если уже по Птоломею наша равнина была значительно населена, то отважный избытокъ населенія и во времена Птолемея населялъ всѣ устья нашихъ рѣкъ, промышляя торгомъ, работою, мечемъ, хотя бы и въ чужихъ городахъ. При накопленіи однороднаго населенія чужой городъ легко попадалъ во власть господствовавшей въ немъ военной дружины. Такъ вѣроятно попало и устье Волги въ руки Хозаръ. Такъ, въ этомъ же мѣстѣ, еще въ первомъ вѣкѣ, могли господствовать и Аорсы-Роксоланы, переименованные въ послѣдствіи въ Унновъ, которыхъ въ 6 вѣкѣ разогнали придвинувшіяся сюда Турецкія племена.

Таковы свидѣтельства о Руси ученыхъ Арабовъ, по характеру своихъ рѣчей очень мудреныхъ писателей, у которыхъ вообще очень трудно добраться до настоящаго толка. Однако въ существенныхъ чертахъ они всѣ говорятъ одно и тоже. По ихъ разумѣнію наша равнина была населена Руссами, иначе Славянами, которые раздѣлялись на многія племена и собственно на три главныхъ: сѣверное—Славяне (Новгородцы), южное—Кіевляне-Руссы и восточное—Арса, Артса, по всему вѣроятію—Ростовское. Руссы-Славяне изъ дальнѣйшихъ странъ своей земли вывозили свои шкуры въ Византію, къ Хозарамъ, въ устье Волги и дальше на южные берега Каспійскаго моря и даже въ Багдадъ—Вавилонію. Такъ было уже въ половинѣ 9 вѣка и также торговали Аорсы въ первомъ вѣкѣ, слѣд. Руссы были наследники этой древнѣйшей торговли, подобно тому, какъ Ганзейцы на Балтійскомъ морѣ были наследниками тамошней Славянской торговли. Прерывалась ли эта торговля между первымъ и девятымъ вѣкомъ? На это прямыхъ свидѣтельствъ нѣтъ; но въ 7 вѣкѣ ея завладѣваютъ Хозары и владѣютъ ею и въ 9 вѣкѣ, а между тѣмъ подъ ихъ же

владычествомъ Руссы справляютъ свое дѣло и продолжаютъ торговать, какъ древніе Аорсы.

Въ началѣ 10 вѣка Руссы знали уже письмо. Арабъ Ибнъ-Фадланъ самъ видѣлъ, какъ они сдѣлали надпись надъ умершимъ знатымъ или богатымъ товарищемъ, написавъ на столбѣ его имя и имя Русскаго князя. Какое это было письмо, неизвѣстно.

Любопытнѣе всего, что тотъ же Ибнъ-Фадланъ, въ началѣ 10-го вѣка, слышалъ въ Булгарѣ преданіе о древнихъ Волотахъ. Онъ сначала услышалъ, что „есть въ Булгарѣ какой-то необыкновенный великанъ, и обратился съ запросомъ о немъ къ самому царю. Царь отвѣчалъ, что дѣйствительно былъ такой великанъ въ его странѣ, но померъ; да и былъ онъ не изъ его людей и не настоящій человекъ. Разъ, въ самый разливъ Волги, пришли къ нему купцы, и въ ужасѣ рассказывали, что по водѣ плыветъ человекъ отъ сосѣдняго народа, и что имъ послѣ этого нельзя оставаться на томъ берегу. Царь вышелъ съ ними, и дѣйствительно увидѣлъ человека локтей въ двѣнадцать; голова у него была съ большой котелъ, носъ падень въ длину, глаза и пальцы преогромные. Царь пришелъ въ такой же ужасъ, какъ и его людъ. Великана вытащили, отвели въ царскія палаты, и между тѣмъ послали освѣдомиться о немъ къ народу Вису (Веси). Тамъ отвѣчали, что это не ихъ человекъ, а изъ народа Гогъ и Магогъ, что за моремъ. Великанъ вскорѣ и померъ. „Я видѣлъ кости его, прибавляетъ Ибнъ-Фадланъ,—онъ необыятной величины“. Такъ объясняли Булгары находимыя ископаемыя кости мамонта, которыми они вели не малый торгъ съ тѣми же Арабами. По Булгарскимъ же преданіямъ другіе арабскіе писатели объясняли, что это были кости нѣкоего народа Аадъ (Волотъ?), который когда-то откочевалъ къ дальнему сѣверу изъ песковъ Аравіи. Писатель начала 11-го вѣка, Абу-Хамедъ Андалуси рассказываетъ даже, что онъ самъ видѣлъ одного Аадъ въ Булгарѣ: „онъ былъ необычнаго роста, локтей въ семь, и такъ силенъ, что ломалъ самыя крѣпкія лошадиныя подковы“¹.

Имя Аадъ Савельевъ объясняетъ Вотяцкимъ народнымъ именемъ Одъ или Утъ, но преданіе слишкомъ явно обрисо-

¹ Савельевъ: Мухаммеданская Нумизматика, LXXXI—LXXXII.

ываетъ нашихъ Волотовъ, о которыхъ подобныя разказы одили въ древности и ходятъ въ народѣ и до сихъ поръ, к. стр. 183. Заслуживаетъ особаго вниманія и указаніе олгарскаго царя, что онъ посылалъ справляться о Волотѣ въ народу Веси. Оно даетъ темный сазочный намекъ, откуда Волоты впервые явились на средней Волгѣ въ Булгаѣ. Они пришли съ верхней Волги изъ-за моря. Это праміе, относящееся къ началу 10-го вѣка, лучше всего подтверждаетъ наши предположенія о приходѣ въ нашу страну Вариговъ-Велетовъ въ незапамятное для исторіи время.

Арабы повѣствуютъ не мало и о Славянахъ вообще. Мы же говорили, что Славянское племя было имъ очень извѣстно. Это племя, по ихъ сказаніямъ, особенно отличалось юею русостью, краснымъ, рыжимъ или собственно рымъ цвѣтомъ лица и волосъ. Такого человѣка, какой бы родности онъ ни былъ, арабы вообще именовали Славяномъ, что значило русый, рыжий. Но очень трудно понять ябовъ, о какихъ именно Славянахъ они ведутъ свои рѣчи. То видится, что эти рѣчи относятся къ Русскому Славянству, то къ Дунайскому, Карпатскому и даже къ Балтскому. Вообще же Славяне — самый сѣверный народъ, растирающійся къ западу; земля ихъ очень обширная равнина, равнинная, изобильная рѣками, ручьями и лѣсами; въ лѣсахъ Славяне и живутъ. Рѣки ихъ изобилуютъ пушными звѣрями. Дорогіе мѣха получаютъ вообще изъ Славянскихъ странъ. Еще больше такихъ мѣховъ и превосходнѣйшіе находятся въ странѣ Русъ, а самые превосходнѣйшіе идутъ изъ страны Гога и Магога, то есть съ далекаго и неизвѣстнаго сѣвера, къ Русамъ же, которые живутъ въ сосѣдствѣ съ тою страной и торгуютъ съ ея народомъ. Вообще Арабы, какъ южные и восточные торговцы, очень хорошо знали (вѣроятно вмѣстѣ со всею торговою Европою), что мѣховая торговля идетъ отъ Славянскихъ купцовъ, что мѣха вывозятся изъ дальнѣйшаго конца Славянской земли; что Славянскіе купцы ходятъ торговать въ византію, въ Крымъ, въ Хозарію, и въ Закаспійскія земли, рече Черное и Азовское море Арабы именовутъ Славян-

скимъ моремъ, такъ какъ и большія рѣки Донъ и Волгу — Славянскими рѣками, всю Черноморскую страну — Славянскою страню, прибавляя иногда, что Волжская Болгарія есть страна славянская, что Хозары — тоже Славяне, или похожи на Славянъ. Все это показываетъ, что въ 9 и 10 вѣкахъ арабскіе южные и восточные торги производились при участіи Славянства, что мѣховые товары шли только изъ славянскихъ рукъ, о чемъ въ 6 вѣкѣ говорилъ Иорданъ, называя Славянъ, именно Новгородскихъ, Светанами, см. выше стр. 159.

Одинъ арабъ, Ибнъ-Дасть, говоря о Славянахъ, повидному разумѣетъ отчасти Задунайскихъ, отчасти Русскихъ Славянъ. Онъ пишетъ, что земля Славянъ отстоитъ отъ земли Печенѣговъ на 10 дней пути. На границѣ Славянской земли находится городъ Куябъ (Кіевъ?). Путь въ эту страну идетъ по степямъ, по мѣстамъ бездорожнымъ, чрезъ ручьи и дремучіе лѣса. Славяне живутъ въ лѣсистой рavinѣ. У нихъ нѣтъ ни виноградниковъ, ни пашень, а въ лѣсахъ есть ульи, которые выдѣлываются изъ дерева въ родѣ кувшиновъ. Въ этихъ кувшинахъ содержатся ульи пчелы и собирается медъ-напитокъ. Въ каждомъ кувшинѣ заключается 10 кружекъ меду. Они разводятъ и пасутъ свиней, какъ овецъ. Когда кто изъ нихъ умираетъ, то трупъ его сожигаютъ. Женщины по покойникѣ царапаютъ себѣ ножемъ руки и лица. При сожиганіи покойника предаются шумному веселью, выражая тѣмъ свою радость, что богъ принимаетъ къ себѣ умершаго. На другой день по сожженіи трупа собираютъ пепелъ и кладутъ его въ урну, которую и ставятъ на холмъ (вѣроятно курганъ, насыпаемый надъ пепелищемъ). Черезъ годъ семейства умершаго справляетъ поминки. Берутъ кувшиновъ двадцать или больше, или меньше, хмѣльнаго меду, приносятъ на тотъ холмъ, ѣдятъ, пьютъ и затѣмъ расходятся. Если у покойника было три жены и одна изъ нихъ утверждаетъ, что она особенно любила его, то она удавляется надъ могилою мужа, потомъ ее относятъ въ огонь и она сгораетъ. Это дѣлается такъ: предъ костромъ покойника ставятъ два столба съ перекладиною на верху; къ перекладинѣ привязываютъ веревку, а подъ нею ставятъ скамью; жена становится на скамью и обвязываетъ себѣ около шеи

конецъ веревки; тогда скамью отнимають и женщина остается повисшею, пока не задохнется и не умретъ. Пожеть, какъ сказано, ее сожигаютъ вмѣстѣ съ мужемъ.

Всѣ Славяне—идолопоклонники или огнепоклонники. Больше всего они сѣютъ просо. Во время жатвы берутъ они сѣвъ просянаго зерна и поднимая его къ небу, молятся: „Господи! Ты, который даешь намъ пищу, пошли ее намъ и теперь въ изобиліи.“ У нихъ есть разнаго рода лютии, русли, свирѣли. Свирѣли длиною въ два локтя, лютии оццструнные. Рабочаго скота у нихъ мало, а верховыя лошади находятся только у князя. Вооруженіе Славянъ состоитъ изъ дротиковъ, щитовъ и копій; другаго оружія у нихъ нѣтъ. Только у князя есть прекрасныя, прочныя и драгоценныя кольчуги. Это обстоятельство, что кольчуги и верховыя (но не рабочія) лошади имѣются только у князя, который, говорятъ арабы, и питался будто бы преимущественно кобыльимъ молокомъ, можно объяснить свидѣтельствомъ нашей лѣтописи, что напр. въ 11 вѣкѣ оружіе и кони дѣйствительно составляли собственность княжеской казны и раздавались войску только на случай похода.

Владыку Славянской земли арабъ называетъ великимъ княземъ, главою главъ. Меньшаго главу онъ называетъ наѣстникомъ, судьей или жуцаномъ, какъ читаютъ съ поправкою это имя по-арабски. Этотъ жупанъ живетъ въ срединѣ славянской земли. Очень вѣроятно, что жупанъ былъ собственно волостной голова, жившій въ срединѣ своей волости, поэтому онъ и обозначается единично въ смыслѣ власти, подчиненной великому князю, главъ главъ. Великій князь обязываетъ свой народъ ежегодно и собираетъ дань платьемъ, по одеждѣ отъ сына и отъ дочери, или отъ жены и служанки, быть можетъ дань холстомъ, полотномъ, разношвыными сорочками, ширинками (платками), полотенцами и т. п.

Въ землѣ Славянъ, говоритъ арабъ, бываетъ очень сильный холодъ, почему каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ землянку, въ родѣ погреба, и покрываетъ ее остроконечною кровлею, которую обкладываетъ землею. Въ такихъ погребахъ люди живутъ со всѣмъ семействомъ до весны. Въ нихъ они жгутъ дрова, раскаляютъ на огнѣ дѣ-красна камни и поливаютъ водою, отчего распространяется паръ, нагревающий жилище до того, что снимаютъ уже одежду.

Явно, что арабъ въ этомъ случаѣ описываетъ древнѣе устройство русской бани, объясняя, что это было собственно зимнее жилье. Намъ кажется, что зимнее жилье у Славянъ съ незапамятныхъ временъ было устроено лучше этой землянки, именно въ избахъ, истопкахъ, гдѣ тепло получалось отъ печи, но не отъ каменки, для нагрѣванія которой тоже прежде всего необходима печь или печура, а это во всякомъ случаѣ указываетъ, что происхождение печи вообще древнѣе, чѣмъ происхождение каменки. Несомнѣнно, что Ибнъ-Дастъ слышалъ о нашихъ сѣверныхъ баняхъ, о которыхъ по лѣтописному преданію рассказывалъ въ Римѣ еще св. апостолъ Андрей, обошедшій вокругъ Европейскій материкъ извѣстнымъ Варяжскимъ путемъ по востоку и по западу.

По всему видно, что арабы, получая свои свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстъ и о разныхъ Славянскихъ странахъ и племенахъ, приписывали весьма различныя бытовья обстоятельства одному имени Славянъ и перепутывали сѣверъ съ югомъ и востокъ съ западомъ.

О западномъ Славянствѣ и вообще объ отдѣльныхъ Славянскихъ племенахъ, больше подробностей сообщаетъ Масуди, писатель 950 года. Онъ описываетъ даже храмы языческихъ Славянскихъ боговъ, но такъ по арабски, то есть иносказательно, странно и неопредѣленно. что это описаніе можно относить и къ храмамъ индѣйскихъ буддистовъ, хотя достовѣрнѣе всего оно должно относиться къ храмамъ Балтійскихъ Славянъ, какъ ихъ описывали въ 11 и 12 столѣт. западные лѣтописцы. Масуди говоритъ, что въ древности надъ всѣми Славянскими племенами господствовало одно племя, называемое Валина на (Валмана, Валмая, Вальяна, Лабнана). У этого племени былъ верховный надъ всѣми царь Маджакъ, которому повиновались всѣ прочіе Славянскіе цари. Это племя—одно изъ коренныхъ Славянскихъ племенъ, оно почиталось и имѣло превосходство между всѣми племенами. Въ послѣдствіи пошли раздоры между племенами, союзъ былъ разрушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, пришли въ упадокъ и каждое племя избрало себѣ особаго царя. Слушая этотъ рассказъ, невольно припоминаешь исторію Унновъ съ отцомъ Аттилы—Мундіухомъ: Унны-Валинава, Мундіухъ-Маджакъ. Надо замѣ-

тять, что нѣкоторые ученые объясняютъ имя Валивана именами Винуловъ, Винитовъ, Вилиновъ—Славянъ съ Балтійскаго Поморья. Были ли Унны Балтійскіе Славяне или Кіевскіе, соединившіеся съ Балтійскими, во всякомъ случаѣ только одно это племя нѣкогда господствовало, владычествовало надъ всѣми остальными и потомъ со смертію своего руководителя Атилы раздѣлилось на составныя дробы. Свидѣтельство араба въ ряду множества другихъ свидѣтельствъ даетъ новыя подтвержденія очень старому мнѣнію о Славянствѣ Унновъ.

ГЛАВА V.

РУССКАЯ ЛѢТОПИСЬ И ЕЯ СКАЗАНІЯ

о древнихъ временахъ.

Происхождение и первые начатки Русскаго Лѣтописанья. Повѣсть Временныхъ Лѣтъ. Общественныя причины ея появленія. Основной характеръ Русскаго Лѣтописанья. Оно составляется людьми городскими, самимъ обществомъ. Печерскій монастырь, какъ святилище народнаго просвѣщенія. Послѣдующая исторія Русскаго Лѣтописанья.—Лѣтописныя преданія о разселеніи Славянъ. Круговая европейская дорога мимо Кіева. Основатели Кіева. Первоначальная жизнь родомъ. Различіе быта патріархальнаго и родоваго. Родъ—козѣно братьевъ. Составъ рода. Миѣъ Трояна. Городокъ, какъ первоначальное родовое-волостное гнѣздо. Происхождение города, какъ дружины. Первоначальный городской промыселъ. Богатырскія былины воспѣвають древнѣйшій городской бытъ. Стольно—Кіевскій князь Владиміръ есть эпическій образъ стольнаго города.

Подробныя изслѣдованія надъ составомъ нашихъ лѣтописей привели нашихъ уважаемыхъ ученыхъ ¹ къ тому очень основательному и вполне достовѣрному убѣжденію, что первое начало лѣтописныхъ русскихъ показаній относится, если не къ 9, то по крайней мѣрѣ къ 10 вѣку, и стало быть восходить къ началу самой Русской Исторіи. Первые лѣтопи-

¹ Г. Срезневскаго: Чтенія о Древнихъ Русскихъ Лѣтописяхъ. Обзоръ другихъ трудовъ см. у г. Сухолинова: «О Древней Русской Лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ», и у г. Бестужева-Рюмина: «О составѣ Русской Лѣтописи до конца XIV вѣка».

сныя свидѣтельства появляются у насъ въ одно время или вслѣдъ за первыми героями нашей исторической жизни.

Явственныя слѣды такихъ свидѣтельствъ сохраняются не только въ древнѣйшихъ, но и въ позднихъ спискахъ, почерпавшихъ свои извѣстiя изъ древнихъ хартiй, до насъ не дошедшихъ. Свидѣтельства эти очень кратки и отрывочны, иногда состоятъ изъ двухъ—трехъ словъ, или изъ двухъ — трехъ строкъ, и потому прямо указываютъ, что это были простыя годовыя замѣтки, которыя, какъ уже доказано, вносились для памяти, напр., въ пасхальныя таблицы, или же могли для памяти вписываться при святцахъ, въ синодникахъ или поминальникахъ, вообще въ книгахъ церковнаго круга. Стало быть, они впервые появились въ самой же церкви, въ общинѣ первыхъ на Руси христіанъ, первыхъ грамотниковъ и первыхъ людей, которые, по самому уставу своей жизни, необходимо сохраняя писанiемъ же память о событіяхъ и лицахъ христіанской церкви, тѣмъ самымъ научались хранить память и о событіяхъ своего времени и своей земли. Припомнимъ, что еще въ первые вѣка христіанской церкви существовалъ благочестивый обычай отмѣчать событія и дни кончины христіанскихъ мучениковъ для ежегоднаго празднованiя ихъ святой памяти. Это послужило основанiемъ христіанской святой лѣтописи, которая была потомъ собрана въ Мѣсяцесловъ или по обычному русскому выраженiю въ Святцы. Помянутый обычай сохранялся въ каждой церкви и въ каждой приходской общинѣ во всѣхъ странахъ, куда только достигало Христова ученiе. Онъ былъ естественнымъ и необходимымъ явленiемъ въ христіанской жизни, которая вся утверждалась вѣчною памятью о своихъ святыхъ людяхъ и ихъ дѣяніяхъ. Очень понятно, что такія памятные отмѣтки въ послѣдствiи не ограничивались одними свѣдѣніями о первомученикахъ, но касались и другихъ случаевъ и событiй, почему либо важныхъ для мѣстной церкви или мѣстной общины. Неизмѣннымъ оставался лишь самый обычай записывать все достойное христіанской памяти, какъ въ частномъ домашнемъ быту, такъ и въ общемъ, политическомъ. Естественно также, что вмѣстѣ съ Христовою вѣрою этотъ обычай, какъ неизмѣнное ея преданiе, былъ принесенъ и въ Русскую землю. И нѣтъ никакого сомнѣнiя, что

первыми лѣтописными свидѣтельствами о Русскихъ событіяхъ, восходящими къ самому началу нашей исторіи, мы обязаны первой христіанской общинѣ, водворившейся въ Кіевъ. Известно, что Русь Кіевская, хотя бы въ маломъ числѣ, была крещена вскорѣ послѣ перваго похода на Грековъ Аскольда и Дира около 864 г.

Если съ этого времени въ Кіевѣ было достаточно Христіанъ и существовали христіанскія церкви, то нѣтъ причины сомнѣваться, что тогда же въ церковныхъ книгахъ, гдѣ помѣщались пасхальныя таблицы, появились и памятные отмѣтки о случаяхъ и лицахъ, почему либо важныхъ для церковной общины, которая къ тому же несомнѣнно состояла изъ лучшихъ передовыхъ людей городского населенія, знавшихъ дѣла своей земли лучше другихъ.

Вотъ почему объ Аскольдѣ и Дирѣ мы имѣемъ больше свидѣній, чѣмъ о знаменитомъ Рюрикѣ и его братьяхъ. Вотъ почему напр. такое одинокое лѣтописное свидѣтельство, какъ убіеніе отъ Булгаръ еще въ 864 г. Аскольдова сына, старательно сохранено, быть можетъ, по той причинѣ, что это былъ христіанинъ и во всякомъ случаѣ потому, что онъ былъ сынъ христіанина Аскольда. Самый годъ нашествія на Кіевъ Олега мы получили безсомнѣнія по случаю убіенія Аскольда и Дира, отмѣченнаго вначалѣ кратко и потомъ уже распространеннаго эпическимъ преданіемъ. На могилѣ Аскольда была послѣ поставлена церковь св. Николы; церкви же христіанами ставились обыкновенно на гробахъ мучениковъ. По лѣтописи Іоанна Аскольдъ прямо именуется блаженнымъ.

Собранныя вмѣстѣ эти древнѣйшія лѣтописныя отмѣтки рассказываютъ слѣдующее:

- „Въ лѣто 6372. Убіенъ бысть отъ Болгаръ Осколдовъ сынъ. Того же лѣта оскорбихася Новгородци, глаголюще: „Яко быти намъ рабомъ, и много зла (пропускъ) всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его“. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадиана Храбраго, и иныхъ многихъ изъби Новгородцевъ свѣтниковъ его. Въ лѣто 6373 воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ и много зла сътвориша. Въ лѣто 6375 бысть въ Кіевѣ гладъ велий. Того же лѣта избиша множество Печенѣгъ Осколдъ и Диръ. Того же лѣта избѣжаша отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей“.

Не смотря на то, что эти отрывки находятся только въ переработанномъ Лѣтописномъ Сборникѣ 16-го вѣка, они заключаютъ въ себѣ столько достовѣрности, что нѣтъ и на-лѣйшихъ основаній отвергать ихъ глубокую древность. Они нисколько не противорѣчатъ другимъ извѣстіямъ; не замѣчается здѣсь никакого намѣренія выставить эти показанія въ связи съ предыдущимъ или съ послѣдующимъ для какой либо особой цѣли. Они напротивъ стоятъ одиноко и вполне сохраняютъ характеръ независимыхъ, отдѣльныхъ замѣтокъ, собранныхъ только хронологически, подъ года.

И такъ какъ они больше всего поминаютъ дѣла Аскольда и Дира, то и указываютъ, что происходятъ они изъ Кіева, что даже и свидѣтельства о Новгородскихъ дѣлахъ съ Рюрикомъ заимствованы не изъ Новгородскихъ отрывковъ, а записаны тоже въ Кіевѣ, по разсказу прибѣжавшихъ туда Новгородцевъ, которые къ тому же могли прибѣгать еще въ первое время ихъ скорби вслѣдъ за убійствомъ Вадима. Тоже можно сказать и о самомъ начальномъ показаніи, которое мы сюда не включаемъ: „Въсташа Словене рекше Новгородци и Меря и Кривичи на Варяги и изгнаша ихъ за море, и не даша имъ дани... Затѣмъ: Идоша за море къ Варягамъ... и придоша Рюрикъ... Эти свидѣтельства, достаточно распространенныя преданіемъ, вначалѣ могли заключаться тоже въ короткихъ словахъ. Въ самомъ распространеніи примѣчается эта краткость, ибо приставлены только эпическія разсужденія и разговоры, только приставлены слова, но не приставлены новыя дѣла, которыя остаются въ нетронутомъ видѣ.

Какъ бы ни было, но наиболѣе достовѣрныя свѣденія о самыхъ первыхъ годахъ нашей исторіи мы находимъ именно въ кіевскихъ отрывкахъ.

Записывать эти свѣдѣнія по горячимъ слѣдамъ событій никто другой не могъ какъ грамотники-христіане, жившіе въ Кіевѣ. Къ началу 10 вѣка ихъ тамъ находилось столько, что въ греческой росписи митрополій, зависѣвшихъ отъ Цареградскаго патріарха, числилась уже митрополія Русская, и потому очень естественно встрѣтить вслѣдъ затѣмъ домашнее лѣтописное показаніе, что при Игорѣ, въ первой половинѣ 10 вѣка, существовала въ Кіевѣ даже соборная церковь св. Ильи, въ которой кіевскіе христіане-Варяги

приносили тогда присягу въ утверженіе договора съ Греками. И вотъ по каковой причинѣ о 10-мъ вѣкѣ мы находимъ еще больше короткихъ лѣтописныхъ отиѣтовъ, указывающихъ несомнѣнно, что они дѣлались современниками событий.

Въ рукахъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ однѣ изъ этихъ отиѣтовъ распространены преданіемъ эпическимъ, другія, начиная отъ Владиміра, матеріаломъ книжнымъ. Но ихъ основы и тамъ и здѣсь обнаруживаются очень явственно.

Кромѣ пасхальныхъ таблицъ и святцевъ, много способствовавшихъ появленію этихъ короткихъ памятныхъ отиѣтовъ, у первыхъ русскихъ христіанъ, въ книгахъ той же соборной церкви, по всему вѣроятію, находились и краткіе лѣтописцы, обозначавшіе перечнемъ послѣдовательное время владѣющихъ лицъ, жившихъ не только въ христіанствѣ, но и до Христа, начиная отъ Адама, въ родѣ напр. Лѣтописца вскорѣ, то есть скорого или краткаго, который приписывается цареградскому патріарху Нивифору. Для церковнаго домашняго употребленія такіе лѣтописцы были также необходимы, какъ и таблицы Пасхалии. Они должны были разрѣшать хронологическіе вопросы, кто когда жилъ, и когда что происходило въ христіанскомъ мірѣ. Съ этою цѣлью они помѣщались даже въ Номоканонахъ, или въ книгахъ церковныхъ Правилъ, обнимавшихъ порядокъ христіанской жизни. Въ концѣ 13 вѣка русской переписчикъ Нивифорова Лѣтописца дополнилъ его послѣдовательно и Русскими именами и событіями, а это показываетъ, что подобные лѣтописцы и въ болѣе древнее время служили также поводомъ и весьма удобнымъ началомъ къ послѣдовательному дополненію ихъ такими же скорыми или краткими извѣстіями о современныхъ или недавнихъ русскихъ событіяхъ. Тотъ же лѣтописецъ по Никоновскому списку оканчивается указаніемъ: „а въ Руси поча княжити Игорьъ, а Олегъ умре“ и тѣмъ свидѣтельствуетъ, что онъ списанъ съ древнѣйшаго, чѣмъ тотъ, который внесенъ въ Нестерову Повѣсть временныхъ лѣтъ. Это вполне подтверждается и приведенными отиѣтками объ Аскольдѣ, Вадимѣ и пр., которыя могутъ свидѣтельствовать, что у собирателя Никоновской Лѣтописи находились въ рукахъ древнѣйшіе подлинники подобныхъ краткихъ лѣтописцевъ.

Не говоримъ о томъ, что нныя показанія отиѣчались для памяти на порожнихъ листахъ въ концѣ или въ началѣ какой либо книги и даже на переплетныхъ доскахъ, какъ это повсюду въ каждой почти и древней и новой рукописи встречаемъ и теперь.

Таковы могли быть первые начатки нашего лѣтописнаго дѣла. Они состояли изъ краткихъ, памятныхъ замѣтокъ, какія даже и теперь дѣлаются домашнимъ порядкомъ въ календаряхъ. Они стало быть имѣли все свойства именно такихъ календарныхъ замѣтокъ.

Но появлялись они въ первое время исключительно въ церковномъ кругу, записывались въ церковныхъ книгахъ церковными людьми, ибо въ первое время только въ церкви находились и грамотники и книги, только въ церкви потребно было знать время той или другой христіанской памяти о св. событіяхъ и св. людяхъ, и потому посреди безграмотнаго язычества только въ церкви могла родиться мысль сохранять память и о значительномъ событіи текущаго дня. Замѣтимъ главное: Христіанское богослуженіе совершаетъ свои правдоуванія, посты и весь церковный обиходъ по годовому кругу, опредѣляемому днемъ Пасхи, слѣдов. счисленіе времени и по годамъ и по днямъ мѣсяца (святцы) составляетъ для церкви необходимую и существенную статью въ устройствѣ ея порядковъ*. Отсюда важное значеніе въ церковномъ кругу годовыхъ и мѣсячныхъ чиселъ. Ими устраивался и опредѣлялся церковный бытъ и его отношенія къ быту мірскому, а потому каждое значительное и незначительное мірское событіе, какъ скоро оно заслуживало памяти, необходимо вносилось въ тотъ же годовой кругъ, необходимо опредѣлялось извѣстнымъ годомъ и даже числомъ мѣсяца. Другаго способа для обозначенія событій церковными людьми не могло и существовать. Годовое число для церковника было первымъ дѣломъ при обозначеніи лѣтописнаго показанія. Отъ этого и собраніе та-

* Припомнимъ, какъ въ 15 вѣкѣ Тверичъ Аванасій Никитинъ, захвативши далеко въ Индію, сѣтовалъ, что позабылъ онъ вѣру христіанскую и праздниковъ некоторыхъ не помнить, потому что были пограблены у него книги, взятые съ собою изъ Руси. Промежду поганыхъ, говоритъ онъ, молился я только Богу Вседержителю, Творцу неба и земли, и иного никоего не призывалъ.

кихъ показаній именовалось описью лѣтъ, Лѣтописью, въ которой первое главнѣйшее мѣсто занимало именно лѣто, годовое число, почему оно ставилось даже и въ такомъ случаѣ, когда самой описи не оказывалось, но ставилось для соблюденія порядка въ главномъ, т. е. въ теченіи другъ за другомъ годовыхъ чиселъ, и съ намѣреніемъ когда либо пополнить записями пустые года.

Но что же побуждало первыхъ грамотниковъ-Кіевлянъ записывать на память дѣла своей земли? Ихъ побуждали самыя эти дѣла, сама жизнь, которая въ 9 и 10 вѣкахъ дѣйствительно ознаменовала себя славными и чрезвычайными дѣлами и потому народная мысль не могла оставаться безъ отзова къ своей же славі.

Если первичныя наши лѣтописныя показанія 9 и 10 вѣка явились только памятными календарными отмѣтками въ церковныхъ книгахъ, записывались въ самыхъ церквахъ, вставлялись въ пасхальныя таблицы, въ святцы, или на пустыхъ листахъ и на пустыхъ мѣстахъ церковной книги, и т. п., то этимъ самымъ уже достаточно опредѣляется и характеръ этихъ отмѣтокъ. Мѣсто, гдѣ впервые записывалось людское событіе, была страница святой книги—ясно, что марать такую страницу народными сказаніями, преданіями, народными пѣснями и тому подобными сказаніями не представлялось возможнымъ благочестивому уму первыхъ церковниковъ и первыхъ грамотниковъ. На такую страницу надо было заносить такую же святую правду, какою была исписана вся книга. Вотъ почему лѣтописныя отмѣтки не могли иначе явиться, какъ въ образъ полной правды и полной достовѣрности. Къ тому же они, какъ мы говоримъ, были дѣломъ первыхъ русскихъ христіанъ въ Кіевѣ, сближавшихся между собою посреди язычества въ тѣсный церковный кругъ, который тѣмъ особенно и отличался отъ язычества, что онъ исповѣдывалъ, по человѣческимъ силамъ, святую и высокую правду и въ мысляхъ и поступкахъ. Одной правдѣ учили всѣ книги, хотя бы и немногія, какими обладала тогдашняя церковь, а потому и на самую книгу, какъ и на всякое книжное писаніе тогдашніе христіане смотрѣли какъ на святую и касались книги и книжнаго писанія не иначе какъ съ мыслью о св. правдѣ. Припомнимъ, что въ древнее время самое слово книга означало только святое пи-

саніе. Такимъ образомъ, войдя въ этотъ кругъ представленій и понятій, мы легко поймемъ, что по убѣжденію нашихъ первыхъ христіанъ, никакой лжи или выдумки вписывать въ книгу было невозможно.

Эти первоуродныя мысли о значеніи книги и нижняго письма къ нашему счастью остались надолго въ Русской землѣ и управляли лѣтописнымъ дѣломъ до послѣднихъ его дней.

Само собою разумѣется, что правда и достовѣрность лѣтописныхъ показаній вполне должна была зависѣть отъ источниковъ. Когда источники были самостоятельны, какъ напр. рассказъ самовидца или участника въ событіи, то и правда памятной отмѣтки является несомнѣнною.

Таковы всѣ короткія своерусскія свидѣтельства 9 и 10 вѣка. Неточная правда стала обнаруживаться уже послѣ, при разработкѣ этихъ первыхъ свидѣтельствъ, и главнымъ образомъ, отъ участія въ лѣтописномъ дѣлѣ литературныхъ приѣмовъ и свидѣтельствъ, приходившихъ изъ пятыхъ-десятихъ рукъ, слѣд. достаточно затемненныхъ неправдою. Но и въ такихъ случаяхъ неправда могла явиться только по невѣдѣнію, но отнюдь не по намѣренію, ибо мысль о правдѣ жила неразлучно съ мыслью о книжномъ писаніи и обѣ онѣ составляли одну святиню для тогдашняго ума.

Изъ источника правды исходили и другія очень важныя качества нашихъ первыхъ и послѣдующихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Они не различаютъ людей по чинамъ, не зрятъ на лица, и говорятъ одинаково правду о князѣ и простолудиянѣ. Ихъ рѣчь пряма, честна, вполне независима, исполнена эпического спокойствія, необыкновеннаго добродушія и полной христіанской любви.

Изъ всего сказаннаго можно уразумѣть, что первые начатки нашей лѣтописи вполне были самостоятельны, своеобразны, ни откуда не заимствованы, образовались и развились изъ собственныхъ потребностей и нуждъ и воспроизведены собственными средствами. Если они во многомъ сходствуютъ съ такими же лѣтописными начатками западныхъ народностей, каковы напр. тамошніе средневѣковые годовники (анналы, лѣтовники), то это показываетъ только, что и для тѣхъ и для другихъ былъ одинъ источникъ, то есть общехристіанскій церковный обычай укрѣплять вѣч-

ною памятью не только церковныя событія, но и важнѣйшія событія міра-людскаго, какъ и важнѣйшія явленія природы, или міра Божьяго, каковы появленіе кометъ, затмѣніе солнца и луны, и т. д.

Итакъ первымъ початкомъ нашего Лѣтописанья была простая хронологическая календарная отмѣтка, которая вносила на память вѣроятнѣ всего въ пасхальную таблицу, въ Святцы, или же въ другую какую книгу, на ряду съ показаніями общаго порядка церковныхъ годовъ, еще безъ всякой мысли о томъ, что это особая лѣтопись, особая опись Русскихъ лѣтъ. Особое и уже прямо лѣтописное собраніе такихъ отмѣтокъ должно было явиться гораздо позднѣе. Если даже допустимъ существованіе краткаго церковнаго лѣтописца, въ родѣ лѣтописца патріарха Никифора, который послѣдовательно добавлялся и русскими событіями, то въ немъ эти событія должны были ограничиваться только числомъ лѣтъ того или другаго княженія, потому что и самый этотъ лѣтописецъ обозначалъ только послѣдовательность другъ за другомъ владѣющихъ лицъ. Другихъ извѣстій онъ почти не касался или вставлялъ ихъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Русскіе продолжатели тоже строго придерживались его задачи и не распространяли свои показанія дальше слѣдованія другъ за другомъ владѣющихъ именъ. Къ тому же продолженіе этого лѣтописца не было работою самостоятельною и не могло ничего другаго выразить, какъ лишь то, что находилось въ подлинникѣ.

Для того, чтобы собрать разсыяныя замѣтки въ одно цѣлое, и лѣтописное дѣло, единичное и личное, случайное, освѣтить общемою мыслию единой памяти о единой Русской землѣ, для этого было необходимо изъ разсыянныхъ частей этой земли собраться въ одно цѣлое и тому народу, который писалъ эти замѣтки, ибо исторія народа, какъ выраженіе народнаго сознанія, даже въ видѣ хронологическихъ отмѣтокъ, всегда идетъ слѣдомъ за развитіемъ самого народа и восходитъ къ совершенству по тѣмъ же ступенямъ, по какимъ дѣлаетъ свои поступательные возрастные шаги самъ народъ.

На этомъ основаніи мы полагаемъ, что до временъ Ярослава или покрайней мѣрѣ до временъ Владиміра едва ли возможна была мысль о собраніи историческаго матеріала

въ одно правильное дѣло, въ одну лѣтопись. Такая лѣтопись, хотя бы краткій перечень годовъ народной жизни, все-таки есть дѣло мысли, сознающей то дѣло, которое она стремится изобразить въ послѣдовательности своихъ годовъ. Слѣдя вообще за постепеннымъ ходомъ даже ученой обработки исторіи, мы примѣчаемъ, что мысль о цѣльныхъ созданіяхъ, о написаніи полной исторіи, обнаруживаетъ свои попытки лишь въ такія времена, когда сама народная жизнь складывается во что либо тоже цѣльное, законченное, относительно по крайней мѣрѣ къ своему прошедшему, вообще когда она переходитъ на новую ступень развитія. Исторія въ ученое и литературное смѣсь, какъ и сама жизнь, вырабатывается съ большимъ трудомъ. Обработка исторіи такъ связана съ жизненными отправлениями народа, что она только то и даетъ, что выработала жизнь, то есть только на то и отвѣчаетъ, о чемъ запрашиваетъ сама жизнь.

Отъ конца 9 и до конца 10 вѣка Русь находилась еще въ томъ кругѣ развитія, о которомъ писаніе повѣствовало, что Богъ создалъ Адама изъ земли и вдохнулъ въ него душу безсмертную. Въ это время Русь дѣйствительно еще складывалась изъ земли, складывала свое физическое существо, собирала землю, какъ необходимое тѣло для воспріятія жизни духовной. При Владимірѣ Богъ вдохнулъ въ нее душу безсмертную; въ этомъ земномъ тѣлѣ водворены были великія истины Христовой Вѣры, а съ нею и духовныя начала человѣческаго самосознанія и самопознанія.

Поэтому и невѣроятно, чтобы въ вѣкъ только одного физическаго роста могла проявиться духовная сознательная мысль, помнящая свое прошлое въ единствѣ лѣтописнаго цѣльнаго разказа. Она помнила его отрывочно, частями, какъ отрывочно частями существовала и складывалась и самая жизнь Русской Земли. Послѣ Владиміра и крещеныхъ имъ отцовъ, необходимо было возрасти въ христіанствѣ цѣлому поколѣнію дѣтей, дабы сознательныя силы жизни могли начать свое просвѣтительное дѣло вполне самостоятельно. Такъ понимали ходъ своего развитія и умные современники той эпохи, именно дѣти и внуки первыхъ отцовъ — христіанъ. Они сохранили намъ исторію всего хода тогдашнихъ дѣлъ,

въ прекрасномъ разсказѣ, нарисованномъ ихъ земледѣльческимъ воображеніемъ.

Поминая Ярослава Великаго похвалою за распространіе книжнаго божественнаго ученія и описывая, какъ они теперь наслаждаются этимъ ученіемъ, для ясности, они дѣлаютъ уподобленіе, обращаясь къ своему родному сельскому дѣлу и говорятъ: Вотъ еслибъ кто землю разоралъ — вспахалъ, а другой насыялъ бы, а иные пожинаютъ и ѣдятъ пищу безскудную; такъ и князь Ярославъ: отецъ его Владимиръ вспахалъ и умягчилъ сердца вѣрныхъ людей, просвѣтивъ ихъ крещеніемъ, а этотъ насыялъ тѣ сердца книжными словесами, теперь мы пожинаемъ созрѣвшій колосъ, книжное ученіе, и питаемся.

По тѣмъ самымъ степенямъ развитія проходила и обработка нашей первородной исторіи — лѣтописи. Наша лѣтопись, можно сказать, выросла на собственной нивѣ, изъ собственнаго зерна, воздѣлана собственными руками самаго народа. Вначалѣ это было невоздѣланное поле, гдѣ цвѣты и злаки лѣтописныхъ показаній выросли сами собою и были разбросаны по разнымъ мѣстамъ, какъ опредѣлялъ случай. Они хранились въ книгахъ первыхъ христіанъ, быть можетъ еще прятанныхъ въ Кіевскихъ пещерахъ. Пришелъ пахарь и всенародно вспахалъ землю для посева книжнаго ученія или того сѣмени, которое всего больше говорило о людскихъ дѣлахъ и мысляхъ, указывая для нихъ высокое совершенство въ христіанской жизни. Въ книжномъ ученіи, дѣла и мысли людей становились основною задачею самой жизни: естественно, что они сдѣлались предметомъ особаго вниманія для всего новорожденнаго общества христіанъ; естественно, что ими возбуждено было любопытство вообще къ историческимъ сказаніямъ. Дѣянія церковныя, житія святыхъ и тому подобныя писанія необходимо воспитывали любовь къ исторической или лѣтописной памяти о временахъ минувшихъ и теперь слѣдующихъ. Очевидно, что когда выросло посѣянное книжное сѣмя, то выросла и русская мысль связать въ одно цѣлое разсѣяныя части, собрать въ одинъ разсказъ разрозненныя хронологическія отбѣтки о русскихъ дѣлахъ и мысляхъ и изъ простой описи лѣтъ воспроизвести повѣсть временныхъ

лѣтъ. Это была первая попытка написать исторію народа, какъ мы понимаемъ это дѣло въ теперешнее время.

Мысль о такой попыткѣ, мысль о литературной повѣсти временныхъ лѣтъ не могла родиться раньше времени Ярослава еще и по той причинѣ, что только къ концу этого времени Русь сложилась въ одно цѣлое, какъ земля, какъ физическое тѣло, способное жить вполне независимо и самостоятельно. Хорошее и крѣпкое физическое сложеніе было необходимо и для здороваго умственнаго посява книжныхъ словесъ. И только въ то время, когда эти два начала жизни вполне устроились, стало возможнымъ и дѣйствіе сознательныхъ народныхъ силъ. Только тогда въ народѣ могла пробудиться мысль о самомъ себѣ, какъ о цѣльной живой единицѣ, чувствительной и внимательной къ собственному существованію, но всѣмъ порядкамъ и явленіямъ собственной жизни. И вотъ, какъ только мудрый святой, Ярославъ, сошелъ съ своего поля, въ обществѣ сами собою поднимаются размышленія и вопросы о Русской Землѣ. Откуда пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ началъ первый княжить, откуда Русская земля стала? вопрошали тогдашніе пытливые умы, конечно, болѣе всего въ той средѣ, которая сама много работала и для земскаго и для умственнаго устройства новой народности. Эти достопамятные размышленія и вопросы прямо указывали, что новорожденное русское общество въ дѣйствительности пожинаетъ плоды мудрыхъ пахарей и святелей, что не напрасно оно прочитало книги Писанія о человѣческихъ дѣлахъ и мысляхъ, что и его собственная мысль теперь бодрствуетъ и работаетъ, пытается, изслѣдуетъ, хочетъ знать, откуда что пошло и какъ началось; что, стало быть, умственный подъемъ общества совершается правильно и отличается здоровою силою. Съ другой стороны, это же самое обнаруживало, что русское развитіе стояло тогда на собственныхъ ногахъ, иначе скавать, было самобытно и независимо не только политически, какъ цѣлая единая земля, но и умственно, какъ молодая, полная свѣжихъ силъ образованность, пытающаяся источники знанія не по чужой указкѣ, а по собственному разумію.

„Съ 1000 года усилившаяся (слова строгаго и суроваго судьи — Шлегера), стремящаяся къ просвѣщенію болѣе веа-

мысль, которая в своем развитии, развиваясь, не имеет
 границ, потому и мысль эта была первоначально неопредѣленна,
 Русь въ этотъ моментъ была еще неопредѣленна, была
 неопредѣлена въ томъ отношеніи къ обществу, ибо
 Русь не была еще народомъ, а только и только находилась въ
 самомъ началѣ своего бытія въ своемъ земномъ и про-
 стомъ бытіи.

А, такъ, Русь въ этотъ моментъ была неопредѣленна, сна-
 чало не была, какъ была земля, и Русь не существова-
 ла въ этотъ моментъ въ томъ отношеніи была неопредѣленна
 мысль въ этотъ моментъ, потому какъ находилась: откуда
 она была, что было началомъ этого рус-
 ского бытія, откуда и какъ началась эта сильная и сла-
 вная Русь? Начавшая въ обществѣ, какъ и въ отдельномъ
 человѣкѣ, мысль никогда не остается безъ выраженія; она
 необходима выразить себя тотъ или другой образъ волюн-
 таризма, переходить изъ слова въ дѣло. И какова бываетъ
 мысль, такою бываетъ и дѣло. Въ этомъ случаѣ мыслен-
 ный вопросъ общества касался предмета научнаго и ли-
 тературнаго и потому отвѣтъ на возбужденныя разсужде-
 нія и размышленія о началѣ Русской Земли явилась по-
 вѣсть временныхъ лѣтъ, уже не простая опись лѣтъ, отъ
 которой, какъ отъ своей родоначальницы она вела свое
 происхожденіе, но именно повѣсть, рассказъ, первое ли-
 тературное, слѣдъ болѣе или менѣе художественное, т. е.
 искусственное произведеніе, которымъ съ такою жизненною
 послѣдовательностію начинала свою работу новорожденная
 пытливая русская мысль.

Въ человеческомъ мірѣ всякому дѣлу предшествуетъ мысль
 этого дѣла, его идея, такъ точно какъ изъ всякаго же дѣ-
 ла въ свой чередъ нараждается новая мысль, новая идея,
 приводящая тоже неизмѣнно къ своему дѣлу. Въ этомъ
 состоитъ неоспоримый безграничный круговоротъ человѣче-
 ской жизни. Въ разумномъ человеческомъ порядкѣ безъ
 мысли не бываетъ никакого хотя бы и малаго дѣла. А по-
 вѣсть лѣтописей въ добавокъ такое великое дѣло, которое
 никакъ не можетъ быть создано безъ участія въ немъ да-
 же всего общества. Повѣсть-лѣтопись, какъ собраніе вре-
 менныхъ лѣтъ въ одно дѣло, какъ первичный, первоначаль-
 ный видъ самой исторіи, есть дѣло по преимуществу общ-

ственное, весьма сложное, требующее умственной работы цѣлаго поколѣнія. Личность и умѣнье автора здѣсь всегда бываютъ только орудіемъ, и болѣе или менѣе достойнымъ выразителемъ этого дѣла, какъ и самого общества. Это не историческое сочиненіе искусившагося въ школьныхъ литературныхъ преданіяхъ и пріемахъ риторика-сочинителя, подражавшаго художественнымъ образцамъ древности, какихъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ византійскихъ историковъ. Это не личное литературное пожеланіе описать бытія своей страны. Это напротивъ общее дѣло всѣхъ бывалыхъ людей, общее желаніе всѣхъ дѣятелей своего времени. По крайней мѣрѣ такъ можно судить о Русской лѣтописи, основываясь на способѣ ея составленія, а главное, на всемъ ходѣ ея распространенія и продолженія въ теченіи цѣлыхъ шести сотъ лѣтъ. Она изъ рукъ перваго писателя вышла простымъ сборникомъ временныхъ лѣтъ, который по самому свойству такой работы, особенно въ первое время, когда такъ называемыя ученые пособія едва существовали, не могъ быть исполненъ однолично, одною мыслью и однимъ трудомъ самого писателя. Сбирать временныя лѣта онъ долженъ былъ отовсюду, отъ ветхихъ книгъ и отъ живыхъ людей, при участіи множества лицъ, которыя необходимо вмѣстѣ съ лѣтописнымъ матеріаломъ приносили и свою память о древнихъ временахъ и людяхъ, и такимъ образомъ устроивали согласно съ своими сказаніями самую мысль писателя. Какъ сборникъ, наша лѣтопись меньше всего выражаетъ какое либо авторское искусство. Работа надъ нею такъ младенчески-проста, что доступна всякому смысловому грамотнику, ибо сборникъ позволяетъ безъ нарушенія его цѣльности, дополнять новымъ свѣдѣніемъ каждую его статью и потому очень естественно, что первая же копія съ первой написанной лѣтописи уже чѣмъ либо отличалась отъ своего подлинника.

Доказано, что нашу первую лѣтопись написалъ инокъ черноризецъ кіевскаго Печерскаго Феодосіева монастыря, преподобный Несторъ. Знаменитый Шлецеръ съ немалымъ изумленіемъ вопрошаетъ: „Какъ пришло Нестору на мысль написать временникъ своей земли и на своемъ языкѣ (ибо на западѣ тогда все писали по латыни), какимъ образомъ этотъ Русскъ выдумалъ быть историкомъ своего народа?“

Въ самомъ дѣлѣ, это вопросъ очень важный и любопытный, особенно при томъ взглядѣ на исторію вообще и на русскую древнюю исторію въ особенности, какой существовалъ у Шлецера и у его современниковъ.

Въ странѣ дикой, гдѣ вчера еще жили чуть не людоеды, какъ могло случиться, что нѣкій черноморецъ пишетъ повѣсть - лѣтопись со всѣми достоинствами труда самостоятельного, самороднаго и вовсе не скалываетъ своей работы съ какого либо извѣстнаго образца!

Старая наука старалась объяснить это чудное произшествіе въ Русской Землѣ раскрытіемъ его внѣшней связи съ византійскою образованностію и съ византійскими лѣтописными образцами, въ слѣдствіе чего выходило, что Несторъ усвоилъ себѣ ту образованность, и принимая на себя историческій трудъ, необходимо долженъ былъ подражать ея образцамъ. Разсматривая это дѣло только съ внѣшней его стороны, иначе нельзя и разсуждать. Но самъ же Шлецеръ отиѣтилъ, что напр. слогъ Несторова повѣствованія не похожъ на византійскій, а похожъ на библейскій; что стало быть византійское риторство со всѣми своими приѣмами Нестору вовсе не было знакомо, или онъ вовсе не умѣлъ ему подражать. Послѣдующія изслѣдованія доказали, что византійцами Несторъ пользовался очень самостоятельно и единственно только какъ подходящимъ матеріаломъ, и вся постройка его лѣтописи обнаруживаетъ трудъ вполне самостоятельный и независимый ни отъ какихъ образцовъ, съ которыми онъ имѣетъ сходство лишь по однородности задачи и работы.

Историческая наука теперь значительно распространила кругозоръ своей изыскательности и не довольствуется уже раскрытіемъ въ историческихъ явленіяхъ только ихъ внѣшнихъ механическихъ соединеній. Она теперь взираетъ на нихъ, какъ на особый міръ жизни, и потому старается по возможности обнаружить, на чемъ, на какихъ началахъ и корняхъ они укрѣпляются въ самой жизни. Такое литературное произведеніе, какъ Несторова Лѣтопись, для теперешней науки, кромѣ всѣхъ другихъ ея достоинствъ, уже по одному тому, что она существуетъ, представляется дѣломъ весьма замѣчательнымъ, которое не могло возродиться по намѣренію или по фантазіи одного лица, какъ нарождаются

обыкновенныя произведенія литературы. Наука знаетъ теперь, что даже и эти обыкновенныя произведенія въ сущности есть дѣти тѣхъ или иныхъ умственныхъ и нравственныхъ направленій, господствующихъ за известное время въ обществѣ. Какъ же можетъ случиться, что бы первая лѣтопись народа народилась только по замыслу нѣкоего благочестиваго начитаннаго черноризца, и къ тому же въ подражаніе чужимъ образцамъ, что и въ дѣйствительности принадлежало бы лишь одиночной мысли автора.

Въ слѣдствіе такихъ размышленій, вопросъ „какъ пришло Нестору на мысль написать свой временникъ?“ самъ собою превращается въ другой вопросъ: Самъ ли Несторъ въ тишинѣ своего келейнаго затвора, читая византійскіе хронографы, задумалъ, въ подражаніе имъ, написать такой же русскій хронографъ, или эта дума давно уже ходила въ русскомъ обществѣ и ожидала только способнаго исполнителя? Вообще: былъ ли лѣтописный трудъ порожденъ единичною и притомъ монашески-уединенною литературною мыслью, или же онъ послужилъ только отвѣтомъ на требованія мысли общественной и стало быть зарожденъ былъ въ сознаніи самого общества, которое въ Несторѣ нашло только достойнаго своего представителя и выразителя?

Намъ кажется, что этотъ вопросъ весьма удовлетворительно рѣшаетъ самъ Несторъ, начиная лѣтопись словами: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуда есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача (и кто въ ней почалъ) первѣе княжити, и откуда Русская Земля стала есть.“ Эта красная строка, служащая заглавіемъ Лѣтописи, служитъ въ то же время обозначеніемъ и той лѣтописной задачи, какая первѣе всего была положена въ основу всего труда.

Смыслъ этой задачи въ полной мѣрѣ обнаруживаетъ ея, такъ сказать, гражданское, иначе мирское, или общественное происхожденіе. Откуда Русь пошла, какъ стала (устроилась), кто первый началъ княжить—это вопросы не очень близкіе и не столько любопытные для монастырскаго созерцанія и для монашескаго благочестиваго размышленія. Они могли возникнуть прежде всего въ княжескомъ дворѣ, посреди дружинниковъ, или посреди того общества, для ко-

причинѣ, потому что тамъ жили люди больше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло, люди илчѣнѣ другимъ не занятые, которымъ ничто не препятствовало вести непрерывную бесѣду о временахъ и лѣтахъ, о первыхъ людяхъ и о всякихъ человѣческихъ подвигахъ. Самъ св. игуменъ Феодосій заповѣдалъ своему монастырю, во избѣжаніе лѣнности и многого сна, бодрю быть на церковное пѣнье, почитанье книгъ и на преданья отеческія, подъ которыми дѣйствительно должно разумѣть бесѣды о дѣлахъ временъ. Послушать такіа бесѣды въ монастырь приходили и лучшіе люди изъ города, начиная отъ князей и бояръ, первыхъ друзей монастыря и бесомнѣніа первыхъ же руководителей и лѣтописнаго дѣла.

Намъ кажется, что иначе и случиться не могло. Необходимо только припомнить, какимъ сильнымъ умственнымъ движеніемъ ознаменовало себя Русское общество именно въ этотъ періодъ времени и какое важное мѣсто занималъ въ этомъ движеніи именно Печерскій монастырь. Прочное и твердое основаніе этому умственному разцвѣту положилъ еще Ярославъ Великій, начавшій дѣло съ простаго и самаго вѣрнаго начала, отъ котораго начиналъ просвѣтительное дѣло и Великій Петръ, именно съ перевода книгъ—собравши писцевъ многихъ и перелагая отъ Грекъ на славянское письмо. Отыскивая повсюду и списывая многія книги, онъ самъ читалъ ихъ прилежно и по днямъ и по ночамъ. Любовь къ книгамъ самого Вел. князя необходимо возростила свои плоды: она распространилась не только между его дѣтьми и внуками, но и въ обществѣ, особенно между людьми, которые могли свободнѣе другихъ распоряжаться своимъ досугомъ. Поколѣніе дѣтей точно также само наполняетъ свои кѣлти книгами (Святославъ), и сидя дома, выучивается пяти языкамъ (Всеволодъ). Поколѣніе внуковъ само уже сочиняетъ книги: Владиміръ Мономахъ, ровесникъ Нестору, въ поученіи дѣтямъ описываетъ собственную жизнь. Книга становится уже необходимою для каждаго мыслящаго ума. А такъ какъ книга влечетъ къ уединенію, удаляетъ вообще отъ житейскаго шума и призываетъ къ жизни мыслительной и созерцательной, то вслѣдъ за книгою скоро сама собою возникаетъ въ обществѣ потребность въ монастырь, въ такомъ особомъ тихомъ мѣстѣ, гдѣ возможно читать

книги и размышлять о прочитанномъ безъ всякой помѣхи. Книжный человекъ еще при Ярославѣ, въ послѣдствіи первый митрополитъ изъ Русскихъ, Иларіонъ, ходитъ съ близлежащаго села Берестоваго на Дѣвирь, на холмъ, въ глухой лѣсъ, въ уединеніе, для созерцательной молитвы; затѣмъ копаеъ тамъ себѣ небольшую пещерку и по временамъ пребываетъ въ ней, удаляясь отъ мірскаго шума. Изъ этой то пещерки и образовался послѣ Печерскій монастырь, когда странникъ Святой Горы Антоній изыскалъ ее для собственнаго уединенія. Вѣра Христіанская стала плодиться и разширяться и черноризцы почали множиться и стали учреждаться монастыри. Христіанство по преимуществу распространилось книгою, писаньемъ. Около книги и писанья сосредоточивались и черноризцы. Въ монастырскій трудъ внесено было съ свойствомъ особаго послушанья или благочестивой работы по обѣту списыванье и переплетанье книгъ. И теперь еще славится писанье и переплеты Кирилловскаго, Волоколамскаго и другихъ монастырей, дѣло которыхъ узнается по первому взгляду, такъ оно совершенно тщательно, искусно, съ такою любовью.

Такимъ образомъ и монастырь является на Руси столько же подражаніемъ жизни византійской, сколько и настоятельною потребностью распространившагося книжнаго ученья, образованія и просвѣщенія умовъ. Оттого этотъ первый монастырь, родоначальникъ умственной, духовной созерцательной жизни, очень отличается отъ своихъ позднѣйшихъ потошковъ. Порожденный больше всего книгою, онъ высоко цѣнитъ эту умственную святыню и относится къ ней съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и вообще къ церковной святыня. Онъ мыслить, что грѣшно даже ступить ногами на исписанный лоскутокъ хартіи, если онъ случайно попадетъ подъ ноги. Болѣе высокой любви и благоговѣнія къ книгѣ, какъ къ умственному сокровищу, невозможно выразить. Вотъ почему первый Русскій монастырь для тогдашняго общества былъ въ своемъ родѣ первымъ университетомъ и университетомъ въ лучшемъ смыслѣ своего значенія, то есть живымъ свѣтломъ знанія и науки не для однихъ ученыхъ, а для всехъ неученыхъ и необразованныхъ, т. е. для всего общества—живою душою просвѣщенія общественнаго. Такимъ именно значеніемъ пользовался

въ 11-мъ вѣкѣ монастырь Печерскій. Съ городомъ Кіевомъ онъ жилъ одною душою, служа средоточіемъ для всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и споровъ. Это была высокая и святая среда, хранившая въ своихъ стѣнахъ поученье, котораго съ такою жаждою искало тогдашнее общество, и которое для того вѣна значило тоже, что для насъ значить теперь широкій кругъ нашего умственнаго развитія, выражаемый словами: наука, литература, искусство, политика и т. д. Вотъ почему, великіе и малые князья, великіе и малые бояре, постоянно бывали гостями этого монастыря и друзьями его иноковъ, и почитали добрымъ благочестивымъ обычаемъ видѣть и на своихъ ихрахъ первыми и почетнѣйшими гостями игумена и братію.

Извѣстно, что и въ позднее время князья, бояре, все общество, очень любили черноризцевъ. И нельзя было ихъ не любить, ибо это были первые книжные, т. е. образованные люди на Руси. Въ ихъ обществѣ всегда можно было научиться чему либо доброму и полезному для души, особенно, когда эта душа была еще исполнена темнаго первоуроднаго невѣжества, а бесѣда иноковъ свѣтила первоуроднымъ на Руси свѣтомъ новой мысли и новой жизни, свѣтомъ непобѣдимой правды во всякихъ людскихъ дѣлахъ, свѣтомъ любви ко всякому человеку. И монастырь Печерскій, какъ своихъ братьевъ, любилъ Кіевскихъ горожанъ. Во имя любви и правды онъ вступался во всякія ихъ дѣла, домашнія и общественныя. Его св. игуменъ Феодосій, поставилъ себѣ обычаемъ почасту навѣщать своихъ городскихъ друзей и заходилъ къ нимъ во всякое время, подавая всѣмъ утѣшеніе, поученіе и благословеніе. Великій князь и великій бояринъ въ этомъ отношеніи равнялись съ простолюдиномъ, ибо передъ правдой и любовью не было у монастыря никому никакого лицепріятія. Бѣдный человекъ и первый ачатый богачъ, престои горожанинъ и Великій князь одинаково пользовались сердечнымъ дружелюбіемъ св. игумена, тѣмъ больше, что отъ бѣднаго онъ и самъ ничѣмъ не отличался, положивъ себѣ обѣтомъ ходить всегда въ одеждѣ нищаго странника. О мірскихъ людяхъ, какъ бы они спаслись, онъ столько же заботился, какъ и о своихъ инокахъ. Однажды заходитъ онъ къ тысяцкому Яну Вышатичу, котораго очень любилъ, какъ и его жену, за то, что жила по господ-

ней заповѣди и въ любви между собою. Преподобный сталъ учить ихъ о милостыни къ убогимъ, о царствіи небесномъ, какъ праведники его примуть, а грѣшники пойдуть въ вѣчную муку, о смертномъ часѣ и пр. Когда онъ подробно объяснялъ имъ церковный обрядъ, совершаемый надъ усопшимъ, жена тысяцкаго въ раздумьи спросила: „кто вѣсть, гдѣ это меня положить?“ Пророчествуя о ея желаніи, преподобный отвѣтилъ: „по истинѣ, гдѣ лягу я, тамъ и ты положена будешь“. И такъ сбылось ровно чрезъ 18 лѣтъ. Когда въ 1091 г. мощи святаго торжественно были перенесены въ новую Печерскую церковь Богородицы и положены въ притворъ на правой сторонѣ, черезъ два дня тамъ же на лѣвой сторонѣ погребена была и скончавшаяся супруга Яна Вышатича. Столько любви показалъ преподобный къ этой доброй семьѣ. Имя Яна Вышатича мы должны очень памятовать, ибо по свидѣтельству самого Нестора, онъ много ему пересказалъ о давнихъ временахъ нашей исторіи, что все и было записано въ лѣтопись. Онъ скончался въ 1106 г. въ глубокой старости, 90 лѣтъ, еще ходивши въ томъ же году вѣсть съ братомъ Путятою воевать на Половцевъ. Это былъ добрый старецъ, по жизни не худшій первыхъ праведниковъ.

Таковы были отношенія преподобнаго игумена и монастырской братіи къ обществу старшей Кіевской дружины. Столько же просты и дружественны были отношенія Печерскаго игумена и къ великимъ князьямъ, дѣтямъ Ярослава.

Всѣ князья часто каживали въ монастырь за всякими дѣлами, а больше всего бесѣдовать о спасеніи души. Изяславъ, старшій сынъ Ярослава, часто обѣдывалъ за братскою трапезою и говаривалъ, что „ветъ не могутъ мои княжескіе повара изготовлять такихъ вкусныхъ ядей, какъ въ монастырь,“ хотя эти ясты были очень бѣдны и просты. Печерскій игуменьъ объяснилъ ему, почему такъ бываетъ. Въ монастырь все дѣлается съ молитвою, „а у тебя люди твои, приоблвилъ онъ, по большей части все дѣлаютъ съ есорою и враждою.“ Пришелъ какъ-то Изяславъ въ монастырь, а привратникъ его не пускаетъ, говоритъ: не велѣно, хотя бы и самъ князь былъ. Изяславъ увѣряетъ, что онъ и есть самый князь. Но привратникъ безъ доклада игумену все-таки его не пустилъ. Монастырь въ то время, утолченный

службою, почивалъ послѣ обѣда, готовясь къ новымъ вечернимъ службамъ.

Извѣстно, что къ другому брату Изяслава, Святославу, препод. Θεодосій заходилъ во всякое время, бывалъ у него и на веселыхъ пирахъ и однажды своимъ поученьемъ остановилъ такое пиршество въ самой серединѣ, такъ что и послѣ пиры въ его присутствіи больше уже не начинались.

Въ такой дружбѣ жилъ Печерскій монастырь съ дѣтьми Ярослава. Естественно, что дѣти дѣтей — внуки сохранили еще большее уваженіе къ этой святой средѣ, гдѣ они еще мальчиками привыкали чтить все то, что нравственно и умственно вышло надъ уровнемъ тогдашней жизни.

Святополкъ Изяславичъ, въ княженіе котораго (1093 — 1113 г.) Несторъ писалъ свою лѣтопись, исполняетъ уже неизмѣнно, вѣроятно еще отцовскій обычай: куда бы ни шелъ, на войну ли, или въ другой какой путь, онъ шелъ прежде въ Печерскій монастырь, поклониться у гроба Θεодосіа и взять молитву у тамошняго игумена. Точно также онъ приходилъ туда и на возвратномъ пути дѣлать съ братією свои радости, или свои печали.

Въ 1107 г. онъ воротился въ Кіевъ съ великою побѣдою надъ Половцами. Побѣда случилась у Лубна 12 августа, а въ заутреню на Успеневъ день на 15 авг. Святополкъ уже стоялъ у Θεодосіева гроба, молился, рассказывалъ о счастливой побѣдѣ. „И цѣловали его братія и онъ цаловалъ братію съ радостію великою.“ Всѣ радовались, приписывая побѣду заступленію Богородицы и молитвамъ св. Θεодосіа.

Если было такъ, если Печерскій монастырь былъ любимымъ другомъ, отцомъ, братомъ, роднымъ и святымъ мѣстомъ для всего Русскаго общества, дѣйствовавшего въ то время въ Кіевѣ, а изъ Кіева на всю Русскую Землю, приходившаго въ монастырь поразмыслить обо всякомъ скольконибудь значительномъ общемъ или домашнемъ дѣлѣ, порадоваться тамъ, или попечалиться тамъ же, вмѣстѣ, за одно съ любезною братією,—если съ благословенія и по обычаю Θεодосіа такъ было и такъ потомъ продолжалось изъ поколѣнія въ поколѣніе, то весьма понятнымъ становится, что Печерскій монастырь зналъ и людей и дѣла своей земли несравненно больше, полнѣе и достовѣрнѣе, чѣмъ кто либо

могъ это знать; становится весьма понятнымъ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не могла зародиться и мысль о нашей первой лѣтописи. Здѣсь сосредоточивалось все лучшее передовое общество Земли, весь ея умъ и весь опытъ и бывалость ея жизни. Нерѣдко въ кельяхъ монастырскихъ предъ лицомъ братіи разрѣшались междунижескія важныя дѣла, развязывались спутанные и запутанные узлы ихъ отношеній.

Исторія стало быть живьемъ проходила по самымъ монастырскимъ кельямъ, приносила въ монастырь не только свѣжій рассказъ о событіи, но и окончательную мысль о всякомъ дѣлѣ и о всякомъ лицѣ, совершавшемъ то или другое дѣло. Какъ естественно было здѣсь же ей и народиться въ образѣ первичной литературной обработки прежнихъ хронологическихъ книжныхъ замѣтокъ и теперешнихъ устныхъ рассказовъ. Когда въ обществѣ стали ходить толки о первыхъ временахъ Русской Земли, поднялись вопросы, откуда она ведетъ свое начало, какъ стала она такою сильною и славною землею, то рассказать объ этомъ грамотно никто конечно лучше не могъ, какъ тѣсный кругъ печерскихъ же грамотныхъ людей, около которыхъ съ такою любовью собиралось все пытлиное, умное и размышляющее изъ кievскихъ первыхъ горожанъ, каковы были сами князья и особенно ихъ дружинники.

Трудъ лѣтописанья принялъ на себя преподоб. Несторъ. Какъ это случилось, мы не знаемъ, но безъ желанья и побужденья кого либо изъ князей, кого либо изъ дружинниковъ, безъ живаго содѣйствія и участія всего общества тогдашнихъ знающихъ и умныхъ людей, Несторъ этого начать не могъ, а главное однимъ своимъ лицомъ онъ не могъ написать именно такую лѣтопись. Тѣ особы ея качества и достоинства, которымъ столько удивлялся самъ Шлецеръ, и которымъ еще долго будутъ дивиться всѣ изучающіе этотъ дорогой нашъ памятникъ, ея достоинства и качества едвали могутъ принадлежать труду и дарованію одного автора. Въ нихъ слишкомъ много выражено общаго, всенароднаго, принадлежащаго какъ бы цѣлому вѣку, цѣлому племени людей, и очень мало выражено частнаго, личнаго, собственно авторскаго.

Написанная по разуму, по идеямъ и въ отвѣтъ на потребности всего древнерусскаго грамотнаго общества, наша первая повѣсть временныхъ лѣтъ по этой же причинѣ тотчасъ сдѣлалась общимъ достояніемъ всей русской страны. во всѣхъ ея углахъ, гдѣ только сосредоточивалась грамотность. Трудъ черноризца Нестора легъ въ основаніе для всѣхъ другихъ лѣтописныхъ сборниковъ, которые по всему вѣроятію сами собою нараждались во всѣхъ древнихъ городахъ русской земли, и воспользовались Повѣстью, какъ готовою связью для прежнихъ записей и для дальнѣйшаго труда. Почему подобная Повѣсть не была написана въ другомъ какомъ либо городѣ, почему не видно нигдѣ и слѣдовъ подобнаго самостоятельнаго труда, на это прямо можетъ отвѣтить сама исторія древнерусской грамотности или образованности, первое гнѣздо которой находилось только въ Кіевѣ, въ его Печерскомъ монастырѣ и въ его городскомъ обществѣ, по своему разнородному составу и по своимъ связямъ со всѣми окрестными странами, особенно съ Византіею, обществомъ самымъ грамотнымъ и самымъ образованнымъ для всей Русской Земли. Только въ Кіевѣ могли народиться идеи всенароднаго единства Русской Земли, а стало быть и идеи о томъ, какъ произошло и создано это единство, откуда пошла эта единая Русская Земля. Породивши свое племя и оставивши въ немъ, такъ сказать, свою кровь, трудъ Нестора исчезъ въ этомъ племени, какъ исчезаетъ кровь родоначальника въ его потомкахъ. Теперь, если и возможно указать, гдѣ начиналась его первая рѣчь, то уже совсѣмъ невозможно открыть, гдѣ, какимъ послѣднимъ словомъ эта рѣчь была окончена. Лѣтописное дѣло послѣ Нестора стало общимъ дѣломъ всей земли. Съ этою мыслью, что оно общее земское дѣло, принимался за свой трудъ каждый писатель русской лѣтописи, всегда ее пополнялъ недостающими статьями и подробностями и всегда отдавалъ свое списанье на судъ и вниманіе всего общества, съ обычными заключительными словами: „Господа отцы и братья, если гдѣ либо я описался, или переписалъ, или не дописалъ, читайте, неправяйте ради Бога, и не кляните, ибо книги ветхи, а умъ молодъ не дошелъ“. Повѣсть временныхъ лѣтъ распространилась, какъ мы сказали, по всѣмъ важнѣйшимъ городамъ по той при-

чинѣ, что она и создана была желаньемъ и идеями города и вполне отвѣчала потребностямъ городского грамотнаго быта. Каждый городъ почиталъ необходимою имѣть свой сборникъ Лѣтописи, въ основу котораго полагалъ Временникъ Нестора и дополнялъ его своими вставками, своими повѣстями, касавшимися роднаго города и родной стороны. Отсюда появилось множество лѣтописныхъ списковъ, и ни одного полнаго, въ смыслѣ полнаго свода всѣхъ извѣстій. Каждый списокъ въ одномъ мѣстѣ былъ полнѣе другаго, въ другомъ—короче. Все это зависѣло отъ количества матеріаловъ, какими пользовался каждый писатель своего сборника. Но кто собственно въ городѣ писалъ лѣтопись и гдѣ происходило ея пополненіе современными событіями, во дворѣ ли князя, во дворѣ ли епископа, во дворѣ ли тысяцкаго, или въ схожей вѣчевой избѣ горожанъ, то есть имѣло ли ея списаніе какой либо официальной видъ, объ этомъ трудно что либо сказать. Есть свидѣтельства, что князья приказывали вписывать то или другое событіе для памяти потомству; такъ въ 1289 г. Галицій князь Мстиславъ вписалъ въ лѣтописецъ крамолу Берестьянъ; есть въ самой лѣтописи признаки, что иныя событія рассказываются какъ будто самимъ княземъ. Есть прямое указаніе 1409 г., что первые князья безъ гнѣва повелѣвали писать въ лѣтопись все доброе и недоброе, какъ что случилось, чего безъ содѣйствія и обсужденія дружины князя дѣлать не могли. Общій приговоръ дружины необходимо утверждалъ вѣрность, безпристрастіе и сущую правду лѣтописной записи. Еще больше есть показаній, что иныя событія описывали сами дружинники, каковы напр. многія междоусобныя войны, походы, битвы, ссоры князей и пр., какъ это почти на каждой страницѣ замѣтно въ лѣтописи Киевской, Волынской, не меньше въ Суздальской и другихъ. Точно съ такими же подробностями Новгородская лѣтопись описываетъ свои городскія смуты, что явно показываетъ, что она велась самими вѣчевыми людьми. Вообще предметы, которыми исключительно занимается лѣтопись больше всего свѣтскіе, мірскіе, собственно городскіе, каковы даже новгородскія извѣстія о постройкѣ городскихъ церквей, или монастырей и т. п. Все это показываетъ, что лѣтопись велась всегда въ интересахъ своего города и всей Русской Зем-

ли и вообще не столько духовными лицами, сколько свѣтскими, мірскими людьми, при непосредственномъ ихъ участіи въ самомъ составленіи памятныхъ статей. Извѣстно, что и царь Иванъ Васильевичъ составлялъ лѣтописецъ, прибирая къ старымъ новыя лѣта за свое время. Быть можетъ такъ описывали свои лѣта и древніе князья.

Но это нисколько не отнимало рукъ у другихъ князей, какъ и у городскихъ общинъ, и у всѣхъ другихъ писателей лѣтописи прибирать къ ея годамъ свои годы и описывать свои событія, или и тѣ же общія событія для всей земли, но своими мыслями и своими рѣчами. Лучшимъ подтвержденіемъ, что лѣтописныя записи составлялись, не церковниками или монахами, а свѣтскими людьми, служить лѣтописный языкъ, господствующій отъ начала и до конца во всѣхъ спискахъ, языкъ простой, дѣловой, больше всего дьячій, и меньше всего церковничій, который всегда очень замѣтенъ только во вставныхъ отдѣльныхъ сказаніяхъ о лицахъ и событіяхъ, бывшихъ почему либо особенно памятными для монастырскаго церковнаго чина. Все это заставляетъ предполагать, что составленіе Лѣтописи было оффициально въ томъ смыслѣ, что статьи писались и вносились во Временникъ съ общаго приговора и обсужденія княжеской дружины или независимой городской дружины, какъ вѣроятно было напр. въ Новгородѣ и Псковѣ. Вообще можно полагать, что лѣтопись составляли первые люди города, его грамотная, дѣйствующая и бывшая среда. Какъ мы сказали, она была общимъ достояніемъ и общественнымъ дѣломъ для всей Русской Земли. Поэтому можно сказать, что и каждый переписчикъ становился въ свою очередь лѣтописцемъ, всегда самобытно измѣнялъ и дополнялъ рѣчи согласно съ разумніемъ или по свѣдѣніямъ своей страны и своего города. Во всемъ нашемъ лѣтописаньи это проходитъ довольно рѣзкою чертою, которую не могъ не замѣтить и Шлецеръ. Напрасно отыскивая и восстанавливая подлинный текстъ Несторова Временника въ чистомъ его видѣ, онъ очень оскорблялся самостоятельностью русскаго списыванья лѣтописей. „Сія писцы временниковъ (пишетъ знаменитый критикъ), разумья ихъ только какъ переписчиковъ, во многомъ походятъ на всѣхъ дурныхъ переписчиковъ всѣхъ временъ и земель: часто

отъ нерадѣнья дѣлають она описки... Но вѣсть съ этимъ есть у нихъ что-то особенное, чему совершенно подобнаго не нахожу я во всей прочей исторической словесности. Другіе переписчики, даже изъ глупѣйшаго вѣка, переписываютъ съ нѣкоторымъ родомъ набожности, и по меньшей мѣрѣ, не пишутъ умышленно своего, а только то, что видятъ въ своемъ подлинникѣ. Русскій же переписчикъ напротивъ того не уважаетъ ни чѣмъ и не смотритъ на буквы; отъ сего нѣтъ у него тѣни единообразнаго правописанія; онъ склоняетъ и спрягаетъ то по Словенски, то по Новорусски, перемѣняетъ падежи и времена, даже ставитъ другія слова: и все это безъ всякой причины, а потому только, что такъ ему угодно. Но несравненно хуже, и отъ чего истина и достоинство древней Русской Исторіи невѣроятно до сихъ поръ страдали — во время переписки чловѣкъ этотъ думаетъ, разсуждаетъ и дѣлаетъ толкованія, но думаетъ въ слухъ, не выставляя дурацкихъ своихъ выдумокъ на поля, вѣсто объясненій, а внося ихъ прямо въ текстъ... И эти объясненія, эти пустыя, часто глупыя приставки принимаютъ за чистую Руссо - историческую истину, безславя ими почтеннаго Нестора, который объ нихъ никогда и не думалъ... Съ какою тщательностію и трудомъ ни употреблялъ я критику, чтобы вытащить изъ кучи писцовъ Несторова настоящее вступленіе въ Русскую исторію и повѣствованія его о Рюрикѣ, какъ и объ Олегѣ и пр., но все еще не рѣшилъ этимъ важной задачи возстановить чистаго Нестора, и не могъ рѣшить ее.¹

Повторяемъ, что это былъ напрасный трудъ. Чистаго Нестора можно сказать никогда не существовало. Онъ созданъ воображеніемъ критика, вѣровавшаго въ такую чистоту по классическимъ образцамъ римской и греческой исторіи. Мы уже говорили, что первая же копія съ чистаго Нестора должна была внести въ него свои прибавки, вставки, свои разсужденія, толкованія, объясненія, такъ какъ и самый Несторъ, переписывая вновь свою Повѣсть, необходимо долженъ былъ самъ же внести въ нее новыя прибавки, вставки, объясненія и пр., ибо вся эта повѣсть не была сочиненіемъ, а была сборникомъ свѣдѣній, мѣстныхъ,

¹ Шлецера Несторъ II, 226—231.

разсужденій, преданій, которыя ходили въ тогдашнемъ обществѣ и которыя въ Повѣсти связывались только хронологическою послѣдовательностію ихъ изложенія.

Все это раскрываетъ до очевидности ту простую истину, что Русское Лѣтописанье, какъ началось, такъ и воздѣлывалось въ теченіи вѣковъ разумомъ и памятью самого грамотнаго Русскаго общества, подобно тому, какъ воспѣвалась и воздѣлывалась въ теченіи вѣковъ Русская пѣсня — былина, такая же Русская лѣтопись неграмотнаго люда. Ни тамъ, ни здѣсь авторовъ — сочинителей мы нигдѣ не видимъ.

Сказываетъ и поетъ былины неграмотный народъ; списываетъ, собираетъ, составляетъ лѣтопись тотъ же народъ, только въ грамотной его средѣ. Его отношеніе къ устному преданію и къ преданію письменному — одинаковы. И то, и другое, какъ отеческое преданіе, онъ воспринимаетъ не въ видѣ мертвой буквы, а какъ живое выраженіе его собственной памяти и собственныхъ созерцаній о минувшихъ вѣкахъ. Отсюда указанное Шлецеромъ извѣстнаго рода своеволие въ передачѣ лѣтописнаго текста, въ который каждый писатель всегда вносилъ и свою живую мысль, свое живое пониманье ветхихъ рѣчей. Не говоримъ о томъ, что лѣтопись списывалась и составлялась по всемімъ угламъ Русской Земли и необходимо подвергалась вліянію мѣстнаго говора и мѣстнаго запаса свѣдѣній.

Подобно устному и письменное преданіе, Лѣтопись, во всемъ своемъ повѣствованіи сохраняетъ тотъ же эпическій характеръ полного спокойствія и полной правдивости къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ, въ слѣдствіе чего, какъ литературное произведеніе, она близко примыкаетъ къ библейскимъ идеаламъ и образцамъ библейскаго писанія, и вовсе удаляется отъ византійской риторской школы. Но этой же причинѣ въ нашей лѣтописи нѣтъ и слѣдовъ личной фантазіи и личной страсти автора-ритора, нѣтъ и слѣдовъ изхитренной риторики, ни въ мысляхъ, ни въ словахъ. Въ ней господствуетъ, какъ мы сказали, полное спокойствіе эпическаго созерцанія, которое конечно могло оставаться въ такомъ памятникѣ только по той причинѣ, что онъ воспроизводился разумніемъ всенароднаго грамотнаго общества, гдѣ личность лѣтописателя совсѣмъ терялась, исчеза-

да, какъ личность простаго пересказывателя народной бы-
лины.

И это вполне зависѣло отъ самаго существа древней Русской мысли и древней Русской жизни; въ нихъ ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ ничего не оказывалось индивидуальнаго, самоличнаго, и все служило только, выразителемъ какой то общей стихійной силы, державшей въ полной зависимости отъ своихъ общихъ идей каждое частное, личное дѣяніе и помышленіе.

Продолжатели Нестора, даже самые поздніе, включительно до „Лѣтописи о Мятажахъ,“ написанной въ половинѣ 17 столѣтія, ничѣмъ кромѣ древности языка не отличаются отъ своего первообраза. Они до поздняго времени сохраняютъ одинъ тонъ, одинъ характеръ повѣствованія, въ которыхъ дѣло личнаго авторства совсѣмъ исчезаетъ. Вы слышите рассказъ не того или другаго автора, а какъ бы всего того народа, который былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ повѣствуемыхъ событій. Поэтому нѣтъ никакой возможности опредѣлить первобытный объемъ Повѣсти Нестора и отдѣлить эту повѣсть отъ записокъ продолжателей, или опредѣлить вѣрною точкою, гдѣ началъ и окончилъ одинъ продолжатель и гдѣ началъ и окончилъ другой. Въ общемъ характерѣ все сливается въ одинъ цѣльный рассказъ, продолжающійся непрерывно, хотя и въ разныхъ сторонахъ Русской Земли цѣлые вѣка, шесть сотъ лѣтъ. Кто же можетъ такъ долго и въ одномъ и томъ же тонѣ рассказывать свою быль, какъ не само грамотное общество народа. Поздняя лѣтопись ничѣмъ не отличается отъ своего первообраза и совсѣмъ безслѣдно сливается съ нимъ, по той именно причинѣ, что и тамъ и здѣсь существуетъ и пишетъ одинъ и тотъ же авторъ, самъ грамотный народъ.

По той же причинѣ, какъ общенародное дѣло, наша Лѣтопись съ первой и до позднѣйшей своей строки отличается необыкновенною правдивостью и достовѣрностью рассказа, гдѣ всякая ложь, какъ темное пятно на свѣтломъ мѣстѣ, обнаруживается сама собою, больше всего собственнымъ качествомъ лжи и выдумки.

Таковы напр. всѣ лѣтописныя измышленія о началѣ Руси и Славянъ, появившіяся въ 16 вѣкѣ и порожденные ли-

тературнымъ вліяніемъ Польши. Отъ нашего правдиваго состава лѣтописи они отваливаются сами собою, какъ случайныя неорганическія приставки.

Только какъ общенародное дѣло, наша лѣтопись могла сохранять долгіе вѣка тотъ смыслъ, что лѣтописное слово не простое мірское слово о мірскихъ дѣлахъ, а святое слово самой исповѣди за весь живущій и дѣйствующій міръ, святое слово христіанской правды, внушенное глубокимъ уваженіемъ къ слову Писанія вообще. Этотъ именно характеръ искренней и правдивой всенародной исповѣди былъ почувствованъ и критикомъ Шлецера. Послѣ самыхъ строгихъ и самыхъ до мелочей придирчивыхъ изысканій Несторова Временника, Шлецеръ выразился о Несторѣ такъ: „Этотъ Руссъ въ сравненіи съ Исландцами и Поляками (писавшими къ тому же позднѣе его), такъ превосходитъ, какъ разумомъ, иногда затмѣваемый, въ сравненіи съ безпрестанною глупостью“.

Но Исландцы и Поляки потому и не выдержали сравненія, что ихъ сказанія проникнуты мыслью и чувствомъ автора-сочинителя, исполнены страстью, а слѣд. и пристрастіемъ пишущаго лица; въ нихъ личность автора всегда представляетъ какъ бы основу повѣствованія. Въ нашей древней Лѣтописи ничего подобнаго нѣтъ уже по той причинѣ, какъ мы говорили, что она не сочиненіе, а собраніе временныхъ лѣтъ, записанныхъ и рассказанныхъ не однимъ лицомъ, а множествомъ лицъ, отъ разныхъ слоевъ народа, отъ разныхъ краевъ Русской земли.

Въ этомъ собраніи народныхъ мыслей, разсужденій и свѣдѣній о давнемъ времени, въ этомъ совокупленіи народныхъ историческихъ былинъ существенною и собственно историческою чертою является не произволъ личнаго авторства, а строгое понятіе о той правдѣ, какою можетъ дорожить только сама наука. Установленію этой правды очень способствуютъ годовыя числа. Въ Несторовой Повѣсти время занимаетъ передовую главнѣйшую статью всего труда. Въ сущности Несторъ описываетъ только лѣта времени и это разъ навсегда выводитъ его трудъ изъ области поэзіи, гдѣ есть время, но не бываетъ лѣтъ, въ область знанія—науки, гдѣ числа устраняютъ всякую неопредѣленную мысль—мечту.

Годовое число въ Повѣсти Нестора есть первая причина для описанія событій. Оттого онъ старательно выставляетъ даже и тѣ года, въ которые ничего не случилось. Глубокое, какое-то религиозное почтеніе и уваженіе къ годовому числу, онъ безсомнѣнія вынесъ не изъ византійскихъ хронографовъ, а изъ собственныхъ своенародныхъ источниковъ, отъ первыхъ церковныхъ замѣтокъ первыхъ нашихъ христіанъ. Въ опредѣленную, точную и въ полномъ смыслѣ научную рамку годовыхъ чиселъ Лѣтопись съ величайшею добросовѣстностью вноситъ все то, что почитаетъ важнымъ, дѣльнымъ и любопытнымъ, вовсе не думая иной разъ о показаніяхъ противорѣчивыхъ или даже повторительныхъ, что указываетъ только на различіе ея источниковъ. Очень только замѣтно, что она дорожитъ каждымъ извѣстіемъ и свѣдѣніемъ, которое могло освѣтить правдою темное дѣло или темное время. Чего не знаетъ, о томъ она и не говоритъ, и всегда оставляетъ короткую замѣтку древности въ томъ самомъ видѣ, какъ она есть, не пускаясь въ сочинительскія распространенія и прикрасы, и одѣвая ее въ иныхъ случаяхъ только народнымъ же преданіемъ, т. е. общею мыслью и общимъ разумѣніемъ своего вѣка. Всѣ тѣ свойства и качества лѣтописнаго труда, какія сами собою выясняются при изученіи древнѣйшей, такъ называемой Несторовой лѣтописи, лежали, какъ бы святымъ завѣтомъ отъ предковъ къ потомству, и во всей послѣдующей работѣ писанія и составленія лѣтописныхъ сборниковъ. Какъ бы словами самого Нестора, вотъ что говоритъ его лѣтописный потомокъ 16 вѣка, простой селянинъ Ростовской области: „Молю васъ, братья, которые будутъ читать и слушать эти книги: если кто найдетъ здѣсь многое недостаточное, или не полное, да не повазритъ мнѣ, ибо не Кіевлянинъ я родомъ, ни изъ Новгорода, ни изъ Владиміра, но селянинъ Ростовскихъ областей. Сколько нашель, столько и написалъ. Чего силъ моей невозможно, и чего не вижу передъ собою лежашаго, то какъ могу наполнить? Богатой памяти не имѣю; дохторскому искусству не учился, какъ сочинять повѣсти и украшать премудрыми словами, который обычай имѣютъ риторы. Мнѣ, что Богъ поручить въ руки, то въ первые лѣта (болѣе древнія, но пустыя или неполныя) и послѣ впишемъ ¹.“

¹ Тверская Лѣтопись въ П. С. Р. Л. т. XV, стр. 142.

Вотъ съ какою цѣлью ставились въ Лѣтописи пустые годы и вотъ какимъ способомъ составлялось наше лѣтописанье до послѣднихъ своихъ дней. Имъ занимался всякій грамотникъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. какъ въ монастырѣ, такъ и на посадѣ. Да и въ церковномъ, монашескомъ чину лѣтописанье больше всего находилось въ рукахъ такихъ же простыхъ по образованію людей, какими бывали вообще посадскіе люди, не имѣвшіе понятія о дохтурской хитрости, научавшей сочинять повѣсти и витѣвато описывать событія, въ слѣдствіе чего языкъ нашей лѣтописи, какъ мы сказали, всегда отличался простымъ складомъ, какимъ писались всѣ простыя дѣловыя записи. Какъ скоро писатель начиналъ строку выраженіемъ: „Тогожъ лѣта“, или „въ лѣто такое-то“, то кромѣ сущаго дѣла, кромѣ словъ простой истины онъ уже ничего не могъ приписать къ этому началу. Лѣта времени настроивали его умъ на свой завѣтный ладъ, который уже невозможно было чѣмъ либо переладить и внести въ него что либо не свойственное этой книжной лѣтописной святинѣ.

Можно сказать, что въ своемъ родѣ это была наша своеземная литературная школа, вовсе не знавшая о существованіи граматической риторской школы, не имѣвшая понятія о дохтурскомъ сочинительскомъ художествѣ. Наша лѣтопись есть произведеніе образованности, воспитанной отчасти на эпическихъ идеяхъ домашняго преданія и больше всего на образцахъ церковно-книжнаго слова, на образцахъ библейскаго разсказа и Евангельскаго ученія. Въ этой школѣ, конечно, мы многое потеряли. Мы потеряли, напр. всѣ яркія и вычурныя краски, какими могли быть изображены характеры и самыя лица нашихъ историческихъ дѣятелей; мы потеряли вообще идеальность или вѣрнѣе сказать театральность въ описаніи лицъ и событій, отчего всѣ наши герои являются самыми простыми и обыкновенными людьми, простымъ народомъ, а вовсе не героями театрально-фигуральныхъ созданій Исторіи.

Но зато въ этихъ лѣтописныхъ герояхъ лежитъ полная человѣческая правда, а въ изложеніи событій — полное ихъ вещество совсѣмъ, что было въ нихъ хорошаго и худаго, то вещество истинной, настоящей, дѣйствительной жизни, которое потому очень мало насъ и привлекаетъ, что въ немъ не

видится никакой мечты, никакой идеализации, никакой фантазии, и стало быть поэзии, и притомъ поэзии лирической и драматической, къ чему такъ приучили насъ писаніе и обработка западной исторіи. Не меньше было поэзии и въ нашихъ древнихъ характерахъ и событіяхъ, но нашъ лѣтописецъ не чувствовалъ себя способнымъ представлять характеры и событія, чего безъ вымысловъ дѣлать было невозможно. Онъ, какъ истинный историкъ, только повѣствовалъ и своими воззрѣніями и созерцаніями приближался только къ эпическому спокойствію древнихъ. Вотъ послѣдняя причина, почему въ нашей исторіи не находится героевъ-актеровъ; не ощущается событій-драмъ. „Какъ я могу наполнить свой трудъ дохтурскимъ риторскимъ вымысломъ, когда не вижу передъ собою истиннаго свидѣтельства,“ говорилъ простодушно нашъ селянинъ-лѣтописецъ, обнаруживая, этими словами самую существенную основную черту нашего лѣтописанья.

Извѣстно, что простыя первоначальныя и какъ бы низменныя понятія всегда находятся въ очень близкомъ родствѣ съ самыми возвышенными требованіями науки. Лучшимъ поясненіемъ словъ нашего селянина можетъ служить отиѣтка знаменитаго Шлецера, по случаю возстановленія древняго текста нашего же селянина инока Нестора.

„Я рассказываю, говоритъ славный критикъ, только то, что нахожу въ какомъ нибудь древнемъ спискѣ Временника. Если же когда осмѣливаюсь дѣлать какое предположеніе, то ясно даю знать, что это мое предположеніе, а не слова древняго какого сочинителя Временника. Пусть кто захочетъ, тотъ дѣлаетъ изъ исторіи романъ, т. е. схватя одно какое нибудь настоящее происшествіе, приставятъ къ нему одиннадцать другихъ: какая до того нужда? Только пусть будетъ честнынъ человѣкомъ и скажетъ: я пишу романъ. Но вставлять, какъ будто не примѣтно, въ повѣствованіе собственныя свои выдумки и (часто глупыя) бредни, выдавая ихъ за быль, это значитъ—поддѣлывать исторію, значитъ беззастѣнчивымъ образомъ обманывать всѣхъ своихъ легновѣрныхъ и неспособныхъ испытывать читателей“¹.

¹ Шлецера Несторъ, III, 318.

Такое именно воззрѣніе на лѣтописное дѣло лежитъ въ основаніи Несторова Временника, развѣтвившагося въ послѣдующіе вѣка въ цѣлое очень густое древо лѣтописныхъ списковъ, которые въ общихъ свойствахъ очень строго сохраняютъ завѣтъ Нестора и потому отличаются всѣми достоинствами своего кореннаго начала. Русская лѣтописная честность Нестора особеннымъ образомъ и привлекла къ себѣ уваженіе и даже любовь со стороны перваго европейскаго критика.

Эта же самая русская честность не позволила повѣствователю временныхъ лѣтъ начать свою повѣсть риторскими выдумками и сочинительскими сказками. Описаніе древнихъ собственно русскихъ временъ онъ начинаетъ съ настоящаго дѣла.

Вспоминая о древнихъ временахъ и заимствуя самую начальную исторію человѣка у византійцевъ, наша лѣтопись ведетъ свой рассказъ отъ потопа и говоритъ, что по разрушеніи Вавилонскаго столпа и по раздѣленіи людей на 72 языка, сынъ Ноя, Афетъ, принявъ себѣ во власть западъ и сѣверъ, что изъ числа этихъ 72 языковъ, отъ племени Афета произошелъ народъ Славянскій, именуемый Норци, которые суть Славяне. Вотъ древнѣйшее имя Славянъ. Оно поминается еще Геродотомъ въ имени Невровъ, жившихъ къ сѣверу отъ Карпатскихъ горъ. Послѣ многихъ временъ, говоритъ лѣтопись, Славяне сѣли на Дунай. Отсюда они разошлись по землѣ и прозвались своими именами, гдѣ кто сѣлъ, на которомъ мѣстѣ. По Геродоту на нижнемъ Дунаѣ лежала область Древней Скиѣи, которая распространялась до устья Днѣпра. Въ какое то время Дунайскихъ Славянъ потѣснили Волохи, сѣли посреди ихъ и стали творить всякое насиліе. Это было новою причиною расселенія Славянъ дальше къ сѣверу и сѣверовостоку. Когда и какое это было нашествіе Волоховъ, неизвѣстно. Волохами, Влахами Славяне обыкновенно называли племена Романскія. Прежде полагали, что это было нашествіе на Дунайскія земли Римлянъ, при импер. Траянѣ. Но болѣе внимательныя соображенія заставляютъ относить нашествіе Волоховъ къ очень отдаленнымъ временамъ, покрайней мѣрѣ къ движенію Кельтовъ и Галловъ лѣтъ за 300 до Р. X. Какъ бы ни бы-

ло, но въ Придунайскомъ населеніи и доселѣ живетъ народность Романскаго или Галльскаго происхожденія, называемая по древнему точно также Волохами.

Славяне, которые пришли и сѣли по Днѣпру, гдѣ онъ течетъ въ поле, въ степные края, прозвались Полянами, а другіе Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; другіе, сѣвшіе между Припятью и Зап. Двиною, назвались Дреговичами (отъ Дрягва-болото); сѣвшіе на Двинѣ назвались Полочанами, отъ рѣки Полоты, которая занимаетъ середину теченія Двины и дѣлитъ его какъ бы по поламъ. Отъ нихъ Кривичи на верху Волги, Двины и Днѣпра. Которые сѣли выше Кривичей около Ильмень-озера, прозвались своимъ именемъ—Славянами; которые сѣли пониже Кривичей, по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ, противъ Кіева, на восточномъ берегу Днѣпра, назвались Сѣверъ, Сѣверо, Сѣвера. Въ той же мѣстности, выше Сѣверы, поселились пришедшіе отъ Ляховъ Радимичи по Сожу и Вятичи по Окѣ. Въ Южныхъ поляхъ по нижнему Днѣпру сѣдѣли Уличи, по Бугу Дулѣбы, иначе Бужане, а послѣ Валыняне; по нижнему Днѣстру — Тиверцы, древніе Тирагеты; на верху Днѣстра у Карпатскихъ горъ—Хрваты, Храваты или древніе Карны.

Жили Поляне по этихъ Кіевскимъ горамъ, и пролегаль мимо ихъ путь „изъ Варягъ въ Греки.“ Отъ Грековъ въ Днѣпръ, на верху Днѣпра волокъ до Ловоти, по Ловоти въ Ильмень-озеро; изъ него течетъ Волховъ и втекаетъ въ озеро великое Невы, а устье того озера (теперешняя Невы) идетъ въ море Варяжское; по тому морю идти до Рима, а отъ Рима придти къ Царюгороду, а отъ Царюгорода придти въ Понтъ-море, въ которое течетъ Днѣпръ, и которое слыветъ Русское море. По этому морю училъ апостолъ Андрей, братъ Петровъ. Апостолъ училъ въ Синопѣ, оттуда пришелъ въ Корсунь, и увидѣвъ вблизи Днѣпровское устье, захотѣлъ пойдти въ Римъ. Проходя вверхъ по Днѣпру, онъ выходилъ на Кіевскія горы, благословилъ мѣсто и поставилъ крестъ, сказавши своимъ ученикамъ, что на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, устроится великій городъ и воздвигнутся многія церкви. Потомъ прошелъ къ Славянамъ, гдѣ теперь Новгородъ. Здѣсь онъ увидѣлъ чудный обычай, о которомъ потомъ разсказывалъ, придти изъ Нов-

города по Варяжскому морю въ Римъ. „Удивительно, говорилъ онъ, что дѣлается въ Славянской Землѣ: есть у нихъ бани деревянныя, натопаютъ ихъ жарко, раздѣвнутся до-нага, обмоются квасомъ усніяннымъ (щелокомъ), возьмутъ молодое прутье и хвощутся имъ, сами себя бьютъ, и до того добьются, что вылезаютъ еле живы; обмоются студеною водою, такъ и оживутъ. И такъ творятъ всякій день, никто изъ нихъ не мучимы, но сами себя мучатъ, творятъ себѣ не рмоуенье, а мученье.“ Слушали Римляне и дивились. Послѣ того апостола изъ Рима опять пришелъ въ Синонь.

Такимъ образомъ на Киевскихъ горахъ жило понятіе, что отсюда можно обходить вокругъ весь европейскій берегъ, что съ Варяжскаго моря—рукой подать до Рима, а съ Чернаго моря—рукой подать въ Царьградъ. Такое понятіе могло держаться только очень далекимъ преданіемъ и постоянными походами по этому пути, конечно, главнымъ образомъ торговыми. Въ Киевѣ, такимъ образомъ сосредоточивались если не промыслы, то по крайней мѣрѣ понятія о промышленныхъ силахъ двухъ морей, одного Русскаго, другаго Варяжскаго, которое по родству населенія на половину было тоже Русскимъ или Славянскимъ. И Черное и Балтійское море въ понятіяхъ Днѣпровскаго населенія были морями родными, и тамъ, и здѣсь плавали свои люди, обходившіе Европу и приходившіе опять въ тотъ же Киевъ, дабы возвратиться его дорогою къ родному сѣверу. Вотъ объясненіе, почему Россы въ 839 г. направлялись по матеріку Европы въ свой Варяжскій уголь, на Славянское Поморье.

Киевляне очень хорошо знали и перекрестный путь съ Днѣпровскою дорогою, изъ Оковскаго лѣса, по Зап. Двинѣ въ Варяжское море, а изъ того же лѣса течетъ Волга на Востокъ и 70-ю устьями впадаетъ въ море Хвалыское. По Волгѣ можно идти въ Болгары и въ Хвалысы, дойти въ жребій Синовь, въ Азію; по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима до племени Хамова — въ Африку.

Вообще въ этихъ разсказахъ о путяхъ изъ Русской Земли въ ту и другую сторону къ далекимъ морямъ несомнѣнно высказывается память и сознаніе о томъ, что городъ Киевъ и Русская Земля съ незапамятныхъ, еще апостоль-

скихъ временъ, были серединою торговыхъ связей и сношеній Востока съ Западомъ и Сѣвера съ Югомъ.

Лѣтописи ничего не говоритъ о первомъ началѣ другихъ Русскихъ племенъ и помнитъ только о Полянахъ, что они жили особо, независимо отъ другихъ, жили каждый съ своимъ родомъ на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый своимъ родомъ.

Были у нихъ три брата, одному имя Кій, другому Щекъ, третьему Хоривъ, сестра ихъ Лыбедь. Каждый братъ сидѣлъ въ Киевскихъ мѣстахъ на особой горѣ, отчего и горы прозывались ихъ именами, Щеговица, Хоревца. Во имя старшаго брата, Кія, на его горѣ, они построили городокъ и назвали его Киевъ. Около городка былъ лѣсъ и боръ великій, ловили тутъ звѣрей. То были мужи мудрые и смысленные. Кій, княживши въ своемъ родѣ, ходилъ даже въ Царьгородъ и великую честь принялъ отъ царя, при которомъ царь туда приходилъ. Возвращаясь домой, на Дунаѣ, онъ возлюбилъ мѣсто и срубилъ было городокъ, желая сѣсть тамъ съ своимъ родомъ; но близъ живущіе не дали ему устроиться. И донынѣ Дунайцы знаютъ городище Киевецъ.

Существовало и другое преданіе о происхожденіи Кіева. Говорили, что Кій былъ лодочникъ, перевозникъ, что былъ тутъ перевозъ съ этой на ту сторону Днѣпра, и говорилось въ народѣ: идти на перевозъ, на Киевъ. Но лѣтописецъ замѣчаетъ, что такъ толковали несвѣдующіе. Само собою разумвется, что преданіе о трехъ братьяхъ заключало въ себѣ болѣе историческаго, чѣмъ преданіе о перевозникѣ. Хотя и перевозникъ указываетъ на пролегавшій путь черезъ Днѣпръ отъ Запада къ Азіатскому Востоку.

Можно полагать, что въ именахъ этихъ братьевъ и сестры скрывается темная память не о лицахъ собственно, но о цѣлыхъ земляхъ, для которыхъ городъ Киевъ въ незапамятное время былъ средоточіемъ и живую связью, былъ мѣстомъ населенія, приходившаго сюда отъ этихъ земель. Мы уже говорили, что имя старшаго брата, Кій, можетъ обозначать народъ Хуновъ или Хоановъ, упоминаемый еще Птоломеемъ. Плиній и тотъ же Птоломей именуютъ Днѣотръ ли, Бугъ ли, но рѣву этой мѣстности, Ансіакомъ.

Тацитъ зналъ какой-то народъ, о которомъ не хотѣлъ разсказывать басни, именовъ Оксіоны. Помп. Мела разсказываетъ, какъ упомянуто, что Аксіаки былъ такой народъ, который не имѣлъ понятія о воровствѣ, чужаго никогда не бралъ и своего никогда не забиралъ и не хоронилъ отъ воровъ, ибо въ его странѣ ихъ не было.

Имя Аксіаковъ по всему вѣроятію идетъ отъ Геродотовскаго Эксампея, см. стр. 220, и непременно должно обозначать какое либо туземное названіе этой страны, которое въ теченіи вѣковъ, хотя и перемѣнилось, но коренной звукъ сохранило тотъ же. Къ этому звуку близко также подходитъ слово — скала, сохраняемое въ названіи нѣкоторыхъ мѣстъ, напр. Скаливое, что вообще совпадаетъ съ именемъ Эксампей, означавшимъ священныя, скалистыя пути страны отъ Днѣстра до Днѣпра, образующій извѣстные пороги. Не происходитъ ли и Кіевлянинъ Щекъ изъ недалекой страны Эксампея или Аксіака? Гора Щековица иначе именуется Скавикой, почему Аксіаки могутъ соответствовать Скавикамъ. О такой древности можно гадать всячески, лишь бы находились хотя малыя основанія.

Что же касается третьяго брата, Хорива, то его имя напоминаетъ отца Булгарскихъ племенъ Куврата или Кровата-Хровата, Хорвата, а вмѣстѣ съ тѣмъ и страну Хоровое, о которой свидѣтельствуетъ Константинъ Багрянородный, говоря, что она находилась на западъ отъ Днѣпра вблизи Руси и въ 10 вѣкѣ принадлежала Печенѣгамъ.

Точно также и сестра Лыбедь напоминаетъ страну Лебедіасъ, гдѣ-то вблизи Дона, въ которой жили въ одно время Венгры, а потомъ ее заняли Печенѣги, и которая прозывалась будто бы по имени вождя Венгровъ. Въ той сторонѣ есть городъ Лебединъ, Тамб. губ.; есть городъ Лебединъ, Харьк. губ. въ мѣстности р. Псела; но есть также Лебединъ Кіевскій, Чигиринскаго уѣзда, село и большой лѣсъ — Лебединъ, къ сѣверу отъ Новомиргорода и страны Эксампей. Такимъ образомъ всѣ братья и сестра, какъ первые поселенцы, могли населить Кіевъ изъ ближайшихъ къ нему мѣстъ, со стороны Днѣстра и Буга.

Всѣ братья и сестра тутъ въ Кіевѣ и скончались. Послѣ нихъ сталъ держать княженье у Полянъ ихъ родъ. Но по смерти братьевъ Поляне жили въ обидѣ отъ Древлянъ и

другихъ окольныхъ племенъ, повидимому, до того времени, какъ пришли на Кіевъ Козары и заставили платить себѣ дань. Увидавши Кіевскихъ людей сѣдящихъ въ лѣсу на горахъ, Козары сказали: „платите намъ дань“. Подумали Поляне и рѣшили дать по мечу отъ дыма (отъ дома). Козары пришли къ своему князю и старѣйшинамъ и объявили, что вотъ доискались новой дани. „Гдѣ?“ спросили князь и старѣйшины. „Въ лѣсѣ, на горахъ, надъ рѣкою Дивирскою“.— „Что дали?“—Козары показали мечъ. Старцы Козарскіе подумали и примолвили: „Княже! дань недобрая... Ее доискались мы одною стороною оружія, то есть саблями; а у этихъ оружіе съ обѣихъ сторонъ остро, это мечъ. Будутъ они брать дань и на насъ и на другихъ странахъ.“ Такъ это и сбылось, повѣтствуетъ лѣтописецъ. Владѣли Козары, а послѣ ими самими стали владѣть Русскіе, владѣютъ и до сего дня.

Прежде нашествія Козаръ на Кіевъ, лѣтопись заноситъ на свои страницы книжныя свѣдѣнія о переходѣ на Дунай Булгаръ, которыхъ, слѣдуя византійскому источнику, именуется Скинами-Козарами; о приходѣ въ Славянскія земли Бѣлыхъ Угровъ и о нашествіи Обровъ или Аваровъ, о которыхъ разсказываетъ преданіе, какъ они мучили Дулѣбовъ-Бужанъ. Были Обры тѣломъ велики и умомъ горды, но Богъ истребилъ ихъ, всѣ померли, не остался ни одинъ Обринъ. Есть на Руси пословица и до сего дня: Погибли какъ Обры. Нѣтъ ихъ племени, ни наслѣдка. Послѣ нихъ пришли Печенѣги, а затѣмъ, уже при Олегѣ, мимо Кіева прошли Черные Угры. Вотъ вся память о переходахъ по нашей странѣ кочевниковъ. Объ Уннахъ лѣтопись ничего не слыхала, а казалось бы, если то были также азіатскіе кочевники, она могла бы сохранить какую либо память объ ихъ долгомъ господствѣ во всей нашей странѣ до самаго прихода Обровъ-Аваровъ.

Вспоминая о первобытной жизни предковъ, нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, какъ видѣли, обрисовываетъ эту жизнь немногими словами. Онъ подробнѣе говоритъ только о бытѣ Кіевскихъ Полянъ, но утверждаетъ, что такъ жили и остальными племена. Его короткія слова представляютъ однако столько полноты, точности и обстоятельности, что дре-

вытѣйшія основы нашего быта выступаютъ въ нихъ самыми выпуклыми чертами.

Каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, на своихъ мѣстахъ; каждый владѣлъ родомъ своимъ особо. Не оставляя никакого намека о лицѣ родоначальника, лѣтописецъ говорить вообще, что каждый человекъ, какъ и цѣлое племя, жили съ своимъ родомъ, то есть въ средѣ своего рода, каждый владѣлъ родомъ своимъ, то есть каждый устраивался и управлялся родомъ, но не лицомъ. Лѣтописецъ, въ слѣдъ за тѣмъ, указываетъ самый образъ и порядокъ такого владѣнья, говоря, что въ Киевѣ жили три брата, каждый особо на своей горѣ, слѣдовательно съ особымъ владѣньемъ въ своемъ родѣ; что однако три брата составляли одинъ родъ и что старшій изъ братьевъ княжилъ въ своемъ родѣ, то есть былъ старѣйшиною у трехъ братьевъ. Выраженіе княжить очень опредѣленно объясняется послѣдующею исторіею. Оно значило не болѣе, какъ исполнять родовую волю, дѣлать то, что повелѣвали уставы, обычаи, нравы и порядки рода. Поэтому братняя власть, братнее владѣнье родомъ въ сущности представляли власть и владѣнье самого рода. Вообще лѣтописецъ очень заботится выставить впередъ только то, что каждый жилъ особо съ своимъ родомъ, независимо и свободно отъ другихъ, что никакой общей связи, или общей зависимости отъ кого либо, никакого политическаго единства въ землѣ еще не существовало. Всѣ жили, устраивались и управлялись своимъ родомъ, въ родовой отдѣльности другъ отъ друга, занимая каждый свои отдѣльныя родовыя мѣста.

Это лѣтописецъ повѣствуетъ о старинѣ, какую возможно было припомнить въ 11-мъ вѣкѣ, когда началось Русское лѣтописанье. Но намъ уже извѣстно, что византійскіе Греки и притомъ достовѣрные свидѣтели-очевидцы тоже самое рассказываютъ о бытѣ нашихъ Русскихъ Славянъ и въ 6 вѣкѣ. Они повѣствуютъ, что Славяне жили въ простыхъ бѣдныхъ хижинахъ, порознь, особнякомъ, на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, въ глухихъ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ, вообще въ мѣстахъ недоступныхъ и при томъ часто переселялись, отыскивая разумѣется въ виду чужихъ и своихъ враговъ еще болѣе недоступное и безопасное мѣсто; что Славяне всегда любили свободу и не-

зависимость, не терпѣли никакого обладателя и не было возможности принудить ихъ къ рабству или повиновенію; что они единоподержавной власти не знали, но искони управлялись общенародно и равсуждали обо всѣхъ своихъ дѣлахъ сообща; что у нихъ было много царьковъ, т. е. князей-старейшинъ и что при всѣмъ томъ они жили въ постоянныхъ несогласіяхъ: на чемъ порываться одни, на то не соглашались другіе и ни одинъ не хотѣлъ повиноваться другому.

Шестой вѣкъ не былъ первымъ вѣкомъ въ жизни Славянъ и описанный образъ ихъ быта мы можемъ безъ малѣйшей ошибки отнести и къ болѣе отдаленнымъ временамъ, такъ точно, какъ стихійное господство этого быта мы можемъ прослѣдить до очень поздняго вѣка.

Жизнь въ родовой отдѣльности и особности повсюду въ человечествѣ составляла первородную и начальную ступень людскаго общежитія. Она повсюду служила естественнымъ и единственнымъ узломъ, въ которомъ срывались первоначальныя основы и первые зародыши общества и государства. Такимъ образомъ, нашъ первый лѣтописецъ очень хорошо зналъ, что онъ говорилъ. Жизнь родомъ, владѣніе родомъ—вотъ въ чемъ заключалась первоначальная основа Русскаго быта. Наука подтвердила эти краткія слова подробными изслѣдованіями, которыя, если и не вполне, то всетаки съ достаточною ясностію раскрыли существенныя черты этого быта. Она очень основательно, вполне точно наименовала его родовымъ бытомъ, то есть присвоила ему то самое имя, какимъ этотъ бытъ обозначается въ древнѣйшей нашей лѣтописи. Однако существуютъ мнѣнія, которыя старательно увѣряютъ и доказываютъ, что родоваго быта у Русскихъ Славянъ не существовало, что слово родъ значитъ собственно семья и что нашъ древнѣйшій бытъ въ своихъ стихіяхъ правильнѣе называть бытомъ семейно-общиннымъ, такъ какъ основой нашей древнѣйшей жизни была семья и община, но отнюдь не родъ, и что Русская земля „изначала была наименѣ патриархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля“.

Мы уже имѣли случай объяснять, что на нашъ взглядъ въ этихъ рѣшеніяхъ заключается собственно недоразумѣніе и произвольное толкованіе слова родъ словомъ семья¹.

По Лѣтописи слово родъ имѣетъ очень пространное значеніе. Оно вообще значить рожденіе, то есть, колыно, племя; затѣмъ: породу, родство, родню, и пр. и въ иныхъ случаяхъ въ силу понятій о рожденіи могло обозначать семью въ тѣсномъ смыслѣ. Но разсудительный читатель, конечно, согласится, что семья составляетъ лишь первоначальную основу рожденія людей, корень каждаго рода, что она затѣмъ неизбѣжно разрастается многими вѣтвями, цѣлымъ древомъ, какъ до сихъ поръ это наглядно изображаютъ, когда хотятъ объяснить происхожденіе и развѣтвленіе того или другаго знатнаго рода. Ставши такимъ древомъ, семья исчезаетъ и потому получаетъ другое наименованіе. Она называется родомъ, то есть союзомъ, общиною многихъ семей, связанныхъ между собою естественною послѣдовательностію рожденія, въ которомъ живыми и дѣйствующими членами по естественнымъ же причинамъ человѣческаго долготлѣтія остаются по большой части только три колына: отцы, дѣти и внуки. Въ наше время, при сильномъ развитіи быта государственнаго, общиннаго и общественнаго, въ дѣйствительности существуетъ только семья да общество и родичи совсѣмъ теряются, уходя далеко отъ семьи въ общество. Теперь, чтобы составить понятіе о родѣ, какъ о формѣ людскаго общежитія, какъ о главномъ дѣятелѣ жизни, необходимо прибѣгать къ извѣстнаго рода учености и необходимо даже чертить передъ глазами родовое древо. Но было время, когда такое древо существовало живьемъ на своемъ родномъ корнѣ, тѣсно и крѣпко переплетаясь своими вѣтвями около своего роднаго ствола, когда оно было неизбѣжною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственною формою человѣческаго общежитія. Объ этомъ времени и говоритъ наша первая лѣтопись, объясняя, что всѣ жили родомъ, владѣли родомъ, но не семьею и не общиною. Лѣтопись не знаетъ ни семьи, ни общины. Она знаетъ только родъ, по той причинѣ, что родъ былъ господствующею формою общежитія, такъ точно какъ теперь го-

¹ Домашній бытъ Русскихъ. Наряцъ, изд. 2, стр. 12—30 и слѣд.

сподствующая форма нашего общежитія есть общество. Семья же, какъ теперь, такъ и въ древнѣйшемъ быту, всегда представляла частный, собственно личный, домашній кругъ жизни, при чемъ въ древнее время, при владычествѣ рода, она даже не могла носить въ себѣ никакой самостоятельной и независимой силы, которою вполне обладалъ одинъ только родъ. Семья была не болѣе, какъ частица рода. Она служила только зачаткомъ, сѣменемъ рода и сама зачиналась въ его средѣ подъ его покровомъ и заведываніемъ, подъ опекою стариковъ или старшихъ, и затѣмъ вскорѣ сама же исчезала въ развѣтвленіяхъ собственнаго народненія, которыя неизмѣнно воспроизводили все одну и ту же бытовую стихію—родъ.

Почему, въ первобытное время, каждый родъ тѣснился у своего роднаго корня и жилъ особнякомъ, это объясняется простымъ естественнымъ закономъ самосохраненія.

Дѣтская беззащитность первобытной жизни естественно соединяла всѣхъ родичей въ одно цѣлое, въ одну общину родной крови, которая подъ именемъ рода становилась жизненною силою, способною защищать, охранять свое существованіе отъ всякихъ стороннихъ напастей. Для отдѣльной личности не находилось болѣе надежнаго и безопаснаго мѣста какъ жить подъ охраною своего или хотя бы и чужаго рода. Здѣсь только она могла чувствовать себя и самостоятельною и независимою, а слѣд. и свободною. Для отдѣльной личной жизни, въ первобытное время, родъ сосредоточивалъ въ себѣ всяческія обезпеченія, какими человекъ пользуется теперь только при посредствѣ и подъ покровомъ государства и общества, и вотъ по какой причинѣ на первыхъ порахъ родъ въ дѣйствительности являлся первообразомъ государства.

Какъ произведеніе одной только Естественной Исторіи, это первожданное государство держалось исключительно однимъ эгоизмомъ или себялюбіемъ крови и устраивало свои обычаи, нравы и порядки разумомъ самого Естества. Поэтому очень многое въ немъ было дико и несообразно съ нашими теперешними понятіями о людскомъ общежитіи, ибо разумъ Естества не есть еще полный нравственный разумъ, по которому человечество устраивается послѣ долгихъ вѣковъ развитія и совершенствованія.

Себялюбіе крови, слѣдуя разуму Естества, создало уставъ кровной мести. Оно же внутри рода устроивало отношенія половъ въ томъ безразличіи, по которому очень сомнительнымъ становилось существованіе самой семьи, такъ какъ брака не было и люди жили вѣрическимъ обычаемъ. Вотъ почему на самомъ дѣлѣ господствовалъ и жилъ полною жизнью только родъ, а не семья, ибо во многихъ случаяхъ люди являлись дѣтьми рода, но не дѣтьми своей отдѣльной семьи. Объ этомъ очень ясно говоритъ наша первая лѣтопись. Семья, какъ форма личной жизни, основывается на бракѣ. Безъ брака, хотя бы языческаго, семья существовать не можетъ. По этому семья прежде всего выражаетъ уже индивидуальное, такъ сказать, личное начало жизни, въ отгнѣну начала родового или стадаго, гдѣ для личной личности нѣтъ мѣста.

Нашъ правдивый лѣтописецъ, описывая древнѣйшіе нравы и обычаи Русскихъ племенъ, прямо и останавливается на главномъ предметѣ, на изображеніи нравовъ семьи, такъ какъ въ его время и при томъ въ Кіевской землѣ, подъ вліяніемъ христіанства, семья уже являлась господствующею формою быта. Онъ рассказываетъ объ этомъ застычиво и не совсемъ прямо. Съ цѣлью раскрыть темную, языческую сторону древнихъ нравовъ, онъ рисуетъ свѣтлыми и теплыми красками однихъ своихъ родныхъ Полянъ-Кіевлянъ, которые въ дѣйствительности должны были въ отношеніи нравовъ стоять выше сосѣднихъ племенъ, какъ потому, что они были первые на Руси христіане, такъ и потому, что самое христіанство распространилось у нихъ именно въ слѣдствіе умягченія нравовъ, пріобрѣтеннаго отъ частыхъ и постоянныхъ сношеній и съ Греками и съ другими народностями, жившими уже гражданскою жизнію.

Лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе Славяне имѣли свои обычаи, держали законъ и преданья своихъ отцовъ, каждый свой нравъ. Поляне имѣли обычаи своихъ отцовъ, кроткій и тихій, имѣли брачныя, то есть семейные обычаи: стыднѣе къ своимъ снохамъ со стороны свекровъ, стыднѣе къ сестрамъ со стороны братьевъ, стыднѣе къ матерямъ и къ родителямъ своимъ, къ свекровямъ со стороны деверьевъ, и къ деверьямъ со стороны свекровей, — имѣли великое стыднѣе. Не ходилъ зять-женихъ по невѣсту, отыски-

вая ее гдѣ ни понало, а нежѣсту приводили вечеромъ, а на утро приносили, что по ней давали приданого. Напротивъ того, Древляне жили звѣринскимъ образомъ, по скотски: убивали другъ друга, ѣли все нечистое (по христіанскимъ понятіямъ) и брака у нихъ не бывало, но доставали себѣ дѣвицъ уводомъ, умыкивали, похищали ихъ. И Радимичи, и Вятчи, и Сѣвера имѣли одинъ обычай съ Древлянами; жили въ лѣсу, какъ всякій звѣрь, ѣли все нечистое, также нечисто и вели себя въ домашнемъ быту: срамословье у нихъ было предъ отцами и предъ снохами; браковъ у нихъ не бывало, но были между селами игрища: сходились на эти игрища, на плясанье и на всякія бѣсовскія пѣсни и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою кто совѣщался; имѣли по двѣ и по три жены. Тѣже обычай творили и Кривичи и прочіе поганые (язычники). „Такъ и при насъ, теперь, прибавляетъ лѣтописецъ, Половцы держатъ законъ своихъ отцовъ, ѣдятъ нечистое, понимаютъ мачехъ своихъ и ятровей и иные подобные обычай творять.“⁴

Это отсутствіе брака и стыдѣнья между полами, и напротивъ того господство срамословья, то есть безстыдства и многоженства, конечно не могли служить доброю почвою для существованія семейныхъ нравовъ, какъ и самой семьи. Къ такому порядку жизни вызывала именно тѣснота, замкнутость, особенность родоваго быта, гдѣ во многихъ случаяхъ женщина являлась очень дорогимъ и рѣдкимъ товаромъ, который приходилось похищать и отыскивать по всемъ сторонамъ. Вотъ почему и въ плѣнъ уводились больше всего женщины и дѣти. Сожитіе на родовомъ корнѣ представляло вообще такую кровную связь, въ которой труднѣе всего было отыскать именно семью, какъ особую, независимую и самостоятельную форму быта.

Теперь очень трудно себѣ представить, какъ, въ какомъ нравственномъ и общественномъ порядкѣ проходила жизнь рода? И потому мы можемъ гадать только объ общихъ основахъ такого быта. Известно, что теперь мы почти ежеминутно опредѣляемъ наши мысли, побужденія, всякія дѣянія и дѣянія понятіями объ интересахъ, выгодахъ и пользахъ Общества. Идеаль Общества руководитъ нами во всѣхъ нашихъ соображеніяхъ о порядкахъ жизни, о ея задачахъ, и цѣляхъ, о ея насущныхъ потребностяхъ. Идеаль Обще-

ства дасть оцѣнку нашимъ добродѣтелямъ и нашимъ порокамъ. Во имя Общества мы не только устроиваемъ все дѣйствительно ему полезное и приносимъ всякія жертвы, но, пользуясь этимъ святымъ именемъ, отлично устроиваемъ даже и собственное свое благополучіе во вредъ и въ раззореніе самому же Обществу. Общество, стало быть, есть первый и главнѣйшій двигатель современной жизни. Намъ кажется, что очень сходное существовало и въ то время, когда всѣ понятія людей сосредоточивались только на идеалѣ Рода, когда во всѣхъ умахъ, на мѣстѣ Общества, высился Родъ, и когда помышленія, побужденія и дѣянія людей руководились только интересами, выгодами и пользами Рода. Точно также и въ то время оцѣнку добродѣтелямъ и порокамъ давалъ Родъ, и потому тогдашнія добродѣтели, родовыя, необходимо должны отличатся отъ нашихъ добродѣтелей, общественныхъ. И тогда во имя Рода, какъ теперь, во имя Общества, приносились всякія личныя жертвы и дѣло жизни проходило обычнымъ человѣческимъ порядкомъ съ тѣмъ только различіемъ, что основнымъ двигателемъ и руководителемъ всѣхъ дѣяній былъ Родъ, а не Общество, и что кругъ стремленій Рода былъ только менѣе обширенъ и менѣе сложенъ, чѣмъ кругъ стремленій общественныхъ. Что такъ въ дѣйствительности шла исторія народной жизни, объ этомъ прямо и ясно говорятъ всѣ древнія свидѣтельства. Прошли многіе вѣка, пока родовой идеалъ съ растительною постепенностью смѣнился наконецъ идеаломъ общественнымъ и перешелъ въ область Археологій. Но и Фамусовъ не былъ еще послѣднимъ дѣвателемъ родоваго идеала, когда говорилъ:

Нѣтъ, я передъ родней, гдѣ встрѣтится, ползкомъ;
 Съищу ее на днѣ морскомъ!
 При мнѣ служащіе чужіе днень радки:
 Все больше сестрины, свояченицы дѣтки...
 Какъ станешь представлять къ крестнику или къ мѣстечку,
 Ну какъ не порадовать родному человѣчку.

Жизнь родомъ не должно однако смѣшивать съ жизнью патриархальною въ собственномъ смыслѣ. Родовой бытъ по своему существу не совсѣмъ тоже значить, что бытъ патриархальный. И тотъ, и другой, конечно, идутъ отъ одного корня

и во многомъ сходны между собою, но въ ихъ низшихъ основаніяхъ существуетъ замѣтельная разница, показывающая, что въ сущности это двѣ особыя ступени человѣческаго развитія, одна бытъ можетъ древнѣйшая, первичная, праотческая, другая вторичная, въ собственномъ смыслѣ родовая, гдѣ значеніе праотца, патріарха, отгнѣнилось значеніемъ рода, гдѣ власть лица переродилась во власть рода. Въ такомъ видѣ покрайней мѣрѣ Исторія застаётъ быть нашихъ Славянъ. Они уже потеряли память о своемъ праотцѣ и у нихъ нѣтъ ни Ноя, ни Авраама, ни Исаака, ни Іакова и никакой соотвѣтственной личности съ такимъ же значеніемъ, и нѣтъ никакихъ представленій о той власти, какою въ свое время озарены были эти священные имена. Древнѣйшія представленія и понятія о патріархальной единоличной власти въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи у восточныхъ народовъ привели, съ одной, самой верховной и идеальной стороны къ живой вѣрѣ, что народомъ управляетъ само божество, которому народъ поклоняется, что оно есть истинный, справедливѣйшій и милосердый отецъ народа, что оно, какъ политическій владыка, само даже провозглашаетъ народу заповѣди закона и заботится непрестанно о каждой мелочи народнаго управленія и устройства. Тѣже представленія и понятія о единоличной власти праотца, съ другой, болѣе практической стороны приводили къ возсозданію власти царя, къ сильному развитію единоличнаго деспотизма, который освящался тоже божественнымъ рожденіемъ и которымъ въ такой разительной степени ознаменовалась вся исторія и политика восточныхъ народовъ. Оттого восточныя историческія преданія и мѣны рисуютъ съ особенною любовью только лица царей, да и самыхъ боговъ надѣляютъ царскими же чертами лица. Идея о единоличной власти патріарха, развившаяся въ идеалъ царя, укоренилась тамъ глубоко въ духѣ каждой народности.

Славяне ушли изъ Азіи въ незапамятныя времена, бытъ можетъ задолго до возсозданія такихъ типовъ патріархальной власти. На европейской почвѣ, вовсе неспособной къ такому возсозданію, они совсѣмъ забыли о своемъ праотцѣ-патріархѣ или собственно о священной единой власти въ своемъ быту и продолжали свое бытовое развитіе инымъ путемъ. Въ своихъ преданіяхъ о первыхъ строителяхъ сво-

его быта наши Славяне начинают не от праотца, не от одного лица, а от трех братьев, именно от того понятия, что господствуетъ въ ихъ жизни не родоначальникъ, а только родъ. Они очень твердо знаютъ имена этихъ братьевъ, но вовсе не помнятъ и не знаютъ имени ихъ отца. Положимъ, что легенда о Кіѣ, Щеки и Хоривѣ явилась уже въ позднее время, что она сочинена даже для объясненія исторіи существовавшихъ въ Кіевѣ трехъ главныхъ урочищъ съ придаткомъ даже и четвертаго урочища—Лыбеди, какъ сестры этихъ трехъ братьевъ. Но существо миеа ни сколько не измѣняется отъ придуманной для его выраженія формы. Миеъ объ этомъ Троянѣ вовсе не вымысль перваго лѣтописателя. Онъ существовалъ на Днѣпрѣ же, какъ видѣли, еще во времена Геродота; тѣмъ же миеомъ начинается уже не миеическая, а настоящая исторія нашихъ Славянъ съ призванія трехъ братьевъ-Варяговъ. Стало быть этотъ миеъ глубоко коренился въ понятіяхъ, убѣжденіяхъ, а слѣдов. и въ фантазіи Днѣпровскаго народа. Размышляя о своемъ первомъ времени и пытаюсь объяснить себѣ откуда онъ взялся, откуда произошелъ, этотъ народъ чертитъ себѣ исконивѣчный одинъ и тотъ же миеъ Трояна, трехъ-братній родъ. Такимъ образомъ сказаніе о трехъ братьяхъ очень наглядно раскрываетъ передъ нами, въ какомъ смыслѣ должно понимать такъ часто упоминаемое нашимъ лѣтописцемъ слово родъ. Это былъ родъ не съ праотцемъ во главѣ, а во главѣ съ тремя братьями, стало быть родъ братьевъ, и отнюдь не родъ родоначальника-праотца. Въ существенномъ смыслѣ, это было колѣно, какъ слово родъ и понималось въ библейскомъ языкѣ. Затѣмъ оно обозначало рожденіе, то есть племя. Колѣно и племя, но не родоначальникъ и племя представляли существо нашего древнѣйшаго рода.

Семья—зачатокъ рода, становилась родомъ, какъ скоро сыновья становились отцами. Предѣлами семьи поѣтому съ одной стороны былъ отецъ, съ другой—сынъ. Предѣлами рода были уже дѣдъ и внукъ. Дальнѣйшія обозначенія родовыхъ колѣнъ опредѣлялись только прибавкою выраженія пра и для восходящихъ, и для нисходящихъ линій: пра-дѣдъ—правнукъ, прапрадѣдъ—праправнукъ и т. д. Это самое показываетъ, что настоящими, основными, существова-

ными границами рода были только дѣдъ и внукъ. Все остальное понималось какъ выраженіе тѣхъ же двухъ основныхъ рубежей рода.

Понятіе о дѣдѣ у внуковъ связывалось съ понятіемъ о существѣ высшемъ, божественномъ. Дѣдъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ уже миѳъ. Отсюда и самые боги называются или разумѣются дѣдами. Еще въ концѣ 12 вѣка все русское племя разумѣетъ себя внукомъ Дажь-Бога, понимая, что и вѣтры суть внуки Стрибога. Всѣмъ извѣстенъ также дѣдушка-домовой. Эти миѳическія представленія вполне объясняютъ кругъ народныхъ созерцаній объ основныхъ предѣлахъ рода. Дѣдина—значило не только наслѣдство, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поле, имѣніе, домъ, мѣстожительство, родина.

Въ понятіяхъ объ отцѣ заключалось также много миѳическаго. Это была срединная степень рода, составлявшая существенную его силу и крѣпость. Это былъ миѳическій Троянъ, трехъ-братній родъ, отъ котораго собственно и расплодилось Русское Славянство.

Миѳическія понятія о Троянѣ въ смыслѣ какого-то могущественнаго существа, жившаго въ давнее время, которое однако какъ бы владѣло Русскою Землею, ясныѣ всего раскрываются въ словѣ о Полку Игоревомъ. Тамъ давнія времена именуются вѣками Трояна: „Были вѣка Трояновы, миновали лѣта Ярославовы“, выражается Пѣвецъ Игоря, переносясь мыслью отъ древняго къ своему времени. Тамъ Русская Земля именуется Землею Трояна, обрисовывается славная тропа Трояна—черезъ поля на горы. Самый Игорь именуется внукомъ Трояна¹ и, повидимому, колѣна княжескаго рода обозначаются тоже вѣками Трояна: жизнь cadaго колѣна представляется особымъ вѣкомъ Трояна. Первое насліе отъ Половцевъ приписывается къ седьмому вѣку Трояна, когда жило седьмое колѣно Рю-

¹ Такъ необходимо должно понимать извѣстное мѣсто Пѣсни, гдѣ пѣвецъ; взявъ въ древнему Бояну, говорить, что было бы лучше, еслибъ Боянъ воспѣлъ походъ Игоря, «летая умомъ подѣ облака, ршца въ тропу Трояню черезъ поля на горы. Спѣтъ бы ему (Бояну) пѣснь Игорю, того (Трояна) внуку». Первые издатели, для поясненія къ слову: того, прлставили въ скобкахъ (Ольга), между тѣмъ какъ весь ходъ пѣсни указываетъ здѣсь Трояна.

риговичей, начавшее своими крамолами наводить поганыхъ на Русскую Землю. Такимъ образомъ въ имени Трояна разумется какъ бы вообще княжескій родъ. Въ такомъ случаѣ становятся очень понятными Троянова Земля, Троянова тропа, Трояновы даваніе вѣна, наконецъ Трояновъ внукъ—Игорь, соответствующій Велесову внуку—пѣвцу Бояну и внуку Дажь-Бога—самой Руси. Становится очень понятнымъ, почему древніе земляные валы отъ Кіева до Дуная именуются Трояновыми. Это постройки Трояна, воителя и господина этой древней страны. Есть письменныя свидѣтельства, восходящія къ концу 12 вѣка, въ которыхъ въ ряду боговъ Хорса, Велеса, Перуна, даже впереди ихъ, стоитъ Троянъ. Такія же свидѣтельства позднѣго времени, 16 вѣка, уже толкуютъ, что это римскій императоръ Траянъ. Сохраняется также много народныхъ преданій вообще у восточной вѣтви Славянъ, у Сербовъ и Болгаръ, о царѣ Троянѣ, о городѣ Троянѣ или Троймѣ, жители котораго вѣровали въ золото и серебро, или его хранили. Эти преданія, по объясненію г. Буслаева, вполне удостовѣряютъ, что Троянъ существо мнѣческое, стихійное, наравнѣ съ вѣлами, русалками и т. п., и по видимому, какъ намъ кажется, вообще съ душами умершихъ. По всему вѣроятію объ этомъ же мнѣ рассказываетъ Геродотъ, повѣствуя о трехъ Скинскихъ братьяхъ, которымъ съ неба упало золото—ялугъ, ярмо, чаша, сякира, и какъ они оберегали это золото, см. выше стр. 239. Три Кіевскіе брата, три варяжскіе брата несомнѣнные наследники тѣхъ же мнѣческихъ созерцаній.

Какъ бы ни было, но вообще понятіе о значеніи личности отца, какъ родового корня, содержало въ себѣ представленіе о какой-то троячности. Эта троячность сопровождаетъ его и со стороны сыновей. До сихъ поръ въ народѣ живетъ пословица: одинъ сынъ—нѣ-сынъ, два сына—цол-сына, три сына—сынъ. Въ пословицѣ безсомнѣнія выразилось хозяйственное, такъ сказать, дѣловое значеніе сыновней трояцы, которое быть можетъ служило основаніемъ и для постройки самаго мнѣа о Троянѣ, какъ истинномъ корнѣ добраго и прочнаго хозяйства, какъ объ основателѣ и строителѣ народнаго быта.

По уложенію позднѣйшаго мѣстничества каждый первый сынъ отъ отца—четвертое мѣсто, второй—пятое, тре-

тій—шестое и т. д.; то есть каждый старшій сынъ по своему значенію меньше отца тремя мѣстами. Значить лицо отца, его достоинство, заключало въ себя три мѣста, иначе сказать въ лицѣ отца, какъ родителя и основателя рода, содержалось понятіе о трехъ сыновьяхъ, или собственно о трехъ братьяхъ. По всему видно, что три сына или три брата составляли идею рода. Поэтому въ уложеніи мѣстничества четвертый сынъ вовсе отдѣлялся отъ основнаго рода или колѣна и присоединялся къ новому младшему колѣну или роду. Четвертый сынъ уже равнялся, становился въ верету старшему изъ племянниковъ, то есть первому сыну перваго брата. Онъ поступалъ уже въ ряды старшихъ племянниковъ, становился въ отношеніи къ отцу внукомъ.

Самое слово племянникъ показываетъ, что эта пограничная, исходящая родовая линія почиталась уже въ общемъ смыслѣ только племенемъ, нарожденіемъ, которое и придавало простой семьѣ значеніе рода—племени.

По расчетамъ мѣстничества, всѣ лица, находившіяся въ одной степени отъ общаго родовачальника назывались одинаково—братьями, а стоявшія степенью ниже, точно также назывались одинаково племянниками, какъ бы далеко ни расходились между собою родовыя линіи и хотя бы между ними не существовало уже никакого родства, ни по счетамъ мѣстничества, ни даже по Кормчей книгѣ. Это опять показываетъ, что исходящими предѣломъ рода были только внуки, почему и позднѣйшая Русь разумѣетъ себя только внукомъ Дажь-Бога, не прибавляя къ этому никакихъ пра-пра.

Такимъ образомъ каждое родовое колѣно, въ сущности, было колѣномъ братьевъ, которые въ старшемъ порядкѣ были отцы-дядья, а въ младшемъ—сыновья-племянники. Отсюда уже родъ—племя продолжалось въ безконечность.

Личный составъ рода указанъ Русскою Правдою по поводу утвержденія древняго права родовой мести. И Русская Правда, что очень замѣчательно, впереди всего ставитъ мечь братьевъ, указывая прежде всего мстить брату за брата; потомъ она уже обращается къ сыну, указывая мстить за отца, затѣмъ къ отцу—за сына и оканчиваетъ внуками, но именуетъ ихъ опять только родствомъ брать-

евъ: говоря:—или братнему сыну, или сестрилу сыну, и вовсе не упоминая, что они суть звуки отца. Такимъ образомъ средоточіемъ рода и здѣсь являются братья, а не отецъ. Законъ ничего не говоритъ о другихъ родовыхъ вѣтвяхъ, а потому наследователи прямо уже говорятъ, что мсть этимъ закономъ была ограничена только тремя степенями родства, и что всѣ другіе родичи лишались уже своего права мстить за свой родъ¹. Но намъ кажется, что такое толкованіе закона не совсѣмъ вѣрно.

Русская Правда, обозначая мстителей рода, беретъ только дѣйствующую, живущую его среду, которая по своему возрасту способна была въ минуту преступленія искать своего права. Она не упоминаетъ о пращѣхъ и правнукахъ по той причинѣ, что въ дѣйствительности эти лица, одни по преклонности лѣтъ, другіе по малолѣтству, не бываютъ способны исполнить свое право мести. Кроме того, она очень хорошо понимаетъ, что самое существо рода, въ отличіе его отъ простой семьи, заключается именно въ указанныхъ трехъ степеняхъ родства. Остальные родичи, сколько бы ихъ ни было, представляютъ только повторительныя колѣна, не выражающія никакой новой формы въ жизни рода, ибо третья степень, внуки, образуетъ уже племя, новые роды, отчего племянники и именуются между собою двоюродными братьями, т. е. братьями двухъ рожденій, затѣмъ троюродными, т. е. третьяго рожденія (внучатными). Такимъ образомъ, упоминая только три степени рожденія, Русская Правда этимъ самымъ указываетъ существенный составъ каждаго рода и ничего не говоритъ о другихъ степеняхъ, восходящихъ и нисходящихъ, по той причинѣ, что они, какъ повторительныя явленія родовой жизни, всѣ обозначены въ тѣхъ же коренныхъ трехъ степеняхъ.

Еслибы законъ запрещалъ мсть въ отдаленныхъ степеняхъ, онъ это непременно примолвилъ бы въ своемъ мѣстѣ. Онъ объ этомъ ничего не говоритъ, слѣдов. разумѣть, что и въ остальныхъ степеняхъ должно поступать точно также, какъ въ трехъ основныхъ. Въ противномъ случаѣ, при установленіи дѣланныхъ взысканій, онъ прежде всего долженъ бы былъ поименовать всѣхъ остальныхъ родичей.

¹ Эверсъ: Древн. Русское Право, 317, 338.

Но гдѣ же онъ остановился бы? Имъ нѣтъ конца. Необходимо ограничиться дивушени и притомъ таними, кои способны исполнить свое право. Итакъ, въ живой действительности родовое общество, въ качествѣ способныхъ двигателей жизни, состояло только изъ трехъ степеней рожденія, изъ трехъ колѣнъ, изъ отцовъ, дѣтей и внуковъ.

Три колѣна, въ домашнемъ быту, въ отдѣльномъ хозяйствѣ, по многимъ естественнымъ причинамъ, всегда тѣснились у одного очага, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ родоначальникъ, и подъ кровомъ, имъ же устроеннымъ, то есть на мѣстѣ и въ жилищѣ начальной семьи. Здѣсь отецъ — домодержецъ имѣлъ полную власть отца. Но выходя изъ дома и становясь въ ряды другихъ домохозяевъ, онъ по сознанию родовой жизни, становился для этихъ хозяевъ рядовымъ братомъ, ибо основой общаго рода, по точному показанію летописи, было колѣно братьевъ, жившихъ уже безъ отца, безъ единой общей власти. По разумнѣю этого основнаго преданія Русской жизни общественная власть принадлежала роду или колѣну братьевъ. Отцовская власть находилась уже въ рукахъ старшаго брата. Но братскій родъ, по своей природѣ, представлялъ такую общину, гдѣ первымъ и естественнымъ закономъ жизни было братское равенство. Хотя въ силу родовой этики, почитавшей старшинство рожденія для каждаго человѣка очень великою честью, старшій братъ и прибрѣталъ значеніе отца, былъ мѣсто отца для всѣхъ остальныхъ родичей, но на самомъ дѣлѣ, для родичей—братьевъ, онъ все-таки былъ братъ, отъ котораго естественно было требовать отношеній братскихъ, такъ какъ и для родичей-племянниковъ, онъ все-таки былъ не прямой отецъ, а дядя, отъ котораго точно также естественно было требовать отношеній старшаго родственника, но не прямого отца. Поэтому власть старшаго брата, была собственно власть братская, очень далекая отъ понятій о самодержавной власти отца. Живущее братство естественно стремилось ограничивать эту власть во всѣхъ случаяхъ, гдѣ выступало впередъ братское равенство. Отсюда происходила полная зависимость старшаго брата-отца отъ общаго братскаго совѣта, по крайней мѣрѣ тѣхъ родичей, которые стояли въ линіи братьевъ; отсюда являлась необходимость вѣча и возникало право представительства на этомъ вѣчѣ.

всѣхъ родичей способныхъ держать родовое братство. Здѣсь же крылись всѣ и всякія причины родовой вражды, которыя естественнымъ путемъ возникали изъ борьбы понятій о родовомъ правѣ, съ одной стороны идеальныхъ, рисовавшихъ себѣ уставы и права отвѣченной власти отца—родителя, съ другой стороны понятій такъ сказать практическихъ, къ которымъ приводила сама жизнь, возстановлявшая впереди всего потребности матеріальныя, каково напр. было право кормленія подвластною землею, по сознанию родичей, принадлежавшее имъ всѣмъ безъ исключенія.

Братскій родъ, по идеямъ братскаго равенства, въ иныхъ случаяхъ, даже и самое право старшинства надъ собою передавалъ не старшему въ родѣ, а способнѣйшему быть старшимъ, то есть способнѣйшему охранять порядки, обычаи и выгоды рода.

Владѣніе землею, со всѣми ея угодьями, принадлежало всему роду; но дѣйствительнымъ правомѣрнымъ владѣтелемъ и распорядителемъ земли являлось колено или родъ братьевъ, старшее колено, которое владѣло по ровну, но соотвѣтственно братскому старшинству. Поэтому и наследованіе владѣніемъ переходило послѣ брата къ брату же, по порядку братскаго старшинства, до тѣхъ поръ, пока¹ оканчивалось колено братьевъ. Второе колено — дѣти братьевъ, вообще племянники, какъ дѣти старшаго колена, вполнѣ отъ него зависѣли, пользуясь надѣломъ по волѣ или по произволу отцовъ—дядей.

Словомъ сказать, хотя родъ братскій эволюционноически принадлежитъ патриархальному роду и стоитъ на отношеніяхъ кровнаго старшинства и меньшинства, вообще на отношеніяхъ кровной связи, однако въ основѣ этихъ отношеній онъ управляется болѣе понятіями братства, чѣмъ понятіями дѣтства, какъ было только въ патриархальномъ быту. Гдѣ существуетъ отецъ-правецъ, тамъ всѣ родичи суть дѣти и въ прямомъ и въ относительномъ смыслѣ. Гдѣ вмѣсто отца управляетъ братъ, тамъ родичи, и братья, и племянники, пріобрѣтаютъ болѣшій вѣсъ и ихъ значеніе всегда уже колеблется между братьями и дѣтьми и больше всего колеблется на сторону братьевъ.

Самыя связи первоначальнаго общегита и общественности обозначались тоже именемъ братства: собиравшееся на праздники общество именовалось братчиною.

Таковъ былъ общій, всеобщій порядокъ жизни. Надъ землею главы—отца не было. Она управлялась не его единоличною властью, а родомъ, то есть коленною его дѣтей, или вообще старшимъ коленною родства, слѣдов. въ сущности старѣйшими по рожденію людьми. Хотя, по естественнымъ причинамъ, власть и отдавалась въ руки одного лица, старѣйшины надъ старѣйшинами, но она дѣйствовала не иначе, какъ во имя братскаго равенства, во имя кровнаго союза братьевъ. Этотъ кровный братскій союзъ и господствовалъ надъ землею. Можемъ ли мы назвать его общиною, то есть такимъ равенствомъ правъ, гдѣ основою жизненныхъ отношеній является простая человѣческая личность, безъ всякихъ отношеній къ союзу крови. Родъ, какъ колено, степень рожденія, представляетъ въ количествѣ своихъ членовъ, конечно, общину; но въ качествѣ отношеній этихъ членовъ между собою онъ все-таки руководится старшинствомъ рожденія и представляетъ въ сущности союзъ родства, но не союзъ общества, въ чемъ, конечно, есть значительная разница. Союзъ общества устроивается изъ личностей свободныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Могли ли существовать такія личности при господствѣ родовыхъ связей? Личный составъ рода показываетъ, что такія личности не было и быть не могло. Каждая личность, хотя бы самая старшая, находилась въ полной зависимости отъ своего рода. Каждая личность представляла только известную степень рода и ни въ какомъ случаѣ не могла выдѣлить свои отношенія изъ этой тѣсной связи родовыхъ степеней. Родовая степень опредѣляла ея достоинство и указывала ея мѣсто въ обществѣ, опредѣляла ея права и обязанности. Словомъ сказать и общественное и домашнее значеніе личности опредѣлялось ея родовой степенью. Личность, не связанная ни съ кѣмъ родствомъ, была личность для всѣхъ чужая (что равнялось даже понятію о врагѣ), была личность безродная, а такая личность въ родовомъ союзѣ именовалась уже сиротою, и занимала самую низменную, послѣднюю, въ сущности несчастную степень обществѣ, несчастную именно потому, что у ней не было своего родоваго корня. Въ древне-русской общинѣ на первомъ мѣстѣ существовали только роды, а отдѣльныя личности служили только выразителями и представи-

тѣми родовыхъ связей. То самое, что мы разумѣемъ теперь въ славянобщество, общественность, выражалось союзомъ кровнаго братства и родства, по идеямъ котораго располагались въ общажитіи всѣ отношенія людей между собою. Все земство состояло изъ отдѣльныхъ родовыхъ круговъ, почему лѣтописецъ очень ясно и вѣрно обозначаетъ, что каждый жилъ съ своимъ родомъ, на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ, не подчиняясь въ этомъ отношеніи никакимъ другимъ союзамъ и связямъ. Въ извѣстномъ смыслѣ все земство, вся Земля представляла кля́тчатку независимыхъ другъ отъ друга родовъ, соединенныхъ между собою только тканью общаго происхожденія и общаго родства. Это была только органическая матерія для жизни обществомъ, но общей жизни въ ней еще не существовало. Для этого необходима была новая ступень развитія, способная вывести жизнь на новое поле дѣйствій.

Такая ступень по необходимости, въ слѣдствіе многихъ вышнихъ причинъ и обстоятельствъ, была положена средою самаго же рода. Лѣтописецъ говоритъ, что три Кіевскіе брата жили каждый на своей горѣ, что потомъ во имя старшаго брата они построили городокъ, что этотъ старшій братъ срубилъ было городокъ и на Дунай, желая съѣсть въ немъ съ своимъ родомъ. Такимъ образомъ городокъ являлся какъ бы необходимою земскою формою для существованія рода, и можно съ достовѣрностію полагать, что въ обыкновенномъ порядкѣ онъ создавался въ то время, когда родъ, значительно размножившись на своемъ корню, пріобрѣталъ силу, вѣсь и значеніе самостоятельной земской единицы, то есть разрастался въ цѣлую родовую общину или родовую волость. Впрочемъ вопросъ о томъ, что существовало въ нашей странѣ прежде, городъ или деревня и село, остается еще спорнымъ. „Естественно предположить, говоритъ г. Соловьевъ, что родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, въ слѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнял и всю окрестную страну“¹.

¹ История Россіи, г. Соловьева I, стр. 52.

Другіе изслѣдователи, развивая эту мысль дальше, все высказываютъ лишь одно убѣжденіе, что Русскіе Славяне въ своей Русской Землѣ никогда не были старожилами, а пришли въ нее, какъ въ чужую землю и „по своему шаткому неважному положенію въ чужой землѣ, говоритъ Бяляевъ, могли селиться не иначе, какъ укрѣпленными городами... Ихъ новостъ поселенія въ незнакомомъ краю невольно вынуждала ихъ прибѣгать къ городскому, общинному устройству жизни...“ Послѣдователямъ такого утвержденія естественно уже было рѣшить разъ навсегда, что „жизнь въ сельскихъ поселеніяхъ представляется даже невозможною въ быту древне-русскихъ Славянъ, что лѣтописецъ молчитъ о селахъ, потому что селъ не было, что только подъ покровомъ городовъ и выселеніемъ изъ городовъ мало по малу возникли села, деревни, хутора; что таковъ былъ общій порядокъ заселенія страны въ Россіи историческаго времени“. На этомъ между прочимъ утверждается ученіе объ общинномъ бытѣ нашихъ Славянъ и тѣмъ же опровергается ученіе о родовомъ бытѣ. Но говоря, что такъ было въ историческое время, изслѣдователи вовсе не считаютъ надобнымъ сказать что либо о томъ, какъ же было въ доисторическое время, когда именно и господствовалъ родовой бытъ, и когда въ его же средѣ сталъ возникать и общинный бытъ. Заселеніе страны указаннымъ порядкомъ проходило только по чужимъ землямъ, напр. въ глубинѣ Финскаго населенія, въ степныхъ мѣстахъ Дона, Волги, Урала; наконецъ въ Сибири. Но какимъ образомъ Славяне расселились въ той странѣ, гдѣ они были давнишними старожилами? Вѣдь есть же въ Русской землѣ и такая область, которая съ незапамятныхъ вѣковъ принадлежала однимъ Славянамъ. На этотъ вопросъ очень точно и несомнительно отвѣчаютъ древнѣйшія преданія нашей лѣтописи. Эти преданія начинаютъ именно съ села, въ смыслѣ усадьбы, хутора. О трехъ Кіевскихъ братьяхъ лѣтопись прямо говоритъ, что еще до постройки городка каждый изъ нихъ сидѣлъ на своей горѣ, Сидѣть, значить, имѣть мѣсто для сидѣнья, которое прямо и называлось мѣстомъ, въ смыслѣ селитьбы (откуда мѣстичи, мѣщане) и селомъ, идущимъ вѣроятно отъ одного корня съ словомъ сидѣть (сѣдло).

Лѣтопись въ своемъ разсказѣ о разселеніи Славянскихъ племенъ не употребляетъ другаго слова, какъ только: съдоша, пришедше и съдоша, съдоша въ лѣсѣхъ, съдоша по Днѣпру, по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ; съдоша около озера Илменя, прозвашася своимъ именемъ, Славяне, и съдѣлаша градъ. Это значитъ, что прежде разсѣлись, сѣли по мѣстамъ, а потомъ уже поставили себѣ городъ. Сидѣнье, такимъ образомъ, обозначало простое поселеніе деревнями и селами. Само собою разумѣется, что первоначальное заселеніе страны должно было идти различными путями. Въ мѣстахъ вовсе пустыхъ или занятыхъ рѣдкими поселками какихъ либо чужеродцевъ, оно проходило шагъ за шагомъ безъ особыхъ препятствій, затрудненій и опасностей, почему не представлялось никакой надобности начинать поселенія устройствомъ прежде всего городка, или крѣпости для защиты. Въ мѣстахъ, гдѣ сидѣнье на землѣ подвергалось безпрестанной опасности, занятіе свободныхъ мѣстъ, конечно, заставляло между прочимъ устраивать и крѣпость. Поэтому, надо знать, какъ пришли Русскіе въ Русскую землю? Была ли эта земля пустыней, или же она была густо населена и каждый шагъ требовалось защищать и отвоевывать мечемъ? Исторія достоверно знаетъ, что за 500 лѣтъ до Р. Х. по нижнему теченію Днѣпра жили уже земледѣльцы. Мы не сомнѣваемся, что то были наши Славяне. Отсюда съ плугомъ, сохою, кошою, топоромъ они должны были расселяться дальше на сѣверъ и на сѣверовостокъ. Естественно предполагать, что въ то время, по рѣдкости населенія во всей нашей странѣ, пустыя мѣста простирались далеко и новые поселки безопасно могли садиться въ любомъ углу. Для какой необходимости такой поселокъ прежде всего долженъ устроиться городомъ? Враговъ не видѣлось ни съ какой стороны, а для враговъ-звѣрей достаточно было простаго тына и даже плетня. Во всякомъ случаѣ необходимо согласиться, что заселеніе Славянами нашей страны прежде всего распространилось этимъ обыкновеннымъ путемъ мирнаго занятія никому не принадлежавшихъ и никому не надобныхъ пространствъ. Подвигаясь дальше, Славяне встрѣтились съ Финскими чужеродцами. Это племя никогда не отличалось особою воинственностью. Занятіе его земель въ иныхъ случаяхъ конечно могло со-

проводятся ссорами и драками, но по всему видно, что Финны уступали свои земли безъ особаго сопротивленія. Это вполне объясняется даже и тѣмъ, что въ первое время Финскія племена были по преимуществу звѣроловы-кочевники и земледѣіемъ не занимались. Никакихъ прочныхъ осѣдлыхъ корней въ своихъ мѣстахъ они не имѣли. Покинуть одно мѣсто и перейти на другое было дѣломъ ихъ обычая. Оттого даже и въ позднее время они цѣлыми поколѣніями перекочевывали еще дальше къ сѣверу. Но вообще для удержанія за собою Финскихъ земель, если и требовались городки, то не въ такомъ количествѣ, въ какомъ они покрываютъ всю Русскую страну изъ конца въ конецъ и больше всего въ тѣхъ именно краяхъ, гдѣ по всѣмъ видимостямъ Славянство принадлежало къ искони-вѣчнымъ старожиламъ страны. Когда первый поселенецъ занималъ землю въ чужой сторонѣ, близко къ чужеродцамъ, съ которыми трудно было жить въ ладахъ или должно было ожидать всегдашняго нападенія, тогда городъ являлся необходимымъ убѣжищемъ для безопасной жизни. Вотъ почему Кій, облюбовавши мѣсто на Дунаѣ, въ чужой странѣ, съ того и начинается, что прежде всего рубить себѣ городокъ.

Такъ по всему вѣроятію устраивались первые Славянскіе поселки въ далекихъ Финскихъ странахъ, особенно, когда Славянинъ-промышленникъ заходилъ, хотя бы и по рѣкѣ, но въ самую глубь чужаго населенія.

Появленіе городка прежде села и деревни стало быть могло случаться развѣ только въ чужой сторонѣ, да и то въ виду неминуемой опасности отъ набѣговъ чужеродцевъ. Занятіе чужой враждебной страны происходило, конечно, съ мечемъ въ рукѣ, а потому тотчасъ же требовало и крѣпкаго мѣста для обороны. Городкомъ выступала колонизація только по чужой враждебной землѣ.

Но Славянское городство разсыпано особенно тѣсно въ своей же Славянской Землѣ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ, какъ мы сказали, по всѣмъ свидѣтельствамъ Славянство является самымъ древнемъ старожиломъ.

Кто жила въ деревнѣ, въ какой бы ни было Русской сторонѣ, тотъ хорошо знаетъ, что по соседству всегда отыщется какой либо земляной окопъ съ названіемъ городища, городка, городца и т. п. На эти окопы первый

обратилъ вниманіе и такъ сказать открылъ ихъ для науки Ходаковскій. Онъ осматрѣлъ множество городковъ лично на мѣстѣ, еще больше собралъ объ нихъ свѣдѣній въ Архивахъ Межевыхъ Канцелярій изъ старыхъ плановъ на владѣнныя землями. По его изысканіямъ оказалось, что рѣдкій былъ уѣздъ, въ которомъ при первомъ взглядѣ на планы не открывалось бы десяти городковъ. Потомъ объяснилось, что они разсыпаны повсюду на разстояніи другъ отъ друга въ 4, 6, 8 старыхъ верстахъ или около того, смотря на полосу и почву земли и другія выгоды, способствовавшія первымъ поселеніямъ.

По словамъ Ходаковского, всѣ городки вообще находятся въ прелестныхъ избранныхъ мѣстахъ, состоятъ изъ небольшой площади, обнесенной валомъ, на которой едва можно помѣстить двѣ деревенскія хижины; имѣютъ различную, но больше всего овруглую форму; треугольные бываютъ на мысахъ рѣкъ и овраговъ, квадратные по прямому теченію рѣкъ и т. д., но у всѣхъ входъ устроенъ съ востока, лѣтнаго или зимняго. Самое важное, на чемъ съ особеннымъ увлеченіемъ остановился Ходаковскій, было то обстоятельство, что вокругъ каждого городка встрѣчались постоянныя имена урочищъ, которыя потомъ можно было открывать въ мѣстностяхъ совсѣмъ неизвѣстныхъ изыскателю: стоило только употребить циркуль съ размѣромъ по масштабу и на извѣстномъ разстояніи между двухъ городковъ всегда опредѣлялась окружность съ одинаковыми именами урочищъ при томъ и другомъ городкѣ. Каждый городокъ такимъ образомъ въ отношеніи этихъ урочищъ представлялъ нѣчто цѣлое и самостоятельное. Изыскатель сравнивалъ при этомъ карты западныхъ и южныхъ Славянскихъ земель и „тоже самое открывалось вездѣ въ удивительномъ согласіи“. Чѣмъ больше „онъ вникалъ въ эту древнюю черту, тѣмъ сильнѣе увѣрялся въ существованіи какого-то правила, учредившаго сію однообразную идею у всѣхъ Славянъ“. Онъ собралъ въ особый словарь около семи тысячъ урочищъ, означенныхъ по размѣру при городкахъ. Углубившись въ эту словесную кабалистику, онъ много разъ въ бесѣдѣ съ старожилами, по своей системѣ, пересчитывалъ имъ на угадъ по пальцамъ нѣсколько урочищъ, которыя оказывались на самомъ дѣлѣ тутъ суще-

ствующими. Это приводило старожиловъ въ изумленіе. Имена урочищъ распрывали Ходаковскому главнымъ образомъ ту мысль, что одинаковое разстояніе извѣстныхъ именъ отъ насыпныхъ оградъ порождено было какимъ-то религіознымъ правиломъ, что городки вообще находятся при урочищахъ, напоминающихъ имена Славянскихъ божествъ, что они окружены именами боговъ, чиновъ, славленія или мольбы, всесоженія, прорипаній, игръ, пиршествъ, закалаемыхъ животныхъ и т. подобн. Все это заставило изыскателя убѣдиться, что Славянское городство, есть памятникъ языческаго поклоненія, что всѣ эти городки суть священные ограды, требища, мольбища, капища, остатки языческихъ храмовъ. Впрочемъ, придавая такое значеніе древнимъ городищамъ, Ходаковскій ограничиваетъ ихъ кругъ только одними малыми городками, не болѣе какъ пространствомъ въ одну пятую или въ одну четверть десятины. Въ свою систему онъ не ставитъ городища съ явными признаками населенныхъ городовъ - крѣпостей. Этихъ малыхъ городковъ онъ насчитываетъ въ Русской странѣ тысячи и уже ихъ множествомъ, а также тѣснотою помѣщенія доказываетъ, что они не могли быть только жилыми крѣпостными окопами.

Самое имя городъ по его мнѣнію могло составиться изъ словъ гора и родъ, то есть гора родовая, народная, сборная, и еще изъ словъ горь, гарь, горѣть и родъ, то есть горѣніе, сожиганіе, народомъ производимое, что все вмѣстѣ выражалось однимъ словомъ: городъ. Въ этомъ толкованіи слова городъ заключается весь смыслъ системы Ходаковского. ¹

¹ Въ 17 столѣтіи, напр. въ Устюжской сторонѣ, подобныя городки существовали еще живьемъ, рубленые въ плѣти или ставленные остроугошъ столбчымъ, въ родъ тына. Эти городки устраивались только для осаднаго времени въ каждой волости. Постоянными ихъ жителями бывали только церковники. потому что въ каждомъ городкѣ находилась церковь, такъ что и самый городокъ существовалъ какъ бы для охраны этой волостной приходской церкви. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что и въ языческое время въ городкахъ на послѣднее мѣсто отдавалось языческому капищу, почему мнѣніе Ходаковского о богослужебномъ значеніи городковъ имѣетъ основаніе и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть совсѣмъ отвергнуто. См. наше сочиненіе: Кундово и Древній Стунскій Станъ, стр. 244—249.

Не смотря на то, что его мнѣнія были встрѣчены строго критикою Калайдовича, отрицавшаго богослужбное значеніе городищъ, не смотря на то, что послѣдующія изысканія вообще о Славянскихъ городищахъ представили свидѣтельства, которыя не совсѣмъ сходились съ общими признаками устройства и помѣщенія городищъ, какія ставилъ по своей системѣ Ходаковскій, однако его система не была совсѣмъ поколеблена и остается загадкою и до сихъ поръ.

Надо замѣтить, что слово городъ въ основномъ смыслѣ значило собственно земляную насыпь или осыпь, валъ, гору вокругъ жилья. Въ послѣдствіи тотъ же смыслъ перенесенъ на деревянные и каменные стѣны, вообще на ограду. Земляной городъ значитъ земляной валъ, деревянный городъ—деревянные стѣны, каменный городъ—каменные стѣны, и т. д. Затѣмъ городъ означалъ живущихъ въ немъ людей, въ собственномъ смыслѣ—военную дружину, въ общемъ смыслѣ—всѣхъ обывателей. Далѣе городъ означалъ власть, владычество, управленье, ибо съ самаго своего зарожdenья онъ былъ всегдашнимъ глѣдомъ предержавшей власти, въ слѣдствіе чего и вся подчиненная ему волость, область, земля, княжество также обозначались его именемъ. Итакъ въ понятіяхъ о городѣ заключались понятія о стѣнахъ, о людяхъ, о власти, о землѣ, по которой распространялась власть города. Новѣйшія изысканія не совсѣмъ разчлениютъ эти понятія, отчего и происходятъ довольно путаница въ выводахъ и заключеніяхъ.

Въ послѣднее время, въ замѣнъ системы Ходаковского, явилась попытка доказать, что существующіе нѣсколько тысячъ городковъ остаются памятниками договорно-общиннаго быта Русскихъ Славянъ, вполне опровергающими теорію родового быта, что это суть укрѣпленные мѣста народныхъ поселеній, учрежденія общественныя, посредствомъ которыхъ и изъ которыхъ распространялось вообще заселеніе Русской страны.¹ Само собою разумѣется, что при этомъ заслуги Ходаковского были умалены до послѣдней крайности. Однако новая система выдержала еще

¹ Г. Самохвасовъ: Древніе города Россіи. стр. 163—165.

меньше критику, чѣмъ система Ходаковскаго. Она вполне опровергнута г. Леонтовичемъ. ¹

Почтенный авторъ по этому случаю ставитъ свою систему происхожденія Русскихъ городовъ, по которой выясняется, что Городъ въ древнѣйшее время имѣлъ значеніе военно-оборонительнаго укрѣпленія, въ которое население собиралось только на случай осады, для ухороненія отъ нашествія враговъ, и затѣмъ, когда опасность проходила, онъ оставался пустымъ. Жители являлись въ городѣ военнымъ союзомъ, дружиною, только въ осадное время, а миновала осада, они расходились, выѣзжали по своимъ селамъ, дѣлать свои нивы. Съ народомъ расходилась и княжая дружина. Въ городѣ оставался князь съ дружинниками — думцами да сторожа осады. А притомъ и князь, какъ извѣстно, тоже уходилъ дѣлать свои пути и полюдья, отправлялся собирать дань или воевать. Такимъ образомъ, городъ могъ рѣшительно оставаться только съ одними сторожами, о числѣ которыхъ авторъ не упоминаетъ ни слова. Онъ удостовѣряетъ, что въ 9—10 вѣкѣ городовъ-общинъ, служившихъ мѣстомъ постоянного жительства горожанъ, могло вовсе не быть и могли быть одни городки-осады да сторожевые пункты, и только. Въ древней Россіи города, какъ пункты поселенія, по мнѣнію автора, существовали развѣ какъ весьма рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, по которому всѣ тысячи городовъ были только временными осадами, простыми острожками, сторожевыми пунктами, какими въ огромномъ большинствѣ были города въ 16 и 17 стол.

Но самъ же авторъ говоритъ, что въ городкѣ-осадѣ жилъ князь, а слѣдов. и его дворъ, какой бы ни былъ; жили сторожа, и вѣчно не инвалиды, а несомнѣнно люди способные защищать и городъ и его князя, слѣдов. точнѣе—жила дружина военныхъ людей, сколько бы ихъ ни было, хотя бы 10, 20, 30 человекъ. Точно такъ и въ 16 и 17 стол. въ каждомъ острожкѣ жили его защитники, а слѣдов. и защитники той страны, для охраненія которой выстраивался подобный городокъ. Такимъ образомъ и въ древнее и въ позднее время городокъ-осада никакъ не могъ оставаться безъ

¹ Сборникъ Государств. Знаній, II, Критика, стр. 35.

постояннаго населенія, какъ бы оно мало ни было, особенно на мѣстахъ очень опасныхъ и бойкихъ. Это постоянное населеніе, сторожа, составляло именно тотъ кругъ людей, который именовался дружиною. Въ мѣстахъ глухихъ, гдѣ опасность являлась въ рѣдкихъ случаяхъ, городки въ дѣйствительности могли оставаться безъ особой военной защиты, но во всякомъ случаѣ не безъ людей, которые необходимо должны были охранять самыя строенія городка. А если сообразимъ, что городокъ могъ выстраиваться и для сохраненія имущества, и если при имуществѣ жилали и его хозяева, то опять придемъ къ предположенію, что въ городкѣ на постоянномъ жительствѣ могли находиться напр. купцы и вообще промышленники. Это самое даетъ намъ основаніе населить городокъ собственно горожанами, хотя бы въ маломъ числѣ. Такіе горожане могли гнѣвдиться и возлѣ городка, составляя его посадъ и взирая на свой городокъ, какъ на акрополь греческій. Поэтому авторъ весьма произвольно заключаетъ, что города-общины являются у насъ будто бы не раньше начала или даже половины 11 столѣтія. А ктоже призвалъ первыхъ князей? Неужели село или деревня? Надо же согласиться, что, какъ бы мало ни было первое населеніе древнѣйшихъ городковъ, всетаки, относительно своего состава, оно представляло общину—дружину, собравшуюся для цѣлей защиты, для крѣпкаго и безопаснаго житья. Это былъ зародышъ будущей большой общины-города, но объ этомъ и должна идти рѣчь, если мы разсуждаемъ о происхожденіи Русскаго города.

Дальше авторъ утверждаетъ, что происхожденіе городковъ — осадъ зависѣло вполне отъ распредѣленія по странѣ лѣсовъ, рѣкъ, болотъ, и что поэтому въ лѣсахъ и болотахъ, представлявшихъ естественную защиту, городковъ строилось меньше, чѣмъ въ поляхъ. Изъ количества сохранившихся городищъ видно, что въ южной и средней полосѣ Русскихъ полей ихъ больше, и число ихъ очень уменьшается въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ сѣверной Россіи.

Напротивъ, по изысканіямъ Хомяковскаго и даже по изданнымъ общимъ географическимъ картамъ Россіи, древнихъ городищъ въ лѣсахъ и болотахъ, лишь бы при рѣ-

какъ и рѣчкахъ, встрѣчается еще больше, чѣмъ въ полевыхъ мѣстностяхъ. Въ этомъ случаѣ, надо только прямо и точно указать границы распространения древняго Славянскаго Городства. Вѣрно одно: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ меньше городищъ; точно также, чѣмъ дальше въ южныя степи, тѣмъ меньше этихъ окоповъ. Въ степныхъ мѣстахъ эти окопы устраивались уже на глазахъ нашей государственной исторіи, именно для „сторожевой и станичной службы“ противъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ. Поэтому степные городки должно относить къ древнѣйшимъ сооруженіямъ съ большимъ разборомъ. Вообще авторъ не различаетъ исторію древнѣйшихъ городищъ съ исторіею позднѣйшихъ сторожевыхъ укрѣпленій, которыя устраивало уже государство 16 и 17 столѣтій. Поэтому онъ утверждаетъ, что „Древніе города возникали прежде всего и по преимуществу на границахъ, отчего имѣли первоначально характеръ сторожевыхъ пограничныхъ пунктовъ; что въ степи, въ полѣ такихъ укрѣпленій для защиты границъ должна была выставиться цѣлая непрерывная цѣпь; что напр. рѣки были проводниками вражескихъ силъ внутрь страны, поэтому городки располагались по преимуществу по рѣкамъ, какъ прирѣчные сторожевые пункты, что города больше строились въ мѣстахъ открытыхъ, равнинныхъ, съ болѣе удобными и легкими путями сообщенія“... Здѣсь авторъ вовсе забываетъ, что такіи болѣе удобными и легкими путями сообщенія въ глубокой древности были именно одни рѣки и что поэтому на этихъ большихъ и малыхъ дорогахъ всегда и строились городки, именно для сообщенія съ Божьимъ міромъ и конечно для охраненія этого же гнѣзда, свѣтаемаго больше всего для промышленныхъ и торговыхъ нуждъ страны. Весьма основательно объясняетъ авторъ, что „относительное множество и скученность городковъ въ той или другой мѣстности зависѣло отъ организаціи первичныхъ союзовъ, отъ ихъ дробности, раздѣльности: народцевъ и племенъ. Каждый изъ такихъ союзовъ отгораживался отъ другихъ сѣтью городковъ, остроговъ, засѣкъ и пр.“

Вотъ въ этомъ объясненіи и должна бы находиться основная мысль для исторіи происхожденія Русскаго безчисленнаго Городства. Съ этой точки зрѣнія по оставшимся городищамъ возможно даже опредѣлить границы древнѣй-

шихъ волостей или областей Русской Земли. древнѣйшую ея раздѣльность на составныя племенные самостоятельныя и своенародныя части.

Увлекаясь основною мыслью своего изслѣдованія, что первоначальное происхожденіе Русскихъ городовъ и безчисленныхъ городковъ было вызвано потребностями защитить границы населенныхъ мѣстъ, что городокъ вообще былъ пограничнымъ сторожевымъ, укрѣпленнымъ для спасенія только во время набѣга враговъ, авторъ не даетъ особаго значенія существенному понятію о древнѣйшемъ городкѣ. тому понятію, что прежде всего это былъ не сторожъ, а ирѣпкое гнѣздо, въ которомъ родовая и волостная жизнь находила себѣ охрану и защиту отъ всяческихъ враговъ, не временно, а постоянно жила и пребывала въ немъ, какъ въ волостномъ дворѣ.

Древнѣйшія свидѣтельства прямо указываютъ, что городокъ былъ постоянно обитаемъ, покрайней мѣрѣ тѣмъ родомъ, для котораго онъ выстраивался. Такъ понималъ это дѣло первый лѣтописецъ, говоря о городкахъ перваго Кіевского человека Кія. Въ позднее время, въ 16 и 17 стол., городки дѣйствительно устраивались только для опаснаго времени, и населялись только на время осады, потому что подъ покровомъ государства другое время бывало и безопаснымъ, между тѣмъ какъ въ древнее время, при разрозненности и враждебности родовъ и общинъ, опасное время, осадное положеніе продолжалось непрерывно и потому заставляло людей постоянно тѣниться въ городѣ, покрайней мѣрѣ тѣхъ, которымъ было что охранять и оберегать.

Авторъ, слѣдя за исторіею происхожденія Русскаго города, восходитъ къ самымъ первымъ временамъ, то есть къ эпохѣ, когда господствуетъ родовая бытъ. Этотъ родовый бытъ онъ удаляетъ въ степи и находитъ его только въ предѣлахъ быта кочеваго, и особенно въ хищническомъ характерѣ этого быта, такъ что „родовой бытъ, по его словамъ, держится главнымъ образомъ до тѣхъ только поръ, пока возможно кочевое хищничество, ибо только оно и доставляетъ кочевникамъ средства къ жизни, поддерживаетъ и освѣщаетъ въ народной памяти родовое сознаніе, мысль о родовомъ, ирровномъ единствѣ родовъ и племенъ, и наконецъ

придаетъ имъ строгую военно-дружинную организацію. Степь и поле суть необходимое поприще для развитія родовыхъ формъ общажитія. Наконецъ съ теченіемъ времени кочевники подходятъ къ лѣсамъ и горамъ и додумываются до устройства искусственныхъ средствъ обороны, строятъ вежи и города, но въ нихъ не живутъ, а пользуются ими, какъ временнымъ убѣжищемъ отъ враговъ, какъ кладовою для склада добычи, мѣстомъ языческаго поклоненія, могильникомъ предковъ и пр.

„Первичную родину городовъ, утверждаетъ авторъ, нужно такимъ образомъ искать въ степи, въ землѣ военно-кочевыхъ родовъ, въ условіяхъ ихъ боевой дружинной организаціи. Въ родовую эпоху городъ не составляетъ ни общины, ни пункта поселенія; это искусственное, военное учрежденіе, не больше. Наконецъ въ родовую эпоху не могло быть много городовъ у одного и того же племени. Если орда оставляла вовсе старое мѣсто кочевья, родовой городъ обращался въ городище; вмѣсто него заводился новый центръ на новомъ кочевьи. Гдѣ кочевало племя, тамъ и возникало средоточіе его хищнической дѣятельности — племенной городъ и вежи отдѣльныхъ родовъ. Родовой городъ поэтому всегда имѣлъ центральное положеніе, являлся въ центрѣ племенной кочевки...“

„Не то находимъ въ осѣдломъ быту, который есть бытъ общинный. Здѣсь городъ не имѣетъ такого центрального значенія. Здѣсь города или вовсе не являются, какъ; напр. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ общины совершенно защищены свойствами самой страны, или появляются по границамъ и по рѣкамъ и при томъ во множествѣ собственно для защиты отъ хищничества кочевниковъ. Но и здѣсь это только сторожевые пункты, временно населяемые въ минуту опасности, но не общины, не мѣста постоянныхъ поселеній; это въ сущности остатокъ отъ военно-родового быта, наслѣдіе отъ старыхъ кочевниковъ. Различіе является только въ томъ, что городъ родового быта — гнѣздо хищничества, а городъ общиннаго быта — оборона, самозащита населенной страны. Но и тотъ и другой являются только мѣстомъ временной побывки, въ родовомъ (кочевомъ) быту для хищничества, въ общинномъ быту для обороны отъ хищничества.“

Такая новая теорія о первоначальномъ происхожденіи Русскаго города. Намъ кажется, что она основана на понятіи о городкѣ, какъ сторожевомъ острожкѣ государства въ 16 и 17 стол.

Авторъ, въ заключеніе, такъ риеуетъ первичное расселеніе Славянъ по Русской странѣ:

„Оно проходило три ступени: хуторовъ, селъ и погостовъ. Народъ жилъ мелкими родами, разбросанно, въ разбивку и въ одиночку. Потомъ отдѣльными семьи—хуторки, деревни слагались постепенно въ новые союзы—села, а изъ союзовъ селъ являлись погосты и волости. Городки въ это время могли появляться и при хуторахъ, и при селахъ, и при погостахъ. Положеніе дѣлъ измѣняется въ эпоху вторичной формаціи общиннаго быта, когда съ разростаніемъ прежнихъ дробныхъ хуторковъ, селъ и погостовъ, постепенно образуются большіе союзы земли, волости и княжества. Тогда въ старѣйшихъ центрахъ заселенія появляются болѣе сплоченные села, слободы, посады съ ихъ городами—укрѣпленіями, служащими обороною уже для всей земли и области. Третьичная формація характеризуется образованіемъ политически самобытныхъ областей и земель въ видѣ особыхъ княжествъ. На этой высшей ступени появляются первые зародыши городовъ—укрѣпленныхъ пунктовъ поселенія, сплоченныхъ общинъ съ политической ролью, центровъ управленія областей и княжествъ. Съ 10 и 11 в. стали обозначаться признаки третичной формаціи общиннаго быта“. Говоря такъ, авторъ, по видимому, почитаетъ городъ общиною только въ такомъ случаѣ, когда и весь его посадъ обносится стѣнами. „Общины-города являются у насъ, подтверждаетъ авторъ, не раньше начала или даже половины 11 столѣтія, чему доказательствомъ служатъ Новгородъ и Кіевъ, огражденные и съ посадами только при Ярославѣ“. Такимъ образомъ городъ—община обозначаетъ собственно посадскія стѣны. Но и послѣ того, по словамъ автора, долгое время, городъ-община и городъ-укрѣпленіе считаются одинаково городными осадани, одинаково служатъ главной цѣлью—оборонѣ отъ вражескихъ набѣговъ. „Только Петровская реформа, продолжаетъ авторъ, положила у насъ первая начало разграниченія понятія о фортеціи и городѣ-общинѣ, придавала понятію города новыя

свойства, которыхъ въ юридическомъ отношеніи вовсе не имѣли древне-русскіе города.“

Все это однако не раскрываетъ настоящее значеніе древне-русскаго городка, нисколько не объясняетъ, какъ произошелъ на свѣтъ Русскій городъ, конечно въ смыслѣ городской общины или городского населенія, и былъ ли на самомъ дѣлѣ его истиннымъ зачаткомъ этотъ маленкій городокъ, описанный Ходаковскимъ, какъ богослужбное мѣсто и существующій до сихъ поръ въ безчисленномъ количествѣ по преимуществу не въ степныхъ, а въ лѣсныхъ мѣстахъ, по направленію древнѣйшихъ путей сообщенія, то есть по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ.

Три формации новой теоріи вовсе не обозначаютъ и не опредѣляютъ настоящихъ и даже вообще сколько нибудь замѣтныхъ пластовъ древне-русскаго Городства. Городки могли являться защитой при малыхъ разбросанныхъ поселеніяхъ. Это первая формация. Села разрослись, образовались волости и княжества; въ старѣйшихъ центрахъ заселенія явились большія сплоченныя села съ ихъ городами, служащими теперь обороною для всей земли и области. Это вторая формация. Прежде городокъ защищалъ только малое село; теперь онъ защищаетъ—большое и всю область. Но какъ онъ достигъ такого значенія въ своей области и что случилось съ другими городками, почему первенство досталось только этому одному? Третья формация по существу дѣла нисколько не отличается отъ вторичной и первичной, ибо политическая роль города, присвоенная авторомъ только этой третьей формации, необходимо принадлежитъ и второй, необходимо принадлежала и первой: защищать малыя села, большія села, дѣлая свою область и княжество для города необходимо значить и владѣть и управлять этими селами и этою областью или княжествомъ. Все дѣло только въ объемъ власти. Все дѣло въ томъ, какъ толковать значеніе города. Былъ ли онъ для малыхъ и большихъ селъ только стѣною, оцепомъ, или онъ былъ и въ то время такую же или подобною властью, какою является въ послѣдствіи и соединяетъ понятіе о городѣ съ понятіемъ даже о государствѣ. Намъ кажется, что въ историческомъ смыслѣ городъ прежде всего есть власть; стѣны же его принадлежать собственно археологіи.

Поэтому намъ кажется, что основаніе теоріи г. Леонтовича столько же искусственно, какъ и основаніе той, которую она отвергала. Эта искусственность ярче всего выступаетъ въ томъ заключеніи автора, что будто родовой бытъ есть исключительное свойство кочевья, и что осѣдлый бытъ непременно есть бытъ общинный. Самъ же авторъ говоритъ, что кочевники для хищничества соединяются въ военныя дружины, а всякая дружина есть уже первая ступень къ общинному быту. Поэтому и кочевой бытъ точно также, какъ и осѣдлый, заключаетъ въ себѣ стихіи не одного родоваго, но и дружиннаго или общиннаго быта. Затѣмъ кочевой, степной бытъ по своему существу никогда не доходить до созданія города, хотябы въ видѣ временной крѣпости. Ни по мыслямъ, ни по нравамъ онъ не можетъ выносить такой формы быта. Онъ пользуется городами, не готовыми, созданными, хотя и въ степяхъ, но осѣдлыми промышленниками. Городъ, еслибы это былъ только земляной валъ, есть уже осѣдлость, совсѣмъ не свойственная кочевому человѣку и очень необходимая только осѣдлому поселенцу. Городъ вообще въ самомъ своемъ зародышѣ есть произведеніе исключительно осѣдлаго быта. Въ нашихъ степяхъ городки есть дѣйствительныя сторожевыя, устроенныя уже въ то время, когда внутри страны существовала сильная осѣдлость, охраняемая при томъ государствомъ, хотя бы въ своемъ зародышѣ, какъ оно явилось при Олгѣ. Но безчисленные городки существуютъ именно внутри этой осѣдлой страны, въ тѣсныхъ мѣстахъ, гдѣ о кочеваньи и думать было невозможно, гдѣ сама природа тотчасъ припрѣвляла человѣка къ одному мѣсту.

Объяснить происхожденіе такого множества городковъ можно только сказаніемъ-же самой лѣтописи, именно тѣмъ, что каждый родъ, живя особо на своихъ мѣстахъ, ставилъ себѣ крѣпкое гнѣздо, особую защиту отъ сосѣднихъ родовъ, что каждый родъ такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ представлялъ какъ бы особое ни отъ кого независимое маленькое государство. Все это вполне согласовалось съ началомъ родовой жизни и такъ снзать выросло изъ ея норней.

Если припомнимъ замѣтку Маврикія, что Славяне никакой власти не терпѣли и другъ къ другу пытали ненависть,

которая должна вообще обозначать известную по истории разрозненность родовъ и племенъ, особность и независимость жизни въ каждомъ родѣ, откуда происходили вѣчныя распри, несогласія и междоусобія, то легко поймешь, что уже одно начало родовой независимости необходимо требовало, чтобы эта независимость была охранена и защищена и на самой землѣ прочнымъ ополкомъ, ибо всякое внутреннее, или нравственное содержаніе жизни неизмѣнно находитъ себѣ выраженіе и въ ея вещественной обстановкѣ. Замокъ феодала на западѣ явился тоже вещественнымъ воплощеніемъ тамошнихъ бытовыхъ положеній жизни. И у насъ въ слѣдствіе особности и независимости родовъ необходимо долженъ былъ вырасти такой же замокъ—городокъ, какъ защита, какъ точка опоры для родовой округи или волости, не терпѣвшей надъ собою чужаго владычества и всегда готовый отстаивать свою свободу до послѣднихъ силъ. Намъ кажется, что нашъ городокъ, сколько бы онъ малъ ни былъ своимъ пространствомъ, явился какъ бы увѣнчаніемъ тѣхъ стремленій и тѣхъ интересовъ, которые скрывались въ природѣ родового общежитія. Въ немъ каждый родъ-племя находилъ полное удовлетвореніе своимъ земскимъ нуждамъ и потребностямъ. Поэтому и необходимость устроить городокъ, какъ мы сказали, явилась въ то время, когда отдѣльный родъ распространялся въ цѣлый союзъ родныхъ семей, приобреталъ значеніе отдѣльной земской единицы.

Городокъ для такой единицы выстраивался съ тою же цѣлью, съ какою для отдѣльной семьи выстраивалась изба или дворъ. Городокъ стало быть въ известномъ смыслѣ былъ общественнымъ дворомъ, избою цѣлой волости или родовой земской округи.

Начнемъ однако съ зародыша, съ одной семьи. Порядкомъ естественнаго размноженія она становилась родомъ, наконецъ родомъ родовъ, племенемъ. Въ то же время и тѣмъ же порядкомъ размножались и ея поселки. Шагъ за шагомъ постепенно они шли во всѣ стороны, гдѣ находилась свободная и удобная земля. Союзъ вродѣ распространялся по всей мѣстности и этою родною кровью опредѣлялъ границы своему владѣнью. Земля конечно принадлежала всему союзу родичей, всему роду и никому въ отдѣльности, ибо въ

родовомъ союзѣ не могло существовать отдѣльной независимой, такъ сказать, безродной личности, а потому не могло существовать и отдѣльной независимой личной собственности. Безродная личность была личность несчастная, погибшая. Никакой самостоятельности она не имѣла, и не могла имѣть. Въ родовомъ союзѣ дѣйствительнымъ владѣтелемъ и распорядителемъ земли, какъ мы говорили, всегда являлось только старшее колено родичей. По смерти отца—родоначальника владѣли его дѣти въ братскомъ, равенствѣ, хотя и съ расчетами старшинства и меньшинства. Кто бывалъ старше, тому доставалось и старшее мѣсто, и въ порядкѣ общегитія и въ порядкѣ владѣнья наследствомъ. Младшіе родичи, второе, третье колено, во всемъ должны были зависѣть отъ воли старшаго колѣна.

Но такой порядокъ отношеній необходимо долженъ былъ измѣниться, когда вмѣсто лицъ на сцену родовыхъ связей стали выдвигаться самостоятельные поселки, села, деревни, дворы. Въ первое время по значенію самихъ лицъ эти поселки, какъ и самые люди, могли быть старшіе и младшіе. Судъ и правда, напримѣръ, принадлежали старикамъ, стало быть тамъ, гдѣ оставались старики, ихъ поселки сами собою дѣлались старшими, великими, въ отношеніи къ другимъ, младшимъ, заселеннымъ вновь, молодыми родичами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, каждый отдѣльный поселокъ, хотябы и младшій по происхожденію, являлся самостоятельнымъ, а въ отношеніи отдѣльнаго хозяйства, независимымъ членомъ родового союза, онъ дѣлался какъ бы братомъ для всѣхъ остальныхъ хозяйствъ. Вообще село или деревня, даже въ значеніи отдѣльной усадьбы, выражая хозяйственную самостоятельность своего владѣльца, неизмѣнно должны были выводить родовыя связи на одну равную для всѣхъ степень родового братства. Этимъ путемъ, проходя чрезъ независимое хозяйство, родовое устройство быта въ собственной же средѣ нарождало общину, то есть извѣстное равенство отношеній, связей, правъ и обязанностей. Однако эта община и по происхожденію и по своимъ идеямъ была въ сущности общиною кровнаго братства, ибо понятій о братствѣ-равенствѣ общественно-политическомъ она не имѣла, да и не могла имѣть, и уставляла свои отношенія только по идеалу родового колѣна братьевъ, все-таки съ обычными

расчетами родового старшинства и меньшинства. Такимъ образомъ много думать о нашей древней общинѣ возможно только въ смыслѣ братства, исключительно родового, но не общественно-политическаго.

Итакъ, союзъ поселковъ представлялъ уже новую степень въ бытовомъ развитіи родовыхъ связей и отношеній. Онъ все родовыя колѣна уравнивалъ въ одно колѣно братьевъ-хозяевъ, къ чему неизмѣнно приводили существующіе самостоятельные и независимые отдѣльные поселки-хозяйства, равныя дѣти одной матери, которою конечно былъ первый поселокъ перваго заселителя известной мѣстности.

Мы сказали, что союзъ крови, расселившейся на известной мѣстности, самъ собою опредѣлялъ границы своему родовому владѣнью. Точно также дѣйствіе или дѣяніе одной родовой власти по пространству своего владѣнья необходимо создавало отдѣльную волость, о-волость об-волость, область, которая была уже союзомъ не лицъ, а союзомъ дворовъ, селъ, деревень и разныхъ другихъ поселеній.

Семья, отдѣляя отъ себя новыя семьи, становилась союзомъ семей или родомъ; родъ, образуя новые роды, становился союзомъ родовъ или племенемъ.

По землѣ это шло отъ двора, хутора, или деревни въ древнемъ смыслѣ, отъ единичнаго хозяйства, которое, распадаясь на новые дворы, становилось селомъ, или сидѣньемъ нѣсколькихъ хозяйствъ на одномъ мѣстѣ, союзомъ дворовъ. Точно такъ, какъ и союзъ селъ и отдѣльныхъ хозяйствъ, раскинутыхъ по известной мѣстности, становился волостью или новою единицею земской жизни.

Если волость потому прозывалась волостью, что въ средѣ ея населенія ходила одна власть, принадлежавшая въ обширномъ смыслѣ всему тому роду, который ее населялъ, а въ частномъ только его старѣйшинамъ, какъ личнымъ выразителямъ родовой власти; если власть, какая бы ни была, по закону общей жизни человѣка, необходимо требуетъ крѣпкаго мѣста для собственной же охраны и защиты, для обезпеченія собственной твердости и независимости въ дѣйствіяхъ, хотя бы противъ непокорныхъ и непослушныхъ родичей, то уже одна идея власти или владѣнья всею родовою землею должна была приводить къ необходимости строить для нея прочное и твердое гнѣздо. Въ волости, какъ

въ совокупности многихъ отдѣльныхъ поселковъ, необходимо долженъ существовать такой поселокъ, который служилъ бы средоточіемъ и охраною для жизни всѣхъ остальныхъ. Положимъ, что такой поселокъ уже существовалъ, какъ мы сказали, на мѣстѣ старшаго поселенія. Къ нему за судомъ и правдою тянули родичи со всѣхъ сторонъ. Въ немъ, подъ руководствомъ старѣйшинъ, происходили не только общія сходки, вѣча, но и годовыя собранія для управленія общихъ языческихъ празднествъ. Все это въ обычномъ и мирномъ порядкѣ жизни не представляло еще необходимости устраивать первоначальное гнѣздо особенно крѣпко. Но наставала опасность, отъ нашествія иноплеменныхъ или отъ набѣга сосѣдей чужеродцевъ, или отъ собственныхъ родовыхъ смуть и усобицъ,—гдѣ же тогда можно было укрыть отъ враговъ своихъ женъ и дѣтей, свой скоть, свои запасы и разное имущество? Единеніе рода на одномъ корнѣ связывало въ одинъ узелъ и потребности общей защиты, хотя бы и отъ домашняго врага. Малый хоронился за старого, а всѣ должны были искать необходимо одного крѣпкаго убѣжища.

Въ такихъ случаяхъ, или предвидя такіе случаи, волость, большая или малая, общими силами строила городокъ. Если первоначальная семья занимала землю въ чужой и враждебной сторонѣ, то она, конечно, если и не тотчасъ, то все-таки въ непродолжительномъ времени укрѣпила свое жилище городкомъ и это крѣпкое мѣсто перваго поселенія становилось уже истиннымъ родоначальникомъ для всѣхъ другихъ поселеній въ занятомъ краю. Но если семья основывалась въ пустой и никому не принадлежащей мѣстности, гдѣ не предвидѣлось никакой опасности, развѣ только со стороны звѣрей, то для такого поселенія вполне были достаточны обычныя сельскія ограды въ родѣ тына и даже простаго плетня. Насыпать земляной валъ здѣсь не было нужды. Здѣсь городокъ могъ появиться только въ качествѣ дальнѣйшаго развитія волостной жизни, какъ выраженіе ея единства и крѣпости, и какъ опора даже для усмиренія внутреннихъ домашнихъ смуть.

Городокъ вообще представляетъ защиту, или въ собственномъ смыслѣ щитъ противъ врага. Защита есть первое общее дѣло для волостныхъ людей. Она и должна была вы-

раздѣлся въ одномъ общемъ дѣлѣ, каковыя несомненно были устройства земляной постоянной твердыни.

Каждое отдѣльное селѣніе на землѣ, село, деревня, естественно не могли защищать себя одними собственными средствами. Въ своей отдѣльности они были безсильны, и только одинъ союзъ родства способенъ былъ подать имъ надежную помощь. Въ случаяхъ общей опасности, люди обыкновенно, даже и во время нашествія Французовъ, уходили въ лѣса, въ болота и тамъ прятались отъ общаго врага. Это былъ самый первобытный способъ защиты и спасанья, при чемъ выборъ мѣста, конечно, вполнѣ зависѣлъ отъ случая. Туда или сюда, куда бы не уйти, лишь бы спастись отъ врага. Но часто повторяемые опыты такого спасенія скоро могли научить, что надежнѣе всего прятаться въ мѣстѣ уже для всѣхъ извѣстномъ, избранномъ и устроенномъ собственно для обороны, какъ и для сохраненія всякаго имущества. Въ лѣсной или болотной труппѣ, на высокомъ береговомъ крутоярѣ, посреди непереходимыхъ овраговъ можно было соорудить такое укрѣпленіе, которое врагу не только взять, но и отыскать было невозможно. Малые городки по большей части находятся именно въ такихъ скрытыхъ и неприступныхъ мѣстахъ, отъ чего происходитъ и общее ихъ имя Кромъ, Кромный, Кремль. Такія мѣста у Ятвяговъ и у Мордвы назывались твердыми, а у Чуди осѣнками, причемъ летопись не называетъ ихъ городками, и потому можно думать, что это были дѣйствительно только временныя случайныя укрѣпленія, не имѣвшія постоянной стражи, и что слѣд. городокъ, напротивъ того, тѣмъ и отличался отъ подобныхъ твердей, что постоянно былъ охраняемъ, хотя бы малою дружиною. Намъ кажется, что иначе и быть не могло, если городокъ выросталъ посреди населенія, занимавшагося не однимъ земледѣліемъ, но и всякимъ промысломъ и торговлею. Это въ особенности должно относиться ко всѣмъ лѣснымъ и болотнымъ мѣстамъ древней Русской страны. Промыслъ и торговля еще больше нуждались въ защитѣ и охранѣ своихъ добычъ и потому бѣжали подъ защиту городка скорѣе другихъ. Они первые и селились подлѣ городка. Для земледѣльческаго населенія городокъ въ дѣйствительности могъ служить только временнымъ убѣжищемъ въ засаду отъ враговъ; но для торго-

выхъ и промышленныхъ людей онъ отъ себя былъ надобенъ во всякое время. Известное дѣло, что накопленное богатство требуетъ постоянной заботы о его сохраненіи и охраненіи. Богатство земледѣльца заключалось въ его нивѣ. Засѣвши отъ враговъ въ городѣ и выдержавъ осадное время, онъ по необходимости уходилъ снова дѣлать свои нивы. Богатство промышленнаго и торговаго человѣка заключалось въ его товарѣ. Этотъ товаръ больше всего и нуждался въ постоянномъ крѣпкомъ, сохранномъ мѣстѣ, къ которому торговые и промышленные люди необходимо тѣснились со всѣхъ сторонъ, и которое естественно они же и держали всегда наготовѣ къ оборонѣ. По большимъ путямъ, другихъ, т. е. временныхъ ненаселенныхъ городковъ, по всему вѣроятію и не существовало.

Какъ бы ни было, но каждый размножившійся родъ, или родовая волость постройкою городка пріобрѣтали силу и самостоятельное значеніе не только между сосѣдями, но и въ собственныхъ глазахъ. Каждый отдѣлившійся родовой участокъ, каждая новая волостка, какъ скоро ставила себя особый городокъ, тотчасъ пріобрѣтала самостоятельное положеніе даже и въ глазахъ своего корня. Самое множество городковъ и по нѣкоторымъ мѣстамъ особенная ихъ скученность объясняются больше всего именно отдѣленіемъ отъ коренной волости новыхъ вѣтвей, которыя, дѣлаясь достаточно самостоятельными, спѣшили устроиться такимъ же землянымъ окопомъ. Отъ одной матери нарождались новыя дѣтки. Вотъ почему понятіе о городѣ всегда совпадало съ понятіемъ о волости, и города безъ волости не существовало. Городъ былъ такъ сказать головою волости, выразителемъ ея земскаго единства. Естественно, что и волость безъ своего особаго города или городка едва ли могла существовать. Нарождавшіеся новыя волости въ нѣдрахъ своей матери—волости старшей, устроивая свои городки, но по молодости не пользуясь равнымъ съ нею значеніемъ, именовались не городами, но пригородами, иначе сказать дѣтми старшаго города. Это самое еще яснѣе обозначаетъ, что основнымъ камнемъ волостной независимой жизни былъ городъ, что рожденіе новыхъ волостей и новыхъ городовъ не измѣняло общаго понятія о волости, какъ объ одномъ городѣ, или о городѣ, какъ объ одной волости, для которой всѣ младшіе ея отростки оста-

вались такъ сказать въ дѣтской отъ нея зависимости и почитались пригородами, приростками къ главному или старшему городу. Такія волости, конечно становились уже областями.

Само собою разумѣется, что постройка городка, какъ общее дѣло, производилась общими силами и средствами всей родовой волости. Всѣ родичи должны были участвовать въ сооруженіи своей родовой крѣпости. Одни сыпали валъ, копали ровъ, другіе валили лѣсъ, рубили стѣны или ставили тынъ, строили избы и клѣти, укрѣпляли ворота башнею или вежею, съ которой необходимо было слѣдить за врагомъ и отбивать его приступы. Городокъ строился главнымъ образомъ на случай общей опасности для помѣщенія въ немъ женъ и дѣтей, стараго и малаго, для сохраненія скота и имущества, поэтому его объемъ или просторъ зависѣлъ отъ многолюдства родовой округи. Оставшіяся городища при различной формѣ имѣютъ и весьма различную величину. Самыя малыя сто шаговъ и самыя большія около тысячи шаговъ въ окружности. Обыкновенная величина бываетъ въ треть десятины и доходитъ до полуторы десятины.

Обыкновенно говорятъ, что древній Русскій городъ былъ ничто иное, какъ огороженная деревня. Такъ рассуждалъ еще Шапелеръ; за нимъ тоже повторяютъ и теперь. Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ. Огородите деревню каменными угодными стѣнами, она все останется деревнею, если свойства ея жизни останутся тѣже деревенскія свойства. Никакая внѣшняя вещественная форма не нарождается безъ особенныхъ причинъ для ея существованія. Она всегда выражаетъ извѣстное особое содержаніе жизни. Деревня—это дворъ, взодранное изъ подъ лѣса пространство для пашни и сѣнокоса; это дворъ, то есть клѣть, изба, хоромина, выстроенная для обитателя деревни, огороженная съ своими службами по деревенски плетнемъ-заборомъ. Вотъ первоначальная и простая форма деревенской жизни. Для всякаго двора, сколько бы потомъ ихъ ни выстроилось рядомъ, эта форма остается одна и таже. И люди, сколько бы ихъ не народилось и не поселилось около одной первоначальной

семьи, все будутъ жить на одномъ и томъ же дѣлѣ, а слѣд. въ однихъ и тѣхъ же порядкахъ своего быта. Но деревня, строящая для себя земляной окопъ, стѣны, выбирающая для этого особое мѣсто со всѣми выгодами крѣпкой защиты, такая деревня влечется къ своему новому дѣлу уже другими помышленіями и совсѣмъ иными задачами жизни. Выстраивая городокъ, и устраивая въ немъ себѣ охрану и защиту, она необходимо измѣняетъ свой нравъ и порядокъ быта, приспособляясь къ новой формѣ существованія. Защита для деревни—новое дѣло. Оно естественно выводитъ деревенскій бытъ въ новый порядокъ людскихъ отношеній, указываетъ людямъ новыя мѣста, располагаетъ ихъ одного за другимъ, смотря по ихъ способностямъ къ новому дѣлу. Все это необходимо вызывается постройкою и устройствомъ защиты, и городъ, какъ средоточіе защиты, необходимо становится и средоточіемъ иной, совсѣмъ не деревенской жизни.

Въ первое время, когда онъ ставился силами одного разножившагося рода, когда вѣтви родства не были слишкомъ многочисленны, то его защитниками являлись родичи еще близкіе другъ къ другу по родовой лѣтвицѣ и потому въ городѣ необходимо царствовали обычай и порядки въ точномъ смыслѣ родовые съ распредѣленіемъ людскаго союза на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по родству и по возрасту, но еще не по обществу. Но когда родъ, съ размноженіемъ своихъ вѣтвей, становился цѣлою волостью, когда родичи расходились по лѣтвицѣ рожденія далеко другъ отъ друга и на сцену выступало только братское равенство волостныхъ поселковъ, то защитниками волостнаго укрѣпленія являлись уже иные люди и въ городѣ восстанавливались обычай и порядки нѣсколько отличные отъ родовыхъ въ собственномъ смыслѣ.

Естественно предполагать, что горожане такого города подобно тому, какъ и люди боеваго поля, собирались отъ всѣхъ родовъ или отъ всѣхъ поселковъ родовой волости, которая ставила городъ для собственной же защиты. Несомнѣнно, что каждое село, или каждый родъ, что въ первое время было одно и тоже, подъ видомъ повинности, должны были высылать на защиту города способнаго защитника, такъ какъ и при постройкѣ города, они необходимо вы-

сылали способнаго работника. Въ городѣ стало быть собирались люди уже не одного рода, но равно-родные, если и не совсѣмъ чужіе другъ другу по происхожденію отъ одного корня, зато совсѣмъ другіе для каждаго отдѣльнаго родства. Здѣсь возникало первоначальное общество, которое, какъ союзъ другихъ вполне равныхъ товарищей или друзей, такъ и именовалось дружиною. Понятіе о другомъ и другъ заключало въ себѣ смыслъ именно того равенства между людьми, котораго въ родовыхъ отношеніяхъ и связяхъ никогда не существовало и не могло существовать. Тамъ во всякомъ случаѣ бывали только старшіе и младшіе и только великими счетами мѣстничества можно было иногда доказать, что тотъ или этотъ родичъ приходится въ версту другому родичу, что напр. третій братъ равенъ первому своему племяннику, т. е. первому сыну своего старшаго брата. Но и это равенство имѣло въ виду только одни мѣста. Понятіе о другъ, какъ о равномъ во всѣхъ отношеніяхъ товарищѣ, выводило родовыя идеи на новый путь людскихъ связей и отношеній. Дружина являлась первороднымъ обществомъ.

Но если вообще боевое поле служило основаніемъ для развитія дружинной жизни, то городъ въ свой чередъ былъ истиннымъ гнѣздомъ дружинныхъ и общинныхъ союзовъ и связей. Какъ мѣсто дружиннаго быта, онъ необходимо долженъ былъ въ точности опредѣлять положеніе и мѣсто каждаго лица, приходившаго на его защиту и поступавшаго въ его дружину. Родовая связь людей опредѣляла такія мѣста по родству. Дружинная связь должна была распределить людей по иному порядку, какой самъ собою возникалъ изъ боеваго дѣла всѣхъ защитниковъ города. Въ этомъ случаѣ ихъ боевыя ряды послужили основаніемъ для рядовъ дружинныхъ, то есть общественныхъ, иначе сословныхъ. Здѣсь было положено первое сѣмя для раздѣленія людей по сословіямъ, первое сѣмя гражданства.

Городокъ въ сущности былъ военною защитою, поэтому въ немъ первое мѣсто должно принадлежать людямъ боеваго поля. На этомъ полѣ первымъ лицомъ былъ князь, онъ водилъ и строилъ полки, онъ почивалъ битву.

Первымъ лицомъ и кореннымъ основаніемъ дружиннаго быта онъ является и въ городѣ. Можно даже полагать, что

первое понятіе о князѣ родилось съ самимъ городомъ, съ первымъ устройствомъ дружинной жизни, ибо первый Кіевскій человекъ Кій, тогда начинаетъ княжить въ своемъ родѣ, когда братья строятъ ему городокъ Кіевъ. Въ глубокой древности этимъ именемъ обозначалась родоначальная власть, но въ 9 вѣкѣ, судя по переводу св. Писанія, оно „имѣло смыслъ болѣе общій и означало не только влстителя, но и всякаго сильнаго человека“¹.

Въ послѣдующее время въ Новгородѣ лицо князя становится необходимымъ существомъ для этого вольнаго, но стараго великаго города. По всему вѣроятію Новгородскій обычай жить всегда съ княземъ идетъ изъ глубокой древности и вовсе не обозначаетъ особой привязанности къ Рюриковой династіи. По указаніямъ лѣтописи видно, что у Полянъ въ Кіевѣ, какъ и у всѣхъ другихъ племенъ, у каждаго существовало свое особое княженъе, что уже въ приходъ Рюрика, Полоцкѣ, Туровѣ, Древляне имѣли своихъ князей и что при Олегѣ по всѣмъ городамъ подъ его рукою сидѣли свои князья, которые носили даже собирательное имя всякое княжье. Все это заставляеть полагать, что если существовали города, то въ каждомъ городѣ былъ свой князь, что князь вообще былъ необходимымъ существомъ городской жизни, какъ творецъ суда и расправы и первый защитникъ отъ обидъ и всякихъ враговъ. Это былъ конь или корень городского общегитіи.

За нимъ слѣдовали передніе мужи, именемъ которыхъ, мужи, въ родовомъ распорядкѣ обозначался совершенный возрастъ, и стало быть способность быть защитниками рода, почему и на боевомъ полѣ они ставили первый передовой рядъ людей мужественныхъ, храбрыхъ, отважныхъ, которые первые бросались въ битву, были первыми начинателями и производителями боя. Не потому ли они чаще всего именуется боярами, людьми боя въ собственномъ смыслѣ? По крайней мѣрѣ такому объясненію этого имени вполне отвѣчаетъ сущность жизненной роли боярина, особенно въ древнѣйшее время. Это былъ передній и передовой разрядъ боевыхъ людей, водителей битвы, начинающихъ боя. Очень естественно, что и во всѣхъ другихъ житейскихъ от-

¹ г. Буслаевъ: О вліянніи христіанства на Слав. языкъ, 161.

ношеніяхъ бояринъ становился первымъ и передовымъ чело­вѣкомъ, потому что находившееся въ его рукахъ боевое дѣло, защита земли, было первымъ передовымъ дѣломъ и для всего нарождавшагося общества. По той же причинѣ это званіе пріобрѣталось только личною заслугою, личною доблестью, личными боевыми достоинствами и не было на­слѣдственно ¹.

За передними мужами, то есть за людьми полного возра­ста или за отцами, въ родовомъ устройствѣ, конечно, слѣдо­вали дѣти, чады или вся родовая молодежь, почему и млад­шій составъ городскихъ защитниковъ удержалъ за собою наименованіе дѣтскихъ и отроковъ и даже пасынковъ. Послѣднее имя прямо и показываетъ, на сколько родовыя связи общества разошлись и удалились отъ первоначаль­наго своего состава, ибо пасынокъ обозначаетъ уже род­ство не кровное, а такъ сказать союзное. Дѣтскіе въ при­момъ смыслѣ были дѣти бояръ, почему въ позднее время весь разрядъ младшей дружины, сохраняя далекую старину, прямо уже и именуется дѣтьми боярскими. Надо замѣ­тить, что всѣ такія имена въ древности выражали сущую

¹ Есть мнѣніе, что именемъ боярина назывались родоначальники Старославянскихъ городовъ, основанія котораго къ сожалѣнію не весьма достаточны (См. г. Затыркевича: О вліяніи борьбы между на­родами и сословіями на образованіе строя Рус. Государства). Родовое происхожденіе боярина ничѣмъ не объясняется и ничѣмъ не подтвер­ждается; напротивъ того все указываетъ на его дружинное происхож­деніе. Отъ древнихъ до позднихъ временъ это имя обозначаетъ въ старшемъ значеніи—воеводство, въ младшемъ—военныхъ людей, бое­вую городскую дружину. Поэтому и производство этого слова (по Бул­гарскому письму: боляринъ) отъ болій, большой, большакъ, точно также ничего не объясняетъ, ибо при этомъ требуется прежде всего доказать, что въ древне-русскомъ обществѣ несли существова­ли понятія о магнатѣ (magnus), о грандѣ (grandis), о вельможѣ. Намъ кажется, что такихъ общественныхъ идей мы никогда не отыщемъ въ нашей древности. По всему вѣроятію имя бояре, бояринъ, обозначало какое либо дѣло, занятіе, вообще дѣловое качество жизни. Въ первоначальномъ обществѣ и особенно въ городской дружинѣ верхов­нымъ дѣломъ и занятіемъ могъ быть только передовой бой, руководи­тельство въ битвѣ, а въ слѣдствіе того и руководство въ управ­леніи землею. Несомнѣнно, что первыми боярами были первые бога­тыри.

дѣйствительность, потому что на самомъ дѣлѣ тогда воевать начинали съ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ. Князья въ 12—14 лѣтъ участвовали уже въ битвахъ и велили самолично полки.

Не одинъ дитя-Святославъ бросалъ первое копье во врага. Славный Даниилъ Романовичъ Галицкій, бывши еще такъ малъ, что и матери своей не узналъ, лѣтъ шести, уже исправно дѣйствовалъ мечемъ. Когда крамольники бояре стали разлучать его съ матерью, выпроваживая ее вонъ изъ Галича, онъ не хотѣлъ съ нею разстаться, плакалъ и слѣдовалъ за нею верхомъ на конѣ. Одинъ изъ бояръ схватилъ его за поводъ, ворочая назадъ. Ребенокъ обнажилъ мечъ и ткнулъ имъ боярина, но поранилъ только его коня. И только одна мать могла взять изъ его рукъ мечъ и уложила его остаться въ Галичѣ. Въ первое нашествіе Татаръ Даниилу было съ небольшимъ 20 лѣтъ, но въ битвѣ на Калкѣ онъ велъ себя богатыремъ, „младства ради и буети“ не чувствовалъ на себѣ равъ и почуялъ ихъ уже тогда, когда, побѣдивши съ поля, напился воды.

Изъ обстоятельствъ жизни перваго Святослава и жившаго послѣ него спустя почти триста лѣтъ Даниила, мы можемъ хорошо себя объяснить, что такое были наши дѣтскіе, въ послѣдствіи Боярскіе Дѣти. Въ двадцать лѣтъ это были уже настоящіе богатыри.

Однако второй слой собственно городскихъ защитниковъ именовался собирательно гридь и гридьба, а единично гридинъ. Такъ какъ званіе боярина пріобрѣталось личною доблестью и не было наследственно, то дѣти бояръ, доблестныхъ передовыхъ мужей города, по естественному порядку, пользуясь славою своихъ отцовъ, должны были составить особый слой военной дружины, отличный отъ остальнаго населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что именно этотъ, въ собственномъ смыслѣ дружинный слой именовался Гридьбою. Само собою разумѣется, что норманская школа всякое теперь непонятное имя толкуетъ изъ скандинавскихъ языковъ, такъ и гридь происходитъ отъ шведскаго, gred — мечъ, отъ Гирдманъ—придворный, Hird, Hirdinn—княжескій тѣлохранитель. Отсюда вообще Гридина опредѣлили дворянникомъ, княжескимъ тѣлохранителемъ, придворнымъ чиновникомъ, всегда находившимся при князѣ, такъ какъ и

особая комната на княжескомъ дворѣ именовалась гридницею отъ сборища въ ней гридей—тѣлохранителей.

Между тѣмъ всѣ свидѣтельства лѣтописей, гдѣ упоминается Гридьба, ничего не говорятъ о такомъ значеніи этого слова, а указываютъ прямо, что Гридьбою назывался особый слой не княжескихъ придворныхъ, а именно городского населенія и именно слой военной дружины, идущій всегда вмѣстѣ, хотя и впереди, съ слоемъ купцовъ. Въ одномъ спискѣ Русской Правды эти два слоя прямо такъ и названы горожанами, въ отличіе отъ княжихъ мужей.

Составъ городского общества впервые обозначенъ по случаю пировъ св. Владиміра, которые онъ давалъ дружинѣ на своемъ дворѣ въ гридницѣ. На эти пиры приходили: 1—бояре, 2—гриди, 3—сотскіе, десятскіе и 4—нарочитые мужи.

Гридница въ собственномъ смыслѣ значитъ сборная хранина или изба для схода Гридьбы. Была ли она принадлежностью одного княжого двора, или составляла необходимую постройку для городского общегитія, объ этомъ можно судить по указаніямъ лѣтописей. Въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ древнѣйшій городской бытъ существовалъ безъ особой помѣхи, гридницы ставились уличанами. Въ Новгородѣ въ 1470 г. на Славковѣ улицѣ была поставлена середняя гридница, слѣд. посреди двухъ крайнихъ. Во Псковѣ на улицѣ Званицѣ существовала гридница прозваніемъ Коровья. ¹ Гридницы бывали у Владыкъ, а иногда служили мѣстомъ заточенія. Гридницею вообще называлась обширная хранина, въ которой собирались горожане по всему вѣроятію для суда или для совѣщаній, а также и для общихъ праздничныхъ пировъ. Она соответствовала мирской, сборной, иначе судной деревенской избѣ. Самое слово гридь родственно Хорутанскому громада, сборище, толпа ², и должно обозначать въ исключительномъ смыслѣ городовую военную общину, или городовую дружину.

Повидимому бояре были только передними мужами Гридьбы и какъ мы сказали получали это званіе только за личную доблесть. Дѣти бояръ, боярская молодежь, и въ при-

¹ Н. С. Р. Л. IV, 127, 235.

² Грдина юнакъ, храбрець; Гордый въ Галицкихъ пѣсняхъ эпитетъ добраго, удачнаго, красиваго, пригожаго.

момъ, и въ относителномъ смыслѣ меньшинства, естественно становились въ ряды Гривды, которая поэтому въ летописныхъ свидѣтельствахъ занимаетъ всегда второе и сто послѣ бояръ.

Такъ могъ образоваться въ городской дружинѣ ея военный слой, конечно, уже въ дальнѣйшемъ развитіи города, когда его жизнь являлась уже полною чашею относительно разнороднаго и разнообразнаго его населенія. Но мы упомянули, что еще при самомъ началѣ въ числѣ причинъ, которыя побуждали устраивать городокъ, не послѣдними были всякій промыслъ и торгъ, очень нуждавшійся въ охранѣ своихъ товаровъ или всякаго движимаго имущества. Первыми людьми въ первомъ городѣ являлись не только передніе люди боеваго поля, но и передніе люди мирнаго промысла и торговаго. Въ первое время эти два рода занятій необходимо соединялись даже въ однихъ и тѣхъ же лицахъ. Да и въ послѣдующее время мы находимъ купцовъ на томъ же боевомъ полѣ, идущихъ слѣдомъ за Гривдою, то есть за сословіемъ бойцовъ въ собственномъ смыслѣ. Въ теченіи всей нашей исторіи, когда политическою силою всей страны былъ собственно городъ, подчинившій своей волѣ самое князьё, купеческое сословіе въ каждомъ городѣ составляло великую силу, нисколько не меньшую передъ силою боярства и всей военной дружины. Это самое заставляетъ предполагать, что и при основаніи всего древнѣйшаго Русскаго Городства едвали не первымъ камнемъ былъ положенъ именно купеческій промыслъ, который необходимо нарождалъ и потомъ отдѣлялъ отъ себя и военный промыслъ подъ видомъ особой военной дружины бояръ и гривды. Покрайней мѣрѣ такое положеніе дѣлъ должно было существовать во всѣхъ углахъ страны, гдѣ населеніе устремлялось больше всего къ мирному промыслу и торгу.

Торговый и промышленный людъ, селившійся подъ защитою города, точно такъ же, какъ и исключительно военный людъ, долженъ былъ нести тягость городской защиты, ибо городъ для каждой округи-волости былъ собственно военнымъ гнѣздомъ, способнымъ и обязаннымъ защищать не только самого себя, но и всю волость. Кто селился въ городъ, тотъ необходимо становился ратникомъ. Судя по

упоминанію на пирахъ Владиміра десятскихъ и сотскихъ, можемъ предполагать, что всѣ горожане — купцы и промышленники въ отношеніи своего воинскаго и вообще городского тягла распредѣлялись на десятки и сотни, вѣроятно по числу отдѣльныхъ хозяйствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по роду занятій, то есть собственно по отдѣльности первоначальныхъ кровныхъ родовъ городского союза, ибо родъ занятій или родъ промысла несомнѣнно всегда опредѣлялся кровною связью и рожденіемъ въ кругу того или другаго промысла.

Числовое распределеніе людскаго союза принадлежитъ къ древнѣйшимъ учрежденіямъ народовъ. Но оно прямо показываетъ уже перемену счетовъ родства на счеты общества, переходъ изъ родового устройства жизни въ устройство общинное. Десятскій собственно былъ староста надъ своимъ десяткомъ; сотскій — староста своей сотни. Естественно, что съ размноженіемъ населенія умножались десятки и сотни и выросла необходимость въ особомъ старѣйшинствѣ надъ всѣми десятками и сотнями. Такимъ старѣйшиною является тысяцкій, глава числоваго распределенія городскихъ обывателей, который вѣроятно наименованъ такъ не по точному исчисленію подвластной ему среды, а по общему понятію о крайнемъ, самомъ большомъ количествѣ числоваго населенія. По смыслу послѣдующей роли тысяцкаго, онъ былъ въ собственномъ смыслѣ градодержатель, воевода собственно городского населенія въ общемъ его составѣ, и представлялъ въ своемъ лицѣ особую силу, которая послѣ князя была первая сила. Это былъ старшій изъ всѣхъ бояръ. Но его значеніе и смыслъ его властительной роли не ограничивался интересами одного боярства, или одной военной дружины города: онъ былъ представителемъ и головою такъ сказать всего гражданства. Поэтому и всѣ его власти иногда очень перевѣшивалъ въ сторону этого гражданства и уравнивалъ съ властью самого князя.

Распространеніе и расселеніе малаго городка въ большой городъ, конечно, зависѣло больше всего отъ выгодъ мѣстности, гдѣ онъ впервые выстраивался. Въ глухомъ углу онъ оставался на самомъ дѣлѣ тою потайною твер-

дынею, какую строило себя древнѣйшее Славянство. Но инымъ городкамъ выдавала, хотя бы въ началѣ и случайная доля. стоять на такихъ мѣстахъ, которыя по различнымъ обстоятельствамъ и особенно по своему географическому положенію дѣлались перекрестнымъ путемъ для окружающаго населенія и средоточіемъ торговыхъ и промышленныхъ связей. Въ этомъ отношеніи очень выгодны были мѣста при устьяхъ или вблизи устьевъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ, куда сходились дороги изъ далекихъ угловъ страны, а также и на верховьяхъ какой либо рѣчной округи, откуда дороги расходились во всѣ стороны.

На такомъ средоточіи водныхъ путей малый городокъ незамѣтно и скоро становился городомъ большимъ и его населеніе, размножаясь, точно также очень скоро изъ родового превращалось въ дружинное.

Естественно, что такой городъ, собирая силы цѣлаго племени, становился въ послѣдствіи какъ бы столицею или старшимъ городомъ между всѣми родовыми городами этого племени. Это старшинство могло происходить и отъ дѣйствительнаго старѣйшинства въ основаніи города, но вѣроятнѣе всего оно происходило отъ тѣхъ географическихъ и этнографическихъ условій мѣста, которыя сами собою выдвигали городъ впередъ и надѣляли его старѣйшинствомъ силы и могущества.

Наиболѣе прочное, плодотворное и самое крѣпкое могущество городъ получалъ, какъ мы сказали, отъ торговаго промысла. Построенный на выгодномъ мѣстѣ, маленькій городокъ тотчасъ привлекалъ къ себѣ людей промышленныхъ во всѣхъ видахъ. Вблизи его стѣнъ разводились слободки, особые ряды избъ, стоявшіе въ полѣ, на волѣ и на свободѣ, какъ можно объяснить первоначальное значеніе этого слова. Но въ слободахъ, кромѣ того, въ началѣ всегда селилось свободное населеніе, независимое ни отъ какого тягла, необязанное никакою службою для города. Въ послѣдствіи оно конечно примыкало къ самому городу и домами и службою и составляло уже его конецъ, какъ обыкновенно назывались заселенныя пригородныя мѣстности. Въ общемъ составъ такіе слободки и концы именовались вообще посадомъ, то есть сплошнымъ сидѣньемъ вокругъ города. Въ развитіи города посадъ представлялъ уже новую и весьма важ-

ную ступень, которая изъ укромнаго военнаго гнѣзда создавала дѣйствительное гражданство. Если въ маломъ городкѣ самыя его стѣны ограничивали свойство его населенія, такъ сказать, однимъ военнымъ ремесломъ, по которому и купецъ становился прежде всего воинномъ, то въ городкѣ посадскомъ военная жизнь должна была отойти на второе мѣсто и подчиниться интересамъ Посады. Если городокъ, какъ военное гнѣздо своей волости, въ первое время необходимо заключалъ въ своихъ стѣнахъ населеніе болѣе или менѣе однородное, даже въ чистомъ видѣ родовое, то посадъ съ перваго же времени становился гнѣздомъ населенія, смѣшаннаго изъ всякихъ людей, которое въ существенномъ смыслѣ и завязывало узелъ перваго гражданства. Смѣсь населенія всегда и повсюду составляетъ самую могущественную стихію въ развитіи городскаго быта; она есть прямое и непосредственное начало собственно гражданскихъ отношеній и гражданскаго развитія земли. Поэтому, гдѣ приливъ смѣшаннаго населенія былъ сильнѣе и многообразнѣе, тамъ скорѣе всего выросло и могущество города, необходимо распространявшаго это могущество и на всю окрестную страну. Такимъ путемъ безсомнѣнія сложились наши первые города, особенно Новгородъ и Кіевъ. Какъ бы ни было, но Посадъ возлѣ военнаго гнѣзда разводилъ гнѣздо промышленное и ремесленное и въ первоначальную военную природу города вносилъ новую силу жизни, безъ которой военный городокъ остался бы навсегда только временною стоянкою и съ распространеніемъ безопасности житья примкнулъ бы къ тѣмъ многочисленнымъ городищамъ, которыя, какъ не развившіяся сѣмена городскаго быта, сохраняютъ теперь только память о господствовавшей нѣкогда повсемѣстной враждѣ и осадѣ со стороны своего же населенія.

Боярство въ общемъ смыслѣ военной дружины и купечество въ общемъ смыслѣ торговой и промышленной дружины, какъ два рода независимыхъ занятій, послужили естественными и главными основами при дальнѣйшемъ развитіи городскаго быта. Отъ присутствія этихъ особыхъ началъ въ распредѣленіи и размѣщеніи людей города родовый характеръ городской общины сталъ измѣняться и уступать характеру въ прямомъ смыслѣ общинному.

Если городок выросталъ, какъ необходимая потребность родовой волости для сосредоточенія въ немъ защиты и всѣхъ отправленияхъ жизни волостью, то естественно, что собравшуюся въ немъ дружину должна была поддерживать и кормить общими силами тоже волость, такъ какъ она же должна была строить, починивать и всячески устраивать свое военное гнѣздо. Вотъ основаніе послѣдующаго права кормленія городовъ принадлежавшими къ нимъ волостями и землями, и основаніе обязанности строить и починивать города волостными людьми.

Во всякомъ случаѣ, кто бы ни строилъ первый городъ, отдѣльный родъ, волость и даже цѣлое племя, кормленіе и строеніе города необходимо распадалось на всѣ поселки, которые находили въ немъ свою защиту. Пришедшій Рюрикъ какъ призванный защитникъ земли, точно также начинаетъ строить многіе города, конечно въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ больше всего требовалась защита отъ враговъ, и гдѣ населеніе нуждалось только въ храброй дружинѣ. Онъ пришелъ не завоевателемъ, а защитникомъ, и потому построенные имъ города были столько же дѣломъ самихъ тѣхъ людей, которыхъ онъ пришелъ оберегать и защищать и которые естественно по доброй волѣ несли и всѣ повинности по устройству и кормленію такого города.

Такимъ образомъ и строеніе городовъ князьями отвѣчало только существеннымъ потребностямъ волостной жизни. Съ построеніемъ новаго города создавалась новая волость, образовывалось новое крѣпкое средоточіе жизни.

Если городъ являлся выразителемъ и существомъ волостныхъ связей и отношеній, если это было только жилище, хоромина, въ которой для защиты и охраны сосредоточивалась жизнь самой волости, то въ его дѣятельности, въ его порядкахъ жизни необходимо должны были сохраняться всѣ тѣ стремленія, какими отличался и каждый отдѣльный родовой поселокъ, каждое отдѣльное, независимое хозяйство, ибо городъ въ сущности былъ только завершеніемъ и средоточіемъ общей жизни такихъ хозяйствъ.

Отдѣльное хозяйство начинало свою жизнь съ деревни. Мы не знаемъ, какъ такая жизнь начиналась въ полѣ, то есть въ степныхъ мѣстахъ. Тамъ вѣроятно она начиналась селомъ, то

плеть сидельемъ на извѣстномъ мѣстѣ, которое требовало только заботь о распашкѣ широкаго поля. Слово деревня напротивъ оказывается, что жизнь начинается свое дѣло въ лѣсу, и начинается съ того, что дѣлаетъ дорь—росчисть лѣса для пашни и покоса, вздираетъ лѣсную чашу, дабы устроить ниву. Эта очистка лѣснаго угодя или дикой лѣсной земли для разведенія паханнаго поля, отъ способа самой работы—драть, прочищать, подсыгать, валить лѣсъ, прозывается какъ упомянуто доромъ—дворомъ и деревнею¹, что значило одно и тоже, то есть росчисть, пашню. Въ древнее время деревня заключала въ себѣ по большей части одинъ дворъ, рѣдко два или три, и тѣмъ обнаруживала, что поселокъ начинался съ одной семьи, или съ одного родового колѣна.

Изъ того же корня по всему вѣроятію идетъ и дорога, продранное въ лѣсу пространство, необходимый путь изъ деревни на Божій міръ. Такіе пути-дороги деревня пролагала во всѣ стороны, куда заводилъ ее лѣсной промыселъ, за звѣремъ, за птицей, за пчелою, или хозяйская работа надъ пашнею и сѣнокосомъ въ отхожихъ пустошахъ. Такими путями распространялись и обозначались границы деревенскаго владѣнья. Топоръ ходилъ по деревьямъ и клалъ рубежи², зарубалъ свои знаменья, обозначая путь, путикъ, или зарубая своимъ знакомъ бортовое ухожье. Коса ходила по лугу, соха—по нивѣ, обозначая тоже работу человеческихъ рукъ и тѣмъ опредѣляя право на владѣнье тѣмъ лугомъ и тою нивою.

Само собою разумѣется, что въ глухихъ мѣстахъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ прокладывать такіе пути было дѣломъ великаго труда и требовало великой настойчивости и времени. Поэтому естественно, что право на

¹ Дорь и теперь на сѣверѣ значитъ росчисть, роспашь; дерть—роспашь, подсыга; деревки—росчисть, чашоба, подсыга, починокъ; деревня—пашня, покоса, земля, пустошь. Въ древнемъ языкѣ розсычи дорь значило рассычь, расчистить мѣсто для покоса и пашни.

² Рубежемъ технически называлась зарубка, прямая вырубленная черта. Она же называлась и тномъ. Два рубежа два тна значили двѣ параллельныя прямыя зарубки. Гранью и границею технически назывались двѣ прямыя зарубки, соединенныя крестъ-на-крестъ X, отсюда грановитыя, граненый, сдѣланный гранями, или призмами.

тотъ или другой уголъ земли всегда принадлежало тому, кто первый прокладываетъ къ нему путь и нѣтъ сомнѣнiя, что тѣ знаменья—рубежи, какими обозначался этотъ путь становились священными и неприкосновенными писанiями или актами, документами собственности, разрушенiе которыхъ неизмѣнно влекло за собою кровавую месть виновному и преслѣдованiе его общими силами всего рода.

Нашъ промышленникъ сѣвернаго края и въ настоящую минуту ведетъ свои лѣсные промыслы тѣмъ порядкомъ, который достался ему отъ глубокой древности и былъ нѣкогда господствующимъ и повсемѣстнымъ во всей этой равнинѣ, называемой Русскою Землею. Когда спрашиваешь поселянъ въ Архангельской губерни, чѣмъ вы занимаетесь? то, по разсказу г. Максимова (Годъ на Сѣверѣ, II, 348) въ каждомъ селенiи получаешь одинъ отвѣтъ: „Да путики кладемъ, птицу ловимъ, звѣря бьемъ по этимъ путикамъ.“

„Путики, говоритъ г. Максимовъ,—это лѣсныя тропы, которыми изпрорѣзаны всѣ тамошнiе тайболы и лѣса. Путикъ прокладываетъ себѣ всякiй мужикъ, которому придется только охота къ лѣсному промыслу. У старательнаго и домовитаго промышленника такихъ путиковъ проложено до десятка и рѣдкiй изъ нихъ не тянется на 40, на 50 верстъ; нѣкоторые заводятъ свои тропы и гораздо на большее пространство. Путикъ этотъ прокладывается просто: идетъ мужикъ съ топоромъ, обрубаютъ болѣе бойкiя и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ намѣченныхъ по примѣтамъ и исконному правилу мѣстахъ вѣшаетъ онъ по вѣтвямъ силки для птицъ, прилаживаетъ у кореньевъ западни для звѣря. И такъ приметался, такъ приобыкъ въ долгомъ опытѣ и приглядѣ къ дѣлу каждый изъ охотниковъ, что онъ уже твердо помнить и подробно знаетъ свою тропу и ни за что не перемѣшаетъ свои путики съ чужими. Вѣрный исконному обычаю и природенному чувству пониманiя чести и уваженiя къ чужой собственности, онъ и подумать не смѣетъ осматривать, а тѣмъ паче обирать чужiе путики, хотябы они тысячу разъ пересѣкли его путикъ.“

Самое слово путь въ той сторонѣ имѣетъ значенiе промысла: идти въ пути—значитъ идти на промыслы. И въ 16 вѣкѣ упоминаются эти путики; ихъ называли пас-

ными (на звѣря) и силовыми (на птицу)¹. Это показываетъ только, что съ незапамятныхъ временъ они существуютъ въ промысловой жизни нашего сѣвера неизменно. Они теперь сохранились только въ глухихъ сѣверныхъ краяхъ, куда еще мало достигааетъ новая промышленная жизнь. Но было время, когда по всей нашей землѣ другого способа устраивать себѣ промыслы не существовало. За птицею и звѣремъ, за пчелою и даже за пашнею и сѣнокосомъ надо было ходить, дѣлать пути въ тѣ или другія стороны, прокладывая или еще варше продирая собственными усилиями путь-дорогу.

Дорога эта вырубалась топоромъ, не только какъ тележникъ, путь колесный, который необходимо было имѣть для проѣзда на пашни и сѣнокосы, но также какъ путь-тропа, пролагаемая только для пѣшаго ходу. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ топоръ на право и на лѣво тесалъ потесы и клалъ грани и знаменья, какъ напр. въ бортныхъ ухажахъ, на пути за пчелами. Чтобы обозначить предѣлы своего владѣнья, свои пути и межи, въ старину выражались такъ: куда топоръ ходилъ.

Топоромъ каждая деревня прорубала и зарубала себѣ право собственности на окрестную землю. Самыя межи клались не на землѣ, а вырубались топоромъ же на деревьяхъ. Земляная межа всегда шла только живыми урочищами въ родѣ рѣчекъ, овраговъ, болотъ, ржавцевъ, мховъ и т. п. Но какъ скоро она теряла живое урочище, то переходила на дерево и уже одно дерево представляло для нея единственный предметъ для межеваго признака, поэтому такая межа всегда отводилась отъ одного дерева до другого, „отъ дуба или сосны на березу, а на березѣ грань, да на липу, да на двѣ ели, да на вязъ, а на нихъ грани; да на три ели—выросли изъ одного корени; да на двѣ осины, да на березу на вилонатую, да къ кровяному вязу, да къ двумъ вольхамъ—изъ одного корени выросли“, и т. д.

Такие пути могли принадлежать одной деревнѣ, одному поселку, но иные, болѣе пространные и значительные, могли принадлежать и всей волости, т. е. всему союзу родовыхъ поселковъ. Въ извѣстное ухожь могла ходить вся округа,

¹ Алты юридическіе, № 368.

какъ въ общее для всѣхъ владѣнне, каковыми напр. были неизмѣримый дѣсной островъ, или озеро, или воды большой рѣки, и т. п. Естественно, что такіе обширные уходы и пути должны были принадлежать уже волостному городку, какъ главному узлу волости и власти.

Первобытное деревенское понятіе о пути, какъ о дорогѣ промысла или всякаго дохода, легло въ основаніе и городовою дѣятельности.

Въ послѣдствіи городъ, какъ военная дружина, сталъ называть путемъ всякій военный походъ, и разумѣется всякую дорогу въ завоеванную страну, по которой собиралась дань и другіе поборы.

Какъ деревня, ходя по своимъ путямъ, являлась промышленникомъ звѣря, пчелы, рыбы и т. п., такъ и городокъ становился промышленникомъ людскихъ поселковъ и чужихъ волостей и даже городовъ, которыми овладѣвалъ для собиранія дани.

Какъ въ деревнѣ дѣйствовалъ топоръ селянина-пахаря, птицелова, звѣролова и пр., зарубая и прорубая себѣ путики, такъ и въ городѣ его военная дружина зарубала и прорубала себѣ пути для своихъ промысловъ мечемъ. Дружинный бытъ въ этомъ отношеніи новаго ничего принести не могъ; онъ, народившись постепенно изъ развитія земскихъ же силъ, употребилъ въ дѣло тѣже искони-вѣчные способы устраивать свой промыслъ, какіе по всей землѣ существовали съ незапамятнаго времени.

Какъ деревенскій промышленникъ съ своимъ топоромъ, такъ и самъ свѣтлый князь или свѣтлый бояринъ съ своимъ мечемъ ходили, лезли въ свои пути, и на право и на лѣво зарубали свои права на землю, добытую, нагезенную трудомъ великимъ. Отцы—піонеры пролагали эти пути, дѣти и внуки держали ихъ, какъ отчину и дѣдину, какъ родовую собственность. Если поселянинъ отмѣчалъ свое право на землю указаніемъ, куда плугъ, соха ходили, куда коса ходила, куда топоръ ходилъ, то князь, голова дружинная, точно также могъ указывать на свое право указаніемъ, куда мечъ ходилъ.

Каждый городъ, подобно деревнѣ распространялъ свои пути во всѣ стороны и зарубалъ себѣ собственный округъ, отчего и границы такого округа прозывались рубежомъ.

Вотъ почему самыя дѣла нашихъ первыхъ князей, весь порядокъ этихъ дѣлъ, представляли въ сущности только новый шагъ, новую ступень въ развитіи старыхъ земскихъ промышленныхъ отношеній. Князья, какъ способная дружина, только способствовали городамъ распространить новый промыслъ даней, оброковъ, уроковъ. Они ничѣмъ не отличались отъ простыхъ промышленниковъ: также ходили на ловы не для потѣхи, а именно для промысла; сами собирали полюдье, дани, дары, уроки, оброки; сами оберегали Днѣпровскіе караваны купцовъ-гречниковъ, и т. д. Вообще существенная роль князя состояла въ томъ, что онъ былъ первый работникъ и хозяинъ своего города и своей волости или области и всей своей Земли. Стихія хозяйскаго дѣла была основаніемъ его быта, какъ стихія военнаго дѣла была только охраною и поддержкою этого быта.

Переходъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное и завоевательное случался конечно у тѣхъ городковъ, гдѣ по выгодамъ мѣстоположенія накоплялось больше народонаселенія и сходилась болѣе сильная многочисленная и важная дружина.

Если въ первое время отдѣльные роды очень часто жили во враждѣ, воевали другъ съ другомъ, то воюя, они необходимо должны были завоевывать другъ у друга и земли, и волости, и самыя города, и всякія уголья. Осилывалъ конечно тотъ, у кого было больше силы, а большую силу возможно было имѣть только въ храброй и многочисленной дружинѣ. Поэтому, гдѣ накоплялось много дружины, тамъ и городокъ становился сильнымъ и опаснымъ сосѣдомъ для другихъ городковъ, и въ немъ сами собою возникали уже завоевательныя помыслы, ибо дружина жила именно промысломъ войны.

Само собою также разумѣется, что дружина особенно могла скопляться на бойниихъ перекрестныхъ мѣстахъ, черезъ которыя протягивались торговыя и промышленныя дороги, куда поэтому сходились люди отъ разныхъ сторонъ и разные люди.

Вотъ по какой причинѣ важнѣйшими владѣтельными городами первыхъ Русскихъ племенъ оказываются тѣ; которые стоятъ на великихъ распутіяхъ, какъ Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Полоцкъ, Новгородъ, Ладога и пр. Несомнѣнно, что и эти города въ началѣ были простыми родовыми го-

родками, какъ лѣтописецъ засвидѣтельствовалъ о Кіевѣ. Причины, почему именно эти, а не какіе либо близлежащіе городки получили перевѣсъ, скрываются больше всего въ топографическихъ свойствахъ ихъ мѣстности, особенно способной къ скопленію людей по угодыямъ жизни.

Съ теченіемъ времени колесо счастья поворачивалось и иные города могли приходиться въ упадокъ или отъ собственнаго безсилія или отъ завоеванія болѣе сильнымъ сосѣдомъ.

Но какъ бы ни было, а къ началу нашей исторіи сложилось нѣсколько городовъ, которые владѣли уже большими волостями одноплеменнаго населенія, были уже главными городами цѣлыхъ племенъ. Объединить своею властью нѣз разрозненныхъ родовъ цѣлое племя эти города иначе не могли, какъ послѣ борьбы съ отдѣльными волостями, послѣ завоеваній и покореній мелкихъ городковъ. Намъ кажется, что этой цѣли они достигали посредствомъ военнаго промысла, который въ сущности ничѣмъ не отличался отъ другой промышленности тѣхъ вѣковъ. Такіе города, подобно деревнямъ, могли пролагать свои пути очень далеко. Новгородъ собиралъ дань не только съ приморскихъ земель Бѣлаго моря, но съ Печерскаго и съ Югорскаго Края.

Для проложенія и укрѣпленія подобныхъ путей, владѣтельный городъ употреблялъ рубежи и знаменья своего рода. Это были новые городки, которые онъ строилъ по всѣмъ направленіямъ своихъ промышленныхъ дорогъ, особенно по теченію рѣкъ. Вотъ новая причина, объясняющая существованіе многочисленныхъ земляныхъ ороповъ.

Вмѣсто догадокъ, какъ это могло происходить, обратимся къ позднѣйшему времени и посмотримъ, какинъ образомъ, спустя 600 лѣтъ, таже самая Русь, скопившаяся теперь въ Москвѣ, собирала свои дани у Сибирскихъ инородцевъ, покореніе которыхъ изъ Москвы шло шагъ за шагомъ точно также, какъ изъ Кіева и Новгорода шло покореніе Славянскихъ и другихъ племенъ по всему сѣверовостоку. Свидѣтельства о Московскихъ порядкахъ собиранія дани не подлежатъ и малѣйшему сомнѣнію, потому что находятся въ официальной перепискѣ правительства. Что они вполне приложимы и къ Варяжскимъ временамъ, въ этомъ томѣ сомнѣваться нѣтъ основаній. Въ исторіи, какъ и въ жизни отдѣль-

наго человѣка, одинаковыя цѣли и одинаковыя обстоятельства всегда и повсюду поражаютъ одинаковый способъ дѣйствій, одинаковыя отношенія и весьма сходныя черты даже въ мелкихъ подробностяхъ. Царь Иванъ Вас., посылая въ Югорскую землю собирать дань по соболу съ человѣка, писалъ тамошнему князю и всемъ людямъ Сорыкитскія Земли, чтобъ собрали дань сполна, и прибавлялъ: „а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беречь, подъ своею рукою держать, а не сберете нашей дани и мнѣ на васъ послать свою рать и вострую саблю...“ Эти рѣчи по своему смыслу такъ древни, что ихъ безъ ошибки можно относить къ самымъ отдаленнымъ временамъ. Такъ несомнѣнно говорилъ еще Олегъ, покоряя Кіеву сосѣднія Славянскія племена. Въ слѣдъ за этими рѣчами царь Иванъ Васильевичъ наказывалъ провонать посланныхъ имъ данщиковъ Югорскимъ князьямъ съ Югричами, людямъ добрымъ, отъ городка до городка и отъ людей до людей...

Когда по слѣдамъ Ермака Тимофеевича Русскіе вошли завоевателями въ Сибирскія пустыни, то первымъ ихъ дѣломъ во всехъ случаяхъ было построение городовъ и городковъ¹, для чего изыскивались угодныя мѣста, преимущественно на устьяхъ рѣкъ, на высокихъ крутоярахъ, чтобъ мѣсто было крѣпко, чтобъ никакъ влезть было невозможно, а къ тому, чтобъ мѣсто было рыбно, была бы и пашенка небольшая и много луговъ для пастьбы скота и коней. При этомъ города и городки ставились всегда въ срединѣ волостей и землицъ, съ которыхъ собирались дани, самое большое—дней на 10 вѣды до границъ волости или до послѣдняго селенія, платившаго городку дань; но больше всего старались устраивать городки въ такихъ мѣстахъ, чтобы инокородческіе поселки на-

¹ Первый городокъ, построенный въ Сибири русскими ратными людьми (въ 1585 г.), называется Остяками Рушъ-вашъ, что значитъ Русскій городокъ (Миллера: Описание Сибирскаго царства, стр. 198). Онъ былъ поставленъ случайно, только для зимовья русскому отряду, въ 100 человѣкъ, проплывшему по Иртышу въ Обь. Здѣсь, на сѣверовосточномъ берегу Оби, противъ устья Иртыша и сооружена была эта первая крѣпостца, выдержавшая тогда же со славою значительную осаду отъ инородцевъ. Имя Рушъ-вашъ сходствуетъ съ именемъ самаго сѣвернаго селенія на островѣ Рюгенъ—Rusevase. См. стр. 172. Славянское весъ, васъ по Краински, значитъ село, деревня.

ходились въ пяти, въ двухъ, въ одномъ днищѣ отъ города, или еще ближе. Днище пути заключало въ себѣ 20—25 верстѣ.

Городъ рубили всюю ратью по раскладкѣ, назначая бревень по 5 на человекъ. Мѣстныхъ чужеродцевъ, если они были подручны, тоже заставляли рубить бревень по 15 или по 10, смотря по ихъ средствамъ и усердію. Такихъ работниковъ съ топорами собирали съ трехъ луковъ по человекъ. Но сперва отъ нихъ ото всѣхъ очень береглись, указывая имъ только рубить и привозить лѣсъ, а потомъ отправляли ихъ скорѣе по домамъ. Къ городскому дѣлу никого изъ чужихъ не допускали, изъ боязни, чтобъ не смѣтили сколько всего пришло къ нимъ ратныхъ Русскихъ людей. потому что Русская рать въ такихъ случаяхъ вообще бывала не очень значительна. На первыхъ порахъ съ чужеродцами предписывалось обращаться съ большою ласкою, велѣно было примолвливать и обнадеживать ихъ всячески. что будутъ съ ними жить дружно, чтобъ жили они спокойно по своимъ мѣстамъ и въ городъ приходили бы, какъ къ себѣ домой; но въ тоже время велѣно было держать себя противъ нихъ съ большою осторожностью, какъ вообще противъ враговъ.

Городъ, то есть деревянныя стѣны, ставился съ воротами и башнями, и смотря по мѣстоположенію укрѣплялся кромѣ того острогомъ (острымъ тыномъ), надолбами, рвами и во рвахъ честиномъ. Въ тоже время изъ всей рати по вольному голосу избирались охотники, кто хотѣлъ остаться въ городѣ жить навсегда въ жильцахъ. Изъ стороннихъ прибирали вообще гулящихъ людей, и отнюдь не снимали съ мѣста хлѣбопашцевъ. Изъ такихъ вольныхъ людей устраивалась городовая дружина, напр. человекъ 50 конныхъ и человекъ сто пѣшихъ казаковъ и стрѣльцовъ. У казаковъ былъ главнымъ атаманъ, у стрѣльцовъ сотникъ. Оба вмѣстѣ они и управляли дружиною. Иногда надо, всюю дружиною правилъ Стрѣлецкій Голова. Въ иныхъ, болѣе значительныхъ городахъ воеводство поручалось Сыну Боярскому. Вообще въ начальныя избирались люди добрые и смысленые. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалось все существо самого города: первое — судъ и управа надъ подвластнымъ населеніемъ; второе — защита населенія отъ враговъ; третье — сборъ дани, отыскиваніе новыхъ даней, новыхъ волостей и зем-

лицъ для приведенія ихъ подъ государеву высокую руку. Всѣмъ дружинникамъ-горожанамъ раздавались подгородныя земли и угодья съ наказомъ, чтобъ впередъ всякой былъ хлѣбопашецъ, для того, чтобъ городъ самъ могъ кормить себя, ибо привозъ запасовъ изъ Руси былъ дѣломъ весьма затруднительнымъ.

Въ городѣхъ иногда жили очень тѣсно. Такъ, въ Нарышскомъ Острогѣ въ 1611 г. порожняго мѣста небыло и съ сажень: берегъ надъ рѣкою отмывала вода, а подвинуться въ поле было не куда, кругомъ лежали болота и мхи (трясины).

Обыкновенная и прямая служба рядовой городской дружины заключалась въ собираніи дани, разныхъ дорогихъ мѣховъ: соболей, лисиць, бобровъ, песцовъ, куницъ, горностаевъ, бѣлокъ. Для этого зимою она ѣздила небольшими станицами, человѣкъ въ 20—40, по инородческимъ городкамъ, волостямъ и землицамъ, такъ далеко, какъ только возможно было въ зимній путь доѣзжать изъ города съ оборотомъ назадъ. Такимъ образомъ городской данничій путь или округъ опредѣлялся самъ собою соотвѣтственно мѣстнымъ топографическимъ удобствамъ проѣзда. Онъ, какъ подвластная земля, составлялъ особый присудъ того города, который распространялъ въ немъ свою власть.

Сборъ дани, хотя быть можетъ и былъ прибыленъ для ходоковъ, но вообще онъ сопровождался большими лишениями. Люди терпѣли стужу и всякую нужу, иной разъ умирали отъ голоду, потому что враждующіе данники не давали имъ ничего и всячески стѣсняли ихъ пребываніе въ своихъ мѣстахъ. Малыми отрядами ходить было очень опасно, ихъ побивали безъ остатка. По большей части дань собиралась, какъ сказано, зимою, когда нерѣдко ходили на лыжахъ и нартахъ. Но были такия мѣстности, куда именно зимою пройти было невозможно, иные люди жили „въ крѣпостяхъ великихъ, осенью болота ихъ обошли и зыбели великіе и ржавцы, и зимою снѣга великіе“, поэтому пройти въ нихъ возможно бывало только въ срединѣ лѣта.

Очень важно было собрать первую дань. Тутъ кромѣ военной силы нужно было особое умѣнье и ловкость, дабы употребить эту силу во-время и встать, ибо во всякомъ случаѣ дѣло было опасное.

Очень нерѣдко случалось, что данники не повиновались и не только не платили дани, но и приходили воевать на городъ.

Тогда городова дружина усмиряла ихъ, приводила снова подъ высокую царскую руку, а чтобы дань была впередъ крѣпка и вѣрна, отбирала у нихъ заложниковъ, по древнему талей, изъ лучшихъ людей, которые до времени и содержались въ городѣ и по просьбѣ отпускались иногда домой, но не иначе, какъ поставивъ вмѣсто себя новыхъ вѣрныхъ заложниковъ. Кромѣ того городъ вообще крѣпко сторожилъ и оберегалъ свои подданныя волости отъ стороннихъ враговъ, для чего дружина, проѣзжая станицы, человекъ по 20, по 30 и по 40, постоянно объѣзжали свои владѣнья, оставаясь иногда въ опасныхъ мѣстностяхъ на житье у данниковъ для ихъ береженья все лѣто. Въ самомъ городѣ необходимо было держать безпрестанный караулъ у воротъ и по стѣнамъ, а также и отъѣзжій караулъ вблизи города, на заставахъ и на высокихъ мѣстахъ, чтобы, какъ по телеграфу, давать вѣсть объ опасности. Когда городъ былъ силенъ и охрана по всему округу крѣпка, а судъ и управа правдивы, то данники сами привозили дань въ городъ и начиналась даже и торговля скотомъ и припасами. Ласка, привѣтъ и кроткое обращеніе съ данниками дѣйствительно всегда дѣлали ихъ друзьями завоевателей. Но всякое насилье и обида со стороны города, почти никогда не проходили даромъ и поднимали все населеніе. Однажды въ Томской городѣ пришла жена одного Киргизскаго князька бить челомъ, чтобы Киргизскимъ людямъ быть подъ высокою царскою рукою. Вмѣсто того, чтобы ее обласкать и одарить, чѣмъ возможно, Томскіе стрѣлцкіе головы сняли съ нея грабежомъ соболью шубу. За эту шубу Киргизы поднялись и жестоко отомстили, не самому городу, къ которому придти боялись, а его подвластнымъ вѣрнымъ данникамъ, то есть всему окрестному населенію, что было все одно. Съ той поры и покорить Киргизовъ стало невозможно.

Въ иныхъ случаяхъ сами же данники предупреждали объ опасности. Въ 1605 г. въ Кетцкой острогъ пришла жена одного Остяка и объявила, что ея мужъ и всѣ Кетцкіе люди умышляютъ на острогъ и хотятъ его взять и сжечь, а служилыхъ людей всѣхъ побить. Дѣйствительно открылось, что всѣ данники Кетцкаго острога и города Томска хотѣли забунтовать и успѣли уже побить человекъ 10 изъ сборщиковъ дани, но благодаря этой Остячкѣ, нововоды и въ томъ

числѣ ея мужь были схвачены, пытаны, наказаны и опасность миновала.

Любопытно, что женщины являются и ходатаями—послами, и предателями своихъ же родныхъ людей. Въ иныхъ случаяхъ жены князьковъ, вмѣсто нихъ, привозили Русскимъ собранную дань, особенно когда требовалось при этомъ попросить о какой либо льготѣ. Необходимо предполагать, что и въ глубокой древности женщины вообще бывали благосклоннѣе къ завоевателямъ и больше своихъ мужей способствовали распространенію дружескихъ связей и мирныхъ сношеній.

Обыкновенная забота города въ томъ и состояла, чтобы развести съ инородцами торгъ, завязать съ ними дружбу и постоянныя сношенія, особенно съ ихъ старшими и начальными людьми. Съ этою цѣлью лучшіе данники, особенно князьки, привлекались въ городъ государевымъ жалованьемъ, которое изъяснялось большею частію въ подаркахъ цвѣтнымимъ сукномъ или суконнымъ платьемъ, особенно красныхъ цвѣтовъ, до чего инородцы были большіе охотники. Приходя въ городъ къ этому государеву жалованью, инородцы по обычаю приносили и съ своей стороны подарки-поминокки, конечно, дорогими мѣхами. Это было прибавкою и подспорьемъ къ установленной дани.

Другая не малая забота города, какъ мы говорили, заключалась въ томъ, чтобы развести возлѣ себя пашню. Съ этою цѣлью городокъ приманивалъ къ земледѣлію окрестныхъ инородцевъ и прямо имъ объявлялъ, что они должны платить дань однимъ только хлѣбомъ, что ничего другаго, никакихъ соболей, кромѣ хлѣба, съ нихъ не возьмутъ. Это былъ самый дѣйствительный способъ распространить хлѣбопашество и въ инородческомъ быту.

Таковы были порядки завоеванія или покоренія Сибири. Они и въ общихъ чертахъ, и въ своихъ мелкихъ подробностяхъ въ полной мѣрѣ могутъ обрисовывать старину 9 и 10. вѣка, ибо Москва 16 вѣка по существу своей роли продолжала тоже самое дѣло, какое началось въ 9 вѣкѣ въ Кіевѣ.

Покореніе Сибири было въ сущности продолженіемъ того движенія восточныхъ Славянъ къ северо-востоку, которое началось не на памяти Исторіи. Мы видѣли, что еще Геро-

доть упоминаетъ о переселеніи Славянъ-Невровъ въ Мордовскую сторону Вудиновъ. Черезъ тысячу триста лѣтъ, въ половинѣ 9 вѣка, потомки этихъ Невровъ владѣли уже всею странюю верхней Волги, простирая свои пути вѣроятно и дальше по направленію къ Бѣлому морю и къ Уральскимъ горамъ.

Это было естественное и такъ сказать растительное распространеніе Славянскаго племени по землямъ и странамъ, въ которыхъ оно искало необходимыхъ средствъ жизни, добывая пушной товаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ прокладывая дорогу орудіямъ земледѣльца, труду пахаря и всякимъ потребностямъ осѣдлаго быта.

Само собою разумѣется, что городокъ въ этомъ случаѣ игралъ самую значительную роль, а городской промыслъ за даями съ инородцевъ составлялъ существенную силу для распространенія между ними извѣстной степени культуры. Городокъ, какъ военная дружина, конечно, работалъ больше всего мечемъ. Но надо замѣтить, что и самый мечъ въ русскихъ рукахъ всегда оставался въ предѣлахъ, какіе ему указывала жизнь промышленника. Онъ былъ только пособникомъ въ промыслѣ и потому, какъ скоро его дѣло оканчивалось, начиналось обычное и настоящее дѣло, т. е. устройство порядка въ даяхъ, устройство торговыхъ сношеній, и разведеніе по удобнымъ мѣстамъ хотя небольшой пашенни, ибо питаться однимъ звѣремъ или рыбою безъ батюшки-хлѣба не могъ Русскій человекъ. Впрочемъ городской промыслъ меча, если иногда заходилъ очень далеко въ насиліяхъ, очень нерѣдко подвергался опасности и самому погибнуть отъ такого же меча. Обыкновенно инородческая земля вставала поголовно и раздѣлывалась по-свойски не только съ волками-рядовыми промышленниками, но и съ волками-князьями.

Больше всего промышленникъ, и меньше всего завоеватель, русскій человекъ очень хорошо цѣнилъ такіе уроки и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы жить съ покоренными въ ладу, въ покоѣ и тишинѣ. Свою ошибку или временное дружинное неистовство онъ тотчасъ старался исправить водвореніемъ подходящаго порядка, устава, закона. Конечно, тоже самое происходило во всѣхъ странахъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, но у Русскаго это происходило съ про-

мышленнымъ разсудкомъ, съ промышленнымъ вниманіемъ къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Онъ не останавливался на одномъ, на чемъ обыкновенно останавливались прямые завоеватели, чтобы постоянно только грабить подвластное племя; онъ конечно жестоко наказывалъ непокорныхъ, но какъ скоро покоренные жили тихо, то заводилъ съ ними дружбу и побратимство, вовсе не думая, что это какое либо низшее племя, недостойное со стороны завоевателя человеческого обхожденія. Въ своихъ завоеваніяхъ онъ никогда не былъ германцемъ-феодаломъ и никакъ не могъ вѣстить въ свой умъ понятій такъ называемыхъ аристократическихъ. Пропитанный чувствами родства, онъ всякую дикую народность понималъ только какъ малосмысленнаго ребенка, какъ роднаго себѣ, и обращался съ нею по своимъ же прирожденнымъ идеямъ родства, и отнюдь не по идеямъ господства. Русская историческая жизнь началась промысломъ и торговомъ. Никакого исключительно военнаго сѣмени въ ней нигдѣ не лежало. Ея военное дѣло все устремлялось только на podporу промышленныхъ и торговыхъ цѣлей. Военное дѣло только прочищало дороги для этихъ цѣлей, о чемъ очень заботились еще русскіе богатыри, эти первоначальные строители русской исторической жизни. Но и богатырь, какъ военная сила, во всѣхъ случаяхъ являлся только слугою Земли, исполнялъ только то дѣло, котораго требовало Земля, которое становилось необходимою для Земли. Въ послѣдствіи, задачи и идеи древнѣйшаго богатырства сами собою легли въ основаніе государственныхъ стремленій, сдѣлались первою доблестью князей, а потомъ первою добродѣтелью государей самодержцевъ.

Вотъ почему и Русское государство, какъ непосредственное созданіе самого народа, во всѣхъ своихъ завоеваніяхъ новыхъ странъ и земель обыкновенно только оканчивало давно начатое народное дѣло. Оно шло всегда только по слѣдамъ промышленника, который первый открывалъ путь и первый указывалъ самые способы, какъ занять новую страну и какъ устроиться съ ея расселеніемъ. Еще прежде, чѣмъ государственная власть узнавала о существованіи какой либо новой земли, способной платить дань, промышленникъ уже собиралъ тамъ дань, строилъ своими средствами городки и независимо ни отъ кого укрѣплялъ свои связи съ ди-

ницъ населеніемъ. Такъ поступали напр. около 1600 г. Пустоверцы, Вымичи и многихъ другихъ городовъ торговые люди, которые брали дань съ Самояди, ставили и содержали въ ея землѣ свои городки, вели съ ней торговлю и не считывали, какою дорогою туда ходили. Въ это время существовало въ Москвѣ крѣпкое государство, которое старалось всё подобныя дѣла переводить изъ частныхъ рукъ въ свои государственныя руки, а потому, объявляя себя настоящимъ законнымъ покровителемъ и защитникомъ новопокоренной народности, признавало подобныя дѣйствія торговыхъ людей, какъ частныя, незаконныя, воровскія.

Но Пустоверцы и Вымичи въ 16 столѣтіи дѣйствовали точно также, какъ дѣйствовалъ въ 9 вѣкѣ и нѣсколькими вѣками раньше Новгородъ, какъ въ послѣдствіи дѣйствовала его же колонія — Двинская земля, потомъ Устюгъ, Вятка и всѣ другіе Сѣверные города. И сама Москва, стремясь забрать всякую дань въ свои руки, дѣйствовала точно также, какъ въ свое время дѣйствовали Кіевскіе князья, переводя частное дѣло въ свои княжескіе руки, въ свой столичный городъ.

Само собою разумѣется, что только въ этихъ княжескихъ и государевыхъ рукахъ, при военной силѣ, всякіе поборы и дани могли получать если не болѣе правильное, то наиболѣе крѣпкое устройство. Государство въ этомъ отношеніи только собирало частныя единичныя предпріятія въ свои общія всенародныя руки, и въ сущности было такимъ же промышленникомъ новыхъ даней, каковымъ въ древнѣйшее время являлся каждый малый городокъ и большой городъ. Дани имѣютъ государственное значеніе; на нихъ выросло государство. Но въ первое время онѣ были простою частною промышленностью городской дружины, ея обычнымъ способомъ добывать себѣ и своему городу необходимое кормленье. Повторимъ еще разъ, что какъ изъ деревень простой промышленникъ за звѣремъ, за пчелою, за птицею, дѣлалъ въ глухой сторонѣ свои пути, которые потомъ становились его не прикосновенною собственностью, такъ точно и князья изъ городовъ дѣлали свои пути за чужими волостями и городами, за иноподданинскими землями, которыя становились собственностью ихъ княжескихъ столичныхъ городовъ.

Особому распространению и развитію первыхъ городовъ, какъ мы говорили, очень способствовала разнородность и смѣсь населенія, приходившаго къ городу подъ защиту или приходившаго къ нему на службу для его защиты. То, что говоритъ Титмаръ о Кіевѣ 11 вѣка, что это былъ притонъ всякихъ людей, особенно изъ бѣглецовъ-иноземцевъ, которыхъ онъ обозначаетъ Данами, то есть вообще Скандинавами или балтійскими Поморянами, это самое въ Кіевѣ, какъ и въ Новгородѣ, могло существовать съ незапамятныхъ временъ. Несомнѣнно, что эта смѣсь населенія послужила первою основою особой силы и особаго могущества этихъ двухъ городовъ, стоявшихъ на распутіяхъ большой дороги и потому скоро сдѣлавшихся хозяевами многочисленнаго русскаго Городства, на сѣверѣ и на югѣ.

Для города, который своимъ промысломъ и торгомъ приобрѣталъ силу, выступалъ впередъ, и подчинялъ себѣ все окрестное населеніе, каждый новый пришлецъ былъ гостемъ очень надобнымъ и очень дорогимъ, особенно, если это былъ товарищъ мечу, храбрый и отважный дружинникъ. Такихъ людей городъ необходимо отыскивалъ повсюду и съ особою ласкою растворялъ для нихъ широкія двери своей грядницы. Собрать хорошую дружину было первою задачею города, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ. Только съ храброю дружиною онъ могъ держать себя независимо, даже владычествовать надъ окрестною странюю, пролагать дальше свои промышленные пути, укрѣплять и въ далекихъ мѣстахъ свои торговые и всякія другія сношенія.

Очевидно, что когда существовали города и по свидѣтельству лѣтописи много городовъ, когда вообще существовала особая жизнь Городства съ потребностями защищать свой городъ и свою землю, пролагать дороги прямоѣзжія, очищать отъ враговъ пути далекіе, то естественно, что въ странѣ, какъ отвѣтъ на потребности Городства, необходимо существовалъ и цѣлый классъ или разрядъ людей, отдававшихъ все свое дѣло исключительно только подвигамъ земской защиты, какъ и подвигамъ всякой службы для роднаго города. Это были тѣ подвиги и тѣ люди, о которыхъ воспѣваютъ наши народныя быліны и до сихъ поръ. Намъ кажется, что древняя быліна вообще есть истинный свидѣтель и достоверная лѣтопись о томъ именно времени, когда до-историческая Русь

ская жизнь, сложившись въ независимое другъ отъ друга Городство, проходилаэтотъ своеобразный путь развитія только едиными силами богатыря-дружинника и съ благодарною памятью воспыла его, какъ могучую первородную стихію своего историческаго бытія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ существенное содержаніе былинъ со всѣми тѣми подробностями, которыя, какъ несомнѣныя черты глубокой древности, явно выделяются отъ послѣдующихъ приставокъ и наслоеній былиннаго эпоса. По всему видимо, что былины воспылаютъ именно быть нашего до-историческаго Городства, быть первороднаго Русскаго города, который самъ олицетворяетъ въ образѣ Стольнаго и Ласковаго князя Владиміра.

По былинамъ этотъ Владиміръ—лицо мнѣшеское; его идеаль, по вѣрному замѣчанію г. Буслаева, „составился въ фантазіи народной еще въ эпоху языческую, или поврайней мѣрѣ независимо отъ христіанскихъ идей и помимо всякой мысли объ обращеніи Руси въ христіанство“. Этотъ Стольный князь Владиміръ вѣчно сидитъ дома, самъ на войну не ходитъ. Вотъ первая черта, которая обнаруживаетъ, что въ его имени рисуются больше всего понятія и представленія о самомъ городѣ, чѣмъ о какой либо личности. Извѣстно, что первая обязанность идеальнаго историческаго князя, какъ живаго дѣятеля Земли, заключалась именно въ томъ, чтобы самому не только предводительствовать войскомъ, но и первому начинать битву. Безъ князя, съ одними боярами, полки не крѣпко бились; боярина не всѣ слушали. Такимъ образомъ былинный князь-домосѣдъ не соотвѣтствуетъ идеалу историческаго князя и есть собственно идеаль самого города. Это живой обликъ представленій и фантазій о характерѣ, о качествахъ и свойствахъ самого города, почему былина съ большою правдою именуетъ князя Владиміра стольнымъ. Домосѣдъ Стольный князь занятъ только однимъ дѣломъ: онъ вѣчно пируетъ въ свѣтлой гриднѣ съ князьями-боярами, съ могучими богатырями, съ поленицею удалою, съ гостями (купцами) богатыми и т. д. Его домъ всегда переполненъ пирующими, двери всегда открыты на-стежь про всѣхъ. Но этотъ вѣчный пиръ какъ бы для того и открытъ, какъ бы для того и существуетъ, чтобы собирались на немъ могучіе богатыри, чтобы собиралась къ Стольному князю изъ разныхъ мѣстъ храбрая дружина. Стольный князь

созывалъ къ себѣ дружину отовсюду, „вездѣ ее ищетъ, вездѣ спрашиваетъ“: „Гой еси, Чурила Пленковичь!“ кличетъ онъ къ себѣ богатыря: „Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить, подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить, князю служить“. Прїѣзжаго богатыря онъ встрѣчаетъ очень прїятливо и радостно, всегда во время пира, потому что иначе негдѣ было и увидать Владимира. Первый вопросъ гостю: „Отколю прїѣхалъ, отколю Богъ принесъ? Котораго города, которой земли? Гдѣ проѣзжалъ — проѣзживалъ?“ Потомъ князь спрашивалъ объ имени, о родѣ-племени, какъ зовутъ молодца по имени, какъ величаютъ по отечеству? По имени, по роду-племени, мѣсто даютъ, по отечеству жалуютъ. Каково отечество, таково и мѣсто. Въ первое мѣсто князь сажалъ въ передній уголь, возлѣ себя; во второе—богатырское мѣсто, въ скамьѣ, супротивъ себя. Третье мѣсто—куда молодецъ самъ захочетъ сѣсть. На прїѣздѣ князь жаловалъ молодцу богатырскаго коня и давалъ обѣщаніе дарить-жаловать молодца чистымъ серебромъ, краснымъ золотомъ, сватнымъ жемчугомъ, и т. д.

Если Владимиръ Стольный князь представляется все пирующимъ, то и богатыри все совершаютъ поѣздки богатырскія, все ѣздятъ по Русской Землѣ, путемъ-дороженькою, отъ города къ городу, пролагаютъ пути прямоѣзжіе въ дѣбряхъ и лѣсахъ, мостятъ мосты (черезъ рѣки и по болотамъ), очищаютъ дороги отъ разбойниковъ, очищаютъ города отъ непріятелей, и такими подвигами какъ бы прокладываютъ себѣ дорогу къ ласковому солнышку Стольному князю Владимиру. Обыкновенно они ѣдутъ къ Володимеру князю на вспоможенье, на его сбереженье.

Прїѣхалъ Илья Муромецъ во Кіевъ градъ,
И вскричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Ужъ ты батюшка Володимиръ Князь!
Тебѣ надолъ насъ, принимаешь ли
Ональныхъ, могучихъ богатырей,
Тебѣ батюшкѣ на почестъ-хвалу,
Твоему граду стольному на—изберечь?...
Отвѣчаетъ батюшка Володимиръ Князь:
Да какъ мнѣ васъ не надо-то!
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю....

Дружина, какъ и слѣдуетъ, наполняется разными людьми, отъ разныхъ городовъ, отъ всякихъ чиновъ или сословій.

Въ числѣ богатырей, живущихъ у Владиміра, есть братья Сбродовичи, которые своимъ именемъ прямо указываютъ, откуда они пришли; есть и мужики Заолѣшане, Загѣскіе, изъ-за лѣсовъ.

Стольный князь Владиміръ по своимъ нравамъ и по своей обстановкѣ отнюдь не представляется самодержавнымъ государемъ. Его власть въ личномъ качествѣ вовсе незамѣтна. Она дѣйствуетъ, какъ власть общинная, именно городова. Отношенія къ нему богатырей очень просты. Они прѣзжаютъ къ нему, какъ къ своему брату, ничѣмъ не стѣснясь, ведутъ себя просто, какъ у своего брата, какъ у простаго домохозяина.

Богатыри, служа князю, собираются къ нему думу думать, собираютъ дань, выхаживаютъ ее; вѣзятъ въ послахъ, вывѣзаютъ для князя на охоту и въ разныя посылки. За службу князь даетъ имъ города съ пригородами, села съ приселками, жалуетъ золотой казной и т. д. ¹

Вообще дѣятельность богатырей въ полной мѣрѣ обрисовываетъ дѣятельность первой городской дружины, равно, какъ лицо Стольного князя Владиміра въ полной мѣрѣ обрисовываетъ существенныя черты первоначальнаго города, нравы и обычаи котораго конечно заключались въ томъ, чтобы ласково и хлѣбосолюбно принимать новаго дружинника, давать ему мѣсто соответственное его родовой и боевой славы или первое подлѣ князя, или богатырское противъ князя, или предоставлять ему на волю, куда самъ съѣсть захочетъ. „Кто до молодцовъ дородился, тотъ самъ себѣ мѣсто найдетъ“, говаривалъ князь Владиміръ, какъ бы разумомъ самого города, открывавшаго широкія двери прѣзжему богатырю на всякое мѣсто.

Самое даже добываніе невѣсть Стольному Князю переносить насъ въ то отдаленное время городской жизни, когда дружинникамъ дѣйствительно приходилось добывать жень богатырскими-же подвигами.

Затѣмъ „въ отсутствіе богатырей-дружинниковъ князь представляется въ былинахъ безсильнымъ, робкимъ, трусливымъ“.

¹ Д. Майкова: О былинахъ Владимірова цигла; г. Буслаева: Русскій богатырскій Эпосъ; г. Безсонова: Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ; г. Миллера: Илья Муромецъ.

Это черта, также больше всего характеризующая самый городъ, но не княжескую личность. Владиміръ „трусливъ вообще, особенно при наступленіи враговъ; онъ тужитъ, печалится и плачетъ, когда нѣтъ у него богатыря-обороны, когда не кому съѣздить далеко въ чистое поле, попровѣдать орды великія, привести языка поганого“.

Почему богатыри избрали своимъ средоточіемъ одинъ Кіевъ, объ этомъ они сами говорятъ въ лѣтописной повѣсти о битвѣ съ Татарами на рѣкѣ Калкѣ. Эта несчастная битва, по словамъ лѣтописи, была проиграна изъ-за гордости и величанія Русскихъ князей, которые были храбры и высокоумны и думали, что одною храбростью все сдѣлаютъ, имѣли и дружину многую и храбрую и величались ею, но погибли и погубили дружину. Въ этой битвѣ пало 70 богатырей — число, конечно, не историческое, а былинное. Повѣсть рассказываетъ, что въ то время въ городѣ Ростовѣ жилъ богатырь Александръ Поповичъ; у него былъ слуга именемъ Торопъ. Служилъ тотъ богатырь великому князю Всеволоду Юрьевичу. Когда великій князь отдалъ Ростовъ сыну Константину, богатырь сталъ служить Константину, то есть по прежнему остался служить городу Ростову. Между старымъ Великимъ Ростовомъ и молодымъ городомъ Володиміромъ, гдѣ основали свой княжескій столъ Суздальскіе Великіе Князья, происходила давнишняя распря, именно за старшинство. По смерти Вел. Князя старшимъ Княземъ долженъ былъ остаться Константинъ. Однако онъ не хотѣлъ идти во Владиміръ, а полюбилъ Ростовское житье и желалъ по древнему въ Ростовѣ утвердить столъ Великаго Княженя, малый городъ Владиміръ подчинить Великому Ростову, а не Ростовъ Великій Мязинцу-Владиміру. За это непокорство сына, отецъ, Вел. Князь, еще при жизни отнялъ у него старшинство и отдалъ Владиміръ второму сыну, Юрію. Начались междоусобія. Много разъ Юрій приходилъ къ Ростову, осаждалъ городъ, желая выгнать брата, но Александръ Поповичъ съ слугою Торопомъ и другіе богатыри побивали его войско въ несмѣтномъ числѣ. До сихъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, существуютъ великія могилы, насыпанныя надъ костями побитыхъ. ¹ Во время этого междо-

¹ „Князь великій Юрій стояше подъ Ростовомъ, въ Пужбалѣ, а войско стояше за двѣ версты отъ Ростова, по рѣцѣ Ишнѣ, біахуть бо ся

усобія Константинъ при помощи богатырей постоянно торжествовалъ надъ Юриемъ. Въ битвѣ подъ городомъ Юрьевымъ съ Александромъ Поповичемъ былъ Тимоня, по другимъ Добрыня Золотой Поясъ. Тутъ полки Юрія были также разбиты и убитъ богатырь Юрята. Потомъ на Липицахъ убитъ другой Юрьевъ богатырь, безумный бояринъ Ратиборъ, который похвалялся наметать супротивныхъ какъ сѣла. Однако междоусобіе окончилось миромъ. Константинъ сѣлъ на старшемъ столѣ во Владимірѣ, а потомъ и скончался, поручивъ Великое Княженъе тому же брату Юрью. Увидавши такой исходъ дѣла, Александръ Поповичъ сталъ помышлять о своей жизни, опасаясь, что великій князь воздастъ ему мщенье за смерть Юрята и Ратибора и другихъ многихъ изъ своей дружины, которые погибли въ битвахъ отъ богатырской руки Поповича. Подумавши такъ, посылаетъ онъ своего слугу Торопа къ другимъ богатырямъ и зоветъ ихъ къ себѣ въ городъ, „что обрыть подъ Гремячимъ Колодеземъ, на рѣкѣ Гдѣ, тотъ сопь (осыпь) и донынѣ стоитъ пустъ“, замѣчаетъ Лѣтописецъ¹. Тутъ богатыри собрались и сотворили такой совѣтъ: если начнутъ они служить князьямъ по разнымъ княженьямъ, то неминуемо будутъ всѣ перебиты, потому что у Князей на Руси идетъ великое неустроенье и частыя битвы. Тутъ они и положили рядъ-уговоръ, что служить имъ единому великому князю въ Матери городамъ, въ Кіевѣ. Тогда въ Кіевѣ былъ князь Мстиславъ

вмѣсто острога обрѣку Ишию. Александръ же выходя (изъ города) многи люди великаго князя Юрія избиваше, ихъ же костей накладыны могилы великы и до нынѣ на рѣцѣ Ишиѣ, а нынѣ по оу страну рѣки Усіи, много бо людей баше съ великимъ княземъ Юриемъ; а нынѣ побіени отъ Александра же подъ Угодичами, на Узѣ. Тѣ бо храбріи выскочивше (изъ города) на кою либо страну, оборонаху градъ Ростовъ.... (Тверская Лѣтопись, стр. 337.). По раскопкамъ графа Уварова около Ростова, видно, что вблизи Пужболы, въ курганѣ найдена между прочимъ монета Оттона I (X вѣкъ). Въ другихъ близлежащихъ мѣстахъ и именно въ Городцѣ на Сарѣ найдены арабскія монеты, относящіяся къ началу 8 и до половины 9 вѣва. См. Мерине и ихъ бытъ, стр. 31, 50 и др.

¹ Не тотъ ли это городецъ, который упомянуть на р. Сарѣ, вблизи сел. Дебола, см. предыдущее примѣчаніе. На картѣ, приложенной къ изслѣдованію графа Уварова (Мерине и ихъ бытъ), подъ нимъ обозначена рѣка Гда? Если это городецъ Александра Поповича, то судя по найденнымъ монетамъ, онъ существовалъ уже въ началѣ 8 столѣтія.

Храбрый Романовичъ. И били ему челомъ всѣ тѣ великіе и храбрые богатыри и перешли служить въ Кіевъ. Мстиславъ очень гордился и хвалился новою дружиною, пока не случилась битва съ Татарами, гдѣ погибъ и самъ Мстиславъ, и Александръ Поповичъ, и Добрыня Рязаничъ (Тимоня) Золотой Поясъ, и всѣ 70 богатырей.

Очень явственно, что этотъ рассказъ, если и имѣетъ какое либо историческое основаніе, то въ общихъ своихъ чертахъ онъ весь взятъ изъ былинъ и рисуетъ время очень давнее, которое можетъ относиться и къ сидѣвшимъ по городамъ многочисленнымъ потомкамъ Рюрика, и къ той всякой князьѣ, о которой поминаетъ договоръ съ Греками перваго Кіевского князя Олега, впервые же назвавшаго Кіевъ Матерью Русскихъ городовъ. Другія лѣтописныя показанія присвояютъ богатыря Александра Поповича временамъ перваго Владиміра, такъ что остается весьма сомнительнымъ, былъ ли Поповичъ личностью историческою, жившею въ началѣ 13 столѣтія, или это обыкновенный богатырь старыхъ былинъ. Въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важно то обстоятельство, что переведенная въ лѣтописное свидѣтельство древняя былина даетъ богатырю свой городъ или городокъ — осыпь, сопь, называемый теперь обыкновенно городищемъ и городкомъ, что въ этомъ городкѣ она собираетъ богатырей на думу, гдѣ они и рѣшаютъ служить только въ Матери Русскихъ городовъ. Мелкій городокъ тянетъ къ своей матери даже и богатырскими силами. Вотъ причина, почему должны были усиливаться старѣйшіе города во всѣхъ областяхъ Русской Земли. Здѣсь же скрывается причина такъ называемаго возвышенія Москвы надъ всѣми старыми городами, какъ прежде сталъ надъ ними возвышаться низинный Владиміръ. Мелкіе волости и города старались примыкать туда, гдѣ являлось больше силы и умѣнья жить съ хозяйскимъ разумомъ въ возможной тишинѣ и покоѣ.

На первомъ Татарскомъ побоищѣ погибли всѣ могучіе и сильные богатыри, то есть погибла вся древняя Русь съ ея богатырскимъ складомъ жизни, съ ея безчисленнымъ городствомъ и со всякою князьею, какъ политическою формою ея древнѣйшаго быта.

Созерцаніе всѣхъ Кіевскихъ былинъ конечно носить въ себѣ многія бытовыя подробности уже позднѣйшаго време-

ни, но въ общей основѣ своей пѣсни оно изображаетъ время очень отдаленное, когда въ дѣйствительности по Русской Землѣ развѣзжали могучіе люди, искавшіе дѣла и обыкновенно направлявшіе свой путь къ городамъ, гдѣ служба ихъ принималась съ радостью. Мы достаточно видѣли, что лицо ласковаго князя по своимъ бытовымъ чертамъ столько же подходитъ къ олицетворенію ласковаго города, какъ и къ живой личности, отчего и богатырь-крестьянинъ, Илья Муромецъ, по инымъ былинамъ, находится въ обидѣ отъ этого князя, враждуетъ съ нимъ, подобно тому какъ крестьянинъ всегда живалъ въ обидѣ отъ города и не мало враждовалъ съ городомъ. Олицетворенія вообще свойственны былинамъ. Если въ Идолицѣ Поганомъ, въ Соловьѣ Разбойникѣ, Змѣѣ Горынычѣ лежатъ черты бытовыхъ отношеній къ враждебнымъ силамъ дикаго степнаго сосѣда или домашняго разбоя, то почему же и въ лицѣ князя Владиміра не могутъ рисоваться черты гостепріимнаго города, которому богатырь отдавался на службу. Князь былъ корень, конь жизни городомъ, главный представитель города, поэтому не мудро, если въ его обликъ выясняются нравы и обычая самого же города.

Мы видѣли, что стольный князь Владиміръ собиралъ дружину отовсюду, даже и по деревнямъ, вездѣ ее искалъ, вездѣ спрашивалъ. Призваніе, собираніе дружины было существеннымъ дѣломъ его жизни, ибо дружина была кореннымъ существомъ самого города.

Призваніе дружины, такимъ образомъ, составляло самое обычное и какъ бы физиологическое дѣйствіе городской жизни. Поэтому и призваніе Варяговъ въ Новгородъ было въ сущности самымъ простымъ и, такъ сказать, ежедневнымъ явленіемъ древней Русской жизни, которое сдѣлалось знаменитымъ только по случаю утвержденія въ Землѣ одного княжескаго рода, да и то въ слѣдствіе обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ этому роду. Новгородцы уже Святославу грозили, что найдутъ себѣ князя и въ другомъ мѣстѣ.

Естественно также, что призваніе дружинника, какъ и самого князя, въ иныхъ случаяхъ могло оканчиваться изгнаніемъ, что вполне зависѣло отъ состава дружины, отъ раздѣленія ея на особые круги или партіи, отъ могущества одной какой либо партіи надъ всѣми другими и т. д., не

говора о томъ, что иной дружинникъ и самый князь приходились не ко двору для всего города. Немаловажную роль въ этихъ случаяхъ играла клевета, оговоръ, наушничество, всякая сплетня, о которой воспѣваютъ и былины, говорить часто и самая лѣтопись.

Какъ бы ни было, но призваніе дружины, а слѣдовательно и князя, изгнаніе дружинника, а слѣдовательно и князя, составляли въ сущности такъ сказать простое жизненное отправление древняго городского быта вообще, заключались въ самыхъ началахъ, въ природныхъ свойствахъ и порядкахъ этого быта.

Вообще намъ кажется, что богатырскій былинный эпосъ есть вполне достовѣрная историческая пѣсня о томъ складѣ Русской жизни, который некогда господствовалъ по всей Русской Землѣ и давалъ ей обликъ первородной клѣтчатки, составленной изъ племенныхъ и родовыхъ волостей, жившихъ каждая отдѣльно независимую жизнью, и руководимыхъ городовою общиною, или дружиною своего роднаго города-городка.

Если мы не послѣдуемъ въ точности за Шлецеромъ, котораго въ его взглядѣ на начало Русской Исторіи вполне оправдываетъ время и состояніе науки, если поэтому мы оставимъ въ покоѣ всѣ сужденія о томъ-же предметѣ норманской школы и не будемъ начинать свою исторію отъ пустаго мѣста, то легко увидимъ изъ первыхъ же и самыхъ достовѣрнѣйшихъ свидѣтельствъ, каковы договоры съ Греками, что въ приходѣ Рюрика въ Новгородъ и Олега въ Кіевъ Русская Земля жила именно дружиннымъ складомъ повсемѣстнаго городства, что для опредѣленія земской власти, сидѣвшей въ этомъ городствѣ, она имѣла даже особое имя, прозывая всѣхъ городскихъ владыкъ въ общемъ ихъ составѣ или въ общемъ ихъ характерѣ всякимъ князьемъ, всякою князьею. Это княжье многочисленныхъ городковъ и городовъ и составляло политическую клѣтчатку всего Русскаго первобытнаго Зѣмства. Оно было дѣйствующею силою земли, ея знаменемъ, ея кономъ или политическимъ корнемъ, на которомъ произрастали всѣ бытовые общественныя отношенія Земли.

Договоры съ Греками прямо ведутся отъ имени этого городства только подъ рукою главнаго города Кіева. Отъ

всякаго князя, отъ всѣхъ Русскихъ людей, отъ всякаго города идутъ послы и гости и вмѣстѣ за одно утверждаютъ миръ, вмѣстѣ обѣщаются хранить его съ отвѣтомъ, въ случаѣ не исполненія условій, не одного Киевскаго, но и каждаго князя и каждаго русскаго человѣка. Вотъ почему не одинъ Киевъ, но каждый Русскій городъ, стоявшій въ союзѣ Киева, требуетъ себѣ вклада, ибо по тѣмъ городамъ сѣдять князья, находящіеся только подъ рукою Киева, этой Матери, но не господина городовъ Русскихъ. Точно также и приходящая въ Царьградъ Русь, послы и гости, получаютъ содержаніе, мѣсячное, отдѣльно и независимо по каждому городу: первое на Киевскихъ пословъ и гостей, потомъ на Черниговскихъ, Переяславскихъ и всѣхъ прочихъ городовъ. Все это показываетъ, что каждый городъ понималъ себя особымъ, отдѣльнымъ, независимымъ существомъ, которое пользовалось одинаковыми правами и имѣло одинаковые органы для своихъ дѣйствій, какъ и главный матерой городъ Киевъ. Именно право отдѣльнаго независимаго посольства показывало несомнѣнную самостоятельность и независимость каждаго города. Каждый съ своимъ родомъ жилъ особо, на своемъ мѣстѣ, каждый владѣлъ особо своимъ родомъ. Эти слова въ точности обозначаютъ характеръ древняго общественнаго быта и на первой его ступени, въ смыслѣ особыхъ кровныхъ родовъ, и на той ступени, гдѣ изъ родовъ образовались общины и города—дружины.

Таково было устройство Русскаго земскаго быта въ такъ называемое до-историческое время. Объ этомъ устройствѣ очень ясно свидѣтельствуетъ византійскій императоръ Маврикій (въ 6 вѣкѣ), говоря, что у Славянъ и Антовъ множество князьковъ, что Славяне и Анты живутъ вѣчно въ несогласіи: на чемъ рѣшаютъ одни, на то не соглашаются другіе; другъ другу не повинуются и не покоряются единой власти. О множествѣ князьковъ у Днѣпровскихъ обитателей Акатировъ свидѣтельствуетъ также Прискъ въ половинѣ 5 вѣка, см. выше стр. 367. Тѣже самыя свидѣтельства, короткія и незнавшія подробностей дѣла, въ полной мѣрѣ прилагаются къ нашей исторіи 12 вѣка, о которой въ точности можно сказать тоже самое, что Маврикій говорилъ о Славянахъ и Антахъ: „Никакой власти не терпятъ и другъ въ другу питаютъ ненависть.“ Но само собою ра-

вумѣется, что такой порядокъ дѣлъ долженъ восходить и дальше за предѣлы 6 и 5 вѣковъ, ибо до-историческое время тѣмъ и отличается отъ историческаго, что оно долгіе вѣка повторяетъ одно и тоже, что оно собственно есть только естественная исторія народной жизни, сложившая эту жизнь въ извѣстный образъ и повторяющая свое созданіе безъ конца, пока не выработаются въ ней какія либо инныя основы развитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ земская разрозненность жизни, это господство особыхъ, отдѣльныхъ и независимыхъ ея круговъ, родовыхъ или общинныхъ—все равно, вполнѣ оправдываетъ и существованіе повсемѣстнаго городства, которое несомнѣнно и народилось въ слѣдствіе той же разрозненности и коренной потребности жить особнякомъ, независимо, не подчиняясь никакой чужой власти, что, конечно, выходило по прямой линіи изъ древнѣйшаго въ полномъ смыслѣ родоваго устройства народныхъ связей. Итакъ на основаніи свидѣтельствъ византійскихъ писателей, поясненныхъ договорами Олега и Игоря и подтверждаемыхъ вещественными памятниками многочисленныхъ городковъ, можно съ достовѣрностію заключить, что передъ приходомъ Рюрика Русская Земля представляла клетчатку Городства, представляла вполнѣ сложившееся историческое тѣло, своего рода организмъ, конечно, еще съ первородными силами и свойствами, но уже готовый и способный воспринять въ себя болѣе возвышенныя начала исторической жизни. Существенною силою и формою, и такъ сказать матеріею этого организма былъ городъ, не въ одномъ смыслѣ осыпи или окопа, но и въ смыслѣ особаго порядка, нрава и обычая самой жизни. Пребывая еще въ предѣлахъ естественной исторіи, все это Городство, какъ множество, какъ цѣлая клетчатка, вполнѣ и одинаково выражало свои идеи и свои силы въ каждой своей частицѣ или особой клеточкѣ. Различіе заключалось только въ объемѣ этихъ клеточекъ, то есть многочисленныхъ городковъ и городовъ, въ ихъ болѣе или меньшей силѣ, въ тѣхъ отношеніяхъ, кто былъ старшій, кто младшій, кто былъ матерью, кто сыномъ своей матери. Матерые города, конечно, были главными основами всей этой клетчатки. Но подобно тому, какъ маленькіе городки были средоточіемъ своей волости, такъ и большіе, старшіе, были средоточіемъ своей об-

ласти. И тѣ и другіе держались своею дружиною, имѣли одну и ту же задачу жизни: охранять, защищать свою волость или об-волость (цѣлый округъ волостей), получать за эту службу кормленіе и добывать, распространять кормленіе по всѣмъ сторонамъ подъ видомъ всякаго промысла и торга и особенно подъ видомъ даней, то есть поборовъ съ близкаго и далекаго населенія всего того, что люди дадутъ. Промыслъ на людей-данниковъ составлялъ первую заботу и всегдашнюю работу города или той богатырской военной общины-дружины, которая исключительно должна была жить въ городѣ. Само собою разумѣется, что такой промыслъ наиболѣе сосредоточивался въ матерыхъ городахъ, для которыхъ, уже съ самаго ихъ зарожdenья, онъ являлся обычнымъ дѣломъ собирать дань-кормленье съ своихъ же родичей, младшихъ волостей и городовъ. Дальнѣйшая исторія этого городства конечно должна была создать цѣлый союзъ старшихъ матерыхъ городовъ или союзъ большихъ племенныхъ волостей-областей, болѣе или менѣе равносильныхъ между собою, вполне самостоятельныхъ и независимыхъ другъ отъ друга. Въ такомъ порядкѣ земской жизни застаеъ Русскую Страну ея исторія, записанная въ летопись. Но такой порядокъ не могъ создать себя даже и въ одно столѣтіе. Въ немъ очень много естественнаго и очень мало искусственнаго, а все естественное въ человѣческомъ быту вырастаетъ очень медленно и содержится очень долго. Только искусство, въ родѣ нашихъ петровскихъ преобразованій, пересоздаетъ человѣка сравнительно быстро и съ тою же быстротою переводитъ его развитіе съ одной дороги на другую. Поэтому племенные области, въ которыя пришло княжеское племя Рюрика, несомнительно существовали уже много вѣковъ и въ призваніи князей выразили только свою жизненную потребность и желаніе устроиться лучше прежняго.

Рюрикъ, такимъ образомъ, засталъ Русское историческое дѣло уже въ полномъ ходу. Недоставало только храброй дружины, которая помогла бы прочистить во всѣ стороны давнишніе пути-дороги, отнятые различными Соловьями Разбойниками и Чудищами, Идолицами Погаными, а больше всего хитростями льстиваго Грека-Византіяца, очень не желавшаго имѣть по сосѣдству сильную и непокорную народность.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Ругія—Русія. Поморская Земля. Карта Помераніи XVII ст.
Древняя Скандинавія въ своихъ могиллахъ.

I.

РУГІЯ—РУСИЯ.

Помыщая это старинное описаніе острова Ругена и Поморской Земли, мы имѣемъ въ виду познакомить читателей съ тѣми свѣдѣніями объ этой древнеславянской странѣ, какія ходили на западъ Европы въ ея краткихъ и полныхъ Космографіяхъ, составлявшихъ своего рода учебники и вообще книги, издаваемые для общеобразовательныхъ цѣлей. Съ этими же цѣлями Космографіи переводились и на русскій языкъ. Въ 17 столѣтіи ихъ появилось у насъ достаточное количество, краткихъ и полныхъ. Изъ переведенныхъ на русскій языкъ самая полная Космографія приписывается Герарду Меркатору, + 1594 г. Хотя въ ней и значится, что она написана въ градѣ Иданбурггъ (Дунсбургъ), гдѣ жилъ и скончался Меркаторъ, однако это очень объемистое сочиненіе принадлежитъ повидимому его продолжателю, который значительно распространилъ и пополнилъ трудъ Меркатора, и мѣстами упоминаетъ о Меркаторѣ, какъ составитель сей книги.

Въ русскомъ переводѣ Космографія раздѣлена на 230 главъ. Статья о Ругіи обозначена 131 главою. Въ спискѣ, принадлежащемъ нашей библиотекѣ, вмѣсто Ругія, написано Русія, что конечно можно почитать за ошибку, такъ какъ въ другихъ известнѣйшихъ намъ спискахъ такой замѣны не встрѣчается. Поэтому и наши слова, сказанныя на 174 страницѣ, что „въ геогра-

онических сочинениях конца 16 вѣка островъ Рюгенъ прямо именуется Русія¹, должны принадлежать также къ числу ошибочныхъ указаній. Вездѣ островъ именуется Rugia и порусски Ругія. Тѣмъ не меньше такая описка очень свойственна Русскому говору, весьма нерѣдко измѣняющему г въ з и потомъ въ с. Русскіе люди въ 13 столѣтіи нѣмецкую Ригу именовали по Русски Ризою и Рызою, въ Ризѣ, Ризкій, Ризскій и т. п. ¹ Точно также измѣняются подобныя имена и на Варяжскомъ Поморьѣ, напр. Рогиттенъ, Рахситтенъ, Росситенъ—однакое имя разныхъ мѣстъ Кенигсбергской Пруссіи. Произношеніе Ругія и Русія могло слѣдовательно вполне зависѣть отъ мѣстнаго Славянскаго говора, какъ произношеніе Рутія и Рупія отъ Романскаго говора. Впрочемъ возможность происхожденія Варяговъ-Руси съ острова Ругія не столько зависить отъ буквъ, сколько отъ историческаго значенія этой древнеславянской мѣстности, о которомъ вкратцѣ повѣствуетъ и предлагаемая здѣсь старинная географическая статья. ²

Ругія островъ на мори орнетанскомъ (оріентальскомъ) то есть восточномъ, или Свевнцкомъ, а имено называютъ Балтицкое море, отъ баралибидской области дацкая граница. Островъ бѣловатъ, съ того острова видятъ острова Манада, (Umsantz), Гидензера (Hiddensehe), отъ западу; да отъ полудня поморскіе грады граничатъ, именемъ Барто (Bardt), Трозубъ (Stralsund), Крипсвадъ (Gripswalde), Валгастъ. Островъ въ древніе лѣта многимъ пространіе былъ, неже нынѣ. Божіею волею промыла вода сквозь той островъ и отдѣлила особно островъ Руденъ на удивленіе всѣмъ, что неподобно было тому тако статися, страшными волнами морскими и трясеніемъ земли и вѣтры великими потопило многіе дома и костелы и колоколни между Ругіею да между Руденомъ островомъ на 5 миль. Нынѣ въ томъ мѣстѣ глубина немѣрная, великіе корабли тѣмъ мѣстомъ проѣзжаютъ, а называютъ то мѣсто новой проѣздъ или корабельной проѣздъ. Въ древніе лѣта большіе корабли на

¹ Собр. Госуд. Грам. и Договор. II, № 1; Грамоты сношеній съ Ризою и Ганзейскими городами; Полю. Собр. Р. Латон. 11, 313.

² Свой списокъ этой статьи мы свѣряли съ рукописью той же Космографіи, принадлежавшей Ундольскому, № 703, въ Моск. Публичномъ и Румянцовскомъ Музее.

широкое море и инымъ мѣстомъ проѣзжали, на западъ, а не на востокъ, проѣздъ той называли Данбеленъ; на томъ проѣздѣ дацкіе корабли потонули и нынѣ на днѣ моря видятъ корабли и опасаются тѣмъ мѣстомъ кораблями ѣздити. Островъ той весь великое море обошло; долгота и ширрина того острова 7 миль, округи того острова по смѣтѣ математицкой 21 миля. Нынѣ въ правду та округлость не только многимъ островамъ и прилѣпкамъ болшимъ и меншимъ раздѣляется и естли кто хоцетъ съ прилеженіемъ смѣрять и смѣтити, 70 миль найдется; между островкомъ ширина затока по три мили, а менши полторы мили нѣсть; а которые корабли къ тому острову прѣвзжаютъ, отъ волнъ морскихъ шкоты бываетъ мало, пристанища угодны опасныя.

На островѣ томъ хлѣба родится изобилное множество, близъ града Стралзунна; како въ древніе лѣта римляномъ въ Сициліи хлѣбородство бывало, тако и на томъ островѣ. Срабо (Страбонъ) о томъ пишетъ. Скота, то есть коней и овецъ есть по мѣрѣ; гусей въ правдѣ немѣрное множество и велики велики; волковъ и болшихъ мышей на томъ островѣ нѣсть, токмо не въ давне на прилѣпку Витовъ мыши болшіе, то есть кроты появились съ прѣвзжихъ кораблей. На островѣ томъ живали люди идолопоклонники, Реиы (Раны) или Рутены имянүемые, люты, жестоки къ бою, противъ христіанъ воевали жестоко, за идоловъ своихъ стояли. Тѣ Рутены отъ жестосердія великаго едва познали послѣ всѣхъ Христіанскую вѣру. Того острова владѣтели таковы велможны, сильны, храбрые воины бывали, нетокмо противъ недруговъ своихъ отстаивалися крѣпко, но и около острова многіе грады подъ свою державу подвели, то есть Бордумъ, Гривмѣмамъ, Трибесія, и воевали съ Дацкимъ королемъ и со иными поморскими князми и съ Любскою областію воевали много, и всѣмъ окрестнымъ Государствомъ грозны и противны были. Языкъ у нихъ былъ Словенской да Виндалской (Валдалской); грамотного ученія не искатели, но и заповѣдь между собою учинили, чтобы грамотъ не училися, токмо воинскимъ дѣламъ прилежныя охотники были. Того острова Ругія первоначальной владѣтель былъ князь Крито (Крыто), велможный той былъ владѣтель во время Поморской земли владѣтеля князя Свентыбара. Той князь Крито женился на дочери князя Свентыбара 1100 года; а иные пишутъ, что той князь Крито Голштенскимъ и Дутмарскимъ княземъ былъ, градъ Любокъ завелъ. Онъ одинаго времени званъ былъ въ гости и напився пьанъ и Данъ его пьаного съ лѣсницы пхнулъ и ту смертію скончался. По смерти его тѣмъ князствомъ Ругинскимъ завладѣлъ отецъ его, князь Реце 1160 году и потомъ то Ругійское князство воевали многіе недруги до

владѣтеля ихъ, до князя Братислава до 1352 году. Того князства дѣдичи извелися и досталося то Ругинское государство въ державу поморскимъ княземъ, затѣмъ уговоромъ, естли бы поморскихъ князей родъ извелся, тогда тѣ Ругинскіе опять аки вольны былибы, и кого они хотятъ за владѣтеля ихъ и за Государя, того изберуть.

О превращеніи Ругійскихъ къ вѣрѣ Христіанской хончу нѣчто мало помянути. Игелмондусъ пишетъ: во время цесарева Карла Великого сына Лодвика Пиуса 713 году были мнѣхи вляшторы Карделского (Нордейского) изъ Вестфали, которой поставилъ цесаря Карла Великого сынъ Лодвикъ. Тѣ мнѣхи на великую страсть державу, поднялися тѣхъ Ругійскихъ идоложертвенниковъ отъ идолскаго поклоненія отводить, а къ вѣрѣ Христіанской приводити, во имя Христово и начальника своего святаго мученика Вита. И помощію Божіею и святаго мученика Вита нѣкихъ идоложертвенниковъ тѣ мнѣхи привели было; а потомъ паки отъ вѣры Христіанской отступили и свою идолскую пріяли по прежнему и со инѣми невѣрными многими тѣхъ мнѣховъ всѣхъ помучили на смерть, отъ Христа отступили, а святаго Вита имя призывали во всякихъ дѣлахъ и учинили себѣ идола и нарекли того идола Святывидъ и поставили надъ нимъ божицу; а которые пріѣзжіе купцы изъ иныхъ государствъ тому идолу святому Виту честные дары лутчіе приносили и честь воздавали, и тѣхъ купцовъ Ругинскіе тамошніе жидцы съ великою честію и съ любовію пріяли и съ ними торговали. Всея тоя области или острова всѣ люди съѣзжались на поклоненіе тому идолу и жертвы приносили. Идолъ той сотворенъ по образу и по подобію челоувѣческому, сана изряднаго; одежда на немъ долгая, а вылить той болванъ изъ разныхъ рудъ, то есть изъ злата, изъ сребра, изъ мѣди, изъ олова и изъ всякихъ разныхъ; въ правой рукѣ того идола чаша изъ всякихъ же рудъ слита, кровля на ней на подобіе рогамъ, а чаша та наполнена всякихъ благовонныхъ вещей; а въ лѣвой рукѣ лукъ наложенъ съ стрѣлюю. На имя того идола 300 коней было всегда готовыхъ на стойлахъ; а сверхъ всѣхъ трехсотъ единъ былъ конь, на того не садился никто; а егда противъ недруговъ своихъ лучится быти на войнѣ, и попъ ихъ, того бѣлого коня осѣдлавъ и запершися въ конюшнѣ, коня того бьетъ и томить, даже весь спотѣеть, и выводитъ его изъ конюшни всего въ поту истомленнаго, и сказываетъ всѣмъ вслухъ, что Святывитъ самъ на конѣ томъ ѣздилъ противъ недруговъ Ругинскихъ на бой; и они тому идолу и паче честь воздаютъ, жертвы многія и дары честныя драгоценныя приносятъ. Чашу, которая въ правой рукѣ того идола по вся годы попъ ихъ наполняетъ разными благовонными вещми и егда скончается (годъ), тогда попъ ихъ

открываетъ ту чашу и вынимаетъ изъ чаши, подноситъ тому идолу подъ носъ съ великимъ трепетомъ; и еслии годомъ въ чаши положеннаго убудеть и вѣность премѣнится, тогда всѣ о томъ радуются и веселятся, надѣются, что идолъ или богъ ихъ пріялъ въ себя нѣкую часть, и мнятъ, что во весь годъ будетъ къ нимъ во всемъ милостивъ и благоподатливъ, и паки ту чашу наполняютъ полно и вдаютъ въ руку идолу по прежнему; а есть ли въ той чашѣ не убудеть ничего и вѣность (не) премѣнится, тогда всѣ начаютъ на себѣ великаго гнѣва отъ того ихъ бога того году. И многія дѣйства и моленія (богомолства) тому идолу сотворяютъ и во всемъ ему вѣруютъ. Идолъ той стоялъ во градѣ Аронавитовіе; къ тому идолу съзжались изъ разныхъ областей идоложертвенники на поклоненіе и приношеніе жертвъ идолскихъ, между котораго и любскіе многіе пріѣзжали. Въ томъ же градѣ три божницы были наполнены идолами; а надъ всѣми началнѣйшій былъ Святывитъ; а иной идолъ былъ о семи лицахъ на единой главѣ; той опоясанъ седмью саблѣ, а въ лѣвой рукѣ имѣлъ мечъ голый. Идолъ той толстъ, и высокъ и пригожъ, называли его Мартомъ (Марсомъ), богомъ воинскимъ. Другой (въ спискѣ Ундольскаго читается такъ: Другой идолъ имѣлъ на главѣ пять лицъ безъ сабель и безъ меча, того называли Смирениемъ. Потомъ слѣдуетъ: третій) идолъ имѣлъ на главѣ 4. лица, а пятое на персѣхъ; лѣвою рукою держался за верхъ главы, на правое колено прилякнулъ; того идола называли богомъ царства того; имя ему было Поренитумъ. И много бы было о тѣхъ идолахъ и о ихъ идолическихъ дѣйствахъ и болвохваствахъ сказывати.

То безбожное идолство унялось по предѣ 440 лѣтъ, а до тѣхъ мѣстъ, пока мѣстъ вѣры Христіанской не пріяли, идолскаго поклоненія держалися, многое кровопролитіе отъ нихъ Христіаномъ дѣялось. 946 году архіепископъ ганбургской пытался ихъ приводити къ вѣрѣ христіанской во время державы кесаря Ендрика Укупуса (Аокупуса), потомъ 1019 году Дацкой король Зритъ (Эрикъ) тѣхъ Ругинскихъ воевалъ и осадилъ силою ихъ градъ Аркону и воевалъ ихъ силою и мужественно; и они, нестерпѣвъ его тѣсноты, просили его о миру и хотѣли вѣру Христіанскую пріяти, и король Дацкой не откладывая въ дальній часъ, тойчасъ велѣлъ ихъ въ моръ крестити и погрузати; и егда король отъѣхалъ, и они паки Христіанскую вѣру повинули, пріялися за прежнее идолское поклоненіе и многое кровопролитіе надъ Христіанами и немилостивое мучителство чинили. Потомъ Бамберской епископъ Отто, нареченъ поморской апостоль, учалъ тѣхъ Ругинскихъ къ вѣрѣ Христіанской приводити, а Дацкому королю воевати ихъ заповѣдалъ, потому что и такъ кровопролитія Христіанскаго немало учинилось.

ихъ епископъ на себѣ безъ войны тихостію и смиреніемъ къ вѣрѣ Христіанской приводити. Потомъ 1148 году поморской князь Ратиборъ вырядился съ Бисцевскими (Барденскими), съ Грименскими съ Требисцевскими со многими разными людьми тѣхъ Ругинскихъ побѣдилъ и къ вѣрѣ Христіанской привелъ и градовъ ихъ Ругинскихъ много повоевалъ и разорилъ, а Ругинскіе, пакы справися и (не) оглядаяся ни на что, и не обинуясь никого, противъ Христіанъ войною востали. Въ то время у Ругинскихъ великая несказанная была сельдевая ловля, потомъ тѣ сельди перешли въ Дацкую землю; къ той сельдевой покупке пріѣзжали изъ Бардовику купцы по вся годы въ Ругинской градъ Витовію, а съ ними былъ купецъ славенъ Христіанинъ Родискалкъ (Годишкалкъ). Въ то время попъ идолской всѣмъ Ругинскимъ приказывалъ идолу святому Виту молитися сокрушеннымъ сердцемъ, чтобы гнѣвъ свой утолялъ и по-прежнему бы милость своя явилъ. Христіанину Родискалку попъ ихъ говорилъ, чтобы идолу ихъ святому Виту ненобѣдимому жертву принесъ, и за такое словесе (слово всѣ) Христіанскіе пріѣзжіе купцы взялися, многихъ Ругинскихъ побили и потомъ нощію на корабли собрався со всѣмъ парусы поднявъ, ушли. Недолго послѣ того 1166 году Ругинскіе противъ себѣ воздвигнули войну Дацкаго короля Валдамера и великое кровопролитіе между собою чинили и болши дву годовъ та война между ими дѣялась и Дацкой король, умысля, Саского князя Гендрига Льва да князя поморскаго, да князя Мехельбургскаго на помощь призывалъ, и тѣ, собрався, въ Ругію пришли, огнемъ и мечемъ жестоко и не милостивно воевали. И Ругинскіе видя, что не въ силу имъ противу ихъ стояти, заперлися въ крѣпкіе грады въ осаду въ Арьяконіи, въ Хатину (Харентину). Аркона градъ въ Ругіи крѣпокъ и строенъ на прилѣпку Витавинъ, противъ полунощной страны, къ горамъ боремъ, на высокой горѣ; прирожденіемъ мѣсто немѣрно крѣпко, отъ востоку и отъ полунощи море обошло, съ другой страны ко острову Ругинскому прилѣплено, а нынѣ все то пусто, видять (видѣть) издали каменные стѣны. Окрестъ того града ровъ, таковъ глубокъ, что изъ крѣпкаго лука доброй стрѣлецъ едва выстрѣлитъ изо рва. Градъ той осажденъ на день Вознесенія Христова, а взятъ на день святого Вита. (И тѣмъ мочно всякому разсмотреть и разсудить неизрѣченныя судьбы Божіи и мученика святаго Вита), что тѣмъ безбожнымъ на обличеніе зловѣрства ихъ. На кого надежду свою имѣли, на идола Вита названнаго градъ взятъ. Мѣщане ароконискіе, которые означала въ осадѣ сѣли и много бився, не могли устояти, просили мира, обѣщаваяся Христіанскую вѣру пріяти, а идола Вита сокрушити и божницу христіанскимъ богомоліемъ освятити; а плѣнниковъ

(положенниковъ) христіанскихъ ничемъ невреждены (не вредя) свободныхъ учинити; а королю Далкому на колѣно лѣтъ дань давати. А егда той градъ Арконъ взятъ, тогда и Харентинъ сдался. Въ то время 3 князи Ругійскіе были, то есть Теславъ, Стоуславъ, Яромиръ. Стоуславъ свою часть Яромиру брату своему поступилъ, и егда тѣ Ругинскіе князи вѣру Христіанскую приѣли, и который прежде крестился, за того Дацкой король Велдемаръ брата своего роднаго Канота (Канута) дочь выдалъ за жену. И тако Аркона да Харейтина Ругинскіе грады отъ многихъ военъ опустѣли, а потомъ князи поморскіе тѣ грады до основанія разорили и подъ свою державу подвели; а чѣмъ Датцкой король завладѣлъ было, и того по совѣту и по любви поморскимъ княземъ поступилъ.

Въ древніе лѣта той островъ Ругія великии былъ многолюденъ и славенъ, а нынѣ токмо тѣ грады на немъ, то есть столной градъ Берга, а въ немъ 400 дворовъ, а иные грады Сагатръ, Викъ, Бинствъ, Люра; а иные меншіе и по се время (по ся мѣстѣ) есть. А воинскихъ ратныхъ людей нынѣ съ того острова 7 тысячъ быти можетъ. А на прилѣпку Ясмунду, которой къ востоку лицомъ стоитъ, есть горы высокии, zelo страшныя, меудобно вѣрити вышинѣ тѣхъ горъ надъ моремъ; съ тѣхъ горъ камень ломали на градовое и на иное каменное дѣло; нынѣ тѣ горы Шнубень-померъ (Штубень-комеръ). Недалече оттолъ въ горахъ и въ лѣсахъ старинныя каменныя градцкія стѣны обросли великими лѣсами; нынѣ называютъ ихъ тамошнимъ языкомъ бругдали (брухдали). Оттолъ недалече есть черное озеро глубоко и великии несказанное множество въ немъ рыбы, сѣти прорываются. Единаго времени лучилося въ томъ озерѣ рыбу ловити и на великое чудо сѣтъ изъ рукъ рыболовскихъ ушла во озеро и не могли некоторыми мѣрами сѣти тоя найти; и нашелся такой человекъ, осмѣлся, искалъ тоя сѣти и по немаломъ времени нашелъ ту сѣтъ подъ высокою страшною горою и закричалъ великимъ гласомъ тамошнимъ языкомъ, „которыя всѣ черти сѣтъ ту здѣ занесли“ и противу ему отвѣтъ отъ (изъ) воды былъ: „не всѣ черти, толко я самъ съ братомъ моимъ Венхилемъ (съ Нихелемъ).“ На островѣ томъ лѣсовъ всякихъ, къ коробелнымъ станамъ (статьямъ) и на строеніе дворное и дровъ на всякую потребу достаточно, а особливо на прилѣпку Ясмунду, и инымъ окрестнымъ областемъ много отвозятъ; именуется той лѣсъ Штубеница, то есть толкуется, на корабельное и на всякое дѣло въ томъ лѣсу древа угодныя. Духовныхъ вотчинъ много, лѣсистыя мѣста и поля разныхъ и скота не мало; тѣ даютъ начальникомъ своимъ хлѣба и скота десятую часть. На томъ островѣ старинныхъ великихъ родославныхъ родовъ много, которыхъ печати свои собинные; тѣ и воинскимъ дѣламъ

учитися охочи и грамотнаго ученія тщательны; тѣ великимъ государемъ въ службахъ своихъ пригожаются, во всякомъ разсужденіи разсудительны воински и въ домостроительныхъ дѣлѣхъ (только въ духовныхъ дѣлѣхъ) не вступаются. Деревенскіе люди господамъ своимъ оброки даютъ по уговору и всякіе черныя тяжелыя работы дѣлаютъ.

II.

Поморская земля изначала вандалскимъ языкомъ Поморцы (Pomortzi) названа; имя имѣетъ отъ Помезана, отъ перваго прусскаго короля сына Овидунта, а иные глаголютъ, что именуется Поамерене, то есть толкуется Поморская земля. Нынѣ княженецкой титулъ имѣетъ; положеніе его надъ Балтицкимъ моремъ; долгота того княжства, отъ Голштинскихъ рубежей до Ливонскихъ протягается. Государство то вездѣ хлѣбородно, луги многіе, паствы скотомъ веселоватые, удобныя, здравыя; хлѣба, масла, меду, воску, конопель, льну и тѣмъ подобнымъ, всего родится множество. Неточно сами тѣмъ изобилуютъ, но и во иные окрестныя государства отвозятъ и отсылаютъ и оттого немалую корысть и прибытокъ приобрѣтаютъ. Тамо въ морѣ находятъ много янтарю, только не только колько въ Пруссіяхъ. Скота домашняго разнаго множество, также и въ лѣсахъ всякихъ звѣрей дивныхъ много. Имѣло то Государство собиныхъ своихъ государей владѣтелей самодержавныхъ, никимъ обладаемы не были. Градовъ изрядныхъ въ томъ Государствѣ много: столной градъ того Государства Щецинъ, надъ рѣкою Одрою; въ древніе лѣта около того града бывало житіе рыбославское (такъ), а потомъ тѣ рыболовы преведены ко граду Винету и тамо размножилися. Въ немъ вѣра Христіанская. И нынѣ тамо Винеты столной же градъ. Есть градъ Крипсъ-увольдъ (Gripswaldum); въ томъ градѣ ученіе книжныхъ и всякихъ мудростей отъ Бога одаренъ; училище то поставлено 1456 году. Градъ Юлинувъ въ древніе лѣта во всей Европѣ славнѣйшій былъ, бывала столица вандалскихъ. Градъ Литролзунтъ (Стральзунтъ) славеи, положеніе его у берега моря Балтицкаго. Въ древніе лѣта тотъ Градъ имѣлъ своего собинача государя князя. Винета градъ всѣхъ поморскихъ градовъ славише; отъ Даккаго короля Кондрата разорено. Есть иные грады, то есть Неугардія, Лембурга, Старгардія, Берградумъ, Каменецъ, Виблина (Vublitz), Грифенбурга, и по берегу морскомъ Колберга, Каминувъ, Кослинувъ, Сунда, Удъка (Putzka, Pucka), Ревесоль, Ровенъсбургъ (Lovensburg), Гехень (Hechel).

III.

КАРТА ПОМЕРАНИИ XVII СТ.

Эта любопытная карта, принадлежащая нашей библиотеке, носитъ слѣдующее заглавіе: „Nova illustrissimi principatus Pomeraniae descriptio cum adjuncta principum Genealogia et principum veris et potiorum Urbium imaginibus et Nobilium insignibus.“ Она печатана латинскимъ шрифтомъ на 12 листахъ, въ градусъ 15 миль. По полямъ размѣщены виды 42 городовъ и значительныхъ мѣстъ. Вверху по вѣтвямъ родословнаго древа князей изображены ихъ портреты, начиная отъ Свантибора + 1107 г. и оканчивая герцогомъ Филиппомъ II + 1618 съ сыновьями. Кроме того другое родословное древо безъ портретовъ показываетъ родословіе князей отъ Витслава (938 г.) до Вартислава (1325 г.). Внизу карты помѣщено краткое историко-географическое описаніе Помераніи подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Pomeraniae et regum in ea memorabilium Brevis descriptio E. Lubini.“ Карту гравировалъ Николай Гейлькеркиусъ—*Nicolaus Geilkerkius sculpsit.*

Мы списываемъ съ этой карты въ алфавитномъ порядкѣ всѣ имена мѣстъ, земель и водъ, Славянскія и Нѣмецкія, въ томъ видѣ, какъ они значутся на картѣ. Видимо, что многія изъ нихъ, не исключая и нѣмецкихъ, значительно попорчены. Для исторіи Поморскаго Балтійскаго Славянства имена мѣстъ за скудостію другихъ показаній составляютъ весьма любопытный и важный матеріалъ. Желательно было бы собрать этотъ матеріалъ въ полномъ составѣ по всѣмъ Поморскимъ Славянскимъ Землямъ отъ Эйдера и Эльбы до Вислы и издать въ родѣ географическаго словаря съ необходимыми историческими и лингвистическими примѣчаніями. Собранныя вмѣстѣ и объясненныя, эти имена быть можетъ многое бы рассказали о темной исторіи Балтійскихъ Славянъ-Варяговъ.

A.

Abtshagen. Abtshagen. Achter-water. Ackerhof 3. Aderborg. Agnisenhoff. Albesdorp. Alebeke 4. Alekiste 2. Altenkirchen. Alvesdorp. Anckerholtz. Anclam. Anclamische Feher. Aokerhoff. Arcona. Arensborch 2. Arenshagen 2. Arenshop. Arenswalde. Arnhusen. Aeverhagen. Austin.

B.

Baatz. Babbın 3. Babbinschborg. Baderssehe. Grot Bafepoel. Bahnen. Bakenberg. Baldebus. De-Ball. De Ball de Olde. Balendin. Ballenbergen. Ballerck. Ballewanz. Ballewitz. Ballum. Bandekow. Bandelin. G. Bandelvit. L. Bandelvit. Bandemin. Bandsow. Bansecow. Bantze. Bantzelvit. Bantzin. Barcewitz. Barcken. Barckeen. Barckenbrode. Bardt. Barenberg. Barenbusch. Barenslow. Barhovet (ocrp.). Barkefl. Barnekeuitz. Barnimbs Konow. Barnkvitz. Barnow 2. Barnowische Haven. Barns dorp. Barnstein. Barow. Bartelin. Bartels hagen 2. Bartin. Bartke fluvius. Bartkevit. Bartlaff. Bartzelin. Barves-dorp. Barvin. Basdroie. Basentin. L. Basepoel. Gr. Base-poel. Bassevit. Basin. Batevale. Batevit. Batrians-hagen. Battin 3. Bavenretz. Baven Scheferei. Baversdorp. Bebberow. Beerwolde. Behrwold. Beiersdorp. Beiershagen. De Beke. Bekel. Belbuch. Belków 2. Belgard 2. Belitz. Belkow. Bellenbeke. Belling. Below. Groten Below. Lüt. Below. Benekenhagen. Benkenhagen. Benz. Bens. Bentz 2. L. Bentz. Gr. Bentz. Bentze. Bentzin. Berbom. Berchmolen. Bercke. Berckenbrugge. Bercknow. Berckow 4. Berensdorp. Berenshagen. Berenwolde. Berge. Bergelase. Bergen 2. Bergis dorp. Berglang. Bergsow. Berlin. Berlinecken. Berneckow. Bernhagen. L. Bernikow. Bernsdorf. Bertcow. Bertkow. Bersendorp. Besigow. Besow. Bessin 2. Beverdick 2. Beveringen. Beversdorp 2. Bial. Bichow. Billerbecke. Billerbeke fluvius. Bilow. Bim See. Binow. Bintz. Birkow. Bischofdom. Bischof sd. Bisdorp 2. Bisemitz. Bisenitz. Bistland. Bistorp. Bitegast. Bizieker. L. Bizow. Blanckenhagen. Blankensehe 2. Blesevit. Blewes Eckort. Bliscow. Blisenradt. Bliskow. Blocks hagen. Blomberge. Blomdorp. Blomenhagen. Blondow. Bluckow. Bobelin. Boblin. Bochow. Bock. Bocke 2. Bockhagen. Bockheid. Bockhold. Bockholdt. Bockholt. Bockholtz 2. Bockwold 2. Bode. Bodenber. Bodenstede. Boissin 2. Boistinsche möhle. Boistrin. Boke. Bokel. Boken. Bokenort. Bolckow. Boldekow 2. Boldentin 2. Boldevit. Bolendorp 2. Bollinken. Boltenhagen 3. Bomefeld (Boinefeld?). Bomgarten. Bomitz. Bonin 2. Bonstor. Borcfelt. Borch 2. Borsche. Lut: Borchow. Gr. Borchow. Borchstede. Borchtitz 2. Ol. Borchwall. Gr. Borckenhagen. Borgensin. Borgwal 3. Borin. Borinsche molen. Born 3. Bornhagen. Born Tuchen. Borrentin 3. Borrentzin. Borrn. Borske. Bosenske. Bosentin. Bosin 2. Bossin. Bossow.

Boswin lacus. Bower. Bowhof. Brallentin. Bramheid. Bramstede. Brandenburg. Brandeshagen. Brandmöhllén. Branstede. Brechenwick. Bredelow. Bredenberg. Bredenfelde. Bredenfelt. Bredow. Bremerhagen. Brese. Bresecke. Bresen 4. Bresevitz. Bresow. Brest 2. Bresse. Brinck. Lut. Briscow. Gr. Briscow. Brisen 2. Brissow. Brook. Brode. Brodersdorp. Broeck. Broezem. Broitzen. Brügge. Bruggencroge. Brumkosen. Brunckow. Brunekendorp. Brunn. Brunne. Brunnecken. Brunow 2. Brunsberg. Brunsdorp. Brunsfort. Brunske. Brunsow 3. Brusenfelde. Bruskevitz. Brutze. G. Bubkevitz. L. Bubkevitz. Bublitz. Buchow. Buckevin. Bucow Dudesch. Buddenhagen. Buddenmöhllén. Budel. Budendorf. Budow. Bugenhagen. Bugenhagen. Buggerow. Buggevitz. Buggow 3. Buker. Bukow 2. Wendisch Bukow. Bukowische Sehe. Bulgerin. Bulitz. Bullen: wmkel. Bunnevitz. Bunsevitz. Gr. Bunsow. Lut. Bunsow. Burokevitz. Burckow. Buřnevitz. Burow 3. Burscow. De-burse. Bursow. Burtzlaff. Busch möhllén. Buschvitz. Buse 2. Búskenhagen. Busker. Buslar 2. Búslow. Bassentin. Bussevitz 2. Bussow. Bussow 4. Butow. Butow. Butowische Sehe. Butscow. Butzke.

C.

Cadow. Cagenow. Calessen-molen. Calin. Calman. Caln. Calow. Calpin. Camelow. Camineke. Cammin. Camminsche Boddem. Camnitz. Campe. Camper. Camse. Cankelvitz. Cankelvitz. Candelin. Cannin. Canten. Canterick. Cape. Cappel 3. Caprower Sehe. Carbow. Carelpo. Carlitz. Carmin. Carnitz. Carow 2. Carstnitz. Carthus. Cartlow 4. Cartzin 2. Carven. Carvin 2. Carvitz. Casckow. Cascow. Caseborch. Caseborgische Heid. Casemiersborg. Casemirshoff. Casnevitz 3. Casow. Caspin. Casshagen. Casskow. Catcow. Catelvitz. Caten Damerow. Catrinen holtz. Catzcker fl. Catzcow. Catzin. Cavelwisch. Cazow. Celesine. Ceremin. Certlow. Cevitz. Chantz. Chartz. Chemnitz. Chilow. Chinow. Chinow. Chleven. Chloste. Chlove. Chotse. Chotzmow. Chowet. Chromkow. Chust. Chutlow. Chwesdorp. Cilmitz. Cimbow. Cimmelin. Cimmendars. Cimmerhusen. Cinentelvitz. Cingel. Circevitz 3. Circhow 2. Circk See. Circkevitz. Circow 2. Cirmoisel. Cis. Cimer. Citen. Cittevit. Citzemin. Citzive. Citzow. Citzvit. Cladow. Clae. Clannin 2. Clatzen. Clatzow 2. Claudorp 2. Claushagen. Clawshagen. Clebow. Cleest. Clemes. Clemme. Clemmin. Clempenow. Clempenowische werder. Clempin 2. Clenen Gluschen. Clentze. Clentzin. Clessenske. Clessin. Clevenow. Clingenbeke. Clissendorp. Clite. Clocksin 2. Cloppenhagen. Clotz. Clotzin. Clounitz. Clucken. Cluckow 3. Cluis 2. Clune. Cluntz. Cluntz. Cluptow. Clúsdam. Cluse. Cluss. Clutow. Clutz. Clutze. Clutzow. Clutzowische möhllén. Cnackschemöhle. Cnacksehe. Cnacksee. Cnepelie. Cnieke. Codran. Colbelke. Colberg. Colbergische Wald. Colbyzow. Col-

latz. Colpin 2. Coltow 4. Nien Coltzglow. Coltaglow. Coltsin
 2. Coltzow. Colzow. Gr. Comesow. Lut. Comesow. Comesow.
 Cone ander Straten. Conedorp. Coningswerder. Conkow. Conow.
 Conrow 2. Contersin. Copan. Copens. Coplin. Copnitz. Cop-
 now. Copriven. Corbhoff. Groten Cordeshagen. Cordeshagen 2.
 Corendorp. Corlasin. Corlin 2. Correntin. Corstnitz. L. Corts-
 hagen. Cortzin. Cosakes. Cose. Coselitz 2. Coserow. Cosn-
 walg. Cossin. Cosslin. Cösslin. Costernitz 2. Cosvantz 2. Cot-
 low. Cottow. Cowalck. Craatz. Cracow 2. Cradis. Craen.
 Crakevitz. Crambow. Crammentz. Crammonsorp. Crampe 3.
 Crampel flu. Crampow. Cramvis. Cramvitz. Crange. Crangen.
 Cransevitz. Crantzlin. Crassin. L. Crassin. Cratz. Cratze. Cratz-
 ke. Creckow. Crecksee. Creitlow. Creitzke. Crejencroge. Cre-
 merwinckel. Cremmin. Crenitzow. Crentzhoff. Crepitz. Crep-
 sow. Cretemin. Crimvitz. Crincke. L. Crine. Gr. Crine. Crine 2.
 Crineke. Crisow. Crivaen. Cromerbroeck. Cromwater flu-
 vius. Cronnevitz. Crosdorp. Croselin 2. Crosnow. Crossdorp.
 Croswick. Crowlow. Crucow 3. Crukenbeke. Crumhagen.
 Crumkevitz. Crummensee. Crummin. Crusmanshagen, Gr.
 Crussin. Crussow. Crutzen. Crutzmeshagen. Cubisser boddem.
 Cubissezvehr. Cublitz. Cuckevitz. Cuckow. Cudsov. Cuesow.
 Cugelvitz. Cukow. Culntz. Culsow. Cultzow. Cumin. Cum-
 merow 4. Cummerowisch See. Cumto. Cunsow 2. Curow 3.
 Cusser. Cusserow. Cussow. Cüstrow. Cutelvitz. Cutze. Nien
 Cutzglow. Cutzow. Cygnitz.

D.

Daber 2. Dabercow. Dabercow. Wosten Dabercow. Groten
 Dabercow. Dabern. Dabis. Dabritz. Dadow. Dalen. Dallen-
 tin 2. Dalmeritz. Dalow. Dam. Dambecke. Dame lacus. Da-
 men. Damerow 3. Damerfitz. Damerow 5. Wustlaffs Damer-
 row. Ol. Damerow. N. Damerow. Damertow. Dames 2. Da-
 mes dorp. Dames flu. Dameshagen. Dames dorp. Damezow.
 Damezow. Damgarden. Damgarten. Damme. Dammen. Dam-
 nitz 2. Dampen. Damsche Sehe. Dannenberg. Danscroge. Dar-
 bel. Darbelade. Dargaske. Darge. Dargebans. Dargelin. Dar-
 gen. Dargerese. Dargeser. Dargesloff. Dargitz. Dargsow. Dar-
 gun. Darkow. Darsban. Darse. Darsentin. Darser ort. Darse-
 vitz. Darskevitz. Darsin 4. Darsow 3. Der Darss. Dartz 2. Dar-
 vene. Darwitz. Dashaus. Daskow. Dassow. Dacow. Datnie
 diep. L. Datzow. G. Datzow. Dedlin. Deep. Deerskevitz. De-
 erskow. Deersow. Degow. Delan. Deltzow. Demmenitz. Dem-
 mincke. Demmin. Dendorp. Denholm (ocrp.). Dennin. Densin.
 Depenbrocke. Deperske fluvius. Derbneg. Dersecow. Dersentin.
 Desse. Dethmershagen. De Tine. Detmersdorp. Deuske lacus.
 Devarnow (ocrp.). Deven. Deverese. Devin. Dewichow. De-
 witz. De Dick. Dirickshagen. Distkenhagen. Portus Divenow.
 Gr. Divenow. L. Divenow. Divitz. Dobbkevitz. Dobberpoel 3.

Dobell. Dodelach. Doemsow. Dohar. Doitin. Dolge 2. Dolge lac. Dolgelin. Dolgemose. Dolgen. Dolgenow. Dolitz. Dolkevitz. Domervitz. Donnieshagen. Donnige. Donrie. Doppelsdorp. Dornhave. Dorow. Dorow. Dorphagen. Dortichmorgen. Dousin. Dovesberg. Dowsewitz fluv. Draheim. Dramburg. Dramendorp. Drammin. Drannewitz. Dranske 3. Drechow. Drenow 2. Dresewitz. Dresow. Drewesevitz. Drewolck. Drolenhagen. Drowsow 3. Drowse. Drowsevitz. Drowslow. Dubbertech. Dubbitz. Ol. Dubzow. G. Dubzow. Dubzow. Groten Dubzow. Lut: Dubzow. Dudendorp. Dudesch Bucow. Düdesch Versin. Dudosch Plassow. Düdsche Calübe. Düdschen Damnitz. Duggerow. Dukow. Dumerkevitz. Dumgnevis. Dummatel. Dummercow. Dumrade. Dumrese. Dumzyn. Duncker. Dunnekevitz. Dunow. Dunsevitz. Dunnow. Duns. Durckow. Dussevitz 2. Dussin. Düsterbecke. Dütsche Castnitz. Duvenbeke (p.). Duvels dorp. Duvendick. Duviger.

E.

Eesir. Echeid. Eckersberg. Eckholt. Eiersberg. Eik. Eikenberg. Eikhorst. Eixen. Elbershagen. Eldena. Eldenow. Ellersholtz. Elmenhorst. Emkendorp. Endige. Engelswach. Ernsthoff. Eskénow. Eskenrie. Evenberg. Exin Bollin. Exow.

F.

Facksche. Facobsdorp. Falckenberge. Falckenborch. Falckenborg. Falckendorp. Falckenbagen 2. Falckenberg 2. Falckenborch. Falkenwold. Fanckendorp. Fannevitz. Lut. Fannevitz. Groten Fannevitz. Fanow. Farnchnow. Farenwolde. Fargow. Farmen. Farnitz. Fartzow. Fassenitz fluv. Fashagen 2. Fassin. Fatzow. Ferckevitz. Ferkow. Feseritz. Feskendorp. Fesicow. Fichel. Fiddechowisch Scheferei. Fiddeckow. Filsow. Finckenthal. Fische. Fischerende. Flackenheide. Flederborn. Flakensehe. Flemens dorp. Fleteenstein. Flotow. Fons 2. Fons Inae. Forcken beke. Forstensehe. Forwerck. Forwerck. Fransborg. Frantzen. Frawdénberg. Freheide. Frederlandt. Frederichs schefferei. Fresen 2. Fresenbrot. Fresendorp. Fresen ort 2. Freste. Fretcow. Fretz. Friensten. Frienwolde. Friscow. Frissow. Frist 2. Fritrichswald. Fritzow. Frochen: mol. Frawendorp 2. Fülendorp. Fulen Rosstock. Fulensehe. Funckenhagen. Funckern frest. Furenholtz. Fvenack.

G.

Gachlin. Gaddentow. Gaddin. Gagern. Gagetzow. Galebeke. Galenbecke. Galenbeke. Gallenzow. Galow. Galowsche Scheferei. Galpinsche Flete. Gandelin. Gans. G. Gansen. Gr. Gansen. Lut. Gansen. Ganskevitz. Ganskow 3. Laco Gantstede. Garberow 2. Garchkevitz. Garchlin 2. Garde. Garden. G.

Garden. Gardesche See. Garmin 2. Garow. Garscho-vet. Gartz 5.
 Gartzgar. Garves. Gatow. Gatzcow. Gawait. Gazenitz. Ged-
 de. Gehren. Gellasen. Gellentzow. Gellin 2. Gemikow. Gens-
 kow. Gerbin. Gerdschagen. Gerfslow. Gerskow. Gerwin 2. Ge-
 ser. Gesow. Gr. Gestin. Gewesdorp. Gibbin. Gibentzin. Giglitz.
 Groten Ghischen stp. Gluschen. Gilm. Gingst. Ginow. Gisbitz.
 Gisendorp. Giskenhagen. Giskow 2. Glambeke lacus 2. Glam-
 beke. Glans. Glasehutte. Glashagen. Glasow 2. Glebitz. Gle-
 sis. Glin. Glina lacus. Glineke 2. Old. Glineke. Glinecke.
 Gliscow. Glissen. Glistke. Gloddow 2. Glode. Glofze. Glonne-
 vitz. Glotkow. Glotzin. Glowitz. Gluskow. Glutzke. Gnaden-
 hus. Gnageland. Gnaskow. Gneusin. Gnevzin. Gnewicow. L.
 Gnewin. Gr. Gnewin. Gnewizow. Gnis. Gnayen. Godersdorp.
 Goeden. Goercke. Goerbent. Goerke 4. Goern 4. Goertzke. L.
 Goglow. Gr. Goglow. Goien. Golchen. Goldbecke. Goldbeke.
 Goldevitz. Goldtbrech. Gollenberg. Gollendin. Gollentzin. Gol-
 now. Goltbeke flu. Golt hagen. Goltze. O. Goltz glow. Golt-
 zow 2. Gorcow. Gorieshagen. Gor:men. Gorms. Gorow. Gor-
 ries dorp. Gortzendorp. Gosebring (ocr.). Gosenhave. Gostlow.
 Gotenitz. Gotkenhagen. Gotschow. Gotzlafl. Gotzlow. Gotz-
 now. Gotzeweken. Gowe flu. Gowelin. Gowidel. Grab-
 buntz. Grabis. Grabitzke. Grabo flu. Fons Grabo. Grabow 6.
 G. Grael. L. Grael. Grambow 3. Grammentin. Grammen-
 dorp. Grammentz. Grammin 2. Grandeshagen. Granoow. Gran-
 sebite. Granskendorp. Granskewitz. Grantitz. Grants. Grant-
 zin 3. Grantzow 3. Granzow. O. Grapow. N. Grapow. Grap-
 sow. Grascrug. Graseberg Iekeritz (oepo). Grasse. Grelleherge.
 Gribbenitz. Gribbenow. Cribow. Grieben. Griffenberg. Griff-
 enhagen. Grigal. Grimme 2. Grin. Gripswalde. Griskow 3.
 Gristkow. Gristow 2. Gronehoff. Gronenberg. Gronhoff. Gro-
 now 3. Gronowervitz. Grosow. Grossin. Grotendorp. Groten-
 hage. Grotevitte. Grubenhagen. L. Grubno. G. Grubno. Grum-
 mentz. Grumsdorf. Grumskow. Grunart. Grunhagen. Grupen-
 hagen. Grushow. Grussow 2. Grutcule. Grutkow. Gruwel.
 Gryphiswaldisch Oie (ocrp.) Guddentin. Gudenhagen. Guden-
 tin. Gudesweg. Gudose. Gultin. Gultze 2. Gultzow 2. Gum-
 bin. Gummellin. Gummenitz. Gummin 2. Günse. Gunthers-
 berg. Gurtitz. Guselitz. Gunsin. Gust 2. Gustebin. Gustelits.
 Gustemde. Gustin. Groten Gustin 2. L. Gustin 2. Gustlafsha-
 gen. Gustmin. Gustow 2. Gustrowenhave. Gutevitz. Gutfick.
 Gutzcow. Gützkow. L. Gutzmerow. Gr. Gutzmerow. Gutzmin.
 Gwetzin. Gwisen. Gysorcky. Gystelitz.

H.

Haffhusen. Hagen 8. G. Hagen. L. Hagen. Hagendorp. Ha-
 generwick. Hagenow. Hagenwalde. Hamelstall 2. De Hamer.
 Hamer 5. Hannekenhagen. Hanenkamp. Hannekenhagen. Hans
 feld. Hans hagen 2. Harmenshagen. Haselborg. Haselow. Hasen-

fier. Hasselbusch. Hassendorp. Haus Demmin. Heffeldt. Heid. Heidbreken. Heide. Heiderug 2. Heidhunss. Heidken. Heidkrug. Heidman. Heidmöhlen. Heinholt. Heithoff. Helle. L. Helle. G. Helle. Helmshagen. Helpe. Helpte. Hennekenhagen. Hermensdorp. Hermensdorp. Hermenshagen 2. Herske. Hertzberg. Hertzfelde. Hiddensehe. Hiendorp. Hillebrandshagen. Hindenborg. Hinricksdorff. Hinricksdorp. Hinrickshagen 4. Hinschendorp. Hirtenkaten. Hochwiderberg. Hoffthogline. Hogeborne. Hogebrugge. Hogebrugsche Molen. Hogemöhle. Hogenbernikow. Hogenbützow. Hogendorp. Hogenfelde 3. Hogenholt. Hogengrape. Hogenmüker. Hogensadel. Hogensehe. Hogenstein. Hogenwahrde. Hogenzalckow. Hoikenberg. Hoikendorp. Hoikenhagen. Holckeweae. Hollendorp. Holm. Holdorp. Holtkate. Honerheid. Horst 4. L. Horst. Gr. Horst. Hove. Hugelsdorp. Hukeshoff. Hungerdorp. Hupeshoff. Hussin. Hutte.

I.

Iablitz. Jacobsdorff 3. Jacobshagen. Iager 2. Iagow. Iallin. Iamecow. Iamen. Iamesche Sehe. Iamzow. Ianickow. Iannevitz. Iappentzin. Iapperzow. Iarchow. Iarchen. Iarckevitz. Iarenbow. Iasde. Iasdow. Iasdown. Iasenick. Iasenitz. Iasmunt. Iassonike. Iassow. Iassow. Iassuncke. Iastrow. Iatzel. Iatzen. Ieglitz. Gr. Iellen. Olden Iellen. Iescritz 2. Ihenenborg. Gr. Ihne fluvius. Cl. Ihne fluv. Fuhle Ihne fluvius. Iirsecow. Ilenfelt. Im. Broke. Imdepe. Ioden. möhle. Iohaneshof. Iorrendorp. Isingen. Iuchow. Iulitz. Iunfern See. S. Iurgen. Iven.

K.

Kabelsdorp. Kagendorp. Kakow. Kalekevitz. Kalen. Kalnissen. Kamits. Kamitz. Kampe. Kamse. Kamzow. Kankenbergh. Kankenbergh. Kantereke. Karbow. Karnemin. Karnkewitz. Karsenborch. Kaskenhagen. Kassenbom. De Katze. Katzow. Kawantz. Kaystine Mohl. Kaystiniche puel. Kazenow. Kedingshagen. Keiseritz. Kemes. Kemesshagen. Kemes sylva et lacus. Kempendorp. Kempinekenberg. Kennebackenhagen. Kentz. Kentzelin. Kerberg. Kerberge. Kerckbagendorp. Kerckdorp. Nien Kercke. Kerckenhagen. Kerckow 3. Kesow 2. Kessin. Kestine. Kickut. Kiez. Kikow. Kindeshagen. Kinov. Gr. Kisow. L. Kisow. Kissin. Kissow. Kitrerow. Kitzcke. Kiwitz möhlen. Kleberhoff. Klockenhagen. Kloster. Klucsevitz. Knorrendorp. Kobelshagen. Koblent. Koesel. Koikenhagen. Koitkenhagen. Kolbatz. Koldehof. Kolehoff. Konitz. Königsberg. Konow. Barn.-Konow. Konow vorder Baen. Koper molen. Kopitz. Korckenhagen. Korekewitz. Korfwerder. Korn: Möhlen. Kortenhagen. Kosenow. Koske. Kosoge. Kosserow. Kottop. Kowal. Kowale. Kreckow. Krensow. L. Kubbelcow. G. Kubbelkow. Kuckes-möhlen. Kuckevitz. Kucksmöhlen. Kuckuck. Kuddow. Lut: Kuddow. Kuddowischmolen. Kukan.

Kukelow. Kukenhagen. Kulenhagen. Kuler ort. Kulo. Kummerow 2. Kümrow. Kunast. Kunesse. Kuperdorp. Kussin. L. Küssow. Gr. Küssow. Kyncow.

L.

Laapsdorp. Laaske 2. Labbune. Labentz 2. Labes. Labomels. Labusow. Laddin. Ladebade. Ladentin. Lankevitz. Lanchow. Lanchow. Lanckavel. Lancke 5. Lanckow. Landave. Landscron. Landze. Langebose. Langen. Langendorp 3. Langenfelde. Langenhagen 3. Lanke. Lankevitz. Lanske. Lantgrave. Lantow 2. Lantzke. Lapitz. Lasbeke. Lase. De Laso. Lasou. Lassan. Lassene 2. Lassenske. Lassentin 3. Lassoncke. G. Latske. L. Latske. Latzke 2. Lavenitz. Laudmanshagen. Lebbin 2. Lebbun. Lebbune. Lebe. Lebene. Lebentzin. Lebesche See. Lebine. Lecow. Leecin. Leesten. Legendsdorp. Legerdorp. Leine. L. Leistkow. G. Leistkow. Lekow 3. Lelckendorp. Lemhagen. Lendershagen. Lensin. Lenskow. Lentz. Lepelow. Lepoltz. Leppin 2. Lepinsche Scheferei. Lertz. Lese. Leslin. Lesow. Lestin. Lüt Lestkow. Lestnow. Lettenin. Levelose fl. Levenhagen. Levenow. Levenow. Levenowencrüge. Levezow. Levin. Levitzow. Libbene. Libits. Libitz lacus. Libnitz. Libzow. Liddow. Linde 5. De Linde. Lindeberg. Gr. Lindenbusch. L. Lindenbusch. Lindow 3. Linnecke. Lineke 2. Linow. Linskow. Linsse. Lintz. Lintzen. Lipe 4. Lipegorre. Lipen. Lipen lacus. Lippene. Lips. Liscow. Liscower ort. Lisnitz. Lisno. Lissen. Lissenhage. Lite. Litzow. Litzowische Fehr. Lobbe. Lobbin. Lobehin. Lobnitz. Lochenzin. Lockenitz. Loest. Lötzt. Loider. Loiw. Loissen. Loitz 2. Loitzin. Lökenitz. Lonnevitz. Lopnow. Lopsentin. Lossin 3. Lottin. Louwenborch. Lowen. Lowitz. De Lubbe-Bugort. Lubbegust. Lubbemin. Lubbenow. Lubbersdorp. Lubbetow. Lubbetzitz. Lubbezin. Lubcow. Lübcow. Lubechow. Nien Lubeck. Lubecker ort. Lubentz. De Lubichow. Lubkevitz. Lubow 3. L. Lubtow. Gr. Lubtow. Lubtow 2. Lubtzitz. Lubzow 3. Luchte. Gr. Luckow. Luckow. Ludershagen 2. Ludershoff. Ludwigsborg. Luggevise. Lugwin. Luhschmolen. Luiborg. Lujerhoff. L. Lukow. Gr. Lukow. Lukow 2. Lullemin 2. Lullewitz. Lulsdorp. Lupetow. Lupo fluvius. Lupofske lacus. Lupow 3. Lupse. Luskow. Luscow. Luscow. Luscow. Lusentitz. Lussewitz. Lussow. Lusterbur. Lutkehagen. Lutkenhagen 2. Lutkevitz 2. Luttebuk. Lutzke. Lyn.

M.

Machelin. Groten Machmin. Machmin. Madui Lacus. Makevitz. Malchin. Malchow. Malckevitz. Mallenzin. Mallin. Mallow. Malmeritz. Malsehitz. Maltow. Maltzdorp. Malvin. Manckevitz. Mandelatze. Mandelcke. Mandelkow. Manhagen. Manevitz. Manow. Manskerkroge. Mantcow. Mantzlin. Marchwartz möhlen. Marensche, Marienfeld, Marien-thael. Marien-

thron. Marienwerder. Maria. Marlow. Marpshagen. Marsdorp. Marsin 2. Marsow. Martensdorp. Martenshagen 2. Martentin. Martow. Marvitz. Mascow 3. Masgeren. Masselwitz. Massin. Massow 3. Matgow. Medenicke. Mederow. Medevitz. Medevitz. Medow 2. Mege. Mehlen. Meierhoff. Mellen. Mellentin 2. S. Mellentz. Menckin. Menseritz. L. Merchow. G. Merchow. Mescow. Mesekehagen. Meselcow. Mesiger. Mesow. Messentin. Metelkow. G. Metelkow. Metzow. Mewege. Meysicow Lacus. Michelsdorp. Mickerow. Milchow. Millienhagen. Milsow. Milstrow. Minnevitz. Minten. Misdow. Misdrogen. Mistelitz. Mochentin. Mocrate. Moddersin. Moderow. Mohle 4. Möhlen. Grote Möhlen. Lut: Möhlen. Gr. Moiken. Moikow. Moistelitz. Moistelvitz. Moistes. Moitzlin. Moizow. Moker. L. Mokerow. Molckentin. Mole 23. Molen 14. N. Molen. Molenbecke. Mollin. Mollen 3. Mollenhagen. Mollin. Möln. Molnhof. Molscow. Molscow fluv. Molstow 2. Moltmolen. Moltzaen. Moltzow. Monchow. Monckeberg. Monckedorp. Monkebode. Monkedorp. Monkegraven. Monkegudt. Monnekeholt. Monnekevitz. Morats. Morchin. Mordorp. Morgenisse. Morgenstern. Morgow. Moringen. Morlin. Morsalle. Morsincke. Mosdorp. Motzow. Mouratz. Mückse. Muckske. Muddel. Muddelmow. Muddelnaw. Mudderow. Muddersin. Mudel fluvius. Müggenborch. Müggenborg. Müggenhole. Müggenzie. Müggenwolt. Muhl 3. Mulendord. Mulendorp. Mulskenhagen. Multrin. Multzow. Munde 2. Mundersin. Murckevitz 2. Murcow. Musgerin. Musse. Mussentin. Mussow. Mustis. Muth. Mutrnaw. Muttrin. Mutzeborch. Mutzelborh. Mutzkow.

N.

Nadatz. Nadersin. Nadrense. Nahusen. Nardevitz. Nassineke. Nassow. Nastow. Natzmersdorp. Nateheid. Natelvitz. Natmershagen. Navin. Navitz. Nazente. Nebantzin. Neberg. Neblin. Necla. Neclatz. Neclens. Neddelen. Nedden Retz. Nelderhagen. Nedel. Nedelitz. Nedemin. Neemin. Neerdin. Nefe. Negatz. Negenlin. Negrip. Nelepe. Nellin. Nemer. Lut: Nemerow. Gr. Nemerow. Nemitz 3. Nemezin. Nepnow. Neppermin. Neperwese. Neppotzlitz. Nepsin. Neresse. Neringen. Nesnachow. Nesocho. Nessin. Netin. Neugarten. Neugarten. Nevelingsborg. Neven. Neverin. Newerin. Newzitz. Nezebans. Nezebant. Niderzadel. Nienhaue. Niehoff 12. Nienkamp. Nienmarck. Niemöhlen 2. Niemohl. Niemolen 4. Nienballi. Nienbels. Nienbuckow. Niencroge. Niendorf. Niendorp 19. Nienfelt. Nienhagen 5. Nienhausen. Nienhave 2. Nienhof. Nienkalend. Nienkercke 3. Nienkercken 2. Nienkerkische Seha. Nienkroge. Nienwerpen. Nienwater. Nigas. Nikor. Niltz. Niltzow. Ninckow. Ninhoff. Nipars. Nippeglantz. Ni: Rese. Nisdorp. Nitmere. Nitzkow. Niżnow. Nobbin. Nobishagen. Nomin. Nonnenderp. Norinbergk. Noskow 2. Nossendorp. Nos-

sewitz. Lut. Nossin. Nössin. Nothhagen. Nowlin. Nozebantz.
Nudas. Nunensehe. Nutzcow. Nutzlaß. Nutzlin.

O.

Obbelwitz. Obels. Oddon. Odera fluvius. Oie (ocrp.). Oie.
Oldeborg. Oldemöhle. Oldenbansin. Oldenbels. Oldenborg. Ol-
den besin. Oldenbuckow. Olden Cutzglow. Oldendorp. Olden-
graven. Oldenhagen 3. Oldenhoff. Oldenkalen. Oldenkamp.
Oldenstet. Olden Swatsin. Oldenwedel. Oldenwerpen. Olden
Wigshagen. Oldenwillershagen. Olde Sloss. Oldestal. Olde-
vehr. Olde wal. Oleborg. Ole Deep. Ol: Sese. Ol. vehr. On-
rose. Osten. Ousken. Oustin. Ovelgunne 2. Ovelwicke. Over-
hagen.

P.

Packelente. Padderow. Pael. Pagenhoppe. Pagenort (ocrp.)
Pagonske. Paist. Palmsin. Palow. Paltzevitz. Grot Pa-
moiseke. Lut: Pamoiske. L. Panckemin. G. Panckemin.
Panckemin. Panckendorp. Panckow. Panin. Pannekow 3.
Pannikel. Panin. Panninsche See. Pansewitz. Pansin. Pans-
kow. Pansow. Pantelitz 2. Pantow. Papenbeke (p.). Papendorp.
Papendorp. Papenhagen. Papentzin. Papirmöhlen. Papirmo-
len 3. L. Paraw. Parchow 2. Pargow. Parnow. G. Parow.
Parpart. Parpatz. Parrassen. Parsanske. Parsante fluv. Par-
senow. Passentin. Passewalck. Passow. 3. Pastlow. Pastis.
Patschen. Patzke 3. Patzker möhlen. Pawelsdorf. Pebrow.
Peggels. Peglow. Pelsin. Pencun. Pene fluv. Penemoinde. Pen-
tin. Pentzin 2. Pentzlin. Perlin. L. Perlin. Gr. Perlin. Per-
low. Perselin. Petercow. Peteroise. Petersdorf. Petershagen 3.
Petershagen. Petzkow. Petznick. Petzow. S. Pigelsberg. Pil-
leborg. Pinnow 6. Pipenhagen. Piritz. Pirristow. Pitzelin.
Pitzerwitz. Old. Plaantz. N. Plaantz. Placksehe. Plantcow.
Plastcow. Plate. L. Plene. Olden Plene. Pleslin. Plite-
nitz. Plochrade. Plogentin. Plogshagen. Plone fl. Plontzich.
Plossin. Plotze. Plotzke. Ploven. Pluggentin. Plumendorp.
Plutow. Pobantz. G. Poblal. L. Poblal. Poblal. Pobzow.
Pobzowische moblen. Podel 2. Podewal. Podewels. Podias la-
cus. Poding. Podingsche Berge. Poeseritz. Poggelow. Poggen-
dorf. Poggenhave. Poggenpole. Poggentin. Pogonske. Poitsow.
Polbitz. Polchow 4. Politz. Politzen. Polmin. Polnow. Polpe-
witz. Poltzin 2. Poltzinische buche. Poltzinische mühl. Polt-
zow. Pomerens dorff. Ponstorp. Pontz. Lut. Poplow. Gr. Po-
plow. Poplowische buch. Poppelwitz. Poppelwitz. Poppendorf.
Poppenhagen. Poppensin. Poppow. Pors. Posewolt. Potterha-
gen. Potzarn. Povrellen. Prebentow. Prechel. Preest. Preetz.
Preetzig. Prelang. Premsluff. Premmedow. Prentzlow. Prero.
Presentze. Pressow. Pretmin. Pretmow. Pretwisch. Pretz.
Pretzenitz. Pribberhow. Gans. Pribbernow. Pribcow. Prib-

now. Pribro. Pribrodische Wedde. Pribslaff. Pribseleve. Prid-
dargen. Prilup 2. Primen. Primüsen. Priskow. Prismarek.
Prisser. Pristke. Pristow. Priswalek. L. Prisolwck. G. Priso-
wolck. Pritersche Heid. Pritter. Prittersch Boddem (ocrp.).
Pritzlow. Pritzmow. Pritznow. Probusdorp. Prockhusen. Prol-
lewitz. Prone. Pronerwyck. Prosnitz. Prossou. Clenen Pro-
sunck. Grot. Prosunck. Prsewose. Pruchten. Prullewitz. Prum-
molste. Prusdorp. Prusen. Prust. Prutmanshagen. Prütze. Pto-
nin. Publutz. Dudesehe Puddeger. Puddeglaische Heid. Pud-
qemin. Puddevitz. Pudenske. Hogen Pudger. Pudgla. L. Pug-
gerow. Gr. Puggewow. Pulitz. Pumlow. Puntow. Pusdorp.
Pusitz. Pus Jarsen. Pusseken. Pussermin. Pustkow. Pustmin.
Pustow 3. Putenitz. Putbus. Putgarten. Putte. Putzeda.
Pyrow.

Q.

Quadenschonefeld. Quadsow. Quakenburg. Quarkenborg. Qua-
sendorp. Quastenberg. Quentin. L. Quesdow. Gr. Quesdow.
Quessin. Quidselaser ort. Quifsin. Quilitz. Quilow. Quisbe-
now. Quisrow. Quitselase. Quitzerow. Quoltitz.

R.

Rabbun. Rabenhagen. Rabenhorst. Raddatz. Raddow L. Raddu
flu. Raddui. fl. Raddun, Raddauske. Raddawke. Radehass.
Radekow. Raden. Radevitz. Radlow. Raeff. Raff (ocrp.) Rai.
Rakow ol. Rakow L. Ralow olim arx ducalis. Ralswick.
Rambin. Rambin L. Rambin Groten. Rambow 3. Ramelow 2.
Ramelsberg. Rammin. Ramzow. Randow fluv. Rannefeld. Ran-
kevitz. Rantzow. Rappin. Rarvin. Rassower Strom. Ratebur.
Rateiken. Ratnevitz. Rattai. Ratzebur. Ratzoch. Raval. Ra-
venhorst 2. Ravenstein. Rawinckel. Rebelin. Rechberg. Re-
chow. Rechs. Reckow. Reckow Lutken. Recow Gr. Recow 4.
Recsow. Redchow. Reddelin. Reddevisch over. Reddevisse.
Reddis. Reddow. Redentin. Redevitz. Redezanck. Redigsdorp.
Redlin 2. Redstow 2. Rega fluvius. Rege fluvi. Regenwolde.
Reheberg. Rehefeld. Reichenbach. Reidlevitz. Reierholtz.
Reier möhle. Reinberg. Reineberg. Reineckenhagen. Reine-
feld 2. Reinekendorp. Reinewater. Reinnickendorp. Gr. Rekenitz
fluvius. Rekekin. Rekevitz. Rekewitz. Rekit. Rekitken Gr.
Rekitken L. Rellin. Relsow. Reltzin. Remlin. Rempelin. Re-
nekendorp. Lut. Renschow. Rentsin. Rentz 2. Rentzin. Repe-
kow. Repenow. Reppeli. Reppelin. Resin. Resse. Retelisse.
Retelkow. Retkevitz. Retz. 2. Retznow Lütck. Retzow. Reu-
din. Revecolmons. Revenow. Rewitz. Rezow. Ribcartz. Ri-
benke. Ribitz 2. Ribnitz. Richtenberg. Rimesch (ocrp.) Riscow
Groten. Riscow Lütken. Risnow. Ristow 4. Ritsow. Ritzeh-
hagen. Ritzke. Robe. Robelow. Roblancke. Robus. Rochenberg.
Rochow. Rocow. Rode Scheferei. Rodeflet. Rodehus. Rode

mühle. Rodemolen. Roden Clempenow. Rodenfir. Rodenhuse. Rodenkerck. Rodenscruge. Roeckhorst. Roelsdorp. Roerborg. Roerke. Roggatz. Roggezow. Roggow 6. Roglow. Rogzow Rohr. Roidin. Rolofshagen. Roman. Rome. Romske. Ronnekendorp. Rosarn. Roschitz. Roscow. Rosegar. Rosemazow. Rosenfeld 2. Rosenfelde. Rosenfelt. Rcsengard. Rosenhagen. Rosenow 3. Rosenthal. Roslasin. Rosow 2. Rossentin. Rossin. Rossow. Rostin. Nien Rostock. Rotten. Rottow. Rotznow Rove. Rove. Roven. Rubbenow. Rubckow. Rubenow. Rübes. Ruden Insula. Rudensdorp. Ruffe. Rugarten. Rugehoff. Rugenwalde. Rullewitz. Rulow. Rummelsborch. Rumpke. Runow 5. Runtz. Rupen. Ruppın. Rusbertow. Ruschemolen. Ruschende-Born. Ruse. Rushagen. Ruskevitz. Ruspornow. Russenfeld. Russevasc. Russevasc. Rustke. Rustorholtz. Rustow. Rutzenhagen 2. Rutznow. Rutzow.

S.

Gr. Saarnow. Lut. Saaspe. Gr. Saaspe. Saben. Sabes. Sabesow. Sabitz. Gr. Sabow. L. Saböw. Sabow. Sacharin. Sachow. Sackmolen. Sadelkow. Sadelow. Sadelberg. Sadow. Saes. Sagard. Sagaritz. Sagarke. Sager 2. Sageritz. Sakesin. Salcbow. Sale. Sallentin. Sallesitz. Salmow. Salow. Saltzig. Samborst. Samerow. Samervelt. Sammentin. Sammerow. Sammin. Sampel fl. Sampelhagen. Samtens. Sandershagen. Sanck. Sandow. Sansebur. Sanskow. Sanskow. Sanssee. Santort. L. Sapelin. Gr. Saplin. Sarben. Sarenzin. Sargelitzer holtz. Sargelow. L. Sarne. Sarnekow. Sarnevitz. Sarnewantz. Sarnow 3. Sarow 3. Sarpsk. Sarpske Sebe. Sarrendorp. Sarrentin 2. Sarrentzin 3. Sartin. Sassen. Sassenborch 2. Sassenhagen. Sassin. Sassins. Gr. Sastrow. Lut. Sastrow. Satow 2. Sattin. Sattun. Lut. Satzpe. Saviat. Sawercow. Saxow. Scalon. Schabo. Schaddin. Schadenhagen. Schalensee. Schanow. Schapode. Schargow. Scharnitz. Scheferei 16. Schefereie 5. Schefereii. Scheferi 2. Scheferoie. Schefferei. Schefrei. Schefrei 2. Schelinge. Schellin 3. Schemmervitz. Scheningen. Scherin. Scherpenort. Scherpse. Schifelbein. Schillersdorp. Schilt. Schinnehow. Schintze. Schlagen. Schlussow. Scholvin. Schonberg 2. Schönbecke. Schönebecke. Schöneberge. Schonefeld 3. Schonefeldt. Schonefelt. Schonenwolde. Schonewolde 2. Schönhusen. Schonow 5. Schonwerder. Schonwold. Schonwolde 2. Schopmühle. Schorsel. Schorshow. W. Schorsow. Schorsow 2. Schotorske. Schoverniss. Schretstaken. Schubben. Schudenitz. Schulenberg. Schulenburg. Schüne. Schurow 2. Schuwenhagen. Schwetzen Scheferei. Scrubtow. Sdresow. Sebbelin. Sebbin. Gr. Seddelin. L. Sedellin. Sedel. Sedlin. Seemes. See: möhlen. Seffelin. Sefferei. Segentin. Seger. Segnick. Sehefeld 2. Sehepole. Sehls. Seidorp. Seikow. Seiten. Sekers. Selchow 2. Selen. Selesen. Seleske. Selewitz. Sellentin. Sellen. Sellesen. Selin 2.

Sellin 3. Selmitz. Seltze. Semelin. Semelow. Semmin 3. Sem-
 pin. Senssin. Sentze. Sera. Seramse. Sernepla. Serprow.
 Serrin. Sessin. Bestlin. Setin. Sibersow. G. Sicker. L. Sicker.
 Sicker. Side. Sidenbusrow. Sidow. Siggelow. Siggermogge. Sig-
 gernitz. G. Siker. L. Siker. Lut. Silber. Grot. Silber. Silcow.
 Gr. Silcow. L. Silcow. Silents. Silligsdorp. Silmenitz. Silnevit.
 Silnow. Silsenmolen. Siltze. Simens. Simersdorp 3. Simken-
 dorp. Simmaske. Sinslow. Sipke. Sipzewitz. Sissow. Siten.
 Sittetekow. Siwarshagen. Sladrow. Slage 2. Olde Slage. Slage-
 kow 2. Slagensin. Slages. Slakow. Slatcow. Gr. Slatcow.
 L. Slatcow. Slavezow Slavin. Slavin lacus. Slawekendorp 2.
 Slemmentz. Slemmin. Slennin. Slenske. Slepén. Slepte. Sleutzig.
 Slevin. Slichte mohle. Slochow 2. Sloss. Slotcampe. Slotenitz.
 Slotwisch. Smacht. Smagerow. Smalwerden. Smalze. Smantevitz.
 Smarsow. Smatzin. Smedeshagen. Smellentín. Smentzin. Smer-
 sow. Smiltze. Smitkow. Smoisel. Smoldow 2. Smolsin. Smorow.
 Smuckentin. Smuggerow 2. Snatow. Snide molen 2. Sochon.
 Soitz: min. Solcendorp. Solckow. Solckow. Lut. Soldecow.
 Soldekow 2. Soldemin. Solleckendorp. Grot: Sollin. L. Sollin.
 Soloncke. Soltenitz. Soltin. Sommersdorp. Sonnenbergh. So-
 phienhoff. Sorchow 2. Sotznow. Sovenhow. Sowelíncke. So-
 venbom. Sowelin. Spanderhagen. Spantcow. Sparenwolde.
 Sparse. Specke 3. Spegedorp. Spegel. Spie. Spiker. Spikers
 dorp. Spindelholt. Splies dorp. Spoldershagen. Sprickelbrock.
 Sprissevitz. Srewen. Staffelde. Stagentin. Stag Tutt. (oz.)
 Standemin. Stantin. Stargard. Stargardt. Stargort. Starnitz.
 Starrewitz. Startz 2. Stauenhagen. Stavast. Stave. Steckow.
 Steder. Stegelin. Steinberg. Steinfeld 2. Steinfort 2. Stein-
 hagen. Steinmucker Steinort. Steinweer. Stekelin. Stemort.
 Stenborch. Stenfort. Stengow. Stenhorst. Stenhovel. Stenske.
 Stenwehr. Sterbelin. Stercow 2. Sterkow. Sternin. Stephans-
 hagen. Gr. Stepenitz. L. Stepentz. Stettin. Nien Stettin. Ste-
 ven. Stevenhagen. Stevenow. Stilow. Stiusfelt. Stobe. Stockow.
 Stoosberg. Stoentin 2. Stoissin. Stoitze. Stolp 2. Stolpe 3. La-
 cuc fons Stolpe. Stolpe flu. Stolpmunde. Stoltenhagen. Stol-
 tenberg 2. Stoltenborg. Stoltenfelt. Stoltenhagen 2. Stolterhoff.
 Stonnevit. Storckow 3. Strachetvitz. Strachmin. Strachtitz.
 Strakevien. Stral. Stralbrode. Strammel. Straminike. Stras-
 burg. Strebelow. Strefelin. Stregow. Streitke 2. Strekentin 2.
 Strellentin. L. Strellin. G. Strellin. Strellin. Strelovenhagen.
 Strelow. Stremelow. Strese. Stresen. Gr. Stresow. L. Stresow.
 Stresow 4. Stressow. Strete. Strickershagen 2. Strippow 2.
 Stritfelt. Strittense Strittensehe. Stromsdorp. Strophe sack. Stros-
 dorp. Strotsow. Strowe. Strubenberg. Strusmansdorp. G. Stub-
 hen. L. Stubben. Stubbenborn. Stubbendorp 2. Stubbenhole.
 Stubbenitz. Stubben Kamer. Stubber (oorp.) Stubeson. Stude-
 nitz. Studenitz lacus. Stunkevitz. Stuvél. Stuvén. Suantow.
 Suchen. Suchers. Sudderitz. Suder. Sudersow. Suetzin. Suicke.

Suine. Sulckemitz. Sukow 9. Sulckenhagen. Sulendorp. Sulte 2. Sulthorst. Sultitz. Summin. Sund (p.) Nien Sunde. Sandische-wische. Suosow. Surckow. Surencroge. Surrendorp. Surrentzin. Surrevitz 2. Susitz. Sussow. Sutzza Willernis. Svenentzow. Svitzz. Swanenbecke. Swanscke. Swant. Swante. Swantevitz. Swantihagen. Swantust. Swantze. Swantzow (os.) Swarb. Swar-sow. Swartehoff. Gr. Swartow. L. Swartow. Swartow 2. Swartze Sehe. Swartzin. Swarzew. Nien Swatsin. Swedt. Swedt. Swerin. Sweslin. Swessin. Swessow. Swetzin. Swetznevit. Swetzow. L. Swichow. G. Swichow. Swichtenberg 2. Swilup. O. Swine. Swinesche Heid. Swine hovet. Swinge. Swingemolen. Swirnitz. Swirse. Grot: Swirsen. L. Swirsen. Switzow. Swo-chow. Swolow. Swollin. Swore. Sycelski. Szresow.

T.

Tadden Entzow. Tanckow 2. Tangen. Tangemitz. Tangraa. Tantow. Tampe fluv. Tarehaw. De Tarm. Tarnow. 2. Techlin. Techlubbe. Tecunow. Teich. Telkow. Tellendin. Tellin. Tempel. Tempelborch. Tempse. Temsin. Ter Chatze. Teschevitz. Tesken-have. Teskendorp. Tessin 3. Teterin. Tetznow. Themmenick. Thi-ergarte. Thiergarten. Thonhagen. Thom Depe. Thom Gande. Thomhagen. Thomhave 2. Thom Hovede. Thom Hoven. Thom Lupafskén. Thom Rite. Thom Rove. Thonesdorp. Thor. Thor-baben. Thor latzen. Thor Wismer. Tickfir. Tilsan. De Tin. Tissow. Titsow. L. Titzleve. G. Titzleve. Titzow. Todenhagen. Toess. Grot Toitin. L. Toitin. Tollenseh fluv. Toltz. Tonnebur. Ton-nitz. Torgelow. Tornow. Tornow. Torpin. Towenzin. Trammin. Trampe. Trantow. Trebbelin 2. Trebbin. Trebelow 2. Tre-benow. Trebshagen. Tremptow. Trent. Treptow 4. Tressentin. Tresservitte. Treten. Tribberatz. Tribbeses. Tribbevitz. Tribboom. Tribssow. Tribus Triderichshagen. Trigloff. Trincke. Trin-willersshagen. Tripkevitz. Tripse. Trissow. Troblin fluvius. Troch Kevitz. Troch Olden besin. Troie. Troemstow. Trumperwick. Tru-pe. Trutzlatz. Lut Tuchen. Gr. Tuchen. Tuchow. Tunow. Turow 3. Turtzke. Tutow 2. Tütze. Tutzepatz. Tatzlafshagen. Twerges-dorp. Twidorp. Tychow. Groten Tychow. Wendisch Tychow.

U.

Ubbele. Ubechel. Ublantz. Uchdorp. Uchtenhagen. Uelings-dorp. Ukelei flu. Uker fluvius. Uker Sehe. Ukerhoff. Ukermunde. Ukers. Ulenberge. Ulenborg. Ulencroge. Ulingen. Ummantz. Ummendike. Une. Ungnade. 2. Unnem. Unrow. Upadel. Upder Heyde. Upder Lind. Upost. Urkevitz. Usadel. Usedom. Uselitz.

V.

G. Valck. L. Valcknitz. Valm 2. Vangerow. Vangersch. Vangersch Spanan. Gr. Vanrow. L. Vanrow. Vanselow. 2. Vansenitz. Varbelvitz. Varbsin. Varchland. Varchmin. Varen-

camp. Varenhold. Varenhop. Vargitz. Vargow. Varnkevitz. De-
 Varnov. Vaskevitz. Vasnevitz. Vdars. Veddin. Veiervitz. Veike-
 vitz. Velgast. Vellin. Velstw. Ventz. Veraden. Verchen. Verchow.
 Verhoff. Versin 2. Vertlumen. Vielcow. Vierhoff. Vierhoff.
 Visdorp. Vilgelow. Der Villem. Villem lacus. Vilmenitz. Vilnow.
 Viltzke. Virchensin. Virei. Virevitz. Virow. Viscow. Vischen.
 Vischer Sehe. Viske. Vitcow. Viterese. Viterow. Vitlubbe. Vitte
 4. Vittensehe. Vittrin. Vitzke. Vitzke lacus. Voddow. Vogdei.
 Vogdenhagen. Vogelsang 3. Vogelsdorp 2. Vogetshagen.
 Vogtshagen. Volckesdorp. Gr. Voldekow. Lut: Voldekow.
 Volkersdorp. Volskenhagen. Volskow. Voltzin. Voort. Vorbecke.
 Vorbent. Vorland. Vorlaren Born. Vorwerck. Vosberg. G.
 Vultzow. L. Vultzow. Vzetlow.

W.

Gr. Wachelin. L. Wachlin. Wachollerhagen. Wackenin.
 Wagrün. Wakerow 2. Wal. Walck. Walckmole. Waldow. Wa-
 le molen. Walendow. Wallachsehe. Walsleve. Walthove. Wa-
 melitz 2. Wampe. Wangelkow. Wangerin 3. Wangeritz. Wange-
 row 2. Wanthagen. Warbelow 2. Warben. Warder 2. Wardin.
 Währhelow. Warlang. Warlin. Warmin. Warnekow. Warnin.
 Warnitz. Warnow. Warre. Warsin 2. Warsow 3. Wart-
 ckow. Wartenborg. Wartow. Wartzmin. Warvelow. Warzin.
 Wascow 2. Wasserkunst. Wassin. Wassow 2. Wastke. We-
 dage. Weggenzin. Weider. Weiken möhl. Weinberg. G. Weit-
 cow. L. Weitkow. Weitenhagen 3. Wellimscher werder. Wel-
 sen flu. Weltzin. Gr. Weltzin (ocrp.) L. Weltzin (ocrp.) Weltz-
 ke. Wenceslaushagen. Wendisch Bukow. Wendisch Damnitz.
 Wendisch Plassow. Wendisch Versin. Wendische Baggendorp.
 Wendische möhlen. Wendischen Pudger. Wendorp 3. Wensch
 Calübe. Wensch Pribbernow. Wenthagen. Wentin. Wepken-
 dorp. Werckrow. Werder 3. Werlant. West. Westenhausen 2.
 Westsvine. Wetzin. Wetznow. Wetzow. Wibboise. Wick 7.
 Wicksow. Wier. Wildenbrock. Wildenhagen. Wildenstall.
 Wildeshagen. Willemschagen. Willershagen. Willerswolde. Wil-
 meshagen. Wiltberg. Wineta. Wining. Wintbrabe. Wintersha-
 gen. Wintmolen. Wipkenhagen. Wipper flu. Wipperske la-
 cus. Wirowschmolen. Wirkensin. Wischow. Wismer. Wisse-
 bu Wissebur. Wistock. Witfed. Witgow. Wittemolen. Wit-
 ten. Wittenbecke. Wittenborch. Wittenborn. Wittenfelde. Wit-
 tenfeldt Wittmolen. Wittock. Witstock 3. Wittow. Wittow-
 witsche Fehr. Witzkow. Witzmitz 2. Witzow. Wobbelkow.
 Wobbernin. Woblat. Wockelitz. Wodarge. Woddow. Wode-
 chow. Woetke. Wohese. Woientin. Woitin. Woitzel. Woitz-
 ker ort. Wokenitz. Wokewitz. Wokulsche Seh. Wolbersdorp.
 Wolckewitz. Wolckow. Woldenitz. Woldt. Wolfeshagen. Wolfs-
 berg. Wolfsdorp. Wolfshagen 2. Wolgast. Wolizer. Wolkelitz.
 Wolkenzin. Wolkewitz. Wolkow. Wollenborch. Wollin 4.

Wolmerstede 2. Wolscow. Woltckow. Woltersdorp 2. Woltershagen. Wolthoff. Woltin. Woltkow. Wondorp. Wopelin. Worow. Worte. Woserow. Wossen. Wostendorp. Wostenfeld. Wostenfeldt. Wostenic. Wostentin. Wosterhusen. Wosterritz. Wosterwitz. Wotke. Wotzcow. Wrodow. Wreken. Wuckel. Wudarch. Wulferlatze. Wundschin. Wunenborg. Wunnechow. Wurcho. Wusse. Wusseke. Wusseken 5. Wussecken. Wussentin. Wussow. Wussow 5. Wusterbur. Wusterwitz 2. Wustranse. Wustrow 3. Wuttenicke. Wutzow.

Z.

Zaarns. Zabels dorp. Zacharei. Zachelin 2. Zacherin. Zamow. Zarmsdorp. Zanow. Zarben. Zarn fl. Zarnekow 2. Zarneckow. Zarnewantz. Zarpe. Zarsens. Zarsis. Zatzow. Zattel. Zechelin. Zechendorp. Zecherin 2. Zegenhagen. Zegenheide. Zegenort. Zeitlitz. Zemmin. Zerene. Zernecow. Zetelwitz. Zetelwitz. Zevenowische molen. Zibetcow. Zicgelofen. Zicker. Ziegelscheine. Ziegelscheun 4. Zigelwerck. Zilchow. Zinnow. Zinselser. Zinsow. Zipnow. Zirchow. Zirsow. Zirs-wenske. Zisemöhlen. Zitlow. Zitze. Cen Zizon See. G. Zizon flu. Zochow 3. Zochran. Zoffen. Zooffen. Zuchen 2. Zulow Sylva. Zuntze. Zutzevitz. Zwolhoff.

Высказанное нами на стр. 184 предположеніе о происхожденіи имени Новгородскаго урочища Звѣринецъ отъ Звѣрина Балтійскихъ Славянскихъ Поморянъ, въ значительной степени ослабляется существованіемъ урочища съ тѣмъ же именемъ подъ Кіевомъ и селенія Звѣринецъ верстахъ въ 12 къ югу отъ Великаго Ростова. Эти мѣста, конечно, трудно относить къ колоніямъ, если они составляли быть можетъ необходимую принадлежность каждаго стараго великаго города. Тѣмъ не меньше и это обстоятельство не даетъ большихъ основаній со всѣмъ отрицать Звѣринскую колонію въ Новгородѣ.

IV.

ДРЕВНЯЯ СКИѦЯ ВЪ СВОИХЪ МОГИЛАХЪ.

Кочевые разноплеменные народы, населявшіе съ незапамятныхъ временъ наши южныя и особенно придѣпровскія степи, оставили по себѣ неисчислимое множество памятниковъ въ могильныхъ насыпяхъ или курганахъ. Если по особенному скопленію этихъ насыпей въ извѣстной мѣстности мы справедливо можемъ заключать о большей или меньшей густотѣ древнѣйшаго населенія, то въ этомъ отношеніи весьма примѣчательно, что наибольшая населенность обозначается въ степяхъ, прилегающихъ къ знаменитымъ Дѣпровскимъ порогамъ. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого числа могилъ, самой разнообразной величины и конструкции, какъ на пространствѣ, окружающемъ пороги верствъ на 200 или 300 въ квадратѣ. Повидимому пороги представляли центральную мѣстность древнѣйшаго кочевья степныхъ народовъ. Здѣсь же Геродотъ помѣщаетъ и свой скиѣскій Герросъ, гдѣ совершались похороны скиѣскихъ царей. Мы не имѣемъ однакожъ основаній заключать, что всѣ эти безчисленные курганы насыпаны однимъ какимъ либо племенемъ, напр. скиѣскимъ. Здѣсь проходило, останавливалось и жило, много различныхъ племенъ и народовъ, которые, безъ сомнѣнія, также, какъ и Скиѣы оставляли по себѣ память въ могильныхъ насыпяхъ, этомъ единственномъ сооруженіи, какое только было возможно въ голой степи. Можетъ быть иныя изъ этихъ насыпей помнятъ не одно тысячелѣтіе даже до нашей эры.

Само собою разумѣется, что самое значительное множество степныхъ кургановъ составляетъ насыпи не очень великаго объема. Въ такимъ малымъ курганамъ мы можемъ отнести насыпи отъ $1\frac{1}{2}$ арш. и до 3 и 4 арш. отвѣсной вышины. Больше всего или вѣрнѣе сказать замѣтнѣе другихъ малыхъ, встрѣчаются курганы именно въ 3 и 4 арш.

вышины, или больше или меньше. Быть можетъ въ слѣдствіе особыхъ условій степной природы, эти насыпи обыкновенно очень разложисты, такъ что ихъ поперечникъ въ 10 и 15 разъ превосходитъ мѣру отвѣсной вышины. По этой причинѣ многія изъ нихъ, особенно очень малыя, отъ времени совсѣмъ изчезаютъ, соединяясь постепенно съ уровнемъ степной поверхности.

Малые курганы чаще всего попадаютъ группами и всегда особенно много ихъ тѣснится около кургановъ средней величины.

Курганы средней величины, имѣющіе вышины по отвѣсу около 2—4 саж. и въ окружности около 100 саж., почти всегда скрываютъ подъ своею насыпью цѣлое кладбище, т. е. нѣсколько гробницъ, расположенныхъ въ различномъ направленіи около одной центральной. Замѣчательно, что сѣверный бокъ у всѣхъ сколько нибудь значительныхъ кургановъ всегда круче остальныхъ и особенно южнаго, который наоборотъ бываетъ всегда отложе. Тоже самое замѣчено и въ придонскихъ курганахъ г. Леонтьевымъ¹. Конструкція курганныхъ насыпей, какъ мы упомянули, весьма различна. Курганы болѣе или менѣе значительной величины, соответственно этой конструкціи, носятъ въ народѣ различныя названія, очень мѣтко обозначающія ихъ форму. Такъ одни называются *острыми могилами*, потому что имѣютъ вершину закругленную остро и представляютъ вообще довольно правильнѣй конусъ; другіе называются *широкими могилами* по значительной разлогости своихъ боковъ и всего корпуса; иные *рябыми*, когда ссыпаны двѣ или три могилы рядомъ въ одну, получившую отъ того неправильную продолговатую или кривобокую форму. Если же могила насыпана продольно и правильно, какъ бы валомъ, то ей даютъ названіе *долгой могилы*. Два кургана одинаковой величины, стоящіе рядомъ называются обыкновенно *близнцами*. Могила *великая*—большая, могила *раскопанная*, значитъ была копана; могила *злодійка*—жили на ней прежде злодіи (воры, разбойники) и т. п. Не упоминаемъ названій могилъ по именамъ урочищъ, хуторовъ или мѣстныхъ землевладѣльцевъ и пр., даже по именамъ чабановъ или пастуховъ, которые, пася нѣкогда подлѣ могилы стада, оставляли на память мѣсту свое прозвище,—такихъ названій множество. На иныхъ могилахъ еще доселѣ стоятъ каменные болваны или *бабы*; а въ прежнее время такія бабы стояли вѣроятно на весьма многихъ могилахъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ и до сихъ поръ называются *бабоватыми*, хотя уже никто не помнитъ, чтобъ стояли на нихъ бабы. Встрѣчается много могилъ, меньшей величины, которыя обложены вокругъ камнемъ. Есть также

¹ Процилен, кн. IV, стр. 399.

могилы, безъ насыпи, огороженыя вокругъ стоймя большими камнями. Въ этомъ они сходятся съ подобными же могилами, существующими въ Сибири и въ киргизкайсацкихъ степяхъ.

Большая часть степныхъ могилъ меньшей и средней величины, на сколько намъ удалось ихъ разсѣдовать, не заключаютъ въ себѣ богатыхъ и особенно важныхъ гробницъ.

Мертвяки, какъ выражаются землекопы, или остовы покойниковъ очень часто были находимы безъ всякихъ вещей, за исключеніемъ простаго глинянаго горшка въ головѣхъ изъ самаго грубаго матеріала и самой грубой работы, заставляющей, въ иныхъ случаяхъ, предполагать, что такіе горшки тутъ-же на похоронахъ лѣпились и обжигались.

Положеніе гробницъ и лежащихъ въ нихъ мертвяковъ такъ разнообразно, что нельзя заключить о какомъ либо общемъ и неизмѣнномъ условіи, которое руководило бы въ этомъ отношеніи похоронами. Иные лежатъ головою на сѣверъ, иные на югъ, на западъ, на востокъ и даже въ направленіяхъ промежуточныхъ упомянутыхъ. Впрочемъ наиболѣе встрѣчается положеніе головою на востокъ. Положеніе остововъ также разнообразно: иные лежатъ въ протянутомъ положеніи навзничъ, иные повидимому схоронены были въ сидячемъ положеніи; чаще остовы были находимы лежащими навзничъ или на боку, скорчившись, съ прижатыми коленями и руками къ груди.

Гробницы рыты въ материковой глинѣ глубиною отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ; въ иныхъ стѣнки очень тщательно выглажены; въ иныхъ на тѣхъ же стѣнкахъ можно было примѣтить слѣды остроконечнаго орудія въ родѣ копья, которыми копали яму. Покойники, въ большинствѣ открытыхъ гробницъ, особенно въ курганахъ средней величины, были засыпаны черноземомъ. Иногда гробницы покрыты толстыми досками, или же кругляками, также слоемъ тростника или слоемъ хвороста. Встрѣчались остовы, лежавшіе на материкѣ, а иногда въ вырытой могилкѣ глубиною не болѣе $\frac{1}{2}$ аршина.

Бѣдность погребенія, указывая на бѣдность и незначительность погребеннаго лица, вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ обозначать глубокую древность могилы. Таковы, по нашему мнѣнію, всѣ могилы отличающіяся своею величиною, но не содержащія въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ какого либо богатства. Ссыпать нарочитою величиною курганъ требовались люди; но эти люди, по своимъ ли вѣрованіямъ или по дѣйствительной бѣдности ихъ быта сопровождали погребеніе своихъ покойниковъ безъ всякихъ вкладовъ въ могилу какихъ либо дорогихъ и потому особенно любимыхъ ими вещей. Въ этомъ отношеніи особеннаго вни-

манія по своей древности заслуживаетъ большая Могила, находившаяся вблизи сел. Бѣленькаго, въ Запорожской сторонѣ, на правомъ берегу Днѣпра верстахъ въ 4 отъ рѣки, на возвышенной степной мѣстности. Курганъ имѣетъ въ окружности болѣе ста саженъ; отвѣсной вышины слишкомъ 4 саж. Насыпь въ нижней части представляла какъ бы особый нижній ярусъ, на которомъ возвышалась верхняя могила, продолговатая отъ Ю. къ С., съ весьма крутыми боками, на которые съ большимъ трудомъ можно было взбираться. Окружность этой крутой части кургана простиралась на 62 сажени, а высота по откосу на 9 саженъ. На верху кургана была ровная площадь длиною отъ Ю. къ С. на $6\frac{1}{2}$ саж., шириною въ 4 саж. Полагать надо, что посрединѣ этой площади стояла нѣкогда каменная баба (грубо тесанный болванъ человѣка), ибо внизу у подошвы кургана, въ густомъ бурьянѣ, найдены три большіе обломка этой бабы. Кругомъ кургана было расположено много мелкихъ кургановъ отъ $3\frac{1}{2}$ и до $1\frac{1}{2}$ арш. вышиною.

Раскопка кургана обнаружила, что это было родовое кладбище, посреди котораго, въ центрѣ кургана, на материкѣ стояла гробница, сложенная изъ цѣлыхъ большихъ плитъ рухлаго известняка по длинѣ отъ В. къ З. около $3\frac{1}{2}$ арш., шириною въ головахъ 1 арш., въ ногахъ 10 верш.; вышины гробница имѣла 1 арш. Плиты внутри гробницы нѣсколько были тесаны. Въ ней лежалъ полуистлѣвшій остовъ навзничь, скорчившись, колѣна были подняты къ верху. Вещей при костяхъ никакихъ не было. Вокругъ гробницы была поставлена ограда изъ известковыхъ нетесаныхъ камней разной величины (около 1 арш.), стоявшихъ острыми частями къ верху. Кромѣ того въ чертѣ ограды, съ южной стороны отъ гробницы стоялъ въ видѣ столба камень вышиной въ 2 арш., толщиною около $\frac{1}{2}$ арш. Подобные столбоватые камни были найдены и въ насыпи, одинъ въ верху на срединѣ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ арш. отъ вершины кургана, стоймя, а другой въ родѣ бабы, лежавшій въ восточномъ краю насыпи, по направленію тоже къ востоку, длиною $3\frac{1}{4}$ арш., толщиною около 10 вершк. На сѣверозападѣ отъ гробницы въ чертѣ ограды находилась небольшая могила, выкопанная въ материкѣ по формѣ тѣла покойника, повидимому очень молодого и уже совсѣмъ истлѣвшаго. Затѣмъ внѣ ограды по сторонамъ находилось еще нѣсколько земляныхъ гробницъ или могилочъ, накрывшихъ тростникомъ и кругляками осокоря или ветлы. Вещей при костяхъ никакихъ не было; только при одномъ остовѣ съ лѣваго бока у кости таза найдена обыкновенная рѣчная раковина. Въ самой насыпи кургана въ продолженіе раскопки найдено костяное кольцо грубой работы и каменный молотокъ. Металлическихъ вещей не находилось и принаговъ.

Очевидно, что этот курганъ долженъ относиться къ очень глубокой древности, когда въ Запорожскія степи не приходили еще и Геродотовскіе Скифы. Окружающіе небольшіе курганы, судя по находкамъ, частію принадлежали къ той же отдаленной древности, частію къ болѣе позднему времени. Въ насыпи одного изъ нихъ были найдены обломки мѣдныхъ стрѣлъ, а другой обнаружилъ погребеніе уже козацкаго времени. Этотъ курганъ въ $2\frac{1}{4}$ арш. вышиною находился въ недалекомъ разстояніи съ юга отъ большаго кургана. Подъ его насыпью въ срединѣ лежалъ остовъ головою къ З., ногами къ В., навзничъ въ прямомъ положеніи. Длинною костякъ былъ 2 арш. 13 верш. Въ головахъ лежали сѣдло и желѣзныя перержавѣвшія стремена. Правая рука положена на животъ, лѣвая протянута прямо. У кости таза съ лѣваго бока найденъ небольшой точильный брусокъ и кремешекъ. Съ переди на поясу найдена желѣзная пряжка съ остатками шелковой матеріи въ родѣ камки. Сзади на поясу было желѣзное кольцо. Кромѣ того, въ насыпи найдена костяная круглая бляшка въ видѣ пуговицы, съ скважиною посрединѣ. Ясно, что это погребеніе сравнительно новѣйшее, доказывающее вообще, что безчисленное множество степныхъ кургановъ, особенно мелкихъ, заключаетъ въ себѣ весьма разнородные и разновременные слои степной древности.

Къ очень отдаленной древности можно также причислить раскопанный нами курганъ Геремесову Близницу, находящуюся верстахъ въ 10 отъ Днѣпра къ С. В. отъ упомянутаго сел. Бѣленькаго. Въ окружности курганъ имѣлъ 92 саж., въ діаметръ 29 саж., отвѣсной вышины слишкомъ 3 сажени. Въ его насыпи открыто тоже родовое кладбище, нѣсколько земляныхъ гробницъ, вырытыхъ въ материкъ глубиною аршина на 2 съ меньшими. Могилки были накрыты деревомъ, иногда одними кругляками, иногда досками, а также соломой и хворостомъ. Подлѣ остова вещей никакихъ не было. Только при иныхъ въ головахъ стояли простые грубой работы горшки, иногда лежали бычачьи или же бараньи кости и при двухъ—обыкновенныя рѣчныя раковины. У одного въ головахъ у затылка найдено кремневое копьѣ и острый кремешекъ на подобіе стрѣлы. Затѣмъ подлѣ костей попадались иногда небольшіе комки глины или краски, красной, темно-красной, фіолетовой, желтой, быть можетъ разложившіеся остатки какихъ либо металлическихъ вещей. По мѣстамъ въ насыпи попадались бараньи, птичьи, въ маломъ числѣ и то по поверхности насыпи лошадиныя и больше всего бычачьи кости, несомнѣнные остатки жертвеннаго обѣда и заупокойнаго пиршества. Бычачьи кости, именно 4 ноги и челюсть (что въ народѣ называется студень) найдены еще внутри кургана, такъ сказать въ его головѣ, а потомъ надъ самую срединною гробницею въ головахъ покойника. Можно пола-

гать, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ это была погребальная жертва. Кромѣ костей и горшечныхъ черепковъ въ насыпи найдено только костяное кольцо. Точно такая же обстановка погребенія встрѣчалась и въ малыхъ курганахъ, находившихся вблизи большаго. Въ одномъ изъ нихъ, въ Долгой Могилѣ, ссыпанной въ одну изъ трехъ отдѣльныхъ кургановъ, надъ могилою погребеннаго также открыты—4 бычачьи ноги и челюсть, а подлѣ остова въ головахъ,—простой глиняный горшокъ и за. плечевой костью—бронзовое копье.

Такимъ образомъ описанные курганы, по найденнымъ вещамъ, сами собою отдѣляются, первые въ Каменный вѣкъ, послѣдній въ Бронзовый. Но случается, что въ иныхъ курганахъ всѣ вѣка, древнѣе съ новыми, присутствуютъ за одно, частію въ насыпи, частію у погребенія покойниковъ. Такъ, при раскопкѣ небольшихъ кургановъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, не подальку отъ города Александровска (Екатеринославской губернии), именемъ Сиротины Могилы, найдено въ одномъ въ насыпи каменный молотокъ, двѣ костяныя стрѣлки, обломки желѣзныхъ удила и мѣдная пуговка. При остовахъ покойника, схороненнаго въ той же насыпи въ сидячемъ положеніи, найденъ только кабаній клыкъ. Въ другомъ курганѣ въ насыпи надъ могилою покойника лежали кости коня (голова и ноги) и при нихъ желѣзные удила, стремяна и короткій мечъ, родъ кинжала, а въ самой могилѣ въ головахъ у истлѣвшаго остова найденъ только небольшой кремневый ножикъ.

Подобнымъ же образомъ вѣкъ каменный и костяной соединялся съ бронзовымъ и желѣзнымъ въ одномъ курганѣ средней величины, находящемся близъ сел. Большой Бѣлозерки Мелитопольскаго уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Днѣпра. Здѣсь подъ насыпью въ восточной половинѣ кургана открыто также нѣсколько земляныхъ гробницъ или могилокъ, въ томъ числѣ въ одной, находившейся прямо на верхоземкѣ, подлѣ остова найдено пять стрѣлокъ костяныхъ, одна кремневая и пять бронзовыхъ разной формы и хорошей работы, бронзовые удила, бронзовая пуговица, золотая пластинка, свернутая трубочкою, а въ головахъ остова простой глиняный горшокъ въ родѣ кувшина. Въ другой могилѣ, находившейся подлѣ описанной къ западу, у остова лежали бронзовое копье и точильный брусь. Въ третьей могилѣ при остовахъ найдены только два кремня. Въ остальныхъ при костяхъ были найдены комки краски въ родѣ краснаго бакана, по всему вѣроятію окиси металлическихъ вещей. Въ западной окраинѣ того же кургана отарыта земляная гробница, выкопанная нещерою на глубинѣ 1½ саж. съ верхоземки. Въ пещерѣ на право отъ входа лежалъ остовъ въ деревянномъ гробу въ родѣ колоды. На шеѣ у него былъ золотой массивный

обручъ; съ лѣва у головы лежали три желѣзныхъ копьа, а у бока болѣе 100 бронзовыхъ стрѣлъ, у бедра желѣзный мечъ. Съ лѣвой же стороны подлѣ гроба еще найдено болѣе 200 стрѣлъ съ истлѣвшими тростниковыми древками, и два бронзовыхъ уздечныхъ прибора. Далѣе, тоже на лѣво отъ гроба, въ самомъ входѣ въ пещеру, лежали рядомъ 30 одинаковыхъ челюстей какого-то небольшого животного, напознанныхъ на ремень, а еще далѣе кости и черепъ собаки. За ними въ сѣверозападномъ углу подземелья стояла небольшая бронзовая ваза-котелокъ, съ бараньими костями. У сѣверной стѣнки находилась перетлѣвшая деревянная бочка длины въ $1\frac{1}{2}$ арш., въ діаметръ около $\frac{3}{4}$ арш., выдолбленная изъ цѣльнаго дерева съ рѣзною рукоятью по всей ея длинѣ. Подлѣ бочки лежали остатки уже совсѣмъ истлѣвшей деревянной же кружки въ $\frac{1}{2}$ арш. вышиною, которая съ личной стороны была украшена золотыми бляшками съ изображеніемъ грубою работою на средней—крылатога льва, а на двухъ стороннихъ такихъ же рыбъ. Въ ногахъ остова лежало нѣсколько лошадиныхъ костей.

Можно полагать, что курганъ главнымъ образомъ насыпанъ надъ этою болѣе богатою гробницею съ золотомъ и что описанныя выше погребенія, съ одними бронзовыми и отчасти съ костяными и каменными вещами, несравненно древнее этой большой насыпи и вошли въ нее случайно, какъ незначительные курганы, существовавшіе прежде, которые и покрыты сплошною насыпью за одно съ богатымъ погребеніемъ. Подобная большая насыпь всегда могла захватить подъ себя не одно древнѣйшее погребеніе.

Описанный курганъ изъ среднихъ оказался самымъ замѣчательнымъ. Надо замѣтить, что заключавшееся въ немъ богатое погребеніе съ золотомъ по всему вѣроятію было извѣстно его современникамъ, которые опустили въ его глубину съ вершины и употребили напрасный трудъ отыскать гробницу, ибо она находилась подъ полою кургана, въ боку, въ западной половинѣ. Искатели проникли до глубины 2 саж. въ материкъ. Въ ихъ расколѣ, шедшей въ глубь колодезь съ поворотами, найдена въ обломкахъ каменная баба—грубо тесаный болванъ, въ прежнее время стоявшій вѣроятно на вершинѣ кургана.

Изъ всѣхъ степныхъ кургановъ особенно замѣчательны могилы толстыя. Этимъ именемъ народъ обозначаетъ курганы, которые, кромѣ нарочитой величины, имѣютъ и особенную форму, рѣзко отличающую ихъ отъ всѣхъ остальныхъ насыпей. Это могилы съ значительно крутыми боками, которые, при обширности насыпи, дѣйствительно придаютъ ей видъ толстоты, особенно въ сравненіи со всѣми другими курганами обыкновенной кону-

сообразной и притомъ болѣе разлѣгой формы. Крутизна боковъ у *толстыхъ могилъ*, какъ оказалось при разслѣдованіи, поддерживается фундаментомъ или цоколемъ, правильнѣе же *окладомъ*, сложеннымъ по подошвѣ кургана изъ большихъ нетесанныхъ камней, которые были добываемы въ рѣчкахъ и балкахъ, удаленныхъ иногда на значительное разстояние отъ насыпи. Само собою разумѣется, что уже одно это обстоятельство заставляетъ предполагать, что *толстая могила* есть гробницы древнихъ степныхъ влстителей, ибо, для того, чтобы насыпать изъ одного чернозема такой громадный курганъ, чтобы собрать въ голой степи, привезти изъ разныхъ, довольно отдаленныхъ, мѣстъ такое количество огромныхъ камней (иные имѣютъ аршинъ 5 длины и аршины $1\frac{1}{2}$ толщины),—для этого необходимо было располагать весьма значительнымъ числомъ рабочихъ рукъ. Исслѣдованія показали, что въ дѣйствительности эти могилы суть царскія гробницы, и несомнѣнно гробницы царей скиѣскихъ. Конструкція *толстыхъ могилъ* заключается въ слѣдующемъ: въ срединѣ подъ насыпью находится четырехугольная яма, вырытая въ материкъ въ длину отъ В. къ З. около 4 арш. или болѣе, въ ширину около 3 арш., глубиною отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 сажень. Въ курганахъ средней величины эта яма бываетъ завалена съ самой головы насыпи большими камнями, какими окладенъ цоколь насыпи. Глубина этой гробничной ямы зависѣла повидимому отъ того, на какой глубинѣ лежалъ въ материкѣ слой самой чистой бѣлой глины, который всегда и служилъ дномъ гробницы. На немъ ставился гробъ покойника. Быть можетъ этотъ бѣлый слой глины имѣлъ какое либо особое значеніе и смыслъ въ вѣрованіяхъ степныхъ кочевниковъ. Пласты материковой глины въ степи, гдѣ мы производили свои разслѣдованія, лежатъ такимъ образомъ: за слоемъ чернозема идетъ пластъ желтоватой глины, сажени на $1\frac{1}{2}$ толщиной, переходящій въ пластъ глины красноватой, цвѣтъ которой чѣмъ глубже, все болѣе густѣетъ и становится чище; затѣмъ на глубинѣ съ верхоземки отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 саж. лежитъ пластъ бѣлой чистой глины отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 арш. толщиной. Толщина пластовъ въ различныхъ мѣстностяхъ не одинакова. За этимъ послѣднимъ слоемъ бѣлой глины лежитъ слой самой чистой тонкой красной глины превосходнаго цвѣта.

Такимъ образомъ, какъ скоро скиѣскіе могильщики доходили до слоя бѣлой глины, цвѣтомъ почти какъ мѣдъ, они останавливали работу и на этомъ то слоеъ погребали покойника. Въ Могилахъ Цымбаловой на лѣвомъ берегу Днѣпра, у селен. Большой Бѣлозерки, такой слой лежалъ на глубинѣ четырехъ сажень слишкомъ. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ, какъ увидимъ ниже, такой слой встрѣтился на шестой сажени, что, безсомнѣнія, и было причиною такой не-

погребенія. Въ Могилахъ Козель на лѣвомъ же берегу Дивира, у сел. Новоалександровки на глубинѣ $4\frac{1}{2}$ саж. открывался только слой глины красновато-бѣлой, на которомъ и было устроено погребеніе.

Въ углахъ этой болѣе или менѣе глубокой центральной ямы всегда бывають выкопаны пещерами особыя квадратныя подземелья, какъ бы особыя комнаты, аршина въ два вышиною и отъ 5 до 8 арш. въ квадратѣ, въ которыхъ обыкновенно разищалось погребаемое съ покойникомъ его богатство, а также погребались и любимые его люди съ своимъ богатствомъ. Въ иныхъ случаяхъ подобныя пещеры устроены въ стѣнахъ главной ямы. Иногда изъ этихъ пещеръ проходятъ дальше подземные корридоры, приводящіе тоже къ особымъ пещернымъ погребеніямъ.

Въ Толстой могилѣ Краснокутской въ глубинѣ гробницы, подлѣ ея сѣверозападнаго угла, находилось только одно обширное подземелье съ признаками, что въ немъ также были схоронены покойники и различныя вещи. Въ Чертомлыцкомъ курганѣ такихъ подземелій найдено четыре, во всѣхъ углахъ гробницы съ проходомъ изъ одного въ пятое весьма обширное подземелье. Точно такъ и въ Могилахъ Козель во всѣхъ четырехъ углахъ находились такія же подземныя комнаты, съ проходами изъ трехъ въ дальнѣйшія подземныя помѣщенія. Въ Могилахъ Цыбалкѣ такихъ пещерныхъ комнатъ было три, небольшія, одна въ углу и двѣ въ стѣнѣ¹. Замѣчательно, что главную гробницу мы всегда находили уже опустошенную, вѣроятно въ незапамятныя времена, можетъ быть даже современниками погребенія или ближайшими потомками того племени, на глазахъ котораго совершалось погребеніе и хоронилось въ землю золото и

¹ Раскопка огромнаго кургана, Луговой Могилы (Екатеринославской губ. и уѣзда, у села Александрополя, въ 45 верстахъ на западъ отъ днѣпровскихъ пороговъ), произведенная сначала г. Терещенкомъ въ 1852 — 1854 г., а потомъ г. Люденко въ 1855—1856 г., обнаруживаетъ въ расположеніи погребеній нѣкоторые отмыны противъ того, что не одинъ разъ встрѣчалось при нашихъ раскопкахъ. Направленіе центральной ямы въ Луговой Могилахъ идетъ отъ Ю. къ С. Съ южной же стороны отъ этой ямы находилась гробница одного коня. Гробница коней, числомъ пятнадцать, находилась съ западной стороны, но въ глубинѣ подземелья, въ которое ходъ былъ изъ главной ямы и у этого входа какъ бы сторожемъ лежалъ конюхъ. Къ сѣверо-западу отъ той же ямы сверхъ того было открыто отдѣльное помѣщеніе, гдѣ найдена колесница съ погребеннымъ при ней возницею. Изображенія грибовъ, птицъ, и пр. съ тулѣями и обломки жѣлезныхъ полосъ отъ колесницы найдены тоже въ насыпи кургана въ западной его половинѣ. Общая глубина всѣхъ подземныхъ погребеній въ Луговой Могилахъ достигала только $2\frac{1}{2}$ саж., гдѣ находился и бѣлый слой глины. Луговая Могила вообще была одна изъ богатѣйшихъ и роскопнѣйшихъ Славянскихъ гробницъ.

всѣ сокровища царственнаго покойника. Мудрено, чтобы люди, хотя и удерживаемые страхомъ какаго либо вѣрованія о неприкосновенности отцовскихъ могилъ, оставались холодными къ приобрѣтенію этихъ подземныхъ сокровищъ. Расхищеніе производилось посредствомъ подземныхъ лазеекъ, входъ въ которыя рытъ обыкновенно у подошвы кургана съ сѣверной стороны, какъ ближайшей къ центру, ибо, какъ упомянуто, сѣверный бокъ кургана всегда бываетъ круче остальныхъ, а слѣдовательно и радіусъ круга съ этой стороны короче, чѣмъ съ другихъ пунктовъ. Лазейки всегда направляются довольно прямо и вѣрно къ центру, т. е. къ главной гробницѣ. Бываютъ случаи, что они проходятъ некое мѣсто, но, поворачивая, всетаки достигаютъ цѣли и минуютъ лишь такія подземныя хранилища, которыхъ мѣстоположеніе почему либо ускользало изъ памяти или соображеній смѣлыхъ хищниковъ. Вообще можно съ большою вѣроятностію заключить, что едва ли когда встрѣтятся могила съ главной гробницею, не разоренною кладоскателями. Обыкновенно остаются въ сохранности лишь ея побочныя, такъ сказать придаточныя подземелья и гробницы. Тѣмъ не менѣе и эти послѣднія доставляютъ чрезвычайно много любопытныхъ и богатыхъ находокъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ можно даже предполагать, что эта главная центральная гробница служила только главнымъ входомъ во всѣ погребальныя подземелья и потому сама оставалась всегда пустою. Существуютъ примѣты и указанія, подтверждающія такое предположеніе.

На верхоземкѣ вблизи гробницы и прямо или на-искось противъ нея, въ нѣсколькихъ саженьяхъ къ западу, находилась могила коней, рытая глубиною на 1 сажень, при которыхъ иногда хоронились и конюшіе. Число погребаемыхъ коней, вѣроятно, соответствовало богатству и значенію покойника. Такъ въ одной могилѣ, по прозванію *Камелюй*, найдена гробница только съ однимъ конемъ, въ другой, Толстой Краснокутской, съ четырьмя, въ Могилѣ Цымбалкѣ съ шестью, въ Могилѣ Козелъ и въ Чертомлыцкой съ 11 конями. Съ восточной стороны, также прямо противъ царской гробницы и въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея, въ одномъ курганѣ, Толстой Краснокутской, были положены на верхоземкѣ въ двухъ кучкахъ обломки колесницы, удила съ уборами, а также изображенія львовъ, грифовъ и птицъ съ трубками или тулями для насаживанья на древко, служившія быть можетъ чѣмъ либо въ родѣ знаменъ или значковъ, или же украшавшія погребальную колесницу. Въ другомъ курганѣ, Близницѣ Слоновской, подобныя же изображенія найдены съ западной стороны; въ Чертомлыцкой Могилѣ тѣ же вещи лежали въ насыпи, на вершинѣ кургана, въ 3 саж. съ его поверхности.

Само собою разумѣется, чѣмъ значительнѣе и богаче былъ покойникъ, тѣмъ больше сохранилось хоронилось съ нимъ въ землю, тѣмъ огромнѣе насыпалась и могила, а потому очень понятно, что наиболѣе важныя и блистательныя открытія ожидаютъ изслѣдователя только въ курганахъ самой большой величины. Въ этомъ отношеніи, въ высшей степени любопытныя и замѣчательныя открытія доставилъ огромный курганъ, именуемый Чертомлыцкою Могилою.

Толстая Могила, извѣстная подъ именемъ Чертомлыцкой или Чертомлыка, отъ рѣчки Чертомлыка, находится неподалеку отъ истоковъ этой рѣчки и отъ большой чумацкой и старой сѣчевой дороги, верстахъ въ 20 къ С. З. отъ мѣстечка Никиполя, лежащаго на самомъ Днѣпрѣ (Екатеринославской губерніи и уѣзда). Почти въ такомъ же разстояніи, прямо на югъ отъ могилы у рѣки Подпольной (рукавъ Днѣпра), при впаденіи въ нее степной рѣчки Чертомлыка, находится селеніе Капулинка — мѣсто Старой Запорожской Сѣчи, а нѣсколько ниже по теченію Подпольной — село Покровское, мѣсто новой Запорожской Сѣчи. Могила по своей величинѣ принадлежитъ къ самымъ огромнѣйшимъ сооруженіямъ, какія только извѣстны въ тамошнихъ степяхъ. Она насыпана на возвышенной и весьма ровной мѣстности, перерѣзанной во многихъ направленіяхъ болѣе или менѣе глубокими балками и рѣчками, которыя, по большей части, неподалеку отъ могилы и получаютъ свое начало. Примѣчательно, что одна изъ ближайшихъ къ могилѣ балокъ, впадающая на Ю. В., въ р. Чертомлыкѣ, называется Козарькою. Съ могилы во всѣ стороны открываются далекіе виды и ровная степь, особенно къ западу, представляется уровнемъ моря. Къ югу видѣются плавни, поемные днѣпровскіе лѣса, Геродотова Илея, наше Олешье, къ сѣверу видны еще двѣ Толстыя огромныя могилы, Гегелина и Нечаева, лежащія верстахъ въ 30 отъ Чертомлыцкой. Вблизи могилы, съ западной стороны, въ разстояніи 12 саж., лежитъ Долгая Могила, продолговатый курганъ, насыпанный по направленію отъ В. къ З., длиною около 60 саж.; а за нею разбросано по степи еще нѣсколько могилъ меньшей величины.

Насыпь Чертомлыцкой Могилы имѣла обыкновенную конусообразную форму. Вершина ея представляла ровную площадъ въ 7 саж. въ діаметрѣ, посрединѣ которой въ ямѣ стояла лицомъ къ В. каменная баба, т. е. вытесанный изъ камня болванъ, въ мужскомъ нарядѣ, съ головою, уже отшибенною отъ плечъ и снова приставленною. Вышина боковъ могилы по откосу, съ подошвы до краевъ упомянутой площади, простиралась отъ 24 до 26 саж. Сѣверный бокъ былъ круче, чѣмъ остальные и особенно круче южнаго, который у подошвы имѣлъ значительную пологость.

Впослѣдствіи оказалось, что сѣверный бокъ посрединѣ былъ утвержденъ каменьями, отъ чего и имѣлъ съ верху до середины почти отвѣсную крутизну.

Въ окружности по подошвѣ могила имѣла болѣе 165 сажень; отвѣсной вышины съ вершины до материка около 9 сажень. Подошва могилы по всей окружности была обложена огромными нетесаными известковыми камнями. Этотъ поколь имѣлъ толщины болѣе сажени и простирался вверхъ по пологости боковъ могилы, на 7 саж., а въ иныхъ мѣстахъ и болѣе. Очевидно, что могила обложена была камнями съ намѣреніемъ укрѣпить ея насыпь и сохранить нарочитую крутизну ея боковъ. Съ сѣвернаго бока, ближе къ западу, у самой подошвы кургана находилась круглая ямина, около 4 саж. въ діаметрѣ, осыпанная валомъ около 3 саж. шириною. Легко было догадаться, что здѣсь рытъ подземный ходъ въ могилу давнишними искателями ея кладовъ, отъ чего образовался и самый валъ изъ земли, которая выныдывалась при раскопкѣ. Впослѣдствіи дѣйствительно обнаружилось, что отсюда къ главной, центральной, гробницѣ направлялась подземная лазейка.

Чертомлыцкая Могила очень хорошо была извѣстна Запорожцамъ и упоминается въ ихъ преданіяхъ; она, безсомнѣнія, служила для нихъ самымъ выгоднымъ сторожевымъ постомъ при наблюденіяхъ за движеніемъ Татаръ и другихъ непріятелей. Ученые путешественники Еватерининскаго времени также не могли не обратить особаго вниманія на этотъ замѣчательный памятникъ степной древности. В. Зуевъ въ своихъ „Путешественныхъ Запискахъ отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 г. (Спб. 1787.) довольно подробно описываетъ тогдашнее состояніе могилы, которую онъ осматривалъ съ истинно-ученымъ вниманіемъ.

„Выѣхавъ изъ Чертомлыка (станція того времени изъ Никополя къ Херсону), верстъ черезъ пять, говоритъ путешественникъ, увидѣли мы превеликій круглый курганъ, какого я ни прежде, ни послѣ не видывалъ. Его называютъ здѣсь Толстою Могилою. Вокругъ, видно, онъ также былъ окладенъ известковымъ каменьемъ, потому что сколь много по степи, подѣвзжая къ нему, его валялось, больше того на сей художественной горѣ его было. Взошедъ на оный довольно круто, посреди самаго верха представляется ямина, которая однако не отъ иного чего есть, какъ что земля осыла и въ оной яминѣ стоитъ каменной болванъ увеличеннаго росту. Болванъ сей кругомъ обтесанъ довольно ясно, чтобъ разпознать части тѣла, платье и вещи, какія онъ на себѣ нашивалъ. Голова круглая, какъ шаръ, на которой чертъ лица или совсѣмъ не было изображено или отъ времени стерлись. Онъ стоялъ лицемъ на западъ, врытъ въ землю

по самое платье и для того ногъ было не видно. Одѣтъ видно въ латы и на головѣ такаяжъ кольчужная шапка, отъ которой пояса или ремни привязывались назади къ находящейся на спинѣ пряжкѣ, которою и латы застегивались; руки у него сложены пальцы въ пальцы; пониже оныхъ виднѣтъ широкій поясъ или портупей съ большими для застегиванія напереди бляхами, а на лѣвой бедрѣ и знакъ шпаги. Другихъ орудій около его никакихъ было не видно... Насупротивъ Толстой Могилы къ западу шаговъ черезъ 30 или 40 имѣется другой насыпной бугоръ, длиною сажень на 15 и высокою. Онъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ первому и если позволено такъ думать, то долженъ представлять или сокрытое сего великаго болвана имѣнiе, или схороненную тутъ въ одномъ мѣстѣ всю его родню: ибо и поставленiе его лицомъ къ сей Могилѣ, или на западъ, несомнѣнъ обыкновенно или обще совсѣмъ прочими, коиъ я послѣ видалъ, болванами. Какъ тотъ, такъ и другой бугры вокругъ уложены были известковыми камнями⁴.

Такимъ образомъ теперешнее состоянiе могилы было нѣсколько различно отъ описаннаго Зуевымъ. Онъ упоминаетъ, что главный курганъ, равно, какъ и лежащая подлѣ него Долгая Могила, были обложены камнемъ, что по степи также много лежало этого камня, который съ того времени окрестными поселянами безъ сомнѣнiя разобранъ на свои постройки. Сохраняется однакожъ между ними и до сихъ поръ память, что отъ могилы къ В., къ небольшимъ Близицамъ, о которыхъ выше упомянуто, версты на 1½ разстоянiя или и менѣе, обозначена была дорога положенными въ нѣсколько рядовъ камнями, подобно тому, какъ было, а отчасти и теперь сохраняется у Близиць Томаковской и Слоновской.

Каменная баба также съ тѣхъ поръ значительно потерпѣла, именно голова ея уже отшибена и стоитъ она лицомъ къ востоку, а не къ западу, какъ упоминаетъ Зуевъ. Она грубо вытесана изъ цѣльнаго песчаника, длиною $3\frac{3}{4}$ аршина, въ томъ числѣ самое изображенiе длиною въ 3 аршина, а подножiе въ $\frac{3}{4}$ арш. Шириною камень въ плечахъ 1 арш., въ подолѣ кафтана 15 верш.; толщиною около 11 верш. Голова по шею отбита вѣстѣ съ лѣвымъ плечомъ. Изображенiе въ мужскомъ нарядѣ. На головѣ невысокая шапка въ родѣ ермолки или шапки-мисюрки, съ каймою расположенною по вѣнцу шапки и отъ темени крестъ-на-крестъ. Назади изъ подъ шапки опускается затыльникъ въ родѣ косы, сначала въ пять прядей, а затѣмъ сходитъ въ кольцо и падаетъ по спинѣ въ одну прядь. Кафтанъ длинный, ниже колѣнъ, украшенъ по швамъ и подолу нашивками или каймами. Руки сложены у живота. На лѣвомъ бедрѣ по кафтану висятъ на темлякѣ мечъ, а на правомъ родъ колчана. Ноги

по размѣрамъ фигуры вытесаны очень малы, болѣе 7 верш. Можетъ быть этимъ хотѣли обозначить сидячее положеніе фигуры.

О сокровищахъ, которыя по понятіямъ мѣстныхъ жителей скрывались въ могилѣ, ходили рассказы и толки, болѣе или менѣе невѣроятные, украшенные суевѣрною фантазіею. Болѣе правдо-подобный рассказъ заключается въ томъ, что лѣтъ 30—40 назадъ одинъ пастухъ, жившій подъ курганомъ въ шалашѣ, нашелъ будто бы съ сѣверной его стороны (гдѣ и находился искательскій раскопъ и лазей) сѣдло съ серебряными стремянами и цѣлый кладъ старинныхъ та-леровъ.

Любопытны рассказы окрестныхъ поселянъ о каменной бабѣ. Тому лѣтъ 20 или 30, ее было свезли съ кургана и поставили гдѣ-то въ усадьбѣ, для хозяйскаго дѣла, какъ простой камень. А какъ между поселянами существовало, да и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе, что эта баба изцѣляетъ отъ лихорадокъ, для чего къ ней всегда ходили съ этою цѣлью на поклонъ,—то снятіе ея съ кургана возбудило суевѣрные толки и случай этотъ сопровождался будто бы чetyрехлѣтнею повсемѣстною засухою, а къ тому же и самая баба много беспокоила деревню суевѣрными представленіями, такъ что, по общему мнѣнію, рѣшено было поставить ее на прежнее мѣсто. При этихъ перевозкахъ вѣроятно была отбита у ней голова и сама она потомъ поставлена лицомъ къ востоку. Старики присовокупляютъ, что когда нужно было свезти бабу съ кургана, то насилу ее стягли 10 воловъ, а когда везли на курганъ, такъ одною паркою пошла и такъ легко, какъ будто сама собою шла. Послѣ того какой-то крестьянинъ изъ чертомлыцкихъ хуторовъ взялъ съ кургана одну только отшибенную голову бабы и приладилъ ее, какъ подставу, у своего погреба. Пошли толки, сдѣлалась опять засуха. Какой-то женщиной открылось, что засуха пройдетъ, когда голова будетъ поставлена на мѣсто. Такъ дѣйствительно и случилось. Вообще изъ рассказовъ открывается, что Чертомлыцкая баба пользуется особеннымъ суевѣрнымъ уваженіемъ между тамошними жителями, преимущественно женщинами, которое поддерживали и распространяли посредствомъ разныхъ басенъ старые чабаны или пастухи, въ тѣхъ выгодахъ, что жертвы, приносимыя ей въ чаяніи изцѣленій деньгами и хлѣбомъ, собираются тайно тѣми же чабанами. Намъ рассказывала между прочимъ одна старуха изъ чертомлыцкихъ хуторовъ, что нѣсколько лѣтъ назадъ она носила къ бабѣ своего 12 лѣтняго сына, долго страдавшаго лихорадкою. Пришла она на курганъ съ сыномъ на рукахъ раннею зарею, помолилась на восходъ, положила бабѣ гривну грошей да паляницу (хлѣбъ). Съ той поры сынъ изцѣлился. Трудно было разузнать всѣ подроб-

ности этого языческаго поклоненія, о которыхъ поселене въ своихъ, и безъ того смутныхъ и сбивчивыхъ разсказахъ боязливо умалчиваютъ; но должно полагать, что совершались вѣроятно и еще кое-какіе обряды, относившіеся прямо къ истукану. Въ 1859 году, когда мы въ первый разъ осматривали Чертомлыцкую могилу, раннимъ утромъ на восходѣ солнца мы встрѣтили тамъ старика чабана, который благоговѣнно объяснилъ намъ, что баба очень помогаетъ въ лихорадкахъ и другихъ болѣзняхъ, что люди часто къ ней приходятъ, приносятъ деньги и хлѣбъ, что иной разъ, именно на восходѣ солнца, приходившимъ чудится, какъ будто она промолвить, какъ будто спросить, „покайся“, скажетъ, „що съ молоду робивъ?“ Такое суевѣрное поклоненіе Чертомлыцкой бабѣ не угасло и теперь. Когда, начиная раскопу кургана, мы принуждены были свалить бабу къ его подошвѣ, гдѣ она и оставалась нѣкоторое время, то по окрестности также пошли суевѣрные толки и многіе поселене, проѣзжавшіе или проходившіе мимо, благоговѣнно снимали свои шляпы и иногда пѣловали поверженный камень. Однажды, во время нашихъ работъ, когда баба снова была поставлена уже на Долгой Могилѣ, къ ней пришла крестьянка съ ребенкомъ лѣтъ пяти или шести. Перекрестившись передъ ней, она поклонилась въ землю, приложила къ ногамъ, къ рукамъ, къ груди, къ плечу, подняла ребенка и точно также прикладывала его; потомъ обошла бабу кругомъ, чѣмъ-то поливала и прыскала изъ пузырька, наконецъ повязала ее около шеи платкомъ и ушла. Платокъ тотчасъ подхватилъ одинъ изъ гробарей-землекоповъ.

Раскопка кургана начата въ маѣ 1862 года, съ его вершины или головы. На глубинѣ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ арш. въ разныхъ мѣстахъ и въ различномъ разстояніи отъ центра площади, время отъ времени стали попадаться черепки разбитыхъ глиняныхъ простыхъ амфоръ, и разныя вещицы, составлявшія уздечный приборъ: желѣзныя удила, бронзовые баранчики, пуговицы, запоны. У подножія бабы найдены копейки 1854 г., двукопѣшникъ 1832 г. и еще двѣ копейки 30 годовъ, что послужило подтвержденіемъ приведенныхъ разсказовъ о бабѣ. На глубинѣ 3-хъ сажень и въ разстояніи $1\frac{1}{2}$ саж. къ востоку отъ центра кургана открыты сложенные въ кучу безъ всякаго порядка различныя предметы конскаго уздечнаго и другаго убора, именно перержавѣвшія и сварившіяся желѣзныя удила числомъ около 250 съ принадлежащими къ нимъ бронзовыми баранчиками, пуговицами, пряжками, запонами рѣзными въ видѣ птичей головы, наносниками въ видѣ бюста какаго-то животнаго и пр.; также части шейнаго убора, состоявшаго изъ бронзовыхъ бляхъ разной величины, овальныхъ и въ видѣ полумѣсяца, и коловольчиковъ, соединенныхъ съ бляхами посредствомъ же-

лѣзной цѣпочки; множество бронзовыхъ круглыхъ бляхъ разной величины съ скважинами частію по срединѣ, а большею частію по краямъ, которыя, какъ замѣчено по истлѣвшимъ остаткамъ нитокъ, были нашиты на какую-то ткань: множество бронзовыхъ стрѣлокъ разной величины и формы. Въ срединѣ подъ удилами лежали бронзовый прорѣзной шаръ съ трубкою для надѣванія на древко; 4 бронзовыя изображенія львовъ, 4 бронзовыя изображенія драконовъ и 2 изображенія птицы, также съ трубками для надѣванія на древко. Въ восточной сторонѣ кучи найдено нѣсколько золотыхъ пластинокъ, басенныхъ на подобіе перьевъ, листовъ, бляшекъ и ленточекъ, со скважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ они были прикрѣплены золотыми же гвоздиками вѣроятно къ ремнямъ. Здѣсь же находилась круглая серебряная бляха въ 3 вершка въ діаметрѣ, которая совсѣмъ окислилась и отъ прикосновенія разсыпалась въ песокъ. Около нея примѣчены были еще другія серебряныя вещи, точно также превратившіяся въ золу, такъ что нельзя было узнать ихъ форму. Отъ упомянутой бляхи къ кучѣ желѣзныхъ удилъ тянулась цѣлая нитка мелкихъ перетлѣвшихъ раковинъ, извѣстныхъ въ народѣ подѣ именемъ змѣиныхъ головокъ, которыя, вѣроятно, были низаны на ремнѣ. Такъ какъ всѣ вещи были сложены беспорядочно въ кучу (длиною 2 арш., шириною $1\frac{1}{2}$ ар., толщиною 1 арш.), то большая ихъ часть и особенно желѣзныя удила, такъ были перепутаны своими частями, что требовалась величайшая осторожность и тщательность при очищеніи ихъ отъ земли и при отдѣленіи ихъ другъ отъ друга, тѣмъ болѣе, что всѣ онѣ въ значительной степени перержавѣли и окислились.

Вершина или голова кургана была снята вся вышиною на 4 сажени, послѣ чего образовалась площадь около 24 саж. въ діаметрѣ. Отсюда раскопка поведена продольнымъ разрѣзомъ отъ В. къ З. шириною на 22 саж. Снявши одну сажень въ глубь, мы уменьшили ширину разрѣза до 20 саж.; затѣмъ, снявши еще одну сажень въ глубь, мы назначили ширину разрѣза только въ 16 саж., которая впоследствии была доведена до материка при длинѣ въ 44 сажени, которая составляла длину діаметра цокольной каменной обкладки кургана. Такой способъ раскопки, уступами по стѣнамъ, былъ совершенно неизбѣженъ по той причинѣ, что черноземная насыпь кургана постоянно давала въ стѣнахъ трещины и обваливалась. Сдѣланные уступы обезопасили насъ отъ подобныхъ обваловъ, ибо отвѣсная высота стѣнъ была уменьшена этимъ способомъ до 3 саж. При раскопкѣ разрѣза, въ разныхъ мѣстахъ найдены черепки простыхъ глиняныхъ амфоръ, въ томъ числѣ двѣ амфорныя ручки съ греческими клеймами; малыя желѣзныя удила, бронзовые баранчики и пуговицы отъ такихъ же удилъ, бронзовыя стрѣл-

ки, лошадиныя кости отъ челюсти и ногъ, нѣсколько черепковъ простаго горшка изъ черной крупнозернистой глины, какіе очень часто находятся въ малыхъ степныхъ курганахъ подлѣ остововъ.

Доведенная до седьмой сажени глубины съ верха кургана, раскопка была остановлена до слѣдующаго года. На другой годъ (1863) начатая вновь раскопка производилась ~~итыгомъ~~ т. е. поднятіемъ пласта земли толщиною отъ 6 до 8 верш. горизонтально по всей площади, которая при 16 саж. ширины, постепенно увеличивалась въ длину по мѣрѣ приближенія къ материку и впослѣдствіи, уже на материкѣ, достигла 44 саж. длины, въ чертѣ каменнаго докола. Необходимо опять напомнить, что вся насыпь состояла изъ чернозема. Когда стали приближаться къ материку, то въ сплошномъ черноземномъ слоѣ, около середины кургана показались слои глины красноватой, бѣловатой и желтой, очевидно выкинутые изъ гробничной ямы, которую они окружали на пространствѣ 16 саж. въ длину и столько же въ ширину. Затѣмъ, когда мы достигли материковой глины, обыкновенно желтой, и выровняли всю раскопанную площадь, то въ центрѣ кургана обнаружилась въ желто-глиняномъ материкѣ четырехугольная продолговатая яма, засыпанная чистымъ черноземомъ длиною отъ В. къ З. $6\frac{1}{2}$, шириною отъ С. къ Ю. 3 аршина; къ сѣверозападному ея углу примыкала другая такая же яма овальной неправильной формы, около 5 саж. въ діаметрѣ. Далѣе къ Западу въ разстояніи 5 саж. отъ первой ямы и прямо противъ нея обнаружались еще три ямы, лежавшія рядомъ по направленію отъ Ю. къ С., почти квадратныя, длиною и шириною около 4 арш.

Противъ этихъ ямъ, южной и средней, съ восточной стороны обнаружались двѣ небольшія земляныя гробницы длиною отъ В. къ З. 3 арш., шириною около $1\frac{1}{2}$ арш.

Мы начали разслѣдованіе съ этихъ двухъ небольшихъ гробницъ. Въ одной изъ нихъ, южной, найденъ остовъ челоуѣка, лежавшаго лицомъ къ западу, т. е. къ главной гробницѣ; на шеѣ у него былъ серебряный, покрытый листовымъ золотомъ, обручъ; въ правомъ ухѣ золотая серьга греческой работы; на среднемъ пальцѣ правой руки—золотое, свитое спиралью изъ проволоки, кольцо; съ праваго бока подлѣ остова лежали рядомъ желѣзное копые и такая же стрѣла (дротикъ?), древки которыхъ совсѣмъ уже истлѣли; съ лѣваго бока у пояса небольшой ножикъ, а у тазовой кости кучка бронзовыхъ стрѣлокъ съ явными слѣдами истлѣвшаго кожанаго колчана. Въ другой могилкѣ, сѣверной, лежалъ въ томъ же положеніи другой остовъ, у котораго на шеѣ былъ золотой витой массивный обручъ (около $\frac{1}{2}$ ф. въсомъ); у головы справа—кучка бронзовыхъ стрѣ-

локъ съ остатками деревьевъ, кои были расписаны киноремень поясами; у лѣвой руки подлѣ кисти найдено еще пять такихъ же стрѣлокъ.

Въ головахъ этихъ покойниковъ расположены были рядомъ упомянутыя три квадратныя могилы, вырытыя въ материкъ глубиною на 3 аршина. Въ нихъ открыто одиннадцать коней, лежавшихъ головами къ западу или къ главной гробницѣ, въ южной три, въ остальныхъ двухъ по четыре; изъ нихъ пять съ серебряными уздечными нарядами, а шесть съ золотыми нарядами уздечными и сѣдельными. Изъ этихъ послѣднихъ на двухъ коняхъ кромѣ того находились шейные бронзовые уборы изъ бляхъ большихъ овальныхъ и малыхъ въ видѣ полумѣсяца съ привѣшанными колокольчиками. Уздечные наряды состояли каждый изъ массивнаго наносника, изображавшаго бюстъ какого-то животнаго, изъ 2 бляхъ большихъ съ изображеніемъ птицъ, изъ 2 меньшихъ массивныхъ пуговицъ, изъ 6 большихъ пуговицъ или бляхъ съ ушками. Сѣдельный нарядъ каждого коня заключалъ: 4 пластины, украшавшія сѣдло, 4 большія пуговицы или бляхи съ ушками, желѣзную пряжку и серебр. кольцо, вѣроятно отъ подпруги.

Въ южной конской гробницѣ найдена сверхъ того одна бронзовая уздечка (уборъ) можетъ быть съ коня, неполные останки котораго именно голова, нѣсколько позвонковъ и ножныя кости открыты были дальше на западъ поверхъ материка подъ каменнымъ доколомъ могилы. Въ челюсти конскаго черепа оставались одни только желѣзныя удила. Останки его костей были однакожъ размѣщены въ положе-ніи, какое долженъ былъ имѣть полный остовъ животнаго.

Мы замѣтили выше, что неизбѣжнымъ, повидимому, условіемъ скийскаго царскаго погребенія былъ материковый слой бѣлой чистой глины, на которомъ ставили гробъ и который подъ Чертомлыцкимъ курганомъ лежалъ гораздо глубже, какъ сейчасъ увидимъ.

Разслѣдованіе главной гробницы представило величайшія затрудненія, какихъ нельзя было и предполагать. Съ поверхности материка гробница обозначалась правильнымъ четырехугольникомъ изъ чернозема, имѣвшимъ $6\frac{1}{2}$ арш. длины отъ В. къ З. и 3 арш. ширины отъ С. къ Ю. Когда мы стали углубляться въ черноземъ, то скоро увидѣли, что яма гробницы и въ планѣ и въ разрѣзѣ имѣетъ форму трапеціи и ко дну, а равно и на востокъ постепенно расширяетъ свое пространство. Это обстоятельство въ значительной степени усложнило наши работы, ибо съ каждымъ штыхомъ въ глубь мы принуждены были увеличивать ширину и число такъ называемыхъ припечковъ или приступокъ, посредствомъ которыхъ выбрасывали изъ ямы черноземъ. Чѣмъ

глубже шла работа, тѣмъ становилась она затруднительнѣе и опаснѣе: стѣны и припечки, высыхая отъ солнца и вѣтровъ, трескались и обваливались. Иногда цѣлые дни проходили лишь въ томъ, чтобъ выкидать со дна обвалившійся уголь или часть стѣны.—Мы углубились уже слишкомъ на 3 саж., но дна еще не было, между тѣмъ какъ въ другихъ раскопанныхъ нами скинскихъ курганахъ гробничное дно обнаруживалось почти всегда на $2\frac{1}{2}$ саж. вмѣстѣ съ материковымъ слоемъ бѣлой глины. Наконецъ, углубившись слишкомъ на 5 саж. съ верховемки, мы подъ черноземомъ открыли завѣтный слой бѣлой глины, т. е. материковое дно гробницы, на которомъ обнаружили только лишь признаки того, что здѣсь явкогда стоялъ гробъ и безсомнѣнія находились всѣ принадлежности погребенія. На это указывали: открытые посрединѣ отпечатки красокъ, голубой и карминной, еще остававшихся на исподней сторонѣ черноземнаго слоя и служившихъ, повидимому, упрощеніемъ гроба; по сторонамъ — малые остатки совсемъ истлѣвшаго дерева и тростника, а у стѣнъ ямы перержавѣвшія желѣзные скобы и согнутые въ видѣ скобъ гвозди, изрѣдка находимые и по всему пространству дна въ разныхъ мѣстахъ. После напряженныхъ ожиданій и долгихъ опасныхъ работъ, мы убѣдились только, что гробница была расхищена до чиста.

Расхищеніе произведено изъ упомянутой выше овальной ямы, примыкавшей къ сѣверозападному углу гробницы. Въ эту яму съ вѣшней сѣверозападной же стороны кургана, отъ той именно небольшой раскопки, о которой мы также упоминали, шла подземная лазейка, аршина въ $1\frac{1}{2}$ въ діаметръ, на глубинѣ 2 саж., направленная прямо къ углу гробницы. Не доходя до этого угла сажень на 5, лазейка почти отвѣсно опускалась въ глубь, въ подземелье, уже обвалившееся и образовавшее овальную яму. Черезъ это подземелье расхитители и очистили главную гробницу. Но видно было, что ихъ застигъ обвалъ подземелья и они не успѣли всего вытаскать. На это указывалъ между прочимъ найденный нами въ слояхъ рушеной земли человѣческой остовъ, въ такомъ безпорядкѣ въ отношеніи расположенія костей, который явно показывалъ, что покойникъ погибъ отъ обвала подземелья. На днѣ этого подземелья, почти подъ самымъ входомъ въ него изъ лазейки, стояли двѣ большія мѣдныя вазы простой работы; у одной, самой большой, около $1\frac{1}{4}$ арш. вышиною, по вѣнду находятся шесть ручекъ въ видѣ козловъ. Дальше къ востоку найденъ бронзовый свѣтильникъ о шести рожкахъ. Въ томъ же подземельи по дну собраны въ разныхъ мѣстахъ, особенно въ югозападномъ углу, различныя мелкія золотыя вещи, частію въ обломкахъ; и сверхъ того подъ стѣнами открыто три пещер-

ки, наполненные также различными вещами, можетъ быть припрятанными нарочно во время расхищенія гробницы. Въ одной пещеркѣ найдены пять колчановъ стрѣлъ, скинѣвшіеся отъ ржавчины, семь ножей, мечъ съ рукоятью, обложенною золотомъ, золотой наконечникъ отъ мусата и бронзовая чаша, совсѣмъ перержавѣвшая. Въ другой пещеркѣ у входа стояло бронзовое ведро, а дальше лежала цѣлая куча золотыхъ разнообразныхъ бляхъ (около 700 штукъ) со множествомъ мелкихъ пуговокъ (слишкомъ фунтъ всоми), служившихъ украшеніемъ какой либо одежды или покрывала, остатки коего истлѣвшіе и превратившіеся въ землю, лежали подъ этими вещами и дальше въ глубинѣ пещерки. Въ числѣ бляшекъ, на четырехъугольныхъ изображена женская сидящая фигура, въ проемѣ, съ зеркаломъ въ лѣвой рукѣ; передъ ней стоитъ фигура скива, пьющаго изъ рога; другія бляхи отчасти круглыя, съ изображеніемъ женской головы, розетки, одна изображаетъ медузину голову, а больше всего треугольныя горошчатая.

Подлѣ этой пещерки съ одной стороны найдены останки человѣчьяго остова, а съ другой по дну въ разныхъ мѣстахъ собраны золотыя вещи: два перстня, одинъ съ рѣзнымъ изображеніемъ собаки, другой съ изображеніемъ быка: массивное кольцо, наконечникъ отъ ноженъ меча, разныя бляхи, бусы и пластинки.

Далѣе, въ третьей пещеркѣ находки были еще интереснѣе: кромѣ мелкихъ золотыхъ вещицъ, найдена золотая чеканная доска или покрышка съ налуча или футляра для лука, другая съ ноженъ меча, обѣ съ изображеніемъ сценъ изъ греческой мифологіи; нѣсколько золотыхъ бляхъ съ колчановъ; пять мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ, изъ которыхъ на 4-хъ грубою работою изображены грифоны и олени, а на одномъ превосходно вычеканено изображеніе охоты и вверху двѣ бычачьи головы безъ роговъ¹; найденъ также круглый мусатъ (точильный камень фигурою въ родѣ пальца) съ золотомъ рукоятью, три колчана бронзовыхъ стрѣлъ, пять подземныхъ бронзовыхъ скобъ, можетъ быть отъ гроба; много пластинокъ отъ желѣзныхъ и бронзовыхъ наборныхъ поясовъ и пр. Безпорядкомъ, въ какомъ лежали всѣ эти вещи, явно указывающаго, что чрезъ это именно подземелье происходило расхищеніе гробницы.

Но расхитители, оставившіе еще такъ много изъ своего грабежа, вовсе не попали въ побочныя четыре гробницы, которыя выкопаны были обширными, около 8 арш. въ квадратъ, пещерами въ каждомъ изъ четырехъ угловъ главной

¹ Геродотъ упоминаетъ, что въ Скиѣи водились быки комогые.

гробницы и притомъ ниже уровня ея дна аршииа на 2, такъ что середина этого дна, гдѣ найдены признаки гроба, возвышалась передъ этими подземными комнатами въ видѣ катажалка, съ котораго въ пещеры вели покатые спуски. Такое низменное положеніе этихъ подземелій, быть можетъ, уберегло ихъ отъ расхищенія. Пещеры были совсѣмъ завалены обрушившеюся землею, такъ что едва можно было различить рушеные слои отъ материковыхъ. При разслѣдованіи ихъ мы встрѣчали величайшія затрудненія и подвергались ежеминутной опасности отъ обваловъ. Только смѣлость и ловкость привычныхъ къ подобнымъ работамъ гробарей устранили несчастные случаи и много способствовали даже къ сокращенію расходовъ на раскопку.

Въ сѣверовосточномъ наугольномъ подземельѣ, при самомъ входѣ, слѣва найдены человѣч. остова съ бронзовымъ обручемъ на шеѣ, съ серьгою въ правомъ ухѣ и съ спиральнымъ золотымъ кольцомъ на среднемъ пальцѣ правой руки; въ головахъ у него собрано нѣсколько золотыхъ и костяныхъ вещей, составлявшихъ повидимому что-то въ родѣ жезла; у пояса съ лѣвой стороны найдены ножикъ съ костянымъ черенкомъ и тамъ-же у тазовой кости колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Затѣмъ обнаружилось, что въ этомъ подземельѣ были сложены богатыя одежды и различные уборы, головные и т. п. Золотыя украшенія и принадлежности этихъ уборовъ состояли: изъ пластинъ (родъ вѣщичковъ) съ изображеніями драконовъ, львовъ, оленей, травъ, цвѣтовъ, плодовъ и узоровъ; драконовъ, терзающихъ оленей, драконовъ, борющихся съ сѣнксами, пластаныхъ сѣнксовъ и т. п.; изъ разнородныхъ бляшекъ круглыхъ, четырехугольныхъ, треугольныхъ, также съ изображеніями на однихъ медузиной головы, Геркулеса со львомъ, льва, терзающаго оленя, на другихъ гриба, зайца, розетки, тельца и пр.; изъ пуговицъ разной величины въ видѣ головы человѣка, въ видѣ розетки, и гладкихъ; изъ бусъ, украшенныхъ сканью, изъ запонъ въ видѣ сѣнксовъ и пр. (Всего около 2500 штукъ, мелкихъ и крупныхъ). Найдено кромѣ того нѣсколько стеклянныхъ синихъ бусъ и бѣлыхъ бисеринокъ, а также бронзовое зеркало съ желѣзною рукояткою, серебряная ложка, нѣсколько костяныхъ дощечекъ съ остатками позолоты, вѣроятно украшавшихъ ларецъ или ящикъ. Безпорядокъ, въ какомъ лежали эти вещи, болшею частію кучками, не давалъ никакой возможности составить какое либо опредѣленное понятіе объ ихъ первоначальномъ расположеніи. Повидимому одежды съ ихъ уборами были развѣшены въ сводѣ подземелья на желѣзныхъ крючкахъ, которые тутъ же были находимы съ признаками на нихъ перетлѣвшихъ тканей. Въ глубинѣ задней стѣны подземелья найдены и самыя тдани въ комкахъ, уже истлѣвшія.—При

входѣ въ подземелье, справа у стѣны стояло шесть глиняныхъ простыхъ, уже раздавленныхъ, амфоръ.

Въ юговосточномъ наугольномъ подземельѣ у входа съ правой стороны у стѣны стояла бронзовая небольшая ваза, подобная двумъ большимъ, найденнымъ въ подземельѣ грабителей. а за нею по стѣнѣ же пять глиняныхъ, раздавленныхъ уже, амфоръ, противъ которыхъ найдены истлѣвшія кости какого-то небольшого животного (собаки), лежавшаго головою къ амфорамъ. Далѣе въ глубинѣ подземелья найдены подобные же золотые головные уборы въ видѣ пластинъ — вѣнчиковъ, также бляшки и пугови. (Всего болѣе 350 штукъ). По южной стѣнѣ (гдѣ стояли амфоры) найдено нѣсколько колчановъ бронзовыхъ стрѣлъ, нѣсколько ножей съ костяными ручками, какіе уже были находимы, и остатки истлѣвшей ткани.

Особенно важны и замѣчательны были открытія въ северозападномъ наугольномъ подземельѣ. Здѣсь прежде всего мы примѣтили въ слояхъ глины отпечатки красокъ, голубой, красной, зеленой и желтой. Ширина мѣста, на которомъ сохранялись эти краски, была около 2 арш., а вышина 1 арш. Мѣстами попадались остатки совсѣмъ перетлѣвшаго дерева. Видимо было, что здѣсь стоялъ деревянный гробъ или саркофагъ. Послѣ обозначилось, также по отпечаткамъ красокъ и остаткамъ дерева, что онъ имѣлъ длины по направленію отъ З. къ В. $3\frac{1}{4}$ арш. Посрединѣ истлѣвшаго гроба на материкѣ открытъ женскій остовъ (длины 2 ар. 6 вер.), лежавшій головою къ западу и слѣд. лицомъ къ главной гробницѣ. На немъ былъ слѣдующій уборъ: на шеѣ золотой массивный гладкій обручъ около 1 ф. въсомъ, съ изображеніемъ по концамъ львовъ; въ ушахъ двѣ серьги, состоящія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое; на лбу золотая чеканная травами пластинка (вѣнчикъ) съ бляшками въ видѣ цвѣтковъ и розетокъ, сходная съ подобными же уборами, найденными въ двухъ описанныхъ подземельяхъ. Около головы и всего корпуса лежали рядомъ 57 четырехугольныхъ бляшекъ съ изображеніемъ прямо сидящей женщины и стоящаго съ права отъ нея мальчика по видимому съ зеркаломъ въ рукѣ; рядъ или нитка этихъ бляшекъ простиралась выше черепа на 8 вершковъ, оглябая его треугольникомъ съ закругленною вершиною, и потомъ опускалась къ плечамъ и шла до кистей рукъ. Безъ сомнѣнія бляшки служили наймою какого либо покроя; съ нижней стороны на нихъ еще очень были замѣтны остатки весьма тонкой ткани пурпуроваго цвѣта. На кистяхъ рукъ были широкіе гладкіе золотые браслеты, а ниже ихъ стеклянные бусы; на вѣтхъ пальцахъ — золотые перстни, на девяти гладкіе, а на одномъ, правомъ мизинцѣ, съ изображеніемъ летящей степной птицы въ родѣ драхвы. Между

костью таза и ребрами лѣвой стороны найденъ круглый камень въ родѣ картечной пули, вѣроятно амулетъ. Съ права подлѣ руки лежало бронзовое зеркало съ костяною рукояткою.

Въ разстояніи 2 арш. отъ гроба, противъ его середины, по направленію къ сѣверу, лежалъ мужской малый и подвижному молодой остовъ, головою къ гробу, т. е. на югъ; голова покоилась на правой щекѣ, слѣд. лицемъ къ главной гробницѣ. У него на рукахъ были небольшіе браслеты; у пояса пожимъ съ костяною ручкою, у таза слѣва небольшой колчанъ стрѣлъ. Ноги остова почти упирались въ рядъ глиняныхъ, уже раздавленныхъ амфоръ, стоявшихъ по всей сѣверной стѣнѣ подземелья, начиная отъ самаго входа въ него изъ главной гробницы. Амфоръ было 13. Съ лѣваго бока остова лежала еще такая же амфора.

Далѣе въ глубинѣ подземелья открыты: серебряная ваза въ родѣ амфоры, вышиною 1 арш., въ діаметрѣ въ плечахъ около 9 вершковъ, вся изящно разчеканенная травными орнаментомъ съ изображеніемъ цвѣтовъ, птицъ, и въ верху двухъ грифовъ, терзающихъ оленя, а по плечу украшенная горельефными вызолоченными изображеніями сценъ изъ быта Скиеовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь изображено самое существенное и важнѣйшее дѣло изъ скиескаго быта, именно покореніе дикаго коня. Греческій художникъ развилъ эту мысль съ замѣчательнымъ искусствомъ и расположилъ свои изящныя изображенія въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какимъ по необходимости всегда сопровождалось это степное скиеское занятіе. Изображеніе расположено вокругъ по плечу вазы и составляетъ два особые и равные отдѣла, одинъ передній другой задній. Начальный пунктъ художественной мысли и самого дѣла находится посрединѣ этой задней стороны всей картины. Здѣсь двѣ лошади представлены еще на степной дикой свободѣ: онѣ пасутся въ степи. По сторонамъ изображено первое дѣйствіе ихъ покоренія челоуѣку: онѣ уже пойманы на арканъ скиеами, которые стараются удержать, остановить ихъ на мѣстѣ. Фигуры лошадей и фигуры скиеовъ изображаютъ сопротивленіе другъ другу, лошади стремятся убѣжать, скиеы упираются всѣми силами, дабы удержать бѣгущихъ. Такимъ образомъ этотъ задній отдѣлъ картины и съ правой, и съ лѣвой стороны, существенно выражаетъ одно: ловлю степнаго, свободно пасущагося коня. Съ передней стороны вазы, на самой срединѣ изображенъ и самый важный актъ этой ловли, именно усиліе трехъ скиеовъ повалить дикаго, необузданнаго коня на землю, дабы потомъ вануздать его. Два скиеа, стоящіе впереди коня, тянутъ его веревками (которыхъ къ сожалѣнію не сохранилось на памятникѣ), одинъ за правую пе-

реднюю ногу, другой за обѣ, вѣроятно спутанныя, заднія ноги. Скиѣзъ, стоящій позади, тоже тянетъ къ себѣ коня за лѣвую переднюю его ногу. Группа съ лѣва показываетъ, что конь уже взнузданъ и скиѣзъ его треножить, притягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому поводу узды съ цѣлью оставить его въ этомъ неестественномъ и очень трудномъ для коня положеніи, чтобы онъ самъ собою привыкъ слушаться повелѣній узды. Группа съ права показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, обвѣзненъ, взнузданъ и осѣданъ и скиѣзъ спокойно треножить его переднія ноги для отдыха. Впереди этой послѣдней группы и послѣдняго акта покоренія лошади изображена фигура скиѣза стоящаго лицомъ къ зрителю и что-то разсматривающаго въ скинутомъ съ праваго плеча своемъ кафтанѣ. Къ сожалѣнію части рукъ у него отрѣзаны заступомъ при открытіи вазы и не были потомъ найдены, хотя это именно обстоятельство и послужило къ ея сохраненію, потому что дало возможность во время остановить раскопку заступами, отъ которыхъ ваза непременно была бы поломана.

Любопытно, что у вазы въ горлѣ находится ситка, какъ и въ трехъ носкахъ сдѣланныхъ, одинъ спереди, въ видѣ открытой головы коня, а два, по сторонамъ, въ видѣ львиныхъ головъ. По стилю и отдѣлкѣ ваза можетъ быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ греческаго искусства, и есть единственный въ своемъ родѣ памятникъ скиѣзской древности¹. Подлѣ вазы стояла серебряная же большая плоская чаша, родъ блюда на поддонѣ, такой же работы, украшенная желобками и травнымъ узоромъ, съ двумя ручками, подъ коими изображены рельефно женскія фигуры. На ней лежала большая серебряная ложка съ рукоятью, украшенною на концѣ кабаньей головой.

Въ югозападномъ наугольномъ подземельѣ открыто на материкѣ два остова воиновъ, лежавшихъ рядомъ, головами къ западу и лицомъ къ главной гробницѣ. Одинъ, лежавшій справа, подлѣ сѣверной стѣны, былъ въ слѣдующемъ уборѣ: на шеѣ золотой обручъ съ изображеніемъ львовъ, по 6 на каждомъ концѣ; на кистяхъ рукъ золотые браслеты; на безымянныхъ пальцахъ по кольцу; около черепа лежали вокругъ рядомъ четыреугольныя бляшки съ изоб-

¹ Подробное ученое, въ высшей степени любопытное изслѣдованіе этой вазы и другихъ Чертомлыцкихъ памятниковъ греческаго искусства принадлежитъ академику Стефани. См. Отчетъ Имп. Археологической Коммиссіи за 1864 годъ. Достоуважаемый ученый причисляетъ эти памятники къ лучшему греческому стилю четвертаго столѣтія до Р. Х. Точно также и античныя вещи, найденныя въ Киевской губерніи по теченію рѣки Роси, см. выше стр. 252, онъ относитъ къ третьему и четвертому вѣку до Р. Х.

раженіемъ грифона, украшавшія вѣроятно головной покровъ; у лѣваго бедра находился мечъ съ рукоятью, открытою золотомъ съ грубыми изображеніями грифона и оленя; на ножнахъ былъ золотой наконечникъ. Какъ этотъ мечъ, такъ и найденные прежде, съ которыми онъ совершенно сходенъ, имѣли длины около 21 дюйма. На чреслахъ былъ найденъ бронзовый поясъ, состоявшій изъ набора бронзовыхъ пластинокъ. Видимо, что на этомъ поясѣ вѣроятно и висѣлъ упомянутый мечъ. Подлѣ меча найденъ ножикъ съ костяною рукоятью, а ниже его колчанъ бронзовыхъ стрѣлъ. Ноги, отъ колѣнъ до лодыжекъ, были покрыты бронзовыми латами, кованными изъ тонкаго листа, и потому совершенно перержавѣвшими. Съ лѣваго бока у остова лежало желѣзное копьѣ и такая же стрѣла (метательное копьѣ) съ желѣзными же наконечниками, находившимися у ногъ остова, такъ что длина этихъ оружій была около 3 арш. Еще дальше въ разстояніи $\frac{3}{4}$ арш. найдены еще три такихъ же копьѣ. Въ головахъ остова, съ лѣвой стороны, близъ черепа, лежала бронзовая чашка съ серебряными ручками и серебр. кувшинчикъ въ родѣ кубышки. За ними дальше былъ положенъ колчанъ стрѣлъ.

На другомъ остовѣ, лежавшемъ съ правой стороны отъ перваго, найдены: на шеѣ золотой обручъ съ рѣзнымъ изображеніемъ львовъ по концамъ; на правой рукѣ серебряный браслетъ и золотое кольцо на среднемъ пальцѣ; на чреслахъ такой же бронзовый наборный поясъ съ перержавѣвшими остатками ножа; у тазовой кости колчанъ стрѣлъ. Костей лѣвой руки до локтя не было.

Такимъ образомъ, хотя мы и не были счастливы по разслѣдованію главной гробницы, опустошенной давнишними искателями, можетъ быть еще въ незапамятныя времена, зато эти наугольные ея подземелья, остававшіяся нетронутыми, вполне вознаградили наши, совсѣмъ было потеряныя, надежды и ожиданія. Неимовѣрное множество открытыхъ вещей своимъ разнообразіемъ и значеніемъ даетъ весьма обильный фактической матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій о скиѣской древности, представляя или новые варианты относительно прежнихъ открытій, или совершенно новыя и доселѣ неизвѣстныя данныя. Особенно важно то, что значительная часть находокъ касается бытовой, домашней стороны этой древности. Виѣсть съ тѣмъ, эти подземелья съ открытыми въ нихъ сокровищами могутъ служить самымъ нагляднымъ подтвержденіемъ Геродотова сказанія о погребеніи скиѣскихъ царей (стр. 247) и стало быть доказательствомъ, полнымъ и несомнѣннымъ, что важнѣйшіе изъ Екатеринославскихъ кургановъ въ дѣйствительности есть памятники скиѣскіе.

Что касается до открытій, сдѣланныхъ въ то же время на верховьяхъ, подъ насыпью и въ самой насыпи кургана, то онѣ, хотя и не представили никакихъ важныхъ и цѣнныхъ находокъ, но все таки были любопытны по несомнѣнному отношенію ихъ къ обрядамъ и обыкновеніямъ, какими сопровождалось нѣкогда погребеніе скиѣскихъ царей. Дальше къ западу, за могилами царскихъ коней, въ 4 саж. отъ нихъ, найдено еще нѣсколько небольшихъ могилочъ, выкопанныхъ въ материковой глинѣ глубиною не болѣе 1½ арш., въ которыхъ открыты, подлѣ одного большаго остова, кости котораго находились въ безпорядкѣ. три остова младенческихъ, имѣвшихъ въ наличности только одну верхнюю часть корпуса, т. е. голову и грудь съ костями рукъ по локоть. Въ разстояніи одной сажени отъ этихъ могилочъ на С. З. на самомъ материкѣ лежали кости коня, о которомъ мы уже говорили выше. Затѣмъ, еще далѣе, подъ сѣверозападнымъ пластомъ огромныхъ камней курганнаго цоколя, по направленію отъ сѣвера къ югу, лежалъ слой конскихъ же костей и черепковъ отъ разбитыхъ глиняныхъ амфоръ. Слой этотъ шириною былъ въ 1½ арш., толщиною въ ¼ арш. и простирался сплошь на 7 саж. длины. Очевидно, это были слѣды справленной здѣсь тризны или поминокъ по покойникѣ. Вообще должно замѣтить, что западная мѣстность отъ главной гробницы и не только подъ насыпью кургана, но и дальше по степи, служитъ явнымъ свидѣтельствомъ, что здѣсь въ виду царя-покойника, лежавшаго безъ сомнѣнія сюда лицомъ, совершались въ его память тризны и погребались всѣ лица, почему либо ему близкіи. Кромѣ множества небольшихъ кургановъ, разсыянныхъ по степи съ этой стороны, должно упомянуть особенно о Долгой Могилѣ, находящейся въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ этого громаднаго кургана и, по всему вѣроятію, имѣющей къ нему зависимое отношеніе. Но не должно полагать, что и въ ней откроются такія же сокровища, какими былъ такъ богатъ главный курганъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, погребены рабы царя, быть можетъ тѣ, которые, по сказанію Геродота, насильственно погибли въ память царя, во время годовщины его поминовенія ¹.

Раскопка другихъ большихъ царскихъ кургановъ, каковы Толстыя Могилы: Козель, у селен. Новоалександровки и Цымбалова у сел. Большой Бѣлозерки (оба мѣста Мелитопольскаго уѣзда, Таврич. губ., на лѣвомъ берегу Днѣп-

¹ Составленное нами подробное описаніе произведенныхъ раскопокъ въ Скиѣскихъ курганахъ помѣщено въ изданіи И. Археологической Коммиссіи: Древности Геродотовой Скиѣи, Выпускъ II, Сиб. 1872. При томъ же изданіи въ обоихъ выпускахъ находятся планы Могилъ и рисунки Скиѣскихъ вещей.

ра), не представивъ особенно богатыхъ находокъ, по той причинѣ, что могилы были уже обысканы въ давнее время, обнаруживала только повторительныя указанія на способъ и порядки скиѣскаго погребенія и даже на одинаковость найденныхъ вещей. Такъ Могила Козель, по своему устройству, оказалась совсѣмъ сходною съ Чертомлыцкою Могилою. Сходство это относительно вещей изъ конскаго убора простиралось до того, что найденные предметы были какъ бы одной и той же фабрикаціи съ Чертомлыцкими. Тоже отчасти можно сказать и о Могилахъ Цымбаловой, гдѣ очень любопытное видоизмѣненіе найдено лишь въ головномъ уборѣ двухъ коней, а устройство погребальныхъ комнатъ оказалось сходнымъ съ ихъ устройствомъ въ курганахъ средней величины.

Не смотря на то, изслѣдователя всегда ожидаетъ болѣе счастливая жатва во множествѣ кургановъ первой и второй величины, разсѣянныхъ повсюду въ скиѣскихъ степяхъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ могилы Козель, вблизи селенія Большая Сирагозы существуетъ курганъ не меньше Чертомлыцкаго, называемый Агузъ. Къ сожалѣнію предполагаемое нами его разслѣдованіе не могло состояться по той причинѣ, что степь вокругъ него занята пашнею, которую крестьяне не рѣшались уступить иначе, какъ только за очень дорогую цѣну. На дорогѣ къ этимъ Сирагозамъ отъ сел. Большой Знаменки, верстахъ въ 10 отъ послѣдней, находится большая могила—Мамайсурка. На лѣвомъ же берегу Днѣпра надъ сел. Каховкою на высокой степи тоже стоитъ весьма значительный курганъ. Равнымъ образомъ и по правому берегу Запорожскаго Днѣпра есть также весьма значительныя курганы. Рѣже они встрѣчаются въ низменной Херсонской степи.

Разслѣдованіе Скиѣскихъ могилъ, сколько оно совпадало съ нашими наблюденіями, обозначило по нашему мнѣнію слѣдующія общія черты въ исторіи степнаго населенія. Древнѣйшіе обитатели степей повидимому были народъ-пастырь въ собственномъ или въ библейскомъ смыслѣ, не отличавшійся военными, наѣздническими нравами и жившій еще въ эпоху такъ называемаго каменнаго и бронзоваго вѣка, на что указываютъ каменные орудія и бронзовые копья, которыя не имѣютъ даже трубокъ и потому не насаживались на древко посредствомъ такой тулеи, а повидимому всаживались въ древко нижнимъ острымъ концомъ, какъ ножикъ или гвоздь, словомъ сказать прикрѣплялись къ древку тѣмъ же способомъ, какъ прикрѣплялись и каменные копья. Были находимы даже и удила бронзовые, но и такія вещи встрѣчаются въ могилахъ изрѣдка, несомнѣнно по той причинѣ, что въ быту народа военное дѣло не было господствующимъ. Чаще всего возлѣ костей покойника и боль-

ше всего въ головахъ стоятъ одинъ только простой глиняный горшокъ.

Эти горшки однако имѣютъ весьма разнообразную форму, начиная отъ простой чашки и доходя до кувшина или малороссійскаго глечика. Обыкновенная форма очень сходна съ малороссійскою же мокирою. Въ иныхъ случаяхъ горшки украшены незатѣйливою рѣзбою въ видѣ городковъ или угловъ, простыхъ черточекъ и точекъ и т. п. Материалъ, изъ котораго дѣлались эти горшки, тоже весьма различенъ: иногда онъ очень грубъ, иногда обработанъ чисто и тонко изъ лучшей глины.

Примѣчено также, что кромѣ какъ бы необходимаго горшка не малое значеніе въ погребеніи имѣла и обыкновенная Днѣпровская раковина. Несомнѣнно, это былъ какой либо амулетъ. Нерѣдко у костей покойника находили комки какихъ-то красокъ. Мы упомянули, что это могли быть металлическія вещи, отъ которыхъ осталась только одна окись металла. Но ни разу не случилось найти эти комки въ формѣ какого либо орудія или другой какой вещи, что необходимо должно бы встрѣтиться, ибо и совсѣмъ окислившаяся отъ времени вещь все-таки оставила бы слѣды своей первоначальной формы. Въ одной могилѣ напротивъ того найденъ комокъ краснаго бакана въ видѣ тщательно выглаженнаго кружка, похожаго на округленный кусокъ мыла. Такимъ образомъ до новыхъ изслѣдованій эти комки красокъ остаются предметомъ необъяснимымъ. Сверхъ того тѣ же могилы отличаются отъ другихъ изобиліемъ костей рогатаго скота, по преимуществу коровьихъ, и бѣдностью, а чаще всего совершеннымъ отсутствіемъ костей лошадиныхъ, что совсѣмъ противоположно могиламъ болѣе поздняго времени.

Повидимому лошадь тогда явилась неизмѣннымъ товарищемъ человѣка, когда посредствомъ желѣзныхъ удилъ явилась полная возможность ее покорить.

Вотъ эта другая эпоха въ исторіи нашихъ степей очень рѣзко обозначаетъ себя могилами, въ которыхъ погребеніе человѣка совершается неразлучно съ погребеніемъ его коня.

Если, какъ мы видѣли, въ древнѣйшихъ могилахъ у костей покойника обыкновенно лежатъ кости рогатой скотины, ноги и челюсти, то у позднѣйшаго обитателя степи точно также рядомъ съ его костями лежатъ кости его степнаго товарища—коня. Такъ въ одномъ курганѣ древняго происхожденія (у Краснунтской Толстой Могилы) въ вершинѣ его насыпи найденъ мертвякъ болѣе поздняго времени въ слѣдующемъ порядкѣ погребенія: у лѣваго его бока были положены черепъ и большія кости отъ ногъ молодаго коня, такъ что лѣвою челюстью голова коня насалась лѣвой щеки

покойника. У правой челюсти коня лежали крестъ-на-крестъ малыя кости конскихъ переднихъ ногъ; въ мордѣ находились желѣзные удила; далѣе, у лѣвой ноги человѣч. остова лежало истлѣвшее сѣдло, безъ всякихъ украшеній, обтянутое по краямъ только берестой, а подъ сѣдломъ лежали мелкія заднія ножныя кости коня. Между черепомъ коня и сѣдломъ была протянута правая руна покойника. Очевидно, что мясо лошади было съѣдено на похоронахъ, и покойнику положены только тѣ части, какія не пошли въ употребленіе живымъ людямъ. Такъ справлялось погребеніе бѣдныхъ степныхъ наѣздниковъ. Но и богатые изъ нихъ точно также всегда ложились въ одной могилѣ съ своими конями.

Наѣздническій степной бытъ въ своемъ могуществѣ и непомѣрномъ богатствѣ особенно сильно выразился въ могилахъ, которыя несомнѣнно должно относить къ Геродотовскимъ Скиадамъ. Однѣ изъ этихъ могилъ, самыя огромныя, конечно, принадлежатъ царямъ; другія—средней величины, судя по обстановкѣ погребенія, могли принадлежать знатымъ скиадамъ, старѣйшинамъ, воеводамъ или по нашимъ понятіямъ боярамъ. Такимъ образомъ, посредствомъ этихъ могилъ мы знакомимся съ верхнимъ слоемъ Скиадакаго наѣздническаго народа.

Совокупивъ въ одно открытыя доселѣ вещи: въ Керченской гробницѣ¹, въ Луговой Могилѣ и при нашихъ раскопкахъ, здѣсь описанныхъ, можно составить довольно подробное понятіе покрайней мѣрѣ о вѣдѣнной сторонѣ Скиадакаго быта, которая своими вещами и различными еще не совсѣмъ объяснимыми памятниками послужить вообще самою вѣрной живописью въ лицахъ къ разсказамъ Геродота.

Благодаря греческому искусству, здѣсь Скиады изображены въ такомъ изящномъ рисункѣ, что живая правда ихъ быта возникаетъ передъ зрителемъ именно только въ художественномъ, какъ бы повѣстическомъ образѣ, не одѣтая, подобно нашимъ иконописнымъ изображеніямъ нашихъ древнихъ предковъ, въ условныя черты, хотя и благочестивой, но весьма односторонней и совсѣмъ безжизненной, можно сказать истуканной обрисовки фигуръ, житейскихъ положеній и отношеній.

Здѣсь каждая черта стремится выразить дѣйствительную жизнь, но не омертвѣвшую форму, въ какой жизнь представлялась благочестивому воображенію и помышленію иконо-

¹ Случайно открытой еще въ 1890 году, въ горѣ Кул—Оба (Земля пепла). Скиадакаго погребеніе подъ Керчью (древн. Пантикапея), вблизи богатаго греческаго города, совершилось по греческому обычаю въ особомъ устроенномъ каменномъ склепѣ, а не въ подземныхъ пещерахъ, какъ въ степи. Однако вся обстановка погребенія и его расположеніе были такія же, какъ и въ степныхъ курганахъ. См. Ашика: Воспорское Царство II, § 25.

писца. Вотъ по какой причинѣ Скивъ 4-го вѣка до Р. Х. является передъ нами болѣе живымъ лицомъ, чѣмъ намъ предлоъ 17 столѣтїа.

Благодаря греческому искусству, мы, въ открытыхъ Скивскихъ памятникахъ, видимъ Скивовъ въ различныхъ минуты ихъ жизни. Покоренїе дикаго коня, изображенное на Чертомлыцкой вазѣ и описанное выше, раскрываетъ передъ нами ихъ обычное степное дѣло. На золотой небольшой вазѣ (братинѣ) Кулобской гробницы Скивы изображены въ дѣлахъ домашнихъ. На небольшомъ стульцѣ сидитъ по видимому царь съ царскою повязкою на головѣ и съ коньсь въ рукѣ, которое, какъ бы слушая и размышляя, приложилъ ко лбу, а нижнимъ концомъ опирается въ землю. Передъ нимъ сидитъ по степному, поджавъ колѣна, Скивъ въ своемъ башлыкѣ, опираясь въ землю тоже коньсь, и что-то рассказываетъ царю. Позади другой Скивъ старается натянуть тетиву на свой лукъ. Послѣ изображеннаго разговора, это по видимому сборы къ войнѣ. Затѣмъ слѣдуетъ группа изъ двухъ Скивовъ: одинъ щупаетъ пальцемъ зубъ у другаго, который отъ боли крѣпко схватилъ щупающую руку своего врача. Дальше, другой Скивъ въ башлыкѣ, перевязываетъ рану на ногѣ, вѣроятно у тогоже больного Скива. На особыхъ золотыхъ блюдахъ, найденныхъ въ той же Кулобской гробницѣ, изображены Скивы въ своихъ богатырскихъ поѣздахъ, быстро скачущими на конѣ и какъ бы бросающими свои метательныя копьа.

Скивская одежда была именно одежда лихаго наѣздника. Они носили очень короткїй каѣтанъ, доходившїй только до половины бедра; запахивали его пола-на-полу и очень крѣпко подпоясывались поясомъ, ремненнымъ или состоявшимъ изъ бронзовыхъ пластинокъ, собранныхъ на ремнѣ въ чешую, другъ на друга. Ширина такого пояса не была больше вершка. Переднїа полы каѣтана кроились косяками въ родѣ фалды длиннѣе одежды. По бокамъ какъ и у Русскихъ одеждъ дѣлались прорѣхи. Рукава были обыкновенныя и не широкїе. Такїе каѣтаны были холодныя и теплыя; послѣднїе по видимому опушались по вороту и по поламъ мѣхомъ. Воротника у каѣтана не было и только опушка около шеи дѣлалась нѣсколько полнѣе и широко отворачивалась на спину. Непримѣтно, чтобы подъ этимъ каѣтаномъ Скивы, по крайней мѣрѣ простолюдины, носили еще рубашку. Кажется въ томъ же каѣтанѣ числилась и рубашка. Но рубашка у нихъ существовала. Въ ней изображены наѣздики. Она только пряталась по малороссїйски въ широчайшїа шаровары. На Чертомлыцкихъ изображенїяхъ эти шаровары являются не столько полными и походять вообще на штаны. Скивская обувь состояла изъ короткихъ сапожковъ, которые по лодыжкамъ, а иногда и черезъ подъ-

емъ перевязывались ремнемъ. Въ эти сапожки опускались и шаровары, для чего быть можетъ и необходима была упомянутая перевязка лодыжекъ. Шаровары при перевязкѣ выпускались поверхъ сапожковъ до подъема и потому представлялись какъ бы штанами, носимыми сверхъ сапогъ. У царей и богатыхъ Скиеовъ, и кафтанъ, и особенно штаны покрывались по ткани золотыми бляшками различной величины и формы, которые посредствомъ скважинъ пришивались къ ткани и украшали одежду въ видѣ каемъ, круживъ по спинѣ и по подолу и разныхъ узоровъ, смотря по скиескому вкусу. На штанахъ изъ такихъ украшеній протягивались напр. лампасы. Сверхъ того фонъ или поле ткани испещрялось мелкими золотыми пуговками величиною въ $\frac{1}{8}$ вершка, которыя также пришивались посредствомъ ушковъ. Все это объясняетъ, для чего было надобно такое множество разныхъ бляшекъ и пуговокъ, какое открыто напр. въ одномъ только Чертомлыцкомъ курганѣ. Надо сказать, что такой способъ украшенія одеждъ металлическими, по преимуществу золотыми бляхами былъ въ особенномъ употребленіи и у древнихъ грековъ и вѣроятно принадлежалъ всѣмъ богатымъ народамъ древности. Онъ можетъ доказывать, что въ это отдаленное время (4 или 5 вв. до Р. Х.) золотныя ткани, парчи, еще не существовали или не были въ употребленіи. Покрайней мѣрѣ въ Скиескихъ могилахъ не найдено ихъ признака.

Скиевъ волосъ не стригли и носили ихъ распущенными по плечамъ, зачесывая или приглаживая всю ихъ массу назадъ къ затылку. Кромѣ того иные напередѣ носили кокъ или хохоль, другіе этотъ перѣдъ подстригали скобою. Всѣ они были бородачи. На Чертомлыцкой вазѣ показаны и безбородые, но повидимому, это юноши. Башлыкъ покрывалъ волоса только до плечъ; изъ подъ него косма волосъ опускалась по спинѣ. Башлыкъ точно также украшался нашивными золотыми бляшками и пуговками, а спереди пластинами въ родѣ ленты или въ родѣ обручиковъ, къ которымъ прикрѣплялись особыя пуговицы висюльками. Цари безъ башлыка носили золотыя ленточныя перевязки въ родѣ вѣнчиковъ, которые у насъ теперь кладутъ на покойниковъ и которые несомнѣнно очень древняго происхожденія и обозначали въ собственномъ смыслѣ царскій вѣнецъ.

На шеѣ, и цари, и царицы и ихъ слуги, какъ вѣроятно и всѣ знатныя скиевы, носили гривны, то есть обручи, золотые литые, въ полфунта или въ фунтъ вѣсомъ, а у меньшихъ людей — легкіе бронзовые, концы которыхъ украшались изображениями львовъ, грифовъ, сонисковъ, самыхъ скиеовъ и т. п. На рукахъ у кистей и даже выше локтя носились браслеты, что даетъ поводъ предполагать, что руки въ иныхъ случаяхъ не покрывались одеждою.

Вооруженіе скиѣа заключалось въ короткомъ прямомъ мечѣ, длиною 12—15 вершк. въ томъ числѣ рукоятъ въ 3 вер. У царя Кулобской гробницы великолѣпный мечъ имѣлъ длины 17½ вершк. Но главное были стрѣлы. Повидимому скиѣа никогда не покидалъ своего саадака, т. е. налуча или футляра для лука (съ тетивою въ аршинъ длины) и колчана съ стрѣлами. Съ саадакомъ, который всегда висѣлъ на поясѣ, опускаясь по лѣвому бедру, скиѣа дѣлаетъ судя по изображеніямъ, всякія дѣла и дома, и въ степи. Кромѣ того онъ имѣлъ два копья, одно метательное въ видѣ стрѣлы длиною аршина въ полтора и больше; другое обыкновенное въ ростъ человѣка и больше.

Нѣкоторые Скиѣи носили и броню, состоявшую изъ желѣзныхъ квадратныхъ или продолговатыхъ пластинокъ величиною около вершка, съ сѣважинами по краямъ, посредствомъ которыхъ эти пластинки нашивались на особую сорочку или нагтанъ такимъ способомъ, что они покрывали другъ друга и составляли какъ бы желѣзную чешую на одеждѣ. Быть можетъ такая скръпя пластинокъ устраивалась и посредствомъ желѣзной проволоки и вся броня такимъ образомъ составляла одну желѣзную сорочку. Кромѣ того иные надѣвали также и греческія кнемиды, бронзовыя латы на голени ногъ, наголенки или бутурлики, какъ такія же поножи назывались у насъ въ 17 стол. Но видимо, что эти вещи не были еще въ общемъ употребленіи, иначе онѣ встрѣчались бы въ каждой могилѣ, между тѣмъ они попадаются изрѣдка.

Видимо, что Скиѣа любилъ своего коня, какъ лучшаго друга, и потому убиралъ его съ такимъ же богатствомъ и великолѣпіемъ, какъ самого себя. Конскій уборъ сосредоточивался главнымъ образомъ только въ уздечномъ приборѣ, который состоялъ изъ круглыхъ большихъ и малыхъ бляхъ, украшавшихъ связки узды и оголови; изъ наносника въ видѣ конской же или грифовой и другой подобной головки; изъ большихъ бляхъ, покрывавшихъ щеки, въ видѣ змѣй, или подобныхъ фигуръ. Кромѣ того въ иныхъ случаяхъ особыми большими пластинами или бляхами длиною 9½ в. покрывалось переносье и лобная часть головы коня. Такія золотыя пластины были открыты на коняхъ въ Могилѣ Цымбалкѣ. На одной изъ нихъ изображена сирена—полуженщина съ змѣиными хвостами, держащая въ рукахъ тоже змѣй съ львиными головами. По весьма вѣроятному объясненію г. Герца, это изображеніе должно обозначать Персидскую Артемиду, которая можетъ обозначать и скиѣскую Артимпасу.

Скиѣскія сѣдла были очень просты, безъ выгиба къ лугамъ и походили больше на простой подкладъ подъ сѣденье. Быть можетъ по этой причинѣ они украшались срав-

нительно съ уздою безъ особой роскоши. У царскихъ коней они обивались гладкими золотыми пластинами въ родѣ лентъ съ вырѣзами только на переднихъ пластинахъ. Стремянъ вовсе не было. О подковахъ также не слѣдуетъ и помянуть.

Сверхъ всего описаннаго убора на шеѣ коня въ иныхъ случаяхъ попадаются длинныя желѣзныя цѣпочки съ бляхами въ видѣ полумѣсяца, съ привѣсками изъ бубенчиковъ и колокольчиковъ. Все это составляло родъ нашихъ гремичихъ цѣпей, употреблявшихся въ конскомъ уборѣ въ 17 столѣтїи.

Домашній бытъ Скиевъ конечно сосредоточивался около его котла, въ которомъ онъ варилъ свою пищу. Такіе котлы, по ихъ формѣ мы называли вазами. Они состоятъ собственно изъ большой кубовастой чаши на высокому поддонѣ или стоянцѣ въ родѣ ножи. Этотъ поваренный сосудъ какъ нельзя больше согласовался съ степными порядками быта. Его ставили на землю и разводили подъ нимъ огонь, чему очень способствовалъ высокій стоянецъ-поддонъ котла, оставлявшій достаточно мѣста для дровъ и другаго горючаго матеріала. Найденные котлы всѣ были болѣе или менѣе сильно закопчены съ нижней части и сохраняли въ себѣ лошадиныя или бараньи кости.

Для отрѣзыванья мяса у каждаго Скиевъ былъ свой небольшой ножикъ съ костяною ручкою. Для натачиванья ножа употреблялось особое точило или мусать въ видѣ круглой небольшой палочки. Живя подлѣ грековъ и сносясь съ ними безпрестанно, Скиевскіе цари очень были богаты разнообразною посудю, по преимуществу греческой работы: бронзовыми и серебряными чашами, блюдами, тореями, ведерцами и т. п. такими же ложками и разными другими предметами домашняго обихода. Вино хранилось въ греческихъ же большихъ глиняныхъ амфорахъ. Рѣже встрѣчаются греческіе глиняные глазурованные или поливные росписные сосуды.

Отмѣтимъ, что любимымъ питейнымъ сосудомъ Скиевовъ была братина, очень сходная формою съ нашею древнею братиною, и рогъ, тоже любимый сосудъ Славянъ и на нашемъ югѣ, и на Славянскомъ сѣверѣ, на Балтійскомъ Поморьѣ. Братина правилась Скиевамъ быть можетъ по той причинѣ, что кубовастою круглою формою напоминала человѣческой черепъ, изъ котораго они тоже пивали вино, особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Рогъ употреблялся у всѣхъ варварскихъ народовъ, а также и у самыхъ грековъ и это доказываетъ только древность его происхожденія, какъ и то, что Русскими онъ не былъ заимствованъ напр. у Норманновъ, а развѣ на оборотъ, къ Норманнамъ попалъ отъ Славянъ.

Скиескія Могилы, какъ видѣли, не только раскрыли намъ погребеніе скиескихъ царицъ, но и сохранили ихъ изображенія. Эти изображенія во многомъ напоминаютъ Русскую старину даже 17 стол. Головной шелковый пурпурнаго цвѣта покровъ самой царицы былъ украшенъ каймою изъ золотыхъ четырехугольныхъ бляшекъ въ $\frac{1}{8}$ вершка величиною, на которыхъ на всѣхъ представлена она же царица сидящая прямо передъ зрителемъ въ головной уборъ очень похожемъ на Русскіе женскіе уборы въ родѣ каптура-треуха или убруса, закрывавшаго кругомъ всю голову до плечъ, кромѣ лица. Въ такомъ же уборѣ изображена, какъ должно полагать Скиеская крылатая богиня Артимпаса-Артемиды Уранія ¹. На ней кромѣ убруса, облекающаго вокругъ открытаго лица всю голову, надѣта еще не высокая шапочка. Съ правой стороны у царицы стоитъ мальчикъ въ скиеской одеждѣ, повидимому съ зеркаломъ въ рукѣ. На другомъ изображеніи Скиеской царицы, она представлена сидящею на столѣцѣ въ длинной одеждѣ съ длинными рукавами, очень похожей на Русскій женскій опашень или телогрѣю. На головѣ уборъ въ родѣ обыкновеннаго русскаго кокошника, въ которомъ ходятъ кормилицы, накрытаго покровомъ, опускающимся на плечи подъ верхнюю одежду. Вторая одежда похожа на русскую женскую сорочку (въ собственномъ смыслѣ платьѣ), при которой носили поясъ. И на Скиеской царицѣ этотъ поясъ довольно ясно обозначаетъ ея талію. Въ лѣвой рукѣ царица держитъ круглое зеркало. При ней и въ могилахъ найдено у правой руки бронзовое точно такое зеркало съ костяною рукоятью, и другое такое же, въ особой подземной комнатѣ, гдѣ хранились одежды. Подобныя зеркала употреблялись обыкновенно греческими женщинами и несомнѣнно, что и въ Скиюю они попали отъ Грековъ. Предъ царицею стоитъ скиескій мальчикъ, быть можетъ ея сынъ, пьющій, конечно, вино изъ рога.

Остальной уборъ царицы описанъ выше. Примѣтимъ только, что въ ухахъ у ней были серьги, состоявшія изъ колецъ съ семью подвѣсками каждое. Это число семь невольно заставляють припомнить серьги нашихъ позднѣйшихъ кургановъ, найденныя однажды даже въ самой Москвѣ, въ Кремлѣ (на мѣстѣ теперешней Оружейной Палаты), у которыхъ неизмѣнно всегда существуетъ у кольца семь лепестковъ, замѣнявшихъ подвѣски. Необходимо предполагать, что это число символическое и что либо значило въ вѣрованіяхъ не однихъ Скиевъ, но и у всего населенія нашей страны.

¹ Древности Геродотовой Скииѣ, Вып. 1. Атласъ рис. 1.

Великое множество вещей, открытых въ Скиѣскихъ могиллахъ, представляетъ предметы, по большой части пока еще необъяснимые, но рисующіе скиѣскій бытъ со всѣхъ сторонъ. Можно догадываться, что многія изображенія касаются и Скиѣскихъ вѣрованій, хотя вся эта изобразительная сторона Скиѣскаго быта находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ художниковъ, переносившихъ и въ Скиѣю свои же мифическіе образы. Однако видимо, что греческіе художники въ своихъ греческихъ изображеніяхъ старались выразить собственно Скиѣскія вѣрованія, требующія теперь только внимательнаго изученія. Къ числу религиозныхъ изображеній можно относить безпрестанно встрѣчающіяся фигуры грифозъ, крылатыхъ львовъ, крылатыхъ драконовъ, сонисковъ, оленя, быка, птицъ, кабановъ. Подобныя изображенія именно львы, грифы, драконы, птицы, служили навершиями или къ древкамъ знаменъ или къ столбикамъ погребальныхъ царскихъ колесницъ. Кромѣ того встрѣчались обдѣланныя въ золото медвѣжьи когти, какіе находятъ и въ нашихъ курганахъ, также раковины, называемыя змѣиными головками, потомъ челюсти какаго то небольшого животного, навязанныя на нитку, какъ и упомянутыя раковины.

Само собою разумѣется, что наибольшая часть вещей принадлежитъ къ греческимъ издѣліямъ различнаго достоинства, начиная съ очень изящныхъ, въ полномъ смыслѣ художественныхъ произведеній, и оканчивая работою поденнаго ремесла. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало вещей по работѣ принадлежитъ и собственнымъ скиѣскимъ или вообще варварскимъ рукамъ, которыя посредствомъ чеканки и рѣзбы изображали не только различные узоры и травы, но и фигуры животныхъ и даже фигуры людей, конечно, больше всего по греческимъ же образцамъ. Это обстоятельство имѣетъ большую цѣну для исторіи варварскихъ племенъ, населявшихъ наши южные края. Примѣчательно также, что на скиѣскихъ издѣліяхъ, относимыхъ съ греческими вещами къ 4 вѣку до Р. Х., а быть можетъ и ранѣе, мы находимъ форму травчатого узора и каемочнаго бордюрнаго украшенія, очень извѣстную въ нашихъ русскихъ украшенияхъ, на вещахъ и въ рукописяхъ, которая употреблялась, конечно, и на византійскихъ памятникахъ, какъ наследство отъ искусства античныхъ вѣковъ¹. Эти любимыя русскія формы могли дѣйствительно придти къ намъ изъ Византіи, но могли существовать въ нашей странѣ, какъ показываютъ скиѣскія издѣлія, и въ то еще время, когда не существовало и самой Византіи, какъ особаго Новоримскаго государства.

¹ Древности Геродотовой Скиѣи, атласъ, листъ XXII, рисунокъ 9; листъ XXXVIII, рисун. 16.

Stanford University Libraries

3 6105 013 541 854

DK
71
Z2
V.1

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

--	--	--